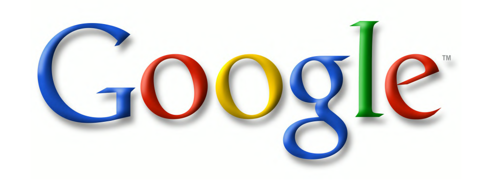

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
1882.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

(3) 9

КНИГА IX.

5

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О печальномъ положеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, при военномъ госпиталѣ, были открыты врачебные курсы для женщинъ. Сотни слушательницъ устремились къ новому источнику знанія, чтобы пріобрѣсти новыя средства для честнаго труда, для достойнаго служенія народу. Профессора удивлялись добросовѣстности слушательницъ, которыя преодолѣвали всѣ трудности науки, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, нерѣдко при горькой нуждѣ, граничившей съ голодомъ. Правительство оцѣнило благородныя и долгія усилія учащихся женщинъ и дало имъ, наконецъ, права, соотвѣтствующія ихъ знаніямъ. Одинъ изъ ужасающихъ недостатковъ нашего общественнаго строя—отсутствіе во многихъ мѣстностяхъ всякой врачебной помощи для народа—началъ сравнительно быстро устраняться. Земства и другія учрежденія, приглашавшія на службу женщинъ - врачей, постоянно убѣждались и въ подготовленности, и въ высокой добросовѣстности этихъ женщинъ. Во время послѣдней войны русская женщина обнаружила по-истинѣ чудеса самоотверженія, къ которому, благодаря врачебнымъ курсамъ, присоединялось и серьезное знаніе, удесятерявшее плодотворность этого самоотверженія.

Въ настоящее время курсы при военномъ Николаевскомъ госпиталѣ закрываются. Петербургская городская дума приняла ихъ въ свое завѣдываніе; но покуда нѣтъ учрежденія, нѣтъ больницы, при которой эти курсы могли бы пріютиться...

Въ ряду печальныхъ явленій, которыми богата современная русская жизнь, безпріютность врачебныхъ курсовъ, готовившихъ врачей для народа, изнемогающаго подъ бременемъ болѣзней,

займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Лицемѣры изъявляютъ радость, утверждая, что занятіе женщинъ медицинскими науками разрушало ихъ нравственность, отвлекало отъ семьи. Но вотъ что говорилось давно, очень давно, по поводу этого же самаго вопроса. Въ 1707 году одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ врачей Франціи, Филиппъ Экке (Hecquet), напечаталъ сочиненіе о неприличіи *мужчинамъ* быть акушерами. Экке съ жаромъ и основательностью защищалъ акушерокъ. Въ наше время въ подобной защитѣ нуждаются не акушерки, а женщины-врачи, потому что если уже говорить о внѣшнемъ соблюденіи нравственности, то она только выиграетъ отъ того, что женщинъ будутъ лѣчить женщины.

И дѣйствительно, только боящееся свѣта лицемѣріе, только та *святая простота*, которая побуждала добрую старушку принести и свое полѣно въ костеръ мученика Гуса, могутъ, закрывая глаза на вопіющія нужды общества, требовать окончательнаго уничтоженія высшихъ врачебныхъ курсовъ для женщинъ.

Поддержать прекрасное погибающее дѣло — въ рукахъ общества. Петербургскія медицинскія газеты открыли подписку въ пользу женскихъ курсовъ. Редакція *Русской Мысли* обратилась къ власти за разрѣшеніемъ открыть подобную же подписку при журналѣ. Всякій честный человѣкъ, знающій народныя нужды, преданный дѣлу просвѣщенія на Руси, не можетъ не удѣлить хоть маленькой доли своего заработка или излишка, чтобы создать пріютъ для одного изъ полезнѣйшихъ образовательныхъ учрежденій.

Ред.

Отрывки изъ дневника бывалаго человѣка.

Намъ совершенно случайно попались въ руки записки бывалаго человѣка. Не находя удобнымъ и любопытнымъ печатать ихъ полностью, мы рѣшили познакомить читателей съ частью этихъ «записокъ», именно тою, гдѣ злополучный авторъ ихъ разсказываетъ про свое житье-бытье въ «мѣстахъ отдаленныхъ». «Отрывки» начинаются съ того момента, когда авторъ, пробывъ уже полтора года въ каторжныхъ работахъ, сидя въ тюрьмѣ, переходитъ въ разрядъ «исправляющихся», т.-е. каторжниковъ же но проживающихъ на волѣ, близъ тюрьмы. Сдѣлавъ это необходимое объясненіе, предоставимъ дальнѣйшій разсказъ самому автору.

... Зная, что переводъ мой изъ разряда испытуемыхъ въ другой, слѣдовательно и избавленіе отъ тюрьмы, въ значительной степени зависитъ отъ моего непосредственнаго начальства—тюремнаго смотрителя, я эти полтора года работалъ у него въ канцеляріи какъ волъ, разсчитывая, что при отсутствіи за мной такихъ художествъ, какъ торговля въ тюрьмѣ, карты и прочее, усердіе мое обратитъ же его вниманіе и заставитъ его постараться облегчить мою участь. Разсчетъ оказался вѣренъ. Придя однажды въ обычное время въ контору, гдѣ онъ только подписывалъ приготовленныя нами за день текущую переписку и отчетность, онъ обратился ко мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, съ рѣчью, въ которой, похваливъ мою работу и поведеніе, приказалъ *мнѣ же* написать представленіе въ управленіе о перечисленіи меня въ разрядъ исправляющихся. Несмотря на то, что распоряженіе объ этомъ ожидалось мною давно, оно такъ на меня подѣйствовало, что я буквально не могъ самъ написать *свою* бумагу и попро-

силъ другаго писаря. Нечего и говорить, что два дня, протекші до полученія бумаги изъ управленія, были полны для меня са мыхъ невыразимыхъ нравственныхъ страданій: «а, ну, какъ отка жутъ?»... Такихъ отказовъ и на моей памяти бывало не мало пр теперешнемъ нашемъ завѣдующемъ*), который, зная насквозь бол шинство своихъ подчиненныхъ, очень часто ловилъ ихъ при та кихъ представленіяхъ на взяткахъ съ достаточныхъ арестантовъ Но вотъ сомнѣнія кончены, мнѣ объявили, что, по распоряжені управленія, я зачисленъ въ штатъ пересыльной тюрьмы съ на значеніемъ работать въ самомъ управленіи, которое тамъ и на ходится и гдѣ громадное большинство служащихъ — каторжные Хотя работы тамъ и очень много, но все-таки я встрѣтилъ эт вѣсть съ восторгомъ: перспектива имѣть нѣсколько часовъ в день свободныхъ отгоняла мысль о непосильномъ подчасъ трудѣ Нужно было сейчасъ же озаботиться о пріисканіи жилища, так какъ жилья исправляющимся не полагается отъ казны. Забравш пожитки, которые всѣ вмѣстѣ составляли небольшой узелокъ, отправился *одинъ*, *безъ конвоя*, на новое мѣсто своего назначе нія, на «Нижній промыселъ», отстоящій отъ нашего «Средняго на 5 верстъ, ниже по Карѣ. Занесши вещи къ одному знак мому ссыльному, ранѣе меня выпущенному изъ тюрьмы, я пр нялся рыскать по промыслу и прилегающей къ нему слобод «Юрдовкѣ», съ цѣлью отыскать хотя какое-нибудь пристанищ Осуществить это оказалось весьма трудно; въ Юрдовкѣ, правд я нашелъ двѣ крохотныхъ комнатки, въ покривившейся отъ вр мени избѣ, но по цѣнѣ онѣ оказались для меня недоступным ибо платить за нихъ 15 руб. въ мѣсяцъ рѣшительно не въ с стояніи; но за то здѣсь же узналъ, что на другомъ концѣ пр мысла, у лазарета, вдова умершаго недавно ссыльнаго продает свой домишко за дешевую цѣну, желая скорѣе выѣхать съ Кар Домишко оказался маленькою мазанкой, съ двумя крошечны окошечками и дверью, до такой степени миніатюрной, что она превышала въ вышину отъ порога (очень высокаго) до вер полутора аршинъ, что при моемъ, выше средняго, ростѣ дѣла входъ внутрь очень затруднительнымъ. По тщательномъ осмотр стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались сгнившими настольк что воздухъ извнѣ проходилъ довольно свободно; полы так гнилые, а соломы на крышѣ осталось менѣе $^1/_3$ требуемаго в

*) „Завѣдующимъ“ называютъ главнаго начальника надъ каторжными, Карѣ, въ Восточной Сибири.

личества. При этомъ домикѣ двора не было, но былъ за то огородъ, правда, запущенный и теперь заросшій сорною травой, но довольно большой, около ½ десятины. Какъ ни плохъ домикъ, но приходилось его купить, и послѣ нескончаемыхъ разговоровъ я очутился домохозяиномъ на Карійскихъ промыслахъ, уплативъ владѣлицѣ его 15 рублей... Сумма эта, какъ видите, въ обыденной жизни ничтожная, для каторжныхъ—въ нѣкоторомъ родѣ капиталъ, требующій, можетъ-быть, года бережливости и усиленныхъ трудовъ. Въ домикѣ мнѣ понравилось, главное, что онъ стоитъ особнякомъ и что при немъ есть огородъ, могущій быть большимъ подспорьемъ въ болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ ссыльнаго. Кстати объ огородахъ. Занятіе огородничествомъ здѣсь очень выгодно, такъ какъ есть всегда обезпеченный сбытъ въ казну овощей, какъ капуста, лукъ и картофель, который, напримѣръ, доходитъ до рубля и болѣе за пудъ; судя же по размѣрамъ моего новопріобрѣтеннаго огорода, я могъ, засѣя его весь, собрать для продажи болѣе ста пудовъ, оставивъ необходимое количество для себя и на сѣмена.

Покончивъ съ хозяйкой, я кое-какъ упросилъ пріятеля, у котораго оставались мои вещи, пріютить и меня на нѣсколько дней, такъ какъ до переѣзда необходимо было хотя сколько-нибудь исправить будущее мое жилище и присмотрѣть за этою работой; мнѣ же самому это было невозможно: служба моя въ управленіи начиналась уже назавтра съ 7 часовъ утра и должна продолжаться ежедневно до 7—8 часовъ вечера.

Занятія мои на «новосельѣ» мало чѣмъ отличались отъ моихъ прежнихъ занятій въ тюремной канцеляріи: тѣ же нескончаемыя цифры, та же видимая безтолковость во всемъ, та же грязная обстановка... И здѣсь, какъ и у насъ въ тюрьмѣ, ссыльные составляли преобладающій элементъ; на всю канцелярію было только два чиновника—помощникъ завѣдующаго, нѣкто коллежскій совѣтникъ С—о, бывшій учитель уѣзднаго училища, второй человѣкъ на каторгѣ послѣ завѣдующаго, да бухгалтеръ П—нъ, изъ дѣтей горнаго урядника. Правда, былъ и третій дѣлопроизводитель П—въ, но его не видали въ управленіи уже третій мѣсяцъ, такъ какъ онъ болѣлъ свойственною многимъ сибирскимъ чиновникамъ болѣзнью—запоемъ, во все продолженіе котораго не выходилъ изъ квартиры, гдѣ постоянно были заперты ставни и двери наглухо. Всѣ остальные—и столоначальники, и помощники ихъ, регистраторы, писцы и проч. до сторожа—мы,

каторжные. Надо отдать справедливость управленію, ни одинъ из нась не работаетъ даромъ: такъ, я получаю 12 руб. въ мѣсяцъ другіе—больше или меньше, а одинъ, заправляющій отчетностію Чернышевъ, бывать у котораго съ «приношеніями» не брезгуют и смотрителя, получаетъ 30 рублей. Про него говорятъ, чт «умри онъ, такъ и шабашъ,—никакого дѣла, молъ, безъ нег не отыщешь». Важную также роль играетъ въ управлені ссыльный, ведущій такъ-называемые «статейные списки». Это такъ сказать, формуляры всей каторги. Съ этимъ спискомъ въ которомъ обозначено: кто онъ, за что судился, гдѣ, н сколько лѣтъ сосланъ и *когда* прибылъ на каторгу,—соединен вся судьба ссыльнаго; если чѣмъ-нибудь онъ провинился на каторгѣ, обстоятельство это вносится въ тотъ же списокъ, а всякая вина увеличиваетъ срокъ пребыванія въ работахъ. Обязанность, главнѣйшимъ образомъ лежащая на лицѣ, завѣдующем статейными списками, состоитъ въ докладѣ начальству о тѣх ссыльныхъ, коимъ окончился срокъ работъ, о тѣхъ, кои имѣют право на перечисленіе изъ разряда испытуемыхъ, гдѣ я до сих поръ былъ, въ разрядъ исправляющихся, и отмѣчать бѣжавших съ промысловъ. Списковъ этихъ у него масса,—полагаю, отнюдь не менѣе четырехъ тысячъ. Предполагая начальство *весьма добросовѣстно* относящимся къ дѣлу, я спрашиваю: есть ли у него физическая возможность провѣрить доклады этого лица, которыхъ въ день бываетъ по десяткамъ и болѣе? Понятно, что, обремененный текущею перепиской, оно подписываетъ все, что ему ни поднесутъ, и отсюда причина того громаднаго на каторгѣ значенія лица, ведущаго списки. Онъ за приличную мзду можетъ ссыльнаго, сосланнаго на 10—12 лѣтъ, освободить чрезъ какія-нибудь 2—3 года и, наоборотъ, увеличить ему срокъ работъ, внеся въ списокъ какіе-нибудь небывалые его проступки въ каторгѣ, повѣрять справедливость которыхъ и некому, и некогда. Иногда даже возможно бѣжать съ помощью писарей управленія. Такъ на дняхъ былъ такого рода случай. Одинъ ссыльный проживалъ вмѣстѣ съ женой какъ разъ напротивъ дома помощника завѣдущаго; по слухамъ, онъ занимался, между прочимъ, тайною торговлей водкой. Въ одно утро онъ и жена найдены убитыми и все ихъ имущество похищеннымъ. Начались розыски, изъ которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что грабители были на телѣгѣ, на которую нагрузили добычу; куда же они дѣвались—конечно, неизвѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ скрылся одинъ изъ ка-

торжныхъ, семейный, который былъ лично извѣстенъ многимъ изъ начальства какъ превосходный мастеровой, купно съ семьей жившій маленькимъ хозяйствомъ, не оставивши однако ничего изъ своего хозяйства. Такое *семейное* исчезновеніе обратило на себя вниманіе, дали знать по окрестностямъ, причемъ сообщили и примѣты исчезнувшей семьи, а равно и его имя. Къ удивленію всѣхъ, очень скоро изъ одной изъ сосѣднихъ волостей было получено донесеніе, что схожій человѣкъ прибылъ къ нимъ на поселеніе, подъ тѣмъ же именемъ, но что онъ снабженъ всѣми законными документами, выданными изъ нашего управленія. Стали копаться въ дѣлахъ управленія и оказалось, что этотъ субъектъ, осужденный на 20 лѣтъ, *уволенъ на поселеніе* по прошествіи 8 лѣтъ, *по увольнительному билету, подписанному кѣмъ слѣдуетъ.* Арестованный по телеграммѣ управленія и высланный къ намъ обратно на Кару, онъ, по нахожденіи у него нѣкоторыхъ вещей, признанныхъ сосѣдями убитыхъ мужа и жены за принадлежащія послѣднимъ, сознался, что онъ убилъ ихъ и ограбилъ, а бумаги для свободнаго проживанія получилъ изъ управленія отъ одного писаря, изъ ссыльныхъ же, чуть не за 10 рублей.

Вообще побѣги здѣсь многочисленны и относительно легки, но долженъ оговориться, что они совершаются почти исключительно «исправляющимися», т.-е. живущими на волѣ, безъ конвойнаго надзора; побѣги же изъ-подъ конвоя, сравнительно съ первыми, очень рѣдки, хотя и бываютъ—въ году случаевъ пять-шесть. Про первыхъ, такъ-сказать—вольныхъ, нельзя и выразиться, что они бѣгутъ, потому что они прямо уходятъ. Какъ только зеленью одѣнутся лѣса, такъ они, чуть не правильно организованными артелями, оставляютъ Кару и идутъ, запасшись по возможности провіантомъ, конечно очень скуднымъ, хребтами и лѣсами напрямикъ на западъ. Ихъ никто не преслѣдуетъ, и даже не то что слѣдствія или дознанія не производится, но, напротивъ, смотритель, изъ штата котораго ушла цѣлая артель, старается донести объ этомъ попозже, показывая въ отчетности выдаваемый имъ, яко-бы, паекъ, который и кладетъ себѣ въ карманъ.

Не имѣя подъ рукой точныхъ данныхъ, трудно сказать, сколько такихъ уходятъ съ каторги, но я слышалъ отъ старожиловъ, что число ихъ достигаетъ иногда баснословной цифры—600 человѣкъ въ годъ. Участь ихъ, большею частью, самая горькая и можно приблизительно опредѣлить такъ: половина бѣжавшихъ

погибаютъ отъ лишеній въ дорогѣ, голода, звѣрей, тонутъ пр переправахъ, убиваются инородцами и, къ стыду сказать, на шими же русскими крестьянами «промышленниками», т.-е. охот никами, которые разсуждаютъ въ этомъ случаѣ такъ: «заряд выгоднѣе истратить на бѣглаго, чѣмъ на бѣлку,—все отъ тог больше барыша». Изъ остальной половины множество попадают опять въ остроги, для того, чтобы, назвавшись новымъ, вымыш леннымъ, именемъ, обратно очутиться на Карѣ, послѣ приличноі порки, небольшая часть находятъ пріютъ по деревнямъ, особенн во время полевыхъ работъ, и только очень рѣдкій изъ каторжных достигаетъ своей завѣтной цѣли—повидать родную землю, отъ ко торой такъ безжалостно оторвала его судьба, гдѣ онъ нашел свое бездолье и которую однако онъ любитъ болѣе всего на свѣ тѣ, болѣе самого себя. Такихъ счастливцевъ, повторяю, очен мало. Къ нимъ не принадлежитъ, напримѣръ, Г—ій, бывшій гим назистъ, убившій цѣлую купеческую семью въ одномъ губерн скомъ городѣ средней Россіи, процессъ котораго надѣлалъ въ свое, сравнительно недавнее, время много шума и въ обществѣ и въ печати.

Перейдя въ разрядъ исправляющихся, Г—ій тотчасъ же за мыслилъ бѣжать и бѣжалъ въ сообществѣ пяти-шести человѣкъ. Дорогой они сильно оголодали, и онъ, не стерпѣвъ мукъ голода, рѣшился украсть изъ своей артели единственный, имѣвшійся у нихъ и для обороны, и для дровъ топоръ, съ цѣлью продать его въ ближайшей деревнѣ; но товарищи скоро хватились, догнали и учинили надъ нимъ судъ, пострашнѣй знаменитаго американскаго суда Линча. Они порѣшили привязать его за ноги къ двумъ нагнутымъ молодымъ деревьямъ, потомъ сразу отпустить ихъ и такимъ образомъ разорвать его, живаго, на-двое, что и исполнили, судя по тѣмъ слухамъ, которые ходили между каторгой.

Что много народу бѣжитъ съ Кары, это, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ исправляющіеся, не мудрено, такъ какъ они находятся внѣ всякаго надзора и о побѣгѣ ихъ узнаютъ смотрителя обыкновенно только по тому, что въ обычный день (разъ въ недѣлю) таковые не приходятъ къ нимъ за полученіемъ казеннаго пайка; не пришелъ, значитъ—въ бѣгахъ, и, подержавъ его сколько возможно у себя на довольствіи, сообщаютъ спустя недѣлю или двѣ въ управленіе о «безвѣстной отлучкѣ» такого-то. Тамъ въ спискахъ отмѣчаютъ: «бѣжалъ»—и доносятъ въ забайкальское областное правленіе, съ просьбой о напечатаніи «сыск-

ной статьи» въ мѣстныхъ областныхъ *Вѣдомостяхъ*. Правленіе подкапливаетъ такихъ донесеній, примѣрно, до 100 штукъ, печатаетъ ихъ особымъ прибавленіемъ, на сѣрой бумажкѣ, и разсылаетъ эти списки по всѣмъ губерніямъ и областнымъ правленіямъ Россійской имперіи. Самыя сыскныя статьи, доставляемыя управленіемъ нерчинскими ссыльно-каторжными въ областное правленіе для напечатанія въ *Вѣдомостяхъ*, составляются *всѣ* такъ: «Такого-то числа съ Карійскихъ промысловъ скрылся бывшій каторжникъ Иванъ Непомнющій, 40 лѣтъ, росту 2 арш. 6 вершковъ, глаза голубые, волосы на головѣ и на бородѣ русые, ротъ, носъ и подбородокъ обыкновенные, особыхъ примѣтъ не имѣетъ». Сотню такихъ «статей» получаютъ всѣ, какъ я выше сказалъ, губернскія и областныя правленія, для «надлежащихъ распоряженій». Какого рода могутъ быть сдѣланы распоряженія и какая польза отъ этой безсмысленной канцелярщины для казны, не знаю, но тѣмъ не менѣе порядокъ этотъ существуетъ, повидимому будетъ существовать еще много лѣтъ и имъ ограничиваются всѣ мѣры, принимаемыя мѣстнымъ начальствомъ для поимки сотенъ бѣгущихъ ежегодно каторжныхъ.

Повторяю, бѣжать съ Кары исправляющемуся ссыльному не хитрò. Но вотъ разсказъ, записанный мною со словъ одного стариннаго бродяги, который, пожалуй, заставитъ любого призадуматься. Провѣрить этотъ разсказъ, понятно, я не имѣлъ возможности, но, по общему отзыву каторги, онъ весьма вѣроятенъ.

Въ 1874 году,—такъ началъ бродяга свою повѣсть,—удалось мнѣ бѣжать прямо съ «разрѣза»,—изъ-подъ караула значитъ,—въ хребты. Побѣжало насъ «на урà»*) трое. Пока мы были въ виду, казачишкамъ посчастливилось: обоихъ моихъ товарищей уложили пулями; я же спасся, благодаря тому, что одинъ изъ нихъ, урядникъ, совсѣмъ было догонявшій меня, для легкости, сбросилъ на-ходу свою шинель и гнался за мной въ одной рубахѣ,—ну, и мы-то бѣжали въ рубахахъ же, бѣлыхъ. Бѣжали мы лѣсочкомъ, въ гору; съ работъ-то насъ тò видно, тò опять за кустикомъ скроемся. Такимъ манеромъ онъ вывернулся на полянку, а одинъ изъ казаковъ, не видавъ, какъ онъ снялъ шинель, издали принялъ его за меня, да такъ ловко «стрѣлилъ»,

*) Техническое выраженіе, означающее побѣгъ *въявь*, на счастье, т.-е. подвергаясь выстрѣламъ и погонѣ. Хотя такой побѣгъ и удается, но весьма рѣдко.

что положилъ его на мѣстѣ. Казаки, видя, какъ упалъ бѣжавшій въ бѣломъ-то, полагали, что и послѣдній, третій, арестантъ убитъ, уже потихоньку подходить стали, а тѣмъ временемъ я и убѣгъ въ чащу. Трудно мнѣ было сначала, просто бѣда; провіанту съ собою было мало, приходилось голодать, а выйти на дорогу страшно, потому знаю, что казаки вездѣ рыскаютъ, чтобы поймать меня. Долго шелъ я по самымъ глухимъ мѣстамъ, пока не наткнулся на артель нашихъ же бѣглыхъ съ Кары. Въ артели идти много лучше: у кого крупка припасена, у кого сухари, котелокъ, другой мастеръ рыбу ловить,—ну, и чай оказался у нихъ. На четвертый день пришлось намъ идти Урульгой *). Тутъ мы шли съ опаской: народъ дикій, охотится за нами какъ за звѣремъ; ему убить бѣглаго легче, чѣмъ мнѣ выругаться; и все подлецы на одежу нашу зарятся, да у другаго малость деньжонокъ припасено бываетъ для побѣга,—ну, имъ и интересно; убьетъ шельма изъ-за куста, никто, кромѣ, развѣ, нашего же брата, и не узнаетъ, да и то случайно, что такой-то убитъ. Мѣсто самое глухое, дикое. Отплачиваемъ иногда и мы имъ, только все же они сильно для насъ вредны.

Ничего, прошли благополучно, даже успѣли одного барана скрасть. Подошли къ Читѣ и, зная тамошніе порядки, къ «Лукичу» **) не заходили, а прошли прямо къ «братскимъ» въ степь ***).

---

*) Обширная мѣстность, населенная полудикими тунгусами, простирается къ сѣверу отъ рѣки Ингоды, между городами Читой и Нерчинскомъ. Нѣкогда тунгусы эти оказали существенную услугу русскимъ властямъ, при усмиреніи какого-то бунта ссыльно-каторжныхъ, и, въ награду, глава ихъ получилъ княжеское достоинство и наслѣдственную власть надъ своимъ племенемъ: теперь титулъ начальника урульгинскихъ тунгусовъ носитъ князь Гантимуровъ.

**) „Лукичъ“ это бывшій, нынѣ умершій, полицеймейстеръ города Читы, Александръ Лукичъ Парѳентьевъ, личность крайне популярная между арестантами и ссыльными. Прежде, до него, путь бѣглыхъ изъ Кары и другихъ заводовъ лежалъ чрезъ самый городъ Читу, и, понятно, безопасность и спокойствіе города отъ этого не увеличивались. Чтобъ отучить бродягъ заходить въ Читу, „Лукичъ“ избралъ слѣдующій методъ: какъ скоро бродяга попадался въ городъ, или на городской землѣ, онъ его до суда дралъ, какъ только можно драть, держалъ все время въ темной и вообще пойманному приходилось жутко: только бы выжить. Если же бродяги попадались въ округѣ, т.-е. внѣ сферы власти городской полиціи, и препровождались къ „Лукичу“ для содержанія въ острогѣ, то онъ обыкновенно выпускалъ ихъ на волю въ тотъ же день, даже не побивъ ихъ. Методъ удался, и въ нѣсколько лѣтъ онъ добился, что бродяги стали обходить Читу, направляясь на селеніе Верхъ-Чита, въ 25-ти верстахъ отъ города.

***) Братскіе—по-сибирски буряты. Такъ-называемая „братская степь“ подошла къ самой Читѣ и доходитъ до города Верхнеудинска.

Тутъ, извѣстно, идти много легче, есть и русскія деревни и заимки (хутора), можно кое-гдѣ и поработать, особливо въ лѣтнее время. Товарищи мои такъ и сдѣлали, остались тутъ, а я пошелъ дальше, къ рѣки Хилку́, намѣреваясь пробраться оттуда на рѣку Чикой, гдѣ я уже живалъ прежде и гдѣ, признаться, баба моя, тоже изъ бѣглыхъ, проживала въ работницахъ у одного «семейскаго» (такъ въ Сибири зовутъ старообрядцевъ). По Хилку идти нашему брату совсѣмъ вольно,—никто тебя не тронетъ, а еще рѣдкій не позволитъ отдохнуть у себя въ банѣ, да не накормитъ. Идти по Хилку до Чикоя показалось мнѣ далекимъ, да и мужички сказывали, что ежели отъ нихъ, съ Хилка̀, хребетъ перевалить, примѣромъ верстъ 20, то Чикой тутъ и будетъ. Я такъ и рѣшилъ напрямикъ. Дорога вела все въ гору, каменистая, такъ что, вышедши на утренней зарѣ, я до вершины еле-еле къ вечеру добрался. Усталъ страсть какъ, одначе хотѣлось чайку попить,—какъ идти, чайничекъ-то я на Хилкѣ взялъ у знакомаго мужичка,—и сталъ разводить огонь, анъ гляжу, саженяхъ этакъ въ пятидесяти пониже меня, въ кустахъ, тоже огонекъ мелькаетъ. Кому, думаю, быть тутъ: нашего брата, бѣглаго, въ этихъ мѣстахъ не бываетъ, потому далеко оно, мѣсто-то, и въ сторонѣ отъ тракта; бурятъ тутъ близко нѣтъ; не иначе, молъ, какъ «промышленники» (охотники), потому звѣря по Чикою видимо-невидимо всякаго. Захотѣлось мнѣ къ нимъ подойти, да боязно: промышленникъ—промышленнику розь; много и между ними, что бьютъ нашего брата какъ волка. Вспомнилъ я и разсказы одного бѣглаго про трехъ братьевъ,—на Хилкѣ же живутъ, большой капиталъ имѣютъ, тысячъ двѣсти, а то и болѣ, и занимаются теперь разными подрядами на частные пріиски; капиталъ они нажили тѣмъ, что, ко времени выхода рабочихъ съ пріисковъ, выѣзжали на встрѣчу къ нимъ, въ тайгу, и подстерегали, и какъ кто зазѣвается, идетъ одинъ или вдвоемъ, изъ-за куста уложатъ ихъ изъ винтовки да и оберутъ, а рабочіе, особенно съ Сабашниковскихъ пріисковъ, рѣдкій не несетъ съ собой золотаго песочку, припрятаннаго за шесть мѣсяцевъ непрестанной работы. У иного, ловкаго, рабочаго можно и сейчасъ найти съ фунтъ и болѣе. Съ этого грабежа и пошло у нихъ, сказываютъ, богатство. Много душъ такимъ манеромъ отправили они на тотъ свѣтъ. Вспоминаю это все, а самого такъ и подмываетъ посмотрѣть, что за люди въ этой глуши. Притушилъ свой огонь и поползъ тихохонько къ нимъ; изъ темноты-то мнѣ видно: вижу, двое сидятъ,

чай пьютъ, а винтовокъ и собакъ нѣтъ; еще ближе, вижу либо просто крестьяне съ покосу иль заимки, или же нашъ братъ—бродяга. Я всталъ и подошелъ прямо къ нимъ: «здраствуйте, молъ добрые люди». Какъ они вскочутъ, одинъ бросился въ лѣсъ, а другой схватилъ ножъ и прямо ко мнѣ. «Чего вы испугались?—успѣлъ вскричать я.—Я одинъ, такой же, какъ и вы, прохожій, иду на Чикой, увидалъ огонь,—ну, и подошелъ»,—а самъ, значитъ ближе къ огню, чтобъ они не сумлѣвались. Ужь нашего брата сейчасъ видно. Который съ ножомъ, посмотрѣлъ на меня и видя, что я за человѣкъ, засунулъ ножъ за поясъ. «Пойдемъ, говоритъ, присядь». Ознакомились мы живо; они меня чаемъ попотчивали, а у меня съ деревни было малость вина захвачено его роспили, и разсказалъ имъ, откуда я и куда пробираюсь.

— Тебѣ, говорятъ, хорошо: доберешься до Чикоя да и заживешь паномъ; а намъ каково: скоро два года, какъ идемъ на родину, а дошли всего досюда, идти еще столько же, коли не больше.

— Да вы, нешто, не съ Кары, что больно долго въ дорогѣ?

— Какое съ Кары!... Съ самаго Соколинаго острова *).

— Да оттуда, сказываютъ, и убѣжать нельзя,—кругомъ вода,—какъ же вы ухитрились?

— Это вѣрно, что хитро уйдти оттель, и кабы, значитъ, тамошнему караулу жилось лучше, чѣмъ намъ, арестантамъ, не уйтить бы ни за что, да и они, сердечные, маются тамъ, какъ и мы же,—ну, мы съ карауломъ вмѣстѣ и бѣжали.

Далѣе, они мнѣ и разсказали про свой побѣгъ. Отправили ихъ, изъ главнаго тамъ острога, человѣкъ шестьдесятъ, съ конвоемъ изъ двѣнадцати солдатъ при унтеръ-офицерѣ, верстъ за 30, дрова ли рубить или доски пилить—не помню. Отправились, хлѣба мало, горячаго ничего нѣтъ ни конвойнымъ, ни имъ. Вышли они какъ-то къ морю, видятъ, много японскихъ лодокъ у берега стоятъ,—пріѣхали японцы какую-то морскую капусту добывать. А нашимъ такъ трудно было: пищу обѣщали прислать—не присылаютъ, животы у всѣхъ подвело. Тутъ одинъ изъ ссыльныхъ и говоритъ:

— Эхъ, кабы воля моя, хорошее бы дѣло можно сдѣлать: и поѣли бы всласть, да и ушли бы съ Соколинаго.

— А что бы ты сдѣлалъ?—спрашиваетъ старшій конвойный.

*) Такъ каторга называетъ островъ Сахалинъ.

— Да прикололъ бы японцевъ,—пищи у нихъ видно съ собой много, не на день прiѣхали, вишь шелашей настроили,—сѣлъ бы въ ихъ лодки да и гайда по морю. Богъ милостивъ, куда-нибудь выѣдемъ на землю.

Слова эти сильно пришлись по душѣ не однимъ арестантамъ, а и солдатикамъ. Долго ли, коротко ли, и они порѣшили бѣжать сообща, потому что солдатамъ еще горше приходилось, чѣмъ ссыльнымъ. Японцевъ перекололи (ихъ было гораздо менѣе и безъ всякаго оружiя), поѣли, какую провизiю нашли, поклали въ лодки и—въ море. На другой же день вѣтромъ ихъ пораскидало въ разныя стороны, и той лодкѣ, гдѣ сидѣлъ разскащикъ, послѣ двухъ недѣль плаванья удалось пристать къ какому-то берегу.

Они, оказалось, попали хоть и на китайскую землю, но близко къ русской границѣ. Тамъ нашлось нѣсколько китайцевъ, которые понимали по-русски, растолковали, какъ добраться до границы, и снабдили за два ружья, что были въ лодкѣ, достаточнымъ количествомъ провизiи.

До границы они (ихъ было двѣнадцать человѣкъ) шли вмѣстѣ, а потомъ, чтобы легче пройти, рѣшили раздѣлиться попарно. Такимъ-то манеромъ эти двое, чрезъ два года, прошли весь Амуръ; причемъ на зиму останавливались, занимаясь одинъ сапожнымъ дѣломъ, а другой изъ бересты дѣлалъ туеза̀ (бураки), корзинки и проч. За это ихъ держали, кормили, да еще на дорогу и денегъ дали. Объ участи остальныхъ участниковъ побѣга эти двое ничего не знали: живы ли, нѣтъ ли, или гдѣ попались на дорогѣ. Одному изъ нихъ нужно было дойдти до Енисейска,—онъ тамошнiй,—а другому, помнится, въ Ярославскую губернiю. На утро мы попрощались, я имъ кое-кого указалъ на Хилкѣ, гдѣ безопасно пристать можно, и разстались. Солнышко еще не закатилось, какъ я вышелъ на Чикой, а къ вечеру уже сидѣлъ съ бабой своей и водочку распивалъ въ банѣ. Люди говорятъ: какъ это съ Кары народъ идетъ?... Нѣтъ, братъ, коли съ Соколинаго бѣгутъ, такъ намъ и Богъ велѣлъ!

Этими словами закончилъ бродяга свою повѣсть. Отвѣтственности за справедливость этого разсказа я не беру на себя, но повторяю, что каторга отнеслась къ нему съ полнымъ довѣрiемъ. При этомъ разсказѣ мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ бѣгства изъ тюремъ, городскихъ и карiйскихъ, которые я запи-

салъ тогда же. Отчего и какъ бѣгутъ съ Кары, постараюсь объяснить.

Кромѣ весьма естественнаго, въ каждомъ человѣкѣ, желанія освободиться изъ клѣтки, куда его запрятали, на Карѣ существуетъ еще одна чисто практическая причина, заставляющая каторжнаго бѣгать изъ тюрьмы, несмотря на рискъ быть убитымъ или избитымъ до полусмерти при поимкѣ. Причина эта имѣетъ мѣсто не только на Карѣ, но и на другихъ мѣстахъ каторжныхъ работъ: Алгачинскомъ рудникѣ, недавно возобновившемъ свою дѣятельность, куда откомандировано изъ Кары до 300 человѣкъ, на Сахалинѣ и друг. Человѣку осужденному на 4—6 лѣтъ *нѣтъ никакого разсчета* подвергаться опасностямъ, во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ при побѣгѣ; ему придется посидѣть въ тюрьмѣ 1½—3 года, что, при небольшомъ даже терпѣніи, вещь возможная; остальное время срока онъ отбудетъ на Карѣ «исправляющимся», т. е. почти свободнымъ человѣкомъ, а затѣмъ выходитъ на поселеніе, гдѣ каждый, по собственной уже своей волѣ, устраиваетъ свою судьбу, и еслибы задумалъ все-таки бѣжать, то конечно съ поселенья во сто разъ легче. Совершенно другой разсчетъ представляется осужденному на 12—20 лѣтъ работъ; при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ему придется высидѣть въ тюрьмѣ половину срока, а согласитесь, что это ужасно. Прожить десять лѣтъ въ тюрьмѣ рѣдкій можетъ, а если и живетъ, то ужь какая же это жизнь? Онъ обязательно преждевременно разрушается, часто болѣетъ, тупѣетъ и, конечно, по окончаніи *всего* срока, т. е. 15—20 лѣтъ, дѣлается никуда негоднымъ человѣкомъ. Кому, побывавшему въ Восточной Сибири, неизвѣстенъ типъ старика-поселенца? Оборванный, безпомощный, неспособный ни къ какой работѣ, онъ невольно напоминаетъ старую дворную собаку, выгнанную безжалостнымъ хозяиномъ, которую никто не только не возьметъ изъ жалости къ себѣ, но считаетъ какъ бы обязаннымъ запустить въ нее камнемъ, или съѣздить коломъ по старческимъ, чуть не наружу, высунувшимся ребрамъ. Такая же жизнь и поселенца-старика, надорвавшаго свои силы въ тюрьмѣ. Правда, совершенно неспособнымъ къ работѣ казна даетъ пособіе; но что же это за пособіе—три рубля въ мѣсяцъ, когда за Байкаломъ, напримѣръ, хлѣбъ зачастую доходитъ до 1 руб. 50—1 руб. 80 коп. и болѣе за пудъ, не говоря, что изъ этихъ же денегъ ему и одѣться надо (при нашихъ-то холодахъ), и квартирку имѣть!? Да и эти три рубля даются только *совершенно*

неспособнымъ работать; ихъ свидѣтельствуютъ въ губернскихъ врачебныхъ управахъ, причемъ скрытыя болѣзни, напримѣръ: страшные ревматизмы, истощеніе силъ—сплошь и рядомъ не доставляютъ своему владѣльцу желанныхъ трехъ рублей. «У васъ у всѣхъ ломота!—кричитъ не въ мѣру блюдущій интересы казны эскулапъ.—Пошелъ вонъ!...» И несчастный старикъ, нерѣдко за 300—500 верстъ добредшій Христовымъ именемъ, ползетъ обратно въ селеніе, къ которому онъ приписанъ, вспоминая съ горечью слова управскаго сторожа, старика же, полегоньку поталкивавшаго его въ шею изъ присуствія: «И что вы за народъ чудной! Неужто не понимаете, что мы такимъ, какъ ты, свидѣтельства не даемъ. Кабы у тебя, къ примѣру, руки или ноги не было, еслибъ ребра были поломаны,—ну, такъ, а то цѣлый человѣкъ, безъ знаковъ значитъ, а лѣзетъ».

И, вотъ, «цѣлый» человѣкъ черезъ мѣсяцъ или болѣе, послѣ нечеловѣческихъ усилій, добирается до своего селенія.

— Ну, что,—спрашиваютъ обыватели,—свидѣтельствовали?

— Какъ же, свидѣтельствовали.

— Сколько же выдали пособія?

— Нисколько... Поглядѣли меня и сказали, что я здоровъ, къ пособію не подошелъ. Еслибы,—говорятъ,—у тебя ноги не было или руки, тогда дали бы, а теперь нельзя,—повторяетъ онъ, врѣзавшіяся въ память, слова сторожа.

— Такъ неужто-жь намъ тебя кормить еще и эту зиму? Вѣдь ты и то обчеству во-о-какъ въѣхалъ! Ступай куда хошь,—мы на тебя не работники; сами съ хлѣба на квасъ перебиваемся, а по веснѣ, не плошь тебя, побираться придется. Ступай съ Богомъ.

— Куда-жь я пойду? Вѣдь чужаго-то старика нигдѣ не примутъ. Помилосердуйтесь!—И старичишко валится міру въ ноги.

Міряне смущены, готовы бы поддаться доброму чувству, да, въ самомъ дѣлѣ, черезъ немного времени имъ самимъ грозитъ голодъ,—куда же тутъ оставлять лишній ротъ!

— Рази такъ сдѣлать,—говоритъ одинъ общественникъ.—Выдадимъ ему приговоръ, отъ обчества, что старикъ онъ, молъ, хорошій поведеніемъ, только къ работѣ не гожъ, что все обчество удостовѣряетъ въ этомъ. Може съ такимъ приговоромъ пособіе выйдетъ; а какъ выйдетъ, пущай приходитъ къ намъ,—все за три рубля-то, какъ-никакъ, прокормимъ и обогрѣемъ.

— Вѣрно ты сказываешь, —одобряютъ многіе находчиваго оратора.—Слышишь, старикъ, какъ міръ порѣшилъ?

— Слышалъ,—убитымъ голосомъ отвѣчаетъ старикъ, все еще стоящій на колѣнахъ.—Да не дойти мнѣ до города; и къ вамъ-то чрезъ великую мою силу добрелъ.

— Ну, какъ хошь, а держать тебя безъ пособія мы не согласны,—уже суровымъ голосомъ говоритъ тотъ же ораторъ.

— Давайте, что ли,—соглашается старикъ, изъ тона говорившаго понявшій, что міръ будетъ неумолимъ на этотъ разъ.—Авось добреду.

— Богъ милостивъ, добредешь. Пособіе дадутъ, возвращайся. Такъ-то лучше!—загудѣла толпа.

И, отдохнувши денекъ-другой, новый «вѣчный жидъ» поплелся въ городъ, съ паспортомъ и приговоромъ за пазухой, съ двумя-тремя фунтами хлѣба въ дырявой котомкѣ, съ смутною надеждой на силу мірскаго приговора.

Бываютъ случаи, что такія настойчивыя посѣщенія губерніи, съ приговоромъ общества, причемъ несчастный проситель перебываетъ у всего начальства, какое только существуетъ, начиная съ писца правленскаго до губернатора включительно, увѣнчиваются успѣхомъ, и обрадованный старикъ спѣшитъ домой, увѣренный, что теперь не поколѣетъ онъ съ холода и съ голода; но, нерѣдко, въ такихъ странствіяхъ онъ мучительно проводитъ остатокъ дней своихъ, пока силы окончательно не измѣняютъ ему и онъ не умретъ, какъ бездомная собака, гдѣ-нибудь у сельской околицы...

Вѣроятность такой участи, всей каторгѣ извѣстной, и возможность избѣжать ея ловкимъ побѣгомъ и заставляютъ «долгосрочныхъ» каторжныхъ лѣзть на пулю, лишиться нѣсколькихъ реберъ, что обычно при поимкѣ ихъ, но тѣмъ не менѣе бѣжать. Какимъ образомъ они могутъ избѣжать этой жалкой участи, я разскажу сейчасъ, а послѣ перейду и къ различнымъ способамъ побѣговъ.

Предположимъ, удастся Ивану Ѳедорову, осужденному на 20 лѣтъ, бѣжать изъ тюрьмы и скрыться, несмотря на тщательные розыски, которые всегда ревностно производятся казаками, въ виду того, что виновные въ упускѣ арестанта, караульные, подвергаются строгой карѣ: приговариваются на нѣсколько лѣтъ въ арестантскія роты. Если этотъ Иванъ Ѳедоровъ не изъ бывалыхъ уже арестантовъ, не бродяга по призванію, какъ большинство бродягъ, то онъ старается пробраться если не до Иркутской губерніи, то хоть до пограничнаго съ ней округа (уѣзда)

Забайкальской области—Верхнеудинскаго. Въ этомъ мѣстѣ, если застанутъ его холода, онъ идетъ почти открыто, не только не боясь, что его схватятъ, но какъ бы желая этого; а такъ какъ тамъ не особенно ревностно хватаютъ бродягъ, то случается, что Иванъ Θедоровъ этотъ, не желая зря зябнуть, самъ заявляется въ первое волостное правленіе, гдѣ конечно вынуждены его арестовать и препроводить въ городъ, для содержанія въ острогѣ. На спросы онъ отвѣчаетъ, что зовутъ его Иванъ, отчества и фамиліи не знаетъ, гдѣ родился и проживалъ—не помнитъ, питался подаяніемъ добрыхъ людей и какъ очутился, положимъ, въ Верхнеудинскомъ округѣ — не можетъ объяснить. Послѣ такихъ обстоятельныхъ отвѣтовъ пріобрѣтаетъ онъ *новое* имя Ивана Непомнящаго; а такъ какъ такихъ Ивановъ многое множество во всѣхъ сибирскихъ острогахъ, то, для отличія, въ спискахъ ему проставляютъ приблизительно лѣта, и онъ обязанъ на перекличкахъ отзываться именно по этимъ лѣтамъ. Производство слѣдствія по такимъ дѣламъ упрощено въ Сибири до minimum'а. Земскій засѣдатель, ограничившись опросомъ бродяги, и затѣмъ о его поимкѣ или о добровольномъ его явленіи къ властямъ представляетъ дѣло въ полицейское управленіе, гдѣ только подводятъ законъ, полагающій «каждаго бродягу, пойманнаго въ предѣлахъ Сибири, по наказаніи двадцатью ударами плетей, сослать въ каторжныя работы на четыре года». Продержавъ Ивана Θедорова, или, какъ теперь его называютъ, Ивана Непомнящаго, 32-хъ лѣтъ, всю зиму въ острогѣ, такъ какъ, вслѣдствіе холодовъ, этапное движеніе зимой не производится, весной отправляютъ на Кару, гдѣ, отсидѣвъ въ тюрьмѣ года полтора или два, переводятъ его въ разрядъ исправляющихся, т. е. на волю. Такимъ образомъ дѣлается понятнымъ тотъ, подчасъ безумный, рискъ, съ какимъ долгосрочные рѣшаются на побѣги; вѣдь такимъ образомъ, въ случаѣ удачи, Иванъ Θедоровъ *сбавляетъ себѣ шестнадцать лѣтъ работы* и, отсидѣвъ *четыре года,* выходитъ на поселенье полнымъ еще силъ, а слѣдовательно способнымъ на всякій трудъ. Мнѣ скажете вы: «да вѣдь его же узнаютъ на Карѣ, и онъ рискуетъ перейдти въ безсрочные?» На это я долженъ пояснить вамъ, что еслибъ Иванъ Θедоровъ попался гдѣ-нибудь по близости и былъ бы доставленъ на Кару, пока не успѣли казаки смѣниться, что бываетъ каждый годъ, а слѣдовательно и дѣло «объ упускѣ Ивана Θедорова такими-то казаками, находившимися тогда въ караулѣ», состояло бы еще

въ производствѣ, тогда въ интересахъ пострадавшихъ казаковъ— узнать и выдать его, что, однако, и тогда не легко, такъ какъ трудно предположить, чтобы казаки могли знать, что такая-то физіономія принадлежитъ именно Ивану Ѳедорову, ибо каторжныхъ на Карѣ до 4.000 и они ежегодно мѣняются: часть умираетъ, часть бѣжитъ, многіе уходятъ на поселенье, на Сахалинъ, командируютъ ихъ частнымъ золотопромышленникамъ и т. д., и каждый же годъ прибываетъ ихъ нѣсколько тысячъ. Гдѣ же тутъ признать его въ лицо? Узнать Ивана Ѳедорова, хотя бы и черезъ нѣсколько лѣтъ, могутъ только товарищи, которые *ни за что ни выдадутъ*, да отчасти смотрителя, у которыхъ чрезвычайно развивается способность запоминать лица и фамиліи, но и тѣ *всегда* дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ въ вернувшемся Ивана Ѳедорова, потому что, находясь безпрестанно въ сношеніяхъ съ каторгой, они не желаютъ сдѣлать изъ нихъ себѣ враговъ (что неминуемо произойдетъ, въ случаѣ ихъ доноса), такъ какъ это, во-первыхъ, невыгодно для ихъ кармановъ, а во-вторыхъ и не безопасно: вѣроятность получить добрый ударъ ножомъ въ толпѣ слишкомъ очевидна, чтобъ онъ пренебрегалъ ею. Вотъ объясненія, почему Иваны Ѳедоровы смѣло возвращаются къ своей alma mater, не боясь быть узнанными.

Перейдемъ теперь къ самой техникѣ, такъ сказать, побѣговъ. Разскажу случай побѣга изъ тюрьмы. Въ 1875 году не только наше мѣстное, но и губернское начальство было крайне озадачено исчезновеніемъ одиннадцати арестантовъ изъ такъ-называемой «Новой тюрьмы»—самой строгой и считающейся самою надежной, отчего и немногіе политическіе преступники *) содержались тамъ. Арестанты эти исчезали тамъ постепенно, одинъ по одному, самымъ загадочнымъ образомъ. Какъ происшествіе, выходящее изъ ряда вонъ, дѣло это было поручено спеціально командированному губернаторомъ слѣдователю, который, по тщательномъ осмотрѣ тюрьмы, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда подкопа или взлома. Опросы арестантовъ, понятно, не повели ни къ чему. Смотритель показалъ, что имъ ежедневно производилась перекличка, послѣ привода партіи съ работъ, и всякій разъ, хотя конвой сдавалъ ему обратно то же количество людей, какое принималъ отъ него утромъ, онъ, дѣлая въ тюрьмѣ, вечеромъ, общую перекличку всѣмъ арестантамъ, какъ приведеннымъ, такъ

*) Сообщено въ 1878 году.

и остававшимся день дома,—всегда, въ продолженіе 11-ти дней, не досчитывался одного человѣка. Какъ это произошло—объяснить не можетъ.—Караулъ, водившій арестантовъ на работы, показалъ, что сколько онъ принималъ отъ смотрителя рабочихъ, столько же и сдавалъ обратно, приводя въ доказательство ежедневныя собственноручныя росписки смотрителя въ полученіи, чуть не за годъ времени, сполна всѣхъ рабочихъ. Находившіеся же въ караулѣ при тюрьмѣ въ эти дни казаки весьма резонно объясняли, что въ это время бѣгства не было, ибо они замѣтили бы, еслибы кто перелѣзалъ черезъ ограду, или прыгалъ бы съ крыши, но что можетъ-быть смотритель давно выпустилъ арестантовъ и только теперь объявилъ, желая свалить вину на нихъ.

Словомъ, виновнаго никого не оказалось и способъ, которымъ бѣжало 11 чел., невыясненъ. Побился, побился слѣдователь, да такъ и уѣхалъ, ничего не сдѣлавъ, навлекши только на себя и на свое непосредственное начальство — губернатора—жестокую нахлобучку изъ Иркутска. Года два спустя мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ участниковъ этого побѣга, вновь попавшимъ на Кару и, конечно, съ другимъ именемъ. По его словамъ, побѣги были совершаемы такъ: въ Новой тюрьмѣ содержался тогда, а можетъ-быть и теперь содержится, одинъ арестантъ, прозванный товарищами, да числящійся и по спискамъ такъ, ради своего необыкновенно малаго роста и общей миніатюрности, «Копѣйкой». Въ одно время съ нимъ сидѣлъ и другой арестантъ, необыкновенно ловкій и гибкій, какъ акробатъ, еще молодой, почему-то носившій прозвище «Жандарма». При видѣ этихъ двухъ субъектовъ, одному старому «варнаку» пришла мысль учинить, съ помощью ихъ, бѣгство en grand. О мысли этой онъ объявилъ «товариству», оно одобрило и, такъ сказать, санкціонировало эту мысль. На вызовъ стараго бродяги желающихъ вмѣстѣ съ нимъ попробовать счастья—бѣжать—отозвалось еще 10 человѣкъ, которые всѣ благополучно и бѣжали. Дѣлалось такъ. Когда утромъ «гонятъ» насъ на работу, то всѣ, отправляющіеся въ «разрѣзъ», т.-е. на работу, выходятъ гурьбою за ворота, гдѣ полукругомъ расположена «цѣпь» казаковъ, строются внутри цѣпи, въ двѣ шеренги, и смотритель, вмѣстѣ съ тѣмъ «старшимъ» изъ конвоя, который имъ начальствуетъ, считаютъ «по головамъ» *(не поименно)* число вышедшихъ арестантовъ. Сосчитавши внимательно число людей, старшой выдаетъ смотрителю записку, въ которой говорится только: «Такого-то числа я N N

принялъ отъ смотрителя N N столько-то людей». Вечеромъ, при возвращеніи, та же процедура. Не впуская людей въ тюрьму, тотъ же старшой и смотритель, опять «по головамъ», повѣряютъ вмѣстѣ людей, и если вѣрно, то тогда уже смотритель выдаетъ старшому записку о полученіи имъ обратно всѣхъ людей. Этимъ порядкомъ и воспользовался Сизыхъ (такъ звали иниціатора этой штуки). За приличную сумму, т.-е. не болѣе одного рубля съ человѣка, онъ подговорилъ Копѣйку выходить каждый разъ за ворота при отправкѣ партіи и при установкѣ людей въ шеренги для счета. Копѣйка умудрялся залѣзать къ кому-нибудь изъ арестантовъ, у кого халатъ былъ подлиннѣй, между ногъ, подъ халатъ, и сидѣлъ до конца счета; когда раздавалась команда: «пошелъ», онъ незамѣтно вставалъ и втирался въ массу. Такимъ образомъ смотритель и старшой, первый сдавая, а второй получая, были увѣрены, что вышедшихъ арестантовъ, положимъ, 400 чел., тогда какъ, считая Копѣйку, ихъ было 401 чел. Во время работъ, желающаго убѣжать товарищи передъ отходомъ скрывали куда-нибудь въ яму, нарочно выкопанную и прикрытую носилками, тачками и друг. рабочимъ инструментомъ, оставляемымъ на ночь, въ разрѣзѣ. Передъ тѣмъ, какъ партію вести въ тюрьму, старшой на мѣстѣ работы строитъ ее вновь въ шеренги и считаетъ для собственнаго успокоенія; понятно, что Копѣйка теперь не прячется и, съ нимъ насчитавъ нужныхъ 400 чел., конвой ведетъ ихъ въ тюрьму, гдѣ смотритель, насчитавъ тѣхъ же 400 чел., спокойно выдаетъ росписку въ полученіи и впускаетъ въ ограду. Это—первая часть плана. Вторая часть заключалась въ томъ, чтобы посильнѣе, въ случаѣ открытія побѣга, озадачить и сбить начальство; выполненіе этой задачи возложено было на «Жандарма». Всѣ камеры выходятъ дверями въ одинъ корридоръ, ведущій на дворъ. Въ каждой камерѣ содержится до 80-ти человѣкъ и они имѣютъ общую съ сосѣдней печь, топки которыхъ также выходятъ въ корридоръ. Перегородки между камерами деревянныя и, для безопасности отъ огня, отдѣлены отъ печей кирпичами въ два ряда. Арестантики уже давно пользуются этими кирпичами, которые ими вынимаются въ экстренныхъ случаяхъ, наприм.—во время обыска; тогда мгновенно камера, въ которой находится контрабанда, какъ-то: водка, карты и проч., черезъ эти отверстія передаетъ ее въ камеру сосѣднюю уже обысканную, или имѣющую быть обысканной послѣ, и такъ спасается отъ погрома. Вече-

ромъ камеры запираются на замки и передъ запоромъ смотритель дѣлаетъ перекличку по камерамъ, послѣ каковой, если всѣ на-лицо, запираетъ камеру и идетъ въ слѣдующую. Вотъ тутъ-то и нуженъ былъ Жандармъ. Онъ съ изумительною ловкостью пролѣзалъ въ отверстіе между печью и перегородкой не болѣе квадратнаго фута, въ то время, когда смотритель, повѣривъ и заперевъ ту камеру, гдѣ онъ обрѣтался, переходилъ въ другую. Въ этой другой хотя и не было арестанта, который уже бѣжалъ, но по счету оказывались всѣ на-лицо, такъ какъ Жандармъ уже былъ тамъ, откликался за него и переходилъ, какъ сосчитанный, на другую сторону. Эти штуки повторялъ онъ всѣ одиннадцать дней и бѣдный смотритель рѣшительно съ толку сбился, недоумѣвая, кто въ бѣгахъ и кто на-лицо, такъ какъ Жандармъ являлся сегодня то Иваномъ Ѳедоровымъ, то Семеномъ Никитинымъ и т. д., и все въ разныхъ камерахъ.

Побѣгъ этотъ очень остроумно задуманъ и столь же остроумно выполненъ; но еще съ большею простотой, остроуміемъ и, если хотите, дерзостью выполненъ былъ побѣгъ, кажется, въ 1872 году, изъ читинскаго острога содержавшимся тогда тамъ, извѣстнымъ всей Читѣ, нѣкіимъ Лопаницынымъ. Лопаницынъ былъ прежде рядовымъ читинской мѣстной команды и служилъ поваромъ у командира ея. Не понравилось что ли ему житье это, только онъ, укравъ какую-то бездѣлицу у начальника, сбѣжалъ и вскорѣ своими необычайно дерзкими кражами навелъ ужасъ на всю Читу. Такъ онъ, пользуясь уже извѣстнымъ реномѐ, явился къ одному купцу, еврею Янкелю Потѣхѣ, занимавшемуся ссудой подъ закладъ, среди бѣлаго дня, въ его лавку, находящуюся на лучшей улицѣ города, въ центрѣ движенія, и преспокойно потребовалъ сколько-то денегъ,—пустяки впрочемъ,—и кое-что изъ товаровъ, объявивъ, что онъ и есть Лопаницынъ. Ужасъ Потѣхи былъ такъ великъ, что онъ безпрекословно отдалъ требуемое и послѣ того слегъ въ постель что-то мѣсяца на два... Лопаницына этого ловили много разъ и въ Читѣ, и по другимъ городамъ Забайкалья, но онъ всегда удивительно удачно бѣгалъ. Послѣдній его побѣгъ я и хочу разсказать. Послѣ поимки около Нерчинска, его, избитаго и страшно изуродованнаго, препроводили въ Читу. Пролежавъ два мѣсяца въ тамошнемъ полугоспиталѣ, онъ настолько поправился, что былъ переведенъ въ острогъ, продолжая однакожь пользоваться совѣтами врача, который, между прочимъ, предписалъ ему дѣлать гимнастическія упражненія. Для этого его,

содержавшагося въ строгомъ одиночномъ заключеніи, въ темномъ карцерѣ, выводили подъ карауломъ на особый дворикъ, внутри острога, одну изъ сторонъ котораго, т.-е. дворика, составляла высокая ограда изъ бревенъ, врытыхъ въ землю стоймя и заостренныхъ вверху конусомъ, называемыхъ въ Сибири «пáлями». Стѣна эта выходила къ оврагу, заросшему кустами, который отдѣлялъ городъ отъ «сóпокъ» (горъ), раскинувшихся почти кругомъ. На этой-то стѣнѣ, вышиною до 2-хъ саженъ, и упражнялся, по совѣту доктора, Лопаницынъ въ продолженіе мѣсяца или даже болѣе, вколачивая между бревенъ кое-какіе, валявшіеся на дворѣ, кусочки дерева, въ родѣ клиньевъ, чтобы, держась за нихъ, могъ подыматься онъ на рукахъ. Сопровождавшіе его караульные до того привыкли видѣть его лазанія, что не обращали вниманія на то, что онъ съ каждымъ разомъ подымался по стѣнѣ выше и выше, пока въ одно прекрасное утро онъ, поднявшись до самаго верха, вдругъ не скрылся изъ ихъ глазъ, спрыгнувши со стѣны. Дворикъ этотъ, назначенный для особо важныхъ арестантовъ, отдѣлялся отъ общаго двора стѣною съ калиткою, которая, по впускѣ туда арестантовъ съ караульнымъ, запиралась дежурнымъ по караулу на ключъ. Такимъ образомъ, пока несчастный караульный докричался до дежурнаго по карауламъ и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, Лопаницынъ былъ уже далеко.

Громкою извѣстностью въ Восточной Сибири первокласснаго бѣгуна пользуется, долгое время содержавшійся въ иркутскомъ острогѣ, Паклинъ. Исторія его схожа съ исторіей Лопаницына въ томъ отношеніи, что, не будучи ни убійцей, ни поджигателемъ, онъ множество разъ бѣгалъ изъ остроговъ и наводилъ панику однимъ своимъ именемъ. Паклинъ, изъ мѣщанъ Нижнеудинской слободы, женатый человѣкъ, нанялся на лѣто къ одному изъ мелкихъ золотопромышленниковъ; по приходѣ на работы, онъ имѣлъ несчастье потерять свой паспортъ, а вслѣдъ за тѣмъ его постигло другое. Изъ-за жены своей онъ крупно поссорился съ управляющимъ пріискомъ, который, пользуясь своею властью, связалъ его, какъ бродягу, и отправилъ на родину, для удостовѣренія его личности, оставивъ жену на пріискѣ. По приводѣ на родину, мѣстный старшина, заполучивъ, вѣроятно, отъ управляющаго взятку, разсудилъ запереть Паклина, «покель справка насчетъ пачпорта придетъ», въ кутузку, или, какъ здѣсь называютъ, «каталашку», находящуюся при волостномъ правленіи. Обиженный такою явною несправедливостью и горя желаніемъ пробраться

на пріискъ за женой, Паклинъ, обладающій недюжинною силой, на третій же день выломалъ уголъ своего не хитраго острога и не только самъ ушелъ, но и увелъ съ собою другихъ тамъ содержавшихся человѣкъ восемь или девять. До пріиска ему не удалось дойти,—его поймали вскорѣ и уже какъ важнаго преступника, ушедшаго со взломомъ тюрьмы, скопомъ, подговоривъ къ тому же и другихъ арестантовъ, препроводили для заключенія въ г. Нижнеудинскъ, въ острогъ, какъ въ болѣе надежное помѣщеніе; но и это не затруднило Паклина,—онъ снова бѣжалъ и принялся не только воровать, но и грабить на большомъ московскомъ трактѣ. То обстоятельство, что онъ грабилъ не въ глуши гдѣ-нибудь, а на самомъ проѣзжемъ мѣстѣ, обратило особенное на него вниманіе начальства, и онъ, пойманный, былъ уже доставленъ въ иркутскій острогъ. Тѣмъ временемъ онъ пріобрѣлъ громадную популярность и въ обществѣ, и въ каторгѣ, и послѣдняя помогла ему бѣжать и изъ Иркутска. Это окончательно создало ему какое-то страшное имя, и онъ могъ уже продѣлывать такія вещи, напримѣръ: онъ одинъ останавливалъ обозъ, при которомъ нерѣдко бывало десятокъ и болѣе возчиковъ, и взималъ съ нихъ дань, ограничиваясь, впрочемъ, весьма небольшимъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ то попадался, то снова бѣгалъ самымъ замысловатымъ образомъ. Въ 1878 году онъ содержался въ иркутскомъ острогѣ, въ самомъ строгомъ одиночномъ заключеніи. Окна этихъ «секретныхъ нумеровъ», съ толстыми желѣзными рѣшетками, выходили на тюремный дворъ, двери же—въ корридоръ ,гдѣ постоянно находился часовой, прохаживающійся тамъ и безпрестанно заглядывавшій въ маленькія окошечки, продѣланныя въ дверяхъ каждаго нумера. Паклинъ изъ осторожности былъ посаженъ съ другимъ арестантомъ, еще совсѣмъ молодымъ, которому бѣжать не было никакого разсчета. Между тѣмъ, въ одну изъ ночей, одинъ изъ часовыхъ, стоявшихъ наружу, кругомъ острога, услышалъ какой-то шумъ на желѣзной крышѣ, точно будто кто ходитъ по ней; вглядѣвшись попристальнѣе, онъ различилъ двѣ человѣческія фигуры. Тотчасъ же по тревогѣ прибѣжали солдаты, кои и захватили ихъ: оказались Паклинъ и его сотоварищъ по нумеру. Послѣдній и выдалъ себя тѣмъ, что, несмотря на наставленіе Паклина идти по желѣзной крышѣ, наступая ногой только на швы листовъ, ступалъ прямо на листы, отчего произошелъ шумъ, обнаружившій ихъ присутствіе. Осмотрѣли камеру и на-

шли, что она какъ и слѣдуетъ на замкѣ; когда же вошли внутрь, то увидали на потолкѣ, около печи, квадратное, вершковъ въ 7, отверстіе. Оказалось, что какимъ-то путемъ у Паклина были ножъ, коловоротъ небольшой и гвоздь. Чтобы достать рукой до потолка, онъ стоялъ одною ногой на печномъ отдушникѣ, одною рукой держался за верхъ печи, а другою работалъ ножомъ, вырѣзая изъ досокъ, покрывавшихъ бревенчатый, изъ пятивершковыхъ бревенъ, потолокъ. Вырѣзавши въ одну ночь эту доску, онъ воткнулъ въ нее короткій острый гвоздь и ту сторону, гдѣ была шляпка гвоздя, намазалъ мякишемъ чернаго хлѣба и посыпалъ толченымъ мыломъ; затѣмъ съ помощью гвоздя прикрѣпилъ ее на мѣсто, такъ что, взглянувъ на потолокъ (бѣленый), ничего нельзя было замѣтить. Въ слѣдующую ночь, взобравшись на отдушникъ и снявши свой щитокъ, онъ коловоротомъ началъ вертѣть рядъ дыръ одна подлѣ другой въ бревнѣ, сообразно съ размѣромъ вырѣзанной доски, и такимъ образомъ въ продолженіе 10—12 дней, закрывая на день работу щитомъ, выпилилъ соотвѣтствующій кусокъ бревна. Отверстіе это выходило уже на чердакъ. Сначала онъ подсадилъ или вѣрнѣе впихнулъ въ эту дыру товарища, а потомъ съ невѣроятными усиліями, имѣя точку опоры только въ душникѣ, влѣзъ самъ, оставивъ, какъ оказалось, на краяхъ отверстія куски собственной кожи и мяса. Опытные чиновники, старые сибирскіе служаки, не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на широкоплечаго Паклина и на дыру, въ которую онъ ухитрился вылѣзть.

Поговоривъ о побѣгахъ, поговоримъ и о преступленіяхъ, совершающихся на Карѣ, хотя они и не даютъ богатаго матеріала, потому что *на Карѣ преступленій совершается меньше, чѣмъ гдѣ-либо*. Какъ это ни странно, но это такъ. Почти два года я здѣсь, а случилось всего три-четыре происшествія во все это время, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія. Одно изъ нихъ сильно взволновало и начальство, и каторгу, но осталось не раскрытымъ. Въ одно октябрское утро по промысламъ разнеслась вѣсть, что нашъ главный начальникъ, завѣдующій, скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара. Убитая горемъ, еще молодая его жена ни за что не соглашалась похоронить здѣсь мужа и пожелала увезти тѣло на родину, въ Россію. Но пока изъ Иркутска выйдетъ разрѣшеніе на это, нужно же все-таки хоть временно, такъ какъ склепа не было, зарыть его въ землю. Мѣсто для могилы выбрали очень живописное, въ полугорѣ, какъ разъ

напротивъ главной улицы Средняго промысла, такъ что могила совершенно ясно видна съ него. Совершилась церемонія погребенія, часамъ этакъ къ тремъ послѣ обѣда, а на утро кто-то, случайно проходя мимо могилы, къ величайшему своему ужасу замѣтилъ, что она разрыта и трупъ, повидимому, ограбленъ. Дали знать властямъ, наѣхало ихъ пропасть, и глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: могила, несмотря на свою глубину, свыше сажени, въ мерзлой почвѣ, была разрыта до гроба, на послѣднемъ въ крышкѣ, топоромъ, проломана дыра около аршина длиной; въ эту дыру былъ вытащенъ наружу трупъ, повидимому, поднятъ до поверхности земли и раздѣтъ до бѣлья и потомъ крайне небрежно брошенъ на гробъ. Не желая, чтобы вдова покойнаго узнала о такомъ поруганіи дорогаго ей тѣла (она къ тому же была чрезвычайно набожна), начальство, по осмотрѣ мѣста преступленія, распорядилось немедленною починкою гроба, положеніемъ тѣла опять во гробъ и засыпкою могилы. Несмотря, что на всѣ эти работы были употреблены наилучшіе рабочіе, которые работали на глазахъ начальства, слѣдовательно, не отрываясь отъ дѣла, и при дневномъ свѣтѣ, кончить все это дѣло имъ удалось только чрезъ четыре часа, такъ какъ мерзлая земля очень трудно поддавалась ударамъ кайла и лопаты. Каковы же должны быть здоровые ребята—преступники, которые ночью, безъ шума, безъ свѣта успѣли столько наработать? Отъ жены удалось все скрыть, и она спустя недѣли двѣ или три увезла тѣло съ собой, не подозрѣвая о совершенномъ надъ нимъ поруганіи. Начальство же осталось заинтересованнымъ, во-первыхъ, мотивомъ преступленія и, во-вторыхъ, открытіемъ лицъ совершившихъ его. Оказалось, что во время погребенія многіе изъ ссыльныхъ видѣли на немъ эполеты и между нихъ возникло нелѣпое убѣжденіе, что они изъ чистаго золота и стоютъ очень дорого; другихъ причинъ ограбленія, напримѣръ—мѣсти, не могло быть, такъ какъ покойный пробылъ у нихъ очень не долго, и ни жестокостью, ни несправедливостью не отличался. Какъ я уже выше сказалъ, виновные, несмотря на усилія полиціи, остались ей неизвѣстными, да и каторга не знаетъ навѣрное ихъ,—по крайней мѣрѣ, я, несмотря на довѣріе ко мнѣ «товарищества», не могъ, кромѣ смутныхъ указаній кое-на-кого, добиться чего-нибудь опредѣленнаго.

Затѣмъ въ бытность мою было еще два преступленія: одно изъ нихъ было убійство мужа и жены, съ цѣлію грабежа, причемъ ви-

новные были открыты, а другое состояло въ томъ, что одинъ изъ исправляющихся, возвращаясь въ пріютъ, гдѣ онъ проживалъ мастеромъ, встрѣтилъ мальчика, лѣтъ шести или семи, посланнаго матерью къ знакомымъ размѣнять рублевую бумажку, которую онъ и несъ въ рукѣ, на виду; заманивъ какъ-то мальчика въ оврагъ, ссыльный, старикъ уже свыше 60-ти лѣтъ, отнялъ деньги, а когда мальчикъ сталъ кричать, то, схвативъ камень, убилъ его на мѣстѣ. На крикъ ребенка сбѣжался народъ, и виновный тутъ же, съ рублемъ въ рукахъ, былъ схваченъ.

Затѣмъ выдающіяся происшествія были совершены не столько ссыльными, сколько ихъ конвоемъ—казаками. Одинъ изъ ссыльныхъ переводился изъ усть-карійской тюрьмы въ другую; добровольно послѣдовавшая за нимъ въ ссылку жена, проживавшая, конечно, на волѣ, узнавъ объ этомъ, захотѣла воспользоваться возможностью побыть съ мужемъ подольше и, явившись въ Усть-Кару, дождалась того времени, когда ея мужъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, былъ отправленъ въ Нижнюю тюрьму, за 15-ть верстъ отъ Усть-Кары, и пошла вмѣстѣ съ нимъ, разговаривая о своихъ дѣлишкахъ. Дорога эта совершенно пустынная, частью лѣсистая, и въ одномъ-то перелѣскѣ одному изъ конвойныхъ пришла въ голову мысль, пользуясь безпомощностью женщины, для которой закованный въ цѣпи мужъ не могъ представлять собою достаточной защиты, и заручившись согласіемъ другаго конвойнаго, совершить надъ ней гнусное насиліе, для чего, несмотря на ея сопротивленіе и крики, потащилъ въ чащу кустарника. Ясно, что мужъ не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ подобнаго звѣрства и кинулся, крича караулъ, на помощь къ женѣ. Какъ ни пуста дорога, но все-таки народъ по ней ѣздитъ и ходитъ; опасаясь, что крики эти могли быть кѣмъ-либо услышаны, и будучи озлоблены за неудачу задуманнаго, оба конвойныхъ, бросивъ жену, кинулись къ мужу и нанесли нѣсколько тяжкихъ ранъ штыкомъ и прикладомъ, не обойдя «по пути» и жену, которой тоже досталось. Затѣмъ, полумертваго, они дотащили его до тюрьмы и объявили, что дорогой онъ съ помощью жены намѣревался бѣжать, но дескать, благодаря ихъ расторопности, былъ задержанъ. Говорили они это въ разсчетѣ, что избитый до полусмерти ссыльный не въ состояніи будетъ уличить ихъ во лжи, а тотъ между тѣмъ, пришедши въ чувство, успѣлъ, передъ смертью, разсказать врачу, какъ это все произошло. Разсказъ мужа, во всѣхъ деталяхъ, подтвердила

и жена, тоже еле оправившаяся отъ побоевъ. Кажется, по настоянію мѣстныхъ военныхъ властей, дѣло это было замято...

Другое «казачье» дѣло было такъ. Возвращалась съ работъ въ Среднюю тюрьму довольно большая партія арестантовъ. Вдругъ раздалось громогласное «ура» всей партіи и нѣсколько человѣкъ кинулись сквозь цѣпь казаковъ въ кусты, растущіе у самой дороги; было произведено нѣсколько выстрѣловъ по бѣглецамъ, но неудачно. Моментально завѣдывавшій конвоемъ унтеръ-офицеръ, или по-козачьему урядникъ, командировалъ человѣкъ шесть въ догонку, въ лѣсъ, и чрезъ нѣсколько минутъ послышались снова выстрѣлы; а спустя съ полчаса времени посланные казаки вернулись, доложивъ, что видѣли всего одного бѣглеца, котораго и убили выстрѣломъ; другіе же трое остались неразысканными. Трупъ былъ ими взятъ съ собою на промыселъ. По осмотрѣ трупа слѣдователемъ и врачомъ, оказалась странная исторія: кромѣ огнестрѣльной раны, была штыковая въ нижнюю часть живота, хотя о ней казаками заявляемо не было, причемъ врачъ заявилъ, что смерть произошла — именно отъ этой послѣдней, выстрѣлъ же былъ сдѣланъ *въ упоръ*—не въ живое тѣло, а въ трупъ. Изъ этого вытекало слѣдующее: казакамъ удалось нагнать одного изъ бѣжавшихъ; тотъ, не видя возможности скрыться, остановился и повернулся къ преслѣдователямъ лицомъ, сдаваясь живьемъ; но эти звѣри, разгорячившись, сдавшагося не взяли, а преспокойно прикололи, и чтобы замаскировать безполезное и незаконное убійство, выстрѣлили послѣ въ упоръ, не разсчитывая, что наружный видъ ранъ покажетъ ихъ продѣлку. Такъ и случилось: энергически веденное слѣдствіе, несмотря на нѣкоторыя противодѣйствія военнаго начальства, заставило виновныхъ, двухъ, признаться во всемъ и подтвердить высказанное выше мнѣніе врача, т. е. что они убили беззащитнаго человѣка, не будучи вынуждены къ этому никакими резонными причинами. Говорятъ, что судъ долженъ будетъ ихъ приговорить къ лишенію правъ и въ арестантскія роты.

Вотъ всѣ «чрезвычайныя происшествія», случившіяся въ эти два года на Карѣ. Если къ этому прибавить нѣсколько самыхъ нехитрыхъ кражъ, то сознайтесь, что для Кары, гдѣ скучено нѣсколько тысячъ самаго отчаяннаго народа, притомъ голоднаго, это очень мало, и что намъ можетъ позавидовать въ отношеніи безопасности жизни самый благоустроенный городъ. Объяснять это

довольствомъ всѣхъ обывателей, равно какъ и отлично устроенною полиціей—невозможно, ибо ни того, ни другаго нѣтъ.

Есть еще другое, столь же отрадное и столь же трудно объяснимое явленіе—необыкновенно малый процентъ смертности между ссыльными. По словамъ военнаго врача, практикующаго здѣсь много лѣтъ, смертность между казаками, служащими здѣсь всего одинъ годъ, такъ какъ они ежегодно мѣняются, превышаетъ смертность между арестантами. По моему, впрочемъ чисто личному, мнѣнію, это возможно объяснить непрерывнымъ обмѣномъ личнаго состава каторги: ежегодно много бѣгутъ, ссылаются на Сахалинъ, выходятъ на поселеніе и пополняются наплывомъ свѣжихъ лицъ; короче сказать, большинство *не успѣваетъ*, такъ-сказать, умирать на Карѣ и такимъ образомъ ускользаетъ изъ-подъ контроля. Благопріятныхъ гигіеническихъ условій конечно и быть не можетъ, такъ какъ всѣ тюрьмы построены отвратительно, поддерживаются и содержатся еще хуже и притомъ переполнены чрезъ мѣру; въ тюрьмѣ, выстроенной на 180—200 человѣкъ, нерѣдко заключено 800 и болѣе арестантовъ!

Пища, какъ и вездѣ въ острогахъ, плоха и однообразна. Медицинская часть въ жалкомъ состояніи: всего одинъ врачъ на шесть большихъ тюремъ, не считая громаднаго лазарета, и три или четыре фельдшера. Аптека безукоризненна по отличному качеству медикаментовъ, въ которыхъ можно отыскать самые новѣйшіе и дорогіе препараты, и въ то же время лазаретъ, громадное, манеже-подобное зданіе, до того ветхое, что его ежегодно капитально ремонтируютъ, а не могутъ добиться даже того, чтобы потолки не текли. Сумма ежегодно расходуемая на его ремонтъ такъ велика, что врачъ, указывая въ своихъ донесеніяхъ на это, предлагаетъ на нее выстроить новый, гораздо меньшій, но въ который онъ могъ бы безбоязненно помѣщать больныхъ, чего теперь онъ всячески избѣгаетъ, находя, что зданіе все до того прогнило и промозгло, что жить тамъ невозможно и совершенно здоровому человѣку, помѣщеніе же туда больнаго равняется смертному приговору надъ нимъ. Нѣкоторыя болѣзни, наприм. цынга, скорбутъ и т. п., дѣлаются тамъ неизлѣчимыми, и только переводъ больныхъ на лѣто въ бараки, въ Усть-Карѣ, причемъ они пользуются превосходнымъ купаньемъ въ широкой и быстрой рѣкѣ Шилкѣ, помогаетъ врачу бороться съ этими у орными болѣзнями. Врачъ посѣщаетъ ежедневно лазаретъ и объѣзжаетъ разъ въ недѣлю всѣ тюрьмы, въ которыхъ, не желая

морить людей навѣрное въ лазаретѣ, онъ оставляетъ большинство больныхъ. Лѣтомъ онъ два раза въ недѣлю ѣздитъ въ Усть-Кару, въ бараки, но тамъ, по его словамъ, присутствіе его почти лишне, такъ какъ больные на свѣжемъ воздухѣ, отъ свѣжей пищи и купаній поправляются сами быстро. Къ сожалѣнію, бараки не въ состояніи вмѣстить одновременно всѣхъ людей, и врачъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ, часто не дожидая полнаго ихъ выздоровленія, отправлять по тюрьмамъ и въ лазаретъ, чтобы доставить возможность и другимъ попользоваться удобствами барачной жизни.

Описавъ медицинскую часть, нужно поговорить и объ остальныхъ частяхъ нашей административной машины.

У насъ на Карѣ орудуютъ три вѣдомства, другъ другу не подчиненныя, главные представители которыхъ стремятся, каждый, занять главенствующую роль, отчего часто интересы дѣла страдаютъ, а слѣдовательно страдаемъ и мы. Наше прямое начальство состоитъ изъ завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными и находящагося при немъ управленія, которое состоитъ изъ помощника завѣдующаго, дѣлопроизводителя управленія и двухъ бухгалтеровъ: денежнаго и матеріальнаго; кромѣ того, въ подчиненіи завѣдующаго состоятъ чиновникъ особыхъ порученій и карійскій полицеймейстеръ. Затѣмъ идутъ смотритель цеховъ, т. е. всевозможныхъ мастерскихъ, расположенныхъ въ Усть-Карѣ, гдѣ домашнимъ образомъ изготовляется, изъ доставленныхъ подрядчиками-евреями матеріаловъ, вся одежа и обувь для ссыльныхъ: очень хлѣбная должность. Тамъ же, въ Усть-Карѣ, и смотритель запасныхъ магазиновъ, гдѣ хранится все, доставляемое тѣми же евреями: должность тоже дающая хорошій кусокъ казеннаго пирога ея обладателю. Затѣмъ идутъ пять человѣкъ тюремныхъ смотрителей и при каждомъ изъ нихъ по два и по три помощника-приставника. Этимъ персоналомъ исчерпывается *наше* начальство вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

Второе начальство — военное — есть командиръ сводно-карійскаго пѣшаго баталіона, имѣющаго въ составѣ своемъ шесть сотенъ, по числу тюремъ. Каждою сотней командуетъ особый офицеръ, у котораго помощникъ офицеръ же, а то и два.

Между завѣдующимъ, *всегда изъ военныхъ*, и баталіоннымъ командиромъ, несмотря на частую личную ихъ смѣну, идетъ издавна борьба о томъ, кому присвоить званіе карійскаго коменданта и сопряженную съ этимъ званіемъ власть. Борьба эта

ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, завися отъ ихъ личныхъ связей въ Иркутскѣ. На насъ эта борьба отражается самымъ ощутительнымъ образомъ. Сдѣлаютъ комендантомъ батальоннаго, онъ, видя даже въ насъ, несчастныхъ, «людей гражданскаго вѣдомства», т.-е. ему враждебнаго, въ малѣйшемъ пустякѣ видитъ нарушеніе дисциплины и стѣсняетъ во внутренней нашей жизни такъ, что дѣйствительно чрезмѣрно тяжко становится; малѣйшее отступленіе смотрителя отъ строго-казенной формалистики непремѣнно привлечетъ его вниманіе и вызоветъ рядъ новыхъ строгостей по отношенію къ намъ. Дадутъ же изъ Иркутска комендантство завѣдующему, тотъ въ свою очередь, желая насолить ненавистному военному начальству, зорко слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ устава о караульной службѣ офицерами и казаками и за малѣйшій пустякъ взыскиваетъ съ нихъ, что въ концѣ концовъ опять-таки отражается на нашемъ житьѣ-бытьѣ,—казаки дѣлаются придирчивыми, несговорчивыми на какую-нибудь льготу, напримѣръ—хотя на временное снятіе кандаловъ, во время тяжелыхъ работъ и т. д. въ этомъ родѣ. Вообще, споръ этотъ о комендантствѣ надоѣлъ не только намъ и казакамъ, но и офицерамъ и чиновникамъ, такъ какъ и они, волей-неволей втягиваясь въ эту междуусобицу, дѣлаютъ свое общество, и безъ того небольшое, совершенно ничтожнымъ и не знаютъ что дѣлать со скуки.

Третье наше начальство—управляющій Карійскими, Кабинета Его Величества, пріисками горнаго вѣдомства. Онъ завѣдуетъ всей технической стороной каторжныхъ работъ, по части добыванія золота, и знать не хочетъ другихъ двухъ начальствъ; онъ лучше всѣхъ обставленъ матеріально на Карѣ, живетъ въ лучшемъ домѣ, имѣетъ громадный доходъ, исчисляемый бывалыми людьми за два десятка тысячъ въ годъ, притомъ, какъ они, горные, выражаются, совершенно безгрѣшный и высшему ихъ начальству отлично извѣстный. У него тоже цѣлая канцелярія своихъ горныхъ чиновниковъ, которые занимаются канцелярскою работой, или же завѣдуютъ веденіемъ работъ и надзоромъ за производствомъ ихъ. У всѣхъ существуютъ посторонніе доходы, дающіе имъ сравнительно съ нашими чиновниками возможность не только безбѣдно жить, но и откладывать на черный день копѣйку. Доходы эти возможны только при настоящемъ порядкѣ завѣдыванія промыслами. Каждый управляющій кабинетскимъ промысломъ, а ихъ, кромѣ Кары, много за Байкаломъ, работающихъ вольнонаемными

людьми, составляетъ на будущій годъ *смѣту*, показывая въ ней, какое количество золота онъ разсчитываетъ намыть и во сколько обойдется это Кабинету. Основаніемъ для смѣты служатъ такъ-называемыя справочныя цѣны на рабочихъ, матеріалы, различные товары для рабочихъ и проч. Цѣны эти доставляются закадычными ихъ друзьями—земскими исправниками и, слѣдовательно, являются такими, какими желательно имѣть ихъ управляющимъ. Предположивъ, напримѣръ, намыть 25 пудовъ золота, онъ въ смѣтѣ говоритъ, что это будетъ стоить, положимъ, 200 тысячъ. Смѣта эта *всегда* почему-то утверждается, во всей ея неприкосновенности, исключая развѣ того, что какой-нибудь управляющій покажетъ цѣны на что-нибудь ниже остальныхъ. О, тогда горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири обязательно поправитъ смѣту, прибавитъ къ цѣнѣ разницу и такимъ образомъ устранитъ непріятный диссонансъ въ цѣломъ, весьма сыгравшемся, оркестрѣ управляющихъ! Затѣмъ, отпустивъ управляющему просимыя имъ 200 тысячъ, начальство совершенно не входитъ, куда въ дѣйствительности пойдутъ они, а требуетъ только одного, чтобъ онъ вымылъ непремѣнно обѣщанные имъ по смѣтѣ 25 пудовъ.

Теперь ясно, какіе громадные доходы получаютъ горные чины. Онъ самъ нанимаетъ рабочихъ, самъ, если нужно, покупаетъ рабочихъ лошадей, продовольствуетъ ихъ круглый годъ и вообще закупаетъ годовую пропорцію всего для промысла, начиная отъ гаванскихъ сигаръ для себя и для заѣзжаго пріятеля-ревизора и кончая дегтемъ для смазки машинъ и колесъ. Повѣрять, повторяю, его никто не будетъ и оттого всю сумму, какую присвоятъ изъ отпущенныхъ 200 тысячъ, они называютъ законнымъ доходомъ... Это вѣдомство къ намъ, ссыльнымъ, имѣетъ только то отношеніе, что указываетъ, какую и гдѣ работу дѣлать, измѣряетъ ее и сообразно ей уплачиваетъ министерству внутреннихъ дѣлъ нашу заработную плату, которая должна идти на вознагражденіе ссыльнымъ при выходѣ ихъ на поселеніе. Прямыхъ столкновеній у этого начальства съ другими властями мало, и если тѣ ссорятся съ нимъ, то главною причиной должна считаться зависть къ его житью, дѣйствительно княжескому, сравнительно съ бѣдными завѣдующимъ и баталіоннымъ.

Осталось еще начальство — священникъ; но такъ какъ мы его почти не видимъ, а въ церковь насъ не водятъ, то о его

дѣятельности ничего не могу сказать, развѣ то, что нашими же плотниками, по его настоянію, изъ казеннаго лѣса, выстроена недавно новая церковь на Среднемъ промыслѣ.

Есть еще два казенныхъ учрежденія: это — находящееся на Среднемъ промыслѣ почтовое отдѣленіе, гдѣ пріемъ и отпускъ всякаго рода корреспонденцій, и телеграфная станція на Усть-Карѣ. Кромѣ того, что они дѣйствительно существуютъ, сообщить о нихъ ничего не могу.

Скажу теперь о положеніи ссыльныхъ женщинъ на Карѣ. Всѣ онѣ, по прибытіи въ Усть-Кару, отправляются въ цехи, гдѣ ихъ заставляютъ работать, шить одежду и бѣлье для всѣхъ ссыльныхъ. Размѣры работы, сколько именно должна въ день ссыльная сдѣлать, зависятъ отъ смотрителя цеховъ, который, къ слову сказать, вовсе не отличается мягкимъ характеромъ и зачастую, «изъ собственныхъ рукъ», наказываетъ не выработавшихъ свой урокъ. Затѣмъ часть женщинъ распредѣляется по тюрьмамъ и, какъ исправляющіяся, на волѣ, съ возложеніемъ на нихъ разныхъ работъ, какъ-то: мытья половъ, бѣлья и проч. Для тѣхъ же работъ онѣ командируются во всѣ казенные дома, ко всѣмъ служащимъ, а лѣтомъ занимаются огородными работами на тюремныхъ огородахъ и у чиновниковъ. Иногда имъ задаютъ урокъ: набрать въ лѣсу извѣстное количество «мангырю» (видъ дикаго чеснока) или дикорастущей «черемши». Оба эти растенія служатъ превосходнымъ противоцынготнымъ средствомъ. Кромѣ того, опредѣленное количество женщинъ находится въ казармѣ, гдѣ онѣ главнымъ образомъ заняты стиркой бѣлья на больныхъ и мытьемъ палатъ; между ними работа въ лазаретѣ считается самою тяжелой, такъ что онѣ предпочитаютъ даже работать въ цехахъ, подъ карауломъ, чѣмъ здѣсь, проживая на волѣ. Кромѣ того, масса женщинъ, *получше*, разбирается чиновниками для прислуги. Вообще на Карѣ нѣтъ ни одного наемнаго слуги у чиновниковъ: начиная съ кормилицы и кончая дворникомъ, это — все ссыльные; повара между ними попадаются отличные. Каторжному выгодно служить только у нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые попорядочнѣе; тогда они ѣдятъ «барское», а свой казенный паёкъ, мясо и хлѣбъ, продаютъ по большей части своимъ же хозяевамъ; цѣна пайка колеблется между пятью и восемью рублями. Бо́льшая же часть гг. чиновниковъ, кормя своихъ рабочихъ, получаютъ за это паёкъ себѣ, не давая ничего въ вознагражденіе; паёкъ же всегда охотно покупается даже мѣстными крестьянами,

которые не занимаются, ни одинъ, хлѣбопашествомъ, да оно и невозможно при здѣшнемъ, довольно холодномъ, климатѣ и при полномъ отсутствіи удобныхъ къ этому земель; многіе изъ нихъ работаютъ по вольному найму у управляющаго промыслами; нѣкоторые, имѣющіе лошадь или нѣсколько ихъ, занимаются перевозкой казенныхъ тяжестей по тюрьмамъ, что довольно выгодно, но какъ проживаетъ большинство, рѣшительно не могу сказать,—для меня это всегда составляло загадку.

Нужно бы сказать нѣсколько словъ о время провожденіи арестантовъ въ тюрьмахъ, но съ этимъ знакомы всѣ, хотя бы изъ «Записокъ изъ мертваго дома». Несмотря на время, прошедшее съ тѣхъ поръ, несмотря на разницу въ мѣстѣ дѣйствія,—тюремная жизнь осталась такою же, какою описалъ ее Достоевскій. Пѣсенъ каторга поетъ много, но по большей части избитыя, фабричныя, и очень немного народныхъ или своихъ; мнѣ удалось подслушать только двѣ, весьма характерныя и чисто-народнаго творчества, пѣсни. Одна изъ нихъ начинается словами:

«Какъ въ недавніихъ годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильичъ Грозный,—
Инженеръ-отъ былъ онъ горный,
Разгильдѣевъ самъ!» и т. д.

Пѣсня описываетъ подробно, строкахъ въ трехстахъ, страшное и памятное для каторги время, когда еще каторжные находились въ завѣдываніи горнаго начальства и когда управляющимъ на Карѣ былъ горный инженеръ Разгильдѣевъ, взявшійся утроить или учетверить количество добывавшагося на Карѣ золота, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ, и дѣйствительно добившійся этого блестящаго результата, но какою цѣной?... По преданію и по разсказамъ очевидцевъ, такъ какъ это было весьма недавно, онъ забилъ плетью и розгами, въ одинъ годъ, до *двухъ тысячъ* человѣкъ, такъ что каждый разъ, когда ссыльные шли съ работъ въ тюрьмы, то непремѣнно несли на носилкахъ нѣсколько труповъ товарищей, засѣченныхъ на разрѣзѣ. Такъ какъ забитыхъ было ежедневно очень много, то ихъ не хоронили на общемъ кладбищѣ, на Среднемъ промыслѣ, потому что не успѣвали отвозить ихъ туда, а отвели для погребенія позади лазарета, на Нижнемъ про-

мыслѣ, особое мѣсто, которое и до сихъ поръ носитъ названіе «Разгильдѣевскаго кладбища». Въ вышеприведенной пѣснѣ эпопея эта разсказана подробно и не безъ таланта, причемъ всѣ тогдашніе карійскіе дѣятели названы своими именами. Авторомъ этой пѣсни называютъ одного каторжнаго, по фамиліи Макѣева, нынѣ уже умершаго.

Другая пѣсня, чрезвычайно оригинальнаго, заунывнаго мотива, полная поэтической прелести, начинается такъ:

«Какъ на дубѣ на высокомъ,
Надъ широкою рѣкой,
Одинокій думу думалъ
Соколъ ясный, молодой.

* *
*

«Что ты, соколъ сизокрылый,
Призадумавшись сидишь,
Своими ясными очами
Въ даль родимую глядишь?» и т. д.

Въ этой пѣснѣ, подъ видомъ сокола, изображенъ ссыльный, тоскующій по родинѣ и въ концѣ концовъ отъ тоски умершій. Когда ее поютъ много голосовъ, хорошо спѣвшихся, она производитъ потрясающее впечатлѣніе, особенно на новичковъ и нервныхъ людей.

Мишлá.

ЧАРТИЗМЪ.

Какъ это ни странно, однако-жь положительно вѣрно, что это движеніе не только внѣ Англіи, но даже въ ней самой извѣстно больше по имени. Большая часть его участниковъ перемерли, а новыя поколѣнія мало имъ интересуются и очень мало его знаютъ. Нѣтъ ни цѣльныхъ историческихъ очерковъ, ни обработаннаго матеріала, и данныя разбросаны по множеству газетъ, мемуаровъ, автобіографій и т. п. При этомъ, конечно, всякій судитъ о немъ вкривь и вкось, на свой аршинъ; а аршины тогдашнихъ правящихъ классовъ и чартистовъ-рабочихъ были слишкомъ различны, чтобъ ихъ можно было помирить на какой-нибудь безцвѣтной срединѣ. Огромное большинство чартистовъ, напримѣръ, открещивались отъ всякой солидарности даже съ овеновскимъ коммунизмомъ и изо всѣхъ силъ старались выказать свое уваженіе къ собственности, «честно нажитой». А Джонъ Россель, либеральный министръ королевы и глава правящихъ виговъ, въ отвѣтъ на петицію чартистовъ о всеобщемъ правѣ голоса и представительства, торжественно съ министерской скамьи повторяетъ всѣ нелѣпыя обвиненія тенденціозной прессы и доморощенныхъ политиковъ, которые всюду склонны видѣть нападеніе на ихъ имущество, — словомъ, онъ обвиняетъ ихъ въ пресловутомъ намѣреніи раздѣлить поровну существующую собственность. Или *Times* 1838 года положительно завѣряетъ, ссылаясь на показанія какихъ-то опытныхъ землемѣровъ, что на чартистской демонстраціи въ Лондонѣ 17 сентября 1838 года было никакъ не больше 4—5.000 народа, да и тѣ—больше зрители, а В. Ловеттъ, секретарь ассоціаціи, устраивавшей это собраніе, котораго даже враги не считаютъ способнымъ на малѣйшую недобросовѣстность, говоритъ, что въ этотъ день хартія получила

больше 16.000 подписей и на митингѣ присутствовали 89 делегатовъ отъ провинціальныхъ рабочихъ обществъ. Такимъ образомъ эти послѣднія указанія даютъ полное вѣроятіе цифрамъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ сочувствующія газеты и хроники, то-есть около 30.000. И такъ дальше. Кому же вѣрить?

А между тѣмъ интересъ движенія громадный уже по одному тому, что оно было чисто-народное, вытекало прямо изъ невыносимыхъ мукъ рабочей массы и окончилось... Но о концѣ—въ концѣ, а теперь—къ началу.

Вотъ какую картину положенія крестьянъ въ Англіи 1830 г. рисуетъ болѣе чѣмъ умѣренный авторъ политической исторіи Англіи съ 1830 по 1874 г., Молесвортъ. Приведя сравнительную таблицу тогдашнихъ цѣнъ на хлѣбъ и трудъ, онъ говоритъ *): «Предполагая семью изъ отца, матери и троихъ дѣтей, ей всего приходится заработать *въ недѣлю* 8 шил. 9 пенс., то-есть 43 фунта хлѣба на всѣхъ пятерыхъ, или немного больше 1 фунта въ день на душу, безъ всякаго остатка на ренту за жилье, на топливо, питье, одежду и мытье. Это въ Дорсетширѣ. Но до этихъ условій быстро доводились земледѣльческіе рабочіе повсюду, потому что если въ нѣкоторыхъ графствахъ условія и были лучше, то въ другихъ даже хуже, чѣмъ въ Дорсетширѣ. Необходимо было что-нибудь сдѣлать. Политико-экономы могутъ, сколько имъ угодно, утѣшаться тѣмъ, что все это неотвратимо, но кровь и тѣло возмущаются. Поэтому нечего удивляться и тому, что такимъ образомъ обставленные чернорабочіе взяли дѣло въ свои собственныя руки, какъ это ни путаетъ законодателей и судей. Они собирались, незаконнымъ образомъ (?), огромными толпами и, мало того, заставляли другихъ, хоть и не особенно противъ ихъ желанія, присоединяться къ себѣ, идти вмѣстѣ къ фермерамъ (арендаторамъ) и шумно требовать увеличенія заработной платы; а когда получали отказъ, начинали ломать молотилки и другія земледѣльческія машины, которыя считали главными виновниками своихъ бѣдствій. Фермеры были ужасно перепуганы и посылали рабочихъ къ духовенству и ландлордамъ просить сбавки десятины и ренты и такимъ образомъ дать имъ возможность получать болѣе высокую заработную плату. Однако эти насилія, какъ и можно было ожидать, не приносили никакой пользы и дѣла быстро шли отъ дурнаго къ худшему. Крестьяне, не на-

*) *W. N. Molesworth*: „The History of England from 1830 to 1874". London 1874.

ходя больше машинъ для ломки или остановленные отъ этого силою, начали тайно поджигать скирды хлѣба и стога сѣна, и скоро въ 26 графствахъ ночь за ночью небо освѣщалось заревомъ пожаровъ народной пищи, превращенной въ пламя и дымъ. Мало того, кишки пожарныхъ машинъ часто оказывались перерѣзанными, а пожарнымъ всякими способами мѣшали работать. Можетъ-быть еще никогда страна не была въ такомъ плачевномъ положеніи и никогда горе не давило такъ на умы всѣхъ классовъ, какъ въ концѣ 1830 года. Напуганное воображеніе въ десять разъ увеличивало ужасную дѣйствительность. Политическая атмосфера, казалось, была заряжена электричествомъ. Члены парламента, члены законодательнаго собранія, состоятельные провинціалы, состоятельные и несостоятельные фермеры— всѣ были доведены до замѣшательства, до раззоренія, отчаянія и страха».

Вотъ гдѣ источникъ движенія за реформу 1832 года, его сила и гарантія успѣха. На него-то и опирались реформаторы—Россели, Мельборны, Греи—и предводительствуемые ими средніе классы.

Англійская система землевладѣнія не даромъ считается классической: въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается весь кастическій характеръ англійскихъ общественныхъ отношеній, вся тупая и бездушная мертвенность общественныхъ перегородокъ, ненависть къ которымъ позднѣе и придавала такую силу чартистскому движенію. Аристократія и духовенство собирали съ остальнаго народа ренты, десятины, государственные налоги, приходскіе поборы и торговыя пошлины. Средній классъ, то-есть арендаторы, собственники промышленныхъ заведеній и купцы, или иначе — благомыслящіе граждане, какъ нынче принято ихъ называть, одною рукой платили за все это, а другою—раскладывали свои потери на цѣны товаровъ и на жалованье рабочимъ,—конечно, не безъ выгоды для себя,—то-есть, какъ тогда выражались, были надсмотрщиками по сбору всевозможныхъ налоговъ и пошлинъ съ трудящагося народа. Эта система заковывала каждый классъ въ такую желѣзную рамку, что взаимное пониманіе другъ друга людьми разныхъ положеній было возможно меньше чѣмъ гдѣнибудь. Какъ геніальные техники во всемъ, что они ни дѣлаютъ, англичане и въ постройкѣ своего общества положили особенно много силы и стараній на отдѣлку этой стороны дѣла, и этажи выстроеннаго ими зданія вышли такъ же рѣзко, грубо разграниченными, какъ дерево, желѣзо и золото, или вода, масло и спиртъ.

Война съ Франціей, окончившаяся побѣдой «желѣзнаго герцога» при Ватерлоо, какъ водится, отозвалась очень тяжело на англійскомъ народѣ. Тріумфъ Веллингтона стоилъ странѣ 900.000.000 фунтовъ долга, тяжесть котораго, по парламентскому акту 1815 года, была цѣликомъ взвалена на трудящееся населеніе, такъ какъ собственностъ по этому закону была изъята отъ обложенія, и введенъ новый хлѣбный законъ, возвысившій цѣну на хлѣбъ до баснословной цифры 60 — 80 шиллинговъ за четверть, или 10½ пенсовъ за 4 фунта, которые *теперь*, черезъ 50 лѣтъ, стоятъ всего 6½ пенсовъ.

Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи рядъ цифръ сравнительнаго прогресса въ Англіи цѣнъ на трудъ и хлѣбъ за послѣднія пять столѣтій, приводимый чартистомъ и членомъ парламента, Фильденомъ, въ его полемикѣ съ манчестерцами и ландлордами, на которую они его вызвали по поводу его рѣчи передъ аудиторій въ 300.000 рабочихъ и ихъ делегатовъ на манчестерской демонстраціи чартистовъ 28 сентября 1838 года. Въ этой рѣчи онъ сказалъ, что въ 15-мъ столѣтіи чернорабочій могъ заработать четверть хлѣба въ 22 дня, а теперь (въ 1838 г.) ему для этого нужно проработать 46 дней. На другой же или на третій день въ вигскомъ, а слѣдовательно тогда уже правительственномъ, *Times* появились задорныя инсинуаціи на «грубую ложь» Фильдена, требовавшія отъ него формальнаго отреченія отъ нея въ печати. Инсинуаторы, впрочемъ, предпочли прятаться за псевдонимами. Фильденъ на это отвѣтилъ цитатами изъ извѣстнаго адреса къ Board of Agriculture Давида Девиса, ректора баркгамскаго *). Вотъ суть этихъ цитатъ:

СТОЛѢТІЯ.	14	15	16	17	18	19
Поденная плата работнику.	2 пен.	3 пен.	3½ п.	13пен.	14пен.	16пен.
Цѣна четверти пшеницы.	3ш.8п.	5ш.6п.	7½ ш.	40 ш.	48 ш.	63½ш.
Во сколько дней зарабатывалась четверть пшеницы.	22	22	26	37	41	46

Послѣднія цифры взяты изъ парламентскаго отчета за 1815—1837 гг.

*) *David Devis* (rector of Barkham): „The Case of labourers in Hasbandry stated and considered.—Adress to the Board of Agriculture“.

Противъ этой таблицы вѣскихъ возраженій представлено не было и она можетъ быть принята за лучшій аттестатъ аристократическому режиму въ Англіи. Обладая монополіей назначенія кандидатовъ въ члены палаты общинъ и не довольствуясь обыкновенными доходами со своихъ имѣній, она, эта христіаннѣйшая аристократія въ мірѣ, путемъ закона создала насильственныя цѣны на свой собственный хлѣбъ. И вотъ въ результатѣ послѣ пяти столѣтій положеніе народнаго желудка оказывается ухудшеннымъ больше чѣмъ вдвое.

Если невыносимое положеніе сельскихъ работниковъ доводило ихъ до такихъ отчаянныхъ взрывовъ, то можно себѣ представить, каково жилось городскому и особенно фабричному рабочему мануфактурныхъ округовъ. Исторія введенія машинъ, систематическая ломка ихъ рабочими и одновременныя громадныя стачки въ первой четверти 19-го столѣтія—слишкомъ извѣстная вещь, чтобъ ее повторять здѣсь. Правительство, то-есть парламентъ, то отрекалось отъ всякаго вмѣшательства въ отношенія работника къ хозяину и рекомендовало страждущему самопомощь, то издавало драконовскіе законы противъ рабочихъ обществъ и союзовъ сопротивленія. *Laissez faire, laissez passer* оказывалось пригоднымъ только до тѣхъ поръ, пока было выгодно сильному и богатому.

Рабочій день удлинялся, заработная плата падала. Жены и и дѣти конкурировали съ мужьями и отцами и часто совершенно лишали ихъ всякаго заработка: тамъ, гдѣ безъ машины прежде работало 50 взрослыхъ человѣкъ, теперь требовалось 2—3 работника и нѣсколько мальчиковъ или женщинъ. Изобрѣтенія и нововведенія совершенно убивали многія ручныя ремесла и освобождали массу рукъ, которымъ при старыхъ цеховыхъ порядкахъ въ рабочихъ организаціяхъ нельзя было пристать ни къ какому другому занятію,—для этого требовалось предварительно пробыть въ немъ ученикомъ 5 лѣтъ. Масса народа бродила безъ всякаго занятія и сѣяла горечь недовольства даже тамъ, гдѣ ея прежде и не было. А тѣ, кто имѣлъ постоянную работу, не могли поручиться за завтрашній день. Трудъ теперь сдѣлался товаромъ. Громадныя богатства стояли рядомъ съ отчаяннымъ пауперизмомъ, а порча нравовъ, болѣзни и развратъ сопровождали ихъ.

Т. Карлейль, въ своей статьѣ о чартизмѣ *), дѣлаетъ очень удачное сравненіе этого положенія съ извощичьею парой лоша-

---

*) *Thomas Carlyle:* „Chartism. Critical and Miscelanevus Essays", vol. VI. London. 1872.

дей. «Новый законъ о бѣдныхъ! Laissez faire, laissez passer! Хозяинъ лошадей, покончивши на нихъ всю лѣтнюю работу, долженъ кормить ихъ всю зиму. Но вѣдь онъ говоритъ имъ: «Четвероногіе, я не могу больше работать для васъ; но на свѣтѣ много работы. Вы не такъ невѣжественны (не начать же мнѣ читать вамъ лекцію политической экономіи), чтобы не знать, что паровая машина всегда создаетъ лишній трудъ. Въ одномъ мѣстѣ желѣзная дорога, въ другомъ каналы постоянно требуютъ возки, и не сомнѣвайтесь,—не въ Европѣ, такъ въ Азіи,—не въ Азіи, такъ въ Африкѣ,—не въ Африкѣ, такъ въ Америкѣ,—вы непремѣнно найдете себѣ работу. Ступайте и ищите извоза, я желаю вамъ успѣха!» Лошади сомнительно подняли вверхъ свои морды, фыркнули и поскакали,—онѣ думали, что Европа, Азія, Африка и Америка гдѣ-нибудь такъ близко, что онѣ добѣгутъ туда прежде, чѣмъ успѣютъ устать; а есть ли тамъ извозъ, или нѣтъ, имъ хорошо извѣстно не было. И вотъ онѣ галопируютъ по большимъ дорогамъ и все время осматриваются по сторонамъ; однако извоза нѣтъ. Наконецъ, мучимыя голодомъ, онѣ перескакиваютъ черезъ изгородь, ѣдятъ «чужую собственность» и... мы знаемъ остальное».

Преслѣдованія со стороны закона и порядка только озлобляли рабочихъ противъ высшихъ классовъ общества,—между ними, какъ выражается Брентано, «распространился духъ недовѣрія, ненависти и отчаянія».

И вотъ средній классъ поднимаетъ крикъ о реформѣ. Парламентскіе виги вступаютъ въ союзъ съ парламентскими радикалами противъ монополій аристократіи и тори. Въ 1829 г. Веллингтонъ, глава послѣднихъ, вынужденъ внести въ парламентъ билль объ эмансипаціи диссидентовъ Англіи, а затѣмъ и католиковъ Ирландіи. Монополія англиканской духовной аристократіи рухнула, диссиденты получили политическія права; но ни радикалы, ни виги этимъ не удовлетворились, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ тѣмъ Веллингтонъ объявилъ, что больше никакой реформы не будетъ, и внесъ два другіе билля: 1) объ опасныхъ ассоціаціяхъ и 2) о подавленіи мятежей (поджоги, бунты и насилія въ это время были повсемѣстны). Въ томъ же 1829 году образуется партія реформы, въ которой начинаетъ играть видную роль Джонъ Россель. По всей странѣ начинается агитація. *Times, Morning Chronicle, Westminster Review, Edinburgh Review* и масса провинціальныхъ органовъ взяли на с ебя спец

альную миссію пропагандировать реформу. Въ 1830 и 1831 годахъ во всѣхъ большихъ городахъ основались *политическіе союзы*, напр. въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингэмѣ и Лондонѣ; членами этихъ организацій, наравнѣ съ предпринимателями и собственниками, были и работники. По вечерамъ и въ промежуткахъ между работой тѣ и другіе сходились вмѣстѣ на площадяхъ и читали газеты. *Times* поощрялъ союзы и совѣтовалъ основывать ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Изъ извѣстныхъ радикаловъ Коббетъ наводнялъ страну своими дешевыми памфлетами, Гонтъ гремѣлъ на собраніяхъ, а Гетерингтонъ, издатель *Poor Men's Gardian* (журнала для народа, издаваемаго съ цѣлью испробовать право «противъ силы») и книгопродавецъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ упорную войну съ администраціей изъ-за уничтоженія штемпельнаго налога на популярныя изданія, дѣлавшаго ихъ въ семь разъ дороже дѣйствительной стоимости и направленнаго спеціально противъ радикальной дешевой прессы Коббета и другихъ.

Обращаясь къ народу и къ рабочимъ въ особенности, сторонники парламентской реформы и ихъ пресса говорили: «Помогите намъ добыть билль о реформѣ, а мы, какъ только получимъ свои политическія права, поможемъ вамъ добыть ваши». А въ видѣ приманокъ на первое время были обѣщаны: *сокращеніе государственныхъ расходовъ, миръ, реформа церкви, реформа корпорацій (или городскихъ управленій) и справедливость по отношенію къ Ирландіи.* (Мы скоро увидимъ, какъ всѣ эти обѣщанія были выполнены.)

«Бѣдные классы,—говоритъ Гэммэджъ въ своей «Исторіи чартистскаго движенія»,—мало задумывались надъ тѣмъ, что означаютъ всѣ эти вещи, но довѣряли добрымъ намѣреніямъ своихъ союзниковъ; восторженными глазами смотрѣли они на грядущее улучшеніе своего положенія, но никогда не давали себѣ труда измѣрить это улучшеніе и поэтому не понимали его».

Тѣмъ съ большею стихійною ненавистью относились они ко всѣмъ врагамъ реформы, ко всякому новому препятствію, которое аристократія ставила успѣху билля въ парламентѣ. Какъ извѣстно, билль вносился Джономъ Росселемъ три раза и послѣ каждаго отказа палаты лордовъ въ странѣ начинались мятежи, поджоги, нападенія на самихъ лордовъ, на ихъ дома и имущества.

---

*) *R. G. Gammage*: „History of the Chartist movement". London. 1854.

Въ то же время фонды вынимались изъ банковъ и уплата налоговъ останавливалась.

Послѣ втораго отказа лордовъ политическіе союзы были объявлены незаконными, на что страна отвѣчала цѣлымъ рядомъ мятежей; самый крупный изъ нихъ произошелъ въ Бристолѣ 29 октября 1881 года, по поводу пріѣзда туда, въ качествѣ короннаго судьи, всѣмъ извѣстнаго тогда противника реформы въ парламентѣ—Ветереля. Его встрѣтили камнями и свистомъ, потомъ буквально осадили въ домѣ мэра, откуда онъ былъ принужденъ бѣжать черезъ крыши сосѣднихъ домовъ, а мэра и его приближенныхъ едва успѣли спасти отъ гибели въ пламени пожара и подъ развалинами его дома только подоспѣвшія изъ окрестностей войска. Однако-жь и этимъ дѣло не кончилось,—страсти были слишкомъ возбуждены, причина волненія была слишкомъ глубока, чтобъ его можно было остановить натискомъ штыковъ. На другое утро масса народа сожгла домъ мэра, дворецъ епископа, заранѣе бѣжавшаго изъ города, таможню, акцизное управленіе,— всего 42 дома; три тюрьмы были отперты. Мстители ходили съ топорами и горшками скипидара; полы, потолки и двери, служившіе препятствіемъ огню, прорубались первыми, а второй дѣлалъ остальное. Множество разрушителей сами погибли въ пламени и подъ развалинами,—такъ мало цѣнилась тогда жизнь: одни не успѣвали бѣжать, другіе прыгали съ крышъ и разбивались, третьи живыми варились въ расплавленномъ свинцѣ, бѣжавшемъ ручьями съ крышъ.

Историкъ *), заканчивая эту картину ужасныхъ послѣдствій еще болѣе ужасныхъ причинъ, говоритъ: «Настроеніе народа, выразившееся въ этихъ безпорядкахъ, никоимъ образомъ не ограничивалось однимъ Бристолемъ. Быть-можетъ въ королевствѣ не было ни одного города, гдѣ бы случайное совпаденіе обстоятельствъ не могло вызвать того же. Мало того, не было ничего невѣроятнаго и въ томъ, что изъ Бристоля возстаніе распространится по окрестностямъ и сольется съ такими же мятежами въ другихъ городахъ. Въ Басѣ былъ мятежъ, въ Ворчестерѣ—мятежъ, въ Ковентри, въ Варвикѣ—то же самое».

Вотъ при какихъ условіяхъ совершилась «реформа» въ Англіи и вотъ почему до 30 октября всѣ спрашивали другъ друга: «Что-то сдѣлаютъ лорды?» А послѣ этого дня всѣ начали спрашивать: «Что сдѣлать теперь съ лордами?»

*) *W. N. Molesworth:* „The History of England 1830—1874“.

Однако-жь дальше этого отчаянный протестъ массы не пошелъ, потому что король написалъ 100 личныхъ писемъ къ столькимъ же лордамъ, прося ихъ уступить, и лорды дѣйствительно уступили; имъ приходилось выбирать между этимъ рѣшеніемъ и принятіемъ въ свою среду 40 новыхъ перовъ, возведенныхъ въ это достоинство королемъ спеціально съ цѣлью создать въ палатѣ лордовъ большинство, благопріятное «реформамъ».

Въ это время Гетерингтонъ уже писалъ въ *Poor Men's Gardian* 1-го октября 1831 года, въ своемъ письмѣ къ палатѣ лордовъ:

«Дѣйствительно, слишкомъ долгою нуждой и тяжестью рабочій народъ доведенъ до самаго отчаяннаго положенія; говоря политически, онъ смертельно боленъ. Его болѣзнь очень опасна. Это болѣзнь *подлой бѣдности, рабскаго униженія*—результатъ сѣверной системы исключительной собственности — и слѣдовательно совершенно противоположна той, которую когда бы то ни было изучали и практиковали доктора-лорды и доктора-богачи, сами исключительные собственники. Она можетъ быть излѣчена только *радикальнымъ* врачомъ, который живетъ между ея жертвами и ставитъ себѣ изученіе ея какъ и заботу объ этихъ больныхъ въ обязанность. *Всеобщее избирательное право, тайная баллотировка, уничтоженіе какихъ бы то ни было имущественныхъ ограниченій, ценза или правоспособности*—вотъ немедленно-необходимыя лѣкарства.

«Во всякомъ случаѣ наша обязанность—*протестовать* противъ такой партійной и призрачной *мѣры*, какъ «реформа», и честно дать вамъ знать, что народъ никоимъ образомъ не относится къ ней благопріятно, не смотритъ на нее какъ на удовлетвореніе какихъ-нибудь изъ его естественныхъ требованій, и онъ *никогда* и ничѣмъ не будетъ удовлетворенъ, какъ только установленіемъ *законодательнаго учрежденія*, основаннаго на принципѣ *равныхъ правъ* и *равныхъ обязанностей*.

«Народъ требуетъ *своихъ правъ, всѣхъ своихъ правъ*, и—*ничего больше, какъ своихъ правъ!*»

Гонтъ въ это время уже гремѣлъ, что «реформа виговъ»—*обманъ,* что народъ обошли, что 700.000 избирателей скоро будутъ держать 6.000.000 англичанъ въ худшемъ рабствѣ, чѣмъ прежніе 200.000.

Съ другой стороны Россель грозилъ упрямымъ аристократамъ повести изъ Бирмингэма 150.000 вооруженныхъ людей на Лон-

донъ. Впослѣдствіи дѣйствительно оказалось, что генералу Непиру предлагали изъ министерства внутреннихъ дѣлъ принять на себя команду надъ революціонной арміей *).

Однако-жь до этого не дошло. Лорды уступили, и парламентская реформа совершилась. Но какъ, подъ какимъ давленіемъ и чьими руками?... Здѣсь не мѣсто отвѣчать на эти вопросы, но намъ кажется, что и приведенныхъ немногихъ данныхъ уже достаточно для этого. Вѣрно только то, что идея болѣе радикальной реформы созрѣла, сдѣлалась живымъ словомъ и пріобрѣла себѣ столько сторонниковъ, чтобъ образовать особую партію, только тогда, когда «реформа» уже совершилась.

До реформы были *демократы*, но *демократіи* не было. Только послѣ реформы масса начала пробуждаться и понимать, что ее чѣмъ-то обошли, что она что-то прозѣвала. И она дѣйствительно прозѣвала, но объ этомъ послѣ. Карлейль правду говорилъ въ 1839 году, что «удивляться нужно не тому, что чартизмъ существуетъ, а тому, что голодный народъ, приглашенный на пиръ, чтобы вкушать воображаемыя яства, восемь лѣтъ сидѣлъ за столомъ и терпѣливо ждалъ «чего-нибудь» отъ министерства реформы и только черезъ восемь лѣтъ потерялъ надежду».

Въ февралѣ 1833 года собрался реформированный парламентъ. Онъ состоялъ изъ 658 членовъ, выбранныхъ 700.000 избирателями (изъ 6.000.000 мужскаго населенія). Его большинство составляли 331 членъ, которые могли быть выбраны 151.000 (такъ были устроены округи), т. е. $^1/_{40}$ долею мужскаго или $^1/_{160}$ долею всего населенія страны. И эта $^1/_{160}$ доля собиралась издавать всѣ законы.

Уже изъ тронной рѣчи радикалы поняли, что дѣло народа проиграно. Ваклей и Молесвортъ тотчасъ же внесли дополненіе къ королевскому спичу въ смыслѣ большаго расширенія избирательнаго права, тайной баллотировки и сокращенія парламентовъ. Но Россель самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что никакихъ реформъ больше не будетъ, что волненія прошлыхъ лѣтъ и безъ того слишкомъ долго держали *коммерцію* въ оцѣпенѣніи и теперь пора отдохнуть. За дополненіе оказалось 22 голоса (!). Такая же участь постигла и еще болѣе существенное предложе-

---

*) Непиръ пришелъ въ негодованіе отъ такого предложенія, но согласился не публиковать письма до тѣхъ поръ, пока тѣ же министры не будутъ преслѣдовать кого-нибудь за то же преступленіе. Случай представился въ 1848 году въ Ирландіи и Непиръ представилъ письмо въ судъ.

ніе Атвуда—назначить *комитетъ для изслѣдованія бѣдственнаго положенія рабочихъ массъ*, а также ограничить работу женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и уничтожить нѣкоторыя устарѣлыя подати: парламентъ нашелъ, что къ этому не *представляется особенной надобности*, и отклонилъ предложеніе. Такой отвѣтъ былъ уже совершенно возмутителенъ и стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами. Въ это же самое время, напримѣръ, Коббеттъ говорилъ въ парламентѣ:

«Теперь въ Великобританіи 5—6.000.000 живыхъ людей лишены необходимѣйшихъ средствъ къ существованію. Я могу сообщить парламенту, какъ фактъ, что въ округѣ Лидса изъ 125.000 душъ 40.000 имѣютъ не больше 2—2½ пенсовъ въ день на каждаго (хлѣбъ тогда стоилъ 2½ пенса фунтъ). Въ Гонтерфильдѣ — тоже. Чего долженъ ожидать народъ въ такомъ положеніи? Не слѣдуетъ ли ему думать, что его величество, обращаясь къ парламенту, выразитъ нѣкоторое сочувствіе къ нему и предложитъ нѣкоторыя мѣры помощи?» Но для парламента, избраннаго съ цензомъ въ 10 фунтовъ годовой ренты, такихъ фактовъ не существовало. Или, иначе говоря, сытый голоднаго не понималъ и на этотъ разъ. Бывали и еще болѣе рѣзкія выраженія этого общаго и, къ сожалѣнію, уже не новаго правила.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ томъ же реформированномъ парламентѣ нѣкто членъ Фрайеръ обращалъ вниманіе своихъ коллегъ на бѣдственное положеніе работниковъ физическаго труда въ такой формѣ:

«Фабричный рабочій трудится день и ночь изъ-за жалкой подачки, которой ему едва хватаетъ на половину необходимыхъ средствъ къ существованію. Еслибы какой-нибудь благородный маркизъ могъ видѣть условія, въ которыхъ работаетъ углекопъ въ нѣдрахъ земли, почти навсегда лишенный солнечнаго свѣта (громкій смѣхъ),—еслибъ онъ пошелъ на фабрику и посмотрѣлъ, какъ тамъ работаютъ маленькія дѣти, — еслибъ онъ зашелъ въ мастерскую ремесленника, напримѣръ слесаря или кузнеца, — онъ скорѣе принялъ бы оборваннаго и замазаннаго работника за пугало, чѣмъ за человѣка (громкій смѣхъ)» и т. д. въ этомъ родѣ. Такъ забавлялись законодатели, авторы тѣхъ самыхъ законовъ, за неповиновеніе которымъ сажали въ тюрьмы, а въ случаѣ нужды поднимали и на штыки.

Теперь-то настало время привести въ исполненіе обѣщанныя экономію, миръ, реформы въ Англіи и справедливость къ Ирлан-

діи. Первое, что сдѣлалъ парламентъ, было изданіе билля о *вооруженномъ подавленіи волненій въ Ирландіи*. Биллемъ этимъ предписывалось всякому гражданину «свободной страны» не выходить изъ дому отъ заката до восхода солнца; всѣ собранія для подаванія петицій, обсужденія вопросовъ церкви и государства были запрещены и участіе въ нихъ считалось преступленіемъ. Всякому полицейскому давалось право арестовать и сажать въ тюрьму кого угодно. За обладаніе возмутительными бумагами въ указанныхъ округахъ обѣщалась тюрьма не свыше 12 мѣсяцевъ, а три мѣсяца тюремнаго заключенія лишали личность покровительства *habeas corpus act*'а. Такова была «справедливость» къ Ирландіи въ рукахъ новыхъ законодателей изъ «благомыслящихъ гражданъ».

Еще оригинальнѣе оказалась ихъ «экономія» или «сокращеніе расходовъ». Въ доброе старое время и вплоть до 1833 г. лорды, перы, маркизы и духовенство претендовали быть отцами народа, и въ Англіи процвѣтала приходская благотворительность, исходившая иногда конечно и отъ щедротъ самихъ владѣтельныхъ аристократовъ, но главнымъ образомъ отъ десятины, которая собиралась духовенствомъ на нужды церкви съ приходовъ. По закону Елизаветы, всякій больной и немощный, всякій не находящій работы—имѣлъ право на приходскую помощь. На нее во всей Англіи въ 1832 году расходовалось до 2.000.000 ф. стерл. Мелкіе собственники, предприниматели и промышленники кричали, что ихъ обираютъ, что «нищіе» объѣдаются мясомъ и не хотятъ работать, что это мѣшаетъ имъ вести свои дѣла и платить честнымъ работникамъ болѣе высокую заработную плату. Этотъ крикъ проникъ, конечно, и въ парламентъ и здѣсь было рѣшено прекратить эти «оргіи нищихъ», запретивши раздачу пособій на домъ. Дѣла бѣдныхъ взяты у духовенства и отданы особымъ комитетамъ. Вмѣсто раздачи пособія рѣшено было построить по всей странѣ *рабочіе дома*, которые служили бы мѣстомъ жизни и труда для тѣхъ, кто дѣйствительно не можетъ работать. Но какъ же избавиться отъ лѣнтяевъ и обжоръ?—Очень просто: стоитъ превратить *рабочій домъ* въ худшую тюрьму и отравить существованіе въ ней людей. Правда, когда при Георгѣ III издавался законъ объ увеличеніи раздаваемаго пособія, то онъ былъ вызванъ крайне низкой заработною платой въ странѣ. Но это ничего не значило, такъ какъ новый парламентъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы нарушать своимъ вмѣшательствомъ священные законы сво-

бодной конкурренціи, которой и предоставлялось установленіе заработной платы. Что же касается до тюремъ, изобрѣтенныхъ богатыми для бѣдныхъ, то дѣйствительно лучшаго ничего не оставалось желать; не доставало только одного—надписи на дверяхъ, рекомендующей входящему «оставить надежду навсегда» за его стѣнами. Выхода оттуда дѣйствительно не было: передъ вступленіемъ туда необходимо было продать все имущество до послѣдняго пенни; силы человѣка поддерживались здѣсь лишь въ такомъ состояніи, чтобъ отвратить немедленную смерть; семья разрушалась,—жены отдѣлялись отъ мужей и дѣти отъ матерей и отцовъ; пороки и развратъ буквально пожирали людей; болѣзни находили себѣ здѣсь лучшую почву.

В. Ловеттъ въ слѣдующихъ словахъ передаетъ разсказъ одного спитальфильдскаго работника: «Мой товарищъ былъ долго безъ работы (онъ былъ честный и серьезный парень) и наконецъ до того ослабѣлъ, что упалъ безъ чувствъ на улицѣ и былъ взятъ въ рабочій домъ, куда принуждены были идти и его жена и дѣти. Рабочій домъ былъ переполненъ (въ немъ помѣщалось до 1.500 душъ), по 8 — 10 человѣкъ спало на одной кровати, ноги одного съ головой другаго и опять ноги третьяго и т. д.; они умирали отъ испорченнаго воздуха, какъ зачумленныя овцы. Его товарищъ былъ отдѣленъ отъ своихъ дѣтей и жены, а эти другъ отъ друга. Двое дѣтей умерло отъ лихорадки, схваченной тамъ же. Его самого положили вмѣстѣ съ тифознымъ на постель, съ которой только-что убрали трупъ другаго тифознаго, и даже не перемѣнили бѣлья. Онъ былъ доведенъ до состоянія, граничащаго съ сумасшествіемъ. Тамъ же онъ видѣлъ на одной постели трехъ женщинъ съ грудными дѣтьми» *).

Прежде, чѣмъ этой картинѣ была придана гласность, власти рабочаго дома, узнавши о такомъ намѣреніи, принимали различныя мѣры, чтобы замять это дѣло.

По словамъ *Northern Liberator* **) 1838 г., лордъ Уинчеслей сообщилъ, что одинъ чернорабочій, жившій на его землѣ, заболѣлъ и пошелъ на нѣкоторое время въ рабочій домъ, но тамъ ему задали такое «испытаніе», что онъ отъ него умеръ. Для того, чтобы получить позволеніе переночевать въ рабочемъ домѣ, нужно было проносить 1 часъ мѣшокъ съ 56 фунтами песку.

*) *W. Lovett*: „Life and Struggles", стр. 70.

**) *Northern Liberator*—радикальная газета въ New-Castle, издав. Beaumontомъ.

А для того, чтобъ остаться тамъ дольше, нужно было дѣлать это каждый день въ теченіе 4 часовъ.

Впечатлѣніе, произведенное новымъ закономъ о бѣдныхъ на народъ, было ужасно и не предвѣщало ничего хорошаго. Гэммэджъ, по поводу этого впечатлѣнія на фабричные округи Йоркшира и Ланкашира, говоритъ слѣдующее: «Новый законъ о бѣдныхъ буквально навелъ ужасъ на эти округи. На уничтоженіе закона Елизаветы и замѣну его новымъ народъ смотрѣлъ какъ на разрушеніе послѣдняго звѣна цѣпи, связывавшей его съ богатыми классами. Громадные, похожіе на тюрьмы, *рабочіе дома* выросли всюду и напоминали бѣднымъ объ ихъ грядущемъ несчастіи. При жалкомъ заработкѣ, котораго не доставало на самое убогое существованіе, передъ ними не было ничего кромѣ нищеты въ настоящемъ и «Бастиліи» въ будущемъ, въ которую они должны быть замурованы, какъ только ихъ притѣснители перестанутъ нуждаться въ ихъ услугахъ» *). Такихъ случаевъ, что люди, не находя работы и не получая пособія, совершали преступленія, чтобы только попасть въ тюрьму или быть сосланными въ колоніи, было множество. Въ 1838 г. происходилъ цѣлый рядъ публичныхъ митинговъ, протестовавшихъ противъ плана властей переселять дѣтей изъ рабочихъ домовъ въ колонію, конечно, безъ всякаго участія родителей.

Однако-жь находились и теперь такіе шутники, какъ лордъ Радноръ, которые утверждали, что и въ рабочихъ домахъ «обжираются». Этотъ благородный лордъ публично увѣрялъ, что въ рабочемъ домѣ въ Донлей разстройство желудка отъ переполненія—общая болѣзнь. Нѣтъ нужды, что докторъ этого заведенія печатно заявилъ, что тамъ не было не только общей диспепсіи, но даже ни одного случая этой болѣзни. «Если болѣзни не было, обжорство все-таки существуетъ», отвѣтилъ лордъ.

Такимъ образомъ легко понять, какой дѣйствительно страшный взрывъ негодованія, ненависти и отчаянія вызвало подобное осуществленіе реформы въ народѣ и среди искреннихъ защитниковъ его интересовъ. «Реформа» 1832 г. въ ихъ глазахъ теперь сдѣлалась самымъ гнуснымъ обманомъ, а новые властители (средній классъ) гораздо болѣе ненавистными, чѣмъ аристократы. Въ фабричныхъ округахъ, около Манчестера, появились страшные бичи новой системы — Ричардъ Остлей и Джозефъ Стефенсъ; первый—бывшій дворецкій одного богатаго лорда, а другой—мето-

*) *R. G. Gammage*: „History of the Chartist movement“.

дистскій священникъ—живые выразители крайняго недовольства массы. Первый имѣлъ консервативные политическіе взгляды, но ненавидѣлъ богатыхъ и казнилъ ихъ за себялюбіе и бездѣйствіе относительно бѣдныхъ. *Алтарь, тронъ и коттэджъ*, т. е. жилище работника, составляли его любимую тріаду, которую онъ часто приправлялъ другою: оружіе, оружіе и оружіе.—Стефенсъ былъ личностью болѣе оригинальной, сильной и вліятельной и представлялъ въ Англіи тотъ же самый типъ, который во Франціи вылился въ Ламэнэ. Ему было не больше 30 лѣтъ, когда собственная строго-догматическая Веслеянская паства судила его, какъ своего священника, и приговорила къ исключенію изъ своей среды за то, что онъ проповѣдывалъ съ каѳедры не слово Божіе, а политическія идеи. Вначалѣ главный предметъ его проповѣдей составляла работа дѣтей на фабрикахъ. «Смотрите на этотъ домъ съ высокими трубами,—говорилъ онъ, указывая на фабрику:—каждый кирпичъ въ ней слѣпленъ кровью женщинъ и дѣтей!» Онъ самъ писалъ про себя въ адресѣ къ работникамъ Дургама: «Я дѣлалъ свое дѣло и въ деревнѣ, и въ фабричномъ центрѣ, и близко знаю положеніе народа. Это знаніе дѣйствительности въ сравненіи съ признанными правами и привилегіями народа, о которыхъ говорятъ высокія власти и пишутъ мудрѣйшіе мыслители права, привело меня къ заключенію, что въ самомъ корнѣ существующаго положенія вещей есть что-то ложное и что ни абстрактная теорія, ни перестройка внѣшности нашихъ учрежденій не могутъ принести много пользы или устранить болѣзнь. Убѣжденный въ этомъ, я выступилъ на зовъ народа въ своемъ округѣ за національныя и общія права бѣдныхъ и дѣтей, обреченныхъ этимъ положеніемъ на рабство фабричной системѣ и рабочему дому...» Когда у него отняли церковную каѳедру, онъ началъ проповѣдывать изъ оконъ своей квартиры, и всякое воскресенье къ нему стекалось по нѣскольку тысячъ народа. Вскорѣ его послѣдователи построили ему на свой счетъ церковь, гдѣ онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ. Фабриканты и хозяева, конечно, ненавидѣли его отъ всей души; онъ служилъ для нихъ пугаломъ, хотя въ частной жизни, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, не было человѣка мягче, привѣтливѣй и теплѣе Стефенса. Рабочихъ, посѣщавшихъ его церковь, разсчитывали безъ всякихъ разговоровъ, и онъ отдавалъ имъ все свое жалованье.

Послѣ обнародованія новаго закона о бѣдныхъ Стефенсъ сдѣлался еще горячѣе и непримиримѣе; онъ видѣлъ въ этомъ ново-

введенiи нарушенiе священнаго «права бѣдныхъ и униженныхъ быть накормленными, одѣтыми, согрѣтыми и защищенными въ своихъ собственныхъ домахъ, у собственныхъ очаговъ, на землѣ своихъ предковъ, въ мирѣ и радостномъ довольствѣ, — все равно, какова бы ни была форма правленiя и политическiя учрежденiя». А когда права народа попираются,—гремѣлъ онъ,—«долой троны, долой аристократiю, долой епископовъ и духовенство,—жгите самыя церкви,—долой чины и титулы!» «Я революцiонеръ огнемъ, кровью и смертью»,—продолжалъ онъ въ другой разъ и подтверждалъ все это цитатами изъ Библiи и Священнаго Писанiя. Послѣдствiя впрочемъ показали, какъ и слѣдовало ожидать, что его отрицанiе и революцiонизмъ были только доктриной оскорбленнаго нравственнаго чувства и никогда неспособны были перейти въ фактическое разрушенiе. Сектантъ никогда не можетъ быть революцiонеромъ: какъ бы ни были страшны его слова и какъ бы искрененъ онъ въ нихъ ни былъ, они всегда останутся словами. Однако-жъ въ народѣ этого округа раздраженiе противъ закона о бѣдныхъ было такъ сильно, что онъ не могъ быть здѣсь введенъ въ полной силѣ даже въ 1838 году.

И Остлей, и Стефенсъ, какъ и новый законъ о бѣдныхъ, приготовляли почву для чартизма. Они сами не претендовали на политическое руководительство народомъ и не были способны на это; они лишь выражали собою всю массу накопившейся въ народѣ боли и отчаянiя,—выражали больше безсознательно, стихiйно.

Таковы были плоды дѣятельности реформированнаго парламента.

Популярность виговъ быстро падала и въ политикѣ настало опять одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ состоянiй, какое бываетъ, когда старое сгнило, а новое не назрѣло. Виги для того, чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ и поддержать хотя наружный порядокъ, возобновили систему шпiонства и провокацiи временъ Сидмута*) и пытались въ зародышѣ убить всякiе признаки энергiи и самодѣятельности въ рабочихъ массахъ. Въ томъ же 1833 г. въ Лондонѣ радикалами была сдѣлана попытка созвать конференцiю рабочихъ классовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Во время приготовительнаго по этому поводу митинга на Calthorpe-field полицiя безъ всякаго предупрежденiя напала на без-

*) Лордъ Сидмутъ—членъ реакцiоннаго министерства Ливерпуля во второмъ десятилѣтiи нашего вѣка — возвелъ провокацiю мятежей въ систему и наводнилъ страну шпiонами. Онъ—современникъ и прiятель Меттерниха.

оруженную толпу и устроила такъ-называемое *кальторпское побоище*.

Въ 1834 г. всѣ ремесленные союзы Англіи дѣлали попытку соединиться въ одну организацію—*consolidated national trades unions*, но и это движеніе кромѣ многолюдныхъ процессій по городамъ ничѣмъ серьезнымъ не заявило себя.

Мятежи, поджоги и даже убійства фабрикантовъ опять возобновились съ прежнею силой. Было ясно, что обаяніе «реформы» среди народа исчезло и недовольство требуетъ новаго движенія впередъ. Съ этого момента собственно и начинается чартистское движеніе.

Въ 1836 году въ Лондонѣ была основана *ассоціація рабочихъ* (working men association), которой вмѣстѣ съ *бирмингэмскимъ политическимъ союзомъ* и принадлежитъ починъ въ этомъ движеніи; они составили народную хартію (people's charter), которая съ этихъ поръ и сдѣлалась знаменемъ и программой новой политической партіи рабочихъ.

Уже въ 1831 году среди самихъ рабочихъ большихъ городовъ существовала группа реформаторовъ-радикаловъ, которые относились къ Росселевской «реформѣ» очень сомнительно, чтобы не сказать больше.

Не нужно забывать, что уже въ двадцатыхъ годахъ овеновская утопическая проповѣдь перерожденія человѣчества и кооперативное движеніе его послѣдователей были въ полномъ ходу и сильно способствовали выясненію среди рабочихъ экономической стороны проблеммы человѣческаго счастья—не только теоретически, но и демонстративно. Въ 1828 году въ Англіи существовало уже до 400—500 кооперативныхъ обществъ. Многіе изъ ихъ участниковъ позднѣе оказались въ рядахъ чартистовъ, несмотря на овеновскій индифферентизмъ къ политикѣ. Вообще же послѣдствіемъ этого было то, что среди городскихъ рабочихъ все, что было въ нихъ сознательнаго и мыслящаго, не могло удовлетвориться чисто-политическою, и притомъ такой узко-политическою, реформой, какую выдвинули виги. Въ Лондонѣ уже въ 1831 году былъ основанъ *національный союзъ рабочихъ и другихъ классовъ*, который, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сойтись съ *политическими союзами*, долженъ былъ стать отдѣльно и разсчитывать больше на будущее, чѣмъ на настоящее.

Союзъ задавался самыми разнообразными цѣлями, на которыхъ отражалось вліяніе и овенизма, и «реформы», но было нѣчто и свое собственное. Онъ имѣлъ въ виду: «покровительство

рабочимъ вообще, свободное распоряженіе продуктомъ труда, дѣйствительную реформу палаты общинъ, отмѣну всѣхъ дурныхъ законовъ, составленіе разумнаго и осмысленнаго кодекса законовъ и, наконецъ, выработку и организацію мирнаго выраженія общественнаго мнѣнія». Секретаремъ союза былъ В. Ловеттъ, а въ числѣ членовъ находились Гетерингтонъ, Кливъ, Ватсонъ и другіе, съ которыми намъ придется еще не разъ встрѣчаться.

Практическая дѣятельность союза заключалась въ пропагандѣ радикализма или, скорѣе, въ образовательномъ движеніи въ своей средѣ. Къ этому же была приспособлена и организація его. На каждые 30—40 членовъ выбирался *классный руководитель*. Разъ въ недѣлю они собирались, обыкновенно, въ домѣ такого руководителя и занимались обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, чтеніемъ и разборомъ газетныхъ политическихъ статей или отрывковъ изъ извѣстныхъ политическихъ авторовъ. Такихъ классовъ было не мало разбросано по всему Лондону, а еще больше по провинціальнымъ городамъ; съ послѣдними, какъ съ вѣтвями союза, поддерживались постоянныя сношенія. Такая дѣятельность, конечно, вырабатывала политическое общественное мнѣніе въ средѣ рабочихъ и группировала ихъ, но за то при отсутствіи болѣе широкаго жизненнаго опыта дѣлала изъ многихъ теоретиковъ и резонеровъ. Были въ средѣ союза, впрочемъ, и «горячія головы», какъ ихъ снисходительно называетъ Ловеттъ, которыя не довольствовались такою дѣятельностью и, не имѣя открытой силы вліять на политику страны, дѣлали нѣсколько попытокъ образовать *тайный конвентъ*, но изъ этого ничего не вышло.

Союзъ во многихъ случаяхъ публично высказывалъ свое невысокое мнѣніе о «реформѣ» и настаивалъ на правѣ всякаго участвовать въ управленіи, за что и заслужилъ себѣ прозвище «разрушителей, революціонеровъ, грабителей и поджигателей» со стороны вигской и торійской прессы.

Когда вотировался билль о реформѣ, союзъ опубликовалъ *декларацію*, содержаніе которой вкратцѣ слѣдующее:

Декларація національнаго союза рабочихъ классовъ.

„Трудъ есть источникъ богатства. То общество наилучшимъ образомъ управляется, гдѣ граждане не слишкомъ богаты и не слишкомъ бѣдны». *Θалесъ.*

«1. Вся собственность (честно нажитая) священна и неприкосновенна.

«2. Всѣ люди равно свободны по рожденію и имѣютъ извѣстныя природныя и неотъемлемыя права.

«3. Правительство должно опираться на нихъ и имѣть въ виду пользу *всѣхъ*, а не нѣкоторыхъ.

«4. Всѣ наслѣдственныя различія неестественны и должны быть отмѣнены.

«5. Всякій здоровый, незапятнанный преступленіемъ и взрослый человѣкъ долженъ имѣть право голоса въ законодательствѣ.

«6. Подача голосовъ должна быть тайная. Имущественнаго ценза не должно существовать.

«7. Эти принципы существенны для нашей самозащиты и мы никогда не удовлетворимся никакимъ закономъ, который не признаетъ ихъ».

Эта декларація была разослана по всѣмъ радикальнымъ и рабочимъ обществамъ.

Прошло еще пять лѣтъ. Бѣдствія и волненія въ странѣ продолжались, а парламентъ не обѣщалъ ничего новаго. Среди лондонскихъ радикаловъ лѣтомъ 1836 г. созрѣла мысль избавиться отъ опеки парламентскихъ вождей радикализма и заложить фундаментъ новой партіи, состоящей исключительно изъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что въ 1835 году не осталось ни одного изъ людей, заслужившихъ уваженіе своей многолѣтнею борьбой за интересы простаго народа: Коббетъ и Гонтъ оба въ этомъ году умерли, новое же поколѣніе радикаловъ парламента, обладая не меньшими претензіями на предводительство, далеко не отличалось энергіей и преданностью дѣлу.

16 іюня 1836 года въ Тевистонъ-стритѣ и Ковенъ-гарденѣ была основана *лондонская ассоціація рабочихъ*, которой суждено было играть въ послѣдующей исторіи чартизма важную роль. Она состояла исключительно изъ рабочихъ (нерабочіе могли въ ней быть только почетными членами). Программа ея уже достаточно характеризуетъ ея содержаніе. Она задавалась слѣдующими цѣлями:

1. Соединить *въ одно цѣлое развитую и вліятельную* часть рабочаго класса, городскаго и сельскаго.

2. Всѣми законными средствами стараться доставить всѣмъ классамъ общества пользованіе одинаковыми политическими и соціальными правами.

3. Употреблять всѣ средства и пользоваться всякимъ поводомъ для того, чтобъ уничтожить жестокіе законы, которые мѣ-

шають свободному общенію мысли посредствомъ *дешевой и честной прессы*.

4. Способствовать всѣми средствами образованію подрастающаго поколѣнія и искорененію системы, ведущей въ будущемъ къ рабству.

5. Собирать всякія свѣдѣнія, касающіяся интересовъ рабочихъ классовъ въ частности и общества вообще, особенно же статистическія данныя о заработной платѣ, обычаяхъ и условіяхъ жизни чернорабочихъ, и обо всѣхъ тѣхъ причинахъ, которыя главнымъ образомъ порождаютъ теперешнее положеніе вещей.

6. Сходиться и сообщаться по поводу этихъ данныхъ другъ съ другомъ.

7. Публиковать свои взгляды и чувства съ цѣлью создать нравственное, разумное и энергическое общественное мнѣніе, ведущее къ благу рабочаго класса.

8. Организовать библіотеки, имѣть мѣста для собраній и т. д.

Не трудно замѣтить, что эта программа во многомъ напоминаетъ «союзъ рабочихъ классовъ» и, очевидно, была выраженіемъ людей того же самаго направленія или даже тѣхъ же самыхъ лицъ. Это направленіе сводилось къ одной задачѣ—*выработать интеллигенцію рабочаго класса и организовать ее* въ одно цѣлое, т. е. въ самостоятельную *политическую партію*. Среди членовъ ассоціаціи мы дѣйствительно находимъ тѣхъ же самыхъ иниціаторовъ уже не первой попытки радикальной борьбы и агитаціи. Это—Г. Гетерингтонъ, Дж. Кливъ, Р. Муръ, В. Ловеттъ, Дж. Ватсонъ, Г. Винцентъ, Р. Гартвеллъ, Роджерсъ, Севеджъ и другіе.

Первое время своего существованія ассоціація проявляла себя самыми разнообразными адресами и посланіями и къ королевѣ, и къ странѣ, и къ бельгійскимъ и къ американскимъ рабочимъ, и даже къ польскимъ патріотамъ - демократамъ. Во всѣхъ этихъ упражненіяхъ въ демократическомъ краснорѣчіи уже тогда высказывались тѣ характеристическія черты, которыя впослѣдствіи такъ рѣзко отличали ее отъ другихъ группъ чартистовъ и сдѣлали представительницей партіи «нравственной силы», въ противоположность партіи «физической силы».

Въ адресѣ къ провинціальнымъ обществамъ, которымъ совѣтовалось организоваться по примѣру лондонской ассоціаціи рабочихъ, говорилось, напримѣръ, что въ выборѣ членовъ слѣдуетъ быть очень осторожными; пьяницы и безнравственные люди не

должны имѣть здѣсь мѣста, которое всегда открыто для серьезныхъ, нравственныхъ и мыслящихъ людей. «Лучше мало, но надежныхъ, чѣмъ много, но испорченныхъ». «Имъ нужны *люди*, а не тѣ недостойные этого имени, у которыхъ за простыми чувственными наслажденіями не существуетъ болѣе высокихъ стремленій, которые забываютъ свои обязанности отцовъ, мужей, братьевъ и дѣлаются рабами своихъ притѣснителей изъ-за пьянства». Въ адресѣ къ польскимъ демократамъ говорилось вслѣдъ за общими разсужденіями на тему: *всѣ люди—братья:* «Мы думаемъ, что открыли великій секретъ власти всесвѣтныхъ гонителей свободы: это—*наше собственное невѣжество относительно общества* и правительства; это—*наши предразсудки, разъединеніе и недовѣріе*.... Народъ самъ поставилъ и продолжаетъ поддерживать тѣ немногіе идолы власти и богатства, которые вызываютъ въ немъ сразу и страхъ, и обожаніе...» Политическіе взгляды ассоціаціи лучше всего и полнѣй всего были выражены въ памфлетѣ, написанномъ Гетерингтономъ и изданномъ ассоціацией: «Испорченная палата общинъ». Въ немъ говорилось: «Товарищи-соотечественники! пробовали ли вы когда-нибудь вникать въ то, какимъ образомъ справедливое и экономное управленіе повліяло бы на интересы 658 членовъ нашей палаты общинъ? Еслибы вы это сдѣлали, вы навѣрно потеряли бы всякую надежду на то, чтобъ этотъ парламентъ могъ сдѣлать для васъ что-нибудь существенное...

«Неужели *ландлордъ*, котораго собственный интересъ заставляетъ повышать ренту при помощи несправедливыхъ и исключительныхъ законовъ, можетъ быть представителемъ рабочихъ людей?

«Неужели всѣ *дѣлатели денегъ*, *спекуляторы* и барышники, живущіе на счетъ испорченности системы, могутъ быть представителями сыновъ труда?

«Неужели всѣ безчисленные *лорды*, *графы, маркизы, кавалеры, баронеты, почтенные* и *достопочтенные*, занимающіе мѣста въ палатѣ, могутъ представлять наши интересы?

«Неужели *чины арміи и флота* въ палатѣ общинъ, которыхъ интересъ требуетъ поддержанія системы, обезпечивающей имъ ихъ жалованье и покровительство, и которыхъ все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы побуждать одну часть нашихъ братьевъ держать въ подчиненіи другую, — могутъ представлять наши нужды?

«Неужели насъ представляютъ *адвокаты, прокуроры* и *ходатаи по дѣламъ*, которыхъ благосостояніе основывается на непонятности и запутанности законовъ,—люди, которыхъ знанія *законовъ* часто доставляютъ имъ мѣста въ рядахъ правительственныхъ чиновниковъ и помогаютъ развращенію высшихъ сферъ управленія?

«Неужели *фабрикантъ* и *капиталистъ*, которымъ исключительная монополія соединенной силы дерева, желѣза и пара помогаетъ разорять тысячи и которыхъ интересъ понижать вознагражденіе за трудъ до minimum'a,—могутъ представлять интересы рабочихъ?

«Неужели хозяинъ, котораго интересъ—покупать трудъ по возможно дешевой цѣнѣ, можетъ представлять *работника*, котораго интересъ—получить за свой трудъ возможно больше?...»

Въ февралѣ 1837 года ассоціація устроила въ тавернѣ Crown and Anchor, на Стрэндѣ, публичный митингъ для подачи петиціи въ парламентъ о всеобщей подачѣ голосовъ и о другихъ требованіяхъ демократической партіи. Здѣсь-то въ первый разъ и были установлены знаменитые 6 пунктовъ *народной хартіи (people's charter)*, которые и должны были составить зерно петиціи:

1. Всеобщая подача голосовъ.
2. Ежегодные выборы въ парламентъ.
3. Тайная баллотировка.
4. Отмѣна имущественнаго ценза.
5. Жалованье членамъ парламента во время исполненія общественныхъ обязанностей.
6. Равные избирательные округи по числу избирателей.

Хартія тутъ же получила до 3.000 подписей. Такимъ образомъ была установлена программа новой партіи. По мнѣнію радикаловъ, ея осуществленіе привело бы къ дѣйствительно радикальной реформѣ, которая дала бы возможность всѣмъ слоямъ общества имѣть одинаковое участіе въ законодательствѣ и превратить его изъ орудія одной господствующей клики въ учрежденіе дѣйствительно народное, готовое защищать слабаго отъ сильнаго. Мало того, на членскихъ билетахъ общества стояло: «*Человѣкъ, избѣгающій участія въ полезномъ трудѣ, уменьшаетъ народное богатство и налагаетъ свое ярмо на ближняго*». Въ отвѣтъ людямъ, которые указывали на хлѣбные законы, на фабричную систему, на законъ о бѣдныхъ, какъ на вещи стоющія вниманія прежде всеобщаго права голосованія, пер-

вые чартисты обыкновенно говорили: «дайте намъ получить вліяніе на законодательство—и тогда мы все это измѣнимъ».

Членъ парламента Ребюкъ взялся представить петицію. Ассоціація рѣшила послать своихъ эмиссаровъ по странѣ пропагандировать среди рабочихъ обществъ «народную хартію» и собирать подписи на петицію. Гетерингтонъ былъ для этого самый подходящій человѣкъ,—послѣ его пятилѣтней борьбы за дешевую прессу его знало все читающее населеніе страны. А кромѣ того демократія знала его какъ издателя нѣсколькихъ руководящихъ демократическихъ журналовъ, какъ *Poor Men's Gardian*, *Political Letters, Republican* и *Police Gazette*. Кливъ, Винцентъ и Гартвеллъ были посланы въ другія мѣста. Ловеттъ же, какъ секретарь и душа общества, остался въ Лондонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разосланъ и тотъ адресъ къ провинціальнымъ обществамъ, о которомъ упоминалось выше.

Въ это же время велись переговоры съ парламентскими радикалами о поддержкѣ ими билля о всеобщей подачѣ голосовъ, когда онъ будетъ внесенъ. Большая часть изъ нихъ оказались согласными съ требованіями народной хартіи *въ принципѣ, но не на практикѣ*. Однако-жъ поддержка была обѣщана и выбранъ для редакціи билля комитетъ изъ 12 человѣкъ, по 6 съ той и другой стороны. Это были:

О'Коннелль Ребюкъ Лидеръ Гиндлей Томпсонъ Кроуфордъ	изъ парламента.	Гетерингтонъ Кливъ Ватсонъ Муръ Ловеттъ Винцентъ	отъ рабочихъ.

Изъ этого временнаго союза почти ничего не вышло, такъ какъ въ это время умеръ король и назначены были новые выборы, да и вообще рабочіе очень мало довѣряли своимъ привилегированнымъ союзникамъ и имѣли на то основаніе. Стоитъ прослѣдить дальнѣйшее поведеніе хотя бы этихъ немногихъ личностей, принимавшихъ участіе въ переговорахъ. — О'Коннелль, который послѣ упомянутаго соглашенія, взявъ въ руки хартію и обращаясь къ Ловетту, сказалъ: «Ну, Ловеттъ, теперь возьмите вашу хартію, проповѣдуйте ее и не соглашайтесь ни на что меньшее», — этотъ великій трибунъ Ирландіи очень скоро началъ играть съ радикалами чартизма двойную игру и пропо-

вѣдывать въ Ирландіи, что они—худшіе враги его родины. Вигское министерство обѣщало ему реформы въ Ирландіи, но единственнымъ препятствіемъ къ этому выставляло англійскихъ радикаловъ. А кромѣ того радикалы не признавали деспотизма вождей и безусловнаго повиновенія имъ, на которомъ строилась вся карьера О'Коннелля въ Ирландіи. Далѣе, Вардъ сдѣлался впослѣдствіи губернаторомъ Іонійскихъ островов, и очень жестокимъ губернаторомъ. Боурингъ принялъ правительственное мѣсто. Молесвортъ скоро отсталъ отъ движенія и вошелъ, какъ членъ, въ коалицію правительства. Ребюкъ, разочаровавшись, оставилъ политическую арену и погрузился въ частную жизнь. Лидеръ тоже скоро совершенно затерялся. Кроуфордъ, самый надежный изъ всѣхъ, не былъ выбранъ при слѣдующихъ выборахъ и устранился отъ дѣлъ. Томпсонъ былъ и остался эксцентрическимъ старикомъ, съ которымъ трудно было что-нибудь сдѣлать.

Вотъ почему лондонская ассоціація рабочихъ во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ провинціальнымъ товариществамъ всегда совѣтовала имъ надѣяться только на себя. Въ послѣднемъ изъ нихъ по поводу новыхъ выборовъ говорилось, что «изъ обмана, которому подверглись рабочіе во время движенія за реформу, они вынесли драгоцѣнный урокъ и въ другой разъ не будутъ поддерживать никакой мѣры, которая не включала бы ихъ интересовъ. Они теперь сознаютъ, что большая часть притѣснительныхъ законовъ и учрежденій, вытекающихъ изъ невѣжества и бѣдности, могутъ быть сведены къ одному источнику—*исключительному законодательству*, а потому совѣтовалось сосредоточить все свое вниманіе на *разрушеніи громадной и пагубной монополіи*, вполнѣ убѣдившись, что пока право изданія законовъ вручено *немногимъ*, интересы *немногихъ* будутъ обезпечиваться цѣною нуждъ многихъ.... Общества рабочихъ должны быть устроены во всякомъ городѣ, во всякой деревнѣ по всей странѣ и всѣ честные и разумные люди всѣхъ классовъ, ищущіе справедливости для всѣхъ, должны быть включены въ среду ихъ.... Уже существующія общества и политическіе союзы должны обновиться и реорганизоваться въ *рабочія общества*; они должны собираться, подавать петицію и не уступать до тѣхъ поръ, пока цѣль не будетъ достигнута. Существуетъ мнѣніе, что обращаться съ просьбами къ парламенту глупо. Работники! не давайте вашимъ врагамъ въ руки аргумента: если народъ ничего не проситъ, значитъ ему ничего не нужно».

Агитація лондонскихъ эмиссаровъ имѣла большой успѣхъ въ провинціи. Старая организація политическихъ союзовъ, основанныхъ въ 1831 году, потеряла теперь свой смыслъ и заключала въ себѣ много недовольныхъ элементовъ, которые не удовлетворялись прежней узкою постановкой дѣла и не хотѣли играть въ руку своимъ вчерашнимъ союзникамъ.

Бирмингэмскій политическій союзъ, обнимавшій собою всю среднюю Англію и пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, скоро согласился измѣнить свою программу и принять всѣ 6 пунктовъ народной хартіи. Его предсѣдателемъ тогда былъ членъ парламента, Атвудъ, человѣкъ очень популярный и честный, но придававшій гораздо больше значенія вопросу о бумажныхъ деньгахъ, чѣмъ вопросу о народномъ представительствѣ. Ему пришлось подать парламенту первую петицію народа. Позднѣе онъ устранился отъ политики и ограничился частною жизнью.

Дугласъ былъ издателемъ газеты союза *Birmingham Journal*, а Коллинсъ, рабочій, ораторомъ общества. Когда соглашеніе между бирмингэмской и лондонской группами состоялось, изъ первой были посланы на сѣверъ, въ Шотландію, эмиссары съ тою же цѣлью — пропагандировать хартію. Въ это время въ Нортумберландѣ и Дургамѣ уже существовалъ *сѣверный политическій* союзъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько тысячъ членовъ, въ томъ числѣ и довольно много людей средняго класса. Вождемъ его былъ замѣчательно смѣлый и свѣдущій человѣкъ, Августъ Бьюмонтъ, редакторъ газеты *Northern Liberator*, имѣвшій большое вліяніе преимущественно въ Нью-Кастлѣ и окрестныхъ городахъ, куда онъ ѣздилъ для пропаганды хартіи.

Шотландскіе рабочіе, особенно изъ Глазго и Эдинбурга, сразу же отозвались на приглашеніе бирмингэмцевъ пристать къ движенію. Въ Уэльсѣ Винцентъ имѣлъ большой успѣхъ. Отчасти благодаря своимъ личнымъ качествамъ и недюжинному ораторскому таланту, а главнымъ образомъ самому содержанію хартіи, онъ успѣлъ возбудить вниманіе массы городскаго и горнозаводскаго населенія. Въ г. Нью-Портѣ, въ томъ же Уэльсѣ, жилъ нѣкій почтенный мировой судья Джонъ Фростъ, человѣкъ семейный, набожный, пользовавшійся уваженіемъ не только въ средѣ средняго класса, но и простаго народа, который, по выраженію Гэммэджа, «онъ искренно любилъ и которому за довѣріе къ себѣ не былъ способенъ измѣнить ни при какихъ обстоятельствахъ». Этотъ человѣкъ сдѣлался горячимъ защитникомъ хартіи, а позднѣе, въ трудную

минуту, одинъ изъ немногихъ оказался способнымъ рисковать изъ-за нея своею жизнью и навсегда пожертвовать свободой.

Такимъ образомъ начата была агитація—сначала личная, въ пріятельскихъ бесѣдахъ, небольшихъ собраніяхъ, лекціяхъ; но по мѣрѣ того, какъ слово надежды западало въ темные углы вѣчно работающей и дремлющей массы, въ мастерскія, фабрики, копи и доки, число сочувствующихъ увеличивалось, народныя собранія начали принимать все болѣе и болѣе внушительные размѣры. Тогда-то было рѣшено въ Бирмингэмѣ и Лондонѣ окончательно составить и напечатать петицію въ парламентъ, затѣмъ устроить рядъ демонстрацій по всей странѣ и собрать во время ихъ возможно большее число подписей подъ петиціей, а также выбрать делегатовъ на конвентъ рабочихъ классовъ.

8 мая 1838 г. появилась петиція. Вотъ ея текстъ:

«Благороднымъ общинамъ Великобританіи и Ирландіи, собраннымъ въ парламентѣ, отъ ихъ нижеподписавшихся страждущихъ соотечественниковъ

«Петиція.

«Мы, просители, живемъ въ странѣ, купцы которой извѣстны своей предпріимчивостью, фабриканты — своимъ искусствомъ, а рабочіе—знаніемъ своего ремесла. Сама земля наша прекрасна, почва богата и климатъ умѣренъ. Она изобильно надѣлена предметами промышленности и торговли. Она обладаетъ многочисленными и удобными гаванями. По удобству внутреннихъ сообщеній она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ она наслаждается миромъ. И, несмотря на все это, при всѣхъ этихъ данныхъ національнаго процвѣтанія, при всемъ желаніи извлекать изъ нихъ пользу, мы обременены общественными и частными страданіями. — Мы гнемся подъ тяжестью множества налоговъ, которые тѣмъ не менѣе далеко не удовлетворяютъ желаній нашихъ правителей. Наши промышленники дрожатъ на краю банкротства; наши работники умираютъ отъ голода. Капиталъ не приноситъ прибыли, а трудъ—вознагражденія. Домъ ремесленника разоренъ, а кладовая ростовщика полна. Рабочіе дома переполнены, а фабрики пусты. — Мы осматривались вокругъ себя; мы самымъ тщательнымъ образомъ доискивались причинъ такой острой и гнетущей нужды, но мы не могли найти ихъ ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Народъ чтитъ небо и не оскорбляетъ его щедрости, но безуміе (foolishness) нашихъ правителей сдѣ-

лало щедрость неба недѣйствительною... Силы могущественнаго государства тратятся на созданіе власти себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей, а его средства идутъ на увеличеніе ихъ богатствъ. Благо одной партіи развивалось въ ущербъ благу цѣлаго народа; немногіе управляли въ интересахъ немногихъ, тогда какъ интересы многихъ пренебрегались и открыто и тираннически попирались ногами. Народъ вѣрилъ, что для большей части, если не для всѣхъ его нуждъ, послужитъ исцѣленіемъ актъ о реформѣ 1832 года. Онъ смотрѣлъ на этотъ актъ какъ на мудрое средство для достойной цѣли, какъ на систему усовершенствованнаго законодательства, гдѣ воля массъ пріобрѣтетъ наконецъ соотвѣтствующее значеніе. Онъ былъ горько и глубоко обманутъ. Плодъ, казавшійся глазу дѣйствительнымъ, обратился въ пыль и золу, когда былъ собранъ. Актъ о реформѣ имѣлъ слѣдствіемъ лишь переходъ власти отъ одной господствующей клики къ другой и оставилъ народъ такимъ же безпомощнымъ, какъ онъ былъ и прежде.—Мы приходимъ къ вамъ, достопочтенная палата, чтобы сказать вамъ со всѣмъ нашимъ почтеніемъ, что такое положеніе вещей не должно болѣе продолжаться, что оно не можетъ долѣе существовать безъ серьезной опасности для прочности трона и мира въ королевствѣ, и что если съ помощью Божіей и всѣхъ законныхъ и конституціонныхъ средствъ ему можетъ быть положенъ конецъ, то мы вполнѣ готовы къ тому, чтобъ это было сдѣлано тотчасъ же.—Мы говоримъ вамъ, достопочтенная палата, что капиталъ хозяина не долженъ дольше лишаться своей выгоды, но и трудъ работника долженъ получать свое должное вознагражденіе,—что законы, дѣлающіе пищу дорогою, деньги рѣдкими, а трудъ дешевымъ, должны быть отмѣнены, — что налоги должны падать на собственность, а не на трудъ, и что благо многихъ, какъ единственная законная цѣль, должно составлять единственный предметъ заботъ правительства.—Какъ существенное предварительное условіе для этихъ и другихъ необходимыхъ перемѣнъ, какъ единственное средство, которое одно способно защитить и обезпечить интересы народа,—мы требуемъ, чтобъ эти интересы были поручены охранѣ самого нарона. Когда государство призываетъ защитниковъ, когда оно требуетъ денегъ, — отказъ или промедленіе въ исполненіи его требованій не могутъ быть оправдываемы ни бѣдностью, ни невѣжествомъ. Всегда призываемые повиноваться и поддерживать законы, мы по естеству и здравому смыслу требуемъ, чтобъ и въ установ-

ленія законовъ былъ безусловно слышимъ голосъ каждаго изъ насъ. — Мы исполняемъ обязанности свободныхъ людей, — мы должны имѣть и ихъ привилегіи. — *Мы требуемъ всеобщаго права голоса.* Но для того, чтобы подача голосовъ была предохранена отъ подкупа богатыхъ и насилія могущественныхъ, она должна быть тайной. Признаніе нашего права необходимо включаетъ и возможность независимаго примѣненія его. — *Мы требуемъ тайной баллотировки.* — Для того, чтобы связь между представителями и народомъ могла быть благодѣтельною, она должна быть близкою. Законодательная и конституціонная силы для исправленія и наставленія должны приходить въ частыя соприкосновенія. Сравнительно незначительныя ошибки, лишенныя возможности быстраго исправленія народомъ, могутъ порождать самыя бѣдственныя послѣдствія, когда онѣ безпрепятственно разрастаются въ теченіе многихъ лѣтъ. Для общественной безопасности, точно также какъ и для общественнаго довѣрія, частые выборы существенно необходимы. *Мы требуемъ ежегодныхъ выборовъ.* — При правѣ выбора и свободѣ избранія сфера нашего выбора не должна быть ограничиваема. Мы принуждены существующими законами выбирать въ свои представители людей неспособныхъ оцѣнить наши нужды или не имѣющихъ къ нимъ никакой симпатіи,—купцовъ, давно оставившихъ промышленную дѣятельность и не чувствующихъ болѣе ея тягостей,—землевладѣльцевъ, которые одинаково невѣжественны какъ относительно болѣзней страны, такъ и лѣкарствъ отъ нихъ,—адвокатовъ, которые добиваются почестей сената только какъ средства обращать на себя вниманіе въ судахъ.—Труды представителя, усердно исполняющаго свои обязанности, многочисленны и тяжелы. Несправедливо, неразумно и небезопасно, что они продолжаютъ исполняться безъ вознагражденія. *Мы требуемъ,* чтобы при будущемъ избраніи членовъ вашей достопочтенной палаты *одобреніе избирательнаго округа было единственнымъ цензомъ* и чтобы *всякому*, такимъ образомъ *выбранному*, *члену было назначено изъ общественныхъ сборовъ справедливое и приличное вознагражденіе за время общественной службы.*—Наконецъ, мы слишкомъ искреннимъ образомъ увѣряемъ васъ, достопочтенная палата, что эта петиція была продиктована не какою-нибудь праздною любовью къ перемѣнамъ, что она возникла не изъ необдуманнаго влеченія къ мечтательнымъ теоріямъ, но есть результатъ всесторонняго и продолжительнаго обсужденія и убѣжденій, кото-

рыя все болѣе и болѣе укрѣпляются событіями послѣднихъ лѣтъ.— Если же самоуправленіе народа не можетъ устранить бѣдствій, оно по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ невозможнымъ злоупотреблять ими.—Вообще право голоса принесетъ, и только оно и можетъ принести, истинный и продолжительный миръ націи, и мы твердо увѣрены, что оно же принесетъ и довольство.

«Не угодно ли поэтому будетъ вамъ, достопочтенная палата, подвергнуть эту нашу петицію вашему серьезному обсужденію и употребить всѣ ваши усилія, ваши конституціонныя средства, чтобы провести законъ, дарующій *всякому взрослому и здоровому умомъ мужчинѣ*, *незапятнанному преступленіемъ, право избирать членовъ парламента*, направляющій всѣ будущіе выборы путемъ *тайной баллотировки*, устанавливающій *продолжительность* такимъ образомъ выбраннаго *парламента не болѣе какъ на одинъ годъ, отмѣняющій всякій имущественный цензъ* и назначающій *членамъ палаты должное вознагражденіе за ихъ труды во время исполненія парламентскихъ обязанностей*.

«Ваши просители и т. д.».

Н. Ч**.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. П. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I *).

Вечерній поѣздъ Николаевской желѣзной дороги съ пыхтеньемъ и свистомъ, скрыпя заторможенными колесами, вошелъ подъ навѣсъ петербургскаго дебаркадера.

На платформѣ, довольно слабо освѣщенной газовыми фонарями, группы людей ожидали пріѣзжихъ. Нѣсколько темныхъ личностей сновало тутъ же, на перебой предлагая пассажирамъ, выходившимъ изъ вагоновъ, «гостиницы», «нумера» и «меблированныя комнаты». Носильщики уже суетились у отгороженнаго деревянною рѣшеткой мѣста около багажнаго вагона. Среди толпы, торопливо выходившей изъ вагоновъ втораго класса, только одинъ человѣкъ терпѣливо пережидалъ, когда будетъ немного посвободнѣе выйти, и сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ выдавали багажъ. Его блѣдное, исхудалое лицо казалось усталымъ; онъ шелъ тихо, медленно, не всматриваясь въ лица окружающихъ его людей, не обращая вниманія на предложенія «нумеровъ» и «комнатъ». Повидимому, онъ никуда не спѣшилъ, не ожидалъ никакой встрѣчи съ знакомыми или близкими, не нуждался въ наймѣ квартиры. Получивъ свой багажъ, онъ велѣлъ нести его за собой носильщику, вышелъ на боковой подъѣздъ дебаркадера и крикнулъ извощика:

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

— Въ Захолустную улицу! — проговорилъ онъ и, не торопясь, сѣлъ на поданныя дрожки, расплатившись съ носильщикомъ багажа.

Дрожки тронулись, задребезжали колесами, проѣхали подъ аркой воротъ и путникъ очутился на Знаменской площади. Его со всѣхъ сторонъ охватили тьма дождливой осенней ночи, немолчный стукъ колесъ, крики извощиковъ, говоръ пѣшеходовъ, какой-то смутный гулъ звуковъ, похожій на немолчный ропотъ бушующаго моря. Ему стало какъ-то жутко, точно страшно. Онъ родился въ Петербургѣ, онъ жилъ здѣсь безвыѣздно десятки лѣтъ, но никогда не испытывалъ онъ прежде этого ощущенія, охватившаго его теперь, когда онъ снова возвратился въ столицу послѣ долгаго пребыванія въ провинціи. Онъ сознавалъ, что и тутъ онъ всѣмъ чужой и всѣ чужды ему, что тутъ его ждетъ борьба на жизнь и смерть, что тутъ вся задача жизни заключается въ стремленіи обогнать другого, перешагнуть черезъ другого, задавить другого. Какая-то щегольская карета пронеслась около его дрожекъ и обдала его съ ногъ до головы брызгами жидкой грязи.

— Чего ты спишь-то!—раздражительно проговорилъ онъ извощику.—И не торгуешься съ вами, а все-таки точно за покойникомъ ѣдете!

Онъ вынулъ платокъ и отеръ забрызганное грязью лицо. Но въ эту минуту пронесся еще экипажъ и опять обдалъ его грязью.

— Черти, черти, точно на пожаръ скачутъ! — проворчалъ онъ и сердитымъ тономъ приказалъ извощику: — Сверни куданибудь въ улицу,—по Невскому только грязи наглотаешься. И для чего не повезъ по Лиговкѣ?

— Дорога тамъ плоха,—отвѣтилъ извощикъ и свернулъ въ Николаевскую улицу.

Чѣмъ дальше они отъѣзжали отъ Невскаго, тѣмъ тише становился шумъ, тѣмъ менѣе встрѣчалось народу, тѣмъ темнѣе становилось кругомъ.

Наконецъ, по сторонамъ начали появляться деревянные дома, потянулись заборы, фонари стали рѣже, шумъ умолкъ совершенно.

— А... вотъ и начало родного захолустья!—промелькнула въ головѣ путника мысль и по его лицу пробѣжала горькая, ироническая улыбка.

Еще два-три поворота изъ одной улицы въ другую—и дрожки въѣхали въ Захолустную улицу, увязая въ грязи. Путникъ указалъ извощику, гдѣ остановиться. Онъ хорошо еще помнилъ всѣ дома въ этой улицѣ. Онъ расплатился, подъѣхавъ къ воротамъ указаннаго дома, взялъ чемоданъ и вошелъ во дворъ небольшаго деревяннаго строенія, поднялся по темной лѣстницѣ, ощупью нашелъ дверь...

— Митя, голубчикъ!

— Братецъ!

— Дмитрій, здравствуй!

Дмитрій Андреевичъ Орловъ сразу узналъ голоса сестры, Леши и отца и десятки поцѣлуевъ зазвучали въ квартирѣ Орловыхъ.

— Сейчасъ самоваръ подадимъ! Раздѣвайся, голубчикъ; отдохни съ дороги,—усталъ, я думаю; тоже не шутка, сколько проѣхалъ! И какъ похудѣлъ-то, какъ измѣнился-то!—заговорила Анна Андреевна, засуетившись около брата.

Она была въ узкомъ черномъ платьѣ, худая и блѣдная, точно испостившаяся монахиня.

— Да, да, братъ, похудѣлъ, сильно похудѣлъ! — говорилъ Андрей Ивановичъ, смотря на сына.

— Вы теперь, братецъ, совсѣмъ къ намъ пріѣхали?—спросилъ Леша.—Я, братецъ, много плакалъ объ васъ... Вы тоже, братецъ, плакали?... Худой вы, теперь, худой... Прежде вы, братецъ, не были худымъ...

Анна Андреевна тихо вздохнула и по этому тихому вздоху было ясно, что ей было тяжело увидѣть такую перемѣну въ братѣ. А онъ смотрѣлъ на нихъ и ему казалось, что они все тѣ же, что вокругъ нихъ все то же, что они говорятъ все такъ же, точно они провели эти годы разлуки въ заколдованномъ царствѣ вѣчнаго сна. Онъ всматривался въ нихъ и не могъ сообразить, произошла ли въ нихъ хоть какая-нибудь перемѣна въ пролетѣвшіе надъ ними годы. Была ли сестра его тогда такъ же желта или она пожелтѣла только за это время? Былъ ли Лёша тогда такимъ же румянымъ и толстымъ, какъ теперь, или это онъ раздобрѣлъ такъ только во дни разлуки? А отецъ... Дмитрій Андреевичъ никакъ не могъ вспомнить, былъ ли совершенно лысымъ тогда отецъ или нѣтъ. Ему даже хотѣлось спросить объ этомъ отца, но стало какъ будто совѣстно. Да нѣтъ, отецъ и тогда былъ такимъ же лысымъ, иначе эта перемѣна сразу бросилась бы въ глаза ему, Дмитрію Андреевичу.

— А что дядя Лампадовъ?—спросилъ онъ.—Живъ еще?

— Что дядя! Живъ-то живъ, да совсѣмъ изъ ума выживаетъ послѣ смерти Ольги Григорьевны,—отвѣтила Анна Андреевна.—Совсѣмъ почти изъ дому не выходитъ, а и выйдетъ, такъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, присмотрѣть надо. То безъ галстуха уйдетъ, то безъ калошъ. Еслибы не его Магдалина, такъ просто посмѣшищемъ бы сталъ. Она еще и пріодѣнетъ его, и оправитъ... А теперь ужъ и совсѣмъ плохъ, выходить пересталъ,—не сегодня, завтра умретъ...

— Бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ задумчиво.—Еще слава Богу, что Магдалина такая преданная...

— Говорятъ, братецъ, что и нажилась за то она у него,—сказала Анна Андреевна.—Тоже онъ, я думаю, и самъ не помнитъ, что у него есть. И не одна она наживается около него. Ей-то и Богъ велѣлъ,—тоже бѣдная женщина,—а то другіе... Осѣтили его разные крестники да посаженыя дѣти покойной Ольги Григорьевны и его—точно вороны около падали, прости, Господи, мое согрѣшеніе! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ по кусочкамъ его добро.

Анна Андреевна вдругъ понизила тонъ.

— Слава Богу, что вы во-время пріѣхали, братецъ,—сказала она таинственно.—Вѣдь родныхъ-то только у старика и есть, что мы. Я потому и писала вамъ, просила пріѣхать... Мамаша всегда говорила, что кромѣ насъ никого у него нѣтъ наслѣдниковъ. Если умретъ, жаль все на вѣтеръ бросить. Не богачи мы какіе, чтобы наслѣдствомъ пренебрегать. У старика скоплено, скоплено;—это всѣ говорятъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ чужимъ добромъ,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какъ, братецъ, Богъ съ нимъ?—воскликнула Анна Андреевна.—Что же, въ казну отдавать развѣ? Казна, голубчикъ, и безъ насъ богата. Сама со всѣхъ беретъ. Спасибо она намъ не скажетъ за то, что все ей отдадимъ на разграбленіе. А не возьмемъ мы, кто же имѣетъ право взять, кромѣ казны? Крестники—не наслѣдники. Да и не возьмете вы, братецъ, такъ вамъ же хоронить придется на свой счетъ,—чужіе хоронить не станутъ. А нынче времена-то какія, братецъ: все дорожаетъ, ни къ чему приступу нѣтъ...

И снова услышалъ Дмитрій Андреевичъ длинную исторію о томъ, какъ нынче трудно жить, какъ дерутъ купцы за все, какъ

и правительство не думаетъ о бѣдныхъ людяхъ, какъ никто ни за чѣмъ не смотритъ и всѣ грабятъ. Дмитрію Андреевичу казалось, что онъ только вчера слышалъ эти самые толки, желчные, вырывавшіеся изъ глубины души, вызванные тяжелымъ жизненнымъ гнетомъ. Его не удивляли эти толки, но его удивляло то, что онъ слышитъ ихъ уже не отъ покойной матери, а отъ сестры Ани, отъ этого человѣка не отъ міра сего.

— И ты, Аня, то же говоришь, что когда-то мама говорила,— замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я теперь хозяйничаю, братецъ,—коротко отвѣтила Анна Андреевна, заваривая чай.

— Да, да, братецъ, хозяйка она у насъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Такая экономка, что не приведи Господи!

— Надо же концы съ концами сводить,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Изъ дому-то всѣ умѣютъ тащить, а въ домъ что-то мало несутъ. А не хватитъ денегъ, никто не дастъ. Богатый пойди занимать, всѣ дадутъ; а приди съ голоду просить, вездѣ откажутъ.

И опять, опять послышались знакомыя фразы, знакомыя истины. Дмитрій Андреевичъ обвелъ глазами комнату; въ ней было все по-старому: та же неуклюжая старая мебель тусклаго краснаго дерева съ ситцевой обивкой, тѣ же жалкіе цвѣты на окнахъ, тѣ же фольговые образа въ кіотѣ въ углу, тотъ же крашеный, протертый ногами, полъ, тотъ же низенькій, придавливающій, какъ крыша гроба, потолокъ. Онъ чувствовалъ, что въ комнатѣ былъ тотъ же знакомый ему запахъ—запахъ не то сырости, не то грязнаго бѣлья, не то человѣческаго пота, съ примѣсью деревяннаго масла и кислыхъ щей,—запахъ тѣснаго жилища въ старомъ деревянномъ домѣ. Здѣсь было тепло, но это было прѣлое тепло передбанника; въ немъ недоставало воздуха, свѣжести. Дмитрія Андреевича точно что-то придавило, принизило. Въ его головѣ помимо его воли вертѣлась мысль о томъ, что онъ не могъ бы теперь долго такъ жить, что онъ долженъ будетъ переѣхать, что ему придется въ концѣ концовъ разстаться съ семьей. Жить здѣсь это значитъ видѣть ежедневно приниженныя физіономіи, заплаканныя глаза и печальныя лица, слышать постоянно жалобы или ропотъ, опускаться все ниже и ниже въ тину мелкихъ будничныхъ заботъ и интересовъ. Онъ любилъ свою семью, онъ зналъ хорошо ея нужды, онъ сочувствовалъ ея горю, но слышать изо дня въ день, изъ часа въ

часъ эти жалобы ему было теперь нестерпимо. Онъ отвыкъ отъ этого. Онъ сознавалъ съ горечью, что онъ не могъ настолько улучшить положеніе семьи, чтобъ она перестала жаловаться,—не могъ по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Ему вдругъ вспомнилась Настя, бѣжавшая тоже отъ этой скуки нищенской жизни. Онъ спросилъ Анну Андреевну о ней. Анна Андреевна безнадежно вздохнула.

— Изъ виду, голубчикъ, пропала!—сказала она. — Сестру выдала за чиновника. Слышали мы, что у той родился ребенокъ скоро; толковали, что будто этотъ ребенокъ не ея, а Настинъ. Потомъ говорили, что Настя на содержаніе попала къ новому благодѣтелю. Богъ съ ней, пусть живетъ, какъ знаетъ...

— Вы и не встрѣчаетесь значитъ съ ней?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ,—что же сердце свое надрывать. Ее не исправишь, а только себя смутишь,—отвѣтила Анна Андреевна.—Не сладко тоже знать, что такая близкая родственница торгуетъ собой. Горько тоже въ своей семьѣ развратъ видѣть,—видѣть, какъ люди сами себя соблюдать не умѣютъ, какъ другихъ позорятъ своею грязью...

Въ тонѣ Анны Андреевны послышались какія-то шипящія, новыя для Дмитрія Андреевича, нотки. О комъ это она говоритъ? На что намекаетъ?

Андрей Ивановичъ, почти все время молчавшій въ продолженіе чаепитія, вдругъ поднялся съ мѣста и, какъ-то кисло, точно конфузливо улыбаясь, похлопалъ по плечу Дмитрія Андреевича, замѣтивъ ему:

— Такъ-то, братъ, у насъ все горе да горе! Слова радостнаго не услышишь! Бѣжалъ бы, да некуда бѣжать отъ этого горя, — по пятамъ оно само за тобою идетъ, вездѣ тебя преслѣдуетъ...

Въ голосѣ старика сынъ тоже уловилъ безконечную горечь, что-то въ родѣ жалобы. Спустя минуту старикъ рѣзко спросилъ у сына:

— Ты гдѣ квартирку будешь искать? Поближе отъ суда, я думаю? Отсюда...

— Господи, не успѣлъ братецъ пріѣхать, а вы его ужь и выживаете,—тономъ упрека замѣтила отцу Анна Андреевна.—Помѣшаетъ онъ здѣсь кому, что ли? Братецъ—не чужой, тоже не взыщетъ, если что...

— Не выживаю, а нельзя же ему въ нашемъ захолустьѣ жить,—перебилъ ее сурово Андрей Ивановичъ.—Отсюда и въ часъ до суда не дотащишься...

Дмитрій Андреевичъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Да, конечно, отсюда далеко.

— А я-то радовалась, братецъ, думала: вотъ поживетъ онъ съ нами,—сказала Анна Андреевна.—Впрочемъ, и то сказать, неудобно вамъ въ нашей трущобѣ было бы,—тоже нужныхъ людей принимать придется, а ужъ здѣсь гдѣ!... И радости-то тоже немного дома дождетесь. Это мы-то только здѣсь заржавѣли, такъ со всякими безобразіями свыклись...

И опять въ голосѣ Анны Андреевны послышались желчныя нотки, точно она кого-то упрекала.

— Какъ-нибудь послѣ вмѣстѣ устроимся, — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ, братъ, это пустяки!—рѣшительно сказалъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукою.—Мы обжились здѣсь, а тебѣ здѣсь не мѣсто. Намъ въ другомъ мѣстѣ не весело будетъ. Здѣсь все хоть среди своихъ точно: выйдешь на улицу, всѣ тебя знаютъ, оно точно и легче, а тамъ... чучелъ словно на выставку туда перевезешь насъ.

— Да, ужъ тамъ нельзя тоже жить такъ, какъ здѣсь, сдержаться надо, — шипящимъ тономъ вставила Анна Андреевна. Потомъ она перемѣнила тонъ и обратилась къ брату:—Вы, голубчикъ, къ дядѣ-то завтра же зайдите. Поговорите съ нимъ. Пусть духовную, что ли, напишетъ. Вѣдь часы-то его сочтены.

— Да лѣчитъ его кто-нибудь? — спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ. Да что доктора!... Доктора тутъ не помогутъ. Старъ ужъ онъ очень. Надо вотъ только настоять насчетъ духовной да насчетъ священника. Исповѣдоваться не хочетъ. Я ужъ намекала ему, не разъ намекала, а онъ и слышать не хочетъ.

— Зачѣмъ же настаивать?...

— Братецъ!... какъ зачѣмъ? А если вдругъ такъ-то умретъ, въ грѣхахъ не покаявшись? — почти съ ужасомъ воскликнула Анна Андреевна.—Такой старый человѣкъ и вдругъ умретъ безъ покаянія...

— Но если онъ не хочетъ, Аня...

— Я ужъ и не знаю, что это вы такое говорите! Мало ли чего человѣкъ не хочетъ...

— Вотъ, братъ, и я то же говорю,—вмѣшался Андрей Ивановичъ.—Зачѣмъ раздражать старика, зачѣмъ?

— Ахъ, да вы-то что суетесь!—воскликнула Анна Андреевна.—Знаю я, есть люди, которымъ и каяться-то въ грѣхахъ стыдно, и высказать-то стыдно, что на душѣ лежитъ. Ну, дядя не изъ такихъ,—дядя святой жизни былъ человѣкъ...

— Такъ въ чемъ же ему и каяться?—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ. — Вообще, Аня, нечего намъ въ чужую душу залѣзать...

— Ну, ужь нѣтъ, братецъ, въ этомъ я никогда, никогда не соглашусь съ вами.

Дмитрій Андреевичъ поднялся съ мѣста, чтобъ идти спать.

— Братецъ, вы сапоги выставьте... Я вамъ, братецъ, ихъ вычищу, самъ вычищу,—сказалъ Леша.

— Зачѣмъ же?... Мароа вычиститъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вѣдь она у насъ еще живетъ?... Кстати, я ее еще не видалъ...

Анна Андреевна мрачно потупилась. Андрей Ивановичъ тревожными глазами глянулъ куда-то въ сторону.

— Мы, братецъ, теперь не держимъ служанки, — дорого очень,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Я и Леша—мы сами все дѣлаемъ... Полы мыть и бѣлье стирать поденщица ходитъ...

Дмитрія Андреевича точно что-то кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Напрасно, Аня, ты такъ экономничаешь,—сдержанно замѣтилъ онъ.—Мароа вѣдь брала что-то дешево, чуть ли не за три рубля служила... Зачѣмъ было отпускать?... Женщина хорошая... Не такъ же мы бѣдны, не нищіе же мы...

Анна Андреевна промолчала и глянула въ сторону. Андрей Ивановичъ торопливо проговорилъ:

— Ничего, Митя, ничего, вѣдь у насъ хозяйство-то грошовое, и такъ обойдемся, и такъ обойдемся... А постелька-то тебѣ постлана ли?... Не надо ли чего?

Онъ заторопился, засуетился, провожая сына въ отведенную ему комнату. Когда онъ вышелъ отъ сына, къ Дмитрію Андреевичу вошелъ за сапогами Леша. Онъ справился, хорошо ли «братцу» будетъ на диванѣ спать, не надо ли ему воды на ночь, въ какомъ часу его разбудить, и потомъ, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, заговорилъ таинственнымъ, тревожнымъ шепотомъ, наклонившись къ уху Орлова:

— Вы, братецъ, о Мареѣ не спрашивайте!...

— Отчего это не спрашивать о Мареѣ?—не безъ удивленія спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Леша испуганно замахалъ руками.

— Тише, тише! Услышатъ еще!—сказалъ онъ въ волненіи.— Сестрица все дядю пилитъ за Мареу, а дядя или разсердится, скажетъ: «я уйду, я уйду, брошу васъ и погибайте вы тутъ», или плачетъ... Дядя всегда плачетъ, когда выпивши... Только онъ теперь рѣдко пьетъ, очень рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а все больше сердитый, сердитый... Вы, братецъ, ради Бога, не говорите только, что я вамъ о Мареѣ сказалъ,—сестрица наказывала мнѣ строго-настрого, чтобъ я вамъ не говорилъ... «Ты, говоритъ, не смѣй огорчать братца, не смѣй!... Подготовить, говоритъ, его надо!...» А мнѣ дядю жаль, потому вы о Мареѣ заговорили, а сестрица такъ и смотритъ на дядю, точно съѣсть его хочетъ... Сестрица, братецъ, очень сердитая стала,— жалобнымъ тономъ заключилъ Леша.

Дмитрій Андреевичъ ничего не понималъ, но онъ сильно взволновался. Ему вдругъ стало уже вполнѣ ясно, что въ его семьѣ исчезъ даже миръ, исчезло даже согласіе. И здѣсь былъ разладъ, и здѣсь была рознь. Онъ не хотѣлъ дальше распрашивать Лешу и простился съ нимъ, поцѣловавъ его.

На слѣдующій день Дмитрій Андреевичъ просилъ разбудить его попозже. Ему хотѣлось отдохнуть и провести день дома, посѣтивъ только Лампадова. Но, несмотря на усталость, онъ долго не могъ уснуть. Онъ думалъ и о семьѣ, и о предстоящей жизни, и какъ-то невольно задумался, наконецъ, о Лампадовѣ. Дѣйствительно ли у старика что-нибудь скоплено? Неужели въ самомъ дѣлѣ отдать все это въ казну, когда они сами нуждаются? Зачѣмъ? Эти деньги, если онѣ есть, принадлежатъ по праву его семьѣ. И какъ кстати были бы онѣ теперь ему. Но гдѣ доказательства ихъ родственныхъ связей? Какъ добыть метрическія свидѣтельства, когда онъ не знаетъ даже, гдѣ родилась его бабка, двоюродная сестра Лампадова? Надо добыть метрическія свидѣтельства, не зная, гдѣ ихъ добыть. Это невозможно. Конечно, Лампадовъ могъ бы сдѣлать духовное завѣщаніе. Но нельзя же говорить ему объ этомъ. Неловко настаивать. А между тѣмъ въ наслѣдствѣ Лампадова можетъ быть спасеніе всей семьи Орлова отъ недостатковъ, отъ труда, отъ лишеній. Кто знаетъ, сколько скопилъ старикъ. Самъ онъ, Дмитрій Андрее-

вичъ, могъ бы отлично устроить свои дѣла, получивъ наслѣдство: ему только бы имѣть обезпеченіе хоть на годъ, на два, а тамъ литературныя занятія, адвокатура откроютъ ему путь къ благосостоянію; нужно только имѣть средства переждать извѣстное время. И что это старики такъ боятся духовныхъ завѣщаній. Сдѣлать духовное завѣщаніе—это въ сущности долгъ каждаго порядочнаго человѣка. Дмитрія Андреевича вдругъ точно передернуло. Онъ досадливо пожалъ плечами, сердясь на себя за то, что думаетъ о смерти Лампадова, о наслѣдствѣ. Въ его головѣ мелькали мысли:

— Вѣчно въ какую-нибудь лотерею выиграть хочется: на лотерейный билетъ домъ пріобрѣсть, въ карты большой кушъ сорвать, на богатой жениться, наслѣдство получить!... Этакая проклятая жизнь! Работай, работай весь вѣкъ, какъ волъ, а спастись надѣйся только при помощи манны съ неба...

Онъ перевернулся на другой бокъ, закрылъ глаза и заснулъ тяжелымъ сномъ. Его душилъ страшный кошмаръ. Онъ видѣлъ, что онъ лежитъ въ гробу и на него медленно сверху опускается тяжелая крышка. Ему душно и тяжело, а въ душѣ такъ ясно пробуждается сознаніе, что онъ одинъ, что помощи ждать не откуда. Вотъ, вотъ сейчасъ крышка опустится совсѣмъ, придавитъ его, въ груди замретъ дыханіе и—конецъ, конецъ. А ему такъ хочется жить... Онъ сдѣлалъ усиліе, онъ поднялъ руки, чтобы сбросить эту крышку, и проснулся, увидавъ, что онъ лежитъ, прижавшись лицомъ къ клеенчатой спинкѣ дивана. Онъ перевернулся на спину и вздохнулъ широкимъ вздохомъ. На дворѣ уже было свѣтло. Онъ всталъ съ утомленнымъ видомъ, въ тяжеломъ настроеніи. Въ квартирѣ Орловыхъ царствовала тишина: Андрея Ивановича уже не было дома. Леша, поджавъ попортняжски ноги, что-то шилъ, заунывно мурлыча себѣ подъ носъ пѣсню: «я у Бога сирота отворяю ворота». Анна Андреевна, шушукаясь съ какой-то странницей, возилась въ кухнѣ. Дмитрій Андреевичъ напился чаю и вышелъ изъ дому.

Онъ уже подходилъ къ знакомому дому, гдѣ прошли лучшіе дни его дѣтства, какъ вдругъ кто-то громко окликнулъ его. Онъ повернулъ голову и увидалъ передъ собою отца.

— А я вотъ шелъ, думалъ, не у дяди ли ты, и вижу идешь ты,—ну, и окликнулъ, и окликнулъ!—сказалъ старикъ, очевидно поджидавшій сына на улицѣ.—Поговорить еще не удалось... Тоже давно не видались,—надо поговорить...

Дмитрій Андреевичъ взялъ отца подъ руку.

— Ты къ дядѣ теперь шелъ?—спросилъ старикъ.

— Да... Я думаю, онъ проснулся?

— Ну да, ну да, повидать нужно старика, нужно, — перебилъ его отецъ.—Да еще успѣешь,—теперь еще рано... Поболтать бы часокъ... Вотъ зайдемъ... Тутъ трактирчикъ. Чайку напьемся, поговоримъ...

— А дома?—не безъ удивленія спросилъ сынъ.

— Дома, знаешь, не одни... Хочется по душѣ, а тамъ не одни,—проговорилъ старикъ, смущаясь.—Тоже не чужіе,—ну, а тамъ Леша, Аннушка... Тяжелый у нея характеръ сталъ, Митя,—у Аннушки-то, говорю я,—очень тяжелый характеръ... Извѣстно, въ дѣвушкахъ весь вѣкъ просидѣла, для другихъ жила.... Тутъ, Митя, по неволѣ озлобишься, — ахъ, какъ озлобишься! Для другихъ жить да радости не видать—тяжело, очень тяжело... Я ее и не виню, я это только къ слову сказалъ о ея характерѣ, Митя... Она-то этого не замѣчаетъ, а со стороны видно, всякому видно... Такъ какъ же, въ трактирчикъ-то зайдешь?...

— Отчего же нѣтъ, если хочешь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, пораженный суетливостью и растерянностью отца.

— У насъ тутъ по близости трактирчикъ завелся... Тоже прогрессъ и цивилизація... Хе-хе-хе!... Потѣха! — старикъ тихо захихикалъ, махнувъ рукою.

Отецъ и сынъ вошли въ трактиръ. Тамъ было совершенно безлюдно въ просторныхъ комнатахъ съ яркими пестрыми обоями, со столиками, накрытыми бѣлыми скатертями, съ темными масляными картинами въ золоченыхъ рамахъ.

— Чаю! — скомандовалъ старикъ и усѣлся съ сыномъ въ дальній уголъ. — Видишь, ничего, чистенько тоже, — обратился онъ къ Дмитрію Андреевичу, указывая на скатерть.—Тоже, видишь, машину поставили, изъ оперъ играетъ... Дешевенькая, знаешь, а ничего, играетъ... И хорошо, что никого нѣтъ,—точно у себя дома можно поговорить...

Половой съ закинутой подъ мышку салфеткой подалъ порцію чаю. Старикъ сталъ разливать.

— Тебѣ наши-то ничего не говорили?—таинственно спросилъ онъ, понизивъ тонъ и видимо стѣсняясь.

Онъ искоса взглянулъ на сына.

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Я еще и не успѣлъ...

— Ну да, да, не говорили, а потомъ будутъ говорить... разскажутъ... Вдругъ-то только не хотятъ, а то разскажутъ непремѣнно... Ужь никакъ не утерпятъ,—торопливо перебилъ старикъ и въ его голосѣ зазвучала горькая иронія.—Гдѣ же утерпѣть, если человѣкъ погибаетъ и его на путь истинный наставить надо, спасти надо!... У насъ вѣдь, Митя, ладу нѣтъ въ семьѣ, раздоры идутъ—вотъ оно что!... Я, конечно, самъ виноватъ, но вѣдь я—человѣкъ, Митя, слабый человѣкъ... Казнить-то меня ежедневно, ежечасно за что?..: Поѣдомъ-то меня, старика, ѣсть за что?

— Что случилось-то, отецъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ заерзалъ на стулѣ и совсѣмъ тихо, немного нагнувшись къ сыну, сказалъ:

— Ты меня не суди, а выслушай. Ты мужчина,—ты это поймешь... Аннушка не понимаетъ этого, потому она не мужчина; она даже и не женщина, Митя, а старая дѣвушка... Ей трудно, ей совсѣмъ даже невозможно понять,—ну, она и сердится... Помнишь, ты вчера о Мареѣ спросилъ, такъ какъ она зашипѣла?... Я вѣдь тебя знаю, ты понялъ, что она шипитъ,—понялъ непремѣнно... И правъ ты, правъ, Митя, потому у насъ съ Мареы все это шипѣнье и началось... Ты, Митя, помнишь, когда мать умерла, въ какомъ я положеніи былъ? Изстрадался я еще прежде, а тутъ тебя взяли, она захворала, потомъ ея смерть, отъѣздъ твой. Въ такомъ положеніи люди съ ума сходятъ, руки на себя налагаютъ... Вотъ это положеніе-то какое!...

Старикъ на минуту перевелъ духъ, смахнулъ съ рѣсницъ слезу и заговорилъ снова:

— Я, Митя, слабый человѣкъ, забитый человѣкъ, говорить я много не умѣю, а все внутри себя выношу, долго выношу... Такъ, вотъ, когда это все случилось, остался я одинъ и стало это мнѣ все прошлое вспоминаться—и какъ я не довольно берегъ Машу, и какъ огорчалъ ее своими слабостями, и какъ я мало тебѣ ласки выказывалъ...

— Отецъ!—перебилъ его Дмитрій Андреевичъ ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты постой!... Я любилъ тебя, всегда любилъ, какъ можетъ-быть другіе-то отцы и любить не умѣютъ. Это и я знаю, и ты знаешь. А выказать это—на это у меня умѣнья никогда не было... Что-жь, я простой человѣкъ, говорить красно не умѣлъ, работать да молчать привыкъ, ласки... Какія

же это у меня такія ласки могли быть? По головѣ-то, бывало, мимоходомъ тебя поглажу—вотъ и все... Ну, вотъ сталъ я это все вспоминать да обдумывать и просто на себя сталъ не похожъ, хожу, какъ тѣнь, плачу, а дома... Тяжело, Митя, у насъ дома стало!... Аннушка,—ты вѣдь ее знаешь,—молчитъ и вздыхаетъ; Леша — Леша Божій человѣкъ, глупенькій—начнетъ говорить, такъ ужь лучше бы молчалъ, а то только пуще сердце надрываетъ, душу выматываетъ... Въ это-то время, когда я чуть петли на шею съ тоски не надѣлъ, когда я на шагъ отъ грѣха великаго былъ, и случилось это дѣло...

Старикъ тяжело вздохнулъ и перевелъ духъ.

— И самъ я не помню, какъ это было, и самъ я, видитъ Богъ, не желалъ этого,—съ разстановкой продолжалъ онъ.—Сидѣлъ я это одинъ,—Аннушка ушла куда-то съ Лешей,—подступило мнѣ къ сердцу, опустилъ я голову на грудь, расплакался я, въ головѣ черныя мысли бродятъ, кто-то точно нашептываетъ, подталкиваетъ покончить съ собой, а тутъ и вошла Марѳа. «Полноте, говоритъ, родной вы мой, убиваться-то; на васъ глядючи, голубчикъ, сама я изныла». А у самой, Митя, слезы, слезы...

Старикъ самъ захлебнулся отъ слезъ и отеръ рукой глаза.

— Вотъ вѣдь, вотъ глупый, съ собой не умѣю справиться, плачу,—съ жалобной усмѣшкой проговорилъ онъ.—Ты не смотри, это такъ, отъ старости...

Онъ высморкался, прошелся по комнатѣ и снова присѣлъ къ столу.

— Такъ, Митя, я и поддался этой ласкѣ, этому слову доброму,—проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Вѣдь человѣкъ же я, Митя! Вѣдь нельзя же человѣку безъ ласки жить! Старикъ я, ты скажешь. Ну да, старикъ, старикъ!... Да развѣ мнѣ любовница была нужна? Ласковое слово мнѣ было нужно, нужно было, чтобы кто-нибудь приголубилъ,—ну, рукой тамъ по старой головѣ провелъ съ ласкою, что ли, присѣлъ бы рядомъ да расспросилъ бы, что со мной, да какъ, а то... Митя, вѣдь песъ, песъ дворной — и тотъ спину тебѣ подставляетъ, чтобы ты ее погладилъ, а я, Митя, все же человѣкъ, человѣкъ еще...

Старикъ опять тихо плакалъ. Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ.

— Ну, спасибо, спасибо! Вотъ мнѣ и легче стало, и на душѣ просвѣтлѣло!—говорилъ старикъ, стараясь улыбнуться.—

Это ничего, Митя, это я такъ... Вспомнилъ все,—ну, и всплакнулъ... Это я отъ старости... И тоже пилъ прежде... Теперь почти не пью, а прежде много пилъ, Митя,—глаза и стали слабы: пустякъ какой-нибудь, а глядишь—на глазахъ ужь и слезы... Книжку иногда читаю, пустяшную самую книжку, а самъ плачу...

— Ты успокойся немного, голубчикъ, погоди разсказывать,—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—А главное—не волнуйся, думая, что я тебя могу осудить. За что? Какое преступленье ты сдѣлалъ? Развѣ мы, мужчины, не всѣ такъ сходимся съ женщинами и развѣ это можетъ иначе быть?...

— Да, да... Но я такъ скоро послѣ смерти матери, и тамъ, въ домѣ у себя,—началъ старикъ.—Это нехорошо, нехорошо... Я самъ, Митя, потомъ каялся, каждый день на могилку къ Машѣ ходилъ, плакалъ... Да, Маша проститъ, она и простила, а вотъ Аннушка... Аннушка, Митя, мнѣ никогда этого не проститъ, никогда!

Онъ опустилъ голову на грудь.

— Еслибы ты слышалъ, что у насъ было, когда она все подсмотрѣла, подслушала, точно шпіонка какая!...

Онъ махнулъ рукой.

— Позоръ, позоръ, одно слово—позоръ! Лешу она не пощадила! Онъ хоть и взрослый, а этого ничего не понимаетъ, потому что какой же онъ мужчина!... Дитя онъ большое, а не мужчина,—и вдругъ при немъ она, дѣвушка, упрекать начала меня, старика!... А вѣдь я для нихъ же тружусь, ихъ же кормлю. Если она тебѣ писала, что у насъ недостатки, такъ это потому, что она все монахамъ да въ церковь попамъ тащитъ, панихиды служитъ, свѣчи ставитъ, на богомолья ходитъ... Средствъ же у насъ достанетъ, Митя, на нашу жизнь, потому я хоть старъ, но я дѣлецъ... Я, Митя, законы знаю и дѣлъ у меня у однихъ мировыхъ судей всегда на прокормъ хватитъ... А на монаховъ да на странницъ, на панихиды да на заупокойныя обѣдни—на это, Митя, денегъ не напасешься... Да этимъ, Митя, души и не спасешь. Честностью и добротой, Митя, угодишь Богу, а подкупить Бога нельзя,—нѣтъ, нельзя!... Я на нее не сержусь, не обвиняю ее, потому я знаю, что и почему на свѣтѣ дѣлается; но больно мнѣ, что съ родною дочерью мы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, ужиться не можемъ... Не будь Леши, она, можетъ-быть, въ монастырь бы ушла, а теперь Леша на рукахъ... Ему тоже не сладко... Она и сама не замѣчаетъ, что она и его

тиранитъ; пилитъ и точитъ она его, это я знаю... Онъ-то только, Божья душа, все терпитъ да еще ей же угождаетъ, о ней плачетъ...

Дмитрій Андреевичъ задумался.

— Нельзя ли будетъ это какъ-нибудь устроить? — сказалъ онъ въ раздумьи.—Вотъ теперь я здѣсь. Не сказать ли ей, что я Лешу возьму къ себѣ...

— Что ты, что ты!—почти испугавшись, сказалъ старикъ.—Гдѣ тебѣ съ нимъ еще возиться! Нѣтъ, ты живи для себя. Мы доживемъ кое-какъ... Я не къ тому началъ, совсѣмъ не къ тому.

— Да я могу его и не брать къ себѣ, а просто скажу ей, что возьму его къ себѣ, тогда она можетъ-быть и выскажетъ свое желаніе идти въ монастырь, если только она точно думаетъ объ этомъ...

Старикъ покачалъ головой.

— Не пойдетъ она, пожалуй,—потому не пойдетъ, что за меня будетъ опасаться,—сказалъ онъ въ смущеніи. — Понимаешь, подумаетъ, что *та* въ домѣ поселится... Что-жь, ужь началъ говорить, такъ надо все говорить!... Она, Митя, меня вѣдь на каждомъ шагу усовѣщиваетъ... Она монашекъ подсылаетъ обращать меня на путь истинный,—меня-то, старика-то!... Говорятъ мнѣ: «Пожалѣйте дочь-то свою,—изстрадалась она... Что вы душу-то свою губите, дьявола-то тѣшите...» Это она, Митя, спасти меня хочетъ,—боится, что Господь Богъ меня отвергнетъ за мои прегрѣшенія...

Дмитрій Андреевичъ невольно усмѣхнулся. Старикъ это замѣтилъ.

— Да, да, Митя, смѣшно вотъ это намъ съ тобой, а ей это—мука... Я самъ знаю, что мука, да вѣдь человѣкъ я...

— Ну, это мы еще уладимъ какъ-нибудь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ. — Нужно же, чтобы кто-нибудь и при тебѣ былъ. Не жить же тебѣ съ однимъ Лешей...

Старикъ оживился.

— Вотъ и я тоже говорю... И не при мнѣ одномъ, а и при Лешѣ человѣкъ добрый нуженъ... Аннушка насъ заѣла... Вѣдь мы, точно воры, съ Лешей къ Мареѣ теперь бѣгаемъ.

— И Леша?

— Еще бы! Хитрить научился бѣдняга. Извѣстно, у Мареы тамъ и смѣхъ, и свѣтъ... Ну, варенья да сласти она ему даетъ,—онъ и бѣгаетъ къ ней. Мареа—простой, добрый человѣкъ,

живетъ какъ Богъ на душу положилъ, разныхъ этихъ вздыханій да покаяній не зная,—мальчику тамъ и весело, и уютно... Онъ тамъ и на человѣка походитъ, Ѳедора Гаврилыча своего поминать пересталъ,—потому ему ласка нужна, нужно, чтобъ его не пугали,—а у Аннушки все адъ, да адъ... Успѣемъ еще въ аду-то томъ всего натерпѣться,—для чего же изъ этой-то жизни еще другой адъ дѣлать?... И такъ не сладко...

Потомъ старикъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ сына:

— Такъ ты думаешь, что все уладить можно? Намъ тяжело съ ней, Митя, вѣрь Богу, тяжело! Грѣшимъ мы только вмѣстѣ, ненависть какая-то въ душу закрадывается, къ родной дочери, къ святой дѣвушкѣ ненависть... А какъ же иначе и быть?... Вѣдь вотъ какъ ты думаешь, отчего у насъ служанки нѣтъ?... Думаешь, средствъ не хватаетъ?—Нѣтъ, это, видишь, меня Аннушка отъ соблазна спасаетъ!... Я, видишь, сейчасъ шашни заведу... Ну, вотъ и не держитъ служанки, и сама все дѣлаетъ, и Лешу все дѣлать заставляетъ, и мнѣ даетъ понять, что это все изъ-за меня они мучатся, изъ-за меня надрываются... Это, Митя, тяжело...

Дмитрій Андреевичъ успокоилъ отца. Они еще разъ крѣпко обнялись и расцѣловались.

— А мы врозь пойдемъ домой,—пусть не знаетъ, что мы заговоръ-то устроили,—проговорилъ старикъ. — А то житья не будетъ, житья не будетъ...

— Я пройду къ дядѣ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, и отлично, и отлично! Не узнаешь его,—не тотъ человѣкъ сталъ... Бодриться старается все еще, книжки да газеты читаетъ,—да нѣтъ, гдѣ ужь!... Вотъ она, старость-то, что значитъ...

Дмитрій Андреевичъ направился къ жилищу Лампадова. Давно онъ не былъ подъ этимъ дорогимъ для него кровомъ. Отворивъ дверь въ переднюю и поздоровавшись наскоро съ Магдалиной, Орловъ направился въ комнату Лампадова.

— Дядя, голубчикъ, здравствуй!—громко проговорилъ онъ, готовясь обнять Лампадова.

— А, ты... мальчуганъ... на развалины смотрѣть пріѣхалъ!—послышалось ему въ отвѣтъ.

На встрѣчу Орлову въ волненіи поднялся съ кресла и въ то же мгновенье, едва переводя духъ, снова опустился на это кресло сѣдой, какъ лунь, желтый, какъ пергаментъ, исхудалый

старикъ. Это точно была развалина. Орловъ невольно остановился передъ старикомъ: едва дышащій, сгорбившійся, съ опущенною на грудь головой, сидѣлъ теперь Лампадовъ на обитомъ кожей волтеровскомъ креслѣ, глубоко прислонившись къ спинкѣ и тяжело переводя духъ. Его крупныя, но худыя и блѣдныя, точно восковыя руки съ плоскими пальцами покоились на ручкахъ кресла, какъ бы застывъ въ этомъ положеніи.

— Ты боленъ, дядя?—проговорилъ Орловъ въ волненіи.

— Да, старость—болѣзнь... Нѣтъ, хуже: это—смерть заживо!...—отрывисто сказалъ Лампадовъ, дыша съ трудомъ.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на Орлова.

— Не доживай, мальчуганъ, до старости, не доживай,—проговорилъ онъ.—И скучно, и тяжело, и не нужно,—никому, ни себѣ, ни другимъ, не нужно... И хуже всего то, что чувствуешь это, а живешь, потому что и храбрости, и силъ нѣтъ покончить все разомъ... Ну, вотъ и живешь, когда кругомъ всѣ только и ждутъ, когда ты уголъ очистишь...

— Что за мрачныя мысли, дядя!—воскликнулъ Орловъ.—Кому ты-то можешь мѣшать?

— Не мѣшаю, не мѣшаю, а все же, можетъ-быть, наслѣдство оставлю. Какже не ждать моей смерти!

Въ голосѣ старика зазвучала незнакомая Орлову нотка горечи.

— Ужь очень мнѣ надоѣли эти напоминанія о смерти,—продолжалъ старикъ.—Самъ я знаю, что пора умирать, самъ хочу умереть, да торопить-то меня зачѣмъ? Вѣдь ужь какъ ни торопи, а проживу до тѣхъ поръ, пока не умру...

Онъ усмѣхнулся.

— Впрочемъ, люди не только о моемъ наслѣдствѣ заботятся, а и о спасеніи моей души,—сказалъ онъ.—Вотъ Аннушка...

Онъ перевелъ духъ и спросилъ Дмитрія Андреевича:

— Ты вѣдь уже видѣлся съ отцомъ, говорилъ съ нимъ?

— Да,—отвѣтилъ Орловъ.

— Значитъ старикъ все разсказалъ о себѣ?

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Ну, такъ вотъ Аннушка и его хочетъ спасти, и меня. Ты не повѣришь, до чего это мнѣ тошно. Сегодня одни придутъ, высматриваютъ, что у меня есть, выспрашиваютъ намеками, кому я все оставлю; завтра Аннушка придетъ, начинаетъ говорить, какъ ужасно умереть человѣку безъ покаянія...

Старикъ опять усмѣхнулся.

— Они, Митя, того и не понимаютъ, что я, старикъ, все знаю и понимаю лучше ихъ, что я читаю въ ихъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ помолчалъ и грустно вздохнулъ.

— Да, горько то, что, уходя отъ людей, прощаясь съ ними, уносишь въ душѣ только одно презрѣніе къ этимъ мелкимъ и пошлымъ душонкамъ рабовъ... Право, иногда не знаешь, чего въ нихъ больше—злобы или глупости. Вотъ я разскажу два случая изъ жизни покойной сестры. Ты помнишь, что это за человѣкъ былъ: для другихъ жила! И что же?—Ты знаешь, она все апельсинчики да пирожки собирала въ свой мѣшокъ для разныхъ голодныхъ ребятъ; сама не съѣстъ, а взять возьметъ, чтобы бѣднякамъ снести. Ну, вотъ, не задолго до ея смерти была она въ одномъ богатомъ домѣ, у людей близкихъ, хорошо знавшихъ ее, и все же нашлись тамъ шутники и остроумцы. Сговорились они пошутить надъ ней: одинъ изъ нихъ какъ будто случайно сѣлъ на ея мѣшокъ, а тамъ апельсины были. Можешь представить, какая смѣшная сцена вышла... Правда, сестра расплакалась отъ этой шутки,—ну, а эти молодые шутники за то повеселились. Надъ побирушкой, видишь ли, потѣшиться можно! Побирушка!... Да они ея мезинца не стоили, дармоѣды!... Это вотъ у богатыхъ случилось, а у бѣдныхъ... Одинъ изъ крестниковъ, смиренникъ такой, ласковый такой, ухаживавшій за Ольгой какъ за матерью, одинъ разъ подсмотрѣлъ со своею женой, что у Ольги въ ея мѣшкѣ деньги, такъ какъ она ему же и вынула изъ нихъ въ видѣ помощи двадцать пять рублей, — ну, подсмотрѣлъ да и выкралъ деньги. Десятки лѣтъ жилъ со всей семьей на ея пособія, по ея стараніямъ мѣсто получилъ, ни разу не обмолвился словомъ противъ нея и все-таки въ концѣ концовъ ее же обокралъ... Ты скажешь, это—исключительные случаи?—Нѣтъ, Митя, это правило, а исключеніе—это добрые и честные люди. Вотъ почему иногда просто гадко, омерзительно смотрѣть на людишекъ...

Дмитрій Андреевичъ замѣчалъ, какъ передъ нимъ мало-помалу оживлялся и точно воскресалъ этотъ старикъ, упорно боровшійся со смертью и точно желавшій отстоять себя отъ ея разрушительнаго вліянія.

— Ну, да Богъ съ ними, чортъ ихъ возьми!—проговорилъ Лампадовъ.—Разсказывай о себѣ, говори, что видалъ, что пережилъ?

Дмитрій Андреевичъ началъ разсказывать и изумился, увидавъ, что Лампадовъ слѣдитъ за всѣми событіями, читаетъ книги, просматриваетъ газеты. Въ то же время Орлову бросились въ глаза извѣстная старческая неряшливость, забывчивость, слабость. На старикѣ сюртукъ былъ весь залитъ чѣмъ-то жирнымъ,—вѣроятно, супами и соусами; брюки были спереди не застегнуты; галстухъ повязанъ на шеѣ не сверхъ воротничка сорочки, а подъ воротничкомъ.

— Да что же это я и забылъ распорядиться чаемъ-то тебя угостить,—сказалъ наконецъ Лампадовъ.—Надо сказать домоправительницѣ...

— Ты не безпокойся, дядя,—замѣтилъ ему Орловъ.—Я...

— Ну, ты думаешь, я ужь и чай пересталъ пить съ горя, что постарѣлъ,—шутливо перебилъ его Лампадовъ.—Это я только какъ взволнуюсь, такъ силы падаютъ... Въ сердцѣ, братъ, клапанъ не въ порядкѣ, такъ вотъ иногда кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ умру. Начнутся эти осѣчки, дышать трудно, силъ нѣтъ, а потомъ и обойдется... Рука только лѣвая ноетъ... Сперва думалъ, ревматизмъ, да нѣтъ, это отъ сердца... Вотъ, какъ у твоей покойной матери... Ее только скоро скрутило, а я живучъ... У меня вотъ тутъ вода,—указалъ онъ на грудь,— а живу, отстаиваю себя отъ смерти, заставляю людей ждать наслѣдства...

Онъ довольно бодро поднялся съ кресла и пошелъ въ кухню, незамѣтно придерживаясь на ходу за столы и стулья. Орловъ оглядѣлся. Его поразилъ видъ квартиры дяди. Въ ней была почти та же обстановка, но онъ не нашелъ цѣлой массы цѣнныхъ вещей, украшавшихъ когда-то это жилище. Куда дѣвались эти вещи? Неужели старикъ разстался съ ними? Онъ такъ дорожилъ ими, что трудно и повѣрить, чтобъ онъ могъ продать ихъ. Старикъ скоро снова вернулся въ комнату и заговорилъ съ Орловымъ.

— Да, такъ не сладко прошли для тебя эти годы,—сказалъ онъ.—Да и то сказать, кому нынче покойно живется?... Всѣ точно изъ колеи выбиты. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ жалуются, всѣ не въ своей тарелкѣ. Смотрю я на людей и все мнѣ кажется, что всѣ они въ новый домъ переѣхали: онъ и лучше, и просторнѣе, пожалуй, старой лачуги, а уютности, удобствъ, привычки къ нему покуда нѣтъ. Тамъ, глядишь, мебели и украшеній не хватаетъ и стѣны голыми кажутся; тутъ человѣкъ путается въ ла-

биринтѣ новыхъ комнатъ, не успѣвъ привыкнуть къ ихъ расположенію; въ третьемъ мѣстѣ тяготится человѣкъ, что въ новыхъ зеркалахъ отражается его невзрачная одежда, и хлопочетъ о новомъ одѣяніи; иной... да, ей-богу, иного мучаетъ даже и то, что онъ на новосельѣ и клоповъ-то еще не успѣлъ завести, и своего жилого промозглаго запаха не слышитъ.

Орловъ улыбнулся.

— Оно, конечно, со временемъ обживутся и клоповъ заведутъ, и промозглый запахъ напустятъ въ новый домъ,—продолжалъ Лампадовъ,—ну, а покуда никто не обжился въ новомъ домѣ и всѣ недовольны. Ужь чего, я здѣсь, въ захолустьѣ, почти безвыходно сижу, а и здѣсь то тотъ, то другой приходитъ съ жалобами. Помѣщикъ говоритъ, что его по-міру пустили, отнявъ крестьянъ и землю, и совсѣмъ забываетъ, что и ему Богъ руки для работы привѣсилъ. Мужикъ жалуется, что земли мало дали, что кабаковъ много съ дешевкой развели, что лѣсу нѣтъ у него дароваго, что воля выгнала въ поле и безъ управительской палки словно вдругъ разучился онъ работать, а безъ барской опеки отвыкъ сводить концы съ концами. Съ одними поговоришь: плачутся они, что мѣстъ нѣтъ, что работы найдти не могутъ, что вездѣ большія требованія къ служащимъ предъявляютъ или только по протекціи принимаютъ на службу. Другихъ послушаешь, говорятъ: «рукъ нѣтъ, дѣло стоитъ, взяться не за кого». Молодежь стариковъ ругаетъ крѣпостниками да взяточниками, а старики глядятъ, какъ она, молодежь-то эта самая, дѣлишки обдѣлываетъ, да приговариваютъ: «мы были хороши, а эти пошустрѣе насъ будутъ». Порядки-то вездѣ новые, а люди-то — люди вездѣ старые.

Старикъ дотронулся до руки Орлова и заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Знаешь ли, что хуже всего у насъ?—То, что никто изъ насъ не умѣетъ стоять на высотѣ своего положенія и проникаться задачами времени. У насъ законы, постановленія, порядки— это одна сторона, а исполненіе—это особая статья. Куда насъ ни поставь, что намъ ни вели дѣлать, вездѣ мы со своимъ «коекакъ» явимся, вездѣ спустя рукава черезъ пень-колоду валить станемъ. Гражданскаго чувства у насъ еще не достаетъ, честности еще и въ заводѣ нѣтъ, патріотизма... даже и слова-то мы такого не знаемъ, если не считать патріотизмомъ способности кричать: «мы шапками всѣхъ закидаемъ». Да, русопеты у насъ,

пожалуй, найдутся, а патріотовъ что-то не видно. Еслибы мы дѣло-то умѣли дѣлать, такъ не то бы у насъ было. Ты посравни англійскаго или нѣмецкаго земледѣльца и русскаго: вѣдь это—небо и земля. Ты скажешь, что нашъ народъ только-что всталъ на свои ноги и ему трудно было сразу научиться самостоятельно и хорошо работать. Согласенъ. Ну, а бери выше: какъ нашъ мастеровой работаетъ и какъ работаетъ французскій рабочій? Какъ нашъ купецъ торговлю ведетъ или фабрикантъ фабрику устраиваетъ и—какъ какой-нибудь парижскій или американскій торговый домъ или фабрика работаютъ? А городскія управленія? А коммиссаріатъ? А устройство флота? А порядки гдѣ-нибудь на почтѣ или въ полиціи?... Да за что ты ни возмись, вездѣ мы сами оказываемся и ротозѣями, и тунеядцами, и неряхами. Мы все на правительство валимъ. Да что такое правительство? Мы—правительство, мы—сами!... Покажи мнѣ такое частное учрежденіе, совершенно независимое отъ правительства, гдѣ бы шли хорошо дѣла. Не устройство ли желѣзныхъ дорогъ, не банки ли, не фабрики ли, не благотворительные ли пріюты, не частныя ли школы?... Вонъ я—русскій человѣкъ, а всю жизнь шведу сапоги заказывалъ, а не русскому.

Онъ усмѣхнулся.

— Да мы же и плачемся, что насъ иностранцы обираютъ: тамъ жидъ обидѣлъ, тутъ нѣмецъ насѣлъ, въ третьемъ мѣстѣ французъ загонялъ. Экіе малолѣтки, что ото всѣхъ оберегать да опекать насъ нужно!... Ей-богу, злость меня разбираетъ, когда читаю въ газетахъ іереміады о томъ, какъ насъ какіе-нибудь жиды притѣсняютъ. Такъ и хочется сказать: «стыдитесь, господа, говорить громко о своей глупости да неумѣлости; защищайтесь сами, если на васъ нападаютъ; если же не можете защититься,—ну, такъ и погибайте, туда вамъ и дорога; ужь если мы такіе глупые да неумѣлые, что насъ каждый перехитрить да притѣснить можетъ, такъ лучше и не жить намъ, не коптить неба, не стоять поперекъ дороги у другихъ людей».

— Долго, дядя, подъ опекой жили, вотъ въ чемъ вся и бѣда,—замѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, братъ, бѣда въ томъ, что насъ такъ легко могли взять подъ опеку, да такъ долго держать подъ ней, не слыша отъ насъ серьезнаго протеста,— сказалъ Лампадовъ.— Скверно то, что не знаешь, опека ли вызвала въ насъ апатію, или апатія наша привела насъ къ опекѣ. Вотъ что скверно.

Старикъ махнулъ безнадежно рукой и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь вотъ ко мнѣ много разныхъ бѣдняковъ ходитъ... Ольга покойная накрестила да навѣнчала,—ну, да и самъ я, Господь знаетъ, какъ развелъ этихъ разныхъ крестниковъ. Такъ, Господи, что за народъ это! Или это—грабители да хищники будущіе, или какія-то безпомощныя овцы, которыхъ только лѣнивый не будетъ стричь...

Орловъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь это не мнѣ одному счастье на такихъ крестниковъ,—продолжалъ старикъ.—А всѣ мы таковы: либо мы грабимъ, либо насъ грабятъ...

Орлову вдругъ вспомнился Благолѣповъ съ его исканіями «средины».

— Ну, дядя, нельзя же такъ рѣзко дѣлить людей,—сказалъ онъ.—Есть же и средина. Да вотъ ты самъ...

— Я, братецъ, былъ и остался человѣкомъ не отъ міра сего... ну, идеалистомъ, теоретикомъ, дуракомъ, что ли, какъ это теперь у васъ тамъ называется,—сказалъ старикъ, махнувъ рукой.—Такихъ-то, вѣрно, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ государствѣ найдется,—непочатый ихъ уголъ у насъ,—да этихъ людей и вовсе со счетовъ нужно бы сбросить...

Магдалина между тѣмъ подала чай. Старикъ засуетился.

— Постой, постой, у меня англійское печенье есть, а то какъ же такъ безъ булокъ,—сказалъ онъ и досталъ изъ шкапа большой жестяной ящикъ.

Онъ дрожащими руками сталъ открывать крышку.

— Позволь я открою,—сказалъ Орловъ и открылъ крышку.

Изъ ящика поднялась пыль и вылетѣло нѣсколько молей. Старикъ смутился и сконфузился. Онъ вдругъ точно опустился и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Извини... Давно, видишь, не открывалъ... Странно, не зналъ, что въ этомъ можетъ моль завестись...

Онъ опустилъ голову и, совсѣмъ хмурый, впалъ въ раздумье. Орловъ, видя смущеніе старика, поспѣшилъ взять стаканъ и началъ посторонній разговоръ.

— Какъ у Плюшкина,—тихо и грустно сказалъ старикъ.—Со стороны должно быть смѣшно...

— Полно, дядя!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ мрачно махнулъ рукою.

— Умирать пора! — сказалъ онъ. — Винты не всѣ въ порядкѣ...

Какъ ни пробовалъ Орловъ оживить снова старика, тотъ уже не оживлялся, а былъ мраченъ и нѣсколько желченъ. На прощаньи онъ сказалъ Дмитрію Андреевичу:

— Ну, заходи, да, пожалуйста, успокой сестру: скажи, что я умру не скоро, что совѣсть у меня въ порядкѣ, что о душѣ моей заботиться нечего... Очень ужь раздражаютъ меня эти заботы!

— Да я и не солгу, дядя, что и жизни въ тебѣ много, и грѣховъ на тебѣ нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Вотъ я посидѣлъ у тебя и снова, какъ въ былые годы, забылъ, что у меня, можетъ-быть, дыра на сапогѣ...

Старикъ улыбнулся.

— Да вѣдь отъ этой дыры, голубчикъ, никто и ничто и не пострадаетъ, такъ о ней особенно много и думать нечего,— отвѣтилъ онъ.—Именно то-то и худо, что люди всю свою душу полагаютъ въ заботы о дырѣ на своихъ собственныхъ сапогахъ.

Орловъ вышелъ отъ Лампадова и за нимъ послѣдовала на крыльцо Магдалина.

— Ну, какъ вы нашли, батюшка, нашего Феопемпта Григорьевича?—спросила она.

— Плохъ онъ,—сказалъ Орловъ.

— Моритъ онъ самъ себя,—сказала старушка.—Почти ничего не велитъ готовить; чѣмъ питается, я и не знаю. «Чего, говоритъ, мнѣ, старику, лакомиться да даромъ деньги бросать!» А вѣдь въ его положеніи только пищей хорошей и можно поддержать себя. Нельзя же ужь тоже такъ надъ каждой копѣйкой для себя трястить...

— Да дядя же прежде никогда не былъ скупъ, — замѣтилъ Орловъ.

— Господь съ вами, батюшка, Господь съ вами! Развѣ это скупость?—сказала Магдалина.—На себя, говорю я вамъ, ничего не хочетъ тратить, а другіе его обираютъ...

Она махнула рукой.

— Вороны точно, ей-богу, точно вороны! — заговорила старушка со слезами въ голосѣ.—Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ съ него все. Пробовала я не пускать ихъ къ нему,—письмами одолѣваютъ, на меня жалуются. Ну, сердится, коритъ, скаредомъ меня называетъ. «Что,—говоритъ,—старая, тебѣ жалко, что ли,

что я бѣднымъ грошъ дамъ? Мало тебѣ, что ли, старая? Сама помрешь скоро. Въ могилу ничего не возмешь». А развѣ я для себя? Мнѣ на саванъ хватитъ. Я вѣдь для него же да для вашей семьи...

— Намъ ничего не надо!—быстро проговорилъ Орловъ.

— Что вы, батюшка! Вотъ сестрица тоже разсказывала, какія нужды терпите. А вѣдь вы его единственные наслѣдники. Анна Андреевна вонъ намеднись плакала: «все, говоритъ, растащутъ, а свои родные чуть не по міру идутъ...»

— Глупости она говоритъ! Я вамъ повторяю, что намъ ничего не нужно,—сказалъ Орловъ.

Ему было и тяжело, и больно. Онъ сознавалъ, что ему нужно будетъ серьезно поговорить съ сестрой насчетъ Лампадова и что этотъ разговоръ будетъ не изъ пріятныхъ.

II.

— Ну, вотъ я и свободенъ!—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, получивъ отставку, и его охватило радостное чувство.

Теперь ему никто не предпишетъ: «переводится товарищемъ прокурора туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ», «назначается прокуроромъ туда, куда воронъ костей не заноситъ». Его не заставятъ обвинять Ивановъ, непомнящихъ родства, за то, что они крадутъ съ голода и убиваютъ съ горя, не принудятъ подчиняться личностямъ, вставшимъ выше его иногда только потому, что эти лица успѣшнѣе его умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться ворожбой бабушекъ. Но это была только одна сторона медали,—подъ этою свѣтлою стороной была другая, болѣе темная сторона. Онъ принадлежалъ по своему положенію, по своей подготовкѣ, по своему развитію и прошлымъ стремленіямъ къ числу людей, въ сущности не имѣющихъ возможности выбирать родъ дѣятельности: онъ могъ быть чиновникомъ, адвокатомъ, писателемъ, профессоромъ, человѣкомъ кабинетной работы, но и только. Онъ былъ чистѣйшимъ представителемъ мыслящаго пролетаріата, выросшаго на почвѣ петербургской жизни,—кабинетнымъ работникомъ, теоретикомъ и бѣднякомъ. Сдѣлайте его управляющимъ большимъ имѣніемъ, дайте ему въ руки большую фабрику, заставьте его вести большое торговое дѣло—и онъ окажется на каждомъ шагу несостоятельнымъ, его загоняетъ первый неграмотный староста, простой машинистъ-самоучка, совсѣмъ не-

развитой прикащикъ. Правда, именно изъ людей съ подобною подготовкой и выходили и выходятъ такъ-называемые заправилы, ворочающіе чуть не цѣлыми отдѣлами общественнаго механизма, но за то что же и происходило изъ этого: канцелярскія отношенія, канцелярскія предписанія, канцелярская переписка безъ конца и идущая въ разрѣзъ съ этою перепискою практика. Классику приходилось судить, годны или не годны въ дѣло рельсы новой желѣзной дороги; юристу приходилось изобрѣтать средства поднять народное хозяйство; выросшему съ пеленокъ въ столицѣ человѣку приходилось канцелярски точно и однообразно рѣшать, гдѣ насадить народныя школы и каковы должны быть эти школы, когда онъ даже и представить себѣ не могъ тѣхъ деревень, гдѣ живутъ такіе-то Пилы и Сысойки, будто бы нуждающіеся въ его проектахъ для своихъ школъ, когда онъ даже приблизительно не зналъ, похожи ли эти Пилы и Сысойки, напримѣръ, на шустраго ярославца-половаго изъ трактира Палкина, или на извощика «пьяную Калугу», съумѣвшаго со своими земляками взять верхъ надъ всѣми другими извощиками, или на оборваннаго профессіональнаго нищаго «изъ витебскихъ», ходящаго десятки лѣтъ съ протянутою рукой, прося «на погорѣльцевъ»? Можетъ-быть, со временемъ и онъ, Орловъ, будетъ управлять чѣмъ-нибудь, положимъ, во флотѣ или устраивать механическіе заводы, но покуда онъ былъ еще настолько добросовѣстенъ, что не взялся бы и за большія деньги строить броненосныя суда, и былъ настолько пролетаріемъ, что никто бы и не предложилъ ему даже какого-нибудь мѣстишка капитана на самомъ маленькомъ пароходикѣ. Его свобода была понятіемъ очень условнымъ и онъ былъ едва ли не менѣе свободенъ въ выборѣ профессіи, чѣмъ какой-нибудь сапожникъ: этотъ сапожникъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ ремеслѣ, могъ превратиться и въ лавочника, и въ извощика, и въ лакея, и въ банщика, и въ артельщика, и если притомъ же онъ былъ изъ крестьянъ-собственниковъ, то за нимъ всегда стояли изба, нива, какъ мѣсто отступленія съ поля битвы городской жизни. Люди же подобные Орлову возвращаются послѣ неудачъ въ родное гнѣздо съ однимъ сознаніемъ, что это гнѣздо— наемный уголъ, не дающій хлѣба и требующій ежемѣсячной платы. Многіе изъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей у насъ находятся въ такомъ положеніи: воспитаніе и образованіе юношества поставлено такъ, какъ будто Россія нуждается только въ канцелярскихъ дѣятеляхъ; знакомство съ роднымъ краемъ и

его потребностями является почти исключительно книжнымъ; всѣ стремленія и идеи усвоиваются чисто-теоретическимъ путемъ; способности къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ почти не развиваются и потому вся практичность сводится къ умѣнью выслужиться, выкланяться, поддѣлать вексель, обокрасть общество, взять взятку или обсчитать ближняго. Всѣ эти недостатки должны были сказаться рѣзко и ярко именно въ то время, когда правительство и обстоятельства дали сильный толчокъ русскому обществу, призвавъ его къ болѣе разносторонней дѣятельности. Такое время именно и было тогда.

Съ перваго же взгляда на Петербургъ, Орловъ не узналъ въ немъ прежняго Петербурга. Въ годы его отсутствія городъ точно выросъ и принарядился: только-что начавшаяся горячка домостроительства была въ полномъ разгарѣ; вездѣ воздвигались новые дома съ украшеніями кондитерскихъ пироговъ, вездѣ надстроивали этажи и прилѣпляли колонки, балкончики, арабески. Казалось, что весь городъ передѣлывается заново. Цѣлая масса новыхъ магазиновъ ослѣпляла своими вывѣсками и выставками товаровъ, всюду красовались новыя вывѣски банковъ, банкирскихъ конторъ, правленій акціонерныхъ обществъ. Кто зналъ Петербургъ въ предыдущее царствованіе или въ самомъ началѣ новаго царствованія, тотъ не узналъ бы его теперь, когда уже терялся счетъ разнымъ предпріятіямъ биржевиковъ и промышленниковъ. Слѣды наживы и гоньбы за наживой ярко бросались въ глаза человѣку, долго невидавшему столицы. Большая Морская, Невскій проспектъ точно принарядились въ парадныя платья. Особенно ярко бросилось это въ глаза Орлову, когда онъ попалъ впервые снова на эти улицы въ четвертомъ часу дня. По этимъ улицамъ неслись точно на скачкѣ, обгоняя другъ друга, экипажи, блестящіе, легкіе, съ нарядными женщинами. Подкрашенныя лица, одноцвѣтные бѣлокурые парики, слишкомъ изысканные и бросающіеся въ глаза наряды, особыя позы этихъ полулежавшихъ въ колясках дамъ ясно говорили, кто эти дамы. Ихъ обгоняли на эгоисткахъ щегольски одѣтые мужчины съ моноклями или pince-nez, похожіе на вывѣски парикмахеровъ или на модныя картинки. Орловъ смутно узнавалъ нѣкоторыя лица и не вѣрилъ глазамъ. Да, это его товарищи по университету, это вчерашніе бѣдняки, а теперь... Онъ вспомнилъ слышанные имъ разсказы: такой-то женился на богатой, такой-то нажилъ адвокатурой въ годъ состояніе, такой-то пріютился въ акціонерномъ обществѣ,

такой-то просто живетъ на содержаніи. Ему вспомнились саркастическія слова одного его пріятеля:

— Если мы далеки отъ царства Ивановъ, непомнящихъ родства, то мы все же переживаемъ царство Ивановыхъ!

Да, всѣ эти богачи—какіе-то Ивановы, Барановы, Козловы, Кобылины; эта вчерашняя голь вдругъ пошла въ гору и рвала зубами выпавшую ей на долю добычу въ новыхъ учрежденіяхъ, въ акціонерныхъ компаніяхъ и комитетахъ. Новыя учрежденія потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось по неволѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало, среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ можетъ-быть неловко было спрашивать о ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами, потому что они имѣли денежныя средства и въ сущности были не лучше и не хуже своихъ предшественниковъ. Десятокъ лѣтъ тому назадъ ихъ отцы были крѣпостными, приказными, ростовщиками-евреями, а теперь они сидѣли въ первыхъ рядахъ партера въ итальянской оперѣ, они были почетными членами благотворительныхъ обществъ, они оказывали протекціи ищущимъ мѣстъ юнцамъ, они ссужали деньгами золотую молодежь. Но эти новые дѣятели были дѣтьми своихъ отцовъ и предшественниковъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти этихъ людей: ихъ число только возросло, ихъ способы наживы стали только разнообразнѣе, они брали только больше, такъ какъ во всемъ былъ прогрессъ,—всѣмъ захотѣлось жить такъ же широко, какъ прежде жила ограниченная кучка людей, высасывавшихъ все, что можно, главнымъ образомъ, изъ своихъ крестьянъ. Вчерашній обтерханный студентъ изъ мѣщанъ—сегоднешній знаменитый присяжный повѣренный, вчерашній забитый Ицка—сегоднешній желѣзнодорожный тузъ, вчерашній мелкій инженерикъ—сегоднешній желѣзнодорожный строитель, всѣ эти люди хотѣли и должны были жить согласно своему положенію въ обществѣ, примѣняя и къ себѣ правило noblesse oblige и не руководствуясь больше ничѣмъ. Грабежъ сдѣлался только болѣе общимъ, болѣе повальнымъ. Ничего иного нельзя было и ожидать. Такъ всегда бываетъ во время сильнаго прогрессивнаго переворота. Реформы преобразованія, новыя учрежденія создаются смѣлыми реформаторами легко и скоро, а новыхъ людей,

при всемъ желаніи, однимъ почеркомъ пера не создашь. Нужно прибавить къ этому, что никогда не поднимали такъ высоко головы всякіе рыцари наживы, какъ теперь, уже и потому, что лучшіе люди какъ будто вдругъ ушли въ свои раковины, затворились въ четырехъ стѣнахъ, засѣли за работу въ тишинѣ. Это было именно то время, когда общество приходило все въ большее и большее смятеніе послѣ польскаго возстанія, каракозовскаго выстрѣла, смутныхъ слуховъ о новыхъ заговорахъ и арестахъ. У большинства людей срывались съ языка вопросы: «Чего хотятъ? Во имя какой программы дѣйствуютъ? Куда мы идемъ? Что будетъ завтра? Можно ли идти впередъ во время такой суматицы? Не лучше ли погодить?...» У людей же наживы вмѣсто этихъ тревожныхъ вопросовъ созрѣвало одно убѣжденіе, что «нужно ковать желѣзо, пока оно горячо», что «въ мутной-то водѣ и ловить рыбу», что новая заповѣдь гласитъ: «не зѣвай!»

Всѣ эти мысли длинною вереницей проходили въ головѣ Орлова, когда онъ шелъ, отыскивая тотъ домъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его старыхъ пріятелей, Андреевъ. Орловъ встрѣтилъ Андреева въ министерствѣ, куда завернулъ по своимъ дѣламъ, и Андреевъ настойчиво взялъ съ него слово, что онъ обѣдаетъ у него, такъ какъ это «его день»: по четвергамъ у него всегда обѣдаютъ пріятели. Орлову было нужно потолковать съ Андреевымъ, такъ какъ послѣдній былъ присяжнымъ повѣреннымъ и могъ ему разсказать многое о разныхъ закулисныхъ сторонахъ петербургскаго суда. Орловъ отыскалъ домъ, гдѣ жилъ Андреевъ, и поднялся по парадной лѣстницѣ. Ему открылъ двери лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ и провелъ его въ гостиную. По лицу Орлова скользнула невольная усмѣшка при видѣ убранства этой гостиной: шелковая мебель, бронза, картины. Все это было точно сейчасъ принесено изъ магазиновъ, и притомъ изъ разныхъ магазиновъ: изящные французскіе шкапики съ фарфоровыми и бронзовыми вставками не гармонировали съ такъ-называемыми бронзовыми подсвѣчниками въ русскомъ вкусѣ, поражавшими грубостью работы и бросавшимися въ глаза; роскошныя рамы писанныхъ масляными красками картинъ привлекали вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ сами эти картины вѣнской рыночной фабрикаціи. Тутъ не было ни вкуса, ни пониманія, тутъ было одно желаніе разубрать гостиную всякаго рода вещами, случайно попавшимися на глаза и почему-нибудь понравившимися покупателю. Переступивъ порогъ гостиной, Орловъ услышалъ множе-

ство голосовъ, басовитый смѣхъ мужчинъ, визгливый хохотъ женщинъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Черезъ минуту къ гостю вышелъ хозяинъ въ коротенькой бархатной визиткѣ, въ бѣломъ галстухѣ, завязанномъ большими бантами.

— Ну, спасибо, спасибо, что сдержалъ слово!—проговорилъ онъ, пожимая руку Орлова.—Право, разсердился бы, еслибы ты обманулъ. Пойдемъ въ кабинетъ. Мы уже думали, что ты не придешь.

Они прошли въ просторный кабинетъ съ мягкою мебелью, съ мягкими коврами, наполненный гостями. Начались представленія.

— Наше восходящее свѣтило на поприщѣ адвокатуры!—шутливо говорилъ хозяинъ, представляя Орлова гостямъ.—А это Александръ Ивановичъ Щепятовъ. Ты, конечно, уже знакомъ съ его литературными произведеніями, подписанными псевдонимомъ Горева. А это вотъ усладитель нашего слуха, Иванъ Денисовичъ Николаевъ—нашъ незамѣнимый Рауль...

Орловъ даже смутился,—столько знаменитостей представили ему и, что всего хуже, онъ не зналъ почти ни одной изъ этихъ знаменитостей. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей были знаменитостями будущаго, а нѣкоторыя знаменитостями прошлаго, третьи же были знаменитыми талантами довольно страннаго свойства: такъ какой-то господинъ Кисъ или Рисъ,—Орлову даже потомъ показалось, что эту знаменитость звали господиномъ Бисъ,—отличался тѣмъ, что рисовалъ чѣмъ угодно и на чемъ угодно: пальцемъ на тарелкѣ, тряпкой на бумагѣ, употребляя при этомъ вмѣсто карандашей и красокъ уголь, мѣлъ, соусъ изъ-подъ жаркого, остатки кофе на блюдечкѣ и т. п. При этомъ господинъ Кисъ или Рисъ умѣлъ занимать гостей длинными рѣчами на всѣхъ европейскихъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ онъ зналъ въ дѣйствительности только два, что не мѣшало ему съ пафосомъ произносить, напримѣръ, по-итальянски: «O santa Lucia, Napoli, macaroni, Milano, Garibaldi, tedesco» и т. д. Выходило что-то похожее на итальянскую рѣчь. Кромѣ того, не имѣя голоса, онъ пѣлъ комическіе куплеты больше жестами и гримасами, а когда бывалъ очень пьянъ, то даже плясалъ національные танцы. Всѣ эти знаменитости, видимо, скучали, слонялись изъ угла въ уголъ въ ожиданіи обѣда.

— Разсаживайся! Не хочешь ли сигару? Обѣдъ сейчасъ подадутъ!—говорилъ хозяинъ, придвигая Орлову кресло и указывая на сигары.

Орловъ закурилъ папиросу и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, онъ увидалъ, что всѣ знаменитости мало-по-малу улизнули изъ кабинета.

— Я, кажется, помѣшалъ,—проговорилъ онъ съ улыбкой.

— Кому это? Имъ-то?—сказалъ Андреевъ.—Просто слоняются со скуки, пока не пропустятъ рюмки другой. Къ бабью теперь вѣрно направились. Всѣ тоже юбочники. Да что имъ и дѣлать: таланты!

Онъ захохоталъ.

— Нѣтъ, вотъ нашему брату, талантами не отличающемуся, юбки-то не всегда на умъ лѣзутъ, тоже поработать приходится.

Орловъ улыбнулся.

— А я думалъ, что вы здѣсь всѣ не работаете, а наслѣдства отъ дядюшекъ изъ Америки получили.

— А что?

— Да я вотъ сегодня только и дѣлаю, что удивляюсь,—сказалъ Орловъ.—Встрѣтилъ Парамонова... Помнишь чумазаго Парамошку изъ нашей гимназіи?...

— Еще бы, онъ теперь въ правленіи Царевококшайской желѣзной дороги служитъ,—замѣтилъ Андреевъ.

— То-то онъ на рысакахъ и ѣздитъ,—сказалъ Орловъ.— Потомъ встрѣтилъ Онучина, въ собственной коляскѣ ѣдетъ... Ты тоже, кажется, какъ сыръ въ маслѣ катаешься... Нѣтъ, право, у васъ вѣрно дядюшки въ Америкѣ были.

Андреевъ опять расхохотался.

— Да, теперь, братъ, иначе жить нельзя, если хочешь идти впередъ,—объяснилъ онъ. — Докторъ ты—тебѣ гроши будутъ платить, покуда не заведешь обстановочки; адвокатъ ты—къ тебѣ и ходить никто не будетъ, если ты не живешь бариномъ, потому, значитъ, ты—дрянь-адвокатъ, если и денегъ не нажилъ; служишь ты въ банкѣ да биржевыя дѣла ведешь—безъ обстановки у тебя ни кредита не будетъ, ни связей. Кто живетъ теперь скромно, тотъ впередъ далеко не уйдетъ, многаго не получитъ. Теперь ужь вѣкъ такой. Прежде бывало рекомендуется человѣкъ: помѣщикъ такой-то губерніи, графъ такой-то,—ну, ты и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А теперь говорятъ: «господинъ Андреевъ пришелъ». А чортъ его знаетъ, этого Андреева, что онъ такое: нищій-попрошайка, или человѣкъ порядочный и приличный господинъ? Ну, и надо, чтобы сразу какой-нибудь перстень бриліантовый или цѣпь во весь животъ заявили, что

модъ господинъ Андреевъ знакомиться съ вами пришелъ, а не грабить васъ. И платить прежде знали сколько какому-нибудь дѣйствительному статскому совѣтнику или какому-нибудь князю, а Андрееву платятъ лишь столько, насколько внушительна обстановка Андреева. Да вонъ какой-нибудь Кисъ... Ты его сейчасъ видѣлъ, черномазый такой, онъ тутъ вертѣлся, когда ты вошелъ... Такъ и тому что̀ его фокусы да кунштюки приносили бы, еслибъ онъ не умѣлъ прилично пріодѣться да артистическіе кудри на головѣ взбить? Такъ-то вѣдь цѣна человѣку грошъ, а погляди, какъ наживается. Къ французскому посланнику на вечеръ приглашали прохвоста балясничать!...

— Ахъ вы, барышники, барышники!—проговорилъ Орловъ, слушая эту рѣчь.

— Ну, да. А чѣмъ прикажешь быть какъ не барышникомъ, когда жить хочется? А жизнь-то стала—ой-ой-ой, какъ дорога!—сказалъ Андреевъ.—Вѣрь ты мнѣ, что съ голоду ты подохнешь, дѣятелемъ никогда не будешь, дѣлами государства заправлять во вѣки не будешь, если барышникомъ не будешь. Кто теперь все въ рукахъ держитъ?—Банкиры, желѣзнодорожники, биржевики. Черезъ нихъ только и пролѣзешь въ люди, черезъ нихъ только и сдѣлаешься дѣльцомъ, не лишнею спицей въ колесницѣ; а эти цари изъ Чухломы и Бердичева на порогъ тебя не пустятъ, если ты явишься къ нимъ обтерханнымъ да оборваннымъ. Знаешь ли ты, кто теперь мѣста предоставляетъ, протекціи оказываетъ?...Нѣтъ?—Ну, такъ я тебѣ скажу. Вонъ въ балетѣ есть такая долгоногая балерина Двойкина, лошадью ее еще въ школѣ звали: черезъ нее можешь какое хочешь теплое мѣстечко добыть, воротилой сдѣлаться, потому она—содержанка вліятельной особы. А попробуй къ этой дщери кучера и прачки безъ денегъ придти: дверей тебѣ не откроютъ. Да развѣ одна она изъ такихъ-то? А Эмма Ѳедоровна, а княгиня Дарья Андреевна Пустозерова?—Вѣдь это тоже дѣльцы изъ кокотокъ только разныхъ полюсовъ: одна—обогатившаяся перновская мѣщанка, другая—обѣднѣвшая русская аристократка, а деньги за протекціи обѣ берутъ одинаковыя...

Андреевъ вздохнулъ.

— Да, нашему брату не легко карьеру сдѣлать,—продолжалъ онъ. —Тоже остроуміе и сообразительность нужны для этого... Вотъ я тебѣ приведу одинъ примѣръ. Помнишь Ганьку Жербина?

— Какъ же, это сынъ лавочника. Селедкой еще звали его въ гимназіи...

— Ну, ну, онъ самый! Теперь, братъ, это модный докторъ. А какъ думаешь, почему въ люди вышелъ? У Коптилова, особы изъ лапотниковъ, сынишку годоваго онъ лѣчилъ и на рецептахъ прописывалъ «его превосходительству Александру Ивановичу Коптилову». Это годовой-то мальчишка его превосходительство! Такъ вотъ такъ это понравилось madame Коптиловой, что она Ганьку и ввела за уважительность въ моду...

Лакей вошелъ и объявилъ, что обѣдъ поданъ. Пріятели вошли въ столовую, гдѣ гости, мужчины и дамы, уже поѣдали съ ожесточеніемъ голодныхъ волковъ закуску, а у обѣденнаго стола стояла щегольски одѣтая молодая женщина.

— Надежда Петровна,—небрежно отрекомендовалъ Андреевъ, представляя Орлова этой молодой дамѣ.

— Мой мужъ мнѣ уже говорилъ о васъ сегодня,—сказала хозяйка, протягивая руку Орлову.—Вы у насъ, вѣроятно, будете присяжнымъ повѣреннымъ? Непремѣнно поѣду васъ слушать!

Орловъ раскланялся и сказалъ, что онъ еще ничего не рѣшилъ. Хозяйка поражала красотой, роскошными волосами, моднымъ, нѣсколько вычурнымъ, костюмомъ. Орловъ быстро разглядѣлъ, что у нея подкрашены щеки, брови, глаза, слишкомъ много чужихъ волосъ. Ея манеры были слащаво-жеманны и черезчуръ кокетливы. Голосъ былъ слишкомъ искуственно пѣвучъ и мягокъ. Черезъ двѣ-три минуты всѣ усѣлись за столъ. Дамамъ Орлова не представляли и только изъ разговоровъ за столомъ онъ узналъ ихъ имена и фамиліи.

— Я ужасно люблю ѣздить въ судъ,—это такъ интересно!—сказала хозяйка, разливая супъ и занимая разговоромъ Орлова.—И особенно люблю, когда Коля говоритъ. Онъ всегда до слезъ тронетъ и самъ плачетъ.

Орловъ съ улыбкой взглянулъ на хозяина.

— Ты... плачешь?—спросилъ онъ.

— Да, это же особенность моего таланта,—отвѣтилъ Андреевъ, принимаясь за супъ.

— Онъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!—вставилъ Кисъ свое словцо.

— Да, да, онъ всегда плачетъ и заставляетъ плакать,—подтвердила хозяйка.—Вотъ Симоновича я просто слушать не

могу, тотъ точно ругается, все язвитъ, язвитъ, и все такимъ птичьимъ голосомъ выкрикиваетъ, а самъ все почесывается. Совсѣмъ неприлично!... Ахъ, но кто удивительно защищаетъ, такъ это Груздевъ: когда его слушаешь, то это точно музыка переливается и все такія картины, картины, точно въ романѣ, а самъ весь блѣдный...

Хозяйка какъ-то особенно выговорила слово романъ, сильно напирая на букву *о* и закатывая глаза.

«Дура»,—промелькнуло въ головѣ Орлова.

— Она у меня съ сантиментами,—сказалъ небрежно Андреевъ.—Впрочемъ, мы съ нею чаще бываемъ у Берга, чѣмъ въ судѣ. Она вѣдь у меня сама актерствуетъ: въ клубѣ въ живыхъ картинахъ Елену Прекрасную изображала съ Монаховымъ.

— И вамъ нравится театръ Берга?—спросилъ Орловъ.

— Ахъ, это прелесть, прелесть! Я всегда хохочу до упаду!—воскликнула она съ увлеченіемъ.—Театры—это моя жизнь...

И вдругъ Орловъ услышалъ самые подробные разсказы о спектакляхъ у Берга, о канканѣ, о шансонеткахъ. Хозяйка чуть не пѣла, чуть не канканировала.

— Это восторгъ, восторгъ!—заключила она свой разсказъ.—Это опьяняетъ и кружитъ голову...

— Она, братъ, у меня на всѣ руки молодецъ! — сказалъ Андреевъ.

Орловъ совсѣмъ терялся, не зная, какъ говорить съ хозяйкой, чтобы не обидѣть хозяина. Но остальные гости бесѣдовали съ ней очень развязно. Чѣмъ дальше шелъ обѣдъ, тѣмъ обильнѣе лились съ языковъ собесѣдниковъ сальности и двусмысленности, не уступавшія своимъ цинизмомъ холостымъ бесѣдамъ армейскихъ офицеровъ и золотой молодежи. Кисъ уже рисовалъ на тарелкахъ скабрезныя картинки и объяснялъ ихъ содержаніе съ невообразимою безцеремонностью. Дамы не уступали въ распущенности мужчинамъ и шептались, хихикая, съ сосѣдями. Орловъ совершенно терялся въ догадкахъ, что за люди были передъ нимъ, изъ какого сословія, какого положенія въ обществѣ. Обѣдъ еще не кончился, какъ трое изъ мужчинъ встали и сказали, что они пойдутъ доигрывать пульку до театра. Хозяинъ замѣтилъ, что они играютъ у него уже вторые сутки. Онъ взялъ подъ руку Орлова и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Ихъ вѣдь вплоть до театра отъ бутылокъ не отгонишь,—сказалъ онъ Орлову про своихъ гостей.—Мы вѣдь по четвергамъ

вечеромъ всегда ѣдемъ или въ циркъ, или къ Бергу, такъ какъ въ клубѣ ничего нѣтъ, потомъ на тройкахъ иногда закатимся куда-нибудь съ барыньками... Скучища вѣдь дьявольская у насъ въ Питерѣ,— не знаешь, въ какой кабакъ кинуться...

— А твоя жена?—началъ Орловъ.

— Надежда Петровна?—О, она у меня бабенка лихая... И ничего—рожица смазливая...

Орловъ не зналъ, что отвѣтить на эту оригинальную рекомендацію.

— Да вотъ, смотри, изъ простыхъ мѣщанокъ города Казани вышла, а ничего, отшлифовалась,—продолжалъ хозяинъ, развалившись на диванѣ и ковыряя перомъ въ зубахъ.—Скверно такъ одному жить, а жениться еще средствъ нѣтъ да и невѣсты подходящей не нарывается,—ну, вотъ и содержу покуда ее, все юбка во всякое время въ домѣ есть и живешь не на холостую ногу, а это много значитъ для дѣловаго человѣка...

— Такъ ты не женатъ на ней?—спросилъ Орловъ.

Андреевъ расхохотался.

— Да за кого ты меня считаешь? Ты же видишь, она и не далека, и не воспитана... Наконецъ, она и старше меня,—моложава только... Просто въ гражданскомъ бракѣ обрѣтаемся... Я ее у одного литератора отбилъ... Онъ ее увезъ отъ ея мужа изъ Харькова, кажется...

Орловъ нервно передернулъ плечами отъ этой откровенности.

— Она вотъ подруга той барышни, что съ Кисомъ рядомъ сидѣла. Та у Филиппова, который противъ тебя сидѣлъ, на содержаніи живетъ. Я у нея съ Надеждой Петровной и познакомился. Потомъ въ клубѣ встрѣчались, ея литераторъ ей понадоѣлъ,—ну, у насъ дѣло и склеилось.

— А этотъ литераторъ... какъ ты его назвалъ, Щенковъ, что ли?

— Щепятовъ. Прохвостъ первѣйшій... И какой онъ къ чорту литераторъ!... Репортерствуетъ гдѣ-то о томъ, чего никто не читаетъ, вотъ и все...

— Это онъ съ женою тутъ былъ?

— Съ женою! Только она живетъ не съ нимъ, а ее содержитъ присяжный повѣренный Комаровъ. У этого борзописца-то гроша за душой нѣтъ... Вѣдь кромѣ театральныхъ рецензій ничего и измыслить не можетъ...

— Позволь, позволь, но вѣдь тутъ и мадамъ Комарову мнѣ представляли за обѣдомъ.

Андреевъ залился смѣхомъ.

— Ну, такъ что-жь? Мадамъ Комарова эта самая ужь десятаго любовника мѣняетъ. У насъ въ клубѣ такіе скандалы съ нею бывали...

Андреевъ, развалясь на диванѣ, началъ распространяться о клубныхъ скандалахъ, о томъ, кто съ кѣмъ живетъ, кто у кого отбиваетъ жену или любовницу. Онъ говорилъ съ циничной откровенностью, ставя точки на i, напирая на подробности, точно это доставляло ему особенное удовольствіе.

Орловъ поднялся съ мѣста. Ему хотѣлось поскорѣй выбраться на воздухъ, на улицу. Онъ сталъ прощаться.

«Пакостники!»—вертѣлось въ его головѣ. Ему было и скверно, и скучно.—«Знаешь вотъ, что всякой гадины на свѣтѣ много, а попадетъ подъ руку мокрица и—передернетъ всего», думалъ онъ, уходя отъ Андреева.

И чѣмъ ближе вглядывался Орловъ въ петербургскую жизнь такъ-называемаго образованнаго средняго класса, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, что у большинства она идетъ именно такимъ порядкомъ, какъ у Андреева. Клубы, карты, Берги, загородные рестораны, любительскіе спектакли съ оргіями и развратцемъ—все это повторялось вездѣ и всюду и всѣхъ грызла скука, вездѣ замѣчалась какая-то безцѣльность жизни. Эти люди въ сущности только повторяли то, что дѣлалось и прежде, только теперь всѣ кутежи были съ одной стороны мельче, пошлѣе, а съ другой—ихъ число возросло, такъ какъ возросло и число людей, имѣвшихъ средства такъ жить. Прежде весь Петербургъ пальцемъ указывалъ на Яковлевыхъ, Волковыхъ, Пономаревыхъ и тому подобныхъ представителей разгула, теперь подобнымъ господамъ и счета не было.

Большинство людей, гнавшихся только за карьерой и за богатствомъ и такъ или иначе выдвинувшихся впередъ, точно опьянѣло отъ неожиданныхъ успѣховъ и въ сущности не знало, что съ собою дѣлать, какъ вести себя, какъ распорядиться выпавшими внезапно имъ на долю средствами. Въ каждомъ разговорѣ слышался только одинъ мотивъ: нажива и кутежъ. Это былъ лозунгъ большинства. Всѣ, казалось, стремились урвать у перваго встрѣчнаго только кусокъ мяса для себя, и чѣмъ легче доставалась пожива при помощи концессій, биржевой игры, бан-

ковыхъ операцій, повальнаго грабительства во всѣхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ вѣдомствахъ, тѣмъ шире развертывался разгулъ. Орловъ видѣлъ и въ провинціи безпечальное житье, но тамъ еще только начиналась эта эпоха «хлѣба и зрѣлищъ», бывшая уже во всемъ разгарѣ въ столицѣ. Орловъ не былъ ни аскетомъ, ни пуританиномъ, ни красной дѣвушкой, но ему на первыхъ же порахъ стало тошно смотрѣть на эти пошлыя, мелкія и грязныя вакханаліи, на эти печальныя явленія переходной эпохи отъ стараго къ новому.

Когда Орловъ случайно столкнулся съ дальнимъ родственникомъ князя Русова, Ивинымъ, однимъ изъ представителей золотой молодежи,—онъ увидалъ, что и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, происходитъ почти то же, что въ кругу какихъ-нибудь Андреевыхъ,—отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ и нравственное ничтожество. Ивинъ насильно затащилъ Орлова къ Дюссо.

— Ты помнишь Павла Хрущевскаго? Мы для него мальчишникъ справляемъ,—говорилъ Ивинъ.—На дняхъ онъ женится на дочери коммерціи совѣтника Поздняковой. Рожа невообразимая, глупа феноменально, но приданаго пятьсотъ тысячъ деньгами,—какъ же не жениться? Хрущевскій вѣдь все промоталъ и еслибы не этотъ бракъ, ему пришлось бы петлю надѣть на шею.

— И потому онъ идетъ въ крѣпостную зависимость къ дочери коммерціи совѣтника?—съ усмѣшкой сказалъ Орловъ.

— Ну, кто кого заѣстъ—это еще вопросъ! — засмѣялся Ивинъ безпечнымъ смѣхомъ.—Ей тоже будетъ не сладко. Хрущевскій—не такой мальчикъ, чтобъ его легко объѣздить. А впрочемъ, можетъ-быть, его ждетъ то же, что князя Щербинскаго. Помнишь, гусаръ... у Русовыхъ часто бывалъ...

— Ну, что же съ нимъ случилось?—спросилъ Орловъ.

— Женили его при помощи одного высокопоставленнаго лица прямо изъ долговаго отдѣленія на семидесятилѣтней старухѣ Бронниковой, а ея родные обозлились и, какъ ходятъ слухи, отравили его, — отвѣтилъ Ивинъ. — Фактъ только тотъ, что онъ умеръ черезъ два-три мѣсяца послѣ свадьбы. Конечно, ея роднѣ была невыгодна эта женитьба, такъ какъ старуха могла передать все свое имущество по завѣщанію мужу, а между тѣмъ у нея были милліоны...

— И у васъ здѣсь такъ каждый день и убиваютъ люди другъ друга изъ-за денегъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Ну, выдумалъ! — засмѣялся Ивинъ.—Но правда, теперь многимъ приходится изыскивать средства къ жизни, потому тратъ много, а доходовъ у всѣхъ меньше, то-есть меньше у тѣхъ, у кого прежде было больше. Крестьянская реформа подорвала многія благосостоянія. Къ хозяйству на новыхъ началахъ не вдругъ привыкнешь. Прежнихъ казенныхъ ссудъ подъ имѣнія не даютъ. Ну, средства къ жизни и уменьшились, а жизнь-то стала и шире, и дороже. Что-жъ мудренаго, что многіе изъ нашихъ уже фальшивые векселя стали выдавать. Жить вѣдь хочется. Ты знаешь ли, я теперь иногда едва-едва свожу концы съ концами, а между тѣмъ я—не бѣднякъ...

— Ну, да и милліоны можно за окно выбросить, — сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты не говори этого. Я даже скупъ. Но все дорого стоитъ. Однѣ женщины... Ахъ, еслибы ты зналъ, что онѣ нынче стоятъ!

— Точно о лошадяхъ говоришь.

— Да вѣдь я же говорю объ *этихъ* дамахъ.

— У васъ тутъ, кажется, идетъ какая-то вальпургіева ночь, — перебилъ Орловъ. — Я уже чуть ли не отъ десятаго человѣка слышу, что ему нужно денегъ, денегъ и денегъ, и что все стоитъ дорого и дорого. А что это все?—Оказываются кутежи, женщины, рысаки, карты...

— А вотъ погоди, когда всѣ прокутимся, тогда посыплемъ пепломъ главы, запремся въ монастыри и начнемъ поститься, — шутливо сказалъ Ивинъ.—Ты не знаешь нашей настоящей жизни. Это—какой-то вихрь, который кружитъ всѣхъ и не даетъ опомниться. И ты не думай, что всѣ теперь проживаются. Нѣтъ, въ нашемъ кругу начинаютъ каждый день появляться люди, у которыхъ вдругъ выросли милліонныя состоянія. Тотъ на желѣзную дорогу взялъ концессію и вышелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой пріобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди кутятъ, входятъ въ высшій кругъ, соперничаютъ съ барами... О, ты не узнаешь теперь свѣтскихъ салоновъ... Помнишь княгиню Евдокію Кирилловну Долгополову? Она ли недоступный идолъ была, а теперь у этой старой блюстительницы аристократической спѣси возсѣдаетъ жидъ баронъ Гиршбергъ въ салонѣ и она, вздыхая,

объясняетъ, что она приноситъ эту жертву для своихъ бѣдныхъ, и прибавляетъ: «впрочемъ, онъ премилый». А старый князь Горинъ, противникъ разночинцевъ, либераловъ и прогрессистовъ, играетъ въ вистъ съ бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева, съ вчерашнимъ откупщикомъ, съ нынѣшнимъ желѣзнодорожникомъ Бикинымъ, и все потому, что князь Горинъ пропустилъ все между рукъ, а Бикинъ прибралъ все къ рукамъ: теперь Бикинъ даетъ Горину деньги, а Горинъ выхлопатываетъ ему концессіи, чины, ордена.

Они подъѣхали къ ресторану Дюссо и черезъ минуту были въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ изъ пріятелей и сослуживцевъ Ивина.

— Дмитрій Андреевичъ Орловъ,—отрекомендовалъ Ивинъ.— Вѣроятно, большинство изъ васъ помнитъ, знакомы... Притащилъ его силой...

Къ Орлову протянулось нѣсколько рукъ. Послышались восклицанія, замѣчанія и вопросы.

— Какими судьбами? Откуда? Давно ли? Васъ трудно узнать!

Но уже черезъ двѣ-три минуты разговоръ за завтракомъ принялъ обычное направленіе.

— Я тебѣ говорю, что Султанъ не одного приза не возьметъ,—говорилъ какой-то гусаръ своему собесѣднику кирасиру.— Превосходныя статьи и только у него.

— Онъ на Дюранъ похожъ: у нея тоже превосходныя статьи, а дальше и нѣтъ ничего,—замѣтилъ кто-то черезъ столъ.

— Ну, ты про Дюранъ этого не говори! Она дорого обходится, за то и женщина!—отвѣтилъ гусаръ, чмокнувъ кончики пальцевъ.

Какой-то статскій доказывалъ, что бриллiанты синей воды самые лучшіе и что онъ нигдѣ не видѣлъ такихъ бриллiантовъ, какіе продаются у одного пріѣзжаго француза-коммиссіонера по торговлѣ рѣдкостями.

— Я вовсе не понимаю, что хорошаго находятъ въ черныхъ бриллiантахъ,—съ апломбомъ знатока говорилъ онъ.—Ну, да, это оригинально, это рѣдко; но, клянусь же, не все оригинальное и рѣдкое хорошо. Горбатая любовница тоже, пожалуй, оригинальность и рѣдкость, но благодарю за такое пріобрѣтеніе.

— А, нѣтъ, ты развѣ не читалъ у Казановы?—перебилъ его другой статскій.

— У какого Казановы?—спросилъ господинъ, говорившій о бриллiантахъ.

— У извѣстнаго Казановы, написавшаго свои memoires, — отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Я, мой милый, ни извѣстныхъ, ни неизвѣстныхъ книгъ не читаю, потому что и тѣ, и другія нагоняютъ сонъ, а я сплю и такъ отлично!—сказалъ любитель бриллiантовъ.

— Протестую, протестую за Казанову!—вмѣшался въ разговоръ совсѣмъ юный офицерикъ.—Это... это... что-то такое,— ну, шампанское, возбуждающее тамъ... такія картины...

Любитель бриллiантовъ снисходительно улыбнулся.

— Я предпочитаю натуру картинамъ и практику теоріи, — отвѣтилъ онъ.

Раздался смѣхъ; кто-то крикнулъ:

— Браво, браво!

Кто-то громко зѣвнулъ.

Несмотря на лившееся въ стаканы вино, несмотря на сальничанья, всѣ въ сущности скучали. Никто не зналъ, о чемъ говорить. Ничто никого серьезно не интересовало. Только кирасиръ настойчиво допрашивалъ гусара:

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю, что ты имѣешь противъ Султана. Я видѣлъ его, я читалъ его аттестатъ и, право, я въ восторгѣ отъ него.

— Да ты подожди,—говорилъ гусаръ. — Поѣдемъ вмѣстѣ и я тебѣ докажу по пальцамъ, что онъ гроша не стоитъ. Стоять въ конюшнѣ—да, такъ; но для скачки—его мой столѣтній Меркурій загоняетъ. Ты повѣрь моей опытности, я тебѣ по ниточкѣ всѣ недостатки и достоинства каждой лошади разберу.

— Розовые бриллiанты безспорно тоже хороши, но этотъ отливъ непроченъ,—продолжалъ любитель бриллiантовъ.

Его, кажется, никто уже не слушалъ, такъ какъ юный офицерикъ, захлебываясь отъ избытка чувствъ, передавалъ отрывки изъ записокъ Казановы.

Орловъ вполголоса бесѣдовалъ съ Ивинымъ. Онъ распрашивалъ его о князѣ Александрѣ Александровичѣ Русовѣ.

— Я его отыскивалъ, но мнѣ сказали, что у него нѣтъ квартиры въ Петербургѣ,—сказалъ Орловъ.

— Да, это отчасти правда, —отвѣтилъ Ивинъ.—Числится, что онъ живетъ въ Царскомъ-Селѣ, по мѣсту службы, но въ сущности онъ почти безвыѣздно здѣсь, только не въ своемъ домѣ...

— Что это, отъ долговъ скрывается?—спросилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Какіе у него теперь долги. Онъ просто отшатнулся отъ общества, заперся съ своей дульцинеей. Вообще съ нимъ произошло что-то странное. У него никто не бываетъ изъ нашихъ...

— Да, я мелькомъ слышалъ отъ его сестры, что онъ измѣнился... Хандритъ, вѣроятно; вѣдь это случалось съ нимъ и прежде, хоть и не мѣшало ему кутить...

— Какъ тебѣ сказать... Едва ли можно сказать, что онъ когда-нибудь кутилъ. На его деньги, правда, кутили многіе, а онъ... Баба онъ какая-то, кислый всегда былъ, трусилъ выпить лишнее... Ты помнишь, его всѣ и дома дѣвчонкой звали...

Кто-то изъ присутствующихъ, услышавъ разговоръ о князѣ, замѣтилъ:

— Ну, да, потому его и взяла подъ башмакъ его Настя...

Орловъ вздрогнулъ при этомъ имени.

— Теперь онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ; говорятъ, учится чему-то, что-то изучаетъ, хочетъ выйти въ отставку,—продолжалъ разсказывать Ивинъ.—Это продолжается не годъ, не два...

Но Орловъ уже не слушалъ его и прислушивался къ толкамъ собесѣдниковъ, заговорившихъ теперь о Настѣ, точно обрадовавшись новой темѣ для разговора.

— У нихъ это должно быть фамильное: его отецъ жилъ съ Андроновой лучше, чѣмъ съ женой. Александръ, вѣроятно, въ концѣ концовъ женится на этой Настѣ,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, его Настя вовсе не то, что была Андронова,—замѣтилъ другой.—Всѣ эти балетчицы—кокотки и больше ничего, а эта...

— У нея манеры есть, мягкости много,— перебилъ кто-то тономъ знатока.—И притомъ буквально красавица.

— Не мудрено, вѣдь она изъ порядочной семьи, —отвѣтилъ первый.—Мнѣ про нее разсказывали, что она помнитъ себя въ дѣтствѣ въ роскошныхъ палатахъ, среди золота и бархата. Потомъ вдругъ все это исчезло, какъ сонъ, и она очутилась ребенкомъ безъ средствъ, одна. Вѣроятно, какая-нибудь fille naturelle кого-нибудь изъ нашего круга...

— Это сказки все! —небрежно замѣтилъ второй изъ собесѣдниковъ. —Эти дамы всегда происходятъ отъ царствующихъ

лицъ, если ихъ послушать. Надо же придумать какую-нибудь таинственную исторію или романъ, чтобы быть интересной. Она вѣдь прежде и не Настасьей, а Натали была. Звучнѣе!... Впрочемъ, сказки про нее распускалъ для чего-то сначала Михайловскій-Несмѣльскій, а потомъ онъ самъ въ припадкѣ откровенности говорилъ мнѣ, что она просто дитя улицы и подвала. Онъ, впрочемъ, едва раздѣлался съ нею, такъ какъ она приняла эту связь за что-то серьезное...

Орловъ сталъ блѣденъ, какъ полотно, точно кто-то его ужалилъ. Его сомнѣнія были разсѣяны. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы подавить смущеніе, и спросилъ равнодушнымъ тономъ:

— И давно съ ней живетъ Александръ?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ ее бросилъ Михайловскій-Несмѣльскій,—отвѣтили ему.

— Вотъ какъ, а я и не зналъ... Я тогда еще былъ, значитъ, въ Петербургѣ...

— Да, но онъ вообще скрывалъ эту связь... Тутъ много непонятнаго...

— Впрочемъ, мы въ послѣднее время съ нимъ такъ рѣдко видѣлись,—коротко сказалъ Орловъ.

Эта новость страшно непріятно подѣйствовала на него. Опять было задѣто его самолюбіе, опять вспомнилось многое изъ прошлаго. Въ его душѣ шевельнулось враждебное чувство къ князю, ко всей этой кутящей молодежи, покупающей женскія ласки, безчестящей бѣдныхъ дѣвушекъ. Ему на минуту стало какъ будто стыдно при мысли, что, можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ господъ уже знаетъ, что эта Настя приходится двоюродною сестрой ему, Орлову. Михайловскій-Несмѣльскій если и не разгласилъ еще этого, то, конечно, постарается разгласить объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Надо будетъ какъ-нибудь опровергнуть эти слухи. А впрочемъ стоитъ ли? Что за дѣло ему, Орлову, до того, что станутъ говорить про него разные хлыщи и фаты? Не дѣтей ему съ ними крестить! И зачѣмъ онъ пошелъ въ ихъ компанію? Зачѣмъ онъ вообще ходитъ чортъ знаетъ къ кому? Не лучше ли затвориться отъ всѣхъ, жить особнякомъ? Въ трактирахъ, въ кабакахъ, на публичныхъ площадяхъ нечего искать хорошихъ и честныхъ людей; съ дрянью же нечего и сходиться. Хорошіе, честные люди дѣлаютъ свое дѣло въ сторонѣ, въ тишинѣ; съ ними можно столкнуться на общей работѣ,

на общихъ интересахъ, на общихъ стремленіяхъ, но не на этихъ оргіяхъ, кутежахъ и попойкахъ. Да и ему ли кутить, когда прежде нужно зарабатывать на хлѣбъ? Орлова потянуло въ свой уголокъ, къ труду, къ затишью, и мало-по-малу онъ почти безвыходно заперся у себя надъ литературною работой, надъ приготовленіемъ магистерской диссертаціи...

Возвращеніе въ убогую квартиру родной семьи послѣ долгой разлуки, скорбныя встрѣчи и разговоры съ родными, непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній съ пріятелями — все это странно повліяло на Дмитрія Андреевича. Онъ почувствовалъ не слабость, не уныніе, не приниженность,—въ немъ просто пробудилось сознаніе, что онъ долженъ стоять на-сторожѣ, слѣдить за собою, чтобы лавировать въ этомъ жизненномъ омутѣ и не дать затянуть себя въ какое-нибудь болото. Рядомъ съ этимъ онъ какъ бы почуялъ, что въ немъ началъ воскресать прежній Митя, страстный, ненавидящій и любящій Митя, желавшій спасти бѣдняковъ и казнить Пахомова. Покуда онъ жилъ въ разлукѣ съ семьею, въ немъ какъ будто замерли и эта любовь къ бѣднякамъ, и эта ненависть къ ихъ врагамъ, и было только одно страстное желаніе встать самому на ноги, спастись самому— чувство, знакомое утопающимъ, забывающимъ въ минуту опасности всѣхъ и все. А теперь... Вотъ онъ сидитъ дома за обѣдомъ и случайно рѣчь заходитъ о матери: онъ какъ-то невольно взглянулъ въ передній уголъ и ему показалось, что онъ видитъ ея гробъ, видитъ ея исхудалое мертвое лицо, слышитъ надорванный голосъ отца: «точно живая лежитъ, Митя, точно живая!» Ему вдругъ вспомнились и ея страданія, и ея послѣднія слова о томъ, чтобъ онъ берегъ отца: «добрый онъ отецъ, добрый»,—и онъ мысленно даетъ клятву беречь старика. Вотъ что-то началъ говорить Леша, глупое и несообразное, и Дмитрій Андреевичъ припомнилъ, какія муки довели Лешу до идіотизма: Θедоръ Гаврилычъ, пріютъ, убѣжище для калѣкъ, все, загубившее этого несчастнаго идіота, вспомнилось Дмитрію Андреевичу, и онъ проклинаетъ снова все это, губящее сотни тысячъ людей. «Скучно у насъ братцу, скучно»,—сказалъ Леша, а въ головѣ Дмитрія Андреевича уже зароились мысли о Настѣ, бѣжавшей отъ этой скуки, обольщенной первымъ встрѣчнымъ хлыщемъ, опозоренной и брошенной имъ. Его что-то точно кольнуло въ сердце, такъ больно кольнуло при мысли о томъ, что и онъ самъ забылъ Настю, что онъ ничего не сдѣлалъ для ея спасе-

нія, что если она и спаслась, то это—случай. Да и спаслась ли? Что такое ея таинственная связь съ княземъ?—Новое паденіе и только. А онъ, Дмитрій Андреевичъ, не протянулъ ей даже руки для спасенія. Съ мечтами о принесеніи пользы всему человѣчеству носился, а рядомъ гибло дорогое существо! Каждый уголъ, каждое слово теперь говорили Дмитрію Андреевичу о томъ, что терпитъ та голь, изъ среды которой вышелъ онъ и съ которой онъ связанъ всѣми симпатіями души. Онъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ снова убѣждался, что онъ любитъ эту голь не напускною, не разсудочною любовью, а сердцемъ, болѣзненно, страстно, какъ частицу самого себя. Не будь эта голь съ нимъ органически связана, развѣ онъ взволновался бы, напримѣръ, при разсказѣ отца? Вѣдь со стороны все это только комично и мученія его отца, и страданія его сестры, а для него тутъ представляется драма и въ этой драмѣ онъ такъ или иначе приметъ активное участіе, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дождется того или другаго ея конца. Никакія книги, никакія теоріи не могутъ замѣнить этой органической связи. Но онъ не только любитъ эту голь, онъ чувствуетъ къ ней теперь безконечную благодарность за то, что она научила его любить вообще бѣдняковъ, страдающихъ, народъ, и ненавидѣть враговъ всего обойденнаго, униженнаго и оскорбленнаго. Эту любовь и эту ненависть онъ всосалъ съ молокомъ матери. И эта любовь, и эта ненависть ни на минуту не оставляли его. Даже тогда, когда онъ исполнялъ по-неволѣ ненавистныя ему прокурорскія обязанности, всѣ знали, чью сторону онъ держитъ. Не даромъ же его звали «плебеемъ», «демократомъ», «нигилистомъ», «народолюбцемъ». Да, этимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Въ его жизни было много ошибокъ, заблужденій, проступковъ, но ни разу онъ не поступился именно этими чувствами и не поступится ими. Въ рѣшительную минуту, когда нужно будетъ встать на сторону слабаго или сильнаго, бѣднаго или богатаго, оскорбляемаго или оскорбляющаго, онъ встанетъ на сторону первыхъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что въ немъ точно разбередились, точно заныли всѣ старыя раны; страданія членовъ его семьи, близкія его сердцу, какъ бы напоминали ему о страданіяхъ тысячъ и тысячъ такихъ же бѣдняковъ. Онъ чувствовалъ подъемъ духа, подобный тому, который ощущаютъ въ себѣ солдаты, попавъ на поле сраженія: за минуту до того на своемъ привалѣ они знали, что ихъ собратья сражаются съ вра-

гомъ, но они смотрѣли довольно вяло и апатично, отдаваясь заботамъ о будничныхъ нуждахъ; но вотъ ихъ вывели на поле битвы, они увидали раненыхъ собратьевъ, они увидали лицомъ къ лицу врага—и духъ энергіи, храбрости и задора сразу проснулся въ нихъ.

III.

Однако какъ ни бодрился Дмитрій Андреевичъ, но его не могли не тревожить два обстоятельства: какъ онъ уладитъ дѣло отца и какъ устроитъ свои собственныя дѣла. Свобода—дѣло прекрасное, но прежде всего нужно ѣсть. Годы службы не дали ему возможности отложить грошъ на черный день, а безъ этого гроша нечего было и думать сразу заполучить хорошую адвокатскую практику. Орловъ сознавалъ, что Андреевъ былъ правъ, говоря объ обстановкѣ. Присяжный повѣренный живущій въ Захолустной улицѣ, въ жалкомъ деревянномъ домишкѣ, вообще не сразу найдетъ богатыхъ кліентовъ, къ тому же Орловъ былъ новичкомъ въ Петербургѣ и очень хорошо понималъ, что выгодныя дѣла у него всегда съумѣютъ вырвать изъ рукъ его старѣйшіе собратья. Надо было, прежде чѣмъ мечтать о крупныхъ кушахъ, пройти тяжелый искусъ, защищая разныхъ воришекъ и сторожа́ какое-нибудь громкое уголовное дѣло, гдѣ можно бы было развернуть свое краснорѣчіе, составить себѣ имя. И что такое «выгодныя дѣла?» Большая часть этихъ выгодныхъ дѣлъ—продажа своей совѣсти, сдѣлка съ своею совѣстью. Выгодныя дѣла, не заставляющія кривить душой, очень рѣдки, и особенно рѣдки они въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, не стяжавшихъ еще громкаго имени, не извѣстныхъ всѣмъ и каждому во всѣхъ концахъ не только Петербурга, но и всей Россіи. Орловъ все это сознавалъ очень хорошо; онъ сознавалъ и то, что извѣстность присяжнаго повѣреннаго пріобрѣтается не одной ловкою защитой. Нѣтъ, онъ такъ сказать долженъ намозолить глаза публикѣ. Его должны встрѣчать вездѣ и всюду, его имя должно появляться по тому или другому поводу на страницахъ газетъ, онъ долженъ, подобно кокоткамъ, дойти до того, чтобы, встрѣчая его, всѣ говорили: «это—Орловъ!» Тогда можно хоть ничего не дѣлать, а дѣла будутъ. Путь предстоялъ не легкій и Орловъ прежде всего поспѣшилъ пристроиться постояннымъ сотрудникомъ въ одну изъ большихъ газетъ, чтобы заработать этимъ путемъ ку-

сокъ насущнаго хлѣба. Съ первыхъ же дней газетной работы онъ увидалъ, что и на этомъ поприщѣ далеко не такъ легко развернуть вполнѣ свои силы. Какимъ-то тяжелымъ гнетомъ въ то смутное время лежало здѣсь надо всѣми одно сознаніе: «объ этомъ нельзя говорить». Это «нельзя говорить» тѣснило всѣхъ, заставляло изыскивать способы какихъ-то иносказаній, какого-то писанья съ намеками между строкъ, и иногда доводило до толченія воды въ ступѣ, до наполненія страницъ какими-то никому ненужными разсужденіями о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно, до безсодержательнаго фразерства. Орловъ сразу понялъ, что этотъ трудъ въ колодкахъ и подъ надзоромъ можетъ въ концѣ концовъ только обезличить человѣка и сдѣлать изъ него, какъ онъ выражался, «водовоза». Но выбора не оставалось и волей-неволей нужно было работать именно въ этихъ условіяхъ. Рядомъ съ литературною работой Орловъ принялся за магистерскую диссертацію. Въ судѣ онъ появлялся рѣдко и нѣкоторые изъ его товарищей удивлялись, что онъ повидимому совсѣмъ не заботится о расширеніи своей практики. Но Орловъ сознавалъ, что онъ идетъ къ своей цѣли, и шелъ къ ней твердо намѣченнымъ путемъ. Его имя снова появилось въ литературѣ, онъ самъ появился сначала въ кругу богатыхъ людей, старыхъ знакомыхъ князя Русова, потомъ въ отчетахъ двухъ-трехъ аристократическихъ благотворительныхъ обществъ проскользнули упоминанія о «предложеніяхъ и проектахъ», «объ энергической дѣятельности» члена этихъ обществъ Орлова, и Богъ знаетъ, кто первый началъ говорить въ разныхъ гостиныхъ о томъ, что у насъ не умѣютъ дорожить талантливыми людьми, даровитыми дѣятелями, причемъ приводили въ примѣръ оставшагося безъ мѣста товарища прокурора Орлова и замѣчали, что это возмутительно, что человѣка гнали ни за что, что вся его вина состояла въ неимѣніи протекцій. Еще два-три года такой жизни и Орловъ долженъ былъ добиться того, что когда онъ войдетъ въ партеръ театра, то тамъ и тутъ послышится шепотъ: «вонъ Орловъ!» Онъ сознавалъ это, онъ стремился къ этому, но на него нападали минуты мрачнаго настроенія и онъ спрашивалъ иногда себя: «въ чемъ кроется причина стремленія именно къ этому? Неужели его толкаютъ къ этому одно непомѣрное честолюбіе, одно самолюбивое желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, одно стремленіе нажиться при помощи этой извѣстности?»—Нѣтъ. Съ одной стороны, оставшись не у дѣлъ и отдавшись литературной работѣ, онъ чувство-

валъ, что его, полнаго энергіи и силы, не можетъ удовлетворить эта работа, въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ она по неволѣ должна была заключаться. Эта работа могла его кое-какъ кормить, но и только; при ней оставалась въ душѣ какая-то пустота, неудовлетворенность, потребность развернуться гдѣ-нибудь въ другой сферѣ. Вотъ почему онъ бросался и въ благотворительные комитеты, и въ ученыя собранія, и въ какія-то общества изслѣдователей шекспировскихъ драмъ, хотя и это все нерѣдко пробуждало въ немъ сознаніе, что и тутъ переливаютъ изъ пустого въ порожнее, что и тутъ шумятъ, шумятъ, и только. Съ другой стороны, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, что ему, бѣдняку, плебею, добиться чего-нибудь можно только при помощи раздуванья своей собственной репутаціи, при помощи тѣхъ шпоръ, которыя нужны были «для шума» ребенку Жирардену, при помощи стоянія на запяткахъ собственной кареты, на что былъ способенъ Дюма, чтобы говорили, что онъ держитъ негра, при помощи тѣхъ телеграммъ о самомъ себѣ, какія, какъ хорошо зналъ Орловъ, посылаютъ сотни и сотни ему подобныхъ людей въ газеты, чтобы добиться извѣстности. Все это поднимало въ немъ желчь и съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще разражался рѣзкими выходками то въ томъ, то въ другомъ кружкѣ.

Какъ-то при немъ зашелъ разговоръ объ одномъ изъ героевъ-ташкентцевъ, посылавшемъ въ газеты реляціи и описанія своихъ собственныхъ подвиговъ.

— Это просто кокотка!—замѣтилъ кто-то.

— Да еслибъ онъ не былъ кокоткой, онъ такъ и пропалъ бы въ неизвѣстности, а теперь это—идолъ и потому сила,—желчно замѣтилъ Орловъ.—Въ обществѣ, гдѣ дѣйствительныя заслуги, умъ, таланты, энергія ставятся ни во что, каждому общественному дѣятелю приходится быть подобной кокоткой или погибнуть.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ вотъ вспоминается одинъ анекдотъ, разсказанный Гейне,—продолжалъ онъ.—Листъ какъ-то давалъ концерты съ знаменитымъ пѣвцомъ Рубини и вездѣ при громѣ рукоплесканій имъ подносили букеты и вѣнки, вѣнки и букеты. Когда концерты кончились и были поданы счеты приходовъ и расходовъ, Рубини съ ужасомъ увидалъ, что громадныя деньги истрачены на аплодисменты, цвѣты и лавры. «А вы думали, что кто-нибудь станетъ намъ отъ себя хлопать и подносить вѣнки, если мы этого

не купимъ?»—сказалъ Листъ. Это превосходная иллюстрація къ описанію положенія современныхъ знаменитостей вообще, а у насъ въ особенности. Быть геніемъ—это еще не значитъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба и возможность дѣятельности,—нѣтъ, прежде всего нужно позаботиться о пріобрѣтеніи клакеровъ, о покупкѣ для себя лавровъ, о патентѣ на право считаться геніемъ, и только тогда можно спокойно примѣнять свои способности къ дѣлу.

— То-есть прежде всего нужно быть не геніемъ, а шарлатаномъ,—замѣтилъ ему кто-то.

— Да, шарлатаномъ, потому что чаще всего приходится имѣть дѣло съ дураками или подлецами,—отвѣтилъ онъ.—Скажите откровенно, гдѣ вы найдете такой «порядочный» кругъ людей, такое «образованное» общество, куда не пустили бы на порогъ какого-нибудь желѣзнодорожнаго туза изъ первѣйшихъ мошенниковъ, какого-нибудь милліонера-банкира изъ первѣйшихъ ростовщиковъ и куда приняли бы съ почетомъ честнѣйшаго труженика въ лохмотьяхъ, безъ титуловъ, безъ связей? Такихъ кружковъ, такихъ обществъ нѣтъ. Всѣ эти фарисействующіе печальники о бѣднякахъ и матушки-благодѣтельницы льнутъ только къ капиталу, къ титуламъ, къ знаменитостямъ, а приди къ нимъ самъ Христосъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ, лакеи выгонятъ его съ крыльца этихъ друзей меньшей братіи. Нужно пройти вѣкамъ, чтобы мы признали бѣдняка за генія, за святого, за реформатора, а покуда онъ живъ, повторяется то же, что случилось съ Гейне: въ коммунистѣ Вейтлингѣ онъ прежде всего брезгливо увидалъ, что это—портной, хранящій на себѣ слѣды чернорабочаго пота и грязи, а передъ другимъ портнымъ, передъ Іоанномъ Лейденскимъ, онъ былъ готовъ склонить колѣни, потому что этотъ портной умеръ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Незамѣтно для себя самого онъ все чаще и чаще прорывался желчными выходками противъ фарисейства въ обществѣ, толкующемъ очень чувствительно о меньшей братіи, а въ сущности презирающемъ, угнетающемъ и оскорбляющемъ эту меньшую братію на каждомъ шагу. Ему иногда становилось душно и гадко среди людей, начинавшихъ заискивать въ немъ, не потому, что они видѣли въ немъ какія-нибудь достоинства, а потому, что онъ тоже умѣетъ быть ловкимъ шарлатаномъ. Это желчное настроеніе усиливалось тѣмъ болѣе, что и сама дѣятельность да-

леко не удовлетворяла его. Въ воздухѣ въ то время носились не вѣянія реформъ и прогресса, а опасенія, сдерживанія, стѣсненія, вызванныя цѣлымъ рядомъ грустныхъ событій, недоразумѣній и смутъ. Чѣмъ ближе присматривался онъ къ общественной жизни, чѣмъ тѣснѣе сближался съ литературными кружками, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что покуда въ сущности нельзя ни о чемъ свободно говорить, ни на что серьезно надѣяться, что живутъ болѣе или менѣе счастливо и спокойно только люди заботящіеся объ одной наживѣ и карьерѣ, объ одной своей утробѣ и своемъ гнѣздѣ. Онъ испытывалъ какое-то злорадное наслажденіе, когда ему приходилось тутъ или тамъ доказать людямъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, мечутся и работаютъ, не принося никому пользы, совершаютъ трудъ бѣлки въ колесѣ. Эти выходки иногда бѣсили людей, но онъ не воздерживался отъ нихъ и радовался, видя, что на него злятся. Какъ-то при немъ зашли толки о театрахъ и кто-то сталъ жаловаться на постепенное паденіе русской и французской труппъ.

— Да сколько вы ни толкуйте, а лучше не будетъ, — замѣтилъ онъ.

— Но объ этомъ уже начинаютъ въ газетахъ писать,—отвѣтили ему.—Это общее мнѣніе.

— И пусть на здоровье пишутъ, а лучше все-таки не будетъ,—сказалъ онъ.—Вотъ подождите, еще худшихъ артистовъ пригласятъ. Каждый, кто можетъ, свою любовницу на театръ пристроитъ, свою горничную въ труппу помѣститъ, тысячи назначитъ имъ въ жалованье, а вы будете смотрѣть и ничего не подѣлаете.

— Ну, всему есть предѣлъ!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ предѣла. И совершенно напрасно это люди пѣтушатся у себя въ четырехъ стѣнахъ или въ газетахъ сыплятъ громы и молніи,—никто на нихъ и вниманія не обращаетъ. Захотятъ, чтобы собачью комедію смотрѣли—и будете только собачью комедію смотрѣть, потому что другого ничего вамъ смотрѣть не позволятъ. Это, впрочемъ, и прекрасно. Если общество ничего лучшаго не стоитъ, такъ не зачѣмъ и заботиться ему давать что-нибудь лучшее.

— То-есть какъ же это—общество не стоитъ ничего лучшаго?

— Да такъ же: если не даютъ,—значитъ, считаютъ, что оно не стоитъ.

— Но это все зависитъ отъ неудачнаго выбора завѣдующаго.

— А вы думаете, что болѣе удачный выборъ будетъ сдѣланъ ради толковъ въ обществѣ и въ литературѣ?

— Да... но такъ же нельзя...

— А выходитъ, что можно.

Онъ начиналъ ловить людей на этихъ мелочахъ, допекать ихъ распросами, лучше ли пошло то или другое дѣло вслѣдствіе несочувствія къ нему общества, произвело ли какую-нибудь перемѣну въ дѣлѣ настроеніе общественнаго мнѣнія. Особенное нерасположеніе начали вызывать тогда преподаваніе древнихъ языковъ и вызовъ для этого учителей-чеховъ. Орловъ иногда выводилъ изъ терпѣнія матерей и отцовъ, жаловавшихся на это въ тревогѣ за участь своихъ дѣтей.

— Что-жь, нужно принудительныя мѣры употреблять, чтобы заставить дѣтей учиться,—съ серьезнымъ видомъ говорилъ онъ.

— Да, но вы поймите, что мы сами сознаемъ безплодность древнихъ языковъ и, кромѣ того, при такихъ учителяхъ трудно учиться.

— Ну, да вѣдь этихъ языковъ для вашихъ дѣтей не отмѣнятъ, учителей лучшихъ не заведутъ, дипломы же вашимъ дѣтямъ нужны,—значитъ, и надо пристращать дѣтей и заставить ихъ хорошо учиться во что бы то стало. А то вѣдь или выйдутъ изъ нихъ недоучившіеся агитаторы, или съ горя пулю они пустятъ въ лобъ себѣ, сорвавшись на экзаменахъ.

— Хладнокровно вы объ этомъ разсуждаете, потому что у васъ дѣтей нѣтъ.

— Ну, а вы что думаете сдѣлать? — насмѣшливо спрашивалъ Орловъ.

Въ такомъ настроеніи застало его событіе, отвлекшее его на время отъ общественныхъ интересовъ. Это событіе нужно было давно предвидѣть, но именно о немъ-то почти и не думалъ Орловъ. Старикъ Лампадовъ быстрыми шагами приближался къ могилѣ, по-прежнему упорно отказываясь отъ призыва докторовъ и священника. Орловъ нерѣдко посѣщалъ старика, но какъ-то не всматривался въ него, не обращалъ вниманія на измѣненія въ больномъ, все еще старавшемся бодриться. За то Анна Андреевна была на-сторожѣ, подмѣчала малѣйшія перемѣны въ больномъ, отмѣчала каждую новую морщинку на его лицѣ и устроила съ Магдалиной заговоръ противъ брата.

— Пусть братецъ говоритъ, что хочетъ, а нельзя же, Магдалинушка, такъ оставить человѣка умереть безъ покаянія и

бросить его имущество казнѣ,— говорила она, шушукаясь тайкомъ съ вѣрною домоправительницей Лампадова.

— Что говорить, что говорить! — соглашалась добродушная и простоватая Магдалина. — Я и Дмитрію Андреевичу это говорила, такъ и слушать не захотѣлъ.

— Ну, да, братецъ тамъ какъ-то странно на это смотритъ, я и не пойму, какъ... Но мы и безъ него обойдемся, если иначе нельзя.

Анна Андреевна вздыхала: ей было тяжело сознавать, что братъ ея сильно измѣнился, что онъ не такъ смотритъ на вещи, какъ она, что онъ не долюбливаетъ ея монахинь и странницъ, что онъ скорѣе за-одно съ отцомъ, чѣмъ съ ней. Еще ни разу не высказался Дмитрій Андреевичъ въ этомъ духѣ, но она это угадывала чутьемъ, по отрывочнымъ фразамъ, по досадливымъ восклицаніямъ брата:

— И что это къ намъ нынче эти плакальщицы шляются!

Анна Андреевна молчаливо выносила эти замѣчанія, извѣдавъ по опыту, что объясненія по поводу разныхъ монахинь могутъ привести къ плачевнымъ результатамъ. Она какъ-то разъ попробовала вступиться за нихъ.

— Братецъ, надо же намъ и о душѣ подумать! — сказала она.

— А онѣ оттого-то, вѣрно, и думаютъ о чужихъ карманахъ, что о своихъ душахъ имъ ужь нечего думать,—отвѣчалъ братъ и довольно рѣзко добавилъ: — Спасая душу, ты бы лучше подумала о тѣхъ, кто гнетъ спину, добывая деньги: отцу пора бы и отдохнуть.

— Ахъ, братецъ,—воскликнула она,—вы не знаете...

Онъ перебилъ ее тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Я знаю только то, что отецъ несетъ въ домъ деньги не для того, чтобы ты ихъ тратила на эту саранчу. И въ одинъ прекрасный день ты дождешься того, что онъ броситъ домъ и уйдетъ.

— Отъ него и этого можно ждать! — съ горечью сказала она.

— Да и отлично сдѣлаетъ, потому что потакать твоимъ желаніямъ — кормить эту орду — ему не приходится. Еслибы ты, Аня, побольше о душѣ думала, такъ ты бы больше заботилась о старикѣ, чаще бы вспоминала предсмертныя слова матери о томъ, что мы должны беречь отца.

Анна Андреевна заплакала.

— Не я забыла маму, не я! — воскликнула она. — Вы не знаете, братецъ...

— Я знаю все и лучше всего знаю то, что старикъ никогда не слыхалъ отъ тебя ласковаго слова и все-таки кормитъ тебя,— твердо сказалъ Дмитрій Андреевичъ, не желая слышать отъ сестры никакихъ сплетень объ отцѣ.

Анна Андреевна какъ будто испугалась этого тона и молящимъ голосомъ проговорила:

— Еслибы вы, братецъ, выслушали, что я разскажу про него...

— И вѣрно что-нибудь дурное, скверное?

— Да... вотъ послушайте...

— Стыдись, Аня! Не дочери разсказывать про отца и не сыну это слушать,—перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ.—Въ какихъ это священныхъ книгахъ ты вычитала, что ты, дочь, смѣешь судить отца? Да если ты сотни лѣтъ будешь молиться, такъ Богъ тебѣ не проститъ именно того, что ты была дурною, очень дурною дочерью.

Анна Андреевна, вся взволнованная, со слезами на глазахъ, не ожидала такого оборота рѣчи и слушала брата съ широко открытыми глазами.

— И знай, Аня, что первое дурное слово объ отцѣ, которое ты мнѣ скажешь, заставитъ меня забыть все, все прошлое,— продолжалъ братъ.—Я многимъ обязанъ тебѣ; но если мнѣ придется выбирать между тобой и отцомъ, я, конечно, стану на его сторону, хоть бы тебѣ пришлось погибнуть. Слышишь? Я живу здѣсь, я не переѣзжаю отсюда только потому, что я вижу твои отношенія къ отцу и хочу хоть немного оградить старика отъ вѣчныхъ шипѣній и нападокъ. Ты думаешь, я слѣпъ? Ты думаешь, я не увидалъ съ перваго раза, что ты заѣдаешь его жизнь? Святоша, отъ которой родной отецъ готовъ петлю надѣть на шею! Не за это ли Богъ наградитъ тебя?

Анна Андреевна, задѣтая за самыя чувствительныя мѣста, разразилась рыданіями. Не обращая на нее вниманія, братъ вышелъ изъ комнаты. Она долго не могла придти въ себя и хоть немного успокоиться.

— Я же о нихъ, только о нихъ забочусь и убиваюсь и они же всѣ на меня возстаютъ!—думала она.—Что-жь, пусть, пусть! И святыя мученицы терпѣли. И ихъ гнали и мучили люди за

Морозова, облюбилъ этотъ его-то! А допрежъ мы все артелями у него брали, у Мороза-то,—куда справедливѣе было!»...

Теперь онъ—важная персона, капиталистъ, владѣлецъ, по общимъ отзывамъ даже кулаковъ, не менѣе какъ 300.000 руб. У него пропасть своихъ баржъ, огромныя дѣла... Самъ онъ, разумѣется, доставкой не занимается, а передаетъ подряды по мелочамъ мелкимъ рядчикамъ или артелямъ.

Чтобы судить о томъ, какая малая толика перепадаетъ въ его туго набитую мошну, нужно имѣть въ виду слѣдующее: говорятъ, отъ Морозова и къ Морозову идетъ 40 баржъ, въ оба конца значитъ 80 баржъ; кладя только по 7.000 пудовъ на баржу, получимъ болѣе полумилліона пудовъ. Одни говорятъ, что съ Морозова онъ беретъ по 12 коп. съ пуда, другіе доходятъ до 15 копѣекъ, а самъ онъ платитъ по 6—7 коп.

Возьмемъ минимальную цифру, которую онъ беретъ, и максимальную, которую онъ даетъ, т. е. возьмемъ minimum суммы, остающейся рядчику, получимъ съ пуда 5 копѣекъ, а съ полумилліона пудовъ составится изрядная сумма—25.000 рублей!... Нужно имѣть въ виду, что баржи принадлежатъ рядчику; но всѣ баржи онъ покупаетъ при случаѣ, подержанныя, за безцѣнокъ, говорятъ, не свыше 500 рублей. Слѣдовательно этотъ капиталъ смѣло можно игнорировать, имѣя въ виду то, что при разсчетѣ мы взяли minimum. Да, наконецъ, если положить на этотъ капиталъ 10%, то не Богъ вѣсть сколько будетъ—1½—2 тысячи рублей.

Иногда,—нельзя сказать, чтобы часто,—кулакъ прорывается даже въ глубоко устойчивыя, крѣпкія артели рыболововъ. Останавливаться на этого рода эксплуатаціи не стану, въ виду того, что рыболовныя артели значительно уже изучены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кулакъ въ нихъ достойно оцѣненъ. Скажу только, двѣ причины коренныя разъѣдаютъ рыболовную артель: это — откупная система на воды казенныя и частныя, въ связи съ бѣдностью народа, вслѣдствіе чего лучшія воды нерѣдко отбиваются кулакомъ и эксплуатируются или имъ самимъ на кулацкомъ началѣ, или арендуются у него исполу артелями. Вторая причина—менѣе важная — отсутствіе вблизи рынка. Артели много теряютъ, сбывая кулаку рыбу, особенно при отсутствіи конкуренціи.

Снова на Волгѣ. Уже издали, подъѣзжая со стороны Ярославля, по возвышенности и по склону ея почти до самой Волги, на значительномъ пространствѣ, широко расползлось какое-то чудовище, просторно раскинувъ свои громадныя части, словно красные камни-великаны, набросанные какимъ-либо миѳическимъ богатыремъ. Эта гидра высоко подняла множество своихъ головъ, головы учащенно дышутъ, испуская смрадъ и клубы дыма, словно хотятъ задушить имъ само небо. Чудовище какъ будто шевелится, издали доносится какое-то отвратительное не то шипѣніе, не то хрипѣніе, на немъ замѣтны какія-то двигающіяся точки. Но успокойтесь! Мы живемъ въ очень прозаическое время, когда ни чудовищныхъ гидръ, ни миѳическихъ богатырей нѣтъ.

Показавшееся разстроенному воображенію, при помощи ненадежнаго органа зрѣнія, чудовище оказывается знаменитымъ заводомъ смазочныхъ минеральныхъ маслъ В. И. Рагозина.

Положеніе рабочаго на заводѣ г. Рагозина мало чѣмъ отличается отъ положенія фабрично-заводскаго рабочаго. Тамъ на горѣ цѣлый городокъ образовался изъ маленькихъ однообразныхъ домиковъ, расположенныхъ маленькими кварталами довольно широко. Въ каждомъ таковомъ коттеджѣ двѣ разгороженныхъ комнаты для двухъ семействъ. Къ сожалѣнію, комнаты очень малы. Далѣе тамъ направо больница; есть докторъ, фельдшеръ, акушерка; многаго еще нѣтъ... Но дальше къ дѣлу.

Заводъ кишитъ рабочими, — ихъ тутъ нѣсколько тысячъ,— спѣшатъ закончить громадныя постройки, а потому большинство рабочихъ не постоянные, а временные. Вотъ каменьщики, плотники, штукатуры, печники и т. д.

— Какъ работаете, отъ рядчика, мѣсячно? — спрашиваю то въ тѣхъ, то въ другихъ группахъ.

— Отъ рядчика, мѣсячно, на лѣто,—отвѣчаютъ.

На вопросы о цѣнѣ получаешь разные отвѣты: 5 — 7 рублей въ мѣсяцъ, иногда 8 и очень рѣдко опытнымъ мастерамъ 12—15 рублей.

— Ну, а кормитъ хорошо ли рядчикъ?

— Какô хорошо! Лядаща пища. У рядчиковъ не разжирѣешь. Вотъ въ артеляхъ дюже хорошо ѣдятъ. Артельная каша густая, баютъ, а у насъ такъ только лишь бы душа не улетѣла. А тѣло вишь какое у насъ — заправская шкура, одна кожа, вотъ что! Развѣ онъ тебѣ мяса въ щи дастъ, рядчикъ-то? — Какже, разѣвай ротъ шире. Нѣтъ, братъ, шалишь! Васъ гыть мясомъ

кормить, вы съ жиру обѣситесь. Его пищу не болѣ 5 рублей клади на человѣка,—отвѣчаютъ мнѣ почти одно и то же въ разныхъ группахъ.

Все кулаки и кулаки... Но вотъ землекопы.

Наконецъ-то, думаю, увижу и артели. Къ удивленію оказывается, что и землекопы работаютъ отъ рядчика. Я уже теряю всякую надежду увидать хоть одну артель въ этомъ царствѣ капитала и кулака. Но вотъ вдали на окраинѣ видны пильщики. Это ужь, конечно, артели, они иначе не работаютъ; не одну тысячу пильщиковъ видѣлъ я и всегда не иначе, какъ артелями отъ 2 до 8 — 10 паръ. Наконецъ-то душу отведу, думаю, пробираясь къ нимъ. 21 пара, раздѣленныя на 5 артелей, мѣрно, разъ за разомъ, то наклоняютъ, то поднимаютъ станъ свой, вмѣстѣ съ движеніемъ пилы вверхъ или внизъ. Каково же было мое удивленіе, когда узналъ, что и пильщики у г. Рагозина работаютъ отъ рядчика!... Обратимся къ рабочимъ постояннымъ. И эти, кромѣ чисто-заводскихъ, работающихъ прямо отъ конторы, заарендованы также рядчиками. Огромное количество разныхъ чернорабочихъ—отъ рядчиковъ. Возчики для передвиженія продуктовъ и разныхъ тяжестей—тоже отъ рядчика. Передвиженіе продуктовъ на судахъ въ Ярославль или Рыбинскъ (а изъ Балахны въ Нижній)—тоже отъ рядчиковъ. Громадное производство бочонковъ—100 бондарей—тоже отъ рядчиковъ и т. д.

Естественно, меня заинтересовало, во что обходится здѣсь рабочему ненужное посредничество. Но это такая трудная вещь, что положительно чортъ шею сломаетъ. Несмотря на усиленные распросы рабочихъ, несмотря на усиленное приставаніе къ рядчикамъ, несмотря даже на обязательную любезность директора завода, г. Попова, пришлось добиться далеко не всего. Дѣло въ томъ, что разнообразіе условій поразительное: одинъ беретъ извѣстную работу на подрядъ, огуломъ; другой работаетъ съ сажени, аршина (плотники, пильщики), и притомъ цѣны самыя разнообразныя, напримѣръ: на стѣну, потолокъ, крышу; третій подряжается доставить опредѣленное число рабочихъ по извѣстной платѣ поденно и т. д. У одного рабочіе—на своей пищѣ, у другаго—на его.

Приведу нѣкоторые примѣры изъ того, что болѣе опредѣленно пришлось узнать. У рядчика землекоповъ 50 человѣкъ; за каждаго отъ конторы онъ беретъ по 90 коп. въ сутки, въ мѣсяцъ это выйдетъ 1.350 руб. Платитъ рядчикъ среднимъ числомъ по

8 рублей—400 руб. всѣмъ. Пища, по общимъ отзывамъ, стоитъ не болѣе 6 рублей на человѣка — 300 рублей на всѣхъ. Значитъ, 50 рабочимъ въ мѣсяцъ чистыхъ достанется 400 рублей, тогда какъ одному рядчику 650 рублей, т.-е. на долю труда идетъ немного болѣе 1/3 чистаго заработка, кулаку же—2/3. Рядчикъ получитъ въ 81 разъ болѣе того, что получаетъ производитель—работникъ.

Слѣдующій разсчетъ, но болѣе мелкаго кулака, относится собственно къ Балахнинскому заводу; но такъ же дѣло это поставлено и въ Константиновѣ. Какъ ничтожный остатокъ недавней старины, то тамъ, то здѣсь, на небольшихъ разстояніяхъ, уцѣлѣла по Волгѣ тяга небольшихъ судовъ бурлаками. Такъ съ балахнинскихъ кирпичныхъ заводовъ идутъ въ Нижній кирпичи, а съ Рагозинскаго завода — масло. Съ Константиновскаго же завода тягой идетъ масло до Ярославля и Рыбинска. Дѣло это не большое, не великъ здѣсь и кулакъ, но въ массѣ онъ не менѣе важенъ, чѣмъ и крупный кулакъ, и нерѣдко ловче объегориваетъ рабочаго, а потому по праву онъ можетъ претендовать на вниманіе къ нему; тѣмъ болѣе, что пройдетъ 2—3 года и онъ станетъ виднымъ кулакомъ. Кулакъ здѣсь—капиталистъ; онъ владѣтель судна, стоющаго 400 — 500 рублей (подержанное—полцѣны). Подобное судно вмѣщаетъ 3 — 4 тыс. пуд., а на обратномъ пути—противъ теченія—1.500 пуд. Обыкновенно рядчикъ беретъ 2 коп. съ 1 пуда. Значитъ за одинъ путь въ Нижній и обратно возьметъ 100 — 110 руб. За лѣто онъ сдѣлаетъ не менѣе 20-ти путинъ. Слѣдовательно, за лѣто рядчикъ возьметъ 2.000—2.200 рублей. Тянутъ судно шесть рабочихъ, балахнинскіе мѣщане; у руля самъ кулакъ. Рабочимъ онъ платитъ за путину со свалкой и навалкой 5—6 руб., всего 30—36 рублей. Пища обойдется на путину (5—7 дней, ѣдятъ разъ въ день) не болѣе 8—10 рублей. Значитъ всѣ расходы рядчика на путину будутъ 38—46 рублей, а за 20 путинъ—760—920 рублей. Выходитъ, 6 рабочихъ за одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ родовъ труда получатъ за лѣто 600—720 рублей, а рядчикъ— 1.200—2.240 руб., не считая 10% на капиталъ, т. е. кулакъ изъ общаго заработка беретъ 2/3, а на долю труда остается 1/3; одинъ рабочій получитъ 1/18, кулакъ—12/18.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. На обоихъ заводахъ существуютъ значительныя бондарни. Бондарное производство чрезвычайно несложно, просто. Бочонки выдѣлываются изъ приготовленнаго

матеріала, не выходя изъ рукъ одного рабочаго. Каждый выдѣлываетъ въ день два бочонка. Готовый матеріалъ по опредѣленной цѣнѣ доставляетъ заводъ. Казалось бы, къ чему здѣсь рядчикъ? Полюбуйтесь же, какъ прекрасно организованъ трудъ. Весь подрядъ на изготовленіе бочонковъ беретъ рядчикъ по 2 р. 50 к. съ бочонка. Г. директоръ Поповъ самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣрялъ меня, что матеріалъ, доставленный заводомъ рядчику, стоитъ 1 р. 50 к. съ бочонка. Слѣдовательно за производство одного бочонка заводъ платитъ 70 коп. Не имѣя основанія не довѣрять г. Попову, я оставляю на его совѣсти этотъ разсчетъ. Дѣло въ томъ, что въ Балахнѣ, по добытымъ мною даннымъ, рядчику должно оставаться за производство бочонка 75 коп., а между тѣмъ условія на обоихъ заводахъ одинаковыя. На обоихъ заводахъ рядчики платятъ одинаковую цѣну рабочему за производство 1 бочонка — 60 коп. на его (рабочаго) пищѣ. Значитъ рядчику съ каждаго бочонка остается чистыхъ 10 коп. по разсчету г. Попова и 15 коп. по разсчету на Балахнинскомъ заводѣ. При сотнѣ рабочихъ, производящихъ каждый два бочонка въ день, рядчику перепадетъ 20 руб., по второму разсчету 30 руб. въ день, т. е. 600 — 900 руб. въ мѣсяцъ... Нельзя не сознаться, что подать, собираемая рядчикомъ неизвѣстно за что, слишкомъ обременительно-тяжела—6—9 рублей въ мѣсяцъ съ человѣка.

Въ заключеніе разсмотримъ еще одинъ типъ эксплуатаціи. Дѣло идетъ о мало извѣстномъ, или даже совершенно неизвѣстномъ, въ печати добываніи алебастра, которымъ щедро надѣленъ гористый берегъ Оки, особенно въ Муромскомъ и Горбатовскомъ уѣздахъ. Горбатовскій алебастръ отправляется обожженный по желѣзной дорогѣ въ Москву и Нижній. Онъ низшаго качества и цѣнится дешевле и, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, удачно конкурируетъ въ Москвѣ съ алебастромъ высшаго сорта—муромскимъ. Особенно цѣнится жайскій. Въ данномъ случаѣ я буду говорить исключительно о муромскомъ.

Здѣсь алебастръ добывается во многихъ мѣстностяхъ, какъ села: Жайское, Клинъ, Сапунъ, Болотниково, Базарово, Голянищево, Караваево и т. д. Для добыванія крестьяне соединяются въ артели по 10, 15, 20 человѣкъ и болѣе. Такихъ артелей насчитываютъ до 100. Составляются онѣ изъ однодеревенцевъ. Члены состоятъ какъ изъ взрослыхъ, такъ и изъ подростковъ,

у кого есть, получающихъ также пай. Эти выставляютъ артели могарычъ. Каждый пай выставляетъ по женщинѣ для нагрузки алебастра на баржи. Работаетъ артель сообща. Обѣдать ходятъ домой. Вырученныя за алебастръ деньги дѣлятъ на равные паи, сообразно числу членовъ. Работы начинаются съ Николы (6 декабря), подготовительныя же ранѣе, и кончаются весною въ концѣ марта или даже въ началѣ апрѣля. Поэтому наблюдать самую работу мнѣ не довелось, но я былъ во многихъ мѣстностяхъ этого производства и подробно распрашивалъ.

Осматривая въ первый разъ мѣстность производства, видишь только, что горы во многихъ мѣстахъ осѣли, опустились, точно будто дождевые ручьи размыли ихъ, видишь какія-то щели въ горахъ, преимущественно у подножія горъ; здѣсь же замѣчаешь какія-то словно искуственныя насыпи глины, иногда уже значительно поросшія травой, въ разныхъ мѣстахъ валяются куски жилистаго, нерѣдко съ розовымъ оттѣнкомъ, алебастра. Горы покрыты дровянымъ лѣсомъ; вокругъ—глушь, тишина. Тамъ вспорхнетъ птица, здѣсь изъ-подъ ногъ выпрыгнетъ заяцъ и пойдетъ прыгать по высокой горѣ. Никакихъ признаковъ человѣческой дѣятельности не замѣчаешь.

Артели, организовавшись, прежде всего дѣлаютъ входъ въ гору, на нѣкоторой высотѣ отъ подошвы ея, и подпираютъ его, чтобы не обваливался; потомъ начинаютъ рыть въ горизонтальномъ направленіи пещеру въ глубь горы, пока не встрѣтятъ слой алебастра. Галлереи приходится рыть длинныя, такъ какъ алебастръ залегаетъ довольно глубоко; онѣ достигаютъ нерѣдко 100 саж. и болѣе. Ходить въ нихъ можно согнувшись и онѣ не широки. Иногда, прорывъ безуспѣшно ползимы, артель бросаетъ съ проклятіями это мѣсто и ищетъ болѣе счастливое. Дойдя до слоя алебастра, взрослые члены артели подкапываются подъ него, стоя на колѣняхъ, въ согнутомъ положеніи; подростки вывозятъ выбрасываемую глину на кобылкахъ (родъ саней) изъ пещеры. По мѣрѣ подкапыванія, подъ слой алебастра ставятъ подставки, продолжая работу далѣе и увеличивая постепенно количество подставокъ, на случай обвала. Когда подкопаютъ слой, выбиваютъ постепенно подставки, начиная съ дальнихъ и переходя постепенно къ ближнимъ, и уходятъ. Въ теченіе ночи слой отваливается, упадаетъ. Затѣмъ его разбиваютъ на небольшіе куски и нерѣдко для этого прибѣгаютъ къ дѣйствію пороха, послѣ чего алебастръ вытаскиваютъ и кладутъ въ кучи.

Трудъ этотъ ужаснѣйшій, истинно каторжный. Въ узкихъ, низкихъ, длинныхъ пещерахъ копошатся живыя существа, грязныя, голодныя, изнуренныя—это люди. При слабомъ мерцаніи въ непроницаемой темнотѣ дымной лучины они кажутся гномами, говорилъ мнѣ одинъ учитель. Тяжесть труда усугубляется убійственнымъ воздухомъ, такъ какъ никакой вентиляціи, разумѣется, нѣтъ, безъ свѣта, да и дымъ лучины не имѣетъ выхода. Необходимость прибѣгать ко взрывамъ порохомъ довершаетъ мерзость воздуха; онъ становится невыносимъ даже для привычнаго рабочаго, который упадаетъ въ обморокъ и выносится съ раскрытою грудью на снѣжокъ шатающимися товарищами и обильнымъ треніемъ снѣгомъ приводится въ чувство, для того, чтобы, прійдя въ чувство, снова начать невыносимо-убійственный трудъ, въ корнѣ подтачивающій его силы. Особенно ужасна участь подростковъ, работающихъ здѣсь съ 13 лѣтъ. Они должны безпрерывно вывозить изъ пещеры землю и глину на кобылкахъ съ полозьями по голой землѣ. Для этого впрягаются въ кобылку, перекидываютъ лямку черезъ грудь и, чтобы везти значительный грузъ на большомъ пространствѣ, крѣпко упираясь ногами, въ наклонномъ положеніи, всѣми своими силами налегаютъ на грудь, такъ что грудь находится постоянно въ сильно сжатомъ, сдавленномъ положеніи. Понятно, какъ это должно отразиться на здоровьи будущаго работника. Сильно также страдаетъ шея,—она страшно растирается и постоянно находится въ воспаленномъ состояніи, такъ что бываетъ даже больно прикоснуться. Къ тому-жь рѣдкая зима обходится безъ того, чтобы не задавило обваломъ нѣсколькихъ несчастныхъ.

Но какъ же вознаграждается этотъ трудъ? Вѣроятно, этотъ опасный, не человѣческій, отвратительный трудъ получаетъ должное вознагражденіе? Вѣроятно, высокая цѣна влечетъ сюда рабочаго—убивать силы, здоровье свое и своихъ семей? Посмотримъ.

Обыкновенно за зиму артель добываетъ алебастра по 1.000 пудовъ на пай, случается по 800, часто и по 1.200 пудовъ и, какъ счастливое исключеніе, даже по 2.000 пуд. За 1.000 пудовъ съ нагрузкой на баржи благодѣтельный посредникъ платитъ имъ 15—20 руб. и рѣдко 25 руб. Это за цѣлую зиму такого труда на своей пищѣ!... Если положить только 120 рабочихъ дней, а ихъ болѣе, то и тогда придется рабочему 15 коп. въ день на своей пищѣ. И притомъ трудъ женщинъ отъ каждаго пая для нагрузки баржи не принимается во вниманіе. Но и

этотъ нищенскій заработокъ—фикція для рабочаго: онъ всецѣло идетъ на подати, недоимки и проценты на долгъ кулаку. Это ужасно!

Но можетъ-быть само производство не выгодно? Быть-можетъ оно болѣе такой нищенской подачки рабочему и не можетъ дать? Быть-можетъ сама судьба преслѣдуетъ несчастнаго?... Вотъ что мнѣ въ коротких словахъ пришлось узнать отъ рабочихъ и разныхъ лицъ по этому поводу (особенно искренно благодарю священника села Жайскаго, отца Пароенія, къ которому я имѣлъ рекомендаціи, за его любезность). Почти всѣ горы здѣсь, не считая ломокъ Голицына, или пріобрѣтены въ собственность купцомъ Быковымъ, живущимъ въ селѣ Жайскомъ, какъ Болотниково, Голянищево, или имъ арендуются. Считаю нужнымъ замѣтить, что горы покупались имъ не отдѣльно, а съ принадлежащими къ нимъ имѣніями,—покупались, разумѣется, по дешевой цѣнѣ, — такъ что въ покупку горъ никакой капиталъ имъ не вложенъ; съ другой стороны аренды за горы, нерѣдко крестьянскія, онъ платитъ ничтожныя. Такимъ образомъ собственникомъ или фактическимъ владѣльцемъ на огромномъ пространствѣ залежей алебастра является купецъ Быковъ.

Эта крупно - капиталистическая персона — продуктъ «пореформеннаго» хозяйства. Сынъ небогатаго крестьянина, онъ особенно разбогатѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе. Теперь онъ—владѣлецъ нѣсколькихъ имѣній, значительныхъ залежей алебастра, пароходовъ, множества баржей, ведетъ огромное производство, закабалилъ множество рабочихъ, получаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ годоваго дохода. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ было два предпринимателя кромѣ Быкова въ алебастровомъ производствѣ; но, на счастье послѣдняго и на несчастье крестьянъ, оба предпринимателя,—говорятъ, совершенно не по экономическимъ причинамъ, а просто по семейнымъ обстоятельствамъ, или даже за смертью,—сократились и Быковъ зацарилъ деспотично одинъ. Теперь даже трудно новому предпринимателю вступить съ нимъ въ конкуренцію, такъ какъ горы онъ или скупилъ, или долгосрочно арендуетъ, рабочіе закабалены, дѣло поставлено умѣло и на широкую ногу—чуть ли не полумилліоннаго производства. Какъ отразилось на рабочемъ это воцареніе, самовластіе крупнаго кулака,—понять не трудно. При конкуренціи цѣны за 1.000 пудовъ алебастра доходили до 70 руб. и даже выше, теперь онѣ спустились до 15—20 руб. и нельзя быть увѣреннымъ, что не

спустятся еще ниже. По крайней мѣрѣ Быковъ увѣряетъ рабочихъ, что сбытъ алебастра идетъ туго, въ виду конкуренціи дешеваго дуденевскаго (Горбатовскаго уѣзда), что дѣла его вообще плохи и что онъ хочетъ даже бросить производство. Это онъ говоритъ не однимъ рабочимъ и въ этомъ нельзя не видѣть желанія Быкова подготовить народъ къ пониженію цѣнъ на трудъ. Сдѣлать это ему не трудно. Населеніе обездолено реформой, земли мало и плоха. Никакихъ производствъ и заработковъ кромѣ алебастроваго нѣтъ. Конкуренціи у Быкова нѣтъ и не можетъ быть. Осенью и зимою Быковъ даетъ рабочимъ задатки, но даетъ черезъ старостъ, которые, вычитая нужное на подати, остальное (!) выдаютъ рабочимъ. Старосты выдаютъ изъ волости обязательства отъ лица каждаго рабочаго работать у Быкова. Мало того, благодѣтель-кулакъ даетъ хлѣбъ и пшено,—бери, отработаешь... Такъ и запутывается несчастный. А создавъ кабалу, кулакъ можетъ уже все сдѣлать съ рабочимъ.

По словамъ лицъ знающихъ, въ томъ числѣ о. Пареенія, который близокъ съ Быковымъ не менѣе 20 лѣтъ (на его глазахъ послѣдній и разбогатѣлъ), добываніе алебастра Быковымъ простирается свыше 800 тыс. пудовъ ежегодно. Съ нагрузкой на свои же баржи, взявъ среднюю плату съ 1.000 пуд. 20 руб., весь алебастръ ему будетъ стоить 16.000 руб. Доставляется алебастръ въ Рязань, Коломну и Москву. Такъ какъ ему не было бы разсчета доставлять въ Рязань и Коломну, еслибы доставка въ Москву была значительно выгоднѣе, то, можно думать, московскій рынокъ опредѣляетъ цѣны и рязанскія,—разница будетъ лишь въ стоимости доставки. Поэтому буду вести разсчетъ по московскому рынку. Во что обходится доставка, можно сказать только приблизительно. Какъ уже было сказано, за доставку товара изъ Нижняго до Орѣхова-Зуева берутъ по 7 коп. съ пуда и находятъ выгоднымъ; принимая путь отъ Муромскаго уѣзда по Окѣ до Коломны и далѣе по рѣкѣ Москвѣ до Москвы вдвое большимъ предыдущаго, причемъ доставка производится Быковымъ своимъ пароходомъ и на своихъ баржахъ, стало-быть обходится не вдвое болѣе предыдущей цѣны, а менѣе, положимъ 10 коп. съ пуда, то доставка всего количества обойдется въ 80.000 рублей. Стало-быть весь алебастръ при доставкѣ въ Москву будетъ стоить около 100.000 рублей. Въ Москвѣ низшая цѣна на горбатовскій алебастръ—220 рублей за 1.000 пудовъ, муромскій же 280—320 рублей и выше. Положимъ, что Быковъ

продаетъ мелкимъ торговцамъ только по 225 руб.; за 800.000 пуд. онъ возьметъ 180.000 рублей. Стало-быть чистыхъ у него останется 80.000 руб. Но сбросимъ, наконецъ, 20.000 рублей на разные непредвидѣнные расходы, и все-таки останется громадный кушъ—въ 60.000 рублей.

Для рабочихъ особенно тяжела была зима 188°/₁ года, когда неурожай довелъ цѣны на хлѣбъ до 1 руб. 80 коп. за пудъ.

— О-охъ, тяжело было зимой,—твердятъ въ разныхъ мѣстахъ бабы,—ужь такъ тяжело, такъ тяжело!.. Чуть было шкуру свою не съѣли. Хлѣбецъ-то, батюшка, испечешь—темнѣе земли, такъ только будто названіе одно; тамъ и мучицы-то въ немъ не видно, жмышку натолчешь, намѣшаешь, мякины подсыпешь,—ну, и чего тамъ еще... Придутъ это съ работы, умаялись сердешные, а какой тутъ обѣдъ?—Пустыя щи да хлѣбушко. Похлебаютъ, похлебаютъ, да и бѣгутъ на работу, а хлѣбушка-то съ собой ужь и нельзя взять,—нѣту-ти. Вечеромъ-то придутъ, ужь на нихъ лица нѣтъ, еле дотащатся до избы. Тутъ бы поѣсть надоть маленько, да чего? Такъ сердешные упадутъ, гдѣ попало, и лежатъ какъ убитые, не двигаются, какъ безъ языка, только вздыхаютъ. А заглянешь, изъ глазъ слезы текутъ. То ли онъ спитъ, то ли такъ лежитъ, Господь его знаетъ. А дѣтишкамъ-то, бѣдняжкамъ-то, какъ? Вѣдь слабѐньки еще, ребятки-то, а возить глину—ухъ какъ тяжело!... Всѣ силы вымотали. Ужь и не чаяли перебѣдовать. Эхъ, что ужь говорить, какъ-нибудь доживать до смерти надоть!

Этой дюжиной типовъ, разумѣется, не исчерпывается все разнообразіе кулацкой эксплуатаціи артелей. Но несомнѣнно, эта картинная галлерея, выхваченная изъ самой жизни, нѣсколько уясняетъ значеніе ея въ народномъ хозяйствѣ. Вѣдь за каждымъ типомъ стоитъ цѣлое полчище подобныхъ кулаковъ, съ тѣми же пріемами, съ тѣми же инстинктами, съ тою же жадностью, но, разумѣется, съ разными мелкими индивидуалистическими особенностями, нисколько впрочемъ не нарушающими стройность, цѣлостность типа. И если эти типы выведены не совсѣмъ цѣлостно, не съ должною полнотою, обстоятельностью какъ экономическою, такъ и художественною, то нужно знать, какъ трудно, нерѣдко даже невозможно, изучить дѣянія кулака, даже просто проникнуть въ его маленькое царство, какія препятствія непреодолимыя встрѣчаешь на этомъ пути. И никакихъ пособій, никакихъ облегченій. Въ печати этотъ вопросъ даже не

поставленъ (эксплуатація *артелей*), кромѣ, впрочемъ, отдаленной страны бѣлыхъ медвѣдей, да и то только относительно рыболовныхъ артелей. Мѣстная интеллигенція такая несчастная, такая убогая, что отъ нея позаимствоваться чѣмъ-либо въ этомъ родѣ странно думать. Мнѣ самому ранѣе не приходилось глубоко интересоваться этимъ вопросомъ, да и въ данное время существенный вопросъ для меня былъ—артельная организація. Вотъ почему нерѣдко приходилось основываться только на слухахъ, на общемъ говорѣ массы, строго провѣряя ихъ по возможности справками съ разныхъ сторонъ, даже отъ самихъ кулаковъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ почти всегда это было безуспѣшно. Самый вѣрный источникъ для оцѣнки эксплуатаціи—сама артель, въ чемъ мнѣ много разъ приходилось убѣждаться; но, къ сожалѣнію, часто и она сама многаго не знаетъ, да нерѣдко и самъ кулакъ не въ состояніи точно опредѣлить свою добычу.

Кулачество сильно растетъ и крѣпнетъ. А на ряду съ развитіемъ кулачества, какъ бы параллельно ему, все растетъ бѣдность народная. То несомнѣнно, что кулачество—продуктъ новый въ русской жизни, продуктъ хозяйства такъ-сказать «пореформеннаго». До реформы при несвободномъ крѣпостномъ трудѣ не было благопріятныхъ для него обстоятельствъ, и кулачества, какъ грозной силы, не существовало. Нынѣшнее положеніе крестьянства дало сильный толчокъ его развитію, выдвинуло его едва не на первый планъ и оно пошло гигантскими шагами впередъ, съ ужасающею силой, и чѣмъ дальше, сила его растетъ все болѣе и болѣе. Много кулацкихъ типовъ пришлось мнѣ наблюдать, о многихъ пришлось слышать, иногда даже вскользь, и слишкомъ рѣдко, почти какъ исключеніе, въ крупныхъ типахъ, генеалогія кулака восходила къ дореформенному времени, когда онъ былъ очень мизернымъ кулакомъ. Огромное же большинство, подавляющее—продуктъ хозяйства «пореформеннаго», считающее себѣ 10, много 15 лѣтъ; а до того времени они—«простые лямошники», «ледащи мужичонки», по словамъ нерѣдко встрѣчаемыхъ ихъ прежнихъ сотоварищей.

Судя по всему, развитіе кулачества не остановится; можно быть увѣреннымъ, что оно будетъ идти столь же быстро впередъ, какъ шло и доселѣ. За это говорятъ какъ все растущая масса мелкихъ кулаковъ, такъ и значительный резервъ еще некулаковъ, простыхъ рабочихъ, даже членовъ артели, сильно зараженныхъ кулацкими инстинктами,—это съ одной стороны; а

съ другой—отсутствіе рѣшительныхъ энергическихъ препонъ для увеличенія числа ихъ, и не только отсутствіе, но даже невозможность скоро ожидать таковыхъ. Главное же—непомѣрно растетъ бѣдность народная. Такимъ образомъ кулакъ на просторѣ, на свободѣ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, растетъ, развивается и проявляетъ свою мощь очень ощутительно для народа. Онъ закабаляетъ не только отдѣльныхъ рабочихъ, но, вступая въ отчаянную борьбу съ артелями, порабощаетъ огромныя артели, даже десятки артелей. И слабая, порабощенная, угнетенная артель уступаетъ крутой силѣ, нерѣдко уничтожаясь, чаще впрочемъ сохраняя неприкосновеннымъ весь свой строй, излюбленные, отъ старины ведущіеся, порядки, откупаясь огромною, баснословною данью. Дань эта превосходитъ всякіе размѣры. Мы уже видѣли, что нерѣдко эксплуатируемыя артели на очень выгодныхъ заработкахъ, при убійственномъ трудѣ, зарабатываютъ только горбы, да мозоли, уходя домой съ пустымъ карманомъ, даже Христовымъ именемъ питаясь въ дорогѣ. Поэтому смѣло можно утверждать, что «кулачество, на ряду съ крупнѣйшими факторами обѣдненія народа, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Гдѣ разгадка такому положенію? Почему артель на всѣхъ позиціяхъ разбивается кулакомъ? Не доказываетъ ли это безсиліе, негодность артели? Не есть ли это нѣчто фатальное, непреложное, не есть ли это какой-либо экономическій законъ? Чтобы правильно понять общественный фактъ, а тѣмъ болѣе такое крупное явленіе, нужно со всею осторожностію разсмотрѣть условія, причины даннаго явленія, постараться уяснить послѣдствія ихъ, и тогда только можно понять, оцѣнить явленіе. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ происходитъ данное явленіе и какія причины вліяютъ на него. Къ сожалѣнію, разсмотрѣть обстоятельно вліянія и причины здѣсь нѣтъ возможности,—онѣ очень разнообразны и многосложны; въ совокупности—это весь нашъ строй современный съ значительною дозой послѣдствій прошлаго. Поэтому придется коснуться ихъ въ самомъ общемъ видѣ. Передъ нами два представителя противоположныхъ началъ. Кулакъ—хитрый, пронырливый—влазитъ въ довѣріе къ крупному капиталисту, умѣетъ иногда поставить себя такъ, что послѣдній неловко чувствуетъ себя безъ него. Алчность, хищническіе инстинкты въ немъ непомѣрно развиты. Онъ—владѣлецъ сотенъ душъ, «по закону» закабалившихся къ нему подъ напоромъ голода. Съ другой стороны—сильная духомъ, могучая солидарностью товарищей, но

голодная, беззащитная, забитая артель. Ей не довѣряетъ капиталистъ, косо смотритъ на нее начальникъ. Голодъ—самый великій, самый безпощадный факторъ человѣческихъ дѣйствій. Ничего нѣтъ удивительнаго, если артель подъ вліяніемъ его закабаляется кулаку. Это тѣмъ болѣе понятно, что, кромѣ голода, есть еще могучій къ тому факторъ — обременительныя подати при отсутствіи доступнаго кредита. Но вотъ болѣе счастливые рабочіе избѣгли кабалы, перебились кое - какъ, идутъ на заработки. И имъ не избѣжать кулака: этотъ, словно отвратительный паукъ, загородилъ своими сѣтями всѣ входы и выходы и только поджидаетъ беззащитную жертву, чтобы, дьявольски опутавъ ее, высосать изъ нея всѣ соки. Крупные подряды уже позахвачены кулакомъ и потому или сиди безъ работы, или иди опять въ кабалу. При такихъ неравныхъ условіяхъ борьбы иного конца и не можетъ быть. Нелѣпо ставить это въ вину артели, доказывать этимъ ея безсиліе, негодность.

Что касается значенія бѣдности въ данномъ случаѣ, то оно понятно. Но вотъ другой крупный факторъ, дѣйствующій въ томъ же духѣ,—тенденція капитализма,—требуетъ небольшаго поясненія. Дѣло въ томъ, что у насъ и капитализмъ какой-то странный, словно бы самобытный. Въ то время, какъ основная тенденція европейскаго капитализма — концентрированіе капитала, переходъ его все въ меньшее число рукъ, но за то въ болѣе крупныхъ величинахъ, посредствомъ подавленія болѣе крупнымъ капиталомъ болѣе мелкаго,— у насъ пока этого не замѣчается, но за то проявляется интересная тенденція его—насажденіе, созданіе кулаковъ. Крупный капиталъ какъ-то фатально создаетъ около себя кулаковъ - рядчиковъ, которымъ и сдаетъ подряды, не желая имѣть дѣло непосредственно съ рабочими артелями, какъ бы не довѣряя имъ. Дѣло въ томъ, что пронырливые кулаки, шныряющіе, толкущіеся во множествѣ, положительно монополизируютъ всѣ подряды; у нихъ уже установились съ хозяевами извѣстныя, изъ году въ годъ повторяющіяся, отношенія; они иногда при нуждѣ дадутъ и залогъ, и заключатъ условіе на поставку извѣстнаго числа рабочихъ. Хозяинъ доволенъ,—онъ знаетъ, что ему не придется думать о наймѣ рабочихъ, заботиться, чтобы рабочіе не сбѣжали, не бросили его въ самое горячее время. Не удивляйтесь, онъ не можетъ понять того, что если рабочій дорожитъ мѣстомъ съ нищенскимъ жалованьемъ даже у рядчика, то съ двойною платой отъ хозяина,

разумѣется, дорожилъ бы еще болѣе. Рядчикъ—человѣкъ знакомый, надежный, ему можно повѣрить. Не то—артель, разсуждаетъ онъ, впадая въ унисонъ съ кулакомъ: броситъ какъ разъ въ горячее время. Иди, тягайся съ ней,—что съ нея возьмешь? Притомъ рядчикъ какъ ни-на-есть все-таки не мужикъ, скорѣе свой братъ, онъ ужь и выглядитъ какъ купецъ, съ нимъ и чайку можно напиться, и бутылочку хересу испить,—пріятный человѣкъ, одно слово. А что, можетъ, онъ немного, какъ будто того... маловато платитъ артели, такъ вѣдь нельзя же,—изъ-за чего-нибудь хлопотать надо, даромъ никто не станетъ... Кромѣ того, тамъ, гдѣ рядчикъ зависитъ не прямо отъ хозяина, а отъ прикащика или управляющаго, интересы обоихъ еще тѣснѣе связаны,—отъ рядчика перепадаетъ и прикащику кое-что. Это не разъ приходилось слышать и убѣждаться въ этомъ.

Эта тенденція капитализма нашего наводитъ на нѣкоторыя размышленія о немъ. 8 лѣтъ назадъ г. Пудовиковъ съ замѣчательною силой и убѣдительностію выставилъ нѣкоторыя положенія, надъ которыми нельзя не задуматься. Вотъ что, между прочимъ, высказалъ г. П. Е. Пудовиковъ: «На ея заключительной страницѣ (исторія нашего земледѣлія) увидимъ общее полное истощеніе почвы въ каждомъ уголкѣ Русской земли и полное процвѣтаніе промышленности. Россія превратится въ сплошное село Павлово, въ которомъ и нищихъ будетъ столько же, сколько въ немъ, т. е. половина. Но гдѣ мы найдемъ рынокъ для своихъ издѣлій, когда Англія съ 10 милліонами не знаетъ куда дѣвать свои издѣлія? Но, кромѣ этого, гдѣ, въ какой странѣ, будутъ заготовлять хлѣбъ на 80 милл. голодныхъ ртовъ?» Въ послѣдніе два года вопросъ о капитализмѣ въ Россіи выступилъ съ новою силой и заинтересовалъ общество. Положенія, столь энергично выставленныя г. Пудовиковымъ, были убѣдительно развиты. Съ своей стороны и я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, доказывающему невозможность капитализма у насъ. Но едва ли возможно ликовать вслѣдствіе этого. Дѣло въ томъ, что у насъ возможно нѣчто несомнѣнно худшее, ужасное: у насъ вполнѣ возможенъ надвигающійся со всѣхъ сторонъ экономически-кулацкій строй. Какая же разница между тѣмъ и другимъ? Капитализмъ прежде всего расширяетъ производство, руководясь наукой, умѣло эксплуатируетъ каждое новое открытіе, изобрѣтеніе. Онъ глубоко заинтересованъ открытіемъ все новыхъ и новыхъ рынковъ для расширяющагося производства; государство является

въ этомъ смыслѣ дѣятельнѣйшимъ пособникомъ, не отступая даже передъ войной. Вслѣдствіе этого сильно развивается торговля, выгодная для страны—производителя. Обширно эксплуатируются правильнымъ образомъ естественныя богатства страны; обращается огромное вниманіе на земледѣльческую культуру. Проявляются заботы о томъ, чтобъ облегчить участь рабочаго, къ чему уже сдѣланы многими серьезныя попытки. Ну, а кулачество?—Оно о такихъ пустякахъ не заботится. Купитъ ли кулакъ богатѣйшую землю, онъ какъ хищникъ накидывается на нее, варварски выжимаетъ изъ нея все, что возможно, и, обезсиливъ въ нѣсколько лѣтъ, взявъ сотни процентовъ на капиталъ, не прочь ее продать за тройную цѣну. Купитъ ли онъ вѣковой дѣвственный лѣсъ, тысячи десятинъ, и словно злая стихія, какъ пожаръ, въ нѣсколько лѣтъ не оставитъ и стебелька. Какое ему дѣло до правильныхъ научныхъ понятій? Какое ему дѣло до того, что, обезсиливая землю, уничтожая лѣса, а черезъ то уменьшая плодородіе страны, вліяя на суровость климата, уменьшая количество необходимой влаги, создавая мелководіе рѣкъ..., онъ обрекаетъ родину на ужасную участь? Какое ему дѣло до того, что, обдирая, отнимая у народа прямо изо рта куски хлѣба, онъ создаетъ нищету народную, ведетъ народъ къ вымиранію? Какое ему дѣло до всего этого? «А хоть трава не расти! — вырывается изъ его ожирѣлаго брюха.—Какая такая родина?—разводитъ онъ руками. — Что такое народъ?—Извѣстно, хамъ!—рѣшаетъ кулакъ.—Что же съ нимъ церемониться, съ мужикомъ-то?»

Мы видимъ, что кулакъ, ничего не производя, не оказывая никакихъ полезныхъ услугъ, а только будучи безполезнымъ посредникомъ, слишкомъ много беретъ себѣ, такъ много, что нерѣдко труженику не остается ничего. Два совершенно нежелательныхъ и въ высшей степени опасныхъ обстоятельства создается вслѣдствіе этого: обѣдненіе народа и его развращеніе очевидными примѣрами быстраго, легкаго обогащенія путемъ обдиранія ближняго.

Быть-можетъ самый крупный, самый важный вопросъ—гдѣ выходъ изъ такого положенія? Да и есть ли онъ, возможенъ ли вообще? Кулачество уже такъ разрослось, такъ окрѣпло, такъ въѣлось въ народный организмъ, настолько обезсилило его, закабалило, принизило, что дѣятельность отдѣльныхъ великодушныхъ лицъ, самоотверженно пожелавшихъ бороться противъ него, дастъ ничтожные результаты, вѣрнѣе—никакихъ. Земство тоже

мало можетъ сдѣлать. Представьте себѣ, что рязанское, напримѣръ, земство, воодушевясь патріотическимъ стремленіемъ, пожелало бы вырвать изъ рукъ кулаковъ закабаленныя спасскія артели. Но отъ желанія, отъ словъ до дѣла, а тѣмъ болѣе до успѣха—далеко. Представимъ самыя благопріятныя условія: представимъ, что земцы самоотверженны вполнѣ, что они прониклись до мозга костей интересами народа,—положимъ, что ихъ энергіи нѣтъ предѣловъ,—положимъ, что они готовы на всевозможныя жертвы, что они не остановятся ни передъ чѣмъ, не задумаются ни передъ какими затратами... Итакъ, земство нашло и употребило огромный капиталъ на выкупъ артелей, и притомъ какъ отъ кулаковъ, такъ и отъ недоимокъ. Артели организуются и идутъ на заработки безъ кулаковъ; но кулаки уже ихъ обогнали и позахватили всѣ подряды на крупныя работы. Не сидѣть же артелямъ безъ работы; и онѣ идутъ къ кулаку и возвращаются домой по-прежнему почти ни съ чѣмъ. А дома хлѣба не хватаетъ, не хватаетъ на уплату податей—и артель снова въ кабалѣ у мѣстнаго кулака. Не единичныя, разбросанныя, мелкія попытки нужны и спасутъ насъ, а необходимо радикальное лѣченіе всего организма. Если можетъ что земство, такъ это что-либо совсѣмъ неважное, пустое, частное, нисколько не измѣняющее общее положеніе. Дѣло зашло ужь очень далеко и не пигмейскія попытки нужны. Смѣшно, конечно, ожидать чего-либо отъ городскихъ обществъ. Безсильны и общества всякія ученыя и неученыя, послѣ сытнаго обѣда разсуждающія и вкривь и вкось о мужикѣ. Здѣсь нерѣдко можно услышать изъ устъ сытаго ландлорда, пускающаго искусные клубы дыма отъ дорогой сигары, тяжкія обвиненія народа въ лѣности, пьянствѣ, безнравственности, энергическія доказательства чуть не многоземелія у крестьянъ. Сами артели безсильны.

Но гдѣ же, въ чемъ выходъ? Ужели нѣтъ спасенія? У насъ все привыкли сваливать на правительство, отъ него привыкли ожидать всѣхъ благъ, въ немъ видѣть спасеніе. И безспорно, правительство—именно та сила, которая единственно могла бы разрѣшить данный вопросъ правильно.

Возьмемъ для примѣра одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ типовъ эксплуатаціи—рыбинскихъ крючниковъ. Дѣло могло бы быть рѣшено безъ всякихъ коммиссій и свѣдущихъ людей. Сами артели укажутъ прекрасный выходъ, только прислушайся къ нимъ. Вотъ какой планъ много разъ мнѣ приходилось слышать.

Артели выбираютъ приблизительно одного представителя на 20 человѣкъ, для чего мелкія артели соединяются. Всѣ представители избираютъ изъ себя очередныхъ человѣкъ по пяти, примѣрно, на недѣлю; они составляютъ дѣйствующихъ представителей всѣхъ рабочихъ, составляя постоянную контору при биржѣ. Весь смыслъ ея въ томъ, чтобъ имѣющіе потребность въ трудѣ *обязаны* были обращаться именно въ контору (для чего и нуженъ авторитетъ правительства), которая и выставляетъ потребное число рабочихъ къ извѣстному сроку. Капиталисты могутъ быть покойны: предложеніе труда всегда превышаетъ спросъ на него,—значитъ, безъ рабочихъ не остались бы. Представители же артелей съумѣютъ повести дѣло по справедливости, лучше, чѣмъ кто-либо, установивъ, при постоянномъ избыткѣ предложенія труда, очередь между артелями, такъ что заработки артелей будутъ равномѣрны,—въ этомъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ. Вся трудность — въ авторитетномъ словѣ правительства. Для внѣшней же убѣдительности правительство могло бы поставить своего чиновника, нѣчто въ родѣ бухгалтера, подчинивъ его артелямъ. Содержаніе его для артелей могло бы быть совершенно необременительно. Въ цѣнахъ же разногласія между хозяевами и артелями не могло бы быть, такъ какъ артели вполнѣ были бы довольны цѣнами, платимыми теперь батырямъ, и потому легко могла бы быть установлена такса.

Кулаки творятъ свое дѣло, нерѣдко прикрываясь и прибѣгая къ содѣйствію дружественной низшей власти. Понятно, какъ это вліяетъ на народъ. Уваженіе, святость закона подрывается; въ немъ мужикъ не видитъ своего защитника. Это ведетъ далѣе, и нерѣдко можно слышать горькія жалобы и на высшую власть.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующія положенія: 1) кулакъ — продуктъ хозяйства «пореформеннаго»; 2) главнѣйшіе стимулы кулацкаго прогресса: бѣдность народная, создающая нерѣдко кабалу цѣлыхъ огромныхъ артелей, тенденція самобытнаго капитализма создавать около себя народныхъ вампировъ и потаканіе низшей власти; 3) на ряду съ крупнѣйшими факторами обѣдненія народа не послѣднее мѣсто занимаетъ кулачество; 4) вступая въ единоборство съ артелью, кулакъ побѣждаетъ, иногда уничтожаетъ даже ее; 5) онъ развращаетъ народную массу, наглядно показывая всю прелесть жизни, основанной на легкой, въ ущербъ народа идущей, наживѣ; 6) ничего не производя, кулакъ изнуряетъ, обезсиливаетъ рабочую

массу; 7) кулакъ не останавливается ни передъ чѣмъ и постоянно прибѣгаетъ къ беззаконнымъ средствамъ наживы, даже къ мошенничеству; 8) въ борьбѣ съ нимъ безсильны земства и городскія общества, и послѣднія даже стимулируютъ кулачество; еще болѣе безсильны частныя лица; 9) дальнѣйшее возможное развитіе кулачества поведетъ къ образованію своеобразнаго государственно-экономическаго, кулацкаго строя, такъ какъ строй капиталистическій у насъ невозможенъ; 10) кулакъ подрываетъ все болѣе и болѣе въ глазахъ народа авторитетъ власти, высокій авторитетъ закона, такъ какъ, закупая расположеніе низшихъ властей, даетъ поводъ народу думать, что вообще власть противъ него; 11) успѣшную борьбу съ кулачествомъ можетъ вести правительство—государство.

Г. С.

НОЧИ.

Альфреда де-Мюссе.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

Октябрская ночь.

Поэтъ.

Очнулся я, мои прозрѣли очи...
Умчалась скорбь, покой душѣ даря;
Она была сходна съ туманомъ ночи,
Чтȯ разгоняетъ свѣтлая заря.

Муза.

Какъ тяжелы разлуки годы!...
Какія тайныя невзгоды
Такъ долго раздѣляли насъ?
Какая скорбь тебя терзала?
Я о тебѣ не разъ вздыхала
И горько плакала не разъ...

Поэтъ.

Напрасно я свои утратилъ силы...
О прошлой мукѣ больно вспоминать;
Пусть мысль о ней холоднымъ сномъ могилы
Въ моей груди на вѣки будетъ спать.

Муза.

О, не скрывай свое страданье!...
Зачѣмъ тоску свою таить?
Лишь спутникъ смерти богъ молчанья,—

10*

Съ тобой хочу я слезы лить...
Прибѣгни, другъ, къ моей опорѣ,
Признаньемъ душу облегчи,
И можетъ-быть утѣшатъ въ горѣ
Участья свѣтлые лучи.

Поэтъ.

Еслибы муку свою я хотѣлъ разсказать,
Я не зналъ бы, какое названье ей дать...
Что открыло мнѣ тайну мучительныхъ ранъ:
Безотчетная страсть, или жалкій обманъ?
Ты со мною опять... Все заснуло кругомъ.
Я съ тобою хочу говорить о быломъ
И подъ пѣсню твою, вдохновеньемъ согрѣтъ,
Разскажу тебѣ повѣсть промчавшихся лѣтъ.

Муза.

Когда горячій лучъ участья
Во мнѣ ты хочешь пробудить,
Поэтъ, ты долженъ безъ пристрастья
О прежнемъ горѣ говорить...
Забылъ ли ты свое страданье?
Могу-ль внимать твоимъ словамъ?
Лишь утѣшать мое призванье,—
Я не могу служить страстямъ...

Поэтъ.

О, муза, не бойся, минута разлуки
Съ страданьемъ настала! Мнѣ снится порой,
Какъ будто не я перенесъ эти муки,
Какъ будто страдалъ и томился другой...
Навѣй на меня вдохновенье и грёзы;
Мы можемъ отдаться плѣнительнымъ снамъ;
Отрадно дарить и улыбки, и слезы
Прошедшему горю, забытымъ мечтамъ.

Муза.

Надъ сердцемъ, объятымъ тоскою,
Я нѣжно склоняюсь, какъ мать
Надъ сыномъ больнымъ; предо мною

Ты муки не долженъ скрывать...
Я пѣсню твою не забуду;
Пусть сладко польется она,
На лирѣ я вторить ей буду,
Любви и волненья полна...
Какъ рой мимолетныхъ видѣній
Въ сіяньи вечернихъ лучей,
Ужь носятся свѣтлыя тѣни
Безслѣдно промчавшихся дней.

Поэтъ.

О, дни труда, дни счастья и веселья,
Вы снова предо мной!...
Опять вернулся я къ убогой кельѣ,
Забытой и пустой,
Гдѣ я провелъ, въ тиши уединенья,
Такъ много свѣтлыхъ дней,
Гдѣ я мечталъ и голосъ вдохновенья
Звучалъ въ груди моей.
О, муза, ты опять передо мною
Стоишь въ ночной тиши!...
Мы снова запоемъ,—тебѣ открою
Я скорбь своей души.
Узнаешь ты, какъ женщина до срока
Сгубила жизнь мою;
Какъ я любилъ и свято, и глубоко,
Какъ горько слезы лью.
Я отдалъ ей и молодость, и волю
Съ покорностью раба;
Не вѣдалъ я, какую злую долю
Готовитъ мнѣ судьба...
Въ груди моей лишь горе да сомнѣнья,—
Я даромъ жизнь сгубилъ;
За то порой бывали и мгновенья,
Когда я счастливъ былъ.
Мнѣ помнится тѣнистая аллея
Близъ соннаго ручья,
Гдѣ съ милою, отъ страсти пламенѣя,
Сходился ночью я

И обвивалъ дрожащими руками
Ея волшебный станъ.
Песокъ хрустѣлъ подъ нашими ногами;
Сребря ночной туманъ,
Луна блестѣла; блѣдный призракъ ивы
Указывалъ намъ путь;
Я съ милой шелъ, склоняясь къ ней ревниво;
Вздымалась сладко грудь...
Она съ слезой горячаго участья
Глядѣла на меня...
Умчался сонъ. За то, что вѣрилъ въ счастье,
Судьбой наказанъ я.

Муза.

Не все судьба тебя карала,—
Отраду вѣдалъ ты порой;
И, вотъ, передъ тобой предстала
Картина радости былой...
Остановись на ней украдкой,
Не проклинай былые дни;
Забывъ тоску, улыбкой сладкой
Минуты счатья помяни...

Поэтъ.

Нѣтъ, улыбаться судьбѣ не могу я...
Слыша прошедшаго тягостный стонъ,
Муза, тебѣ передамъ я, тоскуя,
Жизни убитой безрадостный сонъ...
Помню, какъ въ часъ безотраднаго горя,
Темною ночью, я милую ждалъ.
Думамъ моимъ неотвязчивымъ вторя,
Вѣтеръ осенній уныло стоналъ.
Помню, такъ было мнѣ горько и больно,
Сердце такая щемила тоска,
Что объ измѣнѣ я думалъ невольно...
Кровь холодѣла, дрожала рука.
Въ улицѣ жилъ я глухой и безлюдной,
Рѣдко шаги раздавались по ней.
Въ городѣ царствовалъ сонъ непробудный;
Ночь становилась темнѣй и темнѣй.

Вѣтеръ носился вдали, завывая.
Сердце томилось предчувствіемъ злымъ...
Въ душу тоска западала нѣмая.
Милую ждалъ я. Одинъ за другимъ
Грустной чредою часы проходили;
Время свиданья настало давно.
Мрачныя думы мнѣ душу томили;
Полонъ страданья, глядѣлъ я въ окно;
Встрѣчи желанной все ждалъ я напрасно...
Муза! я тайны тебѣ не открылъ:
Милой отдавшись безумно и страстно,
Только ее я на свѣтѣ любилъ;
Хуже чѣмъ смерть мнѣ разлука казалась...
Цѣпи старался я сбросить не разъ;
Съ стономъ проклятье изъ устъ вырывалось,
Съ воплемъ слеза ниспадала изъ глазъ...
Если же обликъ ея сладострастный
Мнѣ представлялся съ улыбкой любви,—
Снова мирился я съ думой ужасной,
Снова желанья кипѣли въ крови...
Сномъ лихорадки, больной и усталый,
Къ утру заснулъ я; но только заря
Въ небѣ румянымъ лучомъ засверкала,
Новыя силы природѣ даря,
Очи открылъ я... Вдругъ робкой стопою
Къ дому какая-то тѣнь подошла...
Боже, что вижу!... Она предо мною...
«Гдѣ ты всю ночь до утра провела?
Съ кѣмъ ты улыбки и ласки дѣлила?
Съ кѣмъ замирала, нѣма и блѣдна?
Ночь сладострастья тебя истомила,—
Въ бурномъ весельи промчалась она.
Боже! ужасною жаждой объята,
Снова ты ищешь восторговъ любви,
Тѣломъ усталымъ, дрожа отъ разврата,
Жадно стремишься въ объятья мои...
Юность мою ты измѣной сгубила...
Скройся на вѣки, зловѣщая тѣнь!...
Если ты встала изъ темной могилы,
Снова сойди подъ могильную сѣнь!...»

Муза.

Уйми душевное волненье,
Не предавайся прежнимъ снамъ...
Объята ужасомъ, въ смятеньи
Внимала я твоимъ словамъ...
Струею алой кровь готова
Изъ старой раны брызнуть снова...
Не вспоминай унылыхъ дней;
Забудь бездушную сирену;
Ея коварную измѣну
Изгладь изъ памяти своей...

Поэтъ.

О, срамъ тебѣ! Клеймомъ позорнымъ
Измѣна ляжетъ на тебя...
Коварствомъ и обманомъ чернымъ,
Мнѣ жизнь безжалостно губя,
Ты за любовь мнѣ отплатила.
Черезъ тебя я чашу бѣдъ
Узналъ; ты саваномъ покрыла
Весну моихъ цвѣтущихъ лѣтъ...
Съ тѣхъ поръ не вѣрю я въ участье;
На мнѣ легла тоски печать;
Я даже свѣтлый призракъ счастья
Сталъ, полонъ горя, проклинать...
Убила ты святыя грезы,
Попра́ла свѣтлыя мечты,
И если я не вѣрю въ слезы,
Такъ оттого, что *плачешь* ты.
Я жилъ безпечный и счастливый;
Нѣмой тоски не знала грудь...
Не трудно было рѣчью лживой
Младое сердце обмануть...
Оно, какъ нѣжное растенье,
Цвѣло... Зачѣмъ сгубила ты
Коварнымъ словомъ обольщенья
Мои надежды и мечты,
Души восторги молодые?
Мою любовь сгубилъ обманъ.
Я чрезъ тебя узналъ впервые

Тоску и боль сердечныхъ ранъ...
Онѣ и тяжки, и глубоки...
Увы, съ тѣхъ поръ изъ глазъ моихъ
Горючихъ слезъ текутъ потоки!
Я скорбь свою омою въ нихъ.
Я знаю, снова не проглянетъ
Отрадный лучъ въ моей судьбѣ,
Но можетъ-быть въ тѣ слезы канетъ
Воспоминанье о тебѣ...

Муза.

Умолкни, другъ! Хотя-бъ одно мгновенье,
Ты съ женщиной коварной счастливъ былъ...
Не проклинай минуты увлеченья,
Не проклинай свой юношескій пылъ...
Укоромъ ты безплодно грудь тревожишь;
Въ ней ненависть и злобу заглуши.
Забвенья жди, коль ты простить не можешь;
Оно разгонитъ мракъ твоей души...
Томился ты; былыя муки святы;
Усопшіе почіютъ вѣчнымъ сномъ
Въ землѣ сырой; въ душѣ, тоской объятой,
Пусть такъ же дремлетъ память о быломъ.
Въ твоей груди страданій было много;
Лишь попранныя грезы и мечты
Ты видишь въ нихъ; но развѣ волю Бога
И тайны Провидѣнья знаешь ты?...
Безъ теплаго дождя не зрѣютъ нивы;
Никто безъ слезъ прожить не можетъ вѣкъ.
За каждый мигъ отрадный и счастливый
Годами скорби платитъ человѣкъ.
Страданья—участь смертныхъ. Рѣдко, рѣдко
Блаженства часъ даруется судьбой.
Эмблема счастья—сломанная вѣтка,
Покрытая цвѣтами и росой...
Ты позабылъ коварную измѣну...
Ты счастливъ, юнъ, тебя ласкаетъ свѣтъ.
Ты радостямъ земнымъ не зналъ бы цѣну,
Когда-бъ не помнилъ горя прошлыхъ лѣтъ.
Въ кругу друзей, въ минуту ликованья,

Тебя не веселилъ бы смѣхъ и шумъ,
Когда бы ты не зналъ тоски страданья,
Горючихъ слезъ и безотрадныхъ думъ...
Ты любишь Микель-Анджело, Шекспира,
Стихи Петрарки, звѣздъ дрожащій свѣтъ,
Величье и красу земнаго міра—
За то, что въ нихъ находишь ты отвѣтъ
На скорбь свою. Не разъ, въ часы невзгоды,
О смерти думалъ ты, смятенья полнъ;
Съ тѣхъ поръ ты любишь жизнь, красу природы,
И шумъ лѣсовъ, и сладкій ропотъ волнъ...
Скажи, о чемъ ты плачешь и вздыхаешь?
Ты подарилъ другой свои мечты?...
Когда былое горе вспоминаешь,
Еще милѣй любимыя черты...
Съ подругою, въ свиданья часъ счастливый,
Ты ходишь въ лѣсъ; отрадой дышетъ грудь,
Какъ въ оны дни; вамъ блѣдный призракъ ивы
Во тьмѣ ночной указываетъ путь...
Въ твоихъ объятьяхъ сладко замирая,
Она къ тебѣ склоняетъ чудный станъ...
Все спитъ кругомъ; унылый свѣтъ бросая,
Луна блеститъ, сребря ночной туманъ...
Въ душѣ твоей сіяетъ лучъ надежды,—
О прошлыхъ дняхъ зачѣмъ вздыхать тебѣ?
Отъ горькихъ слезъ твои прозрѣли вѣжды,
Твой духъ окрѣпъ въ страданьи и борьбѣ...
Слезою примиренья и участья
Ты помяни страданья прошлыхъ дней,—
Черезъ тоску узналъ ты тайну счастья...
О женщинѣ коварной пожалѣй...
Печальный долгъ достался ей на долю...
Тебя заставивъ горько слезы лить,
Она судьбы лишь исполняла волю;
Она тебя любила можетъ-быть...
Повѣрь, поэтъ, ея не лгали слезы...
Когда бы въ ней дышалъ одинъ обманъ,
Все пожалѣй ее. Утихли грозы
Въ твоей душѣ; какъ утренній туманъ,
Какъ мрачный сонъ, былая скорбь умчалась...

Въ тебѣ кипитъ избытокъ чувствъ и силъ;
Тебѣ надежда свѣтлая осталась...
Ты горе зналъ, но вѣрилъ и любилъ...

Поэтъ.

Страданья злоба не умалитъ.
Преступна ненависть моя,—
Она больное сердце жалитъ
Какъ ядовитая змѣя...
О, муза, вновь я рвуся къ свѣту,
Съ тобой разлуки не снесу,
Внемли священному обѣту,
Что я дрожа произнесу:
Клянусь лазурными очами
Моей любовницы младой,
Клянусь цвѣтущими полями
И неба чудной синевой;
Клянусь звѣздой благословенной,
Что мы Венерою зовемъ,
Которой лучъ, какъ перлъ безцѣнный,
Сіяетъ въ небѣ голубомъ;
Клянусь величьемъ мірозданья,
Клянуся благостью Творца
И славой вѣчнаго сіянья
Его нетлѣннаго вѣнца;
Клянусь блаженствомъ и свободой,
Клянуся жизненнымъ огнемъ,
Красой безсмертною природы
И счастья трепетнымъ лучомъ,—
Что о быломъ воспоминанье
На вѣкъ въ душѣ моей умретъ!...
Забвенье прошлое страданье
Съ собою въ вѣчность унесетъ...
Невѣрный другъ, былыя муки
Я поклялся на вѣкъ забыть,
Но часъ забвенья и разлуки
Прощенья часомъ долженъ быть!...
Простимъ другъ друга,—намъ съ тобою
Однимъ путемъ ужь не идти;
Прими съ послѣднею слезою

Мое послѣднее прости...
Забывъ тяжелыя невзгоды,
О, муза, вновь къ тебѣ летитъ
Моя душа!... Какъ въ счастья годы
Пусть пѣсня радостно звучитъ.
Мы по лѣсамъ скитаться будемъ
И съ первымъ солнечнымъ лучомъ
Мы пѣсней милую разбудемъ
И для нея цвѣтовъ нарвемъ...
Природа сброситъ сна оковы,
Лишь день настанетъ. Вмѣстѣ съ ней
Воскреснемъ мы для жизни новой
При блескѣ солнечныхъ лучей.

П. Козловъ.

МАЗЕПА.

XII *).

Видимое дружелюбіе гетмана къ царю и его вельможамъ. — Доносъ на гетмана, поданный козакомъ Мироновымъ. — Довѣріе къ гетману. — Движеніе шведовъ въ Литву. — Взятіе Гродна шведами. — Карлъ въ Сморгонахъ и Радосовицахъ. — Булавинъ и запорожцы. — Бунтъ Булавинскій. — Участіе козаковъ въ его укрощеніи. — Письмо къ Мазепѣ пана Тарла. — Мотря Кочубеевна. — Доносъ Кочубея и Искры на гетмана. — Розыскъ по этому доносу. — Боязнь Мазепы во время производства розыска. — Колебаніе Орлика. — Старшины пристаютъ къ замыслу Мазепы. — Выдача Кочубея и Искры Мазепѣ и казнь ихъ.

Роковой въ исторіи Малороссіи 1708 годъ начался при обоюдныхъ выраженіяхъ добрыхъ отношеній между гетманомъ и русскимъ правительствомъ. Царь прислалъ гетману врача, заботясь о здоровьи Мазепы, безпрестанно жаловавшагося на «подагричные и хирагричные» недуги; гетманъ въ своихъ письмахъ разливался благодарностію за вниманіе къ нему **).

Мазепа отправилъ Головкину «звѣрины» (дичины) своей охоты для царскаго стола, назначая часть изъ посланнаго для самого канцлера, и изъявлялъ ему желаніе кушать на здоровье [1]). Съ своей стороны и верховной власти представился случай показать образчикъ прежняго неизмѣннаго довѣрія и расположенія

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

**) ... О здравіи моемъ благосердствуя, благосердствуешь, неизрѣченную паче же реку равнобожескую монаршескую свою являя мнѣ милость, когда для уврачеванія моей немощи изволилъ в. ц. пресв. вел—ство милостивно указать лекаря мнѣ прислать. И что воздамъ в. ц. в—ству за всѣхъ яже воздалъ ми еси? А понеже по достоинству возблагодарить не возмогу, убо до кончины житія и истощенія силъ моихъ за толь премилосердое монаршее призрѣніе вѣрными своими непремѣнными услугами подданнически награждать долженствую, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ проницающій сердца (Арх. Ин Дѣлъ 1708 г., январь. Подлинники).

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г. Подлин. Письмо гетмана отъ 9 января.

къ гетману. Явился снова доносчикъ, обличавшій Мазепу въ намѣреніи измѣнить царю: это былъ новокрещенецъ рейтаръ Миронъ, освободившійся изъ турецкой неволи. Онъ, прибывши въ Кіевъ, сообщилъ, что въ Яссахъ видѣлся онъ съ проживающимъ тамъ Василіемъ Дрозденкомъ, сыномъ брацлавскаго полковника, который, нѣкогда будучи соперникомъ Дорошенка, былъ послѣднимъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Этотъ Василій Дрозденко говорилъ Мирону: «прошлаго года находился я въ Польшѣ при королѣ Станиславѣ, именно тогда, когда присланъ былъ туда бусурманскій посланецъ. Въ это время явился къ королю Станиславу какой-то чернецъ съ письмомъ отъ гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманскомъ посланцѣ; говорили, что оно заключало такое обѣщаніе, что козацкія войска, вмѣстѣ съ польскими и крымскими, будутъ воевать противъ царскихъ войскъ». Доносчика отправили изъ Кіева въ Посольскій Приказъ. Тамъ говорилъ Миронъ, что Дрозденко велѣлъ ему довести это до свѣдѣнія царя ради единой православной вѣры и памятуя, что отецъ его былъ подъ державою московскаго государя брацлавскимъ полковникомъ. Въ Москвѣ не повѣрили доносу и государь послалъ гетману утѣшительную грамоту *). Такъ къ этому доносу отнеслось правительство, наученное по опыту недоказанностію прежнихъ многочисленныхъ доносовъ на Мазепу; между тѣмъ для насъ теперь видно, что сообщеніе Дрозда заключало въ себѣ истину, относясь именно къ посылкѣ отъ Мазепы къ Станиславу болгарскаго или сербскаго эксъ-архіерея.

Довѣряя во всемъ гетману, царь поручилъ ему разослать по полкамъ своего регимента приказъ ловить и пытать тѣхъ, которые бы явились съ «прелестными» письмами отъ шведскаго короля и Станислава, такъ какъ открывалось, что шведскій король приказалъ въ Гданскѣ печатать русскими литерами воззва-

---

*) ... вѣрность твоя свидѣтельствуется тѣмъ, что ты ни мало ничего у себя не задерживая намъ о всемъ доносилъ. И такъ мы, в. государь, разсуждаемъ, что тотъ Василій Дроздъ, наслышавшись о чернецѣ и составныхъ его письмахъ, будучи при дворѣ королевскомъ въ то время, когда къ тебѣ гетману была злохитрая подсылка по нѣкоему злоумышленному ненавистныхъ людей подущенію, чтобъ въ Малой Россіи замѣшаніе учинить, вѣдая и видя то, и завиствуя тому, что мы, вел. государь, изволяемъ имѣть тебя гетманомъ съ генеральною старшиною и съ полковниками и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ безъ всякаго подозрѣнія, и ты нашего цар. в—ства подданный служишь намъ вѣрно и въ Украинѣ все съ пожиткомъ войску и народу малороссійскому исправляется (Арх. Ин. Дѣлъ. Подл. 1708 г., январь).

нія и распространять въ Украинѣ через русскихъ перебѣжчиковъ [2]).

Послѣ того какъ посланники турецкій и гетманскій предлагали шведской сторонѣ надежду на содѣйствіе, Карлъ съ большею отвагой замыслилъ перенести войну къ рубежу Московскаго государства. Царь Петръ находился въ Гродно, въ срединѣ Великаго Княжества Литовскаго. Шведскій король самъ лично съ небольшимъ отрядомъ ударилъ на двухтысячный отрядъ русскихъ драгунъ, поставленный у моста на рѣкѣ Нѣманѣ, и прогналъ его. Русскіе ушли въ противоположные городскіе ворота изъ города. Шведы вошли въ Гродно. Царь въ слѣдующую ночь попытался было ихъ выгнать, но это ему не удалось. Шведское войско овладѣло цѣлымъ городомъ, а царь ограничился только тѣмъ, что приказалъ опустошить огнемъ и мечомъ весь окрестный край, чтобы не допустить вошедшихъ въ Гродно шведовъ получать изъ окрестностей средства къ своему существованію въ чужой странѣ.

Король шведскій съ войскомъ двинулся далѣе. 11-го февраля заложилъ онъ свою главную квартиру въ Сморгонахъ, а 18-го марта въ Радосовицахъ. Царь съ войскомъ сталъ въ Вильнѣ; его генералы съ военными силами расположились въ Полоцкѣ, въ Минскѣ, въ Могилевѣ [3]).

Гетману указано было собрать полки и выступить за Кіевъ, въ правобережную Украину, съ цѣлію содѣйствовать по мѣрѣ надобности полякамъ партіи Сенявскаго, враждебной шведамъ, впустить въ Бѣлую Церковь польскій гарнизонъ *) и держать при Сенявскомъ малороссійскаго резидента. Февраля 6-го Мазепа съ половиною своего войска былъ уже въ Хвастовѣ. Сенявскій писалъ ему, что идти самому далѣе не-зачѣмъ, а требовалъ присылки шести тысячъ козаковъ въ Польшу, о чемъ Мазепа доносилъ, представляя неудобство такой посылки **).

---

[2]) Ibid. Подл., февр.

[3]) *Nordberg*, II, 206—209.

*) ... «гарнизонъ свой когда поляки до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене з тымъ отзовутся, невозбранно впущу оныхъ туды до фортецы Бѣлоцерковской, а прочую Украину по указу вашего царскаго величества держать буду и не отдамъ ее въ поссесію полякамъ до воли вашего цар. величества (Госуд. Арх. Письмо Мазепы января 30-го 1708 года).

**) ... по указу в. ц. в—ства рушивши я в походъ военный з Батурина и переправивши Днѣпръ поспѣшилъ до Хвастова немедленнымъ маршемъ, где и войска регименту моего, которые могли в нынѣшнее великое распутіе послѣ-

Очевидно, Мазепа, замысливши измѣнить царю Петру и при возможности объявиться на сторонѣ противной, чувствовалъ себя крайне въ фальшивомъ положеніи, когда его принуждали посылать подчиненное ему войско противъ тѣхъ, которымъ онъ тайно обѣщалъ свое содѣйствіе, и оттого-то онъ изо всѣхъ силъ старался подъ разными благовидными предлогами удерживаться отъ посылки козаковъ на помощь полякамъ враждебнымъ королю Станиславу. Царскій указъ предписывалъ отправить стародубскихъ полчанъ къ Быхову на соединеніе съ бывшими тамъ польскими военными силами; Мазепа пытался увѣрить правительство, что это будетъ небезопасно, потому что на искренность поляковъ нельзя положиться *). Онъ извѣщалъ, что, по поводу сношеній шведовъ съ турками, надобно остерегаться отъ внезапнаго вторженія бусурманскихъ союзниковъ шведскаго короля, и потому нельзя лишать Украину постояннаго войска. Сенявскій напрасно требовалъ и присылки козаковъ и возвращенія Украины, ссы-

---

довательно мнѣ належащаго мѣста достигнутъ, около Хвастова разставленныя пребываютъ, а половина войска по повелѣнію в. ц. в—ства для лготы своей в домахъ зосталася, где зде въ Хвастовѣ получилъ я отъ г-на Синявскаго гетмана великаго короннаго трикратное писаніе в которомъ желаетъ, дабы я далечейшимъ походомъ и самъ не турбовался и войскъ не трудилъ, того ради что непріятельская потенція з Польши вышла и маршъ свой до Литвы опредѣлила, токмо в Великой Польщѣ около Познаня малая нѣкая партія оставлена, на которую проситъ у мене суккурсу шесть тысячь выборнаго войска туда жъ до Великой Полщи, а мнѣ совѣтуетъ около Бѣлой Церкви стоять, смотря неусыпно на поведенія бусурманскія, ибо получилъ онъ, гетманъ (яко до мене пишетъ), будто подлинную отъ зичливыхъ корреспондентовъ вѣдомость, что поселъ турецкій, посыланный до короля шведскаго и до Станислава, обѣщалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 4000 турокъ и 6000 орды и будто и письмомъ тую свою ассекурацію утвердилъ. Я убо безъ именного в. ц. в—ства указу не знаю яко тымъ суккурсамъ желаніе его г-на гетмана великого исполнить. Понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустыни не токмо сѣна но и соломы невозможно достать, а отъ Случи до Львова мало не тое же чинится для консистенціи войскъ обозовыхъ коронныхъ. И если въ такую далекую сторону 6000 выборнаго войска пошлю, то подлинно в нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу отъ коней отпадутъ и пѣши поприходятъ (Ibid. Письмо Мазепы 6 февр.).

*) ... понеже тамъ около Быхова многіе корогвы войска литовскаго приближаются и волочатся, которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ что думаютъ и какимъ намѣреніемъ тамъ собираются, и если бъ оные, изъявляя сокровенную свою внутреннюю вражду, похотѣли нечаянное на полки моего регимента учинить нападеніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнѣе будетъ уступить и припертися для оборонительнаго отпору къ своимъ городамъ, гдѣ я скорѣе бы войсками регименту моего подалъ помощь (Ibid. 1708 г. Письмо марта 9).

лаясь на объявленную волю царя. Мазепа все отговаривался неполученіемъ окончательнаго царскаго указа и Сенявскій писалъ къ царю, представлялъ доводы, что одна Бѣлая Церковь безъ территоріи не достаточна, и, жалуясь на малороссійскаго гетмана, просилъ приказать ему исполнить царскую волю объ отдачѣ Украины *). Мазепа, напротивъ, писалъ, что опасно посылать козацкое войско подъ команду ляхамъ, потому что они коварны **). Спустя немного времени, Сенявскій потребовалъ уже не шесть, а десять тысячъ козаковъ ему «въ сикурсъ» и сверхъ того желалъ, чтобъ и самъ гетманъ Мазепа съ остальными козацкими силами шелъ къ нему къ Дубно, потому что противъ Сенявскаго шли военныя силы Станислава. Царь приказывалъ Мазепѣ исполнить требованіе Сенявскаго, потому что долженъ былъ содѣйствовать польскому войску, которому давалъ субсидію [4]). Мазепа долженъ былъ снарядить на помощь къ Сенявскому отрядъ козаковъ подъ начальствомъ кіевскаго полковника Мокіевскаго [5]); но вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа не переставалъ увертываться и выдумывать всякіе способы, чтобъ, исполняя царскую волю, не дѣйствовать наперекоръ своимъ тайнымъ замысламъ.

Мазепа писалъ Головкину, что получилъ «пересторогу» отъ нѣкоторыхъ поляковъ, преданныхъ царю, что непріятели намѣрены вторгнуться въ Украину, а Сенявскій колеблется и подумываетъ пристать къ шведской сторонѣ. «Быть-можетъ,—писалъ Мазепа,—Сенявскій нарочно замыслилъ отвлечь отъ меня 10.000 козаковъ, чтобы раздѣлить мои силы и открыть непріятелю нашему путь въ Украину». Мазепа повторялъ опасенія и со стороны сераскира и со стороны Запорожья: тамъ, подъ покровительствомъ запорожцевъ, которыхъ въ своемъ донесеніи онъ честилъ «псами», стекается разный сбродъ изъ Гетманщины, Слободской Украины, Польши и Волощины,—люди готовые на всякое воровство и своеволіе [6]). Все это, по видимо-здра-

*) ... Господинъ гетманъ Мазепа указы в. в—ства паче разсказами нежели самымъ дѣломъ исполняетъ, отсрочивая сикурсъ, который нынѣ зѣло былъ бы потребенъ къ разорванію силъ непріятельскихъ, въ чемъ не жалуясь на персону его м—сти, дерзаю просить в. в—ство о дѣйствительномъ къ нему указѣ и объ отданіи Украины (Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г., мартъ. Подл.).

**) ... ляхи повидимому аще теперь и являются быти вѣрными обаче внутрь сокрываютъ что невозможно того проникнути (Ibid.).

[4]) Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кн. № 8.

[5]) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г., апрѣль. Подлин..

[6]) Ibid.

вымъ соображеніямъ гетмана, не допускало удалять его съ войскомъ изъ Украины. Сенявскій ни за что не хотѣлъ брать Бѣлой Церкви и вводить туда польскаго гарнизона, домогаясь непремѣнно отдачи ея территоріи. Но Мазепа всѣми силами старался убѣдить царя, что если отдать Бѣлую Церковь съ уѣздомъ и дозволить тамъ стоянку польскихъ военныхъ силъ, то между поляками съ одной стороны и съ другой—бѣлоцерковскими козаками, а за ними и всѣми обывателями правобережной Украины начнется междоусобная драка. Это казалось чрезвычайно основательнымъ, судя по недавнимъ еще событіямъ, и притомъ все это сходилось съ тогдашними намѣреніями, возникшими у Петра. У царя велись тогда тайные переговоры съ королемъ Августомъ; царь пытался побудить Августа появиться въ Польшѣ и своимъ прибытіемъ поддержать противниковъ Станислава; поэтому Петръ воспользовался предостереженіями Мазепы, отложилъ до возвращенія Августа отдачу Польшѣ правобережной Украины, задержалъ движеніе Мазепы съ малороссійскими военными силами на Волынь къ Сенявскому и, наконецъ, выдачу обѣщанной денежной субсидіи на польское войско [7]). Подозрѣніе на Сенявскаго, которое набрасывалъ царю Мазепа, подтверждалось извѣстіями и изъ другаго пути. Царскій резидентъ, состоявшій тогда при Сенявскомъ, доносилъ царю, что этотъ панъ, въ минуты откровенности, высказывался такъ: «если придутъ такія обстоятельства, что мнѣ невозможно будетъ держаться царской стороны, то я отступлю къ противной сторонѣ, только *шельмой* никогда не буду, а заранѣе объявлю объ этомъ прямо» [8]). По извѣстію шведскаго историка [9]), Сенявскій въ это время сильно колебался и уже склонился было на сторону Станислава подъ вліяніемъ убѣжденій французскаго посланника маркиза де-Бонака, но потомъ опять отвернулся въ противную сторону. Причиною такого колебанія было то, что союзъ съ Петромъ щекоталъ честолюбивыя надежды Сенявскаго — сдѣлаться самому королемъ [10]), а его жена, черезъ посредство другихъ лицъ, искала милости у Станислава «про запасъ», чтобъ имѣть возможность пристать къ нему тогда только, когда уже станетъ

---

[7]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе царю Головкина 9 мая.

[8]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. Польскія Дѣла.

[9]) *Nordberg*, II, 210.

[10]) Ibid., стр. 226.

ясно, что царскія дѣла пойдутъ худо [11]). Польскіе паны въ то время такъ легко переходили съ одной стороны на другую, что никакихъ соображеній нельзя было составлять заранѣе ни о комъ: малѣйшее что-нибудь, манившее выгодою, или устрашавшее опасностію, располагало польскаго пана пристать къ той сторонѣ, которой онъ только-что предъ тѣмъ былъ противникомъ, и измѣнить той, которой недавно клялся въ вѣрности. Такъ въ эту пору братья Любомирскіе—обозный и подкоморій, открыто ставшіе за Станислава, теперь обращались къ царскимъ министрамъ, изъявляли «униженность» и охоту служить общимъ интересамъ, прося возвратить свою маетность Лабунь, захваченную Меншиковымъ [12]). Съ Сенявскимъ могло быть что-нибудь подобное въ обратномъ смыслѣ.

Мазепа бросалъ подозрѣніе на Сенявскаго, выставляя свою вѣрность царю; но и Сенявскій не оставался въ долгу и бросалъ предъ царемъ подозрѣнія на Мазепу. Въ апрѣлѣ, жалуясь, что, вопреки царскому обѣщанію, Мазепа не отдаетъ Украины и самъ не идетъ съ войскомъ къ Дубно, онъ сказалъ русскимъ резидентамъ Украинцеву и Дашкову: «охъ, смотрите, какъ бы гетманъ вашъ не имѣлъ со шведскимъ королемъ и съ Лещинскимъ тайнаго согласія!» Разомъ стольникъ Кантакузинъ сообщилъ Мазепѣ, что посланецъ турецкій, ѣздившій въ Польшу къ Станиславу и къ шведскому королю, слышалъ, какъ Станиславъ хвалился, что у него есть друзья въ Москвѣ, гетманъ съ Украиною съ нимъ за-одно и станетъ помогать ему противъ Москвы, когда Порта пошлетъ въ помощь Станиславу орду. Самъ Мазепа сообщилъ о такихъ слухахъ на счетъ себя Головкину и приписывалъ такую клевету противъ него сераскиру, который хочетъ затянуть Порту въ войну противъ русскаго царя. Въ маѣ ѣздилъ къ Сенявскому отъ Мазепы войсковой канцеляристъ Максимовичъ и съ нимъ Сенявскій прислалъ Мазепѣ какое-то письмо, «писанное невѣдомо отъ кого и до кого»: въ этомъ письмѣ желали склонить Сенявскаго къ переходу на сторону Станислава и указывали, какъ на примѣръ, что гетманъ Войска Запорожскаго уже къ нему склонился [13]). И объ этомъ Мазепа тотчасъ самъ извѣстилъ Головкина, признавалъ такое письмо произведеніемъ «адгерентовъ» шведскихъ, которые другъ съ другомъ ссорятся

---

[11]) Арх. Ин. Дѣлъ. Польскія Дѣла 1709 г.

[12]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., мартъ. Подлинн.

[13]) Ibid., 23 мая.

и его, невиннаго, въ свои дрязги мѣшаютъ. Мазепа горько жаловался, что клеветники не даютъ ему покойно окончить въ старости дней своихъ, и увѣрялъ, что гетманское званіе доставляетъ ему только муку *). Головкинъ, успокоивая «добраго» старика, писалъ къ нему: «Много такихъ разсѣянныхъ бездѣлицъ бываетъ не на одного васъ, но и на иныхъ многихъ вѣрныхъ слугъ царскаго величества; нечего тому вѣрить, ибо непріятели всегда для своей пользы ложь на вѣрныхъ сплетаютъ, дабы тѣмъ своихъ единомысленниковъ увеселить».

Сенявскій, долго домогавшійся всей правобережной Украины, въ маѣ отнесся къ русскому правительству съ готовностію взять одну Бѣлую Церковь съ ея уѣздомъ. Головкинъ по этому поводу писалъ къ гетману Мазепѣ, что это дѣло оставляется на его собственное усмотрѣніе: если гетманъ надѣется, что отдача Бѣлой Церкви не произведетъ волненія во всемъ малороссійскомъ народѣ, то можетъ исполнить требованіе Сенявскаго, а въ противномъ случаѣ можетъ подождать [14]).

Такимъ образомъ Мазепа успѣлъ-таки поставить дѣло съ поляками такъ, какъ ему было нужно до поры до времени. Онъ держалъ царя въ подозрѣніи относительно поляковъ, не шелъ самъ въ Польшу на помощь противникамъ Станислава, не посылалъ ужь туда болѣе козаковъ, не отдавалъ и Бѣлой Церкви Сенявскому, а стоялъ обозомъ у Бѣлой Церкви, куда перенесся изъ Хвастова еще 27 марта по причинѣ скудости въ конскихъ кормахъ. Стоя подъ Бѣлою Церковью, какъ будто дожидаясь дальнѣйшаго царскаго указа, Мазепа отправлялъ по царской волѣ козацкіе отряды въ другую сторону.

На Запорожьи появился предводитель донцовъ и украинныхъ удальцовъ Московскаго государства, Кондратій Булавинъ. Сначала

---

*... Благодарю Бога моего, что грѣхъ ради моихъ наказуетъ мя отовсюду скорбями, напастьми и клеветами, бѣдами и неудобоносимыми печалями, которыя въ крайней моей немочи и ослабѣлой старости превосходятъ мои силы и не даютъ мнѣ спокойно сего уже короткаго житія докончить, но прежде времени въ гробъ женутъ! Богдай бы того никогда уряду гетманокого не зналъ, на которомъ отъ начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанныя напасти и внутрь отъ своихъ знаемыхъ и лжебратій и извнѣ отъ чужестранныхъ терплю. Прошу вашей вельм—сти, сотвори милость съ ближнимъ своимъ горѣе нежели въ разбойники впавшимъ и милосердствуя о мнѣ, подаждь въ тяжкихъ печалѣхъ желаемую отраду, да не скончаюся безвременно (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г., май).

[14]) Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кн. № 8. Письмо Головкина.

онъ заложилъ свой станъ въ урочищѣ Кленковѣ, на рѣкѣ Калміусѣ; къ нему набралось тамъ до 9.000 всякаго рода «гультаевъ»; донцовъ было съ нимъ до тысячи человѣкъ [15]). Оттуда Булавинъ прибылъ въ Сѣчу, принесъ письмо отъ донскаго козацкаго войска къ низовому запорожскому и сталъ возбуждать запорожцевъ идти вмѣстѣ съ донцами на Русь—бить бояръ, прибыльщиковъ, дворянъ и подъячихъ. Три раза собиралась въ Запорожьѣ рада. «Молодята» (т.-е. не долго еще жившіе въ Сѣчѣ) вошли въ задоръ и подняли обычный крикъ: идти бить арендарей и пановъ за то, что Украиною завладѣли. «Старики» удерживали ихъ и представляли, что въ то время никакъ нельзя было начинать такого похода: первое, оттого, что зима была теплая и рѣки не совсѣмъ замерзли; второе, въ Москву посланы были ихъ товарищи и могли тамъ пропасть, если Запорожье пристанетъ къ мятежу. Дозволили Булавину жить въ Кодакѣ, но не дозволяли приглашать татарскую орду [16]). Это происходило въ срединѣ зимы. Мазепа отправилъ въ Сѣчь батуринскаго сотника съ приказаніемъ выдать Булавина. Сначала рада рѣшила исполнить требованіе гетмана, но на другой день пьяницы и «гультаи» взяли верхъ надъ стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что издавна въ Сѣчу воленъ всякому приходъ и Сѣчь никогда никого не выдавала. Булавину, однако, послали въ Кодакъ приказаніе жить смирно, распустить всякое гультайство и не затѣвать ничего противнаго государю [17]). Но вслѣдъ затѣмъ въ Сѣчѣ произошелъ переворотъ: смѣнили кошеваго, избрали Костю Гордѣенка, «древняго вора и бунтовщика», какъ его называлъ въ своихъ донесеніяхъ Мазепа. Напрасно отъ гетмана приходили одно за другимъ требованія выдать, или, по крайней мѣрѣ, прогнать Булавина. Онъ продолжалъ сидѣть въ Кодакѣ и оттуда разослалъ 260 агентовъ въ украинныя страны Московскаго государства и на Донъ съ возмутительными грамотами [18]). Онъ возбуждалъ донцовъ тѣмъ, что «дѣды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось крѣпко, а нынѣ злые бояре и нѣмцы козаковъ ругаютъ и оскорбляютъ, жгутъ и казнятъ жестоко и старое поле переводится ни во что». Онъ, Булавинъ, возстаетъ за это старое поле и съ нимъ за

[15]) Арх. Юст., кн. 104, л. 128 и 173.
[16]) Ibid., л. 174 и далѣе.
[17]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., январь. Подлинн.
[18]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, кн. № 8.

одно всѣ запорожскіе козаки и бѣлгородская орда. Онъ даетъ такой приказъ войску донскому и всѣмъ городамъ украиннымъ: со всѣхъ станицъ половина жителей пусть идетъ къ нему, а половина остается дома. Всѣхъ начальныхъ и простыхъ черныхъ людей посадскихъ и волостныхъ, въ селахъ и деревняхъ украинныхъ городовъ, возбуждалъ онъ истреблять дворянъ, прибыльщиковъ, нѣмцевъ, но уговаривалъ между собой отнюдь не заводить вражды, никого безвинно не оскорблять подъ страхомъ смертной казни, всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ освободить и всѣмъ вездѣ устроиться по козацкому обычаю въ десятки, выбравъ атамановъ и асауловъ. При новомъ кошевомъ уже не только не запрещали Булавину приглашать татаръ, но рѣшали, что когда къ Булавину пристанутъ бѣлогородскіе татары, горскіе черкесы и калмыки, тогда и запорожцы не задумаются идти на великорусскіе городы [19]). Булавинъ переправился черезъ Днѣпръ, сталъ на урочищѣ Вороное и оттуда кликнулъ кличъ: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! кто похочетъ съ походнымъ военнымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко поѣсть да попить, на добрыхъ коняхъ поѣздить— пріѣзжайте къ нему въ вершины самарскія!» [20]).

Мазепа съ своей стоянки подъ Бѣлою Церковью отправилъ противъ Булавина полтавскаго полковника Левенца и охотнаго полковника Кожуховскаго; но въ то же время писалъ Головкину, что не слишкомъ-то довѣряетъ искренности и вѣрности посланныхъ козаковъ *). Безъ сомнѣнія, посылая войско противъ Булавина, Мазепа и здѣсь принужденъ былъ поступать наперекоръ своимъ истиннымъ тайнымъ намѣреніямъ. Естественно, ставши сторонникомъ Карла и Станислава и врагомъ Петра, онъ долженъ былъ для цѣлей своихъ тайныхъ союзниковъ находить подходящими всякія смуты и безпорядки въ царской державѣ.

Однако посылка козацкихъ полковниковъ сдѣлала свое дѣло. Булавинъ ушелъ **) и перебрался въ украинныя страны Москов-

---

[19]) Ibid., отд. II, кн. № 7.

[20]) Ibid., отд. II, кн. № 7. Письмо Долгорукаго.

*) ... если пристали къ Булавину своевольные запорожцы, то какъ воронъ ворону глаза не выклюнетъ, такъ и козакъ на козака сильно наступать не будетъ, а чтобъ къ онымъ козакамъ приданы были великороссійскія войска, понеже при нихъ лучше будутъ козаки служить (Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая).

**) ... для промыслу, надъ нимъ ординоваленъ полкъ Полтавскій и полкъ

скаго государства. Онъ установился съ своею вольницею въ Пристанномъ городкѣ на Хопрѣ, взволновалъ городки по рѣкамъ: Хопру, Битюгу, Медвѣдицѣ, Гайдарѣ и Сѣверному Донцу. Весь этотъ край, не съ давняго времени населенный бѣглою вольницею, сталъ тянуть къ Донскому Войску. Булавинъ изъ Пристаннаго грянулъ на Черкасскъ, убилъ атамана Лукьяна Максимова и былъ провозглашенъ атаманомъ всего козачества. Не малую надежду полагалъ онъ на Запорожье, а главное — на множество гультаевъ, скоплявшихся тамъ изъ Гетманщины и слободской Украины, только того и алкавшихъ, чтобы ворваться «въ городы» и расправляться тамъ съ зажиточными людьми, владѣльцами дворовъ и земельныхъ угодій. Въ концѣ мая Булавинъ, овладѣвши Черкасскомъ, съ нѣсколькими тысячами удальцовъ прибылъ въ Бахмутъ и оттуда послалъ въ Сѣчь свой новый «прелестный» универсалъ. Онъ извѣщалъ, что князь Василій Долгорукій съ московскими ратными людьми пришелъ истреблять все козачество, побить старыхъ и малыхъ и сжечь всѣ козачьи городки. Онъ извѣщалъ, что, въ ожиданіи такой бѣды для всего козачества, Войско Донское призываетъ всѣхъ обитателей береговъ Дона, Медвѣдицы, Хопра, Гайдара, Сѣвернаго Донца, Днѣпра и всѣхъ его «запольныхъ» (впадающихъ въ Днѣпръ) рѣчекъ, гдѣ только обрѣтается козачій присудъ,—подниматься и идти противу грозящаго всѣмъ врага, «чтобы всѣ козачьи рѣки оставались по прежнему, какъ было тамъ козачество, и чтобы между всѣми козаками было побратимство» [21]). Сборное мѣсто назначено подъ Ямполемъ *). Воззванія Булавина надѣлали болѣе крика и шума, чѣмъ оказали ему помощи на дѣлѣ. Въ Сѣчѣ, въ Кодакѣ и разныхъ степныхъ притонахъ кричали, что надобно идти разорять и убивать всѣхъ значныхъ и богатыхъ людей. Въ самой Запорожской Сѣчѣ 13 мая была шумная рада. Удалыя и горячія головы сперва взяли верхъ. Но пріѣхавшіе изъ Кіева монахи вынесли изъ сѣчевой церкви крестъ и евангеліе и успѣли уговорить часть козаковъ [22]). Послѣ того хотя запорожцы и приставали къ Булавину, но отдѣльными ватагами, человѣкъ въ нѣсколько сотъ въ каждой.

компанейскій, о которыхъ сближенюся къ Самарѣ онъ бунтовщикъ увѣдавъ скать перестороженый отъ пасѣчниковъ увойшелъ, остава куренѣ токмо и невѣдомо куды зъ гультайствомъ своимъ удалился (Ibid).

[21]) Арх. Юст., кн. 104, л. 188.

*) Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

[22]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 7.

Такъ, напримѣръ, 30 мая пошло къ нему 300 удальцовъ съ красными кумачными знаменами [23]), а 9 іюня отправилась къ нему другая партія—500 пѣшихъ человѣкъ [24]). Но самъ Булавинъ повредилъ себѣ тѣмъ, что раздѣлилъ свои силы. Онъ отправилъ одинъ отрядъ своихъ козаковъ въ 5.000 чел. къ Азову, а другіе два, подъ начальствомъ единомышленныхъ своихъ атамановъ, Дранаго и Голаго, на западъ для привлеченія къ себѣ жителей и умноженія силъ своихъ. Голый, въ отрядѣ котораго было тысячи полторы запорожцевъ, удачно расправился съ слободскимъ Сумскимъ полкомъ. Булавинцы напали на него въ расплохъ на берегу рѣки Уразовой *), убили всѣхъ старшинъ и самого полковника Андрея Герасименка, взяли весь обозъ [25]). Другіе предводители—Семенъ Драный и Безпалый—двинулись къ Ямполю, гдѣ назначено было сборное мѣсто, но ихъ не допустили бригадиръ Шидловскій и полковникъ Кропотовъ: съ этими послѣдними дѣйствовали посланые гетманомъ полковники полтавскій и компанейскій, которыхъ, послѣ ухода Булавина съ урочища Вороное, гетманъ прикомандировалъ къ маіору гвардіи князю Долгорукому [26]). Полтавскій полковникъ приказалъ заранѣе вывести изъ городковъ Тора **) и Маяковъ ***) всѣ козацкія семьи въ Изюмъ, чтобы не допустить торскихъ и маяцкихъ козаковъ пристать къ мятежу [27]). У Кривой Луки ****), недалеко отъ Тора, встрѣтилъ онъ идущаго Дранаго, съ которымъ было до пяти тысячъ донцовъ и 1.500 запорожцевъ. Бой былъ жестокій, продолжался пять часовъ—три часа дня и два часа ночи—и кончился совершеннымъ пораженіемъ мятежниковъ. Драный палъ въ битвѣ. Многіе потонули въ Сѣверномъ Донцѣ. Запорожцы ушли въ Бахмутъ. Шидловскій тамъ ихъ осадилъ. Запорожцы сдавались, прося пощады, но ихъ не слушали и истребили,—Бахмутъ былъ сожженъ [28]).

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Булавинъ самъ стоитъ при

[23]) Арх. Юст., кн. 104, л. 220.
[24]) Ibid., л. 238.
*) Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда.
[25]) Ibid., л. 238.
[26]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая.
**) Нынѣ Торская слобода Купянскаго уѣзда, при рѣкѣ Жеребцѣ.
***) Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.
[27]) Арх. Юст., кн. 104, л. 188.
****) Слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.
[28]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, № 18; отд. II, № 7.—Арх. Юст., кн. 104, л. 260.

урочищѣ Деркулѣ *). Противъ него пошли полковники полтавскій и компанейскій и вступили въ бой съ «чатою» (высланнымъ передовымъ отрядомъ) въ 800 человѣкъ. Мятежники были разбиты [29]). Булавинъ поспѣшно ушелъ къ тому отряду козаковъ, который онъ еще прежде изъ Черкасска отправилъ къ Азову, но тамъ пришелъ ему конецъ. Онъ покусился ворваться въ Матросскую и Плотничью слободы, прилегавшія къ городу Азову; три часа была жестокая битва противъ четырехъ ротъ солдатъ; изъ крѣпостей Азовской и Петровской гремѣли пушечные выстрѣлы. Козаки держались упорно; наконецъ, были прогнаны, 423 изъ нихъ пало въ битвѣ, 400 утонуло во время бѣгства, 60—попалось въ плѣнъ. Солдаты овладѣли однимъ знаменемъ, побрали лошадей, достали много панцырей съ убитыхъ [30]). Булавинъ со срамомъ привелъ въ Черкасскъ остатки разбитыхъ. Тамъ поднялъ противъ него бурю атаманъ Зерщиковъ, его единомышленникъ и вмѣстѣ соперникъ. По наущенію этого человѣка, козаки стали кричать, что Булавина слѣдуетъ убить за то, что онъ погубилъ войско. Булавинъ, съ небольшимъ кружкомъ вѣрныхъ его совѣтниковъ, убѣжалъ въ свой курѣнь. Козаки принялись доставать его изъ курѣня. Булавинъ, защищаясь, успѣлъ застрѣлить двоихъ изъ своихъ враговъ, но увидѣлъ, что ему никакъ нельзя отбиться... Его воображенію предстали страшныя муки казни, которая его ожидала, еслибы козаки его взяли и выдали, и онъ пустилъ себѣ въ лѣвый високъ пулю изъ пистолета. Козаки переловили его совѣтниковъ, въ числѣ которыхъ былъ братъ Булавина и сынъ Дранаго. Ихъ всѣхъ посадили на цѣпь, потомъ выдали азовскому губернатору Толстому. Тѣло Булавина отправлено было въ Азовъ: голову отсѣкли и отдали врачамъ сохранить ее на-показъ, а туловище, уже смердящее, было повѣшено за ноги на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило нападеніе на Азовъ [31]).

Возстаніе въ украинныхъ городахъ продолжалось еще до конца 1708 года и было угашено княземъ Долгорукимъ посредствомъ самыхъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ мѣръ. Левенецъ, Кожуховскій и сотники ихъ полковъ, числомъ 21, получили въ награжденіе по парѣ соболей и по объяринному кафтану за по-

*) Нынѣ слобода Старобѣльскаго уѣзда, при рѣкѣ Деркулѣ.

[29]) Арх. Юст., кн. 104, л. 250.

[30]) Ibid., л. 260.

[31]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, № 18; отд. II, № 7.

бѣду при Деркулѣ, подготовившую полное пораженіе мятежника [32]). Но Мазепа не совсѣмъ одобрительно отозвался о полтавскомъ полковникѣ *).

Въ концѣ мая гетманъ получилъ отъ Ленчинскаго, польскаго короннаго подскарбія, увѣдомленіе, что ему не-зачѣмъ будетъ идти внутрь Польши. Мазепа сообщалъ, что по его соображеніямъ слѣдуетъ воротиться въ Украину и беречься съ одной стороны внутреннихъ смятеній въ краѣ **), а съ другой—помощи врагамъ изъ Турціи. Посолъ гетманскій Згура ѣздилъ въ Бендеры къ сераскиру «съ комплиментомъ» и тамъ подлинно узналъ, что сторонникъ Станислава Лещинскаго, панъ Тарло, домогался въ Бендерахъ черезъ сераскира получить отъ Порты въ помощь хотя немного орды [33]). Этотъ Згура родомъ грекъ, близкій совѣтникъ Мазепы, впослѣдствіи явился однимъ изъ участниковъ измѣны гетмана, а потому вѣроятно, доставляя пугливыя реляціи, на самомъ дѣлѣ ѣздилъ къ сераскиру вовсе не съ такими полезными для царя видами, какъ о немъ показывалъ гетманъ въ своихъ донесеніяхъ Головкину. Панъ Тарло отъ 9 іюня писалъ гетману письмо, убѣждалъ пристать на сторону шведскаго короля и Станислава и увѣрялъ именемъ обоихъ королей, что Войско Запорожское и весь украинскій народъ будутъ оставаться при своихъ старинныхъ правахъ и вольностяхъ съ пріумноженіемъ новыхъ, лишь бы только гетманъ, освободившись отъ тиранской власти, возвратился къ своему наслѣдственному государю и къ общей матери—Рѣчи Посполитой.

Мазепа это письмо препроводилъ Головкину и испрашивалъ приказанія государя, какъ ему поступить. Царь приказалъ гетману дать отвѣтъ Тарлу по своему усмотрѣнію. Тогда Мазепа отъ 23 іюля отвѣчалъ Тарлу въ такомъ смыслѣ, что невозможно отклонить его, гетмана, отъ вѣрности своему государю, и притомъ украинскій народъ никогда не захочетъ соединяться съ поляками, испытавши отъ нихъ много несчастій ***). Мазепа при-

---

[32]) Арх. Юст., кн. 104, л. 250.

*) ... а полковникъ полтавскій издревле есть непостояненъ и въ ближайшемъ съ запорожцами сосѣдствѣ пребывая, всегда однимъ духомъ съ запорожцами дышетъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. мая 30. Донесеніе Мазепы).

**) ... опасно чтобъ въ обозѣ роптаніе, смятеніе и бунтъ непостоянныхъ и малодушныхъ не произошелъ, или въ городахъ безъ полковниковъ и сотниковъ не начинали якого бунту (Ibidem).

[33]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина.

***) ...не могутъ мене никогда ни стрѣлы, ни огонь розлучить отъ любви пресвѣтлѣйшаго всемилостивѣйшаго государя моего, котораго святобливымъ пред-

поминалъ пану Тарлу, какъ еще въ недавнія времена кіевскій воевода Потоцкій расправлялся съ возставшимъ народомъ: жолнѣры отнимали отъ матерней груди невинныхъ малютокъ и втыкали на копья, бросали ихъ въ ямы и душили огнемъ, загоняли въ избы женщинъ и сожигали *). Мазепа вспомнилъ, какъ принуждали народъ къ уніи, какъ отдавали жидамъ-арендаторамъ право распоряжаться христіанскими таинствами **). Мазепа говорилъ, что «золотая вольность», которою такъ хвастались поляки, превращается у нихъ въ «желѣзное самовольство». Мазепа обличалъ суетность обѣщаній вольностей малороссійскому народу, когда Станиславъ, котораго поляки называютъ своимъ королемъ, самъ не болѣе какъ невольникъ шведскаго короля. Мазепа объявлялъ польскому пану, что Украинѣ подъ царскимъ скипетромъ вовсе не худо ***), и потому никакія обѣщанія благъ, никакія ласкательства не въ силахъ ни теперь, ни впредь отвести малороссійскій народъ отъ русскаго царя и его наслѣдниковъ ****). Въ заключеніе, на просьбу Тарла объ отпускѣ Воль-

---

камъ пресвѣтлѣйшимъ царемъ московскимъ и его царскому величеству одиножды во все со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ вѣру присягалъ и оную свято содержати долженъ есмь по праву совѣсти... напрасный вашъ трудъ, непотребные заводы, ненадежные надежды и ожиданія суть; понеже въ тихъ своихъ вертоглавныхъ дѣйствахъ напрасно чрезъ толь многіе годы трудитеся, ибо первѣе на землѣ звѣзды будутъ, небо же сохою орано, нежели Украина мѣла бы когда возвратитися къ Коронѣ польской и народъ козацкій отъ вѣковъ къ польскому имѣющій ненависть, съ Рѣчью Посполитою соединенъ имѣлъ быть; покамѣстъ свѣтъ стоитъ свѣтомъ, не будетъ козакъ поляку братомъ, ожегшися на водѣ побратимства лядскаго (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин., іюль).

*) ...безъ всякой пощады обоего пола и вѣку пролитая кровь чрезъ Потоцкого воеводу кіевскаго, который по Украинѣ невинныхъ дѣтей отъ грудей отнимая жолнѣрамъ велѣлъ на копья втыкать и въ яму побросавъ огнемъ душить, женщинъ въ избы загнавъ жечь (Ibid).

**) ...вольный народъ къ проклятой уніи принуждаете, которая не соединяетъ, а разлучаетъ, вольное отправленіе вѣры запрещаете, святыми Тайнами, крещеніемъ, супружествомъ, жидамъ волно располагать допущаете и оные тому народу на аренду запродаете, и они имѣя въ своемъ управленіи Тайны, потамѣстъ крестить дѣтей и вѣнчать священникамъ не дозволяли, покамѣстъ арендаря не удоволствовано, и часто прилучалося что тотъ ехидникъ зъ прирождаемой ку христіанамъ ненависти для вящшихъ своихъ прихотей вѣнчаніе и дѣтей крещеніе продолжалъ, отчего многіе дѣти умерли безъ крещенія... (Ibid).

***) ...вольные есмы отъ всѣхъ податей, обогачены доволными маетностями, вѣра святая насъ съ храбрымъ народомъ московскимъ соединяетъ и церкви Божіи повседневно прибавляются: какой еще вольному народу больше надобно вольности... (Ibid).

****) ...хотя бы оному землю плывущую млекомъ и медомъ давали, не прель-

скаго, присланнаго къ Мазепѣ отъ Станислава еще въ 1705 г., Мазепа отвѣчалъ, что этого человѣка онъ не отпуститъ, потому что онъ достоинъ висѣлицы.

Поступокъ съ письмомъ Тарла и отвѣтъ послѣднему, присланный въ копіи Головкину, конечно должны были показаться московскому правительству новымъ доказательствомъ непоколебимой вѣрности гетмана и лживости всякихъ на него доносовъ. Замѣтимъ только, что для насъ нѣтъ доказательства, что именно такой отвѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ посланъ Мазепою, но во всякомъ случаѣ правительство другого не знало. Между тѣмъ тогда уже возникъ и разбирался доносъ самый крупный въ ряду всѣхъ доносовъ, которые въ продолженіе гетманства Мазепы сыпались на него такъ обильно. То было дѣло Кочубея, окончившееся въ то самое время, когда Мазепа велъ приведенную нами переписку съ Тарломъ.

Мазепа и Кочубей, какъ уже видѣли мы прежде, были издавна близкими пріятелями. Нѣкогда они служили вмѣстѣ у Дорошенка, потомъ—у Самойловича и вмѣстѣ выкапывали яму, въ которую удалось имъ свалить Самойловича. Послѣ того, какъ Мазепа сталъ гетманомъ, нѣсколько лѣтъ господствовало между ними согласіе; по крайней мѣрѣ можно это заключить изъ того, что гетманъ сочеталъ своего племянника Обидовскаго съ дочерью Кочубея Анною и самому Кочубею исходатайствовалъ у царя жалованныя грамоты на маетности. Кочубей былъ долго въ чинѣ генеральнаго писаря, потомъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею, что составляло повышеніе въ козацкомъ урядѣ. Есть отрывочныя извѣстія, что между ними бывали временныя неудовольствія; самъ гетманъ, послѣ того, какъ уже разсорился съ Кочубеемъ, вспоминалъ въ письмѣ къ нему, что въ теченіе 16 лѣтъ прощалъ ему какіе-то проступки [34]). Но событіе, положившее между ними роковую вражду, наступило въ 1704 году.

Мазепа отъ молодости до глубокой старости былъ большой женолюбецъ. Его супруга скончалась въ 1702 году. У Кочубея была красивая дочь по имени «Мотря» (Матрена), крестница гет-

---

стятъ его никакія ласкательства и не отведутъ не токмо нынѣ, но и впредь отъ неосиленнаго защищенія пресвѣтлѣйшаго царскаго величества всемилостивѣйшаго государя и непобѣдимыхъ наслѣдниковъ его въ которомъ себѣ лучшую часть избра... Того ради не належитъ того желать, чего получить невозможно... (Ibid).

[34]) Чтенія М. О. И. и Д. 1859 г., т. I., стр. 131.

манская. Существуютъ свидѣтельства, что Мазепа дѣлалъ ея родителямъ предложеніе, но получилъ отказъ, такъ какъ бракъ между нимъ и Мотреею былъ невозможенъ по уставамъ церкви. Тотъ же Мазепа «подговаривалъ» Мотрю черезъ своего служителя Демьяна... но намъ неизвѣстно—прежде ли такихъ «подговоровъ» было сватовство его, или же послѣ, и сватать ее онъ началъ только послѣ того, какъ не успѣлъ соблазнить безъ брака. Какъ отецъ Мотри смотрѣлъ на сватовство гетмана,—показываетъ то негодованіе, съ какимъ онъ относился объ этомъ въ своемъ донесеніи государю *).

Какъ бы то ни было, но, по извѣстію Кочубея, 2 декабря 1704 года Мазепа, находясь въ Бахмачѣ, послалъ своего служителя Демьяна въ Батуринъ къ Кочубею со свѣжею рыбой на гостинецъ и далъ Демьяну тайное порученіе предложить Мотрѣ сначала три, потомъ десять тысячъ червонцевъ съ тѣмъ, чтобъ она пришла къ гетману. Мотря не соглашалась. Тогда Демьянъ отъ имени своего пана просилъ у нея прядь ее волосъ. Черезъ два дни, въ день Св. Николая, тотъ же Демьянъ явился снова и сталъ подговаривать Мотрю на свиданіе съ гетманомъ. Въ огородѣ ея отцовскаго двора была дыра въ частоколѣ: туда звали Мотрю для разговора съ гетманомъ... Нѣсколько разъ были къ ней подобныя подсылки. Старый грѣховодникъ просилъ ее прислать ему—то рубашку съ тѣла, то монисто съ шеи, посылалъ ей на гостинецъ какую-то книжечку и брилліантовый перстень **).

Между тѣмъ положеніе Мотри въ родительскомъ домѣ стало несноснымъ: ея мать, какъ изъ многаго видно, была женщина крутого и суроваго нрава. Уклоняясь отъ родительскихъ преслѣдованій, Мотря убѣжала къ Мазепѣ. Родители стали бить тре-

*) ...Егда же предастъ гробу жену свою, тогда новую изобрѣтаетъ на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертію прещаше дабы вторую дщерь мою дѣвицу ему же восприемлемую отъ св. крещенія духовную дщерь взяти могль въ супружество. Какую діавольскимъ дѣйствомъ возбудити мнѣ печаль, дабы азъ явленъ быхъ всея вселенныя законопреступный отецъ и маловѣрный христіанинъ, како бы желаніе свое исполнити зѣло о томъ мнѣ наспѣствуя и много шатаяся явѣ не возмогхъ (Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 125).

**) Моя сердечная коханая Мотроненько! Поклонъ мой отдаю вашей милости мое серденько, а при поклонѣ посылаю в. м. гостинца книжечку и обручикъ діаментовый, прошу тое завдячне приняти, а мене въ любви своей неотмѣнно ховати нѣмъ дастъ Богъ з лишшимъ привитаю. За тимъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькіе и всѣ члонки тѣлца твого бѣленкого, моя любенко коханая (Чт. И. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I. Дѣло Кочубея. Письма Мазепы, стр. 127—130).

вогу [а]). Мазепа не стерпѣлъ укоровъ Кочубея и отослалъ Мотрю къ родителямъ съ полковникомъ великороссійскаго отряда Анненковымъ, находившимся при гетманской особѣ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Мотри, просилъ не гнѣваться на него за то, что такъ поступилъ съ ней, иначе ея родители безславили бы его; сверхъ того и онъ и она не могли бы воздержаться и стали бы жить по супружески, а за это постигло бы ихъ неблагословеніе отъ церкви и потомъ она сама бы на него роптала [б]). Мазепа сносился съ Мотрею черезъ какую-то дѣвку Мелашку [в]), писалъ къ Мотрѣ разныя нѣжности, увѣрялъ, что никого такъ не любилъ какъ ее, скорбѣлъ о злобѣ ея родителей и просилъ не измѣняться къ нему въ любви, сообразно данному ею слову въ то время, когда отъ него выходила, а онъ вручилъ ей такой дорогой перстень, которому подобнаго другого у него не было [г]). Стараго гетмана безпокоило, что Мотря, какъ онъ узналъ, терпѣла отъ своей матери, которую онъ, по этому поводу, называлъ мучительницею [д]). Въ другомъ письмѣ онъ, сожалѣя, что

[а]) Азъ же (слова Кочубея) не могій что творити въ колоколъ ударяя, да всякъ видитъ бѣдство мое (Ibid. Дѣло Кочубея, 125).

[б]) ... Мое серденько! Зажурилемся почувши отъ дѣвки такое слово же в. м. за зле на мене маешъ и же в. м. при собѣ не задержалемъ але одослалъ до дому. Уважъ сама щобъ з того выросло. Першая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ розголосили же взявъ у насъ дочку у ночи кгвалтомъ и держитъ у себе мѣсто подложницѣ. Другая причина же державши в. м. у себе я бымъ не моглъ жадною мѣрою витримати да и в. м. такъ же: мусѣлибисьмо изъ собою жити якъ малженство кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе од церкви и клятва же бы намъ съ собою не жити. Где жъ бы я на тотъ часъ подѣлъ. И мнѣ бъ же чрезъ тое в. м. жаль, щобъ есь на-потомъ на мене не плакала (Чт. 1858 г., т. I, стр. 127.—*Бант. Кам.*: „Ист. М. Рос.“, т. III. Примѣч. стр. 31).

[в]) ...Посылаю теперь до в. м. Мелашку, щобъ о всѣмъ розмовилася съ в. м. не стережыся еѣ нѣ въ чемъ, бо есть вѣрная в. м. и менѣ во всѣмъ (Ibid).

[г]) ...Сама знаешъ якъ я сердечне шалене люблю в. м.; еще нѣкого на свѣтѣ не любивъ такъ. Мое бъ то счастье и радость, щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилко жъ я уважавъ якій конецъ с того можетъ бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенко, не одмѣняйся нѣ въ чомъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живу буду, тебе не забуду... Припомни тилко слова свои под клятвою мнѣ даніе, коли выходила еси з новою мурованого од мене коли далемъ тобѣ перстень діаментовій над которій найлѣпшого найдорогшого у себе не маю, же хочъ сякъ хочъ такъ будетъ, а любовь межи нами не одмѣнится (Ibid).

[д]) ...Тяжко зафрасовалемся почувши же тая катувка не перестаетъ в. м. мучити... (въ другомъ письмѣ)... Не маючи вѣдомости о поводженю в. м., чи вже перестали в. м. мучити и катовати (Ibid).

не можетъ подробно поговорить съ нею, даетъ ей совѣтъ идти въ монастырь *). Онъ порывался даже мстить своимъ врагамъ, которые его съ нею разлучали, и только связываетъ ему руки не кто иной, какъ она сама; впрочемъ онъ не станетъ больше терпѣть и учинитъ своимъ врагамъ такое мщеніе, какое она сама увидитъ **). Но видно, что старикъ замѣчалъ уже въ Мотрѣ охлажденіе къ себѣ, какъ показываютъ его письма, въ которыхъ онъ дѣлаетъ ей укоры и припоминаетъ обѣщанія вѣчной любви ***).

Мотря, находясь подъ строгимъ надзоромъ родителей, тайкомъ переписывалась съ гетманомъ и въ это время доходила до безумія—металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такія выходки вліянію чаръ ****). Кочубей писалъ къ гетману, не обличалъ его прямо, а только жаловался на судьбу свою: «дѣлалось ли подобное съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, которые живали при своихъ региментаряхъ чиновно и не чиновно! — выражался онъ. — Горе мнѣ мизерному и всѣми заплёванному! Обратилась въ грусть надежда моя найти себѣ въ дочери будущую утѣху! Омрачился свѣтъ очей моихъ; обошелъ меня кругомъ мерзостный студъ; не могу прямо смотрѣть людямъ въ лицо; срамъ и поношеніе окрываютъ меня передъ ближними и домашними! Всегда съ бѣдною супругою своею плачу отъ сокрушенія» [35]). Мазепа отвѣчалъ ему, что причиною его непріятностей—велерѣчивая жена

*) ...Тяжко болѣю на тое що самъ не могу зъ в. м. обширне поговорити що за отраду в. м. въ теперешнемъ фрасунку учинити... Коли они проклятіи твои тебе цураются, иди въ монастырь, а я знатиму що на той часъ зъ в. м. чинити (Ibid).

**) ...Богдай того Богъ з душею розлучитъ, хто насъ розлучаетъ! Знавъ бы я якъ надъ ворогами помститися тилко ти минѣ руки звязала... Прошу и велце мое серденько, якимъ колвекъ способомъ обачься зо мною що маю зъ в. м. далей чинити, бо южъ болшъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечне одомщеніе учиню, а якое: сама обачишъ!... (Ibid).

***) ...Вижу же В. М. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнею ко мнѣ. Якъ собѣ знаешъ: воля твоя, чини що хочешъ! Будешъ на потумъ того жаловати... Моя сердечне коханая, наймилшая, найлюбезнѣйшая Мотроненько! Впередъ смерти на себе сподѣвався нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которые мнѣ не поеднокротъ давала, же мене хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ, до смерти любити обѣщала (Чт. 1859 г., т. I, стр. 129).

****) ...егда не возмогъ лестію преклонися къ обаянію и чародѣянію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ еже дщери моеи возбѣситися и бѣгати, на отца и матерь плевати (Чт. Ibid., стр. 126).

[35]) Чт. М. О. И. и Д., стр. 131.

его, на которую надобно бы наложить мундштукъ, какъ на лошадь *). Онъ припоминаетъ Варвару великомученицу, убѣгавшую отъ злого отца **), совѣтуетъ Кочубею воздержаться отъ мятежническаго духа, угрожаетъ, что чрезъ его и жены его высокомѣріе онъ доживетъ до какой-нибудь бѣды ***). Кочубей въ своемъ письмѣ къ гетману намекнулъ о *блудѣ*; гетманъ прикинулся, какъ будто не понимаетъ этого, и отвѣчаетъ, что блудитъ вѣроятно самъ онъ, слушая жены своей, сообразно пословицѣ: «гдѣ хвостъ всѣмъ заправляетъ, тамъ голова блудитъ» ****).

Неизвѣстно, эта переписка между гетманомъ и Кочубеемъ, сохранившаяся въ дѣлѣ о Кочубеѣ, происходила ли тогда, когда Мотря убѣжала къ гетману и находилась въ его домѣ, или уже послѣ того, какъ гетманъ возвратилъ ее въ родительскій домъ. Исторія съ Мотрею происходила въ 1704—1705 годахъ. Дошедшія до насъ черты достаточно показываютъ съ одной стороны стараго развратника, прибѣгавшаго къ самымъ пошлымъ мѣрамъ соблазна, съ другой стороны—очень ограниченное женское существо. Впрочемъ, все семейство Кочубея не переставало пребывать какъ бы въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Мазепѣ и нѣсколько времени послѣ приключенія съ Мотрею. Кочубей, какъ генеральный судья, постоянно находился въ приближеніи у гетмана, участвовалъ съ нимъ въ пирушкахъ, происходившихъ въ гетманскихъ дворцахъ то въ Бахмачѣ, то въ Гончаровкѣ. Самъ гетманъ посѣщалъ по пріятельски Кочубея, пировалъ у него и велъ съ нимъ и съ его женою интимные разговоры, которые потомъ послужили въ числѣ матеріаловъ для доноса [36]). Когда гетманъ выступалъ въ походъ, то оставлялъ Кочубея, какъ генеральнаго судью, въ Батуринѣ вмѣсто себя наказнымъ гетманомъ, слѣдо-

---

*) ...рачій бы належало скаржитися на свою гордую велерѣчивую жену, которую якъ вижу не вмѣешъ, чи не можешъ повстягнути и предложити тое же ровній муништукъ якъ на конѣ такъ и на кобылы кладутъ (Чт., т. I. Дѣло Кочубея).

**) Утекала св. в.-м.-ца Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ не въ домъ гетманскій але въ подлѣйшее мѣстце межи овчари въ розсѣлины каменнія страха ради смертнаго (Ibid).

***) И если же зъ Бозского презрѣнія теды и всему дому твоему зготувалася якая пагуба, то не на кого иншого нарѣкати и плакати тилко на свою и женскую проклятую пиху (Ibid).

****) ... а що взменкуешъ въ томъ своемъ пашквильномъ писмѣ, того я не знаю и не розумѣю, хиба самъ блудишъ коли жинки слухаешъ, бо посполите мовятъ: „gdzie ogon rządzi tam pewnie głowa błądzi" (Чт., I, стр. 131).

[36]) Ibid., стр. 104.

вательно временнымъ хозяиномъ и правителемъ всей Украины. Такъ было въ 1706 и 1707 годахъ.

Въ одно изъ такихъ наказныхъ гетманствъ Кочубея, въ августѣ 1707 года проходили черезъ Батуринъ монахи Сѣвскаго Спасскаго монастыря, возвращавшіеся изъ Кіево-Печерской Лавры, куда ходили на богомолье. Они сѣли отдыхать на скамьѣ близъ шинка, построеннаго на базарѣ, который располагался тогда за землянымъ валомъ батуринскаго зàмка. Какой-то козакъ сказалъ имъ, что наказной гетманъ Кочубей очень милостивъ къ странникамъ и щедръ на подаяніе. Монахи пошли въ церковь къ вечернѣ и встрѣтили тамъ жену Кочубея; они подошли, поклонились ей и получили любезное приглашеніе ночевать во дворѣ у Кочубея. Это было наканунѣ воскреснаго дня. Въ этотъ день гостепріимный хозяинъ оставилъ ихъ у себя обѣдать; послѣ обѣда, по стариковскому обычаю, Кочубей легъ спать, а монахи часа два погуляли въ рощѣ, находившейся близъ двора, потомъ пришли въ домъ. Кочубей и жена его обдарили ихъ холстомъ, полотенцами, деньгами и дали пирогъ на дорогу. Но когда монахи, собираясь уже въ путь, стали прощаться съ хозяевами, Кочубей упросилъ ихъ остаться еще одну ночь ночевать. На утро, въ понедѣльникъ, они вмѣстѣ съ Кочубеемъ и его семьею отстояли заутреню и обѣдню, потомъ одинъ изъ монаховъ, по имени Никаноръ, былъ приглашенъ въ садъ, гдѣ засталъ Кочубея съ женою, но безъ дѣтей. Въ саду былъ разбитъ шатеръ. Туда ввелъ хозяинъ монаха. Тамъ находился въ черныхъ рамахъ образъ Пресвятой Богородицы, писанный на полотнѣ. — «Можно ли тебѣ вѣрить?—сказалъ Кочубей.—Хотимъ съ тобой говорить тайное,—не разнесешь ли?» Монахъ, глядя на образъ, перекрестился и увѣрялъ, что никому не объявитъ повѣренной ему тайны. Тогда Кочубей и жена его стали бранить Мазепу, говорили, что онъ беззаконникъ, хотѣлъ жениться на ихъ дочери — своей крестницѣ, но когда она на то не согласилась, то зазвалъ ее къ себѣ и насильно осквернилъ блудомъ.

Въ это самое время позвали Кочубея слушать челобитчиковъ, приходившихъ къ нему, какъ къ исправлявшему обязанность гетмана. Жена его, прогуливаясь съ монахомъ по саду, разсказала ему еще кое-что про гетмана. Кочубей, кончивъ свои дѣла съ челобитчиками, позвалъ въ домъ монаха, отдалъ ему дары и поручилъ просить пріѣхать къ нему самого сѣвскаго архимандрита, обѣщая дать вкладъ на монастырь. Монахи уѣхали, а 26 авгу-

ста того же года снова пріѣхали въ Батуринъ и привезли Кочубею и семьѣ его просфоры отъ архимандрита, который извѣщалъ, что самъ онъ не можетъ пріѣхать за дѣлами по управленію монастыремъ. Монахамъ во дворѣ Кочубея отвели особыя свѣтлицы. Женщина изъ Кочубеевой прислуги позвала монаха Никанора къ хозяину дома и предупредила его, что какъ будетъ онъ проходить черезъ панскія свѣтлицы, то долженъ за собою затворять всѣ двери. Слѣдуя по указанному пути, монахъ прошелъ три покоя, запирая за собою двери закладками и крючьями, и остановился передъ спальнею Кочубея, завѣшенною ковромъ. Вышелъ оттуда Кочубей, осмотрѣлъ всѣ двери и, удостовѣрившись, что въ комнатахъ нѣтъ никого, спрашивалъ монаха, можно ли ему вѣрить. Монахъ, разумѣется, далъ утвердительный отвѣтъ. Тогда явилась Кочубеиха съ изображеніемъ распятія на деревянной доскѣ, подала его Никанору и сказала: какъ Богъ за насъ пострадалъ на крестѣ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя. Всѣ трое поцѣловали крестъ и обѣщали хранить въ тайнѣ то, что будетъ сказано. Тогда Кочубей произнесъ: «гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ измѣнить великому государю и отложиться къ ляхамъ, чтобъ Московскому государству учинить пакость и отдать въ неволю Украину. Съ этимъ словомъ ты долженъ отъ меня немедленно ѣхать въ Москву». Кочубей далъ ему на наемъ подводъ 7 червонцевъ и 12 ефимковъ.

Никаноръ поѣхалъ въ Москву, явился сначала въ Монастырскій Приказъ, а оттуда былъ отправленъ въ страшный Преображенскій Приказъ. Эта посылка такъ и застряла. Петръ, занятый иными дѣлами и ничего не довѣряя никакимъ доносамъ на Мазепу, оставилъ это дѣло, хотя Никаноръ и былъ задержанъ въ Преображенскомъ Приказѣ [37]).

Не дождавшись никакихъ послѣдствій, Кочубей въ началѣ 1708 года нашелъ себѣ другаго посыльнаго. Это былъ нѣкто Петръ Яценко, перекрестъ изъ іудеевъ; онъ жилъ въ Полтавѣ и занимался въ Ахтырскомъ полку арендовыми промыслами [38]). Кочубей зналъ его давно и уговорилъ ѣхать въ Москву, чтобы тамъ сообщить царскому духовнику словесно, что гетманъ Мазепа сносится съ Станиславомъ Лещинскимъ чрезъ посредство ксендза Заленскаго съ цѣлью отдать Украину Польшѣ, что онъ даже

[37]) Ibid., стр. 61—68.
[38]) Ibid., стр. 69.

злоумышлялъ на особу самого государя: когда распространился слухъ, что царь самъ хочетъ пріѣхать въ Батуринъ, гетманъ разставилъ 300 сердюковъ и приказывалъ имъ стрѣлять въ пріѣзжихъ по данному знаку изъ гетманскаго дворца; но потомъ гетманъ отмѣнилъ свое распоряженіе, узнавши, что царь не пріѣдетъ [39]).

Отправивши Яценка, Кочубей, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ и свояконъ, бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою, зазвали въ маетность Кочубея, Диканьку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Святайла и поручили послѣднему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Ѳедору Осипову объ измѣнническихъ замыслахъ Мазепы: нынѣ, собравъ полки, онъ идетъ на правую сторону Днѣпра съ тою цѣлью, чтобы въ соумышленіи съ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ начать войну противъ царской державы. Чтобы вооружить козаковъ противъ царя, онъ обложилъ козаковъ поборами по талеру съ каждаго коня и по «копѣ» (полтинѣ) съ каждаго вола, распространяя слухъ, будто это дѣлается по волѣ царя, который намѣренъ всѣхъ козаковъ обратить въ солдаты. Кочубей и Искра, чрезъ посредство попа Святайла, поручили Ѳедору Осипову сообщить объ этомъ кіевскому губернатору на тотъ конецъ, чтобъ онъ впору могъ взять въ руки Мазепу, иначе можно опасаться, что на правой сторонѣ Днѣпра явятся къ нему на помощь ляхи, а на лѣвой — по его наущенію поднимутся гультаи, «хибкій (непостоянный) народъ», настроенный гетманомъ противъ царя. Ахтырскій полковникъ долженъ былъ сообщить это князю Голицыну такъ, чтобы о томъ не знали другіе ближніе совѣтники царя, особенно Меншиковъ, потому что какъ только довѣдаются, то сообщатъ о томъ гетману [40]).

Ахтырскій полковникъ исполнилъ порученіе и кіевскій губернаторъ отправилъ его донесеніе въ Бѣшенковичи — тогдашнюю главную квартиру царя, гдѣ и получено было оно 27 февраля, но вслѣдъ затѣмъ пришло туда и письмо Мазепы отъ 24 февраля. Гетманъ провѣдалъ о посылкѣ Кочубеемъ доносовъ и поспѣшилъ написать къ царю объ этомъ самъ. Увѣряя въ своей догробной вѣрности государю, Мазепа находилъ, что сочиненная на него клевета достойна болѣе смѣха, чѣмъ вниманія, но умолялъ произвести надъ клеветниками розыскъ [41]).

[39]) Ibid., стр. 88.
[40]) Ibid., стр. 85—87.
[41]) Ibid., стр. 69 и 70.

И на этотъ разъ Мазепа такъ былъ счастливъ, что царь, вѣрившій преданности своего гетмана, прислалъ ему одно за другимъ два утѣшительныхъ письма: 1-го и 11 марта. Царь увѣрялъ гетмана, что «клеветникамъ, на него ложно навѣтующимъ, никакая вѣра не дастся, но и паче оные купно съ наустителями воспріимутъ по дѣломъ своимъ достойную казнь». Царь поручалъ Мазепѣ самому какимъ нибудь удобнымъ способомъ поймать ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ царь изъявлялъ подозрѣніе въ участіи съ Кочубеемъ миргородскаго полковника Апостола и приказывалъ гетману зазвать его къ себѣ, какъ будто для команды надъ козацкимъ отрядомъ, а взявши его такимъ образомъ въ руки, отправить вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Искрою въ оковахъ къ государю [42]). Миргородскій полковникъ былъ отецъ невѣстки Кочубеевой — жены его сына. Царь зналъ, что этотъ полковникъ прежде не ладилъ съ гетманомъ; поэтому царь и подозрѣвалъ его въ участіи съ Кочубеемъ въ доносѣ. Но царь Петръ не зналъ того, что Апостолъ уже поладилъ съ Мазепою и сдѣлался его тайнымъ соумышленникомъ во вредъ Петру.

Вотъ такимъ-то образомъ отнесся Петръ къ этому дѣлу. И неудивительно: въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ подавались на гетмана доносъ за доносомъ и ни одинъ не оправдался, а гетманъ между тѣмъ продолжалъ служить государю вѣрно, всегда исполнялъ царскую волю исправно и притомъ былъ такой милый и любезный человѣкъ, что и царю и всѣмъ близкимъ вельможамъ чрезвычайно нравился своимъ обращеніемъ. Приманивать гетману Апостола ни въ какомъ случаѣ не было нужно: Апостолъ былъ тогда при гетманѣ въ Хвастовѣ, но гетману не приходилось также посылать въ оковахъ одного изъ своихъ сообщниковъ. Зналъ ли въ мартѣ Апостолъ о затѣваемой измѣнѣ, или Мазепа тогда еще не открывалъ ему замысла, но уже видѣлъ въ немъ человѣка готоваго пристать къ дѣлу, — только гетманъ съ этихъ поръ постоянно выгораживалъ Апостола въ своихъ письмахъ къ Головкину и не помѣшалъ ему послать къ Кочубею посланца предупредить его о грозящей опасности.

Кочубей жилъ въ своей маетности Диканькѣ и уже нѣсколько мѣсяцевъ не былъ въ Батуринѣ, устраняясь нездоровьемъ. Мазепа, исполняя царскую волю столько же, сколько и выручая себя самого, отправилъ гадяцкаго полковника Трощинскаго съ

---

[42]) Ibid., стр. 71 и 72.

500 козаковъ и съ сотнею волоховъ, да охотнаго полковника Кожуховскаго съ его конными полчанами поймать и доставить ему въ обозъ Кочубея и Искру. Но разомъ съ ними ѣхалъ туда же и посланецъ миргородскаго полковника съ запискою къ Кочубею. Въ ночь съ четверга на пятницу (18 марта) Трощинскій и Кожуховскій съ своими отрядами ночевали въ Великихъ Будищахъ, а посланецъ Апостола перегналъ ихъ, явился въ Диканькѣ ранѣе и вручилъ Кочубею записку. Кочубей немедленно послалъ во всю ночь верхомъ своего слугу Завадовскаго въ Полтаву сказать Искрѣ, чтобъ онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Диканьку. Въ ту же ночь передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ Диканьку Искра, а съ наступленіемъ дня оба пріятеля переѣхали черезъ Ворсклу по мосту устроенному противъ Диканьки, прибыли въ село Гавронцы на другой сторонѣ Ворсклы, потомъ отправились въ Красный Кутъ *)—городъ Ахтырскаго полка. Тамъ нашли они полковника Өедора Осипова и отдались подъ его покровительство.

Едва успѣли Кочубей съ Искрою переправиться черезъ Ворсклу, какъ нагрянули Трощинскій и Кожуховскій съ козаками въ диканьскій дворъ Кочубея, съ тѣмъ чтобы везти его въ Хвастовъ въ гетманскій обозъ.—Гдѣ хозяинъ?—спрашивалъ Трощинскій. Отвѣчали, что уѣхалъ, но куда—неизвѣстно. Трощинскій не повѣрилъ и сдѣлалъ въ домѣ обыскъ. Не нашли Кочубея. Трощинскій и Кожуховскій отправились снова въ Великія Будищи; въ Диканькѣ не видѣли ихъ послѣ того три дни: пятницу, субботу и воскресенье [43]). Кто-то извѣстилъ полковниковъ, что Кочубей съ Искрою ушли на Коломакъ, гдѣ у Искры была пасѣка, но потомъ извѣстили ихъ, что Кочубей съ Искрою, одумавшись, ушли къ Самарѣ. Полковники послали было козаковъ зайти имъ дорогу, но тутъ пришло къ нимъ новое извѣстіе, что бѣглецы сидятъ въ Красномъ-Кутѣ [44]).

Тогда Трощинскій и Кожуховскій опять поѣхали въ Диканьку и утромъ въ понедѣльникъ остановились въ Ковалювкѣ **), другой маетности Кочубея, въ новомъ дворѣ владѣльца, и оттуда послали волоховъ звать къ себѣ Кочубеиху. Была память свя-

---

*) Нынѣ Краснокутскъ, заштатный городъ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, при р. Мерлѣ.

[43]) Ibid., стр. 151.

[44]) Гос. Ар. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина.

**) Мѣстечко Зеньковскаго уѣзда, Полтав. губ., при рѣкахъ Ташанской-Грунѣ и Стехѣ.

щенномученика Василія пресвитера 22 марта. Кочубеиха, вмѣстѣ съ невѣсткою, была въ церкви (чуть ли это не былъ день именинъ ея мужа или сына, котораго также звали Василіемъ). Волохи стали около церкви, а ихъ ротмистръ Константинъ Великій съ тремя подчиненными вошелъ въ церковь и объявилъ Кочубеихѣ, что ее зоветъ Трощинскій. Кочубеиха отвѣчала: «не пійду зъ церкви, нехай постражду межъ олтаремъ якъ Захарія!» Съ трудомъ убѣдили ее выйти изъ церкви *); тотчасъ волохи подхватили обѣихъ—ее и невѣстку—и посадили въ коляску. Ихъ повезли въ Ковалювку. Тамъ заставили хозяйку передъ собственнымъ дворомъ стоять добрый часъ и ждать пока доложатъ Трощинскому. Наскучивши долгимъ ожиданіемъ, Кочубеиха встала изъ коляски и пошла къ воротамъ двора узкимъ путемъ, протѣсняясь между козацкими лошадьми, которыхъ тамъ столпилось не мало.

Трощинскій вышелъ на крыльцо дома, одѣтый въ бѣломъ кафтанѣ, безъ пояса, въ желтыхъ туфляхъ. По тогдашнимъ обычаямъ, это былъ признакъ невѣжливости. Трощинскій былъ пьянъ. Кочубеиха съ видомъ достоинства выступила впередъ къ нему и произнесла: «за тое-то Мазепа прислалъ васъ зъ такимъ войскомъ по мого пана, що зичливе и вѣрне Войску Запорожскому писарствомъ и судействомъ служивъ?» Трощинскій съ перепоя забылся, пришелъ въ ярость и крикнулъ на волоховъ: «стрѣлять!» Волохи уже было и курки пистолетовъ взвели, но Кожуховскій, который былъ въ памяти, крикнулъ на нихъ: «стоять смирно!» Что̀ дальше тамъ говорилось—не знаемъ. Но Кочубеиху отправили назадъ въ Диканьку въ сопровожденіи козаковъ. Тамъ, кругомъ ея двора и около самого дома во дворѣ, поставлены были караулы. Невѣстку Кочубея Трощинскій, сообразно гетманскому приказанію, отпустилъ въ домъ ея родителя, миргородскаго полковника, куда уже прежде уѣхалъ и мужъ ея Василій Вас. Кочубей. Ей дозволили забрать съ собою свое приданое.

24 марта Трощинскій прибылъ въ Диканьку съ Кожуховскимъ и съ прибывшимъ вновь отъ Мазепы посланцемъ Валмусомъ, который привезъ приказаніе гетмана объ имуществѣ Кочубея. Трощинскій собралъ всякое движимое имущество въ домѣ, всѣ «скрини» со всякимъ добромъ, упаковалъ все въ «палубахъ»

---

*) ...черезъ силу рѣчей мусила зъ церкви выйти.

(большія воловьи повозки для тяжестей), а самую Кочубеиху съ дѣтьми и съ одною служанкою посадилъ въ карету и подъ карауломъ повезъ въ Батуринъ. Все привезенное съ нею имущество отвезено было на Гончаровку, въ гетманскій дворецъ; Кочубеиху помѣстили въ собственномъ дворѣ, находившемся на подворкѣ (посадъ) батуринскомъ, гдѣ прежде Кочубеи обыкновенно проживали, когда пребывали въ Батуринѣ. Черезъ недѣлю ее перевели въ другой Кочубеевскій дворъ, старый, находившійся въ срединѣ города или зàмка: тамъ назначили ей помѣщеніе— одну только тѣсную хату. Во дворѣ поставлено было два караула: одинъ жолдатскій, другой московскій (великорусскій); запрещалось кому бы то ни было посѣщать узницу; недозволялось не только приходить во дворъ, но и приближаться къ огорожѣ двора.

Между тѣмъ въ Красный Кутъ, гдѣ скрылись Диканьскіе бѣглецы, прибылъ великороссійскій офицеръ съ письмомъ къ Осипову отъ Головкина. Канцлеръ поручалъ Осипову увидѣться съ Искрою, сказать, что царь желаетъ лично отъ него слышать о такомъ важномъ дѣлѣ, и онъ, Искра, долженъ вмѣстѣ съ Осиповымъ ѣхать чрезъ Смоленскъ въ главную квартиру государя. Затѣмъ канцлеръ прибавлялъ, что Осиповъ и Искра должны быть благонадежны въ царской къ нимъ милости и оба они за свою вѣрность получатъ себѣ отъ царя награду [45]).

Осиповъ и Искра собрались ѣхать. Предполагалось Кочубею оставаться въ Слободскомъ краѣ, куда не простиралась власть гетмана и гдѣ поэтому не имѣлъ права самовольно добывать Кочубея Мазепа. Кочубей, однако, поѣхалъ проводить Осипова и Искру до Бѣлгорода, но едва всѣ доѣхали до Богодухова, какъ явился другой офицеръ съ письмомъ Головкина уже къ Кочубею [46]). Канцлеръ сообщалъ, что государь указалъ и ему, Кочубею, какъ можно скорѣе пріѣхать въ ближнія мѣста къ Смоленску, для свиданія, разговора и совѣта о томъ, «какъ бы злое начинаніе возможно было утаить и какую бы вѣрную особу избрать на мѣсто того оподозрительнаго неумѣшкавъ» [47]). Доставилъ это письмо офицеръ гвардіи Озеровъ, переодѣтый въ польское платье для сохраненія дѣла въ секретѣ.

Всѣ поѣхали. Повидимому, счастье повезло доносителямъ. Письма Головкина показывали довѣріе къ нимъ. Сами они зара-

[45]) Чт. М. О. И. и Д., т. I., стр. 89.
[46]) Ibid., стр. 150.
[47]) Ibid., стр. 91.

нѣе выбрали нужныхъ свидѣтелей къ своему дѣлу и ѣхали въ надеждѣ свергнуть гетмана и вернуться съ царскими наградами за вѣрность законному государю.

Они прибыли въ Смоленскъ. Головкинъ находился тогда съ своею походною канцеляріею въ Витебскѣ и, узнавши о прибытіи доносителей, послалъ въ Смоленскъ подполковника привезти ихъ въ Порѣчье сухопутьемъ, а изъ Порѣчья въ Витебскъ водянымъ путемъ. Уже заранѣе, соображаясь съ образомъ воззрѣнія самого государя, Головкинъ не ожидалъ по розыску найти Мазепу виновнымъ, а считалъ своимъ дѣломъ только вывѣдать, нѣтъ ли въ этомъ доносѣ непріятельскаго вліянія, а въ концѣ концовъ предполагалъ отправить доносчиковъ въ Кіевъ, въ удовольствіе гетману *).

18 апрѣля, въ сопровожденіи подполковника Левашова, прибыли къ Витебску Θедоръ Осиповъ и двое главныхъ доносителей: Кочубей и Искра, а съ ними пріѣхали еще лица прикосновенныя къ дѣлу: священникъ Иванъ Святайло, сотникъ Ковалько, перекрестъ Петръ Яценко, привезенный нарочно изъ Москвы, гдѣ содержался; кромѣ этихъ лицъ, прибыли тогда двое писарей, племянникъ Искры и 8 служителей. Всѣхъ малороссіянъ помѣстили въ пустомъ панскомъ загородномъ дворѣ въ разныхъ свѣтлицахъ.

На другой день 19 апрѣля Головкинъ и товарищъ его Шафировъ пріѣхали въ этотъ дворъ и обратились прежде къ Θедору Осипову. Тотъ могъ сказать только, что, по приглашенію священника Святайло, онъ видѣлся съ Искрою въ своей пасѣкѣ на рѣкѣ Коломакѣ и отъ него услыхалъ обвиненіе гетмана въ измѣннических замыслахъ, а потомъ къ нему въ Красный Кутъ пріѣхали Кочубей и Искра. Съ Кочубеемъ онъ не былъ вовсе знакомъ, а Искру зналъ только по войсковымъ дѣламъ **).

Министры, снявши такое показаніе съ ахтырскаго полковника, приказали позвать изъ другихъ покоевъ Кочубея и Искру. Они приняли ихъ ласково и сказали: «Государь къ вамъ милостивъ, надѣйтесь на царскую милость и подробно изложите все дѣло, ничего не опасаясь».

---

*) ...А сыскавъ основаніе того дѣла по домогательству гетманскому и по вашему указу пошлемъ ихъ для публичнаго окончанія того розыску къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну въ Кіевъ, чтобъ тѣмъ показать гетману доволство (Гос. Арх. Кабин. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донес. царю Головкина 18 апрѣля).

**) Чт. М. О. И. и Др., т. I, стр. 96.

Головкинъ отпустилъ Искру, оставилъ при себѣ одного Кочубея, и тотъ, ободренный ласковымъ привѣтомъ, проговорилъ не короткую рѣчь, вспомнилъ измѣну Брюховецкаго, навлекшую на малороссійскій край смятеніе и кровопролитіе, вспомнилъ, какъ послѣ усмиренія края царь гнѣвался на генеральныхъ особъ за то, что, находясь близко къ гетману, не замѣтили его злокозненнаго намѣренія и заранѣе о немъ не сообщили. Теперь, замѣчая въ поступкахъ своего регментаря злое намѣреніе и услышавши собственными ушами такія слова отъ него: «подъ ляхами конечно будемъ»—они рѣшились объявить царскому величеству. Они поступаютъ такъ не ради какихъ нибудь выгодъ, а «единственно величая превысокое достоинство великаго государя».

Съ этими словами Кочубей подалъ доносъ, написанный въ 33-хъ пунктахъ, которые, по содержанію, сокращались въ 27.

1. Въ Минскѣ въ 1706 году гетманъ говорилъ ему Кочубею на-единѣ, что въ Бѣлой Криницѣ княгиня Дольская, мать князей Вишневецкихъ, передавала ему, что король Станиславъ хочетъ учинить гетмана княземъ черниговскимъ, а Войску Запорожскому даровать желанную вольность.

2. Гетманъ хулилъ князя Огинскаго, польнаго гетмана литовскаго, за то, что держится союза съ великимъ государемъ, тогда какъ всѣ уже паны отъ этого союза отступили.

3. Когда Мазепа услыхалъ, что Августъ уѣхалъ изъ Польши въ Саксонію, то произнесъ: «отъ! чего боялися, того не убоялися».

4. Въ 1707 году мая 10-го, возвратившись изъ похода и пріѣхавши въ Бахмачъ, Мазепа тихимъ голосомъ спрашивалъ его, Кочубея: справедливы ли слухи, что царскихъ ратныхъ людей побили поляки у Пропойска, и сказалъ, что къ нему не дошла почта, по которой это извѣстіе было ему сообщено въ обозъ отъ Кочубея.

5. 11-го мая того же года, въ своемъ дворѣ въ Гончаровкѣ, Мазепа бесѣдовалъ съ нимъ, Кочубеемъ, и со Скоропадскимъ, сказавши, что получилъ вѣдомость объ избіеніи царскихъ ратныхъ у Пропойска, смѣялся и произнесъ: «але судья плачетъ о томъ, але-жъ у нёго слезы текутъ»! Потомъ въ тотъ же день приглашалъ гостей пить общее здоровье и, между прочимъ, здоровье княгини Дольской, говоря: «выпіймо за здоровье ксенжны ей мосцѣ, бо есть зацная и розумная пани, моя голубка»! Много тогда всѣ пили и онъ говорилъ шутливыя рѣчи.

6. Въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней гетманъ говорилъ мнѣ: «дошли до меня достовѣрные слухи, что шведскій король хочетъ идти на Москву и учинить тамъ иного царя, а на Кіевъ пойдетъ король Станиславъ съ польскимъ войскомъ и со шведскимъ корпусомъ генерала Реншильда. Я просилъ у государя войска оборонять Кіевъ и Украину, а онъ отказался, и потому намъ поневолѣ придется пристать къ Станиславу».

7. Того же года 17-го мая я просилъ дозволенія отдать дочь свою за сына Чуйкевича и въ слѣдующее воскресенье устроить сватовство. Мазепа совѣтовалъ повременить, пока малороссіяне соединятся съ ляхами *). Послѣ того мы на другой же день рѣшили съ Чуйкевичемъ поскорѣе обвѣнчать нашихъ дѣтей.

8. Того же года 28 мая сербскій епископъ Рувимъ говорилъ намъ, что былъ онъ у гетмана на Гончаровнѣ и гетманъ при немъ печаловался, что государь обременяетъ его требованіемъ доставки лошадей.

9. Того же года 29-го мая дочь моя призвана была имъ на Гончаровку крестить жидовку и въ этотъ день за обѣдомъ онъ сказалъ: «Москва возьметъ въ крѣпкую работу малороссійскую Украину».

10. Того же года 20 сентября одинъ канцеляристъ писалъ записку: «былъ у гетмана въ Печерскомъ ксендзъ Заленскій, іезуитъ, ректоръ Винницкій и тотъ передъ знатными особами отозвался такими словами: вы, панове козаки, не бойтесь взглядомъ (относительно) шведа, который не на васъ готуется, але на Москву. Тотъ же ксендзъ говорилъ: никто не вѣдаетъ, гдѣ огонь крыется и тлѣетъ, але якъ разомъ выбухнетъ (вспыхнетъ), чего уже не забаромъ сподѣватись (не долго ожидать), тогда хибá (развѣ) всякъ познаетъ; лечъ (но) тотъ пожаръ не латво (не легко) угаситися можетъ».

11. Того же года 8 октября Мазепа въ Кіевѣ веселился съ полковниками миргородскимъ и прилуцкимъ; у него играла музыка; онъ всѣхъ заохочивалъ къ веселости, а на другой день послѣ того послалъ козака ко ксендзу Заленскому. Съ какой стати было ему сноситься письменно съ этимъ ксендзомъ, еслибъ у него не было злого намѣренія.

---

*) ... Такъ мовячи: якъ будемъ зъ ляхами въ едности, тогда знайдеться твоей дочцѣ женихъ зъ тоеи стороны лядскоѣ знатній якій шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою, бо хочай бы мы ляхамъ по доброволѣ не поддалися, то оны насъ завоюють и конечне будемо подъ ними (Дѣло Кочубея. Чт. 1859 г., т. 1).

12. Полковой писарь полтавскій говорилъ своему племяннику, что того же года 10 октября въ Печерскомъ монастырѣ онъ приходилъ къ гетману, а гетманскій служитель сказалъ, что гетманъ, запершись съ полковниками, читаетъ Гадяцкій договоръ Выговскаго съ поляками.

13. Того же года въ декабрѣ пріѣзжалъ въ Батуринъ Александръ Кикинъ и Мазепа собралъ около себя 300 человѣкъ вооруженныхъ сердюковъ. Вѣроятно, это онъ сдѣлалъ услыхавши, что за Кикинымъ пріѣдетъ въ Батуринъ самъ государь, чтобы взять Мазепу съ собою въ Москву, и Мазепа намѣревался отстрѣливаться отъ государя.

14. Того же года на праздникъ Рождества Христова пріѣзжалъ къ гетману ксендзъ Заленскій, и гетманскій писарь Орликъ проводилъ его тайно въ гетманскій хуторъ близъ Бахмача, а ночью ксендзъ пріѣзжалъ къ Мазепѣ на Гончаровку.

15. Мазепа говорилъ, что если кто изъ старшинъ, полковниковъ или изъ какихъ бы то ни было особъ воспротивится ему, когда у него станетъ «совершенное подручнымъ объявленіе и приговоръ на измѣну порядку», того онъ засадитъ въ тюрьму на смерть безъ всякой пощады *). Видно изъ этого, что Мазепа хочетъ отклониться къ Станиславу.

16. Мазепа нѣсколько разъ посылалъ полтавскаго козака Кондаченка и другого человѣка, по прозванію Быевскаго, въ Крымъ и въ Бѣлоґородчину къ татарскимъ салтанамъ и къ самому хану. Кажется, это онъ дѣлалъ для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ и въ свое время употребить на свои услуги.

17. Въ концѣ іюня 1706 года, по возвращеніи изъ Минска, Мазепа былъ въ гостяхъ у меня, Кочубея, и, немного подгулявши, когда я, хозяинъ, провозгласилъ его здоровье, онъ, вздохнувши, сказалъ: «какая мнѣ утѣха, когда я всегда жду опасности, какъ волъ обуха **). Потомъ, обратившись къ женѣ моей, началъ хвалить измѣнниковъ Выговскаго и Бруховецкаго ***), го-

---

*) ... того взявши давити крѣпкимъ вязенемъ ажъ до смерти безъ пощады (Ibid.).

**) ... эдохнувши мовилъ: благодарствую за тую пріязнь! Але що мнѣ за утѣха, коли я живу никогда не маючи совершенное надѣи своей цѣлости всегда не безпеченъ ждучи якъ волъ обуха (Ibid.).

***) ... говорилъ до жены моей передъ нимъ стоячой и похваляючи гетмановъ въ измѣнѣ будучихъ Выговскаго и Бруховецкаго, добрѣ (мовилъ) почали были Выговскій и Брюховецкій, що хотѣли и зачали были зъ тое неволѣ выбиватися, але злые люди имъ въ томъ перешкодили (Ibid.).

ворилъ, что и онъ самъ промышлялъ бы о своей цѣльности и вольности, да никто не хочетъ помогать ему, а также и мужъ ея*).

18. Въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1707 года гетманъ говорилъ полковникамъ: «не думайте, чтобъ я хотѣлъ послѣ себя возложить гетманство на Войнаровскаго. И теперь готовъ уступить свой санъ другому, лишь бы онъ могъ оборонять отчизну. Если же, по привычкѣ, хотите на мнѣ оставить эту тягость, то должны слушать меня. Я сношусь и съ ханомъ, и съ силистрійскимъ пашею, только отъ нихъ, кажется, мало надежды и придется намъ начинать свое дѣло съ иной бочки и браться за сабли». Вѣроятно, подъ этою бочкой онъ разумѣлъ короля Станислава**).

19. Мазепа держитъ около себя слугъ лядской породы и употребляетъ для посылокъ безъ царскаго указа, а это не годится.

20. Государь запретилъ пропускать людей съ лѣваго берега на правый, а гетманъ этого указа не исполняетъ. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей съ лѣваго берега на правый въ основанныя ею слободы. Да и кромѣ того, по всѣмъ опустѣвшимъ городамъ и селамъ правой стороны густо заселяются жители, уходя съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, правая сторона становится многолюдною, а на лѣвой населеніе

---

*) ... И мы хотѣли бы о своей далшой цѣлости и вольности войсковой помыслити, да не маемо теперь еще способу, а звлаща же не всѣ наши въ одномыслін найдуются. О то (мовитъ) къ твоему мужу я килко разъ накидавъ слова о такихъ мислехъ, якъ бы намъ безпечность въ цѣлости нашой въ потомніи часы учинити якъ для себе, такъ и тихъ, которіе по насъ будутъ, але онъ мовчитъ, жаднимъ словомъ мнѣ не поможетъ и ни зъ кого не маю помочи и не могу нѣкому поуфати (Ibid.).

**) ... Може (каже) вашъ мосцъ розумѣете же я гетманъ намѣраю гетманство взяти на Войнаровскаго, то не есть такъ, я того не желаю. Вольно вашъ мосцемъ будетъ кого хотѣти з межи себе обрати на той урядъ, а Войнаровскій и безъ того на своемъ отчизномъ кутку и на моемъ собраніи можетъ виховатися, а того уряду я и теперъ вамъ готовъ уступити. А коли отказали: Боже, не дай того абысмо оного мѣли пожадати, повторивъ тое: „коли хто есть межи вами жебы въ сей часъ смоглъ отчизну свою ратовати, то я тому уступлю, а естли на мене той тяжаръ еще взвикли мнѣ будучи полагаете, то изволте мене слухати и на мой поводъ смотрите“. А за тимъ говорилъ: Уже я (мовитъ) пробовалъ пріязнѣ ханской и былъ прихиленъ бывшій ханъ Казигирей, але того отставлено, а теперешный ханъ зъ початку пріятно до мене на мои листы отписовалъ, а теперь (мовитъ) посилалъ я до Крыму своего посилыщика, але далеко отмѣнился. А до паши селистрійскаго сераскера явъ много посылалемъ, не получаю жаднои надѣи. А такъ з иншое бочки треба намъ дѣло свое зачати (мнится тутъ бочка иншая владза короля Станислава), а уговоривши (мовитъ) и постановивши намѣреніе свое треба заразъ и за шаблѣ взятися (Ibid.).

умалилось и оставшимся жителямъ стало труднѣе содержать охотницкіе полки и всѣ думаютъ уходить за Днѣпръ.

21. На Коломацкой радѣ постановлено стараться, чтобы малороссіяне съ великороссіянами вступали въ родство и свойство, а гетманъ до того не допускаетъ и даже не доволенъ, когда узнаетъ, что малороссіяне съ великороссіянами водятъ хлѣбъ-соль. Отъ этого между тѣми и другими увеличивается удаленіе и незнакомство.

22. Въ прежнія времена малороссійскіе городы были хорошо укрѣплены, а теперь уже «не оправляются», и самъ Батуринъ 20 лѣтъ стоитъ безъ починки. Но свой подворокъ Гончаровку, гдѣ гетманъ самъ живетъ, онъ обнесъ значительнымъ валомъ. Люди думаютъ, что городы нарочно не оправляются для того, чтобы не въ силахъ были обороняться отъ тѣхъ, которыхъ гетманъ призоветъ.

23. Гетманъ предостерегалъ запорожцевъ, что государь хочетъ ихъ уничтожить; а когда разнеслась вѣсть, что запорожцы хотятъ, согласясь съ татарами, сдѣлать набѣгъ на слободскіе полки, то сказалъ: «чай нецнотливые сыны оніи (пусть бы эти недобрыя дѣти) всѣ, коли що маютъ чинити, коли бъ уже чинили, а то тилько оголошаются (только разглашаютъ), аки дражнютъ!»

24. Одна близкая къ Мазепѣ особа въ разговорѣ выразилась о татарахъ: «дайте вы той речи теперъ покой (перестаньте говорить объ этомъ)! Тіи люде будуть намъ вскорѣ потребніи!»

25. Львовскій мѣщанинъ Русиновичъ привозилъ Мазепѣ письма отъ разныхъ польскихъ пановъ. Этотъ мѣщанинъ разсказывалъ, что гетманъ Сенявскій поручалъ сказать Мазепѣ, чтобы козаки были съ поляками, а Мазепа выразился, что онъ самъ шляхтичъ, природный полякъ, и жалѣетъ, что царь утѣсняетъ Польшу *). Этотъ Русиновичъ говорилъ, что всѣ ляхи любятъ

---

*) ... Говорилъ тое онъ Русѣновичъ же и Сенявскій гетманъ коронный мовилъ ему: вивѣдайся, що на Украинѣ дѣется а особливе чи склонія къ намъ полякамъ козаки чили ни, и предложи (мовитъ) самому его милости пану Мазепѣ гетману: нехай намъ будутъ зычливіи естьли хотятъ жебы имъ же было добре, бо (мовитъ) мы певне вѣдаемъ же государь шведовъ не выдержитъ то тежъ и козаки если при немъ зоставатимутъ погинутъ; зъ нами бы засъ будучи въ цѣлости и при своихъ вольностехъ найдовалися. Кгды теды я (мовитъ) доносилъ тое его милости пану гетману, отвѣтствовалъ въ тіе слова: „Богъ мнѣ свидитель той нехай подастъ мнѣ силу и крѣпость въ здровю моемъ, которое мѣю слабое, же естемъ паномъ полякомъ зычливый, не былъ бымъ

Мазепу и надѣются, что онъ поможетъ Рѣчи Посполитой деньгами, а передавшійся къ шведамъ панъ Яблоновскій говорилъ: «маемъ добрую надѣю о Украинѣ, же въ ней найдуются шляхта, братья наши».

26. Гетманъ самовольно распоряжается войсковою казной, беретъ изъ нея сколько хочетъ и даритъ сколько и кому хочетъ, изъ арендныхъ и индуктныхъ (со ввозныхъ торговыхъ пошлинъ) сборовъ беретъ въ свою пользу 50.000 злотыхъ. Кочубей полагаетъ, что индуктный сборъ можно было бы обратить въ царскую казну. Съ гетмана довольно было десяти городовъ Гадяцкаго полка и нѣсколькихъ волостей: Шестаковской, Ропской, Быковской и Самборской. Онъ же беретъ себѣ еще не мало со всѣхъ полковъ изъ суммъ порукавичныхъ и арендовыхъ, отчего шинкари, платя высокія арендныя суммы, продаютъ дороже горѣлку и чрезъ то происходитъ народу отягощеніе.

27. Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берутъ взятки и получаетъ урядъ не заслуженный товарищъ, достойный такой чести, а тотъ, кто въ силахъ заплатить. Умеръ кіевскій полковникъ Солонина: онъ служилъ царямъ вѣрно отъ самаго поступленія Малой Россіи подъ царскую державу и былъ 20 лѣтъ на полковничьемъ урядѣ. Гетманъ отобралъ его сёла и отдалъ своей матери, игуменьѣ Магдалинѣ, а оставшимся послѣ Солонины внукамъ и племянникамъ ничего не далъ. Умеръ обозный Борковскій, оставилъ вдову и двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Гетманъ отнялъ у нихъ село, которымъ покойникъ владѣлъ 30 лѣтъ по жалованной грамотѣ, и, кромѣ того, взялъ на гетманскій дворъ мѣстечко, принадлежавшее уряду генеральнаго обознаго.

Наконецъ, Кочубей, въ дополненіе ко всему, представилъ пѣсню, сложенную Мазепой, въ которой, по толкованію Кочубея, «значное противу державы великаго государя оказуется противленіе»*).

шляхтичомъ, не былъ бымъ сыномъ коронныйъ естьли бымъ всего добра коронѣ польской не зычилъ. Вижу я и самъ, якъ государь оскорбилъ Полщу, але тежъ и Украину натто обтяжилъ. Я и самъ не знаю, що зъ собою чинити, если до чого прійде; я не змогу удержати козаковъ якъ на которую сторону схотятъ удатись (Ibid.).

*) Всѣ покою щире прагнуть,
А не въ еденъ гужъ тягнуть;
Той направо, той налѣво,
А всѣ браття: то-то диво!

Министры задумали сдѣлать придирку, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ имѣть юридическое право, по обычаю тогдашняго судопроизводства, подвергнуть доносителей пыткѣ. Они нашли, что донесеніе Ѳедора Осипова, доставленное прежде кіевскому губернатору, въ одной чертѣ не сходится съ показаніемъ Кочубея.

Не машъ любви, не машъ згоды;
Отъ Жовтои взявши Воды
Презъ незгоду всѣ пропали,
Сами себе звоевали!
Ей, братища, пора знати,
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано всее знати
И рѣчами кероватя!
На корабель поглядимо,
Много людей полѣчимо,
Однакъ стирникъ самъ керуеть,
Весь корабель управуеть.
Пчулка бѣдна матку маеть
И оное послухаеть.
Жальсья, Боже, Украины,
Що не вкупѣ маеть сыны!
Еденъ живеть и съ поганы,
Кличеть: „сюды, отаманы!
Идѣмъ матки ратовати,
Не даймо ей погибати“.
Другій ляхомъ за грошъ служить,
По Вкраинѣ и той тужить:
„Мати моя старенькая!
Чомъ ты вельми слабенькая?
Розно тебе розшарпали,
Кгды ажъ по Днѣпръ туркамъ дали.
Все то фортель, щобъ слабѣла
И ажъ въ конець силъ не мѣла“.
Третій Москвѣ южъ голдуеть
И ей вѣрне услугуеть.
Той на матку нарѣкаеть
И недолю проклинаеть.
„Лѣпше було не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити!
Отъ всѣхъ сторонъ ворогують,
Огнемъ, мечемъ руинують,
Отъ всѣхъ не машъ зычливости,
А ни слушной учтивости,
Мужиками называють,
А подданствомъ дорѣкають,
Чомъ ты братовъ не учила,
Чомъ отъ себе ихъ пустила?
Лѣпше було пробувати,
Вкупѣ лихо отбувати.

Въ донесеніи Өедора Осипова, со словъ Искры, говорилось, что Мазепа, послѣ неудавшагося умысла на жизнь государя во время пріѣзда въ Батуринъ Кикина, «всячески тщился, чтобъ его, государя, смерти предать или въ руки взять и непріятелямъ отдать, а въ мимошедшій Филипповъ постъ, совокупившись съ полками своими, хотѣлъ идти на великороссійскіе городы» [49]). Въ дополнительныхъ же статьяхъ Кочубея о намѣреніяхъ гетмана отдать государя въ руки непріятелей и о походѣ войною на великороссійскіе городы не говорится [50]). Спрошенный по этому поводу Искра показалъ, что все это слышалъ онъ отъ Кочубея при женѣ послѣдняго и тогда Искра совѣтовалъ Кочубею подождать съ доносомъ, пока не явятся очевидные признаки преступности Мазепы. Спросили объ этомъ Кочубея. Онъ показалъ, что отъ Искры ничего подобнаго не слыхалъ [51]). Этого было довольно. Нашли разнорѣчіе между показаніями доносителей, развели ихъ по разнымъ покоямъ и приставили къ нимъ караулъ, а пожитки и письма ихъ описали.

Спрошенный потомъ попъ Святайло показалъ, что о намѣреніяхъ Мазепы слышалъ отъ одного Кочубея и по просьбѣ послѣдняго приводилъ къ нему свояка своего Петра Яценка. Когда гетманъ послалъ взять Кочубея въ Диканькѣ, предувѣдомленный о томъ заранѣе Святайло поѣхалъ въ Красный Кутъ и оттуда,

---

Я самъ бѣдный не здолаю
Хиба тилко заволаю:
Ей, панове енералы,
Чому жъ есте такъ оспали?
И вы, панство полковники,
Безъ жаднои политики,
Озмѣтеся всѣ за руки,
Не допустѣть горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти!
Нуте враговъ, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острыхъ шабелъ добувайте,
А за вѣру хочъ умрѣте
И вольностей боронѣте!
Нехай вѣчна буде слава
Же презъ шаблю маемъ права.

Сію пѣсню читаючи и уважаючи одинъ всечестний и розумный отецъ архимандритъ далъ мнѣ оную и радилъ въ спряту добромъ держати (Ibid.).

[49]) Чт. М. О. И. и Д., т. I, стр. 86.

[50]) Ibid., стр. 103.

[51]) Ibid., стр. 118.

по просьбѣ Кочубея и Искры, отправился съ ними въ Смоленскъ [52]).

Сотникъ Кованько, на котораго указалъ Кочубей, какъ на свидѣтеля, слышавшаго слова ксендза Заленскаго въ Печерскомъ монастырѣ, показалъ, что видѣлъ какого-то ксендза у своего полковника, а какъ зовутъ ксендза—не знаетъ; козаки, бывшіе тамъ, спросили ксендза: гдѣ шведъ? Этотъ ксендзъ отвѣчалъ при немъ: «шведъ теперь притаился, но можетъ вдругъ поднять такой огонь, что не скоро затушишь!» Козаки спросили ксендза: «на кого пойдетъ шведъ, не на насъ ли?» А ксендзъ отвѣчалъ: «не на васъ». Кованько больше ничего не слыхалъ, а Кочубей научилъ его говорить при царскихъ министрахъ объ этомъ «съ иными околичностями». Такимъ образомъ выходили не совсѣмъ тѣ рѣчи, какія приписывалъ этому ксендзу Кочубей въ своемъ донесеніи. 24-го апрѣля допрашивали Кованька вторично съ пристрастіемъ. Онъ объявилъ, что о невѣрности гетмана ничего не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ кромѣ Кочубея [53]).

Перекрестъ Петро Яценко объявилъ, что онъ былъ только передатчикъ, съ Кочубеемъ прежде не былъ знакомъ, былъ у него одинъ только разъ при посредствѣ священника Святайла и получилъ отъ него извѣтъ съ порученіемъ передать его протопопу, духовнику государеву въ Москвѣ.

Писцы, бывшіе съ Кочубеемъ, сказали, что они не болѣе какъ только переписывали то, что имъ давалъ Кочубей.

По поводу разнорѣчія въ показаніяхъ, перваго привели къ пыткѣ Искру. «Никакой измѣны за гетманомъ не знаю,—показалъ онъ,—слышалъ о томъ только отъ Кочубея».

Его все-таки подвергли пыткѣ и дали 10 ударовъ кнутомъ. Подъ пыткою Искра объявилъ: «слышалъ я отъ Кочубея, что у него былъ совѣтъ съ миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ и съ генеральнымъ судьею Чуйкевичемъ противъ гетмана; думали они миргородскаго полковника избрать въ гетманы. Чуйкевичъ къ Кочубею присылалъ записку, гдѣ писалъ: «за Днѣпромъ огонь загорается, сохрани Богъ, какъ бы и у насъ не загорѣлся».

Тогда приведенъ былъ къ пыткѣ Кочубей. Не допуская себя до мученій, онъ объявилъ, что никакой измѣны за гетманомъ не

[52]) Idid., стр. 119.
[53]) Ibid, стр. 124.

знаетъ *), что все это выдумалъ онъ по домашней къ гетману злобѣ, а Чуйкевичъ такой записки, какъ говоритъ Искра, ему не писывалъ.

Искру вторично подвергли пыткѣ на томъ основаніи, что Кочубей отрицалъ то, что показывалъ Искра. Дали Искрѣ еще восемь ударовъ. Искра подтвердилъ, что за гетманомъ ничего не знаетъ, кромѣ вѣрности его государю. Весь доносъ выдумалъ Кочубей по злобѣ на гетмана, а его Искру убѣдилъ пристать по свойству и по дружбѣ.

Привели къ пыткѣ Кочубея. Еще разъ, желая избѣгнуть мученій, онъ твердо увѣрялъ, что затѣялъ на гетмана ложный доносъ по злобѣ, а отъ миргородскаго полковника ничего не слыхалъ, кромѣ того только, что тотъ запискою предостерегъ его въ то время, когда гетманъ посылалъ взять его въ Диканькѣ. Но Кочубея все-таки подвергли пыткѣ и дали ему пять ударовъ. Допытывались отъ него: «не было ли ему подсылки отъ непріятелей, не затѣялъ ли онъ доноса по непріятельскимъ факціямъ, чтобъ низвергнуть гетмана и выбрать иного къ тому ихъ злому начинанію склоннаго и кто были еще его единомышленники?» Кочубей повторялъ все то же, что и прежде, — не знаетъ онъ никакой невѣрности за гетманомъ, не было никакихъ отъ непріятелей подсылокъ, не было у него единомышленниковъ, кромѣ Искры, и весь доносъ затѣялъ онъ на гетмана ложно **).

Головкинъ писалъ къ гетману, что слѣдуетъ, заковавши въ желѣзахъ, прислать миргородскаго полковника къ слѣдствію о дѣлѣ Кочубея и Искры. Нѣсколько разъ повторялось это требованіе. Мазепа всѣми способами старался выгородить Апостола и отписывался тѣмъ, что посылать его скованнымъ опасно, чтобы не произошло волненіе между козаками ***).

---

*) ... и спрашивали въ застѣнкѣ Кочубея противъ Искриныхъ словъ, и онъ сначала мялся, а Искра его въ томъ уличалъ, а потомъ Кочубей принесъ повинную, что онъ все то, что написалъ на гетмана, затѣялъ только съ единой злобы своей домашней за дочь и все что въ томъ объявленіи своемъ къ уликѣ гетмана писалъ, все то затѣялъ, хотя тѣмъ свое воровство утвердить (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

**) ... понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради мы еще болѣе пытать его опасались чтобы прежде времени не издохъ, о чемъ донесетъ вашему величеству Озеровъ, который при томъ самъ былъ (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

***) ... миргородскаго полковника здесь въ войску прежде времени безъ очевидного обличенія взять, ковать и до Кіева за караулъ посылать нельзя никакою мѣрою покамѣстъ очною ставкою онъ полковникъ не уличится и не

27-го апрѣля взяты въ бумагахъ Кочубея челобитная на имя государя, гдѣ изложена настоящая причина злобы къ гетману, письма гетмана къ Кочубеевой Мотри и письмо самого гетмана по этому поводу. Попъ Иванъ Святайло сознался, что челобит-

---

обличится, если онъ имѣлъ какое съ Кочубеемъ въ воровствѣ теперешнемъ согласіе, а наипаче нынѣ когда и самъ Кочубей зговорилъ и очистилъ его полковника миргородскаго отъ того согласія и если подъ сее время а еще и въ войску возмется тотъ полковникъ, то можетъ учиниться мятежъ и бунтъ, чего сохрани Боже, понеже его миргородскаго полковника всѣ въ войскѣ почитаютъ и любятъ, а если его полковника та токмо вина изъявляется, что онъ перестерегъ Кочубея отъ посланныхъ моихъ, и о томъ вашей вельможности объявляю, что онъ то учинилъ не нарочно, но сталось то зъ пригоды нечаянно такимъ образомъ: когда я исполняя премощный его царскаго величества указъ собственноручный послалъ полковника гадяцкаго и полковника компанѣйскаго въ трисотномъ числѣ компанѣи тайно по Кочубея и Искру въ полкъ полтавскій и по отправкѣ той посылки удерживалъ въ собѣ тотъ секретъ чрезъ двѣ недѣли и никому о томъ указѣ не объявлялъ, тогда пришедъ ко мнѣ господа сотники и полковники при боку моемъ обрѣтаючіися, донесли мнѣ что козаки ходя собраніемъ и пьяные и терезвые переговариваютъ и говорятъ о нѣкакихъ противныхъ чести моей плевелахъ отъ Кочубея разсѣянныхъ, а одинъ изъ монастыря печерскаго схимонахъ мужъ словомъ и дѣломъ святъ, у котораго для пользы духовной всегда бываютъ полковники и старшины прислалъ мнѣ осторожность, что отъ Кочубея приносятся вредительныя гонору моему разглашенія въ народѣ. Того ради видя я что воровство Кочубеево и Искрино въ явленіе приходитъ и предваряя дабы оттуды не учинился какой мятежъ а надѣясь что посланные мои компанѣею имѣли уже стать въ полку Полтавскомъ, понеже той ихъ посылкѣ уже двѣ недѣли совершилося, призвалъ къ себѣ генеральную старшину и полковниковъ гдѣ былъ и полковникъ миргородскій, объявилъ имъ дѣло и сказалъ, что по именному его царскаго величества указу собственноручному послалъ компанѣю для взятья Кочубея и Искры. Тогда полковникъ миргородскій падъ мнѣ въ ноги со слезами учалъ просить указу листовного къ посланнымъ моимъ, чтобъ они зятя его, а сына Кочубеева не брали и не ковали дабы дочь его не испужалася и отъ печали не умерла, да и просилъ дозволенія дабы мочно было и ему, полковнику, написать до зятя своего, чтобъ онъ, когда отца будутъ брать въ то не мѣшался, который какъ самъ затѣялъ, такъ чтобы самъ и отбывалъ, а онъ зять чтобъ ѣхалъ съ своею женою до Сорочинецъ въ домъ его полковничій. И потому его полковника слезному прошенію далемъ ему до посланныхъ моихъ листъ, чтобъ зятя его не занимали и не возбраняли ѣхать въ Сорочинцы, и ему полковнику позволилемъ до того своего зятя писать, съ которымъ моимъ листомъ до зятя а не до Кочубея послалъ онъ полковникъ слугу своего прямо до маетности Кочубеевой надѣясь, что тамъ уже посланныхъ моихъ застанетъ, который слуга не знаючи дѣла и розминувши съ посланными моими (которые за многими переправами а наипаче на рѣкахъ Днѣпрѣ, Пслѣ, Ворсклѣ и прочихъ и обходя прямой трактъ для порваныхъ гребель отъ роспаленія водного на Лубны, умедлили въ томъ пути) прибѣжалъ въ маетность Кочубееву до Диканьки и явився во дворѣ отдалъ сыну Кочубееву при самомъ отцѣ отъ полковника миргородскаго тестя его листъ, а Кочубей писмо то взявши и прочетъ того жъ часу ятся бѣгству. И того жъ дня котораго онъ съ Искрою ушолъ, нападши по

ную составлялъ онъ, со словъ Кочубея, который просилъ его, какъ духовную особу, сочинить, «вынимая тексты изъ Священнаго Писанія» [54]).

30-го апрѣля Кочубей, Искра и всѣ прикосновенные къ дѣлу, исключая ахтырскаго полковника, отправлены въ оковахъ въ Смоленскъ. Ихъ везли подъ карауломъ до Порѣчья на суднѣ, а потомъ на повозкахъ въ Смоленскъ. Тамъ поразсаживали ихъ порознь, запретивши имъ видѣться и сноситься между собою. При Кочубеѣ и Искрѣ постоянно находились два офицера, перемѣняясь такъ, чтобы преступники не могли быть ни минуты безъ надзора. Хотя попъ Святайло, сотникъ Кованько, перекрестъ Яценко и писцы не обвинялись прямо въ доносѣ на гетмана, но министры нашли, что ихъ нельзя отпускать въ Украину, потому что тогда гетману будетъ это «не безъ сумнѣнія». Министры предоставляли окончательную судьбу всѣхъ преступниковъ царской волѣ, но представляли на утвержденіе царю приговоръ: Кочубея и Искру казнить смертію, попа Святайла сослать въ Соловки, а сотника Кованька въ Архангельскъ для поверстанія въ службу; Яценка и чернеца Никанора, которые собственно были только передатчиками доноса, за то, что впутались въ чужія дѣла, сочли неприличнымъ оставлять въ Украинѣ и приговорили ихъ сослать на жительство въ какіе-нибудь великороссійскіе городы [55]). Ѳедора Осипова отпустили съ похвалою, нашедши его «человѣкомъ добрымъ, умнымъ и на нынѣшнее время потребнымъ». О немъ написана была похвальная грамота къ кіевскому губернатору, которому указывалось распространить ее по всей Малороссіи.

сланные мои нечаянно на дворъ, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслѣдъ гнали даже до Краснаго Кута, гдѣ уже не дерзая безъ вѣдома моего имъ чинить, возвратилися паки до Диканьки въ маетность Кочубееву и тамъ взяли было сына его зятя полковника миргородскаго и листъ до него писанный вышеупомянутый, изъ кармана вынявъ ко мнѣ прислали которой у себе имѣю и ничего въ немъ противнаго не обрѣтаю. Толко внутренняя и тайная Богъ вѣсть, для сего надобно бы тутъ Кочубея на очную съ нимъ ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покамѣстъ Кочубей пришлется, приказалъ я сотникамъ и полковникамъ политично миргородскаго полковника назирать да и самъ недримателное на оного имѣю око хотя онъ еще ничего не знаетъ, кромѣ того, что Кочубей на пыткѣ былъ и повинился (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письмо Мазепы къ Головкину, доставленное царю съ письмомъ Головкина отъ 9-го мая).

[54]) Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., т. I, стр. 124—133.

[55]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина. Донесеніе царю 16-го мая.

Мазепѣ было не по вкусу, что дѣло о доносѣ на него разбиралось не въ Украинѣ, и онъ нѣсколько разъ письмами домогался отъ Головкина и Шафирова, чтобы враги его были присланы къ нему на расправу. Узнавши, что послѣ первыхъ допросовъ обвиненныхъ отправили въ Смоленскъ до дальнѣйшаго указа, Мазепа встревожился, такъ какъ это показывало, что дѣло еще не кончилось и можетъ повернуться иначе. Тогда Мазепа еще сильнѣе домогался присылки Кочубея и Искры къ нему на казнь и пугалъ царскихъ министровъ, что въ Малороссіи происходятъ толки и расходятся слухи, будто Кочубей придетъ снова въ царскую милость и станетъ гетманомъ *).

Но царя Петра безпокоила въ то время мысль — не совершонъ ли былъ этотъ доносъ по непріятельскому подущенію. Время было военное и мысль эта естественно приходила царю въ го-

*) 23-го мая писалъ Головкинъ царю: „Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленскъ и велѣли держать ихъ до указу вашего величества, только не было бы продолженіемъ того дѣла сумнѣнія гетману. Многократно проситъ онъ прислать оныхъ въ войско для обличенія ихъ воровства и потомъ каранія какое ваше величество надъ ними учинить повелите. А въ народѣ малороссійскомъ отъ его, Кочубеевыхъ единомышленниковъ, разсѣеваются многія плевелы: будто Кочубея и Искру изъ Смоленска въ Петербургъ препроводили и будто на него гетмана вашъ великій гнѣвъ; и нынѣ де обозного генералного челядника въ Кіевъ ѣдучого въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняя била и изъ мѣстечка, отнявши лошадь, выгнала съ таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Пріѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей! Тоже всюды въ простомъ народѣ безумные повѣсти разглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какого-то добывать, а когда добудетъ отпущенъ будетъ на гетманство. Такое де смущеніе и мятежъ отъ плевосѣятелей единомышленниковъ Кочубеевыхъ потамѣстъ не можетъ искорениться, пока народъ не увидитъ ихъ привезенныхъ туда къ гетману въ оковахъ и достойную казнь по дѣломъ своимъ воспріемлющихъ, ибо хотя де оныхъ Кочубея и Искру и въ уголь здѣсь сожгутъ, никто отъ тамошнихъ не будетъ вѣдать и вѣрить. Да и честь его гетманская въ великомъ пониженіи и обруганіи обрѣтается, ибо оные клеветники на него не только въ Великой Россіи письмами обругали и въ Малой Россіи много въ уши клеветали неправду, измѣнническимъ порокомъ славу и честь его испраздняя и возбуждая противъ него на бунтъ, но и по инымъ заграничнымъ землямъ, по Польшѣ, по Литвѣ и по инымъ то разсѣяли. Понеже гетманъ Синявскій резидента его о томъ вопрошалъ, и желательные его корреспонденты изъ Волохъ и Мультанъ до него гетмана писали соболѣзнуя о немъ, о чемъ онъ гетманъ зѣло печалится и проситъ ваше величество о присылкѣ ихъ въ войско, дабы всякъ оныхъ увидя въ томъ увѣрился и тѣмъ бы плевелы и возмущенія пресѣклися. А хотя къ нему грамоты царскаго величества съ объявленіемъ воровства ихъ посланы, но оные ему въ простомъ народѣ повсюду внушать невозможно (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8).

лову. Ему казалось, что Кочубея и Искру допрашивали не достаточно строго. По отправленіи ихъ въ Смоленскъ, когда министры прислали къ царю проектъ рѣшенія дѣла, Петръ пріостановилъ утвержденіе и написалъ Головкину, чтобы преступниковъ еще разъ допросили съ пыткою. Напрасно Головкинъ представлялъ государю письменно, что Кочубея по старости и дряхлости пытать невозможно *),—Петръ далъ указъ привезти ихъ снова и сдѣлать имъ послѣдній допросъ подъ пыткою.

По такому царскому указу 28-го мая всѣхъ ихъ привезли изъ Смоленска въ Витебскъ и подвергли допросу подъ пыткою. Кочубею дали три удара, Искрѣ—шесть, попу Святайлу—двадцать, сотнику Кованькѣ — четырнадцать. Всѣ стояли на прежнемъ. Кочубей увѣрялъ, что онъ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ кромѣ Искры, затѣялъ ложный доносъ на гетмана по злобѣ; прочіе — что не знали ни о какихъ постороннихъ подущеніяхъ и повторяли только то, что слыхали отъ Кочубея [56]). Министры добивались отъ Кочубея, не сказывалъ ли ему чего-нибудь миргородскій полковникъ, не подавалъ ли ему по свойству какого нибудь совѣта. Кочубей твердилъ, что ничего подобнаго не было, все онъ самъ затѣялъ на гетмана, единственно по старой къ нему злобѣ, на томъ твердо стоитъ и съ тѣмъ готовъ на смерть идти.

Во время производившихся пытокъ надъ доносчиками, по преданію, занесенному въ печатный міръ историкомъ Малороссіи Бантышъ-Каменскимъ, попъ Святайло и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу прикрытые окровавленными рогожами. Кованько замѣтилъ, что московскій кнутъ такъ пріятенъ, что его годилось бы купить женамъ на гостинецъ. Онъ, какъ кажется, разумѣлъ жену Кочубея, которая настроила своего мужа, а черезъ него и прочихъ завлекла въ доносъ.—«А чтобъ тебя!—

---

*) ... А о чемъ ваше величество повелѣвать изволите Кочубея еще спрашивать нѣтъ ли отъ непріятеля или отъ поляковъ или отъ запорожцевъ подсылки въ гетманскомъ или иномъ дѣлѣ, и о томъ подлинно при пыткѣ ихъ спрашивали и они въ томъ не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затѣяли все по злобѣ на гетмана. И при отпускѣ въ Смоленскъ паки съ пристрастіемъ пытки накрѣпко ихъ спрашивали, ино ничего не могли отъ нихъ увѣдать, а болѣй пытать Кочубея опаслись, чтобъ прежде времени не издохъ, понеже зѣло дряхлъ и старъ и послѣ того былъ едва не при смерти и писано намъ уже изъ Порѣчья, что зѣло оный тамъ боленъ былъ, и еслибъ его паки пытать, то чаемъ, чтобъ конечно, издохъ и опасно, чтобъ отъ того не произошло какое сумнѣніе въ народѣ (Ibid).

[56]) Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., т. I, стр. 144—146.

отвѣчалъ Кованькѣ Святайло. — Мало развѣ тебѣ спину исписали?» *)

Въ заключеніе допросили Кочубея о его сокровищахъ. Онъ показалъ, что у него въ домѣ осталось 4.000 червонцевъ въ одной «скрынькѣ», да въ другой—500 червонцевъ и 2.000 талеровъ, затѣмъ по долгамъ до 18.000 золотыхъ. Страдалецъ счелъ долгомъ присовокупить, что многіе думаютъ, будто у него великія богатства, но это не справедливо: все, что имъ ни получалось, тратилось на домашніе расходы **). Свое показаніе Кочубей подписалъ очень оригинально: «окаянный проступца и згубца дому и дѣтей своихъ» [57]). Послѣ такого заявленія никто изъ производившихъ слѣдствіе не сомнѣвался въ томъ, что этотъ новый доносъ на Мазепу былъ также ложенъ, какъ и прежніе.

Головкину очень хотѣлось достать миргородскаго полковника и онъ роопталъ на гетмана, что тотъ, несмотря на неоднократныя требованія, не хочетъ прислать Апостола къ дѣлу. Мазепа, желая во что бы то ни стало спасти Апостола, доказывалъ, что наносить безчестіе такому лицу, какъ полковникъ Апостолъ— нельзя, и обѣщалъ приняться за него только тогда, когда будутъ доставлены къ нему главные доносчики ***).

*) Отче Иване! Якажъ московська пужка солодка! Купимъ ее жинкамъ на гостинецъ! — Богдай тебе, Петре, побила лиха година, хиба трохи тоби спину исписали! — отвѣчалъ Святайло (*Бантышъ-Каменскій*: „Ист. Малой Рос.“, т. III, прим. III, стр. 37).

**) ... А що многіе особы розумѣютъ быти у мене великіе скарбы то тое кладутъ рѣчь мнѣ тѣсную не розсуждаючи же мнѣ не дали того способу, абымъ умѣлъ з скарбу богатитися, воловъ гона до Гданска не отправлялемъ и горѣлокъ такъ достатнѣ не робилемъ, абы разомъ тридцать або пятдесятъ куфъ продати и десятка никому не продалемъ и пяти гуртовою продажею; а що въ селахъ бывало горѣлка вышенкуется тое все оборочалося въ дворовые расходы; треба было опрочь харчей и напитковъ себѣ и на дѣтки суконки и чоботки и иншіе охендоженья купити и челядь одѣвати и плату давати а и духовнымъ особамъ, якъ чужеземскимъ такъ и тутешнимъ по прошенію и по зможности подлугъ моей мелкой особы въ милостыню давалося больше твердою нежели мелкою монетою. Бывало тежъ тое по многу, же когда бывало человѣкъ якій знакомитый талеремъ и другимъ поклониться, то и не принималемъ, назадъ отдавалемъ. А що убогимъ бѣднымъ чеховою давалося, нехай тое не будетъ въ лицемѣріе, и на будованье килкихъ церквей деревяныхъ що выложилося, того грѣхъ споминати але по приказу докладаю... (Чтенія, 1859 г., т. I, стр. 142).

[57]) Чтенія М. О. И. и Др., 1859 г., т. I, стр. 142.

***) ... До обличенія миргородскаго полковника очною ставкою тутъ при войскѣ безъ явственныхъ доводовъ жестько и ревностно поступать, приниматься за него и обезчесчивать его опасно, ибо онъ человѣкъ заслуженный и отъ всѣхъ полковниковъ старѣйшій имѣючій повагу и любовь у всего войска,

Наконецъ, Кочубея и Искру, измученныхъ пытками, отправили въ оковахъ въ Смоленскъ, а 13 іюня повезли ихъ воднымъ путемъ по Днѣпру въ Кіевъ для отдачи гетману на казнь. Несчастныхъ провожалъ стольникъ Вельяминовъ-Зерновъ въ сопровожденіи роты солдатъ и достигъ Кіева 29 числа того же мѣсяца. Онъ помѣстилъ преступниковъ въ новой Печерской крѣпости, сдавши ихъ по наказу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а къ Мазепѣ, находившемуся съ обозомъ подъ Бѣлою Церковью, отправилъ гонца съ извѣстіемъ.

Доносъ Кочубея надѣлалъ Мазепѣ много страха; онъ чувствовалъ, что если Кочубей не въ силахъ будетъ представить правительству явныхъ доводовъ измѣны гетмана, то все таки скажетъ кое что такое, что̀ будетъ на самомъ дѣлѣ правдою и можетъ подтвердиться показаніями другихъ, если царь вздумаетъ вести это дѣло пошире. Изъ окружавшихъ гетмана старшинъ о его тайномъ замыслѣ зналъ пока только одинъ генеральный писарь Орликъ. Мазепа, по собственному опыту съ Самойловичемъ, зналъ, какъ удобно можетъ старшина подкопаться подъ гетмана, и побаивался предательства отъ Орлика. «Смотри, Орликъ,—говорилъ онъ ему,—будь мнѣ вѣренъ: самъ вѣдаешь, въ какой нахожусь я милости. Не промѣняютъ меня на тебя. Ты убогъ, я богатъ, а Москва гроши любитъ. Мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь».

Опасенія Мазепы не были напрасны. У Орлика, какъ онъ самъ послѣ сознавался, шевелилось искушеніе сдѣлать доносъ на своего гетмана. Но онъ заглушилъ въ себѣ это искушеніе: совѣсть воспрещала ему покуситься на своего господина и благодѣтеля, которому онъ присягнулъ въ вѣрности, тогда какъ для царя онъ былъ совсѣмъ чужой—иноземецъ, пришелецъ и даже не произносилъ царю присяги на вѣрность. Предъ нимъ являлся жалкій образъ Мокріевича, который предалъ Демка Многогрѣшнаго, а послѣ, по волѣ Самойловича, вмѣсто ожидаемой награды, лишился писарскаго уряда, подвергся изгнанію и во всю остальную жизнь терпѣлъ поношеніе отъ мірскихъ и духовныхъ

до того съ генералными особами якъ и съ полковниками спріятелился, понеже Ломиковскій обозный и Чуйкевичъ судья и прилуцкій полковникъ близкіе ему по сынахъ своихъ и по его миргородскаго полковника дочеряхъ сваты, лубенскій—дядя, нѣжинскій—швакгеръ, и другіе съ нимъ близки. Надобно подождать пока привезутъ Кочубея и Искру: тогда за него примемся (Гос. Архивъ. Письма Мазепы).

особъ. «Устрашала меня,—говоритъ онъ,—страшная, нигдѣ въ свѣтѣ не бывалая суровость великороссійскихъ порядковъ, гдѣ многіе невинные могутъ погибать и гдѣ доносчику дается первый кнутъ; у меня же въ рукахъ не было и письменныхъ доводовъ».

Въ то время, какъ Мазепѣ не удалось поймать Кочубея и Искру, когда они успѣли ускользнуть и пробраться къ верховному правительству, страхъ до того одолѣлъ Мазепу, что онъ раскаявался въ своемъ замыслѣ и говорилъ, что оставитъ его *). Тогда Мазепа, какъ кажется, на нѣкоторое время перервалъ свои тайныя сношенія съ царскими непріятелями; по крайней мѣрѣ о нихъ отъ первой половины 1708 года не сохранилось свѣдѣній. Не мудрено, что гетманъ былъ недоволенъ и тѣми, съ которыми велъ эти сношенія, такъ какъ ему стало извѣстно, что между поляками распространялись уже слухи о его склонности передаться на шведскую сторону. Эти слухи исходили отъ самого Станислава и былъ большой поводъ порицать послѣдняго за недостатокъ скрытности. Но раскаяніе Мазепы скоро прошло, когда онъ съ одной стороны получалъ отъ Головкина и отъ самаго царя милостивыя обнадеживанія, что клеветникамъ не будетъ дано вѣры, а съ другой—между своими старшинами замѣчалъ такое настроеніе, которое могло ободрить его замыслы. Еще онъ не открывалъ тайны никому кромѣ Орлика, а уже обозный Ломиковскій и полковники: прилуцкій Горленко, миргородскій Апостолъ и лубенскій Зеленскій въ разговорахъ съ нимъ стали скорбѣть о нарушеніи москалями войсковыхъ правъ и заявлять желаніе воспользоваться текущими военными обстоятельствами, чтобъ утвердить цѣлость козачества и полную независимость всей Украины: выходило, что они сами предлагали то, что уже давно обдумывалъ Мазепа. Но гетманъ не только съ перваго раза имъ не поддавался, а, испытывая искренность ихъ, спорилъ съ ними, доводилъ ихъ до того, что они горячились и увѣряли въ своемъ доброжелательствѣ, въ готовности не отступать отъ своего вождя и региментаря въ случаѣ самаго наибольшаго несчастія; и довелъ ихъ Мазепа до того, что они стали принуждать его сойтись со шведами, твердя, что надобно ему промышлять о пользѣ всего края. Тогда Мазепа мало-по-малу сталъ показывать видъ, будто начинаетъ колебаться и поддается ихъ доводамъ и обѣщаніямъ—и они, обрадовавшись, просили дать имъ клятвенное обѣ-

*) ... видѣлемъ его Мазепу великою боязнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія (Письмо Орлика).

щаніе въ вѣрности, а они дадутъ ему подобное отъ себя.— «Напишите сами,—сказалъ Мазепа,—какъ знаете, а я буду поступать какъ вы велите». Обозный Ломиковскій написалъ и подалъ Мазепѣ вмѣстѣ съ другими единомышленниками. Мазепа взялъ написанное, держалъ у себя, кое-что исправилъ, потомъ позвалъ всѣхъ къ себѣ. Подали крестъ и евангеліе. Сначала они цѣловали то и другое и произнесли присягу, потомъ также присягнулъ и онъ передъ всѣми. Въ этой присягѣ положили, по соображенію обстоятельствъ, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать имъ противъ московскаго царя съ тѣмъ, чтобы, при заключеніи мира, Украина была признана вполнѣ независимою страною. И такъ выходило, будто все это дѣло исходитъ отъ старшинъ, которые къ нему понуждаютъ гетмана, тогда какъ собственно старшины, сами того не зная, исполняли давнее предрѣшенное желаніе своего гетмана и были его слѣпыми орудіями. Вотъ, въ силу такого согласія со старшинами, гетманъ такъ упорно отстаивалъ миргородскаго полковника, запутавшагося въ Кочубеевское дѣло.

Послѣ обоюдной присяги, данной гетманомъ четыремъ лицамъ и обратно послѣдними гетману, мысль объ отложеніи отъ царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Такимъ образомъ, самъ собою формировался заговоръ. Орликъ говоритъ, что ему еще разъ въ эту пору приходила въ голову мысль, чрезъ посредство подъячаго, состоявшаго при войсковой канцеляріи для изученія малороссійскаго языка, сообщить тайно Меншикову, что по поводу доноса Кочубея гетманъ находится въ боязни и опасеніи, а между генеральными старшинами и полковниками возникаетъ ропотъ за обиды великороссіянъ и за нарушенія войсковыхъ правъ; по этой причинѣ не худо было бы прислать отъ царя знатную особу, чтобъ отобрать присягу въ вѣрности царю отъ гетмана, отъ всѣхъ старшинъ, полковниковъ и сотниковъ. «Этимъ способомъ,—говоритъ Орликъ,—я намѣревался прервать Мазепины замыслы, отвратить отъ нихъ старшинъ и между тѣмъ исполнить это безъ поврежденія своей совѣсти и присяги». Намъ непонятно, что̀ собственно могло произвести хорошаго это намѣреніе Орлика. Если Мазепа и его соумышленники уже твердо задумали сдѣлать крутой поворотъ въ такомъ политическомъ дѣлѣ, то едва ли остановила бы ихъ эта присяга, тѣмъ болѣе когда гетманъ, уже при самомъ своемъ избраніи, былъ связанъ

ею. Орликъ далѣе говоритъ, что когда пришло извѣстіе о томъ, что Кочубея и Искру пришлютъ къ гетману для казни, онъ оставилъ свое намѣреніе дѣлать сообщеніе Меншикову, памятуя совѣтъ латинскаго поэта — научаться осторожности изъ чужой бѣды *).

Тогда какъ Мазепа велъ у себя дѣло такъ, будто не онъ малороссіянъ, а малороссіяне его увлекаютъ отступать отъ царя ради независимости Украины,—его тайный агентъ, старшинамъ, какъ видно, неизвѣстный, низложенный болгарскій архіерей, переѣзжавшій отъ Мазепы къ царскимъ непріятелямъ и обратно отъ нихъ къ Мазепѣ, заключилъ по волѣ Мазепы тайный договоръ съ Карломъ и Станиславомъ. Съ первымъ условія были временныя и касались только военныхъ дѣйствій. Мазепа просилъ Карла вступить въ Украину съ своимъ побѣдоносным войскомъ и освободить козаковъ отъ московской тираніи. Въ этихъ видахъ онъ обязывался передать шведамъ для зимнихъ квартиръ укрѣпленныя мѣста въ Сѣверщинѣ: Стародубъ, Мглинъ, Новгородъ-Сѣверскъ и другіе города, причислявшіеся прежде къ Великому Княжеству Литовскому. Гетманъ обязывался доставлять изъ Украины провіантъ для разставленныхъ тамъ шведскихъ войскъ. Кромѣ того онъ обѣщалъ склонить на сторону шведовъ донскихъ козаковъ, которые также какъ и малороссійскіе недовольны царемъ за стѣсненіе ихъ войсковыхъ правъ и вольностей. Наконецъ, Мазепа обѣщалъ употребить все стараніе, чтобы склонить къ союзу со шведами противъ московскаго царя калмыцкаго хана Аюку со всѣми подчиненными ему калмыцкими полчищами. Карлъ, тѣмъ временемъ, съ остальнымъ шведскимъ войскомъ направится на Москву, а между тѣмъ изъ Финляндіи пойдетъ съ иными шведскими силами генералъ Либекеръ, завоюетъ и разрушитъ Петербургъ и проникнетъ въ земли новгородскую и псковскую. Такимъ образомъ царь московскій, стѣсненный съ разныхъ сторонъ, долженъ будетъ, покинувши свою столицу, удалиться къ сѣверной части Волги, гдѣ край не такъ плодороденъ, какъ лежащія на югъ отъ Москвы области. Русскія войска уже доказали на опытѣ, что не могутъ устоять въ открытомъ полѣ противъ храбраго шведскаго войска и шведскій король можетъ надѣяться предписать своему врагу законы, а московскій царь долженъ будетъ или отдаться на волю побѣдителя, послѣ того,

*) Felix quem faciunt aliena pericula cautum (Письмо Орлика).

какъ увидитъ свое войско разбѣжавшимся во всѣ стороны, или же съ остатками своихъ военныхъ силъ погибать отъ голода и лишеній всякаго рода.

Со Станиславомъ, находившимся вмѣстѣ съ Карломъ, было заключено еще такое условіе. Вся Украина съ Сѣверскимъ княжествомъ, съ Черниговомъ и Кіевомъ, а также и Смоленскъ присоединялись къ польской Рѣчи Посполитой, а Мазепѣ, въ вознагражденіе за такую услугу, обѣщанъ былъ титулъ княжескій и предоставлялись ему во владѣніе воеводства Полоцкое и Витебское на такихъ правахъ, на какихъ владѣлъ герцогъ Курляндскій подвластнымъ ему краемъ. Заранѣе предполагался день, когда Мазепа созоветъ своихъ полковниковъ, объявитъ имъ договоръ и постарается уговорить ихъ добровольно принять его, такъ какъ этотъ договоръ даетъ имъ средства возвратить себѣ прежнюю вольность, отъ которой москали оставили имъ одну тѣнь *).

Въ исторіи Карла XII, составленной Фрикселемъ [58]), который пользовался дѣлами въ шведскомъ государственномъ архивѣ, говорится, что Мазепа былъ склонёнъ на сторону Станислава преимущественно іезуитами, которымъ онъ поддался, потому что съ юности былъ привязанъ къ римской церкви, и хотя впослѣдствіи изъ видовъ казался православнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ только притворялся и внутренно не терпѣлъ православнаго исповѣданія. Подобное качество въ Мазепѣ признается въ манифестахъ царя Петра и въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго [59]), гдѣ обличаютъ Мазепу въ намѣреніи отдать Польшѣ Малую Россію съ цѣлью ввести римскую вѣру и унію. Такое же намѣреніе приписывается Мазепѣ въ исторіи Петра Великаго до Пол-

---

*) ... Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogthümer Severien, Kiow, Tchernikow und Smolensko wieder unter polnischer Herschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titul eines Fürsten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art wie der Herzog von Curland sein Land, besetzet zu überlassen, endlich ward ein Tag anberaumet, an welchem Mazeppa seine Obristen zusammen ruffen ihnen diesen Vergleich vortragen und sie von freien Stücken darein zu willigen bereden solte, welches letzere desto eher zu vermuhten stünde, wann er ihnen die umwiedersprechlichen Vortheile vorstelle, so sie daraus zu gewarten hätten, in dem sie ihre vorige Freiheit wieder erlangten, wovon die Moscowiter ihnen nichts als den Schatten übrig gelassen (*Адлерфельдъ*, нѣмецкій переводъ, изд. 1742 г., ч. III, стр. 236).

[58]) Нѣмецкій переводъ, стр. 78—79.

[59]) Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 183—184, 197—223.

тавской битвы Θеофана Прокоповича. Въ договорахъ, сообщенныхъ Адлерфельдомъ, современникомъ близнимъ къ Карлу и много разъ видѣвшимъ Мазепу, о вѣрѣ нѣтъ ничего.

Само собою разумѣется, что Мазепа такого договора, заключеннаго польскимъ королемъ, не могъ объявлять никому изъ старшинъ: онъ хорошо зналъ, что никто изъ малороссіянъ не захотѣлъ бы добровольно отдаваться Польшѣ. Поэтому передъ землянами онъ выставлялъ цѣлію замысла независимость Украины. Къ этому давно уже стремились малороссійскіе патріоты. Это повидимому не было бы противно и посполитому народу, тѣмъ болѣе, что недовольство великороссіянами черезчуръ рѣзко вездѣ высказывалось и оно-то подавало Мазепѣ и его единомышленникамъ надежду, что ихъ замыселъ найдетъ себѣ благопріятный отзывъ въ народной массѣ.

29-го іюня Мазепа съ обозомъ стоялъ подъ Бѣлою Церковью. Въ этотъ день полученъ былъ имъ царскій указъ воротиться къ Кіеву и расположиться по близости его до дальнѣйшаго царскаго указа. Въ этотъ день было тезоименитство царя Петра и Мазепа отправилъ къ нему поздравительное письмо съ пожеланіями побѣдъ надъ врагами, что̀ изумительно становилось въ разрѣзъ съ дѣйствительными чувствами малороссійскаго гетмана *).

Мазепа двинулся въ путь, какъ вдругъ прибѣжалъ къ нему изъ Кіева гонецъ отъ Вельяминова-Зернова съ извѣщеніемъ, что онъ привезъ Кочубея и Искру для совершенія надъ ними смертной казни. Гетманъ отправилъ туда своего генеральнаго бунчужнаго Максимовича съ сотнею компанейцевъ. Несчастныхъ осужденныхъ привезли скованными 11-го іюля въ гетманскій обозъ, находившійся въ Борщаговкѣ, въ восьми миляхъ отъ Бѣлой Церкви. На другой день Вельяминовъ-Зерновъ подалъ гетману въ

*) ... Благопривѣтствую убо вашему царскому пресвѣтлому величеству покорнымъ сердцемъ тезоименитаго ангела св. апостола Петра камени именнаго, желаю усердіемъ истиннымъ подданскимъ, дабы тотъ камень вѣры оружіе на пораженіе полчищъ непріятельскихъ изострилъ и горделиваго шведскаго Голіаθа обезглавилъ, а православнаго вашего царскаго величества монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путяхъ ваше царское величество сохранялъ, да не когда претъкнеши о камень ноги твоея. А яко теперъ Божіею милостію ордынованы отъ мене полки полтавскій и компанейскій противъ вора Булавина получили надъ партіею его бунтовничою одолѣніе, тако и впредъ за молитвами тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, да покоритъ камень краеугольный сильный въ бранѣхъ Господь всякаго супостата подъ нозѣ вашего царского величества и всякъ падый на семъ камени да разбіется... (Гос. Арх. Письма Мазепы).

присутствіи всѣхъ старшинъ царскую грамоту, что Кочубей и Искра, за ложный доносъ на гетмана, осуждены на смертную казнь. Грамота была прочтена всенародно. Кочубея еще разъ подвергли допросу объ имуществѣ, и онъ, въ дополненіе къ прежнему показанію, сообщилъ еще о 1.500 червонцахъ и 200 ефимкахъ, обѣщанныхъ имъ въ раздачу дѣтямъ, о 1.000 червонцахъ принадлежащихъ его умершей дочери Забѣлиной по мужу, обѣщанныхъ на строеніе церкви въ Батуринѣ, о нѣсколькихъ штукахъ серебряной посуды и объ украшеніяхъ, наконецъ о нѣкоторыхъ суммахъ, состоявшихъ на долгахъ.

14-го іюля утромъ рано преступники выведены были передъ собраніе всего Войска Запорожскаго и передъ толпы стекшагося съ разныхъ мѣстъ малороссійскаго народа. Ихъ конвоировали три великороссійскія роты съ заряженными ружьями. Прочитаны были ихъ вины. Затѣмъ ихъ обоихъ подвели къ плахѣ и отрубили головы. Тѣла ихъ лежали въ продолженіи всей литургіи выставленными на позоръ. По окончаніи литургіи, положили ихъ въ гробы и повезли въ Кіевъ. Тамъ они были погребены въ Кіево-Печерской лаврѣ близъ трапезной церкви, гдѣ и теперь можно видѣть надъ ними каменныя плиты съ истершеюся отъ времени надписью, сложенною, конечно, уже послѣ измѣны Мазепы *).

Въ наказѣ, данномъ Вельяминову-Зернову, привезшему преступниковъ, велѣно было объявить волю государя, чтобы преступники были казнены; но если гетманъ станетъ просить, чтобъ

---

*) Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій
Елицы здѣ естесмо положены сущи!
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати.
За правду и вѣрность къ монарсѣ нашу
Страданія и смерти испыймо чашу.
Злуданіемъ Мазепы всевѣчно правы,
Посѣчены зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708 мѣсяца іюля 15 дня посѣчены средь обозу войскового за Бѣлою Церковью на Борщаговцѣ и Ковшевомъ благородный Василій Кочубей судья генеральный и Іоаннъ Искра полковникъ полтавскій, привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.

Прим. автора: Свѣдѣнія о совершеніи казни 14 іюля взяты изъ донесенія стольника Вельяминова-Зернова; а по запискѣ диканьскаго священника и по надгробной надписи она совершилась 15 іюля.

ихъ оставить въ живыхъ, то Вельяминовъ-Зерновъ долженъ былъ ограничиться отвѣтомъ, что въ наказѣ у него нѣтъ о томъ ничего и онъ не смѣетъ ничего чинить безъ царскаго указа. Такого великодушія со стороны гетмана не послѣдовало. Мазепа, въ посланной тогда государю грамотѣ, выразился, что христіанское милосердіе побуждало его просить освобожденія отъ смертной казни «лжеклеветниковъ и всенародныхъ возмутителей», но такъ какъ они дерзнули «языкомъ льстивымъ и лживымъ бл...словить о превысочайшемъ вашего царскаго величества гонорѣ и здравіи, за которое всѣмъ намъ подъ высокою вашею державою и сладчайшимъ государствованіемъ пребывающимъ должно и достойно до послѣдней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душепагубно»,—поэтому онъ не оказалъ милосердія клеветникамъ [60]).

Въ письмахъ къ Головкину гетманъ показалъ желаніе оказать милость семействамъ казненныхъ и отдать женамъ ихъ и дѣтямъ Кочубеевымъ имущества, «понеже,—выразился онъ,— многіе наипаче духовные докучаютъ мнѣ многими прошеніями, дабы и жена Кочубеева и дѣти ихъ и жена Искрина могли безъ жадной бѣды и скорби въ домахъ своихъ проживати спокойно и мирно и своихъ имѣній употреблять, понеже мужи ихъ за свое преступленіе смертную уже казнь восприяли» [61]).

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[60]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго", т. XV, стр. 131.
[61]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.

Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка *).

I.

Статистическія свѣдѣнія о духовныхъ вотчинахъ.—Синодальные, архіерейскіе, монастырскіе и церковные крестьяне.

Послѣ крѣпостныхъ крестьянъ второе мѣсто по многочисленности въ ряду всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія занимали во второй половинѣ XVIII вѣка крестьяне духовныхъ вотчинъ. Несмотря на то, что еще со времени Ивана III правительство стало принимать мѣры, чтобъ ограничить увеличеніе числа населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ духовенству, владѣнія этого сословія все разростались; да это и понятно, если принять во вниманіе, что даже тѣ государи, которые, какъ Иванъ Грозный или Алексѣй Михайловичъ, дѣйствовали наиболѣе энергично въ этомъ отношеніи, въ то же время продолжали, по примѣру своихъ предшественниковъ, жаловать вотчины различнымъ монастырямъ. Нужно замѣтить, однако, что владѣнія духовенства, до опредѣленія ихъ точнаго размѣра, казались еще болѣе обширными, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Монастырскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго при Петрѣ Великомъ было около 150.000 дворовъ, считалъ населеніе своей области почти пятою частью всего крестьянства; между тѣмъ процентъ духовныхъ крестьянъ во всемъ сельскомъ населеніи государства былъ гораздо менѣе значителенъ, какъ это видно изъ точныхъ данныхъ второй и третьей

*) Этотъ историческій очеркъ, составленный, кромѣ печатныхъ источниковъ, по документамъ архивовъ министерства юстиціи, министерства иностранныхъ дѣлъ, межеваго, сенатскаго, II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и Вольнаго Экономическаго Общества, посвященъ духовнымъ вотчинамъ Великороссіи и Сибири.

ревизій. Во время второй ревизіи, окончившейся въ 1747 году, крестьянъ синодальныхъ (бывшихъ патріаршихъ) было 37.426, архіерейскихъ—116.376, монастырскихъ—728.736 и соборныхъ и церковныхъ—23.767 душъ мужскаго пола, всего же—906.305 душъ муж. пола (за исключеніемъ Малороссіи, въ которой, какъ и при слѣдующей ревизіи, переписи не производилось). Всего крестьянъ въ это время было около 6½ милл. душъ муж. пола,—слѣдовательно, крестьяне духовенства составляли 14% сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. Во время третьей ревизіи (въ первые годы царствованія императрицы Екатерины) крестьянъ «духовныхъ вотчинъ» (бывшихъ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ) было 960.226, да еще соборныхъ и церковныхъ 31.535 душъ, итого—991.761 душъ муж. пола. Всего крестьянъ въ это время было болѣе 7 милл., такъ что крестьяне духовныхъ вотчинъ составляли 12,4% сельскаго населенія, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ во время второй ревизіи. Территоріальное распредѣленіе духовныхъ вотчинъ значительно отличалось отъ распредѣленія помѣщичьихъ имѣній. Въ то время, когда крѣпостныхъ на сѣверныхъ окраинахъ государства было самое ничтожное количество, а въ Сибири ихъ и вовсе не было, духовные крестьяне составляли въ этой мѣстности, особенно на сѣверѣ Европейской Россіи, значительный процентъ населенія *).

Для указанія размѣровъ земельныхъ владѣній отдѣльныхъ архіерейскихъ домовъ и монастырей единственнымъ полнымъ источникомъ служитъ вѣдомость, составленная въ 1744 году. Данныя ея не совершенно совпадаютъ со свѣдѣніями второй ревизіи, тѣмъ не менѣе изъ нея все-таки видно, какія учрежденія были наиболѣе крупными духовными вотчинниками.

Почти всѣ архіерейскіе дома имѣли весьма значительное количество крестьянъ. Такъ, напримѣръ, Велико-Новгородская каѳедра имѣла сама по себѣ 19.763 д., а съ приписными монастырями по описи 1763 года—21.500 душъ муж. пола. Чудовъ каѳедральный монастырь (Московской епархіи) имѣлъ въ 1744 году 18.681 д., Ростовскій архіерейскій домъ—16.340 д., Тверской—11.980 д., каѳедральный Троицкій Ипатіевскій монастырь

*) Первое мѣсто по относительному количеству духовныхъ крестьянъ во время третьей ревизіи занимала Новгородская губ. (25,8%); а затѣмъ въ убывающемъ порядкѣ слѣдовали губерніи: Московская (20,8%), Архангельская (14,4%), Нижегородская (10,2%), Казанская (9,8%), Смоленская (7,2%), Бѣлгородская (6,5%), Оренбургская (5,8%), Воронежская (5,3%) и Сибирь (5,3%).

(Костромской епархіи)—11.266 д., Казанскій архіерейскій домъ—10.009 д. и т. д. Всего за 22-мя архіерейскими каѳедрами было по вѣдомости 1744 года 164.419 душъ *),—слѣдовательно, среднимъ числомъ по 7.474 души на архіерейскій домъ.

Самый богатый изъ архіерейскихъ домовъ имѣлъ только 21.500 душъ крестьянъ; у богатѣйшаго изъ монастырей—Троицко-Сергіевской лавры—съ 12-ю приписными къ ней монастырями ихъ было впятеро болѣе, а именно около 106.000 душъ. Назовемъ нѣкоторые изъ монастырей особенно богатыхъ крестьянами. Троицкій Александро-Невскій монастырь имѣлъ въ 1744 году 25.464 д., Успенскій Трифоновъ (Вятской епархіи)—23.859 д. Кирилловъ-Бѣлозерскій съ 2-мя приписными къ нему (Вологодской епархіи)—21.590 д., Саввинъ-Сторожевскій монастырь—16.047 д., Вознесенскій женскій монастырь (Московской епархіи)—15.582 д., московскій Новодѣвичій монастырь—14.480 д. московскій Новоспасскій ставропигіальный монастырь—14.14 душъ, Спасскій ярославскій — 13.981 душъ, Воскресенскій называемый Новый Іерусалимъ—13.660 душъ, московскій Симоновъ монастырь—12.146 д., Іосифовъ волоколамскій (Переяславской епархіи)—11.422 д., Пафнутіевъ боровскій—11.06 душъ и т. д. Всего монастырей, имѣющихъ населенныя вотчины (за исключеніемъ каѳедральныхъ) было 457. Если принять во вниманіе, что за ставропигіальными монастырями числилось около 20 приписныхъ, а за остальными около 30, то всѣхъ монастырей, имѣвшихъ населенныя имѣнія, будетъ около 507. А такъ какъ общее количество монастырей въ тѣхъ же епархіяхъ было 822, то, слѣдовательно, значительно болѣе половины ихъ (61%) имѣли крестьянъ. Если же взять мужскіе и женскіе монастыри отдѣльно (первыхъ было всего 633, вторыхъ—189), то окажется что изъ мужскихъ имѣли крестьянъ 60%, а изъ женскихъ—36%. Затѣмъ изъ общаго количества вотчинныхъ монастырей не считая приписныхъ, т.-е. изъ 457 монастырей, имѣвшіе менѣе 10 душъ составляли 6,4%, имѣвшіе отъ 11 до 30 д.—7%, отъ 31 до 60 д.—9,6%, отъ 60 до 100 д.—7%; слѣдовательно, всего менѣе 30 д., крестьянъ имѣли 13,4% монастырей, отъ 30 до 100 д.—16,6%, а болѣе 100 д.—70%, в

*) Значительная разница данныхъ объ архіерейскихъ крестьянахъ по вѣдомости 1744 г. и по свѣдѣнію второй ревизіи, вѣроятно, происходитъ отъ тог что вотчины каѳедральныхъ монастырей зачислены по вѣдомости 1744 года число архіерейскихъ, а по второй ревизіи—въ число монастырскихъ крестьян

томъ числѣ однихъ монастырей, имѣвшихъ болѣе 5.000 д., было 5,7%. Если сравнить этотъ выводъ съ тѣмъ, который получается при изслѣдованіи помѣщичьяго землевладѣнія во вторую половину XVIII вѣка, то мы увидимъ, что между тѣмъ какъ среди помѣщиковъ преобладало мелкое и среднее землевладѣніе (имѣвшихъ менѣе 30 д. было 62,7%, а отъ 30 до 100 душъ—21,1%), монастыри были преимущественно крупными вотчинниками (помѣщиковъ имѣвшихъ болѣе 100 д. было лишь около 16%). Если раздѣлить общую сумму крестьянъ ставропигіальныхъ и епархіальныхъ монастырей на число этихъ монастырей, не считая приписныхъ, то на каждый изъ нихъ среднимъ числомъ придется 1.445 душъ.

Монастырскіе крестьяне принадлежали по преимуществу крупнымъ вотчинникамъ; но былъ разрядъ духовныхъ имѣній, въ которомъ преобладало, напротивъ, мелкопомѣстное землевладѣніе: мы говоримъ о соборныхъ и церковныхъ крестьянахъ. Милютинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о недвижимыхъ имуществахъ духовенства полагалъ, что вотчины приходскихъ церквей составляли явленіе исключительное; но это несправедливо: какъ намъ уже извѣстно, по второй ревизіи соборныхъ и церковныхъ крестьянъ было 23.767 д., а по третьей—31.535 душъ *).

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно все число соборовъ и церквей, владѣвшихъ крестьянами. Въ «Духовныхъ штатахъ» мы имѣемъ только вѣдомость соборовъ и церквей, у которыхъ было *болѣе 20 душъ* крестьянъ. Такихъ въ 1764 году оказалось: соборовъ 27 и приходскихъ церквей 105, итого—132 **).

Что касается того, были ли вотчинные соборы, имѣвшіе менѣе 20 душъ крестьянъ, то если они и существовали, ихъ во всякомъ случаѣ было самое ничтожное количество,—по крайней мѣрѣ въ данныхъ генеральнаго межеванія мы не нашли ни одного подобнаго собора. Такимъ образомъ вотчинные соборы были разбросаны по всей Великороссіи. Что же касается приходскихъ

---

*) Во время третьей ревизіи соборныхъ и церковныхъ крестьянъ въ тогдашней Московской губерніи было 15.651 д., въ тогдашней Новгородской (въ составъ которой входила и Псковская провинція)—13.665 д., въ Воронежской—1.445, Нижегородской—613 и Бѣлгородской—161 душа муж. пола.

**) Вотчинные соборы, имѣвшіе болѣе 20 душъ, находились въ слѣдующихъ городахъ: Псковѣ, Островѣ, Изборскѣ, Великихъ Лукахъ, Торопцѣ (2), Устюгѣ (3), Сольвычегодскѣ, Ярославлѣ, Кашинѣ, Устюжнѣ-Желѣзнопольской, Торжкѣ, Ржевѣ (2), Зарайскѣ, Муромѣ, Бѣлевѣ, Курскѣ, Путивлѣ, Брянскѣ (2), Трубчевскѣ, Чебоксарахъ, Арзамасѣ и въ селѣ Лысковѣ.

церквей, имѣвшихъ болѣе 20 душъ крестьянъ, общее число которыхъ, какъ мы уже знаемъ, доходило до 105, то наибольшая ихъ часть (а именно—три четверти всѣхъ такихъ вотчинныхъ церквей) находилась въ прежней Псковской провинціи, входившей въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II въ составъ Новгородской губ. *). Затѣмъ вотчинныя приходскія церкви были еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Устюгѣ Великомъ—14, въ Новгородѣ—6, Сольвычегодскѣ—4, Лихвинѣ—1, Темниковѣ—1. Кромѣ того мы нашли въ данныхъ генеральнаго межеванія еще около 40 вотчинныхъ церквей (не помѣщенныхъ въ спискѣ тѣхъ, которыя имѣли болѣе 20 душъ); почти всѣ онѣ находились въ Псковской провинціи. Такимъ образомъ можно принять, что всѣхъ вотчинныхъ церквей было около 150, а такихъ же соборовъ, какъ мы уже знаемъ, 27,—слѣдовательно, всѣхъ вотчинныхъ соборовъ и церквей было около 177. Среднимъ числомъ на каждый соборъ или церковь приходилось 178 душъ крестьянъ, между тѣмъ какъ на одинъ монастырь пришлось 1.445 д., а на одну архіерейскую каѳедру—7.474 души.

Если мы возьмемъ всѣ разряды крестьянъ духовнаго вѣдомства (синодальные, архіерейскіе и церковные) и сопоставимъ ихъ съ частными владѣльцами Великороссіи, то мы найдемъ, что самымъ крупнымъ вотчинникомъ была Троицко-Сергіевская лавра (около 106.000 душъ); затѣмъ второе мѣсто принадлежитъ графу П. Б. Шереметеву, который въ Великороссіи имѣлъ болѣе 64.000 душъ (не считая того, что онъ далъ въ приданое за своею дочерью болѣе 14.000 д.); третье мѣсто занимаетъ графъ К. Г. Разумовскій, который въ одной Великороссіи, не считая его огромныхъ малороссійскихъ вотчинъ, владѣлъ болѣе чѣмъ 34.000 душъ. Затѣмъ будутъ слѣдовать опять духовные вотчинники: синодальный домъ (по второй ревизіи 31.468 душъ), Александро-Невскій—(25.464 д.), Успенскій-Трифоновъ монастырь Вятской епархіи—(23.859 д.), Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь (21.590 д.), Велико-Новгородская каѳедра (21.500

*) А именно: въ городѣ Псковѣ ихъ было 38, въ Опочкѣ—7, въ Пусто-Ржевѣ (нынѣшній Ново-Ржевъ)—8, въ Вышгородѣ—7, въ Изборскѣ—5, въ Гдовѣ—4, въ Кобыльѣ—3, въ Воронежѣ—3, въ Островѣ—2 и въ Вельѣ—3, итого—79 церквей. Сопоставимъ съ этимъ свидѣтельство митрополита Маркела въ XVII вѣкѣ: „Здѣсь, во Псковѣ, — писалъ онъ,—всѣ церкви вотчинныя, и по древнему обыкновенію церквами владѣютъ и тѣми вотчинами корыстуются мужики", т.-е. мірскіе люди. *Бѣляевъ*: „Разсказы изъ Русской исторіи", т. III, стр. 92 и 93.

душъ) и только девятое мѣсто принадлежитъ опять частному лицу: графъ А. С. Строгановъ имѣлъ 19.000 д. муж. пола *).

II.

Положеніе духовныхъ вотчинъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. — Повинности крестьянъ. — Истязанія отъ духовныхъ властей и управителей. — Администрація духовныхъ вотчинъ.—Выводныя деньги.—Рекрутчина.

Въ отношеніяхъ правительства къ имѣніямъ духовенства мы видимъ въ XVIII вѣкѣ не мало колебаній, прежде чѣмъ была окончательно сознана необходимость ихъ секуляризаціи. Петръ Великій, учредивъ въ 1701 году монастырскій приказъ, лишилъ духовенство права непосредственнаго управленія патріаршими, архіерейскими и монастырскими вотчинами; на содержаніе чернаго духовенства велѣно было отпускать опредѣленное количество денегъ и хлѣба, а остальное употреблять на нужды благотворительности и просвѣщенія. Въ 1720 г. духовныя вотчины были по-прежнему переданы въ завѣдываніе духовенства, однако монастырскій приказъ, закрытый тогда, былъ вновь возстановленъ въ 1721 году, но уже какъ учрежденіе зависимое отъ синода, и былъ окончательно уничтоженъ въ 1724 году. Онъ былъ преобразованъ въ особое хозяйственное отдѣленіе подъ именемъ «камеръ-конторы». «Но, получивъ вотчины во свое управленіе,—говоритъ извѣстный историкъ церкви г. Знаменскій,—архіереи и монастыри все-таки не могли распоряжаться своими доходами съ нихъ самостоятельно, по-прежнему должны были довольствоваться опредѣленнымъ окладомъ, затѣмъ все остальное предоставлять въ распоряженіе правительства... Всѣ хозяйственныя дѣйствія ихъ подчинены строгой отчетности; при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ заведены шнуровыя книги, велѣно подавать въ синодъ ежегодно отчетъ, назначены наказанія за недоимки и начеты по сборамъ. Прежнее недовольство ихъ на монастырскій приказъ обратилось теперь на синодъ, который принялъ на себя и обязанности, и отвѣтственность приказа... Между тѣмъ самъ св. синодъ очень тяготился своею отвѣтственностью по недоимкамъ, которыя правительство приписывало единственно дурному хозяйству «духовной команды». За 1721—22 гг. недоимки возросли до 1.224.620 рублей». Въ 1726 году велѣно было учре-

*) Нужно замѣтить къ тому же, что относительно духовныхъ вотчинниковъ мы беремъ данныя 1744 года, а для свѣтскихъ—свѣдѣнія второй половины XVIII вѣка.

дить при синодѣ особый департаментъ изъ шести лицъ свѣтскаго званія, названный коллегіей экономіи синодальнаго правленія, которая по всѣмъ недуховнымъ дѣламъ должна была входить съ представленіемъ не въ синодъ, а въ сенатъ. Въ 1738 году при Аннѣ Ивановнѣ коллегія экономіи была совершенно передана въ вѣдѣніе сената; въ ея завѣдываніи велѣно быть и синодальнымъ вотчинамъ, такъ какъ на нихъ оказалась большая недоимка. Елизавета Петровна, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ годовъ своего царствованія, держалась относительно духовныхъ имѣній совершенно другой системы. Всѣ дѣйствія ея относительно церковныхъ имуществъ,—говоритъ Милютинъ,—«клонились не столько къ сохраненію, сколько къ уничтоженію введеннаго Петромъ Великимъ устройства. Въ ея царствованіе не только возвращались монастырямъ отобранныя у нихъ имущества, но и давались новыя; императрица не только подтверждала жалованныя грамоты прежняго времени, но и предоставляла ихъ вновь нѣкоторымъ обителямъ. Она хотѣла прекратить даже разсылку отставныхъ солдатъ по монастырямъ для пропитанія». Понятно, что при ней въ 1744 г. коллегія экономіи была уничтожена и высшее управленіе церковными вотчинами было вновь поручено синоду: велѣно было «всѣ доходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и проч., что были въ вѣдомствѣ той коллегіи, отдать въ вѣдомство и управленіе св. синода по-прежнему со всѣми расходами, на что было положено и употреблялось изъ тѣхъ доходовъ при... Петрѣ Великомъ». Устраненіе контроля свѣтскихъ властей развязало руки духовнымъ лицамъ, и скоро обнаружились печальныя для крестьянъ послѣдствія такого порядка, какъ это будетъ видно изъ слѣдующаго ниже очерка положенія крестьянъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Повинности крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства были чрезвычайно разнообразны и весьма неодинаковы по количеству, такъ что весьма затруднительно установить въ этомъ отношеніи средвія нормы. Относительно крѣпостныхъ крестьянъ это можно сдѣлать съ гораздо большею опредѣленностью. Крѣпостные рѣзко раздѣлялись на оброчныхъ и барщинныхъ. На основаніи общихъ современныхъ свидѣтельствъ и многихъ частныхъ указаній можно опредѣлить средній размѣръ оброка въ различные періоды Екатерининскаго царствованія; барщинная повинность опредѣлялась извѣстнымъ количествомъ дней въ недѣлю работы на помѣщика и о числѣ этихъ дней есть также много извѣстій.

Далеко не такъ ясно мы можемъ представить себѣ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ вотчинахъ духовенства. Мы имѣемъ возможность перечислить всѣ роды повинностей и разнообразныхъ поборовъ, взимаемыхъ тамъ съ крестьянъ, но лишь въ немногихъ случаяхъ можемъ опредѣлить, какъ велико было бремя, ложившееся на каждаго крестьянина; между тѣмъ для крестьянъ, напримѣръ, дворцоваго вѣдомства такой выводъ можно сдѣлать съ большею точностью, вслѣдствіе того, что ихъ натуральныя повинности въ теченіе XVIII вѣка постепенно перелагались на деньги и процессъ этотъ въ разсматриваемую нами теперь эпоху почти окончательно завершился.

Тѣмъ не менѣе положеніе крестьянъ въ духовныхъ вотчинахъ будетъ для насъ довольно ясно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ вотчинахъ приписаннаго къ синодальному дому Николаевскаго Амвросіева Дудина монастыря, Нижегородскаго уѣзда, 940 д. до 1752 года пахали и убирали ежегодно 117 десятинъ въ каждомъ полѣ, слѣдовательно всего 351 дес. (нѣсколько болѣе 1/3 дес. на каждую душу), сѣна косили 1.300 копенъ, ставили дровъ 480 возовъ и «прочее монастырское издѣлие исправляли», котораго, по словамъ властей, «исчислить не можно».—Крестьяне Шацкаго уѣзда Николаевскаго Чернева монастыря, отданнаго въ 1758 г. на содержаніе Тамбовскаго архіерейскаго дома, 1.763 души, обработывали по 110 дес. въ каждомъ полѣ, слѣдовательно всего 330 дес., кромѣ косьбы сѣна, ловли рыбы, починки разныхъ строеній и т. п.; да кромѣ того, по словамъ крестьянъ, 400 д. изъ нихъ ходили по очереди на работу при архіерейскомъ домѣ.—Крестьяне лихвинскаго Покровскаго мужскаго монастыря, 1.214 душъ, въ Лихвинскомъ и Чернскомъ уѣздахъ, пахали пашни на монастырь всего только 93 дес. во всѣхъ поляхъ, да косили сѣнныхъ покосовъ 940 волоковыхъ копенъ. Но кромѣ того съ нихъ взималось ежегодно вмѣсто столовыхъ припасовъ деньгами 112 руб., конопляннаго сѣмени 23 четверти, хмѣлю 47 четв., ржи столько же, куриныхъ яицъ 6.016, дровъ 188 саженъ. Работниковъ они посылали въ монастырь, для различныхъ работъ, годовыхъ 6 человѣкъ и для суточнаго караула также 6 человѣкъ.—Крестьяне вотчины Новоспасскаго монастыря Шацкаго уѣзда, 2.194 души, пахали въ 50-хъ годахъ пашни на монастырь 504 десятины во всѣхъ поляхъ, слѣдовательно менѣе четверти десятины на душу, косили много сѣна, давали 16 четвертей ржи, столько же овса, оброка 90 рублей и разныхъ

денежныхъ поборовъ за погреба, за пеньку, холсты, яйца, орѣхи, за работниковъ около 30 копѣекъ съ души; кромѣ того давали 580 подводъ для отвоза монастырскаго хлѣба въ Москву или иногда, по предложенію властей, покупали хлѣбъ на мѣстѣ по московской цѣнѣ и такимъ образомъ избавлялись отъ подводной повинности, а монастырское начальство покупало хлѣбъ въ Москвѣ на полученныя такимъ образомъ деньги.—Крестьяне Троицкаго-Калязина монастыря, Кашинскаго уѣзда, 7.222 души, пахали на монастырь пашни 772 дес. во всѣхъ поляхъ, накашивали на сѣнныхъ покосахъ сѣна 340 стоговъ (каждый въ обхватѣ по 10 саж.). Сверхъ того до 1755 г. они платили ежегодно 488 руб. деньгами и давали разные столовые припасы: грибы, ягоды, яйца, ставили работниковъ, приготовляли сани, телѣги и прочее. Въ 1755 году архимандритъ взыскалъ съ нихъ 720 руб.; въ 1756 г., по приказу монастырскихъ властей, они уплатили 5.900 рублей, т. е. около 81 копѣйки съ каждой души, и 143 барана; въ 1757 году съ нихъ велѣно собирать за грибы, ягоды, орѣхи, уголья и проч. по 40 коп. съ души. Крестьяне въ поданной ими челобитной просили объ опредѣленіи ихъ на оброкъ. Тяжелое положеніе ихъ еще ухудшалось злоупотребленіями прикащиковъ, о чемъ мы скажемъ ниже.—Крестьяне угличскаго Николо-Улейминскаго монастыря, 1.579 душъ, исполняли въ 1761 году на монастырь слѣдующія работы: обработывали и убирали поля, косили сѣно, рубили капусту, варили пиво и квасъ, набивали снѣгомъ погреба, производили постройки. Вся эта работа потребовала съ каждой ревизской души барщины по 7¼ дней конныхъ и по 9½ дней пѣшихъ. Если оцѣнить этотъ трудъ по таксѣ, установленной правительствомъ для горнозаводскихъ крестьянъ (лѣтомъ за пѣшаго работника 5 коп., за коннаго—10 коп., зимою за пѣшаго—4 и коннаго—6 к., принявъ среднимъ числомъ за коннаго—8 коп., а за пѣшаго—4½ коп.), то мы получимъ, что стоимость работъ, приходившихся на долю каждой ревизской души, приблизительно равнялась одному рублю.—Весьма подробныя свѣдѣнія о сборахъ и повинностяхъ, существовавшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, мы находимъ въ наказѣ крестьянъ одного села, принадлежавшаго тобольскому Знаменскому монастырю. Прежде всего за пользованіе землею крестьяне вносили «пятинный хлѣбъ», т. е. пятый снопъ изъ урожая. Затѣмъ разную работу они работали по 13 дней; пахали пашни съ вѣнца на своихъ лошадяхъ по одной трети десятины и рвали конопли по два

дня; плели сѣтей для рыбной ловли по сажени изъ своей конопли, «неводы садили и починивали и неводили недѣли по 2 и по 3»; мяли конопли по одному пуду и парили по одной четверти толокна. Кромѣ того съ нихъ собиралось съ каждаго вѣнца: сѣна по 20 печатныхъ копенъ (каждая копна равнялась возу), а у кого не было сѣна, съ тѣхъ брали отъ 2 до 5 рублей,—по полторы сажени дровъ, по два бревна, по двѣ кади уголья, по 10 фунтовъ лыка и три скалы бересты, а кто не ставилъ всего этого, долженъ былъ платить по 72 коп. въ годъ. Кромѣ того съ крестьянъ взыскивали по однѣмъ санямъ и дровнямъ съ десяти вѣнцовъ (а кто не поставитъ, брали за сани по 50 к., а за дровни по 20 к.), по лопатѣ и одной лычной веревкѣ, смолы брали съ 10 душъ по одному печатному ведру, груздей по ведру, грибовъ по рѣшету. Они давали еще съ вѣнца по двѣ подводы въ городъ на разстояніи 63 верстъ и по двѣ подводы на мельницу (16 верстъ), возили хлѣбъ, живую рыбу, пиво, сѣно и проч. Старики 70—80 лѣтніе караулили запоры и рыбу въ садкахъ, собирали хмѣль, пряли по 10 фунтовъ пряжи на невода изъ монастырской конопли. Кромѣ того нанимали отъ міра по 15 человѣкъ плотниковъ, которымъ платили по 7—15 р. въ годъ *). Сверхъ всего этого крестьяне жали яроваго хлѣба по 40 и ржи по 20 суснопоьъ, пшеницу отбирали въ теченіе 5 дней, ячмень скоблили и чистили, колупали сѣру съ хвойныхъ деревьевъ; съ каждой дѣвушки, достигшей 15 лѣтъ, брали тонкаго холста по 5 аршинъ. Отъ всѣхъ этихъ работъ, по словамъ крестьянъ, они пришли въ такое «крайнее разореніе», что и чрезъ нѣсколько лѣтъ не могли оправиться. Дѣйствительно, нельзя не признать, что ихъ положеніе было крайне тяжелое.—Крестьяне Троицкаго тюменскаго монастыря (63 души), сообщая о тѣхъ повинностяхъ, которыя они исполняли (земледѣльческія работы, поставка дровъ, подводы и караулы), оцѣниваютъ ихъ на деньги; оказывается, что они отработывали ежегодно въ пользу монастыря на 1 руб. 72 коп. съ души.

Итакъ, въ названныхъ нами монастырскихъ вотчинахъ, состоявшихъ на барщинѣ, также какъ и въ другихъ имъ подобныхъ, крестьяне исполняли разныя земледѣльческія работы на

*) При другомъ архимандритѣ на этихъ крестьянъ было прибавлено еще нѣкоторое количество лѣсныхъ матеріаловъ, собирали со всей вотчины болѣе пуда масла, да въ теченіе трехъ лѣтъ посылали изъ нихъ 19 человѣкъ по недѣлѣ къ митрополиту Павлу.

поляхъ и огородахъ, косили сѣно, возили лѣсъ и приготовляли кирпичъ *), производили различныя постройки, давали подводы, пасли монастырскіе табуны, приготовляли невода, ловили рыбу, набивали погреба льдомъ, варили пиво и квасъ, содержали караулы; съ крестьянъ собирали хлѣбъ, сѣно, дрова, бревна, уголья, лыко, коноплю, толокно, барановъ, яйца, орѣхи, ягоды, грибы, масло, сыръ, мясо, лопаты, веревки, сани, хомуты, дуги, оглобли, возжи, ведра, смолу и т. п. Кромѣ того, или въ замѣнъ нѣкоторыхъ взносовъ натурою, съ нихъ взимались различные денежные сборы: на пропитаніе отставныхъ, за столовые запасы **). Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барская запашка была гораздо значительнѣе; тамъ весьма умѣреннымъ урокомъ считалась обработка одной десятины въ полѣ на каждое тягло,—слѣдовательно, на душу въ 3-хъ поляхъ около полуторы десятины; но количество другихъ поборовъ и повинностей было, повидимому, умѣреннѣе.

Кромѣ барщинныхъ монастырскихъ вотчинъ были и оброчныя. Иногда крестьяне, состоявшіе прежде на барщинѣ, по ихъ просьбѣ переводились на оброкъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне одного села Бѣлопесоцкаго монастыря, Каширскаго уѣзда (124 души), пахали до 1757 г. въ трехъ поляхъ 106 дес. монастырской пашни, косили сѣно, чинили казенный домъ, находившійся въ ихъ селѣ, и дѣлали все, что нужно для «домоваго исправленія». Но съ этого года, по челобитью ихъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, всѣ монастырскія земли и сѣнные покосы отданы были имъ за оброкъ по 2 рубля въ годъ съ каждой десятины, такъ что имъ приходилось вносить по 1 руб. 71 коп. съ души, причемъ они пользовались и тою землей, что прежде обрабатывалась на монастырь ***).

Въ оброчныхъ монастырскихъ вотчинахъ, кромѣ денежнаго взноса, крестьяне исполняли иной разъ различныя повинности и давали всевозможные предметы натурою или соотвѣтственное количество денегъ. Двѣ волости, принадлежавшія Свіяскому Успен-

---

*) Крестьяне Воскресенскаго монастыря заявили, что они приготовляли для церковнаго строенія въ лѣто по 200—300 тысячъ кирпича.

**) Мѣстами на сѣверѣ Россіи крестьяне числились за монастырями и церквами въ половникахъ; такъ было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

***) По просьбы крестьянъ о переводѣ на оброкъ часто и не удовлетворялись.

скому монастырю въ городѣ Брянскѣ (3.295 душъ), платили монастырю оброкъ по рублю съ души; да сверхъ того одна волость ставила въ монастырь лубьевъ липовыхъ 500, лопатъ 500, неводныхъ полотенъ 26 саженъ, сканцовъ 52 мотка, лычныя веревки для невода; другая волость доставляла рогожъ 500, кульковъ рогожныхъ 500; также неводныя полотна, сканцы, лычныя веревки. Кромѣ того крестьяне той и другой волости работали на монастырскихъ огородахъ, чинили плотины и мельницы, отбывали караулы и т. д. Изъ челобитной крестьянъ Саввина-Сторожевскаго монастыря мы видѣли, что они платили оброка по 1 рублю съ души, но кромѣ того архимандритъ посылалъ ихъ всѣхъ поголовно на работу въ теченіе двухъ недѣль и болѣе. Однажды онъ заставилъ ихъ чистить прудъ въ самую страдную пору, и такъ какъ они не дали требуемой съ нихъ взятки (700 руб.), то продержалъ ихъ на этой работѣ болѣе мѣсяца. Такимъ образомъ,—говорятъ крестьяне,—«мы къ посѣву яроваго хлѣба допущены не были и многія наши крестьянскія тягла лежатъ впустѣ; а хотя нѣкоторыя тягла и засѣяны были, только оныя засѣяны были сторонними людьми, къ тому же и оставшими въ нашихъ домѣхъ съ женами и дѣвками, отчего причинился на оставшей нашей тяглой землѣ недосѣвъ и противъ прежнихъ лѣтъ въ хлѣбѣ недостатокъ». Ихъ заставили также ломать камни зимою въ самое неудобное время, такъ какъ они не дали архимандриту взятки въ 90 руб. Крестьяне приготовляли ежегодно семь неводовъ, вили канаты изъ своей пеньки, ставили плотниковъ и штукатуровъ, чинили ветхія монастырскія строенія, хотя на это были ассигнованы особыя деньги. Этотъ же архимандритъ велѣлъ крестьянамъ содержать отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которые прежде пропитывались на монастырскій счетъ. Кромѣ того крестьяне вносили въ годъ за дрова, колеса и сани, коровье масло, хмѣль, на покупку ломовъ и рукавицъ, на пилы и проч. болѣе 1.300 руб. въ годъ.

Случалось, что изъ вотчинъ одного и того же монастыря однѣ состояли на барщинѣ, а другія—на оброкѣ, и неравенство положенія вызывало неудовольствіе въ барщинныхъ крестьянахъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ очень трудно сдѣлать выводъ о среднемъ размѣрѣ повинностей крестьянъ въ духовныхъ вотчинахъ; есть однако же возможность указать, что считали высшія духовныя власти наиболѣе обыкновеннымъ доходомъ съ крестьянъ

Мы увидимъ ниже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжесть повинностей, а еще чаще злоупотребленія мѣстныхъ духовныхъ властей вызывали волненія среди монастырскихъ крестьянъ. Такія волненія происходили въ пятидесятыхъ годахъ, между прочимъ, въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря и Спасо-ярославскаго. Въ октябрѣ 1756 г. синодъ для успокоенія крестьянъ принялъ слѣдующую мѣру. Онъ предписалъ пахатную и сѣнокосную работы прекратить и земли, обрабатываемыя прежде на монастырь, раздать во владѣніе крестьянамъ по тягламъ; если же останется еще лишняя земля, то сдать изъ оброку своимъ крестьянамъ, кто взять захочетъ, на какой бы то ни было срокъ, а если свои не возьмутъ, то и постороннимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянъ перевести на оброкъ и собирать его ежегодно по рублю съ души. Въ дѣлѣ о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря есть свѣдѣнія, что указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; быть-можетъ онъ остался безъ результатовъ и для вотчинъ Спасо-ярославскаго монастыря, но введеніе синодомъ одинаковаго рублеваго оброка въ имѣніяхъ различныхъ мѣстностей доказываетъ, что синодъ считалъ такой сборъ соотвѣтствующимъ среднему размѣру повинностой монастырскихъ крестьянъ. Напомнимъ, что стоимость повинности въ вотчинахъ угличскаго Николо-Улейминскаго монастыря, по нашему вычисленію, также приблизительно равнялась одному рублю. Крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря платили рублевый оброкъ; архимандритъ требовалъ еще нѣкоторыхъ работъ и денежныхъ сборовъ, но крестьяне считали это незаконнымъ. Однимъ словомъ, стоимость наиболѣе обыкновенныхъ повинностей или нормальный оброкъ для пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія можно принять въ одинъ рубль (это подтверждается и тѣмъ, что при секуляризаціи духовныхъ имѣній въ царствованіе Петра III съ крестьянъ велѣно было взимать по 1 рублю съ души); несомнѣнно однако, что монастырскія власти иной разъ значительно превышали эту норму.

Весьма обременительно для монастырскихъ крестьянъ было то, что изъ среды ихъ брались въ служителя для монастырей и архіерейскихъ домовъ, которые составляли нѣчто въ родѣ крѣпостной дворни.

Какъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ крестьяне не были ограждены закономъ въ пользованіи отведенною имъ землею, такъ было и въ духовныхъ вотчинахъ, и они нерѣдко жаловались въ своихъ челобитныхъ на отобраніе отъ нихъ монастырскими властями

земли, прежде находившейся въ ихъ пользованіи. Такъ, напримѣръ, въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря было произведено значительное увеличеніе монастырской запашки; при этомъ у крестьянъ была отрѣзана часть ихъ пахатной «одворичной» земли. Правда, соотвѣтственное количество земли было отведено крестьянамъ изъ монастырскихъ дачъ, но эта мѣна возбудила ихъ сильное неудовольствіе; очевидно, они получили землю худшаго качества или вовсе еще нераспаханную. Крестьяне Троицко-калязинскаго монастыря жаловались, что «поросшіе тяглые ихъ поселки или пустоши», оставшіеся послѣ вышедшихъ или выморочныхъ крестьянъ, были взяты на монастырь и къ тому же ихъ заставили обрабатывать эти земли (772 дес. пашни во всѣхъ поляхъ и сѣнныхъ покосовъ на 340 стоговъ; всѣхъ крестьянъ въ этой вотчинѣ было 7.222 души). Крестьяне Муромскаго собора жаловались, что протопопъ отнялъ у нихъ 45 дес. пахатной земли и еще покосы.

Несмотря на эту необезпеченность крестьянъ въ пользованіи своими надѣлами, нужно полагать, что въ большинствѣ случаевъ имъ отводилось достаточное количество земли. Правда, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ крестьянской запашки въ это время, но мы видѣли, что собственно монастырской пашни приходилось весьма небольшое количество на каждую душу, а между тѣмъ послѣ секуляризаціи духовныхъ вотчинъ въ ихъ пользованіи, какъ мы покажемъ ниже, на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія, оказалось значительное количество пахотныхъ земель.

Не одно обремененіе работами и разными поборами вызывало неудовольствіе крестьянъ, принадлежавшихъ духовенству, — они нерѣдко подвергались еще различнымъ мученіямъ и истязаніямъ, какъ и крѣпостные крестьяне. Такъ, наприм., крестьяне Николаевскаго Амвросіева Дудина монастыря жаловались, что ихъ архимандритъ «завсегда мужескій полъ въ цѣпи сажаетъ, мучитъ и плетьми бьетъ безвинно». Въ вотчинѣ Новоспасскаго монастыря управитель, вымогая взятки, по словамъ крестьянъ, «держитъ ихъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетьми, палками, пинками, смертными побои и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучитъ голодною и студеною смертью, и... разглашаетъ, что въ вотчину за тѣмъ и съѣхалъ: разоритъ всѣхъ до конца и искоренить». Крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря жаловались, что архиман-

дритъ, заставивъ ихъ ломать камни зимой, безчеловѣчно бьетъ ихъ палками, чтобы принудить къ работѣ. По словамъ крестьянъ Троицкаго-Калязина монастыря архимандритъ, пріѣхавъ къ нимъ для собиранія излишнихъ платежей, очевидно на вопросъ, по чьему указу имъ приходится платить болѣе, сказалъ: «Я пріѣхалъ самъ указъ!» — и нещадно билъ 30 человѣкъ. Отъ монастырскихъ властей не отставало и соборное духовенство. По словамъ крестьянъ, муромскій протопопъ съ братіей «чинитъ имъ разореніе и смертные побои... и въ торговые дни приказываетъ ихъ всѣхъ ловить и приводить въ муромскую воеводскую канцелярію и держать подъ карауломъ безвинно, похваляясь всѣхъ ихъ бить кнутомъ, и самъ ѣздитъ по рѣкамъ съ ружьями съ свойственниками своими, муромской воеводской канцеляріи подъячими, и на рѣкѣ Тешѣ, поймавъ на плотахъ крестьянина Никиту Данилова, билъ батожьемъ смертно». Муромскій же протопопъ, производя разныя беззаконія во время рекрутскихъ наборовъ, мучитъ «немилостиво крестьянъ, а иныхъ и кнутьями». Въ Сибири монастырскія власти являлись иногда суровыми вотчинниками не только относительно сборовъ съ крестьянъ (см. выше), но и относительно личной расправы съ ними. Вотъ что разсказываютъ крестьяне нѣкоторыхъ деревень тюменскаго Троицкаго монастыря. Въ 1756 году архимандритъ Софроній обложилъ ихъ тяжелыми сборами и барщиной; всѣ, начиная отъ 15-ти лѣтъ, должны были работать; старики наряжались въ караулы; словомъ, съ каждой окладной души приходилось въ годъ по 173 рабочихъ дня, да деньгами по 88 копѣекъ, «кромѣ положенныхъ по силѣ указовъ помѣстныхъ денегъ», «а ежели когда изъ нашей братіи,— писали крестьяне,— платежемъ таковыхъ податей явятся, кто не въ состояніи или за старостію и болѣзнію таковыхъ чрезвычайныхъ работъ снесть не могутъ, то онъ, архимандритъ Софроній, повелѣваетъ таковыхъ всякими муками мучить, немилостивно плетьми билъ, въ студеные чуланы садилъ», отчего «пришли наши братья крестьяне почти многіе въ отчаяніе, что своихъ женъ и домовъ лишилися, и многихъ крестьянъ билъ плетьми немилостивно, давалъ ударовъ ста по три и по пяти сотъ». Архіерейскіе крестьяне въ Сибири также выражали неудовольствіе на жестокое управленіе мѣстнаго митрополита Павла Конюскевича и особенно эконома архіерейскаго дома архимандрита Іоакинфа, называемаго въ жалобахъ «крово-

жаждущимъ». Справедливость этихъ жалобъ подтвердилъ и губернаторъ Соймоновъ*).

Конечно, не вездѣ крестьяне духовныхъ вотчинъ подвергались такимъ суровымъ истязаніямъ (которыя и вообще не доходили до вопіющихъ жестокостей, совершавшихся въ иныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ во второй половинѣ XVIII вѣка). Власти нѣкоторыхъ монастырей старались ограничить произволъ управителей и прикащиковъ. Такъ въ инструкціи, данной въ 1746 г. архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры прикащику, отправляемому въ одну изъ вотчинъ**), ему велѣно было наказывать крестьянъ не иначе, какъ при старостахъ и выборныхъ, и притомъ съ запиской, за что былъ наказанъ виновный. «По ссорамъ въ судныхъ дѣлахъ, т. е. въ брани, въ бою, въ займахъ между собою и прочихъ тому подобныхъ»—прикащикъ долженъ былъ имѣть расправу по уложенію и указу; но и тутъ предписывалось «безъ пощади» наказывать при сходѣ плетьми или батогами крестьянъ, виновныхъ въ ссорахъ и дракахъ съ посторонними; уголовныхъ же преступниковъ велѣно было какъ можно скорѣе представлять въ правительственныя учрежденія.

Считая необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на управленіи духовныхъ вотчинъ, мы возьмемъ для образца Троицко-Сергіевскую лавру, какъ самаго крупнаго вотчинника изъ всѣхъ монастырей: мы уже знаемъ, что съ приписанными къ ней монастырями она имѣла около 106.000 душъ,—слѣдовательно, ей принадлежала седьмая часть всѣхъ монастырскихъ крестьянъ и притомъ ея владѣнія были разбросаны въ 15 губерніяхъ Великороссіи; такимъ образомъ порядокъ управленія ея вотчинами имѣетъ для насъ особенный интересъ.

Для завѣдыванія монастырскими и хозяйственными дѣлами въ лаврѣ былъ «соборъ» изъ почетныхъ старцевъ и при немъ канцелярія изъ монастырскихъ служекъ. Въ 1754 г. канцелярія эта была раздѣлена на 10 экспедицій, изъ которыхъ мы назовемъ лишь прямо относящіяся къ хозяйственному завѣдыванію вотчинами: 1) экспедиція — разрядъ или приказный столъ, въ

*) Іоакинфъ въ 1762 г. сдѣланъ былъ архимандритомъ Далматовскаго монастыря (нынѣ Пермской губ.) въ то время, когда тамъ уже началось волненіе крестьянъ, гдѣ и оставилъ по себѣ память какъ человѣкъ „нрава жестокаго“. Въ 1791 г. онъ былъ убитъ, будучи уже архимандритомъ соликамскаго Пыскорскаго монастыря.

**) Такія же инструкціи, безъ сомнѣнія, получали и другіе прикащики въ вотчинахъ этого монастыря.

которомъ между прочимъ сосредоточивалось производство по уголовнымъ дѣламъ, судныя по челобитнымъ разныхъ людей на вотчинныхъ управителей, опредѣленіе служителей ко всякимъ дѣламъ, производство о нетребованіи доходовъ съ погорѣвшихъ крестьянъ и о дачѣ имъ льготы и т. п.; 2) экспедиція о земляхъ спорныхъ съ посторонними и между крестьянами Троицкой лавры, о надѣленіи крестьянъ, скудныхъ землей, и отрѣзкѣ излишней, о поверсткѣ земли между крестьянами; 3) экспедиція о бѣглыхъ своихъ крестьянахъ и о пришлыхъ изъ постороннихъ вотчинъ; 4) экспедиція посельская—судъ между крестьянами, назначеніе работныхъ людей. Были еще экспедиціи, напр. счетная—о приходѣ и расходѣ денежной казны и друг. Въ другихъ монастыряхъ, менѣе богатыхъ вотчинами, центральное управленіе не было, конечно, до такой степени сложнымъ, какъ въ Троицкой лаврѣ, однако въ ней бывали особыя учрежденія для завѣдыванія хозяйственными дѣлами, которыя назывались то канцеляріей экономическаго правленія, наприм. въ Чудовѣ монастырѣ, то приказомъ вотчиннаго управленія, то просто приказомъ; подобное учрежденіе состояло изъ приказнаго, стряпчаго и канцелярскихъ служителей.

Управители или прикащики въ вотчинахъ Троицкой лавры назначались ежегодно монастырскимъ соборомъ обыкновенно изъ приказно-служителей. Въ началѣ новаго года 60 человѣкъ отправлялись на своихъ лошадяхъ въ опредѣленныя имъ села, а прежніе управители, сдавъ дѣла своимъ преемникамъ, возвращались въ лавру и занимались тѣмъ, что было имъ указано, два года даромъ, не получая ни хлѣбнаго, ни денежнаго жалованья: очевидно, предполагалось, что прикащики могли достаточно нажиться во время своего управленія вотчиной. Иногда вмѣсто приказно-служителей посылались въ вотчины монахи—то въ качествѣ управителей, то лишь надзирателями за монастырскими работами, особенно въ тѣ села, гдѣ было обширное хозяйство: большія запашки, сѣнные покосы, конные заводы, скотные дворы и проч.

Размѣръ жалованья, а также обязанности и права прикащиковъ монастырскій соборъ точно опредѣлялъ въ уставныхъ грамотахъ и инструкціяхъ. Доходы ихъ были двоякаго рода: одни постоянные окладные сборы съ крестьянъ, а другіе—временныя или случайныя пошлины. Въ инструкціи, составленной въ 1743 году для одного изъ прикащиковъ, ему положено было «взять

съ крестьянъ и бобылей съ дыму по гривнѣ, да съ крестьянъ же, кромѣ бобылей, взять съѣзжихъ, банныхъ по 4 деньги, по куренку, да по поярку, или за куренокъ 2 деньги, за поярокъ тоже, вытнаго хлѣба—ржи по четверти съ полуосьминою, овса по тому-жь, по полуосьминѣ пшеницы». Въ 1705 г. Петръ В. предписалъ половину управительскаго жалованья присылать въ коллегію экономіи, а въ 1744 г. эти деньги велѣно было употреблять на содержаніе лаврской семинаріи. Другая половина, остававшаяся въ рукахъ прикащиковъ, простиралась въ 50-хъ годахъ въ разныхъ вотчинахъ Троицкой лавры отъ 4 до 67 рублей, среднимъ числомъ около 20 рублей. Кромѣ денегъ и хлѣба, сбираемаго съ крестьянъ, прикащику была отведена земля, по 4 дес. въ каждомъ полѣ, и сѣнные покосы. Въ большія села прикащиками посылались приказные, въ меньшія — подъячіе. Для выѣзда въ городъ и другія мѣста по крестьянскимъ дѣламъ прикащику было позволено держать на своемъ корму пять лошадей, а для прокормленія семейства три коровы; подъячему же—на монастырскомъ корму 3 лошади и 2 коровы. Въ каждомъ управительствѣ для прикащиковъ были особые дворы съ готовымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой. Приказный могъ взять дворника и двухъ сторожей, подъячій—дворника и одного сторожа *). Въ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинахъ не былъ точно опредѣленъ размѣръ жалованья прикащиковъ; но это должно было подавать поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Кромѣ содержанія прикащика крестьяне несли еще не мало расходовъ на мѣстное управленіе, на взятки разному начальству, на подарки командирамъ отрядовъ, присылаемыхъ на экзекуціи, и т. п.

На прикащикѣ въ вотчинахъ Троицко-Сергіевской лавры (также и въ другихъ) лежала обязанность собирать съ крестьянъ государственныя подати и монастырскій оброкъ, смотрѣть за монастырскимъ хозяйствомъ, наблюдать за нравственностью крестьянъ, защищать ихъ отъ постороннихъ людей, судить въ ссорахъ и тяжбахъ, подвергать виновныхъ денежному штрафу и тѣлесному наказанію. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали выше, прикащикъ долженъ былъ наказывать крестьянъ не иначе, какъ

*) Въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря (3 села, во всѣхъ 2.194 д.) управитель получалъ въ годъ жалованья 30 р., хлѣба 15 четвертей, овса столько же; если же вмѣсто управителя былъ прикащикъ, то онъ получалъ по 12 р., ржи и овса по 6 четвертей. Пашни тому и другому давалось по 2 дес. въ полѣ. Копіистъ („для письма монастырскихъ и мірскихъ дѣлъ“) получалъ жалованья 6 р., ржи и овса по 3 четверти, пашни по 1 дес. въ полѣ.

при старостѣ и выборныхъ, поэтому соборъ лавры придавалъ большое значеніе тому, чтобы въ старосты выбирались хорошіе крестьяне, за выборъ же дурного велѣно было присылать для наказанія въ лавру старосту съ тремя лучшими крестьянами, а на мѣсто его выбирать другаго.

Крестьянъ въ ссорахъ между собою долженъ былъ судить управитель или прикащикъ по уложенію и указамъ. Пойманныхъ бѣглыхъ и помогавшихъ имъ въ побѣгѣ должно было отдавать въ рекруты, а негодныхъ къ военной службѣ, жестоко наказавъ при всѣхъ крестьянахъ, опредѣлять на тяглый жребій по мірскому приговору съ поручными по нихъ записями. Если же кто изъ бѣглыхъ чрезъ годъ не явится домой, то его дворъ, скотъ, хлѣбъ и пожитки велѣно было продавать въ міръ. Прикащикъ долженъ былъ наблюдать, чтобы государственные и монастырскіе сборы располагались не по душамъ, а по тягламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и землю должно было раздѣлять такимъ же образомъ; раскладка тяголъ производилась съ доклада прикащиковъ. Крестьяне и бобыли не должны были переходить изъ одной вотчины въ другую и даже изъ деревни въ деревню одной и той же вотчины; впрочемъ тѣхъ, которые перешли ранѣе изъ одной деревни въ другую и аккуратно уплачиваютъ повинности, велѣно было оставить на мѣстѣ. Самовольные семейные раздѣлы были запрещены подъ страхомъ отдачи въ солдаты; но прикащикъ могъ просить соборъ лавры о разрѣшеніи раздѣла въ случаѣ особенной многочисленности семьи или когда недостатокъ земли вызывалъ необходимость переселенія въ другую деревню. Малолѣтнихъ сиротъ, просящихъ милостыню, прикащикъ долженъ былъ «съ принужденіемъ» отдать зажиточнымъ крестьянамъ съ тѣмъ, чтобъ они работали въ пользу своихъ воспитателей до двадцатилѣтняго возраста; съ этого времени міръ накладывалъ за нихъ лишнее тягло. На обязанности прикащика лежала также выдача паспортовъ крестьянамъ по ихъ прошеніямъ и по мірскимъ приговорамъ, но не иначе, какъ «съ добрыми поруками» въ томъ, что они возвратятся въ назначенный срокъ. Наконецъ прикащикъ долженъ былъ наблюдать по воскресеньямъ, праздникамъ и въ царскіе дни, чтобы крестьяне ходили въ церковь и не работали, ослушниковъ же велѣно наказывать при сходѣ.

Такъ во многихъ монастыряхъ права и обязанности управителей, размѣръ ихъ жалованья и пр. были опредѣлены точными

инструкціями; жаль только, что эти правила далеко не всегда исполнялись. Въ дѣлахъ, возникшихъ по поводу волненія крестьянъ духовныхъ вотчинъ, находится не мало жалобъ на взятки и другія злоупотребленія прикащиковъ. Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ. Крестьяне Новоспасскаго монастыря жаловались на своего управителя Серебрякова, что онъ беретъ съ нихъ взятки лошадьми, птицами, одеждою, деньгами и пр.; для вынужденія ихъ онъ нещадно билъ крестьянъ и держалъ ихъ въ колодкахъ и оковахъ. Жена Серебрякова не уступала своему мужу: для нея онъ приказывалъ крестьянкамъ прясть и бѣлить до 20 пудовъ льна. Справедливость жалобъ подтверждается тѣмъ, что этотъ правитель былъ смѣненъ и взятъ въ Москву. Крестьяне Троицкаго-Калязина монастыря (7.222 души) заявили, что въ 1757 году прикащики и подъячіе собрали съ нихъ къ масляной и Пасхѣ «для своихъ банкетовъ къ варенью пивъ» 167 четвертей хлѣба. Кромѣ того, вступая въ должность, прикащики взыскивали съ крестьянъ въ видѣ взятки шерсть, съѣстные припасы и хлѣбъ (послѣдняго болѣе 300 четвертей). Челобитная крестьянъ Саввина-Сторожевскаго монастыря переполнена жалобами на то, что архимандритъ вынуждаетъ съ нихъ взятки истязаніями или назначеніемъ на особенно тяжелую работу. Онъ позволялъ себѣ и гораздо болѣе вредныя насилія. Въ 1759 г. выгорѣла цѣликомъ одна деревня; хотя изъ канцеляріи монастыря они получили разрѣшеніе рубить деревья для постройки, но архимандритъ остановилъ начатую рубку, взялъ съ нихъ взятку въ 50 руб. и запретилъ строиться, такъ что спустя два года большинство крестьянъ жило въ плетеныхъ, обмазанныхъ глиною, хижинахъ.

Крестьянскія свадьбы также подавали поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны духовныхъ властей. Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ вотчинахъ съ крестьянъ собирали по случаю свадебъ весьма умѣренный сборъ *), протопопъ Муромскаго собора бралъ съ крестьянъ по 2 рубля, а не то и совсѣмъ не допускалъ свадебъ. Крестьяне жаловались также, что онъ женитъ ихъ парней на купленныхъ имъ женщинахъ и держитъ ихъ у себя какъ холопокъ. Впрочемъ въ этой вотчинѣ творились вещи и похуже: по словамъ крестьянъ, одинъ священникъ съ согласія протопопа, «забывъ страхъ Божій и не чувствуя священства, имѣя законную жену, наглостью своею бе-

*) Въ имѣніяхъ Спасо-ярославскаго монастыря брали съ жениха и невѣсты по 20 коп.

ретъ изъ деревень ихъ дѣвокъ и женъ молодыхъ, держитъ у себя недѣли по двѣ и по мѣсяцу и съ ними прелюбодѣйствуетъ».

При выходѣ замужъ крестьянокъ въ вотчины другихъ духовныхъ учрежденій или совершенно другаго вѣдомства, съ нихъ брались, какъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, выводныя деньги. Соборъ Троицкой лавры установилъ въ данной имъ инструкціи, чтобы за выводъ вдовъ и дѣвушекъ въ дворцовыя, синодальныя и монастырскія вотчины брать по 2—3 рубля съ человѣка, а смотря по зажиточности и болѣе; иногда выводъ понижался даже до рубля; при выходѣ же замужъ велѣно брать выводу отъ 5 до 10 руб. Крестьяне и бобыли могли жениться на дѣвушкахъ и вдовахъ изъ помѣщичьихъ вотчинъ, разумѣется, не иначе, какъ получивъ на нихъ отпускныя. Въ вотчинахъ Спасо-ярославскаго монастыря брали обыкновенно выводу два-три рубля (а по словамъ крестьянъ даже отъ 5 и до 7 рублей); если же монастырскіе крестьяне брали себѣ женъ изъ помѣщичьихъ вотчинъ, то имъ приходилось платить за нихъ отъ 5 до 10 руб. Этимъ и объясняется предписаніе собора Троицкой лавры, чтобы при отпускѣ монастырскихъ дѣвушекъ въ помѣщичьи вотчины брали вывода гораздо болѣе, чѣмъ при выдачѣ замужъ за дворцовыхъ, синодальныхъ и другихъ монастырскихъ крестьянъ.

Исполняя различныя повинности въ пользу монастырей, архіерскихъ домовъ, синода и церквей, крестьяне духовныхъ вотчинъ несли, также какъ и крѣпостные, государственныя повинности, т. е. платили подушную подать, исполняли и другія натуральныя повинности *). Относительно рекрутчины соборъ Троицкой лавры установилъ слѣдующія правила. Прежде всего слѣдуетъ отдавать въ рекруты «гуляковъ» и безтяглыхъ бобылей, а въ случаѣ недостатка и тяглыхъ изъ «семьянистыхъ крестьянъ» по жребію, считая въ семьѣ отъ 10 лѣтъ. Изъ тяглыхъ крестьянъ прежде всего подлежали этой повинности тѣ семьи, въ которыхъ было отъ 6 до 8 человѣкъ и болѣе; они должны были давать рекрута безъ жребія съ меньшими семьями. Одинокихъ тяглыхъ крестьянъ, надежныхъ по платежу податей, велѣно было въ рекруты не отдавать, а лишь тѣхъ изъ нихъ, за кѣмъ числится недоимка. Кромѣ того отдача въ рекруты употреблялась какъ наказаніе за различныя провинности: побѣгъ, само-

*) Архіерейскіе и монастырскіе служители освобождались отъ рекрутской повинности, но не исключались изъ подушнаго оклада, а только подати за нихъ, какъ за бѣглыхъ и умершихъ, платили наличные крестьяне.

вольный семейный раздѣлъ, самовольный переходъ изъ деревни въ деревню.

Отбываніе крестьянами рекрутской повинности также подавало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ со стороны духовныхъ властей. Такъ крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря жаловались, что съ одной деревни, въ которой было всего 90 д., архимандритъ беззаконно сдалъ въ рекруты 3-хъ человѣкъ, взявъ съ тѣхъ крестьянъ, на комъ была очередь, по 150—200 руб. Въ другой разъ за подобную же неправильную замѣну одного рекрута другимъ онъ получилъ взятку—три мѣшка съ деньгами. Между тѣмъ всякая подобная несправедливость была тяжела не только для семьи, изъ которой былъ взятъ рекрутъ, но и для всей деревни, несущей подати и за отсутствующія ревизскія души. Муромскій протопопъ отличался не малыми беззаконіями и въ этомъ отношеніи. По словамъ крестьянъ, онъ «во время рекрутскаго набора очередныхъ по мірскому приговору къ отдачѣ въ рекруты изъ взятковъ распускаетъ и въ рекруты не отдаетъ, а у прочихъ крестьянъ дѣтей ловитъ и отцовъ и матерей забираетъ, и бьетъ своими руками, и мучитъ немилостиво, а иныхъ и кнутьями, чтобы они дѣтей своихъ поставили, и насильствомъ своимъ отъ того мученія отдаетъ въ рекруты за одного по два человѣка, и беретъ въ складку отъ другихъ помѣщиковъ не малыя деньги и дѣлитъ съ братьми по себѣ».

III.

Жалобы крестьянъ на своихъ духовныхъ властей и управителей. — Учрежденіе слѣдственной коммиссіи.— Волненія крестьянъ.

Всевозможныя злоупотребленія духовныхъ властей и управителей нерѣдко заставляли крестьянъ бить на нихъ челомъ, но ихъ жалобы сплошь и рядомъ не приносили никакой пользы и только вызывали наказаніе подателей челобитной. Самымъ обычнымъ средствомъ самозащиты со стороны духовныхъ властей было слѣдующее: выбраннымъ міромъ челобитчикамъ не давали паспортовъ и, какъ только они, несмотря на это, отправлялись въ путь, власти посылали заявленіе, что эти крестьяне бѣжали; ихъ ловили и подвергали наказанію. Остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ подачи крестьянами челобитныхъ.

Намъ извѣстны тѣ насилія, которымъ подвергались крестьяне Муромскаго собора со стороны мѣстнаго протопопа. Въ 1739 г.

они принесли на него жалобу рязанскому архіерею; тотъ приказалъ произвести слѣдствіе, но дѣло замяли. Крестьяне подали прошеніе въ синодъ, но, по жалобѣ протопопа на ихъ ослушаніе, воеводская канцелярія арестовала 40 человѣкъ и, продержавъ подъ карауломъ, наказала плетьми, причемъ имъ приговаривали: «не просите нигдѣ на протопопа». Крестьяне все-таки не угомонились и въ 1741 г. опять подали жалобу въ синодъ; приказано было произвести слѣдствіе, и оно было начато, но не окончено. Прошло 13 лѣтъ, злоупотребленія протопопа продолжались, и вотъ въ 1754 году крестьяне вновь подали прошеніе, но уже не въ синодъ, а въ сенатъ. Такъ какъ они жаловались на пристрастіе муромскаго воеводы и приказныхъ, то велѣно было произвести слѣдствіе владимірской провинціальной канцеляріи. Крестьяне Новоспасскаго монастыря еще въ 1744 г. жаловались въ коллегію экономіи на обиды и разоренія монастырскихъ служителей, излишніе поборы и проч., но жалоба не привела ни къ чему, и челобитчики были отосланы въ Новоспасскій монастырь, послѣ чего одинъ изъ нихъ, по настоянію властей, былъ отправленъ въ ссылку въ Оренбургъ. Въ 1752 и 53 годахъ крестьяне подавали письменныя прошенія архимандриту Новоспасскаго монастыря, но также безъ всякаго результата; архимандритъ впослѣдствіи утверждалъ даже, что этихъ прошеній вовсе ему подано не было. Видя нежеланіе своихъ ближайшихъ властей защитить ихъ отъ злоупотребленій, крестьяне въ 1753 г. подали челобитную въ сенатъ съ просьбою произвести слѣдствіе, но она была возвращена имъ съ приказаніемъ жаловаться въ канцелярію экономическаго правленія, а затѣмъ въ синодъ. По указу синода монастырскія власти начали слѣдствіе, но не довели его до конца. А тутъ начались волненія въ этихъ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря, аресты крестьянъ цѣлыми десятками, военная команда стала расправляться съ ними съ помощію плетей: понятно, что крестьяне осыпали синодъ новыми челобитными.

Всего болѣе поучительна исторія съ челобитчиками отъ крестьянъ, принадлежавшихъ Саввину-Сторожевскому монастырю. Архимандритъ этого монастыря, Іоанникій Павлуцкій, былъ членомъ московской синодальной конторы, т. е. того самаго учрежденія, въ которое крестьянамъ приходилось жаловаться на злоупотребленія своихъ властей; понятно, что эти власти дѣйствовали особенно безцеремонно и что крестьяне не могли добиться правды. Лѣтомъ они всею вотчиной собрались на сходку, выбрали изъ своей среды

челобитчиковъ и снабдили ихъ деньгами на хлопоты съ тѣмъ, чтобъ они отправились не въ Москву, гдѣ жаловаться было безполезно, а въ Петербургъ. Любопытно, что къ челобитчикамъ-крестьянамъ присоединились два монаха Саввина-Сторожевскаго монастыря, обвинявшіе архимандрита въ растратѣ монастырскихъ денегъ и въ томъ, что онъ обдираетъ ризы съ образовъ *). Челобитчики тронулись въ путь, но на дорогѣ приказный Тихоновъ, ненавистный крестьянамъ своими злоупотребленіями, бросился на нихъ съ 15 солдатами и конюхами, избилъ ихъ, отнялъ письменное свидѣтельство о мірскомъ выборѣ, челобитную въ синодъ, 500 р., данныхъ на расходы, и повезъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ монахами въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Однако на пути онъ наткнулся на толпу крестьянъ, шедшихъ въ монастырь, которые и отбили челобитчиковъ, но самъ Тихоновъ успѣлъ ускакать съ письменными документами и деньгами. Между тѣмъ какъ челобитчики и монахи путешествовали въ Петербургъ, не имѣя уже въ рукахъ документовъ, доказывающихъ, что они идутъ по порученію міра, архимандритъ послалъ въ синодъ донесеніе, что они бѣжали, и потому, какъ только они подали жалобу, ихъ арестовали и отправили въ Москву въ синодальную контору. Всѣ челобитчики, не исключая двухъ монаховъ, были наказаны плетьми и оба послѣдніе были кромѣ того посланы въ заключеніе, закованные въ кандалы, одинъ въ Симоновъ, другой въ Донской монастырь **); главный же крестьянскій челобитчикъ содержался на цѣпи и въ оковахъ при канцеляріи экономическаго правленія. Крестьяне выбирали и другихъ повѣренныхъ, но всякій разъ архимандритъ и служители Новоспасскаго монастыря захватывали ихъ въ Москвѣ и сажали въ тюрьму, вслѣдствіе чего они не могли подать новаго прошенія въ контору сената и учрежденную коммиссію о монастырскихъ крестьянахъ. Въ 1761 году двое арестованныхъ челобитчиковъ были посажены въ Москвѣ въ тюрьму, гдѣ, по словамъ крестьянъ, одинъ изъ нихъ умеръ отъ голода; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ крестьянскимъ повѣреннымъ удалось наконецъ подать челобитную въ сенатскую контору.

*) Впослѣдствіи архимандриту удалось обвинить ихъ въ томъ, что они подстрекали крестьянъ къ бунту, и имъ пришлось дорого поплатиться за свой протестъ.

**) Если вѣрить крестьянамъ, архимандритъ донесъ сенату, что эти монахи для слѣдствія не розысканы. Это весьма правдоподобно, такъ какъ сплошь и рядомъ на распросы сената духовныя власти отвѣчали, что дѣло прекращено вслѣдствіе исчезновенія крестьянъ-челобитчиковъ.

Что челобитчикамъ отъ крестьянъ дѣйствительно было почти совершенно невозможно добиться правды, видно, кромѣ всего сказаннаго выше, и изъ слѣдующаго замѣчательнаго указа Петра III, даннаго синоду 26 марта 1762 года: «уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна такмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были препровождены въ сенатъ челобитныя, по которымъ не состоялось рѣшенія, несмотря на именные указы, данные по этимъ дѣламъ еще въ 1754 году. «Мы видимъ,—сказано въ указѣ Петра III,—какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду... стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить». Указъ этотъ велѣно было не только напечатать, но и присоединить въ синодѣ къ настольнымъ указамъ.

Было упомянуто выше объ учрежденной правительствомъ коммиссіи о монастырскихъ крестьянахъ. Дѣло было такимъ образомъ. Въ 1758 году сенатъ, вслѣдствіе продолжительнаго волненія крестьянъ Новоспасскаго монастыря, велѣлъ назначить коммиссію, въ которой должно было засѣдать и духовное лицо. Синодъ утверждалъ, что никакой коммиссіи не нужно, такъ какъ, по жалобамъ тѣхъ же крестьянъ, она имъ уже назначалась *), но они не явились къ слѣдствію и мимо синода осмѣлились утруждать жалобами императрицу, — а потому нужно ихъ наказать безъ всякой коммиссіи. Сенатъ отвѣчалъ, что слѣдственная коммиссія

*) По указу 1754 года тогда она носила названіе „учрежденной въ Москвѣ ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря о приказномъ, управителяхъ и слугахъ коммиссія". Вѣроятно, она прекратила свою дѣятельность, потому что въ 1757 году опять была учреждена коммиссія о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря изъ двухъ штабъ-офицеровъ и двухъ духовныхъ лицъ.

необходима, что безъ нея нельзя узнать, кто «пущіе заводчики»; обвинять же крестьянъ за то, что они не пошли въ синодальную коммиссію, нельзя, такъ какъ она засѣдала въ Новоспасскомъ монастырѣ, а крестьяне жаловались на монастырскаго управителя. Согласно желанію сената, коммиссія была учреждена.—Въ началѣ 1760 года въ сенатъ поступили четыре жалобы крестьянъ разныхъ монастырей на беззаконные поступки, разореніе и мучительства отъ монастырскихъ властей, управителей и служекъ. Крестьяне писали, что били челомъ архіереямъ и въ синодъ, но управы не получили. Потомъ изъ кабинета были пересланы въ сенатъ просьбы крестьянъ Кашинскаго уѣзда вотчинъ Калязина монастыря, Шацкаго уѣзда вотчинъ Новоспасскаго монастыря, Бѣлевскаго уѣзда вотчинъ Спасопреображенскаго монастыря, Ярославскаго уѣзда вотчинъ Спасо-ярославскаго монастыря, Муромскаго уѣзда вотчины Муромской соборной церкви. Отъ кабинета было сообщено, что челобитчики, выборные отъ міра крестьяне, должно-быть отъ нестерпимыхъ обидъ отважились съ великимъ крикомъ подать свои просьбы самой императрицѣ; государыня простила имъ это и приказала немедленно окончить ихъ дѣла. Кромѣ того поданы были жалобы отъ крестьянъ Іосифова Волоцкаго монастыря и другихъ. Сенатъ объявилъ синоду, что хотя жалобъ этихъ крестьянъ и нельзя прямо безъ изслѣдованія признать справедливыми, однако, еслибы не было имъ излишняго отягощенія, безъ причины они не стали бы жаловаться. Крестьяне Іосифова монастыря сами просили, чтобы по ихъ дѣлу была учреждена особая коммиссія, и такъ какъ уже существовала коммиссія по дѣлу о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря, то рѣшено было передать ей же разсмотрѣніе жалобъ и остальныхъ монастырскихъ вотчинъ. Въ нее назначено было четыре свѣтскихъ члена, а синоду предоставлено было назначить туда духовныхъ лицъ по своему усмотрѣнію и въ какомъ угодно числѣ. Коммиссія эта просуществовала до апрѣля 1762 года; въ ней были составлены обширные экстракты изъ дѣлъ по жалобамъ крестьянъ о ихъ волненіи, но никакихъ мѣръ въ ихъ пользу она не приняла. И самой коммиссіи, вѣроятно, не составилось бы, еслибы недовольство крестьянъ выражалось одною подачей жалобъ. Но кромѣ этого града челобитныхъ, сыпавшихся на синодъ и сенатъ, были и симптомы гораздо болѣе опаснѣе: цѣлый рядъ волненій, которыя въ концѣ концовъ и заставили правительство измѣнить бытъ крестьянъ въ вотчинахъ духовенства.

Въ пятидесятыхъ годахъ, мы видимъ цѣлый рядъ безпорядковъ въ вотчинахъ той или другой мѣстности. Въ Вятской провинціи движеніе началось еще въ 1748 году. Крестьяне называли себя черносошными, отложились отъ архіерейскаго дома и монастырей въ количествѣ 11.582 душъ. Секретарь провинціальной канцеляріи, поддерживаемый воеводою, принялъ жалобы крестьянъ на неправильное закрѣпощеніе ихъ при ревизіи за архіереемъ и монастырями. Крестьяне перестали платить поборы съ нихъ въ пользу духовныхъ властей, рубили и продавали архіерейскіе лѣса. Слѣдователь рѣшилъ дѣло въ пользу духовенства и сенатъ согласился съ нимъ. Но дѣло на этомъ не кончилось. Въ 1751 году продолжали волноваться крестьяне Вятскаго архіерейскаго дома, а также Успенскаго Трифонова и другихъ монастырей. Когда для наказанія ихъ была прислана военная команда, они избили секретаря и восемь драгунъ, а послѣ того, какъ солдаты убили двухъ крестьянъ, остальные залегли по всѣмъ дорогамъ, чтобы не пропускать отряда, который былъ выручень только другою командой *). Въ 1752 году волновались олонецкія вотчины Хутынскаго монастыря. Три раза губернская новгородская канцелярія посылала ихъ уговаривать, но, по оффиціальному донесенію, они посланныхъ прогоняли, команду били и бранили и единогласно кричали, что указа не слушаютъ и подписываться не будутъ. Въ томъ же 1752 году извѣстный намъ протопопъ Муромскаго собора жаловался, что крестьяне силою взяли у него изъ амбара 20 четвертей пшеницы, 25 четвертей овса и нѣкоторое количество льна и посконя. Мы видѣли выше цѣлый рядъ злоупотребленій этого протопопа; вѣроятно, крестьяне взяли то, что считали принадлежащимъ себѣ. Рязанскій архіерей въ донесеніи синоду обвинилъ ихъ во многихъ «озорническихъ продерзостяхъ и непослушаніяхъ», въ томъ, что они не разъ сопротивлялись посланнымъ изъ муромской воеводской канцеляріи, грабили соборный хлѣбъ и скотъ и завладѣли рыбными ловлями и сѣнными покосами, жалованными въ церковь на свѣчи, ладанъ и вино. Сенатъ, по сообщенію изъ синода, приказалъ усмирить крестьянъ и взыскать съ нихъ убытки соборныхъ властей; но потомъ, получивъ подробную челобитную крестьянъ, съ изложеніемъ всѣхъ злоупотребленій протопопа, предписалъ владимір-

*) Но нѣкоторыя вотчины упорно называли себя государственными крестьянами, даже и при Екатеринѣ II, уже послѣ секуляризаціи, и не хотѣли состоять въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи.

ской провинціальной канцеляріи, чтобы тамошній воевода, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ синода духовнымъ лицомъ, произвелъ слѣдствіе и разсмотрѣлъ, по какимъ грамотамъ крестьяне отданы собору, и если справедливо, что они были опредѣлены на одинъ денежный оброкъ, то почему ихъ заставляютъ работать.

Монастырскій приказъ, учрежденный при Петрѣ Великомъ въ 1701 году, принимая въ свое вѣдѣніе имѣнія многовотчинныхъ монастырей, раздѣлилъ ихъ на два разряда: одну часть онъ опредѣлилъ на содержаніе монастырей, а другая должна была поступить въ полную собственность государства. Отсюда произошли названія: *опредѣленныя* и *заопредѣленныя* (или оставшіяся за опредѣленіемъ) *вотчины*. Деньги и хлѣбъ съ вотчинъ, опредѣленныхъ на содержаніе монастырей, шли въ ихъ пользу, а съ остальныхъ взимались государствомъ. Съ уничтоженіемъ въ 1720 году монастырскаго приказа всѣ вотчины велѣно было вновь раздать въ монастыри; тѣмъ не менѣе названія: опредѣленныя и заопредѣленныя—долго существовали, и многимъ изъ крестьянъ казалось еще въ 50 годахъ, что они не должны исполнять никакихъ работъ на монастыри, а только платить оброкъ. Вслѣдствіе этого синодъ въ декабрѣ 1753 года нашелъ даже нужнымъ дать особый указъ, въ которомъ было сказано: синодъ усмотрѣлъ, что крестьяне монастырскихъ и архіерейскихъ «называемыхъ заопредѣленныхъ вотчинъ» только потому, «что они въ давнихъ предъ симъ годахъ» платили назначенные монастырскимъ приказомъ денежные и другіе сборы и доходы въ приказъ, а потомъ въ синодальную камеръ-контору и коллегію экономіи, а нынѣ платятъ въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія, возмечтали, будто бы они не подчинены архіереямъ и монастырскимъ властямъ, прекратили работы и только безпокоятъ своими жалобами синодъ, свѣтскія учрежденія и даже государыню. Имъ не слѣдуетъ называть себя заопредѣленными, такъ какъ они вовсе не исключены изъ владѣнія архіереевъ и монастырей, которымъ они и должны быть въ полномъ послушаніи и безпрекословно исполнять всякія работы. Затѣмъ деньги, хлѣбъ и прочее, положенное по окладу съ крестьянъ бывшихъ заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, велѣно было отсылать въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія, для чего послѣдняя должна разослать окладныя статьи и доимочныя вѣдомости.

Къ числу вотчинъ, называвшихся до того времени заопредѣленными, принадлежали и нѣкоторыя села Спасо-ярославскаго

монастыря. Когда въ нихъ былъ присланъ указъ, содержаніе котораго мы только-что передали, жители ихъ разошлись со схода, не давъ подписки *). Затѣмъ они выбрали изъ своей среды 60 человѣкъ и послали ихъ въ монастырь, гдѣ «за упрямство и противность» всѣ они были наказаны плетьми и тогда дали подписку исполнять указъ. Кромѣ того по жалобѣ монастырскихъ властей ярославская провинціальная канцелярія арестовала 188 человѣкъ и изъ нихъ 18 наказала плетьми. Крестьяне не успокоились: они подавали прошенія и въ сенатъ, и самой государынѣ съ жалобами на обиды отъ монастырскихъ властей, управителей и служителей, взятки и побои; но по слѣдствію, произведенному въ Ярославлѣ, они признаны неправыми и потому челобитчики и упомянутые въ прошеніи были наказаны: негодные въ службу кнутомъ, а годные, также какъ и тѣ, которые прикладывали руки къ челобитной, плетьми.

Въ 1753 году началось волненіе въ селахъ Новоспасскаго монастыря, Шацкаго уѣзда (2.194 д.). Крестьяне, недовольные различными злоупотребленіями своихъ властей, подали на нихъ челобитную въ синодъ, но она была отослана въ ихъ же монастырь и, конечно, не имѣла никакого результата. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, въ деревняхъ начались какія-либо замѣшательства, потому что управитель Серебряковъ обратился за помощью въ шацкую провинціальную канцелярію. Шацкій воевода сталъ посылать отъ себя команды человѣкъ по 10 и болѣе для взысканія съ крестьянъ положенныхъ сборовъ, которые захватывали нѣсколько десятковъ человѣкъ, сажали ихъ въ подполья или привозили въ Шацкъ и держали ихъ тамъ недѣли по три. Наконецъ для усмиренія крестьянъ явились болѣе значительные военные отряды. Драгуны били «ѣздовыми плетьми» старосту, сотника, мужчинъ, даже женщинъ. Начальствовавшій отрядомъ капитанъ Гусевъ, какъ и другіе подобные ему усмирители, имѣлъ безтактность отправиться обѣдать къ управителю, столь ненавистному крестьянамъ, и такимъ образомъ могъ только поддержать подозрѣніе, всегда являвшееся въ подобныхъ случаяхъ, что команда

*) Крестьяне имѣли основанія для своего неповиновенія. Въ 1741 году къ нимъ былъ присланъ указъ изъ коллегіи экономіи, которымъ было предписано имъ состоять только на оброкѣ, а пашни не пахать. Позднѣе въ 1752 году былъ полученъ другой указъ, въ которомъ было сказано, что распоряженіе 1741 г. было сдѣлано „проронкою“, т. е. по ошибкѣ, неправильно; но, разумѣется, крестьянамъ должно было казаться, что „проронка“ была сдѣлана во второмъ указѣ, а не въ первомъ.

подкуплена духовными властями. Между тѣмъ драгуны продолжали свою кровавую расправу. Разумѣется, крестьяне подали новую челобитную въ сенатъ. Возвращавшіеся изъ Петербурга привозили съ собою разные утѣшительные слухи, сплошь и рядомъ совсѣмъ недостовѣрные. Такъ въ 1754 году одинъ изъ нихъ разсказывалъ на базарѣ, что ихъ село скоро должно быть отписано на государыню. Когда староста запрещалъ говорить ему вслухъ, челобитчикъ возражалъ:

— Чего ради вслухъ не говорить, коли имѣется указъ?

— Слава Богу,—замѣтилъ стоявшій тутъ же выборный,— чего міромъ желали, то Богъ и сдѣлалъ. Здравствуйте, православные, благодарите Бога!

Въ селѣ Спасскомъ на колокольнѣ и по всѣмъ переулкамъ днемъ и ночью стояли караулы. Всѣмъ дѣломъ руководилъ крестьянинъ Мерзинъ *). Такъ какъ монастырскія власти желали схватить его и выслать въ другую вотчину, то крестьянскій караулъ долженъ былъ, если завидитъ приближеніе команды, предупредить предводителя, чтобъ онъ успѣлъ скрыться.

Среди крестьянъ, однако, не было полнаго единодушія: нѣкоторые, болѣе зажиточные, «первостатейные» крестьяне желали прекратить сопротивленіе, но большинство было противъ этого. Борьба партій принимала довольно острый характеръ и дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ. Лѣтомъ 1755 года трое первостатейныхъ крестьянъ подали въ Новоспасскій монастырь прошеніе, въ которомъ жаловались на преслѣдованія со стороны Мерзина и его сообщниковъ: злобясь за то, что они не ходятъ къ нимъ на совѣты и не прикладываютъ рукъ къ ихъ приговорамъ, они наложили на нихъ двойное тягло, а на нѣкоторыхъ «маломочныхъ» и впятеро; кромѣ того, по словамъ челобитчиковъ, ихъ сильно избили вмѣстѣ съ женами, грозили отдачею въ рекруты ихъ дѣтей, отняли у нихъ двухъ лошадей, не пускаютъ ихъ скота на пастьбу вмѣстѣ съ мірскимъ стадомъ и пр. Притомъ они жаловались, что мірскіе поборы (необходимые, очевидно, на подачу челобитныхъ) страшно увеличились: въ 1754 году такого мірскаго неуказнаго сбора было 512 р., а въ слѣдующемъ году уже 1.262 р. Челобитчики просили перевести ихъ въ другую вотчину Новоспасскаго монастыря.

---

*) По словамъ оффиціальнаго донесенія, онъ „всѣхъ той волости крестьянъ такъ обольстилъ, что во всѣхъ чинимыхъ противностяхъ оные крестьяне съ великимъ азартомъ, единогласно, во все горло кричатъ, что „они всѣ міромъ за него готовы свои головы положить, а его не выдадутъ".

Мы уже знаемъ, что по жалобамъ крестьянъ была учреждена слѣдственная коммиссія; но такъ какъ она помѣщалась въ самомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то крестьяне и не ждали отъ нея ничего, кромѣ Шемякина суда. Между тѣмъ 55 человѣкъ, арестованныхъ по просьбѣ монастырскаго служителя, томились въ коломенской тюрьмѣ въ колодкахъ и кандалахъ, гдѣ 12 изъ нихъ и умерло. Въ августѣ 1756 года, по приказу конторы сената (вслѣдствіе требованія отъ синода), въ шацкую вотчину Новоспасскаго монастыря былъ посланъ военный отрядъ драгунъ подъ начальствомъ капитана Сѣверцова, чтобъ арестовать Мерзина и другихъ крестьянскихъ коноводовъ. 22 августа команда (около 50 человѣкъ) вступила въ село Спасское и заняла квартиры *). На другой день весь отрядъ вышелъ на торговую площадь, и Сѣверцовъ хотѣлъ объявить данный ему указъ.

— Мы знаемъ, что пріѣхали брать Мерзина,—закричали крестьяне.—Ваша команда накупная (подкупленная), вы взяли тысячу рублевъ. Но вамъ не только Мерзина, но и послѣдняго крестьянина не дадимъ. Сколь указовъ такихъ къ намъ ни присылай, слушать не будемъ, а пришлется къ намъ именной указъ (вѣроятно объ ожидаемой отпискѣ ихъ вотчины на государыню).

Увѣщанія Сѣверцова не дѣйствовали; началась схватка между крестьянами и солдатами. Ударили въ набатъ и крестьяне съ крикомъ: «бей до смерти»—окружили команду и бросились на нее съ дрекольемъ, цѣпами и шестами. Одинъ офицеръ, обороняясь, прорубилъ голову крестьянину **). Драгуны, подхвативъ Сѣверцова, вытащили его изъ толпы и онъ скрылся въ одной ближней избѣ. Крестьяне слѣдомъ прибѣжали на этотъ дворъ, начали отбивать двери и ломать кровлю, совали въ окна длинные шесты и били ими капитана съ драгунами, крича: «не отсидишься, достанемъ!» Наконецъ, подана была мысль, обложивъ соломой, зажечь избу. Сѣверцовъ выстрѣлилъ изъ окна и убилъ наповалъ одного крестьянина. Видя, что начали уже заваливать соломою окна, капитанъ вышелъ съ солдатами, обороняясь штыками, но въ нихъ бросали дровами и каменьями и они при-

*) „Не объявя указа,—жаловались потомъ жители села,—во-первыхъ стали всѣ по крестьянскимъ домамъ и у крестьянъ брали грабежомъ лошадямъ сѣно и овесъ, сколько имъ было надобно, а у кого того сѣна и овса не имѣлось, то разный хлѣбъ безденежно, и лошадьми, какъ казенными, такъ и собственными, потравили множество сноповъ".

**) Еще одинъ крестьянинъ такъ прибитъ эфесами и прикладами, что чрезъ часъ умеръ.

нуждены были сдаться. Его захватили за волосы, били дубинами, приволокли къ трупу имъ убитаго крестьянина и среди базара приковали къ мертвому тѣлу его и двухъ прапорщиковъ. Тутъ всячески ругались надъ ними, и даже бабы и дѣвки били ихъ по щекамъ, драли за волосы, колотили палками.

— Если и полкъ придетъ, всѣхъ побьемъ до смерти,—говорили въ толпѣ.—У насъ въ томъ положенъ заговоръ: хотя всѣмъ помереть, только не даваться. У насъ людей много,—можетъ собраться тысячъ до пяти.

— Всѣхъ бы бояръ перевели, чтобъ ихъ на свѣтѣ не было!—говорили болѣе рѣшительные.

Сѣверцова съ двумя прапорщиками продержали около трупа безъ пищи и питья. Трупъ уже сталъ сильно разлагаться, когда офицеровъ, вслѣдствіе ихъ усиленныхъ просьбъ, отковали отъ него и посадили скованныхъ въ пустую лавку; драгуны также сидѣли подъ арестомъ на монастырскомъ дворѣ. Офицеры съ командою были освобождены только 1-го сентября, слѣдовательно послѣ восьмидневной неволи.

Вскорѣ затѣмъ былъ изданъ извѣстный уже намъ синодскій указъ 1756 года о переведеніи шацкихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ; но, къ сожалѣнію, онъ не былъ исполненъ, между тѣмъ какъ эта мѣра, вѣроятно, скорѣе успокоила бы крестьянъ, чѣмъ всякія военныя команды, только еще болѣе раздражавшія ихъ своими насиліями.

Въ ноябрѣ 1756 года въ вотчины Новоспасскаго монастыря былъ командированъ секундъ-маіоръ Марковъ съ приказаніемъ арестовать виновныхъ «въ противныхъ и озорническихъ поступкахъ». Когда онъ сталъ приближаться съ своими командами къ селу Спасскому, то видно было, какъ къ нему скакали изъ села Введенскаго съ разнымъ дубьемъ на саняхъ и верхами. Затѣмъ въ Спасскомъ ударили въ набатъ. Когда отрядъ подошелъ къ селу, входъ въ него былъ загороженъ рогатками, а за ними виднѣлась огромная толпа мужиковъ. Крестьянамъ съ барабаннымъ боемъ былъ прочтенъ указъ, затѣмъ на ихъ требованіе дана копія съ него, получивъ которую, мужики объявили, что указъ не настоящій, и требовали печатнаго или за подписью самой государыни; изъ товарищей своихъ они никого не выдали. Въ виду ихъ упорства, Марковъ рѣшился отступить. Возвращаться ему приходилось чрезъ село Введенское; тамъ тоже ударили въ набатъ; масса крестьянъ прискакала обратно изъ села Спасскаго

и не хотѣла впустить къ себѣ команду. Солдаты выстрѣлили, 16 человѣкъ мужиковъ было убито и команда миновала село.

Въ началѣ января 1757 года противъ крестьянъ Новоспасскаго монастыря былъ отправленъ подполковникъ Хатунскій съ военнымъ отрядомъ, вооруженнымъ пушкою. Подойдя съ одной стороны къ селу Спасскому, Хатунскій встрѣтилъ со стороны крестьянъ сильное сопротивленіе; онъ приказалъ стрѣлять изъ пушки и изъ «мартирцовъ», гренадеры бросали также и ручные гранаты, но это не подѣйствовало, а войти въ село вслѣдствіе тѣсноты переулка было невозможно. Хатунскій обошелъ село съ другой стороны. Крестьяне и здѣсь не впускали его отрядъ, но когда выстрѣлами было убито изъ нихъ трое и смертельно раненъ одинъ, остальные обратились въ бѣгство. Хатунскій не могъ оцѣпить село, такъ какъ оно тянулось на 3 версты; поэтому крестьяне успѣли разбѣжаться, и было найдено въ клѣтяхъ, погребахъ и другихъ мѣстахъ только 33 чел., да еще явилось добровольно и было поймано 29, всего 62. Въ селѣ Введенскомъ онъ могъ захватить только 10 человѣкъ. Затѣмъ въ этихъ селахъ была поставлена на постой военная команда. Было арестовано и заковано нѣсколько сотъ душъ, изъ которыхъ умерло въ заточеніи 26 чел. изъ села Спасскаго. Впослѣдствіи крестьяне жаловались на величайшія злоупотребленія военной команды: по ихъ словамъ, солдаты, разставленные по квартирамъ, грабили и распродавали крестьянскіе пожитки, скотъ и посуду, разбивали печи въ избахъ, насиловали не только крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ, но даже малолѣтнихъ (былъ случай изнасилованія десятилѣтней дѣвочки), послѣ чего многія выкинули мертвыхъ младенцевъ, а одной дѣвушкѣ, сопротивлявшейся насилію, отрубили пальцы на ногахъ. Въ іюлѣ 1757 года Хатунскій выступилъ изъ селъ Спасскаго и Введенскаго, оставивъ въ нихъ капитана съ 5-ю ротами. Вскорѣ послѣ того былъ арестованъ Мерзинъ, главный предводитель крестьянъ, и еще около 200 человѣкъ, которые и содержались по большей части въ Шацкѣ, а нѣкоторые въ Москвѣ. Крестьяне жаловались, что въ заключеніи ихъ морили голодомъ, да это и не мудрено при такой громадной массѣ арестованныхъ. Вслѣдствіе отвлеченія огромнаго количества крестьянъ отъ обычныхъ работъ, пашни въ 1757 году остались непаханными, подушныя подати были не заплачены. Въ это время уже дѣйствовала коммиссія о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря, однако толку отъ нея было мало. Въ 1757—59 годахъ крестьяне не

разъ подавали прошенія государынѣ, но велѣно было принудить ихъ дать подписку о послушаніи архимандриту и служителямъ безъ всякаго прекословія. На уговоры подписаться крестьяне отвѣчали: «Нѣтъ, не подпишемся,—не хотимъ быть двѣ тысячи душъ на каторгѣ; пускай вмѣсто насъ будетъ на каторгѣ одинъ чернецъ» (т. е. архимандритъ Новоспасскаго монастыря).

Одного крестьянина, давшаго подписку, остальные односельчане морили въ холодной избѣ и били плетьми.

Однако настало время, когда всѣ должны были смириться. Въ 1761 году крестьяне заявили, что не отрекаются платить требуемыя съ нихъ деньги и хлѣбъ, но что, вслѣдствіе крайняго разоренія и скудости, не только не могутъ вносить наложенныхъ на нихъ сборовъ, но даже не знаютъ чѣмъ и кормиться.

Въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря, какъ мы видѣли, еще въ 1754 году ходилъ слухъ, что ихъ отпишутъ на государыню. Чрезъ нѣсколько лѣтъ среди другихъ монастырскихъ крестьянъ возникаютъ такіе же слухи уже съ большимъ основаніемъ. 30 сентября 1757 года императрица приказала сенату и синоду подумать о томъ, чтобы монастырскія вотчины отдать въ управленіе офицерамъ и ввести бóльшую правильность въ распредѣленіи доходовъ; въ синодъ по этому дѣлу сообщенъ былъ экстрактъ изъ протоколовъ конференціи. Синодальный копіистъ далъ копію съ него одному крестьянину синодальныхъ вотчинъ, а тотъ передалъ ее 5 крестьянамъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Крестьяне стали разглашать, что всѣ монастырскія вотчины отписаны на государыню; ихъ перехватали, и юстицъ-коллегія произнесла весьма суровый приговоръ, но сенатъ смягчилъ его *).

Въ 1758 году крутицкій архіерей жаловался, что крестьяне бѣлевскаго Преображенскаго монастыря своевольничаютъ, не платятъ оброка и посельскаго монаха посадили въ воду. Въ 1759 году крестьяне, принадлежавшіе одному архангельскому монастырю, жалуясь на обремененіе излишними поборами и работами, отказались повиноваться, столкнули съ крыльца келаря и вытолкали архимандрита.

---

*) Копіиста велѣно было бить плетьми и отдать въ солдаты, а на каторгу не ссылать, потому что онъ списалъ копію не ради взятокъ, а только по знакомству; крестьянъ же за то, что они возмущали своихъ товарищей, не казнить смертью, а высѣчь плетьми. Въ 1756 году въ одной изъ вотчинъ Троицко-Сергіевской лавры, Бѣжецкаго уѣзда (около 5.000 д.), было волненіе, усмиренное только военною силой.

Мы указывали выше на то, что крестьяне Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ не могли добиться никакого удовлетворенія по своимъ челобитнымъ, потому что ихъ архимандритъ Павлуцкій, которымъ они были особенно недовольны, былъ членомъ синодальной конторы, куда обыкновенно и пересылались ихъ челобитныя: такимъ образомъ Павлуцкій являлся судьею, или по крайней мѣрѣ однимъ изъ судьей въ своемъ же собственномъ дѣлѣ. Мы видѣли также, какъ жестоко поплатились два монаха за попытку бороться съ архимандритомъ. Что Павлуцкій и его подчиненные не отступали ни передъ какими средствами, когда нужно было поставить на своемъ, видно изъ слѣдующихъ событій въ вотчинахъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Лѣтомъ 1760 года онъ подалъ въ контору синода, членомъ которой онъ былъ, донесеніе, что монастырскіе крестьяне не только «пришли въ крайнее ослушаніе и учинились во всемъ противны», но что 24 іюня, послѣ обѣдни, они даже умышленно собрались толпою человѣкъ въ 300 и, придя къ заднимъ воротамъ монастыря, просили сторожей, чтобы тѣ пустили ихъ къ казначею. Когда же ворота были заперты на замокъ, крестьяне вломились въ нихъ и требовали, чтобъ имъ выдали находящагося въ монастырѣ пѣвчаго и конюха, похваляясь убить ихъ, и стояли у монастыря до вечеренъ. Крестьяне же впослѣдствіи объяснили въ своей челобитной, что все это архимандритъ всклепалъ на нихъ за то, что они подали въ синодъ жалобу на взятки и беззаконные сборы; для него же, разумѣется, было выгодно, вмѣсто всякихъ оправданій, представить крестьянъ бунтовщиками. По словамъ крестьянъ, они не только не обнаруживали никакого непослушанія, но даже все время продолжали и продолжаютъ монастырскія работы, въ доказательство чего и ссылались на крестьянъ разныхъ помѣщичьихъ и монастырскихъ вотчинъ и на звенигородскихъ купцовъ. 24 іюня они вовсе не приступали къ монастырю и въ ворота не ломились, а еслибы хотѣли убить пѣвчаго и конюха, то очень легко могли бы это сдѣлать, когда тѣ возвращались въ свои дворы. Если на этотъ разъ архимандритъ просто наклеветалъ на крестьянъ, то въ слѣдующемъ эпизодѣ онъ дѣйствовалъ уже какъ настоящій іезуитъ, устроивъ дѣло такимъ образомъ, чтобы жалобы на непослушаніе монастырской вотчинѣ имѣли видимое основаніе.

Вслѣдствіе донесенія архимандрита въ синодальную контору, оттуда были посланы въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь служи-

тели и 40 человѣкъ отставныхъ солдатъ для ареста «пущихъ заводчиковъ». Было донесено, будто крестьяне продолжаютъ не-слушаться, не даютъ для проѣзда команды подводъ и главное собрались подъ монастыремъ огромною толпой до 2.000 человѣкъ съ дубинами, топорами и каменьями, такъ что команда не смѣла даже выйти изъ монастыря. Между тѣмъ крестьяне заявляютъ въ своей челобитной, что при арестѣ 3-хъ ихъ товарищей ими не было оказано никакого сопротивленія, а собрались они большою толпою потому, что были созваны самими монастырскими властями. Въ то время, когда синодская команда находилась въ монастырѣ, власти назначили на работы почти поголовно всѣхъ своихъ крестьянъ мужскаго и женскаго пола Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ для копанія пруда, косьбы и уборки сѣна; поэтому и явилось однихъ мужчинъ болѣе 2.000 человѣкъ съ косами, вилами, граблями, заступами и носилками. По приходѣ къ монастырю, всѣ они просили казначея и приказнаго Тихонова, чтобъ имъ опредѣлили смотрителей и десятскихъ, но тѣ велѣли ждать и никуда не отлучаться. Крестьяне расположились на лугу и на берегу пруда; скоро они догадались, что ихъ умышленно задерживаютъ безъ всякаго дѣла. Они не разъ требовали назначенія на работу, но имъ все приказывали ждать подъ предлогомъ, что еще не получено распоряженія отъ архимандрита. Крестьяне жаловались звенигородскому воеводѣ и бургомистру на словахъ, такъ какъ письменныхъ заявленій никто ни за какія деньги не соглашался имъ составить: очевидно, всѣ трепетали предъ всемогущимъ архимандритомъ, а церковно-служителямъ онъ даже прямо запретилъ писать жалобы для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого заявленія ихъ продержали близъ монастыря около 6 дней, хотя они продолжали жаловаться свѣтскимъ властямъ.

Однако же доносъ архимандрита произвелъ желанное дѣйствіе. Для выручки будто бы находящейся въ осадѣ команды и арестованія виновныхъ былъ отправленъ отрядъ около 150 человѣкъ подъ начальствомъ капитана Титова. Когда онъ приблизился 25 іюля 1760 года къ монастырю, крестьяне самымъ мирнымъ образомъ, по свидѣтельству капитана, работали на лугу, находившемся около $1^1/_2$ версты. На требованіе капитана явиться для выслушанія указа они отвѣчали:

— Намъ съ работы идти къ монастырю незачѣмъ,—и такъ на насъ отъ архимандрита и отъ посланной синодской команды

показана напраслина, будто мы вокругъ монастыря стоимъ въ великомъ азартѣ, и крикѣ, и воровскомъ собраніи; намъ къ монастырю идти резону нѣтъ.

На другой день капитанъ собралъ свой отрядъ, да около 100 человѣкъ понятыхъ и до 50 монастырскихъ служителей и съ примкнутыми у солдатъ штыками и съ барабаннымъ боемъ двинулся на лугъ. Крестьяне долго не хотѣли собираться въ одну толпу и продолжали сѣнокосную работу. Когда же они сошлись, то, по прочтеніи указа изъ конторы сената, начались аресты по списку, въ которомъ было обозначено 40 человѣкъ. Было уже сдѣлано около 10 арестовъ и все шло мирно, когда, по разсказу крестьянъ, ненавистный имъ приказный Тихоновъ съ товарищами начали захватывать и не означенныхъ въ спискѣ. Тогда крестьяне кинулись на команду и требовали, чтобъ имъ выдали Тихонова съ помощниками и возвратили арестованныхъ, говоря, что если они виноваты, то виноваты всѣ, а зачинщиковъ и возмутителей у нихъ нѣтъ. По словамъ Титова, они требовали еще указа за подписью государыни. Когда двое изъ команды были ранены, Титовъ приказалъ солдатамъ выстрѣлить сначала пыжами, а потомъ пулями, и въ то же время сталъ ретироваться къ монастырю. Изъ 12 человѣкъ арестованныхъ толпа успѣла отбить весьмерыхъ, но за то изъ крестьянъ было убито трое, да ранено около 30, а изъ военной команды ранено 13, въ томъ числѣ одинъ прапорщикъ.

Продолженіе этой исторіи было самое обыкновенное. Крестьянамъ была поставлена на постой еще болѣе многочисленная команда; начались и обычныя взятки и поборы. Кромѣ денегъ приходилось тащить на потребу военныхъ и ихъ лошадей сѣно, овесъ, мясо, птицъ, соленую и свѣжую рыбу, покупать сальныя и восковыя свѣчи, писчую бумагу, чай и сахаръ. Челобитныхъ крестьянамъ никто не соглашался писать ни за какія деньги, «опасаясь архимандрита», такъ какъ семь священниковъ и двое дьячковъ, написавшихъ для нихъ заявленія о томъ, какъ въ дѣйствительности произошло столкновеніе съ монастырскими властями и командою, были, по словамъ крестьянъ, забраны въ Москву въ синодальную контору и долго содержались подъ арестомъ. Всего любопытнѣе, что крестьяне аккуратно продолжали работать и вносили сборы въ монастырь, въ чемъ и имѣли квитанціи, а только били челомъ въ синодъ на злоупотребленія архимандрита. Около 100 человѣкъ, отправленныхъ въ разное время

для подачи жалобы, были арестованы и содержались одни въ Саввино-Стороженскомъ монастырѣ, а другіе въ Москвѣ въ различныхъ мѣстахъ. Военными командами было арестовано 79 человѣкъ, изъ которыхъ 12 умерло въ тюрьмѣ. Если вѣрить крестьянамъ, архимандритъ присылалъ къ нимъ съ предложеніемъ мириться, но они не согласились: этого, — говорятъ они въ челобитной, — «по правости нашей учинить ни по какимъ правамъ не можно».

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XXIII *).

Возстаніе.

Въ теченіе трехъ тяжелыхъ лѣтъ Ирландія испытывала опасности и тревоги тлѣющаго возстанія. Заявленіе Стефенса о «годѣ дѣйствія» не привело ни къ чему; 1865 годъ прошелъ довольно мрачно, но безъ ожидавшагося потрясенія. Однако-жь для всѣхъ было ясно, что опасность отнюдь не миновала. Хорошо было извѣстно, что феніи дѣлали смѣлыя усилія пополнить убыль въ своимъ рядахъ и собраться съ силами для новаго удара. Два года, слѣдовавшіе за первыми арестами, были не чѣмъ инымъ, какъ непрерывною борьбой между правительствомъ и тайной организаціей. Первое вело дѣло энергично, арестуя кружки, накрывая совѣты, хватая центры, прерывая сношенія, нападая повсюду на ряды «J. R. B.». Противная сторона, возбужденная гоненіемъ, отчаянно и упорно работала надъ своимъ переустройствомъ. Какъ только одни вожди арестовывались, другіе заступали ихъ вакантныя мѣста. Судъ, скамья подсудимыхъ и тюремная карета снова наполнялись и снова опоражнивались. Ассизы и коммиссіи, коммиссіи и ассизы монотонно смѣняли другъ друга. Происходилъ смертельный поединокъ и казался безконечнымъ. Т. С. Люби явился первый на скамьѣ подсудимыхъ. Его дѣло тянулось четыре дня — отъ 28 ноября до 1 декабря включительно. Его главнымъ защитникомъ былъ Исаакъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Бёттъ, талантъ котораго, обнаруженный въ предыдущемъ политическомъ процессѣ и составлявшій уже національную гордость, высказался на этотъ разъ въ еще болѣе блестящей формѣ. Но борьба была положительно невозможна въ виду подавляющей массы документовъ. «Клонмельское письмо» и «Исполнительная коммиссія» рѣшили участь трехъ, безъ всякаго сомнѣнія самыхъ способныхъ и выдающихся, феніанскихъ вождей. Люби былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двадцати годамъ каторжной работы. За нимъ слѣдовалъ Росса. Онъ отказался отъ защитника и объявилъ, что будетъ защищаться самъ. Въ этомъ зданіи суда еще никогда не было видано такихъ сценъ. Очевидецъ разсказываетъ, что Росса «допрашивалъ доносчиковъ самымъ свирѣпымъ образомъ: онъ пыталъ сыщиковъ, онъ допрашивалъ полицію, спорилъ съ прокурорами, оспаривалъ судей, — словомъ, сражался со всей обвинительною стороной. Но за настоящую работу онъ принялся только тогда, когда послѣдній свидѣтель ушелъ отъ стола. Онъ бралъ различныя публикаціи, выставленныя какъ улики противъ него, и настаивалъ на своемъ правѣ перечитать ихъ всѣ передъ судомъ. Въ числѣ ихъ была связка газеты *Irish People* за все время ея существованія. Ужасъ изобразился на лицахъ судей, присяжныхъ, шерифовъ, прокуроровъ, тюремщиковъ и всѣхъ, когда подсудимый серьезно объявилъ, что, въ видѣ уступки, онъ не будетъ настаивать на чтеніи объявленій. Битва продолжалась цѣлый день, и когда насталъ обычный часъ закрытія засѣданія, подсудимый самъ былъ доведенъ до полной усталости и изнеможенія. Замѣтивши, что огни зажжены и что судьи, повидимому, готовятся просидѣть всю ночь, онъ озабоченно обратился къ нимъ съ вопросомъ, не думаютъ ли они, что засѣданіе должно быть отложено до завтра. «Продолжайте, сэръ», былъ холодный отвѣтъ судьи, который хорошо зналъ, что физическія силы подсудимаго приходятъ къ концу. «Настоящій Норбюри!—стоналъ О'Донованъ. — Это судъ 98 года!» — «Вы лучше продолжайте, сэръ, вашу защиту»,—воскликнулъ судья.—«Но когда вы намѣрены закрыть засѣданіе, лордъ?» — снова спросилъ подсудимый.—«Продолжайте, сэръ»,—снова отвѣтилъ судья. О'Донованъ не могъ больше держаться. Онъ читалъ и говорилъ въ теченіе восьми съ половиною часовъ. Въ послѣдній разъ протестуя, онъ сѣлъ съ восклицаніемъ: «теперь пусть дѣйствуетъ англійскій законъ».

На слѣдующій день Росса былъ приговоренъ къ каторжной работѣ *на всю жизнь*. Высшею степенью наказанія, сравнительно съ своими товарищами, онъ былъ обязанъ тому факту, что въ 1858 году надъ нимъ уже былъ произнесенъ обвинительный приговоръ по подобному же дѣлу, отъ котораго онъ былъ освобожденъ вслѣдствіе «хорошаго поведенія» и съ обязательствомъ явиться по первому требованію суда.

Многіе изъ подсудимыхъ были военные, и имъ безжалостно было отказано въ гражданскомъ судѣ. Военные же суды производили ужасное впечатлѣніе,—плети составляли часть ихъ приговоровъ,—и возмутительное зрѣлище, которое никто добровольно не согласился бы видѣть, отъ времени до времени потрясало дублинское общество.

Не одна власть и оружіе британскаго правительства способствовали дезорганизаціи и неудачѣ феніанскаго движенія. Разногласія и раздоры между его вождями также подрывали его. Въ теченіе двухъ лѣтъ Стефенсъ былъ предметомъ свирѣпыхъ обвиненій со стороны его собственныхъ послѣдователей, а Джонъ О'Мэгони былъ смѣщенъ и разжалованъ сенатомъ американской вѣтви, которой онъ такъ долго былъ председателемъ. И хотя въ Ирландіи ему вѣрили и, какъ всегда, повиновались безпрекословно, но въ средѣ кружковъ другой стороны океана его способности и претензіи жестоко критиковались. Нашлись только нѣсколько человѣкъ, которые согласились повиноваться ему, когда онъ захотѣлъ быть диктаторомъ или ничѣмъ. Наиболѣе рѣшительная и вліятельная часть феніевъ въ Штатахъ вполнѣ разошлась съ нимъ. Въ то же время, исходя изъ политики «поражать Англію вездѣ, гдѣ можно», она сдѣлала попытку осуществить смѣлый планъ нападенія на Канаду. Попытка эта, конечно, была тотчасъ же самымъ рѣшительнымъ образомъ остановлена американскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего среди ирландцевъ поднялся громкій крикъ, что вашингтонскія власти ихъ обманули. Объ обѣщаніяхъ и заискиваніяхъ, которыя расточались ими, когда нужны были рекруты для гражданской войны, теперь говорилось не иначе, какъ о приманкахъ для ловли людей горячей и воинственной расы, обладающей храбростью болѣе, чѣмъ благоразуміемъ. Неудача въ Канадѣ послужила для Стефенса предлогомъ къ упреку тѣхъ, кто отказался слѣдовать его указаніямъ, и онъ говорилъ, что теперь онъ имъ покажетъ настоящую дорогу. Онъ грозилъ вернуться въ Ирландію и тамъ развернуть знамя революціи. Еще

разъ онъ съ жаромъ провозгласилъ: «этотъ годъ!» На публичномъ митингѣ въ Джонсъ-Вудѣ, въ Нью-Йоркѣ, онъ повторилъ свое увѣреніе, подтверждая его торжественною клятвой. Это заявленіе, сдѣланное осенью 1866 года, снова погрузило Ирландію въ водоворотъ тревожныхъ слуховъ и дикихъ смятеній.

Возстаніе или попытка къ возстанію 1867 года была однимъ изъ тѣхъ отчаянныхъ и безмысленныхъ предпріятій, въ какія съ большою охотой кидаются люди, безумно вовлеченные въ какое-нибудь безнадежное дѣло. Стефенсъ провелъ всю вторую половину 1866 года въ усиліяхъ добыть въ Америкѣ денегъ на вновь затѣянное возстаніе. Снова и снова онъ объявлялъ, что 1866 годъ не пройдетъ безъ призыва къ оружію и что онъ, Джонсъ Стефенсъ, появится въ Ирландіи, чтобы погибнуть или побѣдить. Уже начали появляться злобныя обвиненія на ту тему, что онъ не дѣлаетъ ровно ничего изъ того, что обѣщалъ, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ появились извѣстія объ его отъѣздѣ въ Ирландію и инсинуаціи эти прекратились. Тогда ирландское правительство энергично взялось за дѣло. Тревога парализовала всѣ умы. Казалось, самая худшая дѣйствительность лучше, менѣе томительна этой продолжительной неизвѣстности и непрерывной паники. Военные пароходы крейсировали вокругъ острова. Всѣ гавани и мѣста, удобныя для высадки, тщательно стереглись. Всякая рыбачья лодка обыскивалась. Всякій пассажиръ осматривался. Каждое утро народъ хватался за газеты, съ нетерпѣніемъ ища извѣстій, найденъ ли вождь возстанія или нѣтъ. Съ приближеніемъ послѣдней недѣли 1866 года общественныя опасенія достигли почти невообразимыхъ размѣровъ. До тѣхъ поръ, пока большія часы главнаго почтамта не пробили полночь 31-го декабря и колокола церкви Христа не зазвонили уже въ новомъ году, невозможно было поколебать увѣренность, что взрывъ наготовѣ.

Стефенсъ не трогался изъ Америки. Все это время онъ скрывался въ домѣ одного пріятеля въ Бруклинѣ. Онъ даже и не вступалъ на ирландскую почву, чтобы погибнуть или побѣдить. Онъ убѣдился въ безнадежности попытки, которую поклялся предпринять, и предпочелъ лучше встрѣтить гнѣвъ и презрѣніе своихъ послѣдователей, чѣмъ опасности, ожидавшія его въ Ирландіи. Можно сказать, что въ этотъ моментъ глава ирландскихъ феніевъ сошелъ со сцены. Стыдясь защищаться, онъ съ тѣхъ поръ отвѣчалъ одинаковымъ молчаніемъ какъ на обвиненія, такъ

и на похвалы. Самъ нетерпимый, недобросовѣстный и безжалостный во времена своей силы, онъ при своемъ паденіи сдѣлался жертвой многихъ несправедливостей. Прежнее чудовищное преувеличеніе его способностей теперь смѣнилось невѣроятнымъ умаленіемъ ихъ. Онъ былъ рожденъ заговорщикомъ, и хотя его товарищи и послѣдователи и смѣнили свое поклоненіе на проклятіе, Стефенсъ все-таки долженъ считаться однимъ изъ самыхъ способныхъ, самыхъ искусныхъ и самыхъ опасныхъ революціонеровъ нашего времени.

Крики и насмѣшки, поднявшіеся по поводу *fiasco* Стефенса, какъ ножами рѣзали сердца тѣхъ людей въ Ирландіи и Америкѣ, которые упорно держались за дѣло вооруженной борьбы. По поводу всякой остановки или поворота въ феніанскомъ дѣлѣ англійскія газеты съ полною увѣренностью писали объ его «изнеможеніи» и «кончинѣ». «Его конецъ» провозглашался и комментировался множество разъ въ періодъ отъ 1865 до 1868 г., а по поводу всего прошлаго писались поученія и давались уроки. Межъ тѣмъ какъ пресса хоромъ разсыпалась въ поздравленіяхъ по поводу «дѣйствительнаго и окончательнаго исчезновенія» феніанскаго зарева, до правительства дошло въ началѣ 1867 года извѣстіе, что феніи, живущіе въ самой Ирландіи, разочаровавшись въ помощи изъ Америки, рѣшили, наконецъ, нанести ударъ.

Въ тайномъ совѣтѣ, происходившемъ въ Дублинѣ, 12-е февраля было назначено днемъ возстанія. За одинъ или за два дня до этого числа оно было отложено до 5 марта. Командиръ феніанскихъ силъ въ Кагирсивенѣ не получилъ своевременно приказа объ отсрочкѣ и 13-го февраля распространилась вѣсть, что Западный Керри въ возстаніи. Изъ Килларней пришло извѣстіе, что всѣ проволоки на западѣ перерѣзаны, что верховой полицейскій, везшій депеши, схваченъ и разстрѣлянъ, что станціи береговой стражи и полицейскія казармы обезоружены и что Иверахскіе холмы «кишатъ» людьми. Во всемъ этомъ многое было преувеличено; но въ то время вѣрили всему. Дворяне изъ окрестностей Килларней толпой стекались въ этотъ городъ вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, а многіе такъ даже со своимъ серебромъ, брилліантами и другими цѣнностями. Они овладѣли желѣзнодорожною гостиницей и начали укрѣплять ее при помощи полиціи и военной силы. Былъ сдѣланъ запасъ провіанта. Дамы шили мѣшки, а джентльмены набивали ихъ пескомъ и закладывали въ окна. Оружіе было роздано, разставлены

часовые, разосланы лазутчики, въ Дублинскій замокъ посланы по телеграфу настоятельныя требованія помощи. Между тѣмъ войска уже спѣшили изъ Дублина, Корка и Лимерика; изъ Куррахскаго лагеря въ теченіе двадцати четырехъ часовъ были высланы три экстренные поѣзда съ войсками. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ случилось лишь слѣдующее. Кагирсивенскій отрядъ инсургентовъ, не зная ничего объ отсрочкѣ возстанія, вышелъ ночью 12-го числа для встрѣчи, какъ предполагалось, съ отрядами сосѣднихъ округовъ. Инсургенты поняли, въ чемъ дѣло, только тогда, когда подошли къ Киллярней, и, конечно, разсѣялись во всѣ стороны, кто куда могъ. Мѣстность въ этомъ округѣ настолько дика и гориста, что правительство только въ теченіе недѣли могло убѣдиться, что все кончено и что Иверахъ, какъ называютъ эту часть страны, совсѣмъ не находится въ рукахъ сильной инсуррекціонной арміи. Отряды полиціи и войскъ, предводительствуемые мѣстными дворянами, начали «окруженія» горъ и «избіенія» въ лѣсахъ, гдѣ предполагались спрятанными такія же многочисленныя и отчаянныя вражескія силы, какъ тѣ, которыхъ Родрикъ Вичъ Альпинъ Дгю вызывалъ своимъ свистомъ. Каждый разъ, какъ дикій олень то здѣсь, то тамъ выскакивалъ изъ своей засады, раздавались крики: «Вотъ они!» Рога трубили; войска сходились для нападенія на непріятеля и оказывалось, что это не кто другой, какъ рогатый лордъ долины.

Въ другихъ мѣстахъ гораздо болѣе серьезная работа слѣдовала за подобнымъ же фіаско феніанской отсрочки.

Было рѣшено, что ланкаширскіе кружки (въ Англіи) должны содѣйствовать дублинскому движенію такимъ маневромъ, который трудно было бы превзойти по смѣлости и дерзости. Было извѣстно, что въ Честерскомъ замкѣ находится до 20.000 оружія, кромѣ большаго запаса аммуниціи и припасовъ, между тѣмъ какъ гарнизонъ его былъ болѣе номинальный. Феніанскій военный совѣтъ въ Ливерпулѣ рѣшилъ напасть на замокъ, захватить оружіе, перерѣзать проволоки, взять силой подвижной составъ желѣзной дороги, нагрузить поѣзда людьми и оружіемъ и отправить въ Голихедъ *). Здѣсь предполагалось захватить всѣ пароходы, стоявшіе въ портѣ, и быстро переправиться въ Ирландію, разсчитывая высадиться въ этомъ городѣ, прежде чѣмъ извѣстіе объ ихъ удивительной продѣлкѣ достигнетъ Ирландіи.

*) Гавань на западномъ берегу Англіи, черезъ которую лежитъ ближайшій путь въ Дублинъ. *Прим. перев.*

Теперь позволительно думать, что они могли бы успѣть въ своемъ предпріятіи, по крайней мѣрѣ въ захватѣ Честерскаго замка, еслибы въ тайномъ совѣтѣ всего дѣла не засѣдалъ Джонъ Джозефъ Коридонъ, одинъ изъ наиболѣе интимныхъ агентовъ Стефенса и вполнѣ довѣренное лицо среди заговорщиковъ — хорошо оплачиваемый агентъ правительства. Коридонъ снесъ проектъ нападенія на Честерскій замокъ къ майору Креггу, главѣ ливерпульской полиціи. Впослѣдствіи оказалось, что властями былъ упущенъ цѣлый день, — такимъ невѣроятнымъ казался имъ весь этотъ сенсаціонный разсказъ. И только за нѣсколько часовъ до назначеннаго срока нападенія была признана его достовѣрность. Со всѣми утренними поѣздами изъ Манчестера, Болтона, Варрингтона и другихъ мѣстъ съѣзжались въ Честеръ дюжіе Ирландцы. Они беззаботно бродили здѣсь небольшими группами и, казалось, ожидали другихъ. Вдругъ глава честерской полиціи и гарнизонный полковникъ получаютъ телеграммы, способныя озадачить ихъ. Караулъ въ замкѣ немедленно удвоивается, полиція поднимается на ноги, конные отряды разсылаются во всѣхъ направленіяхъ. А скоро начали прибывать и войска изъ Биркенхеда съ такою быстротой, какую только допускали экстренные поѣзда. Вскорѣ послѣ этого можно было видѣть, что праздныя группы начали расходиться, при шепотѣ о какомъ-то, только-что полученномъ, извѣстіи. Они устремились въ первые попадавшіеся поѣзда, чтобы возвратиться въ тотъ городъ, изъ котораго пріѣхали утромъ. Имъ данъ былъ сигналъ, что заговоръ выданъ какимъ-то измѣнникомъ и долженъ быть оставленъ. Нѣкоторые изъ нихъ побросали свои револьверы въ Ди. Большая партія ихъ отправилась по желѣзной дорогѣ въ Голихедъ и на пароходѣ въ Дублинъ. Но какъ только они коснулись ирландской почвы, ихъ арестовали и увели въ Кильмангемскую тюрьму.

Прежде чѣмъ наши умы успѣли оправиться отъ потрясенія и смущенія по поводу этихъ событій, мы оказались среди давно обѣщаннаго и мрачно ожидаемаго «возстанія». Въ понедѣльникъ ночью 4-го марта или во вторникъ утромъ 5-го марта 1867 г. феніанскіе кружки выступили въ походъ. Коркъ, Типперари, Дублинъ, Льютъ, Лимерикъ, Клэръ и Вотерфордъ въ той или другой степени отозвались на революціонный призывъ. Уже за два дня мало для кого было тайной, что событіе готово совершиться. Молодые люди оставляли друзей; клерки подводили итоги счетамъ, желая предупредить всякія нареканія на ихъ чест-

ность; и вечеромъ въ понедѣльникъ толпы людей отъ семнадцати до пятидесятилѣтняго возраста стекались въ церкви. Но возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ. Правительство заранѣе знало черезъ Коридона о всѣхъ самыхъ тайныхъ и важныхъ приготовленіяхъ. Смущеніе и деморализація въ рядахъ инсургентовъ, порождаемыя ясными признаками и доказательствами того, что среди самыхъ высшихъ организаторовъ возстанія есть измѣнникъ, дѣлали для подавленія и усмиренія его больше, чѣмъ пули и сабли. Станція Лимерикскаго Соединенія на южной и западной желѣзныхъ дорогахъ была признана пунктомъ большой стратегической важности; а такъ какъ она расположена въ центрѣ самыхъ недовольныхъ округовъ Ирландіи—Типперари, Корка и Лимерика, то и представляла большія преимущества, какъ центръ всѣхъ операцій на югѣ. Бригадный генералъ Массей былъ назначенъ командующимъ инсуррекціей въ этомъ пунктѣ. Онъ ожидалъ сигнала къ дѣйствію въ Коркѣ. Вечеромъ 4-го марта онъ сѣлъ въ почтовый поѣздъ и прибылъ на станцію Соединенія около 12 часовъ ночи. Какъ только онъ вышелъ изъ вагона, его окружили четыре сыщика и въ его голову было направлено столько же револьверовъ. Онъ бросилъ торопливый взглядъ вокругъ и увидалъ, что платформа была занята вооруженными солдатами. Тогда этотъ человѣкъ, сто разъ встрѣчавшій смерть лицомъ къ лицу среди рѣзни американской междоусобной войны, *упалъ въ обморокъ*. Черезъ нѣсколько минутъ его поспѣшно везли обратно въ Дублинъ подъ сильнымъ конвоемъ; власти хорошо знали цѣну своей добычи *). Этотъ ударъ практически обезоружилъ югъ Ирландіи. Рано утромъ разнеслась вѣсть, что сборный пунктъ, къ которому стремились многія мѣстныя группы, былъ занятъ правительственными войсками—кавалеріей, пѣхотой и артилеріей; мало того, что генералъ Массей арестованъ, онъ заключенъ въ казематъ Дублинскаго замка. Сходившіяся группы разошлись; отряды поворачивали съ пути назадъ къ своимъ домамъ. Въ Кильмаллонѣ, въ графствѣ Лимерикъ, произошло серьезное столкновеніе. Вооруженный отрядъ,

---

*) Велико было всеобщее удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль сдѣлалось извѣстнымъ, что генералъ Массей превратился въ свидѣтеля отъ короны. Въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ дѣйствительно сдѣлался имъ; но онъ не былъ шпіономъ, остававшимся въ организаціи, съ цѣлью выдавать. Дѣло было такъ: убѣдившись, что одинъ изъ пяти человѣкъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся организація (онъ тогда еще не зналъ, что это былъ Коридонъ), выдалъ ее, онъ пришелъ къ заключенію въ своей камерѣ, что чѣмъ скорѣе все дѣло лопнетъ, тѣмъ меньше будетъ жертвъ. *Прим. авт.*

числомъ около 200 человѣкъ, овладѣлъ городомъ; полиція отступила въ казармы — крѣпкое зданіе, способное выдержать осаду. Пока одна часть инсургентовъ поддерживала огонь по казармѣ, другая ходила по городу, обыскивала каждый домъ и захватывала все оружіе, какое можно было найти. Достойно замѣчанія обстоятельство, памятное съ тѣхъ поръ въ этой мѣстности: въ городѣ было два банка и въ каждомъ изъ нихъ хранились большія суммы золота, серебра и бумагъ; и хотя изъ этихъ домовъ были взяты нѣсколько ружей и пистолетовъ, но не было тронуто ни одного пенни. Частная собственность, дѣйствительно, уважалась самымъ тщательнымъ образомъ, несмотря на то, что на нѣкоторое время городъ былъ вполнѣ въ рукахъ инсургентовъ *).

Около десяти часовъ утра изъ Кильфайнена неожиданно пришелъ къ осажденной казармѣ отрядъ вооруженной полиціи и быстро заставилъ осаждавшихъ бѣжать. Въ этомъ дѣлѣ было нѣсколько убитыхъ. Полиція, укрываясь за стѣнами, не понесла почти никакого урона. Управляющій одного изъ банковъ, какъ говорятъ, вынувшій револьверъ противъ командира инсургентовъ, подвергся выстрѣлу и былъ раненъ послѣднимъ. Одинъ изъ убитыхъ инсургентовъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ околодкѣ и народъ поставилъ надъ его могилой «камень безъ имени». Это печальное столкновеніе при Кильмаллонѣ произошло несмотря на вѣсть о неудачѣ при ст. Соединенія желѣзныхъ дорогъ, заставившей разойтись огромное число инсургентовъ. Дѣйствительная причина его заключалась въ арестѣ наканунѣ этого дня В. Г. О'Сулливана (теперешняго члена парламента отъ Лимерика), одного изъ самыхъ популярныхъ людей въ округѣ, вызвавшемъ въ народѣ сильное негодованіе и возбужденіе. Всѣ были увѣрены, что онъ не причастенъ къ феніанскому обществу, и смотрѣли на его арестъ какъ на дѣло напрасной и крайней жестокости. Изъ негодованія по этому поводу и возникло то ошибочное мнѣніе многихъ, что Кильмаллонъ дѣйствительно игралъ печально-выдающуюся роль въ возстаніи 1867 года.

Въ столицѣ попытка къ возстанію потерпѣла совершенное пораженіе. Отъ осьми часовъ вечера и почти до самой полуночи отряды людей, молодыхъ и старыхъ, стремились изъ города че-

---

*) На одномъ изъ захваченныхъ полицейскихъ было найдено письмо съ десятью фунтами денегъ, которые и были „конфискованы“; очевидно, дѣлалось различіе между правительственною и частною собственностью.

Прим. авт.

резъ всѣ южные выходы. Вдоль нѣкоторыхъ улицъ мирные жители выходили изъ дверей и съ удивленіемъ слѣдили за проходящими толпами, напрасно спрашивая другъ друга, что-бъ это могло обозначать. Впослѣдствіи оказалось, что главнокомандующій Гью Розъ рѣшился позволить всѣмъ выйти изъ города; онъ даже заботился о томъ, чтобъ это случилось. Иными словами, онъ предпочиталъ встрѣтить затрудненіе въ открытомъ полѣ, чѣмъ въ улицахъ многолюднаго города. Мѣсто въ четырехъ или пяти миляхъ на югъ отъ Дублина, расположенное у подножія горъ, развѣтвляющихся на Виклоу, Кильдаръ и Карлоу, и носящее имя Таллагтъ, было назначено сборнымъ пунктомъ, а генералъ Геплинъ—вождемъ возстанія. Пріемъ, которымъ придумали предупредить собраніе, состоялъ въ томъ, чтобы встрѣтить первую же партію инсургентовъ смертельнымъ залпомъ и такимъ образомъ дать знать всѣмъ остальнымъ, по мѣрѣ ихъ приближенія къ мѣсту, что собраніе окончательно разогнано. И дѣйствительно, онъ совершенно разстроилъ планъ инсургентовъ. Пораженіе было полное. До Таллагта не дошла и четвертая часть инсургентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разъ они собрались бы вмѣстѣ, ожесточенная борьба сдѣлалась бы неизбѣжной и могла бы окончиться потерей многихъ жизней. Теперь же убито было только двое, а дюжина другихъ ранена. Отряды, шедшіе изъ Кингстоуна, захватили полицейскія казармы въ Степесайдѣ и Глинкулленѣ, обезоружили полицейскихъ, но не причинили имъ никакого вреда. Этотъ отрядъ, какъ и всѣ другіе, приближаясь къ Таллагту, встрѣтилъ бѣглецовъ, объявлявшихъ, что все уже кончено. Вскорѣ послѣ полуночи дальнѣйшія попытки повсюду были оставлены. Изъ двухъ-трехъ тысячъ инсургентовъ, вышедшихъ изъ Дублина, нѣсколько сотъ были арестованы на мостахъ черезъ каналъ, которыхъ они не могли миновать при возвращеніи, а остальные разбрелись по холмамъ, пытаясь скрыться въ Кольдаръ и Виклоу, но были преслѣдуемы во всѣхъ направленіяхъ уланами и драгунами.

Въ окрестностяхъ Корка возстаніе достигло болѣе грозныхъ размѣровъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, если вообще можно говорить объ его грозности. Въ Мидльтонѣ, Кастельмартирѣ, Баллинокенѣ и другихъ мѣстахъ полицейскія казармы были аттакованы. Въ большинствѣ случаевъ полиція защищалась съ большимъ мужествомъ, хорошо зная превосходство силъ нападающихъ, и обращала ихъ въ бѣгство. Однако-жъ, въ нѣкоторыхъ случа-

яхъ инсургенты имѣли успѣхъ, и здѣсь опять слѣдуетъ отмѣтить фактъ, что они всегда пользовались своимъ короткимъ торжествомъ въ высшей степени человѣчно и благородно. Въ Баллинокенѣ, гдѣ командовалъ знаменитый капитанъ Маккей, они окружили казарму и требовали отъ осажденныхъ сдачи именемъ Ирландской республики.

«Полиція отвѣтила огнемъ,—разсказываетъ достовѣрный свидѣтель,—и получила обратно то же самое». Наконецъ инсургенты ворвались въ двери и заложили огонь подъ нижнюю часть казармы. Но полиція продолжала упорствовать. «Сдавайтесь!—кричали инсургенты.—*Вы хотите совершить самоубійство, но мы не хотимъ совершать убійства*». Одинъ изъ полицейскихъ тогда закричалъ, что внутри находится его дочь, маленькая дѣвочка, и спрашивалъ, не хотятъ ли осаждающіе позволить ей выйти вонъ. Они съ радостью согласились, и дѣвочка была взята въ окошко съ возможною нѣжностью и передана ея матери, которая случайно находилась около казармы, когда началась аттака. Въ это время на мѣсто пришелъ католическій священникъ м-ръ Невилль. Онъ спросилъ вождя инсургентовъ, будетъ ли полиціи причиненъ вредъ, если она сдастся. «Вотъ мой револьверъ, — сказалъ капитанъ Маккей, — и пусть зарядъ его пронижетъ меня насквозь, если хоть одному изъ нихъ будетъ что-нибудь сдѣлано».

Типперари должно было сдѣлаться главнымъ мѣстомъ движенія, еслибы дѣйствительная борьба началась. Здѣсь командовалъ генералъ Т. Ф. Бёркъ. Но въ Типперари повторилась та же исторія, что и въ Дублинѣ, и въ Лимерикѣ, и въ Коркѣ, и въ Дрогедѣ. Инсургентамъ совершенно недоставало такого вооруженія и экипировки, которыя давали бы имъ возможность хоть на одинъ моментъ противостоять дисциплинированнымъ силамъ. Злополучный народъ несомнѣнно выказалъ мужество, твердость и выносливость; что же касается до приготовленій и средствъ, то свѣтъ мало видѣлъ болѣе сумасшедшихъ революціонныхъ попытокъ.

До сихъ поръ я приписывалъ легкое подавленіе этого возстанія исключительно тому факту, что правительство черезъ своихъ агентовъ знало о приготовленіяхъ и имѣло возможность заранѣе парализовать всякое движеніе врага. Но справедливость требуетъ указать на общеизвѣстный и единственный въ своемъ родѣ фактъ, что стихіи природы въ значительной степени содѣйствовали такому исходу—обстоятельство, отмѣченное въ свое время. Вечеромъ 5-го марта по всей Ирландіи разразилась такая

снѣжная буря, какой не бывало подобной ни съ тѣхъ поръ, ни за полстолѣтія прежде. Въ теченіе пяти дней почти безъ всякихъ перерывовъ со свинцоваго неба валились хлопья снѣга, такъ что во многихъ мѣстахъ слой его достигалъ трехъ-четырехъ футовъ глубины. Дороги сдѣлались непроходимы. Дѣйствовавшія войска жестоко страдали; лошади кавалеріи падали въ огромномъ количествѣ. Но, какъ бы то ни было, войска имѣли для ночнаго отдыха безплатныя и удобныя казармы или квартиры, тогда какъ инсургенты были принуждены, ведя партизанскую войну, проводить ночи на открытыхъ склонахъ холмовъ. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки защищаться отъ этой ужасной погоды и сопровождавшаго ее урагана.

Вѣсти о возстаніи быстро долетѣли по атлантическому кабелю до Америки, и такъ какъ эта удивительная проволока никогда не уменьшаетъ сенсаціи, то американскія газеты разразились необузданнымъ потокомъ преувеличеній и крайностей. «Ирландія возстала! Почти всѣ южныя провинціи въ рукахъ инсургентовъ! Боевой дымъ поднимается надъ всякимъ холмомъ Ирландіи! Красный крестъ Св. Георгія еще господствуетъ надъ Дублинскимъ замкомъ, но повсюду въ другихъ мѣстахъ, на востокѣ и западѣ, онъ снятъ!»

Несмотря на горькое разочарованіе, произведенное предыдущими феніанскими попытками и неудачами, милліоны ирландцевъ въ Штатахъ были сильно возбуждены. Благоразумные друзья кричали: «Подождемъ недѣлю!» Спустя двѣ недѣли письменныя извѣстія значительно понизили тонъ телеграфныхъ новостей; тѣмъ не менѣе было много сердецъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ сразиться.

12 апрѣля 1867 года на Сендигукѣ *) лежала бригантина въ 200 тонъ, нагруженная и готовая выйти въ море. Ея грузъ состоялъ изъ «фортепьянъ», «швейныхъ машинъ» и «вина» въ «бочонкахъ»; по крайней мѣрѣ ея трюмы были наполнены ящиками изъ-подъ фортепьянъ и швейныхъ машинъ и бочками изъ-подъ вина. Всѣ эти товары направлялись и записывались на торговую фирму въ Кубѣ. Это было судно «Jacknell», хорошо извѣстное въ вестъ-индской торговлѣ, на главной мачтѣ котораго развѣвались звѣзды и полосы. Въ тотъ же день изъ Нью-Йоркской гавани вышелъ небольшой пароходъ съ компаніей въ сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ, бывшихъ офицеровъ или солдатъ амери-

*) Нью-Йоркскій рейдъ.

канской арміи, направлявшейся какъ будто на прогулку по заливу. Съ ними не было никакого имущества и вообще въ ихъ отъѣздѣ не было ничего, что̀ могло бы обратить на себя особенное вниманіе. Они достигли Сендигука и подошли подъ корму «Jacknell». «Гуляющіе» вошли на нее, а пароходъ возвратился въ Нью-Йоркъ безъ нихъ. Въ ту же ночь «Jacknell» распустила паруса, направляясь въ Вестъ-Индію. Ея дѣйствительное назначеніе составляла Ирландія: ея цѣль — помогать возстанію. Въ ящикахъ не было фортепьянъ, въ винныхъ бочкахъ не было вина,—вмѣсто того въ нихъ были ловко упакованы пять тысячъ ружей, три полевыхъ орудія и 200.000 патроновъ. Компанія состояла изъ генерала Ж. Е. Корригана, полковника С. Р. Трезиліана, полковника Джона Варрена, полковника Нэгля, лейтенанта Августина Е. Кастелло, капитана Кавана̀гъ и многихъ другихъ. Пройдя въ теченіе первыхъ двадцати четырехъ часовъ на югъ, они измѣнили курсъ и направились въ Ирландію. 29-го апрѣля, въ пасхальное воскресенье, запечатанные приказы были вскрыты, роли разданы, ирландское солнце *) поднято и прибито при салютѣ изъ трехъ полевыхъ орудій, имя судна было измѣнено на «Erin's Hope» («Надежда Ирина») и весь экипажъ принялъ участіе въ торжественномъ праздникѣ. Это было по-истинѣ удивительное предпріятіе — пуститься черезъ океанъ на маленькой бригантинѣ, намѣреваясь высадиться на ирландскій берегъ, охраняемый повсюду крейсерами съ моря и береговыми патрулями на сушѣ! Судно направлялось въ заливъ Слиго, котораго оно и достигло 20-го мая. Оно продержалось въ сторонѣ отъ берега въ теченіе одного или двухъ дней, пока на бортъ не высадился одинъ изъ ихъ друзей съ берега. Его отчетъ о положеніи вещей сильно разнился съ пламенными телеграммами *New-Iork Herald*, которыя торопили ихъ изъ Америки. Выгрузиться въ Слиго,—говорилъ онъ,—невозможно, но они должны попытаться выгрузить оружіе и аммуницію гдѣ-нибудь на южномъ берегу. Между тѣмъ до правительства дошло извѣстіе, что какое-то подозрительное судно бродитъ около западныхъ гаваней. Тотчасъ же были снаряжены двѣ канонирки, «Квингстоунъ» и «Валенсія», и въ теченіе двухъ недѣль «Надежда Ирина» должна была днемъ и ночью избѣгать опасныхъ встрѣчъ. Къ этому времени она пробыла въ морѣ 62 дня, и ея запасы воды и провизіи были почти истощены.

*) Древне-ирландскій военный флагъ—солнечный блескъ на зеленомъ полѣ. *Прим. авт.*

Ничего больше не оставалось дѣлать, какъ высадить бо́льшую часть людей и возвратиться въ Америку съ такимъ экипажемъ, для котораго могло хватить провизіи на обратный путь. Около Гельвикъ-Хеда, близъ Донгарвана, они остановили рыбачью лодку, и когда та подошла къ борту, тридцать человѣкъ экипажа, къ немалому удивленію рыбаковъ, вскочили въ нее. «Жакнелль» повернула въ море, а рыбаки повезли чужестранцевъ на берегъ. Ихъ высадка была замѣчена сторожевымъ постомъ; извѣстія были разосланы по всѣмъ полицейскимъ станціямъ вокругъ, и черезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ «Жакнелль» до послѣдняго человѣка сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако-жь все, что знало правительство, это—таинственность и подозрительность происшествія. Люди были невооруженные. Гельвинская высадка еще не была связана съ появленіемъ судна въ заливѣ Слиго, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дѣло это возбуждало великое недоумѣніе въ Дублинскомъ замкѣ. Наконецъ, молчаливость одного изъ пойманныхъ уступила искусному веденію дѣла, и онъ все раскрылъ правительству; скоро всѣ его товарищи предстали передъ спеціальной слѣдственною коммиссіей въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.

При послѣдовавшемъ судебномъ процессѣ возникли два важныхъ юридическихъ вопроса. Во-первыхъ, было ли совершено какое-нибудь противозаконное дѣйствіе въ предѣлахъ британской юрисдикціи и, во-вторыхъ, признавать ли американское подданство американскихъ гражданъ, родившихся въ Ирландіи, и допускать ли смѣшанное жюри. Первымъ судился полковникъ Варренъ, уроженецъ Клонакилти, въ графствѣ Коркъ, но натурализованный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ. Когда начали составлять списокъ присяжныхъ, м-ръ Геронъ представилъ натурализаціонныя бумаги подсудимаго и потребовалъ для него жюри *medietate linguae*. Предсѣдательствующій судья вполнѣ призналъ важность вопроса, который ему приходилось рѣшать; но тогдашній законъ гласилъ ясно: «ни одинъ подданный британской короны не можетъ отказываться отъ вѣрности ей»; такъ онъ и рѣшилъ. Обыкновенное жюри приняло присягу.

Подсудимый.—Какъ американскій гражданинъ, я заявляю о неподсудности моихъ дѣйствій этому суду.

Главный судья.—Мы не можемъ слушать теперь вашихъ заявленій; если окажется нужнымъ, вашъ защитникъ въ свое время заявитъ это.

Подсудимый.—Я отказываюсь отъ своего защитника. Теперь имъ становится правительство Соединенныхъ Штатовъ.

Защитникъ подсудимаго удалился, и полковникъ Варренъ отказался отъ какой бы то ни было защиты. Онъ былъ осужденъ и 16 ноября 1867 года приговоренъ *къ пятнадцати годамъ каторжной работы*. За нимъ слѣдовалъ его товарищъ лейтенантъ Августанъ Кастелло. Онъ такимъ же образомъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ *къ двѣнадцати годамъ каторжной работы*.

Эти событія повели къ одному изъ самыхъ важныхъ измѣненій послѣдняго времени въ британскомъ законѣ. Древній и основной принципъ неизмѣннаго вѣрноподданства рѣшительно удерживался Англіей въ теченіе многихъ столѣтій. Съ другой стороны правительство Соединенныхъ Штатовъ, хотя въ дѣйствительности и отказалось отъ полковника Варрена, находило необходимымъ настаивать на выставленномъ имъ на судѣ положеніи. И вотъ снова между Англіей и Америкой возникло серьезное столкновеніе по поводу его приложенія. Къ счастію, вмѣсто того, чтобы рѣшать его путемъ войны, какъ въ 1812 г., оба правительства вошли въ дѣятельные переговоры съ цѣлью устранить затрудненіе. Соединеннымъ Штатамъ было нечего мѣнять, Англіи же приходилось измѣнить свой законъ о подданствѣ, что она и сдѣлала. Въ 1870 году черезъ парламентъ прошелъ актъ 33 и 34 Vict. cap. 14, извѣстный (по крайней мѣрѣ въ Ирландіи) подъ именемъ «акта Варрена и Кастелло»; и теперь британскій подданный, съ помощью извѣстныхъ формальностей, можетъ отказаться отъ своего подданства и сдѣлаться гражданиномъ другой страны.

Съ окончаніемъ процесса жакнельцевъ всѣ начали надѣяться, что насталъ конецъ безконечнымъ арестамъ, взрывамъ и тревогамъ. Но насъ ждало горькое разочарованіе.

XXIV.

Эшафотъ и тюрьма.

Во всей борьбѣ изъ-за ирландскаго недовольства въ теченіе этого столѣтія едва ли найдутся событія, которыя возмущали бы англійскій народъ такъ глубоко, какъ тѣ два, которыя произошли въ концѣ 1867 года. Это были манчестерское освобожденіе и клеркенвельскій взрывъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣд-

нее преступленіе оставило по себѣ такое горькое воспоминаніе *). Изувѣченные невинные граждане, оглушенныя или обезображенныя дѣти, осиротѣвшія семьи и разрушенные дома — о такихъ вещахъ нельзя вспоминать хладнокровно. Однако-жь, какъ бы ни было ужасно преступленіе, нѣтъ цѣли дѣлать его отвратительнѣй, чѣмъ позволяетъ истина.

Грубое невѣжество нѣсколькихъ несчастныхъ ирландскихъ чернорабочихъ, не имѣвшихъ даже понятія о полной силѣ взрыва бочонка съ порохомъ, а не желаніе или мысль уничтожать жизнь или причинять увѣчья было причиной этой кровавой сцены. Еслибы человѣкъ, ради освобожденія котораго дѣлалось это «проламыванье дыры въ наружной стѣнѣ», былъ дѣйствительно около мѣста пролома изнутри, гдѣ, по словамъ освободителей, онъ долженъ былъ находиться, его разорвало бы въ куски. Воображенію жалкихъ исполнителей никогда не представлялись дѣйствительныя послѣдствія ихъ дѣянія, т. е. разрушеніе сосѣднихъ строеній.

Такъ-называемое «убійство сержанта Бретта» имѣло совсѣмъ другой характеръ. Что сержантъ Бреттъ лишился въ этомъ дѣлѣ жизни, это вполнѣ вѣрно и достойно глубокаго сожалѣнія. Но что его смерть была дѣломъ случая, а не заранѣе обдуманнаго плана, за это ручаются показанія наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ людей и глубокая въ томъ увѣренность ирландскаго народа.

Послѣ паденія Джемса Стефенса, какъ вождя феніанской партіи, его мѣсто было занято полковникомъ Томасомъ Ж. Келли, который принялъ на себя управленіе феніанскими дѣлами въ Ирландіи послѣ ареста въ Фейрфильдъ-гаузѣ. Мало того, онъ былъ авторомъ, руководителемъ и самоличнымъ главнымъ исполнителемъ освобожденія Стефенса изъ Ричмондской тюрьмы, а также и его бѣгства во Францію. Послѣ возстанія въ мартѣ 1867 года Келли оставался около шести мѣсяцевъ въ Дублинѣ, а затѣмъ около октября переѣхалъ въ Манчестеръ съ

*) 13-го декабря 1867 года, подъ наружную стѣну клеркенвельской тюрьмы въ Лондонѣ былъ подложенъ бочонокъ пороху съ цѣлью взорвать стѣну, образовать въ ней брешь и дать возможность бѣжать изъ тюрьмы фенію Борку, который долженъ былъ въ это время гулять во дворѣ. Все дѣло было устроено нѣсколькими ирландцами чернорабочими. Стѣна въ 60 футовъ высоты была взорвана, нѣсколько домовъ по другую сторону улицы, населенные бѣднымъ народомъ, были разрушены, двѣнадцать человѣкъ убиты и сто двадцать оглушены или ранены.

Прим. автора.

цѣлью присутствовать на совѣтѣ англійскихъ «центровъ». Незадолго передъ разсвѣтомъ, утромъ 11-го сентября, полицейскіе, стоявшіе на посту въ Оакъ-стритѣ, въ Манчестерѣ, замѣтили четырехъ человѣкъ, подозрительно бродившихъ около лавки готоваго платья. Изъ нѣсколькихъ выраженій, долетѣвшихъ до слуха полицейскихъ, они сдѣлали заключеніе, что эти люди имѣютъ какія-то противузаконныя цѣли, и хотѣли ихъ арестовать. Во время послѣдовавшей борьбы двое успѣли скрыться, двое же другихъ на утро были представлены къ полицейскому судьѣ; но противъ нихъ не было ровно никакихъ уликъ. Они назвались одинъ Вильямсомъ, а другой Уайтомъ, американскими гражданами, и требовали, чтобъ ихъ освободили. Судья уже готовъ былъ приговорить ихъ къ двумъ-тремъ днямъ тюремнаго заключенія за бродяжничество, когда одинъ изъ сыщиковъ потребовалъ удержать ихъ на недѣлю, такъ какъ онъ имѣлъ подозрѣніе, что подсудимые находятся въ сношеніяхъ съ феніями. Требованіе было удовлетворено; и прежде наступленія ночи полиція знала, что въ ихъ рукахъ подъ именами Вильямса и Уайта находятся вождь феніевъ полковникъ Келли и его помощникъ капитанъ Дизи.

Ихъ арестъ вызвалъ сильное волненіе между феніанскими кружками Манчестера и окрестныхъ городовъ. Держались тайные совѣты, и послѣ долгихъ обсужденій было принято отчаянное рѣшеніе остановить карету съ арестантами на ея пути изъ суда, одолѣть стражу и освободить ихъ. Въ среду 18-го сентября арестованные были опять приведены въ судъ, формально признаны за Келли и Дизи и удержаны тамъ на недѣлю. Прежде чѣмъ они были увезены изъ суда, изъ Дублинскаго замка и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Лондонѣ были получены телеграммы, предупреждающія манчестерскія власти о томъ, что готовится заговоръ для освобожденія подсудимыхъ. Если это предупрежденіе не было осмѣяно, то во всякомъ случаѣ подвергнуто большому сомнѣнію. Однако-жь, такъ какъ судья зналъ, что эти люди имѣли въ Манчестерѣ много приверженцевъ, то онъ счелъ нужнымъ на всякій случай принять нѣкоторыя предосторожности. Келли и Дизи были посажены и заперты въ разныя отдѣленія кареты, а вмѣсто обыкновенныхъ трехъ полицейскихъ ее сопровождалъ конвой изъ двѣнадцати. Пятеро сидѣли на козлахъ, двое—на запяткахъ и четверо слѣдовали за каретой въ кебѣ; одинъ сержантъ Бреттъ сѣлъ внутрь. Кромѣ двухъ феніевъ въ каретѣ находились еще три арестанта—двѣ женщины

и мальчикъ 12 лѣтъ. Въ половинѣ четвертаго карета тронулась по направленію къ городской тюрьмѣ въ Лонгсайтъ, около двухъ миль отъ города. Подъ аркой желѣзной дороги, перекинутой черезъ Гайдъ-Родъ въ Белльвю, на средину дороги выскочилъ человѣкъ, поднялъ пистолетъ и закричалъ кучеру, чтобы тотъ остановился. Въ ту же минуту черезъ валъ позади дороги перескочили около тридцати дюжихъ и вооруженныхъ револьверами людей, схватили лошадей и убили одну изъ нихъ. Безоружные полицейскіе почти не сопротивлялись и скоро разбѣжались. Освободители вынули топоры, молотки и ломы, которыми и старались отворить или сломать карету. Эта работа оказалась болѣе трудной, чѣмъ они ожидали, и полиція скоро начала возвращаться въ сопровожденіи большой толпы. Около двадцати освободителей образовали кольцо вокругъ кареты и револьверами сдерживали полицію и толпу, отъ времени до времени стрѣляя черезъ головы, между тѣмъ какъ другіе продолжали дѣлать усилія отворить карету. Они кричали Бретту черезъ вентиляторъ, чтобъ онъ передалъ имъ ключи, если имѣетъ ихъ. Онъ не могъ видѣть, что происходило снаружи, но съ самаго начала догадался, въ чемъ дѣло. Онъ мужественно отказался выдать ключи. Желая взглянуть на нападающую партію, онъ нагнулся и смотрѣлъ черезъ замочную скважину. Почти въ ту же минуту снаружи раздался чей-то командующій голосъ: «Вышиби его; вставь револьверъ въ замочную скважину и вышиби его!» Дуло револьвера было вставлено и курокъ спущенъ. Бреттъ упалъ смертельно раненнымъ. Женщина-арестантка громко закричала внутри: «Онъ убитъ!» и подняла его. Снова черезъ вентиляторъ раздался голосъ, требовавшій ключей, которые одна изъ женщинъ вынула изъ кармана Бретта и передала наружу. Тогда «блѣднолицый молодой человѣкъ» вошелъ въ карету, отперъ отдѣленія, въ которыхъ были заперты Келли и Дизи, и вывелъ ихъ вонъ. Освобожденные арестанты торопливо побѣжали черезъ поля въ сопровожденіи одного или двоихъ спутниковъ, а остальные задерживали преслѣдованіе. Не прежде, чѣмъ вожди исчезли изъ вида, начали они заботиться о себѣ. Они разсѣялись во всѣхъ направленіяхъ. Полицейскіе и толпа преслѣдовали ихъ. Многіе изъ нихъ были пойманы и жестоко избиты разсвирѣпѣвшими преслѣдователями. Одинъ изъ нихъ, признанный за молодаго человѣка, входившаго въ карету, чтобъ освободить Келли, и носившій, какъ оказалось впослѣдствіи, имя Вильяма Филона Аллена, былъ сшибленъ съ ногъ ударомъ кирпича, потомъ избитъ ногами и камнями

до потери сознанія. Многіе арестованные истекали кровью отъ нанесенныхъ имъ побоевъ. Въ тотъ вечеръ Манчестеръ былъ объятъ ужасомъ. Разсказъ объ освобожденіи, со многими преувеличеніями, распространялся съ необыкновенною быстротой. Народъ ходилъ по улицамъ и обсуждалъ случившееся. Разгоряченная и уязвленная полиція напала на ирландскіе кварталы города, арестуя въ порывѣ ярости цѣлыя массы людей. Раздраженіе и паника Манчестера на другое утро распространились и на всю Великобританію. Національная гордость была уязвлена; національная безопасность нарушена; національная власть оскорблена, поругана горстью ирландскихъ мятежниковъ въ самомъ сердцѣ англійскаго города. Отвсюду раздавались требованія быстраго, заслуженнаго и строжайшаго наказанія.

Всякій можетъ легко вообразить, что тогда происходило въ Англіи. Паника и страсти буквально царили надъ всѣмъ. Слухи о новыхъ, еще болѣе дерзкихъ и опасныхъ, заговорахъ и нападеніяхъ наполняли каждый городъ. Гарнизоны усилены; тюремная стража удвоена; спеціальные полицейскіе комплектовались и приводились къ присягѣ. Особенно были возбуждены Манчестеръ и окрестные города, извѣстные своимъ многочисленнымъ ирландскимъ населеніемъ; и послѣднее переживало въ нихъ особенно тяжелое время. Среди такой-то бури гнѣва, тревоги, возбужденія страстей была образована спеціальная коммиссія для суда надъ принимавшими участіе въ освобожденіи Келли и Дизи. Мы въ Ирландіи сразу увидѣли, что эти люди — виновные или невиновные — были одинаково обречены и что о справедливомъ, спокойномъ и безпристрастномъ судѣ въ такой моментъ не могло быть и рѣчи. До насъ долетали раздирающіе сердце вопли семействъ совершенно невинныхъ людей и даже ничего не знавшихъ о покушеніи, но арестованныхъ полиціей при ея набѣгѣ на ирландскіе дома въ слѣдующіе дни за событіемъ.

Надежды на справедливость было очень мало или не было совсѣмъ; господствовавшее настроеніе англійскихъ умовъ требовало «кровь за кровь». Многія обстоятельства усиливали эти опасенія. Когда арестантовъ привели для предварительнаго слѣдствія къ полицейскому судьѣ 25 октября, они были *въ цѣпяхъ*. Такого зрѣлища въ англійскомъ судѣ не было видано уже въ теченіе очень многихъ лѣтъ. М-ръ Джонсъ, какъ англичанинъ и какъ защитникъ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ этого самымъ энергичнымъ образомъ. Судья рѣшилъ, что ручныя кан-

далы должны быть оставлены, и публика разразилась аплодисментами. Джонсъ бросилъ свои бумаги и вышелъ изъ суда; однакожь младшій защитникъ остался.

Въ понедѣльникъ, 28 октября, Вильямъ Филиппъ Алленъ, Михаилъ Ларкинъ, Томасъ Мегайръ, Михаилъ О'Брайенъ (иначе Гоудъ) и Эдуардъ Кондонъ (иначе Шоръ) обвинялись въ преднамѣренномъ убійствѣ сержанта Бретта. Что люди, принадлежавшіе къ партіи освободителей, юридически были виновны въ убійствѣ, все равно кто бы изъ нихъ ни сдѣлалъ выстрѣлъ, убившій Бретта,—это понятно и ясно для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ основными принципами закона; но нравственная виновность, достаточно тяжелая сама по себѣ, совершенно измѣняется, если убійству Бретта вмѣсто случайности будетъ приданъ характеръ преднамѣренности. Прокуратура настаивала, что въ него прямо цѣлились и стрѣляли черезъ открытый вентиляторъ надъ дверью кареты. Главнымъ, если не единственнымъ, свидѣтелемъ, поддерживавшимъ это обвиненіе, была женщина-воръ, находившаяся въ каретѣ на пути къ своему третьему тюремному заключенію за кражу. Всѣ присутствовавшіе единогласно утверждали, что Бреттъ былъ убитъ черезъ замочную скважину въ тотъ моментъ, когда онъ отворачивался отъ нея, посмотрѣвши на то, что происходило снаружи. Свидѣтельскія показанія на судѣ, особенно относительно удостовѣренія личностей подсудимыхъ, какъ потомъ сознало само правительство, были самаго безразсуднаго и опрометчиваго характера. Тѣмъ не менѣе пять человѣкъ были признаны виновными. Ихъ обвиняли и допрашивали вмѣстѣ, по одному обвинительному акту, они были осуждены въ одномъ засѣданіи и однимъ приговоромъ,—пунктъ, обратившійся впослѣдствіи въ ихъ пользу. Всѣ пятеро были приговорены къ повѣшенію 23 ноября. Передъ произнесеніемъ приговора каждый изъ нихъ держалъ рѣчь къ суду. Всѣ подсудимые высказали сожалѣніе о смерти Бретта. Нѣкоторые же положительно отрицали даже свое присутствіе при происшествіи. «Едва ли найдется кто-нибудь другой въ этомъ судѣ,—сказалъ Алленъ,—кто сожалѣлъ бы о смерти сержанта Бретта больше, чѣмъ я, и я положительно утверждаю передъ лицемъ всемогущаго и вѣчнаго Бога, что я невиновенъ,—да, невиновенъ, какъ всякій другой въ этомъ судѣ. Я говорю это не ради помилованія: я не хочу его, и не жду его. Я умру, какъ умерли многія тысячи, за свою любимую страну и ея защиту». Мегайръ порицалъ легкомысленную клятву свидѣ-

телей и сказалъ, что онъ вѣрно служилъ королевѣ матросомъ и остался вѣренъ ей до сихъ поръ. Послѣднимъ говорилъ Кондонъ. Онъ торжественно поклялся, какъ умирающій человѣкъ, что не присутствовалъ при нападеніи. «Я не обвиняю присяжныхъ,—сказалъ онъ,—но я увѣренъ, что они предубѣждены. Я не обвиняю ихъ въ умышленномъ желаніи обвинить, но предубѣжденіе заставило ихъ обвинить въ такомъ случаѣ, гдѣ при другихъ обстоятельствахъ они не обвинили бы. Мы признаны виновными и мы принимаемъ смерть, какъ неизбѣжный фактъ. Мы не боимся умереть, по крайней мѣрѣ...—«И я, и я»,—вырвалось у всѣхъ остальныхъ. Онъ продолжалъ:—«Я увѣренъ, что тѣ, кто будетъ судиться послѣ насъ, подвергнутся болѣе справедливому приговору и что наша кровь удовлетворитъ существующую, какъ мнѣ кажется, жажду крови. Вы скоро пошлете насъ передъ лице Бога, и я вполнѣ готовъ къ этому. Мнѣ нечего сожалѣть, не отъ чего отрекаться, нечего брать назадъ. Я могу сказать только: «Да хранитъ Богъ Ирландію».

Какъ только онъ сказалъ эти слова, всѣ его товарищи, какъ одинъ, выступили впередъ и, поднявши головы и руки кверху, громко воскликнули: «Да хранитъ Богъ Ирландію!». И съ тѣхъ поръ эти слова сдѣлались національнымъ паролемъ.

Не прошло послѣ суда и нѣсколькихъ дней, какъ въ Англіи начало распространяться сомнѣніе въ вѣрности вердикта. Репортеры лондонскихъ и провинціальныхъ газетъ, присутствовавшіе на судѣ, до того сильно чувствовали это относительно Мегайра, что рѣшились на совершенно необыкновенный образъ дѣйствій и послали въ министерство внутреннихъ дѣлъ документъ, выражавшій ихъ глубокое убѣжденіе, что и показанія, и вердиктъ относительно его крайне несправедливы. Послѣ нѣсколькихъ дней изслѣдованія правительство признало правильность этого заявленія и Мегайръ былъ помилованъ. Вооружились мужествомъ и заговорили друзья человѣчества и справедливости. Они говорили, что было бы чудовищною несправедливостью лишать людей жизни на основаніи показаній и вердикта, явно пристрастныхъ. Пусть подсудимые будутъ,—говорили они,—наказаны какъ угодно тяжело, но не слѣдуетъ лишать ихъ жизни, потому что ее нельзя возстановить, если позднѣе будетъ открыта неправильность приговора. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что исполненіе приговора надъ Кондономъ отсрочено. Распространилось всеобщее убѣжденіе, что будетъ сдѣлано то же и относительно другихъ; это приписыва-

лось стараніямъ филантроповъ Манчестера и Лондона. Тѣмъ не менѣе было ясно, что большая часть англійскаго общественнаго мнѣнія требовала жертвы. Прощеніе Мегайра и отсрочка казни Кондона назывались плачевною слабостью. И этотъ взглядъ восторжествовалъ.

Въ виду предстоящаго событія правительство отдало приказъ послать большіе отряды войскъ въ тѣ города Англіи, гдѣ ирландцы были многочисленны. Манчестеръ въ это время, казалось, былъ въ осадѣ. Всѣ стратегически важные пункты вокругъ и въ самой тюрьмѣ были заняты войскомъ. Уже съ вечера 22 ноября толпы начали собираться вокругъ тюремныхъ стѣнъ. Въ продолженіе ночи они вели себя крайне безпокойно; тюремныя власти нѣсколько разъ приказывали имъ отойти дальше, такъ какъ ихъ крики, шумъ и торжествующія пѣсни безпокоили осужденныхъ внутри тюрьмы и мѣшали имъ приготовиться къ смерти. Въ толпѣ плясали «побѣдные танцы» и пѣли комическія пѣсни въ перемежку съ гимномъ «Храни Богъ королеву!» или «Да царствуетъ Британія!», чтобы слышали «феніанскіе убійцы» внутри тюрьмы. Единственнымъ утѣшеніемъ этого послѣдняго вечера жизни осужденныхъ было письмо маркизы Квинсбюрри со вложеніемъ 100 фунт. стерл. «для оставляемыхъ ими семействъ» и нѣсколькими теплыми словами участія. «Съ начала и до конца,—гласитъ опубликованный отчетъ,—приговоренные выражали глубокое и горячее религіозное настроеніе».

Въ холодное, сѣрое утро 23 ноября 1867 года Алленъ, Ларкинъ и О'Брайенъ должны были умереть. Еще никогда до этого дня казнь въ Манчестерѣ не привлекала такого громаднаго стеченія народа вокругъ тюрьмы. Длинные ряды штыковъ тянулись во всѣ стороны. Дикая толпа на минуту смолкла при похоронномъ звукѣ колокола. Скоро появились и осужденные. Первый вышелъ Алленъ. Онъ былъ смертельно блѣденъ, но шелъ твердою и ровною поступью. Слѣдующимъ былъ Ларкинъ, сильно упавшій духомъ и дрожавшій отъ волненія. Послѣднимъ выступилъ О'Брайенъ, котораго твердый и полный достоинства видъ удивилъ всѣхъ, его знавшихъ. Прежде чѣмъ его поставили на скамейку, онъ повернулся къ двумъ своимъ товарищамъ, уже одѣтымъ въ саваны, связаннымъ и съ роковыми веревками на шеяхъ, и съ любовью поцѣловалъ ихъ. Всѣ они были сильно тронуты и нѣжно обняли другъ друга. Задвижка вынута, три тѣла упали, нѣсколько секундъ предсмертныхъ конвульсій и все было кончено.

Когда въ субботу утромъ извѣстіе объ этомъ долетѣло до Ирландіи, удивленіе, смущеніе, печаль и гнѣвъ наполнили собою сердца людей. Они вздыхали, удивлялись и спрашивали другъ друга, неужели это ужасное извѣстіе вѣрно. Люди, враждовавшіе до сихъ поръ съ феніанизмомъ, были побѣждены этимъ ударомъ. Что такое, какъ не политическая месть—это манчестерское дѣло, какъ не жестокая трагедія въ долгой борьбѣ между ирландскимъ возмущеніемъ и англійскою властью?... Послѣ обѣда пришелъ болѣе полный отчетъ о казни, содержавшій одно извѣстіе, которое уязвило ирландскій народъ въ самое больное мѣсто. *«Тѣла трехъ убійцъ были похоронены въ извести, въ неосвященной могилѣ внутри тюрьмы»*. Каково! Похоронены въ извести!... Это было ударомъ каждому ирландскому дому, зазубренная и отравленная стрѣла, пронзившая сердце Ирландіи. Это обезчещеніе, этотъ отказъ въ христіанскомъ погребеніи въ освященной могилѣ, оскорбило самыя сокровенныя чувства ирландскаго народа. На слѣдующій день эта новость достигла провинцій и въ сотняхъ церквей за утреннею службой священникъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ приглашалъ свою паству просить у Бога милосердія для душъ трехъ жертвъ. Взрывъ скорби былъ отвѣтомъ; многіе рыдали, слушая разсказъ объ ихъ казни. Я никогда не видѣлъ Ирландію сильнѣе движимую смѣшанными чувствами скорби и гнѣва. И не смерть осужденныхъ такъ возмущала ее, хотя причина ихъ казни вызывала крайнее удивленіе и казалась ужасною жестокостью. Когда люди рѣшаются съ оружіемъ въ рукахъ на такое дѣло, какъ освобожденіе Келли, они должны быть готовы ко всему. Но убѣжденіе, что эти люди, виновные или невинные, подверглись пристрастному суду, что дѣлу ирландской національности въ ихъ лицахъ нанесено оскорбленіе, а самое главное—желаніе поставить ихъ наравнѣ съ обыкновенными убійцами и, не считая политическими преступниками, отказать въ уваженіи ихъ останкамъ—вотъ что вызвало тогда во всемъ ирландскомъ народѣ взрывъ сильнѣйшаго негодованія.

По всей Ирландіи появились объявленія, что будутъ устроены процессіи въ воспоминаніе о «манчестерскихъ мученикахъ». Коркъ показалъ примѣръ другимъ городамъ, назначивши на 1 декабря громадную демонстрацію; и въ этотъ день въ большей части городовъ Ирландіи можно было видѣть одну и ту же картину «похоронъ»—погребальныя колесницы, факельщики, крепобыя знамена, закутанные барабаны и отсутствіе покойниковъ. 8 де-

кабря было назначено днемъ для процессіи въ столицѣ, а также въ двадцати или тридцати другихъ мѣстахъ острова. Джонъ Мартинъ спѣшилъ въ Дублинъ стать во главѣ тамошней процессіи. О'Доногью долженъ былъ руководить демонстраціей въ Килларней. Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, казалось, исчезло различіе между феніями и націоналистами не-феніями, и національный или народный элементъ дружно выступилъ впередъ во всей своей силѣ. Дублинская процессія была поразительнымъ событіемъ. День стоялъ холодный, сырой и пасмурный, и несмотря на это въ ней принимали участіе до 150.000 народа, изъ которыхъ 60.000 шли рядами на протяженіи трехъ или четырехъ миль въ длину. Когда три колесницы съ именами казненныхъ проѣзжали по улицамъ, толпы стоявшія по сторонамъ падали на колѣни съ обнаженными головами, и не было слышно ни одного звука кромѣ «похороннаго марша», да рыданій, по временамъ вырывавшихся изъ толпы. У воротъ кладбища устроилось огромное собраніе и м-ръ Мартинъ обратился къ нему съ рѣчью полною чувства и сильныхъ словъ, выражавшихъ народное настроеніе по поводу манчестерской казни. Въ заключеніе еще разъ всѣ головы обнажились, была прочитана молитва и плачущія толпы спокойно разошлись по домамъ.

Та часть прессы, которая подстрекала правительство на крайности въ Манчестерѣ, требуя такъ-называемой политики «силы» (vigour), теперь громко взывала о подавленіи этихъ похоронъ, какъ «позорныхъ выставокъ сочувствія къ убійству». 12 декабря, спустя четыре дня послѣ дублинской процессіи, была издана прокламація вице-короля, объявлявшая такія процессіи противузаконными и призывавшая судей и блюстителей порядка подавлять ихъ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней Джонъ Мартинъ и всѣ другіе члены комитета дублинскихъ похоронъ получили повѣстки явиться въ судъ. Обвиняемые были преданы суду особой коммиссіи и съ нихъ были взяты залоги. Спустя двѣнадцать дней надъ предводителями демонстраціи разразился второй ударъ, и я, какъ шедшій во главѣ, рука объ руку съ м-ромъ Мартиномъ, былъ призванъ теперь занять свое мѣсто рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Манчестерская исторія вызвала въ ирландской національной прессѣ бурное раздраженіе и свирѣпую брань. Казнь называлась не иначе, какъ «законное убійство». «Тюремщикъ и палачъ» были провозглашены «нынѣшними близнецами—стражами британскаго

правленія въ Ирландіи». Мои изданія принадлежали къ числу выразителей самаго рѣзкаго раздраженія. Въ поэзіи, прозѣ и рисункахъ мы продолжали относиться къ трагическому событію какъ къ преступленію и призывали ирландскій народъ отвѣчать на попытки клеймить жертвы именами «убійцъ» различными заявленіями своей скорби объ ихъ участи и удивленія къ ихъ героизму. Въ промежутокъ времени между отданіемъ меня подъ судъ и открытіемъ коммиссіи дѣла заставили меня отлучиться въ Парижъ. Однажды ночью я былъ поднятъ съ постели телеграммой изъ Дублина, побуждавшей меня немедленно же возвратиться въ Ирландію, потому что въ противномъ случаѣ будетъ выданъ приказъ о моемъ арестѣ, какъ издателя газеты *Weekly News*, противъ которой возбуждено судебное преслѣдованіе. Я былъ собственникомъ, но не редакторомъ этого изданія. Какъ это ни странно, однако-жь вѣрно, что до этого момента я не читалъ, что писалось въ немъ по поводу казней,—настолько я былъ заваленъ среди господствовавшаго возбужденія работой по веденію *Nation*, редакція которой лежала на моей личной отвѣтственности. Я поспѣшилъ домой и пріѣхалъ какъ разъ во время, чтобъ явиться въ судъ. Я слушалъ статьи закона, читавшіяся въ обвиненіе противъ меня, и сознавалъ въ душѣ, что онѣ были «довольно сильны»; но скорѣй согласился бы взойти на самый эшафотъ, чѣмъ отказаться отъ того, что было уже разъ напечатано, — такъ сильно задѣвало меня это печальное дѣло. Я былъ еще разъ отданъ подъ судъ, и 15 февраля, выпущенный подъ залогъ, я явился въ Гринъ-стритъ предъ судомъ короны отвѣчать за свое поведеніе, какъ журналиста. Самые убѣдительные доводы способныхъ и талантливыхъ джентльменовъ, исполнявшихъ роль моихъ защитниковъ, были совершенно безполезны. Послѣ продолжительнаго засѣданія я былъ признанъ виновнымъ, но приговоръ былъ отложенъ до окончанія преслѣдованія по другому обвиненію.

Въ четвергъ утромъ 20-го февраля 1868 года Джонъ Мартинъ, Александръ М. Сулливанъ, Джемсъ Ж. Ланоръ и Томасъ Бреккенъ обвинялись передъ судомъ въ томъ, что, будучи злоумышленниками, бунтовщиками и возмутителями мира и спокойствія въ королевствѣ и такъ далѣе, устроили возмутительное собраніе. Мы судились вмѣстѣ. М-ръ Ланоръ и Бреккенъ имѣли защитниковъ. Рѣчь м-ра Михаила Крина, защитника перваго изъ нихъ, заключала въ себѣ талантливое опроверженіе одного изъ

пунктовъ обвинительнаго акта, которымъ національная эмблема и знамя Ирландіи превращались въ партійную вывѣску, а ношеніе зеленаго цвѣта считалось преступленіемъ. М-ръ Мартинъ и я, по многимъ причинамъ отказавшіеся отъ професcіональной защиты, рѣшили сами говорить за себя, и частнымъ образомъ условились между собой, что онъ будетъ говорить первымъ. Однако-жъ, когда допросъ свидѣтелей окончился и для него насталъ моментъ встать и защищаться, силы, повидимому, оставили его; онъ попросилъ меня занять его мѣсто, а ему дать время до утра для отдыха и приготовленія. Я, конечно, согласился. Его желаніе было для меня закономъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы съ нимъ работали рука объ руку. Я всталъ и на одно или два мгновенія не могъ сказать ни слова, едва находя выраженія, чтобы начать. Я чувствовалъ и слышалъ лишь біеніе своего сердца. Я съ горечью сознавалъ всю опасность и отвѣтственность своего положенія. Судъ былъ переполненъ народомъ. На галлереѣ, позади меня, сидѣли моя жена, мой отецъ, братья и преданные друзья, изъ которыхъ многіе съ удовольствіемъ согласились бы стать на мое мѣсто, чтобъ освободить меня. Наконецъ, я оправился и, вскорѣ, воодушевленный окружавшими обстоятельствами, смѣло углубился въ разборъ обвиненія. Пока я говорилъ, наступила ночь; зажгли лампы. Подлѣ суда на улицѣ стояла огромная толпа, за неимѣніемъ мѣста въ судѣ. Несмотря на усилія полиціи, публика, сидѣвшая внутри, часто разражалась аплодисментами, которые подхватывались народомъ на улицѣ, знавшимъ лишь, что эти аплодисменты относятся къ одному изъ подсудимыхъ. Я говорилъ безъ замѣтокъ или какой бы то ни было помощи; моя голова была полна этимъ дѣломъ. Когда я закончилъ, то услышалъ, что раздался оглушительный громъ рукоплесканій, что десятки рукъ хватали и обнимали меня, что Джонъ Мартинъ обвилъ меня своими руками. Выйдя наружу, я встрѣтилъ тысячу поздравленій и услышалъ многіе пророческіе голоса: «Обвиненія не будетъ».

Это пророчество оказалось вѣрнымъ. Судъ закончился на слѣдующій вечеръ. Присяжные получили вопросы и удалились. Прошелъ часъ, прошелъ и другой. Они все-таки не возвращались. Наконецъ, они вернулись для того, чтобы задать вопросъ неблагопріятный для обвиненія. Какъ только они снова удалились, толпа разразилась рукоплесканіями. Немного погодя, за присяжными послали. Они «не могутъ согласиться и уволены», былъ отвѣтъ. «Побѣда!»—закричала съ энтузіазмомъ толпа на улицѣ, и

новость была сообщена по телеграфу по всей Ирландіи, Да, это была побѣда, но не освобожденіе для меня. На слѣдующее утро я явился въ судъ выслушать приговоръ по осужденію по дѣлу прессы. Судья Джюстисъ Фицгерольдъ произнесъ его въ выраженіяхъ настолько полныхъ доброты, насколько случай допускалъ это. Въ заключеніе короткой рѣчи онъ сказалъ:

«Увѣряю васъ, что я съ глубокимъ и великимъ сожалѣніемъ исполняю обязанность и объявляю вамъ приговоръ закона. И мой ученый товарищъ, и я—мы обсудили дѣло самымъ тщательнымъ образомъ. Если мы сдѣлали ошибку, то вполнѣ увѣрены, что она повела къ смягченію, а не къ усиленію наказанія. Тѣмъ не менѣе приговоръ долженъ имѣть такой характеръ, что вы на долгое время будете удалены отъ общественной жизни. Я сожалѣю это тѣмъ болѣе, что вы въ этомъ самомъ судѣ доказали свои способности,—способности, которыя я хотѣлъ бы видѣть посвященными другому дѣлу. Мало того, мнѣ извѣстно изъ печати, что вы посвящали уже ваше время или часть его и ваши таланты общественной службѣ, развитію народнаго образованія и содѣйствію благотворительности. Несмотря на это, наша общественная обязанность побуждаетъ насъ подавлять подобные проступки. Я слишкомъ далекъ отъ желанія продлить эти крайне тягостныя для меня сцены или прибавить къ обвиненію хоть одно ненужное слово. Приговоръ состоитъ въ томъ, что вы должны быть подвергнуты тюремному заключенію на время шести мѣсяцевъ отъ сего дня, а по истеченіи этого срока вы должны дать залогъ за себя въ 500 фун. и представить двухъ поручителей по 250 фун. ст. съ каждаго въ обезпеченіе вашего хорошаго поведенія въ теченіе двухъ лѣтъ; въ случаѣ же неимѣнія таковаго обезпеченія вы подвергнетесь новому заключенію на шесть мѣсяцевъ».

Меня увели въ камеру подъ судомъ, гдѣ я простился съ своимъ семействомъ, а спустя нѣсколько часовъ я вошелъ въ ворота Ричмондскаго замка, какъ арестантъ.

Незадолго передъ тѣмъ, актомъ парламента было уничтожено всякое различіе между арестантами, такъ что журналистъ, осужденный за политическіе проступки печати, подвергался такому же обращенію, какъ и простой преступникъ. Это было большой жестокостью. Однако-жь въ моемъ случаѣ власти сдѣлали все возможное для того, чтобы смягчить для меня такое положеніе вещей. Всѣ служащіе въ тюрьмѣ, начиная отъ директора, капитана

Бойда, и кончая самымъ младшимъ тюремщикомъ, старались отнять у моего заключенія тяжелый характеръ. До меня дошло, что лордъ Мэйо, тогдашній секретарь Ирландіи, выразилъ живѣйшій личный интересъ въ усиліяхъ отстранить отъ меня тѣ оскорбленія и строгости, которымъ я въ противномъ случаѣ долженъ былъ бы подвергнуться какъ преступникъ. Тѣмъ не менѣе это было тяжелое время, продолжительное страданіе. Камерное (целлюлярное) заключеніе, особенно по «одиночной системѣ», какъ въ моемъ случаѣ, составляетъ пытку для людей съ привычкой къ дѣятельности и нервнымъ темпераментомъ.

Въ воскресенье, утромъ 31 мая 1868 года капитанъ Бойдъ вошелъ въ мою комнату; онъ держалъ въ рукахъ открытое письмо.

— Какъ прекрасны ноги, приносящія радостныя вѣсти о хорошихъ вещахъ!—воскликнулъ онъ. Его лицо сіяло отъ удовольствія.

— Что это такое, капитанъ?

— *Приказъ о вашемъ освобожденіи*,—отвѣтилъ онъ.

О, благословенная свобода!... На слѣдующій день я снова вошелъ въ міръ. Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ произошли большія перемѣны.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Государственная роспись на 1882 годъ.

(Продолженіе.)

II *).

Доходы.

Государственная роспись представляетъ собою неисчерпаемый источникъ свѣдѣній для различныхъ соображеній, а потому читатель, конечно, извинитъ меня, если я, прежде нежели буду продолжать ея разборъ, возвращусь опять назадъ къ доходу отъ крѣпостныхъ судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, который я разсматривалъ въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли.* Дѣло въ томъ, что тогда я предложилъ читателю вѣдомость о поступленіи этого дохода только за 10 послѣднихъ лѣтъ, но впослѣдствіи мнѣ случилось составить эту вѣдомость съ 1866 по 1880 годъ включительно, т. е. за 15 лѣтъ, и она дала мнѣ возможность придти къ новымъ выводамъ и заключеніямъ о причинахъ сильнаго возрастанія этого дохода. Вотъ эта вѣдомость:

Годы.	Сумма дохода въ рубляхъ.	+ болѣе предъидущаго года.	Годы.	Сумма дохода въ рубляхъ.	+ болѣе — менѣе предъидущаго года.
1866 . .	2.956.706	—	1874 . .	7.186.430	— 238.649
1867 . .	2.981.801	+ 25.095	1875 . .	7.637.630	+ 451.200
1868 . .	3.335.723	+ 353.922	1876 . .	6.978.744	— 658.886
1869 . .	3.813.690	+ 477.967	1877 . .	6.709.125	— 269.619
1870 . .	4.547.467	+ 733.777	1878 . .	7.735.399	+ 1.026.274
1871 . .	5.174.472	+ 627.005	1879 . .	8.971.524	+ 1.236.125
1872 . .	6.249.931	+ 1.075.459	1880 . .	9.736.381	+ 764.851
1873 . .	7.425.079	+ 1.175.148	—	—	—

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Хотя въ этихъ цифрахъ соединены крѣпостныя пошлины съ судебными и канцелярскими, но такъ какъ два послѣдніе вида пошлинъ составляютъ не болѣе 10% общей суммы, то это нисколько не мѣшаетъ ни сравненію указанныхъ цифръ, ни тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ этой таблицы. Итакъ, въ 14 лѣтъ доходъ этотъ болѣе чѣмъ утроился, и притомъ безъ всякаго повышенія нормы и расширенія круга предметовъ обложенія, чему мы не видимъ примѣра ни въ одной статьѣ нашего бюджета. Это, конечно, должно указывать на раціональность основаній налога, на отсутствіе его обременительности и на возможность его дальнѣйшаго развитія не только путемъ естественнаго роста, но и путемъ обложенія всѣхъ видовъ перехода имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и возвышенія нормы обложенія съ увеличеніемъ стоимости имущества. Но какъ бы ни казались раціональны основанія этого обложенія, все же этимъ однимъ нельзя объяснить такое быстрое возрастаніе дохода, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, всѣ другія экономическія явленія нашей жизни идутъ, повидимому, совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, на что указываетъ настоящій фактъ. Возрастаніе этого дохода, какъ слѣдствіе увеличенія числа сдѣлокъ на недвижимыя имущества, прежде всего можетъ указывать на развитіе сельско-хозяйственной промышленности, на приливъ сюда новыхъ силъ и капиталовъ и, слѣдовательно, на увеличеніе количества продуктовъ этой промышленности. Между тѣмъ со стороны нашихъ землевладѣльцевъ мы слышимъ постоянныя жалобы на невозможность хозяйства, а сельско-хозяйственная статистика свидѣтельствуетъ, что за все десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ наши урожаи, при всемъ колебаніи изъ года въ годъ, въ среднихъ выводахъ по трехлѣтіямъ даютъ однѣ и тѣ же цифры, слѣдовательно общее количество продуктовъ земледѣльческой промышленности нисколько не увеличивается; скотоводство же вообще положительно падаетъ. Какъ же объяснить это противорѣчіе фактовъ? Постараемтесь однако-жь, читатель, вглядѣться въ отношеніе указанныхъ цифръ и поискать причины этого, повидимому загадочнаго, явленія. Въ приведенной таблицѣ можно замѣтить нѣкоторую періодичность возрастанія этого дохода и, слѣдовательно, увеличенія имущественныхъ сдѣлокъ: такъ, въ первые три года мы замѣчаемъ неподвижность цифры, потому что увеличеніе дохода въ 1868 г. является слѣдствіемъ сліянія общегосударственнаго бюджета съ бюджетомъ Царства Польскаго. По-

томъ съ 1869 по 1873 г. мы видимъ сильное возрастаніе дохода, а затѣмъ наступаютъ годы колебанія, что указываетъ на достиженіе этимъ доходомъ его нормальной высоты; значительное же паденіе въ 1876—1877 году объясняется годомъ войны и ея ожиданіемъ, когда, конечно, нельзя было думать объ имущественныхъ сдѣлкахъ. Но вотъ наступаетъ 1878 годъ, въ началѣ котораго окончилась война, потребовавшая такихъ громадныхъ жертвъ отъ народа и деньгами, и людьми, и тѣмъ не менѣе имущественныя сдѣлки въ томъ же году усиливаются до такой степени, что поступленіе крѣпостныхъ пошлинъ возрастаетъ на милліонъ рублей, въ слѣдующемъ году—на 1.200.000 р., а въ 1880 году—на 760.000 руб.

Вглядываясь внимательно въ эту періодичность возрастанія, никакъ нельзя предположить, чтобъ оно зависѣло отъ тѣхъ общихъ постоянныхъ условій, въ которыхъ находится наша промышленность вообще и сельско-хозяйственная въ особенности, такъ какъ постоянныя условія могли вести къ постояннымъ и одинаковымъ послѣдствіямъ. Здѣсь, напротивъ, необходимо предположить, что толчокъ къ умноженію сдѣлокъ на недвижимыя имущества былъ данъ со стороны другаго порядка явленій, не относящихся прямо къ тѣмъ условіямъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ сельско-хозяйственной промышленности. Сопоставляя эти два періода возрастанія количества сдѣлокъ на недвижимыя имущества съ другими событіями въ нашемъ отечествѣ, оказывается, что они зависятъ отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ съ нѣкоторою только разницею. Первый періодъ возрастанія слѣдуетъ какъ разъ послѣ операціи покупки государственнымъ банкомъ золота,—операціи, производившейся преимущественно въ 1868 и 1869 годахъ и бросившей на нашъ рынокъ болѣе 160 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ,—и совпадаетъ съ усиленною постройкой желѣзныхъ дорогъ, которая дала возможность переводить на законномъ основаніи значительные капиталы изъ общественнаго сундука въ карманы частныхъ лицъ. Затѣмъ въ 1877 году производится громадный выпускъ кредитныхъ билетовъ на покрытіе военныхъ расходовъ, а самое производство этихъ расходовъ создаетъ еще болѣе удобный случай для разнаго рода хищеній. Въ томъ и другомъ періодѣ являются и обиліе денежныхъ знаковъ на рынкѣ, и возможность хищеній, продукты же послѣднихъ создаютъ средства для увеличенія спроса на недвижимую собственность въ значительныхъ размѣрахъ.

Если и существуетъ между двумя этими періодами какая-нибудь разница, то только въ томъ, что последствія перваго періода хищеній обнаруживаются гораздо медленнѣе, чѣмъ послѣдствія втораго, что весьма понятно въ виду болѣе значительнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, болѣе быстраго производства расходовъ и менѣе сложнаго способа хищеній. Въ виду такихъ причинъ возрастанія этого дохода нельзя не замѣтить, что цифра его если и можетъ еще возрасти, то во всякомъ случаѣ не можетъ долго удержаться на той высотѣ, до которой она дошла, такъ какъ это возрастаніе зависѣло отъ причинъ случайныхъ и искуственныхъ, которыя повторяться не могутъ и не должны. На этомъ послѣднемъ основаніи сдѣлать этотъ доходъ возрастающимъ можно только распространеніемъ его на переходы недвижимыхъ имуществъ по наслѣдству, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ процентъ обложенія съ возрастаніемъ стоимости имущества. Исключенія должны быть допущены только для тѣхъ случаевъ, когда земля пріобрѣтается съ цѣлію обработки ея собственными силами рабочей семьи и лишь въ такомъ размѣрѣ, обработка котораго не превышаетъ этихъ силъ. Такое изъятіе необходимо въ видахъ покровительства самостоятельному хозяйству крестьянина.

Послѣ этой замѣтки о крѣпостныхъ пошлинахъ продолжаю мою бесѣду съ читателемъ по поводу нашихъ государственныхъ доходовъ и перехожу къ отдѣлу правительственныхъ регалій, между которыми первое мѣсто занимаютъ горныя подати. Почему эти подати причислены къ отдѣлу регалій, я положительно не понимаю, такъ какъ къ регаліямъ относятся сборы за удовлетвореніе таких общихъ потребностей населенія, которыя правительство считаетъ невозможнымъ или затруднительнымъ предоставить частной предпріимчивости и, потому, оставляетъ за собою исключительное право и обязанность ихъ удовлетворенія. Поэтому сюда могутъ относиться сборы за чеканку монеты, за пересылку и перевозку почтовой и телеграфной корреспонденцій, а также сборы съ желѣзныхъ дорогъ, еслибы правительство оставило за собою право ихъ сооруженія и эксплуатаціи; но горныя подати не имѣютъ ничего сходнаго съ подобными операціями и ими облагаются продукты добываемые частными лицами на казенныхъ и частныхъ земляхъ и, слѣдовательно, скорѣе всего могли быть отнесены къ налогамъ на промыслы или акцизамъ.

На основаніи государственной росписи 1881 года, этого дохода предполагалось къ поступленію 533.347 руб., на настоящій же годъ предположено 2.470.165 руб. Такая несоразмѣрность въ предположеніяхъ на два, одинъ за другимъ слѣдующихъ, года является вслѣдствіе возстановленія, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденаго 19-го мая 1881 года, вновь подати съ добыванія золота, которая въ 1877 году была вовсе отмѣнена. Такая отмѣна послѣдовала въ видахъ наибольшаго покровительства развитію этого промысла для снабженія нашего денежнаго рынка звонкою монетою. Подобная цѣль мнѣ кажется чрезвычайно наивною. Наше золото, хотя и обращенное въ монету, давно уже перестало играть роль денегъ на нашемъ рынкѣ, вслѣдствіе переполненія его бумажными деньгами, и обратилось въ товаръ, служащій только предметомъ вывоза. Поэтому, чѣмъ болѣе мы будемъ добывать золото, въ которомъ нашъ внутренній рынокъ не ощущаетъ никакой потребности, тѣмъ менѣе мы будемъ вывозить другихъ нашихъ товаровъ при данномъ количествѣ ввоза, или тѣмъ болѣе будемъ ввозить заграничныхъ товаровъ, при данномъ количествѣ другихъ предметовъ нашего вывоза. Казалось бы, что такой результатъ въ обоихъ случаяхъ вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ протекціонистскимъ взглядамъ, которые господствовали до сихъ поръ въ нашей торговой политикѣ и, повидимому, продолжаютъ господствовать и теперь. Тѣмъ не менѣе такая мѣра принята была въ видахъ снабженія нашего рынка золотомъ, которое однако-жъ удержаться на рынкѣ не могло и государство лишилось $2^1/_2$ милл. рублей дохода для достиженія какихъ-то проблематичныхъ цѣлей и становилось вмѣстѣ съ тѣмъ въ прямое противорѣчіе со всей системой своей торговой политики. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и въ послѣднія 20 лѣтъ мнѣ не разъ случалось указывать читателю, какъ у насъ одною рукой дѣлалось то, что парализовалось другою, и какъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей употреблялись такія средства, которыя вели къ результатамъ прямо противуположнымъ. Но не буду болѣе говорить объ этомъ, благо сдѣланная ошибка исправлена и такой выгодный промыселъ, какъ разработка золотоносныхъ розсыпей, обложенъ вновь податью въ пользу государства. Да проститъ мнѣ читатель выраженіе—*выгодный промыселъ*, которое я употребилъ по отношенію къ золотопромышленности. Я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что развитіе этой промышленности

могло считаться выгоднымъ съ точки зрѣнія интересовъ общенароднаго или государственнаго хозяйства, а имѣю въ виду только выгоды предпринимателей, пользующихся громадными барышами. Барыши эти, при отдаленности края, гдѣ производятся эти операціи, и, слѣдовательно, при отсутствіи правильнаго надзора, не только создаютъ возможность беззастѣнчивой эксплуатаціи рабочаго люда, но порождаютъ положительную деморализацію въ цѣломъ краѣ, вызывая пьянство, преступленія и значительную смертность среди рабочихъ, взяточничество среди чиновничества, развратъ и оргіи среди распорядителей и предпринимателей. Въ виду какихъ же благодѣтельныхъ послѣдствій пользуются терпимостью всѣ эти безобразія, что̀ выигрываетъ черезъ нихъ наше народное или государственное хозяйство?—Ровно ничего, такъ какъ подобная промышленность вовсе не служитъ къ удовлетворенію какихъ бы то ни было народныхъ потребностей. Она просто бросаетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей отнюдь не нашъ рынокъ, на которомъ золото держаться не можетъ, а на рынокъ заграничный и тѣмъ расширяетъ спросъ на предметы роскоши заграничнаго производства, т. е. увеличиваетъ наши непроизводительныя траты. Теперь, по крайней мѣрѣ, можно порадоваться, что часть этихъ капиталовъ, такъ дорого обходящихся рабочему человѣку, будетъ поступать въ доходъ государственнаго казначейства. И то слава Богу!

Обращаясь затѣмъ къ цифрѣ предположеннаго дохода, я нахожу ее очень умѣренной. За тѣ годы, въ которые подать съ золота взималась, т. е. съ 1869 по 1877 годъ, общая сумма горныхъ податей представляетъ среднюю цифру въ 2.986.903 рубля (см. отчеты госуд. контр. за эти годы). Но съ тѣхъ поръ, въ виду вздорожанія у насъ золота, выгоды золотопромышленниковъ сильно возросли и добываніе золота увеличилось; поэтому не было бы ничего рискованнаго сохранить въ бюджетѣ по крайней мѣрѣ эту цифру или круглымъ числомъ три милліона рублей. Мнѣ кажется, что дѣйствительное поступленіе должно превысить даже эту послѣднюю цифру. По словамъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, подать съ выплавляемой мѣди должна уменьшиться, но мнѣ кажется, что подобный выводъ сдѣланъ на основаніи предыдущихъ лѣтъ, и притомъ до передачи казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки, и потому въ разсчетъ не принято то увеличеніе выплавки мѣди, которое послѣдовало вслѣдствіе этой передачи. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣ-

стенъ фактъ, что съ поступленіемъ въ частныя руки одного казеннаго мѣдноплавильнаго завода полученіе мѣди, если не ошибаюсь, учетверилось. На этомъ основаніи нельзя не пожелать, чтобъ и остальные горные заводы перешли въ частныя руки: тогда правительство избавилось бы отъ значительныхъ убытковъ отъ производства подобныхъ операцій и стало бы получать чистый доходъ отъ подати съ добываемыхъ металловъ. Мысль эту горячо защищалъ покойный Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ, дѣйствительно понимавшій финансовые интересы государства. На обязанности правительства можетъ лежать только производство такихъ операцій, которыя удовлетворяютъ потребности, общія всему населенію, и притомъ могутъ быть ведены только при существованіи монополіи, которая, конечно, не должна быть ввѣрена какому-либо частному обществу или лицу, которыя могутъ легко злоупотребить этимъ правомъ; но добываніе какихъ бы то ни было металловъ вовсе не требуетъ монопольнаго права и потому можетъ быть свободно предоставлено частной предпріимчивости. Правительству нечего усложнять свою, и безъ того довольно трудную, обязанность подобными чисто-коммерческими предпріятіями, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ никакой возможности ни руководить ими, ни контролировать ихъ, въ особенности при сложившихся въ нашей административной практикѣ обычаяхъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ нашихъ операціяхъ, предпринимаемыхъ правительствомъ и требующихъ участія спеціалистовъ-техниковъ, а, слѣдовательно и въ горныхъ заводахъ, главное руководство дѣломъ поручается техникамъ, тогда какъ между техникою дѣла и его администраціей представляется существенная разница. Цѣль каждаго подобнаго предпріятія есть удовлетвореніе извѣстныхъ потребностей общества съ выгодою для предпринимателя, т. е. чисто-коммерческая, которая требуетъ общаго образованія и положительно недоступна именно хорошему технику въ силу спеціальности его образованія. Хорошо устроенная техника дѣла отнюдь не есть цѣль предпріятія, а только средство для достиженія другихъ цѣлей хозяйственныхъ и коммерческихъ, которыя вовсе могутъ не сходиться съ интересами техники. Поэтому техникъ долженъ быть только орудіемъ администраціи, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть хорошимъ администраторомъ дѣла. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, но, во всякомъ случаѣ, если изъ техника сдѣлался хорошій администраторъ, то онъ долженъ былъ забыть технику и принести ее въ жертву

другому порядку знаній. Но кромѣ того наша административная практика, имѣя обыкновеніе ставить во главѣ предпріятій техниковъ, выработала особый вредный для дѣла обычай: у насъ, чтобы быть назначену распорядителемъ дѣла, нужно не знаніе и умѣнье вести его, а извѣстное служебное положеніе, сопряженное съ извѣстнымъ чиномъ, что достигается лишь тогда, когда человѣкъ, охлажденный жизнію, перестаетъ уже слѣдить за наукой и успѣхами ея практическаго приложенія и въ качествѣ техника можетъ руководиться такими взглядами, которые давно уже устарѣли. Такой человѣкъ, весьма естественно, не можетъ довѣрчиво относиться къ молодымъ талантамъ, жаждущимъ дѣятельности и вносящимъ въ нее послѣднее слово науки. При подобномъ столкновеніи старыхъ и новыхъ взглядовъ, побѣда, конечно, остается за старшимъ, что обусловливаетъ не только рутинность въ нашихъ техническихъ пріемахъ, но и равнодушіе къ дѣлу со стороны молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь. Еслибы техника въ нашихъ казенныхъ предпріятіяхъ была поставлена въ другія условія и сдѣлалась бы только орудіемъ администраціи на столько образованной, чтобы понимать, гдѣ кончается административный и начинается техническій вопросъ, то улучшенія въ пріемахъ производства не встрѣчали бы тормоза со стороны старыхъ рутинеровъ и апатія со стороны молодыхъ талантовъ была бы не мыслима: для образованнаго администратора въ техническомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ искусства, служебная іерархія не можетъ и не должна имѣть значенія.

Что касается монетнаго дохода, то право чеканки монеты безспорно должно принадлежать правительству, и только исключительно ему, какъ высшему авторитету въ странѣ, въ виду невозможности для каждаго частнаго лица удостовѣряться въ дѣйствительномъ достоинствѣ монеты; и еслибы доходъ этотъ состоялъ только изъ платы за перечеканку металловъ, то, конечно, противъ подобной платы, хотя бы она была выше дѣйствительныхъ расходовъ, никто не могъ бы сдѣлать никакого возраженія. Но дѣло въ томъ, что доходъ этотъ состоитъ далеко не изъ одной этой платы, а большею частію состоитъ въ томъ, что количество употребляемаго на монету металла по своей цѣнѣ далеко ниже номинальной стоимости выдѣланной изъ него монеты. Эта разница и составляетъ преимущественно такъ-называемый монетный доходъ. Такъ у насъ мѣдная монета чеканится по 50 руб. изъ пуда, тогда какъ дѣйствительная стоимость пуда крас-

ной мѣди не превышаетъ 15 руб., не считая лигатуры изъ чугуна, которая прибавляется къ мѣди для приданія ей надлежащей крѣпости и прочности. Точно также мелкая размѣнная серебряная монета, соотвѣтствующая номинальной цѣнѣ, должна бы имѣть 84 доли чистаго серебра въ фунтѣ, а вмѣсто того она приготовляется изъ серебра 48 пробы. Низкій курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ оправдываетъ такое пониженіе пробы серебра, такъ какъ при 84 пробѣ оно не удержалось бы на нашемъ рынкѣ и было бы вывезено за границу; но обстоятельство это указываетъ только на вредъ излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ, а отнюдь не говоритъ въ пользу этой мѣры. Относительно же мѣдной монеты такая мѣра оправдывается удобствомъ обращенія, что отчасти имѣетъ основаніе. Въ виду того обстоятельства, что пріемъ какъ той, такъ и другой въ значительныхъ количествахъ по закону не обязателенъ, подобное несоотвѣтствіе номинальной и дѣйствительной цѣны монеты во внутреннихъ оборотахъ можетъ не вызывать особыхъ замѣтныхъ неудобствъ, облегчая только взаимные разсчеты при мелкихъ расплатахъ; тѣмъ не менѣе обѣ эти мѣры могутъ быть приравнены къ выпуску кредитныхъ билетовъ, такъ какъ онѣ, удерживая избытокъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи, имѣютъ вліяніе на возвышеніе стоимости предметовъ потребленія и на пониженіе цѣнности нашей валюты,—слѣдовательно, не могутъ оставаться безъ вредныхъ послѣдствій, незамѣтныхъ только для поверхностнаго наблюденія.

Если мы взглянемъ на причины, вслѣдствіе которыхъ чеканка монеты сдѣлалась не только правомъ, но и обязанностію правительствъ во всѣхъ государствахъ Европы, то увидимъ, что только авторитетъ и уваженіе, которыми пользовались правительства, могли внушить частнымъ людямъ ту степень довѣрія къ денежнымъ знакамъ, при которой они могли сдѣлаться средствомъ повсемѣстной расплаты и мѣриломъ цѣнности предметовъ. Разъ правительство какого-либо государства ставило свой штемпель на какой-либо монетѣ, свидѣтельствовавшій, что въ ней заключается такой-то вѣсъ золота или серебра, частные люди вѣрили этому безусловно и принимали монету безъ возраженія, чѣмъ, разумѣется, облегчались всѣ возможныя сдѣлки. Къ сожалѣнію, нѣкоторые западные государи, нуждаясь въ средствахъ для своихъ военныхъ расходовъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ вредѣ, который они наносятъ не только своимъ подданнымъ, но и

своимъ финансамъ, нерѣдко прибѣгали къ фальсификаціи монеты. Но съ тѣхъ поръ, какъ бумажныя деньги представляютъ болѣе удобное средство покрыть дефицитъ въ бюджетѣ, фальсификація звонкой монеты совершенно прекратилась. Къ чести русскаго правительства слѣдуетъ замѣтить, что оно никогда не прибѣгало къ этой мѣрѣ нарушенія общественнаго довѣрія и только значительное паденіе курса, вслѣдствіе ошибочной мѣры излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ, заставило его, въ видахъ удержанія на внутреннемъ рынкѣ мелкой серебряной монеты, допустить болѣе низкую ея пробу. Такъ одинъ ошибочный шагъ въ финансовой политикѣ необходимо влечетъ за собою уже сознательныя дѣйствія, не соотвѣтствующія достоинству власти.

Во всякомъ случаѣ за текущій годъ можно порадоваться, такъ какъ доходъ монетный предположенъ только въ 861.400 р., тогда какъ предположенія прошлаго года превышали 4 милл. руб., а бывали годы, когда доходъ этотъ превосходилъ сумму 11 милл. рублей. Отсюда я могу прямо заключить, что по крайней мѣрѣ въ теченіе настоящаго года выпускъ низкопробнаго серебра не предполагается.

Почтовый доходъ предположенъ въ текущемъ году въ 14.406.263 руб., болѣе 1881 года на 346.000 рублей. Возрастаніе этого дохода идетъ постоянно и этому, конечно, не мало содѣйствуютъ вниманіе почтоваго вѣдомства къ нуждамъ общества и тѣ удобства въ пересылкѣ корреспонденціи, которыя введены этимъ вѣдомствомъ: пониженіе таксы, пересылка бандеролей за пониженную плату въ сравненіи съ простыми письмами, замѣна страховой заказною перепиской и удобство ея отправленія и полученія, введеніе открытыхъ писемъ и т. д. не могли не увеличить доходовъ почтоваго вѣдомства. Вотъ таблица поступленія этого дохода за послѣднія 10 лѣтъ:

Годы.	Рубли.	Годы.	Рубли.
1871	9.702.796	1876	10.898.853
1872	9.282.385	1877	12.364.195
1873	9.833.290	1878	13.394.140
1874	10.449.708	1879	13.096.868
1875	10.727.477	1880	13.496.800

Конечно, нельзя выводить изъ этихъ данныхъ, что вся сумма почтоваго дохода составляетъ дѣйствительный доходъ, вносимый частными лицами за удовлетвореніе ихъ необходимой потребно-

сти, а должно имѣть въ виду, что часть этой суммы оплачена самимъ правительствомъ за страхованіе казенныхъ суммъ, пересылаемыхъ по почтѣ, а также за пересылку казенныхъ изданій. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что, вслѣдствіе сдѣланныхъ нововведеній, доходъ этотъ сильно возрастаетъ. Конечно, всѣ эти нововведенія зависѣли скорѣе отъ почтовыхъ конвенцій съ иностранными державами, чѣмъ отъ собственной иниціативы почтоваго вѣдомства, но самая мысль о заключеніи этихъ конвенцій принадлежитъ бывшему директору почтоваго департамента І. Веліо, который нашелъ возможнымъ уменьшить значительно плату за почтовую пересылку и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить государственный доходъ.

Впрочемъ, сказанное о почтовомъ доходѣ можетъ относиться только къ статьѣ дохода за пересылку простой корреспонденціи. Что же касается страховаго сбора за пересылку денегъ и вещей, то порядокъ, существующій у насъ въ этомъ отношеніи, остается прежній, а плата хотя и понижена въ 1879 г., но не настолько, чтобъ удовлетворить потребность общества въ передвиженіи суммъ. Странно, что, установляя совершенно общеевропейскіе порядки по отношенію простой корреспонденціи, наше почтовое вѣдомство до сихъ поръ не замѣнило пересылку денегъ ихъ переводомъ. Такимъ образомъ значительныя суммы движутся въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, вслѣдствіе чего увеличиваются шансы потерь правительства отъ утраты и похищенія денегъ въ пути, частныя лица затрудняются разными формальностями при пріемѣ и выдачѣ денежной корреспонденціи, вызываются особые расходы почтоваго вѣдомства на надзоръ и храненіе ихъ во время слѣдованія и, наконецъ, лишается правительство тѣхъ доходовъ, которые получаютъ частные банки и другія коммерческія конторы, переводящія суммы изъ одного мѣста въ другое. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ страховой сборъ не можетъ быть настолько пониженъ, чтобы сравняться съ тою платой, которую взимаютъ банки за переводъ денегъ, и мелкія суммы оплачиваются гораздо болѣе высокимъ процентомъ, чѣмъ крупныя, такъ какъ, при выдачѣ ихъ, должны быть соблюдены однѣ и тѣ же формальности. Странно, что почтовое вѣдомство, будучи правительственнымъ учрежденіемъ, не считаетъ возможнымъ пользоваться услугами другаго правительственнаго учрежденія и пересылаетъ деньги въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ даже между такими городами, въ которыхъ имѣются кон-

торы и отдѣленія государственнаго банка, принимающія переводы отъ всѣхъ частныхъ лицъ. Устроить подобный порядокъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются учрежденія банка, было бы очень легко. Стоило бы только выдавать подателю денегъ квитанцію на полученіе ихъ изъ такой-то конторы или отдѣленія банка и заносить въ особый для каждаго города списокъ имя подателя и получателя и переводимую сумму денегъ. Списки эти по окончаніи пріема передаются вмѣстѣ съ деньгами въ учрежденіе государственнаго банка, которое и разсылаетъ первые по принадлежности для выдачи денегъ получателямъ при предъявленіи квитанцій почтовыхъ конторъ, по сличеніи ихъ съ полученными списками. Подобный порядокъ, конечно, сократилъ бы шансы потерь правительства за утраченную на почтѣ корреспонденцію и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы возможность уменьшить личный составъ почтовыхъ чиновниковъ, не говоря уже о тѣхъ удобствахъ, которыя возникали бы при этомъ для публики, которая не нуждалась бы тогда въ удостовѣреніяхъ полиціи о личности получателя. Квитанція почтовой конторы въ рукахъ послѣдняго была бы гораздо болѣе достаточнымъ удостовѣреніемъ, чѣмъ нынѣшнее удостовѣреніе полиціи, выдаваемое заочно при посредствѣ дворника. Впрочемъ, для большей гарантіи правильности выдачи, въ квитанціи можетъ быть означено только имя получателя, а въ спискѣ—какъ имя подателя денегъ, такъ и получателя. Такимъ образомъ, если предъявитель квитанціи знаетъ, отъ кого деньги переведены, то это можетъ служить доказательствомъ, что квитанція переслана дѣйствительно ему подателемъ денегъ. Впрочемъ, казначейства есть въ каждомъ городѣ и поэтому введеніе переводовъ вмѣсто пересылки возможно на всемъ пространствѣ нашего отечества и, слѣдовательно, возможно и пониженіе платы за переводъ денегъ и увеличеніе государственнаго дохода. Въ настоящее же время страховой сборъ въ почтовомъ доходѣ представляетъ довольно странное явленіе. Всѣ государственные и торговые обороты возрастаютъ значительно, сборы за пересылку простой и телеграфной корреспонденціи растутъ также весьма быстро; слѣдовало бы ожидать, что передвиженіе денегъ, а вмѣстѣ съ ними и страховой сборъ также должны возрастать, а между тѣмъ оказывается, что этотъ сборъ если и возрастаетъ, то далеко не въ той степени, какъ другія статьи почтоваго дохода. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что тамъ, гдѣ международная конвенція не затрогивала нашихъ почтовыхъ

правилъ, они остались въ прежнемъ видѣ, вслѣдствіе чего пересылка денегъ, въ особенности мелкими суммами, обходится дорого и чрезвычайно хлопотлива. Между тѣмъ въ намъ отечествѣ, гдѣ банковыя операціи развиты только въ большихъ промышленныхъ центрахъ и взаимныя сношенія кредитныхъ учрежденій весьма ограниченны, переводы суммъ часто совершенно невозможны или потому, что мелкія суммы банки къ переводу не принимаютъ, или потому, что между существующими учрежденіями кредита нѣтъ взаимныхъ счетовъ, или, наконецъ, потому, что и самыхъ кредитныхъ учрежденій въ извѣстныхъ мѣстностяхъ не существуетъ. Не далѣе какъ годъ тому назадъ пишущій эти строки имѣлъ необходимость перевести изъ столичнаго города Петербурга въ губернскій городъ Новгородъ сумму около 3.000 рублей и не нашелъ къ тому никакой возможности, по почтѣ же посылать обходилось дороже, чѣмъ стоитъ проѣздъ изъ Новгорода въ Петербургъ и обратно, такъ что получатель предпочелъ пріѣхать нарочно въ Петербургъ для полученія этихъ денегъ. При такихъ условіяхъ переводная операція, еслибъ она была введена почтовымъ вѣдомствомъ, сохранила бы публикѣ массу времени и избавила бы ее отъ многихъ, совершенно напрасныхъ, хлопотъ. А время,—какъ говорятъ англичане,—деньги.

Телеграфный сборъ также постоянно возрастаетъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ почтовый: такъ въ 1871 году онъ представлялъ цифру въ 3.986.566 руб., а въ 1880 г. доходилъ до 7.736.392 руб., т. е. черезъ 8 лѣтъ увеличился на 94%; въ смѣту же нынѣшняго года онъ занесенъ въ суммѣ 8.445.500 руб., которая, въ виду постояннаго возвышенія этого дохода, не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго. Такое сильное возрастаніе этого дохода слѣдуетъ приписать благоразумнымъ распоряженіямъ телеграфнаго вѣдомства, которое усвоило систему постояннаго и постепеннаго пониженія таксы, вслѣдствіе чего количество телеграфной корреспонденціи постоянно возрастаетъ. Къ сожалѣнію, этимъ практическимъ опытомъ не пользуется наше финансовое вѣдомство и продолжаетъ думать, что возвышеніе нормы обложенія можетъ вести къ увеличенію государственнаго дохода, хотя собственный опытъ этого вѣдомства съ таможеннымъ доходомъ могъ бы, повидимому, привести его къ совершенно противному заключенію.

Теперь я долженъ перейти къ доходу отъ казенныхъ имуществъ, играющему въ нашемъ бюджетѣ очень видную роль,

такъ какъ онъ, согласно смѣтнаго предположенія на нынѣшній годъ, представляетъ цифру въ 42.562.237 руб. Какъ ни значительна эта цифра сама по себѣ, но если вспомнить, какъ велико пространство казенныхъ земель, состоящихъ въ оброчномъ содержаніи, какъ велика площадь эксплуатируемыхъ казенныхъ лѣсовъ, какіе значительные капиталы потрачены государствомъ на устройство горныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, то нельзя не удивляться, что доходъ съ казенныхъ имуществъ достигаетъ только этой цифры, такъ какъ по отношенію къ цѣнности ихъ подобная цифра дохода представляется ничтожною. Конечно, наши доходы отъ государственныхъ имуществъ не подлежатъ по многимъ условіямъ сравненію съ таковыми же въ Пруссіи, но съ доходами частныхъ лицъ той же мѣстности, гдѣ находится казенное имущество, было бы не безполезно ихъ сопоставить и только при такомъ сопоставленіи можно сдѣлать заключеніе, насколько правильно эксплуатируются у насъ государственныя имущества.

Слѣдуя этому методу, мы возьмемъ для примѣра землевладѣльца, имѣющаго 1.000 десят. земли въ Самарской или Саратовской губерніи, гдѣ арендная плата за земли не настолько возвысилась, какъ въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ. Человѣкъ этотъ представится намъ лицомъ вполнѣ состоятельнымъ, имѣющимъ по меньшей мѣрѣ 5.000 рублей годоваго дохода для удовлетворенія своихъ потребностей, а если онъ самъ ведетъ свое хозяйство, то и гораздо болѣе этой суммы. Что же получаетъ правительство съ своихъ земель въ тѣхъ же мѣстностяхъ? Что касается самарскихъ земель, то въ общей сложности онѣ едва ли и въ настоящее время приносятъ болѣе 50 коп. съ десятины, а въ Саратовской губерніи до семидесятыхъ годовъ, какъ это мнѣ положительно извѣстно, онѣ приносили вообще около 70 коп. съ десятины и едва ли приносятъ теперь болѣе 1 рубля. Но при этомъ надо принять въ соображеніе, что эта цифра представляетъ валовой доходъ, изъ котораго слѣдуетъ исключить издержки взиманія, т. е. расходы управленія государственными имуществами. Если же мы изъ вышеприведенной цифры дохода, получаемаго отъ казенныхъ имуществъ, исключимъ доходы, состоящіе въ вѣдѣніи другихъ вѣдомствъ, а также доходы отъ продажи казенныхъ имуществъ, которые отнюдь не могутъ представлять дохода, а напротивъ выражаютъ только уменьшеніе капитальной стоимости казеннаго имущества, то оказывается, что

весь доходъ, приносимый казенными землями и лѣсами, состоящими въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, составляетъ, согласно предположенной росписи на нынѣшній годъ, сумму въ 28.286.258 руб. Издержки же взиманія, т. е. управленіе этимъ министерствомъ, обходятся въ 19.244.882 рубля, т. е. государство предполагаетъ получить чистаго дохода съ своихъ громадныхъ недвижимыхъ имуществъ всего около 9 милл. рублей. Даже если мы изъ расходовъ министерства исключимъ 2 милл. руб., предположенныхъ на выдачу денежныхъ арендъ, какъ расхода, не имѣющаго никакого отношенія къ управленію государственными имуществами, то и тогда издержки взиманія будутъ стоить 17.244.882 руб., или около 61% валоваго дохода. Но это при условіи, что предположенный по смѣтѣ доходъ будетъ дѣйствительно полученъ, чего, въ виду примѣровъ прежнихъ лѣтъ, ожидать довольно трудно. Вотъ таблица поступленія всѣхъ доходовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, за послѣднія 10 лѣтъ:

Годы.	Съ оброчныхъ статей.	Съ лѣсовъ.	Съ горныхъ заводовъ.	ИТОГО.
1871 . . .	5.657.026 р.	8.643.791 р.	3.253.027 р.	17.553.844 р.
1872 . . .	5.213.209 »	9.553.802 »	4.576.481 »	19.343.492 »
1873 . . .	5.689.342 »	10.148.508 »	4.756.538 »	19.594.388 »
1874 . . .	6.052.332 »	10.412.694 »	3.694.262 »	20.159.288 »
1875 . . .	5.723.861 »	10.972.958 »	4.074.338 »	20.771.157 »
1876 . . .	6.065.784 »	9.491.755 »	3.000.718 »	18.558.257 »
1877 . . .	5.912.685 »	9.730.225 »	3.818.509 »	19.461.319 »
1878 . . .	6.170.963 »	11.264.961 »	3.888.564 »	21.324.488 »
1879 . .	5.803.737 »	13.048.955 »	4.446.692 »	23.299.384 »
1880 . .	6.125.773 »	14.280.970 »	4.548.745 »	24.955.488 »
				205.021.105 р.

Итакъ, дѣйствительное поступленіе въ среднемъ выводѣ за 10 лѣтъ даетъ 20½ милл., тогда какъ въ смѣтѣ предположено 28.286.258 рублей (отъ оброчныхъ статей 6.912.513 руб., отъ лѣсовъ 15.669.447 рублей и отъ горныхъ заводовъ 5.704.328 рублей). Присматриваясь къ цифрамъ указанной таблицы, не мудрено замѣтить, что дѣйствительно прогрессирующимъ доходомъ былъ одинъ лѣсной доходъ, и потому если и можно допустить предположенную цифру смѣтою, то только по одной этой статьѣ. Что же касается дохода отъ оброчныхъ статей, то здѣсь не

представляется никакой возможности предположить, чтобы цифра этого дохода могла увеличиться почти на 800.000 руб., такъ какъ она постоянно колеблется около 6 милл. руб. и нѣтъ никакого основанія предполагать ея значительнаго измѣненія. Быть-можетъ министерство, предполагая такое увеличеніе дохода, разсчитывало на тѣ мѣры, которыя оно приняло для того, чтобъ облегчить крестьянамъ самостоятельную на торгахъ съемку казенныхъ оброчныхъ статей. Но, во-первыхъ, еслибы даже ожиданія министерства осуществились вполнѣ, то и тогда значительнаго измѣненія въ цифрѣ поступленія быть не можетъ, на томъ основаніи, что увеличеніе дохода можетъ произойти не ранѣе будущаго года и только отъ тѣхъ оброчныхъ статей, по которымъ истекаютъ сроки въ настоящемъ. Не имѣя въ виду, какое количество казенныхъ земель подлежитъ переоброчкѣ въ текущемъ году, я, разумѣется, не могу сдѣлать никакого предположенія о будущемъ возрастаніи этого дохода, но могу положительно утверждать, что на доходы настоящаго года мѣры эти не могутъ имѣть никакого вліянія. Предполагать же естественный ростъ этого дохода, не зависящій отъ мѣропріятій министерства, въ виду постояннаго и очень незначительнаго колебанія дохода въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, также нѣтъ никакого основанія, въ особенности въ томъ размѣрѣ, какой предполагается смѣтой, а именно на 12,7%. Подобнаго примѣра мы не видимъ во всѣ 10 лѣтъ, несмотря на то, что въ эти 10 лѣтъ всѣ экономическія условія вели къ сильному возвышенію арендной платы. Если же эти условія имѣли мало значенія до сихъ поръ, то предполагать болѣе важное значеніе въ настоящемъ году положительно невозможно. Во-вторыхъ, я думаю, что облегченіе крестьянамъ доступа къ торгамъ вовсе не представляетъ собою такой действительной мѣры, которая могла бы доставить имъ возможность воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и не только вступить въ серьезную конкуренцію съ нынѣшними содержателями оброчныхъ статей, но и одержать верхъ надъ ними на торгахъ. Право и возможность явиться на торги далеко еще не устраняютъ всѣхъ невыгодныхъ для крестьянъ условій, вслѣдствіе которыхъ они остерегаются вступать въ прямыя отношенія съ казной и предпочитаютъ платить значительно дороже казенному контрагенту.

Между тѣмъ этихъ условій очень много и притомъ весьма вѣскихъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на самый принципъ

торговъ, которые, вызывая конкуренцію, не допускаютъ положительной увѣренности, что оброчная статья дѣйствительно останется за крестьянами, въ особенности когда она достигаетъ значительныхъ размѣровъ, и притомъ положительно необходима для нихъ. Стоитъ только капиталисту возвысить оброчную плату до той цифры, при которой взаимное ручательство крестьянъ окажется недостаточнымъ залогомъ, и тогда результатъ торговъ будетъ имѣть очень невыгодныя для крестьянъ послѣдствія, такъ какъ они должны будутъ уплатить капиталисту не только всю надбавку, сдѣланную имъ на торгахъ, но и болѣе значительный барышъ. Пишущему эти строки не разъ приходилось присутствовать на торгахъ и видѣть, какъ крестьяне, дѣйствительные владѣльцы казеннаго участка, присутствуя на торгахъ, уступали право содержанія участка съемщику изъ опасенія, что онъ возвыситъ арендную плату выше той суммы, которую они считаютъ возможнымъ заплатить. Тогда они же вынуждены будутъ оплачивать съ лихвою всѣ проторы и убытки съемщика, въ особенности когда крестьянамъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, нужна именно эта, а не другая земля. Всѣ подобныя обстоятельства очень хорошо могутъ быть извѣстны съемщику-капиталисту и вовсе неизвѣстны лицамъ производящимъ торги, которыя притомъ же, въ виду вызванной конкуренціи, должны быть только пассивными свидѣтелями происходящей борьбы. Неужели министерству государственныхъ имуществъ неизвѣстно, что при конкуренціи капитала и труда побѣда всегда остается за капиталомъ, такъ какъ послѣдній можетъ выжидать, нисколько не теряя, тогда какъ трудъ не имѣетъ этой возможности и время, оставленное безъ приложенія его къ какому-либо дѣлу, составляетъ безвозвратную потерю для рабочаго? Другое дѣло, еслибы вѣдомство государственныхъ имуществъ входило съ крестьянами въ прямыя сношенія безъ торговъ, тогда, конечно, крестьяне легко могли бы возвысить существующую арендную плату, имѣя въ виду, что земля во всякомъ случаѣ останется за ними; но безъ этой увѣренности они не будутъ надбавлять цѣну изъ опасенія, что эту цѣну все-таки перебьютъ на торгахъ и они останутся въ зависимости отъ съемщика, при болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Я думаю, что принципъ отдачи казенныхъ земель въ оброчное содержаніе съ торговъ положительно несостоятеленъ и это доказывается тѣмъ, что ни одинъ частный человѣкъ, будь онъ собственникъ земли, или арендаторъ частнаго

или казеннаго имущества, никогда не прибѣгаетъ къ этому способу передачи своего права эксплуатаціи, а входитъ въ прямыя сношенія съ лицами, желающими взять на себя эксплуатацію земли. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе скорѣе на нравственную и матеріальную состоятельность лица, т.-е. на возможность и способность его исполнить данныя условія, чѣмъ на денежное обезпеченіе точнаго поступленія условленной платы. При системѣ же конкуренціи на торгахъ подобное отношеніе къ дѣлу становится невозможнымъ.

Но и кромѣ того есть и другія условія, по которымъ между казною и крестьянами втираются капиталисты-паразиты, набивающіе свой карманъ за счетъ государственнаго казначейства и трудящагося человѣка. Къ этимъ условіямъ слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, слишкомъ значительную величину казенныхъ участковъ, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ значительной степени превышаютъ и силы, и средства одного крестьянскаго общества. Соглашеніе же нѣсколькихъ крестьянскихъ обществъ достигается чрезвычайно трудно, въ особенности при неодинаковомъ качествѣ земли въ одномъ и томъ же участкѣ, и можетъ состояться только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Само собою разумѣется, что при внимательномъ отношеніи чиновъ министерства государственныхъ имуществъ къ подобнымъ мѣстнымъ условіямъ не составляло бы никакого затрудненія дробить такіе участки согласно потребностямъ и средствамъ крестьянъ, т.-е. дѣлать именно то, что обыкновенно дѣлаютъ контрагенты казны, за что и пользуются барышами. Говоря о величинѣ оброчныхъ статей, нельзя не замѣтить, что есть казенные участки, въ особенности въ Самарской губерніи, не только по нѣскольку тысячъ, но даже по нѣскольку десятковъ тысячъ десятинъ. Какое же крестьянское общество въ состояніи взять подобный участокъ въ содержаніе? Не помню, гдѣ, но мнѣ приходилось читать, что въ послѣднее время министерство государственныхъ имуществъ прибѣгало къ дробленію участковъ; но какое же это было дробленіе? Такъ, напримѣръ, прежде средняя величина одного участка была болѣе 1.000 десятинъ, а послѣ раздробленія оказалась менѣе 1.000 десятинъ. Очевидно, что подобное дробленіе оставляетъ все-таки слишкомъ крупные участки, арендовать которые крестьянскія общества и товарищества очень часто не въ состояніи. Во-вторыхъ, круговое ручательство, которое принимается въ видѣ залога отъ крестьянъ, слишкомъ

ограничено, чтобъ оно могло доставить имъ возможность явиться на торгахъ серьезными конкурентами съемщикамъ-капиталистамъ. Оно принимается въ размѣрѣ 15 руб. на каждаго работника. Въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне особенно нуждаются въ землѣ и гдѣ арендная плата сильно возвысилась, такой залогъ даетъ возможность нанять двѣ или три десятины, тогда какъ работникъ, съ пособіемъ своего семейства, можетъ обработать сверхъ надѣла двойное количество. При подобныхъ условіяхъ и при величинѣ участка, не превышающаго рабочихъ силъ крестьянскаго общества, съемщикъ-капиталистъ легко можетъ предложить цѣну, которую и крестьяне охотно бы заплатили, но круговое ихъ ручальство оказывается недостаточнымъ для замѣны залога. Поясню примѣромъ эту мысль. Общество крестьянъ, состоящее изъ 100 человѣкъ работниковъ, желаетъ взять въ аренду участокъ въ 500 десятинъ казенной земли и готово дать за него 4.000 рублей; но оно имѣетъ круговое ручательство на 1.500 руб. и потому можетъ взять въ аренду статью, оброчная плата за которую не превышаетъ 3.000 руб. Капиталистъ, имѣющій въ виду тотъ же участокъ, можетъ устранить конкуренцію этихъ крестьянъ, предложивъ на торгахъ арендную плату въ 3.500 руб. Конечно, онъ не скроетъ этого отъ крестьянъ и заявитъ имъ, что если они будутъ торговаться и заставятъ его заплатить за эту оброчную статью 3.500 рублей, то онъ не отдастъ этой земли имъ, крестьянамъ, даже за 5.000 р. Весьма естественно, что въ виду подобной угрозы, если земля дѣйствительно нужна крестьянамъ, они пойдутъ на соглашеніе съ капиталистомъ и тотъ обяжется сдать землю за 4.000 руб., если они не будутъ торговаться. Такимъ образомъ, устранивъ серьезныхъ конкурентовъ, капиталистъ, при отсутствіи другихъ желающихъ, можетъ взять въ содержаніе статью за прежнюю цѣну, опредѣленную за 12 лѣтъ передъ симъ или съ самой ничтожною надбавкой, т.-е. быть-можетъ за половинную цѣну. Очевидно, что система торговъ вредитъ исключительно интересамъ казны. Въ-третьихъ, крестьяне тѣмъ охотнѣе идутъ на подобныя сдѣлки, что имѣютъ въ виду при взятіи въ оброчное содержаніе земли прямо отъ казны непремѣнное условіе уплаты первой половины арендныхъ денегъ 2 января каждаго арендваго года и второй половины 1 іюля, т.-е. обязательство выплатить всю сумму оброка и положить свой трудъ на обработку земли прежде, чѣмъ успѣютъ воспользоваться чѣмъ бы то ни было съ

нанимаемой земли; между тѣмъ если они уступятъ аренду кулаку-съемщику, то онъ не потребуетъ съ нихъ денегъ до новаго урожая и, въ случаѣ неимѣнія ими денегъ къ этому времени, возьметъ арендную плату зерномъ. Въ виду несостоятельности крестьянъ въ денежномъ отношеніи, отсрочка взноса денегъ до новаго урожая составляетъ для нихъ очень важную приманку. Въ-четвертыхъ, многіе съемщики не только не требуютъ платежа арендныхъ денегъ впередъ, но сами дѣлаютъ ссуды своимъ арендаторамъ на уплату казенныхъ податей и другихъ сборовъ и разсчитываются съ ними также изъ новаго урожая. Хотя подобныя ссуды и очень выгодны для казенныхъ контрагентовъ, но при безденежности крестьянъ послѣдніе не могутъ не дорожить этимъ обстоятельствомъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, болѣе состоятельные крестьяне неохотно соглашаются принять на себя круговое ручательство, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ приходится дѣлить арендованный участокъ по количеству рабочихъ силъ, между тѣмъ какъ у казеннаго контрагента они могутъ снять большее количество десятинъ, чѣмъ бы пришлось имъ по мірскому раздѣлу; для капиталиста же выгоднѣе имѣть дѣло съ болѣе состоятельными хозяевами и съ меньшимъ числомъ лицъ.

Изъ сказаннаго до очевидности ясно, что мѣры, принятыя министерствомъ государственныхъ имуществъ къ облегченію доступа крестьянамъ на торги по отдачѣ въ содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей, далеко не создаютъ для нихъ практической возможности воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и составляютъ, такъ сказать, полумѣру, которая можетъ осуществиться только въ очень рѣдкихъ случаяхъ и ужь конечно не въ состояніи возвысить замѣтнымъ образомъ доходъ отъ оброчныхъ статей. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо пересмотрѣть вновь наше законодательство объ оброчныхъ статьяхъ, уничтожить положительно систему торговъ и замѣнить ее отдачей крестьянамъ въ пользованіе за опредѣленную, по взаимному соглашенію, плату, не ограничивая ихъ права извѣстною суммою на каждаго рабочаго, а соразмѣряя количество земли съ рабочими силами каждаго общества. При этомъ не слѣдуетъ стѣсняться размѣромъ участка, если послѣдній окажется слишкомъ большимъ, а отводить изъ него количество десятинъ согласно желанію общества. Другими словами, дробленіе участковъ слѣдуетъ производить не въ силу кабинетныхъ соображеній, а на основаніи мѣстныхъ условій и потребностей. Если такимъ обра-

зомъ, за удовлетвореніемъ потребности мѣстныхъ крестьянъ, будутъ оставаться свободные участки, то необходимо вызывать переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей и наблюдать, чтобы казенныя земли поступали въ пользованіе тѣхъ лицъ, которыя прилагаютъ къ землѣ собственный, а не наемный трудъ.

Если мнѣ замѣтятъ, что подобная программа трудно выполнима для министерства государственныхъ имуществъ, то я противъ этого конечно спорить не буду, но замѣчу только, что оставлять дѣло въ томъ видѣ, какъ оно находится теперь, и довольствоваться доходомъ со всѣхъ казенныхъ оброчныхъ статей суммой около 6 милл. рублей не только трудно, но положительно невозможно, а потому надо что-нибудь дѣлать. Если же канцелярскимъ путемъ нѣтъ возможности добиться лучшихъ условій хозяйства, тогда слѣдуетъ передать послѣднее въ вѣдѣніе мѣстнаго земскаго управленія, которое, будучи знакомо со всѣми мѣстными условіями, конечно не затруднится выполнить подобную программу. Обстоятельство это напоминаетъ намъ предложеніе, которое дѣлало въ 1865 году правительству новоузенское земство. Оно предлагало выплатить правительству капитальную стоимость оброчныхъ статей, находящихся въ уѣздѣ, въ теченіе 20 лѣтъ, оцѣнивая ихъ въ 20 милліоновъ рублей, съ платежомъ ежегодно 6% на недоплаченную сумму, между тѣмъ какъ государство не получаетъ и третьей доли этой суммы. Въ проектѣ, составленномъ по этому поводу, предполагалось отдачей въ аренду этихъ земель покрыть не только уплату капитала и процентовъ, но и взносъ всѣхъ прямыхъ податей и земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ Новоузенскаго уѣзда. Проектъ этотъ, какъ мнѣ извѣстно, былъ одобренъ покойнымъ Государемъ Императоромъ, но не состоялся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе оппозиціи губернскаго земскаго собранія, которое, какъ видно, не успѣло еще понять дѣйствительной своей обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, если земскія учрежденія должны представлять собою органы самоуправленія и, какъ таковые, должны войти въ составъ общаго государственнаго управленія въ качествѣ мѣстныхъ органовъ центральной власти, необходимость чего положительно была доказана всѣми органами нашей печати, то этимъ учрежденіямъ безспорно должно быть не только присвоено право, но на нихъ должна быть возложена обязанность завѣдывать государственными имуществами, состоящими въ губерніи, какъ дѣломъ чисто хозяйственнымъ, которое должно быть ведено по соображенію съ

мѣстными условіями, подлежащими перемѣнамъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать законной регламентаціи, а слѣдовательно учету и контролю бюрократическаго центральнаго управленія. Передъ такимъ учетомъ и контролемъ распорядители государственными имуществами могутъ всегда скрыть не только безпечность и нераспорядительность, но даже безпорядки и злоупотребленія, такъ какъ всякая регламентація хозяйственнаго дѣла даетъ возможность прикрывать все это бумажною перепиской. Доказательствомъ этого прямо служитъ неподвижность цифры дохода отъ оброчныхъ статей, между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ времени арендная цѣна на земли частнаго владѣнія едва ли не утроилась.

Точно также и доходы отъ горныхъ заводовъ не представляютъ не только никакого возрастанія, но, напротивъ, указываютъ на его пониженіе, такъ какъ даже возвысившіеся въ послѣдніе два года доходы все-таки не достигаютъ цифры поступленій бывшихъ въ 1872 и 1873 годахъ. Министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ объясняетъ предположеніе объ увеличеніи этого дохода новыми правилами 1881 года о подесятинной платѣ съ золотыхъ пріисковъ измѣненіемъ правилъ взиманія пробирнаго сбора и увеличеніемъ частныхъ заказовъ на горныхъ заводахъ. Главный доходъ горныхъ заводовъ составляютъ заказы другихъ вѣдомствъ, а цифра расхода, назначеннаго на этотъ предметъ въ настоящей росписи, составляетъ 3.456.786 рублей. Изъ отчетовъ же государственнаго контроля видно, что наши горные заводы не успѣваютъ выполнять дѣлаемыхъ имъ правительственныхъ заказовъ и за послѣдніе два года изъ назначенныхъ по смѣтамъ работъ на 7.400.000 рублей они успѣли выполнить только на 4.200.000 руб., или по 2.100.000 рублей въ годъ. Поэтому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы дѣятельность нашихъ заводовъ увеличилась, а прочіе доходы, причисляемые къ этой статьѣ, возросли настолько, чтобы дойти до цифры 5.704.326 рублей, внесенной въ смѣту. Имѣя въ виду, что за исполненные горными заводами заказы другихъ вѣдомствъ въ 1880 году въ счетъ доходовъ съ горныхъ заводовъ поступила сумма въ 2.621.561 руб., и вычитая эту сумму изъ доходовъ этого года, по настоящей статьѣ получится 1.927.184 рубля другихъ доходовъ, отнесенныхъ къ этой статьѣ. Между тѣмъ если изъ предположенной цифры доходовъ вычесть среднюю сумму исполненныхъ заводами заказовъ, то приходится допустить, что поступ-

леніе прочихъ доходовъ возрастетъ до 3.604.000 руб., или увеличится болѣе чѣмъ на 1.677.000 руб., т. е. на 87%; что положительно невозможно.

Наконецъ, предполагать постоянное возрастаніе и лѣсныхъ доходовъ едва ли основательно, тѣмъ болѣе, что они не представляли и прежде постояннаго возрастанія и въ 1876 и 1877 годахъ значительно понижались. Возвышеніе ихъ въ послѣдніе три года послѣ войны можетъ быть отчасти объяснено временными и случайными причинами, которыя, какъ мнѣ кажется, повториться не могутъ и не должны. Я говорю о громадномъ количествѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе въ теченіе 1877 и 1878 годовъ, и вызванномъ имъ временномъ оживленіи промышленности, которая въ послѣдніе два года переходитъ къ застою. Весьма естественно, что это оживленіе вызвало спросъ и на лѣсные продукты и отразилось на возвышеніи казеннаго лѣснаго дохода, но на такое же возвышеніе въ будущемъ разсчитывать трудно. Очень можетъ быть, что лѣсной доходъ не упадетъ ниже цифры 1880 года; но чтобъ онъ возросъ до цифры 15.669.000 рублей, назначенной по росписи, ожидать нельзя.

Итакъ, оптимизмъ, господствующій въ государственной росписи за нынѣшній годъ, отразился и въ доходной смѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ; но насколько этотъ оптимизмъ разойдется съ дѣйствительностію, покажетъ будущее и я объ этомъ конечно ничего сказать не могу.

Что касается послѣдней статьи разбираемой мною рубрики доходовъ, а именно отъ желѣзныхъ дорогъ, то сюда могутъ относиться доходы желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ правительству, доходъ отъ Николаевской дороги за уплатою 7.200.000 руб. на проценты по облигаціямъ, доходы отъ Варшавско-Вѣнской и Тереспольской дорогъ, а также валовые сборы съ Ливенской и Харьково-Николаевской дорогъ. Если эта статья дохода и возросла въ сравненіи съ прошлогоднею смѣтой болѣе чѣмъ на 5½ милліоновъ рублей, то фактъ этотъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ это есть послѣдствіе включенія въ смѣту доходовъ Харьково-Николаевской дороги, которая, какъ извѣстно, не приноситъ никакого чистаго дохода, а напротивъ, въ виду необходимости увеличивать ея провозоспособность, должна давать дефицитъ, что, повидимому, и послужило для ея акціонеровъ побудительною причиной передать ее въ вѣдѣніе правительства. По

поводу этой статьи доходовъ можно замѣтить только одно, что наиболѣе доходная изъ нашихъ дорогъ, Николаевская, передана акціонерамъ главнаго общества и даже *съ правомъ* тратить въ свою пользу доходы, слѣдующіе по финансовымъ условіямъ правительству. Я говорю: *съ правомъ*— на томъ основаніи, что совѣтъ главнаго общества пользуется этимъ правомъ уже 12 лѣтъ и, какъ самъ онъ признается, употребилъ до 25 милл. рублей казенныхъ денегъ на такіе расходы, которые онъ долженъ производить на счетъ той доли дохода, которая ему предоставлена: между тѣмъ его не только никто не остановилъ и не останавливаетъ при подобныхъ тратахъ, но, сознавая неправильность дѣйствій совѣта, никто не рѣшается передать вопросъ на разсмотрѣніе суда, который одинъ компетентенъ разрѣшить этотъ вопросъ окончательно. Назначаютъ какую-то ревизіонную коммиссію, которая къ какимъ бы заключеніямъ ни пришла, все-таки не подвинетъ ни на іоту вопроса къ разрѣшенію. Положимъ, что коммиссія придетъ къ тому заключенію, что совѣтъ главнаго общества не имѣлъ права такъ дѣйствовать и что административныя власти вполнѣ согласятся съ такимъ взглядомъ. Но потомъ что же будетъ? Вѣдь не можетъ же совѣтъ общества согласиться съ подобнымъ заключеніемъ и общее собраніе конечно не рѣшится на самоубійство.—Иначе нельзя назвать признаніе своихъ собственныхъ распоряженій въ теченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ незаконными. И совѣтъ, и общее собраніе, конечно, будутъ утверждать до конца, что они имѣли право дѣлать то, что они дѣлали, и притомъ на виду у правительственныхъ лицъ. Спрашивается, что же будетъ далѣе и какъ администрація можетъ выйти изъ подобнаго положенія? Вѣдь нельзя же оставить дѣла безъ послѣдствій, когда администрація убѣдится, что общество дѣйствительно нарушило условія передачи дороги; нельзя также и лишить общество права пользованія дорогой по распоряженію административныхъ властей,—подобный образъ дѣйствій называется произволомъ. Стало-быть въ концѣ концовъ все же придется передать спорный вопросъ на разсмотрѣніе суда и, только заручившись его окончательнымъ опредѣленіемъ, можно начать дѣйствовать противъ главнаго общества. На этомъ основаніи, если въ административныхъ сферахъ возникъ вопросъ о незаконности дѣйствій главнаго общества, то прежде всего нужно предъявить къ обществу искъ объ убыткахъ по этому поводу, оставляя за правительствомъ право впослѣдствіи доказывать цифру этихъ

убытковъ въ порядкѣ исполнительнаго производства. По разрѣшеніи этого вопроса въ принципѣ судебною властію, всякая коммиссія, назначенная для опредѣленія цифры нанесеннаго казнѣ ущерба, приступила бы къ изслѣдованію дѣла съ развязанными руками, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, какъ будетъ разрѣшенъ вопросъ впослѣдствіи, и не присвоивая себѣ никакого права разрѣшать тотъ или другой юридическій вопросъ въ томъ или другомъ направленіи,— права, котораго она, какъ органъ административной власти, не имѣетъ и имѣть не можетъ; она явилась бы въ этомъ дѣлѣ исполнительнымъ органомъ судебнаго рѣшенія. Кромѣ того администрація могла бы требовать отъ суда, чтобъ онъ принялъ мѣры къ огражденію казеннаго интереса въ будущемъ и къ обезпеченію иска казны, по крайней мѣрѣ, въ той суммѣ, которая можетъ быть выведена ко дню иска на основаніи отчетовъ общества. Въ виду тѣхъ основаній, которыя имѣетъ администрація къ предъявленію иска, судъ, конечно, не могъ бы отказать правительству въ учрежденіи особаго контроля за доходами и расходами главнаго общества и въ арестѣ его чистаго дохода не только по Николаевской дорогѣ, но и по другимъ дорогамъ общества. Принятіе подобныхъ мѣръ является тѣмъ болѣе необходимымъ, что изъ балансовъ общества положительно видно, что чистый доходъ Николаевской дороги за истекшій годъ никогда не находится къ 1-му января слѣдующаго года на-лицо въ кассахъ общества или на текущихъ счетахъ въ банкахъ, а затраченъ на разныя работы и поставки; уплата съ девиденда акціонерамъ и правительству производится изъ доходовъ текущаго года и поэтому общество находится въ постоянномъ дефицитѣ на значительную сумму—около 8 милл. рублей.

Такимъ образомъ оказывается, что заднее дѣло у насъ идетъ напередъ и напрасно задерживаетъ рѣшеніе вопроса, а время уходитъ, главное общество пользуется тѣмъ временемъ, прикрывая свою несостоятельность доходами Николаевской дороги и раздувая доходы другихъ дорогъ на счетъ тѣхъ же доходовъ. Между тѣмъ г. Уайненсу, какъ главному акціонеру главнаго общества, дается полная возможность продать свои акціи русскимъ покупателямъ по дорогой цѣнѣ, тогда какъ онѣ при выкупѣ дорогъ въ 1887 году не могутъ имѣть никакой цѣны. Подобное положеніе дѣла тѣмъ печальнѣе, что все это происходитъ при стѣсненномъ положеніи государственнаго казначейства, въ виду котораго наиболѣе необходимыя для народа реформы откладываются за не-

достаткомъ средствъ и изыскиваются новые предметы обложенія. Такъ у насъ относятся къ дорогѣ наиболѣе доходной.

А вотъ другой примѣръ нашихъ отношеній къ дорогамъ несостоятельнымъ. Харьково-Николаевская дорога, акціи которой не были гарантированы, не приносила никакого чистаго дохода, общество не могло поддерживать дорогу въ порядкѣ и исполнять условіе, принятое имъ по концессіи, а именно—увеличивать провозоспособность дороги въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Правительство при такихъ условіяхъ, въ качествѣ главнаго акціонера, могло бы просто взять дорогу въ свое вѣдѣніе, не входя ни въ какія соглашенія съ остальными акціонерами. Но, повидимому, интересы послѣднихъ взяли верхъ и имъ были выданы, вмѣсто негарантированныхъ акцій, акціи государственныхъ дорогъ, пользующіяся 5°/₀ гарантіей правительства. Только по заключеніи этой сдѣлки дорога поступила въ вѣдѣніе правительства. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ интересы государственнаго казначейства приносятся въ жертву интересамъ акціонеровъ. Эти два примѣра далеко не одиноки: тѣ же взгляды преобладали при дарованіи гарантіи Югозападнымъ дорогамъ, а также при выдачѣ обществу Саратовской дороги четырехпроцентныхъ облигацій взамѣнъ гарантированныхъ земствомъ акцій. Если же принять въ соображеніе не одну юридическую сторону вопроса, но и нравственную, то наши акціонеры, конечно, не заслуживали бы ни малѣйшаго снисхожденія, въ особенности владѣльцы негарантированныхъ акцій или пользующіеся ограниченною гарантіей, такъ какъ эти акціи, не представляя вовсе биржевыхъ цѣнностей, спокойно хранятся въ портфеляхъ строителей желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что наши желѣзныя дороги строились исключительно на суммы облигаціоннаго капитала, безъ копѣйки взноса по акціямъ: это доказано мною въ другомъ мѣстѣ самымъ положительнымъ образомъ (см. издан. мною книгу: «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи», 1881 года). На этомъ основаніи вниманіе нашей администраціи къ интересамъ гг. желѣзнодорожниковъ и опасенія, что эти интересы пострадаютъ, являются совершенно излишними и, если можно такъ выразиться, положительно неумѣстными. Въ виду этой нравственной точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія, что наши административныя власти обязаны строго держаться тѣхъ юридическихъ правъ, которыя предоставлены имъ договоромъ, нисколько не ослабляя ихъ значенія въ видахъ снисходительно-

сти къ интересамъ частныхъ лицъ, какія бы послѣдствія ни возникали отсюда для этихъ лицъ. Всякое снисхожденіе и уступка могутъ быть допускаемы, при исполненіи извѣстныхъ условій, только въ такомъ случаѣ, когда существуетъ въ этомъ отношеніи взаимность. Но я утверждаю, что не было примѣра, чтобы желѣзнодорожные канцессіонеры или казенные подрядчики не воспользовались въ своихъ интересахъ всѣми логическими послѣдствіями ошибки, промаха административныхъ властей или неясности редакціи договора; на какомъ же основаніи они могутъ претендовать на другой способъ отношенія къ ихъ интересамъ и чѣмъ можетъ быть оправдываемъ этотъ способъ дѣйствій, если только онъ допускается со стороны администраціи? Вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе каждому мыслящему человѣку.

Мнѣ случалось иногда слышать и даже читать въ оффиціальныхъ бумагахъ такое мнѣніе, что это необходимо въ видахъ поддержанія нашего кредита за границей, въ видахъ привлеченія заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ вообще и къ желѣзнодорожному дѣлу въ особенности, и т. п. банальности. Прекрасно,— отвѣчаю я,—положимъ, такъ; но затѣмъ я позволю себѣ одинъ вопросъ: какія же послѣдствія произошли отъ подобной снисходительной политики?—Отвѣтъ на-лицо: пятидесятимилліонная приплата правительства по гарантіямъ желѣзнодорожнаго дохода и по недоимкамъ въ счетъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, съ прибавкою тѣхъ безурядицъ, которыя господствуютъ на нашихъ дорогахъ, и катастрофъ, вродѣ недавно совершившейся на Московско-Курской дорогѣ. Нельзя не согласиться, что излишній ежегодный расходъ въ пятьдесятъ милл. рублей отнюдь не можетъ вести къ благоустройству нашихъ финансовъ и къ поддержанію нашего кредита за границей, гдѣ капиталисты понимаютъ всю суть дѣла не хуже, а можетъ-быть и лучше нашего.

Перехожу къ разсмотрѣнію четвертаго отдѣла государственныхъ доходовъ, а именно—поступленія разнаго рода. Хотя сумма этихъ доходовъ представляетъ довольно видную цифру въ нашемъ бюджетѣ, а именно 49.158.117 руб., но двѣ статьи изъ этихъ доходовъ: пособія государственному казначейству и доходы разнаго рода, составляющіе вмѣстѣ сумму болѣе чѣмъ въ 24 милл. рублей, не могутъ вызывать какихъ-либо особыхъ соображеній, на томъ основаніи, что первая статья поступаетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, а вторая представляетъ очень разнород-

ныя и случайныя поступленія. Изъ числа остальныхъ доходовъ этой категоріи обращаютъ на себя вниманіе поступленія на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и возвратъ ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ. Что касается первой статьи, то она предположена въ 10.931.124 руб. и чрезвычайно рельефно рисуетъ картину нашего желѣзнодорожнаго дѣла и тѣхъ выгодъ, которыя намъ судили отъ постройки рельсовыхъ путей. Сопоставляя эту цифру съ суммой, опредѣленной по той же росписи на уплату процентовъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и доходящей до 51.924.728 руб., можно опредѣлить съ точностію, какой убытокъ несетъ государственное казначейство отъ одного неплатежа процентовъ по облигаціонному капиталу, не считая тѣхъ 13.704.000 руб., которые назначены на платежъ гарантированнаго обществамъ дохода. Мнѣ конечно возразятъ, что государство не можетъ смотрѣть такъ узко на свои интересы и если оно производитъ траты изъ своего бюджета, то это съ лихвой вознаграждается тѣми выгодами, которыя приносятъ желѣзныя дороги частнымъ лицамъ. Такое возраженіе было бы совершенно основательно, еслибъ у насъ государственный бюджетъ оплачивался тѣми же лицами, которыя имѣютъ выгоду отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Но дѣло въ томъ, что у насъ оплачиваютъ бюджетъ одни, а выгоды получаютъ другіе, поэтому и результаты выходятъ вовсе не тѣ, которыхъ ожидали. Громадное большинство бѣднѣетъ, а отдѣльныя личности наживаются. Даже производительная промышленность наша развивается очень туго, что бы ни представляла собою наша выставка. Шила въ мѣшкѣ не утаишь и обманывать себя нечего. Въ обыденной жизни у насъ нѣтъ такихъ произведеній ни по качеству, ни по цѣнѣ, какія представляются на выставкѣ: это—казовый конецъ, который приготовляется нарочно для этой цѣли, а потому и нѣтъ ничего мудренаго, что онъ и хорошъ, и дешевъ. Еслибы наша промышленность дѣйствительно была тѣмъ, какъ она представлена на выставкѣ, то какимъ образомъ можно объяснить требованіе нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ о постоянномъ повышеніи ввозныхъ пошлинъ? Наша обработывающая промышленность не можетъ развиваться, потому что мы, при нашей бѣдности капиталами, совершенно забыли, что желѣзныя дороги составляютъ только средства для развитія промышленности, и притомъ далеко не главное, и стянули въ очень короткій періодъ времени къ этому дѣлу всѣ средства страны, такъ что на раз-

витіе самаго производства у насъ не осталось ничего или очень мало. Статистика подтверждаетъ эти выводы очень краснорѣчивыми цифрами, изъ которыхъ прямо видно, что, несмотря на возрастаніе суммы производства, количество рабочихъ рукъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и сумма заработной платы или вовсе не увеличивается, или возрастаетъ очень медленно, далеко не въ той пропорціи, въ какой увеличивается стоимость продуктовъ производства. Такимъ образомъ часть, приходящаяся на долю рабочаго изъ общей стоимости продуктовъ, становится меньше, а слѣдовательно уровень благосостоянія большинства населенія, относительно меньшинства, понижается. Въ этихъ замѣткахъ по поводу государственной росписи не мѣсто приводить данныя нашей промышленной статистики въ подтвержденіе этого вывода; желающіе же его повѣрить могутъ найти цифры въ любомъ статистическомъ трудѣ о нашей заводской и фабричной промышленности. Я имѣю въ виду доказать только то, что наши желѣзныя дороги, требующія такихъ громадныхъ жертвъ со стороны государственнаго бюджета, оплачиваемаго преимущественно рабочимъ классомъ, приносятъ выгоду только землевладѣльцамъ и торговцамъ, платящимъ въ государственный доходъ относительно ничтожныя суммы. Но мнѣ быть-можетъ замѣтятъ, что наши крестьяне должны быть причислены также къ землевладѣльцамъ, такъ какъ они располагаютъ количествомъ земли даже большимъ, чѣмъ отдѣльные собственники. Разница, однако-жъ, состоитъ въ томъ, что крестьянинъ получаемый имъ хлѣбъ употребляетъ на собственное продовольствіе и что поэтому онъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, возвышается или нѣтъ стоимость его надѣла или доходъ съ него. Всякое возвышеніе стоимости поземельной собственности и ея доходности отразится на немъ невыгодно настолько, насколько надѣлъ его ограниченъ и насколько онъ будетъ поставленъ въ необходимость, въ видахъ пополненія средствъ продовольствія, или нанимать недостающее ему количество земли, или пріобрѣтать хлѣбъ покупкою. На этомъ основаніи наши желѣзныя дороги отнюдь не содѣйствовали развитію благосостоянія въ массѣ населенія, а напротивъ понизили его уровень. Но этого мало: онѣ не могли также содѣйствовать и развитію нашей обработывающей промышленности, такъ какъ отвлекали отъ нея тѣ капиталы, которые могли служить къ ея развитію, тѣмъ болѣе, что съ усиленіемъ постройки желѣзныхъ дорогъ всегда совпадаетъ развитіе банковыхъ и биржевыхъ спе-

куляцій, которыя конечно притягиваютъ къ себѣ всѣ накопляемыя сбереженія и не имѣютъ никакой надобности содѣйствовать развитію промышленнаго производства. Это явленіе общеизвѣстное и не требующее доказательствъ.

Другая статья этой категоріи доходовъ, на которую я обратилъ вниманіе читателя, это—возвратъ ссудъ, сдѣланныхъ изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства по разнымъ случаямъ. По росписи поступленіе такихъ доходовъ предположено въ 5.456.786 руб., почти на два милліона болѣе чѣмъ въ прошломъ году и на 2.346.000 руб. болѣе противъ дѣйствительнаго поступленія этого дохода въ 1880 году. Министръ финансовъ объясняетъ это предположеніе въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ «причитающеюся казнѣ уплатой въ 1.437.354 руб. долга, числящагося на проданныхъ Сергинско - Уфалейскихъ заводахъ, увеличеніемъ на 321.239 руб. ожидаемыхъ уплатъ отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода, а также по среднему выводу поступленія въ послѣднемъ трехлѣтіи сверхсрочныхъ взносовъ бывшихъ Государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ за данныя имъ въ надѣлъ земли». Изъ этого объясненія видно, что поступленія эти слагаются изъ уплатъ не только по долгамъ государственному казначейству, числящимся по книгамъ распорядительныхъ управленій, но и по ссудамъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, отпущеннымъ изъ общихъ доходовъ государства. Посмотримъ же, какъ великъ долгъ государственному казначейству, числящійся по этимъ счетамъ, въ уплату котораго предположено на нынѣшній годъ поступленіе не многимъ болѣе 5 милл. рублей. Къ 1880 году по счетамъ распорядительныхъ управленій, какъ значится въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля за 1879 годъ, оставалось 59.437.223 р., да за желѣзнодорожными обществами числилось по ссудамъ на уплату процентовъ по гарантіи 190.353.155 руб., по ссудамъ на окончаніе постройки дорогъ 68.357.706 р. и за уступленныя обществамъ запасы и матеріалы 3.346.829 рублей. Кромѣ того по счетамъ казначейства значится долговъ государственному казначейству 94.812.966 руб., изъ которыхъ значительная часть образовалась также изъ разныхъ заимообразныхъ выдачъ приблизительно на сумму около 20 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ общая сумма ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ, составляетъ болѣе чѣмъ 340 милл. руб. и въ уплату этой громадной суммы разсчитывается полу-

чить только 5 милл. руб. *), или около 1½%. Что же слѣдуетъ сказать въ виду этихъ цифръ? Причиной такого неуспѣшнаго поступленія можетъ быть одно изъ двухъ: или въ счетахъ нашихъ казначействъ и распорядительныхъ управленій остаются записанными такіе долги, которые безнадежны къ поступленію и, слѣдовательно, напрасно обременяютъ счетоводство распорядительныхъ управленій, министерства финансовъ и государственнаго контроля, или же положительное невниманіе къ успѣшному поступленію этихъ долговъ. Если даже исключить долги желѣзнодорожныхъ обществъ по гарантіи и на окончаніе постройки дорогъ на сумму 258 милл. руб., такъ какъ уплата этихъ долговъ обусловливается извѣстнымъ размѣромъ доходности дорогъ, то и тогда правильность сказаннаго мною будетъ не менѣе очевидна. Такъ, напримѣръ, въ 1879 году въ уплату по этимъ двумъ счетамъ поступила сумма въ 1.784.054 рубля (Отчетъ государ. контроля, стр. 68 и 69). За исключеніемъ этой суммы, вмѣстѣ съ суммой, указанной мною въ подстрочномъ примѣчаніи, изъ суммы, предположенной по смѣтѣ, получается 3.132.855 р. Но, въ виду приведеннаго выше объясненія министра финансовъ, въ которомъ указывается на особое поступленіе въ размѣрѣ 1.437.354 руб., необходимо заключить, что долгъ за продажу Сергинско-Уфалейскихъ заводовъ не числился въ прежнихъ счетахъ распорядительныхъ управленій и ожиданіе такого поступленія не входило въ смѣты прежнихъ лѣтъ. На этомъ основаніи въ уплату ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействамъ въ 82 слишкомъ милліона рублей, ожидается всего 1.695.000 руб. Очевидно, что въ правильности и своевременности возврата ссудъ у насъ никто не заинтересованъ.

Говоря о долгахъ государственному казначейству, позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе о безпорядочности счетовъ кредитной канцеляріи, по которымъ, какъ извѣстно, составляются вѣдомости въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля безъ провѣрки ихъ со счетами казначействъ, служащихъ основаніемъ для самаго отчета. Такъ за 1879 годъ по приложенію къ отчету, стр. 108 и 109, значится поступившихъ въ возвратъ по ссудамъ на гарантію дохода и на постройку дорогъ 1.586.874 руб. 92 коп.,

---

*) И даже менѣе этой суммы, такъ какъ досрочные платежи Государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ въ 1880 году поступили въ количествѣ 529.945 рублей (Отчетъ государственнаго контроля, стр. 70 и 71) и долги эти не входятъ въ указанные мною счеты.

между тѣмъ какъ въ отчетѣ по смѣтѣ особенной канцеляріи по кредитной части, по § 1, ст. 2 п. *а* и *б*, поступило 1.784.054 руб. 88 коп., т. е. оказывается разница почти на 200.000 руб. Затѣмъ по счету недоимокъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала по приложенію къ отчету, стр. 110 и 111, значится поступившихъ въ металлической валютѣ 2.771.336 руб. 64 коп.; между тѣмъ по отчету, стр. 70 и 71, отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ открытыхъ для движенія, по § 2 ст. 2 пункта *а*, поступило кредитныхъ 9.702.882 руб. 85 коп.

Если въ самомъ счетоводствѣ замѣчается подобная небрежность, то конечно нечего говорить о какой-либо заботливости о дѣлѣ по существу, т. е. о наблюденіи за правильностію и своевременностію поступленія суммъ. Но мнѣ странно, какъ государственный контроль, печатая свои отчеты во всеобщее свѣдѣніе, не замѣчаетъ той разницы, которая оказывается между его собственными счетами и тѣми вѣдомостями, которыя онъ получаетъ изъ кредитной канцеляріи. А замѣтить эту разницу, повидимому, не трудно.

Объ остальныхъ доходахъ этой категоріи я говорить не буду, какъ по незначительности ихъ, такъ и потому, что не желаю утомлять вниманіе читателя. Но о доходахъ Закавказскаго края считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, потому что, несмотря на возрастаніе этихъ доходовъ, они далеко не покрываютъ расходовъ на содержаніе одного гражданскаго управленія края, помимо расходовъ военнаго вѣдомства, и это черезъ двадцать лѣтъ послѣ совершеннаго замиренія края. Такого примѣра мы не видимъ не только на окраинахъ другихъ европейскихъ государствъ, но даже въ отдѣльныхъ колоніяхъ. Вотъ таблица этихъ доходовъ за десять лѣтъ:

Годы.	Рубли.	Годы.	Рубли.
1871	5.241.702	1876	7.492.059
1872	5.831.554	1877	7.122.120
1873	5.828.306 *)	1878	8.754.250
1874	6.505.355	1879	8.765.158
1875	6.539.646	1880	7.953.725.

*) Въ отчетѣ государств. контроля за 1873 годъ этихъ доходовъ показано 8.803.333 руб.; но такъ какъ въ эту сумму включено единовременное поступленіе за переданные въ частные руки нефтяные источники въ суммѣ 2.975.027 рублей, то я не счелъ возможнымъ причислять его въ сравнительной вѣдомости къ обыкновеннымъ и постояннымъ доходамъ.

Изъ этой таблицы видно, что доходы Закавказскаго края возрастали только до 1879 года. Въ этомъ же году они стали понижаться, такъ какъ къ суммѣ, показанной за этотъ годъ, отнесены доходы Батумской и Карской областей за 1878 годъ (Объяснит. зап. къ отчету госуд. контр., стр. 21), слѣдовательно доходы этого года въ дѣйствительности были ниже доходовъ 1878 года, а въ 1880 году они понизились на 861 тыс. рублей. Причины этого пониженія не есть временныя или случайныя, такъ какъ, объясняя ихъ, государственный контроль указываетъ на пониженіе податнаго сбора, вслѣдствіе выселенія мусульманъ изъ Батумской и Карской областей, а также на пониженіе таможеннаго и питейнаго дохода, и недоборъ въ пособіи казнѣ изъ суммъ земскаго сбора. Такое общее пониженіе всѣхъ главныхъ статей дохода не можетъ зависѣть отъ причинъ временныхъ, а указываетъ на серьезное пониженіе уровня общаго благосостоянія края. Это мнѣніе, повидимому, раздѣляетъ какъ мѣстная администрація, такъ и центральное финансовое управленіе, потому что въ слѣдующіе два года они вовсе не увлекались значительнымъ возрастаніемъ доходовъ въ 1878 и 1879 годахъ и вносили въ смѣты на слѣдующіе два года умѣренныя цифры, а именно: на 1881 годъ—7.182.934 р., а на 1882 г.—7.334.548 рублей. Такимъ образомъ сумма ожидаемаго дохода, несмотря на присоединеніе къ краю двухъ областей съ приморскимъ портомъ, производившимъ значительную торговлю, не только не увеличилась въ сравненіи съ 1876 годомъ, но сокращалась. Такое предположеніе смѣты, по всей вѣроятности, будетъ совпадать съ дѣйствительностью, такъ какъ усиленное поступленіе доходовъ въ 1878 и 1879 годахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться нормальнымъ и есть слѣдствіе громадныхъ тратъ правительства въ незначительномъ районѣ Закавказскаго края въ военное время. Само собой разумѣется, что въ виду этихъ тратъ количество денежныхъ знаковъ сильно возросло на рынкѣ этой мѣстности и должно было необходимо явиться въ избыткѣ во всѣхъ каналахъ денежнаго обращенія, а въ томъ числѣ и въ кассахъ государственнаго казначейства. Но избытокъ денежныхъ знаковъ конечно долженъ былъ отхлынуть съ теченіемъ времени къ тѣмъ центрамъ нашего отечества, гдѣ болѣе развита промышленная и биржевая операція, оставивъ послѣ себя только пертурбацію, произведенную въ краѣ всеобщимъ возрастаніемъ цѣнъ на предметы потребленія, то-есть понизивъ уровень благосостоянія всѣхъ

классовъ общества, что конечно и должно было выразиться уменьшеніемъ даже прежней доходности государства, несмотря на присоединеніе двухъ провинцій. Но къ этому необходимо еще присоединить и тѣ порядки, которые мы установили въ новопріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ, о которыхъ такъ много писали мѣстные корреспонденты и отъ которыхъ жители переселяются въ Турцію.

Впрочемъ къ подробностямъ смѣты доходовъ Закавказскаго края я буду имѣть случай возвратиться въ концѣ разсмотрѣнія государственной росписи, такъ какъ смѣта доходовъ и расходовъ этого края составляется отдѣльно отъ общей смѣты. При разсмотрѣніи же подробностей расходной смѣты быть-можетъ получатся данныя, которыя разъяснятъ не только причины упадка нѣкоторыхъ статей дохода, но и вообще ненормальнаго финансоваго положенія края.

Этимъ я оканчиваю разсмотрѣніе смѣты доходовъ на 1882 годъ и въ заключеніе считаю необходимымъ резюмировать сдѣланныя мною замѣчанія и выводы. Общая сумма государственнаго дохода предположена въ 654 милліона рублей, и хотя она превышаетъ поступившую въ 1880 году всего на 3 милл. руб., но, какъ видѣлъ читатель, мною представлены довольно вѣскія соображенія, что она не лишена преувеличеній по многимъ статьямъ. Дѣло въ томъ, что 1880 годъ несъ на себѣ еще въ значительной степени послѣдствія громаднаго выпуска кредитныхъ билетовъ, сдѣланнаго въ теченіе 1877 и 1878 годовъ, вслѣдствіе котораго были переполнены всѣ каналы денежнаго обращенія, а въ томъ числѣ и кассы государственнаго казначества. Но это переполненіе уже и въ томъ году стало сокращаться, что и выразилось въ уменьшеніи доходовъ противъ 1879 года почти на 11 милліон. рублей. Въ теченіе же настоящаго года, съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія и во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, налоги въ прежнихъ размѣрахъ обложенія должны бы возвратиться къ нормальному своему положенію, т. е. къ тому, въ которомъ они находились въ 1876 году. Но такъ какъ въ послѣдніе годы нѣкоторые налоги возвышены и установлены новые, то, по всей вѣроятности, общая сумма доходовъ не упадетъ настолько, чтобы сравняться съ указаннымъ годомъ. Во всякомъ же случаѣ можно положительно утверждать, что всѣ эти надбавки къ прежнимъ налогамъ и вве-

деніе новыхъ являются такими ничтожными палліативами, которые не въ состояніи будутъ пополнить недоборы, вслѣдствіе паденія цѣнности кредитнаго рубля и вздорожанія всѣхъ предметовъ потребленія, т. е. вслѣдствіе оскудѣнія того класса русскаго населенія, который несетъ на себѣ центръ тяжести нашего бюджета, такъ какъ его заработокъ или вовсе не увеличился, или увеличился далеко не въ той степени, какъ возросла стоимость удовлетворенія его безусловно необходимыхъ потребностей.

Такой выводъ имѣетъ за себя тѣмъ болѣе основаній, что надбавки, на которыя наиболѣе можетъ разсчитывать наше финансовое вѣдомство, обращаются на прежнихъ плательщиковъ и притомъ наименѣе состоятельныхъ изъ всѣхъ классовъ общества. Сюда относится надбавка акциза на вино. Подобная мѣра если и дастъ излишній доходъ въ первый годъ (въ виду того обстоятельства, что заводчики будутъ продолжать винокуреніе въ прежнихъ размѣрахъ и, слѣдовательно, обязаны будутъ оплатить прежнее количество градусовъ), но понизитъ доходъ въ слѣдующихъ годахъ, на томъ простомъ основаніи, что возвышеніе налога на предметы потребленія необходимо ведетъ къ сокращенію ихъ потребленія, и притомъ въ большей пропорціи, чѣмъ послѣдовало возвышеніе, въ виду того обстоятельства, что всякій налогъ возвышаетъ стоимость предмета болѣе, чѣмъ на сумму налога. Такимъ образомъ подобную надбавку я считаю только проживаніемъ будущихъ доходовъ, получая ихъ впередъ изъ оборотнаго капитала страны, и безъ того ими бѣдной. Чтò бы вы сказали, читатель, еслибъ узнали, что такой-то хозяинъ продаетъ урожаи будущихъ лѣтъ для удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей текущаго года? То же можно сказать и о прибавкѣ акциза на вино, и безъ того настолько высокаго, что подобнаго примѣра нѣтъ ни въ одномъ государствѣ. Еще съ большимъ основаніемъ можно указать на безполезность возвышенія нормы обложенія въ таможенномъ доходѣ, — возвышенія, предпринимаемаго въ видахъ увеличенія государственнаго дохода. При покровительственномъ и охранительномъ характерѣ таможеннаго тарифа возвышеніе нормы обложенія всегда даетъ не увеличеніе, а уменьшеніе дохода. Это показалъ даже нашъ собственный опытъ въ 1881-мъ году. Съ уничтоженіемъ налога на соль, наше финансовое вѣдомство предположило пополнить этотъ недоборъ возвышеніемъ тарифа на 10%; въ результатѣ же ока-

залось, что доходъ 1881 года не только не увеличился, но понизился на 20% противъ предыдущаго года. Такъ всегда бываетъ съ тѣми мѣрами, которыя не соотвѣтствуютъ общепринятымъ положеніямъ финансовой науки. При установленіи новыхъ налоговъ мы также не избѣгли ошибокъ, хотя и въ другомъ родѣ, но имѣвшихъ въ результатѣ тоже не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія. Я говорю о налогѣ на пассажировъ и товары большой скорости. Если мы возьмемъ прогрессъ этихъ доходовъ на желѣзныхъ дорогахъ до установленія новаго налога и предположимъ, что они могли возрастать, по меньшей мѣрѣ, въ той же прогрессіи, то увидимъ, что разница между дѣйствительнымъ ихъ поступленіемъ и тѣмъ, которое было возможно при сдѣланномъ предположеніи, поглощаетъ бо́льшую половину дохода; а такъ какъ возрастаніе этихъ доходовъ съ развитіемъ движенія должно было впослѣдствіи увеличиваться быстрѣе, чѣмъ прежде, то можно допустить, что эта разница долеко оставитъ за собою цифру приносимаго налогомъ дохода. Я не имѣю въ настоящее время готовыхъ цифръ для подтвержденія этого положенія, но, по нѣкоторымъ дорогамъ, съ отчетностію которыхъ я имѣлъ случай познакомиться подробно, цифры приводятъ именно къ такому заключенію. А такъ какъ наши желѣзныя дороги существуютъ на счетъ правительственныхъ гарантій и субсидій, то всякій недоборъ въ ихъ доходахъ отражается на приплатѣ правительства, и очень не далеко то время, когда эта прибавка приплатъ будетъ поглощать всю сумму государственнаго налога, который даже въ лучшемъ случаѣ будетъ играть только ту роль, что будетъ напрасно возвышать цифру доходнаго и расходнаго бюджета.

Нѣтъ, такими полумѣрами нельзя поправить нашего финансоваго положенія: ими только затягивается крѣпче тотъ узелъ, развязка котораго предстоитъ въ будущемъ, и сдѣлается тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше мы потеряемъ драгоцѣннаго времени въ погонѣ замазать какъ-нибудь оказывающіяся трещины въ нашемъ финансовомъ зданіи, не прибѣгая къ радикальнымъ реформамъ. Не мало, кажется, подаетъ намъ исторія примѣровъ подобныхъ неудавшихся попытокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что реформа, желательная для всѣхъ въ извѣстный моментъ, можетъ предотвратить много бѣдствій; но, будучи отсрочена, становится недостаточною и не можетъ вызвать тѣхъ спасительныхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ нея прежде. Наша печать давно уже твердитъ, что намъ необходимо перестроить

казенныя начала нашего бюджета введеніемъ подоходнаго налога въ размѣрахъ, которые дали бы возможность разомъ уничтожить всѣ виды подушной подати и покрыть существующій дефицитъ,—не тотъ дефицитъ, который показанъ въ текущей росписи, а дѣйствительный. Я говорю это на томъ основаніи, что ни одинъ человѣкъ, знакомый съ исторіей европейскихъ финансовъ, не можетъ допустить, чтобы государство, безъ особенныхъ радикальныхъ реформъ, въ одинъ годъ могло перейти отъ дефицита слишкомъ въ 80 милл. руб. къ дефициту въ 3½ милл. руб. Такія чудеса въ практической жизни не совершаются: даже при радикальномъ преобразованіи нашего бюджета послѣдствія могутъ оказаться не вдругъ, тѣмъ болѣе, что они въ значительной степени будутъ зависѣть отъ болѣе производительнаго употребленія государственныхъ средствъ. Но главное, что должно быть положено въ основу нашей финансовой политики, это—совершенное прекращеніе поддержки и поощренія крупной промышленности и торговли, изъ которыхъ первая вноситъ физическій и нравственный маразмъ въ среду нашего рабочаго класса *), со всѣми угрожающими его послѣдствіями для государственнаго организма, а другая создаетъ кулаковъ и міроѣдовъ, при посредствѣ которыхъ крупные капиталы опоражниваютъ крестьянскіе карманы отъ заронившихся туда копѣекъ и рублей и заставляютъ нашъ бѣдный людъ сплошь и рядомъ замѣнять хлѣбъ лебедой или подобными суррогатами. Необходимо создать такой порядокъ вещей, который прекратилъ бы возможность размноженія этихъ мелкихъ насосовъ, выкачивающихъ народныя средства въ большія цистерны, доступныя только нѣкоторымъ избраннымъ.

Но этого мало. Зло настолько проникло уже въ жизнь, что одно воздержаніе отъ покровительства крупному капиталистическому производству не спасетъ народа отъ угрожающей ему будущности: самъ по себѣ онъ не въ состояніи вести борьбу противъ знанія и капитала, для котораго такъ много сдѣлано нашимъ законодательствомъ. Теперь наступилъ моментъ, когда необходимо оказать дѣятельное содѣйствіе самостоятельному труду рабочаго класса рядомъ мѣропріятій, способныхъ уменьшить для

---

*) При этомъ я позволяю себѣ обратить вниманіе на труды гг. Эрисмана и Погожева, изданные московскою земскою управой, или по крайней мѣрѣ на статью г. Абрамова, въ мартѣ и апрѣлѣ *Отечественныхъ Записокъ* за настоящій годъ. Въ виду указанныхъ въ этихъ трудахъ фактовъ мое выраженіе окажется слишкомъ блѣднымъ.

него значеніе двухъ перспективъ, открывающихся передъ нимъ: или голодать, или запродавать свой трудъ задолго впередъ. Къ числу такихъ мѣропріятій, помимо облегченій податныхъ тягостей и увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, я отношу широкое развитіе народнаго кредита подъ круговою отвѣтственностію артелей, въ видахъ поощренія самостоятельному, но отнюдь не наемному производству всякаго рода. Только такая политика можетъ предохранить насъ отъ кризиса, который если и наступаетъ, то еще не разразился вполнѣ. Мнѣ остается пожелать, чтобы наши руководители не потеряли напрасно остающагося имъ впереди времени. А времени этого немного!

А. Головачовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новый портретъ В. Г. Бѣлинскаго.

До сихъ поръ не было сходнаго портрета *В. Г. Бѣлинскаго*. По какой-то странной случайности послѣ него не осталось даже дагерротипа. Въ публикѣ обращается, въ фотографическихъ снимкахъ, безобразнѣйшая передѣлка литографіи художника Горбунова. Послѣдняя тоже не отличается сходствомъ, а только напоминаетъ Бѣлинскаго и теперь стала большою рѣдкостью. Съ покойнаго была снята маска, но болѣзнь и смерть такъ измѣнили его черты, что онъ по ней почти неузнаваемъ. Довольно удачный (конечно, я имѣю въ виду одно лишь сходство) бюстъ Бѣлинскаго сдѣланъ профессоромъ Ге гораздо позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, по этой маскѣ и по указаніямъ друзей покойнаго.

При помощи такихъ-то скудныхъ данныхъ, а также воспоминаній и разсказовъ нѣсколькихъ оставшихся еще въ живыхъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, задумалъ возсоздать его образъ и московскій художникъ И. А. Астафьевъ. Я видѣлъ выполненный имъ рисунокъ въ подлинникѣ и въ фототипическомъ снимкѣ и, какъ бывшій ученикъ и другъ покойнаго, могу засвидѣтельствовать, что дорогія его черты переданы съ большою вѣрностью и очень живо его напоминаютъ. Рисунокъ И. А. Астафьева, по сходству, далеко оставляетъ за собою все, что мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть, не исключая и бюста профес. Ге.

Нельзя довольно благодарить г. Астафьева за трудъ, который, какъ пойметъ всякій, дался ему не легко и не вдругъ. Исполнилъ онъ его какъ разъ во-время. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и не станетъ современниковъ Бѣлинскаго, а съ ними замрутъ и устныя преданія, безъ которыхъ едва ли было бы возможно сохранить для будущаго времени живой образъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской культуры во второй четверти девятнадцатаго вѣка.

К. Кавелинъ.

Май 1881 г.

О новыхъ книгахъ.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Путевыя впечатлѣнія. *К. Скальковскаго.* Спб. 1881 г.

Какъ извѣстно, общество добровольнаго флота рѣшило установить торговыя сношенія между портами черноморскими и Восточной Сибири, Китая, Японіи. Съ этою цѣлью въ 1880 году оно послало въ Тихій океанъ свой пароходъ «Москва».

Г. Скальковскій, авторъ названной книжки, вздумалъ предпринять путешествіе на этомъ пароходѣ съ цѣлью изслѣдовать русскую торговлю въ Тихомъ океанѣ. Во время путешествія онъ писалъ корреспонденціи въ одну изъ петербургскихъ газетъ и, вернувшись, собралъ ихъ въ отдѣльную книжку и издалъ подъ названіемъ: «Вокругъ свѣта».

Данное названіе объясняется слѣдующимъ маршрутомъ автора: въ Тихій океанъ онъ выѣхалъ изъ Одесскаго порта черезъ Константинополь, Архипелагъ, Суэзскій каналъ, Красное море, Индійскій океанъ, Сингапуръ, во Владивостокъ. Побывавши въ Нанкинѣ, Шанхаѣ и Японіи, онъ направился въ обратный путь черезъ Америку.

Автору, разумѣется, пришлось видѣть,—еслибы даже онъ и не особенно объ этомъ старался,—много любопытнаго, заслуживающаго занесенія въ записную книжку. Но надо замѣтить, что онъ не особенно разборчивъ на записи, нерѣдко вноситъ массу давно извѣстнаго, знакомаго, а часто и совсѣмъ безъинтереснаго. Наприм., стоянка парохода въ Одесскомъ портѣ, да и вообще сообщенія объ Одессѣ, которую авторъ именуетъ «въ полномъ смыслѣ слова» *раемъ для мужиковъ* (стр. 3).

Корреспонденціи становятся несравненно интереснѣе, когда авторъ очутился въ Китаѣ. Здѣсь онъ, хотя слегка, даетъ нѣкоторое понятіе о жизни посѣщаемыхъ имъ народовъ, останавливается на любопытной дѣятельности католическихъ миссіонеровъ и разсказываетъ, что они свою ревность къ христіанству доводятъ иногда до смѣшного. Желая во что бы то ни стало сильнѣй распространить между китайцами христіанское

вѣроисповѣданіе, миссіонеры прибѣгаютъ къ воровству китайскихъ дѣтей, крестятъ ихъ и воспитываютъ подъ особымъ надзоромъ. Съ послѣднею цѣлью у нихъ основано общество «De la sainte enfance». Чтобы ближе подойти къ китайцамъ и сильнѣй расположить ихъ въ свою пользу, католическіе миссіонеры подлаживаются къ нимъ даже во внѣшности—въ головной прическѣ. Въ Китаѣ можно видѣть католическихъ священниковъ съ косами и шапочками на головѣ. Мало этого: можно видѣть на иконахъ Іисуса Христа «въ китайскомъ костюмѣ съ косою на затылкѣ» (стр. 65).

Тѣ изъ своеобразныхъ китайскихъ обычаевъ, которые рѣзко бросаются въ глаза европейцу, авторъ не проходитъ молчаніемъ и обращаетъ на нихъ вниманіе читателя. Онъ разсказываетъ, что на улицахъ въ Китаѣ ходятъ джентльмены и предлагаютъ прохожимъ свои услуги стричь ногти и чистить уши. Для той и другой операціи существуетъ множество инструментовъ, да и самая операція обыкновенно совершается съ особою тщательностью и обстоятельностью.

Но всего интереснѣе разсказъ о собираніи и приготовленіи чая. Сборъ чая начинается съ ранней весны и продолжается вплоть до осени. Самымъ лучшимъ чаемъ считается чай ранняго сбора, худшимъ—осенній. Сложенный въ кучи, чайный листъ начинаетъ бродить, затѣмъ чернѣетъ и сохнетъ подъ вліяніемъ жаркихъ лучей солнца и, разумѣется, свертывается. Тѣ же листья, которые по чему-либо не свернулись, «свертываютъ пальцами ногъ». Въ такомъ видѣ чай идетъ на фабрики. Здѣсь его поджариваютъ на жаровняхъ, затѣмъ просѣиваютъ и отбираютъ отъ него черешки и испорченные листочки. На фабрикахъ этимъ дѣломъ заняты женщины и дѣти. Затѣмъ уже его укладываютъ въ ящики, устланные свинцомъ. Чтобы больше помѣстить въ ящикъ, китайцы, совсѣмъ раздѣтые, уминаютъ чай голыми ногами, причемъ, какъ говоритъ авторъ, совершенно обливаются потомъ.

Изъ подробнаго описанія чайной операціи видно, что положеніе женщины на китайской чайной фабрикѣ крайне плачевно. Особыхъ помѣщеній для рабочихъ,—какъ, наприм., наши фабричныя каморки, замѣняющія спальни, — на китайскихъ фабрикахъ совсѣмъ нѣтъ, потому грудныя и вообще малолѣтнія дѣти вертятся тутъ же возлѣ матери, въ мастерской. Ея вниманіе отъ дѣла безпрестанно отвлекается, да и ребенокъ отъ этого не особенно выигрываетъ: мать руками разбираетъ чай, ногой раскачиваетъ люльку, а языкомъ даетъ нагоняй то тому, то другому изъ своихъ малолѣтнихъ. Отъ отсутствія особыхъ помѣщеній для фабричныхъ всего болѣе страдаетъ чистота приготовленія чая. Нерѣдко маленькія дѣти, зарывшись тутъ же въ чайные листья, спятъ крѣпкимъ сномъ. За неимѣніемъ особыхъ столовыхъ, обѣдать рабочимъ приходится тутъ же среди чайныхъ листьевъ, съ которыми обычно смѣшиваются и попадаютъ въ общую кучу остатки обѣда.

Изъ Ханькоу — главнаго центра чайной торговли китайцевъ съ русскими—авторъ уводитъ читателя въ Шанхай, гдѣ живетъ очень много англичанъ, гдѣ существуетъ клубъ съ газетами, билліардомъ, разными играми, завтракомъ, обѣдами изъ нѣсколькихъ блюдъ. За все это удовольствіе членъ платитъ всего какихъ-нибудь четыре доллара въ мѣсяцъ. Эта дешевизна, какъ оказалось потомъ, объясняется слѣдующимъ секретомъ. У входа устроенъ налѣво кабачокъ, или bar, гдѣ всегда застанешь нѣсколько членовъ, попивающихъ, стоя у прилавка, изъ длинныхъ стакановъ, въ которые жидкость наливается для приличія на два-три пальца отъ донышка. Это спасительное учрежденіе даетъ клубу чистаго барыша болѣе сорока тысячъ рублей въ годъ и дозволяетъ покрывать убытки по всѣмъ другимъ статьямъ бюджета (стр. 72).

Въ Шанхаѣ, кромѣ клуба, интересна также, по своему убійственному однообразію жизни, тамошняя тюрьма. Смотритель съ утра до вечера заставляетъ арестантовъ безустанно совершать такую работу, которая въ результатѣ, кромѣ усталости, ничего не даетъ. Напримѣръ, онъ заставляетъ арестанта безпрерывно переносить съ одного мѣста на другое двухпудовую гирю: «Неси туда!» «Неси сюда!» и т. д. безъ конца.

Одинъ изъ нашихъ матросовъ, просидѣвши въ этой тюрьмѣ три дня, по выходѣ оттуда вотъ съ какими словами обратился къ своему начальнику: «Лучше вы меня, ваше благородіе, въ другой разъ, если провинюсь, совсѣмъ убейте, только не посылайте къ этимъ проклятымъ англичанамъ» (84 стр.).

Но оставимъ Китай и посмотримъ, что говоритъ авторъ объ Японіи. Здѣсь больше всего его поражаетъ утонченная деликатность и честность, которая, по его словамъ, господствуетъ среди торговцевъ. «Не только въ лавкѣ, но и въ трактирѣ,—говоритъ авторъ,—японецъ часто не хочетъ отъ васъ взять всѣхъ слѣдуемыхъ ему денегъ изъ деликатности,—ему кажется почему-то, что онъ запросилъ слишкомъ дорого» (92 стр.).

Намъ же кажется, еслибъ у японца было дѣйствительно такое сознаніе, то не лучше ли бы, вмѣсто этой церемоніи—отказа принять всѣ слѣдуемыя деньги, въ самомъ дѣлѣ брать дешевле, т.-е. прямо назначать меньшую плату, а не отказываться отъ нея уже тогда, когда приходится получать? Послѣднее, должно-быть, есть одинъ изъ пріемовъ установившейся церемоніи, одинъ изъ обычаевъ вѣжливости въ родѣ «здравствуйте», или пожатія руки при встрѣчѣ и т. п.

Не менѣе курьезны оказываются, по описанію автора, и постройки японцевъ. Всѣ стѣны ихъ домовъ сдѣланы изъ картона, перегородки—изъ бумаги, такъ что разрушить, снести съ лица земли японское жилище не представляетъ затрудненія даже для малосильнаго. Вотъ одинъ изъ характерныхъ анекдотовъ для знакомства съ легкостью японскихъ построекъ. Случилось это съ нашей артисткой Леоновой въ Іокагамѣ. При

спускѣ съ горы артистка не могла удержаться и полетѣла съ довольно большою скоростью. На пути поперекъ спуска ей встрѣтился японскій домъ, и она «пролетѣла черезъ перегородки по гладкимъ, какъ паркетъ, циновкамъ, обыкновенно выстилающимъ японскія комнаты, и вылетѣла черезъ другую стѣну, повредивъ себѣ лицо» (стр. 103).

Изъ приведенныхъ мѣстъ читатель достаточно видитъ, что въ книжкѣ г. Скальковскаго попадаются любопытныя сообщенія о восточныхъ народахъ, которые въ настоящее время интересуютъ Европу. Что же касается до его описанія путешествія черезъ Америку, то эта часть книги совсѣмъ безъинтересна. Объ Америкѣ писали такъ много, такъ обстоятельно, иногда такъ хорошо, что послѣ этого замѣтки автора объ этой части свѣта только утомляютъ.

Разумѣется, и при имѣющемся знакомствѣ съ заатлантическою страной еще очень и очень можно заинтересовать русскую публику разсказами объ американцахъ, только, конечно, не проѣзжему туристу, набрасывающему свѣдѣнія вскользь, и главное—не г. Скальковскому. Почему не ему?—Да потому, что онъ больше привыкъ къ писанію торговыхъ трактатовъ и не обладаетъ совсѣмъ способностью наблюдать жизнь и еще меньше — живо изображать ее. Если первая половина его путешествія до отъѣзда въ Америку и названа нами не лишенной интереса, то единственно въ силу мало распространенныхъ у насъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Когда же сила интереса должна была нѣсколько стать въ зависимость отъ умѣнья изображать, отъ искуснаго пера, то тутъ г. Скальковскій съ своей казенной, сухою манерой писать оказывается совсѣмъ безъинтересенъ и просто скученъ. У него не только нигдѣ не встрѣчается живаго изображенія жизни, а напротивъ есть такія мѣста, гдѣ при всемъ желаніи оказывается полная невозможность добраться до смысла. Пусть самъ читатель рѣшитъ, что авторъ хотѣлъ сказать хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Привозятъ изъ-за границы по возможности все, и здѣшніе лучшіе магазины—маленькіе базары, гдѣ продаются въ той же комнатѣ и гвозди, и кнуты, и конфекты, и дамскія шляпки» (стр. 38). Вотъ и все. За симъ слѣдуетъ точка и дальше идетъ совсѣмъ о другомъ.—Что хотѣлъ авторъ этимъ сказать — Богъ его вѣдаетъ. А у него бываютъ и такія формы: «За то и *заплачутъ* они очень скоро за неосторожное стремленіе водворить у себя крупную промышленность...» (стр. 121). Заплачутъ или заплатятъ—что на самомъ дѣлѣ хотѣлъ сказать авторъ въ данномъ случаѣ?

Мы не останавливаемся на тенденціозной сторонѣ книги г. Скальковскаго, такъ какъ описаніе жизни японцевъ и китайцевъ можетъ быть интересно само по себѣ, независимо отъ тенденціи автора, какова бы она ни была. Но для знакомства съ ея характеромъ достаточно будетъ сказать, что авторъ возставалъ противъ жителей Востока, когда они высказывались за необходимость высшаго женскаго образованія, и для подтвержденія своего мнѣнія указывалъ на «опытъ Петербурга»(!).

Авторъ, разумѣется, сдѣлалъ бы несравненно лучше, еслибы, вмѣсто своихъ разсужденій о томъ, что совсѣмъ не касается описанія, постарался получше издать приложенныя къ книгѣ картинки и связать ихъ какъ-нибудь съ текстомъ. А то своею неожиданностью и безобразіемъ онѣ еще непріятнѣе поражаютъ читателя, чѣмъ вышеприведенныя безсмысленныя мѣста текста и разсужденія автора.

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ. 1805—1850 гг. *А. Бѣляева.* Спб. Изданіе *А. С. Суворина.* 1882 г.

Мы не разъ высказывали, что автобіографическія записи, хотя бы даже простаго смертнаго, но только непремѣнно много пережившаго и много передумавшаго человѣка должны быть и поучительны, и интересны. Къ сожалѣнію, старость весьма рѣдко оглядывается на прожитое прошлое съ тѣмъ, чтобы дать чистосердечную повѣсть о немъ слѣдующему поколѣнію. Въ большинствѣ случаевъ охота къ такому предпріятію отбивается мыслью, что говорить о себѣ, о своемъ пережитомъ, занимать собою можетъ только выдающаяся личность, чѣмъ-нибудь выдѣлившаяся изъ толпы. Но исключительныхъ людей немного, и обычно ихъ жизнь бываетъ поглощена ихъ исключительнымъ призваніемъ, а смерть выхватываетъ ихъ какъ разъ тогда, когда они всего менѣе разсчитываютъ на ея посѣщеніе. Не хватаетъ у нихъ времени на записи прожитаго, некогда бываетъ разобраться въ своей душѣ, некогда анализировать. На это можетъ хватить времени у людей менѣе занятыхъ, у людей толпы. А они-то и не осмѣливаются интересовать собою читателя, забывая при этомъ, что тутъ интересъ будетъ не въ личности, а въ ея внутренней, психической жизни, въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя складывались на ея пути, въ отношеніи къ этимъ комбинаціямъ и т. д.

Прочитавъ недавно въ спискѣ нововышедшихъ книгъ заглавіе книги А. Бѣляева: «Воспоминаніе декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ», естественно мы должны были порадоваться ея появленію. «Пережитое и перечувствованное»—именно вотъ этого и надо, думалось намъ. Пусть это пережитое и перечувствованное кажется автору ничтожнымъ; лишь бы онъ только подробно проводилъ психологическій анализъ своей душевной жизни, лишь бы только былъ искрененъ, остальное все приложится само собой, еслибы даже онъ не обладалъ никакимъ талантомъ. Искренность и неподдѣльно, безъ прикрасъ, изображенная длинная жизнь въ состояніи возбудить сильный интересъ въ каждомъ читателѣ.

Вотъ поэтому мы совершенно согласились съ авторомъ, когда онъ говорилъ въ предисловіи, что воспоминанія его, «хотя и ничтожнаго человѣка, могутъ показаться не безъинтересными для людей мыслящихъ и любознательныхъ», такъ какъ онъ, авторъ, долго жилъ, много видѣлъ, много испыталъ, «много размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ, уже ставшихъ исторіей» (стр. 1).

Но это согласіе съ авторомъ насчетъ интереса его воспоминанія не пошло далѣе того, пока мы вѣрили ему на слово, пока вѣрили, что онъ «много размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ». Совсѣмъ иныя мысли замелькали у насъ въ головѣ, какъ только намъ пришлось на самомъ дѣлѣ столкнуться съ его размышленіями «о мелькавшихъ передъ нимъ событіяхъ». Авторъ «о пережитомъ и перечувствованномъ» совѣстится названія «декабристъ» и отказывается отъ своего прошлаго.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ размышленія автора на эту тему, то даже и фактическая сторона воспоминаній—«много видѣнное», «много испытанное»—не возбуждаетъ въ читателѣ интереса, такъ какъ больше сводится на хронологическія записи событій, на самую безъинтересную характеристику лицъ и на изліяніе чувствъ въ духѣ Карамзина, въ родѣ того, чѣмъ полны «Письма русскаго путешественника».

Авторъ сперва разсказываетъ о своихъ родителяхъ, расхваливая до небесъ и «папашеньку», и «мамашеньку», обладавшихъ всѣми добродѣтелями и ни единымъ недостаткомъ. Когда умеръ отецъ, авторъ былъ еще малъ, и его взяла къ себѣ на воспитаніе молодая чета кн. Долгорукихъ. Сперва онъ жилъ въ княжеской семьѣ, окруженный удобствами, потомъ его отдали въ корпусъ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ морскую службу, совершилъ нѣсколько путешествій на кораблѣ. Ему предстояло еще одно дальное путешествіе, но событія 14 декабря задѣли и его.

Главное участіе автора въ этой исторіи будетъ понятно изъ слѣдующихъ словъ:

«Когда Каховскій, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

То въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди могущіе вести временное правленіе; другаго такого случая можетъ-быть и не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ онъ,—станемъ дѣйствовать.

Такимъ образомъ рѣшено было дѣйствовать.

Если же я сказалъ бы: «да, конечно, лучше отложить дѣйствіе»—и предложимъ бы это другимъ, то—кто знаетъ?—можетъ-быть оно и не случилось бы и не было бы пролито столько крови!» (стр. 169).

Почти годъ онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а также и его братъ, потомъ вмѣстѣ съ другими былъ сосланъ въ Сибирь... Далѣе идетъ описаніе жизни въ Сибири,—описаніе болѣе или менѣе уже давно извѣстное,—о томъ, какъ декабристы занимались разными мастерствами, помогали другъ другу, читали лекціи и т. д. Эту часть воспоминаній можно назвать интересной, хотя факты, сообщаемые ею, уже не новы. Здѣсь авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ говоритъ о чудныхъ женщинахъ, ко-

торыхъ не забудетъ исторія: о Трубецкой, Волконской и др. Мы приведемъ это мѣсто:

«Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя, ангело-подобныя существа? Слава и красота вашего пола! Слава страны, васъ произроставшей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности, такихъ чудныхъ идеальныхъ женъ! Вы стали по-истинѣ образцомъ самоотверженія, мужества, твердости при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!» (стр. 216).

Видно, что г. Бѣляевъ несомнѣнно искренно высказываетъ свою благодарность этимъ незабвеннымъ героинямъ, но его манера благодарить какъ-то ужасно напыщенна и сильно напоминаетъ торжественный тонъ гимна, молитвы...

Съ каторги авторъ былъ переведенъ на поселеніе, а оттуда, благодаря ходатайству князя Долгорукаго, переведенъ въ солдаты на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ походѣ противъ чеченцевъ, воевалъ съ Шамилемъ, затѣмъ получилъ отставку и вернулся на родину.

Вотъ общій ходъ разсказа, который, благодаря разнымъ мелкимъ, иногда вовсе безъинтереснымъ подробностямъ, растянулся на 500 страницъ. Подробности встрѣчаются такія ничтожныя и мелкія, какъ, напримѣръ: когда авторъ пріобщался, когда былъ у обѣдни, кто былъ его духовникомъ, какой былъ духовникъ—блондинъ или брюнетъ, высокій или низенькій и т. д.,— однимъ словомъ, такія подробности, какія возможны только при хранящихся записяхъ. Всякое лицо, какое ему встрѣчается на жизненномъ пути, онъ заноситъ въ свои воспоминанія, дѣлая ему самую безъинтересную для читателя, чисто внѣшнюю, характеристику, и затѣмъ оставляетъ его въ сторонѣ съ тѣмъ, чтобы больше не встрѣчаться.

Вотъ образецъ его обычной характеристики:

«Густавъ Густавовичъ Аминовъ былъ высокій, стройный, тонкій или скорѣй худощавый человѣкъ съ правильными чертами красиваго лица, большими усами и добрыми голубыми глазами» (стр. 473).

Какое дѣло читателю знать ростъ, цвѣтъ волосъ, глазъ, толщину цѣлой сотни лицъ, которыхъ передъ нимъ проведутъ черезъ станицу съ тѣмъ, чтобы никогда больше къ нимъ не возвращаться? Для читателя важна не внѣшность, не форма, а жизнь внутренняя, скрытая отъ посторонних глазъ, жизнь человѣка... Ея-то авторъ и не даетъ, если не принимать за внутреннюю жизнь его сентиментальныя изліянія или нижеслѣдующія разсужденія о порѣ дѣтства:

«Какая чудная пора въ жизни человѣка вообще, не разбирая бѣднаго и богатаго, развитаго и простаго, цивилизованнаго и дикаго! Въ смыслѣ физическаго развитія организма, это только ростокъ или почка цвѣтка, не имѣетъ еще ни красоты, ни благоуханія... Всматриваясь въ эти глаза, черные или голубые, свѣтящіеся умомъ, какая полная и совершенная

красота, какое полное развитіе! *Кто же можетъ сказать, въ какой моментъ передъ выходомъ изъ лона матери вставленъ этотъ глазъ въ полномъ совершенствѣ?...»*

Познакомившись по этому небольшому клочку съ манерой автора разсуждать, читатель, надѣемся, не пожелаетъ больше такихъ разсужденій и готовъ будетъ въ крайнемъ случаѣ лучше ограничиться знакомствомъ съ фактами. Вѣдь, авторъ самъ говорилъ, что ему пришлось многое видѣть, что у него запасъ прошлаго большой... Но тѣмъ не менѣе вполнѣ интересныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи разсказовъ изъ прошлаго г. Бѣляева выловить удается весьма немного. Вотъ не безъинтересна сказка о солдатѣ, которая характеризуетъ солдатскую службу того времени.

Солдатъ, чтобъ избавиться отъ своей тяжелой службы, нанялъ за себя чорта, обѣщавши, въ уплату за услугу, отдать ему свою душу. Но оказалось, что солдатская служба съ палками и розгами пришлась не подъ силу даже самому чорту, и онъ бросилъ ранецъ, ружье, сумку и киверъ къ ногамъ солдата и отказался отъ его души, «только бы самому освободиться отъ службы» *) (стр. 160).

Не безъинтересенъ также разговоръ офицера о радугѣ, характеризующій полное невѣжество офицеровъ того времени.

«Между разговорами, зная, что я прежде служилъ въ морской службѣ,—говоритъ авторъ,—онъ разспрашивалъ меня о морѣ, и когда я разсказывалъ ему о моихъ плаваніяхъ океаномъ, онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «скажите, пожалуйста, Александръ Петровичъ, какъ вы на морѣ избавляетесь отъ радуги?» Не понимая, что онъ хотѣлъ сказать: «Какъ отъ радуги?»—«Да, вѣдь, радуга всасываетъ воду, а если попадетъ подъ нее корабль, то она, вѣдь, можетъ всосать его вмѣстѣ съ водой».—Тутъ только я понялъ вопросъ и объяснилъ ему, что такое радуга» (стр. 278).

Вотъ почти и всѣ любопытные разсказы, если упомянуть еще о кражѣ невѣсты, о куреніи табаку въ Минусинскѣ и сообщеніе о существовавшихъ въ то время въ Сибири цѣнахъ на землю, когда можно было пахатную и сѣнокосную брать въ аренду по 5 коп. за десятину (стр. 330).

Теперь не трудно читателю понять, съ какого рода «Воспоминаніями» онъ имѣетъ дѣло. Почти вся книга представляетъ повтореніе уже извѣстнаго и затѣмъ катологъ лицъ съ ихъ наружными примѣтами, въ родѣ тѣхъ, что отмѣчаются въ паспортахъ.

Прибавимъ къ сказанному, что мы крайне были рады, когда могли закрыть книгу съ тѣмъ, чтобы больше ея не раскрывать.

---

*) Сказка записана со словъ солдата.

О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. *Ипполита Панаева.* С.-Пб. 1882 года.

Какъ бы ни абсурдна казалась съ перваго раза новая нарождающаяся мысль, она въ наше время непремѣнно обратитъ на себя вниманіе, и если не привлечетъ поклонниковъ, то во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ поймется, не породитъ и противниковъ (разумѣется, мы говоримъ о лучшей части нашего общества). Такъ страстно относится наше время къ отъисканію истины; оно ищетъ и не пугается, не закрываетъ глазъ изъ-за боязни новаго. Но за то горе тѣмъ отсталымъ писателямъ, которые, стремясь къ истинѣ, и притомъ не менѣе искренно, идутъ для отъисканія ее по тѣмъ дорожкамъ, которыя уже давно оказались несостоятельными. Горе имъ! Они находятся по отношенію къ обществу въ положеніи алхимиковъ, отъискивающихъ философскій камень. Общество безнадежно машетъ рукой въ ихъ сторону и равнодушно проходитъ мимо. Они оскорбляются равнодушіемъ и толкуютъ его по-своему. Обычно у нихъ одно объясненіе въ подобныхъ случаяхъ: «въ равнодушіи къ нимъ виновато ложное направленіе вѣка».

Къ числу такихъ ревностныхъ искателей истины, напоминающихъ по направленію своего труда и его результатамъ древнихъ алхимиковъ, принадлежитъ Ипполитъ Панаевъ. Онъ занятъ «путями раціональной философіи», напоминающими отъискиваніе философскаго камня. Онъ думаетъ, пишетъ, издаетъ съ цѣлью вызвать подтвержденіе или отрицаніе своихъ тезисовъ—и... встрѣчаетъ въ отвѣтъ «равнодушное молчаніе»! «Но тщетно,—говоритъ онъ,—я съ своими книгами ожидаю наступленія этой полемики. Въ нѣкоторыхъ журналахъ скажутъ, правда, нѣчто о содержаніи книги, но о положеніяхъ, въ нихъ приводимыхъ, никто не начинаетъ и рѣчи» (стр. 156).

Бѣдный авторъ! Несмотря на всю безнадежность своего положенія—когда-нибудь дождаться полемики, онъ неутомимо продолжаетъ писать, поддерживая себя мыслью о пользѣ отъ такого труда какъ для всего человѣчества, такъ и для собственнаго усовершенствованія въ частности, и, не понимая своего донкихотства, продолжаетъ работу.

Видно, что авторъ пережилъ свое время и не съумѣлъ ни понять, ни приспособиться къ новому. Положеніе крайне печальное! Его принадлежность къ «вѣкамъ минувшимъ» высказывается какъ въ сути самой книги, такъ и въ языкѣ, которымъ онъ напоминаетъ благовоспитанное общество стараго времени, когда по-русски писали болѣе на иностранномъ языкѣ, когда находили, что у насъ нѣтъ словъ для передачи «сенсовъ», «детерминаціи», и т. п. А если когда и пробовали на русскомъ языкѣ говорить по-русски, то выходило не болѣе понятно, такъ какъ на сцену тотчасъ являлись слова, въ родѣ «сочетовывая», и т. д.

Съ горя, что книгъ г. Панаева никто не читаетъ, онъ самъ перечитываетъ свои произведенія, дѣлаетъ изъ нихъ выписки—иногда большія,

огромныя — въ нѣсколько страницъ. Оказывается, что усерднѣе всѣхъ читаетъ себя онъ самъ. И въ будущемъ придется писать, конечно, опять только для самого себя.

Мы не входимъ въ разсмотрѣніе содержанія этой брошюры, такъ какъ оно стоитъ внѣ критики, какъ и фантазія отъискиванія философскаго камня. Здѣсь говорится обо всемъ, сдѣлано много выписокъ изъ разныхъ новововышедшихъ книгъ, много возраженій; есть признаніе за Гоголемъ великаго мыслителя, а послѣдній періодъ жизни и литературы этого писателя приводится въ примѣръ, которому должны слѣдовать люди. Въ особенности восхваляется Гоголь за подвигъ сожженія второй части «Мертвыхъ душъ», причемъ этотъ поступокъ порождаетъ въ авторѣ слѣдующія надежды: «Но вспомнимъ, что и уже одинъ преподанный Гоголемъ примѣръ (это сожженіе-то «Мертвыхъ душъ!») долженъ въ концѣ концовъ не сегодня, такъ завтра принести пользу немалую, и принести ее не одному русскому, но и всему человѣческому обществу» (стр. 77).

Думаемъ, что приведенной выписки достаточно для характеристики безсмысленнаго содержанія всей книжки.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. *К. Д. Кавелина.* С.-Пб. 1882 года.

Въ нашей литературѣ есть нѣсколько почтенныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя интересамъ народа. Ихъ имена не допускаютъ никакого сомнѣнія въ искренности ихъ стремленій. Потому все, что̀ говорятъ эти люди, заслуживаетъ общаго вниманія и подробнаго знакомства.

Къ числу такихъ именъ честныхъ дѣятелей принадлежитъ и уважаемое имя К. Д. Кавелина.

Въ своей книжкѣ: «Крестьянскій вопросъ» — онъ задается цѣлью свести итогъ всему, что̀ дала наша современная литература по части экономической, умственной и нравственной жизни нашего крестьянства. На провѣрку оказывается, что положеніе народа, разсматриваемаго со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ, въ данное время хуже, чѣмъ не удовлетворительно. И потому г. Кавелинъ останавливается на причинахъ, породившихъ такое положеніе, или, лучше, указываетъ средства отъ такого «горя-злосчастія», которое грозитъ въ будущемъ неминуемою бѣдой, разъ не будетъ принято мѣръ къ выходу изъ настоящаго положенія.

Читатель скажетъ: все это мы слыхали чуть не сто разъ и все это наконецъ начинаетъ до невозможности надоѣдать. Больному ужасно надоѣдаетъ принимать лѣкарства, и тѣмъ не менѣе для того, чтобы выздоровѣть, принимать лѣкарства оказывается необходимо. Такъ и въ данномъ случаѣ: если выслушивали рѣчи о подобныхъ вопросахъ сто разъ, а дѣло еще не двинулось впередъ, то приходится выслушать и сто первый, и сто

второй, и т. д., до тѣхъ поръ, пока что-нибудь выйдетъ изъ этихъ рѣчей. Всякому дѣлу необходимо должно предшествовать слово.

Итакъ, будемъ слушать старыя рѣчи!

Всѣмъ извѣстно, каково въ настоящее время экономическое положеніе крестьянъ: недоимки и голодуха съ каждымъ годомъ увеличиваются. Крестьянинъ при первой возможности охотно сдаетъ свой надѣлъ на руки міру и уходитъ въ отхожіе промыслы. Оказывается, земля не тянетъ къ себѣ, сидѣть возлѣ нея становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Отчего?—Мало земли, и она въ большинствѣ случаевъ не въ силахъ оплатить налоги.

Потому авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры—для избѣжанія указаннаго положенія: «оказать крестьянамъ со стороны государства пособіе на пріобрѣтеніе того количества земли, какого имъ теперь не достаетъ до высшаго размѣра по «Положенію 19 февраля 1861 года» и по числу ревизскихъ душъ» (стр. 53).

Второй способъ — дозволить свободно крестьянамъ переселяться изъ густо-населенныхъ мѣстъ въ малонаселенные завоеванные края. Эта мѣра весьма выгодна будетъ для правительства, какъ самое лучшее средство закрѣпленія и обрусенія новой мѣстности. Но для того, чтобы крестьянину не приходилось, какъ зачастую приходится теперь, пропутешествовать въ отдаленный край, напримѣръ, изъ Полтавской губерніи въ Сибирь, въ надеждѣ встрѣтить тамъ тѣ-то и тѣ-то блага, и затѣмъ по совершеніи такого великаго подвига ошибиться во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ,—для избѣжанія этого авторъ требуетъ, чтобы правительство руководило переселенцевъ, руководило ихъ черезъ свѣдущихъ людей, которые давали бы желающимъ переселяться необходимыя свѣдѣнія, указывало бы маршрутъ, направляло и т. д.

Весьма долго останавливается авторъ на существующемъ землевладѣніи, рѣшительно высказывается за форму общиннаго владѣнія, которая одна можетъ спасти наше крестьянство отъ положенія пролетарія, въ какомъ очутился, напримѣръ, низшій классъ на Западѣ, гдѣ крупные капиталисты забрали земли въ свою собственность. «Положеніе 19 февраля» не усматривало въ будущемъ готовящейся гибели, потому и допустило нарушеніе общиннаго землевладѣнія.

Г. Кавелинъ упорно настаиваетъ на сохраненіе общиннаго владѣнія землею съ допущеніемъ условій, которыя бы не препятствовали усовершенствованію земледѣлія. По его мнѣнію, эти условія явятся тогда, когда «земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ», будутъ признаны «за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставятъ членамъ обществъ лишь права наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности» (стр. 80).

Указывая на цѣлый рядъ способовъ, какими можно поднять экономическое положеніе народа, которое съ каждымъ годомъ становится все

плачевнѣе, авторъ предупреждаетъ, что всѣ эти мѣры только тогда будутъ имѣть значеніе, когда будетъ поднятъ нравственный и умственный уровень крестьянъ; когда вопросъ: «необходимо ли народу просвѣщеніе» — не будетъ больше вопросомъ, а будетъ всѣми признанъ, какъ рѣшеніе въ смыслѣ неизбѣжнаго пути, какимъ должна идти Россія къ тому, чтобы сослужить свою историческую роль въ ряду другихъ европейскихъ государствъ.

Для достиженія этого авторъ указываетъ на болѣе удобныя въ настоящее время средства, когда молодежь и большинство лучшаго общества охвачены самой искреннею любовью къ народу. Необходимо,—говоритъ онъ, — воспользоваться такимъ направленіемъ и состояніемъ общества, чтобы дать народу именно то, чего у него недостаетъ послѣ крѣпостнаго права, а именно—честныхъ, любящихъ его руководителей и охранителей, которыхъ во времена крѣпостничества они имѣли въ лицѣ лучшихъ изъ помѣщиковъ. Послѣ паденія крѣпостнаго права помѣщики не только отъ него отошли, а сдѣлались его врагами и отдали его, непривычнаго, неразвитаго, съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь и на міръ,—отдали въ руки стаямъ вороновъ и воронятъ, которые отовсюду слетѣлись его клевать. И теперь стоитъ онъ беззащитный и неумѣлый въ общественной жизни, словно ребенокъ, но менѣе ребенка гарантированный отъ внѣшнихъ грозныхъ вліяній,—съ ребенка не требуютъ, напримѣръ, знанія законовъ и условій жизни, тогда какъ крестьянинъ за все это незнаніе призывается къ отвѣту. Ну, и выходитъ, что отъ такого положенія ему тяжело, тяжело не въ моготу.

Необходимо облегчить его, если не ради него, то ради насъ самихъ,— говоритъ г. Кавелинъ,— ради всего общества, ради самого государства, которое, разумѣется, живетъ народомъ и сильно имъ: бѣденъ народъ — бѣдно и государство.

Кромѣ указанныхъ мѣръ г. Кавелинъ требуетъ для народа и умственныхъ удовольствій — читаленъ, библіотекъ. Онъ также, какъ и баронъ Корфъ, видитъ въ послѣднихъ одно изъ лѣкарствъ противъ многихъ золъ.

Желая, чтобы сказанное имъ какъ можно больше распространилось, г. Кавелинъ не ограничился напечатаніемъ своихъ статей по крестьянскому вопросу въ *Вѣстникѣ Европы*, а издалъ ихъ отдѣльною книжкой, приложивъ въ концѣ свой отвѣтъ на возраженіе *Рижской Газеты*, а въ началѣ—предисловіе, писанное, впрочемъ, еще въ январѣ прошлаго года.

Европейскіе писатели и мыслители. IV—*Вольтеръ* и Екатерина II. Изданіе *В. В. Чуйко*. Спб. 1882.

На этотъ разъ г. Чуйко нѣсколько отступаетъ отъ начертанной имъ програмы выпусковъ «Европейскихъ писателей и мыслителей». Книжка «Вольтеръ» представляетъ значительно большій объемъ, чѣмъ первые три

выпуска. Но главныя измѣненія не въ этомъ. Наконецъ, издатель самъ сознаѣъ безполезность хрестоматическихъ изданій, какими вышли «Свифтъ», «Боккаччіо», «Ренанъ». Для того, чтобы хотя нѣсколько познакомить съ французскимъ мыслителемъ XVIII вѣка, г. Чуйко находитъ необходимымъ дать нѣчто цѣльное изъ произведеній Вольтера. Онъ намѣревается, кромѣ даннаго выпуска, занятаго перепиской Вольтера съ Екатериной II, посвятить этому философу еще четыре книжки, изъ которыхъ въ первую должны войти—«Сказки», во-вторую—философскія статьи («Dictionnaire philosophique»), въ третью—отрывки изъ историческихъ сочиненій, въ четвертую—памфлеты и публицистическія статьи.

Мы не сочувствуемъ въ этой программѣ только отрывкамъ изъ исторіи, которые издатель обѣщаетъ дать въ третьемъ выпускѣ. Отчего, вмѣсто отрывковъ, не дать чего-нибудь цѣльнаго? Это было бы несравненно интереснѣе для читателя, да наконецъ несравненно пріятнѣе имѣть что-нибудь цѣльное изъ произведеній этого мыслителя, чѣмъ хрестоматиче скіе отрывки его сочиненій.

Мы съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ обѣщаніе издателя дать полную біографію Вольтера, написанную Кандареѳ, и посвятить ей цѣлый выпускъ. Это будетъ много цѣлесообразнѣе, чѣмъ прикладывать жалкія «нѣчто», которыя г. Чуйко именуетъ «критико-біографическими статьями». Мы уже говорили о несостоятельности этихъ статей и даже высказывали пожеланія, чтобъ издатель не прикладывалъ ихъ къ своимъ выпускамъ, такъ какъ онѣ не только не даютъ никакого намека на личность издаваемаго автора, а обладаютъ способностью скорѣй спутывать читателя.

При четвертомъ выпускѣ: «Вольтеръ и Екатерина II»—нѣтъ совсѣмъ «критико-біографической статьи», за что спѣшимъ выразить издателю нашу благодарность и высказать пожеланіе, чтобъ эта благодарность осталась за нимъ и при изданіи слѣдующихъ выпусковъ «Европейскихъ писателей и мыслителей».

Данный томикъ содержитъ исключительно переписку Вольтера съ Екатериной II, начиная съ 1765 года и кончая 1777—годомъ смерти французскаго писателя.

Переводъ переписки сдѣланъ, по словамъ г. Чуйко, съ самаго полнаго изданія Вольтера, изданія Гошета (1876 г.). Но, несмотря на сравнительную полноту этого изданія, все же оказывается, что многія изъ писемъ Вольтера, а также и императрицы Екатерины не вошли въ него, т.-е. многія изъ нихъ до сихъ поръ не напечатаны. Этотъ пробѣлъ весьма сильно ощущается во время чтенія интересной переписки обоихъ великихъ корреспондентовъ.

Императрица Екатерина не пропускала случая, чтобы не подѣлиться съ своимъ фернейскимъ обожателемъ хотя бы малѣйшимъ успѣхомъ въ своей политической жизни; она извѣщала его о каждомъ новомъ шагѣ своего

войска, когда вела борьбу съ турками, о каждомъ новомъ предпріятіи по части внутренняго благоустройства. Всякая новая инструкція, всякая новая бумага, исходящая изъ-подъ ея пера, переводилась по ея приказу на французскій языкъ и отсылалась фернейскому отшельнику. Ему первому дѣлались на Западѣ извѣстны тѣ изъ ея поступковъ, за которые она разсчитывала на славу у европейцевъ. Въ каждомъ письмѣ она дѣлилась съ нимъ своими подвигами, какъ бы красуясь ими. Только рѣдко приходилось ей похвалиться передъ французскимъ писателемъ какимъ-нибудь русскимъ произведеніемъ литературы. Но и тутъ она пользовалась случаемъ—хвалилась произведеніями Сумарокова и, снисходя къ просьбѣ Вольтера, разъ даже переслала ему двѣ трагедіи, переведенныя по-французски. Къ несчастію, въ письмахъ Вольтера не встрѣчается отзыва объ этихъ произведеніяхъ русскаго «генія».

Екатерина не искала у Вольтера поддержки или совѣта,—нѣтъ, напротивъ, ей пріятно было красоваться передъ французскимъ мыслителемъ, получать отъ него похвалы, какъ отъ дорогаго, любимаго, европейскаго таланта. Всего только разъ въ одномъ письмѣ мы встрѣчаемъ ея обращеніе за совѣтомъ: она спрашиваетъ у него, что дать институткамъ для представленія на домашнемъ театрѣ, какія изъ французскихъ пьесъ, въ которыхъ бы дѣло не вертѣлось исключительно на любви? Вольтеръ взялъ на себя трудъ выбрать пьесы и сдѣлать въ нихъ надлежащія измѣненія и сокращенія. Исполнилъ ли онъ это обѣщаніе, изъ писемъ не видать.

Всѣ письма Екатерины дышатъ чувствомъ глубокаго уваженія къ Вольтеру; говоря съ нимъ, она не рѣдко забывала о своемъ царскомъ санѣ. Сколько искренняго чувства проглядываетъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ ея письма, отъ 22-го октября 1774 года: «Не знаю, будете ли вы меня также сильно бранить за то, что я съ 14-лѣтняго своего возраста всегда сообразовалась съ этимъ установленнымъ обычаемъ. (Дѣло идетъ о цѣлованіи руки у священниковъ.) Во всякомъ случаѣ я не одна заслужила таки это. Еслибъ вы пріѣхали сюда и сдѣлались бы священникомъ, я попросила бы у васъ благословенія, и когда вы дали бы его мнѣ, я *отъ всего сердца поцѣловала бы ту руку*, *которая написала столько прекрасныхъ вещей и столько полезныхъ книгъ*» (стр. 230—231).

Но не всегда императрица бывала такъ искренна съ своимъ любимцемъ. Случалось, что она утаивала, ради славы Россіи, отъ фернейскаго отшельника настоящую правду. Такъ, когда Вольтеру очень хотѣлось знать, справедливы ли ходившіе во Франціи слухи насчетъ московской чумы, она писала ему, что въ Москвѣ нѣтъ чумы и не было, а что тамъ свирѣпствуетъ только лихорадка и т. д. Съ несравненно большей искренностью сообщала она обо всемъ, что могло возвеличить ее самое, ея народъ и ея государство. Она въ своихъ письмахъ не унижала ни Россіи, ни русскихъ, и не разъ говорила о превосходствѣ и богатствѣ русскаго

языка передъ французскимъ, защищала русскіе обычаи, оправдывала русскихъ отъ напрасныхъ нареканій, сложившихся на Западѣ и доходившихъ до ушей фернейскаго отшельника.

А иногда, съ цѣлью сложить хорошую славу о своемъ государствѣ и возбудить къ нему удивленіе, вотъ какъ рисовала она положеніе народа въ Россіи:

«Надо вамъ замѣтить сверхъ того, что вообще наши повинности столь малы, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда это ему угодно, а съ нѣкотораго времени въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они стали даже предпочитать курицамъ индюшекъ» (стр. 34).

Отвѣтныя письма Вольтера представляютъ образецъ игривости. Въ нихъ не замѣтно и тѣни намѣренія вліять на императрицу, на ея взгляды и образъ мыслей. Онъ ей сильно кадитъ и этимъ заставляетъ ее хотѣть быть лучше. Онъ постоянно въ своихъ письмахъ выставляетъ ее настолько нередовою женщиной, что передъ ней и подвластной ей страной французы, напримѣръ, оказываются варварами, и безпрестанно разсыпаетъ ей комплименты, расхваливаетъ, признаетъ совершенствомъ. Все это выражается у него такъ своеобразно, какъ можетъ быть своеобразенъ геніальный человѣкъ. Слогъ его въ письмахъ отличается замѣчательною картинностью и мѣстами просто неподражаемъ. Мы вырвемъ нѣсколько клочковъ изъ его писемъ:

«Два вашихъ драгоцѣнныхъ камня,—пишетъ онъ отъ 2-го сентября 1769 года,—Азовъ и Таганрогъ, выпавшіе изъ короны Петра Великаго, послужатъ наилучшимъ украшеніемъ вашего вѣнца, и, какъ я полагаю, Мустафѣ никогда не удастся испортить ихъ въ вашемъ головномъ уборѣ» (стр. 38).

Отъ 16-го марта 1770 года:

«Мнѣ остается просить васъ еще объ одной милости, а именно: поторопиться окончить эти двѣ великія работы (т.-е. сводъ законовъ и войну съ турками), чтобъ я имѣлъ удовольствіе сообщить о нихъ Петру Великому, которому я думаю скоро представиться на томъ свѣтѣ» (стр. 55).

Отъ 9-го августа 1774 года:

«Государыня, положительно я лишился милостей при вашемъ дворѣ. Ваше императорское величество промѣняли меня или на Дидро, или на Гримма, или на какого - нибудь другаго фаворита; къ моей старости у васъ нѣтъ ни малѣйшаго вниманія. Пусть бы еще ваше величество были французской кокеткой, но какимъ образомъ могла сдѣлаться непостоянною государыня — побѣдительница и законодательница?

«Ради васъ я перессорился со всѣми турками и даже съ самимъ маркизомъ Пугачевымъ, и за все это въ награду получилъ отъ васъ только забвеніе. Такъ вотъ же за то: отнынѣ я перестаю любить государынь» (стр. 224).

Но нѣкоторыя его письма до того игривы и остроумны, что дѣлать изъ нихъ выписки клочками—значитъ ихъ портить. Пусть лучше читатель прочтетъ ихъ всѣ въ четвертомъ выпускѣ изданія г. Чуйко.

Этотъ выпускъ, впрочемъ, тоже не безъ недостатковъ. Какъ на одинъ изъ нихъ, мы укажемъ на непрактичное размѣщеніе писемъ, которое раздробляетъ вниманіе читателя и не оставляетъ по себѣ никакой цѣльности. Отчего бы издателю не растасовать письма такъ, чтобъ отвѣтныя слѣдовали непосредственно за тѣми, въ отвѣтъ на которыя были написаны? А то не рѣдко только-что успѣешь заинтересоваться однимъ вопросомъ, какъ, не получивъ на него отвѣта, замелькаютъ уже другіе, и только тогда, когда успѣешь позабыть первое, вдругъ натыкаешься на такія рѣчи, которыя служатъ отвѣтомъ на одно изъ давно прослѣдовавшихъ писемъ. И такіе непріятные сюрпризы преслѣдуютъ читателя во всей книжкѣ.

Другой недостатокъ касается чисто-стилистической стороны перевода: она не вездѣ безъукоризненна. Встрѣчаются, напримѣръ, такія мѣста: «Я даже не *почувствовала* потомъ ни малѣйшаго *чувства*» (стр. 1). Или: «Маленькій графъ Шуваловъ, вернувшись на родину, *передалъ* мнѣ то *участіе*, съ которымъ вы такъ любезно» и т. д. (стр. 13).

А въ слѣдующемъ мѣстѣ положительно трудно понять, что сказано въ оригиналѣ: «Къ вашему пріѣзду въ Константинополь,—пишетъ Екатерина,—я позабочусь приготовить роскошное *женское* платье, подбитое богатѣйшими сибирскими мѣхами, въ которомъ я выйду навстрѣчу вамъ. *Этотъ покрой* (?) и удобенъ, и значительно красивѣе» (стр. 26).

Будемъ ждать появленія обѣщанной біографіи Вольтера, а также и дальнѣйшихъ выпусковъ сочиненій этого писателя, лишь бы они не представляли хрестоматическихъ сборниковъ.

Переломъ. Правдивая исторія. *Б. М. Маркевича*. Въ двухъ книгахъ, четырехъ частяхъ. Спб. Изданіе книжнаго магазина *Новаго Времени*.

Существуютъ писатели, которые считаютъ возможнымъ изображать жизнь, заранѣе опредѣляя себѣ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ должна представиться эта вымышленная жизнь читателю. Обычно за этимъ угломъ скрывается тайное желаніе автора—поучить, наставить... Но можетъ ли поучать чему-нибудь искаженіе, карриккатура? Нѣкоторые писатели думаютъ, что можетъ.

Къ такимъ принадлежитъ и г. Маркевичъ. Онъ искажаетъ жизнь, событія, лица, и все съ благонамѣренною цѣлью—поучить, исправить.

Вся эта двухтомная пародія озаглавлена — «Переломъ». *Правдивая исторія* создана въ назиданіе для современныхъ горячихъ умовъ и головъ. Взято время до освобожденія крестьянъ и тотчасъ послѣ освобожденія. Разумѣется, всенепремѣнно упоминается о Герценѣ, объ его *Колоколѣ*. Только какъ упоминается?... Какою грязью забрасывается покойникъ,

безсильный теперь, чтобъ отвѣтить на взводимыя на него клеветы!... Г. Маркевичъ даетъ въ сотрудники Герцену, какъ редактору *Колокола*, какихъ-то пройдохъ, жуликовъ, «ходатаевъ по дѣламъ». Одинъ изъ такихъ «ходатаевъ» жилъ на Драчевкѣ и въ его комнатѣ можно было видѣть нумера *Современника* и *Колокола*, говоритъ авторъ. Онъ же, этотъ ходатай, обираетъ свою любовницу изъ простыхъ, обманомъ вытягиваетъ у нея деньги, которыя потомъ отказывается отдать, и онъ же, этотъ ходатай, состоитъ корреспондентомъ *Колокола!*... Можно ли представить себѣ еще болѣе безцеремонное отношеніе къ публикѣ?!

И чего здѣсь не приписываетъ г. Маркевичъ Герцену, совершенно, повидимому, забывая, что искаженіе истины меньше всего прощается беллетристу, и притомъ еще искаженіе съ предвзятою цѣлью... Онъ забываетъ, что это можетъ заставить читателя отшвырнуть его романъ, прежде чѣмъ онъ будетъ дочтенъ до конца, еслибы даже онъ и отличался всѣми прочими достоинствами, которыхъ въ данномъ случаѣ въ немъ нѣтъ... Но обыкновенно такіе писатели, какъ г. Маркевичъ, могутъ сознавать только одно: «надо переть», несмотря на то, что «переть» придется какъ разъ лбомъ въ стѣну. Ну, и разумѣется, въ результатѣ останется только шишка на собственномъ своемъ лбу...

Мы не будемъ входить въ разборъ изображаемой авторомъ жизни, такъ какъ она вся по своему искаженію дѣйствительности стоитъ ниже всякой критики. Авторъ самъ какъ бы предчувствовалъ, что у читателя съ первыхъ же страницъ появится сознаніе фальши, и вотъ онъ на оберткѣ еще предупреждаетъ, что разсказываетъ «правдивую исторію». Къ чему такая предупредительность? Правдивая исторія будетъ несомнѣнно принята за правду сама по себѣ, безъ предупрежденій и комментарій. Правду вовсе не такъ легко принять за ложь, равно какъ и преднамѣренное искаженіе правды, несмотря на всѣ посторонніе увѣренія, принять за правду...

Читателю можетъ показаться страннымъ, къ чему рецензентъ останавливается на такомъ романѣ, какъ «Переломъ» г. Маркевича, если романъ по своему искаженію жизни стоитъ ниже всякой критики... На это мы вотъ что отвѣтимъ. Г. Маркевичъ пишетъ романы большіе, длинные, въ которыхъ есть и любовь, и свадьба, и измѣна, и страданія, есть и женщины добродѣтельныя, чуть не ангелы, есть и красавицы-кошечки, предназначенныя для свободной любви, etc. etc.,—есть все, чѣмъ занять празднаго, скучающаго читателя. На такіе романы при бѣдности нашей современной беллетристики спросъ большой,—читателей находится много. Не даромъ же г. Маркевичъ назначилъ за свой «Переломъ» такую невозможную цѣну—6 рублей: ясно, что онъ понимаетъ «свой моментъ».

Вотъ въ силу «этого момента» мы и остановились на невозможномъ романѣ г. Маркевича. Насколько онъ невозможенъ, пусть посмотритъ самъ читатель безъ нашихъ комментарій, пусть пробѣжитъ любую изъ сценъ,

наполняющихъ романъ. Вотъ сцена встрѣчи Троерукова съ однимъ изъ революціонеровъ,. Иринархомъ Овцынымъ.

«— Потрудитесь сойти!—проговорилъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ Троеруковъ, вперяя глаза въ Иринарха.

— Это что значитъ?—воскликнулъ, храбрясь, тотъ, съ широко раскрывшимися глазами.

— Пожалуйте сюда! — повторилъ Борисъ Васильевичъ, и въ этихъ двухъ словахъ зазвучала нота такой желѣзной рѣшимости, что Овцынъ почувствовалъ себя сразу безвластнымъ противиться ей...

Иринархъ соскочилъ съ телѣжки, все также держа свою палку обѣими руками.

— Ну-съ, что вамъ угодно?—уронилъ онъ, все шире и шире раскрывая зрачки: «я, молъ, братъ, тебя не боюсь!...»

Троеруковъ спрыгнулъ съ лошади.

— Подержи,—сказалъ онъ, кидая поводья на руки все тутъ же стоявшаго мужичка, и отошелъ шаговъ на десять въ сторону, приглашая кивкомъ Овцына идти за нимъ.

Тотъ, махая своимъ орудіемъ, поплелся за нимъ... Троеруковъ остановился, обернулся на него и, вытащивъ его письмо изъ кармана, *протянулъ его прямо ему подъ глаза*.

— Это вы писали?

— А хоть бы и я!...

— Понимали вы, что писали?...

— Значитъ понималъ, когда писалъ.

— Что вы понимали?...

— А понималъ, что слѣдуетъ,—отвѣтилъ онъ,—и что сами вы лучше меня знае....

Онъ не успѣлъ договорить. Троеруковъ ухватился за висѣвшую у него на рукѣ плеть и съѣздилъ ею съ размаха разъ и два по нагло хихикавшему его лицу...

Ж-жжи! словно *эхомъ* (?) удару взвизгнулъ неудержимо стоявшій подлѣ съ лошадью косарь...

Иринархъ выронилъ палку изъ рукъ и схватился ими за исполосанныя свои щеки...» (т. II, стр. 160—161).

Троеруковъ успѣлъ уѣхать, а Иринархъ такъ все и стоялъ, безмолвно принявши удары плетью,—хоть бы слово какое промолвилъ. Вотъ каковы были революціонеры 60 годовъ!

Но если взять и картины болѣе знакомой автору жизни, напримѣръ, разговоръ въ лакейской, то и тутъ выходитъ чортъ знаетъ что—не разговоръ, а какое-то кривлянье,—не жизнь, а каррикатура на жизнь... Однимъ словомъ, выходитъ какое-то представленіе, которымъ авторъ хочетъ потѣшить читателя. И потому читатель чуть не на каждомъ словѣ чувствуетъ, что авторъ передъ нимъ ломается, представляетъ. Такое чув-

ство испытываетъ онъ во все продолженіе романа, какъ при изображеніи прислуги, мужиковъ, такъ одинаково и высшаго общества, и революціонеровъ.

Ломанье, преднамѣренное представленье, съ цѣлью поучить, отвратить, предупредить—вотъ суть и задача «Перелома».

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 1842—1877 годовъ. Второе изданіе. Спб. 1882.

Наша публика en masse, т. е. включая сюда не только читающую газеты и журналы, а и посѣщающую театры, увеселенія,—весьма мало знакома даже съ тѣми немногими изъ нашихъ писателей, которые заслуживаютъ названія выдающихся, каковы Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Некрасовъ и друг. Такое полнѣйшее незнакомство не только съ произведеніями, но даже и съ именемъ Пушкина прекрасно объявилось въ Москвѣ въ 1880 году, въ день открытія ему памятника.

Когда собралась на площади передъ Тверскимъ бульваромъ многоголовая толпа, когда заколебалось скрывавшее памятникъ бѣлое покрывало, мы видѣли, какъ въ толпѣ многіе благоговѣйно сняли шапки и крестились. Мы слышали, какъ въ этой толпѣ раздавались вопросы: «Кто-жь онъ такой, этотъ человѣкъ?» «Генералъ что ли какой, что ему памятникъ ставятъ?» Пушкина не знаютъ! Не знаютъ даже въ Москвѣ!...

Не знаютъ также и Гоголя, не читали его «Мертвыхъ душъ».

Разъ намъ пришлось быть лѣтомъ на одномъ изъ загородныхъ публичныхъ спектаклей. Спектакль былъ устроенъ въ чью-то пользу,—кажется, въ пользу неимущихъ учащихся. Въ такихъ случаяхъ обычно билеты расходятся по знакомымъ, ближайшимъ и дальнимъ родственникамъ устроителей и рѣдко заходятъ куда дальше въ вверхъ или внизъ.

Въ афишѣ на этотъ разъ стояло: «Мертвыя души», разговоръ двухъ дамъ, прочтутъ такая-то и такая-то».

Когда поднялся занавѣсъ и на сценѣ оказались двѣ дамы, заговорившія о «глазкахъ и лапкахъ», мы слышали слова недоумѣнія: «А гдѣ же мертвыя-то души?»—спрашивала хорошо одѣтая, въ кружевахъ дама, обращаясь къ своему сожителю.—«А вотъ погоди,—онѣ еще выйдутъ»,—отвѣчалъ тотъ вполнѣ увѣренно. И какъ эта парочка оказалась огорченною, когда было уже безполезнымъ надѣяться на появленіе *обѣщанныхъ* мертвыхъ душъ!.. Они оба бранили устроителей за обманъ въ афишѣ!...

А чья тутъ вина?

Чтобы предотвратить подобные казусы или сдѣлать рѣже ихъ появленіе, для этого необходимы удешевленныя, всѣмъ доступныя, изданія нашихъ первоклассныхъ писателей. На что похожа, напримѣръ, цѣна за полное собраніе сочиненій Пушкина, Толстаго, Тургенева? Да и Гоголь вовсе не дешевъ, а о Достоевскомъ и говорить нечего.

Первый опытъ такого дешеваго изданія достался на долю Некрасова. И такой жребій вовсе не случайность. Подтвержденіе этому находимъ въ предисловіи ко второму изданію. «Въ новомъ компактномъ изданіи 1881 года,—говорится тамъ,—всѣ четыре тома стихотвореній были соединены вмѣстѣ, исключая примѣчаній къ нимъ, а біографическія свѣдѣнія помѣщены въ сокращеніи. *Это изданіе въ количествѣ 10.000 экземпляровъ разошлось ранѣе конца того же года*».

Значитъ менѣе чѣмъ въ годъ разошлось 10 тысячъ экземпляровъ сочиненій Некрасова! Нельзя не порадоваться такому явленію и не посмотрѣть на него, какъ на прекрасно удавшійся опытъ, который вполнѣ достоенъ подражанія.

Правда, никто, кромѣ Кольцова, не бралъ такихъ близкихъ для русскаго человѣка нотъ, никто не отзывался такъ въ своихъ пѣсняхъ на «слезы народныя», какъ Некрасовъ. Въ этомъ, разумѣется, надо искать объясненія удачи опыта, объясненія такого быстраго распространенія его сочиненій.

Некрасовъ, какъ извѣстно, умеръ въ одинъ изъ страшныхъ моментовъ нашей общественной жизни—въ моментъ войны. Испытывая невыносимыя муки своей ужасной болѣзни, Некрасовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ откликаться на общественныя событія, не переставалъ подмѣчать тѣ идеальныя стремленія и порывы, которыми тогда кипѣла русская жизнь, но которыя терялись въ общемъ массовомъ движеніи. Когда прошелъ острый моментъ, когда положено было оружіе и «водворенъ миръ», тогда много писали объ этихъ порывахъ. Надъ могилами жертвъ стали строить памятники. Много оказалось потомъ могилъ, къ которымъ такъ чудно шли дивные стихи поэта, созданные имъ во время страданій:

«Я сбросила мертвящіе оковы
Друзей, семьи, роднаго очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ опаснаго врага...
. . . .
. . . .
Слова... слова... красивые разсказы
О подвигахъ...; но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла».

Нѣтъ сомнѣнія, что и второе изданіе разойдется не съ меньшею быстротой, и надо надѣяться, что теперь въ кругъ читателей 2-го изданія войдетъ и молодая крестьянская Русь, въ читальнѣ и библіотекѣ которой сочиненія Некрасова должны будутъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Темная вода. Романъ въ трехъ частяхъ. *П. Лѣтнева.* С.-Петербургъ 1882 г.

Бываетъ такъ, что заглавіе произведенія уничтожаетъ въ читателѣ манящую впередъ иллюзію, даетъ разгадку раньше, чѣмъ онъ познакомился съ загадкой. Благодаря этому, произведеніе нерѣдко утрачиваетъ большую долю интереса. Но, случается, бываютъ и такія неопредѣленныя заглавія, отъ которыхъ въ одно и то же время можно и ждать много, и ничего не ждать. Человѣкъ же такъ созданъ, что онъ способенъ больше ждать—и ждетъ.

Этою чертой человѣка «ждать и надѣяться» нерѣдко весьма искусно пользуются писатели, подстрекая читателя манящимъ впередъ заглавіемъ. Случается, что съ этою цѣлью измышленное заглавіе представляетъ мало связи съ содержаніемъ и въ концѣ концовъ поселяетъ въ читателѣ только одно недоумѣніе.

Вотъ хоть бы данный романъ г. Лѣтнева. Озаглавленъ «Темная вода». Романъ прочтенъ, а «темная вода», несмотря на все желаніе усмотрѣть ее въ самомъ романѣ, такъ и остается безцѣльною загадкой для читателя.

Весь романъ представляетъ рядъ неожиданностей не только для самихъ героевъ, но и для читателя. Можетъ-быть «Темная вода» и означаетъ ту слѣпоту, которою страдаетъ человѣкъ по отношенію къ дѣйствительности, т.-е. ту долю иллюзіи и надежды, съ которой онъ смотритъ на жизнь и на людей. Послѣдніе нѣтъ-нѣтъ да и промелькнутъ передъ нимъ въ своемъ надлежащемъ видѣ, а онъ, не привыкшій видѣть ихъ въ наготѣ, поражается и принимаетъ дѣйствительность за неожиданность.

Это единственное толкованіе, какое мы могли бы дать заглавію даннаго романа, хотя и въ этомъ толкованіи чувствуется натяжка.

Посмотримъ, какого же рода неожиданности встрѣчаютъ читателя въ романѣ г. Лѣтнева?—Жизнь, правда, нерѣдко представляетъ сюрпризы; послѣдніе бываютъ несравненно чаще для того, кто мало жилъ, мало наблюдалъ, кто вообще мало вглядывался и вдумывался въ жизнь. Такъ, напримѣръ, для 20-тилѣтней героини названнаго романа, Лиды, буранъ въ степи могъ быть неожиданностью, несмотря на зловѣщія тучи, носившіяся по небу. Но г. Лѣтневъ подтасовываетъ своимъ героямъ и читателю такія неожиданности, въ которыхъ прямо чувствуется ходульность, подмостки, неизвѣстно для какой цѣли возведенныя.

Молодая дѣвушка Лида ѣдетъ изъ Петербурга, гдѣ она съ каждымъ днемъ разочаровывалась «въ своихъ надеждахъ (пусть не забудетъ читатель, что ей всего только 20 лѣтъ) устроить себѣ настоящую (?) дѣловую (?), полезную жизнь въ столицѣ» (стр. 17). Отъ всего этого она отказалась, надо замѣтить, не только безъ борьбы, безъ сожалѣнія, но даже нигдѣ не сказала, въ чемъ заключались эти надежды, желанія: она ни разу о нихъ не вспомнила, не намекнула... «Лидія Сергѣевна Корнилова кончила тѣмъ (надо прибавить, кончила, не начинавши), что всѣми

своими помышленіями обратилась къ деревнѣ, къ отцу, котораго горячо любила» (стр. 17). Въ чемъ заключалось это обращеніе къ деревнѣ, мы также не знаемъ, такъ какъ она, пріѣхавши въ деревню, и думаетъ, и говоритъ только о любви, что̀, разумѣется, съ не меньшимъ удобствомъ можно бы было практиковать и въ городѣ, а тѣмъ болѣе въ сѣверной столицѣ.

Лидія разсчитывала встрѣтить отца одного: онъ былъ вдовецъ и дѣтей, кромѣ нея, у него не было. Но ее встрѣтила неожиданность: отецъ женатъ на одной изъ злыхъ, самолюбивыхъ, тщеславныхъ женщинъ, которая, въ силу любви ко злу (другой причины нѣтъ), портитъ жизнь падчерицы.

Когда Лида замерзала въ степи, настигнутая бураномъ, ее встрѣтила еще бо̀льшая неожиданность: ее спасли отъ смерти—повстрѣчавшійся на дорогѣ молодой человѣкъ Аргинскій (неизвѣстно чѣмъ занимающійся), котораго она любила и съ которымъ видалась въ Петербургѣ ежедневно, и его товарищъ, докторъ Замятинъ, влюбленный въ Лиду безъ взаимности.

Лида никакъ не ожидала встрѣтить Аргинскаго, такъ какъ онъ былъ въ экспедиціи (?), и тѣмъ болѣе встрѣтить вдали отъ Петербурга среди степи.

«— Стало быть,—сказала она съ затаенной горечью, когда они очутились на постояломъ дворѣ, — еслибы метель не свела насъ такъ нечаянно, я и не знала бы даже о вашемъ возвращеніи въ Россію? Видно, хлопотливая жизнь заставляетъ забывать старыхъ друзей.

— Могу ли я забыть такого друга, какъ вы, — сказалъ Аргинскій и взялъ ея руку такъ просто и вмѣстѣ такъ нѣжно, какъ будто все между ними было сказано...

— Помните ли,—продолжалъ онъ (уже нѣсколько спустя),—какъ въ Петербургѣ мы съ вами иногда толковали о томъ, что для каждаго человѣка долженъ наступить когда-нибудь праздникъ жизни..., т.-е. ощущеніе полноты бытія? И мнѣ чудится, что этотъ праздникъ близко, что онъ наступилъ для меня... Какъ вы думаете, заслуживаю я его? — прибавилъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ...

— Что это за кольцо у васъ?—спросила она робко, указывая на гладкое, золотое кольцо на безъимянномъ пальцѣ?

Онъ, молча, снялъ его и подалъ ей; на внутренней сторонѣ его было вырѣзано—*Л*.

— Что это я какъ глупъ сегодня! — сказалъ онъ внезапно покраснѣвъ. — Я самъ себя не узнаю. Простите, что я все говорю загадками; завтра я пріѣду къ вамъ въ Корниловку,—вѣдь вы будете дома?... Мнѣ надо говорить съ вами, исповѣдаться вамъ во всемъ и все объяснить,— тихо сказалъ онъ» (стр. 24—32).

Разумѣется, онъ пріѣдетъ ей объясняться въ любви и дѣлать предложеніе,—думаетъ читатель. То же думаетъ и Лида. Она ждетъ Аргинскаго

съ вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ. Но онъ... хотя и заѣхалъ въ назначенный часъ, но только затѣмъ, чтобы сказать, что быть сегодня не можетъ,—его звали къ себѣ Калантаевы.

Однако неожиданность не въ этомъ. Она впереди. Ночью, вернувшись отъ Калантаевыхъ, у которыхъ былъ званый вечеръ, мачиха будитъ Лиду и объявляетъ ей, что у Калантаевыхъ свадьба: ихъ племянница Магдалина выходитъ замужъ за Аргинскаго.

Читатель недоумѣваетъ: зачѣмъ же была вся комедія со стороны Аргинскаго? Зачѣмъ этотъ вензель Л., когда невѣсту зовутъ Магдалина?... Все это безцѣльно, капризъ самой Магдалины. Но что всего неожиданнѣе — это, что самъ Аргинскій не видалъ въ своемъ поведеніи никакой комедіи, что онъ не подозрѣвалъ, что его любитъ Лида... Ужь какъ это могло случиться, чтобы молодой человѣкъ такъ-таки и не замѣтилъ, что любимъ женщиной, съ которой видался каждый день,—одному только автору извѣстно. Потому всѣ эти неожиданности превращаются въ чистую невозможность или, говоря прямѣе, въ галиматью, которая, цѣпляясь одна за другую, идетъ вереницей черезъ весь романъ.

Лида отъ всѣхъ неожиданностей занемогла. Изъ ея горячечнаго бреда Аргинскій узналъ, что она его любитъ...

Наконецъ отпраздновали свадьбу Аргинскито съ Магдалиной, и молодые люди поселились на хуторѣ неподалеку отъ имѣнія Лиды. Послѣдняя жила теперь одна: отецъ ея умеръ, а мачиха переселилась въ городъ. Калантаевъ, Аргинскій и Замятинъ часто бывали у Лиды, которая неизвѣстно зачѣмъ жила въ деревнѣ и неизвѣстно чѣмъ занималась.

Аргинскій со дня горячечнаго бреда Лиды жаждалъ сближенія съ ней; разъ онъ даже завелъ ее въ аллею и тамъ спросилъ: любитъ ли она кого-нибудь? Когда она отвѣтила: да,—онъ бросился ее цѣловать. Она вырвалась и ушла. Онъ былъ теперь увѣренъ, что она любитъ его. Но теперь и его въ свою очередь ждалъ цѣлый рядъ неожиданностей.

Разъ Лида является къ Аргинскимъ и объявляетъ имъ о своей свадьбѣ съ Калантаевымъ. Аргинскій пораженъ. Но Лида теперь не щадитъ его: при Магдалинѣ она напоминаетъ Аргинскому о разговорѣ въ аллеѣ. «Помните, Левъ Александровичъ, когда мы съ вами послѣдній разъ гуляли вечеромъ въ саду, вы спросили у меня: люблю ли я кого-нибудь,—и я отвѣчала; да, люблю. Еслибы вы имѣли терпѣніе немножко дождаться, я высказала бы вамъ откровенно мою тайну» (стр. 245).

Но данная неожиданность для читателя не представляется загадкой: хоть и не высоконравственный мотивъ, но все же онъ находитъ его для подобныхъ дѣйствій со стороны Лидіи Сергѣевны.

Съ этого момента Аргинскій чуть не до безумія дошелъ въ своей страсти къ Лидіи, именно съ того момента, когда между ею и имъ выросли препятствія, образовалась стѣна.

Эта капризная сторона въ человѣкѣ—*давай* именно то, что уходитъ—довольно вѣрно схвачена, и о ней авторъ ужь, кажется, слишкомъ много говоритъ въ своемъ романѣ. На капризѣ въ жизни дѣйствительно многое построено, по крайней мѣрѣ—бо́льшая доза поэзіи любви, той поэзіи, которой лишены люди прямые, открытые, неспособные вести игру, неспособные шутить своимъ чувствомъ, каковъ, наприм., докторъ Замятинъ. На долю такихъ хорошихъ людей выпадаетъ только горькая участь смотрѣть на чужую радость, на чужую жизнь и очищать путь для людей счастливыхъ.

Но самая главная неожиданность (какъ кажется автору) должна встрѣтить читателя въ концѣ романа, въ эпилогѣ, когда Калантаевы послѣ пятилѣтней замужней жизни въ Петербургѣ ѣдутъ въ деревню съ своими дѣтьми и заѣзжаютъ къ Аргинскимъ, гдѣ живетъ и Замятинъ съ женой (онъ женился—должно-быть, только въ силу инерціи—на акушеркѣ).

Хрупкая, нѣжная жена Аргинскаго, когда-то похожая на тонкую, нѣжную былинку, превратилась въ бабеху-хозяйку, которая трясется на каждое яблоко, которая съ головой ушла въ наживу, въ собиранье, въ кулачество, ушла до того, что потеряла чувство приличія и гостепріимства: она даже поѣсть не даетъ своимъ гостямъ. Разумѣется, такое изображеніе—утрировка со стороны автора: до такихъ размѣровъ Магдалинѣ довольно трудно было дойти въ такой сравнительно короткій промежутокъ; но что она должна погрузиться въ прозу жизни, и погрузиться глубоко, въ этомъ нѣтъ никакой неожиданности. Что представляла раньше до замужства эта женщина (да и самъ Аргинскій) и какіе имѣлись прочные задатки къ лучшему, которые бы долженствовали развиться, окрѣпнуть и уберечь ее отъ мелкихъ интересовъ и разсчетовъ? Авторъ говоритъ, что она была на курсахъ, готовилась въ медицинскую академію, работала. Но это, вѣдь, говоритъ авторъ. Мы же сами видѣли ее постоянно распростертою на диванѣ, слабою, съ флакономъ у носа и т. д. Это была, что называютъ, нервная женщина, крѣпко опирающаяся на свою нервность и слабость, пока онѣ ей были нужны, чтобъ ими привлечь къ себѣ Аргинскаго. А теперь, когда Аргинскій всецѣло принадлежалъ ей, когда ея соперница Лидія уѣхала въ Петербургъ, тогда слабость оказалась лишней и ее замѣнили хозяйскими способностями, которыя дѣйствительно при своемъ развитіи могутъ легко принять омерзительные размѣры.

«Темная вода», заволакивающая глаза зрячаго человѣка, влечетъ его вдаль и не позволяетъ разсмотрѣть съ перваго раза тотъ пустой орѣхъ, который въ концѣ концовъ оказывается на мѣсто манящей иллюзіи.

Но, вѣдь, не всегда же бываетъ такъ,—попадаются въ скорлупахъ и настоящіе, свѣжіе орѣшки; но не о нихъ говоритъ авторъ. Онъ на этотъ разъ выбралъ какіе-то свищи. Впрочемъ, въ романѣ «Темная вода» задѣтъ одинъ весьма жгучій современный вопросъ—это дѣти нашего времени и ихъ «разумное» воспитаніе. Этотъ вопросъ такъ важенъ, такъ

настоятеленъ для нашего времени, что требуетъ большой и подробной остановки, которая въ данномъ случаѣ невозможна.

Безобразное воспитаніе дѣтей въ старой семьѣ Калантаевыхъ обращаетъ сильно вниманіе автора, но онъ по обычаю утрируетъ это изображеніе. Надо думать, онъ пользуется этою манерой въ видахъ большей рельефности. Но, по нашему мнѣнію, пріемъ усиленія есть плохой пріемъ, мало достигающій цѣли, такъ какъ подрываетъ довѣріе къ фактамъ подобнаго рода вообще, дѣлаетъ ихъ въ глазахъ читателя фальшивыми, невозможными.

А г. Лѣтневъ, надо замѣтить, весьма часто прибѣгаетъ къ этому пріему и этимъ напоминаетъ намъ манеру старыхъ писателей, напримѣръ, Сумарокова, Фонъ-Визина и др., рисовавшихъ не человѣка всецѣло со всѣми его дурными и хорошими сторонами, а только какую-нибудь одну изъ его сторонъ, какой-нибудь недостатокъ. Такова первая жена Калантаева, такова мачиха Лиды: это какъ будто не люди, а одна — гадкая мать и больше ничего, а другая—злючка-мачиха.

К.

Археологія Россіи. Каменный періодъ. *Графа А. С. Уварова.* 2 тома, съ 4 и 19 табл. литогр., 3 картами, 7 табл. фототипій и картою Россіи. Москва. 1881 г. 8°.

Обширное предпріятіе нашего знаменитаго археолога, стоившее ему столь многихъ лѣтъ работы, самостоятельныхъ изслѣдованій, мелочнаго собиранія, увѣнчалось теперь столь же капитальнымъ изданіемъ, какъ и само предпріятіе. Первыя вводныя главы изслѣдуютъ существенные общіе вопросы, касающіеся каменнаго періода, его двухъ эпохъ, ихъ подраздѣленій, отношенія геологическихъ данныхъ къ первобытной археологіи, значенія восточнаго и западнаго нагорій азіятскаго материка для археологіи каменнаго періода въ Россіи, которая, по доказательствамъ автора (стр. 101), «можетъ начать свои изслѣдованія съ такихъ древнихъ памятниковъ, которые должны быть современны самымъ первымъ народамъ Азіи». Первобытная археологія Россіи начинается съ древнѣйшихъ временъ палеолитической эпохи или съ періода мамонта и мамонтовой фауны, какъ то доказывается новѣйшими открытіями и находками въ Полтавской губерніи, Каменецъ-Подольскомъ, и Владимірской губерніи, Муромскомъ уѣздѣ, у села Карачарова. Принявъ мнѣніе Брандта о постепенномъ переходѣ мамонта изъ сѣверной Сибири въ южную Азію, а потомъ въ Европу (стр. 159), иначе—о постепенномъ охлажденіи климата Сибири, авторъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что «палеолитическія орудія, находимыя въ Россіи вмѣстѣ съ мамонтовыми костями, принадлежатъ къ гораздо болѣе глубокой древности, чѣмъ тѣ же орудія во всей остальной Европѣ». Главы книги о мамонтовыхъ находкахъ въ Россіи и мамонтовой фаунѣ отличаются богатою и крайне точною эрудиціей. Главы VIII и IX

изслѣдуютъ тотъ общій вопросъ о первобытномъ жилищѣ, въ которомъ авторъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ лицъ въ современной наукѣ, благодаря собственнымъ изслѣдованіямъ пещерныхъ жилищъ и селеній Крыма и Кавказа. Обзоръ палеолитической эпохи заканчивается разсмотрѣніемъ быта, орудій для охоты, началъ гончарнаго искусства, костяныхъ издѣлій, иглъ, предметовъ пищи, рыболовства, переселеній человѣка изъ Азіи въ Европу и т. д. По послѣднему вопросу авторъ полагаетъ, что путь этихъ переселеній пролегалъ черезъ Европейскую Россію, и притомъ прямой и кратчайшій для направленія представляли горы на югѣ Кавказскаго перешейка, который представлялъ первобытному человѣку всѣ тѣ условія жизни, которыми онъ пользовался въ центральной возвышенности Азіи. Переходъ отъ отбивныхъ орудій палеолитической эпохи къ шлифованнымъ орудіямъ неолитической указывается авторомъ въ открытіи гончарства, котораго развитіе затѣмъ упреждаетъ искусство шлифовки; нѣсколько находокъ подали автору (стр. 254) мысль, что начатки гончарнаго производства заключались, быть-можетъ, въ желаніи человѣка замѣнить трудную отбивку орудій изъ камня имитаціями изъ глины. Равно начала гончарства въ Азіи встрѣчаются задолго до первыхъ его слѣдовъ на европейскомъ материкѣ, вообще же отличительныя черты переходной эпохи въ Азіи выясняются у автора описаніемъ находокъ въ Тункинской котловинѣ, лежащей между отрогами Алтайскаго хребта въ Иркутской губерніи, въ Европейской же Россіи находками въ Кирилловскихъ пещерахъ (профес. Антоновича въ 1876 г.) близъ Кіева, на берегу Днѣпра, и въ крымскихъ пещерахъ (г. Мережковскаго) близъ Ялты, на склонѣ Чатыръ-Дага, и др. Описаніе *стоянокъ* въ долинѣ Оки сопровождается прекрасною наглядною картой, точно также какъ отдѣльныхъ стоянокъ въ этихъ мѣстностяхъ. Наконецъ, неолитическая эпоха, занимающая въ книгѣ главы XV и XVI, описывается сперва по общимъ ея признакамъ: сверленію каменныхъ орудій, подборомъ для того наиболѣе пригодныхъ матеріаловъ (серпентинъ въ особенности, кварцъ, граниты и пр. и пр.), оброннымъ украшеніямъ и изваяніямъ на топорахъ, чашечнымъ камнямъ (на Кавказѣ) и пр. и пр., исключительно по находкамъ въ Россіи, и заканчивается описаніемъ поселеній у береговъ Ладожскаго озера, изслѣдованныхъ г. Иностранцевымъ, и Фатьяновской стоянки близъ Уткина на Ярославско-Вологодской желѣзной дорогѣ. Въ послѣдней стоянкѣ попались уже слѣды бронзы, и она можетъ считаться, по мнѣнію автора, крайнимъ предѣломъ каменнаго періода въ Россіи.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, общее содержаніе этого капитальнаго сочиненія, которое, конечно, требуетъ и болѣе компетентной критики, на что, конечно, потребуется много труда и отъ спеціалистовъ. Но всякій, кто знаетъ, трудность построенія въ русской наукѣ подобныхъ общихъ системъ, можетъ оцѣнить значеніе труда графа Уварова. Второй томъ его сочиненія представляетъ каталогъ болѣе 6.300 каменныхъ ору-

дій, найденныхъ въ Россіи. Не можемъ не сказать, даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что подобнаго счастія не выпадало и историческимъ памятникамъ Россіи. За этимъ изслѣдованіемъ послѣдуетъ, видимо, бронзовый періодъ, для котораго нашъ знаменитый ученый собралъ уже столь много. Въ заключеніе не можемъ не заявить желанія, чтобы содержаніе вышедшаго сочиненія явилось въ болѣе популярной формѣ или даже просто краткомъ извлеченіи, пользу чего сознаютъ, конечно, всѣ слѣдящіе за возрастающимъ значеніемъ археологическихъ изслѣдованій въ русской исторіи.

Н. К.

Гомеопатія въ Россіи. Историческій очеркъ. Составилъ докторъ *К. Боянусъ*. Изданіе *Ѳ. К. Флеминга*. Москва. 1882 г.

Пишущій эти строки—не гомеопатъ, не врачъ и съ медициной ничего общаго не имѣетъ, тѣмъ не менѣе прочелъ выше названную книгу съ большимъ интересомъ. Это не спеціально-научное изслѣдованіе, а вполнѣ популярно и объективно изложенный очеркъ тѣхъ чиновническихъ преслѣдованій, коимъ подвергалась гомеопатія въ Россіи, несмотря на покровительство, оказанное ей императоромъ Николаемъ I и нѣкоторыми высокостоявшими правительственными лицами, видѣвшими въ ней лучшій, наиболѣе удобный, доступный и дешевый способъ народнаго лѣченія. Читатель невольно дѣлаетъ выводъ, что и сфера науки не ограждена у насъ отъ чиновническихъ продѣлокъ, способныхъ парализовать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, ежели только мѣры эти грозятъ уничтоженіемъ источника наживы. Уже въ предисловіи къ книгѣ встрѣчаемъ слѣдующее:

«Въ февралѣ прошлаго года мы имѣли честь обращаться за содѣйствіемъ намъ къ начальству тѣхъ учрежденій, въ архивахъ которыхъ надѣялись найти необходимый для насъ матеріалъ, а именно: къ д. с. с. Дубицкому — главному доктору московскаго военнаго госпиталя, гдѣ, какъ намъ извѣстно, должны храниться свѣдѣнія о гомеопатическомъ лѣченіи, предпринятомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ по инииціативѣ московскаго коменданта генерала отъ кавалеріи Карла Густафовича Стааля; къ т. с. Розову—директору медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, куда несомнѣнно должны были поступать свѣдѣнія о гомеопатическомъ лѣченіи, производившемся съ 1847 по 1855 г., въ теченіе восьми лѣтъ, въ женскомъ отдѣленіи с.-петербургской больницы чернорабочихъ, и, наконецъ, къ т. с. Козлову — главному инспектору главнаго военно-медицинскаго управленія, въ архивѣ котораго должны были находиться свѣдѣнія объ опытахъ гомеопатическаго лѣченія, производившагося въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ д-ромъ Германомъ въ тульчинскомъ и с.-петербургскомъ военныхъ госпиталяхъ, и объ опытахъ д-ра Грауфогля въ гельсингфорскомъ госпиталѣ.—Просьба наша удостои-

лась вниманія одного только г. Козлова. Благодаря его любезности, мы имѣли возможность ознакомиться съ перепиской, неоднократно возникавшею въ военномъ министерствѣ по поводу ходатайствъ д-ра Черминскаго о введеніи въ военныхъ госпиталяхъ гомеопатическаго лѣченія и съ дѣломъ объ опытахъ д-ра Грауфогеля въ гельсингфорскомъ госпиталѣ. Что касается дѣла объ опытахъ Германа, то его въ архивахъ не оказалось: оно когда-то было отослано въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ и тамъ осталось. Несмотря на послѣднюю неудачу, мы считаемъ долгомъ выразить г. Козлову нашу искреннюю и глубокую признательность, тѣмъ болѣе, что ни г. Дубицкій, ни г. Розовъ не отвѣтили намъ ни единымъ словомъ. Такъ какъ мы не сомнѣваемся, что условія вѣжливости и приличія вполнѣ извѣстны какъ г. Дубицкому, такъ и г. Розову, то молчаніе ихъ мы объясняемъ другою причиной, которую отгадать не трудно...»

Дѣйствительно, не трудно: канцелярская тайна — средство не только удобное, но и необходимое для прикрытія чиновнической лжи и неправды.

Ученіе Ганемана проникло въ Россію въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи докторъ Адамъ, только-что за годъ передъ тѣмъ познакомившійся съ Ганеманомъ, и слышанное отъ него передалъ доктору Шерингу, бывшему впослѣдствіи главнымъ штабъ-докторомъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. «До того времени,— говоритъ авторъ очерка, — въ Петербургѣ не было слуха о гомеопатіи. Одновременно съ тѣмъ, какъ петербургское общество прислушивалось къ толкамъ о гомеопатіи и мало-по-малу знакомилось съ идеями Ганемана, на западныхъ окраинахъ Россіи, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и въ Царствѣ Польскомъ, новый способъ лѣченія уже практиковался двумя врачами, ревностными приверженцами Ганемана и дѣятельными распространителями его ученія. То были доктора: въ Лифляндіи— Штегеманнъ, а въ Польшѣ—Бижель. Имя перваго изъ нихъ достойно памяти не только потому, что жители Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи обязаны ему введеніемъ и распространеніемъ гомеопатіи, но и потому, что его практическая дѣятельность въ первый разъ вызвала у насъ со стороны оффиціальной медицины возраженіе противъ новаго ученія». Трудъ этотъ былъ предпринятъ врачомъ при клиникѣ Дерптскаго университета, докторомъ Заменомъ. «Въ сочиненіи Замена: «Ueber die gegenwärtige Stellung der Homeopathie zur bischerigen Hielkunde», появившемся въ 1825 году, достоинства и недостатки гомеопатіи разобраны,— говоритъ авторъ разсматриваемой нами книги,—съ такимъ безпристратіемъ, съ такою примѣрною сдержанностью, что въ ряду всего появившагося въ литературѣ противниковъ гомеопатіи трудъ Замена можетъ назваться *единственнымъ* произведеніемъ, достойнымъ вниманія и уваженія людей науки. Въ сочиненіи своемъ, между прочимъ, онъ такъ говоритъ о значеніи гомеопатіи: «Присоединяясь въ видѣ вѣтви или отрасли ко всѣмъ знаніямъ, составляю-

щихъ медицину, гомеопатія займетъ мѣсто, конечно, болѣе достойное, нежели то, которое занимаетъ теперь, находясь во враждебномъ положеніи къ господствующей школѣ, и каковъ бы ни былъ результатъ изслѣдованія гомеопатическаго отношенія лѣкарственнаго вещества къ болѣзни, оно въ настоящемъ послужитъ къ освѣщенію нашего искусства, а въ будущемъ, можетъ-быть, поведетъ къ болѣе глубокому и совершенному пониманію органической жизни человѣка». Приведя довольно обширныя выдержки изъ сочиненія Замена, авторъ очерка, пользующійся заслуженною извѣстностью, врачъ-гомеопатъ говоритъ: «Мы съ своей стороны должны сознаться, что все, что было сказано имъ противъ гомеопатіи болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ еще сохраняетъ силу и значеніе».

Распространитель гомеопатіи въ Царствѣ Польскомъ, Бижель, состоялъ лейбъ-медикомъ великаго князя Константина Павловича, который и поручилъ ему санитарную часть въ открытой въ 1829 году и состоявшей изъ 500 человѣкъ школѣ кантонистовъ.

Слухи объ успѣхахъ гомеопатіи на нашихъ западныхъ окраинахъ дошли до Петербурга и усилили интересъ, возбужденный ею вначалѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и вызвали оппозицію новому ученію, во главѣ которой стоялъ Зейдлицъ, бывшій въ то время главнымъ докторомъ морскаго госпиталя, а впослѣдствіи профессоромъ Петербургской медико-хирургической академіи.

Покойный государь Николай Павловичъ, также какъ и братъ его, великій князь Михаилъ, относились къ гомеопатіи благосклонно. Въ 1826 году въ Петербургъ пріѣхалъ изъ-за границы докторъ Германъ. Онъ былъ гомеопатъ и успѣшнымъ лѣченіемъ въ окрестностяхъ Ораніенбаума эпидемическаго кроваваго поноса обратилъ на себя вниманіе великаго князя Михаила Павловича, который и возымѣлъ мысль примѣнить гомеопатію къ поданію помощи войскамъ, дѣйствовавшимъ въ то время въ Турціи, въ числѣ которыхъ былъ и ввѣренный ему гвардейскій корпусъ. По докладу о томъ Государю, состоялось Высочайшее повелѣніе—военно-медицинскому департаменту заключить съ Германомъ контрактъ на годъ и командировать его въ Тульчинъ, гдѣ въ то время находилось до 1.000 человѣкъ больныхъ. Герману вмѣнялось въ обязанность употреблять свои собственныя лѣкарства, а въ вознагражденіе назначалось 12.000 рублей. Нечего и говорить, что контрактъ этотъ не могъ нравиться врачамъ. Такъ Зейдлицъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говоря о командировкѣ Германа въ Тульчинъ, не одинъ разъ и особенно настойчиво старается обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что Герману было назначено 12.000 руб. жалованья, «тогда какъ онъ и его товарищи за какіе-нибудь 700 рублей должны были приносить въ жертву ужасамъ войны и жизнь, и свои познанія, съ такимъ трудомъ и такой дорогою цѣной пріобрѣтенныя». «И вотъ, — говоритъ авторъ очерка, — начинается махинація. Герману отводятъ для госпиталя сырое зданіе, ли-

шенное всякой вентиляціи, кромѣ той, которая совершается при помощи неприкрывавшихся оконъ и дверей; въ гомеопатическій госпиталь назначають больныхъ, изъ которыхъ половина переведена изъ аллопатическихъ больницъ, гдѣ они уже наглотались всякой дряни, осложнившей первоначальныя болѣзни; между присланными больными были и такіе, которые самими же аллопатами признаны неизлѣчимыми: «на-ко, молъ, вылѣчи...» Для извѣстныхъ потребностей больные должны были переходить черезъ большой дворъ и подвергаться простуднымъ болѣзнямъ; присмотра за ними со стороны начальства—никакого: они свободно курятъ, нюхаютъ, жуютъ табакъ; съ огородовъ приносятъ хрѣнъ, лукъ, чеснокъ, полынь, по мнѣнію ихъ—цѣлительные въ лихорадкѣ, и все это съѣдается съ тѣмъ наслажденіемъ, которымъ у русскаго простолюдина сопровождается аппетитъ къ подобнымъ лакомствамъ, а что не съѣдалось, то пряталось подъ кроватями про запасъ. Въ аллопатическомъ отдѣленіи за такое своеволіе нижніе чины подвергались строгой отвѣтственности, но на больныхъ Германа госпитальное начальство смотрѣло съ преднамѣренною снисходительностью, какъ будто такъ и быть должно. Вотъ въ какой обстановкѣ и при какихъ условіяхъ долженъ былъ Германъ доказывать превосходство гомеотическаго лѣченія. Медицинское начальство, наблюдавшее за результатами его дѣйствій, донесло, что гомеопатическое лѣченіе не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ аллопатическимъ и опыты Германа, послѣ трехъ мѣсяцевъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Тульчинѣ были прекращены».

И такъ всегда. Какія бы мѣры правительство ни предпринимало съ цѣлью опытомъ убѣдиться въ пригодности гомеопатіи для лѣченія народа и войска, было ли дѣлаемо это по инниціативѣ Императора или высокопоставленныхъ лицъ (великихъ князей, министровъ, управляющаго удѣлами), какіе бы блистательные результаты ни получались, какъ, напримѣръ, при лѣченіи холеры въ 1831, 1848 и пятидесятыхъ годахъ, страхъ потерять источникъ наживы, мѣста, оклады, потребленіе массы медикаментовъ, нежеланіе вникнуть въ дѣло—возбуждали во врачебномъ мірѣ предвзятую, корыстную, а потому и тѣмъ сильнѣйшую вражду къ новому ученію. Дѣло доходило до того, что въ 1832 и 1833 годахъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ существовало предположеніе о запрещеніи гомеопатическаго лѣченія. Вопросъ объ этомъ запрещеніи возникъ по инниціативѣ медицинскаго департамента—этого высшаго у насъ медицинскаго учрежденія—и поддерживался особенно настойчиво извѣстнымъ въ свое время медикомъ, баронетомъ Виллie, и только благодаря министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и государственному контролеру, Хитрово, государственный совѣтъ ограничилъ это запрещеніе недопущеніемъ гомеопатіи въ больницы правительственныя и общественныя и тѣмъ же постановленіемъ (26 сентября 1833 года) узаконилъ частную практику врачей-гомеопатовъ.

Тѣмъ же интригамъ, проискамъ, подтасовкамъ, доходившимъ до представленія ложныхъ вѣдомостей, подвергся еще очень недавно одинъ изъ ученѣйшихъ гомеопатовъ въ Европѣ, д-ръ Грауфогель, вызванный изъ Нюренберга финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Н. В. Адлербергомъ, для чтенія лекцій въ Гельсингфорскомъ университетѣ и завѣдыванія особо устроенной въ Гельсингфорсѣ гомеопатическою больницей. Благодаря этимъ проискамъ, болѣзни графа Адлерберга и отъѣзду съ нимъ за границу, по Высочайшему повелѣнію, доктора Грауфогля, дѣятельность послѣдняго въ Россіи осталась безъ особенныхъ результатовъ.

Но въ то время, когда люди науки, стоявшіе во главѣ медицинскаго управленія Россіи, съ неимовѣрнымъ чиновничьимъ усердіемъ напрягали всѣ свои силы на борьбу съ гомеопатіей, послѣдняя, хотя и медленно, пробивала себѣ путь, благодаря усиліямъ своихъ приверженцевъ — либо частныхъ лицъ, видѣвшихъ въ ней дѣйствительный, практически удобопримѣнимый и до крайности удешевленный способъ лѣченія народныхъ массъ, изъ числа коихъ особенно выдвигаются своею благотворною дѣятельностью С. Н. Корсаковъ, Н. Н. Муравьевъ и адмиралъ Мордвиновъ,—либо врачей, опытомъ, научнымъ изслѣдованіемъ дошедшихъ до вѣры въ ученіе Ганемана. Изъ числа послѣднихъ особенно выдается прежде бывшій гонитель гомеопатіи, извѣстный знатокъ русскаго языка, составитель «Толковаго словаря» и врачъ В. И. Даль. Написавъ въ 1833 году статью: «Самуилъ Ганеманъ всеразводитель», помѣщенную въ *Сынѣ Отечества*, въ которой онъ прямо глумится надъ гомеопатіей,—Даль, живя затѣмъ въ Оренбургѣ, случайно былъ поколебленъ въ своемъ недовѣріи къ гомеопатіи, а затѣмъ рядомъ научно-произведенныхъ опытовъ и наблюденій обращенъ въ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ ея.

Въ 1841 году Л. А. Перовскій, бывшій въ то время товарищемъ министра удѣловъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ Даля къ себѣ на службу. Занимая въ теченіе восьми лѣтъ при министрѣ мѣсто правителя канцеляріи, Даль считался правою рукой Перовскаго. Такое положеніе дало ему возможность оказать дѣлу гомеопатіи существенную услугу: онъ не только убѣдилъ самого Перовскаго въ пользѣ гомеопатическаго метода, но и склонилъ къ открытію при петербургской больницѣ чернорабочихъ особаго отдѣленія въ 50 кроватей для лѣченія больныхъ исключительно гомеопатическимъ способомъ, а для лучшаго сравненія этого лѣченія съ аллопатическимъ открыть для 50 больныхъ другое параллельное отдѣленіе—аллопатическое. Пріемъ больныхъ въ то и другое отдѣленіе былъ безвыборный, очередной, по мѣрѣ поступленія ихъ въ больницу. Оба отдѣленія существовали 8 лѣтъ (съ 1847 по 1855 годъ), и вотъ результаты практики въ нихъ за все это время:

	Отдѣленіе аллопатич.	Отдѣленіе гомеопатич.
Поступило больныхъ	2.782	5.900
Выздоровѣло	2.360	5.119
Умерло	413	756
Смертность	14%	12%
Среднее время пребыванія одного больнаго въ лѣченіи равнялось дней	27½	24¾
Расходы на медикаменты за всѣ 8 лѣтъ	5.660	960

По выходѣ Даля изъ министерства и послѣ смерти графа Перовскаго (1856 г.) гомеопатическое отдѣленіе стало приходить въ упадокъ и завѣдывавшій имъ докторъ Штендеръ вышелъ въ отставку.

Оставивъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Даль получилъ мѣсто управляющаго удѣльною конторой въ Нижнемъ-Новгородѣ и занималъ эту должность десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ больницѣ удѣльнаго вѣдомства другаго лѣченія, кромѣ гомеопатическаго, не было.

Въ концѣ книги мы находимъ слѣдующія данныя для сужденія объ успѣшности распространенія гомеопатіи въ Россіи:

«Въ двадцатыхъ годахъ, когда впервые она стала у насъ извѣстна, врачей-гомеопатовъ во всей Россіи, со включеніемъ Привислянскихъ губерній и Прибалтійскаго края, было всего только 5 человѣкъ, изъ которыхъ двое (Адамъ и Триніусъ) почти не практиковали. Успѣшное лѣченіе холеры въ первую эпидемію обратило многихъ врачей старой школы къ гомеопатіи, такъ что въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы могли назвать болѣе сорока врачей, практиковавшихъ по гомеопатическому способу. Въ настоящее время ихъ въ Петербургѣ 12, въ Москвѣ 4, въ Ригѣ 4, въ Привислянскихъ губерніяхъ 5, въ провинціальныхъ городахъ Россіи 56, всего 81 человѣкъ.

«Въ началѣ была одна аптека — центральная въ Петербургѣ, теперь онѣ заведены въ Москвѣ — центральная и особое отдѣленіе при одной изъ аллопатическихъ аптекъ, въ Варшавѣ и Ригѣ. Изъ находящихся у насъ свѣдѣній о расходѣ гомеопатическихъ лѣкарствъ въ трехъ аптекахъ— петербургской, московской и рижской—видно, что изъ первой въ первый годъ ея существованія (1834 — 1835) отпущено было всего только по 2.000 рецептамъ, теперь же цифра эта дошла до 16.000; изъ московской аптеки въ первый годъ по учрежденіи ея, въ 1835 году, было отпущено по 3.026 рецептамъ, затѣмъ до 1839 цифра эта дошла до 6.613, потомъ до 1843 года она нѣсколько понизилась, но съ 1850 г., постепенно возрастая, доходитъ въ настоящее время до 10.000 нумеровъ; въ рижской аптекѣ, учрежденной въ 1834 году, въ первое десятилѣтіе число поступившихъ рецептовъ съ 2.953 возросло до 9.309, затѣмъ въ 1855 г. до 13.021, въ 1865 г. до 14.718 и въ настоящее время доходитъ до 23.420. *Общество с.-петербургскихъ врачей-гомеопатовъ*, въ настоя-

щее время, насчитываетъ дѣйствительныхъ членовъ 53 и членовъ-соревнователей 81. Въ другомъ обществѣ—*послѣдователей гомеопатіи*—около 200 членовъ.

«Вотъ факты,—говоритъ авторъ книги,—которые доказываютъ несомнѣнный ростъ гомеопатіи въ Россіи, несмотря на упорное противодѣйствіе ей со стороны медицинской администраціи. Большинство врачей Россіи—аллопаты, но число гомеопатовъ, открыто практикующихъ, увеличивается; мы говоримъ *открыто* практикующихъ, потому что есть и такіе врачи, которые, причисляя себя къ старой школѣ, въ практикѣ прибѣгаютъ и къ гомеопатическому лѣченію. Большинство публики лѣчится также аллопатически, но и тутъ видимъ, какъ это доказываетъ возрастающій съ каждымъ годомъ отпускъ гомеопатическихъ лѣкарствъ, что паціенты начинаютъ все болѣе и болѣе предпочитать гомеапатію».

Свой очеркъ, эту по-истинѣ эпопею борьбы науки въ сферѣ одной изъ ея отраслей, встрѣтившей поддержку общества и правительства, съ чиновническою частью нашего медицинскаго міра, съ его корыстью и боязнью утратить свое нынѣшнее значеніе и находящіеся въ его рукахъ источники наживы, авторъ заканчиваетъ такъ: «Но чего же мы хотимъ?—спросятъ насъ.—Развѣ не было опытовъ, возобновлявшихся почти каждое десятилѣтіе?... Мы хотимъ свободнаго преподаванія медицины и свободныхъ опытовъ; мы хотимъ, чтобы молодое поколѣніе врачей знакомилось съ великою идеей Ганемана и новою терапіей не по лекціямъ аллопатовъ, но по положеніямъ, выработаннымъ современною гомеопатическою наукой; мы хотимъ опытовъ не скороспѣлыхъ, не для вида только, но многолѣтнихъ и свободныхъ, доступныхъ лишь *наблюденіямъ* противниковъ гомеопатіи, но безъ всякаго съ ихъ стороны *административнаго вмѣшательства*; мы хотимъ, чтобы гомеопатія имѣла каѳедру и клинику, какъ имѣетъ ихъ и аллопатическая медицина. Вотъ наше желаніе. Если ученіе новой медицины построено на пескѣ, если въ основаніи его ложь и заблужденіе, то, будучи подвергнуто публичному обсужденію и публичной повѣркѣ на опытѣ, оно падетъ, какъ пали въ свое время и другія прославленныя ученія, вышедшія изъ нѣдръ аллопатической школы».

Закончимъ и мы нашъ отчетъ объ этой очень интересной, богатой свѣдѣніями и поучительной книгѣ обращеніемъ вниманія читателя на ту роль, на то значеніе, которыя, при дальнѣйшемъ распространеніи и развитіи, можетъ имѣть гомеопатія, столь удобопримѣнимая и экономная въ дѣлѣ земской медицины, въ дѣлѣ охраненія здравія народныхъ массъ, въ этой одной изъ важнѣйшихъ задачъ и наиболѣе серьезныхъ и трудныхъ обязанностей земства.

Б.

Иностранная библіографія.

Деревенское училище во время революціи. *Альберта Бабо.* **(L'école de village pendant la révolution.** *Albert Babeau*).

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція сбросила съ себя позорное иго второй имперіи, признаки умственнаго и нравственнаго возрожденія все болѣе и болѣе множатся въ этой странѣ. Увлеченіе лживою славой кровавыхъ побѣдъ уступаетъ мѣсто дѣятельной работѣ для внутренняго благосостоянія. Само собою разумѣется, что просвѣщенное правительство республики обратило особенное вниманіе на распространеніе и улучшеніе народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оживился интересъ и къ исторіи народной школы во Франціи.

Въ министерство г. Поля Берта, директоръ первоначальныхъ училищъ, г. Бюиссонъ, представилъ министру докладъ, въ которомъ указывалъ, что одинъ періодъ въ исторіи общественнаго образованія во Франціи до сихъ поръ остается мало изслѣдованнымъ: время съ 1789 года до консульства. Между тѣмъ эта эпоха въ высокой степени важна въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія. Г. Бюиссонъ предлагаетъ министру учредить правительственную коммиссію для изданія всѣхъ относящихся къ оффиціальной исторіи образованія документовъ, напоминая о приближающейся столѣтней годовщинѣ великой революціи. Г. Поль Бертъ вполнѣ одобрилъ предложеніе директора начальныхъ училищъ и немедленно учредилъ коммиссію, въ своемъ предсѣдательствѣ. Вице-президентами коммиссіи назначены знаменитые историки—Луи Бланъ и Анри Мартенъ, и извѣстный своими педагогическими трудами академикъ Греаръ. Занятія коммиссіи начались въ январѣ нынѣшняго года прекрасною рѣчью бывшаго министра народнаго образованія, въ которой онъ указалъ на долгъ

современнаго общества по отношенію къ трудамъ людей, положившихъ прочныя основы новаго политическаго строя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдовательно, Франція будетъ имѣть изданіе, достойное страны и людей, такъ много думавшихъ и работавшихъ для народнаго образованія. Но частныя лица уже приступили, вполнѣ самостоятельно, къ изученію состоянія французской школы во время первой революціи. Къ числу работъ подобнаго рода относится сочиненіе Альберта Бабо подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Г. Бабо пріобрѣлъ извѣстность своими изслѣдованіями о деревнѣ и городѣ во Франціи стараго порядка. Его новый трудъ представляетъ значительный интересъ.

Если всѣ согласны, — говоритъ авторъ, — въ томъ, что народное образованіе составляетъ одну изъ благороднѣйшихъ заботъ современнаго общества, то въ вопросѣ о средствахъ для достиженія этой высокой цѣли обнаруживается, наоборотъ, большое разногласіе. Причиною такого разногласія служитъ зависимость средствъ отъ принциповъ, которые кладутся въ основаніе народной школы, и здѣсь-то философскій духъ, свобода, религіозное чувство и стремленіе къ власти вступаютъ въ борьбу между собою. Поэтому скромная, повидимому, исторія начальнаго образованія имѣетъ въ дѣйствительности глубокое значеніе.

До 1789 года элементарное училище зависѣло отъ духовенства, общины, семьи. Революція,—говоритъ Бабо,—захотѣла подчинить это училище политическимъ и философскимъ ученіямъ.

Школы, гдѣ учили читать, писать и считать, были по всей Франціи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ Лотарингія, почти въ каждомъ приходѣ находилось училище; въ другихъ, наоборотъ, школъ почти не существовало. Замѣчательно, что наиболѣе невѣжественными были и таковыми (сравнительно) остаются тѣ изъ французскихъ провинцій, кельтское населеніе которыхъ особенно мало смѣшалось съ другими племенами. Такова Бретань, гдѣ *охранительный духъ*, по формѣ и содержанію, напоминаетъ соотвѣтствующій духъ нашихъ самобытниковъ.

Французскій крестьянинъ XVIII вѣка все болѣе и болѣе чувствовалъ необходимость образованія. Онъ начинаетъ приносить имущественныя жертвы для того, чтобъ его дѣти посѣщали школу. На встрѣчу этому стремленію изъ глубины народа правительство не шло, и усилія духовенства (не особенно настойчивыя) облегчались только дѣятельностью немногихъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Народные учителя были въ большинствѣ случаевъ плохо подготовлены.

Ихъ главнѣйшая забота состояла въ томъ, чтобъ угодить приходскому священнику, чтобы жить съ нимъ въ добромъ согласіи. Печальныя послѣдствія такой зависимости сказывались постоянно и возбуждали справедливыя жалобы современниковъ. Съ другой стороны начинаютъ слышаться требованія о томъ, чтобъ уровень народныхъ учителей былъ поднятъ, чтобы съ этою цѣлью были учреждены учительскія семинаріи. Хорошимъ въ старинномъ устройствѣ французскихъ народныхъ училищъ можно признать только избраніе учителей самою общиной (ищущій мѣста долженъ былъ имѣть одобрительное свидѣтельство отъ церковныхъ властей). Государство не вмѣшивалось въ это дѣло. Бургундскій интендантъ писалъ въ 1780 году, что школьные учителя должны зависѣть отъ мѣстныхъ жителей, которые платятъ учителю вознагражденіе.

Около 1760 года президентъ Ролланъ и многіе другіе выдающіеся люди выступили въ защиту *національнаго образованія*, которое они справедливо противополагали господствовавшей системѣ, отдавшей школы въ руки католическаго духовенства. Дидеро и другіе энциклопедисты потребовали, чтобы народное образованіе стало дѣломъ правительства, какъ выразился Вольтеръ, чтобъ оно было исключительно гражданскимъ, свѣтскимъ. Философская мысль пробуждала любовь къ ближнему, человѣчность. Провинціальныя академіи предлагаютъ темами для сочиненій на преміи и на другія почетныя награды вопросы о народномъ образованіи. Наказныя тетради, которыя привезли съ собою въ Парижъ депутаты въ генеральные штаты, настойчиво говорятъ о необходимости умноженія и улучшенія школъ. Одна только община (Peipin, въ сенешальствѣ Э) выступила съ чудовищнымъ требованіемъ повсемѣстнаго закрытія училищъ.

Что же сдѣлала для народнаго образованія революція?

Національное собраніе, одушевленное самыми высокими намѣреніями, сдѣлало, по мнѣнію Бабо, ошибку, потребовавши присяги отъ священниковъ. Многіе изъ послѣднихъ отказывались исполнить требованіе правительства, учителя приходскихъ школъ ихъ поддерживали — и народное образованіе было дезорганизовано. Декретъ 15-го апрѣля 1791 года требуетъ гражданской присяги и отъ учителей. Тѣ, которые не подчинялись декрету, лишались мѣста; принявшіе присягу лишались учениковъ, такъ какъ крестьяне, подстрекаемые духовенствомъ, оказывали противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ и не пускали своихъ дѣтей въ школу, гдѣ учителемъ былъ неугодный духовенству человѣкъ.

Конвентъ, несмотря на угрожающія затрудненія, въ которыхъ находилось государство, съ особенною внимательностью и любовью занялся вопросомъ объ общественномъ образованіи, въ особенности о начальныхъ народныхъ школахъ. Но предписанія конвента, объявлявшія обученіе свободнымъ, безплатнымъ и обязательнымъ, не могли получить дѣйствительнаго осуществленія въ странѣ, потрясенной изъ конца въ конецъ, раздираемой междуусобіями и принужденной въ то же время защищаться отъ иноземныхъ враговъ. Поэтому революція не могла почти ничего *сдѣлать* въ области народнаго (начальнаго) образованія, но за то она подготовила основы, на которыхъ консульство и имперія возвели бюрократическую систему образованія, а третья республика, разрушивъ все казарменное и лживое въ этой системѣ, на тѣхъ же основахъ воздвигаетъ величественную систему дѣйствительно народнаго, дѣйствительно свободнаго воспитанія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революціонное правительство Франціи совершило не мало ошибокъ. Болѣе того: оно вступало иногда въ противорѣчіе идеямъ, во имя которыхъ велась самая революція, и спускалось до насилій, до преступленій. Но отъ этого, конечно, не уменьшается великое значеніе идей свободы, равенства и братства. Смѣшныя преувеличенія, которыми страдала бурная эпоха, отразились, разумѣется, и въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Извѣстно, какое громадное значеніе придавали многіе революціонные дѣятели установленію общественныхъ праздниковъ, которыми думали замѣнить въ душѣ народа праздники католической церкви. Безъ сомнѣнія, общественные праздники, на которыхъ вспоминаются свѣтлые историческіе дни и великіе люди, имѣютъ большое воспитательное значеніе. Но революціонное правительство впало въ этомъ отношеніи въ нелѣпую крайность. М. Ж. Шенье восклицалъ, что въ нравственномъ воспитаніи первое дѣло заключается въ учрежденіи національныхъ праздниковъ. Воскресенье уничтожается декретомъ, и днемъ отдыха назначается десятый день *декады*, долженствовавшей замѣнить недѣлю стараго порядка. Дѣти непремѣнно обязаны посѣщать республиканскіе праздники и выслушивать на нихъ длинныя рѣчи политическаго содержанія, и т. д.

Въ общемъ выводѣ революція, по мнѣнію Бабо, если не просвѣтила, то пробудила крестьянина. Многія идеи и общеполезныя свѣдѣнія получили широкое распространеніе, и это отразилось, конечно, увеличеніемъ числа словъ, т. е. понятій, составляющихъ умственное содержаніе народа. Современныя демократіи,—такъ кончаетъ свою книгу Бабо,— ча-

сто ищутъ для себя девиза; онѣ взываютъ къ свободѣ, къ равенству, къ братству, которыя могутъ быть политическими и общественными добродѣтелями, но которыхъ недостаточно для правильной жизни государства. Для Бабо девизомъ народа должно быть: *уваженіе и свобода*. Уваженіе вѣрованій, правъ, личной свободы должно быть поставлено во главу угла въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ.

Россія и русскіе. *Виктора Тиссо* (**La Russie et les russes,** indiscrétions de voyage. *Victor Tissot*. Troisième édition).

Наше отечество все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. Роль, которую Россія будетъ играть въ европейской исторіи, и событія внутренней жизни государства, поражающія необычайностію и ужасомъ, возбуждаютъ живой интересъ и въ нашихъ друзьяхъ, и въ нашихъ недругахъ. Изслѣдованія о Россіи, ея общественномъ строѣ и литературѣ такихъ писателей, какъ Анатоль Леруа-Больё, Мекензи Уоллесъ, Рамбо и нѣкоторые другіе, имѣютъ большое значеніе даже для русскихъ читателей.

Книга Тиссо подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ не принадлежитъ къ числу подобнаго рода сочиненій. Она написана занимательно, безъ вопіющихъ промаховъ, безъ нелѣпыхъ ошибокъ; но теперь это не составляетъ уже большой заслуги. Неточности встрѣчаются, однако, въ значительномъ количествѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности талантливаго автора «Путешествія въ страну милліардовъ». Г. Тиссо называетъ Жуковскаго— le célèbre poète Shukosiki, Козьму Минина—Minime. Нашествіе монголовъ произошло, по мнѣнію легкомысленнаго писателя, въ XII столѣтіи; въ Малороссіи Тиссо открываетъ земельную общину съ ежегоднымъ передѣломъ полей. Священники,—утверждаетъ нашъ авторъ,—не посылаютъ дѣтей въ семинаріи, говоря, что мѣста ихъ все равно наслѣдственны; духовенство будто бы не имѣетъ никакой юрисдикціи въ дѣлахъ догматическаго характера, и т. д.

Тиссо былъ порядочно напуганъ своими друзьями передъ путешествіемъ въ Россію. Но, благодаря разумнымъ предосторожностямъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимало почти полное отсутствіе книгъ и газетъ въ его багажѣ, благодаря рекомендаціямъ и, конечно, своей литературной извѣстности, Тиссо путешествовалъ съ большими удобствами. Послѣ живаго описанія грязи и вони Бердичева, авторъ съ особенною любовью останавливается на Малороссіи. Онъ набрасываетъ сравнительную характеристику великороса и малоросса, отчасти всѣмъ извѣстную, отчасти невѣрную, и

справедливо восхищается многими прекрасными свойствами южно-руссовъ. Нѣтъ народа,—говоритъ онъ,—душа котораго была бы болѣе поэтична, чѣмъ душа малоросса. И иначе быть не можетъ въ присутствіи величественныхъ степей и чуднаго неба. Жаль только, что Тиссо недостаточно внимательно отнесся къ племени, которое возбудило его вполнѣ законныя симпатіи. Иначе онъ не говорилъ бы, напримѣръ, что малорусскій языкъ занимаетъ средину между польскимъ и чешскимъ. Малороссъ, по мнѣнію Тиссо, болѣе живъ и подвиженъ, чѣмъ великороссъ (Svelte et élancé, il est plus souple et plus agile que le Grand-Russien).

Французскій путешественникъ относится съ сочувствіемъ и къ великорусскому крестьянину, хотя и разсказываетъ про него нелѣпости, или обобщая единичные факты, или повѣривъ на слово своимъ, не всегда, оказывается, надежнымъ, руководителямъ. Какъ торопливый писатель скоръ на выводы, можно судить изъ того, что, осмотрѣвъ одну фабрику въ Кіевѣ, онъ утверждаетъ, что русскій рабочій находится въ лучшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ нѣмецкій, французскій и англійскій.

Бѣдный мужикъ, — восклицаетъ Тиссо, — что сталось бы съ святою Русью безъ тебя? Не ты ли представляешь устои громадной и тяжелой имперіи? Не твоя ли грубая и сильная рука сѣетъ хлѣбъ? Не твоя ли кровь орошаетъ поля сраженій? Тебя упрекаютъ въ лѣности, но ты— сынъ спящей матери-природы. Но твоя весна придетъ и разцвѣтетъ.

Естественно, что такое сочувствіе русскому народу возбуждаетъ благодарное чувство въ русскомъ читателѣ. Только напрасно Тиссо первымъ дѣломъ пробужденія нашего крестьянина, его появленіемъ въ исторіи, считаетъ побѣдоносную, въ недалекомъ будущемъ, схватку съ германцемъ. Антипатія къ нѣмцамъ проходитъ замѣтною ниткой въ книгѣ Тиссо.

Простимъ любознательному, стремительно любознательному французу такое толкованіе пословицы: «гусь свиньѣ не товарищъ», по которому ею характеризуются будто бы отношенія у насъ между мужчиной и женщиной, и скажемъ ему спасибо за теплый все-таки отзывъ о нашемъ крестьянинѣ. Тиссо справедливо указываетъ на вопіющіе недостатки русскаго бюрократическаго строя и на негодность нашей податной системы, видя въ нихъ главную причину упадка благосостоянія, столь замѣтнаго въ Великороссіи.

За описаніемъ Кіева, послѣ длиннаго отступленія о Демидовыхъ, Тиссо описываетъ Москву, дѣлая при этомъ прогулки въ нашу исторію,—прогулки, не всегда удачныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, о царствованіи *Натальи, сестры Петра Великаго*, съ чѣмъ мы знакомимся впервые

изъ книги любознательнаго путешественника. Но за то гостиницы, трактиры и увеселительныя мѣста самаго разнообразнаго характера описаны авторомъ «Россіи и русскихъ» съ изумительными подробностями, съ богатствомъ красокъ, для русскаго писателя недоступнымъ.

Въ общемъ книгу Тиссо всего болѣе отличаетъ отъ названныхъ нами серьезныхъ сочиненій серьезныхъ писателей самодовольно-покровительственный тонъ представителя высшей культуры, который одобряетъ,—и одобряетъ искренне,—радушіе, встрѣчаемое имъ у русскихъ. Г. Тиссо намѣренъ еще разъ посѣтить Россію и написать сочиненіе о нашихъ религіозныхъ сектахъ. Желаемъ, чтобы въ этой будущей книгѣ обнаружилось болѣе пристальное изученіе русскаго народа, чѣмъ въ первомъ сочиненіи. Намъ не нужны любезности и заискиванія, насъ не введутъ въ заблужденіе двусмысленныя похвалы; но мы скажемъ сердечное спасибо за суровую правду и теплый отзывъ.

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Картинки родной дѣйствительности.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду у насъ продолжается упадокъ торговли, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже и хуже. Съ особенною ясностью этотъ упадокъ торговой дѣятельности замѣтенъ въ области нашихъ торговыхъ сношеній съ заграницею. Изъ «Обзора внѣшней торговли Россіи за 1880 г.» видно, что отпускъ товаровъ въ этомъ году, судя по общей цѣнности торговыхъ оборотовъ, былъ весьма неудовлетворителенъ, за исключеніемъ развѣ отпуска по азіятской границѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было отпущено товаровъ:

	По европейской границѣ.	Въ Финляндію.	По азіятской границѣ.
	Въ тысячахъ рублей.		
Въ 1871 году на	352.758	7.609	8.904
» 1872 » »	311.552	6.156	9.331
» 1873 » »	345.858	8.824	9.757
» 1874 » »	411.211	10.296	10.303
» 1875 » »	360.601	11.709	9.503
» 1876 » »	379.257	12.027	9.414
» 1877 » »	508.282	12.751	6.901
» 1878 » »	596.544	12.331	9.290
» 1879 » »	606.414	10.847	10.506
» 1880 » »	476.365	9.602	12.704

Общій итогъ отпуска за это время составляетъ по всѣмъ тремъ границамъ:

	Въ тысячахъ рублей.
Въ 1871 году	369.271
» 1872 »	327.040
» 1873 »	364.439
» 1874 »	431.811
» 1875 »	381.951
» 1876 »	400.700
» 1877 »	527.935
» 1878 »	618.165
» 1879 »	627.768
» 1880 »	498.672

Между тѣмъ, какъ въ 1880 году нашъ отпускъ столь значительно уменьшился, привозъ иностранныхъ фабрикатовъ возросъ весьма значительно. Возрастаніе это замѣчается по всѣмъ тремъ границамъ. Вообще, привозъ товаровъ составляетъ:

	По европейской границѣ.	Изъ Финляндіи.	По азіятской границѣ.	Итого.
	Въ тысячахъ рублей.			(Въ рубляхъ.)
Въ 1871 г.	344.570	8.008	15.929	368.508.632
» 1872 »	407.657	8.333	19.235	435.226.202
» 1873 »	412.475	9.535	20.957	442.960.773
» 1874 »	440.153	10.678	20.549	471.381.055
» 1875 »	498.886	11.330	20.839	531.056.406
» 1876 »	442.789	10.328	24.464	477.581.561
» 1877 »	291.461	9.029	20.545	321.036.987
» 1878 »	557.714	9.762	28.104	595.582.192
» 1879 »	548.212	9.195	30.305	587.713.236
» 1880 »	578.333	11.442	33.035	622.811.871

Общій торговый оборотъ (считая въ томъ числѣ вывозъ и привозъ товаровъ, монеты и слитковъ, а также транзитный провозъ товаровъ) за 1880 годъ, сравнительно съ 1879 годомъ, представляетъ: по европейской границѣ уменьшеніе на 7,20%, по торговлѣ съ Финляндіей увеличеніе на 13,96%; въ общемъ же представляется уменьшеніе на 6,16%.

Въ слѣдующемъ году наша заграничная торговля не только не улучшилась, но упала еще болѣе. Вѣдомость департамента таможенныхъ сборовъ о движеніи торговли въ 1881 году указываетъ на общее ослабленіе нашихъ торговыхъ сношеній съ заграницею какъ по привозу иностранныхъ товаровъ, такъ и по отпуску за границу русскихъ продуктовъ. Впрочемъ, въ нашемъ отпускѣ главная статья его, хлѣбъ, достигаетъ почти той же цифры, въ какой онъ былъ вывезенъ и въ предшествовав-

шемъ 1880 году (23.805.000 противъ 23.832.000 четвертей); по родамъ же хлѣба вывозъ пшеницы возросъ слишкомъ на два милліона четвертей (8.226.000 противъ 6.139.000 четв.) и ячменя на 840.000 четв. (2²/₅ противъ 1³/₄ милл. четв.), тогда какъ отпускъ ржи уменьшился на 1.707.000 четв. (4¹/₂ противъ шести милліон. четв.), овса на 688.000 четв.; всѣ остальные виды хлѣбныхъ продуктовъ тоже дали болѣе или менѣе значительное уменьшеніе, равно какъ и сѣмя льняное, конопляное и масляничное. Но особенно поразительное сокращеніе отпуска представляетъ спиртъ, котораго въ 1881 году вывезено всего 623.488 пудовъ противъ 1.495.120 пуд. въ 1880 году, т. е. почти на 140% меньше. Вывозъ табака упалъ еще больше, почти на 250% (41.581 противъ 142.995 пуд.). Изъ другихъ статей пониженіе отпуска дали: скотъ крупный (23.822 противъ 33.944 штукъ), мелкій скотъ (650.000 противъ 1.106.000 шт.), сало скотское (284.785 противъ 426.531 пуд.), шерсть (1.141.000 противъ 1.663.000 пуд.), лѣсной товаръ (29.648.000 противъ 32.906.000 руб., т. е. 3¹/₄ милл. руб.); наконецъ, отпускъ желѣза упалъ съ 8.142.000 на 187.000 пуд. За то всѣ растительныя прядильныя вещества и издѣлія изъ нихъ представляютъ довольно значительное увеличеніе вывоза; въ этомъ отношеніи укажемъ, прежде всего, на ленъ, вывезенный на 3²/₅ милл. пуд. болѣе (около 13 милл. противъ 9³/₅ милл. пуд.), пеньку (4³/₄ противъ 3⁵/₆ милл. пуд.), паклю, пряжу пеньковую, холстъ, веревки и канаты, тряпье. Мягкая рухлядь тоже дала приращеніе съ 80.215 на 91.310 пуд. Въ привозной торговлѣ изъ 36-ти статей увеличеніе ввоза представляютъ только восемь; изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе соль, привезенная на 2.314.000 пуд. болѣе противъ 1880 года (11²/₅ противъ 9 милл. пуд.). На ряду съ солью возросъ также привозъ соленыхъ сельдей и другой рыбы на 1 милл. слишкомъ пудовъ. Затѣмъ, хлопчатая бумага дала приращеніе ввоза почти вдвое (8.217.000 противъ 4.886.000 пуд.). По остальнымъ 28-ми статьямъ вѣдомость представляетъ повальное пониженіе ввоза. Наиболѣе выдающіяся въ этомъ отношеніи статьи суть: чай (626.000 противъ 1.146.000 пуд.), масло деревянное (1 противъ 1¹/₂ милл. пуд.), вино виноградное (700.000 противъ 1.144.000 п.), шампанское (365.000 противъ 1.100.000 бут.), желѣзо разное (6¹/₂ противъ 9²/₅ милл. пуд.), рельсы (900.000 противъ 3¹/₁₀ милл. пуд.), паровыя машины и локомобили (1.418.000 противъ 4.015.000 пуд.) и проч.

Вслѣдствіе сокращенія заграничныхъ торговыхъ сношеній послѣдовало уменьшеніе таможеннаго дохода. Отчетъ таможеннаго сбора за 1881 годъ указываетъ на весьма неудовлетворительные результаты поступленія этой отрасли государственныхъ доходовъ, несмотря на то, что именно съ 1-го января 1881 года вошелъ въ силу вновь установленный десятипроцентный добавочный къ таможеннымъ пошлинамъ сборъ. Вмѣсто естественнаго, вслѣдствіе возвышенія пошлинъ, увеличенія дохода, въ пропорціи хотя бы и меньшей противъ надбавленныхъ 10%, получился весьма ощу-

тительный недоборъ. Дѣйствительно, въ 1881 году поступило всего: металлическими рублями въ наличныхъ деньгахъ 48.047.786 руб. и въ залогахъ 7.093.636 руб. и кредитными рублями 1.569.048 рублей, или, перечисляя металлическіе рубли въ кредитные по курсу, принятому для государственной росписи, т. е. по 25 пенсовъ на Лондонъ, всего 84.281.181 руб. кредитныхъ. Сборъ этотъ представляетъ пониженіе противъ сбора 1880 г. на 19.500.000 руб.

Всѣмъ извѣстно, что наша внутренняя торговля въ 1880 и 1881 годахъ пострадала еще болѣе, чѣмъ заграничная торговля, а неурожай и общее обѣдненіе сдѣлали населеніе несостоятельнымъ къ покупкѣ обычныхъ продуктовъ обрабатывающейся промышленности и повели къ значительному сокращенію промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ. Какъ торговля, такъ и промышленность находились въ полномъ застоѣ и бездѣйствіи до осени прошлаго года, когда, благодаря урожаю, послѣдовало нѣкоторое оживленіе въ дѣлахъ. Нашимъ читателямъ изъ предыдущихъ обозрѣній ужь извѣстно, что это торговопромышленное оживленіе было весьма непродолжительно и къ концу года снова водворился прежній застой и неподвижность.

Скучно встрѣчалъ торговый людъ въ обѣихъ столицахъ новый 1882 годъ. Обращаясь назадъ къ прожитымъ годамъ, онъ видѣлъ безостановочно продолжающійся упадокъ торговли, а въ будущемъ ему рисовались однѣ лишь ужасныя картины банкротства. Настоящее въ обѣихъ столицахъ было совершенно одинаково, такъ что, читая тогдашнія газетныя извѣстія изъ Москвы и Петербурга, невольно приходитъ въ голову мысль, что эти сообщенія представляютъ одну лишь перефразировку. Напримѣръ, по словамъ корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, «взглядъ на экономическое положеніе Москвы въ концѣ 1881 года приводитъ къ весьма неутѣшительнымъ результатамъ. Благодаря повсемѣстному застою въ торговлѣ, наша промышленность замѣтно падаетъ, возрастающая дороговизна на всѣ предметы затрудняетъ существованіе; торговля въ магазинахъ передъ рождественскими праздниками никогда еще не отличалась такою вялостью, какъ въ нынѣшнемъ году, и это явленіе совершенно понятно: благодаря общему экономическому недугу—застою въ торговлѣ, доходы у всѣхъ сокращаются». Новый годъ въ Москвѣ начался банкротствомъ банкира Бліоха, который бѣжалъ за границу, оставивъ въ конторѣ всего лишь 1.200 руб. кредитными билетами и бумагами разныхъ лицъ. Вслѣдствіе паденія торговаго дома Бліоха, банкирская контора Крапоткина и К° пріостановила платежи по взносамъ и Крапоткинъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ.

Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ наканунѣ новаго года было охарактеризовано въ газетѣ *Порядокъ* слѣдующими чертами: «Промышленность падаетъ, вслѣдствіе увеличивающагося повсемѣстно застоя въ торговлѣ. Никогда еще городская магазинная, детальная торговля не шла передъ

рождественскими праздниками такъ худо, какъ въ нынѣшнемъ году. Обороты громаднаго большинства магазиновъ сократились болѣе чѣмъ на половину противъ прошлаго года. Немудрено поэтому, что количество несостоятельностей начинаетъ принимать обширные размѣры и что единственныя въ мірѣ «русскія мѣста для заключенія неисправныхъ должниковъ»—долговыя отдѣленія—уже теперь переполнены». Въ Петербургѣ, точно также какъ и въ Москвѣ, новый годъ открылся банкротствомъ. Такъ, напримѣръ, передъ новымъ годомъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ одинъ изъ выдающихся коммерсантовъ, г. Н—въ, ведшій обширную заграничную торговлю желѣзомъ, скупаемымъ имъ по всѣмъ южнымъ заводамъ Урала. Банкротство его, простирающееся на сумму въ 2.600.000 рублей, произвело въ петербургскомъ торговомъ мірѣ подавляющее впечатлѣніе, такъ какъ г. Н—въ пользовался всегда репутаціей честнаго и осторожнаго дѣльца. Причиной банкротства считаютъ повсемѣстный застой въ дѣлахъ. Печальное положеніе дѣлъ въ Петербургѣ ясно выражается въ прекращеніи постройки новыхъ домовъ. Извѣстно, что, въ послѣдніе годы, Петербургъ быстро разростался и въ немъ ежегодно воздвигалось множество новыхъ, громадныхъ домовъ. Но въ нынѣшнемъ году постройки вдругъ пріостановились. Въ строительную коммиссію Петербурга представлено въ нынѣшнемъ году всего только 27 архитектурныхъ проектовъ новыхъ построекъ. Цифра эта, въ первые три мѣсяца нынѣшняго года, сравнительно съ предшествовавшими годами, не исключая и прошлаго, поражаетъ своею незначительностью. Кромѣ того, по банковымъ даннымъ, недвижимая собственность въ Петербургѣ сильно падаетъ въ цѣнѣ. На заложенные въ кредитныхъ учрежденіяхъ и, за неуплатою своевременно выданныхъ ссудъ, поступающіе въ продажу дома почти не находится покупщиковъ. *Русскія Вѣдомости* сообщаютъ, что въ одномъ Петербургско-Тульскомъ банкѣ, въ настоящее время, имѣется въ продажѣ до 400 домовъ, но желающихъ пріобрѣсти ихъ—нѣтъ. Вслѣдствіе этого и полученіе денегъ подъ залогъ домовъ въ Петербургѣ весьма затруднительно, въ особенности у частныхъ лицъ, подъ вторыя закладныя. Но и подъ первыя закладныя банки начинаютъ уже отказывать многимъ въ пріемѣ въ залогъ домовъ, ссылаясь на крайне неудовлетворительную постройку послѣднихъ. Спекулировавшія же на этомъ поприщѣ частныя лица рѣшительно воздерживаются теперь отъ всякихъ сдѣлокъ, въ виду того, что и по первой закладной не представляется возможнымъ выручить сумму, выданную въ ссуду. Въ виду всего этого не только Петербургско-Тульскій, но и другіе банки намѣрены значительно уменьшить оцѣнку принимаемыхъ въ залогъ домовъ. Упадокъ благосостоянія и недостаточность обычныхъ средствъ къ жизни, вслѣдствіе непомѣрно увеличившейся дороговизны на все, заставили жителей Петербурга отказываться отъ удовольствія провести на дачѣ нынѣшнее жаркое лѣто. Весьма значительная часть дачъ въ окрестностяхъ столицы остались въ

нынѣшнемъ году незаняты. Такъ, въ Павловскѣ, Царскомъ-Селѣ, Шуваловѣ, Озеркахъ и Лѣсномъ можно было нанять дачи со всѣми удобствами за половинную противъ прежнихъ лѣтъ плату; въ Петергофѣ также пустуетъ множество дачъ, несмотря на то, что пожаръ въ Ораніенбаумѣ истребилъ цѣлый рядъ домовъ. Вообще Петербургъ столь замѣтно сталъ пустѣть, что даже дровяники сокращаютъ запасы топлива. Такъ, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, подвозка лѣса и дровъ изъ лѣсныхъ дачъ, прилегающихъ къ притокамъ озеръ Ильменя и Ладожскаго, для сплава въ Петербургъ, производилась въ нынѣшнемъ году въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; поэтому и приходъ барокъ съ дровами будетъ значительно меньше противъ прошлогодняго. Еслибы не огромные запасы дровъ, образовавшіеся благодаря теплой зимѣ, то можно бы ожидать значительной дороговизны топлива въ Петербургѣ.

Въ Одессѣ положеніе торговыхъ дѣлъ не лучше, если еще не хуже, чѣмъ въ столицахъ. Одесскій корреспондентъ *Голоса* сообщаетъ: «общій экономическій застой на всѣхъ европейскихъ торговыхъ рынкахъ, въ прошломъ году, отразился и на нашей отпускной торговлѣ. Благодаря урожаю, мѣстные экспортеры разсчитывали на большой вывозъ зерна, но надежды ихъ далеко не оправдались: прошлый годъ оказался нѣсколько удачнѣе предшествовавшаго 1880 года, но гораздо ниже двухъ предыдущихъ годовъ. Судя по таможеннымъ вѣдомостямъ, въ прошломъ году изъ одесскаго порта вывезено за границу товаровъ на 45.452.600 рублей, въ томъ числѣ зерновыхъ продуктовъ около 4.830.000 четвертей, на сумму свыше 35.530.000 руб.,—слѣдовательно, на долю остальныхъ предметовъ вывоза, каковы: шерсть, спиртъ, сахаръ, домашнія животныя, шелкъ сырецъ и проч. и проч.,—приходится менѣе 10.000.000 руб. Какъ въ 1880 году, такъ и въ 1881 году, нашъ отпускъ на нѣсколько милліоновъ рублей менѣе привоза, и хотя сумма отпуска показана на 10—15% ниже дѣйствительной, что происходитъ отъ низкой оцѣнки нѣкоторыхъ предметовъ (напримѣръ, четверть пшеницы оцѣнивается въ 10 руб., хотя средняя цѣна ея при отпускѣ за границу 12—13 руб.; ленъ—тоже; волъ оцѣнивается въ 30 руб., а въ дѣйствительности стоитъ отъ 40 до 50 руб. и т. д.), но такой же процентъ слѣдуетъ прибавить и къ суммѣ привоза, такъ что выйдетъ одно и то же. По сравненію съ 1880 годомъ, въ прошломъ году отпуски болѣе на 3½ милл. руб. (42.000.000 руб.), а по сравненію съ привозомъ за 1881 же годъ (49½ милл. руб.) менѣе на 4.000.000 руб. Сумма привоза въ 1881 году—49.516.000 руб.—почти на 2.000.000 руб. превышаетъ привозъ 1880 года (47.774.000 р.)». Еврейскіе погромы на югѣ нанесли громадный ущербъ торговлѣ Одессы. Множество крупныхъ и мелкихъ торговцевъ изъ евреевъ разорились, а другіе ликвидируютъ свои дѣла и оставляютъ Россію. Такъ, напримѣръ, банкирскій домъ «Игнатій Ефруси и К°» разослалъ своимъ агентамъ циркуляръ, извѣщающій, что

съ перваго іюля онъ ликвидируетъ свои дѣла въ Одессѣ и переноситъ свою дѣятельность за границу. По словамъ *Голоса*, этотъ банкирскій домъ существуетъ съ 1834 года, совершаетъ обороты на сотни милліоновъ рублей въ годъ и извѣстенъ не только въ Россіи, но и повсюду за границею. Мотивомъ для ликвидаціи дѣлъ фирмы «Ефруси», какъ говорятъ, послужило слѣдующее: много лѣтъ назадъ, во время бывшихъ въ Одессѣ антиеврейскихъ безпорядковъ, у одного молитвеннаго дома были задержаны многіе евреи, какъ участники драки съ нападавшими на нихъ греками, или какъ свидѣтели происходившаго; въ числѣ свидѣтелей былъ задержанъ и отведенъ въ полицію какой-то старикъ, оказавшійся впослѣдствіи банкиромъ Іоахимомъ Ефруси, котораго продержали въ полиціи безъ пищи около десяти часовъ и потомъ освободили; послѣ этого старикъ Ефруси переѣхалъ на жительство въ Вѣну и тамъ умеръ. Банкирскимъ домомъ продолжалъ управлять Игнатій Ефруси, къ которому потомъ присоединились сыновья умершаго его брата Леона. Еврейскіе погромы въ Елисаветградѣ, Кіевѣ, Одессѣ, бывшіе въ 1881 году и повторившіеся въ нынѣшнемъ году въ Балтѣ, Дубосарахъ, Александріи и въ другихъ городахъ, напомнили И. Ефруси случай съ его отцомъ, и онъ рѣшился ликвидировать свои дѣла въ Россіи. Весною, послѣ безпорядковъ въ Балтѣ, Одесса дошла до такого же печальнаго положенія, какое мы наблюдали въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ *Одесскій Вѣстникъ* сообщалъ, что нѣсколько крупныхъ христіанскихъ фирмъ въ Одессѣ по мануфактурной торговлѣ, а также табачные фабриканты понесли значительные убытки, выражающіеся суммами въ десятки тысячъ руб. Торговыхъ дѣлъ почти никакихъ, кредитъ самый ограниченный, отправка товара на коммиссію изъ Одессы во внутрь сузилась до minimum'a. Весьма многіе владѣльцы магазиновъ въ Одессѣ совершенно ликвидируютъ и ждутъ только окончанія наемныхъ сроковъ, для того чтобы прекратить дѣятельность. Фактъ этотъ повліялъ нѣсколько на уменьшеніе цѣнъ на квартиры и магазины въ Одессѣ. Цѣны упали приблизительно на 25%. Такое печальное положеніе дѣлъ не измѣнилось къ лучшему съ теченіемъ времени: напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становится все хуже и хуже. Въ іюнѣ одесскій корреспондентъ *Голоса* писалъ слѣдующее: «По всѣмъ отдѣламъ торговли и промышленности застой какъ у насъ въ Одессѣ, такъ и вокругъ насъ на большое разстояніе. Перспектива же, въ виду вообще плохого урожая, а по всему побережью Чернаго моря полнаго неурожая—заставляетъ задумываться всѣхъ. Новыхъ дѣлъ нѣтъ. У насъ, въ Одессѣ, сильно ликвидируютъ прежнія сдѣлки. Бывшее большое депо хлѣба истощается. Въ нынѣшнемъ году, по 4 іюня, полукопѣечнаго сбора поступило 167.227 руб. 53 коп., т.-е. отправлено уже за границу хлѣба 33.045.506 пуд., или почти въ три раза болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Усиленному вывозу хлѣба способствуютъ паденіе курса и небывалое пониженіе фрахтовъ». Послѣ того въ іюлѣ писали изъ Одессы

Русским Вѣдомостямъ, что послѣднія событія въ Египтѣ не мало тревожатъ одесскій торговый міръ. Сношенія Одессы съ Александріей были регулярны, и если не такъ значительны, какъ сношенія съ Марселью и Лондономъ, то все же и немаловажны. Прекращеніе этихъ сношеній наноситъ порядочный убытокъ мѣстной торговлѣ.

Еврейскіе погромы съ одной стороны, а съ другой — стѣснительныя мѣропріятія противъ евреевъ, практиковавшіяся во время министерства графа Игнатьева, нанесли громадный ущербъ торговлѣ въ южной Россіи. Для примѣра мы укажемъ, какое гибельное вліяніе на экономическое положеніе дѣлъ въ Кіевѣ оказалъ, бывшій тамъ въ прошломъ году, ужасный погромъ евреевъ и затѣмъ выселеніе ихъ изъ Кіева по требованію полиціи. Благодаря разоренію евреевъ, кіевскіе контракты въ нынѣшнемъ году прошли чрезвычайно вяло: съѣздъ иногороднихъ торговцевъ былъ очень незначителенъ; мануфактурныхъ и мѣховыхъ товаровъ, готовой одежды и серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, особенно галантерейныхъ товаровъ и бѣлья—продано на половину меньше, чѣмъ въ прошломъ году; торговля въ послѣдніе три ярмочные дня, составляющіе главную основу торговцевъ, обманула ихъ ожиданія. Весною, въ апрѣлѣ, началось выселеніе изъ Кіева тѣхъ евреевъ, которые вовсе не имѣютъ права проживать тамъ, и переселеніе въ Лыбедскій и Плосскій участки тѣхъ, которые не имѣютъ права проживать въ остальныхъ участкахъ. Цѣлыя тысячи были высланы изъ Кіева и изъ нихъ только немногіе выѣхали въ близлежащія мѣста, а остальные выселились въ Америку и Палестину. Домашнее хозяйство выселяемыхъ евреевъ продавалось за безцѣнокъ, чуть не даромъ. Послѣдствіемъ этой высылки было то, что въ Лыбедскомъ и Плосскомъ участкахъ квартиры переполнились евреями и поднялись въ цѣнѣ вдвое и втрое, а въ Подольскомъ участкѣ, гдѣ по преимуществу жили евреи, сразу опустѣло болѣе 600 квартиръ. Въ тѣхъ участкахъ, гдѣ евреямъ запрещено жить, цѣна на дома упала, вслѣдствіе чего городской банкъ потребовалъ, на срокъ платежа процентовъ, взноса 10% на капиталъ; но домовладѣльцы не только не платятъ проценты, но многіе сами нуждаются въ средствахъ къ жизни. «Банкъ,—по словамъ *Голоса*,—ежедневно протестуетъ векселя и дома назначаются въ продажу. Построекъ въ Кіевѣ почти никакихъ не производится и по этой причинѣ лѣсной матеріалъ потерялъ въ цѣнѣ 30%, а кирпичъ—10 руб. на каждую тысячу. Многіе лѣсопромышленники и кирпичезаводчики желаютъ продать свои склады и заводы за 50% настоящей ихъ стоимости». Разореніе евреевъ и изгнаніе ихъ изъ Кіева весьма замѣтно отразились нынѣшнимъ лѣтомъ на оборотахъ Онуфріевской ярмарки въ Кіевѣ. «Всякаго, кто бывалъ на нашихъ ярмаркахъ, — разсказываетъ кіевскій корреспондентъ *Голоса*, — невольно поражаетъ на нынѣшней ярмаркѣ отсутствіе всякаго движенія, даже обычнаго, скудость внѣшней ярмарочной обстановки, не говоря уже о торговлѣ. Представьте себѣ нѣсколько балаганчиковъ съ

нѣсколькими полупустыми полками, оберегаемыми нѣсколькими полудремлющими зѣваками—вотъ вамъ и Онуфріевская ярмарка. Нашъ Александровскій рынокъ, на которомъ ежедневно самая кипучая жизнь, самое живое движеніе, теперь пустъ; весь рыночно-торговый людъ, весь собирающійся здѣсь ежедневно рабочій людъ перешелъ въ другую сторону и очистилъ мѣсто для «Онуфріевской ярмарки», чтобы дать просторъ ярмарочному движенію. А между тѣмъ приказчики отъ бездѣлья на ярмаркѣ скучаютъ. Пріѣзжіе торговцы, числомъ до полудюжины, выражаютъ сожалѣніе о напрасной тратѣ времени и денегъ. Они едва ли продадутъ товара настолько, сколько придется издержать на необходимыя ярмарочныя издержки, количество которыхъ вовсе не такъ велико. Торговцевъ извѣстныхъ фирмъ ни изъ Варшавы, ни изъ Одессы, ни изъ Москвы нѣтъ; эти торговцы составляли почти все движеніе ярмарки. Внѣшній видъ и изящество разнородныхъ товаровъ привлекали массу лицъ, которыя волей-неволей покупали; пріѣзжали также изъ другихъ городовъ и дѣлали громадныя покупки. Сумма платежей на Онуфріевской ярмаркѣ за одни сукна, трико и другіе мануфактурные товары, нѣсколько лѣтъ назадъ, достигала до 150.000 руб.; теперь же она не достигаетъ и одного десятка тысячъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ярмарка всегда открывалась 15 іюня. Съ 15 мая уже законтрактовывались дома (квартиры), преимущественно на Подолѣ. Ближайшія улицы были биткомъ набиты пріѣзжими, ярмарочными гостями. Одинъ домъ Киселевскаго, стоящій ближе другихъ къ ярмарочной площади, заключающій до 23 комнатъ, извлекалъ ежегодно, во время Онуфріевской ярмарки (за шесть семь недѣль), болѣе 3.000 руб. дохода, въ видѣ наемной платы. Съ 1 іюня начинали транспортировать громадныя количества товаровъ, часть которыхъ хранилась въ подвалахъ и погребахъ въ видѣ запасовъ. Съ 10 іюня начиналось кипучее ярмарочное движеніе. Александровскій рынокъ съ этого дня, въ продолженіе пяти-шести недѣль, будто кипѣлъ какъ днемъ, такъ и ночью; нельзя было пробиваться сквозь густую толпу публики. Теперь же бѣдный Александровскій рынокъ облеченъ въ какой-то трауръ; нѣтъ ни товаровъ, ни людей, нѣтъ и движенія. Отчего это? Чѣмъ объяснить все это? — Отвѣчать, очень нетрудно. Фабрикъ не уменьшилось, промышленниковъ и потребителей не только не уменьшилось, но даже увеличилось; Кіевъ, по отношенію къ сообщенію, также не измѣнился: тотъ же Днѣпръ, то же шоссе, та же дорога. Причины такого поразительнаго упадка нужно, слѣдовательно, искать въ чемъ-нибудь другомъ— въ отсутствіи кредита, въ полной неувѣренности за завтрашній день, въ потерѣ довѣрія. Нечего и говорить, что избіеніе евреевъ и изгнаніе ихъ съ мѣста жительства играютъ въ данномъ случаѣ видную роль. Что посѣяли, то и пожинаемъ».

Преслѣдованіе евреевъ до такой степени гибельно отразилось на торговыхъ оборотахъ даже далеко за чертой еврейской осѣдлости, что, наконецъ,

вызвало громкій протестъ со стороны первостатейныхъ русскихъ купцовъ, которые высказывали опасеніе «весьма грозныхъ послѣдствій», если продолжится гоненіе евреевъ. 5-го мая Н. И. Рябовъ, глава извѣстной фирмы и предсѣдатель серпуховской земской управы, вмѣстѣ съ директоромъ даниловской мануфактуры, Н. И. Щукинымъ, представили министру финансовъ, подписанную представителями 50-ти значительныхъ московскихъ фирмъ, петицію объ охранѣ интересовъ русской торговли, страдающихъ отъ разоренія торговцевъ евреевъ. Въ этой петиціи слѣдующими чертами выяснены убытки русской торговли отъ продолжавшагося цѣлый годъ гоненія на евреевъ. «Дѣятельность евреевъ въ отношеніи московской торговли выражается двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, если въ тѣхъ мѣстахъ оптовая торговля распредѣлена между евреями и христіанами болѣе или менѣе равномѣрно, то торговля розничная тамъ почти вся въ рукахъ евреевъ. События послѣдняго времени не только отразились на непосредственныхъ жертвахъ погромовъ, но поселили страхъ и неувѣренность во всемъ классѣ розничныхъ торговцевъ изъ евреевъ: они сократили покупки и остановили платежи—многіе поневолѣ—мѣстнымъ оптовымъ купцамъ, которые, въ свою очередь, суть покупатели и дебиторы московскихъ фирмъ. Уже на бывшихъ въ прошедшую зиму украинскихъ ярмаркахъ замѣтно было подавленное состояніе торговли, вызванное паникой, овладѣвшею еврейскимъ населеніемъ. На послѣдней же харьковской ярмаркѣ еврейскіе торговцы брали только 1/4 часть противъ прошлогоднихъ закупокъ. Весьма замѣтное теперь въ Москвѣ сокращеніе покупокъ и заказовъ для тѣхъ мѣстъ нельзя не приписать той же причинѣ и вызываетъ серьезныя опасенія. Во-вторыхъ, проживающіе въ Москвѣ евреи суть въ значительномъ числѣ посредники между московскою промышленностью и западными и южными губерніями Имперіи. Посредничество это выражается въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: они являются или агентами мѣстныхъ купцовъ, крупныхъ и мелкихъ, или ихъ компаніонами, или коммиссіонерами, и, притомъ, такими, которые принимаютъ на себя ручательство предъ московскими фирмами за своихъ мѣстныхъ комитентовъ, такъ что московскій фабрикантъ, отпуская товаръ какому-нибудь купцу изъ тѣхъ мѣстъ, не рѣдко его и не знаетъ, а довѣряетъ ему лишь потому, что такой-то изъ живущихъ въ Москвѣ евреевъ его коммиссіонеръ. Въ продолженіе 10—20 лѣтъ, съ того времени, какъ евреямъ былъ открытъ болѣе или менѣе легкій доступъ въ Москву, торговыя сношенія Москвы съ западными и южными губерніями получили обширное развитіе: этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства еще и потому, что московская промышленность въ тѣхъ краяхъ встрѣчаетъ сильную конкуренцію польскихъ и иностранныхъ, австрійскихъ и германскихъ, фабрикъ. Помянутому классу посредниковъ принадлежитъ не послѣдняя роль въ установленіи прочнаго рынка въ томъ краѣ для про-

заведеній московской промышленности. Вотъ почему удаленіе евреевъ изъ Москвы, стѣсненіе ихъ сюда пріѣзжать и селиться—вредно отзовется на ходѣ этой торговли. Прочныя и правильныя торговыя сношенія не могутъ образоваться съ лицами лишь случайно и временно пріѣзжающими, пребываніе которыхъ въ Москвѣ будетъ обставлено разными стѣсненіями. Напротивъ, стремленіе къ Москвѣ, къ пріобрѣтенію въ ней осѣдлости, заслуживаетъ, съ точки зрѣнія интересовъ московской торговли, поощренія, ибо самый фактъ осѣдлости такого лица въ Москвѣ, веденіе дѣла, такъ сказать, у насъ на глазахъ служитъ уже въ огромномъ числѣ случаевъ ручательствомъ въ его благонадежности или средствомъ для оцѣнки его кредито-способности. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что правительство приняло уже самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы впредь не повторялись эти еврейскіе погромы, но не можемъ не повторить передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что отъ нихъ терпятъ не только мѣстные жители, евреи и христіане, но что они приносятъ весьма ощутительный вредъ всей русской торговлѣ. Если теперь уже испытывается застой въ дѣлахъ, который долженъ быть приписанъ бывшимъ въ тѣхъ мѣстахъ неурядицамъ, то должно, при повтореніи ихъ, предвидѣть для московской торговли весьма грозныя послѣдствія, ибо Москва кредитуетъ тамошній край на десятки милліоновъ». Вслѣдъ за московскимъ купечествомъ высказались въ томъ же смыслѣ и представители харьковскихъ торговыхъ фирмъ. 16-го мая, на обѣдѣ въ коммерческомъ клубѣ, купеческій староста Н. А. Жевержеевъ предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ, по примѣру московскаго купечества, о благопріятномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, согласно требованіямъ гуманности и достоинству русскаго народа. Мысль эта была встрѣчена полнымъ сочувствіемъ. Присутствовавшіе представители харьковскаго купечества: гг. Акименко, Орловъ, Рыжовъ, Пономаревъ, Фришъ, Горбуновъ, Каревъ и другіе—высказали, какъ вредно отзываются на интересахъ купечества еврейскіе погромы и стѣсненіе евреевъ въ правѣ избирать себѣ мѣсто жительства.

Торговля въ приазовскихъ портахъ потерпѣла крушеніе и находилась почти въ полномъ бездѣйствіи со времени открытія злоупотребленій въ таганрогской таможнѣ. Злоупотребленія заключались въ систематическомъ пропускѣ чрезъ таможню громаднаго количества товаровъ, неоплаченныхъ пошлиной. Провозили безпошлинно такіе товары, какъ чай, масло, вино и проч. За масло брали пошлину только за половину, за чай—за четверть подлежащаго оплатѣ товара. Отъ этого казна терпѣла большіе убытки. Но еще вреднѣе и убыточнѣе отражались таможенныя злоупотребленія на ходѣ торговыхъ дѣлъ. Купцы, находившіеся въ стачкѣ съ таможенными чиновниками и провозившіе изъ-за границы товары съ уменьшенною пошлиной, тѣмъ самымъ были поставлены въ привилегированное положеніе, исключающее возможность для другихъ торговцевъ конкурировать съ ними. Убивая всякую конкуренцію и не давая чрезъ это раз-

виться шире нашей заграничной торговлѣ, эти купцы забрали въ свои руки торговлю цѣлаго края и накопили громадныя богатства, которыя при иныхъ порядкахъ распредѣлялись бы между гораздо большимъ числомъ лицъ. Самымъ выдающимся лицомъ изъ числа купцовъ, замѣшанныхъ въ таможенныхъ злоупотребленіяхъ, является обладатель многомилліоннаго состоянія, М. А. Вальяно. Онъ прибылъ въ Таганрогъ изъ Греціи вскорѣ послѣ Крымской кампаніи. Единственнымъ достояніемъ его въ то время было небольшое судно, которое онъ продалъ за 4.000 руб. и на эти деньги занялся хлѣбною торговлею. Теперь у Вальяно болѣе 50.000.000 наличнаго капитала, кромѣ недвижимаго имѣнія, паровыхъ баржъ, судовъ и пароходовъ, совершающихъ заграничное плаваніе. Вальяно имѣетъ отдѣленія своей конторы въ Астрахани, Симбирскѣ, Ростовѣ на Дону, въ Азовѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ и Ейскѣ. Главный предметъ его отпускной торговли—хлѣбъ. Благодаря огромнымъ своимъ оборотамъ, онъ сдѣлался властелиномъ всей приазовской хлѣбной торговли. У Вальяно четыре брата и два сына. Изъ братьевъ одинъ только «у дѣлъ»; онъ завѣдываетъ лондонскою конторой, дѣлаетъ на биржѣ огромные обороты и имѣетъ тамъ громадные склады. Сынъ лондонскаго Вальяно—кассиръ ростовскаго отдѣленія конторы Вальяно. Старшій сынъ М. А. Вальяно имѣетъ въ Лондонѣ самостоятельную банкирскую контору, а младшій только въ прошломъ году женился въ Константинополѣ и занялся тѣмъ же дѣломъ, какимъ занимается братъ его въ Лондонѣ. Другой таганрогскій богачъ, самый крупный изъ здѣшнихъ русскихъ купцовъ, г. Глобинъ, разбогатѣлъ слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ, будучи тогда еще только компаніономъ и сотрудникомъ купца Перушкина, умудрился вывозить за границу воду вмѣсто спирта и за эту воду получать отъ правительства обратно акцизную пошлину, какъ бы съ вывозимаго спирта. Въ отверстіе бочекъ онъ вставлялъ трубки, наполнялъ ихъ дѣйствительнымъ спиртомъ, а остальное пространство бочекъ сплошь наполнялъ водою. Акцизный надзоръ, провѣряя число бочекъ и промѣряя спиртъ (въ трубкахъ), всегда находилъ его въ должномъ количествѣ и надлежащей крѣпости. Бочки потомъ вывозились на судахъ въ море, яко бы за границу; тутъ слѣды преступленія уничтожались, а акцизная пошлина изъ государственнаго казначейства переходила въ карманъ г. Глобина. Два года тому назадъ эта плутня была случайно открыта, но дѣло замялось, пока, наконецъ, снова не было возбуждено послѣ того, какъ Глобинъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ таможнѣ. Исторіи богача Вальяно и купца Глобина представляютъ далеко не единственные примѣры въ таганрогскомъ коммерческомъ мірѣ. Почти всѣ тамошніе богатые купцы, замѣшанные въ таможенныхъ злоупотребленіяхъ, начали свою карьеру такъ же скромно, какъ и Вальяно, и столь же быстро разжились. «Многіе знали лично этихъ господъ,—разсказываетъ корреспондентъ *Русскаго Курьера*,—когда они явились въ Таган-

рогъ оборванными, грязными нищими, не обращавшими на себя никакого вниманія; прошли немногіе годы, когда оборванцы-хищники, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, кромѣ наживы, стали людьми, гражданами города, богачами; двери для нихъ открывались вездѣ и всюду; выходцы изъ-за границы даже сдѣлались друзьями представителей власти въ Таганрогѣ». Говоря о многомилліонныхъ убыткахъ, вслѣдствіе таможенныхъ злоупотребленій въ Таганрогѣ, корреспедентъ *Голоса* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Лишь теперь мѣстное населеніе вполнѣ уяснило себѣ тѣ загадочные пути, посредствомъ которыхъ нѣкоторые выходцы изъ Архипелага, прибывшіе сюда простыми матросами, почти нищими, въ сравнительно короткій промежутокъ легко наживали громадныя богатства. Предъ этими богатствами склонялось все, начиная отъ простыхъ смертныхъ и кончая представителями власти, благодаря чему, этимъ ловкимъ сынамъ Эллады удавались и сходили съ рукъ благополучно всѣ, часто самыя дерзкія, продѣлки». Въ качествѣ обвиняемыхъ въ безпошлинномъ провозѣ товаровъ, привлечены къ слѣдствію слѣдующія лица и на слѣдующія суммы:

	Сумма пошлины.	Пятикратное взысканіе казны.
М. Вальяно на.	21.000 руб.	105.000 руб.
А. Сфаэло »	15.000 »	75.000 »
А. Муссури »	14.000 »	70.000 »
С. Гире »	4.240 »	21.000 »
М. Векслеръ »	3.800 »	19.000 »
Ф. Кубашъ около . . .	2.700 »	13.500 »

Затѣмъ обвиняются въ укрывательствѣ того самаго товара, за который истребовано обезпеченіе пятикратной пошлины отъ Вальяно и Гизи:

	Стоимость товара.	Двукратное взысканіе:
А. Симоновичъ на. . .	21.000 руб.	42.000 руб.
И. Муссури » . .	21.000 »	42.000 »

Кромѣ этихъ восьми лицъ, привлечены къ отвѣтственности еще другіе таганрогскіе купцы—Вураки, С. Фаэло, Писсани, Сифнео, Дорженди, Саколариди, Лупи, Глобинъ—представитель крупной русской торговой фирмы «Перушкинъ и К°». Изъ числа лицъ, торгующихъ на таганрогской биржѣ привозными товарами, осталось только человѣка четыре непривлеченныхъ къ суду. Привлеченные къ отвѣтственности обвиняются въ безпошлинномъ провозѣ товаровъ на сумму пошлины до 64.000 руб., за что причитается штрафа въ пользу казны до 320.000 руб. По этому дѣлу обвиняемые, какъ, напримѣръ, милліонеръ Вальяно, были подвергнуты аресту, но затѣмъ были отпущены на свободу, внеся денежное обезпеченіе. Отъ Вальяно, кромѣ 1.000.000 руб., взятыхъ въ видѣ залога, принято судебнымъ слѣдователемъ еще въ обезпеченіе начета за безпошлинный провозъ товаровъ 500.000 руб., отъ А. Муссури 200.000 руб.,

отъ С. Фаэлло 100.000 руб., отъ Гизи 50.000 руб., отъ Ильи Муссури 40.000 руб., отъ Глобина 108.000 руб., отъ Лупи 50.000 руб., отъ Сакеларидн 27.000 руб., отъ Писсани 200.000 рублей. Такимъ образомъ 2.200.000 руб. отняты у торговли и лежатъ безъ оборота. Открытіе таможенныхъ злоупотребленій и привлеченіе къ суду всѣхъ крупныхъ коммерсантовъ произвело весьма сильное дѣйствіе въ коммерческомъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, *Голосу* писали, что на купца Глобина «привлеченіе къ слѣдствію и требованіе обезпеченія въ 108.000 рубл., которыя онъ представить не могъ и потому подвергнутъ домашнему аресту, такъ подѣйствовало, что онъ, подъ вліяніемъ безсонныхъ ночей и галлюцинацій, рѣшился на самоубійство и принялъ большую дозу мышьяка. Хотя ему была подана немедленно врачебная помощь, но жизнь его еще не внѣ опасности. Глобинъ, самый крупный русскій купецъ въ Таганрогѣ, велъ обширную торговлю и пользовался большимъ кредитомъ въ банкахъ, особенно въ государственномъ, а также и у частныхъ лицъ. Пользуясь самъ кредитомъ, Глобинъ кредитовалъ и другихъ, а потому его банкротство угрожаетъ банкротствами и другимъ торговцамъ, связаннымъ съ нимъ по торговлѣ». Въ другой корреспонденціи той же газеты изъ Таганрога мы находимъ слѣдующую замѣтку о послѣдствіяхъ раскрытія таможенныхъ злоупотребленій: «въ торговлѣ совершенный застой; привоза и сдѣлокъ нѣтъ, благодаря разразившемуся надъ головами здѣшнихъ коммерсантовъ погрому; работъ нѣтъ; дороговизна на все страшная». Вслѣдъ за раскрытіемъ таможенныхъ злоупотребленій, а именно въ концѣ мая, было открыто въ Таганрогѣ въ Азовско-Донскомъ коммерческомъ банкѣ крупное хищеніе, которое также не могло остаться безъ вліянія на ходъ торговыхъ дѣлъ. Г. Ненцель, только-что поступившій директоромъ банка на мѣсто Перестіани, вступивъ въ управленіе дѣлами банка, подвергъ всѣ документы и кассу его тщательной повѣркѣ, результатомъ которой было ужасное открытіе, что банкъ ограбленъ. Генеральная повѣрка баланса и всѣхъ счетовъ Азовскаго банка обнаружила въ рубрикѣ «счетовъ съ корреспондентами» разницу въ 134.000 рубл. При изслѣдованіи причины этой разницы оказалось, что контролеръ банка Фейгушъ, по уговору съ однимъ изъ кліентовъ, Григоровымъ, увеличивалъ текущій счетъ его посредствомъ неправильныхъ записей въ «дневномъ журналѣ». Выемка излишне записанныхъ суммъ съ текущаго счета производилась обыкновеннымъ порядкомъ. Скрывалась эта растрата такимъ образомъ: Фейгушъ, для облегченія занятій бухгалтера, принялъ на себя веденіе контокуррентнаго счета Волжско-Камскаго банка и счета переходящихъ суммъ и разныхъ лицъ. Григоровъ давалъ Азовскому банку порученія на покупку полуимперіаловъ и процентныхъ бумагъ въ Петербургѣ. Принимая заказанныя цѣнности, Григоровъ не платилъ наличными, а предоставлялъ банку право списывать ихъ стоимость съ своего текущаго счета. Фейгушъ, приводя операцію по оборотной вѣдомости дневной записи, списывалъ

каждый разъ съ текущаго счета Григорова неполную стоимость исполненнаго заказа, а менѣе на нѣсколько тысячъ рублей, скрывая эту неправильность фиктивными записями въ счетъ переходящихъ суммъ и разныхъ лицъ. Затѣмъ, Фейгушемъ выписывался ордеръ на кассу относительно выдачи цѣнности Григорову, причемъ объяснялось, что стоимость ея списана съ текущаго счета Григорова. Управляющій банкомъ, г. Перестіани, довѣряя правильности написаннаго въ ордерѣ, дѣлалъ на немъ помѣту, и касса выдавала означенную въ ордерѣ цѣнность.

Вообще нынѣшній годъ очень богатъ болѣе или менѣе значительными растратами денежныхъ суммъ въ банкахъ и даже крупными банковыми крахами, повлекшими за собою массу торговыхъ банкротствъ. Такъ, напримѣръ, въ Московскомъ торговомъ банкѣ произведена растрата кассиромъ Власовымъ, у котораго не оказалось въ наличности, по словамъ однѣхъ газетъ, болѣе 50.000, а по словамъ другихъ—слишкомъ 100.000 руб. Послѣдствіемъ этой растраты была тревога между акціонерами, которые бросились сбывать свои акціи, понизивъ цѣнность ихъ на 25 руб. Изъ Николаевскаго общественнаго банка похищено до 100.000 руб. Въ Минскомъ коммерческомъ банкѣ одинъ изъ служащихъ, занимавшій тамъ видное мѣсто и завѣдывавшій векселями и фондами, укралъ бумагъ на 32.000 руб., да сверхъ того остался долженъ банку до 20.000 руб. по учетнымъ векселямъ. Директоръ Ярославскаго городскаго общественнаго банка растратилъ до 32.000 руб., за что преданъ суду. Въ Михайловѣ, Рязанской губерніи, въ апрѣлѣ повѣсился купецъ Коноваловъ, основавшій въ 1876 году городской банкъ на пожертвованные имъ 10.000 руб. Впослѣдствіи, потерпѣвъ неудачи въ торговлѣ, онъ растратилъ почти всѣ капиталы банка на сумму, какъ говорятъ, свыше 100.000 руб. и затѣмъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ городѣ Ковровѣ, Владимірской губ., по словамъ *Современныхъ Извѣстій*, весь оборотный капиталъ городскаго общественнаго банка, простирающійся до 600.000 руб., находится въ четырехъ рукахъ, и это обстоятельство заставляетъ гласныхъ городской думы сильно опасаться банковаго краха.

Среди подобнаго рода мелкихъ растратъ въ крупныхъ банковыхъ учрежденіяхъ и, наоборотъ, крупныхъ несчастій съ мелкими банками—особенно рельефно выдѣляется своими грандіозными размѣрами крахъ Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка. Уже въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ обороты банка давали постоянно дефицитъ, но онъ тщательно маскировался по отчетамъ, для чего въ обращеніе были пущены закладные листы, или представленные заемщиками на погашеніе долговъ, или же не взятые ими же изъ банка при назначеніи ссуды, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, и слѣдовательно подлежавшіе уничтоженію, какъ уже не обезпеченные никакимъ залогомъ. 19-го марта текущаго года происходило общее собраніе членовъ банка, которые благополучно утвердили отчетъ, хотя и не получили дивиденда. Только одинъ акціонеръ, г. Неморов-

скій, требовалъ на собраніи назначенія коммиссіи для обревизованія дѣлъ общества, но ему въ этомъ было отказано. Тогда онъ вручилъ прокуратурѣ нѣкоторые документы, касающіеся положенія дѣлъ въ банкѣ, послѣ чего на другой же день прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда произвелъ внезапную ревизію въ банкѣ, опечаталъ книги и назначилъ слѣдствіе. Правленіе банка принесло жалобу на это окружному суду, который призналъ недѣйствительными и отмѣнилъ всѣ слѣдственныя дѣйствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ. Однако, вскорѣ опредѣленіе саратовскаго окружнаго суда о прекращеніи слѣдствія было отмѣнено рѣшеніемъ казанской судебной палаты и прерванныя слѣдственныя дѣйствія возобновились. Въ настоящее время слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ почти окончено производствомъ и, по собраніи кое-какихъ справокъ, должно поступить на заключеніе прокурорскаго надзора. Всѣхъ обвиняемыхъ привлечено къ слѣдствію пять человѣкъ: члены правленія—Алфимовъ, Якунинъ и Борисовъ, бухгалтеръ Марцинковскій и кассиръ Иловайскій. При самомъ началѣ слѣдственныхъ дѣйствій члены правленія банка употребили всевозможныя усилія, чтобы склонить акціонеровъ къ прекращенію дѣла. Въ этихъ видахъ между прочимъ въ Петербургѣ происходили частныя совѣщанія акціонеровъ при участіи двухъ членовъ правленія, Борисова и Якунина. Эти совѣщанія интересны тѣмъ, что не привели даже къ полному выясненію истиннаго положенія дѣлъ въ банкѣ: акціонеры ровно ничего не знали, а члены правленія скрывали отъ нихъ истину.

Одинъ изъ акціонеровъ, г. Семененко, сообщаетъ въ *Голосѣ* слѣдующія интересныя подробности объ этихъ курьезныхъ совѣщаніяхъ: «Члены правленія банка объяснили намъ, что банкъ имѣетъ дефицитъ, приблизительно, около 778.000 руб., но что они на точность этой цифры не вполнѣ полагаются и, въ дѣйствительности, она можетъ оказаться нѣсколько болѣе, что будетъ извѣстно впослѣдствіи. При этомъ тѣ же члены правленія банка добавили, что кромѣ суммы въ 778.000 руб., въ прошломъ году былъ обнаруженъ дефицитъ въ 477.000 руб., который, по заявленію г. Борисова, лично имъ пополненъ, для того, чтобы сохранить доброе имя и не подрывать довѣрія къ банку. Впослѣдствіи же изъ разговоровъ выяснилось, что это пополненіе было только фиктивное, потому что г. Борисовъ не платилъ 477.000 руб., а лишь совершилъ вторую закладную банку на имѣніе свое, заключающееся въ 113.000 д. Оренбургской губерніи, Орскаго уѣзда, принадлежавшее прежде г. Загряжскому, и на которомъ до того уже состояло долгу 780.000 руб. Слѣдовательно, дефицитъ банка, по заявленію самихъ членовъ правленія, опредѣляется приблизительно въ 778.000+477.000 = 1.255.000 руб., т.-е. болѣе $^5/_6$ основнаго акціонернаго капитала банка, состоящаго всего изъ 1.500.000 руб. При обсужденіи въ томъ же частномъ собраніи петербургскихъ акціонеровъ вопроса, какое средство избрать банку для выхода изъ нынѣшняго критическаго положенія, нашлись, правда, великодушные

акціонеры, находившіе нужнымъ прежде всего позаботиться о сохраненіи добраго имени членовъ правленія банка, но не интересовъ акціонеровъ или владѣльцевъ закладныхъ листовъ, и предложившіе просить г. Борисова пополнить послѣдній дефицитъ въ 778.000 руб. такимъ же фиктивнымъ способомъ, какимъ былъ, будто бы, пополненъ и дефицитъ въ 477.000 руб., т.-е. увеличеніемъ долга на имѣніе до 2.035.000 руб. Присутствовавшій на собраніи г. Борисовъ великодушно изъявилъ согласіе на такую сдѣлку». Но понятное дѣло, что никакого соглашенія между акціонерами и членами правленія не могло состояться. Члены правленія въ концѣ концовъ были вынуждены отказаться отъ своихъ должностей и собраніе акціонеровъ, происходившее 16 мая, избрало новое правленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядилось пріостановить выдачу новыхъ ссудъ подъ имѣнія, впредь до приведенія въ ясность всѣхъ дѣлъ банка. Первымъ дѣломъ новаго правленія была ревизія дѣлъ банка и опредѣленіе истинной суммы понесеннаго банкомъ убытка. «Въ засѣданіи новаго правленія банка,—читаемъ мы въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*,—утвержденъ балансъ банка на 1 іюля сего года, представляющій положеніе дѣлъ банка въ настоящемъ ихъ видѣ. При складочномъ капиталѣ банка въ 1.500.000 р. и запасномъ 81.228 руб. 86 коп., а всего въ 1.581.228 руб. 86 коп., понесенный банкомъ убытокъ исчисленъ новымъ правленіемъ въ 1.911.764 рублей. 61 коп., превышая такимъ образомъ средства акціонеровъ на 330.535 руб. 75 коп. Подобнаго печальнаго результата не ожидалъ и самый ярый пессимистъ. Для акціонеровъ банка, такимъ образомъ, все кончено и имѣющіяся въ ихъ рукахъ акціи представляютъ стоимость одной только маклатуры. Говоря о положеніи дѣлъ Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка, можно отнынѣ имѣть въ виду одни только интересы владѣльцевъ закладныхъ листовъ этого банка. Насколько пока удалось новому правленію опредѣлить,—сумма находящихся въ обращеніи закладныхъ листовъ Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка составляетъ 12.283.225 руб., между тѣмъ какъ долгосрочныхъ ссудъ банкомъ выдано всего 11.469.330 рублей 91 коп.; къ послѣднему обезпеченію можно причислить 14 имуществъ, оставшихся за банкомъ, капитальный долгъ по которымъ составляетъ 305.107 руб. 60 коп. Въ результатѣ оказывается, что закладнымъ листамъ недостаетъ обезпеченія на 508.787 руб. 49 коп., т.-е. около 5% нарицательнаго капитала. Правленіе банка исчисляетъ, что непокрытый полугодовой платежъ процентовъ по купонамъ закладныхъ листовъ составляетъ 24.805 руб. 49 коп. при общей потребности въ платежѣ 374.514 рублей 93 коп.; также не покрыты 10.366 руб. 61 коп. для полугодичнаго погашенія при общей потребности для этой цѣли 105.087 руб. 77 коп.; такимъ образомъ для купона не хватаетъ 1/15 части всей суммы, а для погашенія—1/11 части. Если государственный банкъ не поможетъ, то въ этой пропорціи придется владѣльцамъ листовъ понести ежегодную жертву».

Виновникомъ паденія Саратовско-Симбирскаго банка считаютъ члена правленія его, бывшаго директора тульскаго поземельнаго банка, извѣстнаго коммерсанта г. Борисова. Про него между прочимъ разсказываютъ слѣдующую исторію. Въ Орскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, есть Каноникольская дача, состоящая изъ 112.000 десятинъ, изъ числа которыхъ до 80.000 десятинъ занято лѣсомъ, отчасти крупнымъ мачтовымъ и карабельнымъ. Эта дача принадлежала прежде камеръ-юнкеру г. Загряжскому, который устроилъ въ ней мѣдно-плавильный заводъ. Такъ какъ владѣлецъ большею частію проживалъ въ Москвѣ и за границею, тратя цѣлыя сотни тысячъ, то скоро онъ задумалъ продать это имѣніе за 1.000.000 руб., но, не найдя покупателя на такую сумму, заложилъ его въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ за 780.000 руб. Въ концѣ концовъ Загряжскій успѣлъ задолжать казнѣ до 300.000 руб. Наконецъ, дѣйствіе завода пріостановилось за неимѣніемъ свободнаго капитала и казна назначила своего опекуна къ имѣнію. Опекуномъ къ имѣнію попался хорошій хозяинъ, который, съ затратою небольшаго капитала, сумѣлъ ежегодно выгонять смолу и деготь изъ негодныхъ пней на сумму до 40.000 руб. Со смертію опекуна дѣла по имѣнію г. Загряжскаго совсѣмъ запутались и Каноникольская дача два раза назначалась въ публичную продажу за неплатежъ процентовъ банку. Такъ какъ оба раза покупателей на имѣніе не нашлось, то банкъ, на основаніи устава, долженъ былъ продать его въ теченіе шести мѣсяцевъ, хотя бы съ уступкою и по добровольному соглашенію. Вмѣсто шести мѣсяцевъ банкъ продавалъ имѣніе пять лѣтъ и все-таки покупателей не было. Наконецъ, въ 1879 году членъ правленія банка, г. Борисовъ, купилъ это имѣніе безъ всякой приплаты съ переводомъ на себя одного лишь банковаго долга въ 780.000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ онъ, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ банкѣ, совершилъ вторую закладную банку на то же имѣніе, получивъ въ ссуду 477.000 руб., такъ что весь долгъ его банку дошелъ до 1.257.000 руб. Получивъ изъ банка деньги и сплавивъ въ первый же годъ изъ купленной дачи лѣсу на сумму 30.000 руб., Борисовъ построилъ въ Оренбургѣ, близъ станціи желѣзной дороги, паровую механическую мукомольную мельницу и заложилъ ее въ томъ же Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ за 600.000 руб., такъ что теперь сумма долга банку дошла до 1.857.000 р. Между тѣмъ мѣстные коммерсанты очень обрадовались появленію въ оренбургскихъ палестинахъ такого крупнаго коммерческаго туза, какъ г. Борисовъ. Они стали сбывать къ нему на мельницу всю залежавшуюся у нихъ въ послѣднее десятилѣтіе пшеницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыли ему кредитъ въ полумилліона. Однако, разсчетъ Борисова на милліонные барыши отъ мельницы оказался невѣренъ. Потребности населенія остались прежнія, а экспортъ пшеницы въ зернѣ увеличивается съ каждымъ годомъ; нельзя потому ожидать, чтобы помолъ увеличивался и достигъ тѣхъ размѣровъ,

которые можно признать выгодными для механизма, приводимаго въ движеніе паромъ и обрабатывающаго въ день 3 — 4 тысячи пудовъ зерна. Послѣдовавшее за паденіемъ Саратовско - Симбирскаго банка банкротство г. Борисова причинило громадные убытки коммерсантамъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла. Такъ одни лишь оренбургскіе купцы поплатились на сумму не менѣе 300.000 руб. Особенно сильно пострадали фирмы: Скворцовъ на 150.000 руб., Хусаиновъ купецъ на 100.000 руб., Горинъ на 30.000 руб., Мякинниковъ на 15.000 руб. и другіе; сверхъ того Борисовы прихватили изъ городскаго общественнаго банка до 30.000 руб. *Русскія Вѣдомости* разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующую характерную исторію, случившуюся съ лѣсопромышленниками Скворцовыми. Борисовы купили у нихъ хлѣбъ для мельницы подъ вексель на сумму 28.000 руб., а тѣ, въ свою очередь, у Борисовыхъ лѣсу изъ Каноникольской дачи на сумму 120.000 руб., также подъ векселя. Борисовы по бланковымъ надписямъ тотчасъ же заложили эти послѣдніе въ суммѣ 100.000 руб. и когда обнаружилась ихъ несостоятельность, весь лѣсъ, сплавленный изъ Каноникольской дачи, засеквестрованъ, и Скворцовы обязаны будутъ уплатить всѣ 100.000 руб. и лишатся, кромѣ того, и 28.000 рублей, слѣдуемыхъ имъ съ Борисовыхъ за пшеницу.

Почти одновременно съ Саратовско-Симбирскимъ банкомъ послѣдовало крушеніе Либавскаго коммерческаго банка, просуществовавшаго около 10 лѣтъ. Въ послѣднее время въ банкѣ кредитовался на весьма значительную сумму нѣкто Шнейдеръ, который объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ. Оказалось, что этотъ Шнейдеръ ровно ничего не имѣлъ у себя: имѣніе свое онъ продалъ брату, товаръ заложилъ въ банкѣ, а въ амбарахъ не оказалось ни зерна. Подобно Шнейдеру поступили и другіе торговцы, что и было причиною разоренія банка. Бывшее въ апрѣлѣ общее собраніе акціонеровъ рѣшило ликвидировать дѣла банка. Эта ликвидація отозвалась самымъ неблагопріятнымъ образомъ на положеніи торговыхъ дѣлъ. По словамъ *Рижской Газеты*, мѣстное отдѣленіе банкирскаго дома «Тиктинъ и К°» прекратило свои операціи и закрылось. Два, считавшіеся зажиточными, купца скрылись; одинъ купецъ первой гильдіи засаженъ за долги въ тюрьму; одна значительная мануфактурная торговля прекратила платежи. Точно также *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ изъ Виндавы, Курляндской губ., что тамъ банкротства принимаютъ эпидемическій характеръ и что либавскія банкротства, явившіяся слѣдствіемъ крушенія тамошняго коммерческаго банка, видимо отражаются и на сосѣднихъ торговыхъ городахъ Прибалтійскаго края.

Въ ту же злополучную весну нынѣшняго года разразился крахъ надъ первымъ виленскимъ обществомъ взаимнаго кредита. По словамъ *Голоса*, это учрежденіе, основанное девять лѣтъ тому назадъ, «вело въ началѣ дѣла свои хорошо; но потомъ правленіе его увлеклось размѣрами выдаваемыхъ ссудъ, что и привело его къ катастрофѣ. Слухи о ненадежности

дѣлъ общества ходили уже давно, а съ мѣсяцъ назадъ послѣдовало усиленное и спѣшное востребованіе вкладовъ. Поставленное въ критическое положеніе, правленіе отказывало въ выдачѣ и назначило на 10 марта чрезвычайное собраніе всѣхъ членовъ (которыхъ до 800). Результатомъ было назначеніе ревизіонной коммиссіи. Но многіе вкладчики не пожелали ждать постановленія новой коммиссіи и обратились къ властямъ; тогда послѣдовали нѣкоторыя выдачи. Сперва казалось, что дѣла не очень плохи, такъ какъ здѣшняя палата гражданскаго и уголовнаго суда отказала кому-то въ искѣ на прекратившее платежи общество; но недавно прокурорскій надзоръ наложилъ руку на это злополучное общество, и надо полагать, что теперь будетъ обнаружено истинное положеніе его дѣлъ. Очень интересно прислушаться къ толкамъ, ходящимъ въ городѣ про подвиги лицъ, заправлявшихъ дѣлами общества. Разсказываютъ, какъ одинъ воротила записалъ своего слугу въ купцы, какъ потомъ былъ учтенъ на крупную сумму вексель вновь испеченнаго купца, причемъ векселедатель, имѣя мѣсто жительства на предмѣстьи «Новгородъ», росписался «новгородскій купецъ». Вспоминаютъ бывшее лѣтъ шесть назадъ приключеніе съ фельдшеромъ, который, забравъ въ обществѣ крупную сумму подъ какія-то дутыя бумаги, бѣжалъ въ Берлинъ. Вступивъ оттуда въ переговоры, фельдшеръ добился разсрочки сдѣланнаго долга на десятъ лѣтъ, а потомъ спокойно вернулся въ Вильну, гдѣ проживаетъ и по настоящее время. Повѣствуютъ о способѣ переписыванія векселей, о выпущенныхъ какихъ-то билетахъ на вклады: билеты, приносившіе хорошіе проценты, были распроданы съ значительною скидкою. Невольно является вопросъ: неужели никто не зналъ подобныхъ расточительныхъ дѣйствій правленія? Неужели не было оппозиціи противъ неурядицы?— Оппозиція была постоянно, да только она проявлялась въ слабой степени. На первыхъ же порахъ сформированія общества, часть членовъ выдѣлилась и образовала второе общество взаимнаго кредита, существующее благополучно и до сего времени. Осторожные люди просто покидали общество, а на смѣну имъ новыхъ членовъ не являлось, что видно изъ сопоставленія слѣдующихъ чиселъ: къ 1-му января 1876 года показано членовъ 899, къ 1-му февраля 1882 года ихъ значится 795. Протесты переходили и въ печать. Такъ, еще въ 1876 году, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, одинъ изъ членовъ, разсказывая про бывшее годичное собраніе, указывалъ на то обстоятельство, что ревизіонная коммиссія не была допущена правленіемъ къ повѣркѣ наличной кассы и денежныхъ цѣнностей. Мало того; когда въ этомъ же собраніи кто-либо возбуждалъ по этому предмету вопросъ, то предсѣдатель собранія, онъ же и членъ правленія, отнималъ у говорившаго право голоса. Такой порядокъ или, лучше, произволъ, надо полагать, существовалъ и во всѣ послѣдующіе годы. Даже теперь, когда общество дошло до краха, чрезвычайное собраніе 10 марта было созвано правленіемъ для рѣшенія единственнаго вопроса о допол-

нительномъ взносѣ членской платы, и только особыя усилія нѣсколькихъ членовъ, недовѣрявшихъ правленію, достигли постановки въ это собраніе и другихъ вопросовъ, что и привело къ отказу предложенія правленія и къ назначенію ревизіонной коммиссіи. На этомъ собраніи обнаружилось, что въ портфелѣ общества векселей на сумму около полумилліона, изъ которыхъ половина была уже протестована, тогда какъ по послѣднему балансу на 1-е февраля показано протестованныхъ векселей всего на пять тысячъ. Послѣ этого можно ли довѣрять публикуемымъ годичнымъ отчетамъ и ежемѣсячнымъ балансамъ?» Слѣдствіе о растратѣ суммъ производится чрезъ особо командированнаго изъ Петербурга судебнаго слѣдователя г. Смита. При самомъ началѣ слѣдствія были арестованы—предсѣдатель правленія общества г. Якубовичъ и главный бухгалтеръ г. Верблов-скій. Растрата, какъ до сихъ поръ выяснилось, простирается до 400.000 рублей. Крушеніе кредитнаго общества, какъ и слѣдовало ожидать, не осталось безъ вліянія на мѣстную торговлю. Въ половинѣ мая писали *Русскимъ Вѣдомостямъ* изъ Вильны, что «торговля, несмотря на теперешнюю Георгіевскую ярмарку, идетъ очень вяло; ярмарка въ этомъ году крайне плоха какъ по числу участвующихъ въ ней продавцовъ, такъ и покупателей. Много попортилъ торговлѣ обанкротившійся виленскій банкъ взаимнаго кредита, въ которомъ торговые люди имѣли порядочный кредитъ. Вообще всюду и во всемъ застой въ дѣлахъ».

Въ Воронежѣ общественное вниманіе всецѣло поглощено крупными банкротствами мѣстныхъ коммерсантовъ, эпидемически слѣдовавшими одно за другимъ и доведшими одинъ изъ мѣстныхъ банковъ до самаго отчаяннаго положенія. Банкротства начались еще весною въ концѣ апрѣля, когда одинъ изъ самыхъ видныхъ тузовъ мѣстнаго коммерческаго міра, г. Веневитиновъ, отказался отъ платежа по долговымъ обязательствамъ. Это былъ коммерсантъ первой величины, державшій въ своихъ рукахъ весьма значительныя отрасли торговой и заводской промышленности. Онъ имѣлъ водочный и винокуренный заводы, велъ обширную торговлю шерстью и саломъ, состоялъ въ крупныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ московскими мануфактуристами и производилъ въ Воронежѣ большую торговлю мануфактурными товарами. Онъ пользовался репутаціей энергичнаго, предпріимчиваго и надежнаго человѣка и, благодаря этому, имѣлъ громадный кредитъ. Что же касается воронежскихъ кредитныхъ учрежденій, то въ нихъ Веневитиновъ былъ своимъ человѣкомъ и стоялъ во главѣ кредитной администраціи. Въ отдѣленіи государственнаго банка онъ былъ членомъ учетнаго комитета, въ городскомъ общественномъ банкѣ—кандидатомъ на должность товарища директора банка, въ обществѣ взаимнаго кредита—депутатомъ совѣта. Благодаря такимъ близкимъ связямъ съ кредитными учрежденіями, онъ могъ пользоваться ими, какъ своимъ сундукомъ, и, дѣйствительно, кредитовался въ нихъ болѣе чѣмъ на 300.000 рублей. Давно уже въ Воронежѣ ходили слухи, что дѣла Веневитинова сильно

разстроены и что онъ близокъ къ банкротству, но этому никто не хотѣлъ вѣрить. Наконецъ, банкротство было объявлено, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что несостоятельность Веневитинова по Воронежу и другимъ городамъ простирается на сумму до 800.000 р., причемъ болѣе половины этой суммы приходится на долю Воронежа. «Такая крупная несостоятельность,— по словамъ *Голоса*,—зацѣпила много несчастныхъ *людей и людишекъ*. Паника на базарѣ; паника въ мѣстныхъ банкахъ; паника и въ частныхъ домахъ, такъ какъ остающееся имущество Веневитинова оказывается закрѣпощеннымъ на имя жены и взрослыхъ дѣтей. Слѣдовательно, ликвидировать дѣла нечѣмъ и приходится теперь платить тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе ставить свои бланковыя надписи на векселяхъ, выпускавшихся Веневитиновымъ. А такихъ лицъ чрезвычайно много!» Несостоятельность Веневитинова повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ. Вслѣдъ за нимъ Трофимовъ, торговавшій мануфактурными товарами, прекратилъ платежи на сумму до 300.000 руб. Въ этой несостоятельности, какъ говорятъ, большая половина потери падаетъ на долю московскихъ мануфактуристовъ, съ которыми Трофимовъ велъ дѣла. Немало также волновался Воронежъ по поводу несостоятельности здѣшняго купца Вяхирева. «Въ виду такого, можно сказать, эпидемическаго банкротства воронежскихъ купцовъ,—замѣчаетъ корреспондентъ *Голоса*,—становится даже страшно, какъ бы эта эпидемія не увлекла за собою и другихъ нашихъ коммерческихъ тузовъ, а изъ-за нихъ, конечно, болѣе всѣхъ пострадаютъ наши банки».

Банкротства воронежскихъ купцовъ, и въ особенности самаго крупнаго изъ нихъ, Веневитинова, страшно всполошили все мѣстное общество и обратили общественное вниманіе на положеніе дѣлъ въ мѣстныхъ банкахъ. Тамъ во всѣхъ банкахъ дѣла находятся въ рукахъ небольшой кучки воротилъ, которые главнымъ образомъ и пользуются кредитомъ. Всѣ выборныя должности въ банкахъ захвачены небольшимъ кружкомъ лицъ, безъ которыхъ никакая кандидатура не можетъ пройти благополучно. «Банки,—по словамъ *Голоса*,—свободно вѣнчаютъ и развѣнчиваютъ своихъ приближенныхъ, смотря по тому, насколько эти приближенные служатъ ихъ чисто личнымъ интересамъ. Надобно еще прибавить, что воронежскіе обыватели, благодаря изобилію мѣстныхъ банковъ, окунулись въ нихъ совсѣмъ съ головой; взятыя деньги пустили на непроизводительныя затраты и теперь не имѣютъ возможности расплатиться по векселямъ и переписываютъ ихъ изъ года въ годъ. Переписка же векселей находится всецѣло въ рукахъ заправителей банковъ; спрашивается: кто же пойдетъ въ разрѣзъ съ заправителями, когда они могутъ заставить каждаго произвести уплату по векселю, которому наступаетъ срокъ?» Въ особенности мало возбуждало довѣрія положеніе дѣлъ въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита. Это общество было основано восемь лѣтъ тому назадъ и, какъ разсказываетъ корреспондентъ *Голоса*, «на первыхъ же порахъ своего существованія оно привлекло къ себѣ членовъ изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго

населенія, стянуло въ свою кассу болѣе милліона вкладовъ отъ посторонихъ вкладчиковъ и столько же текущихъ счетовъ; другими словами, каждый изъ мѣстныхъ обывателей съ удовольствіемъ тащилъ въ общество взаимнаго кредита свои сбереженія и никому въ голову не приходило, что черезъ восемь лѣтъ наступитъ страшный кризизъ.... Съ теченіемъ времени администрація общества стала силой не только денежной, но и общественной; къ сожалѣнію, однако, этою силой администрація воспользовалась въ ущербъ интересамъ банка. Она настояла, чтобы высшая норма кредита, вмѣсто 30.000, была въ 60.000, и оттого послѣднею воспользовались, прежде всего, всѣ тѣ лица, которыя или состояли въ рядахъ администраціи общества, или были близки къ ней по разнаго рода отношеніямъ. Такимъ образомъ сразу разобрана была почти половина всего капитала общества только двумя съ небольшимъ десятками лицъ, и этотъ капиталъ послѣ того уже никогда не возвращался обратно въ кассу общества: началась нескончаемая переписка векселей, перемежавшаяся ежегодно нѣсколькими случаями банкротствъ и списываніемъ крупныхъ суммъ протестованныхъ векселей, какъ безвозвратныхъ потерь общества. Въ восемь лѣтъ это составило сумму въ 335.000 р. На образовавшіяся, такимъ образомъ, хроническія потери администрація общества не обращала ровно никакого вниманія. Члены правленія, въ своемъ такъ-называемомъ «чайномъ» комитетѣ, вели рѣчи и споры о городскихъ выборахъ, вели интриги противъ городскаго и коммерческаго банковъ и т. п., а свое банковое дѣло вели чисто путемъ канцелярскимъ, поддерживаемые своими кліентами, закабалившими себя перепискою векселей. На общихъ собраніяхъ никакой голосъ противъ такихъ порядковъ не могъ встрѣтить поддержки и все шло по наклонному пути разложенія. Всѣ общія собранія были однѣ только пикировки совѣта съ ревизіонною коммиссіей. Такъ шли дѣла взаимнаго кредита, пока одинъ изъ членовъ правленія не сошелъ со сцены, оказавшись неплательщикомъ; за нимъ сошелъ со сцены другой членъ правленія, оставивъ за собой массу векселей, переписанныхъ какъ попало; потомъ банкротится членъ пріемнаго комитета, далѣе слѣдуетъ банкротство члена совѣта и т. д.»

Вся эта исторія общества взаимнаго кредита припомнилась какъ разъ въ то время, когда Веневитиновъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Подъ тревожнымъ впечатлѣніемъ этого крупнаго банкротства сразу возникло недовѣріе къ обществу взаимнаго кредита и охватило собою какъ членовъ этого общества, такъ и постороннихъ вкладчиковъ. Тѣ и другіе поспѣшно стали вынимать изъ банка свои деньги и въ двѣ недѣли совсѣмъ опустошили кассу банка такъ, что, наконецъ, пришлось отказывать въ выдачѣ текущихъ счетовъ и безсрочныхъ вкладовъ. На 13 мая въ кассѣ осталось всего 6.000 р. Въ виду такого отчаяннаго положенія дѣлъ, остальные воронежскіе банки пришли въ тревогу и начали сообща обдумывать, какъ предотвратить грозу, которая готова была разразиться надъ ними, если

общество взаимнаго кредита объявитъ себя несостоятельнымъ. Въ то же время совѣтъ этого послѣдняго общества безпрерывно собирался въ теченіе цѣлой недѣли, просиживая ночи надъ рѣшеніемъ трудной задачи спасти банкъ отъ конечнаго крушенія. Результатомъ такой усиленной и тревожной дѣятельности банковыхъ дѣльцовъ было рѣшеніе обратиться за помощью къ государственному банку. Совѣтъ общества просилъ управляющаго государственнымъ банкомъ разрѣшить обществу взаимнаго кредита переучетъ векселей на 150 тыс. руб. сверхъ установленной нормы, на что послѣдовало полное согласіе. Сверхъ того совѣтъ назначилъ на 3-е іюня экстренное общее собраніе членовъ общества, а для предварительныхъ совѣщаній пригласилъ членовъ собраться неоффиціальнымъ образомъ на 13-е мая. Это частное собраніе было искуственною подготовкой членовъ къ принятію на общемъ собраніи рѣшеній въ смыслѣ отсрочки той грозы, которая собралась надъ всѣми воронежскими банками и капиталистами, имѣвшими дѣла съ ними. Какъ всегда бываетъ на многолюдныхъ собраніяхъ, и здѣсь настоящіе банковые дѣльцы дали волю горячимъ, увлекающимся головамъ высказать въ желчныхъ и страстныхъ рѣчахъ благородное негодованіе по поводу практиковавшейся до сего времени системы, которая привела къ разоренію общество взаимнаго кредита. Ораторы шумно толковали, что «такъ нельзя вести дѣла, что нужно положить предѣлъ кумовству и пріятельству заправителей, чтобы на будуще время дѣла не находились въ безконтрольномъ вѣдѣніи маленькой, но сильно сплоченной своими личными интересами, группы». Въ залѣ собранія, вмѣщавшей въ себѣ 140 членовъ, стоялъ гулъ отъ голосовъ. Собраніе увлекалось пылкими рѣчами ораторовъ, которые жестоко порицали администрацію банка и требовали устраненія правленія отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ. Всѣ, казалось, были согласны, что правленіе общества должно сойти со сцены и уступить мѣсто вновь избраннымъ лицамъ, иначе дѣла общества не поправятся и кредитъ его въ общественномъ мнѣніи никогда не будетъ возстановленъ. Таково было впечатлѣніе, произведенное рѣчами тѣхъ честныхъ говоруновъ-энтузіастовъ, которымъ на роду написана судьба Донъ-Кихота, воюющаго съ вѣтреными мельницами. Въ то самое время, когда благородные ораторы требовали смѣны всей администраціи банка и когда собраніе членовъ вполнѣ согласилось съ ними, — въ это самое время банковые заправилы потирали отъ удовольствія руки, ни слова не возражая противъ увлекающихся говоруновъ. Банковые заправилы хорошо понимали, что энтузіасты своими пылкими рѣчами спасаютъ, а совсѣмъ не губятъ администрацію банка. Дѣльцы молчали, но очень хорошо знали, какъ важно для нихъ то обстоятельство, что перспектива спасенія банка, посредствомъ перемѣны личнаго состава администраціи, воскресила упавшую бодрость въ членахъ и возродила въ нихъ готовность на новыя жертвы для спасенія банка. Тутъ банковые дѣльцы вздохнули свободно; ихъ дѣло было выиграно и ужасная перспектива полнаго разоренія ото-

двинулась вдаль на такое разстояніе, которое опредѣляется русскимъ «авось». Возродившаяся бодрость въ членахъ общества привела ихъ, и въ особенности мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ поддержкѣ кредита, къ рѣшимости, во что бы то ни стало, спасти общество взаимнаго кредита. Въ этихъ видахъ они рѣшили сдѣлать добавочный членскій взносъ, что составитъ около 200.000 р. Результатомъ такого рѣшенія была счастливая перспектива: члены общества взаимнаго кредита видѣли, какъ въ самомъ близкомъ будущемъ касса банка снова наполнится деньгами и дѣла пойдутъ по-прежнему гладко и хорошо. Они любовались этою картиной, созданною въ ихъ воображеніи, а банковые воротилы съ торжествомъ потирали руки, видя, какъ члены общества успокоиваются, страсти утихаютъ и на минуту вспыхнувшая энергія смѣняется обычнымъ у насъ безпечнымъ спокойствіемъ въ ожиданіи, когда опять грянетъ громъ и заставитъ мужика перекреститься.

Въ ожиданіи назначеннаго на 3-е іюня общаго собранія членовъ общества взаимнаго кредита, въ Воронежѣ господствовало сильное оживленіе. Всѣ интересы, всѣ разговоры вращались около банковыхъ дѣлъ. Даже дамы увлеклись банковою горячкой, толковали о дѣлахъ общества взаимнаго кредита и съ интересомъ слѣдили по мѣстнымъ газетамъ за скучными и малопонятными отчетами банковъ. А банковые дѣльцы, пользуясь общественнымъ возбужденіемъ, все подготовляли для себя почву въ ожиданіи общаго собранія. У нихъ былъ прямой и вѣрный разсчетъ, что, коль скоро члены общества взаимнаго кредита ободрялись въ надеждѣ на возможность поправить покачнувшіяся дѣла банка, то значитъ, при помощи преданныхъ лицъ, можно будетъ составить въ свою пользу большинство на общемъ собраніи, удержать въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами кредитнаго учрежденія, ими же доведеннаго чуть не до полной гибели. Этотъ разсчетъ на незлобивость и безпечность русскаго человѣка вполнѣ оправдался. «Засѣданіе общаго собранія 3 іюня,—по словамъ корреспондента *Голоса*,—открылось чтеніемъ доклада совѣта общества, изъ котораго обнаружилось, что банкъ пришелъ въ страшное разстройство. Члены бегутъ, забирая свои вклады и снимая текущіе счеты; постороннихъ вкладчиковъ не является; въ балансѣ на 3-е іюня стоитъ внушительная цифра 88.000 руб. въ протестованныхъ векселяхъ, несмотря на то, что въ эту сумму еще не вошли векселя по банкротству Веневитинова, которымъ еще не наступилъ срокъ для протестовъ. Въ ближайшемъ будущемъ цифра эта угрожаетъ, по меньшей мѣрѣ, удвоиться. Члены общества, подъ страхомъ полицейскихъ мѣръ, привлекаются къ дополнительному членскому взносу; сверхъ того, тѣмъ же членамъ рисуется перспектива нѣсколько лѣтъ не получать никакого дивиденда, а питать лишь одно платоническое чувство къ этому кредитному учрежденію и т. п. Словомъ, собравшимся членамъ представилась самая мрачная картина банка, въ солидность и прочность котораго такъ еще недавно многіе изъ членовъ

вѣровали.... Казалось, что это собраніе сорветъ, наконецъ, маску съ дѣйствующихъ лицъ и поставитъ дѣло «на чистоту», по, увы, и тутъ оказалась осѣчка. При баллотировкѣ вопроса, насколько нынѣшняя администрація отвѣчаетъ довѣрію къ ней членовъ общества, оказалось: недовѣряющихъ 101 и довѣряющихъ 110». Такого сюрприза совсѣмъ не ожидали ораторы, увлекавшіе бывшее недавно собраніе членовъ общества взаимнаго кредита своими рѣчами о необходимости измѣнить личный составъ банковой администраціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести новую систему въ управленіе дѣлами банка. Эти честные и пламеные энтузіасты теперь увидали, что они остались въ дуракахъ и что на частномъ собраніи они своими руками загребали жаръ для виновниковъ разоренія банка. Понятное дѣло, что въ городѣ начались весьма нелестные толки о результатахъ бывшаго 3-го іюня общаго собранія членовъ общества взаимнаго кредита. «Въ городѣ, — разсказываетъ корреспондентъ *Голоса*,—пошли толки, что взаимный кредитъ вовсе не заботится о поправленіи своихъ дѣлъ, а имѣетъ въ виду исключительно округлить свои дѣлишки. Администрація общества, видимо, имѣетъ въ разсчетѣ только свои интересы, а объ интересахъ своихъ 450 членовъ и знать не хочетъ». Но банковые воротилы очень хорошо знали, что людская молва, какъ морская волна, перемѣнчива, что городскіе толки скоро замолкнутъ и ловкіе люди съумѣютъ въ свою пользу распорядиться дополнительнымъ членскимъ взносомъ въ 200.000 руб.

Эпидемія банковыхъ краховъ далеко еще не окончилась. Теперь очередь стоитъ за Скопинскимъ городскимъ общественнымъ банкомъ. Благодаря многочисленнымъ рекламамъ и высокому проценту на вклады, этотъ банкъ привлекъ множество самыхъ мелкихъ сбереженій со всѣхъ концовъ Россіи. Онъ пользовался грамадною популярностью среди небогатыхъ и простодушныхъ людей, обладавшихъ маленькими сбереженіями. Поэтому крушеніе Скопинскаго банка должно повлечь за собою разореніе множества семействъ и ужасный переполохъ во всей Россіи. Дѣла этого популярнаго кредитнаго учрежденія разстроились уже давно, такъ что оно болѣе года перебивается кое-какъ, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи даже самыхъ ничтожныхъ требованій о возвратѣ вкладовъ. Наконецъ дѣло приблизилось къ развязкѣ. «Вкладчики за послѣднее время,—разсказываетъ въ *Русскомъ Курьерѣ* одинъ изъ гражданъ города Скопина, близко знакомый съ дѣлами мѣстнаго банка,—усиленно осаждаютъ правленіе банка требованіемъ возврата вкладовъ и жалобы объ ихъ невыдачѣ слышатся всюду. Грамадными кипами банкъ получаетъ вкладные билеты, заявленія и просьбы съ каждою почтой, совершенно одинаково, какъ прежде получалъ денежныя суммы на вкладъ. По словамъ самихъ «банковыхъ заправителей», отъ вкладчиковъ отбою нѣтъ. Многіе изъ вкладчиковъ, потерявъ терпѣніе и надежду получить обратно вклады, обращались уже съ просьбой къ начальнику губерніи, а менѣе смѣлые при-

бѣгаютъ къ хитрости, возбуждающей насмѣшку со стороны тѣхъ же «банковыхъ заправителей», въ родѣ слѣдующей, напримѣръ, штуки: ходитъ разсказъ про одного священника, который въ послѣдней изъ многочисленныхъ просьбъ своихъ пишетъ въ правленіе банка, что онъ имѣетъ 11 взрослыхъ дочерей—дѣвицъ, младшей изъ которыхъ 27 лѣтъ, что за эту послѣднюю сватается женихъ, а такъ какъ единственныя средства для выдачи ихъ въ замужство есть тѣ деньги, которыя положены имъ въ банкъ и которыхъ послѣдній не возвращаетъ, то онъ усерднѣйше проситъ правленіе банка выслать ему деньги, дабы не лишить возможности сбыть съ рукъ хотя одну изъ многочисленныхъ дочекъ. Неизвѣстно, обратило ли правленіе банка особое вниманіе на просьбу отца-многочадца и выслало ли ему деньги. Съ тѣмъ же самымъ усердіемъ, съ какимъ вкладчики требуютъ возврата вкладовъ, и директоръ банка Рыковъ разсылаетъ рекламы. Чуть не въ каждомъ № періодической печати фигурируютъ, на видныхъ мѣстахъ, рекламы Скопинскаго банка, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, предлагающія публикѣ всевозможныя услуги и высокіе % на вклады». Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, каково большинство вкладчиковъ Скопинскаго банка и въ какое критическое положеніе поставлены многіе изъ этихъ бѣдныхъ людей, ввѣрившихъ банку свои послѣднія крохи, мы приведемъ напечатанное, въ началѣ августа, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* письмо священника села Березичъ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи, о. Іоина Покровскаго. «Ввѣренной мнѣ церкви деньги 500 р. положены изъ процентовъ безсрочно въ Скопинскій городской общественный банкъ, на что имѣется пять билетовъ банка. Весною нынѣшняго года необходимость заставила истребовать эту сумму на подѣлки церковныя. Четвертаго апрѣля послано требованіе, съ приложеніемъ билетовъ. Между тѣмъ получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства приступить къ дѣлу. Работы уже начались въ надеждѣ, что вотъ будутъ присланы деньги. Но вотъ уже конецъ іюля, а Скопинскій банкъ и на самое требованіе, и на всѣ послѣдующія побужденія не шлетъ ни привѣта, ни отвѣта. Молчитъ и самъ Скопинскій голова Иконниковъ, къ которому я обращался, 8-го сего іюля, по тому же предмету. Потерявъ терпѣніе и надежду получить обратно вкладъ, вынужденнымъ нашелся я послать вчерашній день докладную записку г. рязанскому губернатору».

Въ послѣднее время нѣсколько гражданъ города Скопина и кромѣ того шесть гласныхъ скопинской думы сдѣлали заявленіе по поводу безпорядковъ и злоупотребленій правленія Скопинскаго городскаго общественнаго банка. Въ этихъ заявленіяхъ, какъ передаютъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, «кромѣ указаній на противозаконность многихъ поступковъ правленія банка, поставлено также и требованіе о немедленной ревизіи дѣлъ банка, чрезъ посредство не той ревизіонной коммиссіи, которая каждогодно ревизовала, или, вѣрнѣе говоря, «подписывала» отчеты банка. Требуется назначеніе ревизіонной коммиссіи изъ людей болѣе свѣдущихъ въ бан-

ковомъ дѣлѣ и, притомъ, не обязанныхъ кредитомъ банку. Разумѣется, это требованіе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ желаніемъ не только директора банка, но и тѣхъ гласныхъ, для которыхъ вопросъ этотъ является обоюдоострымъ. Допустить до ревизіи банка — значитъ открыть такія закулисныя стороны изъ дѣятельности банка, за которыя не погладятъ по головкѣ ни директора банка съ братіей, ни большинство упомянутыхъ гласныхъ. Отвергнуть ревизію дѣлъ банка и признать, какъ два года тому назадъ, все печатанное и писанное по поводу банка ложью и клеветою представляется одинаково невозможнымъ,—каждый убѣжденъ, что не нынче-завтра за такой поступокъ къ суду все-таки потянутъ». Между тѣмъ было получено предписаніе рязанскаго губернатора о томъ, чтобы для обсужденія сдѣланныхъ заявленій по поводу положенія дѣлъ въ общественномъ банкѣ было назначено засѣданіе городской думы непремѣнно въ десятидневный срокъ. Городской голова г. Иконниковъ долженъ былъ подчиниться этому требованію и разослалъ гласнымъ повѣстки о назначеніи засѣданія думы въ 11 часовъ утра 17 іюля. Засѣданіе это, какъ разсказываютъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, не состоялось вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: «во-первыхъ, большинство гласныхъ, какъ крупныхъ должниковъ банка, по предупрежденію директора банка, въ собраніе не явились; во-вторыхъ, предсѣдатель собранія, городской голова, ранѣе 11-ти часовъ оставилъ засѣданіе, лишивъ возможности собраться и остальныхъ гласныхъ, о чемъ, въ тотъ же день, губернаторъ извѣщенъ телеграммой, посланной шестью гласными, подавшими заявленіе. По послѣднимъ извѣстіямъ, прокуроръ московской судебной палаты, г. Гончаровъ, лично отправился въ Скопинъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ общественномъ банкѣ и убѣдиться, насколько справедливы обвиненія правленія банка въ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ. Результатомъ поѣздки г. Гончарова было данное имъ 1-го августа предложеніе рязанскому губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію обсудить вопросъ о возбужденіи предварительнаго слѣдствія по злоупотребленіямъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ. Между тѣмъ 13 августа состоялось засѣданіе скопинской городской думы, на которомъ, для повѣрки дѣлъ банка, избрана ревизіонная коммиссія изъ пяти гласныхъ, которые, по словамъ *Русскаго Курьера*, представляютъ собою должниковъ банка и къ тому же малонадежныхъ плательщиковъ. Изъ нихъ купецъ Арефьевъ, перемѣняя въ банкѣ 7 августа свои векселя на сумму 120.000 руб., приписалъ къ капитальному долгу проценты. Другой членъ ревизіонной коммиссіи, мѣщанинъ Заикинъ, состоитъ на службѣ у директора банка, г. Рыкова, въ качествѣ посыльнаго. Кромѣ того, всѣ члены коммиссіи—люди малограмотные и ничего не смыслятъ въ бухгалтеріи. Понятное дѣло, что нельзя возлагать добрыхъ надеждъ на такой составъ ревизіонной коммиссіи и остается только пожелать скорѣйшаго назначенія слѣдствія о банковыхъ дѣлахъ.

Отъ банковыхъ краховъ мы переходимъ теперь къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ банкротству акціонернаго промышленнаго учрежденія «Товарищества минеральныхъ маслъ подъ фирмою В. И. Рагозинъ и К°». Это, какъ оказалось теперь, чисто мошенническое предпріятіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пользовалось репутаціей весьма солиднаго и выгоднаго дѣла. Общество находилось въ такомъ сильномъ заблужденіи относительно истиннаго положенія дѣлъ товарищества, наглая ложь отчетовъ и мошеннически выведенные дивиденды до такой степени ослѣпили всѣхъ, что, даже послѣ крушенія товарищества, *Голосъ* въ слѣдующихъ словахъ описывалъ возникновеніе этого промышленнаго предпріятія и «блистательное» положеніе дѣлъ его въ первое время: «Три года назадъ, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возникло новое, чисто русское предпріятіе по производству минеральныхъ маслъ, подъ фирмой В. И. Рагозинъ и К°. Новизна самаго производства, громадное, сразу сказавшееся потребленіе минеральныхъ маслъ, вытѣснившихъ прежде употреблявшіяся растительныя и животныя масла, и, наконецъ, изобиліе и дешевизна сырого матеріала, нефти, доставляемой изъ Баку по Волгѣ — все это сулило новому предпріятію широкое развитіе и богатые барыши. Дѣйствительно, дѣло это въ рукахъ небольшой группы лицъ, соединившихся въ «товарищество на вѣрѣ», съ В. И. Рагозинымъ во главѣ, оказалось блистательнымъ и по производству, и по сбыту, а слѣдовательно—и по барышамъ. Рынокъ, можно сказать, шелъ на встрѣчу новой фабрикаціи минеральныхъ маслъ. Не упоминая объ обширномъ запросѣ на нихъ со стороны всевозможныхъ техническихъ производствъ, укажемъ только, что во всей русской арміи, какъ намъ передавали знающія лица, нѣтъ солдата, который на свои кровныя 15 или 18 коп. не купилъ бы, каждые два-три мѣсяца, баночку рагозинскаго масла для чистки оружія и амуниціи». Предпріятіе всѣмъ казалось весьма удачнымъ и выгоднымъ, потому что, въ первый же годъ своего существованія, «товарищество на вѣрѣ» заявило, что оно получило громадный барышъ по 670 рублей на каждый пай въ 1.000 руб. Этотъ громадный до невѣроятія барышъ послужилъ въ рукахъ ловкихъ спекулянтовъ блестящею приманкой для простаковъ, которые довѣрчиво переложили свои капиталы въ карманы членовъ «товарищества на вѣрѣ». Для этого было исходатайствовано разрѣшеніе превратить «товарищество на вѣрѣ» въ товарищество на паяхъ съ выпускомъ акцій на 1.600.000 руб. Учредители товарищества записали на себя всѣ выпущенныя акціи и начали продавать ихъ въ свою пользу, пользуясь весьма большою преміей. Полученный, будто бы, въ первый годъ существованія «товарищества на вѣрѣ», громадный дивидендъ по 670 руб. на 1.000 руб. соблазнилъ весьма многихъ и акціи перваго выпуска были быстро разобраны съ уплатою весьма крупной преміи по 400 и 500 руб. на каждый пай въ 1.000 руб. Такимъ образомъ учредители товарищества, оставивъ за собою всѣ акціи на сумму

1.600.000 руб. и распродавъ ихъ по возвышенной цѣнѣ, положили себѣ въ карманъ до 7—8 сотъ тысячъ рублей. Разлакомившись такою удачей, они въ томъ же 1880 году рѣшили увеличить капиталъ товарищества посредствомъ втораго выпуска паевъ на 1.900.000 руб., чтобы снова воспользоваться преміей отъ продажи паевъ втораго выпуска. Вскорѣ послѣ открытія подписки на паи втораго выпуска правленіе товарищества донесло министру финансовъ, что всѣ паи разобраны, а между тѣмъ пайщикамъ оно заявило, что осталось неразобранныхъ паевъ втораго выпуска 189 и даже 4 пая перваго выпуска. Снова началась продажа паевъ, которая успѣшно производилась чрезъ петербургскую контору товарищества. Въ общемъ собраніи пайщиковъ, происходившемъ 16 и 17 мая нынѣшняго года, между прочимъ были высказаны обвиненія въ томъ, будто бы петербургская контора товарищества есть не болѣе какъ синекура, выдуманная для брата Виктора Ивановича Рагозина; будто бы управляющій петербургскою конторой, Е. И. Рагозинъ, получаетъ содержаніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ и, сверхъ того, деньги на наемъ экипажа; будто бы всѣ расходы по найму магазина и содержанію прикащиковъ петербургскаго склада товарищества упадаютъ полностію на это товарищество, тогда какъ магазинъ преимущественно занятъ продажей спичекъ Евгенія Ивановича и т. п. Какъ бы то ни было, но только Евгеній Рагозинъ занялся продажею паевъ, причемъ дѣйствовалъ какъ агентъ товарищества. Хотя въ кассѣ правленія оставался еще запасъ неразобранныхъ паевъ, которые и должны были идти въ продажу по номинальной цѣнѣ безъ преміи, тѣмъ не менѣе Евгеній Рагозинъ продолжалъ брать премію, которая поступала не въ кассу товарищества, какъ были увѣрены простодушные покупатели, но въ карманы членовъ правленія. Неблаговидный характеръ этихъ продажъ всего яснѣе можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ прошломъ году, когда уже начали ходить слухи о печальномъ положеніи дѣлъ товарищества, нѣкто Д. С. Дятковъ купилъ у г. Евгенія Рагозина три пая, заплативъ за каждый по 1.500 руб., т. е. съ преміей по 500 руб. на пай. Послѣ этой покупки, явясь, въ первый разъ, на общее собраніе пайщиковъ и узнавъ изъ предъявленнаго правленіемъ списка, что неразобранныхъ паевъ имѣется въ кассѣ правленія около 200 и что они могутъ быть пріобрѣтены безъ всякихъ премій, г. Дятковъ потребовалъ телеграмой возвратить ему премію, хотя бы не деньгами, а паями, съ предвареніемъ, что онъ намѣренъ предъявить свое требованіе въ судѣ. Въ отвѣтъ на это послѣдовала присылка г. Дяткову двухъ паевъ товарищества безплатно, при письмѣ В. И. Рагозина, съ просьбой прекратить претензію. Члены правленія товарищества клали въ свои карманы крупныя преміи отъ продажи паевъ; между тѣмъ не только въ кассѣ общества оставались еще неразобранные паи, но и записанные на имя членовъ правленія паи нельзя было считать принадлежавшими имъ въ полную соб-

ственность. На общемъ собраніи пайщиковъ 16-го и 17-го мая нынѣшняго года, по словамъ г. Семененко, выяснилось, что заправилы товарищества: братья Рагозины, Зайцевы отецъ и сынъ, Шиповъ и Вяхиревъ поступили слѣдующимъ образомъ: «Чтобъ удержать за собою бразды правленія, сохранить за собою право получать выгоды отъ предпріятія въ свою пользу, они подписались на паи втораго выпуска въ такомъ количествѣ, чтобы большинство голосовъ на общихъ собраніяхъ, по утвержденію отчетовъ и выбору членовъ правленія, членовъ ревизіонной и другихъ коммиссій, было бы на ихъ сторонѣ. Сдѣлавъ первоначальные взносы, назначенные публикаціей на первый срокъ, Рагозины, Зайцевы, Шиповъ и Вяхиревъ послѣдующихъ суммъ, опредѣленныхъ тою же публикаціей, не уплатили. Но, чтобы не потерять права участія въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ на общихъ собраніяхъ въ свою пользу, они выдали себѣ паи и расписали ихъ на имена разныхъ служащихъ, прикащиковъ, артельщиковъ и рабочихъ изъ Нижняго-Новгорода, а также на имена нѣкоторыхъ друзей и пріятелей. Слѣдующія же для взноса по паямъ суммы члены правленія записали долгомъ на себя. Вся ли сумма записана за ними—съ достовѣрностью утверждать нельзя, потому что къ обзору книгъ правленіе не допускаетъ пайщиковъ, находя для того разныя причины. Между тѣмъ записанные за ними паи, какъ неоплаченные вполнѣ въ шестимѣсячный срокъ, подлежали уничтоженію. Члены правленія признали невыгоднымъ для себя подчиниться требованіямъ этого закона и въ печатныхъ спискахъ, предъявленныхъ на общихъ собраніяхъ пайщиковъ, именовали пайщиками себя и тѣхъ лицъ, на имя которыхъ распорядились расписать паи. Введя, такимъ образомъ, въ обманъ дѣйствительныхъ пайщиковъ, т. е. такихъ лицъ, которыя полною суммой оплатили пріобрѣтенные ими паи, члены правленія дозволили избрать себя въ эти званія, созывали общія собранія, принимали дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопросовъ, подлежащихъ сужденію лишь пайщиковъ, сполна оплатившихъ свои паи, и все это благодаря тому обстоятельству, что они, какъ распорядители, имѣли возможность скрыть утрату ими правъ на владѣніе паями. Забравъ въ свои руки все дѣло, они распоряжаются имъ по своему личному усмотрѣнію, при участіи своихъ нижегородскихъ прикащиковъ, артельщиковъ и разныхъ друзей, на имена которыхъ расписаны паи, рѣшаютъ на общихъ собраніяхъ пайщиковъ всѣ вопросы въ такомъ смыслѣ, какъ имъ заблагоразсудится: сами себя выбираютъ въ члены правленія, въ члены ревизіонной и другихъ коммиссій; сами себѣ назначаютъ разныя вознагражденія подъ названіемъ коммиссіонныхъ, учредительскихъ и другихъ. Хотя правленіе и приглашало пайщиковъ на общія собранія, но участіе пайщиковъ было всегда фиктивное, потому что владѣльцевъ паевъ, полностью оплаченныхъ, оказывается очень незначительное число, и большинство голосовъ всегда на сторонѣ недѣйствительныхъ пайщиковъ, сгруппированныхъ около правленія». Бывшее 6 и 7 мая

общее собраніе пайщиковъ обнаружило такія злоупотребленія и безпорядки въ дѣлахъ товарищества, которые должны подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда. Нѣсколько пайщиковъ обратились къ прокурорскому надзору съ особымъ заявленіемъ, обвиняя бывшихъ и настоящихъ членовъ правленія товарищества—Виктора и Леонида Рагозиныхъ, Зайцевыхъ отца и сына, Вяхирева и Шипова—въ слѣдующихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ: «1) На основаніи § 11-го устава товарищества, правленіе обязано вести книги для записки суммъ, внесенныхъ за паи, причемъ книги предъявляются для приложенія къ шнуру казенной печати, а также для скрѣпы по листамъ и надписи, въ мѣстную контрольную палату. Такой книги, какъ объявили члены правленія, ими ведено не было. Паи выдавались произвольно и опредѣлить дѣйствительное число выданныхъ паевъ, помимо судебнослѣдственной власти, не представляется возможнымъ. 2) На основаніи § 28-го устава, правленіе должно вести счетоводство по книгамъ, формѣ и правиламъ, присвоеннымъ торговымъ учрежденіямъ. На общемъ собраніи пайщиковъ, 16-го мая, выяснилось, что правленіе вело счетоводство на какихъ-то клочкахъ, предъявленныхъ пайщикамъ; изъ клочковъ этихъ сдѣланы выборки въ особую тетрадь, сшитую бѣлыми нитками такъ, что каждый листъ бумаги можетъ быть безъ труда замѣненъ другимъ. Въ предъявленныхъ же пайщикамъ книгахъ: главной, журналѣ, меморіалѣ и кассовой—не оказалось вписанною ни одной статьи съ 1-го мая прошлаго 1881 года, между тѣмъ пайщикамъ были разосланы печатные экземпляры отчета на срокъ по 1-е января 1882 года. Отчетъ этотъ оказался составленнымъ изъ свѣдѣній, заключающихся въ предъявленныхъ пайщикамъ клочкахъ бумаги, которыя, по справедливости, можно назвать бумажнымъ хламомъ. И это дѣлалось въ правленіи, завѣдывающемъ дѣлами товарищества съ основнывъ капиталомъ въ 3.500.000 рублей! 3) На основаніи § 23-го устава, въ директоры правленія могутъ быть избираемы лица, владѣющія не менѣе какъ десятью паями, между тѣмъ на общемъ собраніи пайщиковъ, происходившемъ 7-го марта, по настоянію членовъ правленія товарищества, допущенъ къ баллотировкѣ въ члены правленія нѣкто Поллакъ, владѣлецъ всего пяти паевъ, а на общемъ собраніи, бывшемъ 16-го мая, къ баллотировкѣ въ члены ревизіонной коммиссіи предложенъ нѣкто Кульчицкій—совершенно постороннее лицо, незначившееся въ спискѣ пайщиковъ. Оба эти лица, несмотря на протесты пайщиковъ, оказались выбранными потому только, что произвольно засѣдающіе члены правленія, какъ имѣющіе за собою ложное большинство голосовъ, пожелали того. 4) На основаніи того же § 23-го устава, каждый членъ правленія, при вступленіи въ должность, обязанъ представить въ кассу правленія десять паевъ. По частнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ кассѣ правленія ни одного пая членовъ его не находится». По всѣмъ этимъ обвиненіямъ въ настоящее время производится слѣдствіе.

27 и 28 іюля вновь происходило общее собраніе пайщиковъ товарищества Рагозинъ и К°. На этомъ собраніи, между прочимъ, были прочитаны—докладъ ревизіонной коммисіи и записка французскихъ пайщиковъ товарищества, выяснившія такія почти невѣроятныя обстоятельства, что невольно становишься въ тупикъ отъ поразительно-гнуснаго мошенничества, которое, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣло дерзость величать себя «товариществомъ минеральныхъ маслъ подъ фирмою В. И. Рагозинъ и К°». Теперь оказывается, что минеральныя масла тутъ были совсѣмъ не причемъ, а ими прикрывались самый безсовѣстный обманъ и наглое мошенничество; что баснословныхъ дивидендовъ въ 67°/о товарищество никогда не получало, а напротивъ, вмѣсто выводимыхъ по отчетамъ барышей, оно давало громадные убытки; что товарищество Рагозинъ и К° было не что иное, какъ правильно организованная воровская и мошенническая шайка. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ товариществѣ сообщаетъ Пл. Поповъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, на основаніи доклада ревизіонной коммиссіи и записки французскихъ пайщиковъ. «Въ настоящее время, дѣло, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ означенными двумя докладами, представляется въ такомъ видѣ: пассивъ товарищества простирается до суммы 2.700.000 руб., дефицитъ же его опредѣляется правленіемъ и ревизіонною коммиссіей—въ 1.150.000, а докладною запиской французскихъ пайщиковъ—въ 1.600.000 руб., что составило бы, въ послѣднемъ случаѣ, почти половину всего складочнаго капитала. Причинами, образовавшими такой дефицитъ, являются выдачи, въ продолженіе четырехъ отчетныхъ годовъ, не существовавшихъ дивидендовъ и расхищеніе, въ продолженіе этого же времени, кассы товарищества членами правленія, управлявшими дѣломъ. Дивиденды за первые три года существованія товарищества не превышали, согласно французской докладной запискѣ, 10—15°/о годовыхъ, между тѣмъ выдавались они въ количествѣ 50 и болѣе проц. За четвертый годъ, т. е. за отчетный періодъ 1880—81 г., выведено было и выдано пайщикамъ 12°/о, тогда какъ, въ дѣйствительности, за это время не только не было никакой прибыли, но, согласно исчисленію докладной записки, былъ убытокъ въ 368.000 рублей. Одновременно съ этимъ совершилось расхищеніе товарищескихъ суммъ директорами товарищества, оказавшимися, вслѣдствіе этого, въ настоящее время его дебиторами на весьма большую сумму, которая вся, или почти вся, должна считаться безвозвратно утраченною для товарищества. Главнымъ дебиторомъ товарищества въ этомъ смыслѣ является самъ В. И. Рогозинъ, который, какъ оказалось теперь, черпалъ изъ кассы товарищества въ разныя времена разныя суммы и перебралъ такимъ образомъ у товарищества, согласно доклада ревизіонной коммиссіи,— до 140 тыс. руб. Цифра эта была выведена на декабрь 1881 года; но послѣ этого были обнаружены еще другія суммы, взятыя г. Рагозинымъ, такъ что въ настоящее время долгъ его товариществу превышаетъ сумму

200 тыс. руб. Вся эта сумма должна быть списана прямо въ убытокъ, ибо г. Рагозинъ самъ заявилъ въ собраніи, что возвратить ее товариществу онъ не имѣетъ возможности. Какъ велись книги и какой былъ порядокъ бухгалтеріи въ товариществѣ при прежнемъ правленіи—можно видѣть изъ того, что сумма долга за г. Рагозинымъ значилась не въ 140 тыс. и не въ 200 тыс. рублей, какъ оказалось впослѣдствіи, а всего въ 12 тыс. руб.; это происходило отъ того, что всѣ остальныя суммы, состоявшія за г. Рагозинымъ, показываемы были въ счетѣ переходящихъ суммъ и растасованы по разнымъ другимъ счетамъ, что было обнаружено при ревизіи книгъ только прошлою зимой. Точно также въ прошломъ году былъ совершенъ товариществомъ заемъ процентными бумагами на сумму 170 тыс. рублей. Для уменьшенія видимости долга за г. Рагозинымъ былъ придуманъ такой пріемъ: деньги, поступившія по означенному займу, заприходованы были не со счета того мѣста, откуда онѣ получались, а съ личнаго счета В. И. Рагозина, хотя заемъ этотъ былъ совершенъ товариществомъ, и самое обязательство по этому займу было выдано товариществомъ, а не г. Рагозинымъ. У товарищества наличными деньгами за нимъ оказывается еще долгъ по паямъ, такъ какъ хотя онъ и значится пайщикомъ товарищества, но никакой видимости относительно оплаты имъ паевъ въ книгахъ не имѣется. Изъ принадлежавшихъ ему въ прошломъ году 400 паевъ 1-го и 2-го выпусковъ—165 паевъ отданы были имъ въ прошломъ году обратно въ правленіе. Почему правленіе товарищества сочло себя въ правѣ допустить возвращеніе г. Рагозинымъ разъ взятыхъ имъ паевъ, мы не знаемъ, но фактъ тотъ, что паи эти возвращены были уже въ то время, когда дѣла товарищества были въ плохомъ положеніи и, слѣдовательно, когда они потеряли до извѣстной степени цѣнность; вслѣдствіе чего продать ихъ въ другія руки правленіе уже не имѣло возможности, и паи эти и до сихъ поръ лежатъ въ кассѣ товарищества, фигурируя въ числѣ 189 паевъ, значащихся неразобранными и упоминаемыхъ во французской запискѣ. Другіе директоры были только помощниками г. Рагозина, а потому и пользовались они, въ этомъ случаѣ, относительно немногимъ: такъ, г. Ковалевскій изъ 49 паевъ, принадлежащихъ ему и его женѣ, оплатилъ только часть, другая же осталась неоплаченною и до сего времени, несмотря на многократныя обращенныя къ нему требованія объ оплатѣ ихъ, или хотя о возвращеніи самыхъ паевъ. Фактъ, что директоры товарищества не оплачивали своихъ паевъ, хотя и замѣчателенъ самъ по себѣ, но еще замѣчательнѣе то, что они ими не только владѣли, но и пользовались всѣми правами таковаго владѣнія наравнѣ со всѣми другими пайщиками. Такъ, они получали по нимъ дивиденды, а на общихъ собраніяхъ пользовались по нимъ правомъ голоса».

Мы уже не мало привели случаевъ несостоятельности, характеризующихъ собою крайній упадокъ торговой дѣятельности въ переживаемое

нами время. Къ длинному списку банкротствъ можно еще прибавить несостоятельность харьковскаго купца Соломенцева, простирающуюся до 500.000 руб.; самъ Соломенцевъ скрылся въ Вѣну. Въ Могилевѣ Подольскомъ, какъ сообщаютъ газетѣ *Русскій Курьеръ*, въ послѣдне время банкротства приняли почти эпидемическій характеръ: въ теченіе трехъ недѣль обанкротились пять крупныхъ купцовъ. Главная причина этого— застой въ торговлѣ, которая уже нѣсколько лѣтъ сряду не цвѣтетъ, а только прозябаетъ. Кромѣ ростовщическаго промысла здѣсь едва ли есть какое-нибудь ремесло или какая-нибудь отрасль промышленности, которая не была бы болѣе или менѣе въ затруднительномъ положеніи въ послѣдніе годы. Точно также изъ Вязьмы, Смоленской губерніи, пишутъ *Голосу*, что повсюду слышатся жалобы на застой торговли. По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* изъ г. Сапожка, Рязанской губерніи, тамъ чувствуется общее затишье въ торговыхъ дѣлахъ. Изъ Гуслицъ, Богородскаго уѣзда, сообщаютъ той же газетѣ, что, по отзывамъ фабрикантовъ, торговля на ярмаркахъ въ Полтавѣ и Харьковѣ шла такъ вяло, какъ никогда; на постоянномъ рынкѣ въ Москвѣ также нѣтъ спроса на бумажные товары. Изъ Томашева Ровскаго, этого маленькаго Манчестера Царства Польскаго, по сообщенію *Голоса*, получены весьма неутѣшительныя извѣстія о полномъ застоѣ въ торговлѣ; дѣло дошло до того, что нѣкоторые русскіе купцы отказываются отъ данныхъ ими томашевскимъ фабрикамъ заказовъ.

Изъ Тамбова въ концѣ января сообщали газетѣ *Голосъ* слѣдующія интересныя свѣдѣнія о положеніи торговыхъ дѣлъ: «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ здѣсь стала развиваться въ громадныхъ размѣрахъ спекуляція хлѣбомъ. Непомѣрное возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ въ послѣдніе три года, когда зимнія и весеннія цѣны на земледѣльческіе продукты въ три-четыре раза превышали осеннія, обагатило многихъ торговцевъ. Въ виду этихъ примѣровъ, стремленіе къ легкой наживѣ овладѣло людьми самыхъ разнообразныхъ профессій: въ 1880 и прошломъ годахъ хлѣбъ закупали такія лица, которыя до этого времени никакого отношенія къ торговлѣ не имѣли. Осенью прошлаго года, въ надеждѣ на возвышеніе цѣнъ зимою, спекуляція создала громадный спросъ на рожь. Хлѣбъ скупали даже на корню, платя отъ 90 коп. до 1 руб. 20 коп. за пудъ. Вслѣдствіе этого и отчасти вслѣдствіе дороговизны уборки, замѣтнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ послѣ уборки не послѣдовало. Большая часть сдѣлокъ съ рожью состоялась по 80—90 коп. за пудъ. Въ разсчетѣ, что зимою рожь дойдетъ до 1 руб. 50 коп. за пудъ, какъ это было въ прошлые годы, торговцы воспользовались въ мѣстныхъ банкахъ всею суммой своего кредита; не обошлись безъ кредита, въ усиленныхъ противъ обыкновенныхъ размѣрахъ, и землевладѣльцы, которымъ нужны были деньги на уборку хлѣба. Но разсчетамъ спекуляціи не суждено было осуществиться: рожь не только не поднялась въ цѣнѣ, но упала до 60—65 коп. за пудъ. Та-

кимъ образомъ спекулянты очутились въ весьма критическомъ положеніи: продавать хлѣбъ въ убытокъ нельзя, между тѣмъ наступаютъ сроки платежей по векселямъ, частный же кредитъ весь исчерпанъ. Вслѣдствіе того, что всѣ свободные капиталы вложены въ хлѣбную спекуляцію, во всей торговлѣ наступилъ небывалый застой и кризисъ распространился на всѣ отрасли промышленности. Какъ онъ разрѣшится—трудно сказать: во всякомъ случаѣ, онъ отразится на нашихъ банкахъ — городскомъ и общества взаимнаго кредита». Изъ города Козлова, Тамбовской губерніи, въ ту же газету писали въ январѣ, что въ минувшемъ сельско-хозяйственномъ году хлѣбная торговля, которою славится этотъ городъ, шла такъ вяло, что не запомнятъ ничего подобнаго. Особенно рѣзко чувствовалась эта вялость сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, когда хлѣбная торговля, оживленная спросомъ и высокими цѣнами, какъ говорится, кипѣла. «Козловъ—городъ своеобразный, даже, можно сказать, странный городъ. Это своего рода паразитъ, живущій на счетъ какъ производителя, такъ и потребителя. Потому для него самымъ выгоднымъ положеніе бываетъ такое, при которомъ, съ одной стороны, является, вслѣдствіе хорошаго мѣстнаго урожая, большое предложеніе, а съ другой, вслѣдствіе неурожая, большой спросъ. Нѣчто, вполнѣ къ этому подходящее, было въ предшествующемъ году, и хотя непомѣрно-высокія цѣны за хлѣбъ и дошли до производителя-крестьянина и землевладѣльца, но дошли только отчасти. Сливки были сняты посредникомъ-купцомъ. Нынѣ, пожалуй, вышло, какъ говорится, «совсѣмъ напротивъ». Съ осени и съ первозимья цѣны были хотя и ниже прошлогоднихъ, но все же, сравнительно съ существовавшими до прошлаго года средними цѣнами, очень высоки, и хлѣбъ ссыпался охотно. Купецъ, помня прошлый годъ, покупалъ охотно и партіями у землевладѣльцевъ, и повозно у крестьянъ. Ходили смутныя свѣдѣнія о недородѣ въ Америкѣ, о недородѣ противъ средняго сбора въ Англіи и Германіи, о неурожаяхъ въ той и другой мѣстности изъ отечественныхъ. Все давало поводы и представляло данныя къ спекуляціи на повышеніе. А ожиданія не оправдались. «Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду», говоритъ пословица, и она какъ нельзя лучше сбылась на представителяхъ нашей хлѣбной торговли. Въ послѣднее время, уже и по цѣнѣ на 25% и даже 30% дешевле противъ цѣнъ, существовавшихъ съ начала мѣстнаго торговаго сезона, продать мало-мальски крупную партію даже такихъ фундаментальныхъ хлѣбовъ, какъ рожь и овесъ, почти невозможно. А тутъ еще, едва ли не какъ разъ къ началу торговаго сезона, линія отъ Москвы до Козлова прибавила въ своемъ тарифѣ 21 рубль на вагонъ». Затѣмъ послѣдовалъ новый ударъ для торговыхъ людей: въ февралѣ въ козловскомъ отдѣленіи государственнаго банка было объявлено всѣмъ кредитующимся лицамъ, что, по распоряженію министра финансовъ, предписывается сократить открытый имъ кредитъ. Въ силу этого распоряженія, было не-

медленно приступлено къ ограниченію выдачи денегъ подъ всякаго рода документы. Понятное дѣло, что мѣстное купечество было поставлено этимъ въ весьма затруднительное положеніе и рѣшилось отправить къ министру финансовъ депутацію съ просьбою о возобновленіи прежняго кредита въ виду того, что торговыя дѣла неизбѣжно должны пасть по случаю неимѣнія свободныхъ денегъ. Корреспондентъ *Голоса*, сообщая объ этомъ, прибавляетъ отъ себя желаніе, чтобы депутація не имѣла успѣха въ своемъ ходатайствѣ. «Въ нашемъ городѣ,—говоритъ онъ,—все купечество одержимо одною маніей — втереться въ банкъ и брать деньги безъ мѣры. Лишь только прослышится свободная выдача денегъ, купецъ начинаетъ строить едва не дворцы, покупаетъ крупные участки,—словомъ, не знаетъ, куда убить эти деньги. Когда же приходитъ срокъ платежа, купецъ уже не заботится о своемъ долгѣ: есть деньги—несетъ ихъ, а нѣтъ—идетъ переписывать векселя. Сначала при перепискѣ уплачиваетъ слѣдуемые проценты, а потомъ уже и проценты начинаютъ переписываться вмѣстѣ съ капиталами. И ведется эта процедура едва ли не изъ рода въ родъ. Въ концѣ концовъ являются злоупотребленія. Масса ихъ была обнаружена въ городскомъ общественномъ банкѣ, въ которомъ оказалось, что сумма въ 600.000 рублей была роздана банкомъ подъ ненадежные векселя».

Прошлою осенью хлѣбная торговля понесла милліонные убытки вслѣдствіе мелководья и ранняго закрытія навигаціи на Волгѣ. По случаю мелководія каждую барку приходилось паузить, т.-е. разгружать товаръ на двѣ, на три барки. Затѣмъ ранніе морозы такъ внезапно сковали рѣку, что многіе пароходы и баржи едва попали въ затоны, кому куда ближе. Хлѣбъ, собранный дорогими цѣнами въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, остался на зиму въ разныхъ мѣстахъ между Казанью и Нижнимъ и между Нижнимъ и Рыбинскомъ. Насчитываютъ зазимовавшаго въ этихъ двухъ районахъ хлѣба до 1.100.000 четвертей, до 80 пароходовъ и болѣе 200 баржъ, не считая паузковъ. Между тѣмъ съ этимъ хлѣбомъ торговцы торопились въ мѣста сбыта, платя за него, напримѣръ, въ Самарѣ за рожь 95—98 коп., за пшеницу русскую—1 руб. 20 коп., за размольную, переродъ и кубанку—отъ 1 р. 60 коп. до 1 р. 70 коп. за пудъ, а пароходчики, готовясь къ осенней перевозкѣ хлѣба, съ 1 іюня расходовали деньги, ожидая возмѣщенія отъ осеннихъ рейсовъ, и, вдругъ, кто гдѣ шелъ, гдѣ стоялъ, тутъ и замерзъ съ своими пароходами. Хлѣботорговцы, у которыхъ хлѣбъ въ баржахъ зазимовалъ на Волгѣ, потерпѣли милліонные убытки. Въ нынѣшнемъ году мелководье на Волгѣ опять грозитъ торговлѣ милліонными убытками. Въ началѣ августа изъ Нижняго-Новгорода писали *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что на тамошней биржѣ царитъ полное уныніе по случаю мелководья на Волгѣ. Отъ Нижняго къ Рыбинску на перекатахъ воды всего 4 четверти, въ Казани—6 четвертей. Вода убываетъ по вершку въ сутки, вслѣдствіе чего пришед-

шіе въ Рыбинскъ пароходы, имѣвшіе 5 четвертей осадки въ водѣ, не могутъ пройти въ Нижній. Пассажирскіе пароходы, бывшіе на линіи между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ, также прекратили свои рейсы; пассажиры въ Рыбинскъ отправляются изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ. Пароходы американской системы, ходившіе между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ, давно уже не доходятъ до Нижняго, а сдаютъ пассажировъ и грузъ въ Казани. Другой нижегородскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ, что начальникъ округа путей сообщенія, г. Красовскій, лично дѣлалъ промѣръ на перекатахъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ и нашелъ необходимымъ радикальное исправленіе фарватера, вмѣсто палліативныхъ мѣръ, какими пробавляются въ настоящее время инженеры, командированные для улучшенія судоходства на Волгѣ. Пока они очищаютъ въ одномъ мѣстѣ перекатъ, съ другой стороны его опять затягиваетъ пескомъ; тратятся громадныя суммы на это дѣло, а толка не выходитъ никакого. А между тѣмъ финансовые тузы воспользуются отсрочкою разсчета по векселямъ вмѣсто 6 въ 9 мѣсяцевъ до открытія новой навигаціи 1883 года, когда хлѣбъ будутъ продавать въ половину цѣнъ, существующихъ въ настоящее время. Точно также изъ Рыбинска пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что все уменьшающійся караванъ находится въ неизвѣстности относительно своего будущаго: вверхъ, при настоящемъ мелководьѣ, суда идти не могутъ, а внизъ, понятно, нежелательно. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, снизу идетъ послѣдній караванъ; но едва ли онъ достигнетъ Рыбинска. По мнѣнію свѣдущихъ людей, караванъ остановится въ Сызрани, откуда грузъ и пойдетъ по желѣзной дорогѣ, минуя знаменитую Рыбинскую пристань и оставивъ безъ работы сильно въ ней нуждающуюся Рыбинско-Бологовскую дорогу, на которой, въ настоящее время, грузится только по 90 вагоновъ въ сутки, несмотря на то, что, по послѣднимъ телеграммамъ, полученнымъ на рыбинской биржѣ изъ Лондона, Бельгіи и Амстердама, требованія хлѣба туда должны быть огромныя. Если обильные дожди поднимутъ воду, то весь караванъ направится въ Рыбинскъ, чтобы хлѣбъ направить преимущественно водой. За доставку отъ Рыбинска до Петербурга берутъ съ пуда по Маріинской системѣ 12 коп., по Тихвинской 22 коп., по Вышневолоцкой 6 коп., что выходитъ дешевле, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, хотя баржи отъ Рыбинска до Петербурга идутъ около двухъ мѣсяцевъ, въ виду различныхъ остановокъ на перекатахъ, гдѣ суда, для прохожденія, ведутъ свою очередь. Въ послѣдніе дни на мѣстной биржѣ дѣла идутъ особенно вяло. Точно также изъ Ярославля *Казанскому Листку* пишутъ, что для хлѣбопромышленниковъ и судовладѣльцевъ едва ли когда-либо въ другое время бывало столь критическое положеніе, какъ переживаемое ими теперь. Паденіе воды въ Волгѣ и ея притокахъ приняло такіе ужасающіе размѣры, что не только грузные пароходы и суда не могутъ идти, но даже и пассажирское сообщеніе со-

вершается съ большимъ трудомъ и не безъ риска. Общество «Дружина», пожертвовавъ двумя пароходами, затонувшими въ районѣ Ярославль—Рыбинскъ, прекратило свои рейсы; между тѣмъ приблизилось время самой горячей закупки хлѣбовъ на пристаняхъ, поставщики же или вовсе отказываются отъ взятія поставокъ, или ограничиваютъ доставку такими условіями, какія никогда не практиковались въ договорахъ о доставкѣ, ставя себя внѣ всякой отвѣтственности за послѣдствія. По словамъ напечатанной въ *Голосѣ* телеграммы изъ Рыбинска, между этимъ городомъ и Тверью прекратилось движеніе пассажирскихъ пароходовъ и грузовъ. Глубина Волги у Твери доходитъ всего до 9 вершковъ. Вышневолоцкій округъ водяныхъ сообщеній не сберегъ воды въ хранилищахъ, очень часто выпуская ее безъ нужды, и теперь, когда она необходима, они остаются безъ должнаго запаса воды, чрезъ что торговопромышленники несутъ громадные убытки.

Что касается торговли на ярмаркахъ, она почти повсемѣстно идетъ вяло; вездѣ замѣчается недостатокъ наличныхъ денегъ; торговыя сдѣлки большею частью производятся въ кредитъ. Такъ, напримѣръ, обороты на Ирбитской ярмаркѣ были ниже среднихъ. Съѣздъ былъ незначительный, такъ что многія гостиницы недовыручили тысячи по двѣ рублей и болѣе; денегъ было мало, старые платежи не состоялись, покупка шла въ долгъ. Мануфактуристы просто раздавали товары, лишь бы сбыть ихъ; были сдѣлки на 18 мѣсяцевъ съ денежной разцѣнкой. Чаями торговали безъ барыша, воскомъ, мѣдью, щетиною — въ убытокъ, бѣлкою — съ небольшимъ барышомъ. Послѣдняя Маргаритинская ярмарка въ Архангельскѣ, имѣющая чрезвычайно важное значеніе для экономической жизни сѣвера, не можетъ быть отнесена къ числу удачныхъ. Товаровъ привезено было на полтора милліона рублей, продано же только на половину этой суммы. На ярмаркѣ чувствовался большой недостатокъ въ деньгахъ у главнѣйшихъ покупателей—поморовъ. Кулаки и промышленники пользовались этимъ обстоятельствомъ и ссужали поморовъ незначительными суммами подъ будущій уловъ. Изъ Рыбинска пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что въ нынѣшнемъ году мѣстная Петровская ярмарка фактически доказала, какъ съ каждымъ годомъ падаетъ у насъ торговая производительность. Нѣкогда знаменитая мѣстная Петровская ярмарка, всегда совпадавшая съ прибытіемъ каравана, отличалась оживленностью торговли, чего въ настоящее время совершенно не было замѣтно, несмотря на то, что съ небывалымъ до сихъ поръ огромнымъ караваномъ прибыло и много торговцевъ. На послѣднюю ярмарку привезено было различныхъ—мануфактурныхъ, галантерейныхъ, шляпныхъ, полотняныхъ, мѣховыхъ, книжныхъ, оптическихъ, мраморныхъ и другихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ—издѣлій на 349.350 р., продано же только на 109.735 руб.; слѣдовательно, осталось непроданныхъ товаровъ на 239.615 руб. Въ прошломъ году товару на ярмаркѣ

было продано болѣе противъ настоящаго на 30.000 руб. Въ нынѣшнемъ году городъ и дохода получилъ отъ ярмарки только 2.000 руб. Такимъ образомъ упадокъ торговли очевиденъ. Изъ села Ошты, Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, пишутъ *Голосу*, что въ прежнее время на тамошнихъ четырехъ ярмаркахъ производились крупные обороты, а теперь, вслѣдствіе матеріальнаго оскудѣнія въ народѣ, ярмарки постепенно падаютъ и одна изъ нихъ «Нижегородская» въ послѣдній разъ совсѣмъ не состоялась, а окончившаяся 26 января Аѳанасьевская ярмарка прошла тихо. По словамъ той же газеты, на Петропавловскую ярмарку въ Екатеринославѣ привезено товаровъ самое незначительное количество и вообще въ послѣдніе годы обороты этой ярмарки все болѣе и болѣе сокращаются. Въ Алексинѣ, Тульской губ., обычная годовая ярмарка, въ прежніе годы очень бойкая и оживленная, въ настоящемъ году едва привлекла третью часть пріѣзжихъ коммерсантовъ. На Крещенской ярмаркѣ въ Харьковѣ, какъ сообщаетъ *Голосъ*, торговля табакомъ была крайне плоха, хуже прошлогодней, пушной товаръ былъ въ застоѣ. Мануфактуристы, отчаявшись продать товаръ на наличныя деньги, открыли продажу въ кредитъ, довольствуясь уплатою только половинной цѣны наличными деньгами. Газета *Южный Край* передаетъ, что ожиданія, возлагавшіяся мѣстнымъ торговымъ міромъ на благопріятный исходъ Проводской ярмарки, къ сожалѣнію, не оправдались. Дѣла идутъ очень плохо. Хотя срочные платежи по векселямъ, писаннымъ въ прошломъ году, еще не наступили, но мало надеждъ на исправное поступленіе ихъ, въ особенности изъ Новороссійскаго края. Съѣхавшіеся въ очень ограниченномъ числѣ покупатели, оплативъ часть долговъ по векселямъ, взяли въ кредитъ товару на несравненно меньшую сумму, чѣмъ прежде. Было не мало случаевъ, когда оптовые торговцы предлагали своимъ постояннымъ и солиднымъ покупателямъ товары въ кредитъ на выгодныхъ условіяхъ, но тѣ отказывались. Ильинская ярмарка въ Полтавѣ хотя прошла гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году, но страдала недостаткомъ сдѣлокъ на наличныя деньги. Мануфактуристы торговали больше въ кредитъ, а не на наличныя деньги. Относительно знаменитой Нижегородской ярмарки мы имѣемъ мало свѣдѣній, да и тѣ далеко не утѣшительнаго свойства. Такъ изъ Гуслицъ, промышленнаго округа въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ началѣ іюля писали *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что въ прежніе годы въ это время отсюда начиналась уже отправка товаровъ на Нижегородскую ярмарку. Къ ближайшимъ станціямъ Нижегородской желѣзной дороги, Павлову и Орѣхову, тянулись длинные транспорты возчиковъ съ товаромъ. Въ настоящее время совсѣмъ не то: упадокъ фабричной промышленности въ здѣшнемъ краѣ настолько очевиденъ и чувствителенъ для мѣстнаго, преимущественно фабричнаго, населенія, что на поправку дѣлъ покуда нѣтъ возможности разсчитывать. Многіе фабриканты совсѣмъ пріостановили

свои дѣла. Затѣмъ, по открытіи Нижегородской ярмарки, оттуда сообщали *Русскимъ Вѣдомостямъ* болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, что московскіе и подмосковные мануфактуристы торгуютъ не плохо, спросъ на ситцы, шерстяные и бумажные товары даетъ фабрикантамъ возможность поддерживать цѣны, которыя въ послѣднее время были сбиты до невозможности. Особенно бойко торгуютъ крупныя фирмы: Морозовъ, Мещеринъ, Каретниковъ, Елагинъ, Зиминъ. Съ фабрикъ затребованы остальные запасы товаровъ и отданы нѣкоторыми приказанія о повышеніи заработной платы. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого сообщенія въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* вновь появилось тревожное извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода, что торговля мануфактурными товарами на ярмаркѣ замялась и притомъ въ самый разгаръ ярмарочныхъ дѣлъ. Болѣе дешевыя бумажныя ткани подмосковныхъ фабрикъ идутъ вообще плохо. Цѣны покуда держатся, и то потому, что, по отзывамъ фабрикантовъ, не изъ чего скидывать, такъ какъ польза, взимаемая фабрикантами, благодаря конкуренціи, существовавшей въ послѣдніе годы, урѣзана до невозможности. На нижегородской биржѣ, какъ сообщаетъ мѣстный *Биржевой Листокъ*, продолжается затишье, вслѣдствіе мелководья на Волгѣ; много персидскихъ товаровъ находится еще въ пути, вслѣдствіе чего сдѣлки на хлопокъ, вино и даже бузунную соль, задержанную паузками, почти пріостановились. Эти же причины поддерживаютъ и цѣны на хлѣба, которыхъ вывезти на нижегородскую пристань къ распродажѣ невозможно, не сдѣлавъ лишнихъ тратъ на паузки и за доставку. По отзыву *Московскаго Листка*, на нынѣшней ярмаркѣ кредитомъ воздерживаются, а *Русскія Вѣдомости* утверждаютъ даже, что разсчеты по долговымъ обязательствамъ, которые непремѣнно оканчиваются 25 августа въ 12 часовъ дня, въ настоящую ярмарку, если не отсрочатся до сентября, по случаю мелководья на р. Волгѣ, поведутъ къ громаднымъ протестамъ векселей. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ финансовый обозрѣватель *Голоса*, о ходѣ дѣлъ на Нижегородской ярмаркѣ положительныхъ свѣдѣній еще нѣтъ; во всякомъ случаѣ въ биржевыхъ кружкахъ не совсѣмъ еще увѣрены, чтобы размѣры оборотовъ ея сравнялись съ прошлогодними итогами. Провинціальныя ярмарки на шерсть всюду дали благопріятные результаты, какъ относительно цѣнъ, такъ и по успѣшности сбыта. Съ одной стороны иностранные покупатели, пользуясь паденіемъ нашего кредитнаго рубля, могли платить высокія цѣны за шерсть въ кредиткахъ; а съ другой стороны и отечественные фабриканты охотно дѣлали покупки въ виду повышенія пошлины на привозную изъ-за границы шерсть-сырецъ вмѣсто 24 коп. до 1 руб., на непряденную, крашенную шерсть—вмѣсто 48 коп. до 2 руб., на пряденную не крашенную—вмѣсто 4 р. 95 к. до 7 р. 50 к. и на пряденную крашенную до 9 руб. съ пуда.

Въ заключеніе мы снова возвратимся къ заграничной торговлѣ. Какъ извѣстно уже читателямъ, въ предшествующіе два года наша внѣшняя

торговля сильно упала. Заграничный отпускъ составлялъ въ 1879 году 627.768.000 р., а въ 1880 году только 498.672.000 руб., т. е. уменьшился на 129.096.000 руб. Затѣмъ въ 1881 году послѣдовало новое сокращеніе заграничныхъ торговыхъ оборотовъ столь значительное, что таможенные сборы уменьшились противъ 1880 года на 19.500.000 руб. Въ нынѣшнемъ году также незамѣтно серьезнаго улучшенія въ нашей внѣшней торговлѣ. Изъ обнародованной правительствомъ вѣдомости о поступленіи государственныхъ доходовъ въ нынѣшнемъ году видно, что съ 1-го января по 1 іюня 1882 года поступило таможенныхъ сборовъ 30.091.501 руб., тогда какъ за то же время въ 1881 году поступило 28.990.819 р. Слѣдовательно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ нынѣшняго года таможенные доходы возросли всего на 1.700.000 руб., что представляетъ собою весьма незначительную сумму сравнительно съ уменьшеніемъ таможеннаго дохода въ 1881 году на 19.500.000 руб., въ особенности если принять въ разсчетъ значительный упадокъ нашихъ заграничныхъ сношеній и въ предшествующемъ 1880 году сравнительно съ 1879 годомъ. Ясное дѣло, что прибылью въ 1½ милл. далеко не покрывается убыль въ 19½ милл. и слѣдовательно о прочномъ и серьезномъ оживленіи нашей заграничной торговли не можетъ быть и рѣчи. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего невозможнаго для русской ежедневной прессы, когда она захочетъ обманывать читателей и въ радужномъ свѣтѣ представлять печальныя картины родной действительности. Вотъ что говоритъ *Новое Время* о положеніи нашей заграничной торговли въ нынѣшнемъ году: «Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля въ текущемъ году, сравнительно съ прошлымъ, значительно оживилась; въ этомъ отношеніи производитъ отрадное впечатлѣніе разсматриваніе вѣдомости о количествѣ иностранныхъ товаровъ, выпущенныхъ изъ таможенъ, а также и русскихъ товаровъ, вывезенныхъ за границу по европейской торговлѣ съ 1-го января по 1-е іюня сего года. Сравнивая данныя текущаго года съ прошлогодними за тотъ же срокъ, прямо бросается въ глаза громадный перевѣсъ въ пользу настоящаго года почти по всѣмъ статьямъ. Такъ въ группѣ иностранныхъ товаровъ, выпущенныхъ изъ таможенъ, только по семи статьямъ привезено меньше, и притомъ на незначительную цифру, за исключеніемъ соли (на 764.344 п.) и сырца бумаги (392.344 пуд.), которыхъ выпущено меньше. Каменнаго угля привезено больше на 8.602.074 пуд., паровиковъ, локомотивовъ и принадлежностей машинъ—больше на 398.306 пуд., сельдей соленыхъ—на 414.866 пуд., соды—на 304.225 пуд., желѣза полосоваго, сортированнаго и прокатнаго—на 249.703 пуда, чаю—на 154.599 пуд., масла деревяннаго—на 153.245 пуд., вина виноградного—на 130.805 пуд., масла летучаго для освѣщенія—на 161.823 пуда, свинца—на 115.709 пуд., полотна льняного на 142.555 руб. Особенно усилилась наша отпускная торговля: такъ, разныхъ сортовъ хлѣба вывезено въ текущемъ году болѣе на 9.974.951 четв., причемъ пшеницы болѣе на 4.073.367 четв., овса

на 2.276.353 четв., ржи болѣе почти на 1½ милл. четв. и ячменя болѣе чѣмъ на 1 милл. четвертей. По другимъ отдѣламъ отпускной торговли также превалируетъ вывозъ, кромѣ четырехъ случаевъ, гдѣ вывезено менѣе на десятки тысячъ пудовъ; спирта и вина вывезено болѣе на 89.928.563 град., лѣснаго товара болѣе на 2.767.358 руб., льна—на 1.314.258 пудовъ, сѣмяни льняного и конопляннаго больше на 532.182 четв., спирта и вина—на 705.274 пуда, выжимокъ изъ сѣмянъ—на 304.591 пудъ, льняной пакли—на 130.700 пуд., сѣмянъ масляничныхъ—на 130.510 четв. и шерсти-сырца—на 116.360 пуд. Въ общемъ итогѣ замѣтно значительное оживленіе какъ вывозной, такъ и привозной торговли». Приведенныя цифры могли бы свидѣтельствовать о «значительномъ оживленіи торговли» въ такомъ случаѣ, еслибъ и въ предшествующіе годы замѣчалось постоянное увеличеніе торговыхъ оборотовъ. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что въ нынѣшнемъ году произошло довольно незначительное увеличеніе ввоза и вывоза, которое далеко не въ состояніи возмѣстить громадное уменьшеніе торговыхъ оборотовъ въ предшествующіе два года. Оказывается, что нынѣшній годъ, по величивѣ оборотовъ нашей заграничной торговли, столь же неудаченъ сравнительно съ 1879 годомъ, какъ и прошлые 1880 и 1881 годы. Возьмемъ для большей очевидности тѣ предметы отпускной торговли, вывозъ которыхъ въ нынѣшнемъ году увеличился противъ прошлаго года. Хлѣбныхъ растеній вывезено болѣе на 10 мил.,—увеличеніе, дѣйствительно, весьма значительное, но неимѣющее рѣшительнаго значенія въ смыслѣ оживленія хлѣбной торговли, такъ какъ въ предшествующіе 1880 и 1881 годы вывозъ хлѣба равнялся ежегодно 23.800.000 четв., причемъ онъ упалъ противъ 1879 года на 14.800.000 четв., а противъ 1878 года на 17.000.000 четв. Лѣснаго товара вывезено болѣе на 2.700.000, тогда какъ въ прошломъ году было вывезено сравнительно съ 1880 годомъ менѣе на 3.300.000 р.; слѣдовательно увеличеніе не покрываетъ послѣдовавшаго уменьшенія. Спирта и вина вывезено болѣе на 705.274 пуда, тогда какъ въ прошломъ году было вывезено на 871.632 пуда менѣе противъ 1880 года и на 1.281.991 пудъ менѣе противъ 1879 года. Отпускъ шерсти увеличился на 116.360 пуд., тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился на 522.000 пуд. сравнительно съ 1880 годомъ. Привозъ паровиковъ, локомотивовъ и принадлежностей машинъ увеличился на 398.306 пуд., тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился на 2.597.000 пуд. противъ 1880 года. Привозъ желѣза увеличился на 249.703 пуда, тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился почти на 3 мил. пуд. противъ 1880 года. Масла деревяннаго привезено болѣе на 153.245 пуд., тогда какъ въ прошломъ году привозъ былъ менѣе на полмилліона пудовъ сравнительно съ 1880 годомъ. Чаю привезено болѣе на 154.599 пуд., тогда какъ въ прошломъ году на 520.000 пуд. менѣе противъ 1880 года. Вина привезено болѣе на 130.805 пуд., тогда какъ въ прошломъ году менѣе

противъ 1880 года на 444.000 пуд. Такимъ образомъ сравненіе цифръ, выражающихъ собой обороты нашей внѣшней торговли, приводитъ къ тому заключенію, что въ нынѣшнемъ году мы весьма недалеко ушли впередъ противъ неудачныхъ для торговли двухъ предшествующихъ годовъ, такъ что не послѣдовало почти никакого серьезнаго оживленія въ нашей заграничной торговлѣ, которая не скоро достигнетъ того положенія, какое она занимала въ 1879 году. Впрочемъ годъ еще далеко не окончился, итоги не подведены окончательно и трудно предугадать, какъ именно завершатся обороты нашей заграничной торговли въ нынѣшнемъ году.

— сий.

Хроника французской жизни.

Египетскій вопросъ. — Паденіе кабинета Фрейсине. — Его ничтожество. — Несостоятельность Клемансо. — Министерство Дюклерка. — Декларація новаго кабинета. — Открытіе ратуши и празднество 14 іюля. — Дѣло Фенейру. — Новыя книги: „Рашель въ ея письмахъ“ (Rachel d'après sa correspondance), Жоржа д'Ейли.—„Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни“ (Cinquante ans de vie littéraire), Мари-Лафонъ.—Обзоръ періодической печати.—Выставка союза декоративныхъ искусствъ.

Вопреки протоколу, подписанному всѣми державами наканунѣ открытія константинопольской конференціи, Англія распоряжается въ Египтѣ почти не скрывая цѣли—прочно утвердиться въ этой странѣ. Присоединеніе совершится конечно не сейчасъ; быть-можетъ, теперь Англія и не объявитъ своего протектатора,—пока съ нея довольно самовластно управлять страной; сперва власть, а тамъ и титулъ. Какое униженіе для французскаго народа видѣть господство Англіи въ Египтѣ, въ этой странѣ, которую Франція пробудила отъ вѣковаго усыпленія, которую она вывела своимъ вліяніемъ на путь цивилизаціи, подобно тому, какъ въ прошломъ столѣтіи она подняла Индію, создавъ индійское товарищество (compagnie des Indes). Суэзскій каналъ, это созданіе Франціи, перейдетъ въ руки англичанъ такъ же точно, какъ французское товарищество въ Индіи замѣнилось англійскою компаніей. И сорокъ вѣковъ съ вершинъ пирамидъ будутъ взирать не на славу Франціи. Вотъ чѣмъ терзается духъ французскаго народа, именно—народа, но не французскаго правительства.

Мнѣ пришлось присутствовать на томъ засѣданіи палаты, въ которомъ произошло паденіе кабинета Фрейсине. Тяжело было видѣть это полное незнаніе дѣла, это отсутствіе патріотизма при единственной заботѣ сохранить или пріобрѣсти министерскіе портфели. Фрейсине былъ ниже всякой посредственности. Замѣтно было, что и Клемансо (за нимъ осталась честь этого дня) также неясно сознавалъ, что дѣлалъ. Палата сочувственно отнеслась къ словамъ Марсера: «какъ могу я одобрить ваше соглашеніе съ Англіей, когда вы не хотите разъяснить въ точности, въ чемъ оно состоитъ!» Фрейсине попытался было дать нѣкоторыя разъясненія, изъ которыхъ ясно было одно, что если дать волю министерству, то Франція

попадется на удочку. Тутъ Клемансо не стоило ужь никакого труда доказать всю нелогичность кабинета. «Министры начали съ заявленія, что вмѣшательства не понадобится, а кончили тѣмъ, что просили утвердить такія мѣры, которыя неминуемо къ тому приведутъ». Рѣчь Клемансо принята была съ такимъ сочувствіемъ, что у Фрейсине и его товарищей пропало даже желаніе возражать. Слѣдовавшее затѣмъ вотированіе было поразительно: за министерство высказалось только 75 голосовъ, а противъ 416. Министерство подало въ отставку. Замѣна его представляла не мало затрудненій: большинство, ниспровергшее кабинетъ, состояло или изъ тѣхъ, которые, подобно Клемансо, стояли за воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства, или изъ такихъ, которые, какъ Гамбетта, напротивъ требовали его. Чуть было не вернулись къ старому составу кабинета, съ нѣкоторыми только перемѣнами, что было бы какъ разъ на руку тѣмъ депутатамъ, которые, подавая голоса противъ министерства, разсчитывали воспользоваться однимъ-двумя портфелями. Но это оказалось невозможнымъ. Разъ палата отвергла устроенное Фрейсине соглашеніе съ Англіей, она тѣмъ самымъ выпуждала и его отставку. Иначе какое же правительство согласилось бы входить съ нимъ въ договоры. На Жюля-Ферри и Леона Сэ палата была еще болѣе недовольна, чѣмъ на Фрейсине: доказано было, что въ совѣтѣ министровъ они прямо подавали голоса за вмѣшательство, тогда какъ Фрейсине сначала былъ противъ него и только впослѣдствіи присоединился къ партіи, требовавшей дѣйствій въ Египтѣ, да и то подъ условіемъ соблюденія возможной умѣренности. Относительно Жюля-Ферри основательны были всякія подозрѣнія: по его милости совершилась тунисская экспедиція, онъ испросилъ на нее утвержденіе палаты, подъ предлогомъ простой военной прогулки, а потомъ сознался, что хрумиры служили только предлогомъ,—правительство не могло, видите ли, объявить прямо, что оно рѣшилось дѣлать. Леонъ Сэ особенно расположенъ къ Ротшильду, которому Египетъ долженъ 200 милліоновъ; это обстоятельство и вызвало главнымъ образомъ вмѣшательство Франціи въ финансовыя дѣла Египта.

По обычаю, для составленія новаго кабинета, президенту республики слѣдовало обратиться къ Марсеру изъ лѣваго центра и къ Клемансо изъ лѣвой крайней, такъ какъ большинство палаты примкнуло къ ихъ оппозиціи. Но эти два лица, принадлежа къ слишкомъ разнымъ партіямъ, не могутъ войти въ составъ одного и того же кабинета, да, въ добавокъ, Марсеръ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принужденъ былъ выйти въ отставку по поводу какихъ-то сплетенъ. Газеты тотчасъ напомнили объ этомъ. Клемансо же выжидаетъ. По всей вѣроятности, онъ принялъ бы предложеніе, еслибы президентъ предоставилъ ему право требовать распущенія палаты, на что едва ли бы согласился сенатъ. Итакъ, воскрешать министерство лѣваго центра поздно, составлять министерство крайней лѣвой преждевременно,—что же остается

дѣлать?... Вручить власть главѣ *великаго министерства*?—Но оно у всѣхъ еще въ свѣжей, хоть и не въ доброй, памяти. Во время всей этой сумятицы Гамбетта прятался. Онъ сознавалъ, что стоитъ ему войти на трибуну, и большинство присоединится къ Фрейсине,—такъ боится палата снова подпасть подъ ферулу Гамбетты. Все время засѣданія онъ провелъ въ корридорѣ, куда клевреты приносили ему вѣсти о ходѣ дѣла. Во время голосованія онъ явился въ залъ и друзья его подали голосъ противъ министерства.

Нынѣшняя палата есть плодъ политическаго брака, болѣе или менѣе законнаго, умѣренной республики Ферри съ поддѣльнымъ радикализмомъ Гамбетты, иначе бракъ лѣвой съ группой республиканскаго союза,—можно ли было ожидать отъ него иного министерства, какъ Гамбетта и Ферри вмѣстѣ, или порознь? Еслибъ они дѣйствительно руководились интересами Франціи,—что бы помѣшало имъ и ихъ друзьямъ проводить сообща тѣ реформы, въ которыхъ они были согласны, судя по ихъ избирательнымъ деклараціямъ? Порознь же каждая партія могла добиваться того, за что стояло большинство палаты. Между тѣмъ министерство Гамбетты просуществовало едва 6 недѣль, а министерство Ферри-Фрейсине 6 мѣсяцевъ. Для удовлетворенія большинства пришлось составить новый кабинетъ, мало чѣмъ отличающійся отъ стараго: члены его—тѣ же гамбеттисты и ферристы, и всѣ одинаково безцвѣтные. Президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ—Дюклеркъ. Генералъ Бильо, адмиралъ Журекибери, Кошери и Магю сохраняютъ свои прежніе портфели: военный, морской, почтъ и телеграфовъ и земледѣлія. Тираръ изъ министра торговли превращается въ министра финансовъ, а Дюво изъ главнаго секретаря—въ министра народнаго просвѣщенія; Фальеръ, Девесъ и Пьеръ Легранъ дѣлаются министрами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и торговли. Такимъ составомъ кабинета удовлетворяются группы, въ которыхъ названныя лица были если не главами, то вліятельными членами. При всемъ томъ о новомъ министерствѣ можно сказать то же, что говорили о Бурбо; когда этотъ никому неизвѣстный человѣкъ сталъ министромъ имперіи, уличные мальчишки рисовали на него каррикатуры съ подписью: «у Бурбо нѣтъ престижа». Дюклеркъ, кажется, республиканецъ отъ рожденія. Онъ зять Гарнье Пажеса и когда послѣдній сдѣлался во время учредительнаго собранія однимъ изъ пяти правителей Франціи, то Дюклеркъ получилъ портфель министра финансовъ, но оставался въ этой должности всего нѣсколько недѣль. Вспыхнуло іюньское возстаніе 1848 года, и Дюклеркъ, какъ частный человѣкъ, сталъ заниматься своими дѣлами во Франціи и за границей. 4 сентября 1871 года Гарнье снова принялъ участіе въ управленіи Франціи—и Дюклеркъ назначается президентомъ коммиссіи для провѣрки министерскихъ счетовъ 1870 года, потомъ его избираютъ депутатомъ, а затѣмъ несмѣняемымъ сенаторомъ. Онъ состоитъ вице-президентомъ сената и членомъ совѣта администраціи многихъ финансовыхъ обществъ, между прочимъ парижскаго и голландскаго банковъ.

По окончаніи вотированія прямыхъ податей у палаты начались вакаціи. По открытіи засѣданій борьба несомнѣнно возобновится, а до тѣхъ поръ кабинетъ постарается ничего не дѣлать ни внѣ, ни внутри страны.

Въ самый день паденія министерства, вечеромъ, состоялся митингъ въ манежѣ, близъ Бельвиля. Давно небывалое явленіе: публика была въ лихорадочномъ состояніи прежде, чѣмъ начались рѣчи. Засѣданіе продолжалось отъ 8½ до 11¾ часа, т. е. слишкомъ 3 часа; многочисленное собраніе (манежъ былъ полонъ) мущинъ и женщинъ стоя слушало ораторовъ, которые излагали исторію развитія египетскаго вопроса. Обыкновенно считаютъ народъ матеріалистомъ, да онъ и самъ считаетъ себя такимъ; здѣсь же онъ проявилъ большое участіе къ страданіямъ феллаховъ. Въ собраніи высказывалось и заслужило одобреніе мнѣніе, что для государства унизительно тратить свои силы на служеніе финансовымъ обществамъ и для защиты ростовщическихъ займовъ.

На другой день, въ воскресенье, на другомъ концѣ Парижа, въ кварталѣ Saint-Antoine происходилъ митингъ рабочихъ. И тутъ выражались тѣ же чувства симпатіи къ египтянамъ и сознаніе униженія въ томъ, что Франція не находитъ средствъ помочь имъ. Два дня спустя въ собраніи въ залѣ Эрмитажа, около Jardin des plantes, публика съ величайшимъ интересомъ слѣдила за разъясненіемъ всѣхъ фазисовъ развитія египетскаго вопроса, съ самаго момента его возникновенія во время Берлинскаго конгресса. Какъ тогда легко было предотвратить нынѣшнее постыдное для Франціи положеніе дѣлъ, еслибы только французское правительство поняло настоящимъ образомъ свою задачу и поддержало нарождавшуюся въ Египтѣ національную партію. Англія не могла бы дѣйствовать тогда ни противъ самой страны, ни противъ Франціи. Въ собраніи указывалось на теперешнее положеніе Франціи, отстраненной отъ Италіи Тунисомъ, а отъ Англіи—египетскимъ вопросомъ, во славу и удовольствіе Бисмарка.

Общественное мнѣніе приняло министерство Дюклерка еще холоднѣе, чѣмъ палата, холодно выслушавшая прочтенное ей сообщеніе. Тѣ, кто не признаетъ за Парижемъ способности вести дѣла свои хуже, чѣмъ ведетъ ихъ любой городъ, недовольны вступленіемъ въ министерство Девеса, автора предложенія, недавно вотированнаго палатой и направленнаго противъ учрежденія центральной меріи въ Парижѣ. Можно предвидѣть столкновеніе между министерствомъ и муниципальнымъ совѣтомъ Парижа; поговариваютъ даже о возможности распущеніи совѣта. Флоке, сенскій префектъ, подалъ въ отставку, мотивируя ее вступленіемъ въ министерство Девеса; онъ видитъ въ этомъ назначеніи возможность отнятія муниципальныхъ правъ у Парижа. Министръ просилъ его взять отставку обратно, и Флоке временно согласился на это.

Открытіе новой ратуши, возникшей изъ груды развалинъ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Иллюминація на площади и на мосту, соединяющемъ оба берега Сены, была чрезвы-

чайно эффектна. Улица Риволи, примыкающая къ ратушѣ, представляла собою галлерею, увѣшанную безчисленнымъ множествомъ люстръ, такъ же точно какъ и сосѣдняя съ площадью Avenue Victoria. Послѣ банкета въ салонахъ ратуши былъ устроенъ пріемъ болѣе чѣмъ на 10.000 человѣкъ. Кромѣ должностныхъ лицъ всѣхъ сословій, муниципальные совѣтники разослали приглашеніе членамъ своихъ избирательныхъ комитетовъ. Многіе были въ черныхъ галстукахъ и даже въ сюртукахъ. Чтобъ устроить открытіе въ нынѣшнемъ году, понадобились крупные дополнительные расходы, такъ какъ не всѣ постройки были готовы. Многіе порицали эти лишнія траты,—ихъ можно было избѣжать, отложивъ открытіе до будущаго года. Праздникъ удался и публика осталась довольна. Празднованіе 14 іюля, совершившееся на другой день, носило и въ нынѣшнемъ году характеръ Кермеса (храмовой праздникъ въ Голландіи), но нашли, что этого недостаточно и въ будущемъ году сюда примѣшаются затѣи. Уже и въ нынѣшнемъ году дефилировали баталіоны воспитанниковъ коммунальныхъ школъ. Ихъ пріучаютъ владѣть оружіемъ. Дѣти эти смотрятъ молодцами; пріятно было видѣть, какъ они маршировали и маневрировали.

Въ двухъ случаяхъ министры всегда могутъ разсчитывать на согласіе палаты: это—кредитъ на армію и кредитъ на воспитаніе. Къ сожалѣнію, сдѣланныя преобразованія не принесли еще тѣхъ плодовъ, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ принесенныхъ жертвъ. У насъ, во Франціи, военный духъ падаетъ и въ силу реакціи противъ милитаризма имперіи, и отъ пренебреженія, оказываемаго коммерческимъ классомъ и людьми такъ называемыхъ либеральныхъ професій, къ военному ремеслу, а также и отъ страха рабочихъ массъ передъ постоянными арміями, которыя чаще употреблялись противъ самихъ рабочихъ, чѣмъ противъ иноземцевъ.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія доходитъ до 120 милл. франковъ, но онъ долженъ еще возрасти, ибо для дѣвочекъ предполагаютъ сдѣлать то, что уже сдѣлано для мальчиковъ. Недовольные составомъ новаго кабинета тѣмъ не менѣе одобрительно относятся къ назначенію Дево министромъ народнаго просвѣщенія. Изъ секретаря министерства онъ сталъ его главой и въ этомъ всѣ видятъ залогъ прочности прежняго направленія.

Въ судебныхъ процессахъ часто разоблачаются такіе ужасающіе факты, какихъ не найдешь въ самомъ невозможномъ романѣ. Теперь въ судѣ идетъ дѣло Фенейру. Обманутый мужъ убилъ любовника своей жены, заманивъ его въ западню при ея же посредствѣ. Что ревность доводитъ иногда человѣка до мщенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но чтобы женщина хладнокровно помогала мужу, котораго она никогда не любила, убить любовника, когда-то ею любимаго, заманивъ его въ ловушку, это превосходитъ всякое вѣроятіе. Она имѣла въ то время уже другаго любовника и не была подъ вліяніемъ страсти; какъ сама утверждаетъ, она искала у любовниковъ своихъ «простой ласки, слова утѣшенія».

Передъ совершеніемъ преступленія она провела полчаса въ часовнѣ на молитвѣ. Пріѣхавъ съ дачи, гдѣ она видѣла всѣ приготовленія къ убійству, она встрѣтила свою жертву въ назначенномъ мѣстѣ и отвезла его на дачу; для себя она взяла билетъ туда и обратно, для него же только въ одинъ конецъ. Она ввела его въ залу, гдѣ уже ожидалъ мужъ. При совершеніи возмутительнаго убійства она держала свѣчу, а когда мужъ обезсилѣлъ въ борьбѣ, она оттащила любовника за плечи; потомъ помогла скрыть слѣды преступленія и вернулась въ Парижъ вмѣстѣ съ мужемъ и его братомъ. Когда полиція, по указанію сестры убитаго, напала на слѣдъ преступленія, Фенейру во всемъ сознался, всю вину взялъ на себя и мотивомъ преступленія выставилъ месть. По его словамъ, жена и братъ его не принимали непосредственнаго участія въ убійствѣ; онъ совершилъ его одинъ. Подробности дѣла ужасны. Сначала Фенейру намѣревается выколоть Оберу глаза при помощи особенно для того устроеннаго лорнета съ пружинами. Затѣмъ этотъ изобрѣтательный негодяй придумалъ пригласить Обера къ обѣду и посадить его на искусно прикрытый капканъ, который оторвалъ бы ему обѣ ноги, что дало бы полную возможность зарѣзать его. «Я оставилъ этотъ проектъ,—говоритъ Фенейру,—потому что онъ былъ слишкомъ жестокъ, и рѣшился убить Обера просто». Этотъ простой способъ оказывается однако очень сложнымъ, но приводится въ исполненіе безъ всякой помѣхи. Въ день перваго причащенія старшаго сына, вечеромъ, Фенейру сговаривается съ братомъ, а самое убійство назначаетъ на Вознесенье, день праздничный,—это дало имъ возможность воспользоваться поѣздомъ, который проходитъ мимо Шатонъ въ 12 час. 40 мин. ночи. Передъ самымъ преступленіемъ супруги обѣдаютъ у Père Lathuile, послѣ чего прохлаждаются и пьютъ пиво. Повозка, на которой свезли трупъ къ рѣкѣ, служитъ потомъ игрушкой дѣтямъ Фенейру. Два дня спустя Фенейру прохаживается по дачѣ и замѣчаетъ составъ, насыпанный на полу для просушки пятенъ. «Дорого обошелся мнѣ Оберъ!»—восклицаетъ онъ. Еслибы соперникъ стоилъ ему дешевле, онъ былъ бы совершенно удовлетворенъ, а то пришлось нанять дачу, заплатить за треть впередъ.

Присяжные приговорили Фенейру: мужа—къ смерти, жену его—къ вѣчной каторгѣ, а брата—къ каторжнымъ работамъ на семь лѣтъ. Думаютъ, что смертную казнь замѣнятъ каторгой. Жена Фенейру строитъ уже планы будущаго своего житья-бытья. Вотъ что она сообщила инспектору тюремной администраціи Сены и Уазы: ея мужа простятъ и отправятъ въ Новую Каледонію; черезъ годъ за хорошее поведеніе ему позволятъ перевезти къ себѣ жену, дѣтей и тещу. Они будутъ жить счастливо, какъ жили бы за границей, еслибъ ихъ не арестовали передъ самымъ отъѣздомъ. Она постарается сдѣлать совершенно счастливымъ этого бѣднягу мужа, который ее такъ любилъ и такъ много для нея сдѣлалъ. Въ трудѣ они забудутъ о несчастномъ, который довелъ ихъ до преступленія.

Жоржъ д'Ейли пытается возсоздать намъ Рашель по ея корреспонденціи. Трудъ интересный, но онъ такъ же мало воспроизводитъ Рашель, какъ всѣ ея статуи и портреты, которые представляютъ ее въ минуты покоя, а не преображенную на сценѣ. Изъ угожденія къ близкимъ Рашели, г. д'Ейли отказался воспользоваться тѣми скорбными письмами ея, которыя стали извѣстны публикѣ почти съ самаго ея дебюта. Какою дорогою цѣной въ нашихъ извращенныхъ столицахъ приходится покупать директора театра, вліятельнаго критика, всѣ эти власти, стоящія между дебютантомъ и публикой!... Когда впослѣдствіи друзья убѣждали Рашель щадить силы, она отвѣчала, что движеніе развлекаетъ ее, помогаетъ ей отдѣлаться отъ мучительныхъ воспоминаній прошлаго. Эрнестъ Легуве, печатающій въ газетѣ Temps свои «Очерки и воспоминанія», сообщаетъ намъ нѣкоторыя прискорбныя свѣдѣнія, слышанныя имъ изъ устъ самой Рашели: нравственныя мученія ея болѣе физическихъ укоротили ея существованіе. Однажды Легуве спросилъ Рашель, отчего она такъ вдругъ оставила роль Полины въ «Поліевктѣ». Вотъ поучительный ея отвѣтъ: «Я перестала играть эту роль изъ уваженія къ ней; какъ и почему, разскажу вамъ. О, я дѣвушка болѣе странная, чѣмъ вы полагаете. Роковая случайность столкнула меня въ жизни съ человѣкомъ низкимъ по чувствамъ и понятіямъ, но сильнымъ по уму; онъ забралъ меня въ руки, я проклинала его власть надъ собой, но подчинялась ему».—«Зачѣмъ же вы подчинялись?»—«Зачѣмъ, зачѣмъ?... Вы, умные люди, воображаете, что у васъ глаза рыси, а вы просто кроты; когда вамъ вздумается читать въ нашемъ сердцѣ, въ сердцѣ женщинъ и актрисъ, вы въ немъ ничего не видите. Правда, мы и сами часто ничего въ немъ не понимаемъ. Зачѣмъ я подчинялась власти человѣка, котораго презирала, ненавидѣла?—а потому, что онъ былъ сильнѣе меня; онъ владѣлъ тайной, которая служила ему орудіемъ противъ меня. Онъ увѣрилъ меня, что можетъ сдѣлать многое для моей будущности въ театрѣ. Говорить ли вамъ все до конца? Я не убѣждена, не была ли самая его извращенность силою въ моихъ глазахъ. Злоба, которую я къ нему чувствовала, была такъ сильна, что однажды на представленіи «Маріи Стюартъ» я положила въ карманъ маленькій пистолетъ съ твердымъ намѣреніемъ приблизиться къ первой ложѣ бенуара, въ которой онъ нагло возсѣдалъ въ дни моихъ представленій, и убить его у всѣхъ на глазахъ. Какой эффектъ!...» Слово это такъ живо напоминало актрису, что я улыбнулся.—«Я васъ понимаю: вы думаете, что это не болѣе какъ театральная сцена... Какъ бы то ни было,—добавила она съ необычайною силой,—это истинная правда. Я внезапно оставила роль Полины, потому что чувствовала себя недостойной играть ее. Порой меня охватывала такая ненависть къ себѣ, что я не въ силахъ была изображать это благородное созданіе, выражать эти чистыя чувства. Эти дивные стихи терзали мои уста, я не могла произносить ихъ, не могла...» Въ звукахъ ея голоса было столько правды, столько глубины, что я пересталъ

улыбаться. Она продолжала тѣмъ же голосомъ и съ выраженіемъ, котораго я никогда не забуду: «Все это очень неправдоподобно, я знаю; но что бы вы сказали, еслибы видѣли самую душу мою?... Вы удивляетесь мнѣ, не правда ли?... Вы всѣ приходили въ восторгъ отъ моей игры. Ну, такъ знайте же: во мнѣ жила Рашель вдесятеро выше той, которую вы знаете; я не была и четвертою частью того, чѣмъ могла быть. У меня былъ талантъ, а могъ бы быть и геній. Ахъ, еслибы меня воспитали иначе, еслибъ иные люди окружали меня, еслибъ я жила иначе,—какимъ бы я была художникомъ!... Какъ только подумаю объ этомъ, меня охватываетъ такое сожалѣніе...» Тутъ она вдругъ остановилась, закрыла лицо руками и оставалась такъ нѣсколько минутъ. Я видѣлъ, какъ по ея пальцамъ текли слезы. Рашель не знала даже съ точностію годъ своего рожденія. Она родилась въ 1820 или 1821 году. Въ 1837 г. она дебютировала въ театрѣ Gymnase, а въ слѣдующемъ году выступила въ théâtre Français. «Если,—писала она въ 1843 году брату своему Рафаэлю,—призваніе твое, какъ я предвижу, быть актеромъ, старайся возвысить искусство, относясь къ своему дѣлу добросовѣстно—не ради того только, чтобы создать себѣ положеніе. Изъучай свое дѣло изъ любви и страсти къ великимъ произведеніямъ, которыя питаютъ умъ и сердце». Природный умъ дополнялъ въ ней недостатокъ воспитанія.

Она была очень сострадательна. Въ 1852 году по поводу смерти Сентъ-Едма, автора первой ея біографіи, она пишетъ слѣдующія строки: «Я не съумѣю выразить вамъ достаточно сильно, какое впечатлѣніе произвела на меня смерть Едма; я прочла въ газетахъ его горестную исповѣдь и какъ мнѣ больно, что я ничего не знала о его положеніи. Три ночи сряду я вижу этого несчастнаго человѣка, висящаго на полѣнѣ, сбереженномъ отъ топлива; оно просунуто въ дверцы пустой библіотеки. Я перечла вновь въ его книгѣ «Біографіи свѣтилъ дня»—похвалы, которыя онъ расточаетъ маленькой Рашели Феликсъ. Я спрашивала и даже упрекала себя, какъ могло случиться, что человѣкъ, пришедшій такъ рано мнѣ на помощь, самъ долженъ былъ умереть отъ холода, голода и нищеты... Передъ нимъ у меня одно оправданіе: я ничего не знала. Повидимому, у него не достало денегъ даже на покупку пистолета. Несчастный!... Послѣ него осталось четверо дѣтей—и у него хватило мужества, или слабости умереть. Отыщите мнѣ его дѣтей, я пошлю имъ пятьсотъ франковъ—плату (feu) за мой вчерашній спектакль въ роли Камиллы» (тутъ игра словъ). Въ 1848 году Рашель пришла фантазія посѣтить въ тюрьмѣ отравительницу м-мъ Лафоржъ. Она описываетъ, какъ эта женщина умираетъ отъ грудной болѣзни, причины ея собственной смерти впослѣдствіи. «Она угасаетъ медленно,—пишетъ Рашель сестрѣ своей Сарѣ,—отъ самой страшной болѣзни—болѣзни груди. Она чувствуетъ, какъ разматывается ея жизнь, и будетъ видѣть, чувствовать это до конца мотка. Это ужасно! Лучше бы пуля сразила эту слабую грудь, или сильный порывъ

вѣтра убилъ бы ее снесенною съ крыши трубой. Здоровье Рашели разстроилось во время ея поѣздки въ Америку. «Я больна,—читаемъ мы въ письмѣ ея изъ Гаванны отъ 7 января 1855 года,—я совершенно больна; тѣло и духъ мой одинаково изнемогаютъ. Я искала себѣ славы такъ далеко отъ родины, насколько хватило моихъ силъ, сердцемъ же ищу тѣхъ, кого люблю». 11 марта 1856 года она пишетъ: «18 лѣтъ страстной декламаціи въ театрѣ, безумныя странствованія по всему свѣту, московскія зимы, ватерлоскія измѣны, вѣроломное море, неблагодарная земля—вотъ что старитъ такую женщину, какъ я. Но храбрымъ помогаетъ самъ Богъ». Она все еще надѣялась. Скоро и надежда покинула ее. «Другъ мой,—пишетъ она въ 1857 году,—я совершенно больна; страдаетъ мой духъ и весь организмъ; надо передѣлать заново все мое бѣдное тѣло, если еще не поздно. Порой мнѣ кажется, что меня внезапно охватываетъ мракъ; я чувствую страшную пустоту въ головѣ и мозгу, все вдругъ гаснетъ и ваша бѣдная Рашель исчезаетъ. Ахъ, это бѣдное *я*,—это *я*, которымъ я такъ много, быть-можетъ даже слишкомъ много, гордилась!... Сегодня оно такъ слабо, что едва существуетъ. А это неумолимое страданіе, которое я не могу сбросить... Какъ легко было предупредить болѣзнь! Но я слишкомъ понадѣялась на свои физическія силы, слишкомъ довѣрила своей звѣздѣ и безъ всякой предосторожности пустилась въ этотъ безконечный путь изъ Нью-Йорка въ Гаванну. Эта послѣдняя станція въ моей предсмертной Одиссеѣ. Прощайте, другъ мой! Письмо это будетъ быть-можетъ послѣднее. Вы знали Рашель блестящей, вы видали ее среди роскоши и великолѣпія, вы не разъ аплодировали ей,—какъ мудрено вамъ будетъ признать ее въ томъ безплотномъ привидѣніи, какимъ она стала теперь». Врачи послали Рашель сперва въ Египетъ. Письма ея полны горестнаго предчувствія близкой кончины. «Болѣе 8 мѣсяцевъ,—пишетъ она изъ Ѳивъ отъ 1857 года,—стараются приготовить ящикъ, чтобы доставить меня въ немъ на тотъ свѣтъ. Столяръ работаетъ не хотя; я давно ужь не стою на ногахъ и жажду на вѣки улечься». Она умерла 3-го января 1858 года въ Канѣ, повторяя стихъ молитвы, которую надъ ней читали: «нѣтъ, ты не умираешь, ибо ты переходишь въ новую жизнь».

Мари-Лафонъ—талантливый писатель, извѣстный своею «Исторіей литературъ Востока», въ недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ своихъ, озаглавленныхъ: «Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни»—знакомитъ насъ съ обстоятельствами своей личной жизни. Желаніе поговорить о себѣ на закатѣ дней своихъ—явленіе нерѣдкое: «Въ началѣ,—говоритъ Лафонъ,—жизнь представляется намъ въ видѣ аллеи, окаймленной великолѣпными деревьями и кустами розъ. Мало-по-малу чистое голубое небо окутывается облаками, омрачается. Дыханіе времени суровѣе и холоднѣе дыханія зимы; оно также обнажаетъ деревья, сушитъ цвѣты и отъ свѣжей зелени, отъ благоухающихъ румяныхъ розъ, украшавшихъ эту аллею, остаются одни желтые, увядшіе листья. Еслибы художникъ, видѣвшій ее вес-

ною, вздумалъ воспроизвести ея красоты, она воскресла бы подъ его кистью полная, какъ прежде, прелести и граціи. Въ жизни людей художникъ этотъ—воспоминаніе; оно снова возстановляетъ прожитые годы и воспроизводитъ идеи, чувства, событія, труды, наполнявшіе жизнь». Какъ бы мы были благодарны авторамъ мемуаровъ, еслибъ они оставались вѣрны задачѣ возстановлять впечатлѣнія, благородныя стремленія юности! Къ несчастью, душа старика—часто зеркало невѣрное и ей не передать свѣтлые образы юности: человѣкъ вообще дольше сохраняетъ въ памяти испытанное страданіе, чѣмъ выпавшія на его долю радости; таковъ и Мари-Лафонъ. Онъ такъ заканчиваетъ свое предисловіе: «пространствовавъ на жизненномъ пути двѣ трети вѣка, не безъ удовольствія, хотя меланхолическаго, оглядываешься назадъ и, вздыхая, какъ будто отправляясь въ дальній путь, хочешь еще разъ взглянуть на кровлю родительскаго дома». Послѣ этихъ строкъ вы въ правѣ ждать отъ автора свѣтлыхъ страницъ, страницъ свѣжей, веселой, трепетной юности, въ родѣ тѣхъ, какія оставилъ намъ Гёте. Но Гёте — геній, а Мари-Лафонъ—только талантъ, и воспоминанія его часто вздорны и придирчивы.

Мари-Лафонъ попадаетъ въ Парижъ въ самой ранней юности. Рекомендательныя письма, необыкновенная способность къ труду и большое самомнѣніе открываютъ ему доступъ къ свѣтиламъ 1830 года. Увлекательно изображаетъ онъ ихъ смѣшныя стороны. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, до какой степени Дюма-отецъ жаждалъ стать членомъ академіи: «прямо съ похоронъ одного академика онъ является къ его товарищу просить себѣ голосъ въ будущемъ избраніи. «Однако, какъ вы торопитесь,—восклицаетъ тотъ.—Вы, навѣрное, вернулись на катафалкѣ?» Александръ Дюма не зналъ, что отвѣтить; это случалось съ нимъ рѣдко». Разсказываютъ, что на одномъ вечерѣ у герцога флорентійскаго на вопросъ лакея: «какъ о немъ доложить?»—Дюма отвѣчалъ: «Первый враль (blagueur) Франціи». Интересна находчивость Лафона; вотъ какъ онъ добился изданія своего перваго романа. Французскіе издатели тогда, какъ и теперь, неизвѣстныхъ въ литературѣ авторовъ третировали весьма нелюбезно. Амбруазъ Дюпонъ, извѣстный въ то время издатель, отнесся такъ же и къ Лафону; когда тотъ принесъ свою рукопись, онъ, не прочитавъ, возвратилъ ее обратно, сказавъ, что произведеніе никуда негодится. Другаго бы это обезкуражило, но не Лафона. Нѣсколько времени спустя, онъ снова является къ Дюпону и предлагаетъ ему напечатать его переводъ неизданнаго романа Манцони, автора «Жениха и невѣсты». Дюпонъ пошелъ на приманку и попросилъ тотчасъ же прочесть рукопись. По прочтеніи первой главы издатель спросилъ переводчика объ условіяхъ и пріобрѣлъ рукопись за тысячу франковъ, съ обязательствомъ выплатить ихъ по выходѣ произведенія изъ печати. Романъ былъ напечатанъ черезъ 18 дней. Когда же дѣло дошло до заглавія, Лафонъ открылъ Дюпону, что произведеніе вовсе не было переводомъ изъ Манцони, а тѣмъ

самымъ собственнымъ его сочиненіемъ, которое издатель отвергъ за негодностью. «Месть была нѣсколько зла,—говоритъ авторъ воспоминаній,—однако Дюпонъ покорился ей,—онъ былъ слишкомъ уменъ. По совѣсти, я счелъ долгомъ возвратить ему обязательство, но онъ отказался его уничтожить».

Вотъ интересный спичъ, произнесенный Лафономъ на банкетѣ общества литераторовъ въ 1864 г.: «Древніе христіане открыли въ одномъ изъ греческихъ городовъ храмъ съ надписью: «Невѣдомому Богу» (au Dieu inconnu). Существуй этотъ храмъ и донынѣ, пришлось бы сдѣлать въ ней ничтожное измѣненіе: «Непризнаваемому Богу» (au Dieu méconnu). Никогда общество не относилось къ духу съ такимъ пренебреженіемъ, какъ теперь. Матерія торжествуетъ; она господствуетъ надъ нами; ее одну мы изучаемъ съ любовью; ей исключительно воздаемъ всѣ почести. Промышленность, торговля, банкъ, биржа, земледѣліе — владыки міра. Но какъ бы ни рѣшали великіе міра, я всегда буду признавать, что авторъ хорошей книги оказалъ бо́льшую услугу отечеству, чѣмъ тотъ, кто откормилъ самаго крупнаго быка. Ибо слѣдуетъ открыто и громко заявлять, безъ всякаго страха передъ матеріей, что цѣль человѣческаго существованія — не одно сжиганіе дровъ, добываніе денегъ, откармливаніе скота, выѣздка рысаковъ. Такой интеллигентный народъ, какъ французы, долженъ имѣть высшія, лучшія стремленія. Я понимаю, что австро-германская раса можетъ удовлетворяться животною жизнью. Каждый народъ повинуется своей природѣ. Несмотря на дурныя наклонности вѣка, у французовъ сердце всегда будетъ преобладать надъ желудкомъ. Протестуя горячо, единодушно, противъ матеріалистическихъ тенденцій вѣка, мы, вѣрные поклонники духа, въ «непризнаваемомъ» Богѣ признаемъ Бога Рабле, Мольера, Паскаля и Вольтера».

Мы не будемъ цитировать сужденій Лафона о политическихъ дѣятеляхъ. Упрекая Гизо, какъ государственнаго человѣка, въ черной неблагодарности, самъ авторъ лѣзетъ къ нему за милостями. При нуждѣ у этого хвастливаго южанина никогда не бывало недостатка въ гибкости. Руэръ выхлопоталъ ему орденъ; его также наградилъ орденомъ Викторъ-Эммануилъ, но это нисколько не помѣшало ему заискивать передъ епископомъ орлеанскимъ. Онъ попрошайничалъ у Тьера и въ то же время разсказывалъ, какъ извѣстный журналистъ, республиканецъ Арманъ Карель, не задолго до своей смерти на слова Тьера: «я знаю, если настанетъ республика, я погибну на эшафотѣ»—отвѣтилъ ему: «Ты?... Ты погибнешь отъ пинка ногой пониже спины!» Тьеръ въ свою жизнь получилъ не мало такихъ пинковъ, но не погибъ. Вообще воспоминанія Лафона свидѣтельствуютъ, что нашъ старичокъ-авторъ не брезгалъ ничѣмъ, лишь бы не умереть, не отомстивъ тѣмъ, кто ему насолилъ.

Въ Revue des Deux Mondes Максимъ Дюканъ развѣнчиваетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» многихъ великихъ современниковъ,

начиная съ Ламартина. Поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, Ламартинъ въ дѣлахъ житейскихъ былъ ультрапрозаикомъ. Его звучные, краснорѣчивые возгласы подавляли въ Европѣ всякое благородное движеніе. Вотъ почему Франція разочаровалась въ немъ. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ пользуясь милостями буржуа, которые остались признательны ему за то, что онъ сдерживалъ французскій народъ лестью, пока буржуазный эгоизмъ, обузданный на время февральскою революціей, не воспрянулъ снова, чтобы раздавить массу.

Въ дѣтствѣ Максимъ Дюканъ видѣлъ Талейрана. Онъ сидѣлъ на рукахъ у какого-то родственника, старика-генерала, который сказалъ ему: «Взгляни на этого человѣка: онъ присягалъ четырнадцать разъ. Это—Талейранъ. Онъ вмѣстѣ съ Фуше продалъ Францію союзникамъ, а императора—Англіи». И Дюканъ прибавляетъ: «Я увидѣлъ высокаго старика, напудреннаго; голова его показалась мнѣ головой мертвеца; взглядъ его былъ тусклый, но высокомѣрный. Синеватая блѣдность покрывала его лицо, нижняя губа отвисла, плечи подались впередъ; онъ хромалъ такъ сильно, что тѣло его раскачивалось изъ стороны въ сторону, какъ будто готово было упасть».

Относительно Прудона Дюканъ замѣчаетъ: «Какъ часто судьба смѣется надъ нашими желаніями. «Ради Бога, — пишетъ Прудонъ къ одному изъ своихъ друзей,—жгите мои письма, не то я перестану вамъ писать. Не выдавайте тайнъ дружбы, сохраняя секретные лоскутки. Величайшее счастье для меня думать, что послѣ меня не останется бумагъ».—Бѣдный Прудонъ! Переписка его составляетъ 14 томовъ».

Въ томъ же журналѣ Каро разсматриваетъ «Цѣну человѣческой жизни и вопросъ о счастьѣ съ точки зрѣнія позитивизма». Онъ освѣщаетъ намъ нѣкоторыя туманныя формулы позитивистовъ. Такъ онъ говоритъ, что, по мнѣнію Литре, умершіе живутъ въ тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя они оставляютъ потомству.

Альбертъ Дежарденъ перечисляетъ всѣ опасности, которыя произойдутъ для Франціи отъ «Избираемой магистратуры». Его рѣчь столь же убѣдительна, какъ рѣчь Пюргона въ «Мнимомъ больномъ». Пюргонъ предсказываетъ своему паціенту, что при несоблюденіи его предписаній брадапепсія перейдетъ въ диспепсію, диспепсія въ апепсію, апепсія во всѣ роды болѣзней на *ія*, которыя окончатся смертью. Франція, какъ и мольеровскій герой, не побоится этихъ предсказаній, и тѣмъ лучше для нея.

Поліа продолжаетъ въ Revue Nouvelle свои «Спеціальные очерки». Онъ доказываетъ, что рабочій классъ не зависимъ отъ своихъ трибуновъ,— что онъ покидаетъ ихъ очень скоро. Далѣе онъ говоритъ: «Въ 1792 г. Парижъ устремился къ границамъ. Послѣ Седана онъ не вдохновляетъ, а повинуется. Гдѣ же причина этой слабости Парижа? — Въ нравственной раздробленности, которая все усиливалась, пока умственная централизація не была окончательно уничтожена опортюнизмомъ. Постоянными отсрочками и отлагательствомъ дѣлъ, политикой систематически разслаблен-

ной—опортюнизмъ совершенно подорвалъ значеніе палатъ». Знаменательное признаніе буржуазнаго органа!...

Въ томъ же журналѣ помѣщена первая глава изъ «Мемуаровъ барона Витроля», которые скоро выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ. Витроль, ярый приверженецъ Бурбоновъ, оставался до конца другомъ Ламене, крайняго республиканца. Эти два человѣка діаметрально противуположныхъ политическихъ убѣжденій были связаны любовью Ламене къ м-ль Витроль,—любовью несчастной, которая заставила страстнаго бретонца пойти въ монахи; онъ никогда не могъ вырвать ее изъ своего сердца. Витроль служилъ солдатомъ въ арміи Конде. Въ 1814 г. его послали къ союзникамъ, которые обманывали Наполеона I подобіемъ конгресса въ Шатильонѣ, чтобы сообщить имъ, что для полнаго торжества они должны объявить императора стоящимъ внѣ закона и отказаться отъ всякихъ переговоровъ съ нимъ. Стадіонъ и Метернихъ поняли его съ полуслова и Витроль, пріѣхавшій къ нимъ съ устнымъ порученіемъ Талейрана, съ пропускомъ герцога Дальберга, попалъ въ число воспріемниковъ реставраціи. Онъ умеръ при Наполеонѣ III въ глубокой старости, переживъ своего друга Ламене.

Маркъ Мунье, французъ, поселившійся въ Женевѣ, знакомитъ насъ съ итальянскимъ поэтомъ Кардучи. Кардучи родился въ1836 г. Онъ професоръ въ Болоньѣ. Особенной извѣстностью пользуется его гимнъ къ сатанѣ. «Да здравствуетъ сатана—возмутитель, сила мщенія воспрянувшаго разума! Матерія, возстань! Сатана побѣдилъ»,—восклицаетъ онъ; но лучше ли человѣчеству отъ торжества матеріи, отъ обаятельной силы круповской пушки? Кардучи не увѣренъ въ своей правотѣ; онъ старается объяснить, что, по его мнѣнію, сатана не есть принципъ зла. «Это—мысль, свободная въ своемъ полетѣ, наука въ своемъ изслѣдованіи и сердце пылкое». Несмотря на красоту и мощь стиха, Кардучи ничего не вноситъ въ поэзію. Десятки нѣмцевъ до него писали гимны сатанѣ; но эти заносчивыя выходки не облегчили ни единой души, не утѣшили ни единой скорби.

Во Франціи существутъ *центральный союзъ декоративныхъ искусствъ*, который ежегодно устраиваетъ выставки. Цѣль его — основать музей, подобный Кенсингтонскому. Этотъ громадный англійскій музей открытъ ежедневно по вечерамъ для рабочихъ; въ немъ находится собраніе всевозможныхъ произведеній искусства. Англійскіе богачи часто отдаютъ туда свои роскошныя коллекціи, съ правомъ взять ихъ обратно, когда имъ вздумается. *Союзъ декоративныхъ искусствъ* также обратился за помощью къ составителямъ коллекцій и въ нынѣшнемъ, какъ и въ предыдущихъ годахъ, частныя лица выставили предметы достойные музеевъ Лувра и Клюни. Правительство дозволило устроить лотерею, которая дастъ 14 милліоновъ франковъ, и, кромѣ того, намѣрено испросить у палаты позволеніе воспользоваться для будущаго музея старымъ дворцомъ государственнаго совѣта, который со времени коммуны стоитъ въ развалинахъ.

Парижъ.
$^{10}/_{22}$ авг. 1882 г. W***

Международный литературный конгрессъ 1882 года.

Годичный международный литературный конгрессъ состоялся 20 мая текущаго года въ Римѣ. Дѣло уладилось не безъ нѣкоторыхъ затрудненій: противъ конгресса въ Римѣ очень сильно орудовала католическая партія, желавшая исключить Римъ изъ всѣхъ международныхъ сношеній и наказать этимъ итальянское правительство за недружелюбныя отношенія къ папѣ; да къ тому же тунисскій вопросъ вселилъ неудовольствія между французами и итальянцами и осложнилъ дѣло, тѣмъ болѣе, что французы составляютъ главный контингентъ конгресса. Кончилось однако тѣмъ, что мирныя цѣли литературнаго общества, чуждаго всякой политической пропаганды, одержали верхъ надъ прочими соображеніями и 20-го мая величественныя залы Капитолія гостепріимно отверзлись для чествованія иноземныхъ гостей. Соображаясь съ древнимъ римскимъ обычаемъ, надъ входною дверью была сдѣлана слѣдующая надпись: «XIII Kal. Jun. anni MDCCCLXXXII qui ex desitis terrarum orbis vivi clarissimi rei litterariae provehendae auctorum juribus explicandis firmandis hic convenitis vos Roma salvere jubet Capitolium hospitis excipit hinc auspicata responsa et placita vestra legiferae Urbis sapientiam fatalis, Arcis majestatem in orbem referant». (Въ тринадцатый день передъ іюньскими календами 1882 года, васъ, доблестные мужи, собравшіеся изъ разныхъ странъ для поднятія дѣла литературы, разъясненія и утвержденія авторскихъ правъ, привѣтствуетъ Римъ и Капитолій принимаетъ васъ своими гостями. Да распространятся отсюда по всему свѣту ваши разумныя постановленія, мудрость законодательнаго града и величіе судьбою избраннаго Акрополя.) Въ первомъ предварительномъ засѣданіи секретарь общества Жюль Лермина ознакомилъ членовъ съ вопросами, стоящими на очереди, причемъ была утверждена программа засѣданій. Торжественное открытіе конгресса послѣдовало 21-го мая подъ предсѣдательствомъ профессора Поля Феррари' и принца Торлоніа, синдика города Рима. Въ своей вступительной рѣчи профессоръ Феррари сказалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько любезныхъ словъ, относившихся къ отсутствовавшему Виктору Гюго, какъ къ почетному президенту

общества, и передалъ конгрессу сожалѣніе министровъ, отсутствовавшихъ по случаю открытія С.-Готтарскаго туннеля. Далѣе, продолжая рѣчь по-итальянски, онъ указалъ, что Риму принадлежитъ исключительное право быть центромъ распространенія идеи всемірнаго единенія, и заключилъ рѣчь восхваленіемъ народовъ, водружающихъ знамя просвѣщенія и свободы. Принцъ Торлонія сказалъ нѣсколько словъ въ томъ же духѣ и предложилъ отправить привѣтственную телеграмму Виктору Гюго. Романистъ Луи Ульбахъ сказалъ рѣчь отъ имени французскихъ членовъ конгресса. Онъ провозгласилъ Римъ столицей умственнаго движенія, а упоминая о политическомъ перерожденіи Италіи, весьма краснорѣчиво выразился, что «народъ, обновившій свои судьбы, вліяетъ на другіе народы такъ же благотворно, какъ лучи восходящей зари на природу». Стиль Ульбаха очень изященъ, хотя подчасъ немного вычуренъ. «Чѣмъ больше распространяется печатное слово,—сказалъ онъ,—тѣмъ легче становится читать живую грамоту человѣческихъ сердецъ». Чуждаясь спорныхъ вопросовъ, Ульбахъ призывалъ слушателей къ сближенію. Англичанинъ Спенслей заявилъ, на весьма плохомъ французскомъ языкѣ, намѣреніе своихъ соотечественниковъ строго придерживаться всѣхъ правъ литературной собственности. Полякъ Шимановскій коснулся въ своей рѣчи вліянія Италіи на умственное развитіе польскаго племени, черпавшаго свою культуру изъ латинскихъ источниковъ. Секретарь Ебелингъ прочелъ объяснительныя письма отсутствующихъ членовъ. Нѣмецъ докторъ Енгель указалъ въ своей рѣчи на дружеское рукопожатіе Германіи и Италіи при только-что состоявшемся открытіи С.-Готтарскаго туннеля; онъ распространялся о теплыхъ симпатіяхъ, постоянно выражаемыхъ Германіей всѣмъ иноземнымъ племенамъ. Слова его, не вполнѣ подтверждаемыя фактами, и рѣзкій тонъ его рѣчи произвели на присутствовавшихъ непріятное впечатлѣніе. Говорили еще нѣкоторые другіе члены конгресса, между прочимъ испанецъ Дзіазъ, весь увѣшанный орденами, и норвежецъ Бецманъ, пользующійся большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ; всѣ они придерживались исключительно общихъ мѣстъ и рѣчи ихъ представляютъ мало выдающагося. Секретарь общества Жюль Лермина произнесъ съ большимъ воодушевленіемъ нѣчто въ родѣ защитительной рѣчи противъ обвиненій общества въ корыстныхъ и меркантильныхъ цѣляхъ; онъ старался оправдать намѣренія общества, выставляя всю важность огражденія правъ литературной собственности. Въ общемъ его доводы тѣ же, какіе были уже изложены въ рѣчахъ на предъидущихъ конгрессахъ: выставлены тяжелое положеніе литературы, не огражденное закономъ, и необходимость независимаго существованія для самостоятельнаго развитія таланта; изложены различныя формы посягательствъ на литературную собственность, какъ-то: даровые переводы, даровое перепечатаніе сочиненій въ странахъ, гдѣ говорятъ на томъ же языкѣ, напр. португальскихъ авторовъ въ Бразиліи, англійскихъ—въ Соединенныхъ Штатахъ. Ораторъ находитъ, что такой порядокъ вещей

вредно отзывается не только на матеріальныхъ интересахъ авторовъ, но и на развитіи самородныхъ талантовъ тѣхъ странъ, гдѣ это допускается. Въ слѣдующемъ за тѣмъ докладѣ были изложены проекты уполномоченныхъ разныхъ странъ, которымъ было поручено изысканіе лучшихъ средствъ для огражденія литературной собственности: пренія по этому поводу не лишены интереса. Г. Францескантоніо де-Марки, адвокатъ при римской апелляціонной палатѣ, составилъ проектъ общаго для всѣхъ странъ законоположенія для огражденія правъ литературной собственности. Проектъ этотъ напечатанъ отдѣльною брошюрой. Брошюра черезчуръ пространна. Дѣло конгресса—отстаивать принципъ и проводить свою идею въ ясной и опредѣленной формѣ; указаніе различныхъ статей закона, которыя относятся къ этому закону, дѣло тѣхъ правительственныхъ учрежденій, которыя будутъ разрѣшать его въ законодательномъ порядкѣ. Обширный проектъ г. де-Марки поражаетъ читателя нѣкоторыми абсурдами въ родѣ § 16, лишающаго права собственности автора произведеній, подвергшихся какимъ-нибудь судебнымъ взысканіямъ. По этому пути можно уйти очень далеко. Въ царствованіе Наполеона III нѣкоторыя сочиненія Виктора Гюго «les Châtiments» и друг. подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ; по теоріи г. де-Марки, Викторъ Гюго потерялъ бы право собственности на эти произведенія. Конгрессъ отказался дать этому проекту дальнѣйшій ходъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 23-го мая докторъ Енгель прочелъ очеркъ положенія литературной собственности въ Германіи; вопросъ разработанъ весьма подробно, но, въ своемъ рвеніи оградить авторскіе интересы, авторъ доклада впалъ въ другую крайность: онъ доказывалъ вредъ, наносимый библіотеками для чтенія, уменьшеніемъ розничной продажи книгъ. Это заявленіе вызвало негодованіе почти всѣхъ членовъ конгресса. Одинъ изъ нихъ, г. Владиславъ Мицкевичъ, возразилъ докладчику, что конгрессъ обязанъ заботиться не о сокращеніи, а о повсемѣстномъ учрежденіи библіотекъ для чтенія, какъ средства къ распространенію просвѣщенія между неимущими классами. Оппонентъ старался внушить докладчику, что наилучшіе принципы рушатся отъ крайностей и что вопросъ о литературной собственности, доведенный до абсурда, можетъ только возбудить къ себѣ недоброжелательство и повредить дѣлу. Конгрессъ на-отрѣзъ отказался слѣдовать этимъ узкимъ воззрѣніямъ.

Въ засѣданіи 24 мая обсуждался проектъ устройства международнаго литературнаго музея. Общество уже основало библіотеку въ своемъ помѣщеніи въ Парижѣ—rue Vivienne. Первая мысль о музеѣ принадлежитъ г. Альфонсу Пажесъ, предложившему пополнить библіотеку автографами и портретами писателей разныхъ странъ. «Намъ пришлось убѣдиться по опыту послѣднихъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—сколь полезно наглядное обученіе въ дѣлѣ общаго образованія. Прошло то время, когда художники руководствовались собственною фантазіей при изображеніи историческихъ лицъ, костюмовъ и мѣстностей. У насъ явилась потребность болѣе точнаго

изслѣдованія настоящаго характера минувшихъ временъ и событій. Ученые и литераторы, подстрекаемые не пустымъ любопытствомъ, а сознательнымъ побужденіемъ къ возстановленію истины, обращаются къ историческимъ документамъ, разъясняющимъ, въ ихъ настоящемъ видѣ, лица, характеры и произведенія знаменитыхъ литературныхъ дѣятелей. Во всѣхъ странахъ существуютъ музеи, гдѣ собраны портреты великихъ авторовъ, ихъ автографы и первыя изданія ихъ сочиненій. Въ Стратфордѣ, на Авонѣ, есть музей Шекспира, во Флоренціи и Римѣ хранятся коллекціи Данта, въ Германіи мы видимъ музеи Шиллера, Гёте, Лессинга, въ Испаніи—Сервантеса, въ Португаліи—Камоенса, во Франціи—Мольера. Международное литературное общество обязано не только сочувствовать этимъ частнымъ проявленіямъ національной гордости, но также способствовать дальнѣйшему развитію этого движенія, поощряя группировки въ духѣ международнаго единенія».

Комитетъ общества постановилъ учредить международный литературный музей, въ составъ котораго должны войти: 1) портреты, оригиналы или копіи и фотографіи всѣхъ древнихъ и современныхъ авторовъ всѣхъ странъ, 2) точные снимки первыхъ изданій съ заглавіями и политипажами, 3) автографы, 4) гравюры, относящіяся до литературныхъ событій, какъ, напримѣръ, тріумфъ Петрарка, Вольтеръ на представленіи Ирены и др., 5) документы и гравюры, относящіяся къ исторіи литературъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ (снимки съ азбукъ, гіероглифовъ и т. д.). Международное литературное общество призываетъ къ содѣйствію для учрежденія музея не только своихъ членовъ, но и всѣхъ интересующихся литературой, любителей, собирателей древностей, издателей, художниковъ, фотографовъ, литературныя общества, публичные музеи, имѣющіе дупликаты, и проч.

Нѣкоторые члены желали бы, чтобы музей представлялъ нѣчто въ родѣ международной литературной выставки и переѣзжалъ бы въ тѣ города, гдѣ собираются конгрессы; но большинство высказалось за постоянный музей въ Парижѣ, опасаясь, что такое передвиженіе окажется слишкомъ затруднительнымъ.

Послѣ засѣданія члены конгресса отправились осматривать музей, посвященный памяти Коперника. Онъ устроенъ нѣкіимъ полякомъ, Артуромъ Волынскимъ, подъ вліяніемъ національнаго самолюбія, уязвленнаго тѣмъ, что нѣмцы ложно присвоиваютъ германскому племени славу происхожденія Коперника. Съ терпѣніемъ средневѣковыхъ тружениковъ, посвящавшихъ цѣлую жизнь изученію какаго-либо одного любимаго автора, Волынскій сталъ собирать все относящееся до геніальнаго соотечественника и поднесъ свою коллекцію итальянскому правительству, которое отвело ей помѣщеніе въ залахъ римской обсерваторіи. Тутъ собраны, наприм., снимки съ автографовъ Коперника, его портреты, медали, относящіяся къ нему, и всѣ сочиненія, писанныя имъ или о немъ. Волынскій избралъ

Римъ какъ центральный пунктъ, гдѣ стекаются путешественники всѣхъ странъ; онъ надѣется этимъ путемъ поддержать настоящую національность Коперника и сдѣлать отпоръ нѣмецкимъ претензіямъ.

Доклады дѣлавшіеся о положеніи разныхъ литературъ представляли мало интереснаго. Мыслимо ли сдѣлать въ какой-нибудь часъ времени полный обзоръ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній? Въ одной изъ римскихъ газетъ сказано довольно остроумно, что доклады эти напоминаютъ мясной экстрактъ Либиха.

Въ засѣданіи 26 мая обсуждался вопросъ о пользѣ введенія одного общаго алфавита для всѣхъ языковъ. Употребленіе латинскаго алфавита облегчило бы иностранцамъ изученіе тѣхъ языковъ, которыхъ алфавиты своеобразны и мало извѣстны. Представитель Румыніи сообщилъ, что его соотечественники вернулись къ употребленію латинскаго алфавита, и находитъ, что латинскими буквами весьма легко выражаются всѣ звуки славянскаго и греческаго языка, такъ что въ Букарештѣ многіе греки стали писать латинскими буквами. Одинъ голландецъ вдался въ очень мудреное филологическое разсужденіе о необходимости уровнять произношеніе одной и той же буквы въ различныхъ нарѣчіяхъ, происходящихъ отъ одного общаго корня. Конгрессъ нашелъ этотъ вопросъ слишкомъ спеціальнымъ и отложилъ его до будущаго года.

Въ засѣданіи 27 мая обсуждалась необходимость одного общаго законодательства для установленія правъ литературной собственности и въ заключеніе избраны почетными членами общества королева румынская Елизавета, извѣстная въ литературномъ мірѣ, подъ псевдонимомъ Sylva Carmen, и профессоръ Поль Феррари, драматическій писатель, предсѣдательствовавшій въ засѣданіяхъ конгресса. Въ заключительной рѣчи романистъ Ульбахъ высказалъ упованіе, что въ недалекомъ будущемъ настанетъ время, когда народы откажутся отъ стремленія властвовать другъ надъ другомъ и будутъ искать болѣе высокаго удовлетворенія въ исполненіи взаимныхъ человѣческихъ обязанностей.

Нѣкоторыя работы остались неразсмотрѣнными, какъ не относящіяся къ программѣ конгресса; нѣкоторыя изъ нихъ очень интересны, особенно замѣчателенъ докладъ графа Жозефа Цербони, генералъ-контролера королевства Италіи, «о пользѣ введенія общаго счетоводства». «Нѣкоторыя стремленія нашего вѣка,—говоритъ авторъ,—съ каждымъ годомъ развиваются все болѣе и болѣе въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Укажу на стремленіе къ единенію въ наукахъ; оно должно установить единство мысли, ведущее къ постепенному братству всѣхъ народовъ. Мы видимъ явное доказательство этого стремленія въ образованіи международнаго литературнаго общества; оно задалось высокою цѣлью—оградить во всѣхъ странахъ права литературной собственности, установить прочныя и дружескія отношенія между писателями и литературными обществами разныхъ странъ, хлопотать объ учрежденіи литературныхъ курсовъ, бесѣдъ, би-

бліотекъ, коллекцій, способствующихъ къ обоюдному знакомству писателей всѣхъ странъ и распространенію ихъ произведеній. Конгрессы, собирающіеся ежегодно въ различныхъ столицахъ міра, налагаютъ на каждаго труженика мысли святую обязанность внести свою лепту въ приношеніе общему благу. Проникнувшись этою мыслію, при чтеніи статутовъ общества, я позволилъ себѣ, господа, обратить ваше вниманіе на важность введенія общаго для всѣхъ счетоводства. Вопросъ съ перваго взгляда весьма скромный, но заключающій въ себѣ много полезнаго для жизни народовъ и частныхъ лицъ». Въ запискѣ своей графъ Цербони разбираетъ системы бюджетовъ, узаконенныя въ различныхъ государствахъ, и доказываетъ ихъ несостоятельность въ различныхъ отрасляхъ; онъ указываетъ между прочимъ, что въ Пруссіи соль и табакъ входятъ въ число прямыхъ налоговъ, въ Австріи же они считаются косвенными, и многое тому подобное. Запутанность нѣкоторыхъ бюджетныхъ системъ затрудняетъ провѣрку и часто показываетъ излишекъ тамъ, гдѣ въ сущности есть дефицитъ. Разсматривая бюджетъ Россійской имперіи, графъ Цербони доказываетъ, что вмѣсто выставленнаго излишка въ 783.736 фр. оказывается дефицитъ въ 37.168.676 фр. Авторъ рекомендуетъ итальянскую бюджетную систему, какъ самую усовершенствованную во всей Европѣ. Итальянское правительство, озабоченное кореннымъ преобразованіемъ экономической организаціи государства, ввело у себя упрощенное счетоводство, заимствованное изъ различныхъ бюджетныхъ системъ другихъ странъ, что весьма важно для правильнаго парламентскаго контроля. Несмотря на рвеніе, съ которымъ почтенный графъ ратуетъ о преимуществахъ итальянской системы, сомнительно, чтобы другія государства, придерживающіяся болѣе сложныхъ системъ, скоро согласились измѣнить существующій у нихъ порядокъ вещей. Нельзя однако не отдать справедливости замѣчательному труду графа Цербони, заключающему много полезныхъ указаній.

Затѣмъ остается сообщить объ увеселеніяхъ, предложенныхъ конгрессу. Внѣшность Рима такъ величественна, что нѣтъ города въ мірѣ, въ которомъ было бы легче устроить эффектный праздникъ безъ особенныхъ денежныхъ затратъ. Принцъ Торлоніа, синдикъ города, устроилъ въ театрѣ Constanzi парадное представленіе «Сивильскаго цирюльника». На слѣдующій день для гостей была устроена иллюминація скульптурныхъ залъ Капитолія. Искусно разставленные факелы бросали волшебный свѣтъ на безсмертныя художественныя произведенія. Общій эффектъ былъ неподражаемый. Мраморъ оживалъ отъ этой игры свѣта и тѣней.

Вѣнцомъ всѣхъ увеселеній была поѣздка въ Тиволи.

Паровикъ помчалъ насъ черезъ Римскую Кампанію, гдѣ у подножія горъ рисуются виллы Катулла и Горація и возвышается неподражаемый храмъ Сивиллы. Мы посѣтили сперва огромную и запущенную виллу d'Este, принадлежащую кардиналу Гогенлое. Сюда часто удаляется Листъ, чтобы

въ уединеніи предаваться музыкальному вдохновенію. Эта вилла—настоящій райскій уголокъ: исполинскіе кипарисы возвышаются между группами экзотическихъ деревьевъ, античныя статуи выглядываютъ изъ зелени, вода журчитъ вдали, разстилается Римская Кампанія, а на горизонтѣ виднѣется куполъ Св. Петра.

Вечеромъ мы любовались иллюминаціей знаменитыхъ тиволійскихъ водопадовъ. Картина была самая фантастическая: воображеніе невольно переносило зрителя въ Дантовъ адъ при видѣ этихъ огненныхъ водопадовъ, темныхъ ущелій и силуэтовъ крестьянъ, бродившихъ какъ черныя тѣни между деревьями; грохотъ выстрѣловъ, стократно повторяемыхъ горнымъ эхо, поддерживалъ иллюзію; подъ конецъ, вся, въ огненномъ свѣтѣ, явилась Тиволійская гора, изображавшая собою пылающій Везувій. Обратный путь тянулся черезъ вѣковую оливковую рощу. Лунный свѣтъ бросалъ причудливыя тѣни на блѣдную зелень деревьевъ, а за рощей—опять та же пустынная Кампанія съ табунами лошадей, буйволовыми стадами и широкимъ безмолвнымъ просторомъ. Каждый римлянинъ питаетъ какую-то врожденную нѣжность къ этой мрачной, но величавой пустынѣ; это чувство невольно вырвалось изъ устъ одного изъ сопутствовавшихъ намъ итальянцевъ: «хотѣлъ бы умереть, — сказалъ онъ, — прежде, чѣмъ культура опошлитъ Кампанію».

На слѣдующее утро члены конгресса прощались съ Римомъ, любуясь имъ въ послѣдній разъ съ высоты купола Св. Петра. На горизонтѣ съ одной стороны голубою лентой развертывалось море, съ другой—синѣли Абруцкія, Сабинскія и Албанскія горы, а у ногъ нашихъ лежалъ Вѣчный Городъ, силой соединявшій подъ своимъ владычествомъ весь древній міръ. Миновала пора грубаго насилія, и современный міръ, стремясь къ единенію, идетъ къ нему мирными путями.

Членъ конгресса.

Римъ.
28 мая 1882 г.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

ЛИРЪ.

Га! Гонерила — съ сѣдою бородой! Онѣ меня ласкали какъ собаку и говорили, что бѣлые волосы въ бородѣ моей явились прежде черныхъ.—На все, что̀ бы ни сказалъ я, одинъ отвѣтъ: и *да* и *нѣтъ*. Гм... Да и нѣтъ въ одно и то же время—плохое богословіе!—Вотъ, какъ промочилъ меня дождикъ, да продулъ вѣтеръ и я затрясся точно въ лихорадкѣ, а громъ не смолкъ, несмотря на мое приказаніе, тутъ-то я и увидѣлъ, тутъ-то я и понялъ, что̀ онѣ такое.—Подите прочь,—не люди они честнаго слова: онѣ мнѣ говорили, что будто я все могу.—Ложь! Я не выдержу и лихорадки.

ГЛОСТЕРЪ.

Припоминаю го̀лоса оттѣнки...
Да не король ли это?

ЛИРЪ.

Да, король.
И каждый мой вершокъ—король! Смотри.
Взгляну вотъ такъ, и подданный трепещетъ.—
Дарую жизнь тебѣ! Вина какая?
Развратъ.—Ты не умрешь.—Какъ за вину
Такую умирать! Нѣтъ, нѣтъ. Нельзя.—
Грѣшитъ вѣдь тѣмъ же каждый воробей,
И даже крошка мушка золотая
Въ развратѣ утопаетъ на моихъ
Глазахъ. Да здравствуетъ развратъ и съ нимъ
Безпутная любовь! Вѣдь незаконный
Сынъ Глостера добрѣе оказался
Къ отцу, чѣмъ обѣ дочери мои,
Зачатыя въ законномъ самомъ бракѣ.
Ну, такъ работай сладострастье гдѣ
И какъ попало;—нужны-жъ мнѣ солдаты!—
Смотрите на нее, на эту даму!
Она такъ добродѣтельна, горда,
Что кажется все льдомъ, что есть у ней,
И тотчасъ закачаетъ головой,
Какъ только маленькій намекъ услышитъ
На наслажденья страстныя любви;
Но ни хорекъ, ни конь весной въ лугу

Такъ жадно не кидаются на нихъ,
Какъ эта госпожа. Отъ головы
До поясницы—женщины онѣ,
А далѣе—лишь дикіе кентавры.—
До пояса—наслѣдія боговъ,
А ниже—дьяволовъ онѣ жилища!

Тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ бездна сѣрная, пылающая, клокочущая какъ кипятокъ, смрадная, заразительная! Фи, фи, па, па!... Дай мнѣ, добрый аптекарь, хоть унцію выхухоли освѣжить мое воображенье!—Вотъ тебѣ за это деньги.

Глостеръ.

Позволь мнѣ поцѣловать эту руку.

Лиръ.

Постой, дай мнѣ прежде ее вытереть,—она пахнетъ мертвечиной.

Глостеръ.

О, разрушенное созданіе природы! Такъ и весь великій міръ износится и обратится въ ничто.—Меня ты знаешь?

Лиръ.

Твои глаза я помню очень хорошо.—Ты косо смотришь на меня?... Нѣтъ, это не поможетъ, слѣпой купидонъ,—я не полюблю тебя.—Прочти этотъ вызовъ, обрати вниманіе на почеркъ, какимъ онъ написанъ.

Глостеръ.

Еслибы всѣ эти буквы разомъ стали солнцами, и тогда бы я не увидалъ изъ нихъ ни одной.

Эдгаръ.

Я этому не вѣрилъ по разсказамъ,
А вотъ на дѣлѣ оправдалось все
И сердце разрывается на части.

Лиръ.

Читай!

Глостеръ.

Развѣ ямками однѣми, въ которыхъ прежде были глаза.

Лиръ.

А! Такъ-то ты со мной?—Нѣтъ глазъ у тебя во лбу и монетки въ карманѣ? Твои глаза въ тяжеломъ положеніи, а кошелекъ въ легкомъ!—Видишь однако, какъ все теперь идетъ на свѣтѣ.

Глостеръ.

Вижу чувствомъ.

Лиръ.

Что-жь, ты съ ума сошелъ? Можетъ ли человѣкъ не глазами видѣть, какъ все идетъ на свѣтѣ?!—Смотри же ушами, какъ вотъ этотъ судья смѣется надъ тѣмъ вонъ глупымъ воришкой. Послушай,—шепну на ухо,—переставь ихъ одного на мѣсто другаго и отгадай, кто судья и кто воръ. Видалъ ты, какъ собака мызника лаетъ на нищаго?

Глостеръ.

Видалъ, сэръ.

Лиръ.

Ну, что-жь? Бѣдняга вѣдь бѣжитъ отъ пса? Теперь вотъ и любуйся великою картиной власти, смотри, какъ повинуются и псу, когда онъ при должности.

Палачъ, мерзавецъ, стой, остановись!
Зачѣмъ своей кровавою рукой
Стегать развратницу ты эту хочешь?
Ты съ нею самъ натѣшиться бы радъ
Грѣхомъ, который такъ караешь здѣсь!—
Хлещи-жь скорѣе собственную спину!—
Плутъ ростовщикъ на висѣлицѣ давитъ
Другаго плута за обманъ его!—
Сквозь дыръ одежды ветхой бѣдняка
Сквозитъ и малый недостатокъ; платье-жь
Богатаго и драгоцѣнный мѣхъ
Прикроютъ все! Ты золотомъ одѣнь
Порокъ, и строгое судьи копье
Сломается предъ нимъ, а рубище
Пронзитъ соломенка гнилая.—Нѣтъ,
Никто быть обвиненъ не можетъ! Да.
Никто, я говорю, никто, никто!—
Я оправдаю всѣхъ!—Ты это знай,

Дружокъ, и отъ меня ты это знай.—
Имѣю силу запечатать ротъ
У всѣхъ, кто лишь помыслитъ обвинять.—
Достань себѣ очки и видъ прими,
Какъ подлый дипломатъ, что видишь все,
Хоть ты не видишь ничего. Теперь,
Теперь,—ну, ну!—Снимайте-жь сапоги
Съ меня скорѣй, скорѣе; такъ вотъ, такъ.

ЭДГАРЪ.

Какая смѣсь нелѣпостей и дѣла
И разума съ безумьемъ.

ЛИРЪ.

Хочешь плакать
О горестяхъ моихъ, возьми мои
Глаза. Тебя я знаю хорошо.
Ты—Глостеръ. Надо терпѣливымъ быть.
Родимся съ плачемъ мы. Ты знаешь вѣдь,
Что въ первыя минуты, лишь коснется
Насъ воздухъ, жалобно пищимъ и вопимъ.—
Я буду проповѣдывать. Внимай.

ГЛОСТЕРЪ.

Какой—о, боги, боги!—день ужасный!

ЛИРЪ.

Родимся мы и плачемъ, что нежданно
Вдругъ очутились на аренѣ этой
Шутовъ и дураковъ... А хороша
Для проповѣдниковъ такая шляпа?—*)
Вѣдь хитрость славная: на бой сбираясь,
Ковать коней пояркомъ, не желѣзомъ.—
Попробую на самомъ дѣлѣ это:

---

*) Въ подлинникѣ This a good block? Block означаетъ чурбанъ. Стивенсъ говоритъ, что во времена Шекспира block означало и болванъ, имѣвшій форму головы, на которомъ расправлялась шляпа, и самую шляпу, и описываетъ ходъ мыслей и дѣйствій Лира такимъ образомъ: Лиръ, сказавъ, я буду проповѣдывать, снимаетъ съ головы шляпу, потомъ смотритъ на нее и говоритъ: „А хороша для проповѣдниковъ такая шляпа". Замѣтивъ, что шляпа сдѣлана изъ поярка, переходитъ къ мысли, что было бы хорошо сдѣлать подковы для лошадей не изъ желѣза, а изъ поярка. *Прим. перев.*

Къ зятьямъ неслышно подойду и вдругъ —
Бей-бей, бей-бей, бей-бей.

(Входитъ дворянинъ съ солдатами.)

Дворянинъ.

Вотъ онъ. Берите.—
Мой сэръ, дочь ваша дорогая...

Лиръ.

Что-жь,
Никто не защититъ? Какъ, плѣнникъ я?—
На то и созданъ я, чтобъ быть игрушкой!—
Ахъ, обходитесь со мной получше.
Я выкупъ дамъ.—Ахъ, лѣкаря зовите,—
Я раненъ въ мозгъ.

Дворянинъ.

Вамъ все доставятъ, сэръ.

Лиръ.

И нѣтъ помощниковъ?! И все я самъ? —
Да эдакъ можно обратиться въ соль,
И очи станутъ лейками воды
Соленой, чтобы осенью сухой
Пыль по дорогѣ прибивать...

Дворянинъ.

О, сэръ.

Лиръ.

Умру я бравымъ молодцомъ! Хочу
Веселымъ быть, какъ радостный женихъ.
Ну, что-жь, идемъ. Идемте.—Я—король!
Извѣстно ли вамъ это, господа?

Дворянинъ.

Вы—нашъ король, и мы послушны вамъ.

Лиръ.

А если такъ,—ничего не потеряно. Хотите поймать,—ловите.—Са, са, са, са... (Убѣгаетъ; за нимъ и солдаты.)

Дворянинъ.

Такимъ и нищаго увидѣть тяжко,
А короля?—и высказать нѣтъ силъ!—
Но у тебя есть дочь, она любовью
Съ природы сниметъ то небесъ проклятье,
Которое призвали на нее
Другія двѣ.

Эдгаръ.

Привѣтствую васъ, сэръ.

Дворянинъ.

Скорѣе говорите.—Что угодно?

Эдгаръ.

Вы не слыхали-ль, скоро будетъ битва?

Дворянинъ.

О, безъ сомнѣнья, скоро. Знаютъ всѣ.—
Кто только звуки можетъ различать,
Тотъ слышалъ ужь объ этомъ.

Эдгаръ.

Но позвольте
Спросить васъ, сэръ, далеко ли отсюда
Другое войско?

Дворянинъ.

Близко. Скорымъ маршемъ
Спѣшитъ сюда. Съ часу на часъ мы ждемъ,
Что силы главныя врага увидимъ.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ,—мнѣ только это
И нужно было знать.

Дворянинъ.

Хоть королева
Пока задержана случайно здѣсь
Особою и важною причиной,
Но войско уже двинула она.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ.

Глостеръ.

О, боги, боги!
Вы боги милосердые, возьмите
Скорѣе духъ мой отъ земли, не дайте
Вы духу злобы снова искусить
Меня желаньемъ страстнымъ умереть,
Пока моей не захотите смерти.

Эдгаръ.

Хорошая, отецъ, молитва эта.

Глостеръ.

Кто-жь вы?... Да кто же вы, мой сэръ?

Эдгаръ.

Бѣднякъ,
Котораго фортуна усмирила
Ударами своими.—Тотъ, кто горе
Узналъ, извѣдавъ на себѣ, лишь можетъ
Почувствовать чужое горе.—Дайте
Мнѣ вашу руку. Я васъ поведу,
И мы найдемъ тутъ гдѣ-нибудь жилище.

Глостеръ.

Отъ всей души я васъ благодарю.
Да нисношлетъ святое небо вамъ
Благословеній много и наградъ.

(Входитъ Освальдъ.)

Освальдъ.

Провозглашенная награда!—Славно!—
Твое безъ глазъ лицо живетъ на то,
Чтобъ счастіе мое поднять.—Ну, ты,
Измѣнникъ жалкій, вспоминай скорѣй
Твои грѣхи!—Мечъ обнаженъ!—Онъ здѣсь
Тебя и уничтожитъ.

Глостеръ.

Пусть рука

Твоя, мой другъ, теперь дастъ мощь и крѣпость
Удару твоему. Кончай скорѣй!

(Эдгаръ становится между ними противъ Освальда.)

ОСВАЛЬДЪ.

Что это? Дерзкій ты мужикъ! Ты смѣешь
Въ защиту брать того, кто всенародно
Измѣнникомъ объявленъ? Прочь отсюда!
Не то тебя захватитъ, какъ зараза,
Та участь, что назначена ему.
Скорѣе брось его.

ЭДГАРЪ.

Не брошу, сэръ,
Пока другой причины не найдется.

ОСВАЛЬДЪ.

Ты бросишь, рабъ, или умрешь немедля.

ЭДГАРЪ.

Ступайте, добрый сэръ, дорогой вашей; не мѣшайте намъ идти, куда хотимъ. Еслибъ можно было однимъ хвастовствомъ выгнать меня изъ этой жизни, такъ удалось бы вамъ это дней четырнадцать тому назадъ.—Нѣтъ, не смѣйте подходить близко къ старику, не то, берегитесь, я попробую, что̀ крѣпче—ваша башка или моя дубина. Слышите, я прямо говорю, на-чистую.

ОСВАЛЬДЪ.

Прочь, навозная куча!

ЭДГАРЪ.

Ну, такъ я пересчитаю зубки ваши, сэръ. Не страшны мнѣ всѣ эти штуки вашего меча!...

(Бьются. Эдгаръ ударомъ дубины сваливаетъ Освальда на землю.)

ОСВАЛЬДЪ.

Убилъ меня ты, рабъ проклятый.—На!
Возьми мой кошелекъ, и, если хочешь,
Ты быть вполнѣ счастливымъ, закопай
Мой трупъ и графу Глостеру Эдмонду
Доставь письмо, которое на мнѣ

Найдешь.—Эдмонда въ войскѣ англичанъ
Ищи.—Онъ тамъ.—О, смерть нежданная!...

(Умираетъ.)

ЭДГАРЪ.

Тебя я знаю очень хорошо,
Услужливый подлецъ, слуга пороковъ,
Какого только можетъ пожелать
Развратъ гнуснѣйшій...

ГЛОСТЕРЪ.

Умеръ онъ?

ЭДГАРЪ.

Присядь,
Отецъ, и отдохни. Я осмотрю
Его карманы. О письмѣ сейчасъ
Онъ говорилъ; оно, быть-можетъ, намъ
Сослужитъ службу.—Умеръ онъ; но жаль,
Что не другой, а я былъ палачомъ
Его. (Вынимаетъ письмо) Посмотримъ... (Распечатываетъ письмо)
Добрый воскъ, позволь.—
Не упрекай меня за это честь.—
Чтобы узнать, что думаютъ враги,
Вскрываютъ даже ихъ сердца, а вскрыть
Письмо законнѣе, конечно, будетъ.

(Читаетъ.)

«Вспомни наши взаимныя клятвы.—У меня найдется много случаевъ, чтобъ устранить его навсегда; если только не измѣнитъ тебѣ рѣшимость. Найдутся и время, и мѣсто. Ничего не будетъ сдѣлано, если онъ вернется побѣдителемъ: тогда я — въ плѣну и ложе его — моя тюрьма. Избавь же меня отъ ея отвратительной теплоты и, въ награду за трудъ, займи его мѣсто.—

Твоя жена (хотѣла бы я сказать) и любящая служанка
Гонерила».

О, произволъ, незнающій границъ,
Разнузданнаго пыла женской страсти!
Тутъ заговоръ на мужа жизнь и замыслъ
Распутный—мужа чести и добра
Моимъ милѣйшимъ братомъ замѣнить!—
А ты, посолъ проклятый и поганый

Разбойниковъ развратныхъ, я тебя
Здѣсь завалю кой-какъ пескомъ; затѣмъ,
Когда приспѣетъ время, поражу
Взоръ герцога письмомъ, его на смерть
Приговорившимъ. Счастливъ онъ безмѣрно,
Что я могу сказать, что ты убитъ,
И объявить ему, съ чѣмъ былъ ты посланъ!

(Уходитъ, вытаскивая Освальда.)

ГЛОСТЕРЪ.

Король съ ума сошелъ, а какъ же крѣпокъ
Разсудокъ мой подлѣйшій: все держусь,
Хоть чувствую мучительно-глубоко
Невыразимѣйшее горе. Лучше,
Когда-бъ мой умъ разшибенъ былъ и мысль,
Отъ горя отдѣлясь совсѣмъ, игрой
Воображенія туманясь часто,
Самосознанье потеряла!

(Входитъ быстро Эдгаръ.)

ЭДГАРЪ.

Дайте
Мнѣ вашу руку. Кажется, я слышу
Тамъ, вдалекѣ, ужь барабаны бьютъ.
Въ путь, въ путь! Я подарю вамъ друга тамъ. (Уходятъ.)

Сцена VII.

Палатка въ лагерѣ французовъ.

(Лиръ спитъ въ постелѣ. Врачъ, дворяне и другіе изъ свиты Корделіи.— Входятъ Корделія и Кентъ.)

КОРДЕЛІЯ.

О, Кентъ мой добрый, что должна я дѣлать
И, даже, какъ устроить жизнь мою,
Чтобы достойно заплатить тебѣ
За все, что сдѣлалъ ты? Жизнь коротка;
И что-бъ я ни придумала, все мало,
Ничто передъ твоею добротой!

КЕНТЪ.

Признаніемъ, государыня, однимъ

Признаніемъ того, что сдѣлалъ я,
Заплачено съ лихвой. Повѣрьте мнѣ,
Все, что я вамъ сказалъ, все—истина
Лишь скромная, и ничего въ разсказѣ
Я не прибавилъ, не убавилъ.

Корделія.

Другъ,
Прошу, одѣнься лучше. Это платье
Напоминаетъ о часахъ тяжелыхъ.—
Я умоляю, сбрось его съ себя.

Кентъ.

Простите, дорогая госпожа.—
Быть узнаннымъ теперь въ мой планъ не входитъ,
Вредитъ ему. Прошу, въ награду мнѣ,
Признать меня не ранѣе, какъ я
И время—мы найдемъ къ тому возможность.

Корделія.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ. (Врачу) Ну, что
Король?

Врачъ.

Изволитъ почивать еще.

Корделія.

О, боги милосердые, спасите
И язву страшную въ его природѣ,
Жестоко оскорбленной, умъ его
Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ
Въ борьбѣ съ самимъ собою, исцѣлите,
И нѣжно убаюкайте его,
Въ ребенка обращеннаго отца!

Врачъ.

Какъ вашему величеству?... Угодно-ль,
Чтобъ короля теперь мы разбудили?
Онъ ужъ довольно почивалъ.

Корделія.

Прошу
Васъ, руководствуйтесь наукой вашей

И дѣлайте, какъ сами вы рѣшите.
Его переодѣли?

Дворянинъ.

Точно такъ:
Совсѣмъ переодѣли, королева.
Мы, пользуясь его глубокимъ сномъ,
Все чистое надѣли на него.

Врачъ.

Прошу васъ, королева, будьте здѣсь,
Когда его разбудимъ. Я ручаюсь,
Что будетъ онъ спокоенъ, тихъ.

Корделія.

Прекрасно.

Врачъ.

Вамъ не угодно-ль ближе подойти.
Гей, музыка, начни!—Играйте громче *).

Корделія.

Отецъ мой дорогой, пускай всѣ силы
Целѣбныя сольются на устахъ
Моихъ и поцѣлуй мой исцѣлитъ
Твои жестокія страданья,—всѣ,
Какія старости твоей почтенной
Могли нанесть двѣ дочери твои!

Кентъ.

О, добрая, о милая принцеса!

Корделія.

И еслибъ даже ихъ отцомъ ты не былъ,
Такъ эти пряди бѣлыя волосъ—
Онѣ однѣ должны бы пробудить
Въ нихъ чувство состраданья!—Можно-ль было
Отдать вотъ это самое лицо
На волю буйную стихій и злобныхъ,
Свирѣпыхъ вѣтровъ?! О, возможно-ль было

*) По замѣчанію Стивенса, врачъ хочетъ разбудить Лира музыкой и потому велитъ играть *громко*. *Перев.*

Отдать его подъ страшные удары
Всепотрясающаго грома, бросить
Подъ грозный пламень молній перекрестныхъ,
Сверкающихъ со всѣхъ сторонъ? Возможно-ль
Тебя, бѣднякъ мой, выкинутый въ ночь,
Заставить всю ее пробыть подъ ливнемъ
И съ головой, прикрытою такъ плохо?!—
Собака даже моего врага,
Хотя бы искусала всю меня,
Лежала-бъ у камина моего
Всю эту ночь; а ты, отецъ мой бѣдный,
Былъ радъ лачугѣ нищей и соломѣ
Гнилой между свиней и межъ воровъ
Неисправимыхъ!—Боги, боги!—Чудо,
Какъ жизнь твоя и умъ не сгибли сразу!...
Проснулся!—Ахъ, заговорите съ нимъ!

ВРАЧЪ.

Заговорите вы,—такъ будетъ лучше.

КОРДЕЛІЯ.

Здоровье ваше, повелитель мой?
Что вашему величеству угодно?

ЛИРЪ.

Не хорошо обманывать меня!—
Зачѣмъ вы подняли меня изъ гроба?—
Ты—духъ блаженный, я же къ колесу
Изъ пламени привязанъ. Льются слезы
Мои же на него, кипятъ на немъ,
Какъ бы расплавленный въ огнѣ свинецъ!

КОРДЕЛІЯ.

Меня вы узнаете, сэръ?

ЛИРЪ.

Ты—духъ.
Я знаю.—Ты когда же умерла?

КОРДЕЛІЯ.

О, какъ еще далéко онъ отъ насъ
Своимъ умомъ блуждаетъ!

Врачъ.

Не совсѣмъ
Еще проснулся онъ, и будетъ лучше
Оставить на минуту одного.

Лиръ.

Гдѣ былъ я? Гдѣ я? Свѣтъ дневной вѣдь это?—
Какъ былъ обманутъ я!—Я-бъ даже умеръ
Отъ жалости, когда бы увидалъ
Такимъ, какъ я, другаго.—Нѣтъ, я, право,
Не знаю, что̀ и говорить.—Никакъ
Не поклянусь, что руки эти вотъ—
Мои.—Посмотримъ.—Чувствую уколъ
Булавки.—Я увѣриться-бъ хотѣлъ,
Въ какомъ я положеньи.

Корделія.

Сэръ мой добрый,
Взгляните на меня и, руки ваши
Поднявъ надъ головой моей дочерней,
Благословите...

(Лиръ падаетъ на колѣни передъ Корделіей.)

Падать на колѣна...
Нельзя вамъ, мой отецъ и государь!

Лиръ.

Прошу, не смѣйся надо мной! Старикъ
Я въ самомъ дѣлѣ сумасбродный, глупый,
Восьмидесяти лѣтъ иль даже больше
И, просто, откровенно говоря,
Боюсь, не въ полномъ я теперь разсудкѣ.—
Мнѣ кажется, я долженъ знать тебя...
И вонъ того! А все же сомнѣваюсь...
Все не могу никакъ взять въ толкъ, гдѣ я...
И какъ я ни ломаю головы,
Не въ силахъ вспомнить даже платье это
И гдѣ провелъ послѣднюю я ночь...
Не смѣйтесь надо мной; но мнѣ, какъ вѣрно,
Что я мущина, кажется, что леди...
Дитя мое, Корделія!

КОРДЕЛІЯ.

Я, я!

ЛИРЪ.

А!—Слезы?—Да, ты плачешь.—Нѣтъ не плачь,
Прошу тебя, не плачь!... Скажи: есть ядъ
Съ тобою для меня? Я выпью.—Знаю,
Меня не любишь ты; вѣдь обѣ сестры
Твои меня, насколько помню я,
Обидѣли жестоко, а у нихъ
Къ тому причины не было совсѣмъ...
А у тебя причина есть, большая!

КОРДЕЛІЯ.

О, никакой! Нѣтъ, никакой!

ЛИРЪ.

Гдѣ я?
Во Франціи?

КЕНТЪ.

О, нѣтъ, мой государь.—
Вы въ королевствѣ, вамъ принадлежащемъ.

ЛИРЪ.

Ахъ, не обманывай меня!

ВРАЧЪ.

Ну, вотъ
Утѣшьтесь, ободритесь, королева!
Онъ исцѣленъ, какъ видите, совсѣмъ
Отъ бѣшенства припадковъ... Все-жь опасно
Ему былое время вспоминать.
Старайтесь больше не смущать его,
Пока не успокоится совсѣмъ.

КОРДЕЛІЯ.

Угодно ли пройтись вамъ, государь?

ЛИРЪ.

Ахъ, будь ты снисходительна ко мнѣ!
Прошу: забудь, прости! Я—старъ и глупъ...

(Уходятъ Лиръ, Корделія, врачъ и свита.)

Дворянинъ.

А правда-ль, сэръ, что герцогъ Корнвалійскій
Убитъ, и такъ, какъ говорятъ?

Кентъ.

Да, правда,
И правда несомнѣнная, мой сэръ.

Дворянинъ.

А кто-жь теперь ведетъ его войска?

Кентъ.

Да, говорятъ, сынъ Глостера побочный.

Дворянинъ.

Есть слухи также: выгнанный Эдгаръ,
Другой сынъ Глостера, и съ графомъ Кентомъ
Въ Германіи теперь.

Кентъ.

Да, слуховъ много
И всѣ измѣнчивы они. Пора
Намъ осмотрѣться. Войско герцогинь
Спѣшитъ и приближается къ намъ быстро.

Дворянинъ.

Какъ видно, все рѣшится кровью, сэръ.
Прощайте. (Уходитъ.)

Кентъ.

Дѣло сдѣлано вполнѣ,
Приведено къ конечной цѣли. Дурно
Иль хорошо—рѣшитъ все этотъ день.

ДѢЙСТВІЕ V.

Сцена I.

Лагерь британскихъ войскъ.

(Входятъ съ распущенными знаменами Эдмондъ, Регана, офицеры и свита.)

ЭДМОНДЪ.

Отъ герцога узнайте-жь наконецъ:
Остался-ль при послѣднемъ мнѣньи онъ,
Иль что-нибудь *еще опять* придумалъ?
Измѣнчивъ онъ до-нельзя. Самъ себѣ
Ни въ чемъ не довѣряетъ. Принесите
Намъ неизмѣнное его рѣшенье.

РЕГАНА.

Не доброе случилось что-нибудь
Съ слугой сестры,—навѣрно.

ЭДМОНДЪ.

Надо думать.

РЕГАНА.

Теперь, прекрасный лордъ, извѣстно вамъ,
Что сдѣлать я намѣрена для васъ.
Прошу, скажите-жь мнѣ,—но только правду,
И правду сущую,—вы любите-ль
Сестру мою?

ЭДМОНДЪ.

Почтительной любовью.

РЕГАНА.

Не пролагали-ль вы себѣ пути,
Куда онъ строго запрещенъ для всѣхъ
Помимо мужа Гонерилы?

ЭДМОНДЪ.

Лэди!—
Вы ошибаетесь жестоко.

РЕГАНА.

Я

Боюсь: были съ нею вы, Эдмондъ,
Въ связи, и въ самой близкой...

Эдмондъ.

Никогда,
Клянуся!

Регана.

Не могу ее терпѣть!—
Мой милый лордъ, не будь же съ ней коротокъ!

Эдмондъ.

Не безпокойся.—Вотъ она и герцогъ.

(Входятъ герцогъ Альбанскій, Гонерила и солдаты.)

Гонерила (въ сторону).

Я лучше битву проиграть готова,
Чѣмъ уступить, чѣмъ дать, чтобъ у меня
Сестра похитила Эдмонда.

Герцогъ Альбанскій.

Радъ,
Любезная сестрица, встрѣтить васъ.
Я слышалъ, сэръ, къ Корделіи король,
Отецъ нашъ, уже прибылъ и со всѣми
Возставшими на наше управленье
Жестокое.—Я никогда не могъ
Быть храбрымъ въ дѣлѣ съ честью несогласномъ.—
Теперь вооружаюся на бой
Не противъ короля, но противъ тѣхъ,
Кто поднялъ знамя бунта за него,—
Боюся, сэръ, что правы всѣ они.—
Я обнажаю мечъ мой на французовъ,
На чужеземцевъ, вторгнуться дерзнувшихъ
Въ предѣлы Англійской земли и нашей.

Эдмондъ.

Вы говорите благородно, сэръ.

Регана.

ко-же, къ чему все это?

Гонерила.

Бросьте
Домашніе и частные вы споры,—
Объ нихъ теперь не можетъ быть и рѣчи.
Соединимся всѣ противъ враговъ.

Герцогъ Альбанскій.

Обсудимъ все со старшинами войскъ,
Какъ дѣйствовать намъ нужно.

Эдмондъ.

Буду, герцогъ,
Васъ непремѣнно ждать въ палаткѣ вашей.

Регана.

А ты, сестра?—Конечно, съ нами?

Гонерила.

Нѣтъ.

Регана.

Приличнѣй было бы такъ!... Прошу, пойдемъ.

Гонерила (въ сторону).

Ого! Загадку эту знаю. (Громко) Ну,—
Иду.

Какъ только Регана, Гонерила и Эдмондъ хотятъ уходить, входитъ Эдгаръ переодѣтый.)

Эдгаръ.

Когда вамъ, герцогъ, съ бѣднякомъ
Такимъ, какъ я, случалось говорить
Хоть разъ, прошу васъ выслушать меня.

Герцогъ Альбанскій (Реганѣ, Гонерилѣ, Эдмонду).

Идите,—догоню васъ. (Эдгару) Говори.

Эдгаръ.

Не начинайте битвъ, пока письмо
Вы это не прочтете. Побѣдите,
Немедленно трубой велите звать
Того, кто вамъ его вручилъ. Кажусь

Я очень жалкимъ и презрѣннымъ, герцогъ;
Но вамъ я рыцаря тогда представлю,
Который все, что тутъ прочтете вы,
Докажетъ. Если-жь будете разбиты,
Тогда конецъ для васъ всему, а также
И всѣмъ дѣламъ и кознямъ противъ васъ.—
Счастливы будьте.

Герцогъ Альбанскій.

Подожди, пока
Прочту письмо.

Эдгаръ.

Запрещено мнѣ ждать.—
Когда придетъ пора, велите тотчасъ
Герольду вызовъ протрубить,—явлюсь.

(Уходитъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Коль такъ, прощай. Я просмотрю письмо.

(Входитъ Эдмондъ.)

Эдмондъ.

Враги уже въ виду. Постройте войско.—
Вотъ перечень всѣхъ нашихъ силъ и средствъ.—
Весьма старательно составленъ онъ.
Отъ вашей быстроты зависитъ все.

Герцогъ Альбанскій.

Готовъ я встрѣтить всякую случайность.

(Уходитъ.)

Эдмондъ.

Поклялся я въ любви обѣимъ сестрамъ
И обѣ бѣшено меня ревнуютъ
Другъ къ другу, съ яростью эхиднъ,
Уязвленныхъ жестоко. Что-жь, возьму-ль
Обѣихъ иль одну, иль ни одной?—
Пока во здравьи вожделенномъ обѣ,
Мнѣ ни съ одной изъ нихъ нельзя связаться:
Возьму вдову, такъ взбѣсится тотчасъ,
Съ ума сойдетъ сестрица Гонерила.

А съ ней и при ея супругѣ миломъ
Я крѣпко сбитъ съ моей прямой дороги.—
Ну, что-жь? Пока воспользуемся этимъ
Супругомъ мягкосердымъ, нужнымъ мнѣ
Для битвы; а потомъ—кому угодно
Себя избавить отъ него—и думай
Смахнуть его скорѣй. Что-жь до того,
Что носится онъ съ мыслью о пощадѣ
Корделіи и Лиру послѣ битвы;
Такъ этого и въ жизнь имъ не видать,
Лишь только попадутся къ руки мнѣ.—
Моя теперь главнѣйшая задача—
Не разсуждать, а за себя стоять.

Сцена II.

Поле между двумя лагерями.

(За сценой шумъ.—Проходятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Корделія, Лиръ и ихъ войска. Входятъ Эдгаръ и Глостеръ.)

ЭДГАРЪ.

Вотъ дерево... Пусть будетъ тѣнь его
Хозяиномъ тебѣ гостепріимнымъ.
Садись, отецъ.—Молю я у боговъ
Побѣды полной дѣлу правды. Если-жь
Вернусь, такъ вѣстію моей тебя
Утѣшу.

ГЛОСТЕРЪ.

Милость всѣхъ боговъ съ тобой.

(Эдгаръ уходитъ.)

(Шумъ битвы; затѣмъ отступленіе. Эдгаръ вбѣгаетъ.)

ЭДГАРЪ.

Скорѣе уходи, старикъ. Дай руку
И уходи.—Лиръ проигралъ сраженье!—
И онъ, и дочь его уже въ плѣну!

ГЛОСТЕРЪ.

Нейду я дальше,—сгнить могу и здѣсь.

ЭДГАРЪ.

Опять больныя думы! Человѣкъ

Все долженъ перенесть—и день рожденья,
И смерти день. Все дѣло только въ томъ,
Чтобы быть готовымъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, и это правда.

(Уходятъ.)

Сцена III.

(Входятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Эдмондъ торжествующій, Лиръ и Корделія, какъ плѣнники, офицеры и солдаты.)

ЭДМОНДЪ.

Увезть отсюда и стеречь ихъ крѣпко,
Пока властителей высокихъ воля
Не изречетъ имъ приговора.

КОРДЕЛІЯ.

Мы
Не первые себѣ находимъ гибель,
Стремяся къ правдѣ и добру.—Сломили
Меня страданья за тебя, несчастный;
Не то иной дала бы я отвѣтъ
Грозамъ судьбы предательской и лживой!—
Увидимъ что ли этихъ дочерей,
Сестрицъ прекрасныхъ этихъ?

ЛИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Идемъ скорѣй въ тюрьму. Вдвоемъ оставшись,
Тамъ будемъ распѣвать, какъ птички въ клѣткѣ!—
Ты будешь у меня, какъ дочь, просить
Благословенія отца, а я
Паду передъ тобою на колѣни
И стану о прощеньи умолять.
Такъ будемъ жить вдвоемъ, молиться, пѣть,
И старыя разсказывать былины;
На бабочекъ смѣяться золотыхъ
И слушать разныхъ нищихъ болтовню
О томъ, кто выигралъ, кто потерялъ,

Кто въ милости, а кто попалъ въ опалу...
И будемъ смѣло мы рядить, судить
О самыхъ сокровенныхъ тайнахъ міра,
Какъ будто мы въ боговъ совѣтахъ были!
Переживемъ и перténможемъ мы
Въ стѣнахъ темницы тѣсной смуты всѣ
И всѣ волненія народныхъ партій!
Они, какъ волны бурныя морей,
Гремящія по волѣ сильныхъ міра,
То землю заливаютъ, то назадъ
Бѣгутъ, какъ бы луною управляясь.

Эдмондъ.

Убрать отсюда ихъ скорѣй.

Лиръ.

Мы—жертвы
Съ тобой; но на такія приношенья
Бросаютъ сами боги ѳиміамъ!—
Моя ли снова ты?—Кто разлучить
Захочетъ насъ, тотъ пусть съ небесъ пожаръ
На землю принесетъ и насъ огнемъ
Изъ міра выжжетъ, какъ лисицъ изъ лѣса.
Смотри, не плачь.—Скорѣй проказа злая
Источитъ и сожретъ ихъ мясо съ кожей,
Чѣмъ мы съ тобой заплачемъ. Да, скорѣй
Отъ голода подохнутъ всѣ! Идемъ.

(Лиръ и Корделія уходятъ подъ стражей.)

Эдмондъ.

Сэръ капитанъ, на пару словъ! Послушай,
Возьми записку эту и (отдаетъ записку капитану) иди
Въ тюрьму за ними.—Я тебя повысилъ
На степень ужь одну; когда-жь исполнишь,
Что̀ здѣсь предписано, себѣ откроешь
Къ блестящей будущности путь. Ты знаешь,
Что человѣкъ всегда быть долженъ тѣмъ,
Чѣмъ время быть ему велитъ, и нѣжность
Съ мечомъ непримирима.—Это дѣло—
Внѣ всякихъ возраженій: иль скажи

«Исполню», иль инымъ путемъ, не здѣсь,
Ищи ужь счастія себѣ.

КАПИТАНЪ.

Исполню,
Милордъ.

ЭДМОНДЪ.

Такъ къ дѣлу. Кончено оно,—
Считай себя счастливѣйшимъ на свѣтѣ.
Кончай сейчасъ, не медля ни минуты,
И точно такъ, какъ здѣсь я написалъ.

КАПИТАНЪ.

Я не могу возить телѣги, ѣсть
Овесъ сухой; но если что велятъ
Теперь исполнить—въ силахъ человѣка,
Я въ точности исполню непремѣнно. (Уходитъ.)

(Трубы. Входятъ герцогъ Альбанскій, Гонерила, Регана, офицеры и солдаты.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Вы намъ сегодня показали, сэръ,
Что̀ значитъ ваша храбрость; да и счастье
Вамъ помогло: вы взяли въ плѣнъ тѣхъ самыхъ,
Противъ кого мы билися сейчасъ.
Ихъ требуемъ у васъ!—Поступимъ, сэръ,
Мы съ ними такъ, какъ намъ повелѣваютъ
О нашей безопасности заботы
И уваженье къ нимъ и сану ихъ.

ЭДМОНДЪ.

Я счелъ не лишнимъ, сэръ, чтобы король,
Старикъ несчастный, тотчасъ былъ отправленъ
Подъ вѣрною охраной въ заключенье.
Его лѣта, а санъ его тѣмъ болѣ,
Имѣютъ силу привлекать къ себѣ
Сердца простыхъ людей и могутъ копья,
Послушныя движенью нашихъ глазъ,
Мгновенно остріями повернуть
На насъ самихъ. А съ нимъ отправилъ я
И королеву, по тому-жь разсчету.

Они готовы завтра или позже
На судъ явиться вашъ, куда угодно
Вамъ будетъ ихъ призвать.—Теперь мы всѣ
Покрыты кровію и потомъ. Другъ
Лишился друга. Послѣ битвы каждый,
Кто только испыталъ ея жестокость,
Готовъ виновниковъ ея проклясть,
И для суда надъ Лиромъ и Кордельей
Приличнѣе иное выбрать мѣсто.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Позвольте, сэръ, замѣтить: въ этомъ дѣлѣ
Вы для меня лишь подданный,—не братъ.

РЕГАНА.

Не братъ!—А этимъ самымъ и хотимъ
Его мы наградить!—Мнѣ кажется,
Что прежде, чѣмъ сказать такое слово,
Не худо было-бъ у меня спроситься.
Онъ—предводитель нашихъ войскъ и насъ
И нашей власти представитель здѣсь!
Стоитъ высоко онъ, и вашимъ братомъ
Онъ смѣло можетъ называть себя!

ГОНЕРИЛА.

Не горячися такъ! Онъ самъ себя,
И только доблестью своею, поднялъ
Гораздо болѣе, чѣмъ въ силахъ ты
Его возвысить.

РЕГАНА.

Властію моей
Онъ облеченъ и равенъ всѣмъ высокимъ!

ГОНЕРИЛА.

Еще бы несравненно выше сталъ,
Когда бы на тебѣ женился онъ!

РЕГАНА.

Шуты пророками бываютъ!...

Гонерила.

Э!

Такъ глазъ, который это подсказалъ,
Мигалъ тебѣ не даромъ, видно! *)

Регана.

Лэди,

Больна я, а не то отъ полноты
Всѣхъ чувствъ моихъ отвѣтила-бъ какъ надо...
(Эдмонду) Возьмите, генералъ, моихъ солдатъ
И плѣнниковъ и все, что я имѣю,
И всѣмъ располагайте, какъ хотите,
И мной самой.—Тебѣ сдалася крѣпость!
Клянуся здѣсь я цѣлою вселенной:
Отнынѣ ты—мой мужъ и повелитель!

Гонерила.

И думаешь, что насладишься имъ?

Герцогъ Альбанскій (Гонерилѣ).

И не въ твоей же власти помѣшать
Тому!

Эдмондъ (герцогу Альбанскому).

И не въ твоей, милордъ.

Герцогъ Альбанскій.

Въ моей,

Бездѣльникъ полукровный!

Регана (Эдмонду).

Бей же сборъ

И докажи имъ, что мои права—
Твои.

Герцогъ Альбанскій.

Опомнися, молчи!—Эдмондъ,

Тебя я арестую за измѣну,
За преступленье противъ государства!—

---

*) Взято изъ англійской пословицы: „влюбленные недаромъ мигаютъ другъ другу“.

Съ тобой и эту (указывая на Гонерилу) въ золотѣ змѣю!—
(Реганѣ) А что до вашихъ притязаній, лэди,
Обязанъ я, любезная сестрица,
Взять подъ мою защиту интересы
Моей супруги. Съ этимъ самымъ лордомъ
Она помолвилась ужь прежде васъ,
И допустить никакъ я не могу,
Чтобъ вы вступили въ соглашенье съ нимъ.
Когда угодно выйти замужъ вамъ,
Меня вы можете избрать супругомъ,—
Жена моя ужь отдалась другому.

Гонерила.

Комедія какая!

Герцогъ Альбанскій.

Глостеръ, ты
Вооруженъ! Трубите-жь вызовъ! Если
Не явится никто, чтобъ на тебѣ
Самомъ предъ всѣми доказать, что ты
Отъявленный злодѣй и много разъ
Предатель,—здѣсь залогъ бросаю съ клятвой,
(Бросаетъ перчатку.)
Что хлѣба не коснусь, пока на сердцѣ
Твоемъ не докажу, что ты—мерзавецъ
Не менѣе того, какимъ тебя
Провозгласилъ я здѣсь.

Регана.

Какая боль!
Какъ больно, тяжело!

Гонерила (въ сторону).

А если-бъ нѣтъ,—
Я-бъ въ ядѣ усомнилась!

Эдмондъ.

На обмѣнъ
Возьми. (Бросаетъ перчатку.) Кто-бъ ни дерзнулъ меня назвать
Измѣнникомъ,—солгалъ, какъ негодяй.
Пусть явится. Трубите вызовъ, трубы!

На немъ и на тебѣ, на комъ угодно,
Я докажу и честь мою, и правду.

Герцогъ Альбанскій.

Герольда, го!

Эдмондъ.

Герольда, го! Герольда!

Герцогъ Альбанскій.

Теперь надѣйся только на себя,—
Твоихъ солдатъ не существуетъ больше:
Я ихъ собралъ, и я ихъ распустилъ.

Регана.

О, боль меня совсѣмъ одолѣваетъ!

Герцогъ Альбанскій.

Она больна,—въ шатеръ мой отведите.
(Уводятъ Регану. Входитъ герольдъ.)
Сюда, герольдъ! Прочти вотъ это громко,
И пусть трубятъ. (Передаетъ герольду листъ.)

Офицеръ.

Трубите-жь трубы! Эй! (Трубы).

Герольдъ (читаетъ.)

«Если найдется въ нашемъ войскѣ человѣкъ, надлежащаго званія и происхожденія, который захочетъ доказать, что Эдмондъ, принимаемый за графа Глостера,—много разъ предатель, то пусть явится по третьему звуку трубы. Противникъ здѣсь и готовъ защищаться».

Эдмондъ.

Трубить!
(Трубятъ).
Еще!
(Трубятъ).
Еще!

(Трубятъ. Въ отвѣтъ трубятъ за сценой. Входитъ Эдгаръ. Впереди его идетъ трубачъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спросить, зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ явился
На трубный вызовъ?

Герольдъ.

Кто вы? Ваше имя
И ваше званье? Почему, скажите,
Явились вы теперь на этотъ вызовъ?

Эдгаръ.

Мое погибло имя. Изглодалъ
И съѣлъ его измѣны острый зубъ,
Измѣны злой и ядовитой!—Но
Я такъ же благороденъ, какъ и тотъ,
Съ кѣмъ въ бой вступить хочу.

Герцогъ Альбанскій.

Кто твой противникъ?

Эдгаръ.

Кто здѣсь за графа Глостера Эдмонда?

Эдмондъ.

Онъ самъ. Что-жь дальше будетъ?

Эдгаръ.

Обнажи
Твой мечъ, чтобъ могъ онъ наказать меня,
Когда моею рѣчью оскорблю
Я сердце благородное твое!
Мой мечъ готовъ. Внимай! По праву чести,
По праву клятвы мной произнесенной,
По праву моего призванья въ жизни,
И несмотря на молодость и силу
На храбрость и величіе твои,
На твой побѣдный мечъ и на твое
Недавно ярко вспыхнувшее счастье,
Предъ всѣми объявляю: ты—предатель
И плутъ, обманщикъ подлый предъ богами,
Передъ отцомъ твоимъ и передъ братомъ,
Измѣнникъ, заговорщикъ передъ принцемъ,
Отъ темя до подошвы ногъ твоихъ,
До пыли самой подъ ногами ты
Чернѣй и гаже самой гадкой жабы.

Скажи, что нѣтъ, и этотъ самый мечъ
И эта вотъ рука моя докажутъ,
И на тебѣ самомъ, что лжешь безстыдно,
Что слово истинно мое.

Эдмондъ.

Конечно,
Благоразумнѣй было бы узнать,
Кто ты, потомъ уже съ тобою биться;
Но видъ твой такъ воинственно прекрасенъ,
И воспитаньемъ благороднымъ дышитъ
Такъ рѣчь твоя, что я пренебрегу
Всѣмъ тѣмъ, на что по рыцарскимъ законамъ
Имѣю право. Возвращаю вспять
На голову твою всѣ тѣ извѣты
И на сердце твое тѣ лжи, какія
Здѣсь бросилъ ты въ меня. Онѣ, блеснувъ,
Едва меня задѣли; но мой мечъ
Имъ путь туда проложитъ, гдѣ онѣ
Останутся на вѣкъ. Трубите бой!

(Трубятъ призывъ къ бою. Эдгаръ и Эдмондъ дерутся. Эдмондъ падаетъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спасите мнѣ его, спасите!...

Гонерила.

Глостеръ,
Тутъ заговоръ! По рыцарскимъ законамъ
Не могъ ты драться съ неизвѣстнымъ! Нѣтъ,
Не побѣжденъ ты,—обойденъ, обманутъ!

Герцогъ Альбанскій.

Заприте ротъ свой, госпожа честная,
Иль я заткну вотъ этою бумагой. (Подавая письмо Эдмонду.)
Ты, сэръ, бери ее.—Читай, читай
Ты, подлый изъ людей подлѣйшихъ; въ ней
Читай твою всю гнусность. (Гонерила хочетъ рвать письмо.)
Нѣтъ, не рвать!
мо ты знаешь хорошо, я вижу.

ГОНЕРИЛА.

Ну, знаю. Что-жь? Законы не въ твоей,
Въ моей вѣдь власти; кто же у меня
Дерзнетъ потребовать отчета въ этомъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Чудовищно!—Такъ знаешь ты письмо?

ГОНЕРИЛА.

Прошу не спрашивать, что̀ знаю я. (Уходитъ.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

За ней скорѣе. Внѣ себя она.—
За ней смотрите зорко.

ЭДМОНДЪ (въ предсмертной тоскѣ).

Все, въ чемъ только
Меня винили, я во всемъ виновенъ
И даже въ бо̀льшемъ и гораздо бо̀льшемъ.—
Откроетъ время все.—Но это все
Теперь ужь стало прошлымъ, какъ и я.—
Но кто-жь ты мой счастливый побѣдитель?—
И если крови благородной ты,
Тебя прощаю я.

ЭДГАРЪ.

Прощеньемъ мы
Съ тобою обмѣняемся теперь!—
По крови благороденъ я не менѣй,
Чѣмъ ты, а если болѣй, такъ и зло,
Которое ты мнѣ нанесъ, Эдмондъ,
Становится гораздо бо̀льшимъ. (Снимаетъ съ себя шлемъ). Я—
Эдгаръ, я братъ твой по отцу.—Какъ боги
И ихъ судьбы надъ нами правосудны!
Любезные для насъ пороки наши
Становятся орудьемъ каръ для насъ же:
За темное зачатіе тебя
Въ грѣхѣ отецъ нашъ зрѣньемъ заплатилъ.

ЭДМОНДЪ.

Ты правду говоришь.—Сказалъ ты вѣрно!—

Свершило колесо свой оборотъ,
И я—вотъ здѣсь.

Герцогъ Альбанскій (Эдгару).

И по твоей походкѣ
Я ждалъ, что ты властительнаго рода.—
Дай обниму тебя. Пусть горе мнѣ
Все сердце истерзаетъ, если только
Въ себѣ я ненависть когда-нибудь
Питалъ къ тебѣ иль къ твоему отцу.

Эдгаръ.

Я знаю это очень хорошо,
Мой принцъ великодушный!

Герцогъ Альбанскій.

Гдѣ-жь однако
Скрывался ты? И гдѣ и какъ узналъ
О страшныхъ бѣдствіяхъ отца?

Эдгаръ.

Когда
Водилъ я и питалъ его, мой лордъ.—
Послушайте короткій мой разсказъ.—
Какъ кончу, пусть и сердце у меня
Отъ боли разорвется пополамъ!—
Отъ страшнаго бѣжалъ я объявленья,
Грозившаго концомъ кровавымъ мнѣ.
Оно гналось за мною по пятамъ.—
Какъ дорога намъ жизнь!—Готовы лучше
Мы, ежечасно умирая, жить,
Чѣмъ сразу умереть!—Придумалъ я
Надѣть лохмотья нищихъ на себя,
Принять наружность тѣхъ, кто даже псамъ
Противенъ, и, скитаясь такъ, отца
Я встрѣтилъ. На лицѣ его увидѣлъ
Кровавыя лишь кольца вмѣсто глазъ,
А камни самоцвѣтныя, что въ нихъ
Сіяли, навсегда пропали!—Сталъ
Его водить и нищить за него

И отъ отчаянья спасти его
Мнѣ удалось.—Зачѣмъ, зачѣмъ тогда
Я не сказалъ ему, кто я? Зачѣмъ
Скрывался отъ него?—Лишь полчаса
Тому назадъ, на бой вооружаясь
И на успѣхъ хотя надѣясь, все-жь,
Не будучи вполнѣ увѣренъ въ немъ,
Я сталъ просить отца благословить
Меня и разсказалъ ему тутъ все,
Всѣ странствія мои.—Но не могло
Его надорванное сердце вынесть
Борьбы двухъ сильныхъ чувствъ—и радости,
И горя,—разорвалося на части,
Улыбку на устахъ его оставя.

Эдмондъ.

Меня разсказъ твой тронулъ.—Будетъ онъ
Источникомъ добра быть-можетъ.—Но
Кончай.—Ты смотришь такъ, какъ будто хочешь
Сказать еще намъ что-то.

Герцогъ Альбанскій.

Если то,
Что можешь намъ сказать, еще печальнѣй,—
Не говори. И отъ того, что слышалъ,
Готовъ слезами захлебнуться я!

Эдгаръ.

Кто горестей другихъ людей не любитъ,
Тому довольно ужь моихъ страданій;
Тому-жь, кто тѣшится чужимъ мученьемъ,
Кому ихъ нужно больше,—разскажу
О горѣ страшномъ, крайности достигшемъ *).

---

*) Варбуртонъ, выписавъ начало рѣчи Эдгара изъ подлинника:

This wouldhave seem'd a period
To such as love not sorrow; but another,
To amplity too-much, would make much more
And top extremity,—

говоритъ: „Читатель ясно видитъ, что это разсужденіе относится и къ герцогу Альбанскому, который говоритъ, что для него достаточно уже разсказа о страданіяхъ Эдгара, и къ Эдмонду, который желаетъ слышать продолженіе

Какъ я стеналъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ
Вдругъ подошелъ ко мнѣ. Меня онъ видѣлъ,
Когда я былъ въ презрѣнномъ самомъ видѣ,
И избѣгалъ меня; но тутъ узнавъ,
Нежданно, ктò былъ тотъ бѣднякъ несчастный,
Ко мнѣ на шею кинулся, и громко
Вдругъ зарыдавъ, могучими руками
Меня такъ сильно обнялъ, что, казалось,
Одно лишь небо развѣ было въ силахъ
Объятія такія разорвать.—
Потомъ, упавъ на моего отца
Трупъ бездыханный, мнѣ онъ разсказалъ
Такую повѣсть, полную страданій,
О Лирѣ, о себѣ, какой еще
И не слыхало ухо человѣка.—
Съ разсказомъ выростало его горе,
И стали постепенно разрываться
Всѣ струны крѣпкой его жизни.—Тутъ
Услышалъ я второй уже призывъ
И старика съ отчаяньемъ его
Оставилъ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Кто же это?

ЭДГАРЪ.

Кентъ, мой герцогъ.—
Кентъ изгнанный.—Въ одеждѣ рабской онъ
Не покидалъ ни на минуту Лира,
Враждебнаго ему, и службу несъ,
Какою погнушался-бъ и невольникъ.

(Входитъ дворянинъ съ окровавленнымъ ножомъ.)

ДВОРЯНИНЪ.

О, помогите, помогите!

ЭДГАРЪ.

Въ чемъ
Помочь, что нужно?

повѣствованія. Эти стихи сильно искажены". Въ этомъ согласенъ съ Варбуртономъ и Стивенсъ. Оба они возстановляютъ первоначальный смыслъ искаженныхъ стиховъ такъ, какъ мы передаемъ его въ нашемъ переводѣ. *Перев.*

Герцогъ Альбанскій.

Говори скорѣй.

Эдгаръ.

Что значитъ этотъ ножъ окровавленный?

Дворянинъ.

Вотъ онъ еще горячъ, еще дымится!
Онъ только-что изъ сердца вынутъ.

Герцогъ Альбанскій.

Кто
Убитъ? Да говори!

Дворянинъ.

Супруга ваша,
Супруга ваша, сэръ!—Она же, сэръ,
Сестру свою Регану отравила!—
Сама она, сама призналась!

Эдмондъ.

Я
Съ обѣими помолвленъ былъ, и всѣхъ
Троихъ насъ сочетала бракомъ смерть!

Герцогъ Альбанскій.

Несите ихъ сюда живыхъ иль мертвыхъ.
Свершился судъ небесъ предъ нами явно,
И содрогаемся невольно мы;
Но чувство состраданья въ насъ молчитъ.

Эдгаръ.

Вотъ Кентъ!

Герцогъ Альбанскій.

Ахъ вотъ и онъ!—Графъ Кентъ, теперь
Намъ нѣтъ возможности васъ встрѣтить такъ,
Какъ было-бъ надо.

Кентъ.

Я пришелъ сюда
Чтобъ пожелать ночей впередъ покойныхъ
Владыкѣ моему и королю...
Его здѣсь нѣтъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Мы главное забыли.
Скажи, Эдмондъ, гдѣ нашъ король и гдѣ
Корделія? (Вносятъ трупы Реганы и Гонерилы.)
Ты видишь это, Кентъ?

КЕНТЪ.

Но что-жь такое это?

ЭДМОНДЪ (въ сторону.)

Былъ же ты
Эдмондъ любимъ! Изъ-за тебя одна
Другую отравила, а затѣмъ
Убила и себя.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Вотъ такъ всегда
Бываетъ!—Лица имъ закройте.

ЭДМОНДЪ (въ сторону.)

Я
Едва уже дышу.—Хоть что-нибудь
И доброе желается мнѣ сдѣлать.
Осилю я мою природу. (Въ слухъ) О!
Скорѣй пошлите, и скорѣй какъ можно,
Въ тюрьму. Моя записка тамъ.—Жизнь Лира,
Корделіи зависитъ отъ нея.—
Скорѣй, скорѣй...

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Бѣгите,—ахъ, бѣгите!
Бѣгите же скорѣй!

ЭДГАРЪ (Эдмонду).

Къ кому, милордъ?
Кому же данъ приказъ? Хоть что-нибудь
Пошлите въ знакъ отмѣны повелѣнья.

ЭДМОНДЪ.

Ахъ, хорошо, что вспомнилъ!—Вотъ мой мечъ...
Отдайте капитану тамъ въ тюрьмѣ.

Герцогъ Альбанскій (Эдгару).

Спѣши, твоею жизнью заклинаю. (Эдгаръ убѣгаетъ.)

Эдмондъ (въ предсмертной истомѣ).

Твоя жена и я, мы приказали
Въ тюрьмѣ Корделію повѣсить... Ей
Самой такую смерть въ вину поставить,
Сказавъ: себя съ отчаянья убила.

Герцогъ Альбанскій.

О, боги, защитите вы ее!—(Указывая на Эдмонда).
Возьмите прочь его отсюда, прочь!

(Входитъ Лиръ съ Корделіей на рукахъ, Эдгардъ, офицеры и другіе.)

Лиръ.

О, войте, войте, войте, войте всѣ!
О, каменные люди! Если-бъ ваши
Глаза и языки моими были,
Я ими-бъ такъ вселенную потрясъ,
Что лопнулъ бы и сводъ небесный!—О,
Ушла она, ушла и навсегда!—
Могу судить, кто умеръ или нѣтъ.—
Мертва, какъ эта мертвая земля!
Скорѣе дайте зеркало, скорѣй!...
И если отъ ея дыханья станетъ
Оно тускнѣть не много иль одно
Хоть пятнышко окажется на немъ,—
Жива!

Кентъ.

Да не кончина-ль это міра?!

Эдгаръ.

Иль образъ страшный ужасовъ ея?

Герцогъ Альбанскій.

На землю пасть и умереть!

Лиръ.

Перо
Вѣдь движится!—Жива, жива она!—

Ахъ, еслибъ такъ!—Я-бъ былъ вознагражденъ
За всѣ мученія, какими только
Когда-либо страдалъ!

Кентъ.

О, господинъ
Мой добрый!

Лиръ.

Прочь, прошу тебя я, прочь!

Эдгаръ.

Вѣдь это честный Кентъ, вашъ вѣрный другъ.

Лиръ.

Чума на васъ, чума на всѣхъ убійцъ,
Предателей!—Я-бъ могъ ее спасти!—
Ея ужь нѣтъ теперь, ушла на вѣки!
Корделія, Корделія, постой!
Да подожди хотя немного! А... чу!
Что говоришь ты?—Голосъ у нея
Всегда былъ тихъ и сладостенъ и нѣженъ!
Для женщины какъ это хорошо!
Раба убилъ я, что тебя повѣсилъ.

Офицеръ.

Такъ точно, лорды, онъ его убилъ.

Лиръ.

А развѣ не убилъ?—Ахъ, было время,
Мой мечъ кусался больно. Всѣхъ бы ихъ
Заставилъ онъ попрыгать!—Старъ я сталъ
И эти всѣ напасти доконали
Меня въ конецъ!—Кто вы такіе—а?
Глаза мои ужь не изъ лучшихъ.—Я
Скажу вамъ прямо...

Кентъ.

Если только счастье
Захочетъ хвастать предъ людьми своей
Любовью къ нимъ или своей враждою
И дать примѣры той или другой,
Одинъ такой мы видимъ передъ нами.

Лиръ.

Туманно какъ-то здѣсь! Не Кентъ ли это?

Кентъ.

Онъ самый, вашъ слуга. А гдѣ-жъ вашъ Кайюсъ?
Что съ нимъ?

Лиръ.

Хорошій былъ онъ малый.—Что
И говорить!—Захочетъ вздуть кого,
Такъ это—сразу, живо у него.
Онъ умеръ ужъ и сгнилъ.

Кентъ.

Ахъ, нѣтъ, милордъ,
Вашъ Кайюсъ—я.

Лиръ.

А это я сейчасъ
Увижу...

Кентъ.

Тотъ, кто съ перваго мгновенья
Несчастныхъ вашихъ ссоръ и вашихъ бѣдъ,
Во слѣдъ вамъ, твердо, неизмѣнно шелъ
Печальной вашею дорогой.

Лиръ.

Радъ
Тебѣ.

Кентъ.

Ни мнѣ и никому другому!—
Безрадостно и мрачно, мертво все.—
Двѣ старшія изъ вашихъ дочерей
Себя ужъ осудили до суда
И умерли съ отчаянія обѣ.

Лиръ.

Да, да, такъ точно думаю и я.

Герцогъ Альбанскій.

Не знаетъ самъ, что̀ говоритъ!—Напрасно
Стараемся о томъ, чтобъ насъ призналъ.

Эдгаръ.

Конечно.

(Входитъ офицеръ.)

Офицеръ.

Графъ Эдмондъ уже скончался...

Герцогъ Альбанскій.

Ну, стоитъ ли объ этомъ говорить!—
Друзья и лорды наши, знайте всѣ
Намѣреніе наше. Мы хотимъ
Все сдѣлать, что лишь только будемъ въ силахъ,
Чтобъ нашего великаго страдальца
Хоть малымъ чѣмъ утѣшить при разгромѣ
Всего, что было дорого ему:
Передаемъ отцу всецѣло нашу
Неограниченную власть, и пусть
Господствуетъ монархъ многострадальный,
Пока онъ живъ. А что до васъ, то мы
Возстановляемъ въ прежней силѣ ваши
Права съ прибавкой почестей, наградъ,
Которыхъ болѣй чѣмъ достойны вы.—
Утѣшу васъ, друзья, за доблесть вашу
И выпьютъ чашу горькую враги!

Лиръ.

И ты, дурашка *) милая моя,
Повѣшена!—Нѣтъ, нѣтъ въ ней болѣй жизни!—
Живутъ же вѣдь собака, лошадь, мышь;
А ты не дышишь? Ты?—И не придешь
Ужь больше никогда и никогда!...
О, никогда! О, никогда!—Скорѣй,
Прошу, тутъ растегните.—Очень, сэръ,
Вамъ благодаренъ!—Видите вы это?—
Смотрите на нее, смотрите... Губки
Ея... Сюда смотрите вы... Сюда
Смотрите... (Умираетъ.)

---

*) Въ подлинникѣ: my poor fool is hang'd. Буквально „мой бѣдный шутъ (или дуракъ) повѣшенъ". *Стивенсъ* справедливо говоритъ, что тутъ poor fool есть выраженіе нѣжности, обращенное Лиромъ къ умершей Корделіи.

Перев.

Эдгаръ.

Дурно съ нимъ... Милордъ, милордъ!

Кентъ.

О, разорвися сердце, разорвись,
Молю тебя.

Эдгаръ.

Взгляните, государь!—

Кентъ.

Нѣтъ, духа не тревожь его, не мучь.
Пусть мирно отойдетъ. Возненавидитъ
Онъ тѣхъ, кто долѣе его задержитъ
Въ жестокихъ пыткахъ этой жизни.

Эдгаръ.

О,
Ужь умеръ онъ на самомъ дѣлѣ!

Кентъ.

Чудомъ,
Захватомъ уже лишнимъ жизни было
И то, что выносилъ такъ долго онъ
Такія тяжкія страданья здѣсь.

Герцогъ Альбанскій.

Теперь несите ихъ отсюда. Первой
Заботой будетъ общее намъ горе.
(Кенту и Эдгару.)
Друзья моей души, возьмите оба
Правленье на себя, и государство
Облитое такъ кровью поддержите!

Кентъ.

Я скоро, сэръ, отправлюсь въ путь туда,
Куда мой государь зоветъ меня!—
Ему повиноваться долженъ я.

Герцогъ Альбанскій.

И мы, невольно повинуясь гнету
Минуты горестной, здѣсь говоримъ

Лишь то, что чувствуемъ, не то, чтобъ должно
Намъ было говорить.—Онъ, престарѣлый,
Страданій столько вытерпѣлъ, что намъ
И юнымъ не подъ силу было-бъ вынесть,
И какъ онъ жилъ, намъ долго-бъ не прожить.

(Уходятъ всѣ за похороннымъ маршемъ.)

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
5	7 св.	приняли,	пріяли,
6	12 сн.	металла	метала
9	1 сн.	О, мужественный	О, могущественный
11	12 св.	Убей врага	Убей врача
38	6 сн.	Боги всемогущіе	Боги всемогущи
56	14 св.	король	король—
63	1 сн.	поработать	неработать
64	11 св.	лишь дождикъ	какъ дождикъ
65	3 сн.	издохни сонъ проклятый	издохните вы сномъ
69	3 сн.	Регана, ты.... ты за руку берешь ее	Регана, ты... ты за руку берешь Ее
78	3 сн.	Бѣснуйтеся и дуйте, вѣтры, такъ	Бѣснуйтесь, злитесь, дуйте, вѣтры, такъ
80	19 св.	Здѣсь его милость и его исподнее платье	Здѣсь его милость и его изнанка *)
82	3 сн.	жителямъ	зрителямъ
84	17 св.	Въ моей душѣ всѣ чувства заглушила.	Въ моей душѣ въ ней чувства заглушила
87	1, 2 и 3 св.	Природу. Мода что-ли ужъ такая	Природу. Мода что-ли ужъ такая—
		Ведется—истреблять отцéвъ нещадно	Нещадно истреблять отцевъ за то,
		За то, что дѣти выгнали ихъ вонъ.	Что ихъ же дѣти выгнали ихъ вонъ.
97	3 сн.	жесткія сердца	жестокія сердца
97	18 сн.	будьдога	бульдога
98	12 сн.	тамъ ты найдешь	найдете тамъ
104	14 сн.	что вы хотите дѣлать?	что дѣлать вы хотите?!
107	23 св.	не нужно зрѣнія мнѣ	не нужно зрѣнье мнѣ
107	4 св.	Не бурями	Но бурями
107	12 св.	Отца	отца
139	11 сн.	Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ	Разбитый, въ хáосъ страшный превращенный,
141	12 св.	лачугѣ нищей	лачугѣ грязной
146	10 сн.	но противъ	не противъ
146	1 сн.	ко-же	Однако-же
147	15 св.	Приличнѣй было бы такъ	Приличнѣй было-бъ такъ
158	1 сн.	мо ты знаешь хорошо	письмо ты знаешь хорошо
161	13 св.	разорвалося на части	разорвáлося на части

*) Въ подлинникѣ: „here's grace and a cod-piece", т.-е. „здѣсь его милость и гульфикъ штановъ". Стивенсъ видитъ въ этомъ намекъ на современную Шекспиру поговорку: „ниже пояса нѣтъ благоразумія!"

Примѣчаніе къ 9 строкѣ 11 страницы:

Во всѣхъ изданіяхъ Шекспира до Колльера: if on the tenth day, въ нашемъ переводѣ: „Но ежели въ десятый день; то же указаніе на десятый день сохранено во всѣхъ переводахъ нѣмецкихъ, намъ извѣстныхъ до 1873 года. Въ изданіи же Колльера: if on the seventh day; и согласно чему слѣдуетъ въ переводѣ читать: „Но если утро въ день седьмой". Н. Кетчеръ слѣдуетъ въ этомъ мѣстѣ своего перевода колльеровскому изданію.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція окрыта ежедневно отъ *2-хъ* до *4-хъ* часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. **Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.**

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ
НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

IV *).

Маленькая квартирка Лампадова захлебнулась народомъ. Чиновные господа и важныя барыни, смиренные крестники и крестницы, захолустенскіе обитатели и обитательницы, попы и пѣвчіе— все это приходитъ и уходитъ, вздыхаетъ и охаетъ, философствуетъ и судачитъ вокругъ темнаго бархатнаго гроба, покрытаго тяжеловѣснымъ парчевымъ покровомъ. Старикъ лежитъ, какъ живой, съ покойною улыбкой на исхудаломъ, пожелтѣвшемъ лицѣ, точно видя и слыша все, что происходитъ вокругъ него среди этихъ «людишекъ». Но людишкамъ нѣтъ никакого дѣла до того, слышитъ ли онъ ихъ или не слышитъ, и продолжаютъ они свои толки и судаченья, разсматриваютъ они и гробъ, и покровъ, оцѣниваютъ, во что обойдутся похороны, разсуждаютъ о томъ, кто хоронитъ и изъ какихъ средствъ.

— Извѣстно, Орловы хоронятъ! Кому же больше. Другой родни нѣтъ.

— Ну, и вскочитъ же имъ въ копѣечку! У самихъ-то не густо тоже. Сынокъ-то, какъ видно, высоко разлетѣлся да низко сѣлъ. Что-то особыхъ капиталовъ не проявляетъ. Вонъ сынокъ-то Пахомова второй домъ возводитъ, а этотъ полеталъ, полеталъ да на старый нашестъ сѣлъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

— Видно отъ покойника заполучили малую толику! Не раскошелились бы изъ своихъ-то денегъ.

— Гдѣ ужь изъ своихъ! Видно кое-что прибагорили. Тоже люди не промахъ,—охулки на руку не положатъ...

— Дѣло темное, а ужь конечно не безъ того. Такъ-то бы съ чего имъ пыжиться.

— Молодой-то Орловъ, Дмитрій-то Андреевичъ, призвалъ это гробовщика и говоритъ: «дѣлайте все, какъ для покойной сестры Феопемпта Григорьевича дѣлали». И что стоить будетъ, не спросилъ. «Какъ, говоритъ, тогда дѣлали, такъ и теперь тѣмъ же манеромъ и по тѣмъ же счетамъ дѣлайте».

— Ишь форситъ тоже!

— Не изъ своего-то можно!

— Это что говорить! Завсегда можно!

Кумушки начинаютъ шептаться о слухахъ, что Анна Андреевна успѣла кое-что взять.

— Много ли, мало ли—не извѣстно, а взяла. Это ужь вѣрно! Конечно, и она, и Магдалина, и Назарьевна,—вотъ та, что рядомъ со старикомъ-то живетъ,—росписку дали, что ничего не взято, да вѣдь бумага-то все терпитъ. Давай что хочешь подписать—подпишемъ. Совѣсть-то въ карманъ спрятать можно. Не высунется оттуда!

Къ Дмитрію Андреевичу подходитъ какая-то обтерханная, не первой молодости, женщина съ претензіями на благородство, выражающееся истрепаннымъ перомъ на шляпѣ и потрескавшимися отъ времени перчатками съ распоровшимися и развороченными концами пальцевъ на рукахъ. Она жеманно и слащаво проситъ не оставить ее.

— Папаша крестный всегда помогалъ мнѣ и говорилъ, что его наслѣдники и послѣ его смерти меня не оставятъ,—лжетъ она, не смущаясь, такъ какъ обличить ее ужь некому. — Конечно, я не имѣю никакихъ правъ на наслѣдство, но я надѣюсь, что вы мнѣ поможете изъ того, что вамъ осталось.

— Мнѣ ровно ничего не осталось,—сухо отвѣчаетъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, все же... Вы такой близкій родственникъ... Папаша крестный и умеръ на рукахъ вашей сестры... Мы очень хорошо знаемъ, что у папаши крестнаго были средства,—онъ всѣмъ намъ никогда не отказывалъ, никогда...

— То-есть кому это *вамъ*?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Мнѣ и брату моему... Мой братъ говоритъ: «мы, Вѣра, конечно по закону не имѣемъ права чего-нибудь требовать,—законъ не за насъ; но Дмитрій Андреевичъ тоже благородный человѣкъ и поможетъ намъ, если ужъ все ему досталось, если папашу крестнаго отговорили сдѣлать формальное духовное завѣщаніе, гдѣ нашлось бы и намъ мѣстечко». Папаша крестный вѣдь всегда говорилъ мнѣ: «Вѣра, я тебя въ духовной не забуду».

— Мнѣ очень грустно, что вашъ братъ ошибся: я ничего не наслѣдовалъ и ничего не могу дать,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Это даже довольно странно слышать отъ васъ, когда всѣ говорятъ совсѣмъ противное,—проговорила благородная дама.

— Я могу только посовѣтовать вамъ не вѣрить всѣмъ слухамъ.

Дмитрія Андреевича начинало это бѣсить и тревожить. Онъ не зналъ, что дѣлать: сунуть что-нибудь этой попрошайкѣ—это значило заявить ей прямо, что онъ что-то получилъ послѣ дяди; не дать ей ничего—это значило раздражить ее и вызвать злыя сплетни. Его коробило при мысли, что онъ впутался по милости сестры въ очень непріятную исторію.

Андрей Ивановичъ тоже совершенно случайно уловилъ разговоръ двухъ неизвѣстныхъ ему лицъ, говорившихъ очевидно о наслѣдствѣ Лампадова.

— Да вотъ аукціонъ будетъ, все окажется. Я всѣ вещи его знаю. Изъ краснаго бумажника всегда деньги доставалъ...

— Да у него и книжка была, куда все записывалъ. Распутать-то все можно, какъ ни скрывай концы.

— Говорятъ, приставъ снялъ показаніе, что ничего не трогали...

— Ну, знаемъ мы эти показанія! Постращать старушекъ-то божіихъ, такъ всю подноготную выложатъ.

— Это что говорить! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! А не похвалятъ за это.

— Ужъ чего хвалить за грабежъ-то...

— Ссылаютъ за это...

— Еще какъ отлично!...

Андрей Ивановичъ вечеромъ тихонько позвалъ Дмитрія Андреевича въ его комнату, притворивъ за собою таинственно двери, чтобъ его не слыхали ни Леша, ни Анна Андреевна, и ше-

потомъ сказалъ сыну, что онъ снесетъ всѣ взятыя вещи Ламнадова обратно въ квартиру старика.

— Осторожность, Митя, не мѣшаетъ,—замѣтилъ старикъ.— Я слышалъ сегодня такой разговоръ, что нужно быть осторожнымъ...

— Да ужь и я наслушался... Заварила Аня кашу!—раздражительно сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ничего, ничего, Митя... Все это пустяки... Ей-то, бѣдной, только тяжело... Не говори ей ничего, не намекай,—и такъ убита... Бояться намъ нечего... У покойнаго каждая копѣйка записывалась, такъ все дѣло-то, какъ на ладони, ясно... Ну, а снести вещи надо, чтобы при описи все было на своемъ мѣстѣ... Толковъ, конечно, теперь ничѣмъ не прекратишь... Ну, да вѣдь и такъ, и эдакъ сдѣлай, а люди все толковать будутъ по-своему...

Старикъ грустно усмѣхнулся.

— Вотъ мы говорили, что если бѣдно станемъ хоронить старика, скажутъ, что ограбили да и хоронить порядочно не хотятъ... А теперь хоронимъ хорошо,—говорятъ, что видно много загребли денегъ, если такъ пыжатся... Ахъ, люди, люди, бѣднота горемычная!...

Старикъ началъ забирать ламнадовскія вещи, еще разъ прося сына не говорить ничего Аннѣ Андреевнѣ, убитой горемъ.

И точно, Анна Андреевна была убита горемъ. Ни отецъ, ни братъ не намекали ей ни на что непріятное, но она какъ будто все слышала, все чутьемъ угадывала. Мало того, что она, въ суевѣрномъ ужасѣ, не могла смотрѣть на покойника, точно боясь прочитать на его лицѣ упрекъ за то, что въ послѣднюю минуту его жизни она думала не о немъ, добромъ своемъ покровителѣ, а объ деньгахъ. Мало того, что она упрекала себя за то, что она какъ будто ускорила его смерть своими приставаньями насчетъ исповѣди,—она слышала вокругъ себя толки злыхъ языковъ о наслѣдствѣ, о томъ, что, слава Богу, ей удалось хоть что-нибудь спасти. Какъ простая женщина, незнающая законовъ, она рисовала въ своемъ воображеніи страшные ужасы. Ей казалось, что ее, брата и отца притянутъ къ суду за кражу имущества, что ихъ засадятъ въ тюрьму, затаскаютъ по судамъ, засудятъ и сошлютъ, какъ воровъ, въ Сибирь. Она сознавала теперь, что она не только своего грѣха не отмолитъ никогда, но и погубитъ всю свою семью. Всю жизнь они прожили честно и вдругъ по ея милости они сдѣлались ворами. И ничѣмъ, ни-

чѣмъ теперь нельзя было помочь. Стали бы они хоронить Лампадова кое-какъ,—злые языки начали бы толковать, что они ограбили да еще и хоронить порядочно не хотятъ; хоронятъ они теперь хорошо старика,—злые языки говорятъ, что видно порядочно хапнули, если такіе похороны устраиваютъ. Хуже всего для нея было то, что она боялась говорить объ этомъ съ отцомъ и братомъ, боялась ихъ упрековъ. А тутъ еще какъ на зло Назарьевна охаетъ и такъ длинно, длинно разсказываетъ ей, какъ у нея, у Назарьевны, и рученьки, и ноженьки отнялись, какъ у нея лихоманка сдѣлалась, когда ей приказалъ приставъ росписаться. Грѣхъ-то какой она, Назарьевна, взяла на душу; конечно, своему человѣку помочь хотѣла, не худа желала, а все же гдѣ рука, тамъ и отвѣтъ. Тоже на старости лѣтъ не сладко, если разузнаютъ. Она ужь и молчитъ о томъ, какъ что было. Только одной своей товаркѣ, какъ на исповѣди, все разсказала, сердце облегчить хотѣла, а то умирать будетъ — попу на духу не скажетъ. Это была такая душевная пытка для Анны Андреевны, какой никогда въ жизни не выносила еще несчастная дѣвушка. Нервы были разстроены до послѣдней степени, а тутъ еще эти панихиды, заунывное пѣніе, монотонное чтеніе чтальщика, жалкія и страшныя слова,—однимъ словомъ, все то, что точно нарочно придумано именно такъ, чтобъ окончательно измучить и безъ того измученную утратою и горемъ душу. Какіе-нибудь два дня до похоронъ показались несчастной дѣвушкѣ вѣчностью.

Наконецъ, похороны кончились и Аннѣ Андреевнѣ стало какъ будто немножко легче,—она по крайней мѣрѣ не видѣла теперь передъ собою этого мертваго человѣка, не слышала толковъ этихъ живыхъ людей, въ ея ушахъ не раздавалось тоскливаго пѣнія. Но облегченіе явилось только на время: она не могла подавить упрековъ совѣсти и не могла запретить людямъ врываться въ домъ къ ея семьѣ. Нѣсколько ночей подрядъ она просыпалась въ холодномъ поту отъ одного и того же сна: къ ней приходилъ Лампадовъ, такой страшный, съ такой насмѣшливой улыбкой, садился около нея и будилъ ее словами: «Аннушка, я вѣдь еще живъ!» Она плакала и молилась, и чѣмъ сильнѣе было ея нервное возбужденіе, тѣмъ чаще повторялось это страшное, однообразное сновидѣніе. Оно пугало, оно доводило до ужаса именно своимъ однообразіемъ. Ложась спать, она уже съ ужасомъ ждала, что вотъ-вотъ она закроетъ глаза, задремлетъ и тотчасъ же явится къ ней Лампадовъ, подойдетъ такъ близко-близко, сядетъ

подлѣ нея, и опять услышитъ она тихій, протяжный голосъ: «Аннушка, я вѣдь еще живъ!» А днемъ то какая-нибудь посаженая дочь старика, то какая-нибудь его крестница, то какой-нибудь его воспитанникъ являлись къ Орловымъ и просили помощи и помощи, дѣлая намеки на то, что Орловы получили наслѣдство, что Орловы въ своихъ интересахъ помѣшали старику написать завѣщаніе, что во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано нехорошее и незаконное. Одни говорили нагло, грозили доносомъ, бранились; другіе хныкали, упрекали, ноющимъ тономъ повторяли на всѣ лады: «Богъ вамъ судья! Богъ вамъ судья!» Трудно сказать, которые изъ этихъ людей больше терзали Анну Андреевну; ей были тяжелы объясненія и съ тѣми, и съ другими, а объясняться было нужно. Она боялась допускать этихъ людей до отца и брата, чтобы не подлить масла въ огонь, но сама она не умѣла говорить съ ними; она ныла и плакала при нихъ; она въ чемъ-то оправдывалась и путалась. И чѣмъ больше она путалась, тѣмъ наглѣе становились эти люди. У нихъ не было никакихъ правъ, но они пробовали половить рыбу въ мутной водѣ, они пробовали сорвать хоть что-нибудь при помощи застращиванія. Наконецъ Анна Андреевна не выдержала и въ одинъ прекрасный день Андрей Ивановичъ былъ сильно изумленъ и взволнованъ ею, когда она вдругъ бросилась къ нему съ рыданіями на грудь.

— Папа, голубчикъ, не могу я больше, не могу такъ жить!— зарыдала она.—Въ монастырь я хочу... Грѣхи свои замолить нужно... Грѣшница я окаянная... Всю жизнь была грѣшницей... Только о деньгахъ думала... Людей не любила...

Это были чисто истерическія восклицанія и слезы.

— Аннушка, полно, полно, голубушка!—уговаривалъ ее смущенный старикъ.—Зачѣмъ же въ монастырь? Отдохнешь немного, успокоишься...

— Нѣтъ, нѣтъ, не отдохну, не успокоюсь я здѣсь... Молиться мнѣ нужно... Дядя все приходитъ, каждую ночь приходитъ... «Живъ я еще», говоритъ, и грозитъ, грозитъ... Съ ума я сойду!...

Старикъ перекрестился и покачалъ головой.

— Все это суевѣріе, Аннушка, воображеніе и мечта только,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорила Анна Андреевна, плача,—это онъ меня укоряетъ за то, что умеръ безъ покаянія... Самъ говорилъ

мнѣ, что къ этому приготовиться надо... А я торопила, раздражала его,—въ сердцахъ онъ и умеръ... Грѣхъ этотъ мнѣ замолить надо... Знаю я, что люди будутъ говорить: «вотъ старика-отца бросила»... Да не могу я, голубчикъ, не могу здѣсь оставаться... И вамъ лучше будетъ... Я знаю, что Маѳа...

— Ну, что ты о Маѳѣ!—почти испуганно сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и передъ ней я много виновата... Я теперь передъ всѣми виновата и каюсь во всемъ...

Старикъ не возражалъ. Онъ даже не радовался теперь возможности поселиться съ Маѳой, возможности не слыхать упрековъ дочери. Все это замерло въ немъ, отошло куда-то въ далекое прошлое при видѣ ея мученій и ея душевной скорби. Ему вспоминалось только то, что она пережила, и онъ вовсе не думалъ о томъ, что онъ пережилъ изъ-за нея. Вечеромъ онъ сообщилъ о ея рѣшеніи Дмитрію Андреевичу и даже прослезился.

— Что-жь, отецъ, пусть идетъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что обо мнѣ говорить! Я о себѣ и думать забылъ,—отвѣтилъ старикъ.—Ее заживо хоронимъ, а вѣдь тоже для насъ жила.

— Знаю, отецъ, знаю,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ, тронутый словами старика.—И вѣрь мнѣ, что многое бы я сдѣлалъ, чтобы все сложилось иначе, да...

— Не говори, не говори, Митя!... Развѣ я не понимаю, что ты тоже для насъ живешь... Слава Богу, что бы между нами ни было, какіе бы черные дни мы ни переживали, а любить другъ друга любили, дѣлали другъ для друга все, что могли... Потому-то и тяжело хоронить ее за-живо...

Далеко за полночь бесѣдовали отецъ и сынъ объ Аннѣ Андреевнѣ. Имъ хотѣлось по возможности устроить получше ее въ монастырѣ, если ужь нельзя было удержать ее дома. Они боялись, что ей будетъ тяжело на первыхъ порахъ быть чернорабочей въ монастырѣ, и именно отъ этого-то чернаго труда нужно было ее избавить, сдѣлавъ за нее вкладъ въ монастырь.

Но у Анны Андреевны точно камень съ души спалъ, когда она пришла къ этому рѣшенію, и ее вовсе не страшила мысль о томъ, что ее ждетъ грубая монастырская работа. Ей вдругъ стало легко. Ее охватило чувство смиренія. Ей захотѣлось примириться со всѣми, вымолить у всѣхъ прощеніе. Теперь ее простятъ люди, а тамъ постомъ и молитвой загладитъ она свои грѣхи

и передъ Богомъ. Если они простятъ, проститъ и Онъ. Онъ—сама любовь, сама благость. Она приготовлялась къ монашеству, какъ приготовляются къ смерти. Андрей Ивановичъ со слезами на глазахъ разсказывалъ Дмитрію Андреевичу, какъ Анна Андреевна посѣтила Маруу и просила у той прощенія, просила ее беречь его, Андрея Ивановича.

— Руки цѣловала у нея, у Маруы-то, руки цѣловала, Митя,—говорилъ онъ.—Просила меня беречь, Лешу беречь... А Маруа... Маруа простой человѣкъ, тоже плачетъ, — жаль ей Аннушку...

Съ тѣмъ же смиреніемъ просила Анна Андреевна прощенія у Леши, у отца, у брата. Она отыскала даже Настю и покаялась передъ той. И чѣмъ больше она каялась передъ ближними, чѣмъ больше смирялась передъ ними и унижала себя, тѣмъ яснѣе становилось у ней на душѣ, какъ будто отъ нея отпадало все житейское, всѣ мелочи, всѣ дрязги, всѣ грѣховные помыслы міра.

Когда она, затихшая, спокойная, удалялась изъ роднаго дома, удалялась навсегда,—Дмитрій Андреевичъ невольно позавидовалъ ей. Кто такъ вѣритъ, тотъ имѣетъ еще въ жизни спасительную пристань отъ бурь и невзгодъ, тотъ можетъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить въ душѣ пустоту, оставшуюся послѣ обманутыхъ надеждъ и разочарованій. А гдѣ эта спасительная пристань у тѣхъ, кто давно утратилъ эту вѣру? Гдѣ эта спасительная пристань у него? Кругомъ все идетъ скверно, всѣ надежды обманываются на каждомъ шагу, дѣятельность не даетъ никакихъ видимыхъ благотворныхъ результатовъ, въ душѣ зарождаются раздражительность, уныніе, отчаянье, апатія и наступаетъ ощущеніе какой-то пустоты, желаніе куда-то бѣжать, бѣжать. Но куда бѣжать? Убѣжать можно отъ окружающихъ событій, отъ близкихъ людей, но нельзя убѣжать отъ себя, отъ сознанія, что ты ничего не могъ сдѣлать, что ты оказался лишнимъ, что ты только вычеркнулъ себя изъ жизни, но не принесъ пользы ни другимъ, ни себѣ, ни своимъ трудомъ, ни своимъ бѣгствомъ. А она и ей подобные бѣгутъ отъ жизни съ твердою вѣрой, что именно теперь-то они и спасутъ и себя, и ближнихъ постомъ и молитвой, какими-нибудь великими подвигами и самопожертвованіями. Это—самообманъ. Да, самообманъ для тѣхъ, кто не вѣритъ, но не для того, кто вѣритъ. Да что же, по большей части, какъ не самообманъ—и всѣ другія упованія и вѣрованія? Дмитрію Андреевичу вдругъ вспомнилась княжна: по странному сочетанію идей она часто вспоминалась ему, когда онъ думалъ о сестрѣ, и наобо-

ротъ, думая о княжнѣ, онъ часто вспоминалъ сестру, точно обѣ эти личности имѣли что-то общее между собою, родились для подвижничества и внѣ этого подвижничества не могли жить, не понимали смысла въ жизни. Развѣ княжна, бѣжавшая отъ свѣтской жизни, отдавшаяся обученію крестьянскихъ ребятишекъ и посильнымъ заботамъ объ окружавшемъ ее народѣ, пожертвовавшая этому дѣлу всѣми свѣтскими удовольствіями, всѣмъ личнымъ спокойствіемъ, всѣми удобствами праздной жизни богатой барышни, не была счастлива именно потому, что у нея была эта вѣра, эта способность къ самообману?

Именно этого не было у него, у Орлова, и потому онъ чувствовалъ, что онъ несчастнѣе этихъ людей. Онъ былъ трезвѣе ихъ, а трезвость, какъ говорятъ не даромъ поэты, есть уже начало несчастія. Хорошо живется на Руси только пьяному... Да нѣтъ, и вообще на свѣтѣ, по выраженію Бодлера, если хочешь быть счастливымъ, то долженъ чѣмъ-нибудь опьяняться. Онъ, Орловъ, работалъ, онъ лихорадочно брался за всякое дѣло, а внутри его какой-то злой духъ, казалось, нашептывалъ ему: «опять въ бѣличье колесо залѣзъ, опять топчешься на одномъ мѣстѣ». Въ этомъ былъ трагизмъ его жизни и, можетъ-быть, трагизмъ сотенъ тысячъ людей, еще не дошедшихъ до той грани, за которою люди говорятъ: «было бы только мнѣ хорошо».

Что-то странное произошло въ семьѣ Орловыхъ съ отъѣздомъ Анны Андреевны: Дмитрій Андреевичъ сразу заторопился тоже устроиться по-новому, на отдѣльной квартирѣ, а Андрей Ивановичъ сразу понялъ, что теперь сынъ долженъ устроиться иначе и что такъ будетъ лучше, хотя они еще не обмѣнялись по поводу этого ни словомъ, ни намекомъ. Оба какъ-то безсознательно, чутьемъ, угадывали, что старикъ стѣснится поселить въ своей квартирѣ Маѳу при сынѣ, а если и поселитъ, то отношенія будутъ неловкія, натянутыя; между тѣмъ безъ Маѳы старику было уже трудно жить и Дмитрій Андреевичъ сознавалъ, что она теперь его отцу гораздо нужнѣе, чѣмъ онъ, что онъ можетъ только дать средства отцу для безбѣднаго существованія, но и только, тогда какъ Маѳа создастъ для старика снова домашній очагъ, семью. Но, сознавая это, Дмитрій Андреевичъ и Андрей Ивановичъ долго избѣгали начать объ этомъ разговоръ, какъ будто боясь, что ихъ толки объ этомъ будутъ невѣрно поняты, неловко перетолкованы. Наконецъ Дмитрій Андреевичъ рѣшился коснуться этого вопроса первый.

— Ну, теперь мнѣ можно при случаѣ перебраться и поближе къ суду,—замѣтилъ онъ разъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, точно говоря о пустякахъ.

— Да, да, очень далеко отсюда до суда, Митя, очень далеко,—согласился съ нимъ старикъ и началъ серьезно распространяться о практической, матеріальной части вопроса.

— Конечно, сразу на первую попавшуюся квартиру нечего бросаться,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Торопиться нечего...

— Конечно, конечно. Чего торопиться!—согласился старикъ.—Слава Богу, уголъ есть. А подыщется хорошенькая квартирка въ тѣхъ краяхъ, упускать не слѣдуетъ... Живя въ нашей трущобѣ, безъ практики насидишься... Я-то ужь тутъ обжился, Митя, дотяну вѣкъ въ захолустьи, а тебѣ тоже не очень-то выгодно захолустенскимъ адвокатомъ быть... Хе-хе-хе, захолустенскій адвокатъ—тоже не важная птица.

Онъ засмѣялся старческимъ смѣхомъ. Услышавъ этотъ смѣхъ, Дмитрій Андреевичъ внезапно тоже повеселѣлъ, точно ему легче стало.

— Я къ тебѣ, отецъ, часто забѣгать стану,—сказалъ онъ.

— Приходи, приходи, голубчикъ... Не чужіе, слава Богу!... Вотъ и я заверну посмотрѣть, какъ устроишься... Ты у меня смотри, заправскимъ адвокатомъ устройся, чтобъ это бронза, ковры вездѣ... Хе-хе-хе!

— Ну, да, бронза, ковры... А пироги-то все-таки къ тебѣ придется ходить ѣсть...

— Ну, насчетъ пироговъ—это ужь мы, захолустенцы, спеціалисты... У насъ вѣдь съ чѣмъ угодно—и съ солеными груздями да съ кислой капустой, и съ сигомъ да съ вязигой,—одно слово, спеціалисты по пирожной части... А тамъ у васъ вѣдь все больше насчетъ устрицъ, да шампанскаго,—тоже не богъ знаетъ какая сытость отъ этого...

Старикъ обернулся къ Лешѣ и потрепалъ его по плечу.

— Вотъ и молодецъ нашъ иногда спровѣдать тебя забѣжитъ...

— Я, братецъ, забѣгу, непремѣнно забѣгу... Я, братецъ, вездѣ дороги знаю,—скороговоркой отозвался Леша.—И скоро, скоро я хожу, братецъ!... Мигомъ!

— Все, знаешь, легче, когда вѣсточку получишь, какъ и что,—продолжалъ старикъ.—Свои люди, свои... Одному-то тебѣ, конечно, скучновато будетъ, да что дѣлать?—служба, дѣла... Такъ-то, безъ дѣлъ-то, безъ службы-то, мы и все бы обнявшись си-

дѣли, а при службѣ нельзя, нельзя... Ну, а тамъ, можетъ-быть, Богъ дастъ, и женишься, своей семьей обзаведешься... Твоя жизнь впереди...

— Ну да, танцевать на свадьбѣ будешь, такъ женюсь, а то не хочу,—шутилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, шутникъ! Ахъ, шутникъ! Да ты только женись, а тамъ,—вѣдь танцы-то послѣ вѣнчанья бываютъ,—ну, и не развѣнчаешься, если скажу, что ноженьки больше не пляшутъ...

Старикъ перемѣнилъ шутливый тонъ на серьезный:

— Нѣтъ, точно, Митя, плохо бобылемъ жить, плохо! Уголъ свой, гнѣздышко свое — вотъ что нужно человѣку... Что ты тамъ ни толкуй о дѣлахъ, о службѣ, объ обществѣ, а все же нѣтъ-нѣтъ да и скажется на душѣ, что бобыль ты, что и много у тебя заботъ, и много у тебя друзей, а все же одинъ и одинъ ты...

— Знаю, отецъ, знаю, — со вздохомъ отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ,—да спустя лѣто по малину не ходятъ!

— Ну вотъ, ну вотъ выдумалъ! Скажите, перестарокъ какой!... Ахъ, ты проказникъ! Да въ твои годы какъ разъ пора жениться!... Да за тебя любая съ ногами и съ руками пойдетъ...

Повидимому, все сложилось отлично.

И все же тоскливое чувство охватило Дмитрія Андреевича, когда онъ вдругъ очутился одинъ въ новой квартирѣ. «Ну, вотъ, и пошла жизнь бобыля», невольно мелькнуло въ его головѣ. Онъ былъ одинокъ и въ провинціи, но тогда онъ еще рвался въ Петербургъ, къ семьѣ, мечталъ о женитьбѣ. Тогда у него были еще кое-какія иллюзіи. Теперь ничего этого не было. Онъ понималъ, что отъ своей семьи онъ отрѣзанъ, что для него умерла сестра, что отцу и Лешѣ лучше и удобнѣе безъ него подъ крыломъ и опекой простой деревенской женщины, что женитьба... онъ даже не могъ мечтать о ней, потому что изъ окружавшихъ его теперь женщинъ еще ни на одной не останавливалось его вниманіе, ни къ одной онъ не чувствовалъ даже той чисто братской симпатіи, какую пробуждала въ немъ княжна. Годы той юности, когда человѣкъ способенъ на безумную страсть, на всевозможныя, самыя невообразимыя глупости, для него, казалось, давно прошли. Вмѣстѣ съ этою юностью въ душѣ его давно исчезла чистота чувства въ сношеніяхъ съ женщинами и явилась извѣстная доля скептицизма и даже цинизма, подсказывавшаго, подобно злому демону, что вотъ эта женщина хочетъ себя

продать повыгоднѣе, что вотъ ту женщину хотятъ продать ея ближніе, что одна выставляетъ, какъ приманку, на показъ свои таланты, знанія и умъ, подлавливая жениховъ, что другая для тѣхъ же цѣлей декольтируетъ свои плечи и грудь, щеголяетъ своими роскошными волосами и кокетничаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, такъ какъ среди этихъ встрѣчныхъ можетъ навернуться и женихъ. И чѣмъ удачнѣе шли его дѣла, чѣмъ громче дѣлалось его имя, чѣмъ извѣстнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе скептически начиналъ онъ относиться къ женщинамъ и къ людямъ вообще. Онъ сознавалъ, что потому, что онъ входитъ въ моду, за нимъ начинаютъ ухаживать матери взрослыхъ дочерей, взрослыя дѣвушки начинаютъ кокетничать съ нимъ, чужія жены только того и ждутъ, чтобъ онъ соблазнилъ ихъ и увлекъ на адультеръ. Эти легкіе успѣхи не наполняютъ душевной пустоты, но подрываютъ въ душѣ послѣдніе остатки уваженія къ женщинамъ. Еще недовѣрчивѣе относился онъ къ массѣ людей, напрашивавшихся къ нему въ друзья, въ пріятели, въ товарищи. Явились у него вдругъ какіе-то товарищи по-гимназіи, памятные ему только потому, что они насмѣхались въ гимназіи надъ его заплатанными сапогами, надъ розовою помадой на его головѣ и надъ заносимыми имъ въ классы клопами; отыскались у него и университетскіе пріятели, глядѣвшіе на него въ университетѣ свысока сквозь pince-nez и монокли, потому что онъ былъ просто Орловъ, а они—графы такіе-то и князья сякіе-то. Теперь эти люди по тѣмъ или другимъ причинамъ вдругъ оказались его лучшими друзьями. Они вспоминали свѣтлые годы юношеской пріязни, они разсказывали ему о какихъ-то трогательныхъ сценахъ изъ ихъ школьной дружбы и въ концѣ концовъ просили взаймы денегъ или совѣта, какъ бы вывернуться изъ грязнаго дѣльца чистенькими и сухенькими. И чѣмъ больше становилось число этихъ женщинъ, стремившихся съѣздить съ нимъ изъ маскарада къ Доротту, гдѣ вчера онѣ были съ другимъ мужчиной, чѣмъ больше было этихъ друзей дѣтства и юности, старавшихся, обнимая его, пощупать бумажникъ въ его карманѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ одиночество и тоску. Ни литературная работа, стѣсненная внѣшними условіями, ни адвокатская практика съ ея вѣчными безплодными защитами голодныхъ Ивановъ, оправдываемыхъ для того, чтобы снова попасть на скамью подсудимыхъ, и съ гражданскими дѣлами, ведущимися только ради гроша, безъ сознанія чистоты и правильности иска,—ничто не могло наполнить

душевную пустоту и Орловъ все чаще и чаще заходилъ къ отцу поѣсть пироговъ Мареы Ивановны, посмѣяться и побалагурить съ отцомъ и Лешей, отвести душу въ кругу этихъ совсѣмъ простыхъ людей.

Въ это же время онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сталъ сближаться съ княземъ Александромъ Александровичемъ Русовымъ и съ Настей.

V.

Прошло болѣе полугода съ того дня, когда Дмитрій Андреевичъ вернулся снова въ Петербургъ, но онъ все еще не могъ выбрать минуты, чтобъ отыскать князя Русова и Настю. Онъ нѣсколько разъ назначалъ себѣ день для этого, но когда этотъ день наставалъ, у Орлова являлись вдругъ неотложныя дѣла, другіе неизбѣжные визиты, и день свиданія съ княземъ и Настей откладывался снова. Орловъ самъ не сознавался передъ собою, что онъ словно боится этого свиданія, словно избѣгаетъ его. Можетъ - быть этого свиданія и вовсе не произошло бы, еслибы не случай. Какъ-то разъ Дмитрій Андреевичъ зашелъ въ одинъ изъ голландскихъ магазиновъ въ Гостиномъ дворѣ купить какія-то мелочи, носовые платки, кашне, галстухъ. Покуда онъ пересматривалъ поданныя ему вещи, сзади него раздался мягкій женскій голосъ. Онъ невольно быстро обернулся, узнавъ сразу этотъ голосъ, и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настей. Она была одѣта вся въ сѣрое, скромно, просто, но изящно и со вкусомъ. У обоихъ разомъ вырвались восклицанія: «Настя!... Митя!»— и въ ту же минуту оба какъ будто сконфузились, точно испугались. Онъ сжалъ ея руку, пробормоталъ что-то о неожиданной встрѣчѣ и оба купили не то, что имъ было нужно, торопясь вырваться изъ магазина, уйти отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ случайныхъ свидѣтелей ихъ встрѣчи. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, чѣмъ-то безотчетнымъ.

— Митя, я только на дняхъ узнала, что ты давно уже пріѣхалъ,—сказала она, выходя изъ магазина.—Я думала, ты сердишься...

— Нѣтъ, помилуй, за что же!—отвѣтилъ онъ, досадуя на свое смущеніе.—Не могъ отыскать тебя... И времени не было,—столько хлопотъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ?—спросила она.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Я такъ радъ...— проговорилъ онъ.

— Саша... мой мужъ... сказалъ мнѣ, что онъ разыщетъ тебя,—проговорила она.—Онъ тоже хотѣлъ тебя видѣть... Онъ немного удивился, что ты не разыскалъ его...

— Развѣ ты замужемъ? — спросилъ Орловъ, немного удивленный ея словами.

— Мы еще не обвѣнчаны, но я считаю его своимъ мужемъ, да и всѣ видятъ въ насъ мужа и жену... Покуда Сашѣ нельзя жениться,—ради отца нельзя...

— Также какъ и Михайловскому! — сорвалось невольно съ языка Дмитрія Андреевича.

Настя вся вспыхнула при этой фразѣ, совершенно неожиданно сорвавшейся съ языка Орлова, въ ту же минуту раскаявшагося въ душѣ за это восклицаніе.

— Митя, какъ тебѣ не грѣхъ попрекать прошлымъ!—проговорила она и въ ея голосѣ послышались слезы.—Если Саша простилъ мнѣ прошлое, то кто же можетъ попрекать меня этимъ?

— Я и не попрекаю прошлымъ, но вѣдь и настоящее не лучше, кажется,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ и его лицо стало блѣднымъ.—И тотъ, и этотъ...

Она не дала ему договорить.

— Да развѣ можно ставить ихъ на одну доску?—воскликнула она. — Развѣ можно? Тотъ опозорилъ, погубилъ меня, а этотъ... Господи, что бы со мною было безъ него! Вспомнить теперь страшно... Никогда, никогда не забуду я, отъ чего онъ меня спасъ!...

Она вся вздрогнула при воспоминаніи о прошломъ.

— Не большая заслуга, Настя, подобныя спасенія, когда люди дѣлаютъ это ради...

Она снова перебила его и въ ея голосѣ зазвучала нотка горькаго и строгаго упрека.

— Митя, другіе и вовсе не подумали спасти меня...

— Ты это хочешь сказать про меня? — горячо перебилъ онъ ее.

— Да, Митя!—твердо отвѣтила она.—Я тебя не упрекаю, но согласись, что ты даже не вспомнилъ обо мнѣ, когда я могла умереть съ голода. Не такъ же я была грѣшна, чтобы сказать: «и по дѣломъ ей, пусть гибнетъ!»

Дмитрій Андреевичъ поблѣднѣлъ и еще болѣе смутился. Онъ искоса взглянулъ на нее; она шла съ нимъ рядомъ такая серьезная, строгая, что въ ней трудно было узнать прежнюю Настю.

— Я, — началъ онъ, подыскивая и не находя оправданія,—я...

— Я тебя не упрекаю, не обвиняю, я только говорю, что не тебѣ судить того, кто такъ или иначе спасъ меня отъ голодной смерти или отъ позора, когда всѣ отшатнулись отъ меня... Да этого мало: онъ сдѣлалъ изъ меня другого человѣка...

Они подошли къ дому, гдѣ жила Настя.

— Вотъ я и дома,—сказала она и протянула руку Дмитрію Андреевичу.

— Что же, ты сердишься и не приглашаешь уже меня?—спросилъ онъ, видя протянувшуюся къ нему на прощанье руку.

— Ты такъ смотришь на мое положеніе, ты такъ относишься къ Сашѣ, что...—начала она и какимъ-то оборвавшимся голосомъ заключила,—что же тебѣ въ насъ?

— Полно, Настя!—сказалъ мягко Орловъ, сконфуженный и задѣтый за живое.—Въ прошломъ я каюсь: я виноватъ, можетъ-быть, болѣе всѣхъ; а въ настоящемъ... развѣ я знаю твое настоящее, развѣ я могу судить о немъ?

Онъ взялъ ея руку и дружески пожалъ ее.

— Такъ можно зайти?

— О, сдѣлай одолженіе!—сказала она.

Она держала себя съ достоинствомъ, съ тактомъ, какъ-то необыкновенно спокойно и ровно. Нужно было многое испытать, многое пережить, чтобы такъ преобразиться. Орловъ это понялъ сразу. Она поднялась съ нимъ въ первый этажъ и позвонила у дверей. Двери отворила горничная.

— Дѣти дома, Маша?—спросила Настя.

— Нѣтъ, Настасья Даниловна, они гуляютъ съ Петромъ.

— И баринъ еще не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ-съ.

Настя, сбрасывая верхнюю одежду, обратилась къ Дмитрію Андреевичу.

— Я хотѣла тебѣ показать дѣтокъ... Ну, да посидишь, увидишь...

— У тебя дѣти?—спросилъ онъ.

— Да, мой Коля и воспитанникъ. Взяли, чтобы Колѣ было не скучно, бѣднаго сироту. Милый мальчикъ вышелъ и я рада

за Колю и за него. Саша ихъ такъ любитъ. У насъ у самихъ были свои дѣти, но не живутъ,—добавила она со вздохомъ.

Они вошли въ небольшую уютную гостиную съ скромной мебелью, обитой сѣрой шерстяной матеріей. Вся роскошь этой комнаты заключалась въ прекрасномъ роялѣ и въ массѣ цвѣтовъ на окнахъ и у оконъ. Въ комнатѣ царствовала замѣчательная чистота, былъ удивительный порядокъ. На всемъ лежали слѣды заботливости домовитой хозяйки. Орловъ присѣлъ въ кресло у стола. Настя подошла къ цвѣтамъ, пощупала землю и оборвала нѣсколько желтыхъ листьевъ.

— Ужасно только тяжело Сашѣ было справиться съ Малоземовымъ,—сказала Настя, продолжая говорить о дѣтяхъ.—Ты вѣдь знаешь, что, по милости отца моего Коли, Коля считается сыномъ моей сестры и Малоземова. Малоземовъ — это мелкій плутъ, стремящійся обирать меня и Сашу, имѣя права на Колю. Онъ двадцать разъ грозилъ отнять у насъ мальчика и требовалъ отступнаго, зная, конечно, что мы дадимъ сколько ему угодно, лишь бы оставить Колю у себя. Много денегъ стоило это Сашѣ и только въ послѣднее время Малоземовъ замолчалъ совершенно, когда Саша ему написалъ: «пришлите кого-нибудь за своимъ сыномъ, такъ какъ одного его нельзя отправить къ вамъ на Кавказъ, а я вовсе не желаю тратиться на содержаніе или отправленіе чужаго ребенка». Малоземовъ, къ счастію, струсилъ и уже самъ сталъ просить насъ содержать «его сына». Только надолго ли будетъ такъ—Богъ вѣсть. Это меня страшно мучитъ.

Она вздохнула.

— Да, прошлыхъ ошибокъ не исправишь и хорошо еще, что Саша все прощаетъ, все терпитъ, — сказала она. — Ахъ, еслибы ты зналъ, что это за безконечная доброта! Я не знаю, можно ли не любить такого человѣка, можно ли не благоговѣть передъ нимъ. Повѣришь ли ты, я ни разу не слыхала отъ него ни одного упрека, ни одного рѣзкаго слова...

— Вѣрно, ты и не заслуживаешь этого,—замѣтилъ Орловъ.

— Да что же я?... Правда, я стараюсь дѣлать то, что ему нравится, забочусь, чтобы все было такъ, какъ онъ любитъ, стремлюсь къ тому, чтобы меня не за что было упрекнуть. Но я же, Митя, не такая умная, не такая образованная, чтобы все предусмотрѣть, чтобъ онъ могъ дорожить мной. Если во мнѣ и есть что-нибудь хорошее, то этимъ я обязана ему одному. Скажутъ: «хорошенькая я». Но вѣдь я старше его и есть много

женщинъ гораздо красивѣе меня... Да, наконецъ, кто я?... А мое прошлое, проклятое прошлое?... Вѣдь онъ не можетъ на мнѣ жениться, не бросивъ службы. Вѣдь онъ меня не можетъ ввести въ дома своей родни... Для меня онъ долженъ бросить все—и службу, и родныхъ, и прежнихъ друзей...

Она опять вздохнула.

— Я знаю, что это не мало мучило его прежде... Бывало, пріѣдетъ онъ иногда мрачный, мрачный, покусываетъ ногти, молчитъ... Тогда, Митя, на меня нападалъ ужасъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ меня броситъ... А онъ для меня былъ все, все и кромѣ его не было у меня никого на свѣтѣ... Не думай, что я дорожила имъ за то, что онъ кормилъ меня и Колю... Нѣтъ, не деньги его мнѣ были нужны, а жить я не могла больше безъ его ласки, безъ его добраго слова, безъ его мягкаго взгляда, потому что только съ нимъ я узнала, что я могу быть честной женщиной, женой, матерью, любимымъ человѣкомъ, а не любовницей, къ которой заходятъ на полчаса, ночью, въ пьяномъ видѣ...

Въ ея глазахъ сверкали слезы и она отвернулась, чтобы скрыть ихъ.

— Теперь все это прошло,—продолжала она черезъ минуту,—теперь мы оба счастливы и спокойны, у насъ есть добрые знакомые, ко мнѣ ѣздятъ порядочныя женщины... Я никого не обманываю, но во мнѣ никто не видитъ любовницы Саши...

Дмитрій Андреевичъ слушалъ ее внимательно и удивлялся перемѣнѣ, происшедшей въ ней.

— Извини, Настя, за нескромный вопросъ,—мягко сказалъ онъ.—Ты училась въ эти годы?

— Да вѣдь я же ничего прежде не знала,—просто отвѣтила она.—Нельзя же было такъ оставаться. Саша сдѣлалъ все, что могъ, чтобы поднять меня до себя...

Орлову какъ будто становилось совѣстно, что Русовъ далъ этой дѣвушкѣ все, тогда какъ онъ, Орловъ, ея двоюродный братъ, нѣжно любимый ею въ дѣтствѣ человѣкъ, оставилъ ее на жертву голоду, паденью, позору. Въ его памяти вдругъ воскресли картины прошлаго, воспоминанія о томъ, какъ она, эта добрая Настя, заботилась о немъ, осматривала его платье, чистила его мундирчики, жила его радостями и его скорбями. И чѣмъ онъ отплатилъ за все это? Правда, Русовъ дѣйствовалъ не безкорыстно, онъ готовилъ себѣ изъ этой красавицы-содержанки жену, но это не оправданіе для Орлова.

Дмитрій Андреевичъ хотѣлъ что-то сказать Настѣ, но, прежде чѣмъ онъ раскрылъ ротъ, въ передней послышался звонокъ и черезъ двѣ-три минуты въ гостиную вошелъ князь. Онъ былъ по-прежнему очень моложавъ и только немного похудѣлъ. Орловъ сразу узналъ бы его среди какой угодно толпы.

— А, Дмитрій! — проговорилъ онъ, увидавъ Орлова, и къ Дмитрію Андреевичу протянулись двѣ руки, крѣпко сжавшія его руки.—Очень мило сдѣлалъ, что разыскалъ. Я только - что на дняхъ получилъ письмо отъ сестры изъ деревни, гдѣ говорилось о смерти Лампадова и упоминалось, что объ этомъ сообщилъ ты изъ Петербурга. Я хотѣлъ тебя разыскать.

— Да?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, прямо взглянувъ ему въ глаза и какъ бы желая узнать, правду ли онъ говоритъ.

Дмитрія Андреевича немного смутила встрѣча съ княземъ, встрѣча безъ объятій, безъ поцѣлуевъ.

— Еще бы!—отвѣтилъ князь.—Старый другъ все же лучше новыхъ двухъ.

Настя, поцѣловавъ въ голову усѣвшагося въ кресло Русова, вышла распорядиться обѣдомъ.

— Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ казалось, что между нами пробѣжала какая-то сѣрая кошка,— сказалъ Орловъ.

— Причинъ было много,—коротко отвѣтилъ князь.

— Теперь-то я все понимаю,—сказалъ Орловъ,—а тогда...

— То-есть почему же теперь?—сказалъ Русовъ.

— Ты стѣснялся своими отношеніями къ Настѣ...

— А-а!—проговорилъ князь и покачалъ отрицательно головой.—Это менѣе всего стѣсняло меня, и если стѣсняло, то очень недолго. Я скоро понялъ, что за это упрекать меня менѣе всего можешь именно ты...

Орловъ вопросительно взглянулъ на него. Князь спокойно, дружески положилъ ему на колѣно руку и серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— Правда, я отыскалъ ее, я сошелся съ нею, какъ сходятся обыкновенно съ хорошенькими дѣвушками люди, подобные мнѣ или лучше сказать подобные тому, какимъ я былъ тогда. Но легкомысленное увлеченіе хорошенькимъ личикомъ скоро перешло въ серьезное чувство къ доброй и хорошей душѣ и съ этой минуты я пересталъ уже считать себя виноватымъ передъ кѣмъ-нибудь за свои отношенія къ ней, передъ тобой же менѣе

всего. Согласись, Дмитрій, что если передъ Настей кто-нибудь виноватъ, то ужь конечно не я, а ты...

Дмитрій Андреевичъ молчалъ. Ему вспомнилось, что были минуты, когда онъ въ душѣ упрекалъ себя за Настю, и эти упреки еще громче стали раздаваться въ его душѣ теперь.

— Положимъ, я спасъ ее чисто случайно, безъ всякихъ благородныхъ побужденій, поддавшись прежде всего чисто животному чувству, но ты... ты вѣдь ничего не сдѣлалъ, чтобы даже справиться о ней, узнать, что съ ней сталось. Какже я могъ чувствовать себя виноватымъ за нее передъ тобой?

Князь говорилъ ровно, спокойно, не волнуясь. Въ его голосѣ было много прежней мягкости, но и слышалось что-то новое, твердость характера, выдержанность, серьезность. Всмотрѣвшись въ него попристальнѣе, Дмитрій Андреевичъ нашелъ теперь, что онъ дѣйствительно по-прежнему моложавъ, но его брови немного сдвинулись, между ними залегла складка, взглядъ былъ сосредоточенъ, строгъ и нѣсколько холоденъ. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ манерѣ говорить, въ выраженіи лица было много выдержанности, благородства, сознанія своего собственнаго достоинства.

— Ты не сердись на меня за горькую правду,— продолжалъ князь.—Я столько пережилъ, столько передумалъ за эти годы, что сталъ менѣе всего способнымъ упрекать и обвинять людей. Правда, тогда прежде я очень негодовалъ на тебя за то, что ты бросилъ свою сестру, за то, что, можетъ-быть, она дѣйствительно погибла бы, еслибы не подвернулся я; но вѣдь тогда бывали минуты, когда я чувствовалъ чуть не ненависть именно къ тебѣ...

— Ненависть?... Ко мнѣ?—воскликнулъ Орловъ, весь блѣдный.

Князь снова дотронулся рукой до его колѣна, какъ бы желая остановить его порывъ, и спокойно сказалъ:

— Теперь все улеглось, все отошло и осталось сознаніе, что всѣ мы и заблуждаемся, и падаемъ, и наносимъ огорченія другимъ чаще всего по неопытности, по легкомыслію, по необдуманности.

— Но я тебя не понимаю. Чѣмъ я, именно я, виноватъ передъ тобой?—невольно воскликнулъ Орловъ.

— Ты?

Князь усмѣхнулся.

— Да, можетъ-быть, виноватъ тѣмъ, что стоялъ гораздо выше меня...

Орловъ хотѣлъ что-то возразить, но князь не далъ ему выговорить ни слова и тѣмъ же ровнымъ голосомъ продолжалъ:

— Или вѣрнѣе сказать тѣмъ, что давалъ мнѣ на каждомъ шагу чувствовать, что ты стоишь выше меня,—давалъ чувствовать *это* и *больше ничего*.

— Но...

— И потомъ, когда это стало понятно всѣмъ и болѣе всего моему отцу, презиравшему меня, я вдругъ увидалъ, что ты, можетъ-быть, умнѣе меня, но не выше, что мнѣ стоитъ проронить слово и ты упадешь въ глазахъ отца,—нѣтъ, больше, не будешь вовсе существовать для него. Была минута, когда я и хотѣлъ это сдѣлать, но... тяжелое это было время!... я махнулъ на все рукой и попробовалъ забыться въ кутежахъ, какъ глупый мальчикъ...

Орловъ былъ смущенъ и встревоженъ. Онъ понималъ теперь все, чего даже и не подозрѣвалъ въ былые годы, и какъ-то смутно, чутьемъ, угадывалъ, что вотъ-вотъ князь выскажетъ ему еще и еще новыя горькія истины. Въ эту минуту въ комнату вбѣжали два плотные и здоровые мальчугана и бросились къ князю. Онъ горячо расцѣловалъ ихъ и обратился къ Дмитрію Андреевичу.

— Взгляни, какіе молодцы! Что же вы не раскланиваетесь? Это вашъ дядя Митя. Онъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ.

Мальчуганы расшаркались передъ Орловымъ, глядя ему съ любопытствомъ прямо въ лицо. Онъ пожалъ имъ руки, все еще взволнованный и смущенный, неумѣвшій, можетъ-быть, впервые въ жизни овладѣть вполнѣ собою.

— Обѣдъ скоро?—спросилъ князь у мальчугановъ.

— Да, накрываютъ!—отвѣтили они.

— Ну, идите, торопите, — сказалъ князь. — Скажите, что папа и дядя хотятъ ѣсть.

Когда мальчуганы вышли, князь сказалъ, обращаясь къ Дмитрію Андреевичу.

— Я впрочемъ радъ, что многое перенесъ: эта школа хорошая. Безъ этой школы я вотъ не понялъ бы, что мало усыновить, оставить у себя дома ребенка, но что нужно еще и любить его, и заботиться о немъ, и я увѣренъ, что эти дѣти никогда не упрекнутъ меня за то, что я имъ, какъ какимъ-нибудь щенкамъ, далъ уголъ, но не счелъ нужнымъ отдать свое сердце.

Князь всталъ. Орловъ тоже поднялся съ мѣста.

—Послушай, какимъ-то глухимъ голосомъ сказалъ онъ князю,—ты задалъ вопросы, которые нужно или выяснить, или... между нами ляжетъ еще болѣе глубокая пропасть...

— Хорошо, послѣ... Теперь же пойдемъ обѣдать...

Князь обнялъ одною рукой Орлова за талью и сказалъ:

— Вѣрь только одному, что я не сержусь ни на кого и менѣе всего на тебя.

Они вошли въ небольшую столовую и усѣлись за скромно, но хорошо сервированный столъ. За столомъ прислуживалъ молодой лакей. У Орлова пропалъ аппетитъ,—ему хотѣлось поскорѣй объясниться вполнѣ съ княземъ. Настя замѣтила смущеніе брата и немного встревоженно взглянула на князя. Но князь былъ и спокоенъ, и мягокъ, какъ всегда. Онъ шутилъ съ дѣтьми, распрашивалъ ихъ о прогулкѣ въ кунтскамеру, о томъ, что они видѣли.

— Съ ними занимается одинъ студентъ,—замѣтилъ онъ, обращаясь къ Орлову.—Такое счастіе для нихъ, что они могутъ развиваться подъ руководствомъ честнаго и добраго человѣка. Грустно будетъ, если когда-нибудь придется разстаться съ такимъ учителемъ. Они подъ его руководствомъ такими естественниками стали, что право мнѣ завидно. Больше меня знаютъ. И то сказать, насъ вѣдь ничему не учили въ нашей конской школѣ.

Дѣти во время обѣда болтали безъ умолку, но Орловъ ничего не понималъ, что дѣлалось вокругъ него. Онъ ждалъ только конца обѣда. Наконецъ, обѣдъ кончился. Дѣти ушли съ Настей. Князь прошелъ съ Дмитріемъ Андреевичемъ въ свой кабинетъ. Эта небольшая комната съ зеленымъ турецкимъ диваномъ, съ нѣсколькими мягкими креслами и съ письменнымъ столомъ была заставлена шкафами и этажерками съ книгами. На стѣнахъ не было никакихъ украшеній и только надъ диваномъ висѣлъ небольшой портретъ Насти. При первомъ взглядѣ на эту комнату видно было, что ея хозяинъ позаботился, чтобы тутъ не было ничего лишняго, но чтобы въ то же время въ ней было удобно и уютно. Этотъ характеръ, какъ потомъ замѣтилъ Орловъ, былъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ квартиры, во всей домашней жизни князя. Русовъ и Орловъ сѣли на диванъ и закурили папиросы. Имъ подали кофе.

— Ты, конечно, удивляешься всему, что видишь,—сказалъ Русовъ, замѣтя, что Орловъ мелькомъ взглянулъ на шкафы съ

книгами, и впервые въ этотъ день Орловъ уловилъ въ его голосѣ горечь и иронію.—Легкомысленный князь Александръ Русовъ толкуетъ серьезно, недалекій князь Александръ Русовъ повидимому читаетъ книги, безпутный и пустой вѣтренникъ князь Александръ Русовъ заявляетъ претензію на что-то въ родѣ характера,—какъ тутъ не удивляться?

— Я...—началъ было Орловъ.

— Ты, какъ и всѣ другіе, смотрѣлъ на меня именно такъ,—неторопливо перебилъ его князь.—Но ты перестанешь удивляться, когда узнаешь все,—а тебѣ можно говорить даже о томъ, о чемъ я не могу говорить ни съ кѣмъ. Для тебя нѣтъ у меня семейныхъ тайнъ, потому что ты-то ихъ узналъ чуть ли не раньше меня... Ты, вѣроятно, помнишь ту ночь, когда я еще ребенокъ, въ слезахъ, жаловался тебѣ на свои несчастія, на скуку одиночества, на вѣчные разъѣзды матери, на развратъ окружавшихъ меня, на отца, имѣвшаго любовницу, когда у него была такая добрая, такая красивая жена?... Это были дѣтскія жалобы, но онѣ вполнѣ выражали все то, что томило меня очень сильно, очень долго, и не ребенкомъ, а юношей. Что я былъ такое? Для гувернера—сентиментальная дѣвчонка, для отца—безхарактерный мальчишка, для такихъ, какъ ты—добрый, но недалекій малый, капризный барчонокъ, для Ольги Родіоновны—выродокъ не въ русовскій родъ, для друзей вообще—туго набитый кошелекъ, къ которому судьба пристегнула на что-то вялаго и скучнаго хозяина, хандрившаго даже во время кутежей. Слабый по натурѣ, я вслѣдствіе всего этого сталъ еще болѣе безхарактернымъ, слезливымъ, хандрящимъ человѣкомъ. Невниманіе и насмѣшки окружающихъ оскорбляли мое самолюбіе и въ то же время я падалъ духомъ, сознавая, что я не могу ничего сдѣлать, чтобы поставить себя иначе. Не знаю почему—вслѣдствіе ли малыхъ способностей или вслѣдствіе небрежнаго воспитанія—я дѣйствительно былъ какимъ-то безпомощнымъ существомъ. Я сознавалъ это и, конечно, мучился еще больше. Но этихъ несчастій было мало. Въ одинъ прекрасный день меня поразилъ новый нравственный ударъ. Я случайно узналъ жизнь моей матери, узналъ только отрывокъ изъ этой жизни, узналъ только намекомъ. Но меня это поразило, потому что мать была послѣдней святыней, которой я еще молился, въ которую я еще вѣрилъ. Я какъ-то болѣзненно постарался разузнать все, и все узналъ, все озарилъ свѣтомъ. Мнѣ было страшно тяжело, но въ

то время я точно хотѣлъ выпить чашу до дна, точно хотѣлъ нанести себѣ послѣдній ударъ. Во мнѣ произошло что-то странное. «Такъ вотъ они—эти святыя женщины, эти безупречные люди!»—думалось мнѣ, и я горько смѣялся надъ своими дѣтскими слезами о несчастіяхъ матери. Въ это время меня уже окружала наша кутящая молодежь и я закутилъ съ нею—безобразно, пошло, постыдно...

Князь Русовъ всталъ и началъ по привычкѣ, разговаривая, ходить по комнатѣ. Орловъ, взволнованный началомъ разсказа, тоже послѣдовалъ его примѣру. Онъ не прерывалъ его ни словомъ, весь поглощенный этою исповѣдью:

— Ты помнишь, какъ я сталъ относиться въ это время къ тебѣ?—продолжалъ князь.—Небрежно, насмѣшливо, свысока. Я презиралъ тебя болѣе, чѣмъ кого-нибудь... Смотря на тебя, я часто думалъ: «и этотъ-то человѣкъ относится ко мнѣ покровительственно, и этого-то человѣка любитъ и ставитъ мнѣ въ примѣръ отецъ, а мнѣ стоитъ сказать слово—и онъ будетъ раздавленъ, уничтоженъ».

Орловъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы порываясь что-то сказать. Князь движеніемъ руки остановилъ его и такъ же ровно продолжалъ свой разсказъ:

— Это время давно прошло, эти чувства давно прошли, но тогда мнѣ казалось, что я головой выше тебя, что если я и кучу, то я не обманываю никого, не втираюсь въ спальни къ чужимъ женамъ. Не знаю, чѣмъ бы я кончилъ, еслибъ я былъ болѣе здоровымъ и сильнымъ человѣкомъ, а не слабой натуришкой. Кутежи съ первыхъ же дней отозвались на моемъ здоровьи и я испугался, сталъ воздерживаться отъ нихъ. Тутъ не было никакихъ высокихъ причинъ, никакихъ возвышенныхъ побужденій, а просто трусость богатаго юноши, не хотѣвшаго умирать. Прибавь къ этому, что въ это время я увлекся Настей и она, сама того не зная, спасла меня. Да, когда я начинаю разбирать наши тогдашнія отношенія,—я, право, не могу дать себѣ отчета, кто изъ насъ кого больше спасъ: я ее или она меня. Переставъ кутить, я не могъ сразу перестать давать средства для кутежей своимъ товарищамъ и волей-неволей, почти трезвый, присутствовалъ на ихъ попойкахъ и оргіяхъ, за которыя платилъ я. Спартанцы были совершенно правы, показывая своимъ трезвымъ сыновьямъ пьяныхъ илотовъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего омерзительнѣе, какъ трезвому смотрѣть на пьяныхъ. Это

я узналъ по опыту. Кромѣ того мнѣ не хотѣлось возить Настю на эти попойки, въ общество гулякъ и кокотокъ. Тутъ опять-таки руководили мною не нравственныя побужденія, а что-то въ родѣ желанія сохранить ее для себя одного. Она, испуганная перспективой нищеты, перенесшая много позорныхъ сценъ, много униженій отъ негодяя, погубившаго ее, отдалась мнѣ съ такою кроткою любовью, съ такою благодарностью, съ такою почти рабскою покорностью, что я впервые почувствовалъ, что я кому-нибудь нуженъ. Ты едва ли поймешь весь смыслъ, все значеніе этого сознанія. Но для меня это сознаніе было очень важно. До этой поры я даже представить себѣ не могу, что я могу быть кому-нибудь настолько нуженъ, что этотъ человѣкъ станетъ угадывать мои желанія, станетъ читать въ моихъ глазахъ мысли, станетъ переносить отъ меня всѣ мои капризы, мои недостатки,— однимъ словомъ, будетъ разцвѣтать отъ моей улыбки и плакать отъ моего малѣйшаго неудовольствія. И я нашелъ такого человѣка въ ней, потому что я спасъ ее отъ голода, отъ позора, отъ нравственныхъ оскорбленій, спасъ ради животнаго чувства, ради развратныхъ побужденій, но все же спасъ... И вотъ, переставъ кутить и тяготясь присутствіемъ на чужихъ кутежахъ, я уходилъ все чаще и чаще къ ней, въ нашъ тихій уголокъ, въ то гнѣздышко, гдѣ никто не оскорблялъ, не унижалъ меня.

Князь на минуту смолкъ. Въ головѣ Дмитрія Андреевича вдругъ промелькнуло воспоминаніе о словахъ отца: «Митя, вѣдь песъ, песъ цѣпной—и тотъ спину подставляетъ, чтобъ ее погладили, а я—человѣкъ». У него точно защемило что-то сердце.

— Я не психологъ, — продолжалъ между тѣмъ князь свою исповѣдь, — и не съумѣю тебѣ передать вполнѣ ясно того, что и почему произошло въ моей душѣ, но могу только сказать одно, что здѣсь, въ этой квартирѣ, во мнѣ произошелъ серьезный переворотъ. Можетъ-быть потому-то мы съ Настей такъ и дорожимъ ею. Она намъ теперь немного тѣсна, но здѣсь я сталъ человѣкомъ и мнѣ было бы тяжело оставить этотъ уголокъ. Какъ-то разъ вечеромъ я пріѣхалъ сюда и неслышно прошелъ черезъ столовую въ комнату, гдѣ спалъ обыкновенно сынъ Насти. Дверь была незакрыта и я невольно остановился на порогѣ, увидавъ Настю присѣвшею на полъ около крошечнаго ребенка, стоявшаго на колѣняхъ передъ образомъ, висѣвшимъ въ углу и озареннымъ свѣтомъ лампады. «Скажи теперь, — тихо говорила она, — поми-

луй, Господи, папу Сашу и дай ему здоровья». Ребенокъ дѣтскимъ языкомъ лепеталъ подсказываемыя ему слова и серьезно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ... «Гдѣ и кто еще молится за меня?—мелькнуло въ моей головѣ.—За кого молюсь я самъ? И стою ли я этихъ молитвъ? Дѣйствительно ли чисты мои помыслы и хороши мои дѣла? Что я такое?—Добродушный, слабый, но пустой и праздный человѣкъ. Отчего?» Я тихо отошелъ отъ дверей, прошелъ вотъ сюда, заперся здѣсь и — я помню до сихъ поръ эту ночь, безсонную, долгую, полную слезъ и сомнѣній, но все же лучшую ночь въ моей жизни. Въ эту ночь я какъ будто вдругъ все понялъ, со всѣмъ примирился, все разрѣшилъ... Къ неожиданнымъ выводамъ приходитъ иногда человѣкъ, вдумавшись поглубже въ жизнь. Когда впервые я узналъ о прошломъ моей матери, я проникся уваженіемъ къ моему отцу: я понялъ, что онъ принесъ большую жертву, не опозоривъ нашу мать, не отказавшись отъ меня, отъ покойныхъ моихъ братьевъ и сестеръ, отъ сестры Ольги,—однимъ словомъ, отъ всѣхъ дѣтей, вышедшихъ, какъ выражалась Ольга Родіоновна, не въ русовскій родъ. Ты вѣдь знаешь, что въ русовскій родъ вышла одна Соня. Я чувствовалъ и благодарность, и уваженіе къ отцу за эту жертву, удивлялся даже ему, что онъ нашелъ силы принести ее. Но въ эту ночь, перебирая все, сдѣлавшее меня такимъ ничтожнымъ, слабымъ, пустымъ, я обвинилъ именно этого человѣка. Онъ не опозорилъ ни нашу мать, ни насъ; онъ не выбросилъ насъ изъ дома; онъ дозволилъ намъ быть князьями; онъ далъ намъ средства жить въ богатствѣ и почетѣ. Почему?... Я не стану разбирать, было ли это сдѣлано просто изъ нелюбви къ скандаламъ, изъ барской брезгливости или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ побужденій. Но, позволивъ намъ носить свое имя, признавъ насъ своими дѣтьми, онъ не далъ намъ своего сердца, своей любви. Онъ презиралъ насъ, по крайней мѣрѣ меня, за то, что я былъ не въ Русовыхъ, за то, что я былъ слабъ, за то, однимъ словомъ, что я не его сынъ. Онъ не обращалъ на меня вниманія, онъ не заботился о моемъ воспитаніи, онъ не скрывалъ отъ меня, что онъ не любитъ меня, что я чуждъ ему. Не думай, что я хочу этими словами набросить на него тѣнь. Нѣтъ, каждый дѣлаетъ, что можетъ, даетъ, что имѣетъ. Но, додумавшись тогда до этого, я во-первыхъ далъ себѣ слово не брать болѣе у отца денегъ и жить на свои средства, доставшіяся мнѣ отъ тетки моей матери. Эти средства были относительно

не велики, но я рѣшился жить на нихъ, и только на нихъ. Думая о своемъ воспитаніи, думая о будущемъ, я пришелъ къ заключенію, что я ничего не знаю, ни на что не гожусь, что мнѣ нужно начать съ азбуки, если я желаю сдѣлаться человѣкомъ... Но хватитъ ли у меня силъ и способностей?—спрашивалъ я себя.—Я такое ничтожество! Не даромъ же меня всѣ считаютъ безсильнымъ, неразвитымъ, недалекимъ. Но если это точно такъ, то неужели же я не могу быть порядочнымъ человѣкомъ, руководствуясь, по крайней мѣрѣ, добрыми чувствами, честными стремленіями? До сихъ поръ, топча меня въ грязь, люди все-таки признавали, что я добръ и честенъ. Правда, отецъ говорилъ, что я добръ потому, что мнѣ лѣнь быть злымъ. Другіе говорили, что я честенъ потому, что мнѣ не нужно подличать. Ну, что-жь, все-таки они не отрицали во мнѣ ни доброты, ни честности. Можетъ-быть Господь поможетъ мнѣ сдѣлать хоть что-нибудь, руководствуясь этими чувствами и инстинктами. И я горячо молился, чтобы стать инымъ человѣкомъ. Никогда я не чувствовалъ въ своей душѣ такого смиренія, какъ въ ту ночь; это не было ни отчаяніе, ни уныніе, ни безнадежность,—нѣтъ, это было смиреніе передъ судьбой; я думалъ, что я примирюсь со всякой долей, лишь бы остаться добрымъ и честнымъ человѣкомъ; я не замышлялъ ни о чемъ крупномъ и широкомъ, я хотѣлъ подготовить себя на самую скромную роль, только бы исполнить ее безупречно, безъ угрызеній совѣсти, безъ краски стыда за свои поступки, и это смиреніе спасло меня.

Князь заговорилъ какъ бы въ раздумьи.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, какъ ошибаются и всѣ люди. Но дѣло не въ томъ. Для человѣка важно увѣровать хоть во что-нибудь, остановиться твердо хоть на чемъ-нибудь. Безъ этого невозможно спокойствіе души. Это спокойствіе я почувствовалъ въ себѣ въ ту ночь, когда я рѣшился не гнаться ни за какимъ блескомъ, ни за какими успѣхами, а просто подготовить себя къ какому-нибудь скромному труду и дѣлать избранное дѣло такъ, какъ я только могу дѣлать, слѣдя въ то же время за каждымъ своимъ шагомъ, ни на минуту не обольщаясь мыслью, что я безупреченъ, что я не могу дѣлать промаховъ. Мнѣ казалось, что только тотъ, кто признаетъ внутри себя свою личность слабой и заблуждающейся, нуждающейся въ вѣчной повѣркѣ своихъ дѣйствій и въ наблюденіи за собой, только тотъ можетъ стать сколько-нибудь хорошимъ человѣкомъ. Мнѣ каза-

лось, что и всякія исканія одних великихъ подвиговъ и крупной дѣятельности чаще всего ведутъ только къ фразерству, къ бездѣлью, къ недовольству собой и людьми. Къ этому убѣжденію привели меня два обстоятельства. Съ одной стороны, сознаніе, что я дѣйствительно слабый, не особенно способный, плохо подготовленный человѣкъ, которому подъ-силу только небольшое дѣло. Съ другой стороны, я убѣдился, что не все то золото, что блеститъ: мнѣ вспомнился мой отецъ, совершившій чуть не подвигъ, пощадивъ свою жену, пощадивъ насъ, а между тѣмъ эта возвышенная жертва не повела ни къ чему, такъ какъ у него не хватило силы довести дѣло до конца и спасти насъ своею любовью. Мнѣ вспомнился ты, блестящій, чуть не признанный геніемъ, человѣкъ, смотрѣвшій свысока, покровительственно на такихъ людей, какъ я, а между тѣмъ именно ты, потерявъ голову среди успѣховъ, не стоя на-сторóжѣ у своей личности, сдѣлалъ проступокъ скверный, низкій,—обманулъ того, кто любилъ тебя больше, чѣмъ сына... Мнѣ вспоминалось множество людей, которые ничего не дѣлали только потому, что у нихъ не было крупнаго дѣла, не представлялось случаевъ совершать подвиги. Подвиги, великія дѣла!... Развѣ люди въ большинствѣ случаевъ призваны именно для нихъ, а не для будничнаго, мелкаго, чернаго дѣла? Стремиться только къ нимъ—это значитъ обречь себя на бездѣлье, на праздность, когда кругомъ столько мелкаго дѣла, безъ котораго нельзя жить, нельзя добиться чего-нибудь. Прежде чѣмъ какая-нибудь геніальная мысль распространится по свѣту, нужно, чтобы нашлись простые работники для приготовленія бумаги, шрифта, набора книги. Прежде чѣмъ выростетъ самъ этотъ геній, нужны нянька для него, сапожники и портные для него, земледѣльцы и учителя для него. Я говорю тебѣ это прописныя истины потому, что жажда подвиговъ и великихъ дѣлъ и отвращеніе отъ чернаго труда—это болѣзнь вѣка и особенно въ Россіи: все интеллигентное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заражается этою болѣзнью. Не быть всю жизнь упорнымъ и честнымъ работникомъ, но сдѣлаться въ одну минуту героемъ, не быть серьезнымъ ученымъ, но дѣлать открытія, назвавъ своимъ именемъ какую-нибудь бабочку, комету, новое лѣкарство, не сочинять, не писать бумагъ, но предписывать и подписывать—вотъ стремленіе большинства такъ называемыхъ развитыхъ людей и въ этомъ, быть-можетъ, главное несчастіе общества, главная причина бездѣятельности, главная причина

скуки жизни. Мнѣ трудно передать тебѣ все, что я передумалъ тогда, потому что передумалось много. Мнѣ тогда казалось, что передо мной вдругъ открылся новый міръ, что со мной совершилось какое-то чудо. Ты, конечно, поймешь, что этотъ новый міръ въ сущности открылся не вдругъ и никакого чуда тутъ не было, а просто въ эту ночь я подвелъ итоги всему тому, что бродило уже въ моей головѣ отрывочно, смутно и какъ бы безслѣдно раньше. Но ты поймешь также и то, что на другой день я проснулся человѣкомъ съ болѣе или менѣе опредѣлившимися взглядами, но не другимъ человѣкомъ: додуматься легко до многаго, но измѣнить себя на новый ладъ далеко не легко. Эта ломка продолжалась долго и тутъ мнѣ помогла любовь Насти; терпѣливо и кротко сносившей неровности моего характера, помогли учиться студенты и профессора,—тѣ новые люди, съ которыми я сошелся, рѣшившись учиться и учиться.

Князь улыбнулся.

— Ломка была тоже не легкая. Нужно было, съ одной стороны, оградить себя и Настю отъ прежнихъ моихъ друзей, нужно было заставить новыхъ друзей увидать во мнѣ мало развитаго, мало знающаго, но все же искренно стремящагося къ лучшему, человѣка; наконецъ, нужно было оставаться волей-неволей на службѣ и откладывать осуществленіе завѣтной мечты поселиться въ деревнѣ, сдѣлаться земскимъ дѣятелемъ... Да, я тебѣ еще не сказалъ, какой родъ дѣятельности я выбралъ... До разныхъ теоретическихъ выводовъ додуматься я могъ, но опредѣлить, что я могу дѣлать — это было далеко не такъ легко при моемъ тогдашнемъ развитіи и незнаніи нашей жизни. Только при помощи толковъ и споровъ съ болѣе развитыми, болѣе передовыми людьми я понялъ, что мнѣ, землевладѣльцу, другого выхода нѣтъ, какъ идти туда, къ народу, и работать тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Къ этому дѣлу я сталъ приготовлять себя и особенно благодаренъ я одному изъ профессоровъ, упорно, основательно и горячо развившему мнѣ всѣ стороны этого вопроса. Къ несчастію, я покуда принимаю только пассивное участіе въ дѣлахъ своего имѣнія, являясь туда наѣздомъ. Везти туда навсегда Настю не женою я не хочу, выйти же въ отставку и жениться на Настѣ я не могу, покуда живъ отецъ: его дни сочтены и я не хочу отравлять ему послѣднія минуты, не хочу объясняться съ нимъ. Ты, конечно, не знаешь, что было между нами въ эти годы, такъ какъ семейныхъ сценъ ни онъ, ни Соня не могли пере-

дать тебѣ. Дѣло въ томъ, что, рѣшившись жить иначе, чѣмъ жилъ, я перестапъ брать у отца деньги. Старикъ это замѣтилъ и точно оскорбился или встревожился. Разъ онъ меня спросилъ, по обыкновенію, сухо и холодно, изъ какихъ средствъ я живу. Я сказалъ, что изъ своихъ. Онъ замѣтилъ мнѣ: «Но этого мало?» — «Не много; но если больше нѣтъ, то надо жить и на это»,—отвѣтилъ я.—«Это что-то новое,—насмѣшливо замѣтилъ онъ.—Прежде ты, кажется, не находилъ этого возможнымъ!»— «То было прежде, а теперь на многое приходится смотрѣть иначе»,—отвѣтилъ я. Но отвѣтъ не успокоилъ отца и тутъ произошло памятное мнѣ прискорбное объясненіе. Онъ сдвинулъ брови и непріятнымъ, кольнувшимъ меня въ сердце, тономъ замѣтилъ мнѣ: «Правда, теперь ты совершеннолѣтній и тебѣ каждый ростовщикъ повѣритъ въ долгъ. Ты вѣдь и прежде имѣлъ милую привычку выдавать векселя, а теперь можешь и подавно дѣлать это». Я вспыхнулъ и сухо отвѣтилъ ему: «Я дѣлалъ долги, покуда мнѣ казалось, что за меня должны платить; но теперь я ихъ не дѣлаю, потому что знаю, что никто не обязанъ платить чужихъ долговъ, а у меня у самого для уплаты ихъ и нѣтъ, и, можетъ-быть, не будетъ средствъ». Я не знаю самъ, но, вѣроятно, тонъ моихъ словъ былъ жестокъ, рѣзокъ,— вѣроятно, я слишкомъ грубо подчеркнулъ слово «чужихъ». Отецъ поблѣднѣлъ и какъ-то глухо проговорилъ мнѣ: «А, такъ ты вотъ какъ смотришь на наши отношенія! Долги сына—чужіе долги; для уплаты ихъ въ будущемъ, можетъ-быть, не найдется средствъ, то-есть, значитъ, умирая, отецъ можетъ лишить тебя наслѣдства». Я почувствовалъ, что онъ все по-прежнему презираетъ меня, смотритъ на меня сверху внизъ, и не сдержался: «Мнѣ такъ рѣдко давали чувствовать, что я—сынъ, что я не разсчитываю, не хочу разсчитывать ни на что,—отвѣтилъ я.—И если чего-нибудь желаю, такъ только одного, чтобы вы сознали когда-нибудь, что вашу доброту и нѣжность могъ чувствовать больше послѣдній слуга, чѣмъ я. Вы не любили меня, прежде чѣмъ я заслужилъ нелюбовь». Отецъ поднялся съ мѣста, грозный, готовый, кажется, раздавить меня ногой. Я никогда не видалъ его такимъ, не думалъ, что и въ немъ сидитъ звѣрь. «Молчи!» — глухо проговорилъ онъ и указалъ мнѣ на дверь.—«Вы не хотите даже объясняться, потому что это объясненіе *вамъ* не нужно, а *до меня*... вамъ никогда не было дѣла *до меня*»,—отвѣтилъ я и вышелъ изъ кабинета, черезъ порогъ котораго я уже не пе-

реступалъ больше... Потомъ я понялъ, что я былъ виноватъ передъ нимъ, что я не имѣлъ права упрекать его за то, что онъ мнѣ не далъ того, чего не могъ дать, — любви. Мнѣ еще тяжелѣе стало это сознаніе, когда я узналъ потомъ, что этотъ разговоръ онъ началъ со мною въ минуту добраго ко мнѣ расположенія: онъ узналъ, что я не кучу, что я учусь, что я живу какъ-то странно затворникомъ, что я не беру даже положеннаго мнѣ содержанія изъ домовой конторы, и ему захотѣлось убѣдиться, точно ли я исправляюсь, не начинаетъ ли изъ меня выходить порядочный человѣкъ. Но разговоръ съ первыхъ же словъ получилъ такой оборотъ, что мы разошлись. Потомъ еще разъ на минуту мы остались съ глазу на глазъ. Отецъ былъ боленъ за границей и меня вызвали туда. Первыми нашими словами при встрѣчѣ были слова: «Я много виноватъ передъ тобой!» Эти слова сорвались съ языка и у него, и у меня, но на этомъ и кончилось все: онъ, кажется, ждалъ, что я попрошу его о деньгахъ, о помощи, опять обращусь къ нему, какъ къ отцу, а я боялся подать малѣйшій поводъ къ подозрѣнію, что я жду отъ него чего-нибудь, что мнѣ нужны его деньги, что я пріѣхалъ примириться, чтобы за примиреніе получить права на наслѣдство. Можетъ-быть, мною руководило ложное чувство, но иначе я не могъ поступить, хотя я чувствовалъ, видѣлъ, что ему принесла бы безмѣрную радость первая моя просьба о деньгахъ. Но сдѣлать это было выше моихъ силъ. Когда я уѣзжалъ, онъ уже немного оправился и на прощаніи сказалъ мнѣ врѣзавшуюся мнѣ въ память фразу: «Спасибо, что пріѣхалъ. Я знаю, что есть вещи, которыя не забываются, и потому благодарю тебя, что ты все-таки пріѣхалъ». Мы разстались не какъ отецъ и сынъ, а какъ примирившіеся друзья. И все-таки я почти не переписываюсь съ нимъ, не хочу сообщать ему о своихъ планахъ, не хочу выйти въ отставку до его смерти, не хочу жениться до его смерти. Объясняться съ нимъ я не могу: я не знаю, пойметъ ли онъ меня,—не знаю, не вспыхнетъ ли при объясненіи все то, что теперь покрыто пепломъ, но, можетъ-быть, далеко не угасло.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ открылъ свою душу совсѣмъ новый человѣкъ, не похожій на прежняго Александра Русова. Въ этой исповѣди было много такого, что кольнуло въ сердце Дмитрія Андреевича. Онъ нѣсколько разъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, то порывался что-то возразить, но князь легкимъ жестомъ

руки, мимолетнымъ взглядомъ останавливалъ эти порывы. Были двѣ-три фразы, которыхъ Орловъ не пропустилъ бы безнаказанно никому. Но князь говорилъ такъ, какъ будто рѣчь шла не объ Орловѣ, но о какомъ-то третьемъ безразличномъ для нихъ обоихъ человѣкѣ, какъ будто онъ желалъ только констатировать факты, а не бросать человѣку въ лицо упрекъ или обиду. Въ его рѣчахъ замѣчалась удивительная способность смотрѣть на вещи объективно, въ нихъ чувствовалось умѣнье быть сдержаннымъ. Такъ могъ говорить только человѣкъ, выросшій при такихъ условіяхъ и въ такой средѣ, гдѣ приходилось прежде всего запастись умѣньемъ владѣть собой, не выдавать ничѣмъ своихъ завѣтныхъ чувствъ и мыслей. Особенно поразили Орлова слова князя о томъ, что мы, развитые люди, ужасно много судимъ и рядимъ обо всемъ и ужасно рѣдко заглядываемъ въ собственную свою душу, провѣряемъ себя, творимъ надъ собою судъ...

— А безъ этого мы никогда не выработаемъ ни нравственности, ни характера, ни устойчивости въ себѣ, а между тѣмъ только тогда мы и станемъ силой, когда воспитаемъ самихъ себя,—замѣтилъ Русовъ.—Къ несчастью, въ насъ менѣе всего развиваютъ именно эту способность къ внутреннему анализу своихъ чувствъ, дѣйствій, словъ. Намъ нужно много ударовъ судьбы, много толчковъ, чтобы мы наконецъ опомнились и смиренно заглянули въ себя, тогда какъ быть безпощаднымъ судьею другихъ изъ насъ умѣетъ каждый чуть не съ пеленокъ.

Орлову невольно вспомнилось, что и онъ, Орловъ, сталъ заглядывать въ себя только послѣ сотенъ и сотенъ толчковъ, данныхъ ему судьбой, и судилъ на каждомъ шагу другихъ. Въ его памяти вдругъ воскресли даже такія мелочи, какъ его недавнее раздраженіе на сестру за то, что она взяла вещи Лампадова, хотя онъ, Орловъ, не могъ поручиться за себя, что онъ не сдѣлалъ бы того же, еслибы былъ тогда на ея мѣстѣ.

— Можетъ-быть именно это значеніе имѣетъ рѣзкая фраза о томъ, что иногда нужна человѣку публично данная пощечина,—продолжалъ князь.—Дѣйствительно, у насъ только тѣ еще и вдумываются въ свои дѣла, кому судьба даетъ эти пощечины; а покуда мы счастливы, покуда насъ балуютъ успѣхи, покуда насъ носятъ на рукахъ, мы чуть не святые въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Орловъ удивлялся, какъ ясно, какъ полно, какъ цѣльно сложились всѣ взгляды князя. Съ нимъ можно было не соглашаться,

можно было спорить, но въ то же время можно было впередъ понять, что подорвать въ немъ вѣру въ правильность этихъ взглядовъ, пошатнуть его убѣжденія было уже невозможно. Онъ нашелъ въ этихъ взглядахъ разрѣшеніе всѣхъ мучавшихъ его вопросовъ; онъ при помощи этихъ взглядовъ нашелъ путь къ обновленію; онъ, руководясь этими взглядами, могъ работать, сознавая пользу этой работы, не тяготясь ею, не порываясь отъ чернаго труда куда-то къ мечтательнымъ великимъ подвигамъ; при этихъ взглядахъ онъ сознавалъ, что будничный трудъ и черная работа вовсе не исключаютъ способности къ великимъ подвигамъ, что сегоднешній чернорабочій можетъ быть завтра героемъ, что онъ только стоитъ за одно—за то, чтобы люди не сидѣли сложа руки въ ожиданіи, когда явится возможность для широкой дѣятельности и для геройскихъ подвиговъ. «То-есть отъ бездѣлья и то рукодѣлье!» вспомнились Орлову его собственныя слова, сказанныя имъ княжнѣ, по поводу ея мечтаній о школѣ, и тутъ же ему вспомнилось, какъ образно выразился на этотъ счетъ князь Александръ.

— Битвы не каждый день даются, — замѣтилъ онъ,—и въ ожиданіи битвы все же нужно и кормить солдатъ, и чистить ружья, и готовить заряды, и заботиться обо всемъ томъ, безъ чего нельзя выиграть никакого самаго ничтожнаго сраженія. Вотъ этой-то работы и боятся, и бѣгутъ у насъ всѣ, кто не народъ, точно только народъ обязанъ нести бремя чернаго труда, а всѣ остальные люди должны только пожинать блестящіе лавры славы...

Если общіе взгляды и отвлеченныя мысли князя поражали Орлова своею стройностью, то еще болѣе поразили его частности и примѣры, приведенные княземъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ взглядовъ, — поразили уже потому, что вызывали боль въ сердцѣ Орлова. Такъ, князь, говоря о томъ, какія послѣдствія иногда вызываютъ наше неумѣнье или нежеланье слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, наше вѣчное витаніе среди однихъ какихъ-то широкихъ замысловъ и плановъ, замѣтилъ между прочимъ:

— Ты вотъ былъ далеко не глупымъ, не близорукимъ и не злымъ человѣкомъ, а между тѣмъ задумался ли ты, положимъ, надъ вопросомъ, что выйдетъ изъ того, что сестру Настю выдадутъ за какого-то наемнаго негодяя-жениха и припишутъ ребенка Насти къ этой семьѣ? Еслибы ты хоть на минуту остановился надъ этимъ вопросомъ,—ты спасъ бы отъ многихъ огор-

ченій Настю и избавилъ бы ея мальчика отъ очень печальной участи быть сыномъ негодяя-отца, имѣющаго всѣ законныя права на этого сына.

— Я тогда совершенно потерялъ голову,—проговорилъ Орловъ.

— Полно, мой другъ! Ты самъ не вѣришь, конечно, въ свое оправданіе,—сказалъ князь.—Ты просто умылъ въ этомъ дѣлѣ руки—вотъ и все. А между тѣмъ тебѣ стоило только вдуматься въ дѣло, обсудить его и ты объяснилъ бы Настѣ, что ей вовсе не нужно выдавать замужъ сестру, что для ребенка будетъ меньшимъ несчастіемъ быть незаконнорожденнымъ, чѣмъ сыномъ какого-то мерзавца, что если она и будетъ брошена, то ты найдешь лишній грошъ для воспитанія ея ребенка.

Орловъ молчалъ, вспомнивъ, что, узнавъ о паденіи Насти, онъ прежде всего думалъ, какъ наказать Михайловскаго-Несмѣльскаго, и только. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обличеній, всѣхъ этихъ воспоминаній, Орловъ точно упалъ духомъ, точно растерялся и у него какъ-то невольно сорвался съ языка вопросъ:

— Скажи пожалуйста, какъ ты послѣ всего этого на меня смотришь?

— Я тебя по-прежнему люблю,—отвѣтилъ князь.

Орловъ вопросительно взглянулъ на него.

— Любишь?

— Съ воспоминаніемъ о тебѣ у меня всегда связываются воспоминанія о самыхъ свѣтлыхъ минутахъ дѣтства. Ты первый далъ мнѣ возможность узнать чувство раздѣленной, взаимной любви...

— И послѣ нанесъ сотни мелкихъ уколовъ...

— Да кто же изъ насъ не вливалъ своей капли яда въ жизнь ближнихъ! Мудрецы и святые рѣдки...

Князь грустно улыбнулся.

— Я не говорю о своемъ прошломъ, о прошломъ безпутнаго кутилы-князька, когда дѣлались такія вещи, отъ воспоминанія о которыхъ не только краснѣешь теперь, но иногда чувствуешь боль въ сердцѣ. Нѣтъ, что прошлое! Для него есть оправданіе въ незнаніи, въ неразвитости, въ испорченности. А теперь? Вотъ я, напримѣръ, знаю, что я отравляю жизнь человѣку, близкому мнѣ человѣку, которому я все-таки обязанъ всѣмъ, а между тѣмъ поступить иначе—это свыше моихъ силъ покуда.

— Ты говоришь объ отцѣ?—спросилъ Орловъ.

— Да,—отвѣтилъ князь.—Я знаю, что его мучитъ разладъ со мною. Это сквозитъ въ каждомъ письмѣ сестры. Она пишетъ: «отецъ все вспоминаетъ о тебѣ. Зачѣмъ ты ему пишешь такія сухія, такія оффиціальныя письма? Зачѣмъ ты не говоришь съ нимъ откровенно о томъ, что ты дѣлаешь, какъ ты живешь? Вѣдь ты же не чужой ему!» И все-таки я не могу переломить себя и изгладить изъ его души раскаяніе, упреки за прошлое. Это не злопамятство, это не мелочное упрямство, а что-то такое, чего я не могу объяснить себѣ и что выше меня.

Далеко за полночь продолжалась бесѣда Орлова съ княземъ и они разстались друзьями. Князь на прощаньи обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Вычеркнемъ изъ своей дружбы все, кромѣ воспоминаній дѣтства.

VI.

Орловъ ушелъ отъ князя въ странномъ настроеніи. Въ его умѣ вертѣлись только слова князя, что надо смириться и заглянуть въ себя съ безпристрастіемъ и строгостью судьи. Дмитрію Андреевичу вспоминалось теперь, что и у него бывали въ послѣднее время минуты, когда, негодуя на всѣхъ и все, онъ вдругъ на мгновенье останавливался на мысли: «а каковъ я самъ». Эта нотка повторялась въ его душѣ все чаще и чаще. Онъ начиналъ ее подмѣчать и въ другихъ. Что это такое? Слѣдствіе чисто русской склонности къ самобичеванію, къ самообличенію? Или это только знаменіе времени, того тяжелаго времени, когда всѣ сколько-нибудь развитые люди сознали, что кругомъ все скверно, что скверны и дѣла, и дѣятели, что нѣтъ такого уголка, гдѣ бы люди стояли на высотѣ своего положенія, — и разбивъ всѣхъ своихъ кумировъ, втоптавъ въ грязь все и всѣхъ, не находя во внѣшнемъ мірѣ ни одной свѣтлой и твердой точки опоры, попробовали уйти въ свой внутренній міръ и взглянуть на свое собственное я?... «Какъ сестра Аня», вдругъ закончилъ Дмитрій Андреевичъ, и эта мысль бросила какой-то новый для него свѣтъ на этотъ вопросъ. Да, и Анна Андреевна всю жизнь хлопотала о другихъ, судила другихъ, старалась обратить на путь истины другихъ, но подъ ударами обстоятельствъ, когда всѣ ея надежды были разбиты, она вдругъ заглянула въ себя и надъ ней громомъ грянулъ голосъ совѣсти: «Прежде покайся сама!» «Въ грѣ-

хахъ потонула и другихъ чуть не погубила своими грѣхами», смиренно созналась она и пошла на подвигъ покаянія. Это было болѣзненное явленіе, но развѣ наше время—не время больныхъ людей? Развѣ въ наше время не начинаетъ совершаться болѣзненный переломъ—переходъ отъ жизни внѣшними интересами къ жизни интересами внутренними? Эпоха преобразованій и движенія впередъ застала насъ ветхими людьми, не имѣвшими ни силъ, ни средствъ, ни времени подготовиться къ исполненію великой миссіи. Герои для подвиговъ нашлись, а честныхъ чернорабочихъ для упорнаго будничнаго труда не было. Первыхъ создаетъ минута, а вторые вырабатываются десятками лѣтъ. Но дѣло не ждало; руки были нужны; разбирать, какія руки предлагали услуги, было некогда. И вотъ закипѣла работа на новыхъ путяхъ по старымъ традиціямъ и сразу отовсюду послышались крики негодованія на хищничество, на грабежъ, на мошенничество, на неспособность, на недобросовѣстность, на искаженіе великихъ предначертаній. Негодовали даже и тѣ, кто самъ ничего не дѣлалъ, кто самъ портилъ всякое дѣло, кто самъ злоупотреблялъ въ ту или въ другую сторону. Эта эпоха повальныхъ недоразумѣній и повальнаго недовольства должна была кончиться, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ лицъ, такъ или иначе измученныхъ жизнью, невольнымъ желаніемъ уйти въ самихъ себя, заглянуть въ свою собственную душу, переставъ рыться въ чужихъ душахъ, въ чужихъ дѣлахъ. Всѣ эти мысли прошли въ головѣ Дмитрія Андреевича послѣ его перваго разговора съ княземъ и его охватило мрачное настроеніе. Онъ взвѣшивалъ мысленно, сколько онъ сдѣлалъ въ жизни ошибокъ и сколько принесъ дѣйствительной пользы. Какъ много было первыхъ и какъ ничтожны были плоды послѣдней. Но что же онъ могъ сдѣлать въ его положеніи? У него были такъ-сказать связаны руки, связанъ языкъ. Хорошо князю мечтать о плодотворной земской дѣятельности, когда у него есть средства подготовиться къ этой дѣятельности, выйти на это поле битвы во всеоружіи, сдѣлаться сразу видною личностью въ этой сферѣ, имѣя за собой наслѣдственныя земли, родовитое имя, значеніе въ томъ уголкѣ, къ которому онъ прикрѣпленъ своею землей. Да, этимъ людямъ можно позавидовать, потому что у нихъ, и, можетъ-быть, только у нихъ да у народа, уже есть подъ ногами твердая почва: ея границы покуда не широки, стѣсненій и у нихъ много, но все же у нихъ есть на что опереться твердою ногой. А у него, у Орлова, имѣющаго одно ору-

жіе для борьбы—слово, гдѣ твердый оплотъ? О чемъ онъ можетъ говорить, въ какихъ предѣлахъ онъ можетъ говорить, чего онъ имѣетъ право желать? Всѣ эти думы были не веселы; онѣ какъ будто принизили, придавили его, а его настроеніе вслѣдствіе его семейныхъ дѣлъ было и такъ не особенно отрадно. Не мудрено, что онъ шелъ отдохнуть и забыться и къ отцу, и къ князю.

Онъ тѣсно сблизился съ Русовымъ, съ Настей. У нихъ дышалось легко и свободно, какъ у людей, вполнѣ спѣвшихся между собою, не имѣющихъ нужды раздражаться мелкими заботами о грошѣ, не волнующихся какими-нибудь честолюбивыми стремленіями и завистливыми чувствами передъ успѣхами ближнихъ. Судьба въ сущности дала имъ больше, чѣмъ имъ было нужно для счастія. Въ князѣ все поражало послѣдовательностью, цѣльностью, ясностью. Такой душевный строй Дмитрій Андреевичъ встрѣчалъ не у многихъ, между прочимъ у княжны, когда та ѣхала въ деревню съ рѣшимостью отдать себя всю крестьянской школѣ, у сестры Ани, когда та рѣшилась идти въ монастырь. Въ скромной квартиркѣ князя Орловъ отдыхалъ отъ мелкихъ дрязгъ, отъ мелкихъ неудачъ. Присматриваясь ближе къ князю, онъ увидалъ, что этотъ человѣкъ, мало говорившій вообще о себѣ, дѣлалъ свое дѣло упорно и настойчиво. Въ его имѣніи была заведена одна изъ лучшихъ школъ, тамъ было ссудосберегательное товарищество, тамъ были вечерніе классы для дѣвушекъ, обучавшихся рукодѣльямъ, необходимымъ для нихъ, вязанью фуфаекъ и шарфовъ, шитью и т. п. Онъ выписывалъ для хозяйства и ссужалъ кому угодно изъ крестьянъ разныя болѣе или менѣе простыя машины. Онъ завелъ образцовыя сыроварни и пробовалъ распространить ихъ среди крестьянъ. Все, что можно было получить съ имѣнія, шло на это же имѣніе. Онъ самъ жилъ процентами съ небольшого капитала, доставшагося ему вмѣстѣ съ имѣніемъ по завѣщанію одной изъ родственницъ со стороны матери. Самъ онъ покуда являлся въ имѣніе хотя и часто, но только на побывки, но у него тамъ были довѣренныя лица, управляющій и школьный учитель, орудовавшіе всѣмъ. Орловъ раза два видѣлъ у князя этихъ молодыхъ людей и сразу угадалъ, что это—люди готовые положить душу за народъ, горячія головы, страстно преданныя дѣлу и менѣе всего заботящіяся о себѣ. Иногда Орлову дѣлалось какъ-то тоскливо, когда онъ слушалъ оживленные толки этихъ людей: они были полны такой молодой энергіи, такъ вѣрили въ свое дѣло, такъ равно-

душно относились къ своимъ личнымъ неудачамъ. Онъ сознавалъ, какъ-то чутьемъ угадывалъ, что ихъ не сегодня, такъ завтра сдержатъ, остановятъ; но они-то вовсе и не думали объ этомъ «завтра» и въ этомъ было ихъ великое счастье. Орловъ сравнивалъ ихъ положеніе съ своимъ: они дѣлали дѣло, не заботясь, что можетъ навлечь оно на нихъ, а онъ, принимаясь за перо, прежде все думалъ о цензорѣ; они могли дѣлать дѣло, оставаясь «въ черномъ тѣлѣ», а онъ прежде чѣмъ явиться на защиту въ судъ, на засѣданіе какого-нибудь комитета, долженъ былъ думать о фракѣ, о приличномъ видѣ, объ обстановкѣ. Иногда въ его душѣ пробѣгала какая-то тѣнь, что-то въ родѣ зависти къ этимъ людямъ даже и потому, что они были бобыли или умѣли отрѣшиться отъ семьи, а онъ какъ-то такъ сросся съ семьей, что его грызла мысль и о томъ, не нуждается ли Аня въ чемъ-нибудь въ монастырѣ, и о томъ, что отецъ можетъ нуждаться безъ его помощи, и о томъ, что Леша пропадетъ безъ его поддержки. Ему вспомнились великія слова, что кто хочетъ служить провозвѣстникомъ истины, тотъ долженъ оставить и отца, и мать, и сестеръ, и братьевъ. О, это далеко не такъ легко, какъ кажется, когда человѣкъ хочетъ сдѣлать рискованный шагъ, а у его ногъ лежатъ въ слезахъ, любимыя имъ, взлелѣявшія его лица и дрожащимъ шепотомъ молятъ его: «Останься съ нами!» Но эти думы были только мимолетными тучками и ему снова слышался мягкій и ровный голосъ князя:

— Полно, Дмитрій! Тебѣ-то ужь стыдно жаловаться. Ты вышелъ изъ той среды, гдѣ спасается изъ тысячъ одинъ... Значитъ, приходится благодарить судьбу, что она тебя не загубила ни физически, ни нравственно и дала возможность приносить людямъ хоть какую-нибудь пользу. Право, братъ, все, на что мы жалуемся лично—такіе пустяки, такія царапины, что и нянчиться-то съ ними стыдно.

При князѣ Дмитрій Андреевичъ не могъ даже особенно жаловаться на общественныя дѣла, — князь всегда полушутливо, полусерьезно замѣчалъ въ этихъ случаяхъ:

— Ну, ну, не навинчивайся!

Какъ-то Дмитрій Андреевичъ горячо высказалъ ему по поводу этого замѣчанія, что князь повидимому равнодушно относится ко всякимъ общественнымъ неурядицамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Русовъ.—Но вѣдь ты знаешь всѣ эти неурядицы и я ихъ всѣ знаю,—что же мы будемъ, какъ тра-

писты, повторять это memento mori и расходовать свои силы на охи и вздохи, на брань и проклятья въ четырехъ стѣнахъ? Найдешь средство помочь какому-нибудь злу, — ну, и труби тогда объ этомъ злѣ и объ этомъ средствѣ, а такъ-то что же это за разговоръ о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно?...

— Значитъ, такъ и не раскапывать разныхъ золъ, покуда не найдется средствъ для ихъ уничтоженія?—сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ: въ литературѣ, въ книгахъ, среди неопытныхъ новичковъ, все это имѣетъ важное значеніе, но... вѣдь ты вѣрно давно пересталъ читать статейки,—ну, положимъ, о распространеніи пьянства въ народѣ, о развитіи извѣстныхъ болѣзней по деревнямъ, о дурномъ состояніи на фабрикахъ,—потому что ты-то знаешь все это отлично и безъ новыхъ подтвержденій... Такъ для чего же мы съ тобой будемъ изъ нашихъ разговоровъ именно такія статьи дѣлать, которыхъ мы и въ газетахъ не читаемъ? Право, все такъ гадко, что навинчивать себя на озлобленіе болтовней вовсе не надо...

И точно, жизнь князя сложилась такъ, какъ можетъ-быть должна бы слагаться жизнь каждаго работника: онъ много занимался, читалъ, учился, переписывался съ своими деревенскими друзьями, принималъ людей, приходившихъ къ нему отъ этихъ друзей, а въ свободные часы онъ превращался въ веселаго хозяина-семьянина, игралъ съ дѣтьми, занимался музыкой и пѣніемъ съ Настей, балагурилъ, погружался съ Настей въ разныя соображенія насчетъ устройства свадьбы ихъ горничной и лакея, насчетъ крестинъ у ихъ деревенскаго конторщика и т. п. Отъ этой жизни вѣяло бодростью и здоровьемъ и Орловъ не разъ завидовалъ этому счастью, купленному долголѣтней внутреннею ломкой, серьезной работой надъ собою. Но эта жизнь дѣйствовала заразительно: Орловъ втянулся въ нее. Его какъ будто стало утомлять слушаніе разныхъ разсказовъ о томъ, что случился еще такой-то и такой-то новый фактъ крупныхъ злоупотребленій, что тамъ-то и тамъ-то произведены грабежъ, подлогъ, казнокрадство, несправедливость. Окончивъ работу, онъ стремился въ уютный уголокъ Русовыхъ. Его стали интересовать друзья Русова съ ихъ молодыми планами и проектами. Онъ почувствовалъ потребность снова завязать сношенія съ Благолѣповымъ и княжною, чутьемъ угадывая, что и оттуда повѣетъ на него тою же бодростью. На первое же его письмо послѣдовалъ дружескій отвѣтъ, а спустя мѣсяцъ или полтора отъ Бла-

голѣпова явился къ Орлову какой-то здоровый, загорѣлый юноша съ лаконическою запиской отъ Никанора Ивановича: «Податель нуждается въ твоихъ совѣтахъ. Сдѣлай что можно. Онъ изъ нашихъ». Изъ нашихъ?... Орловъ началъ толковать съ подателемъ записки и узналъ, что это бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ студентъ лѣснаго института, а теперь простой рабочій на механическомъ заводѣ. Онъ пришелъ по дѣлу заводскихъ рабочихъ, у которыхъ неправильно оттягали землю. Нужно было дать совѣтъ, что можно тутъ сдѣлать и какъ начать дѣло. Орловъ разсмотрѣлъ бумаги, сообразилъ, что можно сдѣлать, и предложилъ свои услуги.

— Вы, конечно, понимаете, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о большомъ вознагражденіи,—сказалъ податель записки отъ Благолѣпова.

Орлова точно что-то кольнуло.

— Я вовсе не имѣю въ виду никакихъ вознагражденій за подобное дѣло,—отвѣтилъ онъ.

Посѣтитель уловилъ въ отвѣтѣ нотку обидчивости и замѣтилъ:

— Я вамъ потому сказалъ объ этомъ, что я знаю, что вы вовсе не такъ богаты, чтобы разъѣзжать на свой счетъ по чужому дѣлу.

Орловъ улыбнулся.

— Вы, вѣроятно, еще бѣднѣе меня, однако же колесите по Россіи по этому же дѣлу.

— Я, дѣло другое, втянулся въ эту лямку,—отвѣтилъ посѣтитель.

Они стали говорить о положеніи народа, о положеніи рабочихъ.

— Но вамъ должно быть не легко на заводѣ?—сказалъ Орловъ.

— Не труднѣе, чѣмъ другимъ. Даже, если хотите, легче. У меня есть всегда возможность отступленія, а у тѣхъ, у настоящихъ рабочихъ, нѣтъ даже и этого. Правда, здѣсь, на родинѣ, и у меня уже сожжены корабли за собою, но вѣдь еслибы ничто не удалось здѣсь, еслибы стало ужь очень тошно, такъ міръ-то широкъ. Я знаю три иностранныхъ языка, я хорошій механикъ и тоже, какъ видите, мускулы есть.

Дѣйствительно, это былъ атлетъ.

— А у меня есть къ вамъ еще просьба, чисто личная,—сказалъ посѣтитель на прощаньи, видимо стѣсняясь.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Орловъ.

— Можетъ-быть я не успѣю убраться сегодня отсюда и... видите ли вы, мнѣ не особенно ловко переночевать у товарищей,—окончилъ молодой человѣкъ.

— Моя квартира къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Благодарю.

Вечеромъ онъ дѣйствительно явился къ Орлову и переночевалъ у него.

Съ этого дня у Дмитрія Андреевича вдругъ завелись новыя связи, новыя дѣла и эти дѣла были уже дѣйствительно чѣмъ-то такимъ, чему онъ радовался, чѣмъ онъ гордился, такъ какъ это уже были не гражданскія дѣла богачей, обдѣлываемыя исключительно ради гроша, ради наживы.

Говоря откровенно съ княземъ Русовымъ обо всемъ, что онъ дѣлалъ, Орловъ не скрылъ отъ князя и посѣщенія рекомендованнаго ему, Орлову, Благолѣповымъ лица. Князь выслушалъ его разсказъ и замѣтилъ:

— Отлично, что взялся помочь бѣднякамъ. Такія дѣла пріятно вести... Но ты немного смутилъ меня своимъ разсказомъ объ этомъ господинѣ. Это, очевидно, человѣкъ, скрывающійся подъ другою фамиліей, замѣшанный въ какое - нибудь политическое дѣло. Ты говоришь, что его рекомендовалъ Благолѣповъ. Значитъ у нихъ есть сношенія. Не попались бы они. Соня можетъ пострадать.

Онъ закусилъ нижнюю губу и заходилъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Ты знаешь, я не обвиняю этихъ людей, не отношусь къ нимъ со злобой, очень хорошо понимая, что они дошли роковымъ образомъ до своихъ убѣжденій. Но я противъ всѣхъ этихъ нелегальныхъ путей, такъ какъ не вижу возможности сдѣлать что-нибудь, идя въ этомъ направленіи. Тутъ неизбѣжно тратится громадное количество силъ на пустяки, на непроизводительныя хлопоты, въ родѣ добыванія фальшивыхъ паспортовъ, скрыванія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ шпіоновъ, на попытки въ томъ или другомъ мѣстѣ сдѣлать что-нибудь, кончающіяся полнымъ фіаско, на сидѣнье въ тюрьмахъ. Но дѣло не въ томъ. Я боюсь, что Соня втянется именно въ этого рода дѣятельность. Женщинѣ, въ положеніи Сони, вообще трудно что - нибудь дѣлать, если она не хочетъ или не можетъ оставаться просто барышней-бѣлоручкой. Ну, за что ей приняться?... За филантропію,

сознавая ея безполезность? За какую-нибудь работу, чтобъ отбивать эту работу у нуждающихся?... Право, и придумать трудно, чѣмъ она можетъ наполнить пустоту своей жизни. Въ такомъ положеніи, живя въ деревнѣ и имѣя подъ рукой такого наставника, какъ Благолѣповъ, легко затянуться въ дѣло политической агитаціи.

— Ну, Благолѣповъ, можетъ-быть, замѣшается и замѣшался во все самъ, но онъ настолько честный человѣкъ, что не подведетъ Соню,—сказалъ Орловъ.

— Да тутъ вовсе не нужно быть безчестнымъ, чтобы подвести ее,—отвѣтилъ князь.—Не можетъ же Благолѣповъ не говорить съ ней о томъ, что онъ думаетъ, въ чемъ онъ убѣжденъ. Не можетъ же онъ опекать ее и удерживать, если она пойдетъ за нимъ по его дорогѣ. Въ жизни, братъ, все такъ просто слагается, что даже иногда становится жутко отъ этой простоты: малѣйшая неосмотрительность, малѣйшая небрежность и—гибнетъ въ одну минуту то, что создавалось въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Пріятели долго разсуждали о княжнѣ Софьѣ Александровнѣ и Благолѣповѣ и имъ обоимъ стало какъ-то безотчетно тоскливо. Въ это время получилась изъ Русовки телеграмма, извѣщавшая объ опасномъ положеніи стараго князя. Русовъ рѣшился взять съ собою Настю и пригласилъ Орлова ѣхать съ ними въ деревню. Орловъ могъ пригодиться князю въ случаѣ смерти Александра Владиміровича и кромѣ того самъ Орловъ былъ радъ провѣтриться, повидаться съ княжной и Благолѣповымъ.

Онъ съ удовольствіемъ покидалъ Петербургъ, гдѣ уже прожилъ три зимы...

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Капитализмъ и крестьянское хозяйство *).

Рѣдко въ печати встрѣчаются случаи, когда въ вопросахъ экономическихъ людямъ, повидимому, принадлежащимъ къ одной школѣ, приходится вести полемику, а такой случай возникаетъ для меня въ виду появившейся книги г. В. В.—«Судьбы капитализма въ Россіи», а также статей того же автора въ январской и іюньской книжкахъ *Русской Мысли*. Упомянутая книга не новость въ литературѣ,—она составляетъ перепечатку статей *Отечественныхъ Записокъ*, помѣщенныхъ въ прошломъ году. Противъ главной мысли автора я тогда же сдѣлалъ возраженіе въ статьѣ моей—«Нашъ экономическій недугъ» (*Русская Мысль*, сентябрь 1881 г.); но авторъ, повидимому, не обратилъ вниманія на это возраженіе, что заставляетъ меня обратиться къ болѣе подробному разбору высказанныхъ имъ положеній и ихъ мотивировкѣ. Наши точки отправленія въ изслѣдованіи экономическихъ явленій русской жизни однѣ и тѣ же: оба мы думаемъ, что капитализмъ, овладѣвшій производствомъ на Западѣ, при перенесеніи его въ Россію не только не принесетъ пользы нашему отечеству, но способенъ разорить его; оба мы согласны въ томъ, что главнымъ основаніемъ нашего экономическаго быта должно считаться крестьянское хозяйство—не только единичное, но и артельное; оба мы находимъ, что крестьянская реформа не удовлетворила экономическихъ нуждъ Россіи и принесла, сознательно или безсознательно, интересы большинства въ жертву интересамъ

*) Признавая вопросъ о борьбѣ капитализма съ крестьянскимъ хозяйствомъ далеко не разрѣшеннымъ, признавая существенную важность этого вопроса и необходимость всесторонней разработки его, редакція, помѣстивъ „Сельско-хозяйственные очерки“ г. В. В. (*Русская Мысль*, кн. I и VI текущаго года), считаетъ своимъ долгомъ дать мѣсто и возраженіямъ, дѣлаемымъ на эти очерки почтеннымъ авторомъ настоящей статьи. *Ред*.

меньшинства; оба мы согласны въ томъ, что наша экономическая политика въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, поставившая себѣ задачею содѣйствіе крупной промышленности и крупному производству даже въ сельско-хозяйственной дѣятельности, была ошибочна и вовсе не соотвѣтствовала дѣйствительнымъ интересамъ народа; оба мы согласны въ томъ, что послѣдовательное переживаніе всѣхъ формъ производства, которыя постепенно развивались въ западной Европѣ, не есть необходимость для народа, начавшаго свое развитіе позднѣе,—что, примыкая къ европейской цивилизаціи только теперь и имѣя въ виду опытъ опередившихъ насъ народовъ, мы должны пользоваться уроками этого опыта и, слѣдовательно, можемъ избѣжать той ошибочной политики, которая привела западныя государства къ пролетаріату и пауперизму и къ тѣмъ періодическимъ кризисамъ, въ перспективѣ которыхъ является революціонный катаклизмъ; наконецъ, оба мы готовы апплодировать тѣмъ начинаніямъ правительства, въ концѣ которыхъ можно ожидать облегченія бѣдственнаго положенія крестьянъ и упроченія ихъ самостоятельнаго хозяйства. Но, несмотря на это тождество взглядовъ и стремленій, какъ далеко расходимся мы, когда бросаемъ взглядъ на будущія судьбы капитализма въ Россіи. Чтобъ указать взглядъ г. В. В. на этотъ вопросъ, выписываю заключительныя слова его статьи въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли*:

«Хотя въ Россіи находятся условія, считаемыя агрономами благопріятными для развитія интенсивнаго капиталистическаго земледѣлія, высокая арендная плата и низкая цѣна труда, но, *къ несчастію*, самое существованіе крупнаго хозяйства находится у насъ подъ вопросомъ *). И что интересно, его губятъ именно упомянутые «благопріятныя» условія: чрезмѣрно высокая рента окружаетъ капиталистическое производство атмосферою черезчуръ большаго риска; низкопробный дешевый трудъ вмѣстѣ съ дорогимъ капиталомъ еще усугубляетъ возможность убытка для хозяина; условія внутренней и внѣшней торговли не дозволяютъ наверстать потери соотвѣтственнымъ возвышеніемъ цѣны продукта. При такой комбинаціи обстоятельствъ развитіе интенсивности земледѣлія подъ руководствомъ капитала можно считать

*) Выражаясь такъ, г. В. В., очевидно, маскируетъ рѣзкость своего приговора; въ другихъ мѣстахъ своей статьи онъ прямо доказываетъ невозможность крупнаго хозяйства въ Россіи.

пріятной, или, если угодно, «полезной» игрушкой, но никакъ не серьезнымъ историческимъ явленіемъ».

Хороша игрушка,—замѣтимъ мы мимоходомъ,—которая даетъ возможность, уже и теперь, многимъ мало-мальски практическимъ людямъ наживать состоянія, пренебрегая высокою рентой, вовсе не жалуясь на высоту заработной платы и не прибѣгая къ разнымъ способамъ кабалы окружающаго населенія. Ниже мы укажемъ и факты подобнаго рода.

Вся статья г. В. В. служитъ аргументаціей выписаннаго мною заключенія и отнюдь не указываетъ на дѣйствительное его знакомство съ дѣломъ. Вся эта аргументація основана не на собственномъ объективномъ изслѣдованіи дѣла, а представляется кабинетнымъ подборомъ высказанныхъ въ литературѣ взглядовъ и мнѣній далеко не авторитетныхъ, съ единственною цѣлію подтвердить выведенное a priori заключеніе. Подобный способъ доказательства, въ особенности въ вопросахъ экономическихъ, можетъ имѣть очень невыгодныя послѣдствія (два мнѣнія, горячо защищаемыя авторомъ), такъ какъ по сложности причинъ, обусловливающихъ каждое экономическое явленіе, не трудно подыскать случайные факты, подтверждающіе какое угодно мнѣніе. Но кромѣ того распространеніе главной мысли автора я нахожу чрезвычайно вреднымъ, на томъ основаніи, что не только сторонники эксплуататорскихъ тенденцій, но даже добросовѣстные поклонники буржуазной политики могутъ опираться на подобныя мнѣнія и совершенно логично возразить автору, что если будущее принадлежитъ исключительно крестьянскому хозяйству, то стало-быть все обстоитъ благополучно и для улучшенія крестьянскаго быта не требуется никакихъ мѣропріятій со стороны законодательства, тѣмъ болѣе, что всѣ естественныя условія нашего отечества содѣйствуютъ этому улучшенію. Въ виду же печальной участи, которая ожидаетъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, законодательство обязано придти, хотя бы временно, на помощь къ этимъ послѣднимъ, чтобъ оградить ихъ отъ окончательнаго разоренія и облегчить имъ переходъ къ другому порядку вещей и ликвидацію ихъ дѣла. Вотъ что могутъ сказать г-ну В. В. противники его экономическихъ воззрѣній и будутъ логически совершенно правы, тѣмъ болѣе, что всѣ интересы, возникшіе въ государствѣ на законномъ основаніи, имѣютъ право разсчитывать на возможное содѣйствіе правительства, если они страдаютъ отъ причинъ общихъ, неотвратимыхъ частнымъ почи-

номъ. Во всякомъ случаѣ эти господа будутъ имѣть полное основаніе требовать не только свободы частной поземельной собственности отъ податей, но и строгаго огражденія правъ нанимателя и неуклоннаго преслѣдованія нанимаемаго за нарушеніе святости договора, хотя бы этотъ договоръ былъ вынужденъ необходимостію или заключенъ рабочимъ безсознательно, а нарушеніе послѣдовало вслѣдствіе причинъ неожиданныхъ и внезапныхъ. Такимъ образомъ г. В. В. своею книгой и своими статьями, несмотря на весьма сочувственное направленіе его воззрѣній, самъ того не замѣчая, создаетъ не только мотивъ для оправданія и поддержанія statu quo въ нашей экономической и соціальной политикѣ, но и поводъ къ домогательству различныхъ привилегій и льготъ, которымъ онъ съ своей точки зрѣнія никакъ сочувствовать не можетъ. Но прежде, нежели я приступлю къ подробному разбору аргументаціи г. В. В., я замѣчу, что сколько ни думалъ я о вопросѣ поднятомъ г. В. В., я всегда приходилъ къ заключенію вполнѣ противоположному, а именно, что опасность угрожаетъ у насъ всего скорѣе не капиталистическому сельскому хозяйству, а крестьянскому, и именно вслѣдствіе развитія не только въ нашемъ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ такъ-называемыхъ *здравыхъ экономическихъ понятій буржуазнаго оттѣнка*, послужившихъ основаніемъ для всей нашей экономической соціальной и финансовой политики послѣднихъ двадцати лѣтъ, имѣвшей въ виду содѣйствіе и покровительство развитію крупной промышленности и торговлѣ. Всѣ мѣры этого періода времени создавали почву для капиталистическихъ предпріятій среди патріархальнаго быта нашихъ крестьянъ и имѣли, какъ оказывается, значительный успѣхъ, такъ какъ фактъ обѣднѣнія народа не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ капитализмъ явился къ намъ внезапно въ послѣднемъ фазисѣ своего развитія, организованный въ формѣ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ, съ содѣйствіемъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ, во всеоружіи огромнаго вліянія и значенія. Ясно, что при такомъ положеніи онъ имѣлъ громадную притягательную силу и сосредоточилъ около себя всѣ разрозненные мелкіе капиталы, частію поглотивъ ихъ, частію создавъ для нихъ служебную дѣятельность, такъ что русскій денежный рынокъ, и безъ того бѣдный капиталами, опустѣлъ еще болѣе, а слабая конкурен-

ція капиталовъ, обращавшихся на рынкѣ, исчезла и ее замѣнила монополія очень ограниченнаго числа капиталистовъ.

При такихъ условіяхъ капитализмъ въ Россіи составляетъ силу, съ которой врядъ ли можетъ быть поставлена рядомъ сила капитала въ какой-либо странѣ западной Европы, гдѣ онъ накоплялся постепенно, вначалѣ при взаимной конкуренціи капиталистовъ, и давалъ труду возможность организоваться въ свою очередь и принять въ извѣстной степени мѣры предосторожности въ видахъ самозащиты. Тѣмъ не менѣе человѣкъ труда на западѣ Европы не освободился отъ гнета капитала, большею частію лишился поземельной собственности и обратился въ пролетарія. Вотъ плоды свободной дѣятельности капитала, при отсутствіи законодательства, охраняющаго интересы рабочаго класса. Что же касается до нашего отечества, то при рѣдкости и дороговизнѣ капиталовъ на нашемъ рынкѣ и въ виду предоставленной имъ свободы и возможности огранизоваться, капитализмъ можетъ вызвать такія печальныя послѣдствія, какихъ не испытывала западная Европа. Кромѣ того, въ нашихъ правительственныхъ сферахъ существуетъ какое-то церемонное отношеніе къ крупнымъ предпріятіямъ: къ нимъ относятся какъ-то снисходительно, даже въ случаяхъ нарушенія со стороны ихъ распорядителей не только принятыхъ ими обязательствъ въ отношеніи правительства, но даже въ случаяхъ нарушенія ими дѣйствующихъ постановленій, причемъ страдаютъ иногда интересы рабочихъ и третьихъ лицъ; въ затруднительныхъ же случаяхъ, въ которые впадаютъ крупные предприниматели по своей неосторожности или даже вслѣдствіе злоупотребленій ихъ повѣренныхъ, они встрѣчаютъ содѣйствіе и пособіе администраціи. Все это допускается, повидимому, изъ опасенія повредить государственному кредиту или переходу заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ, а между тѣмъ создается почва для произвольныхъ дѣйствій разныхъ правленій обществъ, основанныхъ на заграничные капиталы или при пособіи правительства. Не привожу здѣсь фактовъ, подтверждающихъ эту мысль, на томъ основаніи, что, по всей вѣроятности, каждый изъ читателей имѣетъ въ виду ихъ нѣсколько; если же отъ меня потребуютъ указаній, то я въ состояніи привести десятки подобныхъ примѣровъ. Обстоятельство это, безъ всякаго сомнѣнія, увеличиваетъ силу и значеніе крупнаго капитала въ его экономической борьбѣ не только съ трудомъ, но и съ мелкимъ капиталомъ.

На этихъ основаніяхъ я убѣжденъ, что въ нашемъ отечествѣ нужны энергическія мѣры для охраненія самостоятельности крестьянскаго хозяйства; если же таковыхъ не будетъ принято, то не пройдетъ и полувѣка, какъ эта самостоятельность сдѣлается только историческимъ фактомъ, который сохранится въ воспоминаніи старожиловъ и будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ мало наше поколѣніе воспользовалось уроками западно-европейскаго опыта.

Соглашаясь отчасти съ г. В. В., что нашъ капитализмъ не захватилъ еще въ свои цѣпкія руки всей земледѣльческой промышленности, я тѣмъ не менѣе смѣю его увѣрить, что мнѣ извѣстны многіе примѣры хозяйствъ, устроенныхъ чисто на капиталистическихъ основаніяхъ и приносящихъ доходъ значительно выше существующей арендной платы и притомъ безъ всякаго разсчета на эксплуатацію рабочаго. Я знаю такіе примѣры въ Смоленской, Тверской и Тульской губерніяхъ. Кромѣ того, въ районѣ тяготѣнія къ Ростовской на Дону пристани, я знаю купца, который болѣе 15 лѣтъ занимается сельскимъ хозяйствомъ въ громадныхъ размѣрахъ и съ этою цѣлію арендуетъ 300.000 десятинъ земли въ разныхъ мѣстностяхъ этого района, засѣваетъ кромѣ другихъ хлѣбовъ одной пшеницы до 20.000 десятинъ и имѣетъ рабочаго скота на разныхъ фермахъ до 4.000 воловъ, и притомъ не только не жалуется на недостатокъ рабочихъ рукъ или ихъ дороговизну, но имѣетъ ихъ постоянно въ избыткѣ. Онъ посмѣивается только надъ нашими помѣщиками, удивляясь, почему они не находятъ возможнымъ вести хозяйство на основаніяхъ чисто коммерческихъ. Въ виду подобныхъ, положительно мнѣ извѣстныхъ, фактовъ назвать *пріятной игрушкой* капиталистическое сельское хозяйство было со стороны г. В. В. слишкомъ смѣло и опрометчиво.

Если капитализмъ не успѣлъ еще захватить въ свои руки сельскаго хозяйства въ Россіи, то это отнюдь не потому, что сельско-хозяйственная дѣятельность невыгодна, но потому, что наши землевладѣльцы, воспитанные на крѣпостныхъ порядкахъ, не только не имѣли никакихъ теоретическихъ знаній по этой части, но не обладали даже никакими практическими свѣдѣніями, чтобы вести какое бы то ни было дѣло на коммерческихъ основаніяхъ. Кромѣ того одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности открылась широкая почва для дѣятельности предпринимателей, которая по-

глотила все ихъ вниманіе: сначала желѣзныя дороги и пароходы, затѣмъ банки и, наконецъ, фабрики и заводы подъ покровительствомъ тарифа или съ субсидіей отъ правительства привлекли всѣ незначительные капиталы, обращавшіеся на нашемъ рынкѣ. Сюда же ушли и остатки выкупныхъ ссудъ, выданныхъ помѣщикамъ, и закладные листы земельныхъ банковъ, такъ что на затраты въ сельское хозяйство просто не хватило средствъ, въ особенности при полномъ неумѣньи употребить ихъ разумно. Первыя попытки неопытныхъ людей оказались неудачными и это повело къ очень ошибочному, но очень распространенному, заключенію, что затрачивать капиталъ въ сельское хозяйство убыточно. Кромѣ того другія отрасли промышленности, требующія затраты значительныхъ капиталовъ, создавали возможность быстрой наживы, въ особенности для ловкихъ предпринимателей. Ихъ громкія рекламы и заманчивыя обѣщанія привлекали простодушныхъ владѣльцевъ выкупныхъ бумагъ и недвижимыхъ имуществъ, которые спѣшили продавать свои бумаги и закладывать оставшіяся у нихъ земли, чтобы принять участіе въ выгодныхъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣйствительно удались, но большинство оказалось дутыми и *общипанными дѣлами*. Всѣ эти обстоятельства создали для нашихъ землевладѣльцевъ такое положеніе, при которомъ хозяйство велось безъ капитала, что весьма затруднительно, а если и возможно, то при особой распорядительности, разсчетливости, знаніи дѣла, настойчивости и увѣренности въ успѣхѣ. Ничего этого не было у нашего барства, а тѣмъ менѣе у тѣхъ людей, которымъ наши помѣщики ввѣряли свои имѣнія, нанимая ихъ за грошъ мѣдный, такъ какъ значительныхъ денегъ платить имъ было не изъ чего. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ сдача крестьянамъ земли подесятинно оказалась много выгоднѣе, въ особенности когда крестьяне прикрѣплены къ землѣ, надѣлены ею далеко не въ достаточномъ количествѣ и не имѣютъ кромѣ земледѣлія никакихъ другихъ промысловъ? При одинаковыхъ системахъ хозяйства крестьянъ и помѣщиковъ, послѣдніе, конечно, не могли конкурировать съ первыми—какъ потому, что производительность труда крестьянъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ гораздо выше, чѣмъ производительность наемнаго рабочаго, такъ и потому, что крестьянинъ, привыкшій къ земледѣлію съ юности, имѣлъ гораздо болѣе практической опытности въ пользованіи своимъ трудомъ и въ распредѣленіи своихъ занятій, чѣмъ помѣщикъ, привыкшій, на осно-

ваніи крѣпостныхъ порядковъ, распоряжаться даровымъ трудомъ и поэтому не умѣвшій цѣнить его по дѣйствительной стоимости. Два эти свойства крестьянина давали ему такое громадное преимущество передъ помѣщикомъ въ дѣлѣ эксплуатаціи земли, что дѣйствительно послѣдній въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, не только не умѣя установить никакой раціональной системы хозяйства, но даже не имѣя никакой практической опытности и распорядительности, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ и раздать свою землю въ аренду крестьянамъ, въ особенности въ виду различныхъ поприщъ, открывшихся почти одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Значительное вознагражденіе за умственный трудъ, предложенное на всѣхъ этихъ поприщахъ, въ связи съ неумѣньемъ извлекать доходъ изъ земель, оставшихся за надѣломъ крестьянъ, и съ непривлекательной обстановкой деревенской жизни—породили довольно распространенное мнѣніе, что при существующихъ условіяхъ сельскохозяйственная дѣятельность не окупаетъ труда, въ нее положеннаго, а тѣмъ менѣе дорого стоющаго капитала; а это мнѣніе въ свою очередь произвело бѣгство нашихъ помѣщиковъ изъ деревни въ городъ, что сдѣлало еще болѣе непривлекательною деревенскую жизнь помѣщика. Вслѣдствіе этого молодое поколѣніе бросало ее окончательно, переходя къ другимъ занятіямъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду средній классъ нашихъ помѣщиковъ; что же касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то они и прежде не занимались хозяйствомъ, а незначительные доходы, получавшіеся ими прежде, съ освобожденіемъ крестьянъ могли только увеличиться отдачею земель въ наемъ крестьянамъ; поэтому о нихъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Г. В. В. утверждаетъ, что стремленіе крестьянъ къ хозяйственной самостоятельности одержало побѣду надъ капиталистическимъ земледѣліемъ; я же думаю, что это было далеко не побѣда, а простое занятіе позиціи, оставленной безъ всякой борьбы спасовавшими помѣщиками. *Спасовавшими*, но надолго ли? Въ этомъ весь вопросъ. Упадокъ духа нашихъ помѣщиковъ, по мнѣнію моему, продолжался очень не долго, въ особенности на почвахъ благодарныхъ. Какъ скоро помѣщики убѣдились, что надѣлъ крестьянъ недостаточенъ для удовлетворенія ихъ потребностей, не даетъ имъ необходимыхъ средствъ для уплаты все болѣе и болѣе возникающихъ денежныхъ платежей и что возможность приложенія труда помимо

земледѣлія для крестьянъ очень ограниченна, т. е. когда они убѣдились, что крестьяне нуждаются въ землѣ, какъ средствѣ приложенія своего труда, котораго имъ безъ нея продать не кому, тогда тотчасъ же была открыта компанія противъ самостоятельности крестьянскаго хозяйства путемъ повышенія арендной и пониженія заработной платы. Г. В. В. видитъ въ повышеніи арендной платы орудіе крестьянъ, которые боролись имъ противъ введенія у насъ капиталистическаго сельскаго хозяйства; я же думаю, что это было орудіе помѣщиковъ противъ самостоятельнаго хозяйства крестьянъ, которымъ первые достигали двухъ цѣлей: во-первыхъ, пониженія выгодъ отъ арендованія земель, въ особенности въ виду риска вслѣдствіе неурожая, и, во-вторыхъ, пониженія заработной платы. Отсутствіе другихъ средствъ приложенія труда и прикрѣпленіе къ землѣ создавали крестьянамъ такое положеніе, при которомъ они должны были подчиниться по необходимости тѣмъ условіямъ, которыя назначались помѣщиками, тѣмъ болѣе, что «дорога полоса къ загону», какъ говоритъ русская поговорка. Въ такихъ обстоятельствахъ объ отстаиваніи своей хозяйственной самостоятельности, о какой-либо борьбѣ противъ установленія капиталистическаго сельскаго хозяйства—не могло быть и рѣчи: тутъ былъ просто вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба.

При отсутствіи умѣнья вести сельское хозяйство выгоднымъ образомъ, возвышеніе арендной платы было единственно возможнымъ орудіемъ въ рукахъ помѣщиковъ, въ ихъ борьбѣ съ крестьянскимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ, и орудіе, какъ показалъ опытъ, вполнѣ пригодное, такъ какъ самъ г. В. В. признаетъ фактъ обѣднѣнія народной массы неподлежащимъ отрицанію. Въ томъ же направленіи дѣйствовало возрастаніе какъ государственнаго, такъ и земскаго бюджетовъ, возвышая денежные платежи крестьянъ. Такое возвышеніе порождало между ними нужду въ деньгахъ и необходимость для ихъ добыванія запродавать свой будущій трудъ съ пониженіемъ заработной платы и такимъ образомъ положило основаніе экономической зависимости крестьянъ отъ каждаго лица, болѣе ихъ состоятельнаго въ имущественномъ отношеніи, — зависимости гораздо болѣе тягостной, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Если такое положеніе дѣлъ можно назвать побѣдой стремленія нашихъ крестьянъ къ самостоятельному хозяйству, то я скажу вмѣстѣ съ однимъ древнимъ воиномъ: еще одна такая побѣда—и самостоятельность крестьянскаго хозяйства исчезнетъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что въ настоящую минуту

всѣ эти условія еще не создали въ нашемъ отечествѣ прочнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства и не разрушили до сихъ поръ самостоятельнаго хозяйства крестьянъ, но они подготовили для этого почву, и притомъ весьма благопріятную, на которой уже положено начало его образованію. Если же оно не развилось до сихъ поръ, то это потому только, что наше сельское хозяйство переживаетъ переходную эпоху, въ которую оно вступило только съ освобожденіемъ крестьянъ, что совершилось не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени если и могли установиться новыя условія, необходимыя для введенія новой системы, то не могли явиться люди способные воспользоваться этими условіями, а старый контингентъ нашихъ землевладѣльцевъ вовсе къ тому непригоденъ. Но разъ эти люди явятся, вооруженные средствами и знаніями (а они уже начинаютъ появляться во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества), они не будутъ жаловаться, какъ то дѣлаютъ нынѣшніе помѣщики, на высоту заработной платы; напротивъ, они возвысятъ ее для привлеченія лучшихъ силъ и создадутъ такія условія въ хозяйствѣ, при которыхъ нашему крестьянину конкуренція будетъ не подъ силу и онъ самъ броситъ свое хозяйство, чтобы получать опредѣленную заработную плату безъ риска. Вѣдь заставила же фабрика большинство крестьянъ фабричнаго района бросить свое самостоятельное хозяйство и довольствоваться заработною платой: то же послѣдствіе необходимо явится при умѣломъ распоряженіи землею именно въ виду допотопныхъ способовъ, которыми нынѣ ведется крестьянское хозяйство. Земля, при средствахъ и знаніи, способна вознаградить предпринимателя конечно не менѣе, чѣмъ фабрика. Вотъ почему я думаю, что для спасенія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства необходимо принять энергическія мѣры, и притомъ безотлагательно, къ возвышенію уровня благосостоянія крестьянъ. Къ этимъ мѣрамъ должны относиться: облегченіе въ платежахъ, увеличеніе надѣловъ, гдѣ это возможно, переселеніе въ широкихъ размѣрахъ и наконецъ содѣйствіе и покровительство артельной обработкѣ земли. Только при сильномъ подъемѣ ихъ благосостоянія, крестьяне въ состояніи будутъ выдержать предстоящую еще имъ борьбу съ капиталистическимъ земледѣліемъ и перейти къ болѣе интенсивной системѣ хозяйства.

Чтобъ объяснить г-ну В. В. одну изъ причинъ неудачи нашихъ помѣщиковъ въ веденіи хозяйства и показать всю непрактич-

ность этихъ господъ, я приведу слова одного изъ подрядчиковъ плотничной работы, слышанныя мною болѣе 35 лѣтъ тому назадъ. Я рекомендовалъ этому человѣку, посѣдѣвшему на своемъ дѣлѣ, знакомаго мнѣ плотника, замѣтивъ при этомъ, что онъ возьметъ не дорого, и получилъ такой отвѣтъ: «Мы, батюшка, за дешевою цѣной не гонимся,—отъ дешеваго работника барыша не будетъ». Въ этихъ словахъ выразилась вся практическая опытность человѣка, которой однако-жь до сихъ поръ не могутъ понять наши развитые помѣщики и, постоянно жалуясь на высоту заработной платы, изъ всѣхъ силъ стараются подешевле нанять своихъ рабочихъ. При такихъ стараніяхъ, разумѣется, они теряютъ свои барыши.

Вся ошибка г. В. В. заключается въ томъ, что онъ принялъ временное переходное состояніе сельскаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ за окончательно установившееся его положеніе и довѣрился слишкомъ опрометчиво тенденціознымъ жалобамъ нашихъ землевладѣльцевъ, желающихъ оправдать существующими обстоятельствами свое непониманіе условій сельскаго хозяйства и свою непрактичность. Кромѣ того онъ счелъ возможнымъ теоретическія положенія политической экономіи, выведенныя на основаніи практики сельскаго хозяйства западной Европы, примѣнять къ русскому капиталистическому земледѣлію. Наконецъ, онъ указываетъ на заимствованныя изъ нашей печати данныя объ арендной платѣ, о валовомъ доходѣ и расходѣ съ десятины, причемъ оказывается, что арендная плата выше, чѣмъ чистый доходъ при собственномъ хозяйствѣ землевладѣльца. На почерпнутыхъ такимъ образомъ данныхъ г. В. В. строитъ свою аргументацію для доказательства справедливости сдѣланнаго имъ вывода, выписаннаго мною въ началѣ статьи. Къ разсмотрѣнію этой аргументаціи я и перейду теперь.

Что касается настоящаго положенія помѣщичьяго или капиталистическаго земледѣлія и тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится къ нему трудъ, то г. В. В., какъ оказывается, вовсе этого не знаетъ и черпаетъ свои свѣдѣнія не изъ компетентныхъ, а изъ тенденціозныхъ источниковъ. По этому поводу я высказалъ выше вполнѣ достаточныя соображенія, а потому теперь обращу вниманіе читателя на его теоретическую аргументацію. Прежде всего здѣсь васъ поражаетъ стремленіе автора примѣнять положенія политической экономіи къ нашему земледѣльческому хозяйству. «Основная причина земледѣльческаго

прогресса, — говоритъ авторъ, — есть размноженіе населенія». Да, совершенно справедливо, на западѣ Европы, гдѣ развитіе земледѣлія обусловливалось потребностями внутренняго рынка. При рѣдкости нашего населенія и обиліи земель каждая мѣстность могла бы съ избыткомъ удовлетворять свои потребности въ земледѣльческихъ продуктахъ, еслибъ у насъ не было, во-первыхъ, искуственнаго прикрѣпленія населенія къ землѣ и, во-вторыхъ, также искуственнаго отвлеченія рабочихъ силъ отъ занятія земледѣльческимъ промысломъ. Такимъ образомъ еслибы нашъ земледѣльческій прогрессъ зависѣлъ только отъ размноженія населенія, то-есть обусловливался бы требованіемъ только внутренняго рынка, то мы бы не могли видѣть ни малѣйшаго улучшенія земледѣлія, ни даже удобренія земли, а между тѣмъ мы видимъ уже давно, даже при крѣпостномъ порядкѣ, частные случаи введенія улучшенныхъ пріемовъ хозяйства у крестьянъ, не говоря уже о помѣщичьихъ хозяйствахъ. Въ настоящее же время эти случаи вовсе не рѣдкость какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ хозяйствахъ. Конечно, эти случаи не составляютъ общаго явленія и наше земледѣліе находится на очень низкой стадіи развитія, но отрицать въ немъ всякое улучшеніе едва ли возможно. Дѣло въ томъ, что у насъ цѣна хлѣба, а слѣдовательно и земледѣльческій прогрессъ, зависитъ не отъ потребностей внутренняго рынка, а вслѣдствіе заграничнаго спроса. Наше населеніе можетъ удвоиться и найдется мѣсто для производства двойнаго количества хлѣба безъ повышенія его цѣны, если только заграничный спросъ не повыситъ ее. Стало-быть первое положеніе автора не имѣетъ никакого значенія въ Россіи.

Затѣмъ г. В. В., излагая положенія экономической науки, выведенныя изъ практики западно-европейской земледѣльческой промышленности, приходитъ къ заключенію, что при данныхъ условіяхъ земледѣльческой техники всякое увеличеніе приложенія къ землѣ труда и капитала даетъ относительно все меньшій и меньшій доходъ, а отсюда онъ выводитъ всю невыгоду у насъ, въ Россіи, приложенія къ землѣ капитала, дорого стоющаго на нашемъ рынкѣ. Все это такъ при извѣстной системѣ интенсивнаго хозяйства, когда къ землѣ приложено уже достаточное количество и труда, и капитала; но не можетъ имѣть никакого значенія въ Россіи, гдѣ, говоря вообще, не прилагается къ землѣ даже и достаточнаго труда, въ особенности умственнаго, для сколько-нибудь разумной ея обработки, а приложеніе капитала является

только рѣдкимъ исключеніемъ, да и то только въ видѣ болѣе или менѣе улучшенныхъ орудій обработки. Не говоря уже о нашей черноземной полосѣ, даже въ сѣверныхъ губерніяхъ, при разумныхъ пріемахъ хозяйства и достаточномъ удобреніи, земля приноситъ чистаго дохода далеко выше арендной платы. Но само собою разумѣется, что при этомъ нельзя его вести на манеръ крестьянскаго хозяйства—по трехпольной системѣ, засѣвая озимое поле рожью, а яровое овсомъ и игнорируя всѣ другія произведенія земледѣльческой промышленности. Вообще для культивированія тѣхъ или другихъ растеній нельзя установить какого-нибудь общаго шаблона для различныхъ мѣстностей. Въ этомъ-то и должна выказаться практическая способность хозяина, чтобы, примѣняясь къ условіямъ данной мѣстности, сдѣлать выборъ между культурными растеніями и распредѣлить время посѣва и уборки такъ, чтобы послѣдняя не совпадала съ уборкою хлѣба сосѣднихъ крестьянъ. Мнѣ извѣстенъ случай въ Петербургской губ., гдѣ новый арендаторъ, немедленно по вступленіи въ распоряженіе имѣніемъ, прекратилъ посѣвъ овса и все предназначенное для этого поле засадилъ картофелемъ. Такимъ распоряженіемъ онъ пріобрѣтаетъ двойную выгоду: получаетъ гораздо большій доходъ съ десятины и не имѣетъ надобности нанимать рабочихъ въ дорогое время уборки яровыхъ хлѣбовъ, такъ какъ картофель выкапывается гораздо позднѣе. При обработкѣ же одинаковыхъ культурныхъ растеній съ окрестнымъ населеніемъ необходимо позаботиться о болѣе раннемъ посѣвѣ, чѣмъ существующій въ данной мѣстности. Такъ я въ своемъ хозяйствѣ Тверской губерніи посѣвъ ржанаго хлѣба старался всегда окончить въ самыхъ первыхъ числахъ августа и начиналъ жатву хлѣба, когда колосъ еще не совсѣмъ пожелтѣлъ. Этими двумя распоряженіями я выигрывалъ болѣе недѣли времени и убиралъ рожь въ то время, когда крестьяне не начинали жать ее. Практическій и знающій дѣло хозяинъ всегда съумѣетъ устроить такъ свое хозяйство, чтобъ имѣть рабочія руки въ то время, когда у сосѣднихъ крестьянъ случается промежутокъ въ полевыхъ работахъ, и тогда расходы на обработку земли сохранятся значительно. Улучшенныя орудія обработки, болѣе доступныя помѣщику, чѣмъ крестьянину, даютъ первому значительное преимущество въ хозяйствѣ, а умѣнье удобрить землю другими веществами помимо навоза, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества вовсе не пригоденъ, положительно обезпечиваетъ успѣхъ помѣщичьяго хозяйства. Всѣ

эти мѣры могутъ быть приняты въ капиталистическихъ хозяйствахъ безъ особыхъ затратъ и между тѣмъ поставить предпринимателя въ гораздо болѣе выгодныя условія въ сравненіи съ хозяйствомъ крестьянина, для котораго онѣ недоступны вслѣдствіе его бѣдности и неразвитости. Что же касается капитала, то его приложеніе у насъ къ землѣ до такой степени ничтожно, что о немъ серьезно и говорить нельзя; напротивъ, о нашемъ хозяйствѣ можно смѣло сказать, что оно ведется вовсе безъ приложенія капитала. Подтвержденіе этого мнѣнія имѣется даже въ послѣдней статьѣ г. В. В., въ которой указывается на факты, свидѣтельствующіе, что обработка земли въ помѣщичьихъ хозяйствахъ ведется скотомъ и инвентаремъ сосѣднихъ крестьянъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ условіями обработки земли, тотъ знаетъ, что обработка крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ не стóитъ и мѣднаго гроша и ни въ какомъ случаѣ не можетъ обезпечить хозяину тотъ доходъ, который можетъ принести земля при обработкѣ собственнымъ скотомъ и инвентаремъ, въ особенности когда крестьянинъ отработываетъ такимъ образомъ какія бы то ни было денежные платежи помѣщику. При значительныхъ посѣвахъ усмотрѣть за каждымъ рабочимъ нѣтъ никакой возможности, а изнурять свой скотъ и тратить лишнее время на тщательную обработку крестьянину нѣтъ никакой надобности. Для него, какъ бы дѣло ни было сдѣлано, все хорошо, такъ какъ помѣщикъ не въ состояніи задержать его плату, не имѣетъ на то никакого права и въ судъ на него жаловаться не пойдетъ. Если же при подобной обработкѣ земли порядокъ этотъ удерживается, то стало-быть землевладѣлецъ получаетъ выгоды безъ всякаго приложенія капитала и подобный фактъ могъ бы прямо указать нашему автору на благопріятныя условія, существующія на нашемъ рынкѣ для развитія капиталистическаго земледѣлія. При этихъ условіяхъ приложеніе капитала къ землѣ, къ которой вовсе его не прилагалось, можетъ принести не 7 или 10%, до которыхъ, по мнѣнію г. В. В., доходитъ земледѣльческій кредитъ, а гораздо болѣе. Для доказательства укажемъ на сѣнокосилку, которая при одномъ работникѣ и двухъ лошадяхъ (которые во всякомъ случаѣ необходимы въ хозяйствѣ и во время сѣнокоса остаются почти безъ дѣла) можетъ замѣнить до десяти человѣкъ косцовъ. Представьте же себѣ хозяйство, въ которомъ нужно скосить всего не болѣе 100 десятинъ травы, для чего вы должны нанять 300 человѣкъ рабочихъ; считая наименьшую плату въ

сѣнокосъ работнику въ 50 коп., вы должны заплатить 150 руб., а между тѣмъ вы управляетесь съ этою работой десятою частью этого расхода и получите выгоду въ 135 рублей при стоимости сѣнокосилки въ 250 рублей. Это уже не 10 или 20%, а болѣе 50%. Какое же можетъ имѣть значеніе высота существующаго процента при такихъ условіяхъ? Представляю другой примѣръ—орошеніе, которое, какъ извѣстно, не только удвоиваетъ, но утроиваетъ количество средняго урожая и во всякомъ случаѣ гарантируетъ предпринимателя противъ совершеннаго неурожая, очень нерѣдкаго въ нашихъ черноземныхъ мѣстностяхъ. Скажутъ, что наши земли не стоятъ такихъ дорогихъ улучшеній, и скажутъ вздоръ, только по невѣжеству и незнанію стоимости орошенія. Я приведу факты изъ нашей же практики. Извѣстно, что въ Саратовѣ довольно развито садоводство и всѣ фруктовые сады тамъ могутъ существовать только при системѣ орошенія. Въ бытность мою тамъ я жилъ на дачѣ, въ саду, занимающемъ пространство въ 70 десятинъ, которыя поливались четыре раза въ лѣто; при этомъ количества воды требовалось гораздо болѣе, чѣмъ это нужно для орошенія полей, такъ какъ на каждую яблонь выливалось отъ 60 до 100 ведеръ. Вся эта работа производилась двумя работниками и мальчикомъ съ лошадью, и притомъ происходила не постоянно, а періодически, такъ что у работниковъ половина времени оставалась для другихъ работъ въ саду. Нѣтъ сомнѣнія, что и 100 десятинъ пространства могли быть орошены при тѣхъ же издержкахъ, въ особенности принимая въ соображеніе, что орошеніе полей не требуетъ осенней поливки послѣ снятія хлѣба и слѣдовательно можетъ быть ограничено до трехъ разъ въ лѣто, при меньшемъ каждый разъ количествѣ воды. Принимая же въ соображеніе устройство водоподъемника съ проведеніемъ воды на высшую точку поля, на каждыя 100 десятинъ въ 5.000 руб. и на расходы по орошенію въ 250 руб., получимъ ежегоднаго расхода 750 руб. на 100 десятинъ орошаемаго пространства, въ которыхъ 500 руб. будутъ представлять проценты на затраченный капиталъ. Въ виду по меньшей мѣрѣ двойнаго средняго урожая при орошеніи можно ли разговаривать о значеніи этой ничтожной цифры расхода? Но скажутъ, если это такъ выгодно, то почему же это не вводится въ Россіи? Но если спрашивать, почему то или другое полезное дѣло не вводится въ нашемъ отечествѣ, тогда этимъ вопросамъ и конца не будетъ.

Послѣ сказаннаго возможность и выгода дальнѣйшаго приложенія къ землѣ какъ труда и знанія, такъ и капитала не могутъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что тысячи людей въ самыхъ разнородныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, безъ всякихъ знаній и средствъ, или развѣ съ самыми незначительными средствами, ведутъ свое хозяйство съ выгодой, хотя и далеко не съ такой, какую могли бы имѣть при другихъ условіяхъ и другомъ пониманіи дѣла. Но вѣдь подобный порядокъ вещей не вѣченъ: пройдетъ 10—20 лѣтъ, явятся другіе люди на смѣну нынѣшнимъ, съ другими знаніями и средствами—и выгоды капиталистическаго хозяйства возвысятся значительно. Но если въ этотъ короткій промежутокъ времени не будетъ ничего сдѣлано для поддержанія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, а будетъ продолжаться прежняя система покровительства крупному производству и накопленію капиталовъ, тогда, повторяю, большинство крестьянъ обратится въ бездомныхъ батраковъ и уцѣлѣетъ между ними развѣ только тотъ, который по счастливому стеченію обстоятельствъ обратится въ кулака. Между тѣмъ оптимистическій взглядъ г. В. В. ведетъ прямо къ политикѣ невмѣшательства въ отношенія капитала и труда и даже создаетъ поводъ для домогательствъ со стороны перваго о покровительствѣ и пособіяхъ со стороны государства.

Выше я замѣтилъ, что цифры, приводимыя авторомъ объ отношеніи арендной платы и чистаго дохода землевладѣльца при собственномъ хозяйствѣ и взятыя имъ изъ литературныхъ источниковъ, не вѣрны. Авторъ, какъ видно, принялъ ихъ на вѣру безъ всякой критики. Я говорю это потому, что въ нихъ поражаетъ прямое противорѣчіе. Такъ авторъ представляетъ намъ (стр. 126 *Русской Мысли*) курскаго помѣщика, получающаго 30 руб. арендной платы за двѣ десятины (яровую и озимовую); валовой доходъ онъ при среднемъ урожаѣ, не указывая количества и цѣны хлѣба, опредѣляетъ въ 47 руб.; остатокъ же за вычетомъ ренты и сѣмянъ опредѣляетъ въ 8 руб. Но, во-первыхъ, на посѣвъ двухъ десятинъ, озимовой и яровой, самыми дешевыми хлѣбами—рожью и овсомъ—требуется по меньшей мѣрѣ одна четверть ржи и три четверти овса, а стоитъ даже и въ Курской губерніи рожь не менѣе 5 руб. и овесъ не менѣе 2 р. 50 коп., т. е. всего 12 руб. 50 коп.,—слѣдовательно, остается не 8 руб., а 4 руб. 50 коп. Затѣмъ нѣсколько ниже авторъ на стр. 127 высчитываетъ, что обработка двухъ десятинъ помѣщику стоитъ

20 руб. Спрашивается, какимъ образомъ авторъ не замѣтилъ противорѣчія этихъ цифръ? Смѣю увѣрить его, что нашъ крестьянинъ настолько сохранилъ здраваго смысла, что при 8 руб. дохода отъ аренды скорѣе возьметъ за обработку 12 или 15 руб., чѣмъ будетъ арендовать землю за 30 руб. Ошибка г. В. В. заключается въ томъ, что онъ значительно сократилъ цифру средняго валоваго дохода и цѣну продуктовъ. Даже указанныхъ мною цѣнъ въ Курской губерніи давно не существуетъ, а г. В. В., какъ видно изъ слѣдующаго примѣра, считаетъ ихъ еще ниже: рожь въ 4 руб., овесъ въ 2 руб. $28^{1}/_{2}$ коп. Приводя подобныя голословныя данныя, конечно, можно доказать какую угодно мысль; но развѣ подобныя доказательства могутъ имѣть значеніе? Еслибы г. В. В. потрудился провѣрить эти данныя, то онъ узналъ бы, что рожь въ Курской и Тамбовской губерніяхъ стоитъ 6 руб., овесъ 3 руб., а пшеница 10 руб.,—что средній урожай даетъ 7 зеренъ ржи, 4 овса и 5 пшеницы, и что такимъ образомъ при посѣвѣ ржи и овса валовый доходъ съ двухъ десятинъ будетъ не 47, а 63 руб., а при посѣвѣ ржи и пшеницы онъ будетъ 76 руб. Отсюда слѣдуетъ, что хозяинъ, заплатившій, по разсчету автора, даже 20 руб. за обработку двухъ десятинъ, получитъ болѣе, чѣмъ высокая арендная плата, и что если помѣщики отдаютъ въ аренду землю, то только потому, что сами не въ состояніи обработать всей своей земли, которая имъ замѣняетъ въ значительной мѣрѣ оборотный капиталъ.

Точно также неправильно г. В. В. примѣняетъ теорію ренты Рикардо къ нашему отечеству. По этой теоріи рента равняется избытку продукта на лучшихъ участкахъ земли сравнительно съ худшими и вообще находящимися въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Теорія эта совершенно вѣрна по отношенію къ тѣмъ государствамъ, гдѣ населеніе нисколько не стѣснено въ свободѣ передвиженія, гдѣ сверхъ того оно имѣетъ выборъ занятій вслѣдствіе развитія обработывающей промышленности и гдѣ, наконецъ, окончательно дифференцировались различные факторы земледѣльческаго производства: земля, капиталъ и трудъ—и разграничили между собою, на основаніи тѣхъ или другихъ соціальныхъ условій, сумму валоваго дохода. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашемъ отечествѣ. Наше населеніе прикрѣплено къ мѣсту жительства и не имѣетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакого выбора для приложенія своего труда: земля въ этихъ случаяхъ есть единственное средство его приложенія, такъ какъ обработы-

вающая промышленность сосредоточена только въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ и занимаетъ ничтожное число рукъ, въ сравненіи съ цѣлою массой крестьянскаго населенія. Затѣмъ факторы земледѣльческаго производства: земля, трудъ и капиталъ—нисколько не дифференцировались въ своихъ функціяхъ,—собственникъ земли въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ собою капиталиста, ведущаго хозяйство; трудъ является въ четырехъ видахъ: или въ качествѣ простаго рабочаго, или рабочаго, обладающаго инвентаремъ, но обработывающаго чужую землю за извѣстную задѣльную плату, или въ качествѣ арендатора, нанимающаго землю и обработывающаго ее за свой счетъ, или, наконецъ, въ качествѣ собственника земли. Между крупными собственниками и трудомъ почти никогда не существуетъ посредника въ качествѣ арендатора, который собственнику уплачиваетъ ренту, труду—его задѣльную плату, а въ свою пользу оставляетъ процентъ съ затраченнаго капитала, страховую премію за рискъ и прибыль отъ предпріятія. Такого класса людей въ Россіи почти не существуетъ и функціи капиталиста беретъ на себя или собственникъ, или рабочій, или, наконецъ, они дѣлятся между двумя этими факторами земледѣльческаго производства въ различныхъ комбинаціяхъ. При такомъ отсутствіи дифференцированія между факторами производства не можетъ распадаться и валовой доходъ на тѣ элементы, которые различаетъ въ немъ наука политической экономіи, и поэтому всѣ соображенія, выведенныя изъ теоретическихъ опредѣленій ренты, капитала и труда, и примѣненіе этихъ соображеній ко взаимнымъ отношеніямъ нашихъ факторовъ производства и къ условіямъ самого производства—являются полнѣйшимъ абсурдомъ. Какъ можно говорить въ Россіи, что рента есть избытокъ продукта на лучшихъ участкахъ въ сравненіи съ худшими, когда нашъ крестьянинъ прикрѣпленъ къ землѣ, которая не удовлетворяетъ самыхъ необходимыхъ его потребностей, и для него единственное средство приложить избытокъ труда какъ своего, такъ и своей семьи состоитъ въ наймѣ той земли, которая или окружаетъ его собственное владѣніе, или находится въ самомъ близкомъ отъ его мѣстожительства разстояніи? Онъ можетъ приложить свой трудъ и въ особенности трудъ своей семьи только къ этой землѣ и волей-неволей долженъ соглашаться на всякія условія, назначаемыя одною стороной. Скажу болѣе, возможно ли подводить нашу арендную плату подъ какія-либо теоретическія формулы, когда,

какъ самъ г. В. В. говоритъ, крестьянинъ иной разъ радъ, если ему останется солома за его трудъ, положенный на обработку земли? При такихъ условіяхъ арендная плата за участокъ сравнительно въ худшихъ условіяхъ часто будетъ выше, чѣмъ за участокъ въ лучшихъ условіяхъ, что зависитъ отъ произвола одной стороны, и спросъ создается не естественнымъ, а искуственнымъ и даже положительно насильственнымъ образомъ. Можно ли говорить, въ виду подобныхъ условій, что крестьяне, вслѣдствіе своего стремленія къ самостоятельному хозяйству, *ведутъ борьбу противъ батрацкаго или капиталистическаго хозяйства и орудіемъ этой борьбы избираютъ высокую арендную плату*? Въ дѣйствительности они никакой борьбы вести не могутъ, а просто подчиняются этой платѣ въ силу необходимости и вслѣдствіе этого подготовляютъ почву для окончательнаго торжества капиталистическаго земледѣлія, т. е. приходятъ все болѣе и болѣе въ задолженное состояніе и постепенно приближаются къ положенію безземельныхъ батраковъ. Моментъ такого положенія наступитъ немедленно, какъ скоро капиталистическое земледѣліе вооружится—не говорю уже содѣйствіемъ капитала, а только пониманіемъ условій сельскаго хозяйства и практическою опытностію, и не тою опытностію, которая научаетъ, какъ довести рабочаго до кабалы, а тою, которая заставляетъ землю приносить такой доходъ, при которомъ даже возвышенная задѣльная плата не будетъ обременительна для хозяина. Несовершенство пріемовъ хозяйства крестьянъ, обусловливаемое съ одной стороны ихъ бѣдностію и неразвитостію, а съ другой—невыгодностію тщательной обработки земли, арендуемой на одинъ или два посѣва, приведутъ къ тому, что издержки ихъ производства на каждую единицу хлѣба будутъ стоить дороже, чѣмъ стоимость самого хлѣба. При такихъ условіяхъ для крестьянъ не будетъ другаго выхода, какъ обратиться въ наемныхъ батраковъ. Не говорю, чтобы подобная участь ожидала всѣхъ вообще крестьянъ: болѣе сильные изъ нихъ, конечно, удержатся и, обратившись въ кулаковъ и міроѣдовъ, будутъ въ свою очередь эксплуатировать бѣдняковъ и помогать обезземеленію ихъ, какъ это и было на западѣ Европы.

Но, скажутъ намъ, если пріемы крестьянскаго хозяйства такъ несовершенны и не въ состояніи улучшаться, то отсюда прямо слѣдуетъ, что высшая культура замѣняетъ низшую, что эта замѣна неизбѣжна и въ ней нѣтъ ничего печальнаго, такъ какъ общее благосостояніе и доходность страны возрастутъ и кресть-

яне будутъ въ состояніи получать хлѣбъ по цѣнамъ болѣе выгоднымъ, нежели онъ обходился бы имъ при самостоятельномъ хозяйствѣ. Я конечно не приписываю подобнаго возраженія г-ну В. В., который, съ его точки зрѣнія, не можетъ сочувствовать подобному порядку вещей; но такое возраженіе можетъ быть сдѣлано со стороны людей, считающихъ капиталистическое производство единственно возможнымъ и въ видахъ улучшенія культуры не только желательнымъ, но и неизбѣжнымъ. На это я съ своей стороны замѣчу, что хотя успѣхъ капиталистическаго земледѣлія и представитъ значительный шагъ впередъ въ развитіи культуры и выгодности какъ для капитала, такъ и для труда, но только на первое время, и притомъ только по сравненію съ тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства, въ которомъ оно будетъ находиться въ моментъ обращенія крестьянина изъ самостоятельнаго хозяина въ наемнаго работника. Впослѣдствіи же, когда процессъ обезземеленія крестьянскаго сословія завершится, вся выгода отъ успѣховъ культуры обратится въ пользу немногихъ отдѣльныхъ личностей и желѣзный законъ заработной платы получитъ полную возможность господства на нашемъ рынкѣ, такъ какъ онъ уже не будетъ сдерживаться существованіемъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Тогда всякая надежда на улучшеніе быта народныхъ массъ должна исчезнуть, такъ какъ законъ о заработной платѣ не допускаетъ подобнаго улучшенія безъ общаго переворота въ экономическомъ и соціальномъ положеніи всѣхъ классовъ общества. Въ Россіи такой порядокъ былъ бы тѣмъ печальнѣе, что къ нашему крестьянскому сословію принадлежитъ до 85% населенія и процессъ обезземеленія, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, можетъ обойти развѣ только наиболѣе сильныхъ, т. е. нѣсколько процентовъ этой массы русскихъ гражданъ. Насколько желателенъ подобный порядокъ вещей, пусть судитъ читатель.

Но, чтобъ указать невѣрность мнѣнія, что улучшеніе культуры возможно только при капиталистической системѣ земледѣлія и что вслѣдствіе этого оно не только желательно, но и неизбѣжно, я предложу слѣдующіе вопросы: почему пріемы крестьянскаго хозяйства не въ состояніи совершенствоваться? Лежатъ ли причины такого положенія дѣлъ въ существѣ самого хозяйства, или внѣ его, и зависятъ отъ тѣхъ условій, въ которыя оно поставлено? Могутъ ли быть измѣнены эти условія и исчезнуть ли вмѣстѣ съ ними причины, задерживающія успѣхи крестьянскаго хозяйства?

Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса, необходимо обратить вниманіе, что для всякаго улучшенія нужны прежде всего средства и знанія. Что касается послѣдняго, то крестьянинъ обладаетъ гораздо большими практическими свѣдѣніями, нежели крупный собственникъ, и въ этомъ отношеніи преимущество на его сторонѣ; что же касается до теоретическихъ свѣдѣній, то, въ виду полнаго незнакомства огромнаго большинства нашихъ практическихъ хозяевъ съ теоріей сельскаго хозяйства, шансы ихъ равны. Но въ средствахъ для улучшеній встрѣчается громадная разница. При крѣпостныхъ порядкахъ крестьянинъ, конечно, не могъ запастись никакими средствами, за исключеніемъ развѣ тѣхъ крестьянъ, которые занимались торговлей и которые на сельское хозяйство не обращаютъ и теперь вниманія. Крестьянская реформа, при всемъ великомъ ея значеніи, не удовлетворила экономическихъ нуждъ народа: она уменьшила крестьянскіе надѣлы и увеличила денежные платежи крестьянъ, предоставивъ имъ только значительное количество свободнаго времени, употребить которое въ переходное время они не могли какъ по непривычкѣ и неумѣнью распорядиться своимъ временемъ, такъ и въ виду сокращенія помѣщичьихъ запашекъ. Чтобы не разстроить, однако-же, совершенно своего хозяйства, крестьяне должны были арендовать у бывшихъ своихъ помѣщиковъ земли, прежде бывшія въ ихъ пользованіи безплатно. Но какъ скоро помѣщики замѣтили, что крестьянину необходимы эти земли для приложенія труда, на который не существуетъ другаго спроса, то арендныя цѣны выросли въ громадныхъ размѣрахъ, а заработная плата понизилась. Между тѣмъ налоги, какъ государственные, такъ и земскіе, возрастали и вмѣстѣ съ выкупными платежами и высокой арендною платой поглощали всѣ денежныя средства крестьянъ, заставляли ихъ должать и даже запродавать свой трудъ задолго впередъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ о какихъ-либо улучшеніяхъ хозяйства не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что отведенный надѣлъ не обезпечивалъ даже продовольствія семьи, не говоря уже о тѣхъ платежахъ, которыми крестьяне были обложены. Оставить же свой надѣлъ и перейти въ другія, болѣе благопріятныя, условія они не имѣли права. Стало-быть первое условіе, мѣшающее развитію крестьянскаго хозяйства, есть бѣдность крестьянъ, являющаяся слѣдствіемъ того, что крестьянская реформа, нарушивъ обычныя условія ихъ хозяйства сокращеніемъ надѣловъ и предоставивъ имъ свободу безъ возможности прило-

женія избытка рабочихъ силъ, взамѣнъ того потребовала отъ нихъ такую сумму денежныхъ платежей, которую крестьяне добывать не привыкли, т. е. въ патріархальный быть крестьянъ, удовлетворявшихъ почти всѣ свои потребности собственнымъ трудомъ, разомъ была вдвинута денежная система хозяйства. Понятно, какую пертурбацію долженъ былъ внести въ крестьянское хозяйство подобный порядокъ, и еще болѣе понятно, что бѣдность крестьянъ зависитъ вполнѣ отъ этого чисто внѣшняго условія и отсутствія всякихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, направленныхъ къ исправленію, вкравшихся въ «Положеніе», недостатковъ и осуществленію великаго принципа, по которому земельный надѣлъ долженъ былъ обезпечивать бытъ крестьянъ.

Другое условіе, мѣшающее развитію крестьянскаго хозяйства, есть ограниченность надѣловъ. Само собою разумѣется, что если надѣлъ не обезпечиваетъ быта крестьянина и не даетъ ему средствъ для выполненія лежащихъ на немъ повинностей, то онъ не можетъ служить центромъ тяжести его вниманія, труда и заботливости. Крестьянинъ переноситъ ихъ въ другое мѣсто и смотритъ на свое полевое хозяйство только какъ на возможность приложенія труда своего семейства,—труда, который онъ не привыкъ оцѣнивать и который въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть вынесенъ на рынокъ. Это условіе, конечно, имѣетъ болѣе существенное значеніе, чѣмъ предыдущее, такъ какъ оно можетъ имѣть вредное вліяніе на развитіе крестьянскаго хозяйства и при отсутствіи несостоятельности крестьянъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что размѣръ надѣловъ ограниченъ въ сравненіи съ тѣмъ, который выработанъ практикою и до реформы признавался необходимымъ самими помѣщиками, что также зависитъ отъ условій, въ которыя было поставлено крестьянское хозяйство, а не отъ существа самого дѣла. Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что есть примѣры, гдѣ крестьяне, будучи надѣлены вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли, и притомъ земли плодородной, мало обращаютъ вниманія на эту землю и значительную ея часть оставляютъ безъ обработки. Я не отвергаю возможности подобныхъ фактовъ, которые объясняются привычкою населенія къ другимъ видамъ промысловъ болѣе легкихъ или болѣе производительныхъ, чѣмъ полевое хозяйство; во всякомъ случаѣ эти факты представляютъ исключенія и обобщеніе ихъ является сильною натяжкой. Впрочемъ, остающаяся безъ обработки земля крестьянскаго владѣнія полезна уже въ томъ отношеніи, что она

обезпечиваетъ бытъ грядущаго поколѣнія, которое, конечно будетъ въ ней нуждаться. Но вѣдь подобные примѣры существуютъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ, а не имѣютъ даже и этого оправданія.

Наконецъ, третье условіе, мѣшающее развитію крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, это—дробность ихъ участковъ, вслѣдствіе чего многіе раціональные пріемы хозяйства и примѣненіе улучшенныхъ орудій становятся или невозможными, или очень затруднительными. Даже при отсутствіи или устраненіи двухъ предыдущихъ условій послѣднее можетъ быть помѣхою въ борьбѣ съ капиталистическимъ производствомъ, и оно тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что зависитъ не отъ условій, въ которыя поставлено крестьянское хозяйство законодательными мѣрами и административными распоряженіями, которыя могутъ быть устранены тѣмъ же порядкомъ, но отъ существенныхъ его свойствъ, выработанныхъ обычаемъ населенія и, слѣдоват., труднѣе устранимыхъ. Къ счастію, однако-жъ, для человѣчества, всякій обычай, какъ бы сильно онъ ни укоренился въ народной жизни, можетъ уступить давленію времени и обстоятельствъ, если онъ мѣшаетъ развитію народнаго благосостоянія. На этомъ основаніи я думаю, что, въ виду бѣдственнаго положенія, ожидающаго наши народныя массы, въ случаѣ полнаго водворенія капиталистическаго производства въ земледѣліи, нѣтъ основанія предполагать, чтобы дробность участковъ крестьянскаго владѣнія не могла быть уничтожена, въ особенности, если въ нашихъ правительственныхъ сферахъ съ достаточною ясностію будетъ сознанъ весь вредъ торжества капитализма и упадка самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры для покровительства послѣднему.

Итакъ, причины, мѣшающія развитію крестьянскаго хозяйства, состоятъ въ бѣдности крестьянъ, въ ограниченности размѣра ихъ надѣла и въ дробности участковъ каждаго отдѣльнаго семейства. При нашей системѣ бюджета, до сихъ поръ носящаго крѣпостной характеръ, при свободѣ отъ всѣхъ почти налоговъ нашихъ имущественныхъ классовъ, наконецъ при обиліи и дешевизнѣ во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества остающихся впустѣ земель, измѣненіе первыхъ двухъ условій, мѣшающихъ развитію крестьянскаго хозяйства, не можетъ представить значительныхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что финансовая реформа, имѣющая въ виду не одинъ податной вопросъ, но и перенесеніе

центра тяжести нашего бюджета съ труда на имущество и доходы, требуется условіями и выгодами государственнаго казначейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы облегчить и печальное положеніе крестьянъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что уменьшеніе выкупныхъ платежей по одному рублю съ душеваго надѣла и одновременное повышеніе акциза съ вина на копѣйку съ градуса не могутъ оказать никакого благотворнаго вліянія, такъ какъ подобныя мѣропріятія представляютъ замѣну одного платежа другимъ—еще болѣе неравномѣрнымъ. Я думаю, что облегченіе выкупныхъ платежей только тогда принесетъ дѣйствительную пользу, когда бывшіе помѣщичьи крестьяне будутъ уравнены въ платежахъ съ государственными, всѣ сдѣланные ими взносы въ погашеніе долга будутъ зачтены въ ежегодные платежи, а земля, состоящая въ ихъ пользованіи, будетъ признана казенною собственностію и всякая мысль о выкупѣ крестьянами земли въ собственность будетъ положительно оставлена. Я не говорю, чтобы подобная реформа вмѣстѣ съ финансовою не представляла практическихъ затрудненій; но въ виду положительной ея необходимости для обезпеченія не только интересовъ государственнаго казначейства, но и будущаго соціальнаго благоустройства нашего отечества, къ разрѣшенію этой задачи должны быть направлены всѣ усилія нашей администраціи. Что же касается увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, то и здѣсь, при обиліи нашихъ земель, не можетъ встрѣтиться непреодолимыхъ затрудненій. Прежде всего должно быть обращено вниманіе на крестьянъ, получившихъ, такъ-называемый, нищенскій надѣлъ. Статья закона, допустившая подобную сдѣлку, вошла въ «Положеніе» просто по недоразумѣнію и противорѣчитъ всему духу означеннаго законодательнаго акта; поэтому она должна быть положительно исключена изъ нашего законодательства и помѣщики должны быть обязаны надѣлить крестьянъ землею по правиламъ обязательнаго выкупа. Нѣтъ никакого основанія увеличивать сумму ихъ вознагражденія, потому что они, какъ показалъ примѣръ люторическихъ крестьянъ, пользовались въ теченіе 20 лѣтъ выгодами такого положенія дѣлъ и безнаказанно эксплуатировали экономическую зависимость крестьянъ. Подобная обязанность не можетъ быть снята даже съ тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли земли отъ прежнихъ помѣщиковъ послѣ отвода крестьянамъ четвертныхъ надѣловъ, въ виду того обстоятельства, что выгодами такого положенія покупатели могли также пользоваться и что отчужденіе этихъ земель

должно произойти въ видахъ государственной пользы, и притомъ съ вознагражденіемъ, которое въ большинствѣ случаевъ будетъ конечно не менѣе заплаченной ими цѣны. Впрочемъ такіе надѣлы происходили большею частію въ крупныхъ имѣніяхъ, которыя рѣдко переходятъ изъ рукъ въ руки посредствомъ продажи, а потому подобный случай если и можетъ представляться, то конечно какъ ничтожное исключеніе, на которое нельзя обращать вниманія. Гдѣ рубятъ, тамъ щепки всегда летятъ. Затѣмъ должно быть обращено вниманіе на положеніе крестьянъ, получившихъ наименьшій или средній надѣлъ, и если при этомъ окажется, что выкупные акты послѣдовали съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій, то крестьянамъ должно быть предложено переселеніе на казенныя земли съ содѣйствіемъ правительства, и притомъ въ такомъ числѣ, чтобъ остающіеся крестьяне могли имѣть высшій размѣръ надѣла. Если же окажется, что уставныя грамоты или выкупныя сдѣлки послѣдовали съ нарушеніемъ законныхъ правилъ о надѣлѣ крестьянъ, тогда право крестьянъ на недостающее количество земли должно быть возстановлено, такъ какъ давность, въ дѣлѣ обезпеченія крѣпостнаго населенія имущественными правами, не можетъ и не должна имѣть приложенія и крестьяне должны получить землю, въ чьемъ бы она владѣніи ни была. Подобный захватъ крестьянской земли долженъ быть разсматриваемъ какъ захватъ казенной или церковной собственности, которыя дѣйствію давности не подлежатъ. Но при этомъ, конечно, лицу, купившему землю у бывшаго помѣщика, должно быть предоставлено право искать убытки съ послѣдняго, если сумма вознагражденія будетъ ниже заплаченной цѣны. Для осуществленія такого порядка вещей должны быть учреждены повѣрочныя коммисіи въ губерніяхъ, по примѣру Западнаго края: если коммиссіи открыли цѣлую массу злоупотребленій въ этомъ краѣ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобъ и во внутреннихъ губерніяхъ все происходило вполнѣ законно; напротивъ, есть полное основаніе думать, что крестьяне, по незнакомству съ судебными формами и обрядами, во многихъ случаяхъ пропустили сроки къ обжалованію уставныхъ грамотъ и выкупныхъ сдѣлокъ, а случаи подобнаго рода, какъ я замѣтилъ выше, не должны подлежать дѣйствію давности.

Само собою разумѣется, что подобныя мѣры не должны исключать заботы правительства объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселеній. Не говоря уже о томъ, что

самый выгодный способъ эксплуатаціи государственныхъ земель есть предоставленіе ихъ въ постоянное пользованіе крестьянскихъ обществъ, слѣдуетъ замѣтить, что при настоящей, во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества дешевой, цѣнѣ весьма плодородныхъ земель чѣмъ больше ихъ количество поступитъ въ постоянное пользованіе крестьянъ, тѣмъ болѣе будутъ обезпечены грядущія поколѣнія въ своемъ существованіи и тѣмъ далѣе будетъ отодвинутъ отъ насъ чреватый катаклизмами аграрный вопросъ. Но есть и другія болѣе настоятельныя причины, чтобы не откладывать мѣръ къ облегченію финансоваго положенія крестьянъ и къ увеличенію ихъ надѣловъ.

Если на нашей почвѣ должна возникнуть борьба капиталистическаго земледѣлія съ самостоятельнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ (а возможность подобной борьбы съ значительными шансами на успѣхъ для перваго я доказалъ уже достаточно), то было бы желательно, чтобы борющіяся стороны были поставлены въ болѣе одинаковыя условія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи государства. Между тѣмъ мы что же видимъ?—Земля крестьянскаго владѣнія обложена вплотную до полнаго поглощенія ренты, а во многихъ мѣстностяхъ даже выше ренты, тогда какъ земля частнаго владѣнія совершенно свободна и не несетъ почти никакого налога. Такое положеніе двухъ борющихся сторонъ далеко не одинаково, и справедливость требуетъ уравненія въ податныхъ тягостяхъ. Этимъ обусловливается необходимость финансовой реформы. Но кромѣ того, если признается, что существующій въ странѣ капиталъ не можетъ доставить рабочему классу постояннаго приложенія его труда и вслѣдствіе этого признано необходимымъ предоставить ему земельный надѣлъ, какъ первое и необходимое орудіе производства, то необходимо, чтобы подобная мѣра была дѣйствительною, чтобъ она обезпечивала существованіе человѣка и исполненіе его обязательствъ, а не представлялась бы какою-то полумѣрой, которая не позволяетъ крестьянину быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т.-е. сосредоточить свой трудъ главнымъ образомъ на сельскомъ хозяйствѣ. Это обстоятельство вызываетъ необходимость увеличенія надѣловъ. Если же принять въ соображеніе данныя, опубликованныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, что за послѣднія 20 лѣтъ приростъ населенія прямо пропорціоналенъ размѣру надѣловъ, тогда принятіе мѣръ къ увеличенію послѣднихъ представляется безусловной обязанностію администраціи не-

редъ народомъ и государствомъ. Всякое же невниманіе къ этому факту и отсутствіе мѣропріятій къ устраненію малоземелья крестьянъ можетъ быть принято за нарушеніе этой обязанности и упадетъ всею своей тяжестью на совѣсть руководителей нашей внутренней политики.

Но выше я говорилъ о возможности устраненія и третьяго условія, мѣшающаго развитію крестьянскаго хозяйства, именно дробности земельныхъ участковъ крестьянскаго владѣнія, и долженъ замѣтить, что устраненіе это гораздо болѣе затруднительно и скорѣе зависитъ отъ воли и разумнаго пониманія своихъ интересовъ крестьянами, чѣмъ отъ мѣропріятій правительства. Оно состоитъ въ артельной обработкѣ земли и въ раздѣлѣ не самой земли, а получаемыхъ продуктовъ сообразно рабочимъ силамъ, затраченнымъ на эту работу. Нѣтъ сомнѣнія, что русскій человѣкъ, привыкшій съ давнихъ поръ къ артельному труду, сумѣетъ выработать справедливыя основанія подобнаго раздѣла, тѣмъ болѣе, что подобная реформа не можетъ быть названа безотлагательной подобно двумъ остальнымъ, которыя создаютъ почву для крестьянскаго хозяйства, или лучше сказать—возможность его существованія, тогда какъ артельная обработка улучшаетъ только форму его, увеличивая выгоды каждаго изъ участниковъ, дѣлаетъ его болѣе прочнымъ и менѣе зависимымъ отъ разныхъ случайностей. Не говоря уже о томъ, что кооперативный трудъ гораздо производительнѣе единичнаго труда, что при такомъ порядкѣ вещей становится возможнымъ употребленіе улучшенныхъ орудій и машинъ, недоступныхъ для отдѣльныхъ семействъ, здѣсь является огромная экономія времени при переходѣ крестьянъ съ одной полосы своего надѣла на другую и земли на разграниченіе бороздами одной полосы отъ другой, а извѣстно, что на этихъ бороздахъ хлѣба не бываетъ. Мнѣ случалось производить точное измѣреніе пространства, занимаемаго бороздами, и я могу положительно утверждать, что оно составляетъ не менѣе $^1/_7$ части пахатной земли, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ земля удобряется. Такимъ образомъ 14% пахатной земли теряется безслѣдно при раздѣлѣ полей. Одно это обстоятельство составляетъ значительный шансъ въ пользу капиталистическаго земледѣлія въ предстоящей его борьбѣ съ самостоятельностію крестьянскаго хозяйства. Кромѣ того артельное хозяйство выгодно не однимъ только крестьянамъ: интересы государственнаго казначейства будутъ обезпечены при такомъ по-

рядкѣ гораздо вѣрнѣе. При настоящихъ условіяхъ всѣ окладные сборы поступаютъ неаккуратно и заставляютъ администрацію принимать самыя строгія мѣры взысканія недоимокъ. Единственною гарантіей казенныхъ интересовъ представляется круговая порука крестьянскихъ обществъ. Но спрашивается, что такое эта круговая порука при раздѣлѣ земли на отдѣльные участки и при отдѣльномъ хозяйствѣ каждаго домохозяина?—Это отвѣтственность исправнаго, домовитаго хозяина за недѣля, пьяницу и беззаботнаго человѣка. Можетъ ли быть установленъ въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей болѣе несправедливый принципъ? Понятно, что, во избѣжаніе этой несправедливости, правительство было вынуждено ограничивать возможность примѣненія круговой поруки, а крестьянскія общества допускаютъ всякія мѣры взысканія, не исключая и розогъ, отсыпаемыхъ по приговору волостныхъ судовъ, состоящихъ изъ представителей тѣхъ же обществъ. Понятно также, что подобныя условія вызываютъ всѣ виды возможной эксплуатаціи міроѣдовъ и злоупотребленія полиціи при взысканіи недоимокъ. Но разъ установляется артельная обработка земли, тогда круговая порука артельщиковъ не только теряетъ свой несправедливый характеръ, но является естественнымъ и безусловно-неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, вполнѣ обезпечивающимъ интересы жизни, такъ какъ подати уплачиваются изъ общей суммы получаемаго продукта, а въ раздѣлъ идетъ только избытокъ. Противъ этого можно замѣтить, что во многихъ обществахъ общее количество собраннаго продукта бываетъ едва достаточно на продовольствіе, а подати обыкновенно уплачиваются изъ посторонняго заработка. Но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ продукты, обезпечивающіе уплату податей, остаются въ распоряженіи управленія артели до взноса за нихъ денегъ. Кромѣ того, я никакъ не предполагаю, чтобы нынѣшнее положеніе дѣлъ могло оставаться до тѣхъ поръ, пока установится артельное крестьянское хозяйство, и не ограничиваюсь указаніемъ на артельное хозяйство, какъ на единственную мѣру улучшенія народнаго быта. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что къ тому времени, когда крестьяне поймутъ всю пользу устройства подобной формы хозяйства, послѣднее будетъ приносить не одни средства продовольствія для семействъ артельщиковъ, но и средства для оплаты податей и повинностей. Еслибъ это случилось иначе, тогда, конечно, нечего и говорить объ устройствѣ крестьянскихъ хозяйствъ на но-

выхъ началахъ: разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ такомъ случаѣ приняло бы другое направленіе и, по всей вѣроятности, привело бы къ послѣдствіямъ еще болѣе печальнымъ, чѣмъ на западѣ Европы.

А введеніемъ артельнаго хозяйства объясняется и возможность устройства прочнаго кредита для крестьянскихъ обществъ, и притомъ не только долгосрочнаго поземельнаго, но и личнаго краткосрочнаго, такъ какъ круговая порука, при этихъ условіяхъ, будетъ дѣйствительно гарантіей не только казенныхъ, но и частныхъ интересовъ вступающихъ съ обществами крестьянъ въ какія-либо соглашенія.

Хотя подобный порядокъ вещей и не можетъ быть введенъ непосредственными распоряженіями правительства, но, въ виду несомнѣнныхъ его выгодъ не только для крестьянъ, но и для государства вообще, правительство могло бы содѣйствовать установленію его мѣрами поощренія, какъ, напримѣръ, выдачею краткосрочныхъ ссудъ тѣмъ обществамъ, которыя введутъ у себя таковое, для обзаведенія улучшенными орудіями и нѣкоторыми сельскохозяйственными машинами, но только въ томъ случаѣ, когда подобное хозяйство дѣйствительно существуетъ. То же содѣйствіе могло бы оказать и земство. Наконецъ, я думаю, что для нашего общиннаго владѣнія, составляющаго такую характеристическую черту нашего народнаго быта и спасавшаго насъ до сихъ поръ отъ сильнаго развитія пролетаріата, вопреки всѣмъ мѣропріятіямъ, расширяющимъ ему путь, наступаетъ тотъ моментъ, когда оно необходимо должно сдѣлать шагъ впередъ въ своемъ развитіи; въ противномъ случаѣ оно должно исчезнуть изъ нашей жизни и тѣмъ открыть полный просторъ ничѣмъ не ограниченной борьбѣ за существованіе, въ которой, разумѣется, менѣе достаточное большинство должно обратиться въ бездомныхъ батраковъ, или лучше сказать—въ рабочую силу, имѣющую не многимъ болѣе значенія какъ рабочій скотъ. Отсутствіе капиталовъ на нашемъ рынкѣ и возможность конкуренціи съ сильно развитой промышленностію на западѣ Европы, имѣющей всѣ средства къ дальнѣйшему, болѣе быстрому, чѣмъ у насъ, развитію, не позволяетъ и думать о такомъ развитіи нашей обработывающей промышленности, которая создала бы для нашего рабочаго населенія, въ случаѣ потери имъ своей осѣдлости, положеніе хотя бы сколько-нибудь сходное съ положеніемъ фабричнаго рабочаго на Западѣ. На этомъ основаніи институтъ общиннаго владѣнія,

избавляющій насъ отъ бездомнаго населенія, или, по крайней мѣрѣ, задерживающій его размноженіе, составляетъ conditio sine qua non нашей экономической жизни и долженъ быть сохраненъ и поддержанъ во что бы то ни стало. Но всякій человѣческій институтъ, если онъ съ теченіемъ времени не развивается и не приспособляется ко вновь народившимся условіямъ народной жизни, долженъ постепенно блекнуть, терять свое значеніе и, наконецъ, исчезать изъ жизни: отдѣльные органы каждаго организма, не развиваясь, непремѣнно атрофируются. Наше общинное владѣніе выработано народною жизнію съ давнихъ временъ и оно вполнѣ соотвѣтствовало экономическимъ потребностямъ народной жизни до тѣхъ поръ, пока условія земледѣлія, которымъ существовалъ народъ, оставались безъ значительныхъ перемѣнъ. Но какъ скоро наступаетъ моментъ, когда капиталистическое земледѣліе измѣняетъ всѣ условія хозяйства, общинное владѣніе не можетъ ихъ игнорировать и оставаться въ прежнихъ своихъ формахъ, не обрекая себя на смерть. Чтобы сохранить свою жизненную силу, оно необходимо должно измѣнить свою форму владѣнія землей и, вмѣсто дробленія участковъ и передѣловъ, обратиться къ артельную обработку земли. Разъясненіе этой мысли крестьянскимъ обществамъ и указаніе средствъ ко введенію подобнаго порядка составляетъ въ настоящую минуту долгъ каждаго честнаго человѣка, которому дороги будущія судьбы народныхъ массъ; что же касается правительства, то его собственный интересъ въ случаяхъ возникновенія подобныхъ попытокъ состоитъ въ поддержаніи ихъ и въ содѣйствіи имъ. Въ такой формѣ общинное владѣніе можетъ сдѣлаться вновь тѣмъ жизненнымъ началомъ, при которомъ крестьянское хозяйство можетъ смѣло вступить въ борьбу съ капиталистическимъ земледѣліемъ и даже одержать верхъ надъ нимъ. При настоящихъ же условіяхъ, какія бы оптимистическія надежды ни возлагались на крестьянское хозяйство, подобная борьба бѣдности, разрозненности и отсутствія теоретическихъ знаній противъ соединенныхъ силъ знанія, капитала и солидарности интересовъ—всегда поведетъ къ плачевнымъ результатамъ. Сколько бы крестьяне ни одерживали побѣдъ, разореніе ихъ неизбѣжно, если не будутъ приняты мѣры, на которыя я указываю, и притомъ не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, такъ какъ всякое мѣропріятіе на этомъ пути съ каждымъ годомъ будетъ представлять болѣе затрудненій и приносить менѣе полезныхъ результатовъ.

Наконецъ, скажу въ заключеніе, что и на западѣ Европы былъ такой моментъ, когда землевладѣльцы оказались неспособными вести свое хозяйство или отвлеченными другими занятіями и когда крестьяне явились единственными арендаторами ихъ земель; но при отсутствіи заботъ и попеченія правительства о ихъ будущности, при отсутствіи всякихъ мѣропріятій къ огражденію ихъ интересовъ, предоставленные собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ капитализмомъ, они не могли выдержать конкуренціи. Болѣе сильные изъ нихъ сдѣлались арендаторами-капиталистами, остальные же обратились въ бездомныхъ батраковъ. Кто этого не желаетъ, тотъ долженъ настаивать на необходимости огражденія интересовъ крестьянъ. Имѣяй уши слышати, да слышатъ.

А. Головачовъ.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *).

XIV. Поѣздка въ Усты. — Шахты и дудки.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ уголковъ этого края—Усты, откуда на здѣшніе заводы везутъ руду.

На другой день по возвращеніи изъ Песочнаго мы должны были ѣхать туда на шахты.

Людиновское озеро все зыблется и мерцаетъ подъ теплымъ солнцемъ. Опушенныя свѣжею зеленью, молодыя деревья пристально глядятъ въ его воды. Дальніе лѣса противуположнаго берега, проливы между ними, бѣлые домики слободы—все это ушло въ солнечный блескъ и словно млеетъ въ его золотистой дымкѣ. Темными точками на недвижномъ просторѣ озера мерещутся челны рыболововъ. Спокойствіе пейзажа ни съ чѣмъ несравнимое. У берега на пароходѣ спятъ рабочіе. Одинъ на носу свернулся калачикомъ, другой на каютѣ раскинулся и точно нѣтъ ему никакого дѣла до солнца, которое румянитъ ему носъ и слѣпитъ полузакрытые глаза. Вонъ третій выползъ изъ каюты,—позѣвалъ, позѣвалъ, прищурился на полную тепла и свѣта даль, и опять въ каюту—спать... Майскій жукъ проплылъ въ недвижномъ воздухѣ. У крыльца стоитъ дежурка, лошадь наклонила голову и дремлетъ... Дремлетъ и кучеръ, завертѣвъ вожжи на руку... Откуда-то издали слышится чье-то порывистое пыхтѣніе, точно кто-то во что бы то ни стало хочетъ изъ послѣднихъ силъ добѣжать до какой-то невозможной цѣли...

— Что это у васъ?

— Да, вишь, сохопудъ (сухопутъ) дѣйствуетъ.

Паровикъ, бѣгущій по дорогѣ безъ рельсовъ, забѣжалъ во дворъ дома, выбросилъ дрова, повернулся и назадъ стремится куда-то.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

— Чудесно онъ запущаетъ такъ-то. И человѣка не видать на ёмъ, точно однимъ паромъ...

Мой спутникъ зашелъ ко мнѣ.

— Готовы?

— Давно.

— Ну, и съ Богомъ,—можемъ отправляться.

Маленькіе локомотивы бѣгутъ по безчисленнымъ рельсамъ разныхъ дорогъ. Во всѣ стороны двигаются платформы съ грузами. На однѣхъ рыжія массы руды везутъ, на другихъ—сѣрые шлаки. Дѣло кипитъ неустанно. Нашъ поѣздъ тоже стоитъ, дожидается.

— Вы въ Устахъ не забудьте заглянуть въ казенную шахту.

— Развѣ есть такая?

— Нѣтъ, мы дудки государственныхъ крестьянъ такъ называемъ.

— Это еще что за дудки?

— Увидите.

И до сихъ поръ приходилось слышать—руда изъ дудокъ, песокъ изъ дудокъ. Меня это очень заинтересовало.

Когда нашъ микроскопическій поѣздъ выбѣжалъ изъ лѣсу, направо и налѣво потянулись поля, хорошо воздѣланныя и удобренныя шлаками. Пока здѣсь пріучались употреблять въ дѣло эти никуда прежде негодившіеся продукты домашняго производства, было не мало комическихъ случаевъ. На первый разъ пригласили священника отслужить молебенъ. Тотъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ—и плюнулъ.

— Чего вы это Божью землю портите?

Управляющій расхохотался.

Пришло время урожая. Пріѣзжаетъ священникъ.

— Ну-ка, батюшка, поѣдемъ.

— Куда?

— Да на порченную землю, на нивы.

Стали осматривать ихъ—жатва превосходная.

— Нéвозможно!

И попъ самъ полѣзъ, завозился въ землѣ. Шлаки есть—точно.

— Ну?

— Во-истину—чудеса!... И камни повѣдали славу Божію.

Ларчикъ просто открывается: шлаки богаты сѣрой, известью, золой, фосфоромъ, фосфорною кислотой; все это они возвращаютъ истощенной землѣ. Сверхъ того, для тяжелыхъ почвъ

они хороши тѣмъ, что разрыхляютъ ихъ, открываютъ вліянію дождей и воздуха. Таково, напримѣръ, ихъ дѣйствіе на глинистыя пространства. На здѣшнихъ образцовыхъ фермахъ съ участка, на которомъ высѣяна одна четверть и двѣ мѣры хлѣба, собираютъ шестнадцать четвертей его. Десятина даетъ 30 копенъ съ десяти мѣръ посѣва. Ячмень хуже,—тотъ на четырнадцать мѣръ приноситъ только 25 копенъ. Безъ шлаковъ, безъ удобренія и такіе средніе урожаи здѣсь были бы невозможны.

Веселый молодятникъ нѣжною весеннею зеленью трепеталъ подъ солнцемъ и теплымъ вѣтромъ, когда мы проѣзжали мимо. Изрѣдка изъ его мягкой чащи подымалось старое дерево, далеко въ высоту простирая свои, точно поднятыя для благословенія, вѣтви. Направо по зеленой понизи, словно синія облака, мерещутся маленькія рощицы. Вонъ село Букань; изъ-за деревьевъ высоко возносится колокольня ея церкви.

— Плохо здѣсь крестьянству пришлось было! —сообщаетъ мнѣ мой спутникъ.

— Почему?

— Еще въ мартѣ у самыхъ исправныхъ хозяевъ кормы скоту окончились,—заводитъ онъ общую здѣсь пѣсню.—Стали выгонять скотину на снѣгъ, она и выѣдала остатки прошлаго года. А у другой силы разбить снѣгъ не было, такъ и колѣла сердечная. Что вою по деревнямъ было!...

— Что это за ферма?—указываю я на маленькія зданія, видимо владѣльческія, въ сторонѣ.

— Это наша славянская ферма. Она намъ 5.000 рублей чистаго дохода даетъ. Тутъ заведено трехпольное хозяйство. Работаетъ человѣкъ двадцать пять, иногда и нанимать еще приходится.

— Поденно?

— Нѣтъ, на полдесятины, на десятину... Платимъ такъ, что за посѣвъ и за жатву придется ему 6 руб. 40 коп. И такъ въ аренду отдаемъ земли: своимъ по 1 руб. 50 к. за десятину, а чужимъ отъ 2 руб. 85 к. до 4 руб.,—съ торговъ уже. Цѣны разныя. За другую десятину и по 5 р. 70 к. платятъ. Скота держимъ здѣсь головъ сто рогатаго, да лошадей двадцать. Иногда, впрочемъ, случается, что на ферму для кормовъ пригоняютъ еще нѣсколько сотъ головъ скота.

— Откуда?

— А крестьянство. Кормить имъ нечѣмъ до весны,—ну, они и просятъ поддержать до первой травы. Мы не отказываемъ, когда у самихъ сѣна достаточно занасено.

— Что же, ферма получаетъ за это что-нибудь?

— Ни гроша! Это, вѣдь, для поддержки крестьянскихъ хозяйствъ дѣлается,—что-жь тутъ выгадывать!

Поѣздъ нашъ идетъ мимо цѣлыхъ горъ бѣлаго песку, употребляемаго для стекла, мимо длинныхъ валовъ ссыпанной здѣсь желѣзной руды. Изъ-за нихъ, изъ-за этихъ горъ и валовъ, совсѣмъ не замѣтно станціи Шахта и она неожиданно вырастаетъ передъ нами въ самомъ центрѣ этихъ богатыхъ складовъ всякаго сырья, которое отсюда доставляется въ гуты, заводы, въ домны и другія промышленныя заведенія этой жиздринской Америки.

Кругомъ все засыпано углемъ. Прямо передъ нами бурятъ землю; три года уже продолжается здѣсь разыскиваніе пластовъ каменнаго угля. Думаютъ, что онъ долженъ лежать на 62 — 96 аршинъ глубины. До сихъ поръ добыли только угольную муку оттуда, хотя сорокъ восемь аршинъ уже пройдено. Черный колодезь прямо внизъ ведетъ, въ самыя нѣдра земли. Паровая машина и локомотивъ неустанно работаютъ надъ нимъ. Два насоса: одинъ давящій, другой высасывающій — не знаютъ отдыха. Тамъ внизу, въ этой черной тьмѣ, при свѣтѣ тусклыхъ лампочекъ, работаетъ народъ подъ цѣлыми громадами нависшей надъ ними земли. Слышно, какъ вода просачивается туда безчисленными жилами. Каждый часъ отливная машина выбрасываетъ ея до 2.000 ведеръ, а она все льетъ да льетъ со всѣхъ сторонъ, точно желая сохранить на вѣки вѣчные этихъ жалкихъ гномовъ, дорывающихся до лежавшихъ тысячи лѣтъ и никому невѣдомыхъ сокровищъ. А гномы эти работаютъ въ три смѣны, каждая въ четыре человѣка. За двадцать четыре рабочихъ дня мастера изъ нихъ на верху получаютъ 18 р., причемъ за каждый лишній день ему отсчитывается по 75 к.; подмастерья—15 руб. и за лишній день—60 к. Они на полномъ хозяйскомъ содержаніи. За работу внизу, въ вѣчномъ мракѣ этихъ подземныхъ галлерей, плата гораздо выше: два штейгера за тѣ же двадцать четыре дня получаютъ на хозяйскомъ содержаніи отъ 30 — 50 рублей каждый.

Всѣхъ буровыхъ скважинъ здѣсь заложено четыре. До угля дошли только въ двухъ изъ нихъ, затѣмъ буры сломались. Механическимъ путемъ вести дѣло оказалось трудно,—обратились

къ ручной силѣ, которая, разумѣется, обходится дороже. Больше всего возни съ подземными плывучими породами, которыя то и дѣло выпираетъ вверхъ, причемъ уровень шахты вверху опускается все ниже и ниже.

Сверху внизъ идетъ труба, въ которую разговариваютъ съ рабочими.

Я приложилъ ухо: оттуда слышался гулъ, неясный стукъ какой-то, порою покрывавшійся журчаніемъ воды. Изрѣдка доносились отдѣльные голоса. Казалось, что тамъ, въ глубинѣ этой влажной и черной земли, сказочные гномы дѣлаютъ свое вѣчное дѣло, собирая въ недоступныхъ подземныхъ пещерахъ таинственныя сокровища, до которыхъ никогда не суждено коснуться рукѣ человѣка. Обманутое иллюзіей ухо начинало различать стукъ молотовъ, которыми эти легендарные карлы отбиваютъ золотые самородки отъ плотно, отовсюду, захватившихъ ихъ камней, раскалываютъ утесы, чтобы въ глубинѣ ихъ открыть алмазныя жилы... Дѣйствительность, впрочемъ, оказывалась сказочнѣе всякой сказки. На Уралѣ я опускался въ подобныя же шахты и всегда выходилъ оттуда полный удивленія къ неукротимой энергіи тружениковъ, словно черви пронизавшихъ, казавшіяся недоступными, нѣдра земли, чтобъ изъ ихъ таинственнаго мрака вынести на свѣтъ Божій невиданныя богатства!... Помню я этихъ одинокихъ работниковъ, которые цѣлые дни кайломъ и кирками отбиваютъ у неподвижнаго подземнаго царства желѣзо и мѣдь, слыша только шорохъ осыпающихся породъ и чувствуя надъ собою цѣлыя горы каменныхъ массъ, которымъ стоитъ только чуть-чуть сдвинуться, чтобы навсегда похоронить въ тяжеломъ мракѣ подземныхъ галлерей смѣлаго труженика... Часто рисовало мнѣ воображеніе, какія минуты долженъ переживать онъ въ своей внезапно запертой такимъ образомъ каменной ячейкѣ... Лампочка его мало-по-малу гаснетъ.. Помощи ждать не откуда... Сверху все больше сдвигаются и давятъ его каменныя породы... Дышать становится нечѣмъ и вѣчный мракъ охватываетъ отовсюду... Заживо схороненный...

Честь и слава энергіи человѣка, преодолѣвающаго все и не знающаго передъ собой никакихъ препятствій!

Отсюда выносишь глубокое уваженіе къ труду безграмотнаго рабочаго. Гигантомъ онъ выростаетъ передъ вами.

Кучи лигнита сложены во дворѣ. Все это изъ другихъ шахтъ. Въ немъ до 25% золы. Мягкій, онъ расползается подъ пальцами.

— Куда его?—презрительно смотритъ рабочій на эти черныя горы.—Нашъ лучше.

— Какой вашъ?

— У насъ здѣсь андрацыцъ добывается. Тотъ—ничего.

— Антрацитъ вѣрно?

— Во-во, онъ самый! А подъ нимъ стеклякъ лежитъ.

— Это еще что такое?

— Тоже уголь, только ёнъ какъ стекло блеститъ, покуля свѣжій, а какъ постоитъ на воздухѣ—тускнетъ живо. А еще выше—это самая жмака и есть,—махнулъ онъ на угольную пыль, цѣлыми грудами заполонявшую дворъ. — Коли бы не плывунъ, мы бы уже далеко прошли. Съ плывуномъ только совладать трудно.

Плывунъ состоитъ изъ песку и воды. Три слоя они уже прошли здѣсь. Между ними—залежи глины.

— Теперь будемъ крѣпи ставить. Ничего не подѣлаешь... Послѣдній слой песку-то, которымъ мы идемъ, сказываютъ, пятнадцать аршинъ въ толщу-то. Девять мы уже прошли.

Нѣсколько зданій около, совсѣмъ новыхъ, покосилось. Одно подперто балясинами. Нужно прибавить, всѣ они выстроены прочно, изъ превосходнаго лѣса.

— Что это?

— Бури сваливаютъ. Вонъ, напримѣръ, сарай для паровозовъ,—ишь какъ покачнулся.

— Да позвольте, вѣдь мы не въ центральной Америкѣ!

— Тутъ бываютъ такія грозы! Вы знаете, что въ казенныхъ лѣсахъ Раменской дачи повалило 500 десятинъ столѣтнихъ старыхъ деревьевъ. Вотъ какія бури здѣсь!... Это, вотъ, въ октябрѣ восьмидесятаго года у насъ бушевало. Пропасть убытковъ понесли мы...

Мы переходимъ къ складамъ руды.

Вотъ руда Лабунскаго, доставленная сюда на платформы. Она грязна, плохо обработана. Завѣдующій Устами г. Зайцевъ устроилъ ея промывку. Она дала однѣхъ пустыхъ породъ 49%, а самая худшая мальцовская даетъ 43%. Въ общемъ всѣ онѣ приносятъ желѣза 50%. Часто въ оболочкахъ руды встрѣчаются яйца углекислаго желѣза. Самыя бѣдныя по содержанію металла руды даютъ здѣсь 20—30% его. Эти сферосибериты неохотно берутъ для плавки съ флюсами. Лучшимъ сортомъ руды является крестьянская, такъ-называемая «казенная». Здѣсь за нее пла-

тятъ по пяти коп. съ пуда. Мѣстный обычай установилъ оригинальный порядокъ: платятъ за руду не по качеству ея, а по мѣсту, откуда взята, и по разстояніямъ. Руда Лабунскаго хуже— за нее по 6—7 коп. идетъ, потому что везутъ ее за двѣнадцать верстъ, а эта «коренная» государственныхъ крестьянъ доставляется только за четыре.

Наконецъ здѣсь мнѣ пришлось узнать, что такое «дудка».

Мы проходили по мѣстности, гдѣ то и дѣло встрѣчались точно обвалившіеся колодцы. Какія-то ямы, видимое дѣло,—съ боковъ осыпалась земля и покрыла отверстія глубоко пробуравленной земли.

— Это—старыя, выработанныя, дудки,—объяснили мнѣ.

— А новыя?

— Вотъ сейчасъ.

Сдѣлали еще нѣсколько шаговъ.

— Видите?

— Что такое?

— Дыра въ землѣ.

— Вижу.

Въ землѣ дѣйствительно было отверстіе въ три четверти аршина діаметромъ. Я заглянулъ туда. Черная дыра вертикальною жилой, казалось, уходила глубоко въ землю.

— Вотъ это дудка и есть.

Дѣйствительно, дудка—въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Да какъ же въ ней работать?

— Очень просто. Пророютъ въ землѣ такую отвѣсную нору, доберутся до руды и тамъ уже подземными жилами добываютъ ее наружу.

Крѣпей не ставятъ, а работаютъ, пока дудка не начнетъ обваливаться; тогда роютъ новую. Очевидно, здѣсь не безъ участія Провидѣнія, потому что до сихъ поръ не было случая, чтобъ осыпи хоронили кого-нибудь подъ собою. Трудъ этотъ, впрочемъ, большею частію зимній. Весною, когда начинаетъ таять, подземные кроты-рудокопы вылѣзаютъ вонъ. Лѣтомъ работаютъ, но очень неохотно. Роются подъ землей, при помощи какого-то особеннаго инстинкта стараясь не попасть на старую дудку, потому что въ ея пустотахъ скопляется вода, которая можетъ сплошь залить ихъ вмѣстѣ съ первобытною этою норой. Дорывшись до руды, внизу, во мракѣ, они копаются во всѣ стороны—жилами, ползая чуть не на четверенькахъ. Подпорки въ этихъ жилахъ,

напоминяющихъ червяные ходы въ яблокѣ, ставятъ тогда только, когда пластъ особенно богатъ и стóитъ того. Чаще на-авось!

— Какъ глубоки эти дудки?

— Разныя... Трудно сказать.

Та, въ которую спустился я, шла внизъ аршинъ на одиннадцать. Сошествіе мое отъ яркаго теплаго весенняго дня въ сырой и холодный мракъ этой дудки совершалось на канатѣ. Нора на столько узка, что еслибы канатъ и оборвался, то можно было бы удержаться въ этой трубѣ плечами. Вставляешь ногу въ петлю каната, сверху развиваютъ воротъ и, спустя минуту, васъ охватываетъ влажный сумракъ. Отверстіе вверху кажется едва-едва замѣтнымъ. Внизу, еслибы не свѣчи или лампочки, можно было бы живому испытать всѣ ощущенія заживо похороненнаго. Просочившаяся сквозь почву вода сбѣгаетъ внизъ съ какимъ-то зловѣщимъ урчаніемъ. Гдѣ-то изъ боковой, еще болѣе узкой, жилы слышится шорохъ, тоже не особенно ободрительно дѣйствующій на душу. Соображаешь, что это земля осыпается въ жилѣ, какъ бы она не похоронила тамъ какого-нибудь безпечнаго рабочаго. Внизу нога попадаетъ въ воду, тускло поблескивающую подъ скупымъ свѣтомъ едва мигающаго огонька, тускло и робко мигающаго, словно и ему страшно,—точно подъ впечатлѣніемъ этого мрака, подъ тяжестью этой массы земли надъ нимъ и онъ хочетъ закрыть свое блѣдное око, погрузивъ червивый ходъ рудника въ еще болѣе тяжелую, безпросвѣтную тьму.

Прежде вся эта мѣстность изобиловала водою, никакихъ гидравлическихъ работъ не знали крестьяне и копались чуть не по поясъ въ холодной влагѣ. Мальцовъ устроилъ имъ канавы для стока, а по дну продолжилъ штольни, которыя съ тѣхъ поръ значительно обсохли. Крестьяне теперь, какъ только вода въ дудкахъ начинаетъ подниматься, сейчасъ же бросаютъ ихъ. Рѣдкіе выливаютъ ее вонъ патріархальнымъ способомъ—кадками. На сто дудокъ не болѣе одной работаетъ съ водою, извлекаемою такимъ остроумнымъ способомъ.

— Какъ же въ этихъ узкихъ дудкахъ и работать, и воду вычерпывать?

— Они роются двумя дудками рядомъ и соединяютъ ихъ подземною норою. Изъ одной воду выкачиваютъ, а изъ другой руду достаютъ.

Въ иной дудкѣ работаютъ не болѣе недѣли, тотчасъ же ее бросая. Такимъ образомъ, на землѣ государственныхъ крестьянъ

руды пропадаетъ много, и иногда самая обильная по содержанію желѣза остается невыработанной. Изъ хорошихъ дудокъ случалось—въ видѣ исключенія разумѣется—двумъ кротамъ добыть 300 пуд. руды въ день; обыкновенно же извлекается оттуда 100 пуд., причемъ въ Устахъ за каждый пудъ уплачивается имъ по 2½ коп., такъ какъ никакого разстоянія тутъ не оказывается. Теперь, впрочемъ, по-двое уже мало работаютъ. Въ началѣ двухъ еще довольно: одинъ точитъ нору, а другой вытаскиваетъ воротомъ кадки съ землей или пустою породой. Но когда дорылись до руды и открыли такъ-называемый дворъ, т. е. жилы, откуда ее начнутъ вырабатывать, тогда является третій. Онъ вверху дѣйствуетъ у ворота, второй внизу роетъ и откалываетъ руду, а послѣдній укладываетъ ее въ кадки, которыя доставляетъ подъ воротомъ къ канатамъ. Вся работа совершается въ зловѣщей тишинѣ. Только слышится скрипъ ворота сверху да урчаніе воды въ колодцѣ...

Старыя обвалившіяся дудки тоже не бросаютъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онѣ осыпятся совсѣмъ и земля осядетъ,—крестьяне опять роются въ томъ же районѣ, то-есть между четырьмя старыми дудками въ точкѣ встрѣчи проведенныхъ между ними діагоналей, что и называется — на кресту. Когда я проходилъ по этой мѣстности, полной старыхъ осыпавшихся дудокъ, еще кое-гдѣ зіявшихъ черными отверстіями,—мнѣ казалось, что ихъ нарыли какіе-то колоссальные сурки. Вотъ, вотъ выскочитъ одинъ на дорогу и сейчасъ же опять юркнетъ въ свою подземную жилу... Но вмѣсто нихъ изъ рѣдкихъ норъ выскакивали, словно слѣпнущіе отъ свѣта, рабочіе, отряхивали съ себя влажные комья земли и старались поскорѣе надышаться благораствореніемъ воздуховъ. Зеленыя лица быстро принимали здоровый цвѣтъ, согнувшіеся хребты расправлялись.

Жаворонки уже купались въ чистомъ, тепломъ воздухѣ, серебряными колокольчиками звеня въ высотѣ... Все время они поютъ надъ дудками, точно приглашая угрюмыхъ рудокоповъ выйти изъ своего мрака на вольную волю, на свѣтъ и просторъ роскошнаго, яснаго дня.

XV. Буда Мальцовская и Буда Песочная.

Когда-то весь этотъ округъ принадлежалъ календарному Брюсу. Теперь мы проѣзжаемъ по владѣніямъ этого великаго мага и волшебника. Большія села попадаются по пути, по скатамъ

холмовъ, по лощинамъ у быстро бѣгущихъ рѣчекъ. Рощи—остатки великолѣпныхъ лѣсовъ—поближе къ водѣ вытягиваются, точно жутко имъ въ этомъ безлѣсномъ просторѣ. Въ синей дали красивѣе и красивѣе кажется вся эта мѣстность. Вонъ рѣка Песчаная завилась прихотливыми излучинами, жалкая деревушка Хохилевка сбилась около, вся покачнувшаяся, вся точно раздавленная насквозь прогнившими соломенными кровлями. Бѣднота такъ и сквозитъ изъ всѣхъ угловъ ея. Ни скота около, ни обработанныхъ полей... Какіе-то чахлые люди тонутъ по улицамъ, обратившимся въ сплошную болотину, тонутъ въ ней и избы самыя. Неприглядная картина народной нищеты скоро осталась далеко позади. Взглядъ отдыхаетъ на прелестной долинѣ, по которой вьется свѣтловодная рѣка Жиздра. Свѣжая зелень пышными облаками круглится надъ нею, жаворонки съ утра завели свои весеннія пѣсни, и чѣмъ выше подымается солнце, тѣмъ громче становятся эти пѣсни, точно каждое новое мгновеніе этого яснаго дня рождаетъ новые и новые рои звонкихъ птицъ... Останавливаемся на нѣсколько минутъ.

— Видѣли вы наши окаменѣлости?—спрашиваетъ меня хозяинъ дома.

— Нѣтъ.

Мнѣ показываютъ громадный зубъ какого-то допотопнаго травояднаго.

— Это здѣсь нашли?

— Да.

Опять дорога, опять красивыя окрестности. Вонъ березовый лѣсъ... Сорокъ лѣтъ уже, какъ поднялся онъ здѣсь, а смотритъ не совсѣмъ весело.

— Это больной лѣсъ,—замѣчаетъ крестьянинъ,—сѣтовый!

— То-есть что это значитъ—сѣтовый?

— Ноздреватый, рыхлый,—объясняютъ мнѣ.

По всему пути видны оставленныя и разработанныя дудки. Мимо нихъ мы доѣзжаемъ до превосходно обстроеннаго села—«Буда Мальцовская». Кирпичные домики чистенькіе и уютные. Весело смотрѣть на нихъ, особенно оставивъ за спиною разоренную деревушку Хохилевку. Ничего общаго, хотя обѣ въ одномъ и томъ же районѣ.

Тутъ разработка руды дудками идетъ еще упорнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Верхній слой пустыхъ породъ не глубокъ, добываніе руды легче, чѣмъ въ Устахъ. Другихъ крестьяне будяне

къ себѣ не пускаютъ, стойко держатся за свою землю. Отсюда уже дудками добываютъ и уголь. Около Буды—двѣ шахты для его разработки. Часть поля первой шахты уже истощена, антрацитъ весь вынутъ, теперь подготовляется вторая, въ которой въ этомъ году лѣтомъ должны быть начаты работы. Шахта уже готова, но еще затоплена водою. Чтобъ освободить ее отъ воды, къ ней проводится отливная штольня. Колодезь для шахты очень глубокъ; снизу изъ лощины копается къ нему эта отливная штольня черною, страшною жилой. Жила эта сначала идетъ перпендикулярно внизъ и потомъ уже горизонтально сверлится навстрѣчу шахты. Мнѣ кажется, въ этихъ ходахъ подземныхъ могутъ подолгу оставаться только дождевые черви. А между тѣмъ въ то время, какъ мы сверху наклонялись надъ этимъ колодцемъ, изъ его черной тьмы, съ самаго низу, доносится къ намъ веселая пѣсня,—пѣсня изъ подземной скважины. На меня она произвела такое же впечатлѣніе, какое произвелъ бы внезапно запѣвшій въ своемъ тѣсномъ гробу мертвецъ...

Удивительно, при какихъ условіяхъ люди ухитряются быть веселыми. Подумаешь, на него, вѣрно, не дѣйствуетъ эта убійственная обстановка.

Пѣвецъ не долго работалъ внизу. Ему опустили канатъ. Онъ какъ обезьяна уцѣпился за него и сталъ подыматься. Пѣсня становилась все громче да громче, пока самъ пѣвецъ не показался надъ черною дырой этого колодца,—всклокоченный, весь въ грязи, но веселый и, по-своему, счастливый.

— Экъ ты, братъ, распѣлся!

— Съ пѣсней-то лучше дѣло спорится. Оно и не замѣтишь, какъ работу-то кончишь... Безъ пѣсни намъ бы пропасть надо!

— Много ли васъ тамъ работаетъ?

— Два наверху, да два внизу. Мы чередуемся, чтобы никому завидно не было. А потомъ другая смѣна, тоже четверо.

Оказывается, что плата имъ, по здѣшнимъ условіямъ, идетъ очень хорошая. Они вырабатываютъ по 30 рублей въ мѣсяцъ каждый.

— Намъ жить можно. Мы живемъ — слава-те Господи—чудесно!

— Далеко ли до угля дорываться приходится?

— Нѣ... Здѣсь уголь близко... У насъ такъ: чѣмъ мѣсто выше, тѣмъ уголь ниже, а чѣмъ мѣсто ниже, тѣмъ уголь ближе къ намъ. На низинахъ его работать легко.

Толщина здѣшняго угольнаго слоя колеблется отъ пяти четвертей до двухъ аршинъ.

Въ дудкахъ угольныхъ крестьяне уже работаютъ осторожнѣе, подпоры ставятъ чаще и крѣпче. Здѣсь дольше приходится оставаться на одномъ мѣстѣ и выбирать гораздо больше, чѣмъ на рудничныхъ мѣстахъ. Изъ дудки трое рабочихъ выберутъ въ день болѣе 350, а то и всѣ 400 пудовъ. Заводъ за каждый пудъ, принятый имъ, платитъ по двѣ копѣйки, но не вся выработанная масса можетъ быть сдана пріемщику. Ее нужно еще просѣять, причемъ половина пропадетъ на мелочь. Такимъ образомъ, считая, что одинъ день они просѣваютъ, а другой день возятся въ рудникахъ, окажется, что больше 75 коп. на человѣка, при этомъ трудѣ, никакъ не придется. Очищаютъ они уголь внизу, въ дудкахъ, а желѣзо очищаютъ, напротивъ, наверху. Вся земля здѣсь пронизана старыми дудками, почему и почва по всей мѣстности нѣсколько осѣла. Проходя мимо черныхъ дыръ и заглядывая туда, мы то и дѣло видѣли, какъ въ глубинѣ, во мракѣ, поблескиваетъ одинокая лампочка, точно свѣтлякъ забрался въ узкій колодезь и свѣтится тамъ робкимъ, фосфорическимъ огонькомъ.

— Живы ли?! — крикнулъ въ одну такую дудку мой спутникъ.

Оттуда послышалась столь энергичная фраза, что сомнѣваться въ отсутствіи жизни тамъ было невозможно.

— Ты что-жь ругаешься?

— А чего-жь мнѣ не ругаться!—едва-едва донеслось оттуда.

— Ты знай съ кѣмъ говоришь!

— Наплевать! Много васъ, чертей, шляется.

— Антошка!—крикнули ему,—да это—господа.

— Мы знаемъ, какіе господа! Изъ нашихъ чистоплюевъ должно-быть.

А тамъ и пѣсня послышалась изъ-подъ земли, на зло ея мраку, ея сырости.

Отсюда до Буды Песочной не далеко.

Тамъ разрабатывается уже не руда и не уголь, а бѣлая глина для огнеупорныхъ кирпичей и бѣлый песокъ, необходимый для стекла. Старыя дудки тутъ водою залились до верху, у самыхъ отверстій ихъ выросли кусты и глядятся въ неподвижную влагу. Птицы всякой здѣсь до пропасти, и не пуганая, не особенно бѣжитъ отъ человѣка,—понимаетъ, что ему не до нея совсѣмъ.

Первая шахта здѣсь идетъ на 22 аршина въ глубину. Песку найдено уже семь аршинъ, а на сколько еще внизъ идетъ эта толща—неизвѣстно. Работаютъ артелями, по семи человѣкъ каждая; за тысячу пудовъ имъ платятъ по 10 руб., причемъ эту тысячу пудовъ нужно вырабатывать день или полтора. Работа оказывается выгодной и населеніе идетъ на нее съ особенною охотой.

— Что, вода не заливаетъ васъ тамъ?

— У насъ вода сверху есть, а внизу нѣтъ.

— Начнемъ работать, вода дальше пойдетъ; вся она въ песокъ схоронится, не видать ее.

— Наша работа сухая. Не дай Богъ—съ рудой да съ угелемъ... Наша чистая...

Бѣлые горбы и валы песку тянутся по всѣмъ направленіямъ. Его уже выработали и приготовили для обмѣра. Вотъ нѣсколько человѣкъ роютъ землю. Управляющій подошелъ къ нимъ.

— Что вы это, братцы?

— Да новую дудку роемъ,—старая плоха стала. Песокъ желтый совсѣмъ пошелъ.

— Они страсть какъ на эту работу идутъ.

И дѣйствительно, партіи рабочихъ то и дѣло подходили къ управляющему.

— Дозвольте изъ старыхъ дудокъ работать... Что-жь даромъ-то...

— И безъ того много уже выработали песку. Довольно. Намъ больше не надо.

— Почему они на старыя шахты просятся?

— Боятся, что не выстоитъ, развалится; такъ благо ходъ есть, поскорѣй ее выработать торопятся.

— Осенью, осенью, ребята!—успокоиваетъ онъ.

— Не простоитъ до осени-то... Гдѣ ей... Песокъ-то ужь очень хорошій, песка жалко какъ! Опять же и хлѣба нѣтъ, годъ голодный...

Часть работъ тутъ пріостановилась, потому что требованій на товаръ нѣтъ вовсе. Это было въ 1881 г., а въ этомъ дѣлà вѣрно еще тяжелѣе. Еврейскіе безпорядки страшно отразились на заводахъ. Заготовленная масса товара, приходившая прежде на русскій югъ черезъ еврейскихъ коммиссіонеровъ-купцовъ, теперь осталась нетронутою, нанеся, такимъ образомъ, мальцовскому товариществу убытка на 400.000 руб.

Глиняныя дудки около. Оттуда вылѣзаютъ подземные жители совсѣмъ измазанные—лица на нихъ нѣтъ. Бываютъ дни, когда артель въ семь человѣкъ—пятеро внизу и двое наверху—добываетъ 200 пуд. этой вязкой массы, за которые и получаетъ пять рублей. Тогда какъ при самомъ слабомъ свѣтѣ какой-нибудь самодѣльной лампочки въ песочныхъ дудкахъ свѣтло какъ днемъ, стѣнки ея изъ слежавшейся бѣлой массы искрятся какъ слеза, въ глиняныхъ темнѣе, чѣмъ въ рудничныхъ шахтахъ. Самая работа далеко не такъ легка, какъ съ пескомъ. Приходится забивать клинья, дѣлать засѣки, бить ихъ чугунною балдой, пока, наконецъ, комъ жирной и вязкой глины отколется. И сыро здѣсь ужасно. Ручьи текутъ отовсюду. Внизу наливаются глубокія лужи.

— Колоть страсть трудно... Скрозь просѣкомъ иной разъ не ломится. Хоть ты што...

При мнѣ вытаскивали кусокъ пудовъ въ двадцать; его пришлось отбивать со всѣхъ сторонъ, пока онъ откололся, наконецъ.

— За иной такой анафемой часъ бьешься, а все она свово карахтера не уступитъ. И наругаешься же съ ей!...

Пока эта глина мокрая, она темно-сѣрая. Высохнувъ, онасвѣтлѣетъ и, по словамъ рабочихъ, дѣлается «зеленой». Подъ зеленымъ цвѣтомъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ нужно подразумѣвать сѣрый съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ. Прислушиваясь у отверстій дудокъ, мы различали стукъ забоевъ мягкій,—видимое дѣло, кирки уходятъ въ вязкую и плотную массу. Вонъ изъ одной дыры вылѣзло нѣсколько человѣкъ и растерянно смотрятъ туда.

— Что вы, братцы?—спрашиваетъ ихъ управляющій.

— Сажени три прошли.

— Ну?

— На старую дудку наткнулись, прямо въ нее,—насилу ноги унесли... Водой было совсѣмъ залило.

— Сколько же васъ было?

— Да мы въ пять огней работали. Слава Богу, всѣ живы вышли.

Тутъ не говорятъ: работаемъ вчетверомъ, впятеромъ, а въ четыре огня, въ пять огней.

Огонь—это чугунный черепокъ, налитый конопляньімъ масломъ. Черезъ край черепка виситъ фитиль.

— Духоты отъ яво страсть! Плохо, плохо, а масла семь фунтовъ пожретъ за недѣлю.

— Семь изведетъ вѣрно.

— Карасиръ лучше. Въ Жиздру поѣдемъ—карасиру купимъ.

Вонъ изъ слѣдующей дудки несется громкая пѣсня. «Христосъ воскресе» слышно... Хоромъ человѣкъ пять запѣли подъ стукъ чугунной балды. Самый подходящій стихъ для этого мрака, для этого страшнаго свѣжему человѣку подземнаго царства... Особенное впечатлѣніе должна производить эта воскресная пѣсня въ подобной обстановкѣ... Воображаю, какое благоговѣйное чувство растетъ теперь на душѣ у этихъ тружениковъ.

— Не случается, чтобъ обваливались глиняныя дудки?

— Николи, потому тутъ мы крѣпи ставимъ.

На эти крѣпи имъ отводится лѣсъ, который они сами должны вырубить, вывезти и поставить въ свои патріархальныя шахты.

Случается и то, что идутъ, идутъ все ниже и ниже глиняною дудкой—и вдругъ подъ вязкой, черною массой глины оказывается почти безъ промежутковъ бѣлый чистый песокъ. Рабочіе очень рады этому, потому что вмѣсто труднаго и грязнаго дѣла сейчасъ же начинается легкій трудъ.

— Богъ счастье послалъ, въ чортовъ колодецъ привелъ!— говорятъ они.

— Почему чортовъ колодезь?

— А какже? Сколько ни будь воды сверху, какъ до песку дошла и пропала. И песокъ сухъ, и воды нѣтъ.

— Работаютъ они при этомъ въ одну смѣну отъ разсвѣта до заката.

— Какъ солнце за лѣсъ, такъ и шабашъ!—говорятъ они.—А зимой и ночью—ни почемъ, потому у насъ плата сколько кто выработаетъ, — ну, и стараемся. Теперь - то спишь въ сласть, а зимой ночью тутъ же въ дудкѣ иной разъ прикурнешь въ уголъ на глину, заснешь, а товарищъ ужь и будитъ,—вставай-де, забивай забойки... Ночь не поработаешь, анъ и ѣсть нечего. Случается, глину-то выбиваешь, выбиваешь, да на уголь и наткнешься. Не равно бываетъ.

Каменный уголь, дѣйствительно, кое-гдѣ прошелъ здѣсь прожилками сквозь глину. Во времена оны была здѣсь превосходная розовая глина,—всю выработали. Напали на гнѣздо и опустошили его, а теперь новаго найти не могутъ.

— Вся деревня кормилась ею, розовой-то... Сколько мы денегъ за нее перебрали... Двѣ десятины, поди, выработали, все на Дядьковскую гуту ушло. А теперь нѣтъ, нигдѣ нѣтъ. Ужь мы какъ искали...

Замѣчательно красивый, сильный и рослый народъ въ этой мѣстности. Точно совсѣмъ въ иной край попалъ. Сѣютъ хлѣбъ, жнутъ, всѣми вообще полевыми работами завѣдуютъ бабы, а мужчины исключительно въ каменщикахъ или по дудкамъ работаютъ.

Здѣшніе крестьяне удивительно быстро работаютъ дудки. Таковую аршинъ въ девять высоты двое рабочихъ оканчиваютъ въ два дня. Роется она такъ: выкопавъ отверстіе, одинъ садится въ него и, упершись колѣнами въ одну стѣну, спиною въ другую, совсѣмъ маленькою лопаткой вырываетъ изъ-подъ себя землю. Другой въ это время воротомъ выволакиваетъ наружу землю и бросаетъ ее вокругъ отверстія дудки. Внизу, въ дудкѣ, когда она уже готова, рабочіе точно также возятся въ штольняхъ, не бывающихъ выше трехъ четвертей аршина. Они ползаютъ на колѣняхъ, скрючившись и чувствуя, что спина упирается въ землю, тысячами, десятками тысячъ пудовъ нависшую надъ ними. Такой трудъ иногда продолжается часовъ по двѣнадцати. Поэтому нѣкоторые, привыкшіе съ дѣтства рыться въ подобныхъ дудкахъ, являются крайне малорослыми и сгорбленными. Будяне, разрабатывающіе песочныя дудки, сложились совсѣмъ иначе. Тутъ уже они роютъ стоя. Крѣпи ставятся сплошь. Потолокъ устраивается изъ горбылей. Песокъ разрабатывается сверху гребнями, надъ собою, потому что онъ легко сыплется, а руда, напротивъ, снизу,—вбиваютъ подбойки и потомъ откалываютъ. Когда песокъ оказывается слишкомъ твердъ, его отбиваютъ желѣзными лопатами. Работа здѣсь веселая, потому что, какъ выше мы уже говорили, достаточно одной лампочки, чтобы вся эта бѣлая подземная пещера засвѣтилась или какъ снѣжная масса, или какъ золотистый гротъ. Жаль только, что самодѣльныя лампочки-черепки даютъ слишкомъ много копоти.

Вся эта мѣстность кругомъ чрезвычайно богата желѣзомъ вообще. Даже у сосѣдей, какъ, напримѣръ, у Лабунскаго, лѣсъ растетъ на желѣзѣ. Владѣлецъ хочетъ поставить домну прямо въ лѣсу. У него тамъ есть мачтовыя деревья, которыя онъ продаетъ, а мелкую поросль сожжетъ въ домнѣ. Сбытъ для чугунной болванки чудесный на мальцовскихъ заводахъ. Сверхъ того отличный сплавной путь представляетъ здѣсь р. Жиздра. Весною

она разливается. При насъ она была еще только на четыре сажени ширины и по ней почти сплошь ползли плоты. Вообще, по нашему мнѣнію, этотъ край ждетъ блестящая будущность. Тутъ, напримѣръ, должна быть непремѣнно нефть, потому что запахъ ея ощутительно слышенъ изъ шахтъ. Массы лигнита тоже пахнутъ ею. Прежде въ Устахъ Мальцовъ изъ лигнита добывалъ петролеумъ.

XVI. Сукремень.

По боковой вѣтви узкоколейной желѣзной дороги мы быстро доѣхали до Сукременя, села съ чугунно-плавильнымъ, литейнымъ и проволочнымъ заводами. Былъ праздникъ. Весь народъ оказывался въ церкви, куда отправился и старикъ Мальцовъ съ своими пѣвчими. Не большой, но чистенькій и красивый храмъ построенъ надъ обрывомъ въ Болву. Отсюда чудный видъ на окрестности. Сукремень вообще славится красотою далей, открывающихся на югъ и на западъ. Вотъ, напримѣръ, изъ церкви виденъ затонъ р. Болвы. Далеко, далеко стелется водяная гладь, обставленная лѣсистыми мысами, лѣсистыми берегами, точно облака, которымъ не хочется разставаться съ землей, приклонились къ самой водѣ. Деревья кое-гдѣ еще въ голубомъ зеркалѣ разлива. Далеко, далеко изъ-за рощъ, полузатопленныхъ водой, среди проливовъ и плесовъ, видна красивая церковь Кургана, гдѣ работаетъ проволочный заводъ. Налѣво мерещатся деревни; ихъ уже и не разглядишь... Вонъ на концѣ лѣса, далеко вдвинувшагося въ вóду, небольшой заводъ, точно замокъ какой-то, смотрится въ разливы... Спокойствіе во всемъ удивительное. Какъ-то лучше дышется здѣсь.

Съ людиновской дороги этотъ заводъ, громадою подымающійся надъ озеромъ, кажется какимъ-то стариннымъ, мрачнымъ аббатствомъ. Весь онъ рѣзко обрисовывается на голубомъ фонѣ безоблачнаго сегодня неба. Вонъ даже что-то похожее на четырехъугольную башню. Стѣны его покрыты темными отъ ржавчины желѣзными листами. Дома вдали кажутся жалкими и микроскопическими передъ этою готическою массой. Лѣстницами и переходами мы подымаемся на вершину чугунно-плавильнаго аббатства и останавливаемся невольно: такая чудная даль, такія красивыя окрестности разомъ открываются отсюда... Громадное озеро стелется у самыхъ ногъ, уходя впередъ туда, куда и глазъ не хватитъ. Красиво извивается Болва, точно ей не хочется раз-

статься съ этими лугами, полями и рощами. Вонъ на берегу озера за нѣсколько верстъ отчетливо видно Людиново, точно оно все сбѣжалось въ кучку къ водѣ. Рисуются оттуда трубы и мрачныя зданія заводовъ, бѣлыя слободы. Налѣво чистенькій, хорошо обстроенный Сукремень тоже жмется къ озеру. Направо въ непроглядную даль уходитъ лѣсное царство; безконечная полоса зеленыхъ вершинъ, отдаляющихся одна отъ другой, здѣсь и тамъ сливается въ одно общее марево... Все это затоплено солнечнымъ свѣтомъ, охвачено голубымъ весеннимъ небомъ. Вездѣ ярко-красное, спокойное очертаніе. Взглядъ скользитъ, не встрѣчая преграды...

Толщина стѣнъ этого аббатства-завода удивительна,—до шести аршинъ доходитъ она. Видимое дѣло, строено оно въ старое доброе время, когда и трудъ былъ дешевъ, и матеріалы стоили грошъ. Мы проходили мимо массивныхъ сооруженій, колоссальныхъ трубъ, крѣпостныхъ стѣнъ; чудились какіе-то огненные траверсы; направо и налѣво хотѣлось видѣть закопченныя средневѣковыя залы, къ которымъ такъ идетъ блуждающій свѣтъ факеловъ, гдѣ ухо и теперь какъ будто слышитъ звонъ желѣзныхъ латъ и стальныхъ шлемовъ, стукъ мечей и бряцаніе кольчугъ. Въ массивныхъ кирпичныхъ кладкахъ скромнаго завода чудились каменные мѣшки. Казалось, что тамъ, по таинственнымъ ходамъ, можно выйти въ далекія башни...

Тутъ двѣ домны: одна—старая, громадная, какъ настоящая башня средневѣковаго замка и такая же мрачная, другая—новой системы, строющаяся на чугунныхъ столбахъ. Старая оставлена и открыта. Мы заглянули въ нее сверху, точно на дно черной пропасти. Тамъ ничего не различалъ взглядъ, только ухо разслышало стукъ молотковъ. Вѣрно на днѣ ея работали люди. Внизу все завалено желтыми массами руды, вязкой и богатой вохрой. Рядомъ строится новая домна системы Уисваля. Одинъ аппаратъ ея долженъ обойтись заводамъ въ 18.000 руб. Чугунныя ноги для нея уже поставлены, даже выведено громадное кирпичное брюхо, которое должно будетъ переваривать десятки, сотни тысячъ пудовъ руды и камня. Тѣмъ не менѣе старая домна, рядомъ, кажется гораздо внушительнѣе, съ отверстіемъ печи, похожимъ на ворота, съ какими-то ходами и норами, пронизавшими ея толщину. Старая домна была въ свое время тоже закрытой сверху. Аппаратъ для этой усовершенствованъ Мальцовымъ и давно уже, чуть ли не передъ Севастополемъ еще,

пріѣзжавшіе сюда иностранцы инженеры удивлялись сбереженію труда и заботливости о здоровьѣ рабочаго, выразившимся въ этомъ. Тогда еще за границею считалось сентиментальностью думать объ огражденіи доменнаго плавильщика отъ жара во всю свою каменную пасть пылающей домны. Во времена оны на домну посылали работать за наказаніе. Потомъ со всѣми этими приспособленіями дѣло значительно облегчилось. Не знаю, какъ кому, а мнѣ показались всѣ эти приспособленія, постройки, вся эта громада аппаратовъ—каменною и желѣзною лѣтописью, исторіей громаднаго, положеннаго сюда, народнаго труда. Въ здѣшней домнѣ былъ придуманъ, аппаррать, чтобъ утилизировать мятый, т.-е. уже поработавшій, паръ. Его пропускаютъ въ громадные цилиндры и потомъ пользуются его силой давленія. Когда это было задумано и приступили къ постройкѣ, инженеръ Фужеръ, завѣдывавшій здѣсь дѣломъ, сталъ протестовать.

— Изъ этого ничего не выйдетъ!

Ему доказывали, что должно выйдти. Онъ стоялъ на своемъ и наконецъ рѣшилъ, что работать не станетъ. Окончили безъ него. Попробовали—дѣйствуетъ чудесно. Фужеръ былъ совсѣмъ ошеломленъ.

— Вы больше инженеръ, чѣмъ я!—обратился онъ, въ видѣ извиненія, къ Мальцову.

На здѣшнемъ заводѣ въ недѣлю приготовляютъ 3.000 пуд. чугуна въ издѣліяхъ и въ болванкахъ. Отливкою различныхъ вещей занято 160 мастеровъ съ 210 вспомогательными поденщиками. Кромѣ того, въ Сукремени есть довольно обширныя слесарни, большой заводъ, гдѣ приготовляется 25.000 штукъ кирпича и лавы, крупной, аршинъ въ діаметрѣ, для той же новой домны. На кирпичномъ дѣлѣ занято немного народу. За тысячу штукъ уплачивается подрядчику 6 руб. 50 к., а тотъ уже, въ свою очередь, разсчитывается съ своими.

XVII. Сергіево-Радица.

Сергіево-Радица лежитъ въ самомъ началѣ мальцовскихъ владѣній. Она начинается у Мальцовской платформы, съ которой видны крутыя кровли и многочисленныя зданія этого завода. Изъ Дядькова я отправился туда вмѣстѣ съ главнымъ инженеромъ здѣшнимъ, г. Бассономъ, изъ Ганновера, гдѣ инженерами хоть прудъ пруди. Онъ работалъ нѣкоторое время надъ постройкою локомотивовъ въ Пруссіи и въ Россію приглашенъ чуть ли не

Полетикою и Сѣмянниковымъ. Потомъ морское министерство заключило съ нимъ контрактъ на сооруженіе кораблей и, между прочимъ, поручило ему воздвигнуть трехбашенную нелѣпость «Мининъ». Разсмотрѣвъ рисунки и чертежи, Бассонъ сталъ доказывать, что корабль такого рода никуда не годится.

— Онъ слишкомъ легокъ, перевернется съ своими тремя башнями.

— Стройте, не ваше дѣло.

— Не хочу я строить глупостей!—уперся Бассонъ.

Ему сейчасъ—контрактъ, по которому онъ обязался дѣйствовать по указанію министерства.

— Англичане — лучшіе моряки, чѣмъ нѣмцы. Знаменитый Ридъ одобрилъ проектъ!—изрекло высокопоставленное въ морскомъ дѣлѣ того времени лицо.

Бассонъ, скрѣпя сердце, принялся за дѣло. Когда онъ его уже почти оканчивалъ, то же лицо является на доки.

— Вы правы!

— Что такое?

— Такой же англійскій пароходъ «Критенъ» перевернуло съ четырьмя стами человѣкъ экипажа.

— Поздравляю васъ!

— Нельзя ли поправить «Минина», перестроить его по другому типу?

— Нѣтъ, я уже оканчиваю и вы мнѣ заплатите все, что мнѣ слѣдуетъ по контракту.

И заплатили. Потомъ Бассонъ искалъ руду въ Орловской губерніи, но, по его словамъ, былъ чуть не разоренъ русскими рабочими. Сегодня приходили къ нему партіи ихъ по 80 коп. за день, завтра требовали рубль, и такъ все шло дальше и дальше. Не выдержавъ, Бассонъ отправился въ Германію и привезъ съ собою 250 семей тевтоновъ. Этимъ не повезло: на первыхъ же порахъ 80 изъ нихъ вымерли отъ скорбута, остальные перепугались и онъ долженъ былъ ихъ отослать обратно въ край сосисекъ и пива. Потомъ онъ еще брался за разныя предпріятія, но ему не повезло и онъ совсѣмъ разорился. Мальцовъ его спасъ отъ окончательной гибели, и Бассонъ теперь является здѣсь главнымъ инженеромъ, если можетъ быть таковой при самомъ владѣльцѣ, безъ котораго ничего здѣсь не дѣлается.

Сергіево-Радицкіе заводы возникли не особенно давно.

Бывшій министръ путей сообщенія Мельниковъ нашелъ, что для Россіи величайшій позоръ покупать паровозы за границей, и хотѣлъ во что бы то ни стало развить ихъ постройку у себя дома. Съ 1866 года правительство стало вызывать отечественныхъ желѣзно-заводчиковъ, предлагая имъ принять на себя это новое дѣло, а Мельниковъ обратился къ Мальцову, объяснивъ, что на него одного онъ возлагаетъ свои надежды, причемъ, разумѣется, обѣщалъ всяческія пособія и постоянные заказы. Первымъ рѣшился приняться за новую отрасль машино-строенія Мальцовъ. Насколько оно было трудно, доказывается тѣмъ, что послѣдовавшіе его примѣру петербургскіе заводчики Макферсонъ и Путиловъ, принявъ правительственный заказъ и задаточныя деньги, отказались совсѣмъ отъ сооруженія паровозовъ; третій же, Полетика, передалъ свой заводъ Невскому товариществу. Это, истративъ на дѣло весь свой капиталъ, получило разрѣшеніе на второй выпускъ паевъ. Оно могло существовать только благодаря дальнѣйшей спеціальной помощи правительства и участію главныхъ желѣзно-дорожныхъ концессіонеровъ.

Внутри Россіи пришлось одолѣвать еще большія затрудненія. Тутъ нужно было болѣе труда, потребовались сравнительно крупнѣйшія затраты. Мальцовъ выстроилъ заводы, приспособилъ къ нимъ народъ, истративъ на это болѣе 2.000.000 руб. Приходилось къ ближайшей желѣзной дорогѣ проводить особенное шоссе, обратить р. Болву въ судоходную, сооружать на ней шлюзы, чтобы сдѣланные локомотивы доставить на мѣсто, гдѣ его могло принять правительство. Разумѣется, всѣ эти громадные расходы только и могли быть сдѣланы въ виду положительнаго увѣренія правительства поддерживать заказами и пособіями паровозное дѣло. Производство закипѣло. Тысячи народа занялись имъ въ мѣстныхъ мастерскихъ. Результатъ на первыхъ же порахъ оказался серьезный и локомотивы, вышедшіе отсюда, были настолько хороши, что инженеры не хотѣли брать ихъ, потому что, выдерживая тройной срокъ ремонта, они были имъ невыгодны. Не на чемъ нагрѣвать рукъ, видите ли...

Сооруженіе паровозовъ обѣщало привиться и сдѣлаться чисто русскимъ промысломъ, устраняющимъ всякую возможность иностранной конкуренціи.

Но въ это время совершилась внезапная перемѣна декорацій. Мельниковъ былъ замѣненъ графомъ В. А. Бобринскимъ, въ первое же время своего управленія усвоившимъ мысль: «Нѣтъ

никакой нужды заказывать паровозы въ Россіи... Россіи невыгодно развивать механическое производство... Будемъ брать ихъ изъ-за границы».

Заказы вдругъ были прекращены, весь оборотный капиталъ здѣшнихъ заводовъ, пущенный на это дѣло, лопнулъ, и мастеровые, учившіеся на постройкѣ первыхъ пятидесяти локомотивовъ, оказались выброшенными за бортъ.

Желѣзнодорожники тотчасъ воспользовались такимъ положеніемъ и прибѣгли къ цѣлой системѣ прижимокъ. Требованія являлись, но цѣны предлагались самыя убыточныя. Сверхъ того, многіе, какъ, напримѣръ, Моршанско - Сызрынская желѣзная дорога, принявъ паровозовъ на 500.000 руб., не уплатили за нихъ денегъ, поставивъ заводы въ совсѣмъ уже критическое положеніе.

Въ эту критическую минуту министромъ путей сообщенія является уже другой Бобринскій (А. П.). Этотъ ударился въ противоположную крайность.

Явилось неожиданное распоряженіе строить для казны подвижной составъ, не допуская при сооруженіи паровозовъ и вагоновъ ни малѣйшей частицы матеріаловъ иностраннаго происхожденія. Это потребовало тяжкихъ усилій и новыхъ расходовъ. Пришлось ввести новыя металлургическія производства для постройки 1.600 вагоновъ и около 350 паровозовъ. За употребленіе какого бы ни было куска заграничнаго металла заводы подвергались всякій разъ штрафу въ 9.000 рублей. Явились конкуренты, которые, нужно сказать правду, имѣя въ виду свое не настолько солидное предпріятіе и возможность обойти законъ частными сдѣлками съ пріемщиками, къ чему послѣдніе всегда обнаруживали большой аппетитъ, пошли на всѣ условія, заключили самые невозможные контракты. Мало-мальски уважающій себя предприниматель не могъ пуститься на подобное дѣло ни подъ какимъ видомъ. И вотъ пришлось вести дѣло на основаніи такихъ невыгодныхъ контрактовъ, въ условіяхъ какъ будто созданныхъ для краха.

Дѣло и повелось. Желѣзныя дороги въ данномъ случаѣ явились къ услугамъ враговъ русскаго паровознаго дѣла.

За границей инженерамъ заказывать было гораздо выгоднѣе: ставь цѣны какія хочешь и входи въ сдѣлки съ строителями, которымъ нѣтъ никакого дѣла до интересовъ акціонеровъ и казны. Начались придирки и привязки. Донецкая дорога, напримѣръ, настоятельно навязала постройку неудобныхъ и непрочныхъ па-

ровозовъ по типу Шварцкопфа. Когда была доказана нелѣпость этого типа, отвѣтственность пала не на заказчиковъ, а на исполнителей, игравшихъ только исполнительную роль. Тутъ нѣтъ мѣста приводить въ подробностяхъ всю эту эпопею желѣзнодорожныхъ гадостей и подвоховъ. Въ исторіи злоключеній русскихъ производителей она заняла бы не послѣднюю страницу...

Тѣмъ не менѣе паровозы строились и пріемщики выдавали свидѣтельства, что они сооружены превосходно. Передо мною цѣлый рядъ такихъ аттестатовъ, по которымъ можно было бы думать, что заказы должны рости колоссально. Они и росли, но... только не здѣсь, а за границей. Для русскаго производства заказы мало-по-малу прекращались и прекращались. Народъ оставался мало-по-малу безъ работы, мастерскія безлюдили.

Тотъ же красивый лакей встрѣтилъ насъ въ Сергіевѣ. Переодѣвшись съ дороги, мы отправились на заводъ.

Сергіево-Радицкій заводъ на половину уже оставленъ.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти остановившіяся машины, закрытыя мастерскія, молчаливые станки, еще нѣсколько лѣтъ назадъ наполнявшіе окрестности такою музыкой неустаннаго труда, о которой мы уже не разъ говорили. Мы безмолвно проходили по этимъ пустыннымъ сараямъ и корпусамъ, въ которые только солнце проникаетъ теперь своими лучами. Тишина царитъ здѣсь и невольно задаешься вопросомъ: гдѣ тѣ руки, которыя еще недавно приводили все это въ движеніе, гдѣ ихъ семьи? Нашли ли они себѣ работу или голодаютъ?

— Вонъ наши клепальныя отдѣленія!—показываютъ мнѣ.

Посмотрѣлъ. Громадные корпуса. Тамъ собирались вагоны, клепались паровики. Теперь все это мрачно, ни одного рабочаго, ни одного удара молота; только мухи жужжатъ да пауки по угламъ плетутъ свои сѣти. Кузница. Цѣлая улица горновъ и только въ трехъ изъ нихъ горитъ огонь и около свищутъ мѣхи, точно требуя воздуха, воздуха... Все остальное погасло. Печи холодны; зола, грудами лежащая въ нихъ, кажется намъ прахомъ мертваго труда. Подростки кое-гдѣ тоскливо возятся угорна... Вонъ въ домнѣ стучитъ паровой молотъ, отбивая концы болтовъ и желѣзныхъ полосъ. Прежде бы грохотъ этотъ затерялся въ цѣлой стихіи другихъ, не менѣе могучихъ, звуковъ; теперь онъ одинъ проносится съ конца въ конецъ этого сарая, точно выкрикивая по всѣмъ угламъ его: «Эй, братцы, живъ ли еще кто?»

Но, увы, такіе же молоты молчатъ, молчатъ приводы отъ похолодѣвшаго паровика, сердце не бьется, по жиламъ не разгоняется паръ; кровь заводскаго организма и организмъ самый кажутся какою-то окаменѣлостью. Я долго смотрѣлъ на этотъ одинокій молотъ. Точно ротъ у голоднаго, онъ подымался и опускался на желѣзный прутъ, подставленный ему, каждый разъ откусывая кусокъ за кускомъ. Когда, наконецъ, уже пищи ему не стало, онъ долго еще продолжалъ зѣвать. Наконецъ, какой-то мальчонко будто сжалился, подбѣжавъ къ нему съ болтомъ. И весело заработалъ ножъ-паровикъ!... А вотъ другой паровой молотъ. Онъ уже умеръ голодною смертью, сжалъ свои челюсти и не раскрываетъ ихъ больше. А дальше еще и еще ряды такихъ же.

Та же исторія и въ слесарной.

Сотни станковъ молчатъ, точно ожидая, кто вдохнетъ въ нихъ душу живу и заставитъ бойко, лихорадочно забиться эти пульсы угасшаго организма. Колеса станковъ покрылись пылью, грязь и соръ кучами валяются внизу, точно всѣ эти желѣзныя опилки еще вчера сыпались изъ-подъ громко работавшаго аппарата.

— А давно ли все это гремѣло!—замѣчаетъ Гущинъ, проходя мимо.—Такая ли музыка здѣсь была...

Слесарни были устроены для производства паровозныхъ колесъ. Прекратились заказы паровозовъ—и станки остановились.

— Скучно... Прежде у насъ такое тутъ дѣло кипѣло... веселое, что одного народу кормилось! Теперь всѣ станки примерли.

За то вонъ изъ того корпуса несется шумъ невообразимый.

Я направился туда. Чѣмъ ближе, тѣмъ оглушительнѣе.

— Что у васъ тутъ такое?

— Паркетная фабрика.

Ее устроили, чтобы не пропадали станки для вагоновъ и дерево, для нихъ заготовленное. Тутъ же дѣлаются и деревянныя части земледѣльческихъ орудій. Въ первомъ отдѣленіи—распилка досокъ; подъ вертикальнымъ стальнымъ колесомъ-пилою, съ головокружительною быстротой вращающейся, жалобно стонетъ и громко взвизгиваетъ дерево, въ здоровое, крѣпкое и сочное тѣло котораго въѣдается эта безпощадная сталь. Къ какимъ различнымъ впечатлѣніямъ можно придти, созерцая подобные механизмы! Въ Питерѣ одинъ изъ китайцевъ посольства осматривалъ такой же заводъ, остановился передъ паровою круглою пилой и долго любовался ею.

— У насъ за большія преступленія существуетъ казнь—распиливаютъ человѣка... только ручною пилой. Слѣдовало бы примѣнить эту... Гораздо было бы гуманнѣе.

Человѣколюбивый китаецъ къ иному выводу и придти не могъ здѣсь.

А дерево положительно жалуется и стонетъ. Его распиливаютъ на три части, потомъ обрѣзаютъ на куски для паркета. Пахнетъ смолистымъ дыханіемъ лѣса. На нѣкоторыхъ доскахъ выступаютъ янтарныя капли холоднаго пота, точно имъ страшно въ ожиданіи этой гуманной китайской казни. Вотъ уже готовые паркеты-куски обтачиваютъ и обравниваютъ подъ паровыми ножами, полируютъ ихъ. Цѣлыя массы стружекъ и древесной пыли подымаются въ воздухѣ, стонъ стоитъ надъ этими работами; дерево, поддаваясь ножу, только вздрагиваетъ каждымъ своимъ атомомъ. Вы слышите эту дрожь и невольно одухотворяете безжизненные куски сосны и дуба...

Вотъ второе отдѣленіе.

Тутъ громадные скелеты молотилокъ англійскихъ, Рустона, Мальцова. Цѣлыми рядами стоятъ онѣ; точно остовы замѣчательныхъ мертвецовъ въ анатомическомъ театрѣ.

— У насъ есть заказъ еще штукъ на пятьдесятъ! — сообщаетъ мнѣ Бассонъ, обходя этотъ неподвижный фронтъ.

Нѣкоторые механизмы съ открытымъ нутромъ. Наружу торчатъ желѣзные, стальные и деревянные потроха. Вонъ уже собранная, ярко выкрашенная, совсѣмъ съ иголочки молотилка. Тутъ же, около, и локомобиль для того, чтобы на пробѣ привести ее въ движеніе.

— Эту мы на дняхъ въ Харьковъ отправимъ.

— Экую красавицу выстроили!—съ отеческимъ чувствомъ хлопаетъ ее ладонью рабочій.

И локомобиль новенькій, то же разрядившійся въ яркіе цвѣта. Кокетливый, весь съ иголочки, лихо заломившій назадъ трубу, точно деревенскій франтъ, ловко вскинувшій свой картузъ. Вотъ и крупорушка. Стали ее пробовать—загрохотала, зашумѣла и давай сплевывать ненужную ей шелуху, сбрасывая просо съ грохота на грохотъ, пока совсѣмъ чистое не распредѣлилось по сортамъ въ разныхъ отдѣленіяхъ этого не сложнаго, но очень остроумнаго механизма. Стали потомъ пробовать молотилку. Бабы едва успѣвали подавать снопы соломы съ зерномъ. Запыхтѣлъ и заворчалъ локомобиль. Цѣлая туча соломенной пыли подня-

лась въ воздухѣ, точно это чудовище нарочно хотѣло окружить себя непроницаемымъ облакомъ. Работа шла съ страшною быстротой.

— Ишь, здорово она эту самую солому жретъ!—замѣчаетъ рабочій.

Чистое зерно живо ссыпается въ три или четыре отдѣленія, тоже сортируясь само собою.

Вотъ и плуги, цѣлая масса ихъ и все различныхъ системъ. Помню я, какъ ихъ пробовали въ Крапивенскомъ хуторѣ. Восемь воловъ тянули одинъ. Глубоко врѣзывались въ материнскую грудь земли его острые зубья. Паръ шелъ изъ развороченныхъ глыбъ весенней свѣжей почвы. Точно тяжело дышется ей, точно кровь ея испаряется въ холодный воздухъ изъ безжалостно прорѣзанныхъ бороздъ...

— Ой вы, воли-волики!—замѣчаетъ рабочій.

Добродушные волы медленно идутъ, вытягивая головы.

— Звѣрь согласный!—одобряетъ сѣрый армякъ рядомъ.

— Нѣшто волъ—звѣрь? Волки—звѣри, ведмѣдь—звѣрь, а волъ—слуга тебѣ, а не звѣрь!—обижается погонщикъ на легкомысленнаго сосѣда.

Длинные, красные и зеленые, лафеты на двухъ колесахъ, тоже пестрые и красивые.

— Это что у васъ?

— Сѣялки. Внутри лафета валъ, разсѣвающій зерна. Тутъ же мелкія бороны, плуги и вѣялки.

Выходя отсюда, мы наталкиваемся прямо на изумительно живаго старика, юркаго, бойкаго, съ воспаленными слезящимися глазами и такою массою морщинъ на лицѣ, что издали его можно принять за ситуацію пересѣченной мѣстности, а никакъ не за благороднѣйшее украшеніе человѣческаго организма.

— Мсье Бланшаръ!—привѣтствуетъ его Бассонъ.

— Imajinez vous!—оретъ тотъ еще издали.—J'ai perdu mes cheveux!—И онъ съ выраженіемъ ужаса поднимаетъ свой колпачокъ. Голый черепъ является достойнымъ увѣнчаніемъ этого зданія.—Гдѣ мои волосы, гдѣ мои волосы!—привязался онъ къ Бассону, точно тотъ виновникъ этого внезапнаго опустошенія.

— Отъ любви, вѣрно?—замѣчаетъ Бассонъ, хотя Бланшару мало-мало семьдесятъ лѣтъ.

— Нѣтъ, отъ лихорадки... Заболѣлъ маларіей весной и, вотъ, все вылѣзло!—И онъ еще приподнялъ колпачокъ, точно Бассонъ сразу не могъ убѣдиться въ этомъ прискорбномъ фактѣ.

— Онъ теперь похожъ на совсѣмъ облѣзлую крысу,—замѣчаетъ Бассонъ тихо, обращаясь ко мнѣ.

Бланшаръ лихо заломилъ колпачокъ какъ-то на бекрень, заложилъ залихватски руки въ карманы широкихъ штановъ и засвисталъ что-то.

— Экій вы еще молодецъ! Вамъ бы жениться надо.

— Parfaitement, monsieur Basson, parfaitement!

Въ слѣдующемъ отдѣленіи окончательная отдѣлка паркета. Обравненный на нѣсколькихъ колесахъ, каждый кусокъ дерева склеивается съ другими такими же, составляя многоугольникъ, который тоже, въ свою очередь, обравнивается и срѣзывается колесомъ по желѣзной формѣ. Только послѣ этого его помѣщаютъ въ раму. Рама идетъ подъ громадную машину; та, визжа и шипя, точно отъ злости, сдираетъ съ верхней плоскости паркета неровности. Съ силою разлетается кругомъ туча опилокъ и древесной пыли. Дерево положительно пищитъ, какъ мышь въ когтяхъ у кошки. Изъ-подъ этого аппарата рама идетъ подъ другой такой же, въ подобную первой муку, и, только испытавъ десять казней египетскихъ, паркетъ, наконецъ, отправляется къ заказчикамъ въ Кіевъ, Одессу, Смоленскъ, Орелъ, Харьковъ, Москву, Динабургъ и Витебскъ. Здѣсь тоже меньше стало народу, чѣмъ было прежде. Большинство разошлось по другимъ своимъ заводамъ, а меньшая часть нашла заработокъ у Тянишева и Губонина.

Отсюда мы попали на площадь, заставленную вагонами и паровиками. Они приготовлены по заказу правительства, которое приняло ихъ, и до сихъ поръ держатся здѣсь — цѣлые годы, причемъ ремонтъ и забота вся на обязанности завода.

— Тутъ ихъ караулить приходится, да и другихъ расходовъ масса. Чуть царапина—бѣда. Вагоны подъ солнцемъ нагрѣваются, потрескаться могутъ, краска вспузырится, а про все мы въ отвѣтѣ.

Громадные локомотивы кажутся заснувшими тутъ же. Бланшаръ кричитъ и суетится вокругъ, низко опустивъ вѣки и не открывая здѣсь своихъ красныхъ выпученныхъ глазъ. Вонъ подъ навѣсами паровозы еще собирающіеся. Нѣкоторые съ приспособленіями, придуманными тутъ на мѣстѣ. Вообще, рѣдкая машина на здѣшнихъ заводахъ дѣлается безъ измѣненій, по тому образцу, какой имѣлся въ виду первоначально. Напротивъ, всюду вводятся усовершенствованія, упрощенія. Еслибы перечислить

всѣ изобрѣтенія, совершенныя на этихъ заводахъ, то это была бы цѣлая лѣтопись техническаго прогресса.

Ко всѣмъ прочимъ несчастіямъ, пережитымъ Сергіево-Радицкимъ заводомъ, въ этомъ году пришло и наводненіе.

Болва разлилась необычайно. Воды ея прорвали дамбы, снесли прочь болѣе легкія постройки, подмыли остальныя. Вонъ, напримѣръ, громадный складъ превосходнаго лѣсу; вода его сплошь было затопила. Дубовыя бревна, каждый футъ которыхъ стоитъ по рублю, до сихъ поръ еще мокнутъ. Бланшаръ, злобствуя, грозится кулакомъ на Болву, а она, спокойная и красивая, течетъ себѣ внизу въ зеленыхъ заросляхъ, отражая въ своихъ, какъ будто неподвижныхъ, плесахъ голубое небо.

— Что это вы?—спрашиваю я у француза.

— Какъ же, убытки... Вѣдь этотъ деревъ совсѣмъ пропалъ.

На дворахъ кучи досокъ, жердей, обломковъ. Ихъ несло, несло водою, да и забило по угламъ безобразными ворохами. Массы перержавѣвшаго желѣза тоже тутъ перепутались съ деревяннымъ матеріаломъ. Долго не разобраться. Иной разъ изъ вороха досокъ торчатъ какія-то рыжія полосы чугуна. Въ цѣлой горѣ желѣзныхъ обломковъ застряли концами дубовыя бревна. Наводненіе было таково, что отъ завода къ заводу ѣздили на лошадяхъ и на лодкахъ же плавали въ мастерскія. На Болвѣ строились суда; ихъ водопольемъ разнесло въ разныя стороны. Совсѣмъ нѣкоторыя не на свое мѣсто стали. Вонъ подъ навѣсомъ, гдѣ слѣдуетъ быть локомотиву, торчатъ голыя, точно чѣмъ-то обведенныя, ребра рѣчнаго судна. Одно забило между вагонами и едва-едва вытащили его оттуда. Въ подвалахъ вездѣ вода стояла подолгу. Паровую машину испортило и теперь кирпичный остовъ ея стоитъ холодный, безъ топки и безъ дѣла. Пока еще поправятъ... А такихъ поправокъ будетъ много, очень много. Вонъ цѣлая гурьба бабъ-поденщицъ разбираютъ кучи разбитыхъ чугунныхъ котловъ, горшковъ, печей, заслонокъ и всякой металлической мелочи.

— Сколько добра-то попортило!—замѣчаетъ одна.

Бланшаръ какъ увидѣлъ ихъ, такъ еще болѣе лихо заломилъ на бекрень свой колпакъ и пѣтушкомъ, пѣтушкомъ завозился около. Тѣ расхохотались.

— Эка лысый чортъ! Ишь у яво ноги-то забираютъ.

У Болвы и барки. Рабочіе собрались на нихъ и съ часу на часъ ждутъ отплытія внизъ въ Десну, а оттуда въ Днѣпръ. Все уже погружено.

Дамба была залита. Вонъ небольшой домикъ-изба. Крохотная стеклянная галлерейка смотритъ на воду. Отсюда чудный видъ на Болву, которая кое-гдѣ вся уходитъ въ красивыя, свѣжія рощи. Озерами стоятъ неподвижные разливы. Нѣжная зелень полей подъ яркимъ солнцемъ кажется еще мягче и роскошнѣе. Кое-гдѣ изъ плесовъ водополья шапками поднимаются деревья. Даль вся ушла въ лощины, холмы и овраги. Вонъ правый горный берегъ Десны съ церквами и монастыремъ Брянска. Тутъ ужь чувствуется близкая Малороссія. Безплодныхъ равнинъ нѣтъ. И поросль уже болѣе роскошная, чѣмъ въ оставленныхъ позади Рославльскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ. Но и тутъ, подъ самой дамбой, вода. Опять цѣлые вороха снесеннаго сюда лѣса и желѣза. Соловей поетъ надъ разливами; иволги посвистываютъ въ пустомъ лозникѣ и точно перебалтываются межъ собой неугомонныя синицы. Гдѣ-то далеко, далеко кукуетъ кукушка.

Хорошо было здѣсь, но время не ждало,—нужно отправляться далѣе.

По всему пути одно и то же: жалобы на скверное положеніе, на отсутствіе заказовъ.

Около Сергіева-Радица чугунно-плавильный заводъ. Слѣды разлива—по пути, дорогу смыло. Тысячи досокъ разнесено кругомъ водопольемъ за десятки верстъ отъ того мѣста, гдѣ были сложены штабели ихъ. На здѣшнемъ заводѣ выплавляется стопятьюдесятью рабочими до 100.000 пудовъ чугуна. Дѣло это заведено еще 50 лѣтъ тому назадъ. Плавка производится въ вагранкѣ. Прелестное озеро. Со всѣхъ сторонъ несутся пѣсни женщинъ, промывающихъ соръ, гдѣ находятъ куски желѣза. Черезъ озеро бѣжитъ рѣчка Радица, впадающая въ Болву.

Бабы стремглавъ вбѣгаютъ въ озеро съ тачками. Земля уносится оттуда теченіемъ, металлъ остается. За промытое чистое желѣзо онѣ получаютъ по 4 коп. съ пуда. Въ день легко промыть такимъ образомъ отъ 10—12 пудовъ. Характеръ живости и яркости лежитъ на всемъ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторыя ухитряются на бѣгу пѣть какую-то особенную пѣсню. Мы только и различали постоянно повторяющуюся фразу: «родись, родись желѣзо!» Мы возвращались домой вечеромъ. Сумерки окутали поля и дали. Не было видно ничего, одни голоса слышались оттуда...

XVIII. Учрежденіе Мальцовскаго промышленно-торговаго товарищества.

Вся заботливость здѣсь направлена къ тому, чтобы дѣло не прекратилось, чтобъ оно развивалось все шире и шире. Мальцовъ сознавалъ, что съ его смертью весь этотъ край, съ его заводами и фабриками, можетъ быть раздѣленъ, причемъ его части разобщатся между собою и потеряютъ ту стройную общность дѣйствій, которая позволяетъ невыгоды промысловъ въ одномъ мѣстѣ покрывать барышами промышленныхъ предпріятій въ другомъ. Сверхъ того, ему хотѣлось призвать къ участію въ дѣлѣ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ трудился. Такимъ путемъ пріобрѣталось болѣе близкое участіе цѣлаго ряда опытныхъ людей. Задумавъ учрежденіе товарищества, Мальцовъ обратился къ Петру Александровичу Мясоѣдову, который и составилъ ему уставъ и разработалъ подробности этого предпріятія.

Вотъ что сказано въ уставѣ товарищества относительно передачи ему учредителемъ принадлежавшихъ послѣднему владѣній: «Учредитель отдаетъ на законномъ основаніи въ собственность товарищества принадлежащіе ему въ Калужской, Орловской и Смоленской губерніяхъ Людиновскій механическій, чугунно-литейный и желѣзодѣлательный заводы, Ивано-Сергіевскій чугунно-литейный и желѣзодѣлательный, Песочинскій, Сукременьскій, Любохнинскій и Радицкій чугунно-литейные, Сергіево-Радицкій вагоно-строительный и Курганскій гвоздильный, Дядьковскую хрустальную, Иватскую, Старскую, Радицкую, Знеберскую, Шуткинскую и Перыщинскую стеклянныя фабрики, Песочинскую фаянсовую фабрику, Крапивенскій, Любохновскій и Епишевскій винокуренные и Любохновскій пивоваренный заводы, равно всѣ свои земли, состоящія въ означенныхъ губерніяхъ въ количествѣ болѣе 200.000 десятинъ, большею частію подъ лѣсомъ, со всѣми находящимися тамъ рудниками, копями каменнаго угля, мельницами, маслобойнями, лѣсопильнями, канатными и кирпичедѣлательными заводами и прочими всякаго рода заводскими и промышленными заведеніями и постройками, господскими усадьбами, садами и со всею находящеюся въ нихъ движимостію, заводскими издѣліями, припасами и матеріалами... § 3. Въ собственность товарищества поступаютъ также принадлежащіе учредителю дома въ Кіевѣ, Харьковѣ, Ригѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, Коропѣ и Екатеринославѣ и лавки въ Нижнемъ-Новгородѣ со всею движимостью и находящимися въ нихъ заводскими издѣліями и матеріалами, равно и заводскіе

матеріалы и издѣлія, хранящіеся въ торговыхъ складахъ учредителя: въ Петербургѣ, Ригѣ, Пензѣ, Ростовѣ на Дону, Орлѣ, Одессѣ, Сергіевкѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. § 4. Кромѣ того, товариществу передаются и всѣ арендуемые послѣднимъ владѣльцемъ въ означенныхъ губерніяхъ заводы и промышленныя заведенія, лѣса и другія угодья. Товариществу переданы также желѣзныя дороги, пристани, пароходы, телеграфы».

Къ участію въ товариществѣ на первыхъ порахъ были приглашены какъ тѣ, кто могъ быть ему полезенъ, такъ и нѣкоторые болѣе выдающіеся рабочіе здѣшнихъ заводовъ, которымъ Мальцовъ далъ паи этого новаго учрежденія. Съ тѣхъ поръ число пайщиковъ послѣдней категоріи все росло и росло. Ежегодно, вмѣсто наградныхъ денегъ различнымъ лицамъ, работающимъ на здѣшнихъ заводахъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, раздаются паи товарищества, и теперь нѣтъ мало-мальски выдающагося сотрудника Мальцова, который въ то же время не былъ бы и участникомъ въ выгодахъ этого предпріятія. Такимъ образомъ всѣ вышедшіе изъ народа, бывшіе здѣшніе рабочіе, о которыхъ мы говорили уже,—всѣ эти Калинины, Смѣловы, Гущины и другіе являются уже въ большей или меньшей мѣрѣ хозяевами. Сверхъ того, паи распредѣлены и между людьми, оказавшими услуги товариществу. Капиталъ товарищества при его устройствѣ опредѣленъ былъ въ шесть милліоновъ рублей, раздѣленныхъ на 24.000 паевъ, по 250 руб. каждый. Но со времени устройства товарищества здѣсь устроено столько новыхъ заводовъ, проведены новыя желѣзныя дороги, пріобрѣтены еще земли и лѣса,—короче, дѣло такъ развилось, что теперь общая стоимость его по меньшей мѣрѣ равняется 14.000.000 руб., такъ что стоившій номинально пай 250 руб. теперь въ дѣйствительности представляетъ цѣнность болѣе 500 рублей. Товариществу тогда же было предоставлено для увеличенія оборотнаго капитала выпустить облигаціи на нарицательный капиталъ въ 3.000.000 руб., съ тѣмъ, чтобы нарицательная цѣна каждой облигаціи не превышала 250 руб., чтобъ уплата процентовъ по означеннымъ облигаціямъ и капитала, по облигаціямъ, вышедшимъ въ тиражъ, была обезпечена, преимущественно передъ всѣми долгами товарищества, всѣми его доходами, запаснымъ капиталомъ и всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ товарищества. Облигаціи могутъ быть выпущены только по наложеніи на все имущество товарищества запрещенія въ полной суммѣ облигаціоннаго капитала, причемъ при самомъ

выпускѣ ихъ должны быть очищены всѣ могущіе быть на товариществѣ долги. Впослѣдствіи (§ 19), при развитіи дѣлъ товарищества, оно можетъ выпустить дополнительные паи, которые распредѣляются между владѣльцами прежнихъ паевъ. Если же послѣдніе не будутъ разобраны всѣ сполна, то оставшіеся предлагаются служащимъ въ товариществѣ лицамъ, мастерамъ, рабочимъ и только за отказомъ ихъ они могутъ поступить въ публичную подписку. Уставъ параграфомъ 21 установилъ порядокъ, по которому передача паевъ допускается безусловно лишь отъ одного пайщика къ другому; постороннему же лицу паи могутъ быть переданы или проданы не иначе, какъ по предварительному заявленію правленію товарищества. Правленіе извѣщаетъ о томъ прочихъ владѣльцевъ паевъ, а затѣмъ служащихъ въ товариществѣ лицъ, рабочихъ, мастеровъ, и только если никто изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не пожелаетъ купить паи, то владѣлецъ можетъ распорядиться продажею ихъ въ стороннія руки по своему усмотрѣнію.

Дѣлами товарищества завѣдуетъ правленіе, находящееся въ селѣ Дядьковѣ. Оно состоитъ изъ пяти директоровъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на три года, и двухъ кандидатовъ, замѣщающихъ куда-либо выбывшаго директора. Директоромъ или кандидатомъ можетъ быть только владѣющій тридцатью паями, которые во все время службы его лежатъ въ правленіи и не могутъ быть передаваемы до утвержденія отчета за послѣдній годъ пребыванія владѣльцевъ паевъ директорами и кандидатами. Завѣдуетъ дѣлами товарищества директоръ-распорядитель, обязанный имѣть пятьдесятъ паевъ. Тотчасъ же по учрежденіи товарищества на этотъ постъ былъ избранъ самъ Мальцовъ, который и до сихъ поръ несетъ всѣ обязанности этого званія. Каждые два года выбываютъ два директора и одинъ кандидатъ. Операціонный годъ товарищества считается съ 1-го апрѣля по 1-е апрѣля слѣдующаго года. За каждый минувшій годъ правленіе представляетъ общему собранію пайщиковъ, не позже октября, подробный отчетъ и балансъ оборотовъ со всѣми принадлежащими къ нему книгами и оправдательными документами; повѣрка отчетовъ и способъ ихъ разсмотрѣнія—какъ и въ другихъ подобныхъ же промышленныхъ обществахъ. По утвержденіи отчета, изъ чистаго дохода не менѣе десяти процентовъ отдѣляется въ запасный капиталъ и не менѣе пяти въ капиталъ благотворительныхъ суммъ, для содержанія больницъ, училищъ, для выдачи пособій и пенсій.

Остающаяся сумма составляетъ чистую прибыль. Если она не превышаетъ 6% на основной капиталъ, то и обращается вся въ дивидендъ по паямъ; когда же прибыль превышаетъ эти 6%, то излишекъ идетъ въ вознагражденіе—правленію 50%, въ награду служащимъ при товариществѣ 25%, а остальные 25% причисляются къ дивиденду по паямъ. Самъ владѣлецъ большинства пока паевъ, Мальцовъ, весь доходъ съ нихъ отдаетъ тому же товариществу уже который годъ, для усиленія его дѣятельности и оборотовъ. Такіе взносы — безвозвратны. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя: первыя—въ октябрѣ и мартѣ, а чрезвычайныя—по требованію пайщиковъ, представляющихъ десятую часть основнаго капитала, или по усмотрѣнію правленія. Въ общее собраніе пайщики являются или сами, или чрезъ своихъ довѣренныхъ; но довѣреннымъ лицомъ можетъ быть только тоже пайщикъ. Одно лицо не можетъ имѣть довѣренностей болѣе какъ отъ двухъ лицъ. Каждые десять паевъ даютъ право на одинъ голосъ, *но одинъ пайщикъ не можетъ имѣть по своимъ паямъ болѣе того числа голосовъ, на которое даетъ право владѣніе одною десятою частью всего основнаго капитала общества.* Акціонеры, имѣющіе менѣе десяти паевъ, могутъ соединять по общей довѣренности свои паи для полученія права на одинъ или болѣе голосовъ. Если паи достанутся по наслѣдству нѣсколькимъ лицамъ или же другимъ путемъ, то право участія въ общемъ собраніи предоставляется лишь одному изъ нихъ. Торговые дома имѣютъ въ общемъ собраніи не болѣе одного представителя. Общее собраніе считается состоявшимся, когда прибывшіе представляютъ треть основнаго капитала. Для рѣшенія вопросовъ о расширеніи предпріятія, объ увеличеніи или уменьшеніи основнаго капитала, объ измѣненіи устава и ликвидаціи дѣлъ требуется участіе владѣльцевъ трехъ четвертей общаго числа паевъ. Если собраніе не будетъ удовлетворять этимъ условіямъ, то черезъ двѣ недѣли созывается второе, которое уже считается законно-состоявшимся. Приговоры общаго собранія считаются обязательными, когда они приняты большинствомъ трехъ четвертей голосовъ. Иначе созывается второе собраніе, гдѣ тѣ же вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Внесенныя за паи деньги остаются неприкосновенною собственностью товарищества. Въ случаѣ несостоятельности владѣльца паевъ по долгамъ казеннымъ или частнымъ, взысканіе обращается на эти паи; но участники товарищества, равно служащіе, мастеровые, рабочіе, могутъ, по § 62 устава, выкупить

означенные паи, предпочтительно передъ всѣми прочими, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія имъ о томъ. Только если мастера, рабочіе и служащіе не выкупятъ паевъ, они могутъ быть обращаемы въ частную продажу.

Первое общее собраніе владѣльцевъ паевъ состоялось 14 марта 1875 года. Предсѣдателемъ на немъ былъ избранъ самъ Мальцовъ, а директорами—его сотрудники по управленію дѣлами заводовъ Н. С. Сиротининъ, А. Э. Рошфоръ и П. А. Егоровъ. Директорамъ назначено жалованья по 2.400 руб. въ годъ каждому. Воображаю себѣ гримасу, которую при этой цифрѣ сдѣлаютъ Зевсы нашихъ акціонерныхъ компаній, эти громовержцы кулачества и дешевой наживы, привыкшіе въ одинъ мѣсяцъ получать болѣе. По разсмотрѣніи описи оказалось, что во владѣніе товарищества поступило около 35 фабрикъ и заводовъ, съ усадьбами, конторскими домами, магазинами, торговыми лавками и прочими постройками, 45 мельницъ, 12 лѣсопиленъ, угольныя копи въ 26 мѣстностяхъ, 12 кирпичныхъ заводовъ, 32 постоялыхъ двора, 13 хуторовъ съ образцовыми фермами, и при этомъ земель: въ Брянскомъ уѣздѣ—76.100 десятинъ, Жиздринскомъ—95.012 дес., Мосальскомъ — 2.827 десят. и Рославльскомъ — 10.395 дес. Изъ этого числа земель подъ усадьбами, огородами и выгонами около 620 дес., подъ пашней 15.133 дес., покосовъ заливныхъ 2.307 дес., покосовъ обыкновенныхъ 2.694 десят., лѣсу строеваго 37.957 дес., лѣсу дровянаго 53.936 дес., лѣсу кустарнаго 61.808 дес. и неудобныхъ мѣстъ 9.921 дес.

Одинъ лѣсъ оцѣнивается теперь почти въ 5.000.000 руб.

Домовъ въ другихъ городахъ принято восемь, наличныхъ денегъ около 100.000 руб. и товаровъ готовыхъ съ матеріалами на 5.185.520 руб. Движимаго имущества при заводахъ, торговляхъ и хуторахъ, лошадей, скота, земледѣльческихъ орудій, паровозовъ и судовъ на рѣкахъ на 255.918 руб. Долговъ, состоящихъ на разныхъ лицахъ, почти на 1.000.000 руб. и долговъ на мастеровыхъ и рабочихъ на 500.000 руб. Къ этому нужно прибавить, что къ товариществу перешли обширныя рудныя залежи, копи каменнаго угля, стопятидесятиверстное шоссе, желѣзныя дороги, шлюзы, телеграфы и другія мѣстныя приспособленія.

Собраніе затѣмъ постановило уступить Мальцову (?) обратно дядьковскій господскій домъ съ усадьбой и находящеюся въ немъ движимостью и кромѣ того 2.000 десятинъ на выборъ. Опредѣленное въ 1875 году въ 10.000.000 руб. все имущество

товарищества, въ 1876 г. уже дошло до 13.671.467 руб., въ 1877 г.—до 14.885.745 руб., въ 1878 г.—до 16.112.573 руб., въ 1879 г.—до 16.139.785 руб. и въ 1880 г. немного понизилось—на 16.109.357 руб. За то же самое время выработано заводами стекла:

Съ 1875—76 г.: хрусталя 3.414.408 штуки на 224.672 р., оконнаго стекла 16.104 ящика на 374.692 р., бутылокъ 529.000 на 25.500 р.

Съ 1876—77 г.: хрусталя 6.086.394 штукъ на 428.358 р., оконнаго стекла 29.950 ящик. на 687.006 р., бутылокъ 1.292.131 на 61.472 р.

Съ 1877—78 г.: хрусталя 6.538.609 штукъ на 418.353 р., оконнаго стекла 28.374 ящика и 42.048 большихъ стекольныхъ листовъ на 716.422 р., бутылокъ 1.357.255 на 66.623 р.

Съ 1878—79 г.: хрусталя 8.252.274 штуки на 569.667 р., оконнаго стекла 29.277 ящик. и 22.507 листовъ на 727.716 р., бутылокъ 1.277.640 на 65.404 р.

Съ 1879—80 г.: хрусталя 10.455.512 штукъ на 761.861р., оконнаго стекла 30.316 ящик. и 42.050 листовъ на 794.775 р., бутылокъ 1.740.935 на 95.979. р.

Въ то же самое время построено:

Съ 1875—76 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 713.738 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 502.709 р.

Съ 1876—77 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 2.611.589 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 452.242 р.

Съ 1877—78 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 3.681.126 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 290.041 р.

Съ 1878—79 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 2.095.169 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 254.411 р.

Съ 1879—80 г.: подвижнаго состава для желѣзныхъ дорогъ на 1.672.398 р.; пароходовъ, паровозовъ для обыкновенныхъ дорогъ, земледѣльческихъ и друг. машинъ на 305.298 р.

Въ то же самое время выработано:

Съ 1875—76 г.: посуднаго штучнаго литья на 419.539 р., желѣза и издѣлій на 136.149 р., эмальированной чугунной посуды на 54.350 р., фаянсовой посуды на 30.459 руб.

Съ 1876—77 г.: посуднаго штучнаго литья на 834.928 р., желѣза и издѣлій на 946.865 р., эмальированной чугунной посуды на 96.118 р., фаянсовой посуды на 60.636 руб.

Съ 1877—78 г.: посуднаго штучнаго литья на 875.068 р., желѣза и издѣлій на 1.472.986 р., эмальированной чугунной посуды на 122.385 р., фаянсовой посуды на 72.963 руб.

Съ 1878—79 г.: посуднаго штучнаго литья на 840.884 р., желѣза и издѣлій на 1.051.735 р., эмальированной чугунной посуды на 189.255 р., фаянсовой посуды на 86.466 руб.

Съ 1879—80 г.: посуднаго штучнаго литья на 1.084.360 р.. желѣза и издѣлій на 1.214.221 р., эмальированной чугунной посуды на 204.221 р., фаянсовой посуды на 108.961 руб.

За то же самое время выкурено и приготовлено:

Съ 1875—76 г.: спирта 2.753.520°/₀ съ акцизомъ на выпущеніе въ продажу количества 151.338, пива и разныхъ водокъ на 36.697 р.

Съ 1876—77 г.: спирта 2.198.708°/₀ съ акцизомъ на выпущеніе въ продажу количества 195.640, пива и разныхъ водокъ на 53.307 р.

Съ 1877—78 г.: спирта 1.646.989°/₀ съ акцизомъ на выпущеніе въ продажу количества 155.629, пива и разныхъ водокъ на 50.477 р.

Съ 1878—79 г.: спирта 1.987.236°/₀ съ акцизомъ на выпущеніе въ продажу количества 199.922, пива и разныхъ водокъ на 45.235 р.

Съ 1879—80 г.: спирта 1.917.600°/₀ съ акцизомъ на выпущеніе въ продажу количества 202.064, пива и разныхъ водокъ на 26.275 р.

За тѣ же пять лѣтъ:

Съ 1875—76 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, скипидара на 18.000 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 61.074 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 36.933 р.

Съ 1876—77 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, скипидара на 23.309 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 78.683 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 270.052 р.

Съ 1877—78 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, скипидара на 74.384 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 79.308 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 467.063 р.

Съ 1878—79 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, скипидара на 78.857 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 82.973 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 410.258 р.

Съ 1879—80 г. выработано: канатовъ, веревокъ, кирпича, дегтя, скипидара на 73.043 р., на хуторахъ сельскихъ продуктовъ на 69.754 р., продано лѣсныхъ матеріаловъ на 497.908 р.

Болѣе мелкія статьи дохода мы не приводимъ. Въ общемъ

за первый	годъ	поступило	2.851.446	руб.
» второй	»	»	6.943.752	»
» третій	»	»	8.699.008	»
» четвертый	»	»	7.019.739	»
» пятый	»	»	7.436.870	»

Интересны цифры по расходамъ заводовъ на жалованье служащимъ и на вознагражденіе рабочихъ.

Въ 1875 году директорамъ правленія и служащимъ въ конторѣ выдано 73.738 р., рабочимъ и мастеровымъ 645.262 р.

Въ 1876 году директорамъ правленія и служащимъ въ конторѣ выдано 118.235 р., рабочимъ и мастеровымъ 961.294 р.

Въ 1877 году директорамъ правленія и служащимъ въ конторѣ выдано 108.694 р., рабочимъ и мастеровымъ 1.360.237 р.

Въ 1878 году директорамъ правленія и служащимъ въ конторѣ выдано 111.490 р., рабочимъ и мастеровымъ 1.168.019 р.

Въ 1879 году директорамъ правленія и служащимъ въ конторѣ выдано 110.959 р., рабочимъ и мастеровымъ 1.227.625 р.

Сверхъ того, вспомогательнымъ рабочимъ ежегодно сверхъ этого выплачиваются значительныя суммы. Мы не можемъ привести ихъ отдѣльно, потому что въ счетахъ товарищества онѣ показаны въ общей графѣ съ купленными матеріалами для заводскаго и фабричнаго производства. Такимъ образомъ на этотъ предметъ израсходовано: въ 1875 г.—1.315.532 р., въ 1876 г.—3.608.631 руб., въ 1877 г.—4.635.725 руб., въ 1878 г.—3.463.537 руб. и въ 1879 г.—3.710.273 руб.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

IV *).

Мѣры императора Петра III относительно секуляризаціи духовныхъ имѣній.—Возвращеніе ихъ къ прежнимъ владѣльцамъ.—Ухудшеніе положенія крестьянъ.—Ихъ волненія.

Цѣлый рядъ волненій крестьянъ духовнаго вѣдомства и множества подаваемыхъ ими жалобъ убѣдили, наконецъ, правительство въ необходимости измѣнить радикально ихъ положеніе. Въ 1757 году императрица Елизавета, присутствуя въ конференціи, приказала издать узаконеніе, чтобы монастырскія и архіерейскія деревни управлялись не монастырскими служителями, а отставными штабъ и оберъ - офицерами, и притомъ велѣла обложить всѣ деревни помѣщичьими окладами; изъ собираемыхъ такимъ образомъ денегъ употреблять на содержаніе монастыря не болѣе того, сколько положено по штатамъ, а остальное хранить и не расходовать безъ именнаго указа государыни. Такъ какъ при монастыряхъ велѣно было содержать отставныхъ военныхъ, а этого уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не дѣлалось, то за все это время предписано было взыскать стоимость содержанія деньгами и впредь брать ежегодно опредѣленное количество; на собираемыя за прошедшіе годы деньги учредить инвалидные дома, а остальное отдать въ банкъ, чтобы содержать отставныхъ на проценты съ этого капитала и на ежегодные сборы съ этою цѣлію съ монастырей. Конференція сообщила сенату объ этой волѣ государыни.

Однако это желаніе императрицы Елизаветы, рѣшившейся, въ виду печальныхъ результатовъ самостоятельнаго хозяйничанья ду-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ховныхъ властей, отказаться отъ прежней системы, не повело ни къ чему. Хотя воля государыни была выражена еще въ 1757 г., конференціи сената съ синодомъ по этому дѣлу состоялись только въ 1760 г. Синодальные члены утверждали, что если назначить для управленія архіерейскими и монастырскими деревнями офицеровъ, то «отъ нихъ послѣдуетъ наибольшее деревнямъ разореніе и оттого между офицерами и монастырскими властями будутъ всегдашнія безпокойства и затрудненія». Содержаніе отставныхъ при монастыряхъ они также находили неудобнымъ и предлагали, обложивъ всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ помѣщичьимъ окладомъ, отпускать съ этою цѣлію по 300.000 руб., а вотчинамъ быть въ управленіи архіерейскихъ домовъ и монастырей по-прежнему.

Въ январѣ 1762 года императоръ Петръ III велѣлъ сенату вновь имѣть конференцію съ синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ; но, опасаясь, что дѣло опять затянется, рѣшилъ круто покончить его. 16 февраля именнымъ указомъ было предписано осуществить предположенія, высказанныя императрицею въ засѣданіи придворной конференціи въ 1757 г. Черезъ мѣсяцъ, 21-го марта, велѣно было учредить въ Москвѣ, подъ вѣдомствомъ сената, коллегію экономіи, а въ Петербургѣ—ея контору; съ крестьянъ духовнаго вѣдомства сверхъ семигривеннаго подушнаго оклада собирать рублевый оброкъ, а на содержаніе монастырей отпускать деньги, опредѣленныя по штату 1724 года; землю, которую крестьяне пахали на своихъ владѣльцевъ, *отдать крестьянамъ*. Начатыя до этого указа дѣла объ излишнемъ отягощеніи крестьянъ сборами, а также о неповиновеніи духовнымъ властямъ велѣно было, за исключеніемъ дѣлъ о смертоубійствѣ, прекратить, такъ какъ не было указнаго положенія о томъ, сколько монастыри должны съ нихъ получать; но всѣ поборы, взятые управителемъ сверхъ положеннаго, должно было немедленно возвратить крестьянамъ. Указъ этотъ возбудилъ страшное неудовольствіе въ духовенствѣ. Гольцъ, посланный Фридрихомъ В. къ Петру III для заключенія мира съ Россіею, доносилъ въ маѣ мѣсяцѣ своему государю: «духовенство подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насилія и странные поступки съ собою вслѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь должно терпѣть ихъ отъ правительства православнаго».

Тѣмъ не менѣе офицеры немедленно вступили въ управленіе вотчинами.

Екатерина II, какъ искусный дипломатъ, не могла не считаться по вступленіи своемъ на престолъ съ этимъ неудовольствіемъ духовенства, которое могло быть для нея опаснымъ; но въ то же время опасно было вызвать и сильное народное волненіе отмѣною указа, избавлявшаго крестьянъ духовныхъ вотчинъ отъ прежнихъ притѣсненій. 3-го іюля, присутствуя въ сенатѣ, она приказала ему имѣть разсужденіе о содержаніи духовенства. Просьба, поданная вслѣдъ затѣмъ духовенствомъ о возвращеніи вотчинъ, была также передана въ сенатъ. Сенатъ предложилъ возвратить имѣнія и собирать съ крестьянъ рублевый оброкъ, половина котораго должна идти въ казну на содерніе инвалидовъ, а половина—духовнымъ властямъ; управленіе крестьянами ввѣрить не монастырскимъ служкамъ, а выборнымъ или старостамъ. Однако на конференціи по этому дѣлу сената съ синодомъ обнаружилось разногласіе: императрица колебалась и 8-го августа 1762 года обратилась за совѣтомъ къ Бестужеву-Рюмину. «Батюшка, Алексѣй Петровичъ!—писала она ему.—Прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, не отдававъ деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано: отдать, а въ другой только, чтобы они вступили во владѣніе до коммиссіи. Пожалуй, помогай совѣтами». Изъ этой записки ясно видно, что уже тогда предполагалось непремѣнно учредить коммиссію. Вопросъ былъ только о томъ, сдѣлать ли это сейчасъ или оставить. Бестужевъ-Рюминъ, мнѣнія котораго по этому вопросу видны уже изъ того, что онъ впослѣдствіи пытался защищать предъ императрицею Арсенія Мацѣевича, могъ, разумѣется, дать совѣтъ только выгодный для духовенства, и вотъ чрезъ четыре дня послѣ того былъ изданъ указъ о возвращеніи имѣній синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ по-прежнему въ управленіе духовныхъ властей и объ уничтоженіи коллегіи экономіи, хотя правительство при этомъ и прибавляло, что намѣрено учредить коммиссію для установленія штатовъ духовенства. Этимъ указомъ было повелѣно собирать съ крестьянъ сверхъ подушнаго оклада по рублю оброка, или по усмотрѣнію архіереевъ и властей употреблять ихъ въ работы «безъ отягченія». Такимъ образомъ деревни, принадлежавшія духовенству, могли

быть или на оброкѣ, или на барщинѣ. Духовнымъ властямъ было предписано «съ крестьянами поступать благоумѣренно и никакими излишними сборами и ненужными, или только къ одному увеселенію властей служащими работами и строеніями не изнурять», а также крестьянамъ, «до будущаго о нихъ лучшаго учрежденія, духовнымъ властямъ быть послушнымъ... Въ противномъ случаѣ по жалобамъ крестьянъ давать на духовныхъ синоду и архіереямъ строгое правосудіе, а сенату крестьянъ, ежели кои самовольствовать и своимъ властямъ непослушаніе оказывать будутъ, смирять по гражданскимъ законамъ».

Итакъ, на основаніи этого указа, для крестьянъ долженъ былъ сохраниться прежній порядокъ вещей; Петръ III приказалъ было собирать съ нихъ только рублевый оброкъ, теперь же духовныя власти могли заставить ихъ опять нести барщину, размѣры которой вовсе не были опредѣлены закономъ. Изъ всего сказаннаго выше легко понять, какой порядокъ былъ для нихъ легче и удобнѣе.

Правительству, разумѣется, было хорошо извѣстно тяжелое положеніе крестьянъ въ духовныхъ вотчинахъ и императрица Екатерина, пропитанная идеями французскихъ энциклопедистовъ, вовсе не думала о томъ, чтобы возстановить въ духовныхъ имѣніяхъ прежній порядокъ, который въ концѣ концовъ признала некуда негоднымъ даже ея набожная тетка. Указъ 12-го августа 1762 года, уничтожавшій коллегію экономіи, былъ съ ея стороны лишь военною хитростію. Положеніе императрицы на первыхъ порахъ было довольно шаткое, и потому раздражать духовенство, оставляя въ силѣ коллегію экономіи, было невыгодно. Но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Екатерина убѣдилась, что власть не ускользнетъ изъ ея рукъ, и вотъ 29-го ноября 1762 года учреждается коммиссія для церковныхъ имѣній изъ трехъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ. Въ инструкціи, ей данной, было предписано прежде всего собрать всѣ описи, а тамъ, гдѣ нѣтъ достовѣрныхъ, распорядиться о составленіи новыхъ, причемъ не слѣдовало довольствоваться показаніями управителей церковныхъ имѣній, а велѣно было употреблять постороннихъ людей. Крестьянъ должно было положить или на оброкъ, или на барщину, однако же «земледѣліемъ излишнимъ не отягчать»; тѣмъ, которые будутъ оставлены на пашнѣ,—раздать лишнія земли, а иногда и всѣ тѣ, «которыя на помѣщиковъ работалися», и за это положить такіе оброки, какъ «у добрыхъ

тѣхъ же уѣздовъ помѣщиковъ свѣтскихъ». Это удобнѣе и въ томъ отношеніи, что въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мало барщинныхъ работъ, все управляется сходомъ и оброкъ собирается старостою, а управителей и прикащиковъ ненадобно, такъ какъ они «таковыя безгласныя деревни, каковыя обыкновенно церковническія бываютъ, разоряютъ». Опредѣливъ доходы духовныхъ вотчинъ, коммиссія должна была составить штаты архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и соборамъ. Въ указѣ было даже сказано, что для завѣдыванія церковныхъ сборовъ и расходовъ «необходимо кажется установить надобно главную духовную экономическую коллегію».

Планъ этотъ былъ скоро осуществленъ. Въ январѣ 1763 г. былъ обнародованъ утвержденный императрицею докладъ коммиссіи объ отправленіи армейскихъ офицеровъ для описанія архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, а 12-го мая того же года былъ уже данъ именной указъ объ учрежденіи коллегіи экономіи. Архіереямъ, архимандритамъ и игуменамъ было предоставлено имѣть «въ своемъ полномъ правленіи» тѣ деревни, которыя будутъ отданы «на ихъ собственное довольство и экономію, для содержанія ихъ домовъ и монастырей». Коллегія экономіи устранялась отъ всякаго участія въ ихъ управленіи; духовныя власти должны были сами вѣдать крестьянъ этихъ вотчинъ «судомъ, расправою и хозяйствомъ», а коллегія должна была только смотрѣть, чтобы власти ничего не брали съ опредѣленныхъ имъ вотчинъ сверхъ назначеннаго, но въ то же время не слѣдовало требовать отчета въ томъ, «что съ нихъ собираемо будетъ по окладу и какая работа отправляться имѣетъ по узаконеннымъ нарядамъ». Всѣ вотчины, не отданныя духовнымъ властямъ, должны были находиться въ вѣдомствѣ и управленіи коллегіи экономіи, которая и обязана была заботиться о сборѣ съ этихъ деревень всѣхъ денежныхъ и хлѣбныхъ окладовъ и назначать управителей и прикащиковъ изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Съ тѣхъ же вотчинъ, которыя не обложены вновь духовною коммиссіею, велѣно было по-прежнему собирать рублевый окладъ, а состоящія на издѣліи оставить въ томъ же видѣ до новаго распоряженія.

Изъ инструкціи коллегіи экономіи мы видимъ, что часть духовныхъ вотчинъ была оставлена на содержаніе духовенства въ его непосредственномъ управленіи. Въ архивныхъ матеріалахъ мы нашли два указанія, что эта часть равнялась половинѣ преж-

няго числа крестьянъ *). Вотъ, напримѣръ, что читаемъ мы въ донесеніи коллегіи экономіи выборнаго подмосковной слободы Троицкаго лебедянскаго монастыря: въ сентябрѣ прошлаго 1763 года, по опредѣленію коллегіи, велѣно изъ состоящихъ за монастыремъ вотчинъ Лебедянскаго уѣзда Подмонастырной слободы села Ракитина, деревень Крутой и Хмѣлевки, въ которыхъ показано по ревизіи 175 душъ, на основаніи указа изъ синода 7-го февраля 1763 года, «половинѣ, а именно деревнѣ Хмѣлевкѣ, и вдобавокъ въ число 87 душъ съ половиною изъ деревни Крутой быть на рублевомъ оброкѣ съ платежомъ коллегіи, а другой половинѣ, живущей въ Подмонастырной слободѣ, въ селѣ Ракитинѣ и деревнѣ Крутой, по содержанію объявленнаго жъ указа остаться на пашнѣ». Что такое дѣленіе было не отдѣльнымъ случаемъ, а представляло общую мѣру, еще яснѣе видно изъ одного донесенія властей Николаевскаго Амвросіева - Дудина монастыря: «Въ прошломъ 1763 г., имѣющимся за онымъ монастыремъ, написаннымъ по второй ревизіи муж. пола крестьянамъ 1.360 душамъ, архимандритъ Трифилій раздѣленіе учинилъ въ силу состоявшагося именнаго ея императорскаго величества августа 12 дня 1762 года и присланнаго изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ оный Дудинъ монастырь полученныхъ указовъ, которымъ повелѣно половинному числу платить въ коллегію экономіи по рублю съ души, а другую половину съ крестьянъ оставить на содержаніе монастырей властямъ съ братіею».

Распредѣленіе это не оставалось безъ измѣненій; такъ было, напримѣръ, въ имѣніи того же лебедянскаго Троицкаго монастыря, о которомъ мы только - что упоминали. Такъ какъ деревня Хмѣлевка въ 1763 году выгорѣла, крестьяне обѣднѣли и, будучи не въ состояніи платить рублевый оброкъ, желали быть на монастырской работѣ, а крестьяне Подмонастырной слободы, села Ракитина и деревни Крутой, соглашались быть на оброкѣ, то коллегія экономіи велѣла сдѣлать такой обмѣнъ, если на него согласятся власти лебедянскаго монастыря. Болѣе значительное измѣненіе было произведено въ вотчинѣ Амвросіева-Дудина монастыря, приписаннаго къ синодальному дому. Его имѣнія находились въ Нижегородскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, въ первомъ

*) Съ этимъ можно сопоставить, что сенатъ предлагалъ въ 1762 г. рублевый оброкъ съ духовныхъ крестьянъ дѣлить пополамъ: половину употреблять на инвалидовъ и половину въ пользу духовныхъ властей.

940, во второмъ—366 душъ, итого—1.306 душъ. Въ томъ числѣ было 35 человѣкъ монастырскихъ служителей,—слѣдовательно, собственно крестьянъ—1.271 душа. Половина ихъ (635 душъ) должна была по раздѣленію, сдѣланному въ 1763 году, платить рублевый оброкъ въ экономическую канцелярію, другая половина, оставленная на содержаніе монастыря, была вновь раздѣлена на двѣ равныя части: 317 душъ должны были платить рублевый окладъ и столько же работать на барщинѣ. До 1762 года крестьяне деревень, находившихся въ Нижегородскомъ уѣздѣ (940 душъ), обрабатывали на монастырь по 117 дес. въ каждомъ полѣ, накашивали сѣна 1.300 копенъ и доставляли дровъ 240 с. и столько же возовъ; теперь на 317 душъ было опредѣлено обрабатывать 80 дес. въ каждомъ полѣ, а 37 десят. отданы въ ихъ владѣніе; слѣдовательно, прежде въ каждомъ полѣ крестьянину приходилось по 1/8 десятины, а теперь по 1/4, да сверхъ того они исполняли и сѣнокосныя работы. Такимъ образомъ повинности нижегородскихъ крестьянъ Дудина монастыря сдѣлались весьма неравномѣрными, и они просили дозволить имъ разложить между собою поровну какъ барщинныя работы, такъ и денежный оброкъ, причитавшійся на ихъ долю, который, по распредѣленіи на всѣхъ, уменьшался съ рубля до 60 коп. На просьбу эту было получено согласіе нижегородскаго архіерея и духовной консисторіи. Такимъ образомъ здѣсь крестьяне по-прежнему остались на барщинѣ, но только кромѣ натуральныхъ повинностей стали еще платить оброкъ. Въ вотчинахъ Воскресенскаго монастыря до 1762 года крестьяне пахали на монастырь по 182 дес. въ полѣ и ставили 5.511 копенъ сѣна, а послѣ того—по 312 дес. въ полѣ и 4.300 копенъ; уменьшеніе сѣнокосныхъ работъ только кажущееся, такъ какъ прежде для нихъ присылались на помощь крестьяне изъ другихъ вотчинъ, а количество пашенъ было увеличено почти вдвое. Другія работы, исполняемыя прежде: починка строеній, обработка огородовъ, набивка погребовъ льдомъ, ловля рыбы, заготовленіе кирпича, поставка плотниковъ и проч., также едва ли могли прекратиться. Съ крестьянъ, принадлежавшихъ Вознесенскому дѣвичьему монастырю, что въ Москвѣ, которыхъ было 7.875 душъ, до 1762 года собиралось въ пользу монастыря 1.569 рублей, разнаго хлѣба 2.222 четв., сѣна 145 возовъ, дровъ 38 саженъ. По возвращеніи монастырямъ вотчинъ въ 1762 году, 401 душа были оставлены на пашнѣ, а съ остальныхъ 7.484 души стали собирать денежнаго об-

рока 4.873 рублей, разнаго хлѣба 2.156 четв., сѣна и дровъ такое же количество, да кромѣ того ими исполнялись еще нѣкоторыя работы. Такимъ образомъ, несмотря на то, что число крестьянъ уменьшилось на 400 душъ, количество поборовъ натурою осталось почти то же самое, а размѣръ денежныхъ сборовъ увеличился втрое. Можно было бы привести еще примѣры того, какъ послѣ 1762 года часть крестьянъ должна была обрабатывать то количество пашни, которое прежде располагалось на всѣхъ, а остальные облагались денежнымъ оброкомъ. Итакъ, послѣ 1762 года положеніе крестьянъ многихъ духовныхъ вотчинъ сдѣлалось тяжелѣе; это происходило еще и отъ того, что правило, установленное правительствомъ, чтобы крестьяне или платили рублевый оброкъ, или исполняли барщинныя работы, а не то и другое вмѣстѣ, нерѣдко нарушалось духовными властями. Такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Саввина-Сторожевскаго монастыря, Рузскаго уѣзда, потребовали отъ оброчныхъ крестьянъ, которыхъ было около 500 душъ, до 60 подводъ. Въ вотчинѣ тюменскаго Троицкаго монастыря крестьяне продолжали и въ 1763 году отрабатывать съ каждой души по 173 дня и платить еще деньгами по 88 коп. Въ вотчинахъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря, уѣзда Переяславля-Рязанскаго, съ крестьянъ, находившихся на барщинѣ, требовали сверхъ работъ денежный сборъ на дрова, столовые припасы, свѣчи и т. п. Коллегія экономіи согласно съ данной ей инструкціей требовала, чтобы въ каждомъ архіерейскомъ домѣ и монастырѣ составлены были вѣдомости, сколько за ними вотчинъ, опредѣленныхъ на ихъ содержаніе, гдѣ онѣ находятся, сколько въ нихъ душъ, какія деревни состоятъ на денежномъ окладѣ и какія опредѣлены на работу, какія повинности исполняются крестьянами. Изъ этихъ вѣдомостей коллегія не разъ убѣждалась въ томъ, что основное правило, установленное правительствомъ—рѣзкое раздѣленіе крестьянъ барщинныхъ отъ оброчныхъ, часто нарушалось, и коллегіи приходилось растолковывать, что въ указѣ 12 августа 1762 года совершенно ясно предписано, чтобы или собирать съ крестьянъ по рублю съ души, или посылать на барщину безъ отягощенія, «слѣдовательно, которыя деревни опредѣлены на указанную работу, въ тѣхъ уже ни малѣйшихъ денежныхъ, ни подъ какимъ предлогомъ, сборовъ, равно и столовыхъ запасовъ взыскивать не должно». Коллегія экономіи требовала также, чтобы въ присылаемыхъ ей вѣдомостяхъ точно перечислялись всѣ крестьянскія

повинности, что нерѣдко не исполнялось, такъ какъ духовныя власти, обозначивъ нѣкоторыя изъ нихъ, ставили затѣмъ весьма неопредѣленное словцо—«и прочее».

Не освободившись отъ прежнихъ тяжелыхъ повинностей, крестьяне не избавились и отъ разныхъ злоупотребленій своихъ прикащиковъ и духовныхъ властей. Такъ, напримѣръ, двое прикащиковъ въ Курмышской вотчинѣ вятскаго архіерея брали съ крестьянъ взятки отъ 5 коп. до 40 руб., безвинно били ихъ по щекамъ, держали ихъ подъ карауломъ, наказывали батогами, за что, наконецъ, поплатились сами: архіерей, узнавъ обо всѣхъ продѣлкахъ, приказалъ нещадно высѣчь ихъ плетьми и держать подъ карауломъ, пока не возвратятъ крестьянамъ вынужденныя у нихъ деньги. Въ Алатырскую вотчину монастыря, приписаннаго къ Троицко-Сергіевой лаврѣ, былъ присланъ изъ этой лавры іеромонахъ Иларіонъ, о «безчеловѣчныхъ и не христіанскихъ поступкахъ» котораго крестьяне подали въ коллегію экономіи слѣдующее заявленіе: захвативъ въ разное время 3 выборныхъ и 4 крестьянъ этой вотчины, онъ безъ всякой вины ихъ «мучительно билъ кнутьями»; такими истязаніями и содержаніемъ подъ карауломъ онъ вынуждалъ взятки отъ 5 до 11 руб., принялъ въ подарокъ даже лошадь, да кромѣ того всѣ крестьяне подарили ему болѣе 70 руб. Гнѣвъ іеромонаха возбуждали особенно тѣ крестьяне, которымъ ихъ товарищи поручали принести жалобу на его притѣсненія; впрочемъ онъ не только на нихъ срывалъ сердце, но и вообще, «собирая со всѣхъ селъ и деревень выборныхъ и рядовыхъ крестьянъ», держалъ ихъ въ приказной избѣ «въ колодѣ и цѣпяхъ», такъ что вслѣдствіе этого многіе крестьяне принуждены были укрываться, въ ущербъ своимъ земледѣльческимъ работамъ. Коллегія велѣла учрежденному собору Троицко-Сергіевой лавры разсмотрѣть это дѣло.

Изъ нашего очерка положенія крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ до 1762 года и послѣ возвращенія ихъ въ руки духовенства видно, что это распоряженіе должно было вызвать въ нихъ сильное неудовольствіе. Нѣкоторые изъ нихъ стали подавать челобитныя сначала императрицѣ, а потомъ коллегіи экономіи; но за подачу жалобы самой императрицѣ они подвергались наказанію плетьми *); жалоба коллегіи экономіи,

*) Такъ, напримѣръ, въ январѣ 1763 года сенатъ между прочимъ велѣлъ наказать за это 77 крестьянъ Чернскаго уѣзда, вотчины Новодѣвичьяго монастыря.

если она признавалась послѣднею съ ея точки зрѣнія неправильною, иногда имѣла то же послѣдствіе, или, по крайней мѣрѣ, далеко не всегда находила удовлетвореніе. Весьма естественно, что между крестьянами должно было обнаружиться волненіе немедленно послѣ указа 12 августа 1762 года. Правительство само сознавало, что народъ не можетъ быть доволенъ этимъ указомъ, но рекомендовало крестьянамъ терпѣніе «до будущаго *лучшаго* о нихъ учрежденія». Совѣтъ, разумѣется, пропалъ даромъ, такъ какъ вновь очутиться подъ властью людей въ родѣ вышеупомянутаго іеромонаха Иларіона для весьма многихъ казалось нестерпимымъ.

Уже 12 декабря 1762 года, въ присутствіи императрицы, въ сенатѣ читалось донесеніе, что монастырскіе крестьяне, въ числѣ 8.539 душъ, не дали подписокъ о послушаніи монастырскимъ властямъ. Но это была только ничтожная часть всѣхъ волнующихся. Сопротивленіе обнаружилось въ 1762 и 1763 гг. среди архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ въ весьма многихъ мѣстностяхъ; намъ извѣстно, что волненія одной или нѣсколькихъ вотчинъ были въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Московской, Тверской, Владимірской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Симбирской, Вятской и Пермской. Императрица Екатерина въ письмѣ къ Вольтеру 1765 года говоритъ, что при ея восшествіи на престолъ было болѣе 100.000 крестьянъ духовнаго вѣдомства, взявшихся за оружіе потому, что они часто терпѣли тираническое притѣсненіе; очевидно, тутъ дѣло идетъ о волненіяхъ, вызванныхъ возвращеніемъ духовныхъ вотчинъ по-прежнему въ руки духовенства. Нужно замѣтить, впрочемъ, что «возмущеніе» это въ большинствѣ случаевъ отличалось довольно мирнымъ характеромъ. Крестьяне дѣйствительно отказывались продолжать работу на своихъ прежнихъ властей *), убирали въ свою пользу хлѣбъ и скашивали сѣно съ луговъ и полей, которые обрабатывались ими на потребу разныхъ архіереевъ, монаховъ и священниковъ, вылавливали рыбу въ ихъ прудахъ, иногда вырубали рощи, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ вымещали свое неудовольствіе на духовныхъ лицахъ или прикащикахъ за ихъ всевозможныя злоупотребленія. Дѣйствія духовныхъ крестьянъ отличались гораздо болѣе мирнымъ

*) Нѣкоторые прибавляли, что не будутъ работать „до будущаго о нихъ учрежденія“, очевидно, намекая на слова указа 12 августа 1762 г.

характеромъ, чѣмъ волненіе горнозаводскихъ крестьянъ на Уралѣ въ то же самое время. Тамъ видимъ мѣстами упорную войну съ правительственнымъ войскомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ, напримѣръ, въ Масленскомъ и Барневскомъ острогахъ,— здѣсь лишь въ немногихъ случаяхъ пришлось обратиться къ содѣйствію вооруженной силы. Но, разумѣется, между тѣмъ и другимъ волненіемъ были и свои общія черты.

Одну изъ постоянныхъ принадлежностей народныхъ движеній въ это время составляютъ фальшивые указы, которые, ходя по рукамъ крестьянъ, даютъ имъ извѣстную нравственную опору въ борьбѣ съ невыносимымъ для нихъ порядкомъ вещей. Такой указъ, хотя и сфабрикованный какимъ-нибудь грамотѣемъ, иногда даже съ корыстною цѣлью, всегда служитъ все-таки выраженіемъ народныхъ желаній и ясно сознанной народомъ потребности. Такъ, напримѣръ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Борисоглѣбскаго монастыря, ходилъ по рукамъ указъ, будто бы данный изъ рекетмейстерской конторы, вслѣдствіе прошенія выборныхъ крестьянъ этого монастыря о томъ, чтобъ архимандритъ не разорялъ ихъ, не причинялъ имъ обидъ, не бралъ оброка и проч. Оказалось, что указъ этотъ былъ написанъ въ Москвѣ бѣглымъ дворовымъ человѣкомъ зубцовскаго помѣщика, по просьбѣ одного изъ крестьянъ Борисоглѣбскаго монастыря, который надѣялся такимъ образомъ добиться, чтобы «крестьянамъ была льгота, и отъ монастырскаго ихъ архимандрита Наркиса и слугъ не было имъ обидъ». Составитель указа даже не руководился при этомъ и корыстными цѣлями, потому что получилъ за свой трудъ всего 5 коп., а просто хотѣлъ оказать услугу знакомому человѣку; между тѣмъ онъ жестоко поплатился за это: сенатъ приказалъ высѣчь его кнутомъ, по обыкновенію вырѣзавъ ноздри и поставивъ знаки на лицѣ, и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ.

Въ только-что указанномъ случаѣ было составлено поддѣльное правительственное распоряженіе, имѣвшее въ виду вотчину одного только монастыря; но въ это время являлись указы, имѣющіе и общее значеніе. Въ 1763 году въ разныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ былъ распространенъ слѣдующій манифестъ императрицы: «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ и какъ насъ многими челобитными утруждаютъ разнаго званія, чина, нѣтъ больше (т. е. всего болѣе) изъ монастырей отъ крестьянъ просьбы, и потому нашему

императорскому величеству разсмотрѣніе, что не малое истязаніе и нападки, отъ монастырей отказать, и тѣ монастыри о—слѣдовать (sic), а въ тѣхъ вотчинахъ и деревняхъ служкамъ не быть, и на тѣхъ крестьянъ монастырскихъ положить новые оклады по рублю съ души и тѣ деньги платить въ города, какъ подушныя, такъ и рублевыя, а *которая земля пахотная была и луга за монастыремъ*, *то разсверстать по себѣ*, а который хлѣбъ не молоченъ, то не замать (не трогать) до указа». Далѣе въ манифестѣ говорится о назначеніи коллегіи экономіи для завѣдыванія доходами съ духовныхъ вотчинъ. Указъ этотъ былъ составленъ вскорѣ по учрежденіи коллегіи экономіи, лѣтомъ 1763 г., а между тѣмъ въ это же самое лѣто онъ былъ найденъ въ рязанскихъ архіерейскихъ вотчинахъ и затѣмъ въ монастырскихъ имѣніяхъ тульскаго, веневскаго и ливенскаго Сергіева монастырей. Крестьянинъ этой послѣдней вотчины, получившій копію съ фальшиваго манифеста въ Москвѣ отъ какого-то двороваго, долженъ былъ дать вексель на имя одного купца въ 100 рублей. Этотъ подложный манифестъ всего на какихъ-либо полгода опередилъ секуляризацію духовныхъ имѣній.

Правительство пыталось манифестами привести крестьянъ въ повиновеніе; по его словамъ, «явившіеся во многихъ мѣстахъ продерзливые люди» указъ 12 августа 1762 года, которымъ населенныя имѣнія были возвращены духовенству, «истолковали крестьянамъ въ нѣкоторый поводъ къ ослушанію, чрезъ что многіе церковные крестьяне пришли въ немалое своевольство». Вслѣдствіе этого былъ изданъ манифестъ 8 января 1763 года, которымъ предписывалось крестьянамъ, положеннымъ на рублевый оброкъ, платить его аккуратно, все равно—опредѣлены они на содержаніе монастырей или нѣтъ (послѣднія вотчины назывались *заопредѣленными*); точно также безпрекословно должны работать и тѣ, кто опредѣленъ духовными властями на барщину, а именно пахать казенныя земли, косить луга, рубить и возить дрова, ловить рыбу, чинить мельницы и плотины, ходить на домовыя работы и возить различные припасы. Кто весь годъ ничего не работалъ и не платилъ оброка, съ тѣхъ слѣдовало взыскать по рублю, съ неработавшихъ же нѣкоторое время—взять по разсчету; разграбившіе въ прошломъ году казенный хлѣбъ должны были возвратить его, а скосившіе самовольно сѣно на казенныхъ лугахъ обязывались отдать половину его. Вмѣстѣ съ

тѣмъ велѣно было отпустить на свободу всѣхъ крестьянъ, арестованныхъ за ослушаніе *).

Мѣстами манифестъ произвелъ впечатлѣніе и крестьяне принесли повинную, мѣстами сами духовныя власти шли на сдѣлку и соглашались получить хоть часть отнятаго у нихъ хлѣба и сѣна, но другія вотчины продолжали упорствовать и коллегіи экономіи приходилось требовать содѣйствія военной силы. Крестьяне Малоярославецкаго уѣзда вотчины Донскаго монастыря дали отпоръ посланной противъ нихъ командѣ. Они засѣли въ лѣсахъ, держали тамъ караулы человѣкъ по триста, заготовили ружья, рогатины и не допустили военнаго отряда до своихъ деревень. Пришлось потребовать еще 200 человѣкъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Калугѣ, съ помощію которыхъ волненіе и было усмирено въ 1763 году. Упорно не слушались своихъ властей и также не исполняли работъ крестьяне Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря въ надеждѣ, какъ они потомъ заявили, что будутъ причислены къ заопредѣленнымъ вотчинамъ на рублевый оброкъ; имъ очень хотѣлось этого потому, что они были очень обременены всевозможными работами и между прочимъ различными постройками. Они не только перестали работать, но разобрали монастырскій хлѣбъ, скосили сѣно и даже, раздѣливъ между собою монастырскія земли, засѣяли ихъ въ свою пользу; кромѣ того они избили двухъ монаховъ. Когда къ нимъ былъ посланъ для усмиренія членъ коллегіи экономіи Барыковъ, они не согласились дать подписки, что будутъ впредь повиноваться, такъ что пришлось требовать военную команду въ 100 человѣкъ. Послѣ усмиренія ихъ крестьяне должны были извѣстнымъ образомъ вознаградить своихъ властей: такъ, напримѣръ, жители четырехъ подмонастырскихъ селъ съ деревнями посѣянную ими на монастырскихъ поляхъ рожь должны были сжать и отдать своимъ духовнымъ властямъ; если же кто послѣ своевольнаго раздѣла земли совсѣмъ не посѣялъ хлѣба, тотъ долженъ былъ возвратить

*) Предписаніе объ освобожденіи арестованныхъ было весьма нелишнее, такъ какъ за подобныя дѣла крестьянамъ приходилось иногда въ ожиданіи рѣшенія высиживать ужасные сроки. Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1744 году волновались крестьяне Дмитровскаго уѣзда, приписнаго къ Сергіевской лаврѣ Никольскаго Песношскаго монастыря; болѣе 50 человѣкъ, обвиненныхъ въ томъ, что били полѣньями посланнаго противъ нихъ капитана съ командою, были освобождены на поруки только въ 1759 году, а одинъ крестьянинъ, проколовшій капитану руку, отпущенъ безъ наказанія только въ 1763 году, послѣ манифеста 8 января, уже совершенно дряхлый, 75 лѣтъ отъ роду.

въ монастырь сѣменами по разсчету, сколько могло быть посѣяно на доставшемся ему участкѣ. Наиболѣе виновные крестьяне были наказаны плетьми, но и монастырскимъ властямъ подтверждено, чтобъ онѣ поступали согласно съ предписаніями правительства, канцелярскимъ и другимъ служителямъ не дозволяли бы разорять крестьянъ и старательно наблюдали бы, «чтобы таковыхъ притѣсненій и разореній крестьянамъ не было, каковыя... до 1762 года происходили».

Въ Шадринскомъ уѣздѣ (нынѣ Пермской губерніи) крестьяне Далматовскаго Успенскаго монастыря, владѣвшаго обширною вотчиною, подняли въ 1762 году такъ-называемую *дубинщину*. Они угрожали нападеніемъ самому монастырю, обѣщали губить монаховъ и даже убить архимандрита Іоакинфа. «Кто съ топоромъ, кто съ косою,—разсказываетъ одинъ современникъ,—расположились крестьяне двумя толпами: въ іюнѣ 1763 года, въ 200 человѣкъ, на дорогѣ къ Шадринску и въ октябрѣ того же года на пути къ Челябинску, въ числѣ 500 человѣкъ, и держали такимъ образомъ монастырь какъ бы въ осадѣ, стѣсняя его сношенія съ этими городами. Примѣръ далматовцевъ увлекъ населеніе и другихъ монастырскихъ имѣній Исетской провинціи: Рафаиловскаго монастыря, Кандинской заимки, Воскресенскаго села и другихъ. Іоакинфъ потребовалъ на помощь военную силу, и въ однихъ селахъ волненіе было прекращено въ августѣ 1763 года, вѣ другихъ въ мартѣ 1764 года. Крестьяне понесли жестокое наказаніе: 161 человѣкъ были нещадно наказаны кнутомъ или плетьми.

По поводу волненія крестьянъ Данилова и Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастырей государыня приказала, по докладу коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, зачинщиковъ отдавать въ рекруты, а негодныхъ быть солдатами—на поселеніе. Но волненія не унимались: архереи и монастырскія власти продолжали жаловаться на неповиновеніе крестьянъ; о томъ же присылали представленія и офицеры, посланные для описей духовныхъ вотчинъ. Поэтому 12 іюля 1763 года было предписано вновь учрежденной коллегіи экономіи усмирять ослушниковъ отрядами, посланными отъ военной коллегіи, и наказывать «пущихъ заводчиковъ» въ присутствіи всѣхъ крестьянъ плетьми; а если и затѣмъ они не усмирятся, то возмутителей посылать въ ссылку.

Приступивъ, вслѣдствіе этого предписанія, къ усмиренію крестьянъ духовныхъ вотчинъ, коллегія экономія осталась недовольною

медленностью военной конторы при отправкѣ отрядовъ въ то или другое мѣсто. Въ октябрѣ 1763 года она пожаловалась сенату, указывала на то, что волненіе крестьянъ все усиливается, и просила дозволить, чтобы начальники мѣстныхъ воинскихъ командъ могли отправлять ихъ, куда понадобится, по требованію самой коллегіи экономіи. Сенатъ приказалъ четвертую часть близстоящихъ войскъ посылать на мѣсто волненія. Раздраженный принесенною на него жалобою, генералъ-фельдмаршалъ Салтыковъ написалъ въ военную коллегію, что по требованію коллегіи экономіи приходится почти ежедневно посылать разныя военныя команды для усмиренія монастырскихъ крестьянъ, а это крайне неудобно. Солдаты принуждены дѣлать дальніе переходы во время распутицы, притомъ не находя по пути ни достаточнаго пропитанія для людей, ни необходимаго фуража. Вслѣдствіе этого военная коллегія, указавъ на то, что она не знаетъ причинъ, доводящихъ до волненія духовныхъ крестьянъ, обратилась съ запросомъ въ коллегію экономіи, «нѣтъ ли такихъ средствъ, чтобы и безъ воинскихъ командъ оныхъ усмирять и въ послушаніе приводить было можно». Теперь въ свою очередь обидѣлась коллегія экономіи. Усмиреніе крестьянъ духовныхъ вотчинъ возложено на нее государынею; она пыталась прежде увѣщевать крестьянъ указами, но отъ этого ихъ «продерзости» только увеличивались, пробовала посылать въ волнующіяся вотчины своихъ членовъ, но убѣдилась, что только съ помощію войска можно ихъ окончательно усмирить. Коллегія не оставила безъ отвѣта упрека и въ томъ, что слишкомъ часто прибѣгала къ военной силѣ. По ея словамъ, съ іюня по ноябрь 1763 года она девять разъ требовала военныхъ командъ для усмиренія крестьянъ, но изъ этихъ требованій военною конторою были удовлетворены пока только три *). Пререканія между коллегіями военною и экономическою, къ удовольствію крестьянъ, продолжались и послѣ того: такъ,

---

*) Приводимъ названія вотчинъ, куда посылались войска, такъ какъ это показываетъ намъ, гдѣ всего сильнѣе было волненіе во второй половинѣ 1763 года: 1) Подмонастырныя вотчины Воскресенскаго монастыря, 2) Вознесенскаго монастыря подмосковное село Еремѣево, 3) Чудова монастыря два села Верейскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ приписной къ Донскому монастырю Тихоновской пустыни, 4) Чудова монастыря въ Московскомъ уѣздѣ, 5) Коломенскаго архіерейскаго дома село Коломенскаго уѣзда, 6) тверскаго архіерея въ Тверскомъ уѣздѣ, 7) вотчины Пафнутьева монастыря въ Боровскомъ, Малоярославецкомъ и Верейскомъ уѣздахъ, 8) Троицкой лавры въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и 9) Златоустова монастыря въ Коломенскомъ уѣздѣ.

напримѣръ, въ мартѣ 1764 года Салтыковъ объявилъ, что, вслѣдствіе раскомандированія полковъ московской дивизіи, не можетъ послать солдатъ для усмиренія вотчины Высокопетровскаго и Шаровкина монастырей.

Усмиреніе крестьянъ духовныхъ имѣній сопровождалось иногда сильными злоупотребленіями, какъ будетъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1758 году на содержаніе Тамбовскаго архіерейскаго дома былъ приписанъ Черневъ монастырь съ его вотчинами, въ которыхъ по второй ревизіи было 1.855 душъ. Въ концѣ 1762 года тамбовскій архіерей прислалъ въ сенатъ донесеніе, что крестьяне оказываютъ ослушаніе, избили уговаривавшаго ихъ земскаго и запретили находившимся въ служкахъ или временно работавшимъ при архіерейскомъ домѣ и бѣжавшимъ оттуда—возвращаться къ своимъ должностямъ. Волненіе продолжалось и въ слѣдующемъ году, но въ октябрѣ мѣсяцѣ крестьяне принесли въ коллегію экономіи рублевый оброкъ за 1762 годъ и просили, чтобъ они находились въ ея вѣдѣніи, а не подъ управленіемъ Тамбовскаго архіерейскаго дома. Коллегія приказала воронежской губернской канцеляріи усмирить крестьянъ и наказать плетьми трехъ главныхъ зачинщиковъ. Въ началѣ 1764 года крестьяне подали жалобу, въ которой они разсказываютъ, какъ производилось усмиреніе. Въ 1762 году исетская провинціальная канцелярія, получивъ донесеніе объ ихъ непослушаніи, арестовала 42 человѣка. Въ слѣдующемъ году посланный къ нимъ съ командою прапорщикъ арестовалъ многихъ и взялъ съ нихъ взятку деньгами и натурою на 60 руб. Такъ какъ волненіе продолжалось, то въ октябрѣ 1763 года къ нимъ явился отрядъ въ 295 человѣкъ подъ начальствомъ капитана Хрущова. Онъ арестовалъ 96 человѣкъ старостъ и крестьянъ, заклепалъ ихъ въ колодки, по словамъ челобитной, «морилъ гладомъ и мразомъ» и такимъ образомъ вынудилъ у нихъ въ свою пользу 300 руб., собранные на уплату подушныхъ денегъ за второе полугодіе, да кромѣ того на жалованье командѣ взыскалъ 430 руб. Дальнѣйшіе подвиги Хрущова крестьяне описываютъ такимъ образомъ: онъ вывелъ изъ церкви арестованныхъ, объявилъ имъ, что «присланъ по именному указу ихъ крестьянъ разорить и огнемъ пожечь, и потомъ всѣхъ сѣкъ плетьми, положа въ рядъ человѣкъ по 15 и 20, безъ всякаго резона, и отъ тѣхъ его побой многихъ на томъ мѣстѣ водой отливали, а другіе померли, а прочіе въ постели лежатъ». Послѣ того крестьяне были принуждены отпра-

вить 100 человѣкъ на работу въ архіерейскій домъ, причемъ съ зажиточныхъ крестьянъ Хрущовъ угрозами и истязаніями вынуждалъ взятки отъ 5 до 15 руб. Постой военной команды обошелся имъ также не дешево. Коллегія экономіи въ мартѣ 1764 года велѣла вывесть изъ этой вотчины военную команду, если она еще тамъ находится, а о подвигахъ офицера велѣла произвести слѣдствіе.

V.

Окончательная секуляризація духовныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири.—Количество земли, переданной во владѣніе крестьянъ.—Арендованіе земли и разрѣшеніе покупать ее.—Переселеніе крестьянъ.—Подати и повинности.—Мѣстное управленіе.

Возвращеніе имѣній въ руки духовенства, какъ мы только-что видѣли въ четвертой главѣ, вызвало въ теченіе двухъ лѣтъ цѣлый рядъ волненій. Это дало правительству прекрасный поводъ для того, чтобы покончить съ вопросомъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній, тѣмъ болѣе, что къ 1764 году всѣ необходимыя приготовленія (описаніе вотчинъ и пр.) были уже окончены.— Такъ какъ мы представляемъ очеркъ исторіи крестьянъ, то въ нашъ планъ вовсе не входитъ изложеніе того, какъ были распредѣлены доходы съ духовныхъ имѣній; мы не будемъ касаться и протестовъ, высказанныхъ противъ секуляризаціи нѣкоторыми изъ тогдашнихъ іерарховъ, точно также какъ не будемъ разбирать различныхъ мнѣній относительно этой мѣры въ нашей ученой литературѣ *).

Изъ мнѣній, современныхъ секуляризаціи, мы остановимся на одномъ, до сихъ поръ не напечатанномъ, неизвѣстный авторъ котораго категорически высказывается за ея необходимость. «Отъ состоящихъ за архіереями и монастырями деревень не видно, чтобы изъ того дохода, какой съ нихъ собираться могъ, государство себѣ что имѣло, ниже тѣ архіереи или монастыри знатнаго что получали, или приращеніе въ благолѣпіи церковномъ что присовокупилось, или же училищей умножилось и знатныя уста-

---

*) Смотри по этому предмету: *Знаменскій*: „Чтенія изъ ист. русск. церкви за время царств. Екатерины II“. *Прав. Собесѣд.* 1875 г., №№ 2, 3, 4 и 9.— *Бѣликовъ*: „Отношеніе госуд. власти къ церкви и духовенству при Екатеринѣ II“. *Чтен. въ Общ. любит. духовн. просв.* 1875 г., іюль, стр. 726—733.—*Н. И. Барсовъ*: „Арсеній Мацѣевичъ“. *Русск. Стар.* 1876 г., № 4, стр. 721—756.— *В. И. Иконниковъ*: „Арсеній Мацѣевичъ“. *Русск. Стар.* 1879 г., №№ 4, 5, 8, 9 и 10. Смотри также книгу *Милютина*: „О недвиж. имущ. духовенства“, „Исторію“ *Соловьева* и пр.

новленія къ облегченію общества учреждались, или-бъ другія какія положенія дѣлали, которыя бы къ прославленію государству служили. А напротивъ того усматриваются многія разоренія монастырей, и не только не наполненные монахами, но и тѣ, которые въ оныхъ находятся, едва пристойное пропитаніе имѣютъ и служба церковная отправляется-ль; о заведеніи-жь знатныхъ школъ не слышно, а о установленіяхъ къ облегченію общества и въ намѣреніи не было, а того меньше, чтобъ помышляли о другомъ чемъ къ прославленію государства учрежденіе сдѣлать...» Указавъ далѣе на то, какъ размножилось число служителей, живущихъ въ совершенномъ тунеядствѣ въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, авторъ переходитъ къ положительной части своего проекта. Онъ предлагаетъ обложить крестьянъ, принадлежавшихъ духовенству, одновременно и денежнымъ, и хлѣбнымъ сборомъ, а именно среднимъ числомъ по одному рублю оброка и по четверику хлѣба съ каждой души, но распредѣляя этотъ сборъ такимъ образомъ, чтобы въ мѣстахъ болѣе плодородныхъ оброкъ собирался преимущественно хлѣбомъ, считая съ провозомъ по 80 коп. за четверть, а въ остальныхъ преимущественно деньгами. Для управленія духовными имѣніями авторъ предлагалъ раздѣлить ихъ на 24 части или департамента и во главѣ каждой изъ нихъ поставить опекунами людей, уже оказавшихъ въ государственной службѣ извѣстныя заслуги, и даже указывалъ при этомъ на кавалеровъ Андреевскаго креста, какъ на достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія такой должности.

Мнѣніе это въ своей отрицательной части довольно вѣрно формулируетъ тѣ мотивы, на которые ссылалось и правительство при секуляризаціи церковныхъ имѣній, хотя оно и не согласилось бы, пожалуй, съ нѣкоторыми отдѣльными положеніями автора, очевидно желающаго доказать, что секуляризація будетъ полезна для самого духовенства даже и въ матеріальномъ отношеніи *). Что касается практическихъ мѣръ, предложенныхъ авторомъ, то они были осуществлены правительствомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

26 февраля 1764 года былъ изданъ знаменитый указъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Всѣ вотчины синодальныя, архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей въ Великороссіи и

*) Онъ говоритъ между прочимъ: „не слышно о томъ, чтобы собираемыми доходами архіерей или прочія власти такъ много обогащались, чтобъ то въ примѣчаніе взято быть могло“.

Сибири, въ которыхъ было тогда не 910.866 душъ, какъ сказано въ указѣ, а 991.761 душа муж. пола, были окончательно переданы въ непосредственное вѣдѣніе коллегіи экономіи. Вмѣсто всѣхъ прежнихъ работъ и оброковъ, какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ, велѣно было собирать съ крестьянъ по полтора рубля съ души сверхъ семигривеннаго подушнаго оклада. Хотя такимъ образомъ находившимся уже ранѣе на оброкѣ приходилось платить въ полтора раза болѣе, но за то всѣ освободились отъ произвола и притѣсненій разныхъ духовныхъ властей, а множество вотчинъ и отъ тяготѣвшей на нихъ барщины.

Для разрѣшенія вопроса о томъ была ли полезна крестьянамъ секуляризація духовныхъ имѣній, всего болѣе необходимо рѣшить, не уменьшилось ли послѣ этой реформы количество земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ. Этотъ переходъ въ управленіе свѣтскихъ властей представлялъ, какъ мы замѣтили уже, ту громадную выгоду для крестьянъ, что онъ избавлялъ ихъ отъ барщины и связанныхъ съ нею всевозможныхъ повинностей и сборовъ, а также и отъ всѣхъ притѣсненій и истязаній со стороны духовныхъ правителей, хотя, разумѣется, и замѣнившія ихъ свѣтскія власти дозволяли себѣ различныя злоупотребленія. Но вопросъ о землѣ остается все-таки самымъ насущнымъ для крестьянина. При разсмотрѣніи результатовъ секуляризаціи невольно приходитъ въ голову сравненіе съ реформою, совершившеюся на нашихъ глазахъ. Всѣ, кромѣ завзятыхъ крѣпостниковъ, не могутъ не радоваться освобожденію народа отъ долгаго рабства, но въ то же время сильная урѣзка ихъ земельныхъ угодій, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и нарожденіе среди крестьянъ класса почти лишеннаго земли (мы разумѣемъ взявшихъ даровой, такъ-называемый сиротскій, надѣлъ) заставляютъ серьезно задуматься надъ вопросомъ, не уменьшилось ли послѣ уничтоженія крѣпостнаго права экономическое благосостояніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Весьма естественно, что историкъ долженъ задаться такимъ вопросомъ, прежде чѣмъ произнести свой приговоръ о значеніи секуляризаціи не для фискальныхъ интересовъ, а для самихъ крестьянъ.

При знакомствѣ съ современными источниками мы убѣждаемся, что относительно количества земли, переданной въ ихъ владѣніе, положеніе экономическихъ крестьянъ было несравненно благопріятнѣе того, въ какомъ очутились на нашихъ глазахъ бывшіе крѣ-

постные крестьяне. Объ освобожденіи крестьянъ съ ничтожными надѣлами въ родѣ одной десятины не было и рѣчи; напротивъ того, имъ велѣно было передать почти всѣ земли, которыя они прежде пахали на своихъ владѣльцевъ. Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ въ докладѣ, поднесенномъ императрицѣ 13 января 1764 года, предложила, чтобы *«земли и сѣнокосы. какіе крестьяне на дома архіерейскіе и монастыри пахали и косили, отдать всѣ онымъ крестьянамъ*, исключая только тѣ, кои болѣе 20 верстъ отъ ихъ поселенія состоятъ, которыя, яко за дальностью къ пахотѣ и сѣнокосу имъ неподручныя, отдавать съ торгу въ наймы онымъ же или и постороннимъ крестьянамъ». Докладъ этотъ былъ утвержденъ императрицею, и немедленно вслѣдъ за тѣмъ коллегія экономіи предписала городовымъ канцеляріямъ и казначеямъ, опредѣленнымъ въ томъ же году для управленія экономическими крестьянами, приступить къ исполненію мѣры, въ немъ предложенной. Поземельныя владѣнія, а слѣдовательно размѣръ запашекъ въ вотчинахъ архіерейскихъ домовъ и монастырей были различны, а потому, разумѣется, и крестьяне послѣ секуляризаціи получили различные земельные надѣлы, но правительство желало, чтобы во всякомъ случаѣ размѣръ этихъ надѣловъ не уменьшался ниже извѣстнаго minimum'а. Въ наставленіи экономическимъ правленіямъ, учрежденнымъ въ 1771 году, правительство, предписывая имъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне не терпѣли недостатка въ землѣ, опредѣлило, что на каждую ревизскую душу должно быть по одной десятинѣ въ полѣ, слѣдовательно всего 3 десят., да кромѣ того покосы въ той пропорціи, какая была для этого назначена въ межевой инструкціи. Тамъ, гдѣ недостаточность земли не дозволяла выполнить этого требованія, правительство предписывало приступить къ переселенію крестьянъ въ многоземельныя селенія.

Для того, чтобъ опредѣлить, въ какой степени крестьяне бывшихъ духовныхъ вотчинъ были обезпечены земельными надѣлами послѣ секуляризаціи, мы имѣемъ весьма обширный и совершенно достаточный для рѣшенія этого вопроса матеріалъ. Мы разумѣемъ тутъ неизданныя статистическія данныя, составляющія результатъ генеральнаго межеванія: такъ-называемыя «экономическія примѣчанія», хранящіяся въ межевомъ архивѣ въ Москвѣ, гдѣ для каждаго уѣзда мы имѣемъ подробную опись всѣхъ населенныхъ и ненаселенныхъ дачъ съ указаніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ земли пахатной, сѣнокосной, лѣсу, неудобной и

общаго итога. Выписавъ извѣстія о *всѣхъ* экономическихъ селеніяхъ (указанныхъ ниже губерній) и принадлежащихъ къ нимъ земляхъ *) и подведя итогъ этимъ даннымъ по каждой губерніи, мы получили средніе выводы о количествѣ земли, приходившейся на душу, притомъ сдѣланные не изъ ничтожнаго количества данныхъ, а изъ свѣдѣній обыкновенно о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ душъ въ каждой губерніи. Такъ какъ мы брали данныя только о губерніяхъ, обмежеванныхъ въ прошломъ столѣтіи, и притомъ воспользовались итогами лишь о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ экономическихъ крестьянъ было болѣе 10.000 душъ **), то мы получили такимъ образомъ данныя о 16 губерніяхъ Великороссіи. Переходимъ къ разсмотрѣнію сдѣланныхъ нами выводовъ и притомъ будемъ сравнивать размѣръ земельныхъ надѣловъ экономическихъ крестьянъ съ тѣмъ, какое количество *всей* помѣщичьей земли приходилось въ *оброчныхъ* вотчинахъ на одну крестьянскую душу ***), имѣя въ виду, какъ это было доказано нами въ другомъ мѣстѣ ****), что въ оброчныхъ имѣніяхъ въ прошломъ столѣтіи вся земля находилась въ пользованіи крестьянъ. При этомъ, впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду значительной разницы въ положеніи этихъ двухъ разрядовъ сельскаго населенія: экономическіе крестьяне дѣйствительно могли пользоваться данной имъ землей, хотя, вѣроятно, съ нѣкоторыми ограниченіями относительно лѣсовъ, у помѣщичьихъ же крестьянъ въ оброчныхъ вотчинахъ это право пользованія было только фиктивное, и господинъ могъ всегда изъять изъ обработки или пользованія вообще тотъ или другой участокъ.

Въ Петербургской губерніи межеваніе было произведено только въ 3-хъ уѣздахъ: въ Новоладожскомъ, Гдовскомъ и Лужскомъ, но мы все-таки имѣемъ здѣсь свѣдѣнія о надѣлахъ болѣе 20.000 душъ экономическихъ крестьянъ. Оказывается, что тутъ приходилось на душу пахатной земли 2,7 дес., сѣнокосной 0,6 и лѣсу

---

*) За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти крестьяне были обмежеваны въ одной дачѣ съ крестьянами другихъ наименованій: крѣпостными, дворцовыми и пр.

**) Или, по крайней мѣрѣ, гдѣ мы имѣли свѣдѣнія о такомъ количествѣ.

***) При этомъ мы ограничиваемся болѣе крупными помѣщичьими вотчинами (болѣе 100 душъ).

****) См. нашъ трудъ: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, томъ I. При этомъ мы ограничиваемся болѣе крупными помѣщичьими вотчинами (болѣе 100 душъ).

21,7 *), всего 28 десятинъ. Въ здѣшнихъ помѣщичьихъ оброчныхъ вотчинахъ при 18 дес. всей земли на душу — пахатной было по 3 дес., т.-е. почти по стольку же, какъ и въ экономическихъ областяхъ. Не особенно большіе размѣры запашки при общемъ значительномъ количествѣ земли очевидно объясняются близостью столицы и развитіемъ отхожихъ промысловъ.

Въ Новгородской губерніи у экономическихъ крестьянъ было пахатной земли по 5 дес. на душу, сѣнокосной 1 дес., лѣсу 19,5 дес., всего вмѣстѣ съ неудобною—по 34 десят. на душу. Въ помѣщичьихъ оброчныхъ вотчинахъ при 28 дес. всей земли на душу, въ томъ числѣ пахатной было 4,7 дес., опять почти совершенное совпаденіе вывода относительно размѣра запашекъ у тѣхъ и другихъ крестьянъ.

Въ Вологодской губерніи въ экономическихъ областяхъ было пахатной земли по 3,3 десят. на душу, сѣнокосной 18,7 дес., всего вмѣстѣ съ неудобною по 24 дес. Въ помѣщичьихъ оброчныхъ вотчинахъ пахатной—по 3 дес., т.-е почти столько же, какъ и у экономическихъ, всего 29,5 дес.

Въ Костромской губерніи у экономическихъ крестьянъ было пахатной земли 3,6 дес. на душу, сѣнокосной 0,8 дес., лѣсу 15,4 дес., всего вмѣстѣ съ неудобною 20,3 дес. Въ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ—пахатной 4,2, а всего 23 дес. Въ Костромской губерніи были вообще сильно развиты отхожіе промыслы. Большій размѣръ запашекъ у помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ экономическими показываетъ, что послѣдніе въ болѣе значительномъ количествѣ уходили на заработки, чѣмъ крѣпостные, а это совершенно естественно, такъ какъ помѣщичьи крестьяне могли встрѣчать со стороны вотчинной администраціи нѣсколько болѣе стѣсненія въ этомъ отношеніи.

Въ Нижегородской губерніи было пахатной земли 3 дес., сѣнокосной 1 дес., лѣсу 14,6 дес., всего съ неудобною 19,7 дес. на душу. Въ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, при значительно меньшемъ количествѣ всей земли (по 10 десят.), пахатной земли и на этотъ разъ было нѣсколько болѣе, чѣмъ у экономическихъ крестьянъ (3,6 дес.), вѣроятно по той же причинѣ, какъ и въ Костромской губерніи.

Въ названныхъ губерніяхъ нечерноземной полосы крестьяне имѣли земли отъ 20 до 34 дес.; пахатной вездѣ было около 3 дес., за

*) Количество усадебной и неудобной земли мы нигдѣ не будемъ обозначать отдѣльно.

исключеніемъ Новгородской, гдѣ размѣръ запашки дошелъ до 5 дес. на душу. Переходимъ къ болѣе малоземельнымъ губерніямъ не черноземной полосы Великороссіи.

Въ Псковской губерніи размѣръ запашки у экономическихъ крестьянъ былъ значительно выше средняго—по 3,9 дес. на душу, сѣнокосу по 0,7 дес., лѣсу 5,5 дес., всего съ неудобною 10,7 дес.; слѣдовательно здѣсь 36% всей земли было уже распахано. Слѣдуетъ припомнить, что въ Псковской губерніи было очень много бывшихъ церковныхъ крестьянъ, а церковныя вотчины были обыкновенно невелики. Что касается оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ этого края, то у нихъ мы находимъ значительно большій размѣръ запашки: при 12 дес. всей земли на душу, пахатной было 4,8 дес. (у экономическихъ—3,9).

Въ Смоленской губерніи у экономическихъ крестьянъ было пахатной земли 4,4 дес. на душу, сѣнокосной 0,6 дес., лѣсу 2,2 дес., всего вмѣстѣ съ неудобною 8,2 дес. Такимъ образомъ тутъ было распахано уже въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка болѣе половины, именно 54% всей земли. У оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ запашка была еще значительнѣе: по 5,3 дес. на душу, что составитъ изъ всей земли (по 9,5 дес. на душу)—56%.

Въ Тверской губерніи при нѣсколько большемъ количествѣ всей земли у экономическихъ крестьянъ (по 9,8 дес. на душу) и относительные и абсолютные размѣры запашки понижаются, а именно здѣсь было по 3,6 дес. на душу (сѣнокосу 0,6 дес., лѣсу 4,8 дес.). Почти столько же пахали и помѣщичьи крестьяне въ оброчныхъ вотчинахъ (по 3,3 дес.); всей земли въ такихъ имѣніяхъ Тверской губерніи было по 14 дес. Сравнительно мелкій размѣръ запашки въ этомъ краѣ, также какъ и въ губерніяхъ Петербургской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимірской, Московской, Калужской и Нижегородской, объясняется значительнымъ развитіемъ отхожихъ промысловъ. Однако эта запашка, меньшая чѣмъ въ Новгородской и Смоленской губерніяхъ, была все-таки около 3 дес. на душу.

Ярославская губернія принадлежала къ числу самыхъ малоземельныхъ: въ среднемъ выводѣ всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Ярославскаго, экономическіе крестьяне имѣли въ ней на душу 3,5 дес. пашни, 0,4 дес. покосу и 3,1 лѣсу, всего 7 дес.; въ помѣщичьихъ оброчныхъ вотчинахъ Ярославской губерніи приходилось на душу всего 6,5 дес., въ томъ числѣ пашни 2,8 дес.

Во Владимірской губерніи у экономическихъ крестьянъ было пашни 3,7 дес., покосу 0,6 дес., лѣсу 3 дес., всего съ неудобною 8 дес.; въ оброчныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ—3,3 дес., всего 10,6 дес.

Въ Московской губерніи экономическіе крестьяне имѣли 2,6 дес. пашни, 0,7 дес. покосу, 2,8 дес. лѣсу, а всего 7 дес. Безъ сомнѣнія, настолько же малоземельны были здѣсь и крестьяне помѣщичьихъ и оброчныхъ вотчинъ, потому что вообще въ Московской губерніи въ то время приходилось всего по 6,8 дес. на душу.

Въ Калужской губерніи у экономическихъ крестьянъ было пашни 3,5 дес., покосу 0,3 дес., лѣсу 2,4 дес., всего 6,3 дес. на душу; въ помѣщичьихъ оброчныхъ вотчинахъ приходилось на душу пашни по 3,6 дес., а всей земли по 7,8 дес.

Изъ всѣхъ губерній черноземной полосы, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, только въ одной экономическіе крестьяне имѣли болѣе 10 дес. на душу, а именно въ Орловской, гдѣ приходилось пашни 3,3 дес., сѣнокосу 0,5 дес., лѣсу 10 дес., всего 15 дес. на душу. Въ оброчныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ всей земли было только 9,4 дес., изъ коей половина (4,7 дес.)—подъ пашнею. Тульская губернія была самая малоземельная: въ ней у экономическихъ крестьянъ было всего 5,1 дес. на душу, въ томъ числѣ пашни 3,5 дес. (слѣдовательно 68% всей земли было распахано), покосу 0,4 дес. и лѣсу 1 дес. на душу. Въ оброчныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ было совершенно такое же количество земли: всего 5 дес., въ томъ числѣ пашни 3,5 дес. Въ Курской губерніи и всей земли было нѣсколько болѣе, и запашка была значительнѣе: именно у экономическихъ крестьянъ приходилось пашни по 3,9 дес. на душу, покосу 0,9 дес., лѣсу 1,6, всего 6,9 дес. *). Еще обширнѣе были запашки въ Тамбовской губерніи: здѣсь экономическіе крестьяне имѣли на душу 5 дес. пашни, 1,1 дес. покосу, 2,4 лѣсу, итого 8,8 дес. (слѣдовательно 57% земли было распахано). Въ оброчныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ всей земли было болѣе (по 13 дес.), а потому запашки были еще обширнѣе (по 6 дес. на душу).

Всѣ названныя отдѣльно 16 губерній Великороссіи мы можемъ по размѣру надѣловъ экономическихъ крестьянъ раздѣлить на три группы: 1) въ которой общее количество земли на душу было менѣе 10 дес., 2) отъ 10 до 20 дес. и 3) болѣе 20 дес. Къ первой группѣ принадлежали губерніи: Тульская (5,1), Ка-

*) Нужно замѣтить, что въ Курской губерніи секуляризація духовныхъ имѣній произошла лишь въ 1786 г.

лужская (6,3), Московская и Ярославская (по 7), Владимірская и Курская (8), Смоленская (8,2), Тамбовская (8,8), Тверская (9,8 дес.). Ко второй группѣ относятся губерніи: Псковская (10,7), Орловская (15), Нижегородская (19,7 дес.). Къ третьей группѣ принадлежатъ губерніи: Костромская (20,3), Вологодская (24), Петербургская (28) и Новгородская (34 дес.).

По размѣрамъ запашки экономическихъ крестьянъ тѣ же губерніи можно также раздѣлить на три группы: 1) менѣе 3 дес. на душу, 2) отъ 3—4 и 3) болѣе 4. Къ первой принадлежали только 2 губерніи: Московская (2,6) и Петербургская (2,7 дес.). Большинство губерній относится ко второй группѣ, а именно: Нижегородская (3 дес.), Вологодская и Орловская (по 3,3), Ярославская, Калужская и Тульская (по 3,5), Тверская и Костромская (3,6), Владимірская (3,7), Псковская и Курская (3,9). Къ третьей группѣ, гдѣ было болѣе 4 десятинъ на душу, относятся губерніи: Смоленская (4,4), Новгородская и Тамбовская (по 5 дес.) *).

Сравнивая размѣры запашки у экономическихъ крестьянъ и у крѣпостныхъ въ болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ, мы находимъ, что они совершенно одинаковы въ Тульской губерніи (по 3,5 дес. на душу), затѣмъ въ семи губерніяхъ разница между тѣми и другими менѣе полудесятины на душу. Болѣе полудесятины эта разница только въ губерніяхъ: Костромской (у крѣпостныхъ болѣе на 0,6), Ярославской (у *экономическихъ болѣе* на 0,7), Смоленской и Псковской (у крѣпостныхъ болѣе на 0,9), Тамбовской (у крѣпостныхъ болѣе на 1 дес.) и въ Орловской (у крѣпостныхъ болѣе на 1,4 дес.) **).

Объ остальныхъ губерніяхъ Великороссіи, а также и относительно Сибири мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, на которыхъ и не находимъ нужнымъ долго останавливаться. Такъ, наприм., намъ извѣстно изъ наказовъ сибирскихъ крестьянъ, что

---

*) Въ томъ числѣ у экономическихъ крестьянъ была запашка болѣе, чѣмъ у крѣпостныхъ въ губерніяхъ: Новгородской, Вологодской и Тверской.

**) Изъ остальныхъ губерній Великороссіи мы получили на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія, что у экономическихъ крестьянъ Пензенской губерніи было на душу 3,6 дес. пашни, 0,5 покоса, 2,3 лѣсу, всего 6,7 дес.; но, во-первыхъ, выводъ полученъ на основаніи данныхъ о 7.917 душахъ, а во-вторыхъ крестьяне пользовались еще въѣзжими лѣсами. Объ экономическихъ крестьянахъ Рязанской губерніи мы знаемъ, что въ 1800 г. у нихъ было пашни и покосу 3,7 дес. на душу, лѣсу 3,1, итого около 7 дес.; но тутъ не приняты во вниманіе заказныя рощи и какія-то земли, отмежеванныя „по уставу“.

даже тамъ, гдѣ они жаловались на недостаточность земельныхъ угодій, они все-таки имѣли отъ 3—4 дес. пашни. Въ наказахъ экономическихъ крестьянъ сѣверной Россіи мы встрѣчаемъ не мало жалобъ на слишкомъ недостаточные размѣры запашекъ, но это не всегда обусловливалось недостаточнымъ количествомъ земли, а сплошь и рядомъ ея дурнымъ качествомъ, суровостью климата и, наконецъ, недостаткомъ скота, а слѣдовательно и удобренія. Въ Вятской провинціи, къ сѣверу отъ г. Хлынова, крестьяне говорили Н. Рычкову, что у нихъ на каждую душу не хватаетъ болѣе земли, какъ только высѣять одну осьмину хлѣба. Въ Двинскомъ и Кольскомъ уѣздахъ, Архангельской губерніи, многіе экономическіе крестьяне, занимаясь морскими звѣриными промыслами, совсѣмъ не имѣли пахатныхъ земель.

Во многихъ мѣстахъ крестьяне жаловались на недостатокъ земли потому, что тамъ послѣ секуляризаціи служителя, находившіеся при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, были отчислены въ крестьяне, а особой земли для нихъ дано не было, такъ что крестьяне должны были дѣлиться земельными угодьями съ этими новыми членами своихъ обществъ. Такъ, наприм., въ одномъ наказѣ крестьянъ Устюжскаго уѣзда было сказано, что такіе служителя «всѣ расписаны въ экономическія деревни, причислены на пашни и отдѣлены онымъ участки». При этомъ крестьяне жаловались, что такимъ образомъ въ ихъ волости попадались служителя, не взятые въ услуженіе изъ крестьянъ или половниковъ, а добровольно поступившіе изъ посадскихъ, разночинцевъ и другихъ званій; нѣкоторые изъ нихъ имѣли прежде и свои собственные земельные участки, но отдали ихъ родственникамъ или распродали, а затѣмъ, послѣ того, какъ они вступили въ число экономическихъ крестьянъ, «при нынѣшнемъ разводѣ... пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ» имъ было отдѣлено много земли, отъ чего произошли крестьянамъ «крайняя обида и притѣсненіе». Нѣкоторыя волости просили даже вывести отъ нихъ служителей, происходившихъ не изъ духовныхъ вотчинъ.

Мѣстами крестьяне жаловались также и на то, что имъ недостаетъ земель вслѣдствіе раздачи угодій въ аренду постороннимъ лицамъ. Не отданныя во владѣніе крестьянъ земли экономическаго вѣдомства дѣйствительно отдавались въ аренду *), но

*) Напомнимъ, что въ 1764 г. велѣно было отдавать въ аренду постороннимъ только земли, находившіяся въ разстояніи болѣе 20 верстъ отъ экономическихъ селеній.

мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что и экономическіе крестьяне въ весьма значительной степени пользовались такими землями, притомъ за весьма умѣренную плату. Большинство земель отдавалось съ вольныхъ торговъ, на которыхъ участвовали и экономическіе крестьяне; передача же всѣхъ экономическихъ угодій только крестьянамъ этого вѣдомства была бы весьма непроизводительнымъ ихъ употребленіемъ и часть ихъ, вѣроятно, осталась бы безъ обработки, а между тѣмъ другіе крестьяне лишены были бы важнаго подспорья въ своемъ хозяйствѣ.

Были, впрочемъ, и злоупотребленія при раздачѣ въ аренду земель постороннимъ лицамъ, такъ что иногда жалобы на это экономическихъ крестьянъ имѣли основаніе. Въ Стародубскомъ уѣздѣ оказались двѣ экономическія деревни (87 душъ), у коихъ не только не было земли въ количествѣ указанномъ межевою инструкціей (8 десят. на душу), но одна изъ нихъ была даже поселена на землѣ, купленной крестьянами у помѣщиковъ на свои деньги. Особенный недостатокъ чувствовали они въ сѣнѣ, такъ какъ полки, проходившіе мимо нихъ по большой дорогѣ, брали у нихъ столько фуража, что они принуждены были покупать сѣно по дорогой цѣнѣ у помѣщичьихъ крестьянъ. Поэтому контора коллегіи экономіи, убѣдившись въ томъ, что у нихъ дѣйствительно недостаетъ земли, отдала имъ въ вѣчное безоброчное владѣніе 5 островов (98 дес.), которые и были утверждены за ними по генеральному межеванію. Крестьяне владѣли этою землей 5 лѣтъ и расчистили ее, какъ вдругъ въ 1781 г. казенная палата велѣла вновь взять эти острова въ казну и отдать желающимъ въ аренду. Крестьяне били на это челомъ государынѣ и та приказала сенату разобрать дѣло.

Крестьяне нерѣдко жаловались и даже самой императрицѣ подавали челобитныя на неправильное отобраніе у нихъ земли во время генеральнаго межеванія. Если вспомнить разсказъ Болотова о томъ, какъ оно производилось и какъ могъ при этомъ ловкій помѣщикъ оттягать не мало земли у крестьянъ, то придется признать, что они во многихъ случаяхъ были правы. Въ Стародубскомъ уѣздѣ въ одной экономической волости отмежеваніе у крестьянъ ихъ земель въ пользу сосѣдней помѣщицы вызвало даже открытое неповиновеніе. Крестьяне опоздали подать жалобу въ указанный срокъ и потому дѣло ихъ должно было разбираться послѣ всѣхъ другихъ, а между тѣмъ отъ нихъ потребовали подписку, что до того они не будутъ владѣть спор-

ною землей. Крестьяне не согласились дать этого обязательства, вслѣдствіе чего не только нѣкоторые изъ нихъ были посажены въ смирительный домъ, но даже новгородскій намѣстникъ, Брюсъ, нашелъ нужнымъ двинуть противъ нихъ военную команду. Сибирскіе экономическіе крестьяне жаловались даже на то, что архимандриты монастырей просто насильно отнимали у нихъ земли: одного изъ нихъ они обвиняли въ присвоеніи 2.000 дес. покосу.

Правительству приходилось иногда производить равномѣрный раздѣлъ земли между нѣсколькими сосѣдними селеніями, если оказывалось слишкомъ сильное неравенство въ угодьяхъ. Такъ, въ Воронежской губерніи между жителями трехъ сосѣднихъ деревень и двухъ поселковъ (1.328 душъ) часто происходили споры и жалобы другъ на друга вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ нихъ «претерпѣвали недостатокъ въ землѣ, а прочіе пользовались излишествомъ». Такъ какъ селенія эти при генеральномъ размежеваніи были отмежеваны, какъ говорили въ прошломъ столѣтіи, «въ одну округу» и жители ихъ принадлежали одному вѣдомству, то воронежскій и саратовскій генералъ-губернаторъ Чертковъ приказалъ раздѣлить землю поровну между всѣми этими селеніями; дѣленіе было произведено настолько равномѣрно, что на каждую душу въ различныхъ селеніяхъ досталось, считая съ лѣсомъ, отъ 10 до 11 дес.

Оставивъ въ сторонѣ отдѣльныя жалобы экономическихъ крестьянъ на малоземелье, въ извѣстныхъ случаяхъ имѣвшія, конечно, основаніе и которыя мы могли бы дополнить и другими указаніями изъ данныхъ о тѣхъ 16 губерніяхъ, размѣръ надѣловъ которыхъ былъ разсмотрѣнъ нами выше, мы возвращаемся къ этимъ среднимъ даннымъ о земельномъ обезпеченіи большей части экономическихъ крестьянъ Великороссіи. Мы видимъ, что, въ среднемъ выводѣ, пахатныхъ земель они имѣли достаточное количество; покосовъ было мало, но въ губерніяхъ, обильныхъ лѣсомъ, крестьяне несомнѣнно помогали этому недостатку, расчищая въ немъ новыя полянки. Къ сожалѣнію, изобиліе лѣсовъ оказывалось далеко не во всѣхъ изъ разсматриваемыхъ нами 16 губерній: въ Тульской его приходилось по десятинѣ на душу, въ Курской — по 1,6, Смоленской — по 2,2, Московской — 2,8, Владимірской — 3, Ярославской — 3,1 десят. *). Въ такихъ гу-

*) Коллегія экономіи предписала въ 1768 г. крестьянскіе лѣса раздѣлять на 30 частей и дозволять ежегодно рубить только по одной части. Погорѣв-

берніяхъ, какъ Тульская, гдѣ на одну душу у экономическихъ крестьянъ приходилось *всей* земли по 5,1 дес., несомнѣнно уже чувствовалось малоземелье; то же могло быть и тамъ, гдѣ хотя и приходилось на душу около 7 десят., но земля была плохаго качества, какъ въ Московской, Ярославской и Калужской, и дѣйствительно мы увидимъ ниже, что крестьяне Московской губерніи въ значительномъ количествѣ арендовали отдаваемыя въ оброкъ земли экономическаго вѣдомства. Въ Курской губерніи, гдѣ также приходилось всего около 7 дес., хорошее качество земли вознаграждало не особенно значительное количество, и, дѣйствительно, мы видимъ, что тамъ экономическіе крестьяне распахивали почти по 4 дес. Что же касается тѣхъ губерній, гдѣ въ экономическихъ волостяхъ приходилось среднимъ числомъ по 8 десят., то вообще крестьяне этихъ мѣстностей были достаточно обезпечены землей, и такихъ губерній изъ 16 разсмотрѣнныхъ нами было 11.

Но даже и тамъ, гдѣ уже чувствовалось малоземелье среди крестьянъ, причиной этого было не то, что нѣкоторая часть угодій была отрѣзана изъ прежнихъ владѣній духовныхъ вотчинъ для отдачи въ оброкъ, или, по крайней мѣрѣ, это была причина второстепенная: и безъ этой отрѣзки въ такихъ губерніяхъ, какъ Тульская, Ярославская и др., крестьянамъ было бы тѣсно. Это положительно видно изъ того, что въ оброчныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ здѣсь также приходилось на каждую крестьянскую душу незначительное по тому времени количество земли. Все это приводитъ насъ къ выводу, что при секуляризаціи духовныхъ имѣній были приняты во вниманіе интересы крестьянъ, что тамъ, гдѣ это было возможно, они получали совершенно достаточные надѣлы, а мѣстами даже громадные, какъ, напр., въ губерніяхъ Костромской, Вологодской, Петербургской и Новгородской. Нѣтъ никакихъ основаній думать вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями, что секуляризація духовныхъ имѣній при Екатеринѣ совершена въ ущербъ крестьянамъ «не съ цѣлью освобожденія». Упрекъ, дѣлаемый Екатеринѣ, будто она отняла имѣнія у великороссійскихъ монастырей, чтобы раздать ихъ въ частныя руки, также, какъ увидимъ ниже, несправедливъ.

Мы привели выше нѣкоторыя жалобы крестьянъ на недостаточность ихъ земельныхъ угодій. Во многихъ мѣстахъ, если они

шимъ крестьянамъ, не имѣвшимъ своего лѣса, велѣно было выдавать изъ казенныхъ дачъ по 25 бревенъ.

чувствовали необходимость въ большемъ количествѣ земли, они могли пріобрѣсти ее въ аренду изъ раздаваемыхъ на оброкъ земель экономическаго вѣдомства.

Изъ вѣдомости о Московской провинціи мы почерпаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ арендованіи количества экономическихъ земель крестьянами того же вѣдомства*). Нужно замѣтить прежде всего, что земли брались въ аренду цѣлыми селеніями: отдѣльные экономическіе крестьяне, въ отличіе отъ другихъ вѣдомствъ, не являлись арендаторами **). Всего въ Московской провинціи экономическими крестьянами было взято на оброкъ пахатной и сѣнокосной земли 21.974 десят., да при ней еще, сверхъ того, лѣсу 14.418 дес. Лѣсомъ этимъ они также могли пользоваться, но съ тѣми же ограниченіями, какъ и своими собственными, т. е. раздѣливъ его на 30 частей и вырубая для своихъ нуждъ ежегодно лишь одну часть, а не всѣ сразу. Крестьянами другихъ вѣдомствъ, купцами, помѣщиками и духовными лицами были взяты въ аренду въ той же провинціи 9.330 дес. (кромѣ лѣсу), такъ что на долю экономическихъ крестьянъ приходилось 61% всѣхъ отдаваемыхъ въ аренду пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель экономическаго вѣдомства. Что касается арендной платы, то весьма многія изъ этихъ земель отдавались въ 1772 г. на оброкъ экономическимъ крестьянамъ по той цѣнѣ, какая была еще назначена духовными властями, другія же оброчивались по новой переторжкѣ. Средняя арендная плата за десятину при выводѣ по всей провинціи — $31^1/_2$ коп. за десятину. За такую же плату отдавалась земля на оброкъ и лицамъ другихъ вѣдомствъ.

Укажемъ еще одинъ случай арендованія земли въ огромныхъ размѣрахъ въ Воронежской губерніи. Громадный участокъ казенной земли въ десять тысячъ десятинъ, числившійся въ вѣдомствѣ канцеляріи опекунства иностранныхъ, былъ расположенъ подлѣ нѣсколькихъ экономическихъ селеній. Земля эта не отдавалась никому въ аренду и крестьяне не только стали ею

*) Въ архивѣ министерства юстиціи мы нашли только одну эту вѣдомость относительно арендованія экономическихъ земель. Она составлена была потому, что сенатъ потребовалъ въ 1772 г. доставленія ему такихъ вѣдомостей и на первый разъ пожелалъ имѣть свѣдѣніе именно относительно указанной мѣстности. Впослѣдствіи онъ не заявлялъ вновь подобнаго требованія и составленіе такихъ сводныхъ вѣдомостей, вѣроятно, не предпринималось коллегіею экономіи.

**) Впрочемъ, встрѣчается одинъ случай, что экономическій крестьянинъ вмѣстѣ съ однимъ помѣщикомъ взяли въ аренду 30 дес.

пользоваться, но даже на ней поселилась одна экономическая деревня. Въ такомъ положеніи дѣло было до 1780 года, когда эту казенную землю стали отдавать на оброкъ по четырехлѣтіямъ. На первый разъ не нашлось, какъ видно, другихъ охотниковъ, кромѣ тѣхъ же крестьянъ, и земля была отдана имъ за ничтожную плату — 54 руб. въ годъ, т. е. по $^1/_2$ копѣйки за десятину. По прошествіи четырехлѣтія, на новыхъ торгахъ нашлись другіе арендаторы, которые дали за нее 1.101 руб.; цѣна эта показалась крестьянамъ неслыханною и земля была передана въ пользованіе другимъ. Крестьяне жаловались на ея отмежеваніе и указывали на свое стѣснительное положеніе въ виду того, что въ одной деревнѣ эта казенная земля подходила къ самымъ дворамъ, а другая была даже поселена на ней, и потому въ 1788 году императрица приказала прирѣзать имъ 574 дес. съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ ея въ другомъ было возвращено въ опекунское вѣдомство такое же количество экономическихъ земель. Не дождавшись еще этого предписанія и находя, что они не могутъ обойтись безъ этихъ оброчныхъ угодій, крестьяне при новой переоброчкѣ, набавивъ 1 руб. къ прежней оброчной платѣ, вновь получили ихъ на четырхлѣтіе, съ 1788 до 1792 года, за 1.102 рубля, т. е. по 11 коп. за десятину. Когда этотъ срокъ аренды подходилъ къ концу, крестьяне, вѣроятно опасаясь, что арендная плата будетъ вновь повышена и что они могутъ лишиться земли, послали челобитчика къ императрицѣ, которая и приказала сенату немедленно разсмотрѣть ихъ жалобу на отмежеваніе у нихъ 10.000 дес. Его рѣшеніе намъ неизвѣстно, но вѣроятно жалоба крестьянъ была оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ и безъ этой земли въ ихъ владѣніи было болѣе 10 дес. на душу.

Арендовали землю экономическіе крестьяне въ довольно большихъ размѣрахъ, но покупать ее они пріобрѣли право только въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II. Въ 1772 г. коллегія экономіи возбудила вопросъ о дарованіи имъ этого права по слѣдующему поводу. Крестьяне одной бывшей монастырской вотчины Мосальскаго уѣзда, Калужской провинціи, по недостатку собственной земли брали ее въ аренду цѣлыми пустошами у разныхъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. Между прочимъ они арендовали землю въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи Дорогобужскаго уѣзда, и такъ какъ эта земля была въ разстояніи всего 20 вер. отъ деревни, то они задумали купить ее на свои деньги и просили разрѣшенія калужскаго экономическаго казначея, указывая на

то, что дворцовымъ крестьянамъ дозволено покупать деревни. Коллегія экономіи нашла, что не только имъ, но и другимъ экономическимъ крестьянамъ слѣдовало дозволить покупку земель, и даже въ томъ случаѣ, если у нихъ не будетъ хватать на это денегъ, давать имъ взаймы не болѣе какъ на 2 года, причемъ въ первый годъ безъ процентовъ, а во второмъ съ уплатою ихъ въ законномъ размѣрѣ, подъ круговою порукою того селенія, которое будетъ покупать землю. Сенатъ однако не согласился съ этимъ предложеніемъ. Въ своемъ рѣшеніи онъ согласился на то, что коллегія экономіи указала на недостаточность земли только въ одномъ селеніи, а между тѣмъ извѣстно, что во многихъ вотчинахъ ея вѣдомства «есть по числу людей въ земляхъ излишество, каковыя земли потому и отдаются постороннимъ въ кортому, слѣдовательно вновь земли скупать къ духовнымъ имѣніямъ не только нужды никакой нѣтъ, но и съ закономъ несогласно», потому что по «Уложенію» (гл. XVII, п. 42) патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и въ монастыри вотчины скупать запрещено. Сенатъ находилъ, что коллегія экономіи, собравъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ подвѣдомственныхъ ей вотчинахъ, должна была переселить крестьянъ изъ малоземельныхъ мѣстъ туда, гдѣ чувствуется въ земляхъ избытокъ.

Запрещеніе экономическимъ крестьянамъ покупать земли существовало все время, пока они составляли особое вѣдомство подъ управленіемъ коллегіи экономіи; но съ уничтоженіемъ они наравнѣ съ другими казенными крестьянами поступили подъ управленіе директоровъ домоводства и вскорѣ послѣ того, въ 1788 г., на нихъ было распространено право покупки небольшихъ деревень у помѣщиковъ. Но экономическіе крестьяне, также какъ и дворцовые, пожелали воспользоваться имъ между прочимъ для того, чтобы пріобрѣтать взамѣнъ себя рекрутъ: они стали покупать у помѣщиковъ по одному крѣпостному съ извѣстнымъ количествомъ земли. Тогда сенатъ приказалъ казеннымъ паламъ и особенно директорамъ экономіи наблюдать, чтобы казенные крестьяне покупали у помѣщиковъ только смежныя съ своими селеніями и могущія доставить имъ выгоды деревни, а отнюдь не отдѣльныхъ крѣпостныхъ съ ничтожными надѣлами или вовсе безземельныхъ.

Сенатъ упрекнулъ коллегію экономіи за то, что она не занялась переселеніемъ крестьянъ *). Но переселеніе—дѣло не лег-

*) Въ наставленіи, данномъ въ 1771 году экономическимъ правленіямъ, имъ

кое и мы до сихъ поръ еще не умѣемъ, какъ слѣдуетъ, справиться съ рѣшеніемъ этого вопроса. Однако въ царствованіе императрицы Екатерины было все-таки сдѣлано для экономическихъ крестьянъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Такъ какъ послѣ переселенія волжскихъ казаковъ въ 1776 г. на кавказскую линію ихъ земли остались пустыми, то сенатъ предписалъ переселить на нихъ 2.000 экономическихъ крестьянъ изъ малоземельныхъ вотчинъ. Велѣно было для этого назначить тѣхъ, кто самъ пожелаетъ, а если такихъ явится менѣе 2.000 человѣкъ или и вовсе не найдется, то кому достанется по жребію. Оставшіеся должны были платить подати за переселенныхъ въ теченіе полутора года; переселенцы пользовались въ это время льготою, по прошествіи же этого срока должны были платить сборы въ пользу государства наравнѣ со всѣми другими. Въ 1779—1781 гг. болѣе 1.000 семействъ экономическихъ крестьянъ было переведено по ихъ желанію на рѣку Ахтубу для занятія шелководствомъ. Въ томъ же 1781 году было разрѣшено, вслѣдствіе недостатка земли у экономическихъ крестьянъ, переселить до 20.000 изъ нихъ на земли, оставшіяся отъ волжскихъ казаковъ, и до 24.000 въ Азовскую и Новороссійскую губерніи съ такою льготою, какая была обѣщана и въ 1776 г., но съ тѣмъ, что переводить слѣдовало только желающихъ. Крестьянамъ, изъявившимъ желаніе переселиться, дозволялось избрать изъ своей среды повѣренныхъ и предварительно осмотрѣть назначаемыя имъ земли. Наконецъ въ 1787 г. крестьянамъ разрѣшено было также переселяться въ Крымъ и Екатеринославское намѣстничество.

Разсмотрѣвъ вопросъ о землевладѣніи экономическихъ крестьянъ, мы должны указать теперь на то, какія повинности несли они въ пользу государства. Немедленно послѣ секуляризаціи крестьяне платили, сверхъ 70 коп. подушной подати, по 1 руб. 50 коп. оброчнаго сбора. Затѣмъ въ 1768 году они сравнялись въ платежѣ оброка съ государственными крестьянами и стали вносить по 2 руб., а съ 1783 года по 3 рубля, что составитъ вмѣстѣ съ подушными податями 2 р. 70 к. — 3 р. 70 к. Такъ какъ надѣлы экономическихъ крестьянъ простирались отъ 5 дес. (въ Тульской г.) до 34 дес. (въ Новгородской г.), то слѣдовательно во второй половинѣ 80-хъ годовъ денежныя повинности эконо-

---

велѣно было переводить крестьянъ, въ случаѣ надобности, въ многоземельныя селенія, но только съ ихъ согласія и на ихъ собственный счетъ.

мическихъ крестьянъ въ пользу государства простирались отъ 11 до 74 коп. съ десятины.

Всего труднѣе было уплачивать подати жителямъ сѣверныхъ нехлѣбородныхъ мѣстностей Россіи. Такъ, наприм., мѣстами на крестьянахъ Архангельской губерніи накопились значительныя недоимки тѣмъ болѣе, что по случаю неурожаевъ 1762—1763 годовъ имъ пришлось занять изъ казны много хлѣба. Такой же заемъ пришлось въ 1772 г. сдѣлать крестьянамъ Тверской провинціи и потому въ слѣдующемъ году на нихъ накопилось болѣе чѣмъ по 4 руб. съ души недоимки. Часть крестьянъ могла бы уплатить половину оброка, но экономическій казначей предложилъ отсрочить всѣмъ платежъ на нѣкоторое время, чтобы зажиточные могли оказать помощь своимъ бѣднымъ товарищамъ. Коллегія экономіи согласилась на это. Сильно накоплялась въ то же время недоимка и въ Псковской и Великолуцкой провинціяхъ, а также въ Каргопольскомъ, Устюжскомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ. Въ 1773 г. во многихъ мѣстностяхъ Россіи накопилось недоимокъ по 1 рублю и болѣе съ души, но въ Можайскомъ ихъ оказалось болѣе 2 рублей, въ Великолуцкомъ—болѣе 3 руб., въ Торопецкомъ—болѣе 4 руб., въ Кольскомъ—болѣе 5 руб., а въ Инсарскомъ — и до 8 руб. съ каждой души.

Вносля подати, экономическіе крестьяне исполняли, разумѣется, наравнѣ со всѣми другими различныя натуральныя повинности: рекрутчину, подводную, дорожную и постойную. Въ Новгородской губерніи, по свидѣтельству одного изъ чиновниковъ экономическаго вѣдомства, подводная повинность всего тяжелѣе ложилась на экономическихъ крестьянъ, особенно живущихъ близъ большихъ дорогъ; при отправленіи ими дорожной повинности и мощеніи мостовъ коммисары также не заботились объ удобствахъ крестьянъ и не брали во вниманіе разстояніе дороги отъ ихъ жилища: они не только высылали ихъ въ самое рабочее время, но еще, подкупленные сосѣдними помѣщиками, заставляли ихъ исполнять работу, которая должна была бы падать на вотчины этихъ послѣднихъ.

Мѣстами кромѣ того экономическіе крестьяне несли совершенно экстраординарныя повинности. Такъ, наприм., въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ они должны были работать на казенномъ винокуренномъ заводѣ: такъ какъ тамъ не находилось вольнонаемныхъ за плату, опредѣленную казенною таксой, то коллегія экономіи приказала брать на заводъ изъ вотчины, въ которой

было около 1.000 душъ, по 50 человѣкъ съ жалованьемъ по 2 рубля въ мѣсяцъ. Въ Сибири они мѣстами безденежно возили руду. Въ Тверской провинціи, по свидѣтельству мѣстнаго экономическаго казначея, провинціальная канцелярія заставила крестьянъ безплатно поставить до 20.000 саж. дровъ, вслѣдствіе чего они «пришли въ крайнее изнуреніе, ибо тѣ дрова изъ отдаленныхъ отъ города селеній верстъ по 50 и больше туда возили и крестьяне бѣдные и не имущіе лошадей за дрова и подводы, при всемъ бѣдственномъ своемъ состояніи, платили деньги». Правда, коллегія, узнавъ объ этомъ, приказала доставить ей точныя свѣдѣнія объ этой работѣ, но получили ли они когда-либо за нее вознагражденіе—неизвѣстно. Были наконецъ кое-какіе и денежные сборы, не опредѣленные закономъ. Такъ, напр., въ Сибири крестьяне вносили деньги на письменныя принадлежности, освѣщеніе и отопленіе для своихъ мѣстныхъ управителей и на жалованье писарямъ при нихъ, что составляло сборъ около 10 коп. съ души.

Мы ничего не сказали еще о томъ, какъ было устроено мѣстное управленіе экономическими крестьянами. Указомъ 13 августа 1764 года учреждены были для завѣдыванія хозяйственною частью духовныхъ вотчинъ казначеи; они же должны были быть депутатами по дѣламъ крестьянъ для защиты ихъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Вслѣдствіе этого указа было назначено 60 человѣкъ казначеевъ съ жалованьемъ отъ 150 до 250 руб. каждому и къ нимъ 94 помощника съ жалованьемъ отъ 60 до 80 руб. Въ 1770 году число казначеевъ было увеличено съ 60 на 93, а званіе помощника уничтожено. Депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ Нижегородской провинціи предлагалъ коммиссіи для составленія новаго «Уложенія» уничтожить экономическихъ управителей и возложить ихъ обязанность на старостъ, выборныхъ и «земскихъ достойныхъ людей», которыхъ должны были ежегодно выбирать крестьяне; управителей экономическихъ надо отмѣнить потому, что они дѣлаютъ крестьянамъ много отягощенія во время рекрутскихъ наборовъ, а также обременяютъ ихъ требованіемъ значительнаго числа подводъ, иной разъ для поѣздокъ вовсе не по служебной надобности. Къ этому мнѣнію и присоединился депутатъ отъ ясачныхъ крестьянъ Уфимской провинціи. Управители,—сказалъ онъ,—во время сдачи рекрутъ берутъ взятки у богатыхъ людей, имѣющихъ большія семьи, и освобождаютъ ихъ отъ рекрутчины, а вмѣсто ихъ сдаютъ въ солдаты одинокихъ, у которыхъ есть малыя дѣти, остающіяся такимъ образомъ безъ

пропитанія. Подъ вліяніемъ взятокъ они неправильно рѣшаютъ и дѣла, подлежащія ихъ разбирательству. Кн. Щербатовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій также жалуется на разорительное для крестьянъ лихоимство экономическихъ казначеевъ и высказываетъ мысль, что лучше было бы имъ самимъ избирать себѣ опекуновъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ называлъ казначеевъ піявками крестьянъ.

Эти общія указанія подтверждаются и нѣкоторыми фактами. Въ 1772 году коллегія экономіи отправила одного подвѣдомственнаго ей чиновника для расслѣдованія причинъ недоимокъ въ Каргопольскомъ, Устюжскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ. Онъ между прочимъ распрашивалъ крестьянъ, нѣтъ ли имъ обидъ, неуказанныхъ сборовъ и взятокъ отъ казначеевъ, но все получалъ отрицательные отвѣты. Когда однако же, несмотря на это, онъ отобралъ въ нѣкоторыхъ вотчинахъ черновыя расходныя книги крестьянъ, то оказалось, что бѣлозерскимъ казначеямъ, ихъ помощникамъ и писцамъ было дано въ 1771—72 годахъ деньгами и припасами всего на 811 руб.; бѣлозерскому воеводѣ, прокурору, секретарямъ, приказнымъ служителямъ, солдатамъ, сыщикамъ, коммиссарамъ, карантиннымъ служителямъ, рекрутскому наборщику и проч. деньгами и припасами—839 руб. Бѣлозерскіе казначеи были отрѣшены отъ должности и надъ ними назначено слѣдствіе. Нужно замѣтить впрочемъ, что взяточничество было общею язвой того времени, а не составляло исключительнаго порока экономическихъ казначеевъ.

Весьма вредно отражалось также на благосостояніи экономическихъ крестьянъ то, что, вслѣдствіе жалобъ на нихъ частныхъ лицъ, ихъ забирали воеводскія канцеляріи въ самое рабочее время и долго держали подъ карауломъ. Вслѣдствіе этого сенатъ въ 1773 году приказалъ, чтобы провинціальныя и воеводскія канцеляріи, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, не забирали экономическихъ крестьянъ по своему усмотрѣнію, а давали знать казначеямъ и экономическимъ правленіямъ.

Экономическихъ правленій было всего четыре: ихъ учредили въ 1770 году въ Ярославлѣ, Казани, Ельцѣ и Вологдѣ. Въ 1771 г. они получили подробное наставленіе, въ которомъ имъ между прочимъ предписывалось: 1) заботиться о пропитаніи крестьянъ и о снабженіи ихъ хлѣбомъ на посѣвъ въ случаѣ неурожая, градобитія, наводненія и проч.; 2) раздѣлять крестьянъ на тягла, полагая въ нихъ работниковъ отъ 15 до 60 лѣтъ, и наблюдать,

чтобы разверстка земель производилась по тягламъ, а не по душамъ; 3) экономическія правленія должны были надѣлять крестьянъ землею въ случаѣ ея недостатка и переводить ихъ въ многоземельныя селенія. На каждую ревизскую душу должно было быть не менѣе одной десят. пашенной земли въ полѣ, да кромѣ того покосы въ пропорціи, указанной въ межевой инструкціи; а въ случаѣ невозможности надѣлить крестьянъ изъ прилежащихъ экономическихъ владѣній, ихъ должно было переселять, но только, какъ мы уже указали выше, съ ихъ согласія и на ихъ собственный счетъ; 4) члены правленія должны были разъѣзжать по селеніямъ, знакомиться съ положеніемъ крестьянъ и замѣчать ихъ нужды, а также смотрѣть, не производится ли съ нихъ не указныхъ сборовъ; подводы для этихъ разъѣздовъ брались въ экономическихъ селеніяхъ *); 5) принимать отъ экономическихъ крестьянъ жалобы и рѣшать ихъ; удалять отъ должности казначеевъ, оказавшихся виновными во взяткахъ; 6) выдать старостамъ и выборнымъ шнуровыя книги для записки всякихъ сборовъ и расходовъ, а по окончаніи года крестьяне должны были сами повѣрять ихъ и, если окажется недочетъ, взыскивать съ виновныхъ **); 7) заботиться о заведеніи запасныхъ магазиновъ; 8) набюдать, чтобы крестьянскіе дома строились другъ отъ друга въ разстояніи, опредѣленномъ указомъ 1722 года, и 9) размежевывать земли экономическихъ селеній со смежными владѣльцами.

VI.

Современныя мнѣнія о секуляризаціи.—Дворяне предлагаютъ раздачу въ аренду или продажу имъ экономическихъ крестьянъ.—Крестьяне эти сравниваются съ государственными.—При императрицѣ Екатеринѣ II они не раздавались въ пожалованіе; не то было въ царствованіе императора Павла.—Обращеніе нѣкоторыхъ экономическихъ волостей въ военные поселяне.

Очень многіе изъ дворянъ Екатерининскаго времени неодобрительно относились къ тому, какъ устроена была судьба экономическихъ крестьянъ: они старались выискивать всевозможные недостатки въ произведенной реформѣ и доказывать, что земледѣліе въ бывшихъ духовныхъ вотчинахъ приходитъ въ упадокъ и что положеніе крестьянъ ухудшается. Причиною такого от-

---

*) Въ 1775 году поставка подводъ для казначеевъ была замѣнена небольшимъ денежнымъ сборомъ.

**) Для прекращенія излишнихъ сборовъ и расходовъ съ крестьянъ сенатъ предписалъ, чтобы записи въ данной имъ тетради дѣлали священники и причетники, которые и должны были ихъ хранить.

ношенія къ реформѣ было прежде всего, по нашему мнѣнію, опасеніе, чтобы за эмансипаціей крестьянъ духовнаго вѣдомства не послѣдовало освобожденіе и крѣпостныхъ. Другія причины будутъ вполнѣ ясны намъ, когда вслѣдъ за отрицательною стороною мнѣній подобныхъ господъ мы познакомимся съ тѣми средствами, какія предлагались ими для улучшенія быта крестьянъ; теперь же скажемъ, что многіе изъ нихъ только и мечтали о томъ, чтобы бывшія вотчины духовенства были или розданы въ аренду помѣщикамъ, или проданы имъ по сходной цѣнѣ. Понятно, что, при желаніи убѣдить правительство въ необходимости соблазнительной для дворянъ мѣры, невольно употреблялись самыя мрачныя краски при обрисовкѣ положенія экономическихъ крестьянъ.

Мы имѣемъ нѣсколько указаній на то, что, при передачѣ крестьянъ, прежде принадлежавшихъ духовенству, въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, хлѣбопашество въ ихъ деревняхъ чрезвычайно сократилось. Ростовскіе дворяне въ своемъ наказѣ въ коммиссію «Уложенія» говорятъ: «понеже всѣ деревни вѣдомства коллегіи экономіи единственнымъ образомъ опредѣлены на денежный оброкъ, земли, кои на домы архіерейскіе и монастыри употребляемы были въ хлѣбопашество, *нынѣ по большей части запустѣли* и никакого плода обществу не приносятъ, потому что многіе остались за раздѣленіемъ крестьянству; да и тѣ, которыя крестьянамъ для хлѣбопашества отданы, ими по большей части за дальностію оставлены и лежатъ пусты же, каковыхъ запустѣлыхъ земель по Ростовскому уѣзду весьма много; всѣ же домы архіерейскіе и монастыри... довольствуются покупнымъ хлѣбомъ, отъ чего не только по нынѣшнему неурожаю хлѣба повысилась цѣна, но и впредь въ здѣшнемъ мѣстѣ дешевому хлѣбу въ продажѣ быть не можно». Поэтому ростовскіе дворяне просили, чтобы коллегія экономіи предписала по-прежнему обрабатывать тѣ земли, которыя пахались на монастыри и архіерейскіе дома. Обращаясь къ статистическимъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ нами изъ данныхъ генеральнаго межеванія, которое производилось въ Ярославской губерніи въ 1773 — 1783 годахъ, слѣдовательно 10 — 20 лѣтъ спустя послѣ секуляризаціи духовныхъ имѣній, мы находимъ, что экономическіе крестьяне Ярославской губерніи распахивали среднимъ числомъ 3,5 дес. изъ всѣхъ 7 дес., приходившихся у нихъ на душу, т. е. половину всей своей земли; между тѣмъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ этой мѣстности сред-

нимъ числомъ приходилось по 3,4 дес. (несмотря на то, что тутъ взяты для вывода не однѣ оброчныя, но и барщинныя вотчины); такимъ образомъ экономическіе крестьяне той мѣстности, гдѣ, по мнѣнію дворянъ, они запускали земледѣліе, обрабатывали земли нѣсколько болѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Нужно замѣтить къ тому же, что запашки на духовныхъ властей не были особенно значительны, какъ мы видѣли въ первой главѣ нашей статьи, и слѣдовательно, еслибы даже онѣ всѣ были оставлены (что едва ли вѣроятно), то это не особенно уменьшило бы количество пахатныхъ земель, приходившихся на каждую душу. Что же касается повышенія цѣны на хлѣбъ, то сами дворяне указываютъ причину, совершенно достаточную для объясненія этого явленія: случившійся въ то время сильный неурожай.— Объ уменьшеніи запашекъ въ экономическихъ вотчинахъ заявляли въ своемъ наказѣ и дворяне Крапивенскаго уѣзда Тульской провинціи. Изъ данныхъ генеральнаго межеванія мы убѣждаемся, что экономическіе крестьяне Тульской губерніи въ 1776—1780 годахъ распахивали изъ 5,1 дес. всей земли, приходившейся у нихъ на душу, 3,5 дес., т. е. 68%; едва ли и при духовныхъ властяхъ запашки могли быть обширнѣе. — Князь Щербатовъ, весьма недовольный секуляризаціей духовныхъ имѣній, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанномъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рисуетъ слѣдующую печальную картину: «скорое желаніе отнять деревни у духовнаго чина сдѣлало, что, не взявъ обстоятельнаго извѣстія о нихъ, вдругъ все насовали, отъ чего великіе конскіе и скотскіе заводы разорились, яко архіерейскій въ Ростовѣ, которымъ многіе довольствовались и котораго наконецъ прекрасныя кобылы, запаршивленныя, не имѣя лѣтомъ ни корму *(ибо луга всѣ стали отданы крестьянамъ)*, ни присмотру, осенью на живодерню изъ Бѣлогостицкаго монастыря продавались; мельницы опустились, лѣса многіе истреблены, пруды спущены и рыба распродана, земля не токмо кругъ монастырей, куда изъ вотчинъ приходили работники, осталась не запахана, но и почти во всѣхъ деревняхъ, гдѣ была монастырская пашня, а гдѣ и запахана осталась, и тутъ не такъ удобрена, какъ прежде была; заготовленные магазейны хлѣба монастырскаго стали раскрадены и за безцѣнокъ проданы; и я слышалъ въ то время нѣкоторыхъ безумныхъ людей, похваляющихъ сіе учрежденіе и приписующихъ дешевизну хлѣбную къ отнятію деревень у монастырей, *яко бы крестьяне сами стали болѣе*

къ хлѣбопашеству подлежать и оттого хлѣбъ сдешевѣлъ», между тѣмъ какъ это произошло оттого, что «отъ многихъ лѣтъ скопленный хлѣбъ безумно за безцѣнокъ продали. И самое дѣйствіе оказало, что сіе отнятіе деревень у монастырей уменьшило хлѣбопашество, ибо съ самаго сего времени сталъ хлѣбъ во всей Россіи дорожать». Что архіерейскіе дома и монастыри понесли огромный матеріальный ущербъ съ отнятіемъ у нихъ земель и крестьянъ, это, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію; что хозяйство многихъ изъ нихъ пришло въ упадокъ, это также сама истина, но земледѣліе въ экономическихъ волостяхъ, какъ видно изъ данныхъ генеральнаго межеванія, вовсе не было заброшено. Очень жаль, конечно, что прекрасный конскій заводъ ростовскаго архіерея прекратилъ свое существованіе,—это не могло быть пріятно для дворянъ, которые пріобрѣтали тамъ лошадей; что же касается крестьянъ, то отъ этого они только выиграли: въ ихъ пользованіе перешли всѣ луга, а съ улучшеніемъ корма ихъ собственныя лошади могли лучше поправиться, чѣмъ при существованіи архіерейскаго конскаго завода. Въ другомъ своемъ трудѣ Щербатовъ самъ приводитъ указанія, подрывающія его іереміады. Въ сочиненіи, написанномъ 10 лѣтъ позднѣе того, откуда мы заимствовали предшествующую цитату, князь Щербатовъ говоритъ, что въ 1767 году императрица приказала коллегіи экономіи собрать отъ всѣхъ казначеевъ вѣдомости, сколько было посѣяно хлѣба во всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ до положенія экономическихъ крестьянъ на оброкъ и сколько въ два года послѣ того, чтобы такимъ образомъ можно было узнать, не уменьшилось ли количество засѣваемаго хлѣба во всѣхъ экономическихъ деревняхъ. Казначеи донесли, говоритъ князь Щербатовъ, что засѣвы не только не уменьшились, а даже увеличились. Но въ томъ же году,—продолжаетъ онъ,—Г. Н. Тепловъ проѣзжалъ по тульской дорогѣ въ Малороссію и нашелъ во многихъ экономическихъ деревняхъ, что «многія земли, отъ казначеевъ показанныя въ рапортѣ засѣянными, въ пустѣ лежали съ самого того времени, какъ крестьянъ на оброкъ положили *), и что *крестьяне, получа новыя земли ближайшія къ усадьбамъ, всѣ свои прежнія отдаленныя въ пустѣ оставили*».—«И подлинно,—продолжаетъ нашъ консервативный публицистъ,—кто хотя мало ѣзжалъ

*) Трудно понять, какъ могъ Тепловъ проѣздомъ провѣрять показанія казначеевъ: это требовало внимательнаго изслѣдованія.

по дорогамъ, что кругъ Троицкаго Воскресенскаго и почти всѣхъ монастырей, вездѣ пространныя поля пусты и необработанныя находятся». Вслѣдствіе этого, по мнѣнію кн. Щербатова, и произошло непомѣрное вздорожаніе хлѣба.—Свѣдѣнія, доставленныя казначеями, могли быть во многихъ случаяхъ неточными, но тѣмъ не менѣе они на мѣстѣ все-таки могли судить вѣрнѣе о томъ, приходитъ ли въ упадокъ земледѣліе въ экономическихъ волостяхъ, чѣмъ господа, рѣшавшіе эти вопросы по наблюденіямъ изъ своего дорожнаго экипажа, да еще сплошь и рядомъ съ извѣстнымъ предвзятымъ взглядомъ.

Въ 1768 года вице-президентъ коллегіи экономіи заявилъ этому учрежденію слѣдующее: «увѣдомился я, что во многихъ мѣстахъ вѣдомства экономическаго крестьяне не имѣютъ о хлѣбопашествѣ раченія, особливо по Дмитровскому, Серпуховскому, Костромской провинціи по Судиславскому и Буйскому, Владимірской провинціи по Муромскому, Ярославской провинціи Пошехонскому, Угличской провинціи Кашинскому и Бѣжецкому, Бѣлогородской губерніи Хотмышскому», да въ провинціи Переславля-Залѣскаго по Ростовскому уѣзду; поэтому онъ предложилъ приказать казначеямъ и ихъ помощникамъ объѣхать экономическія вотчины и обратить вниманіе на то, прилежно ли крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, если же окажутся пустыя земли, то велѣть ихъ запахать и засѣять, «а неприлежныхъ къ тому хозяйственнымъ образомъ принудить». Выборные и старосты должны наблюдать, чтобы крестьяне, «кромѣ семьянистыхъ», не запахавъ земель, изъ деревнь своихъ не уходили. Коллегія сдѣлала распоряженіе, предложенное вице-президентомъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что въ то время, какъ видно изъ самаго указа экономической коллегіи, вѣдомости еще отъ казначеевъ получены не были; поэтому мы сомнѣваемся, чтобы свѣдѣнія вице-президента о недостаточномъ прилежаніи крестьянъ въ указанныхъ мѣстностяхъ къ земледѣлію были основательны. На размѣры запашекъ въ Ярославской губерніи мы уже указывали; въ Костромской и Ярославской губерніяхъ пашни приходилось по 3,6 дес. на душу, во Владимірской 3,7, въ Московской губерніи дѣйствительно пахали гораздо менѣе (2,6 десят. на душу), но это было естественное слѣдствіе близости столицы и развитія различныхъ промысловъ.

Но если допустить даже, что количество хлѣба, засѣваемаго въ экономическихъ вотчинахъ, уменьшилось послѣ секуляриза-

ціи, то все-таки на основаніи выше сказаннаго можно думать, что едва ли такое уменьшеніе могло быть значительно. Крестьяне можетъ-быть оставляли часть своихъ полей невоздѣланными, но и Щербатовъ и ростовскіе дворяне указываютъ для этого весьма резонную причину: они дѣлали это въ тѣхъ случаяхъ, если часть ихъ полей лежала очень далеко, а они получили при секуляризаціи новыя, находившіяся гораздо ближе къ усадьбамъ; весьма естественно, что они предпочитали ближнія запашки далекимъ. Мы должны поставить вопросъ вовсе не такъ, какъ князь Щербатовъ и компанія: очень можетъ быть, что вообще количество воздѣлываемаго хлѣба нѣсколько уменьшилось съ упраздненіемъ монастырскихъ и архіерейскихъ запашекъ; но уменьшилось ли количество хлѣба, засѣваемаго крестьянами въ свою собственную пользу? На основаніи приведенныхъ выше статистическихъ показаній о количествѣ пахатныхъ земель можно скорѣе предполагать противное. Улучшилось ли вслѣдствіе секуляризаціи положеніе милліона экономическихъ крестьянъ? На это они дали сами очень краснорѣчивый отвѣтъ: въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ они безпрестанно волновались, а послѣ 1764 г. намъ неизвѣстно почти ни одного ихъ волненія. Ясно, что положеніе ихъ стало лучше, и во имя блага этого милліона людей историкъ не будетъ скорбѣть о томъ, что архіереи не имѣли такихъ прекрасныхъ конскихъ заводовъ или монастырскія трапезы стали нѣсколько скромнѣе, сообразнѣе съ правилами иноческой жизни.

Какъ мы уже указали, одною изъ причинъ недовольства дворянъ секуляризаціей могло быть опасеніе, что за ней послѣдуетъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Это видно и изъ того, что мрачныя картины быта экономическихъ крестьянъ мы между прочимъ находимъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, присланныхъ въ вольное экономическое общество въ отвѣтъ на его извѣстную задачу о дарованіи права собственности крестьянамъ на движимое или недвижимое имущество. Въ одномъ изъ неизданныхъ русскихъ мнѣній, принадлежащемъ, по нѣкоторымъ признакамъ, депутату коммиссіи новаго «Уложенія», дворянину Степанову, между прочимъ сказано: «невѣроятно покажется каждому, чтобы монастырскіе крестьяне имѣли свое состояніе хуже прежняго: платятъ самомалѣйшій доходъ, вольны въ своихъ работахъ, чѣмъ кто хочетъ, тѣмъ и промышляетъ; единое заключить можно, что крестьяне такой вольности не имѣютъ; а за монастырями будучи

не только что были въ работѣ, *но по меньшей мѣрѣ четверо-данники*, а безъ бѣдное пропитаніе имѣли». Такимъ образомъ авторъ полагаетъ, что повинности крестьянъ послѣ секуляризаціи вчетверо уменьшились; если же крестьяне все-таки менѣе обезпечены, то это происходитъ, по его мнѣнію, отъ того, что съ положеніемъ на оброкъ они стали болѣе заниматься отхожими промыслами, по нѣскольку дней празднуютъ годовые праздники, бѣдные забираютъ деньги въ долгъ у богатыхъ и такимъ образомъ попадаютъ къ нимъ въ кабалу. Корень же всего зла, какъ полагаетъ авторъ, заключается въ вольности и отсутствіи ближайшаго присмотра. Однако эти іереміады опровергаются показаніями безпристрастныхъ очевидцевъ, свидѣтельствующихъ, что экономическіе крестьяне жили зажиточнѣе помѣщичьихъ. Такъ авторъ прекраснаго описанія Тверской губерніи, составленнаго въ 1783—84 годахъ, вездѣ указываетъ на это: о Тверскомъ уѣздѣ онъ говоритъ, что помѣщичьи крестьяне «имуществомъ посредственны», а экономическіе «почти во всѣхъ мѣстахъ, имѣя земли болѣе положенной препорціи и унавоживая оную лучше, по причинѣ содержанія въ большомъ количествѣ скота, получаютъ съ оной болѣе хлѣба и слѣдовательно не токмо онымъ продовольствуются, но и нѣкоторую часть продаютъ, а по симъ причинамъ, получая болѣе денегъ, живутъ достаточнѣе и изобильнѣе». Въ Колязинскомъ уѣздѣ «экономическіе крестьяне преимуществуютъ въ избыткахъ по причинѣ, что для промысловъ имѣютъ болѣе времени, къ тому же платятъ менѣе податей». Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ экономическіе крестьяне, хотя «не равняются въ избыткахъ» съ дворцовыми крестьянами, «однако живутъ достаточно, ибо, имѣя грунтъ земель изъ всего уѣзда лучшій и земли болѣе положенной пропорціи, *сѣютъ довольно хлѣба и оный продаютъ*, а притомъ отвозя въ Боровичи и въ Вышній-Волочекъ купецкій хлѣбъ получаютъ денегъ съ излишествомъ на свое пропитаніе. Помѣщичьи крестьяне посредственнаго состоянія». Это свидѣтельство тѣмъ любопытнѣе для насъ, что Тверская губернія занимала среднее мѣсто по размѣру надѣловъ экономическихъ крестьянъ: они имѣли въ ней въ общемъ выводѣ по 9,8 дес. на душу.

Повинности помѣщичьихъ крестьянъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ дворцовыхъ и экономическихъ вотчинахъ; понятно, что для многихъ дворянъ было желательно увеличеніе налоговъ на этихъ свободныхъ крестьянъ. Такъ баронъ Вольфъ въ одной

изъ частныхъ коммиссій, составленныхъ при большой коммиссіи «Уложенія», предлагалъ, чтобы съ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ брать оброкъ не по 2 руб., а по 6 руб. съ каждой души. (Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что и въ помѣщичьихъ вотчинахъ можно бы повысить денежный сборъ до этой нормы.) Правда, сначала крестьянамъ покажется это тяжело, но все-таки они лучше согласятся вносить этотъ оброкъ частію деньгами, частію хлѣбомъ, чѣмъ вновь попасть на барщину. Относительно послѣдняго можно безошибочно сказать, что возвращеніе экономическихъ крестьянъ къ издѣльной повинности оказалось бы и невозможнымъ, такъ какъ оно вызвало бы вновь цѣлый рядъ волненій. Къ счастію, предложеніе Вольфа не было осуществлено правительствомъ, которое лишь въ 1783 г. возвысило оброкъ экономическихъ крестьянъ съ 2 до 3 руб. Впрочемъ для обложенія шестирублевымъ оброкомъ Вольфъ находилъ необходимымъ, чтобы крестьяне имѣли на дворъ по 35 дес., т. е. среднимъ числомъ по 10 дес. на душу, а мы видѣли что въ 9 изъ тѣхъ губерній, гдѣ мы имѣемъ данныя о размѣрахъ надѣловъ экономическихъ крестьянъ, они имѣли менѣе этого количества. Хорошею стороной мнѣнія Вольфа было то, что онъ требовалъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія и считалъ необходимымъ. чтобы крестьяне судились въ незначительныхъ дѣлахъ и проступкахъ своими выборными властями.

Какія же мѣры предлагали дворяне, недовольные положеніемъ экономическихъ крестьянъ, для улучшенія ихъ быта? Ихъ соблазняли отзейскіе порядки—раздача казенныхъ крестьянъ въ аренду дворянамъ. Въ числѣ защитниковъ такого мнѣнія мы находимъ, къ сожалѣнію, человѣка, горячо требовавшаго улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ; мы разумѣемъ новгородскаго губернатора Сиверса. Тутъ въ немъ сказался отзейскій дворянинъ, не понимающій особенности русской жизни и желающій облагодѣтельствовать нашихъ крестьянъ тѣми порядками, какіе господствовали въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 1768 году онъ составилъ подробную записку «объ экономіи и монастырскихъ вотчинахъ», въ которой прежде всего высказываетъ мысль о вредѣ оброчной системы вообще, такъ какъ вслѣдствіе ея развиваются отхожіе промыслы, а земледѣліе и скотоводство страдаютъ, также менѣе увеличивается и населеніе. Сиверсъ прежде всего предлагаетъ назначить для завѣдыванія вотчинами, состоящими въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи,

генералъ-директора или генералъ-эконома, который долженъ былъ имѣть право доклада императрицѣ и кромѣ нея ни отъ кого не зависѣлъ бы. Коллегію экономіи нужно переименовать въ «главную экономію» и поставить въ совершенную зависимость отъ генералъ-директора, чтобы дѣла не страдали отъ разногласія между членами этого учрежденія: имъ должно оставить лишь только совѣщательный голосъ. Главной экономіи слѣдуетъ выбрать одну вотчину для заведенія тамъ образцоваго хозяйства: устраивать фабрики, заводы, пчельники, сады и проч.; другую вотчину съ такою же цѣлью можно предоставить въ распоряженіе и вольнаго экономическаго общества. Но это еще не составляетъ самой сути проекта Сиверса: радикальное средство для улучшенія хозяйства въ экономическихъ волостяхъ онъ видѣлъ въ раздачѣ ихъ дворянамъ въ аренду по контрактамъ. По его мнѣнію, слѣдовало отдавать въ однѣ руки отъ 100 до 500 душъ и лишь въ крайнемъ случаѣ, когда большую вотчину неудобно раздѣлить, съ доклада императрицы давать и до 1.000 душъ. Богатымъ дворянамъ, которые имѣютъ болѣе 1.000 своихъ крестьянъ, точно также какъ и вовсе не служившимъ, за исключеніемъ развѣ бѣдныхъ и стариковъ, въ аренду экономическихъ вотчинъ давать не слѣдуетъ. Арендаторамъ, содержащимъ вотчины въ полной исправности безъ всякаго отягощенія для крестьянъ, слѣдуетъ оставлять данныя имъ имѣнія, пока они этого желаютъ, а по смерти ихъ передавать одному изъ наслѣдниковъ, способному къ хозяйству. Это, по мнѣнію Сиверса, удобнѣе, чѣмъ срочный арендный контрактъ, какъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, такъ какъ арендаторы будутъ старательнѣе вести хозяйство. При отдачѣ въ аренду имѣнія генералъ-экономъ, разсмотрѣвъ его хозяйственное положеніе, долженъ былъ опредѣлить, сколько содержателю слѣдуетъ получать съ крестьянъ денежнаго сбора, какія работы должны они выполнять, сколько высѣвать въ вотчинѣ хлѣба. Арендаторъ отнюдь не имѣлъ права касаться тяглыхъ крестьянскихъ земель или накладывать на крестьянъ повинностей, сверхъ назначенныхъ генералъ-директоромъ. Если крестьяне подадутъ на арендатора жалобу, то главная экономія, разсмотрѣвъ дѣло, запрещаетъ причинять имъ излишнія отягощенія. Если же они будутъ по-прежнему притѣснять крестьянъ и вызовутъ съ ихъ стороны вторичную жалобу, то слѣдуетъ по истеченіи срока контракта отобрать имѣніе у арендатора и впредь къ арендѣ экономическихъ деревень не до-

пускать. Крестьяне на арендатора могли жаловаться въ экономическую контору (которая по проекту Сиверса предполагалась учредиться въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи), съ апелляціею въ главную экономію; въ контору же долженъ былъ жаловаться и содержатель на ослушаніе крестьянъ; впрочемъ, когда они за свои вины будутъ подлежать наказанію, то содержателю слѣдуетъ дозволить наказывать ихъ тѣлесно. Арендаторы должны были наблюдать, чтобы крестьяне не запускали пашни и сѣнокоса, а на излишнихъ противъ числа душъ земляхъ содержатели могли поселять людей на различныхъ условіяхъ, освобождая на нѣкоторое время поселенцевъ отъ всякихъ сборовъ. Они могли также заводить фабрики и заводы съ вознагражденіемъ за нихъ въ случаѣ перехода въ другія руки. Само собою разумѣется, что отъ исполненія предлагаемой имъ мѣры Сиверсъ ожидалъ всевозможныхъ благъ: улучшенія земледѣлія и скотоводства, увеличенія народонаселенія, прекращенія бродяжничества и побѣговъ за границу и проч. Впрочемъ, малоземельныя и не хлѣбородныя деревни Сиверсъ великодушно соглашался оставить на оброкѣ, но и то лишь въ крайнемъ случаѣ; и такія имѣнія можно отдавать помѣщикамъ, но съ условіемъ, чтобъ они давали крестьянамъ паспорты, по которымъ тѣ могли прокармливаться фабричными работами и разными мастерствами. Еслибы предлагаемое устройство быта экономическихъ крестьянъ оказалось прибыльнымъ для казны, то можно было бы такимъ же образомъ раздать по контрактамъ дворцовыя вотчины и другія (государственныя?) волости, а также вотчины малороссійскихъ монастырей. Сиверсъ желалъ избавить крестьянъ отъ злоупотребленія экономическихъ казначеевъ, которыхъ онъ называлъ піявками; но еслибы сами крестьяне были призваны высказать свое мнѣніе, то они, вѣроятно, предпочли бы платить даже шестирублевый оброкъ съ души, проектированный барономъ Вольфомъ, чѣмъ поступить подъ помѣщичью ферулу: довольно было съ нихъ и многолѣтняго хозяйничанья духовныхъ властей.

По словамъ Сиверса, извѣстнымъ намъ въ изложеніи его біографа, императрица будто бы одобрила этотъ проектъ, но онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны людей, которымъ хотѣлось посредствомъ покупки пріобрѣсти эти имѣнія въ собственность.

Князь Щербатовъ въ 1776 — 77 году также склонялся къ мысли, что было полезно раздать экономическія деревни въ арен-

ду дворянамъ, хотя онъ все-таки выражалъ свою мысль не безъ оговорокъ. «*Опасное дѣло*,—говоритъ онъ,—*но не можно сказать, чтобъ было дѣло невозможное*, раздробя деревни, отдать ихъ въ аренду: сіе бы послужило къ поправленію состоянія множества бѣдныхъ дворянъ и къ умноженію государстенной экономіи; но 1) надлежитъ сіе учрежденіе о арендахъ не съ духомъ деспотичества и пристрастія дѣлать и 2) лучше бы было начать сіе опробовать малымъ числомъ, дабы и людей къ содержанію арендъ пріучить». Чрезъ 10 лѣтъ князь Щербатовъ предлагалъ уже болѣе рѣшительную мѣру.

Свидѣтельство Сиверса убѣждаетъ насъ въ томъ, что были вліятельныя лица, желавшія не раздачи экономическихъ волостей въ аренду, а просто продажи ихъ въ собственность помѣщиковъ. Подобное пожеланіе мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ. Такъ дворяне Крапивенскаго уѣзда, не спроста указывавшіе, какъ мы видѣли выше, на упадокъ будто бы земледѣлія у экономическихъ крестьянъ, предлагали: «бывшія монастырскія деревни продать» (конечно дворянамъ, такъ какъ другія сословія не могли владѣть населенными имѣніями), «положа каждую мужскаго пола душу по 30 руб., отчего послѣдуетъ казнѣ приращеніе, а цѣлому обществу можетъ быть польза» (полезно ли это было бы крестьянамъ, крапивенскіе дворяне не находили нужнымъ разсуждать); полученныя деньги слѣдовало положить въ банкъ на проценты. Князь Щербатовъ въ 1787 году также предлагалъ «продать всѣ государственныя и экономическія деревни дворянамъ, считая кругомъ по 80 руб. за душу, мельницы и другія оброчныя статьи и продажу сію дѣлать, распредѣляя по чинамъ, въ прибавку къ имѣющимся деревнямъ, дабы большіе бояре и любимцы ихъ все не расхватали, и участки не толь велики были, чтобы за великимъ числомъ деревень и смотрѣнія за нимъ не было». Для облегченія дворянамъ пріобрѣтенія деревень, Щербатовъ предлагалъ даже не требовать съ нихъ всѣхъ денегъ, а только взыскивать проценты, взявъ въ залогъ эти самыя деревни. Само собою разумѣется, что отъ этого проистекли бы всевозможныя блага: хозяйство въ деревняхъ улучшилось бы, дворяне обогатились и получили награду за службу. А разбогатѣли ли бы крестьяне, о томъ Щербатовъ умалчиваетъ. Но по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, они пользовались бы лучшимъ управленіемъ и защитою помѣщика, а главное—прекратились бы недоимки и казна стала бы получать

болѣе дохода: продавъ 1.000 душъ по 80 руб., она получала бы съ прибавкою пошлинныхъ денегъ 84.000 руб., съ которыхъ 5% составятъ 4.200 руб., а въ 80-хъ годахъ казна, собирая трехрублевый оброкъ, получала съ того же числа душъ 3.000 рублей.

Къ счастью для крестьянъ, всѣ эти проекты о раздачѣ ихъ въ аренду или о продажѣ экономическихъ волостей не осуществились, быть - можетъ, благодаря пререканіямъ защитниковъ аренды съ тѣми, которые стояли за продажу. Мы говоримъ «къ счастію» потому, что крестьянамъ экономическимъ, несомнѣнно, жилось гораздо лучше, чѣмъ крѣпостнымъ,—они платили и меньшій оброкъ, и были свободны отъ барскаго произвола. Конечно, экономическіе казначеи не забывали своей выгоды, но они не могли эксплуатировать крестьянъ такъ, какъ помѣщики или ихъ управляющіе, уже потому, что, имѣя въ своемъ вѣдѣніи большіе участки (тысячъ въ десять и болѣе), они не могли слишкомъ часто пріѣзжать въ каждую отдѣльную вотчину. Лучшимъ доказательствомъ довольства экономическихъ крестьянъ своимъ положеніемъ служитъ отсутствіе среди нихъ послѣ секуляризаціи волненій, столь нерѣдкихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Если не считать безпорядковъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ вотчинахъ во время пугачовщины, притомъ лежавшихъ на пути пугачовскихъ шаекъ, намъ извѣстно только два волненія экономическихъ крестьянъ *), притомъ оба въ вотчинахъ Вятскаго архіерейскаго дома, а одного изъ нихъ также и въ вотчинахъ Трифонова монастыры; но тутъ были совершенно особыя мѣстныя причины неудовольствія. Дѣло въ томъ, что часть крестьянъ здѣшнихъ духовныхъ вотчинъ считали себя не принадлежащими монастырю и архіерейскому дому, а государственными черносошными крестьянами. Одно такое волненіе было самымъ суровымъ образомъ усмирено въ 1765 году: 222 человѣка было наказано плетьми. Другое волненіе по той же причинѣ началось еще въ 40-хъ годахъ, затѣмъ, несмотря на рѣшеніе сената въ 1758 г. о принадлежности крестьянъ архіерейскому дому, вспыхивало въ 1763 г. и наконецъ обнаружилось даже въ 1775 г. Крестьяне заявляли, что они готовы платить 2 руб. 70 коп. съ души наравнѣ съ государственными крестьянами (то же платили и экономическіе), но въ послушаніи

*) Выше упоминали еще объ одномъ волненіи вслѣдствіе отмежеванія у крестьянъ земли.

коллегіи экономіи и казначеямъ быть не хотятъ, называя себя «природными государственными черносошными крестьянами». Кончилось тѣмъ, что для прекращенія волненія въ 1776 г. 10 человѣкъ крестьянъ съ ихъ семьями были сосланы на поселеніе въ Сибирь. Чрезъ 10 лѣтъ послѣ того уничтожилась и самая причина неудовольствія вятскихъ крестьянъ, такъ какъ въ 1786 году коллегія экономіи была уничтожена и всѣ экономическія волости во всемъ сравнялись съ государственными, поступивъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ и директоровъ домоводства.

Въ 1786 г. секуляризація духовныхъ имѣній была распространена на губерніи: Кіевскую, Черниговскую и Новгородсѣверскую, а черезъ два года были отобраны имѣнія духовенства въ губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской *).

Такъ закончилась великая и благодѣтельная для крестьянъ реформа: переходъ ихъ изъ разряда синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ въ общую массу казеннаго населенія, благодѣтельная для крестьянъ потому, что, избавившись отъ притѣсненій прежнихъ духовныхъ властей и ихъ поборовъ, они въ то же время удержали въ своемъ владѣніи весьма значительные семейные надѣлы, особенно тамъ, гдѣ это позволяла общая населенность данной мѣстности. Секуляризація духовныхъ имѣній составляетъ одно изъ самыхъ лучшихъ дѣлъ Екатерининскаго царствованія, хотя она и должна раздѣлить честь энергической постановки этой реформы съ императоромъ Петромъ III. Надъ Екатериною долго тяготѣло обвиненіе, что она отобрала имѣнія у духовенства, чтобы раздать ихъ своимъ любимцамъ и вообще дворянамъ. Пересмотрѣвъ всѣ отдѣльные указы о пожалованіи населенныхъ имѣній, мы убѣдились, что это обвиненіе неосновательно: экономическіе крестьяне вовсе не давались въ пожалованіе. Было только три случая отдачи экономическихъ вотчинъ братьямъ Орловымъ, но и то каждый разъ соотвѣтственное число крестьянъ другаго вѣдомства переводилось въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, да еще однажды правительство разрѣшило обмѣнять помѣщичье имѣніе на экономическую вотчину. Точно также, когда въ 1776 г., послѣ усмиренія пугачовщины, нашли необходимымъ, для уничтоженія пристанищъ бѣглымъ и бродягамъ по рѣкамъ Иргизамъ, Узеню и озеру Камышъ-Самара, присоединить жившихъ тамъ экономическихъ крестьянъ

*) Однако въ Воронежской губерніи были и ранѣе этого экономическіе крестьяне.

Малыковской волости (1.679 душъ) къ дворцовымъ волостямъ, то въ экономическое вѣдомство было передано такое же количество душъ изъ дворцовыхъ вотчинъ: Арзамасскаго, Алатырскаго, Казанскаго, Саранскаго и Переяславля-Залѣскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ императрица Екатерина обнаружила въ этомъ случаѣ замѣчательный тактъ, очевидно предвидя возможность тѣхъ упрековъ, которые ей дѣлали впослѣдствіи совершенно неосновательно. Повторяю, секуляризація духовныхъ имѣній была великая и благодѣтельная для крестьянъ реформа: бывшія экономическія вотчины составили, по крайней мѣрѣ въ Великороссіи, весьма значительную часть государственныхъ волостей, и если въ настоящее время оказывается, что государственные крестьяне владѣютъ земельными надѣлами, весьма превышающими надѣлы бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то этимъ очень многіе изъ нихъ обязаны тому, что въ основу реформы 1764 г. были положены весьма разумные принципы *).

Но если императрица Екатерина была настолько благоразумна, что не раздаривала экономическихъ крестьянъ, то ея преемникъ вовсе не отличался такою сдержанностью: въ 1797 г. императоръ Павелъ приказалъ отдѣлить изъ экономическаго вѣдомства 50.000 душъ для составленія командорственныхъ имѣній кавалерамъ россійскихъ орденовъ.

Императоръ Александръ I окончательно прекратилъ раздачу населенныхъ имѣній, но въ его царствованіе нѣкоторую часть экономическихъ крестьянъ постигло еще большее несчастіе: жители нѣсколькихъ экономическихъ волостей Новгородской губерніи были причислены въ 1816—1818 гг. въ военные поселяне, а извѣстно, что такое были военныя поселенія при Аракчеевѣ...

В. Семевскій.

---

*) Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что хотя въ царствованіе Екатерины II число экономическихъ крестьянъ и не уменьшалось путемъ пожалованія или передачи въ дворцовое вѣдомство, но были все-таки случаи отчисленія ихъ въ другіе разряды населенія; причиною того было учрежденіе новыхъ городовъ. Такъ вслѣдствіе того, что ямщики Вышняго Волочка (954 души) при обращеніи ихъ селенія въ городъ сдѣлались мѣщанами, 1.294 души экономическихъ крестьянъ было обращено въ 1772 году въ ямщиковъ; точно также въ 1778 г. государевы крестьяне, обращенные въ мѣщанъ города Богородицка, были замѣнены экономическими крестьянами.

Васса Макаровна.

Разсказъ

(Посвящ. В. П. Горленко.)

На балконѣ деревенскаго дома, крытаго соломой, почернѣвшею и посѣдѣвшею отъ времени, былъ приготовленъ столъ для вечерняго чая. Хозяйка дома, Васса Макаровна Барвинская, бросила на него послѣдній критическій взглядъ и нашла, что все въ порядкѣ. Самоваръ, въ которомъ ярко отражалась сбоку зелень сада, а сверху—ясная лазурь неба, блестѣлъ какъ золотой. Масло аппетитно смотрѣло изъ хрустальной масленки. Стекло стакановъ, серебро ложечекъ и сливочница, а также бѣлизна голландской скатерти были безукоризненные. Васса Макаровна подумала, что хорошо было бы въ сухарницу, вмѣсто домашняго бѣлаго хлѣба, уже нѣсколько черстваго, положить кренделей и вообще какихъ-нибудь вкусныхъ печеній, но сообразила, что гости, конечно, извинятъ, потому что гдѣ же достать всего этого, живя въ семи верстахъ отъ города, и притомъ на хуторѣ. И съ этой мыслью она медленно сошла по ступенькамъ балкона въ садъ, чтобы разыскать гостей—брата съ его женой и молоденькою свояченицей, сосѣда-помѣщика, да одного офицера.

Садъ былъ не большой, но старый и довольно глухой. Обрамляли его съ четырехъ сторонъ тополи; и аллеи въ немъ были неправильныя, причемъ яблони и груши стояли въ перемежку съ кустами смородины и крыжовника, вишни и сливы толпились въ одномъ углу (тамъ была бесѣдка), а малина была сосредоточена въ другомъ. Цвѣтовъ было мало: двѣ клумбы настурцій и резеды, съ георгинами въ центрѣ, да душистый горошекъ у стѣны и у трельяжа на балконѣ.

Для Вассы Макаровны прогулка по саду, какъ онъ ни былъ невеликъ, представляла нѣкоторый трудъ. Эта дама, несмотря на свои тридцать лѣтъ, была особа почти тучная. Теперь, идя по аллеѣ, она слегка переваливалась съ ноги на ногу и смотрѣла по сторонамъ съ улыбкой. Улыбка назначалась ею преимущественно для сосѣда-помѣщика и для офицера. Отъ себя она этого не скрывала. Ей нравились и тотъ, и другой. Помѣщикъ былъ солиднѣе и умнѣе, офицеръ моложе. Кромѣ того, у офицера были очень выразительныя, красныя и пухлыя, губы. Еслибы кто-нибудь изъ нихъ неожиданно встрѣтилъ ее здѣсь, то увидѣлъ бы, что лицо у ней пріятное. Ей хотѣлось вообще производить впечатлѣніе своею внѣшностью. И даже тому обстоятельству, что она была дама полная и лѣнивая, она придавала значеніе и кокетничала своей полнотой. Такимъ образомъ въ походкѣ ея было столько томнаго и граціознаго, что это еще болѣе замедляло ея движенія. Затѣмъ она кокетничала своей деревенской натуральностью и отдавала справедливость покойному мужу, который называлъ ее: «дитя природы». Вотъ и теперь она вдругъ вспомнила это и, остановившись и приложивъ руку къ груди, рѣшилась, безъ церемоніи, прибѣгнуть къ своему звонкому голосу и позвать гостей. Сдѣлала она это, дѣйствительно, непринужденно, такъ что и самой ей понравилась эта непринужденность, и она засмѣялась, что̀ опять вышло хорошо. «Въ самомъ дѣлѣ, я очень естественная», подумала она съ удовольствіемъ.

На зовъ ея между тѣмъ съ двухъ сторонъ откликнулись голоса. Она узнала ихъ сразу. Одинъ голосъ принадлежалъ Сашурочкѣ, свояченицѣ ея брата, и показался ей какимъ-то не то сконфуженнымъ, не то черезчуръ громкимъ, — однимъ словомъ, ненатуральнымъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ она сама кричала. Другой, очевидно, вышелъ изъ горла Ильи Кузьмича Плакудина и раздался почти въ двухъ шагахъ отъ нея, солидный и непохожій на крикъ, а такъ—на какое-то успокоительное междометіе, вродѣ: «хо!» Вслѣдъ за этимъ возгласомъ сейчасъ же показался и самъ Плакудинъ.

На немъ былъ синій изъ лѣтняго трико сюртукъ, застегнутый на три пуговицы, и бѣлый галстукъ. Самъ онъ былъ худъ и тонокъ, и губы его, тщательно выбритыя, улыбались насмѣшливо, а черные глазки, казалось, пронизывали Вассу Макаровну, такъ что она даже покраснѣла подъ ихъ взглядомъ. Держалъ онъ въ рукѣ газету, съ которой онъ никогда не разставался,

потому что ему нравилось встрѣчать въ ней свои собственныя мнѣнія. Онъ смотрѣлъ на хозяйку дома, которая была одинаковаго съ нимъ роста, и думалъ: «баба удивительная. Непремѣнно женюсь на ней».

И потомъ, на приглашеніе идти пить чай, сказалъ:

— Чай съ лимономъ?

— Нѣтъ.

— Съ вареньемъ?

— Нѣтъ. Не сварила еще.

— По крайней мѣрѣ, китайскій?

— Китайскій.

— Булки свѣжія?

Васса Макаровна расхохоталась.

— Что за вопросы, и какимъ строгимъ тономъ!... Нѣтъ, черствыя!

— А масло и сливки?

— Самыя свѣжія! Успокойтесь наконецъ.

— Успокоиваюсь; но только не совсѣмъ...

Онъ пошелъ возлѣ нея и глаза его продолжали пронизывать ее, а губы нервно улыбаться. Онъ глядѣлъ на ея круглыя плечи, бѣлую шею, свѣжее розовое ухо, скрытое до половины въ темнокаштановыхъ волосахъ, густыхъ и тяжелыхъ, крѣпкій бѣлый подбородокъ и румяныя щеки, и думалъ: «нѣтъ, непремѣнно надо жениться!»

Илья Кузьмичъ былъ не только умный, но и остроумный человѣкъ, ибо никогда не говорилъ спроста, а всегда иронизировалъ, какъ и во время этого разговора о чаѣ. Конечно, разговоръ этотъ пустяшный, а другой все-таки не могъ бы повести его въ этомъ стилѣ. Такого мнѣнія былъ о себѣ Илья Кузьмичъ и Васса Макаровна раздѣляла это мнѣніе.

Плакудинъ жилъ въ десяти верстахъ отъ Вассы Макаровны и пріѣзжалъ къ ней почти каждый день на бѣговыхъ дрожкахъ, послѣ обѣда, и она привыкла къ нему. Съ мужемъ ея онъ былъ не въ ладахъ и даже велъ съ нимъ тяжбу, но по смерти его тяжбу прекратилъ. Въ уѣздѣ всѣ знали его и считали одни умнымъ, а другіе даже опаснымъ человѣкомъ, именно по причинѣ его ума, и ни въ какія общественныя должности не выбирали. Онъ посмѣивался и относился къ этому какъ философъ. Все-таки этотъ страхъ былъ признакомъ тайнаго уваженія къ нему... Самъ же онъ никого не уважалъ, потому что единственный человѣкъ,

котораго онъ признавалъ неизмѣримо выше себя, умеръ лѣтъ пять тому назадъ. Это былъ профессоръ того университета, гдѣ онъ слушалъ когда-то право. Профессоръ вызывалъ его удивленіе своей язвительностью. А однажды онъ заставилъ Плакудина чуть не подпрыгнуть и не заболѣть отъ восторга, сказавши, что Фридрихъ Великій не только прогналъ, но и высѣкъ Вольтера за то, что тотъ кралъ у него сальные огарки. Съ тѣхъ поръ образъ язвительнаго профессора сталъ преслѣдовать его неотступно и нѣкоторымъ манеромъ повліялъ на всю его жизнь. Онъ сталъ подражать ему во всемъ—въ интонаціи, въ походкѣ, даже въ костюмѣ, и постепенно утратилъ свое собственное обличье, такъ что уже и не помнилъ себя другимъ, хотя постоянно чувствовалъ, что до идеала ему еще далеко.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дому, Плакудинъ вдругъ сказалъ:

— Васса Макаровна, вы мнѣ хотите что-то сказать?

— Я ужь сказала,—отвѣчала Барвинская, граціозно раскачиваясь и обращая къ нему лицо въ ожиданіи, не съостритъ ли онъ какъ-нибудь. Физіономія Плакудина, однако, имѣла невозмутимое выраженіе и не сулила сюрпризовъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ самъ скажу,—произнесъ онъ.

— Ну-те?

— Мнѣ кажется, что я вамъ нравлюсь.

Васса Макаровна всплеснула руками, но не стремительно, а плавно, и засмѣялась, причемъ на ея крѣпкихъ и бѣлыхъ щекахъ показались ямочки.

— Это новость!—сказала она.

— Не думаю,—сказалъ онъ, сжимая губы.

— Надо много, чтобы мнѣ понравиться,—произнесла она съ мечтательной улыбкой.

— Много?... Если хотите, я поступлю въ военную службу,—сказалъ онъ язвительно.

— Мнѣ все равно...

— Въ гусары или просто въ армейскіе офицеры, продолжалъ онъ.—У меня довольно воинственная фигура. И я могъ бы съ успѣхомъ командовать: «скуси патронъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Васса Макаровна посмотрѣла на него своими лѣнивыми глазами и, пользуясь тѣмъ, что она—«дитя природы» и, слѣдовательно, имѣетъ право быть откровенной, сказала:

— Вы это острите на счетъ Гржибъ-Гржибовскаго, я догадываюсь. Но кромѣ того, чтобы быть офицеромъ, вамъ надо помолодѣть. Вамъ скоро сорокъ лѣтъ. Вы ужь старый.

— Я моложе Гржибъ-Гржибовскаго,—сказалъ Плакудинъ.— Я великолѣпно сохранился, между тѣмъ какъ онъ—развалина. У меня волосы густоты замѣчательной, а у него—плѣшь. Это оттого, что онъ за всѣми ухаживаетъ. Еслибъ вы видѣли, какъ онъ сейчасъ ухаживалъ за вашей Сашурочкой! Дѣло происходило въ бесѣдкѣ, а Сашурочка сидѣла на скамейкѣ и смотрѣла испуганно въ пространство, причемъ дѣлала свойственную ей гримасу, кашляя, какъ кошечки. Мнѣ все казалось, что она подавилась рыбьей костью. Офицеръ опирался на саблю и крутилъ усъ.

— А вы?—спросила Барвинская, и лицо ея залилъ горячій румянецъ.

— А я подсматривалъ, сидя въ вишняхъ,—пояснилъ Плакудинъ.

— И только это и замѣтили?

— Больше ничего. Но, кажется, и этого достаточно. Цѣлый часъ крутить усъ—увѣряю васъ, это плохой знакъ! Еслибъ я былъ на его мѣстѣ, а вы на мѣстѣ Сашурочки, дѣла пошли бы блистательнѣе.

— Что-жь бы вы сдѣлали?—спросила Васса Макаровна лукаво.

На блѣдномъ лицѣ Плакудина вспыхнули два красныхъ пятна, глаза сверкнули.

— Въ качествѣ военнаго человѣка, пошелъ бы на штурмъ и взялъ бы крѣпость.

— Не легкое дѣло!—сказала она и плавно потрясла головой.

Онъ улыбнулся.

— Взялъ бы.

— Вы ужасно дерзки!

— Съ вами иначе нельзя,—сказалъ онъ.—Да и притомъ всѣ военные дерзки,—пояснилъ онъ.—И взялъ бы я, знаете, съ такой же офицерской удалью, съ какой мой Церберъ уплетаетъ вонъ тамъ на балконѣ ваше масло,—прибавилъ онъ черезъ минуту, нахмуривъ брови.

Васса Макаровна слабо вскрикнула. Вдали блестѣлъ самоваръ, а возлѣ Церберъ, дѣйствительно, уплеталъ масло, вытянувшись въ струну на своихъ длинныхъ заднихъ ногахъ. Васса Макаровна

стала кричать на него и грозить ему и ускорила шагъ. Но Церберъ не обращалъ на нее вниманія и только усерднѣе сталъ ѣсть.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Плакудинъ.—Это не поможетъ.

— Такъ крикните вы на него!—воскликнула Васса Макаровна въ волненіи.

— Тоже безполезно,—отвѣчалъ Плакудинъ.—И вообще долженъ вамъ сказать, что пока мы дойдемъ до балкона, Церберъ не только слижетъ все масло, но и съѣстъ булки.

— Но это ужасно,—сказала Васса Макаровна.

— Кромѣ того,—прибавилъ Плакудинъ,—онъ, по моему крайнему соображенію, долженъ разлить сливки по столу, чтобъ удобнѣе лакать. Онъ, знаете, большой лакомка.

— Да будь онъ проклятъ!—вскрикнула Васса Макаровна съ нескрываемою досадой.

Но впрочемъ сейчасъ же сдѣлала надъ собой усиліе и равнодушнѣе отнеслась къ хищничеству Цербера, тѣмъ болѣе, что, взбѣжавъ на балконъ, убѣдилась въ цѣлости сливокъ и бѣлаго хлѣба. Пострадало одно масло. Самъ Церберъ, завидѣвъ ее въ непосредственной отъ себя близости, легкимъ прыжкомъ очутился въ залѣ и, худой и огромный, смотрѣлъ оттуда, изъ рамы дверей, облизываясь и тряся лохматыми ушами. Васса Макаровна погрозила ему кулакомъ и, позвавъ Лукерью, подслѣповатую и рябую дѣвку, приказала ей подать новаго масла. Затѣмъ, успокоенно улыбнувшись Плакудину, принялась разливать чай.

Между тѣмъ пришелъ ея братъ съ женой. Это былъ пасмурный и солидный субъектъ съ рыжей бородкой и множествомъ золотыхъ колецъ на рукахъ. Фамилія его была Балабанъ. Животъ у него былъ большой, а тѣло худое. Служилъ онъ по акцизу, и ему всюду мерещилась безпатентная торговля. Онъ и теперь мучился, что, по долгу службы, слѣдовало бы быть не въ гостяхъ, а въ Магеровщинѣ, ближайшемъ селеніи, гдѣ, судя по доносу, полученному имъ наканунѣ, портной Мошка занимается тайною продажей питей. Поэтому онъ былъ не въ духѣ. Жена его, Юлія Капитоновна, была маленькая и худенькая дама, лѣтъ двадцати восьми, съ приподнятыми угловатыми плечами и съ большой головой, почти уроненной на грудь. По пути Юлія Капитоновна крѣпко опиралась на руку мужа, потому что считала это трогательнымъ признакомъ любви и была, повидимому, чрезвычайно счастлива, что онъ съ нею, а не рыщетъ по участку

въ поискахъ за нарушеніями правилъ о питейной торговлѣ. Когда онъ сѣлъ къ столу, и она сѣла рядомъ съ нимъ, и затѣмъ съ вопросительной улыбкой посмотрѣла своими большими и слегка мутными глазами на Вассу Макаровну и Плакудина, какъ бы ища одобренія. Но Васса Макаровна была занята соображеніями о Сашурочкѣ и все поглядывала въ садъ, а Плакудинъ сдѣлалъ, въ отвѣтъ на улыбку Юліи Капитоновны, такое холодное лицо, что она почувствовала себя неловко и стала пробовать чай, съ оттѣнкомъ какой-то чрезвычайной и внезапной серьезности, какъ будто это было Богъ знаетъ какое дѣло. Потомъ, все съ тою же серьезностью и такъ же внезапно, спросила, что̀ новаго въ газетахъ. На что мужъ ея, зѣвнувъ и взглянувъ почему-то на небо, синее и въ легкихъ бѣложелтыхъ облачкахъ, которыя становились все золотистѣе по мѣрѣ приближенія къ закатывающемуся солнцу, сказалъ:

— Не знаю, матушка. Слыхалъ, впрочемъ, что хотятъ уменьшить число кабаковъ. Но отъ этого возрастетъ только безпатентная торговля.

И сказавши, съ тоской щелкнулъ пальцами, потому что живо представилъ себѣ Мошку портного, какъ разъ можетъ-быть въ этотъ самый мигъ ущербляющаго казенный интересъ этимъ преступнымъ способомъ. Плакудинъ пересталъ пить чай и, проникнувшись вдругъ желаніемъ блеснуть умомъ передъ этимъ акцизнымъ чиновникомъ, цѣликомъ сказалъ ему передовую статью изъ своей газеты о кабачномъ вопросѣ. Эту статью онъ весь день изучалъ и произнесъ ее теперь съ истинно профессорскимъ апломбомъ. Акцизникъ одобрительно кивалъ головой, хотя въ душѣ считалъ все это «химерами» и «глупостями». Вообще онъ былъ убѣжденъ, что умные люди всегда говорятъ глупости. Поэтому онъ чувствовалъ къ нимъ родъ жалости, и Плакудинъ особенно трогалъ его въ этомъ отношеніи. Что касается Юліи Капитоновны, то она, слушая Плакудина, волновалась и по временамъ произносила: «конечно», «ну, да, конечно!»,—ибо сознавала себя главною виновницей этого умнаго разговора и считала, что обязана поддерживать его. Но произносила она эти «конечно» не въ-попадъ, такъ что Плакудинъ каждый разъ язвительно улыбался въ ея сторону. Съ другой стороны, мужъ толкалъ ее подъ столомъ и шепталъ:

— Замолчи, матушка, не мѣшай... Куда же тебѣ понимать, матушка!

Она, въ свою очередь, потихоньку возвращала мужу толчки, находя этотъ шепотъ крайне безтактнымъ и обиднымъ. «Развѣ такъ за любовь платятъ?—думала она.—Экое грубое существо! Ну, ужь эти мужчины!» И рѣшилась ущипнуть его въ слѣдующій разъ, какъ онъ оборветъ ее. Но обошлось все благополучно. Явились Гржибъ-Гржибовскій и Сашурочка, къ большому удовольствію Вассы Макаровны, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Гржибъ-Гржибовскій былъ бѣлобрысый армейскій офицеръ съ темными нафабренными усиками и заплывшими глазками, смотрѣвшими добродушно и самодовольно. Выстриженъ онъ былъ подъ гребенку и голова у него имѣла форму отчасти коническую. Руки онъ держалъ по обѣимъ сторонамъ груди, какъ будто несъ себя, и громко звякалъ шпорами, которыхъ, однако, по роду службы, ему не полагалось. Онъ ловко подвинулъ Сашурочкѣ стулъ и самъ сѣлъ, съ неменьшею ловкостью, между ею и Вассой Макаровной, распространяя вокругъ запахъ табачнаго дыма и одеколона, которымъ душился, за неимѣніемъ лучшихъ туалетныхъ эссенцій.

Васса Макаровна, подавая ему стаканъ чаю, спросила, съ самой задушевной простотой, не хочетъ ли онъ сливокъ, и при этомъ глубоко посмотрѣла ему въ глаза. Плакудинъ замѣтилъ этотъ взглядъ, и чувство ревности къ Гржибъ-Гржибовскому усилилось въ немъ вдругъ до того, что онъ сразу возненавидѣлъ его. «Не я буду,—подумалъ онъ,—если не сдѣлаю изъ него сейчасъ же самого великолѣпнаго дурака. Пусть эта толстуха полюбуется». И сталъ придумывать разные, необходимые для этой операціи, способы. Отъ этого и прекратилась бесѣда его съ Балабаномъ. Гржибъ-Гржибовскій между тѣмъ поворотилъ къ Вассѣ Макаровнѣ лицо и плѣнительно улыбнулся, въ благодарность за взглядъ и за сливки и, въ свою очередь, передалъ сливочникъ Сашурочкѣ, которая ухитрилась взять его двумя пальчиками. При этомъ Гржибъ-Гржибовскій поворотилъ лицо и къ ней и тоже плѣнительно улыбнулся. Затѣмъ онъ улыбнулся такимъ же точно манеромъ Балабану и его женѣ и, наконецъ, Плакудину, какъ бы говоря: «Неправда ли, я—молодецъ?» Ему показалось, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могли бы дать всѣ присутствующіе, и потому онъ принялся за чай съ большимъ аппетитомъ, весьма одобряя масло, сливки и деревенскій воздухъ.

— Это рай,—говорилъ онъ, постоянно подергивая плечами, гдѣ на бѣломъ кителѣ блестѣли золотые погоны.—Васса Макаровна, вы счастливѣйшая изъ смертныхъ! Когда я прiѣзжаю сюда, то дышу этой замѣчательной атмосферой. О, какая-жь это атмосфера! Не правда-ль, Александра Капитонова? Въ городѣ я все время кашляю. Кашель у меня съ дѣтства. Когда я былъ маленькiй, то уже кашлялъ какъ старый. Знаете, такой очень продолжительный кашель и такъ, что даже грудь болитъ. Но вотъ, видите, теперь не кашляю. Ежели это не здѣшняя атмосфера, столь благодѣтельно дѣйствующая, то скажите мнѣ, на милость Бога, отчего-жь это происходитъ? Гдѣ тому причина?... А какое чудное масло у Вассы Макаровны! Право, это масло такое... такое масло...—Онъ намазалъ имъ ломтикъ хлѣба.— Удивительное масло!... — Онъ положилъ ломтикъ въ ротъ. — То кремъ, а не масло... То всѣмъ на удивленiе...

Тутъ онъ поперхнулся, ибо сдѣлалъ неудачную попытку одновременно ѣсть, пить и говорить. Сашурочка расхохоталась, но скромно, прикрывъ блѣдный ротикъ косынкою. Барвинская покраснѣла, потому что встрѣтила язвительный взглядъ Плакудина. Юлiя Капитоновна сжала почему-то кулачокъ и съ участiемъ смотрѣла все время на офицера, пока тотъ откашливался. Одинъ акцизный чиновникъ былъ невозмутимъ.

Наконецъ, Гржибъ-Гржибовскiй пришелъ въ нормальное состоянiе.

Плакудинъ сказалъ ему:

— Атмосфера Вассы Макаровны и ея кремоподобное масло не всегда, значитъ, благодѣтельно дѣйствуютъ на васъ. Вы сейчасъ кашляли, «какъ старый».

— О, то другая причина!—воскликнулъ Гржибъ-Гржибовскiй съ оживленiемъ.—То кашель не злокачественный. Я имѣю очень широкихъ два горла. Когда-нибудь я раскрою ротъ, и вы увидите, ежели вамъ угодно.

— Раскройте теперь...

— Ей-богу, я вамъ покажу... Отчего же?... Мнѣ будетъ очень прiятно. Но однако же этого не надлежитъ дѣлать при столь очаровательныхъ дамахъ.—Онъ звякнулъ шпорами и плѣнительно всѣмъ улыбнулся.—Конечно, пища идетъ изъ одного горла въ другое,—продолжалъ онъ; — но ежели вдругъ сдѣлается наоборотъ, то выходитъ кашель... Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ

въ заключеніе и обвелъ глазами небо,—здѣшняя атмосфера очень даже замѣчательная.

Послѣднюю фразу онъ произнесъ съ большимъ глубокомысліемъ и затѣмъ молча, въ три пріема, осушилъ стаканъ.

— Благодарю вамъ! — сказалъ онъ вдругъ съ еврейскимъ акцентомъ, обращаясь къ Вассѣ Макаровнѣ, и весело засмѣялся, подвигая ей стаканъ.

Дамы тоже засмѣялись.

— Вы умѣете представлять жида?—спросила его Васса Макаровна съ ласковымъ участіемъ.—Скажите-ка еще разъ... Какъ это вы сказали...

— «Благодару вамъ», — повторилъ Гржибъ - Гржибовскій и звякнулъ шпорами.

— Прелесть!—воскликнула Васса Макаровна и искренно захохотала.

Плакудинъ язвительно нахмурился въ сторону офицера, а тотъ повернулъ къ нему свое лицо и опять произнесъ: «благодару вамъ!» и даже кивнулъ ему головой, но очень удивился, что Плакудина это не разсмѣшило.

— Я умѣю представлять жида!—началъ онъ съ хохотомъ.— Я всѣ разсказы Вейнберга знаю. Ахъ, что это за разсказы! Какой это талантъ!... Что Гоголь! У Гоголя ничего нѣтъ такого смѣшнаго... Никто еще такъ не писалъ, никогда, нигдѣ, ни въ *Стрекозѣ*, ни въ *Будильникѣ*! То просто умора, я вамъ скажу... Александра Капитоновна, не правда ли? Слыхали вы этотъ изумительный разсказъ, какъ жидъ продавалъ ружье съ согнутымъ стволомъ? Ахъ, какая это вѣрность природѣ, ахъ!...

Васса Макаровна подала ему стаканъ чаю и попросила, чтобы онъ что - нибудь разсказалъ. Къ ея просьбѣ присоединились Юлія Капитоновна и Сашурочка, въ одинъ голосъ воскликнувшія:

— Пожалуйста!

Онъ не заставилъ себя долго просить. Звякнувъ шпорами и показавъ всѣмъ поочередно свое миловидное лицо, онъ началъ разсказывать и, когда, кончилъ, то вызвалъ всеобщій восторгъ, причемъ даже на губахъ Балабана разцвѣла пріятная улыбка; только Плакудинъ сидѣлъ съ самымъ насмѣшливымъ выраженіемъ глазъ. Въ душѣ его кипѣло негодованіе. Онъ думалъ, какъ ничтожны люди, на которыхъ какой-нибудь паршивенькій офицеръ можетъ производить впечатлѣніе. И видя, что Васса Макаровна сіяетъ пуще прежняго, горѣлъ желаніемъ утопить Гржибъ-

Гржибовскаго въ ложкѣ воды. Но чѣмъ ничтожнѣе казался ему этотъ молодой человѣкъ, тѣмъ эта нѣсколько жестокая операція представлялась труднѣе. Гржибъ-Гржибовскій былъ повидимому неуязвимъ. И сдѣлать изъ него «великолѣпнаго дурака» могъ бы только, можетъ-быть, покойный профессоръ, къ тѣни котораго теперь мысленно и взывалъ Плакудинъ.

Офицеръ между тѣмъ былъ въ своей сферѣ. Разсказы слѣдовали за разсказами. Когда же запасъ ихъ истощился, то онъ сталъ свистать какъ соловей. Потомъ, при всеобщемъ молчаніи, исполнилъ вальсъ, звонко щелкая себя по затылку и темени большимъ и указательнымъ пальцами. Вообще онъ былъ душою общества, и губы его понравились въ этотъ вечеръ хозяйкѣ дома болѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Но губы его, кромѣ того, произвели значительное впечатлѣніе и на Сашурочку. Васса Макаровна живо почувствовала это. Сашурочка едва вышла изъ дѣтскаго возраста. Она была миніатюрное и тощее созданіе, съ необыкновенно волнистыми бѣлокурыми волосами, красиво обрамлявшими ея продолговатое розовое личико. Она не умѣла скрывать своихъ чувствъ и съ восторгомъ смотрѣла на офицера, находя его «миленькимъ», «славненькимъ» и «прелесть какимъ».

«Эта дурочка уже влюбилась», соображала Васса Макаровна, и съ удовольствіемъ выдрала бы ее за уши и поставила въ уголъ. Тревога ея особенно усилилась, когда послѣ чаю Гржибъ-Гржибовскій, увлекаясь «замѣчательной атмосферой», пригласилъ Сашурочку побѣгать съ нимъ по саду. Въ этомъ занятіи Васса Макаровна никоимъ образомъ не могла принять участія. Равно не могли принять въ немъ участія ни супруги Балабанъ, ни тѣмъ менѣе Плакудинъ. Васса Макаровна только завистливо улыбнулась вслѣдъ удалившимся молодымъ людямъ и сказала:

— Ахъ, молодость, молодость!

Плакудинъ насмѣшливо взглянулъ на нее.

— Гржибъ-Гржибовскій, кажется, таки серьезно ухаживаетъ за Сашурочкой!—произнесъ вдругъ Балабанъ.

Васса Макаровна встрепенулась, но сдѣлала видъ, что это ее мало интересуетъ.

— Она очень молоденькая, — сказала Юлія Капитоновна.— Да я и сама вышла замужъ, когда мнѣ до шестнадцати лѣтъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ недоставало. Ужь эти мужчины-тираны!— прибавила она затѣмъ и жеманно взглянула на мужа.

— Для молоденькой дѣвушки благодѣяніе, если на ней рано женятся!—произнесъ Балабанъ тономъ благодѣтеля.

— А есть у ней приданое?—спросилъ Плакудинъ и затѣмъ извинился за нескромный вопросъ.

— У Сашурочки ничего нѣтъ,—сказалъ Балабанъ.—По моему, пусть себѣ выходитъ за этого Гржибъ-Гржибовскаго. Онъ уже въ законныхъ лѣтахъ и она ему пара.

— Зачѣмъ такъ спѣшить, братецъ?—произнесла Васса Макаровна.

— Чтобъ не вышло чего худого. Да и въ тягость намъ Сашурочка. Извольте углядѣть за такой козой!... Нѣтъ, покорно благодарю.

— Если она безприданница,—сказалъ Плакудинъ,—то я увѣренъ, что этотъ офицерикъ на ней не женится. Онъ голъ, какъ ощипанный цыпленокъ.

— Ужь будто?—сказала Васса Макаровна.

— Онъ, кажется, такой идеалистъ!—замѣтила Юлія Капитоновна, мечтательно глянувъ въ пространство.

— На немъ сапогъ нѣтъ, развѣ вы не замѣтили? — спросилъ Плакудинъ.

— Какъ нѣтъ?—воскликнули всѣ съ большимъ интересомъ.

— Все равно, что нѣтъ, — продолжалъ Плакудинъ. — Есть, да страшно потоптанные. Они такъ искривились, что когда онъ стоитъ, то напоминаетъ Пизанскую башню. Того и гляди, упадетъ на бокъ.

— Ну, что это, право!—сказала Васса Макаровна.

— Я не шучу,—сказалъ Плакудинъ.—Затѣмъ,—продолжалъ онъ,—на немъ, кажется, нѣтъ бѣлья.

— Какъ нѣтъ?—воскликнули опять всѣ.

— Неужели не замѣтили? — спросилъ Плакудинъ и пожалъ плечами.—Загляните ему въ рукавъ и вы тамъ увидите совершенно голое мѣсто.

— Да это такая военная форма!... Оставьте ужь, Илья Кузьмичъ!—сказала Васса Макаровна.—Что за шутки!

— Увѣряю же васъ, я не шучу. Но пусть это будетъ военная форма. Въ такомъ случаѣ потрудитесь спросить у него, который часъ?

— Вы думаете, что у него нѣтъ часовъ?—спросила Васса Макаровна.

— У него есть только цѣпочка,—отвѣчалъ Плакудинъ,—да и та самоварнаго золота. А вмѣсто часовъ онъ носитъ ключикъ отъ чемодана.

Балабану это показалось очень смѣшнымъ и, взглянувъ снова на небо, гдѣ золотыя облачка уже приняли оттѣнокъ мѣди, онъ улыбнулся широкою улыбкой. Юлія Капитоновна хотѣла прибавить кое-что отъ себя къ оцѣнкѣ внѣшности Гржибъ-Гржибовскаго, но ничего не могла придумать, ибо не замѣтила недостатковъ въ этомъ занимательномъ молодомъ человѣкѣ, хотя въ наличности ихъ, послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ Плакудинымъ, и не сомнѣвалась. Васса Макаровна сказала:

— Илья Кузьмичъ, вы вѣчно съ вашими ѣдкостями! Но только, право же, у него настоящіе часы.

— Пари!—произнесъ Плакудинъ.—Á discrètion!

— Хорошо,—сказала Васса Макаровна и улыбнулась, протянувъ ему руку.

Юлія Капитоновна поспѣшно встала, чтобы «перебить» пари, ибо придавала большое значеніе этому обряду и любила быть посредницей.

— Теперь отправимтесь въ садъ и удостовѣримся!—сказалъ Плакудинъ.

Васса Макаровна поднялась съ мѣста, но Балабанъ сталъ жаловаться, что недостаточно напился чаю, и Юлія Капитоновна принуждена была остаться съ мужемъ на балконѣ. Плакудинъ одинъ пошелъ съ Барвинскою.

— Вѣдь они теперь бѣгаютъ, — сказала она вдругъ почти съ огорченіемъ.

— Едва ли,—убѣжденно сказалъ Плакудинъ. — Съ такими оригинальными сапогами далеко не побѣжишь. Мы сейчасъ гдѣ-нибудь откроемъ ихъ. Напримѣръ, я увѣренъ, что они опять въ бесѣдкѣ, потому что, дѣйствительно, они влюблены другъ въ друга.

— Неправда! — воскликнула Васса Макаровна и задумчиво понюхала сорванный ею на дорогѣ цвѣтокъ. Въ то же время на ея щекахъ, бѣлыхъ и пухлыхъ, разлился румянецъ. — Скажите лучше,—начала она черезъ минуту,—о чемъ они говорили тогда въ бесѣдкѣ, въ тотъ разъ?

— А васъ это очень интересуетъ?

— Очень.

— Подойдемте тихонько и подслушаемъ,—предложилъ Плакудинъ, блеснувъ глазками.—У влюбленныхъ разговоры всегда одни и тѣ же. Сами услышите, о чемъ говорятъ.

— Что это вы заладили одно: влюбленные да влюбленные! Это можетъ надоѣсть!—сказала Васса Макаровна съ досадой.

— Помилуйте,—воскликнулъ Плакудинъ,—да это не секретъ. Объ этомъ вонъ всѣ ваши говорятъ. Я только эхо, и притомъ въ высшей степени скромное эхо. Давеча я даже скрылъ отъ васъ многое и представилъ разговоръ молодыхъ людей въ бесѣдкѣ въ смѣшномъ видѣ. Гржибъ-Гржибовскій на самомъ дѣлѣ не только крутилъ усъ, но и...

— Пожалуйста, замолчите!—попросила Васса Макаровна.

— Вотъ тебѣ и разъ!—воскликнулъ Плакудинъ.—То разскажите, то замолчите. Я теряюсь... Васса Макаровна, что съ вами?

— Ну, хорошо, разскажите! — сказала она съ хохотомъ и круглыя плечи ея затряслись.

Онъ сосредоточенно нахмурился.

— Нѣтъ, не разскажу.

— Пожалуйста!

— Ни за что.

— Прошу васъ!

— Я—не сплетникъ.

— Злой вы, вотъ что!—сказала она съ плѣнительною простотой и даже погрозила пальцемъ, какъ это, по ея мнѣнію, должны дѣлать всѣ «дѣти природы».

Онъ смягчился.

— Что же мнѣ за это будетъ?—спросилъ онъ.

Она подумала и сказала опять съ простотой:

— Фунтъ конфектъ.

— Ну, это пустяки,—сказалъ онъ.—Я не Сашурочка. Да и той уже конфекты на умъ не идутъ. Нѣтъ, вы что-нибудь этакое болѣе существенное...

Она недоумѣвала.

— Что-жъ бы такое?—говорила она.

— Затрудняетесь?—спросилъ Плакудинъ.

— Никакъ не могу придумать!—сказала она съ утомленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ помогу,—сказалъ онъ и затѣмъ, понизивъ голосъ, прибавилъ: — Во-первыхъ, вы должны мнѣ, по крайней мѣрѣ, обѣщать, что я вамъ понравлюсь въ весьма непродолжительномъ времени. Во-вторыхъ...

— Даже во-вторыхъ?—перебила она его.

— И притомъ это главное!—подхватилъ онъ.—Вы должны, во-вторыхъ, не принимать Гржибъ-Гржибовскаго.

— Фи, какой вы ревнивецъ!—сказала Васса Макаровна съ радостною гримасой, потому что ей нравилось, когда ее ревновали; въ этихъ случаяхъ она выростала въ своихъ собственныхъ глазахъ.

— Я не ревную, — сказалъ Плакудинъ презрительнымъ тономъ, — но мнѣ страшно за вашъ курятникъ. Гржибъ-Гржибовскій покрадетъ всѣхъ вашихъ куръ. Не слѣдуетъ пускать въ домъ такого человѣка.

— Однако, вы его очень не любите! — замѣтила Васса Макаровна съ снисходительною усмѣшкой.

— Всѣ офицеры крадутъ куръ, это аксіома! — продолжалъ Плакудинъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ покойный профессоръ говорилъ о Вольтерѣ, кравшемъ у Фридриха Великаго сальные огарки.

Но, увы, Васса Макаровна была мало впечатлительная дама и не пришла въ восторгъ отъ язвительности своего поклонника. Онъ сказалъ:

— Ну, во всякомъ случаѣ, какъ же быть? Принимаете мои предложенія?

— «Во-первыхъ»—можетъ-быть «да»; а «во-вторыхъ»—рѣшительно «нѣтъ»,—отвѣчала она, краснѣя густымъ румянцемъ.

Онъ улыбнулся.

— И то хорошо, хоть отвѣтъ нелогиченъ, ибо первое естественно влечетъ за собою второе; съ другой стороны, за мной еще пари à discrétion и я теперь спокойно могу подѣлиться съ вами моими наблюденіями. Офицеръ не только крутилъ усъ, но и голову Сашурочкѣ. Я видѣлъ, какъ онъ совершалъ это съ необычайною быстротой. Онъ увѣрялъ ее въ вѣчной любви и просилъ назначить свиданіе вечеромъ въ этой же бесѣдкѣ. Сашурочка согласилась. Поэтому я увѣренъ, что они теперь въ бесѣдкѣ.

— Скверная дѣвчонка!—прошептала Васса Макаровна.

— Совѣтую подслушать и подсмотрѣть. Это очень любопытно.

— Вы думаете?

— Необыкновенно.

— Вы какъ въ вишни пробрались? По этой аллейкѣ?

— По этой.

— Пойдемте, значитъ?

— Съ удовольствіемъ.

Они тихо пошли по заросшей до половины дорожкѣ, обрамленной по обѣимъ сторонамъ кустами черной смородины, запахъ которой наполнялъ собою прозрачный воздухъ. Сердца ихъ бились учащенно и они испытывали страшное волненіе. Плакудинъ не сомнѣвался въ томъ, что увидитъ и услышитъ нѣчто двусмысленное; но увѣренность въ томъ онъ основывалъ исключительно на предположеніи Балабана, а не на своихъ личныхъ «наблюденіяхъ», которыя выдумалъ. Васса Макаровна волновалась, потому что ее терзали и любопытство, и ревность, и чувство оскорбленной нравственности. Молоденькая дѣвушка не должна влюбляться; это было ея глубокое убѣжденіе.

Итакъ, они пробрались въ вишни и расположились на указанномъ Плакудинымъ мѣстѣ; высокія поросли скрывали ихъ отъ постороннихъ взоровъ и въ то же время позволяли имъ видѣть всю внутренность бесѣдки, находившейся отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Въ бесѣдкѣ, слегка покосившейся и съ покачнувшимся шпицемъ, на которомъ горѣлъ стеклянный шарикъ, точно раскаленный уголекъ, ничего и никого не было, кромѣ скамейки. Васса Макаровна подняла съ недоумѣніемъ брови и, насмѣшливо посмотрѣвъ на Плакудина, хотѣла выйти изъ своей засады, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ ей знакъ не трогаться съ мѣста. Она внимательно нахмурилась и услышала шумъ накрахмаленныхъ юпокъ. Шумъ былъ мѣрный и приближающійся. Онъ сопровождался прерывистымъ смѣхомъ. Очевидно, бѣжала Сашурочка.

Дѣйствительно, черезъ полминуты кустъ смородины зашевелился, пригнулась вишневая поросль и показалась дѣвушка. Она стремительно пронеслась мимо Вассы Макаровны, раскраснѣвшаяся, улыбающаяся, съ развѣвающимися бѣлокурыми волосами и съ руками, протянутыми впередъ. За ней промчался Гржибъ-Гржибовскій, и Плакудинъ готовъ былъ поклясться, что онъ бѣжитъ, склонившись на-бокъ. Самое же интересное, что бросалось въ глаза во внѣшности офицера и что не ускользнуло отъ Вассы Макаровны, была его цѣпочка. Одинъ конецъ ея выскочилъ изъ-за борта кителя и свободно раскачивался. Къ этому концу, вмѣсто часовъ, былъ, въ самомъ дѣлѣ, привѣшенъ обыкновенный желѣзный ключъ.

— Пари выиграно!—прошепталъ Плакудинъ, съ торжествомъ взглянувъ на Вассу Макаровну.

Она напряженно улыбнулась и кивнула головой.

— Вѣдь à discrètion? Вы не забыли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— И вы знаете, чего я потребую?

— Поторгуемся послѣ,—сказала Васса Макаровна и приложила палецъ къ губамъ.

Они замолчали.

Молодые люди между тѣмъ очутились въ бесѣдкѣ. Сашурочка сѣла на скамейку первая и тяжело дышала. У ней было очень счастливое лицо. И такое же выраженіе имѣло и лицо офицера. Онъ проводилъ рукой по лбу и щекамъ, вытягивалъ ноги и говорилъ:

— Ахъ, какъ я усталъ, ахъ!

— А меня не догнали,—сказала Сашурочка.

— То жаль,—отвѣчалъ Гржибъ-Гржибовскій.—Но и чертовски трудно догнать васъ. Вы бѣгаете, какъ трепетная лань.

Она засмѣялась. Онъ тоже.

— Ну, что вашъ зубокъ?—вдругъ съ участіемъ спросила она.

— О, конечно, болитъ, но не доставляетъ страданій,—отвѣчалъ Гржибъ-Гржибовскій.—Онъ только ноетъ. У меня, нужно вамъ это знать, всѣ зубы скверные. Я былъ раненый при переправѣ черезъ Дунай прикладомъ въ лицо. Полнюсенькій ротъ зубовъ... Тутъ былъ корреспондентъ, то онъ сосчиталъ и телеграфировалъ въ свою газету... Съ тѣхъ самыхъ поръ не рѣдко мучаюсь. Какъ только воздухъ зайдетъ, просто бѣда! Въ каждомъ зубѣ есть, знаете, этакая дырочка, куда воздухъ можетъ заходить. Теперь это еще ровно ничего, но что было недавно—невозможно описать! Ахъ, какже они болѣли, проклятые! Я, знаете, кричалъ, кричалъ—не помогаетъ. Тогда ѣду въ аптеку. Даютъ мнѣ въ этакомъ маленькомъ пузырькѣ капли. Пріѣхалъ домой—капаю, не помогаетъ. Взялъ, принялъ внутрь—тоже не помогаетъ. Позвалъ деньщика: «держи, братецъ, меня за голову и жми».—«Не смѣю, говоритъ, ваше благородіе!»—«А, такой-сякой, жми!»—«Слушаю, ваше благородіе!» Жметъ, жметъ, то-есть, я вамъ скажу, изо всей силы,—не помогаетъ. На милость Бога, что мнѣ дѣлать! Прогоняю деньщика, ложусь ницъ, навзничь, а ни на волосъ легче! Ну, тутъ, думаю, лягу себѣ еще такъ: взялъ, знаете, и свѣсилъ голову съ кровати до самаго пола, и что-жь бы вы думали?

Сашурочка сострадательно улыбнулась и сказала:

— Помогло?

— Ничуть! — отвѣчалъ Гржибъ-Гржибовскій съ какимъ-то страннымъ торжествомъ.—А помогла вакса!

— Какъ вакса?!

— Простая сапожная вакса. Увѣряю васъ, Александра Капитоновна. Взялъ жестянку, отколупилъ этакой себѣ кусочекъ ваксы и положилъ на зубъ. Кто меня надоумилъ на это — не знаю; а только зубъ прошелъ. Вотъ и вѣрьте послѣ этого разнымъ тамъ лѣкарствамъ! Простая вакса — и такое чудное дѣйствіе!

— Удивительно!—сказала Сашурочка.

— До того, что никто не вѣритъ,— продолжалъ съ одушевленіемъ Гржибъ-Гржибовскій. —Знаете, я сейчасъ же разсказалъ въ полку. Только у насъ есть штабсъ-капитанъ Брыжъ. Волосъ, знаете, черный, изъ себя красавецъ. Онъ мнѣ и говоритъ: «Это, другъ мой, важное открытіе; ты войди о немъ съ рапортомъ по начальству». Ну, я понимаю, онъ шутитъ. Но пускай себѣ заболятъ у него зубы, и тогда посмотримъ... Слово даю, запроситъ ваксы!

Сашурочка сказала:

— Я ни за что не положила бы ваксы на зубокъ. Фи! Ужь лучше соли. У насъ въ селѣ есть старушка, такъ она солью лѣчитъ. Завяжетъ соли въ тряпочку, пошепчетъ-пошепчетъ на нее и потомъ положитъ на больной зубокъ. Но только соль, должнобыть, щиплетъ.

— Воображаю!—воскликнулъ Гржибъ-Гржибовскій. И затѣмъ спросилъ:—Вы сами никогда не страдали зубной болью?

— Никогда.

— Счастливѣйшая изъ прекрасныхъ особъ! Вотъ у Вассы Макаровны, сдается мнѣ, тоже совершенно здоровые зубы. У ней они такіе, знаете, бѣлые и блистательные, что на удивленіе! Я любовался ея зубами. И вообще она замѣчательная дама.

— Чѣмъ?—спросила Сашурочка, лукаво склонивъ голову на плечо.

— Всѣмъ,—отвѣчаетъ Гржибъ-Гржибовскій.—Ежели-бъ дѣло было въ городѣ, то я умолилъ бы ее сняться и подарить мнѣ ея прекрасный портретъ. Ей не посмѣю, но вамъ признаюсь, что эта очаровательная женщина мнѣ нравится.

Сашурочка сдѣлала серьезные глаза и стала смотрѣть вдаль, на верхушку тополя, оранжево-зеленою метелкой торчавшую на

фонѣ синяго неба изъ-за темной массы другихъ деревьевъ, окутанныхъ уже вечерними тѣнями.

Гржибъ-Гржибовскій продолжалъ:

— Васса Макаровна такая спокойная и великолѣпная красота, что всякому должна нравиться. Прошу покорно, это—рѣдкость! Какіе у ней волосы, какіе глаза и какая это улыбка, столь восхитительная!

— Отчего-жь вы ей этого, наконецъ, не скажете?—спросила Сашурочка, все продолжая смотрѣть на верхушку тополя.

Гржибъ-Гржибовскій повернулся къ дѣвушкѣ и сказалъ:

— Вотъ что̀, Александра Капитоновна, мнѣ хотѣлось бы очень знать, и я себѣ надѣюсь на васъ: то правда, что этотъ штатскій—умный такой—что будто онъ женится на Вассѣ Макаровнѣ?

— Илья Кузьмичъ?

— Онъ самый.

— Не знаю.

Гржибъ-Гржибовскій замолчалъ и сталъ играть цѣпочкой. Онъ широко улыбался и точно что̀ соображалъ, причемъ результаты соображенія выходили, должно-быть, пріятные. Потомъ онъ сказалъ:

— Ежели правда, какъ говорятъ въ городѣ, то я очень радъ; а ежели нѣтъ, то я тѣмъ болѣе радъ.

Сашурочка все молчала. Наконецъ, спросила:

— Который часъ?

Гржибъ-Гржибовскій отправилъ руку за бортъ кителя и, вынувъ оттуда великолѣпные золотые часы о двухъ крышкахъ, подавилъ пружину и сказалъ:

— Скоро восемь часовъ.

Сашурочка поднялась съ мѣста. Выраженіе лица ея было теперь грустное, и она нехотя проговорила, что пора, кажется, уѣзжать. Потомъ вздохнула и вышла изъ бесѣдки, а за ней и Гржибъ-Гржибовскій.

По уходѣ молодыхъ людей Васса Макаровна съ торжествомъ взглянула на Плакудина.

— Кто выигралъ пари?—сказала она.

Плакудинъ пожалъ плечами.

— Вы,—отвѣчалъ онъ.—Но, во всякомъ случаѣ, это не его собственные часы. Взялъ на прокатъ, чтобы хвастнуть. Ключъ у него собственный, это несомнѣнно, а часы чужіе. Такихъ ча-

совъ ни у одного офицера не найдешь. Это не офицерскіе часы. Увѣряю васъ.

— Клеветникъ вы, вотъ что! — сказала Васса Макаровна, выходя изъ своей засады.

— Цѣпочка о двухъ концахъ... довольно оригинально,—произнесъ Плакудинъ, слѣдуя за Барвинскою.—На одномъ концѣ часы, а на другомъ—ключъ отъ чемодана. Нѣтъ, это все доказываетъ только, что часы привѣшены потомъ, на время, и дѣйствительно взяты на прокатъ. Ба! да я припоминаю. Такіе точно часы я видѣлъ у Лейбы Шлепянова, въ магазинѣ! Хха-ха-ха!

— Не вѣрю я вамъ теперь ни въ чемъ!—рѣшительно сказала Васса Макаровна.

— Чего же отъ меня потребуете вы?—спросилъ вдругъ Плакудинъ взволнованнымъ голосомъ. — Потребуйте того, чего я самъ потребовалъ бы отъ васъ.

— А вы чего отъ меня потребовали бы? — сказала Васса Макаровна и въ полъоборота взглянула на Илью Кузьмича.

— Вашего сердца,—отвѣчалъ онъ,—и вашей руки.

— Вы ужасно дерзки,—сказала Васса Макаровна, зардѣвшись.—Очень рада, что выиграла пари я, и поэтому ничего подобнаго отъ васъ не потребую. А потребую я только одного— не говорите со мной никогда дурно о Гржибъ-Гржибовскомъ...

Плакудинъ поблѣднѣлъ и язвительно улыбнулся.

— Стану я о такой швали говорить!—произнесъ онъ.

— Ну, вотъ видите, — съ укоризной начала Васса Макаровна.

— О развалинѣ, которой зубы выбили прикладомъ, — продолжалъ Плакудинъ.

— Илья Кузьмичъ!—строго замѣтила Васса Макаровна.

Но Плакудинъ не унимался и кричалъ:

— О человѣкѣ, у котораго — хха-ха-ха!— два горла и который прожорливѣе моего Цербера!

— Илья Кузьмичъ!—повторила Васса Макаровна.

— О какомъ-то паршивомъ офицерѣ, который ѣстъ ваксу!

— Ради бога, Илья Кузьмичъ, — почти съ мольбой сказала Васса Макаровна.

— Да неужели онъ вамъ нравится?—спросилъ Плакудинъ и крѣпко схватилъ ее за руку.

Она остановилась, тяжело дыша, и, потупившись, молчала.

— Говорите же!—со злостью крикнулъ Плакудинъ.

Она подняла на него свои лѣнивые сѣрые глаза и, улыбаясь, сказала:

— Вы слышали, вѣдь и я ему нравлюсь!

Плакудинъ не выдержалъ. Онъ грубо оттолкнулъ ея руку, повернулся, яростно крикнулъ: «Церберъ, ісі!» — и удалился скорымъ шагомъ по направленію къ садовой калиткѣ, выходившей во дворъ. Тутъ онъ наскоро заложилъ въ бѣговыя дрожки свою лошадь и уѣхалъ домой, пасмурный, проклиная всѣхъ женщинъ въ мірѣ и громко ругая Вассу Макаровну.

Васса Макаровна между тѣмъ стояла въ саду, пока онъ не исчезъ изъ вида. Тогда она вздохнула съ облегченіемъ и усмѣхнулась, сообразивъ не безъ гордости, что двухъ людей она могла бы осчастливить своей благосклонностью. Но съ однимъ, черезчуръ притязательнымъ, теперь уже покончено. Остался Гржибъ-Гржибовскій. И думая о немъ, она проникалась тихой радостью, и онъ казался ей мальчикомъ, которому она расточаетъ самыя нѣжныя попеченія. Два года какъ она вдовѣетъ, и ей надоѣла эта скучная одинокая жизнь. Она слегка потянулась, зѣвнула и томною походкой направилась къ балкону.

Вечеръ потухалъ.

Максимъ Бѣлинскій.

ЧАРТИЗМЪ *).

28 мая 1838 года, съ восходомъ солнца, десятки тысячъ рабочихъ стекались на зеленый лугъ, на берегу величественнаго Клайда въ Глазго. Въ 11 часовъ громадная процессія двинулась черезъ весь городъ съ запада на востокъ. Изо всѣхъ прилегающихъ улицъ къ нимъ присоединялись новыя и новыя толпы, строясь въ томъ же порядкѣ, по 6 человѣкъ въ рядъ. Лица ихъ выражали надежду и рѣшимость. То была первая чартистская демонстрація; въ ней участвовало 200.000 народа. Даже во время агитаціи за реформу 1832 года не собиралось такого множества людей, побросавшихъ мастерскія и фабрики, чтобы присоединиться къ дружному крику народа. Сорокъ оркестровъ сопровождали процессію на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи; 200 флаговъ и знаменъ всѣхъ величинъ и видовъ развѣвались сѣвернымъ вѣтромъ надъ моремъ головъ и украшали шествіе всевозможныхъ ремесленныхъ и рабочихъ обществъ; полтора часа продолжалось шествіе процессіи; она направлялась на встрѣчу бирмингэмскимъ делегатамъ, которые должны были пріѣхать съ рѣшеніями ихъ товарищей. Нескончаемый громъ рукоплесканій встрѣтилъ ихъ. Во главѣ делегаціи были Атвудъ, Коллинсъ и Дугласъ. Вся масса народа возвратилась обратно на лугъ, и здѣсь держался митингъ. Атвудъ говорилъ первый; онъ нарисовалъ картину повсемѣстныхъ народныхъ бѣдствій, упомянулъ о горькомъ разочарованіи народа въ реформѣ 1832 года и затѣмъ перешелъ къ новому плану дѣйствій для осуществленія *настоящей, радикальной и народной реформы*. «Демократы всей Великобританіи, — говорилъ онъ, — должны подписать петицію въ парла-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ментъ, собрать до 2—3.000.000 подписей, и если парламентъ не сдѣлаетъ ничего по первой, подать вторую и третью,—словомъ, хорошо убѣдиться въ его намѣреніямъ. Если же все это не заставитъ его обратить должное вниманіе на требованіе народа, то рабочіе классы должны провозгласить повсемѣстную *священную стачку*. Работники не должны больше работать, пока имъ не дадутъ права участвовать въ составленіи законовъ, которымъ ихъ заставляютъ повиноваться. Ни одна рука не должна подниматься, и сердце каждаго, умъ, воля должны быть направлены на движеніе впередъ народнаго дѣла, пока оно не восторжествуетъ. Противъ насъ, воскликнулъ ораторъ, вся аристократія, девять десятыхъ дворянства, огромное большинство духовенства и всѣ пенсіонеры, синекуристы и кровопійцы, питающіеся трудомъ народа!» Хроникеръ того времени добавляетъ: «М-ръ Атвудъ, кажется, никогда не задумывался надъ тѣмъ, что изъ всего имъ перечисленнаго самый опасный врагъ народа — это только-что получившій политическую силу *средній классъ*».

Слѣдующій ораторъ, делегатъ изъ Лондона, Морфи, выразился такъ: «мы обладаемъ большой *физическою силой*, но она намъ не нужна,—съ насъ достаточно и одной *нравственной*, чтобы получить все, что мы хотимъ».

Послѣ дюжины такихъ и подобныхъ рѣчей, сопровождавшихся громомъ аплодисментовъ, митингъ разошелся въ полномъ порядкѣ, олицетвореніемъ котораго служилъ глава городской полиціи, ѣхавшій впереди процессіи въ качествѣ ея маршала. Онъ высказалъ, что никогда еще не видалъ такого мирнаго собранія народныхъ массъ.

Вечеромъ былъ устроенъ банкетъ, гдѣ высказывались самыя розовыя надежды.

Однако-жь не всѣ послѣдующія чартистскія демонстраціи этого времени проходили такъ благодушно. Не дальше какъ черезъ мѣсяцъ, 27 іюня 1838 г., 80.000 народа собралось въ Нью-Кастлѣ, опять съ музыкой и знаменами. Но неожиданно для всѣхъ явились войско и пушки. Зачѣмъ они были присланы сюда, никто не зналъ; оставалось и до сихъ поръ остается лишь одно объясненіе—это желаніе со стороны властей вызвать серьезные безпорядки и получить въ руки поводъ задушить движеніе въ самомъ его началѣ. Однако-жь дѣло обошлось безъ этого, хотя народъ былъ глубоко оскорбленъ и видѣлъ въ этой выходкѣ прямое посягательство на свободу собраній. Демократическая пресса въ

одинъ голосъ обвиняла въ этомъ вигское правительство.—На слѣдующій день происходило другое собраніе спеціально для выбора делегатовъ на конвентъ рабочихъ. Делегатами были выбраны: портной Лоури, кривобокій отъ работы въ согнутомъ положеніи, но человѣкъ очень твердый, съ яснымъ умомъ, рѣшительной и основательною рѣчью, Юліанъ Гарней — человѣкъ выдающихся способностей и съ желаніемъ разыграть въ англійской революціи роль французскаго Марата. Его вѣчно бѣгающіе, недовѣрчивые глаза, нервное подергиваніе губъ, нависшія черныя брови и всегдашняя желчность, порожденная продолжительнымъ голодомъ и нищетой, давали ему нѣкоторое право на это избраніе. Онъ былъ больше писатель, чѣмъ ораторъ. Ему предстояло играть видную роль среди англійской демократіи. Третьимъ делегатомъ былъ выбранъ нѣкій докторъ Джонъ Тайлоръ, тоже не дюжинный человѣкъ, демократъ-космополитъ; онъ побывалъ во всѣхъ странахъ Европы и всюду принималъ участіе въ движеніяхъ демократіи. Его красивыя, мягкія и открытыя черты лица, его длинныя кудри, его до крайности искренняя рѣчь безъ всякихъ ораторскихъ фигуръ и популярничанья дѣлали его очень симпатичнымъ и популярнымъ.

На демонстраціи въ Бермингэмѣ 6 августа, гдѣ было опять до 200.000 народа, въ первый разъ рѣшительно выступилъ со своимъ яко бы насильственнымъ и революціоннымъ планомъ Фергюсъ О'Конноръ. «Нравственная сила,—говорилъ онъ,—всегда была принципомъ человѣческаго ума, научающимъ его, какъ владѣть собой, когда терпѣть и когда прощать. Но меня бы невѣрно поняли, еслибы подумали, что я согласенъ быть рабомъ. О, нѣтъ! Мой нравственный принципъ—*не желай другому того, чего себѣ не желаешь*, а политическій—*хорошая поденная плата—за хорошую работу*. Физическая сила есть лишь выраженіе нравственной». Онъ настаивалъ на томъ, что вмѣстѣ съ петиціей къ парламенту должны идти 300—400.000 народа и извѣстить палату, что они ожидаютъ ея рѣшенія. Самъ по себѣ планъ не представлялъ ровно ничего оригинальнаго, но въ связи съ тѣмъ, что говорилось О'Коннором до этого въ фабричныхъ округахъ, онъ имѣлъ въ глазахъ массы дѣйствительно радикальное значеніе.

Ф. О'Конноръ былъ ирландецъ, не безъ нѣкоторой гордости производилъ свой родъ отъ короля О'Коннора и считалъ своимъ долгомъ быть сторонникомъ представительной монархіи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ состоялъ въ числѣ адептовъ «ве-

ликаго трибуна», О'Коннеля, и собиралъ для него голоса въ Ирландіи; наконецъ самъ былъ выбранъ въ Коркѣ, но, за неимѣніемъ ценза, не могъ воспользоваться довѣріемъ народа. Въ это же время онъ поссорился со своимъ «лидеромъ», который не могъ терпѣть возлѣ себя подростающаго соперника. Такимъ образомъ около 1836 г. О'Конноръ пріѣхалъ въ Англію, поселился въ фабричномъ округѣ и началъ агитировать. Его юморъ, атлетическая фигура, пріемы демагога, даръ слова и радикализмъ скоро сдѣлали его идоломъ массы. Не было такого массмитинга, такого шума, котораго онъ не могъ бы покрыть своимъ страшнымъ голосомъ. Его фигура невольно производила впечатлѣніе: гигантскій ростъ, широчайшія плечи, короткая шея и огромная голова вмѣстѣ съ аристократической осанкой и радикализмомъ словъ были какъ бы нарочно принаровлены для той роли, которую онъ игралъ.

Въ 1838 году въ Йоркширѣ Габсонъ и Гиллъ задумали основать радикальную газету на паяхъ и собирали для этого деньги. О'Конноръ скоро убѣдилъ ихъ, что они не смогутъ собрать достаточно денегъ и что комитетъ будетъ стѣснять редактора, а затѣмъ предложилъ поручить это дѣло ему, отдавши собранныя деньги и обязавши давать извѣстную ежегодную прибыль; недостающія же деньги онъ взялся доставить самъ. Гобсону и Гиллу онъ предложилъ быть издателями газеты. Такимъ образомъ основалась въ Лидсѣ самая распространенная и въ то же время самая вліятельная чартистская газета *Northern Star*, которая вскорѣ начала расходиться въ числѣ 60.000 экземпляровъ,—такъ во-время и такъ въ духѣ массы начато было ея изданіе. Ея принципомъ была «физическая сила», а отличительныя особенности заключались, во-первыхъ, въ полнотѣ фактовъ, относящихся до движенія, а во-вторыхъ—въ умѣньи О'Коннора льстить начинающимъ ораторамъ изъ рабочихъ, которые въ отчетахъ его газеты всегда находили себя «нѣсколько» болѣе краснорѣчивыми, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Эта довольно невинная ложь приносила и свою пользу: съ этого времени англійскіе рабочіе начинаютъ учиться говорить. Вообще же газета имѣла чисто-памфлетическій характеръ и никакихъ идей движенію не давала.

Въ это время успѣла образоваться уже довольно обширная чартистская пресса. Въ Лондонѣ Бьюмонтъ издавалъ *London Despatch*, по своему тону примыкавшій къ умѣренной партіи сторонниковъ «нравственной силы».

Въ Бирмингэмѣ продолжалъ существовать *Birmingham Journal* Дугласа, мало-по-малу мѣнявшій свой умѣренный тонъ на болѣе крайній по мѣрѣ того, какъ движеніе развивалось.

Въ Нью-Кастлѣ издавался *Northern Liberator*, котораго оригинальныя статьи были лучше, чѣмъ въ *Star* и *Despatch*, и вообще эта газета редактировалась очень обстоятельно и служила главнымъ образомъ мѣстнымъ интересамъ Нортумберланда и Дургама.

Въ Эдинбургѣ издавался *True Scotsman*, сторонникъ «физической силы», посвященный преимущественно шотландскому демократическому движенію.

Кромѣ того въ Лондонѣ Бронтерръ О'Брайенъ издавалъ сначала *National Reformer*, а потомъ *Operative*. Обѣ эти газеты, а особенно послѣдняя, сослужили большую службу развитію идей англійской демократіи.

Около того же времени былъ устроенъ массмитингъ въ Соутерлендѣ, въ Дургамѣ. Здѣсь еще прежде выдавались два оратора рабочіе. Вильямсъ—человѣкъ логики и доктрины и Биннсъ—человѣкъ страсти и порыва, воспитанный отцомъ квакеромъ. Рѣчь послѣдняго стоитъ того, чтобъ ее привести, такъ какъ она характеризуетъ собою цѣлое теченіе въ движеніи. Онъ сказалъ: «Братья, 1800 лѣтъ тому назадъ была провозглашена простая и высокая доктрина равенства; но люди ее давно забыли, и теперь осталось одно нехристіанское себялюбіе. У народа осталось одно средство, которое онъ уже не разъ пробовалъ и будетъ пробовать: *это—союзъ для возрожденія*. Тираны могутъ называть насъ неумытою грязью, могутъ навалить на насъ всю груду грязныхъ эпитетовъ, на какіе способно ихъ дьявольское воображеніе; но пусть они помнятъ, что имъ предстоитъ встрѣтиться съ народомъ въ одномъ судилищѣ и *занять мѣсто позади насъ* *). Тираны могутъ хвастаться своей дисциплиной, но народъ отвѣтитъ имъ своею численностью и энергіей. Тираны щеголяютъ жестокостью, а народъ имъ противопоставитъ свою храбрость и солидарность (мы связаны не узами себялюбія). Они гордятся своимъ Веллингтономъ, а съ нами Богъ». Волненіе, охватившее въ эту минуту толпой, говорятъ, было невообразимое, чему вполнѣ можно повѣрить, зная характеръ англичанъ.

*) Это выраженіе особенно часто встрѣчается въ рѣчахъ и статьяхъ того времени: очевидно, оно имѣло для поддержки надежды въ народѣ огромное значеніе.

17-го сентября 1838 года состоялась лондонская демонстрація, о которой я уже имѣлъ случай упомянуть. Было ли на ней 5.000 или 30.000 народа, во всякомъ случаѣ это не обнаруживало особенной склонности въ лондонцахъ принять дѣятельное участіе въ движеніи, если сравнить эти цифры съ тѣми, что мы уже видѣли на сѣверѣ. Сами чартисты сознавали это и тотчасъ послѣ этого собранія на Palace-Yard'ѣ въ сѣверныхъ органахъ появились замѣтки такого содержанія, что, молъ, для кокней *) главная цѣль жизни to turn the penny (добывать копѣйку); она поглощаетъ все ихъ вниманіе и мѣшаетъ понимать вещи, оказывающія глубокое вліяніе на все общество, но повидимому не касающіяся до частнаго интереса.

Въ рѣчахъ, которыя здѣсь произносились, главную роль играли два предмета: «нравственная сила» и апологія всеобщаго права голоса. Ловеттъ, секретарь лондонской ассоціаціи и одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ «нравственной силы», конечно, выдвинулъ здѣсь свои самые вѣскіе аргументы.

«Недавно насъ обвинили,—сказалъ онъ,—въ томъ, что мы стремимся нарушить законныя права капитала. За какихъ дураковъ насъ считаютъ! Развѣ капиталъ—не такая же необходимость для труда, какъ воздухъ для человѣка? Я обращаюсь къ присутствующимъ делегатамъ народа и попрошу ихъ отвѣтить, не правда ли, что масса народа не хочетъ насилія и мятежей, а только мирныхъ и спокойныхъ перемѣнъ къ лучшему. Рѣшать, какой способъ сопротивленія самый дѣйствительный—дѣло мыслящаго человѣка. Радикалы того мнѣнія, что жертва человѣческою жизнью никогда не приносила дѣйствительной пользы. Смѣнялись троны и старые тираны попирались новыми; но народъ все оставался рабомъ. Радикалы хотятъ *убѣдить религіозныхъ людей*, что истинная демократія въ жизни всегда будетъ вѣрна великому изреченію Христа: «Не дѣлайте другимъ того, чего себѣ не желаете». Жалобы на капиталистовъ дѣйствительно были; но онѣ относились къ личностямъ, а не къ самому назначенію ихъ капиталовъ».

Какъ бы въ отвѣтъ на это Фразеръ, делегатъ эдинбургскихъ демократовъ, сказалъ:

«Движеніе въ Шотландіи дѣлаетъ успѣхи съ каждымъ днемъ. Въ Глазго, Ланоркѣ, Гамильтонѣ держались митинги и народъ

*) Cocney—прозвище лондонцевъ, данное имъ въ насмѣшку сѣверянами.

организованъ. Рабочіе Гевика присоединились къ общему желанію и подали голосъ за всеобщее голосованіе. Въ Эдинбургѣ господствуетъ духъ радикализма,—виги тамъ не осмѣливаются держать свои митинги. Въ Файфшайрѣ въ организацію вступили до 20.000 человѣкъ; въ Денди, Форфарѣ, Монтрозѣ, Арбротѣ и Абердинѣ движеніе дѣлаетъ успѣхи; въ послѣднемъ въ прошлую субботу была демонстрація въ 15.000 человѣкъ. Масса народа въ Шотландіи совершенно отдѣлилась отъ виговъ и тори и серьезно рѣшилась бороться только за всеобщее голосованіе. Около 80.000 человѣкъ въ Шотландіи приняли совѣтъ лондонской ассоціаціи насчетъ «серьезности и воздержанія» съ цѣлью улучшить положеніе своихъ семействъ и страны. Меня часто спрашиваютъ, стою ли я за примѣненіе, и я всегда отвѣчаю: «нѣтъ»,—у насъ еще слишкомъ много неиспробованной нравственной силы, которая должна быть вполнѣ исчерпана прежде, чѣмъ обращаться къ физической».

Что касается до другой стороны лондонскаго митинга, выясняющей политическія стремленія чартистовъ, то очевидно, что имъ уже тогда приходилось бороться съ проектами или узкихъ, или недобросовѣстныхъ людей, желавшихъ отвлечь вниманіе массы въ сторону отъ чартистскаго движенія. Ловеттъ сказалъ, что этотъ митингъ, эта агитація ведется вовсе не ради, какъ думаютъ нѣкоторые, отмѣны хлѣбныхъ законовъ, тайной баллотировки или бумажнаго обращенія, а ради *хартіи*, потому что *она даетъ народу средство избавиться отъ всѣхъ своихъ золъ*.

Поэтъ Элліотъ былъ въ своей рѣчи болѣе рѣшителенъ... «Неужели вы разсчитываете добыть себѣ права, поддерживая людей, которыхъ интересы противоположны вашимъ? Вся исторія показываетъ, что люди, могущіе быть праздными, никогда не были полезными законодателями для трудящихся. Я сомнѣваюсь, чтобы въ Лондонѣ нашлись 100 человѣкъ, съ капиталомъ по 20.000 фунтовъ каждый, которые въ глубинѣ своей души не боялись бы и не ненавидѣли бы всякаго работника, обладающаго независимостью мнѣній. Это вѣрно даже относительно Америки: сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, представляющій денежную аристократію страны, готовъ былъ бы, еслибы могъ, хоть сейчасъ сдѣлать одного изъ своихъ банкировъ диктаторомъ. Въ Америкѣ одинъ сенатъ, а у васъ два, и ни одинъ изъ нихъ не представляетъ васъ, но оба устанавливаютъ законы и оба состоятъ изъ людей одного сорта—праздныхъ и богатыхъ». Резолюціи были поставлены въ этомъ же духѣ.

По поводу этого собранія въ *Times'ѣ* была помѣщена передовая статья, въ которой доктрины агитаторовъ назывались безсмысленными, а ихъ претензіи—безнадежными. «Гдѣ имъ бороться противъ богатства, знанія и таланта!—говорилось въ статьѣ.—Ихъ право всеобщаго голосованія, тайная баллотировка и тому подобное суть только средства, дѣйствительная же цѣль—больше жизненныхъ продуктовъ, больше комфорта и умственнаго просвѣщенія (для кого?). Единственный способъ реализировать эти цѣли — повысить заработную плату. Но отъ кого же это зависитъ? Кто понижаетъ ее? Не конкуренція ли между ними самими? Никакая законодательная перемѣна не можетъ остановить этого пониженія. Они хотятъ невозможнаго. Пусть кто бы то ни было укажетъ, что̀ въ этомъ смыслѣ можетъ быть сдѣлано законодательствомъ *безъ измѣненія конституціи*, и обѣ палаты навѣрно примутъ совѣтъ». Лучшаго отзыва органъ виговъ и манчестерцевъ не могъ дать: «Миромъ, молъ, вы, господа, ничего не добьетесь, а ужь коли воевать, такъ воевать вамъ изъ-за перемѣны законодательныхъ декорацій, право, не стоитъ,—есть предметы болѣе существенные». Другіе кричали: «Ваше невѣжество и бѣдность мѣшаютъ праву вотировать!... Всеобщее право голосованія породитъ всеобщіе безпорядки!... Аристократы будутъ замѣнены демагогами!... Лучше страдать отъ извѣстныхъ золъ, чѣмъ отъ новыхъ, которыхъ мы не знаемъ», и т. д.

Вечеромъ того же дня, послѣ митинга, отъ Лондона были выбраны делегаты на конвентъ: Кливъ, Гетерингтонъ, Ловеттъ, Винцентъ, Гартвеллъ, Муръ, Роджерсъ, О'Брайенъ, за исключеніемъ послѣдняго, всѣ—защитники «нравственной силы». Лондонская бѣднота заволновалась; люди, вся жизнь которыхъ проходила въ крайнихъ лишеніяхъ, вовсе не хотѣли быть представляемы такимъ исключительнымъ подборомъ делегатовъ. Во главѣ ихъ сталъ Джорджъ-Юліанъ Гарней,—тотъ самый, котораго въ Нью-Кастлѣ уже выбрали делегатомъ на конвентъ,—и они образовали особую *лондонскую демократическую ассоціацію*. Гарней былъ выбранъ секретаремъ. Девизомъ ея было выставлено «Всеобщее право голосованія или смерть». Подъ него стали 3.000 ткачей Спитальфильда, а Гарней приступилъ къ изданію газеты *London Democrat*.

Было бы слишкомъ утомительно слѣдить за всѣми болѣе или менѣе значительными демонстраціями того времени, но необходимо указать еще на два крупные центра движенія, которые играли

въ немъ впослѣдствіи такую важную роль. Это, во-первыхъ, Манчестеръ съ окружающими его фабричными городами и мѣстечками и, во-вторыхъ, Уэльсъ.

Ланкаширъ и Йоркширъ не даромъ носятъ названіе фабричныхъ округовъ,—въ нихъ скучено едва ли не большее число фабричныхъ рабочихъ и учениковъ, чѣмъ во всей остальной Англіи. За то и положеніе ихъ въ описываемое время выходило изъ ряду вонъ, а возбужденіе достигло неслыханныхъ дотолѣ размѣровъ.

Чулочники въ Лейчестерѣ въ это время получали, наприм., $4^1/_2$ шиллинга въ недѣлю, работая по 14 и больше часовъ въ сутки. Владѣльцы чулочныхъ станковъ раздавали ихъ въ аренду подрядчикамъ, а эти въ свою очередь нанимали рабочихъ съ дюжины, брали съ нихъ ренту за станки (конечно, съ барышомъ), за мѣсто для станка въ хозяйской фабрикѣ. Кромѣ того ткачъ долженъ былъ купить масло для машины, освѣщеніе для зимнихъ вечеровъ, заплатить за сшивку чулокъ и, сверхъ всего этого, платить разные штрафы и поборы. Въ результатѣ $4^1/_2$ шилл. въ недѣлю взрослому работнику! Томасъ Куперъ, который приводитъ эти данныя въ своей «Автобіографіи», когда ему сказали въ первый разъ эту цифру, не хотѣлъ вѣрить, что чулочники получаютъ ее въ недѣлю, а не въ день *). Однако-жъ это фактъ: меньше 8 пенсовъ въ день на человѣка съ семьей, и это въ то время, когда фунтъ хлѣба стоилъ $2^3/_4$ пенса!

Вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ Стефенсъ и Остлей и приготовляли здѣсь мѣсто для чартизма, а Фергюсъ О'Конноръ пришелъ пропагандировать хартію народа, призывая его быть готовымъ на все.

28 сентября 1838 г. въ предмѣстьи Манчестера, на такъ-называемомъ Kersall Moor, была назначена гигантская демонстрація. Было рѣшено сдѣлать ее исходнымъ пунктомъ національнаго движенія и произвести впечатлѣніе на высшіе классы. По вычисленіямъ *Morning Advertiser*, на ней было 300.000 народа; фабриканты принуждены были на этотъ день запереть свои мастерскія. Неизбѣжные двадцать оркестровъ и двѣсти знаменъ и флаговъ были на своемъ мѣстѣ. На одномъ изображена рѣзня въ Петерлоо (въ 1819 г.) и подписано: «Убійство требуетъ возмездія», на другомъ — черепъ, крестъ изъ костей и рука съ окровавленнымъ кинжаломъ съ надписью: «О, тираны! неужели вы

---

*) *Thomas Cooper's:* «Life, written by himself». London. 1872.

доведете насъ до этого?», на третьемъ и многихъ другихъ — разъясненія народной хартіи. Самыя толпы имѣли видъ необыкновенно возбужденный. Предсѣдательствовалъ Джонъ Фильденъ, чартистъ-фабрикантъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ представителей господствующихъ классовъ, которые искренно и рѣшительно становятся на сторону народа и которые встрѣчаются единицами во всѣхъ движеніяхъ. Онъ былъ страшный врагъ фабричной системы и дѣлалъ все, что могъ, противъ нея. Здѣсь-то онъ и привелъ тѣ цифры цѣнъ на трудъ и хлѣбъ, которыя упомянуты мною въ началѣ очерка.

Рѣчь Стефенса произвела большое впечатлѣніе. «Всеобщее право голосованія,—говорилъ онъ,—это вопросъ хлѣба и сыра, вопросъ ножа и вилки. Если васъ кто-нибудь спроситъ, что такое хартія, отвѣчайте: это значитъ, что каждый работникъ долженъ имѣть хорошій кафтанъ на спинѣ, хорошую шляпу на головѣ, хорошій обѣдъ на столѣ и работу, не разрушающую его здоровья и дающую такой заработокъ, чтобъ у него было всего вдоволь, чтобъ онъ могъ пользоваться всѣми удовольствіями, какія способна доставить человѣку жизнь. Хартія—это право всякаго на домъ, кровъ и счастье для жены и дѣтей».

Резолюціи постановлены были за хартію и выбраны делегаты: Флетчеръ, Стефенсъ, Тайлоръ, О'Брайенъ, Ричардсонъ и другіе.

15 октября происходила демонстрація между Лидсомъ и Год-дерфильдомъ, на такъ-называемомъ Peep Green. Собралось до 250.000 народа. Здѣсь выдавалась одна типическая личность, Ричардъ Марзденъ, делегатъ отъ Престона. Это былъ рабочій, голый бѣднякъ, истинный представитель нищеты; но за то, какъ выражается Гэммэджъ, самый искренній изъ всѣхъ делегатовъ. Голубоглазый, кроткій и мягкій въ частной жизни, но патетическій, свирѣпый и безпощадный, когда дѣло шло о нуждахъ рабочаго народа. Многіе годы жестокихъ страданій привели его къ убѣжденію, что единственная дорога къ выходу изъ бѣдственнаго положенія рабочаго класса лежитъ черезъ рѣки крови. Понятно, что онъ присталъ къ крайней школѣ Юліана Гарнея, Ридера и спитальфильдскихъ ткачей.

Что касается до Уэльса, то мы скоро будемъ имѣть случай говорить о немъ.

Такимъ образомъ демонстрація слѣдовала за демонстраціей, движеніе обнимало все большее и большее количество народа и въ фабричныхъ округахъ буквально не оставалось ни одного городка,

ни одной деревушки, гдѣ бы не было чартистскихъ митинговъ и народъ не высказывалъ бы горячую преданность хартіи. Женщины записывались въ ряды организацій наравнѣ съ мужчинами.

Между тѣмъ петиція подписывалась одними съ полною увѣренностью, что какъ только парламентъ узнаетъ о желаніяхъ такой массы населенія, тотчасъ всякому будетъ дано право голоса и все остальное, другими же—съ полнымъ убѣжденіемъ, что изъ петиціи ровно ничего не выйдетъ, что парламентъ обойдется съ ней такъ же безцеремонно и оскорбительно, какъ уже прежде обошелся со многими другими. Въ подачѣ же петиціи они видѣли только лишній поводъ показать народу, до чего безплодны всѣ его обращенія къ собранію представителей средняго класса. Были, конечно, и такіе, которые хотѣли «попробовать»; даже такихъ было, вѣроятно, большинство. Во всякомъ случаѣ послѣ подписанія петиція должна была поступить къ Атвуду и Фильдену для подачи въ парламентъ.

Какъ же относились ко всей этой агитаціи власти? Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить рѣчь министра Дж. Росселя, сказанная имъ въ Ливерпулѣ на оффиціальномъ обѣдѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1838 г. «Многіе хотѣли бы,—сказалъ онъ,—прекратить эти митинги, но ни я, ни правительство—не раздѣляемъ такого взгляда. Мы думаемъ, что народъ имѣетъ право собираться. Еслибы въ этихъ митингахъ не было надобности, здравый смыслъ явился бы на помощь и положилъ имъ конецъ. Правительство должно бояться не свободнаго обсужденія, не безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, а того, когда люди насильно загоняются въ тайныя общества. Вотъ что опасно, вотъ что страшно, а не свободное обсужденіе!»

Между тѣмъ либеральная пресса вовсе не была склонна вторить Росселю въ его свободомысліи. Она сначала пробовала заминать чартизмъ, умалять его, а теперь вдругъ начала все злѣе и злѣе нападать на движеніе и требовала отъ правительства немедленныхъ мѣръ противъ агитаторовъ и собраній, «готовящихся прямо къ грабежу собственности» (*Times*). Этотъ крикъ особенно усилился, когда осенью 1838 года, по случаю темныхъ вечеровъ, рабочіе начали собираться съ факелами. Движеніе дѣйствительно приняло чрезвычайно эффектный видъ. Почти каждый вечеръ во всякомъ околодкѣ стройныя толпы десятковъ тысячъ народа въ военномъ порядкѣ и съ факелами въ рукахъ стекались къ одному мѣсту, обыкновенно на какой-нибудь лугъ или долину. Про-

ходя черезъ города, онѣ парадировали по главнымъ улицамъ, пѣли чартистскія пѣсни, останавливались передъ редакціями враждебныхъ газетъ или домами вліятельныхъ чиновниковъ и покрывали ихъ свистомъ и мычаньемъ; напротивъ, появленіе сочувствующаго имъ лица или приближеніе къ его дому вызывали громъ рукоплесканій, разносившійся иногда на цѣлыя мили вокругъ. На мѣстѣ самыхъ митинговъ толпы и небо какъ бы горѣло въ огнѣ, пламенныя рѣчи смѣнялись бурными аплодисментами и возгласами, а иногда и выстрѣлами. Такъ бывало не разъ съ рѣчами Стефенса. Разъ онъ говорилъ о правѣ и необходимости всякому гражданину имѣть оружіе. «Покупайте ружья, покупайте ножи, покупайте всякое оружіе,—кричалъ онъ въ экстазѣ. — Богатые — убійцы, кровь которыхъ должна удовлетворить правосудіе!... Кто согласенъ со мной, поднимите руки!» Лѣсъ рукъ и залпъ выстрѣловъ былъ ему отвѣтомъ. «Я вижу, все— въ порядкѣ,—сказалъ онъ,—и желаю вамъ спокойной ночи».

Съ того времени пресса стала прямо обвинять чартистовъ въ *стремленіи къ грабежу и насилію*.

12 декабря митинги съ факелами были объявлены незаконными. *Northern Star* совѣтовала прекратить ихъ, потому что они могутъ повредить дѣлу. Однако-жь народъ былъ другаго мнѣнія,—онъ продолжалъ собираться, волновался больше прежняго и слушалъ своихъ любимыхъ ораторовъ. Стефенсъ былъ однимъ изъ первыхъ. Люди «нравственной силы» и въ Лондонѣ, и въ Бирмингэмѣ, и въ Эдинбургѣ приходили въ отчаяніе, что «горячія головы» погубятъ ихъ дѣло, и писали формальныя отреченія отъ своихъ прежнихъ товарищей. По этому поводу Стефенсъ рѣшилъ отстраниться и написалъ воззваніе къ рабочимъ, гдѣ между прочимъ послѣ очерка всей своей дѣятельности говорилъ:

«Я рѣшился не принимать болѣе участія въ радикальныхъ собраніяхъ, такъ какъ демократы Лондона, Бирмингэма и Эдинбурга открещиваются отъ моихъ воззваній къ физической силѣ и считаютъ ихъ вредными для дѣла радикализма. И все это дѣлается—не увѣдомивши меня, не узнавши моихъ мотивовъ. Съ такими людьми я дѣла не имѣю; но они—друзья народа и воевать съ ними я не буду...

«Что говорилъ я въ Лейхѣ? — Не болѣе какъ слѣдующее: «Если полиція, мировые судьи, или даже министры, по приказу королевы, будутъ разгонять митинги съ факелами, то обязанность всякаго — послать имъ нѣсколько унцій свинца или шесть дюй-

мовъ стали въ отвѣтъ на насиліе». Ясно, что между нами должны быть измѣнники. Меня провозгласили архи-измѣнникомъ. Я предоставляю народу принять или опровергнуть этотъ приговоръ, произнесенный радикалами, свободными людьми, заочно и не давши мнѣ возможности защищаться. Пусть такъ. Я воевать съ ними не буду. Я никогда не претендовалъ быть вожакомъ и не хочу, чтобы меня считали имъ. Я всегда довольствовался тѣмъ, что у меня была возможность высказывать свои мнѣнія друзьямъ. А потому теперь, свободный отъ своихъ обязанностей къ народу, я оставляю его слѣдовать совѣтамъ, которые онъ сочтетъ за лучшіе... Никакая партія не можетъ претендовать на меня, не можетъ повредить мнѣ. Мои мнѣнія извѣстны народу и я апеллирую къ нему. Прощайте!»

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Стефенсъ былъ арестованъ за свою рѣчь въ Лейхѣ. Судъ надъ нимъ вызвалъ необыкновенное волненіе. Въ самый день суда вся длинная улица, ведущая къ меріи, была запружена народомъ. Когда изъ суда долго не приходило никакихъ извѣстій, толпа подняла такой шумъ, что судьи растерялись и обратились къ О'Коннору съ просьбой успокоить ее, что тотъ и исполнилъ. Защита Стефенса была слаба. За то симпатіи къ нему и негодованіе на нарушителей конституціи были всеобщи. Во всѣхъ городахъ были организованы комитеты и въ нѣсколько дней собранъ фондъ защиты въ 2.000 фунтовъ. Рѣчи Стефенса были напечатаны подъ именемъ «Political pulpit».

Между тѣмъ приближалось время собраться конвенту. На бирмингэмскомъ большомъ митингѣ было постановлено, что делегаты соберутся въ февралѣ въ Лондонѣ, чтобы наблюдать за подачей петиціи и всѣми законными и конституціонными средствами будутъ добиваться обращенія народной хартіи въ законъ. Кромѣ того тогда же для расходовъ по дѣламъ движенія и конвента въ особенности былъ основанъ фондъ, взносъ въ который сначала былъ обязателенъ, и хотя потомъ это отмѣнено, но ко времени конвента было собрано до 1.700 фунтовъ.

4-го февраля 1839 года 53 делегата собрались въ Cockspur-street въ Лондонѣ. Въ числѣ делегатовъ былъ Дж. Фростъ изъ Уэльса, котораго Дж. Россель за участіе въ чартистскихъ митингахъ и въ конвентѣ черезъ нѣсколько дней послѣ начала засѣданій лишилъ званія мироваго судьи, что вызвало не малую сенсацію и служило плохимъ предзнаменованіемъ.

Среди остальныхъ делегатовъ, по словамъ Ловетта, было шесть мировыхъ судей, шесть издателей газетъ, два священника, два доктора, нѣсколько купцовъ и мелочныхъ лавочниковъ, но главная масса—рабочіе.

При пересмотрѣ полномочій делегатовъ и подписей на петиціи оказалось, что изъ многихъ мѣстностей нѣтъ ни делегатовъ, ни подписей. Поэтому конвентъ тотчасъ же рѣшилъ послать въ такія мѣста своихъ эмиссаровъ для агитаціи и отложить подачу петиціи на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ дѣло затянулось, было много словъ и мало дѣла, что служило постояннымъ предметомъ нападокъ на конвентъ со стороны крайнихъ радикаловъ *London Democrat'a*, т. е. Гарнея, Марздена и другихъ; они требовали отъ конвента немедленныхъ дѣйствій, а въ случаѣ отказа парламента на петицію—возстанія.

Съ другой стороны, умѣренные люди «нравственной силы» или, какъ ихъ называли потомъ въ Ирландіи, люди «розовой воды»—утверждали, что «конвенту поручено лишь подать петицію и больше ничего. Однако-жь большинство настаивало, на случай отказа парламента удовлетворить петицію, на обсужденіе «крайнихъ мѣръ», вопросъ о которыхъ былъ поставленъ еще въ Бирмингэмѣ. До тѣхъ поръ, пока рѣчь шла о подписываньи и подачѣ петиціи, всѣ оттѣнки чартизма могли не расходиться между собой; но какъ только ставился вопросъ: «что же дальше»,—такъ появлялось серьезное разногласіе, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Одни предлагали подавать *опять и опять петиціи* (за что крайніе ихъ называли chicken-headed, т.-е. цыплячьими головами), вынимать деньги изъ банковъ и размѣнивать бумажки на золото, воздерживаться отъ потребленія обложенныхъ акцизомъ предметовъ, устроить всеобщую стачку на недѣлю и т. п.

По этому поводу Гарней писалъ въ *London Democrat*:

«Предположимъ, что петиція будетъ подана передъ самымъ концомъ сессіи и парламентъ разойдется, получивши ее,—что же дѣлать народу? Неужели ждать до слѣдующей сессіи, 4 мѣсяца? По нашему мнѣнію, народъ долженъ взять дѣло въ свои руки (какъ это уже и предлагалось Бр. О'Брайеномъ въ *Poor Men's Gardian*). Мой планъ такой. Королева должна издать указъ о новыхъ выборахъ. Тогда демократы городовъ, пригородовъ и деревень должны собраться для назначенія кандидатовъ и выставить своихъ людей. Пусть выбираютъ ихъ поднятіемъ рукъ, пусть не соглашаются на баллотировку и будутъ готовы защищать свой

выборъ во что бы то ни стало. Кромѣ того, каждый избранный кандидатъ долженъ имѣть за собой хорошую стражу изъ санкюлотовъ, которые, сойдясь къ столицѣ въ назначенный день, составили бы милліонную армію. Это живо рѣшитъ дѣло. Собравшись вмѣстѣ, они расположатся на ночлегъ на высотахъ Гемстеда *), а на утро двинутся на Лондонъ, оберегая своихъ представителей, при крикахъ: «make way for the better men!» (дайте мѣсто лучшимъ людямъ). Избранные по всѣмъ правиламъ, парламентскіе лавочники, конечно, не будутъ такъ глупы, чтобъ оставаться въ ловушкѣ; а если и сдѣлаютъ это, то съ ними дѣло будетъ живо обдѣлано: за ноги, за шею и — въ Темзу. Что же касается до сопротивленія солдатъ, то о немъ не можетъ быть и рѣчи въ виду милліона вооруженныхъ людей. И если тираны захотятъ дать сраженіе, результатъ несомнѣненъ: въ недѣлю въ Англіи не останется ни одного изъ нихъ.

«Ну, а если палата общинъ не разойдется и отвергнетъ хартію, что тогда?—Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ слѣдующемъ нумерѣ,—говоритъ онъ,—я еще разъ повторю, что борьба на жизнь и на смерть наступаетъ, — мы наканунѣ билля объ объявленіи военнаго положенія для Англіи. Наше право собраній и ассоціацій скоро будетъ аттаковано. Поэтому оружіе и оружіе, и готовьтесь опереться на ваше первое, верховное и священное право *возстанія!*»

Майоръ Беньовскій — полякъ, демократъ и эмигрантъ 1830 года—въ этой же газетѣ писалъ популярныя лекціи по тактикѣ и стратегіи.

Въ слѣдующемъ нумерѣ Гарней продолжалъ: «Намъ говорятъ, что въ случаѣ отказа парламента мы должны подавать опять петицію, или воздерживаться отъ потребленія обложенныхъ предметовъ, или объявить національный праздникъ (т. е. всеобщую стачку). Первое, по-моему, смѣшно и противно, второе—глупо, потому что большинство народа питается картофелемъ и овсянкой, и отказываться ему не отъ чего, а послѣднее означаетъ не что иное какъ *возстаніе*. Возможна ли въ самомъ дѣлѣ продолжительная стачка при семи и даже пяти шиллингахъ жалованья въ недѣлю? Итакъ, есть только одинъ способъ добыть хартію: это—*возстаніе*» **).

---

*) Высота на сѣверѣ Лондона.

**) *London Democrat*. London, 1839. Edited by G. J. Harney.

Въ то же самое время люди стоявшіе за возстаніе устроили въ городѣ, въ Спитальфильдѣ, нѣсколько публичныхъ митинговъ и провели тамъ резолюціи въ духѣ возстанія, а на одномъ изъ нихъ даже фигурировала красная фригійская шапка. Все это вмѣстѣ настолько перепугало нѣкоторыхъ делегатовъ, что они рѣшили удалиться. Между такими были Д. П. Коббеттъ (сынъ знаменитаго Коббетта), Солтъ, Хадлей и Дугласъ — всѣ изъ бирмингэмскихъ людей «нравственной силы», а послѣдній — редакторъ *Birmingham Journal* и авторъ петиціи, и еще нѣсколько другихъ.

Съ другой стороны, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Ричардсонъ сдѣлалъ предложеніе включить въ число «крайнихъ мѣръ» вооруженіе народа. За него были: О'Брайенъ, Флетчеръ, Мак-Дуэлъ, Гарней, Низомъ, Фростъ, О'Конноръ и другіе.

10-го мая въ Уэльсѣ былъ арестованъ эмиссаръ конвента Винцентъ. Это произвело сильное впечатлѣніе и подало поводъ перенести конвентъ въ Бирмингэмъ, гдѣ, по словамъ сдѣлавшаго это предложеніе Атвуда, онъ «будетъ окруженъ болѣе преданнымъ населеніемъ».

Кромѣ того было издано воззваніе къ народу о принятіи «крайнихъ мѣръ». Въ возваніи этомъ послѣ подведенія итога всѣхъ бѣдствій, какія терпитъ народъ, и указанія на послѣднія дѣйствія властей, говорилось: «Неужели вы будете сносить все это безъ борьбы? Не лучше ли, какъ Сампсонъ, потрясти основные столбы нашей общественной фабрики и, не будучи въ состояніи основать ее на принципахъ справедливости, пасть жертвами подъ ея развалинами? Неужели 4.000.000 гражданъ не съумѣютъ отстоять правъ своихъ предковъ и позволятъ лишить себя ихъ?... Если вы будете оставаться пассивными рабами, васъ скоро постигнетъ судьба несчастной Ирландіи. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ друзей *мира и порядка* объявить себя за справедливость и соединиться съ нами въ добываніи политическихъ правъ для лишеннаго представительства народа.

«Мы вѣримъ, братья, вы *не начнете* столкновенія первые. Мы рѣшили добиться своихъ правъ *мирно, если можно, и насильственно, если будетъ необходимо*.

«Поэтому до 1-го іюня рѣшите на своихъ одновременныхъ митингахъ:

«1) готовы ли вы по требованію конвента вынуть всѣ деньги изъ банковъ;

«2) размѣнять всѣ бумажныя деньги на золото;

«3) можетъ ли конвентъ въ случаѣ нужды назначить *священный* мѣсяцъ, т.-е. отказъ отъ работы и спиртныхъ напитковъ;

«4) слѣдуетъ ли запастись оружіемъ для защиты законовъ и конституціонныхъ привилегій;

«5) слѣдуетъ ли запастись кандидатами на будущіе выборы, избранными поднятіемъ рукъ и готовыми отправиться въ Лондонъ;

«6) готовы ли они будутъ стоять исключительно *за чартистовъ* и во всѣхъ случаяхъ преслѣдованія защищать страждущихъ за ихъ дѣло;

«7) готовы ли они будутъ настойчиво стоять за хартію и ни за что меньшее;

«8) готовы ли они повиноваться справедливымъ и конституціоннымъ требованіямъ большинства конвента?... 1-го іюня мы соберемся для исполненія вашей воли».

Затѣмъ начались такъ называемые одновременные митинги по всей странѣ; всѣ делегаты разъѣхались и энергично старались разузнать, чего хочетъ народъ и на что онъ способенъ. Между людьми «нравственной силы» нашлись люди, которые дѣлали опыты мѣстныхъ стачекъ, *чтобъ испытать народъ, готовъ ли онъ* на всеобщую стачку. Въ числѣ ихъ былъ Ловеттъ.

Эта полторамѣсячная агитанія не представляла ничего новаго. Собирались опять массы въ 100, 200 и 300.000; опять говорились рѣчи.

Все это принесло мало пользы. Когда 1-го іюля конвентъ собрался въ Бирмингэмѣ и делегаты изложили рѣшенія своихъ довѣрителей на поставленные вопросы, то, напримѣръ, по одному изъ главныхъ изъ нихъ—по вопросу о *священномъ* мѣсяцѣ—получились такіе разнорѣчивые выводы, что приходилось согласиться, что народъ не хочетъ стачки, не готовъ къ ней.

Одни соглашались на назначеніе дня стачки теперь же, другіе—послѣ подачи петиціи (12 іюня), третьи были совсѣмъ противъ стачки, четвертые готовы были прибѣгнуть къ ней, если начнутъ другіе, пятые готовы были поддерживать конвенцію и т. д. Кромѣ всего этого многіе делегаты хорошо понимали, что въ такое глухое для промышленности время, какое было тогда, стачка сама по себѣ—безсмыслица и служитъ не во вредъ, а въ пользу фабрикантамъ.

Между тѣмъ вотъ что творилось въ самомъ Бирмингэмѣ. Тамъ есть огромная площадь, называемая Bull-Ring (бычачье кольцо), гдѣ во время агитаціи за реформу по вечерамъ и въ обѣдъ рабочіе сходились вмѣстѣ съ людьми средняго класса читать газеты и слушать новости дня или рѣчи. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились, лавочники успокоились, но рабочіе все-таки продолжали собираться на Bull-Ring. Около описываемаго времени эти собранія были объявлены незаконными. Народъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ собираться. Вдругъ 8 іюля изъ Лондона въ Бирмингэмъ съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги прилетаетъ отрядъ вооруженной полиціи и прямо со станціи маршируетъ на Bull-Ring и нападаетъ на народъ. Безоружная толпа сначала была поражена и отшатнулась, но потомъ съ такой яростью бросилась на полицію, что въ одинъ мигъ смяла ее, двое полицейскихъ попались въ руки народа и вѣроятно были бы убиты, еслибы не случился на улицѣ Тайлоръ, делегатъ конвента и вліятельный человѣкъ. Онъ уговорилъ народъ не трогать ихъ и, вѣроятно, въ благодарность за это утромъ былъ арестованъ, а потомъ отданъ подъ судъ. Но прежде ареста ему суждено было еще разъ посредничать между толпой и полиціей. Эта сцена произошла около 8 часовъ вечера. Въ 11 часовъ на Bull-Ring собрался новый митингъ съ чартистскими пѣснями въ родѣ: «Падайте, тираны, падайте!» Въ 12 часовъ раздался крикъ: «На Галловей, идемъ на Галловей (другая площадь) клясться отомстить лондонской полиціи!» По дорогѣ пришлось проходить мимо церкви Св. Ѳомы съ крѣпкой желѣзною рѣшеткой. Толпа бросилась на рѣшетку, сломала въ нѣсколько минутъ до 70 футовъ ея и, вооружившись желѣзными прутьями, двинулась обратно на Bull-Ring. Тайлоръ съ Дуэломъ и тутъ уняли ее и убѣдили разойтись. Арестъ Тайлора и до 80 рабочихъ ночью произвелъ новый взрывъ.

Конвентъ начали осаждать вопросами, что дѣлать. Онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

«1. Конвентъ того мнѣнія, что безстыдное, гнусное и несправедливое насиліе надъ народомъ Бирмингэма совершено кровожадной и не конституціонною силой изъ Лондона, дѣйствующею по приказанію людей, которые прежде сами ободряли митинги народа и принимали въ нихъ участіе, а теперь, участвуя въ общественномъ разграбленіи, хотятъ держать народъ въ соціальномъ рабствѣ и политическомъ униженіи.

«2. Народъ Бирмингэма—лучшій судья своего собственнаго права собираться на Bull-Ring или другомъ мѣстѣ; онъ долженъ спросить свои собственныя чувства относительно совершеннаго насилія; онъ—лучшій судья своей собственной силы и средствъ добиться справедливости.

«3. Деспотическій арестъ нашего товарища, Дж. Тайлора, даетъ новое доказательство того, что въ Англіи нѣтъ справедливости, и ясно убѣждаетъ, что пока народъ не получитъ контроля надъ закономъ, которому его заставляютъ повиноваться,—его жизнь, свобода и собственность не гарантированы.—Секретарь Ловеттъ».

Напечатать эту прокламацію взялся Коллинсъ. На другой же день ихъ обоихъ арестовали.

Этого мало. Достовѣрно извѣстно, что еще прежде этого побоища Джонъ Россель писалъ къ мировымъ судьямъ Бирмингэма о томъ, чтобъ они не выдавали оружія всякому обществу *средняго класса* (или такъ называемымъ клубамъ защиты жизни и собственности) *для разогнанія чартистскихъ собраній* *). Нѣкоторыя нортгамптонскія чартистскія общества, больше ради шутки, обращались по этому поводу къ министерству съ просьбой о выдачѣ оружія и имъ для охраны жизни и собственности; но получили въ отвѣтъ, что, съ государственной точки зрѣнія, защиты заслуживаютъ только жизнь и собственность богатыхъ людей.

Между тѣмъ борьба въ Бирмингэмѣ продолжалась. Было объявлено военное положеніе: кофейни заперты, по улицамъ ходили патрули и всякія собранія на открытомъ воздухѣ разгонялись. Были и стычки. Такъ тянулось до 15-го іюля, когда народъ захотѣлъ устроить митингъ и просилъ у городскаго управленія помѣщеніе думы. Въ этомъ было отказано. Вечеромъ на Бульрингѣ все-таки начали собираться группы рабочихъ. Явилась полиція и войско, полетѣли камни и послѣдовали аресты. «Туши газъ!»—раздалось гдѣ-то и команда эта пролетѣла черезъ весь городъ. Черезъ нѣсколько секундъ наступила полная тьма. Безсильная полиція металась изъ стороны въ сторону, а народъ пошелъ поджигать дома крупныхъ лавочниковъ, которые были замѣчены въ соучастіи съ полиціей, и раззорять ихъ лавки и склады. Разсказываютъ, что серебряныя вещи валялись по улицамъ и топтались наравнѣ съ тряпьемъ и другимъ хламомъ. И въ то время, когда городъ запылалъ во многихъ мѣстахъ, *на Бульрингѣ происходилъ митингъ.*

---

*) *W. Lovett*: „Life and Struggles", стр. 208.

Этимъ окончился такъ-называемый *бульрингскій мятежъ*. Городскимъ совѣтомъ было назначено слѣдствіе надъ этимъ дѣломъ и вотъ заключеніе коммиссіи: «Доказано, что на народъ Бирмингэма было сдѣлано грубое и кровавое нападеніе. По мнѣнію коммиссіи, еслибы полиція не напала на народъ, не произошло бы никакого безпорядка, и потому коммиссія считаетъ мятежъ вызваннымъ лондонскою полиціей» *).

Торговля стала. Благородные и состоятельные обитатели Бирмингэма поспѣшили удалиться изъ него.

Впечатлѣніе, произведенное событіями тѣхъ дней, на всю страну было потрясающее, тѣмъ болѣе, что аресты чартистовъ происходили въ это время не въ Бирмингэмѣ только: Гарней былъ арестованъ наканунѣ ареста Ловетта въ другомъ городкѣ, не подалеку.

О'Брайенъ въ Нью-Кастлѣ, на большомъ публичномъ митингѣ, по поводу этого говорилъ слѣдующее: «Еслибы правительство мирно попросило насъ разойтись, мы отвѣчали бы мирно, но при насиліи смѣшно ожидать чего-нибудь подобнаго. Еслибы въ Англіи существовали законъ и справедливость, эти разбойники навѣрно оказались бы въ тюрьмѣ вмѣсто народа. Но ни того, ни другаго не существуетъ. Здѣсь есть законъ лишь для 700.000 живущихъ рентой, прибылью и процентами, которые и пытаются управлять страной силою. Не говорите мнѣ о королевѣ, министрахъ, палатѣ общинъ,—всѣ они не больше какъ орудія 700.000 монополистовъ, этихъ заговорщиковъ противъ народа... Войско не могло явиться въ Бирмингэмъ безъ приглашенія мѣстныхъ мировыхъ судей. Даже Россель не посмѣлъ бы третировать такимъ образомъ бирмингэмцевъ. Если кровь народа будетъ пролита въ Нью-Кастлѣ, пусть не нападаютъ на войско,—нѣтъ, пусть уничтожаютъ учрежденія, которыя призываютъ войска! Если кровь народа проливается за пользованіе правомъ сходокъ, то пусть городскія власти отвѣчаютъ своими жизнями и собственностью. Нѣтъ другаго пути освободиться отъ деспотизма! Деспоты не только тѣ нѣсколько человѣкъ на берегахъ Темзы,—нѣтъ, они среди всѣхъ, извлекающихъ свои богатства изъ народнаго труда. И пока избиратели, узурпировавшіе власть, заставляютъ народъ тратить свои силы на борьбу съ войскомъ и полиціей, пусть они сами, повторяю, будутъ отвѣтственны своими жизнями и собственностью!» Резолюціи были приняты въ этомъ духѣ.

*). Ibid., стр. 220.

Въ Нортгамптонѣ на чартистскомъ митингѣ была постановлена слѣдующая резолюція: «Этотъ митингъ предостерегаетъ свободолюбивое правительство виговъ, что если оно будетъ настаивать на подавленіи настоящей мирной и законной агитаціи народа физическою силой, то на него падетъ отвѣтственность за послѣдствія и въ томъ случаѣ, если страждующій народъ, подъ давленіемъ всѣхъ несправедливостей, рѣшится предоставить свои убогіе дома пламени и превратить вмѣстѣ съ ними въ одну груду развалинъ и дома богачей».

По прочтеніи этой резолюціи толпа замерла и только черезъ нѣсколько моментовъ раздались оглушительные аплодисменты.

Въ это время Атвудъ и Фильденъ (12 іюля) подавали парламенту петицію. Она представляла изъ себя свертокъ въ 4 фута въ діаметрѣ и ее несли 12 человѣкъ. На ней было 1.280.000 подписей, что составляетъ $^1/_4$ часть всего мужскаго населенія Англіи и Шотландіи. Атвуду дали слово въ защиту петиціи, что уже выставлялось за очень большую милость со стороны парламента.

«Я самъ участвовалъ въ агитаціи,—сказалъ онъ,—и двадцатилѣтній опытъ убѣдилъ меня, что народу не оказывается самой обыкновенной справедливости. Народъ подавалъ уже три петиціи: въ 1816, 1819 и 1825 годахъ—и на всѣ получилъ отказы. Когда мы пришли съ послѣдней изъ нихъ къ лорду Мельборну отъ Бирмингэма, онъ отвѣтилъ, что одинъ Бирмингэмъ—не Англія. Въ 1837 году меня опять позвали въ Глазго для обсужденія новой петиціи и я убѣдился, что Бирмингэмъ теперь не одинъ...

«Здѣсь подписались 1.280.000 людей, и не *какихъ-нибудь проходимцевъ*, какъ принято называть всѣхъ, кто желаетъ измѣнить законъ, а рабочихъ, умѣющихъ писать... Милліонъ людей говоритъ вамъ, что въ законодательствѣ есть что-то неправильное; милліонъ людей не подписался бы подъ ложью... Промышленность въ застоѣ, банкротства держатъ въ страхѣ всякаго... Просители ищутъ средствъ противъ такого положенія вещей и видятъ его во всеобщемъ правѣ голоса. Просители утверждаютъ, что палата общинъ при теперешнемъ своемъ составѣ не можетъ представлять нуждъ рабочаго класса. Они думаютъ, что какъ волки не могутъ представлять овецъ, а ястребы—голубей, такъ и богатые—бѣдныхъ. Въ странѣ 20.000.000 людей, которые не могутъ удовлетвориться ничѣмъ кромѣ *существенной перемѣны въ конституціи*... Иначе революція неизбѣжна!»

Въ отвѣтъ на это Россель сказалъ:

«700.000 теперешнихъ избирателей лучше представляютъ страну, чѣмъ 1.280.000 подписавшихъ петицію и *стремящихся раздѣлить поровну всю собственность* (!). Да и помимо этого въ странѣ 5—6.000.000 взрослыхъ мужчинъ, такъ что просители составляютъ лишь четвертую часть ихъ, слѣдовательно нѣтъ никакой надобности бить тревогу... Мнѣ извѣстно, что вклады въ банки за послѣдніе годы возросли. Монархія и наслѣдственное перство не могутъ совмѣщаться со всеобщимъ правомъ голосованія» и т. д.

Дизраэли воспользовался случаемъ и объяснилъ палатѣ, что чартизмъ есть слѣдствіе новаго *вигскаго* закона о бѣдныхъ.

Петиція была унесена, куда слѣдуетъ, для того, чтобы, по примѣру очень многихъ другихъ, никогда больше не появляться на свѣтъ; а вмѣстѣ съ нею были похоронены и всѣ розовыя надежды чартистовъ «нравственной силы».

Теперь имъ оставалось одно—или дѣйствовать болѣе рѣшительно, или совсѣмъ успокоиться. Большая часть избрала послѣдній путь, тѣмъ болѣе, что большинство вожаковъ было уже арестовано. Движеніе отступило на задній планъ, и начались суды и процессы.

Конвентъ не рѣшался объявить 12 августа священный мѣсяцъ, какъ предполагалось прежде, на томъ основаніи, что народъ не готовъ, и отложилъ его до другаго времени. Тѣмъ не менѣе 12 августа въ Болтонѣ, Виганѣ и другихъ мѣстахъ происходили безпорядки. Наконецъ 4 сентября, состоя всего изъ двухъ десятковъ человѣкъ, конвентъ призналъ себя не въ правѣ рѣшать за всѣхъ и, по предложенію О'Брайена, разошелся.

Были дѣлаемы попытки продолжать агитацію: начали было собираться въ церквахъ, основали фондъ защиты и дѣлали въ него сборы по всей странѣ,—но все это ни къ чему не повело. Лоуэри ѣздилъ было въ Дублинъ начинать агитацію въ Ирландіи, но приверженцы О'Коннеля устроили ему скандалъ на первомъ же собраніи и онъ долженъ былъ возвратиться.

Многихъ изъ прежде арестованныхъ до суда держали въ тюрмахъ и третировали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Такъ Венцентъ сидѣлъ въ нью-портской тюрьмѣ въ Уэльсѣ и, несмотря на свое слабое здоровье и комплекцію, принужденъ былъ выносить очень дурное питаніе, холодъ, сѣверный вѣтеръ

и т. п. Джонъ Фростъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ облегчить его участь черезъ своихъ прежнихъ товарищей, мировыхъ судей, и даже ѣздилъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ тремя другими членами конвента, но все напрасно. Тогда онъ рѣшился собрать своихъ приверженцевъ около Нью-Порта и освободить Винцента вооруженною силой. Его товарищи по конвенту рѣшили отправиться въ Йоркширъ, чтобы поднять тамъ возстаніе.

Въ ночь наканунѣ 4 ноября, подъ сильнымъ дождемъ, три партіи уэльскихъ рудокоповъ, — людей грубыхъ, закаленныхъ работой и рѣшительныхъ, вооруженныхъ ружьями, саблями и кирками, направлялись въ назначенный въ горахъ пунктъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нью-Порта подъ начальствомъ: одна партія—Дж. Фроста, другая—часовщика Вильяма Джонса и третья—Зефанія Вильямса. Однако-жь буря помѣшала имъ сойтись въ назначенный ночной часъ и попасть, какъ предполагалось, въ Нью-Портъ еще до свѣта. Фростъ, прождавъ своихъ товарищей до свѣта, рѣшилъ двинуться одинъ и пришелъ со своимъ небольшимъ отрядомъ къ воротамъ Нью-Порта около 9 часовъ утра. У воротъ его задержалъ отрядъ полиціи, такъ что когда онъ подошелъ къ тюрьмѣ и мэріи и началъ стрѣлять по нимъ, требуя выдачи Винцента, тамъ уже оказался отрядъ войска, которое могло изъ оконъ отвѣчать на огонь, прячась за стѣнами. Фростъ сдѣлалъ попытку взять зданіе штурмомъ, но неудачно,—на мѣстѣ осталось 10 убитыхъ и 50 раненыхъ, остальные же побѣжали и, встрѣтивши на дорогѣ другіе два отряда, поворотили назадъ и ихъ.

Фростъ, Вильямсъ, Джонсъ и нѣсколько рудокоповъ были арестованы, отданы подъ судъ и приговорены: первые трое къ смертной казни, а остальные къ разнымъ срокамъ тюрьмы. Потомъ, впрочемъ, смертная казнь была замѣнена пожизненною ссылкой въ Австралію.

Что же касается до йоркширскаго возстанія, то про него разсказываютъ слѣдующее, къ чему, впрочемъ, нужно относиться осторожно. Говорятъ, будто народъ Йоркшира былъ готовъ къ возстанію и послалъ своего повѣреннаго къ О'Коннору предложить ему стать во главѣ возстанія. О'Конноръ будто бы обѣщался, а въ то же время послалъ двоихъ своихъ людей—одного (Уайта) въ Йоркширъ убѣждать народъ, что въ Уэльсѣ ничего не будетъ и что это все шутки правительства, а другаго (Джонса) въ Уэльсъ убѣждать Фроста и другихъ, что на сѣверѣ ни-

чего не будетъ. Однако-жь последній прибылъ въ Нью-Портъ слишкомъ поздно,—Фростъ уже уѣхалъ собирать рудокоповъ.

Затѣмъ будто бы йоркширцы выбрали въ свои предводители члена конвента и партіи «физической силы», лавочника Петра Басси; онъ согласился, но передъ самымъ днемъ возстанія сказался больнымъ и яко бы уѣхалъ въ деревню лѣчиться. Но рабочіе захотѣли убѣдиться, такъ ли это, пришли къ нему въ домъ и узнали отъ маленькаго сынишки Басси, что отецъ спрятался за мѣшками съ мукой. Поэтому будто бы Басси долженъ былъ отъ стыда уѣхать въ Америку, О'Коннорѣ же отправился на время въ Ирландію. Дѣло въ томъ, что въ то время о чартистахъ разсказывали всякія небылицы, такъ что вѣрность этихъ фактовъ подлежитъ большому сомнѣнію, хотя и согласуется до нѣкоторой степени съ характеромъ замѣшанныхъ личностей — О'Коннора и Басси.

Между тѣмъ всѣхъ арестованныхъ чартистовъ сидѣло по разнымъ тюрьмамъ до 440 человѣкъ. Въ томъ числѣ были и О'Брайенъ, и Макъ-Дуэллъ, и О'Коннорѣ, и Ричардсонъ, и многіе другіе. Подъ судъ ихъ отдавали мѣстные мировые судьи, часто лично ненавидѣвшіе подсудимыхъ. Въ дѣлѣ Ловетта и Коллинза ихъ обвинялъ нѣкій прокуроръ Хиллъ,—тотъ самый, къ которому за нѣсколько недѣль до этого обращались за юридическимъ совѣтомъ, законна ли чартистская агитація, и онъ отвѣтилъ: «О, да!» Между коронными судьями не разъ бывали такіе, которые заранѣе высказывали свою готовность перевѣшать всѣхъ чартистовъ. Такъ было въ дѣлѣ Винцента и Ловетта.

Большая часть подсудимыхъ были приговорены къ тюрьмѣ отъ 1 до 2 лѣтъ; 4 же участника бульрингскаго бунта были сначала приговорены къ смерти, а потомъ къ вѣчной ссылкѣ.

Тюремныя исторіи—слишкомъ извѣстная вещь во всѣхъ движеніяхъ со сколько-нибудь соціальнымъ характеромъ, чтобъ ихъ нужно было повторять здѣсь. Безконечная борьба изъ-за отвратительной пищи, изъ-за бумаги и чернилъ, книгъ, переписки, свиданій, оскорбительныхъ осмотровъ и т. п.—одинаково фигурируютъ во всѣхъ нихъ. Бывали случаи и смерти въ тюрьмѣ отъ тамошней гигіены; многіе получили тамъ хроническія болѣзни; другіе вышли изъ нея наканунѣ смерти.

Когда-то радикальные члены парламента, какъ Молесвортъ, Юмъ, Донкомбъ и другіе,—нужно отдать имъ справедливость,—не разъ подавали въ парламентъ петиціи заключенныхъ и требова-

ли перемѣнъ въ тюремной системѣ, хотя большею частью напрасно, потому что мѣстные мировые судьи имѣли въ тюрьмахъ гораздо большую власть, чѣмъ министры или парламентъ.

Такимъ образомъ окончился первый взрывъ чартизма 1838—1839 годовъ. Все выдававшееся, вліятельное было перехватано; чартистская пресса начала ослабѣвать, масса осталась безъ руководителей; движеніе замѣтно вымирало, но не надолго.

Н. Ч.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАЗЕПА.

ГЛАВА XIII *).

Возвращеніе гетмана Мазепы изъ похода.—Движеніе шведскаго короля къ предѣламъ Русской державы.—Неизвѣстность шведскихъ намѣреній.—Измѣнчивые указы царя.—Карлъ направляется къ Украинѣ.—Генералъ Лагеркрона въ Стародубщинѣ.—Царскій генералъ Инфлянтъ.—Вступленіе всего шведскаго войска въ Украину.—Станъ на берегу рѣки Ипути.—Неудовольствія малороссіянъ противъ царскаго войска.—Шляхтичъ Якубъ Улашинъ.—Увертки Мазепы.—Хитрости со старшинами.—Соборованіе масломъ.—Посольство къ шведскому королю Быстрицкаго.—Прибытіе Меншикова въ Горскъ.—Войнаровскій.—Отъѣздъ Мазепы изъ Борзны.—Послѣднее посѣщеніе Батурина.—Походъ къ Деснѣ.—Переходъ черезъ Десну.—Открытіе замысла козакамъ.—Одиночные побѣги козаковъ.—Мазепа у шведскаго короля.—Поиски Меншикова за Мазепою.—Меншиковъ и Голицынъ подъ Батуриномъ.—Манифесты царя.—Пригласительныя письма царя.—Взятіе и истребленіе Батурина.—Письмо Мазепы къ Скоропадскому.—Переправа шведскаго войска черезъ Десну.

Послѣ казни Кочубея и Искры, гетманъ получилъ собственноручный царскій указъ отправить всю козацкую конницу и, если возможно, самому идти съ нею **). Мазепа отвѣчалъ, что онъ былъ бы радъ вести свое войско на войну самъ, но ему не дозволяютъ недуги, и кромѣ того невозможно покинуть Украины, потому что непріятель тотчасъ воспользуется и произведетъ своими подсылками возмущеніе въ непостоянномъ и малодушномъ народѣ ***). Такимъ образомъ гетманъ, старательно укрывая свой

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) ... чтобъ вы со всѣмъ своимъ войскомъ шли какъ найскоряе къ Кіеву и оставя тамъ нѣсколько козаковъ въ гарнизонѣ, сами шли за Днѣпръ, а конницу всю съ добрымъ командиромъ изготовить на-легкѣ въ походъ, а когда непріятель станетъ ближиться къ великороссійскимъ или малороссійскимъ городамъ, тогда мы всегда у онаго потщимся перёдъ брать, а ваша бъ конница всегда сзади на непріятеля била и все послѣдующее оному и обозы разоряла, чѣмъ непріятелю великую диверсію можете учинить. Мы бы зѣло желали, дабы вы сами съ тою конницею были, но нудить не можемъ по вашей болѣзни (Госуд. Арх. Письма Петра къ Мазепѣ).

***) ... радъ бымъ и я сердечне на службѣ вашего царскаго величества присутственнѣ зоставать для лучшаго чинения диверсіи непріятелю, если бы при

тайный замыселъ измѣнить царю, набрасывалъ тѣнь подозрѣнія въ наклонности къ измѣнѣ на весь народъ малороссійскій. 19-го іюля гетманъ канцлеру писалъ, что намѣренъ заложить станъ въ средннѣ лѣвобережной Украины недалеко отъ Нѣжина.

Между тѣмъ Карлъ, оставивши Радосовицы еще 6-го іюня, 15 числа этого мѣсяца перешелъ Березину, 3-го іюля произошла неудачная для русскихъ битва при Головчинѣ *), а 16-го іюля Карлъ сталъ въ Могилевѣ, откуда только что ушли русскія военныя силы. Въ Могилевѣ шведскій король стоялъ до 8-го августа. Въ это время являлся къ нему опять тайный агентъ Мазепы, отставленный отъ сана болгарскій архіерей. Черезъ него гетманъ торопилъ шведскаго короля спѣшить въ Украину, иначе если шведы замедлятъ, то козаки станутъ приставать къ царскимъ войскамъ [1]). Квартирмейстеръ Гилленкрокъ совѣтовалъ королю не довѣряться Мазепѣ, не идти къ Украинѣ, а направиться къ Витебску, чтобы быть поближе къ Лифляндіи, откуда король дожидалъ вспомогательной силы корпуса генерала Левенгаупта. Того же мнѣнія былъ графъ Пиперъ и убѣждалъ короля не двигаться къ Украинѣ, покуда не присоединится къ нему Левенгауптъ съ своимъ корпусомъ, иначе на оставшагося позади нападетъ царь. Но другіе шведскіе генералы, Реншильдъ и Мейерфельдъ, противники первыхъ, настроивали короля къ иному: они хвалили ловкость и силу козаковъ, съ пренебреженіемъ отзывались о московитскихъ ратныхъ силахъ, увѣряли, что царь не посмѣетъ напасть на Левенгаупта, а Карлъ, со вступленіемъ

надходящей глыбокой весьма знемощилой старости подагричная и хиракгричная болѣзнь препятіемъ не была, для которой на конѣ труду понесть не могу и хотя мало верхомъ милю или другую проѣду то того много приболѣть мушу, однакожъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрицалъ бымъ ся служить и услужить, хотя бы мнѣ пришло при боку вашего царскаго величества лучше нежелѣ где и житія пострадать. Только тое благоразумному вашего царскаго величества разсужденію предаю, что если я особою своею гетманскою оставя Украину удалюсь, то велми опасаюсь дабы подъ сее время внутренее между здешнимъ народомъ непостояннымъ и малодушнымъ не произошло возмущеніе, наипаче когда неприятель исполняя враждебное свое намѣреніе похочетъ тайнымъ якимъ-небудь образомъ прелестные листы свои въ городы посылать, а въ здешнихъ не токмо мало но и никого такъ вѣрного не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу который бы сердцемъ и душею вѣрнѣ и радѣтельнѣ вашему царскому величеству подъ сей часъ служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недримателне смотрѣлъ остерегалъ и всячески пресѣкалъ (Госуд. Арх. Письма Мазепы).

*) Мѣстечко Могилевскаго уѣзда при р. Бабичѣ.

1) *Fryxel*, т. I, стр. 100.

своего войска въ Украину, увидитъ на своей сторонѣ весь украинскій народъ. Карлъ поддался тогда надеждамъ, оказавшимся скоро обманчивыми. Онъ надѣялся на помощь Турціи, но не зналъ, что падишахъ не одобрялъ политики великаго визиря, подававшаго шведамъ увѣренія въ помощи; онъ надѣялся на мятежи, возникшіе въ царской державѣ, но не зналъ, что эти мятежи были уже укрощены; онъ надѣялся на возстаніе Украины, какъ обѣщалъ ему гетманъ Мазепа, но не зналъ духа малороссійскаго народа, какъ не зналъ его и самъ Мазепа, управлявшій болѣе двадцати лѣтъ этимъ народомъ. Наконецъ, Карлъ надѣялся, что генералъ Либекеръ, посланный къ Петербургу, возьметъ этотъ городъ, но не зналъ и не могъ знать, что Либекера постигнетъ неудача. Сверхъ всего Карла ободряло суевѣрное пророчество какого-то Урбана Гіарна, который предсказывалъ, на основаніи Парацельза и другихъ предсказателей, писавшихъ за 170 лѣтъ, что Золотой Левъ сѣвера съ малыми силами одолѣетъ Орла, притупитъ его когти, распространитъ свою власть на Азію и Африку, искоренитъ папизмъ и водворитъ повсюду истинную (т. е. лютеранскую) вѣру. Карлъ, всегда по-лютерански набожный, склонялся къ мистицизму и довѣрялъ предсказаніямъ. Эта вѣра до такой степени развила въ немъ высокомѣріе, что онъ вторично отвергъ предложеніе мира отъ Петра, который соглашался отдать шведскому королю даже Псковъ, но желалъ непремѣнно удержать за собою Петербургъ, за который, впрочемъ, готовъ былъ заплатить деньгами. Карлъ отвѣчалъ, что заключитъ миръ въ Москвѣ, когда побѣдитъ окончательно царя [2]).

Между тѣмъ Мазепа, торопя своего тайнаго союзника, прикидывался по-прежнему неизмѣнно-вѣрнымъ слугой царя Петра, дѣлалъ исправныя распоряженія въ Украинѣ къ отраженію шведскихъ силъ, когда онѣ туда вторгнутся. Онъ приказалъ устроить въ Черниговѣ хлѣбный магазинъ для русскаго войска и собрать туда 15.000 четвертей хлѣба, разложивши сборъ на жителей Черниговскаго полка—по четверику житной муки съ дыма, разсылая по всѣмъ полкамъ универсалы, въ которыхъ убѣждалъ народъ пребывать въ непоколебимой вѣрности царю, вездѣ по церквамъ приказывалъ публично молиться о дарованіи побѣды царю надъ еретиками шведами, а жителямъ приказывалъ прятать въ землю свои запасы и самимъ уходить въ города, спа-

---

[2]) Ibid, стр. 93, 107 и 109.

саясь отъ непріятеля. Онъ дѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи городовъ: Стародуба, Чернигова, Ромновъ, Гадяча, въ виду возможнаго нападенія шведовъ. Ни царь, ни русскіе вельможи и военачальники не могли допустить и тѣни того, что открылось не далѣе какъ черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца [8]).

1-го августа гетманъ стоялъ въ Кіевѣ въ ожиданіи указовъ—куда ему посылать конницу. 4-го числа того же мѣсяца Петръ приказалъ ему, не отходя отъ Кіева, послать три или четыре (по своему соображенію) тысячи конницы въ Польшу на подмогу отправленнымъ туда еще ранѣе полковникамъ кіевскому и бѣлоцерковскому, «дабы поляковъ доброжелательныхъ содержать и все, что непріятелю къ пожитку можетъ быть, разорить». Другую партію указано было послать въ Литву, къ Пропойску, для содѣйствія великорусскимъ войскамъ, которыя должны были отражать идущую шведскую силу. Гетманъ исполнилъ волю государя и отправилъ въ Литву къ Пропойску 4.500 человѣкъ городовыхъ козаковъ разныхъ полковъ и 1.600 компанейцевъ, а въ Польшу, на подмогу бывшимъ тамъ полковникамъ, послалъ 2.000 гадячанъ, находившихся прежде въ кіевской крѣпости, и къ нимъ прибавилъ 1.000 «молодиковъ» (козаковъ, начинавшихъ воинскую службу). Кромѣ того, по царской волѣ, отправлено было къ Смоленску два полка—Нѣжинскій и Переяславскій въ числѣ двухъ тысячъ пѣхоты и одной тысячи конницы. Затѣмъ гетманъ жаловался, что остается съ небольшимъ числомъ людей *), а 16 августа просилъ воротить ему посланныхъ къ Смоленску, чтобы помѣстить часть ихъ въ кіевскій гарнизонъ. Мазепѣ, конечно, было неподходящимъ дѣломъ разбрасывать козаковъ по разнымъ сторонамъ, и онъ жаловался, что многіе самовольно уходятъ **).

Въ половинѣ августа царь еще не зналъ навѣрное куда обратится Карлъ съ своими силами—на Украину или на Смоленскъ,

---

[8]) Ibid., стр. 128. *Гомиковъ:* „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Вел.", т. XV, стр. 172.

*) ... при мнѣ же городовыхъ самыхъ недорослей и на худѣйшихъ лошадяхъ осталось 2.800, да 2.000 сердюковъ и едина короговь компанеи, кромѣ великороссійскихъ пѣхотныхъ полковъ, которыхъ болшъ на 2.000 не сберется (Гос. Арх. Письма Мазепы).

**) ... бо едны еще зъ весны якъ у Казань имъ въ походъ готовится, убѣгая отъ походу, поуходили кто въ рѣчки, кто въ поля, кто по соль, кто въ Сѣчу, а теперъ уже другіе зъ войска когда отставивша походъ въ Польщу, я повернулъ въ Кіевъ, побѣгли ку домомъ своимъ, а чаю и тамъ ихъ не возможно будетъ знайти, понеже не токмо за мого уряду, но издревле такое въ томъ народѣ непостоянномъ утвердилось поведеніе: едны предъ походомъ, дру-

и приказывалъ гетману стоять между Кіевомъ и Черниговомъ до дальнѣйшаго указа, чтобы въ случаѣ, если шведы пойдутъ на Смоленскъ — идти къ Бѣлой Церкви для содѣйствія полякамъ, доброжелательнымъ царской сторонѣ. 6 сентября царь положительно былъ увѣренъ, что непріятель пойдетъ на Смоленскъ, и писалъ къ гетману, чтобъ онъ готовился въ походъ къ Бѣлой Церкви. Это приказаніе подтверждено было 14 сентября. Но черезъ день, 16 числа, Головкинъ послалъ гетману указъ остановиться, потому что по непріятельскимъ оборотамъ видно было иное направленіе пути *).

Изъ шведскихъ источниковъ мы узнаемъ, что именно въ это время Карлъ окончательно укрѣпился въ намѣреніи войти въ Украину и 16 сентября отправилъ передовой отрядъ генерала Лагеркроны овладѣть Стародубомъ. Этотъ Лагеркрона былъ человѣкъ чрезвычайно самонадѣянный и заносчивый, хотя вовсе не даровитый; онъ поддѣлался къ королю и не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ. Въ то время, когда онъ вступалъ въ полкъ Стародубскій, туда же вступалъ съ царскими силами и русскій генералъ Инфляитъ; два враждебныхъ генерала на томъ могли выиграть одинъ передъ другимъ, кто прежде успѣетъ занять Стародубъ. Лагеркрона довѣрился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшимъ путемъ. Этотъ крестьянинъ, будучи подосланъ полковникомъ Скоропадскимъ, обманулъ шведскаго военачальника и повелъ его совсѣмъ не туда, куда нужно, такъ что въ то время генералъ Инфляитъ успѣлъ войти въ Стародубъ [1]).

Вслѣдъ за Лагеркроною двинулся скоро и король и 21 сентября съ восемью тысячами вступилъ въ предѣлы гетманщины для занятія квартиръ войску. За нимъ послѣдовало остальное

гіе зъ походу убѣгаютъ отъ службы военной, въ домахъ зоставать опасаются, но сокрываются до возвращенія гетмана и всего войска по домомъ и въ рѣчкахъ, поляхъ и въ Сѣчѣ упражняются промыслами (Гос. Арх. Письмо Мазепы авг. 16).

*) ... сегодня послалъ я къ гетману Мазепѣ, дабы онъ походомъ своимъ къ Бѣлой Церкви еще до другаго указу поумедлилъ для того, что вчерась слышали, что непріятель обратился отъ Мигоновичъ назадъ, но ко Мстиславлю или къ Могилеву, того подлинно не было вѣдомо. Опасаюсь, чтобъ непріятель не обратился на Украину, однакожъ былъ бы онъ, гетманъ, во всякой готовности къ походу и послалъ бы нынѣ къ Бѣлой Церкви для занятія квартиръ и приготовленія фуражу (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина къ царю).

[1]) *Nordberg*, т. II, стр. 242.—*Fryxel*, т. I, стр. 126.

войско. Оно расположилось на берегахъ рѣки Ипути [5]). Главная квартира, которую Карлъ велѣлъ укрѣпить окопами, находилась въ Дроковѣ *) [6]). Край, въ который вошли шведы, показался имъ обильнымъ и населеннымъ; войско, расположившись по селеніямъ, могло отдохнуть отъ утомительныхъ походовъ; хлѣба и скота было такъ много, что шведы не испытывали бы недостатка, еслибъ имъ пришлось оставаться тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Шведы простояли тамъ двѣ недѣли. Между тѣмъ Левенгауптъ, слѣдовавшій чрезъ Литву изъ Ливоніи, 27-го сентября былъ разбитъ русскими подъ Лѣснымъ близъ Пропойска и съ остатками своихъ силъ **) прибылъ къ главному королевскому обозу. Король приказалъ раздѣлить эти остатки по арміи.

Орликъ въ своемъ письмѣ сообщаетъ, что когда Мазепа узналъ о поворотѣ короля шведскаго въ Украину, то воскликнулъ передъ старшинами: «Вотъ дьяволъ его сюда несетъ! Да онъ всѣ мои соображенія испортитъ и великороссійскія войска за собою внутрь Украины впровадитъ на конечное разореніе и на погибель нашу!» Мазепа хотя и завлекалъ на свою сторону старшинъ, но все еще только на половину открывалъ имъ свои сношенія и показывалъ видъ, что рѣшится пристать къ шведамъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда уже война будетъ перенесена въ Украину и весь малороссійскій край очутится въ опасности подвергаться опустошеніямъ отъ обѣихъ воюющихъ между собою сторонъ.

Съ отправкою генерала Инфлянта въ Стародубщину, царь Петръ указалъ и гетману дѣйствовать съ нимъ сообща. Мазепа, получивши такой указъ, пригласилъ Ломиковскаго и полковниковъ миргородскаго, прилуцкаго и лубенскаго, показалъ имъ указъ и говорилъ:

— Я опасаюсь, не приманиваютъ ли меня къ этому генералу, чтобы взять въ руки. Идти ли намъ по указу царскому въ слученіе съ этимъ генераломъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не иди!—завопили всѣ единогласно.—Не медли больше и посылай къ шведскому королю просить протекціи: какъ бы намъ сойтись со шведами на границѣ и не впустить великороссійскихъ войскъ въ Украину!

---

5) Гос. Арх. Письмо Меншикова отъ 25 сентября.

*) Нынѣ деревня Старый Дроковъ, Суражскаго уѣзда.

6) Гос. Арх. Письма Шереметева.

**) По Фрикселю 6.700 (стр. 124). Потеря въ бою: по Фрикселю—до 4.000, по Нордбергу (т. II, стр. 247)—до 3.000.

Но тутъ кто-то спрашивалъ его:

— Ты, гетманъ, объяви намъ, чего имѣемъ съ цѣлою Украиною и Войскомъ Запорожскимъ надѣятися и на якомъ фундаментѣ ты тую махину заложилъ?

Мазепа разсердился и произнесъ:

— Для чого вамъ о томъ прежде времени вѣдать? Спуститеся вы на мою совѣсть и на мое подлое розумишко, на которомъ вы не заведетесь болшъ. Я по милости божой мѣю розумъ единъ нѣжъ вы всѣ.

Обратившись къ Ломиковскому, Мазепа сказалъ: «Ты уже свой розумъ выстарилъ»,—а указавши на Орлика, Мазепа прибавилъ: «У того еще розумъ молодый, дитинный. Самъ я буду вѣдать, якого часу посылать до шведского короля».

Но потомъ, какъ бы удовлетворяя ихъ недовѣрчивости къ себѣ, гетманъ вынулъ изъ шкатулки универсалъ, присланный отъ Станислава съ ксендзомъ Заленскимъ, и велѣлъ Орлику прочитать его во всеуслышаніе. Всѣ казались имъ довольны («съ которого были контенты»). Но едва ли тамъ были тайныя условія, заключенныя со Станиславомъ черезъ посредство болгарскаго эксъ-архіерея. Малороссіяне не были бы ими довольны, да и Мазепа едва ли бы рѣшился объявлять ихъ до-поры до-времени старшинамъ [7]). Мазепа былъ изъ такихъ личностей, которыя, получивъ власть, стараются внушить подчиненнымъ постоянную вѣру въ свою мудрость и потому умышленно не открываютъ имъ сразу всего, что замышляютъ, дабы тѣмъ пріучить ихъ съ благоговѣніемъ полагаться во всемъ на своего главу или владыку. Мазепа за 20 лѣтъ своего гетманства уже пріучилъ старшинъ къ такому повиновенію себѣ и теперь онъ только понемногу приподнималъ передъ ними завѣсу, скрывавшую его тайный замыселъ. Онъ прельщалъ старшинъ призракомъ независимости Украины, указывалъ имъ, что теперь представился случай освободиться отъ всякихъ налоговъ и повинностей, вымышляемыхъ московскою властію: самъ Богъ посылаетъ короля шведскаго для ихъ спасенія [8]). Сдѣлавши ихъ участниками замысла въ его главной идеѣ, онъ относительно подробностей не открывалъ имъ многаго, но каждый разъ спрашивалъ у нихъ совѣтовъ, какъ ему поступать, и показывалъ видъ будто предпринятый замыселъ начатъ и ведется не по его почину, а по ихъ общему желанію, и онъ

[7]) Письмо Орлика.

[8]) *Катифора:* „Житіе Петра Великаго“, кн. IV, л. 248.

у нихъ не болѣе, какъ мудрый исполнитель общей воли. Чтобъ укрыться отъ тѣхъ, кому онъ не хотѣлъ открывать тайны, онъ напустилъ на себя старческую немочь, говорилъ, что съ трудомъ можетъ на коня сѣсть, даже ходить и стоять на ногахъ, ложился въ постель, обвязывалъ себя повязками съ пластырями; въ такомъ видѣ, лежа на постели, онъ принималъ царскихъ посланцевъ, жаловался передъ ними на свои страданія и говорилъ съ ними чуть слышнымъ голосомъ [9]). Правда, Мазепа и въ самомъ дѣлѣ страдалъ старческими немощами, но также и преувеличивалъ ихъ, потому что въ то время для его тайныхъ цѣлей выгодно было передъ царскими людьми показываться близкимъ къ могилѣ. И самъ царь, и царскіе министры относились къ гетману довѣрчиво, снисходительно и не принуждали его къ отправленію своего долга выше силъ. Сначала потребовали отъ него, чтобъ онъ шелъ самъ къ Стародубу; но когда онъ извѣстилъ, что по болѣзни не можетъ, то ему дозволили послать козаковъ съ наказнымъ гетманомъ. Тогда гетманъ послалъ отрядъ козаковъ нѣжинскихъ, лубенскихъ и переяславскихъ въ Стародубскій полкъ на содѣйствіе генералу Инфлянту.

Но прежде, чѣмъ эти козаки пришли туда, въ Стародубскомъ полку произошелъ страшный переполохъ. Генералъ Инфлянтъ, вступивши въ край, приказывалъ жителямъ уходить съ своими имуществами въ укрѣпленныя мѣста, а села, хутора, пасѣки, мельницы, гумна—приказывалъ истреблять огнемъ, чтобъ недавать непріятелю прибѣжища и средствъ къ содержанію. Жители и старые и малые въ ужасѣ стали бѣжать и увлекли за собою присланныхъ козаковъ. Только часть послѣднихъ примкнулась къ четыремъ баталіонамъ и четыремъ-стамъ драгунамъ, составлявшимъ стародубскій гарнизонъ [10]). Отъ нихъ пошли по всей Украинѣ вѣсти, что вошедшіе въ Стародубскій полкъ шведы не дѣлаютъ жителямъ ничего дурного, а, напротивъ, великороссійскія войска, пришедшія будто защищать край, жгутъ селенія, грабятъ, разоряютъ жителей, насильно загоняютъ ихъ въ укрѣпленія, понуждаютъ къ непривычнымъ работамъ, безчестятъ и ругаются надъ ними, обзывая ихъ измѣнниками *). Бѣглецы рас-

---

[9]) *Fryxel*, т. I, стр. 128.

[10]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отдѣлъ II, кн. № 8. Письма Шереметева.

*) ... многіе легкомысленные бѣглецы зъ полковъ переяславскаго, лубенскаго и нѣжинскаго отъ Стародуба зъ службы монаршои отбѣгшіи и самые жители полку Стародубского отъ наступленія непріятельскаго уходячи огласили

пространили такой страхъ между козаками, что товарищи полковъ Миргородскаго, Лубенскаго и Прилуцкаго въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ явились къ гетману въ обозъ у мѣстечка Салтыковой-Дѣвицы и подали просьбы, написанныя отъ каждаго полка особо, но по одному пошибу *).

Въ связи съ такими явленіями, возбуждавшими вражду къ великороссійскому войску, стоитъ современная жалоба черниговскаго полковника на солдатъ маіора Геннинга, которые дѣлали обиды жителямъ **), какого-то Шевлюгу до полусмерти избили, а маіоръ, когда ходили къ нему малороссіяне жаловаться, выгонялъ ихъ по шеямъ и одного атамана такъ ударилъ ружейнымъ дуломъ въ бокъ, что тотъ, полетѣвши внизъ головою по лѣстницѣ, сильно ушибся [11]).

Неудовольствіе противъ великороссіянъ въ малороссійскомъ народѣ все болѣе и болѣе разгоралось и было кстати для Мазепы, когда онъ намѣревался ввести въ Украину шведовъ, какъ освободителей отъ московской власти. Но тутъ случилось событіе, которое чуть было не открыло замысла Мазепы. Когда генералъ Лагеркрона вошелъ въ Стародубскій полкъ, тотчасъ стали разноситься воззванія, называемыя у русскихъ «прелестными» письмами. Шведскій генералъ убѣждалъ малороссіянъ не бояться шведовъ, жить спокойно въ своихъ домахъ, а изъ Стародуба

всюды по сей сторонѣ Десны въ городахъ и селахъ будто отъ непріятеля жадныхъ нѣтъ налоговъ и разореній, а войска великорусскіе всюды въ полку Стародубскомъ палютъ, разоряютъ и рабуютъ, отъ чого многое въ народѣ и въ войскѣ происходитъ роптаніе... И тое насъ велми устрашило, же товариство полковъ лубенского, переяславского и нѣжинского, которое не могучи понести превеликихъ нуждъ имъ дѣючихся зъ Стародубщины поуходило, тое пронесли, же ихъ не малое число разобрано и однихъ дано въ полки, где необычные войсковымъ людемъ поносятъ службы, а другихъ въ фортецу отколь трудно выйти впроважено. А найжалостнѣйше и найтяжнѣйше того намъ слухати, що тое зъ Стародубщины поуходивтое товариство прекладало намъ же драгуны и солдаты не тилко инными ущипливыми и тяжкими якъ хотя оныхъ и насъ безчестили и безчестятъ досадами, але що есть найтяжчое имъ зиѣнниками называютъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Донес. Мазепы, октябрь).

*) ... Не вели намъ ходить за Десну, а въ своемъ полку зоставатися позволь. Бо голыми и босыми подравшися чрезъ цѣлорочную службу зостаемся. Стародубскіе жители освѣдчили имъ и тое же заледво сами зъ душою поуходили домы и пашни всѣ пожаромъ спалени а иные розграблени (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Челобитная Прилуцкаго полка).

**) ... непрестанно людей нашихъ поносятъ, бѣды и побои каждаго немалъ дня зъ допущеня самого маіора, Шевлюгу такъ немилосердо били, же ледве живой зостався... (Ibid. Донес. чернигов. полковника).

[11]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г., сентябрь.

пусть выходитъ къ нему на встрѣчу бурмистръ со знатнѣйшими обывателями и пусть везутъ къ нимъ на продажу хлѣбъ и всякое съѣстное. Жители не поддавались на эти прельщенія, а бѣжали безъ оглядки, спасаясь какъ отъ шведовъ, такъ и отъ великороссіянъ [12]). Между разносителями такихъ «прелестныхъ» писемъ попался польскій шляхтичъ Якубъ Улашинъ: онъ везъ письмо отъ пана Понятовскаго, находившагося резидентомъ Станислава при шведскомъ королѣ. Письмо было къ Мазепѣ. Понятовскій просилъ малороссійскаго гетмана отпустить на свободу его плѣннаго брата, въ воспоминаніе добраго пріема, оказаннаго когда-то Мазепѣ въ Луцкѣ. Почему-то этотъ господинъ показался подозрителенъ и генералъ Инфлянтъ 1 октября отправилъ его въ походную канцелярію, бывшую тогда въ Почепѣ. Улашина подвергли пыткѣ огнемъ и тотъ, не стерпя мученій, объявилъ, что Мазепа поколебался въ вѣрности царю, и Понятовскій послалъ къ нему передать словесно, чтобы, какъ шведы войдутъ въ Украину, онъ отписалъ бы къ Понятовскому и при Божіей помощи со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ приставалъ къ шведамъ. Улашина еще разъ поджарили, но онъ болѣе ничего не открылъ [13]). Показанію Улашина не придали вѣры и копію съ него отправили къ гетману. Не только всѣ происходившія передъ тѣмъ явленія въ такомъ родѣ настроили царя и его министровъ считать всякія обвиненія на Мазепу лживыми, но въ это самое время Мазепа заявлялъ свою преданность, сообщая Головкину вѣсть, что Станиславъ съ шведскими и польскими войсками направляется на Волынь, чтобъ оттуда ворваться въ Украину, просилъ скорѣйшей присылки регулярныхъ войскъ, потому что малороссіяне могутъ измѣнить и пристать къ непріятелю [14]). Вмѣстѣ съ тѣмъ снова звали гетмана на соединеніе съ царскими силами *). Мазепа отвѣчалъ, что показанія поляка Улашина не

[12]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, кн. № 8. Письмо Ушакова отъ 29 сентября.

[13]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1708 г., № 19.

[14]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 8. Письмо Головкина къ царю 9 октября.

*) ... вѣдомость получилъ, что шведскій король идетъ на насъ. Зѣло потребно, чтобъ ваше сіятельство съ полками регименту своего походомъ своимъ ускорилъ и съ нами какъ возможно случился, ибо мы еще не обычны какъ съ народомъ малороссійскимъ обходиться, хотя всячески оный охраняемъ. Однако пишетъ мнѣ господинъ Скоропадскій полковникъ стародубскій, что при немъ въ Стародубѣ полку его осталось только 500 человѣкъ, а прочіе всѣ разбѣжались и не знаетъ, гдѣ оныхъ сыскать. И для того вашему сіятельству весьма нужно прибыть сюда. А что ваше сіятельство пишете, что войска при васъ мало обрѣтается, и тому мы зѣло удивляемся, понеже въ отлученіи отъ

болѣе какъ коварныя затѣи непріятеля, который хочетъ привести вѣрность гетмана въ подозрѣніе у государя и тѣмъ посѣять въ Украинѣ смятеніе. «Никакого брата Понятовскаго у меня нѣтъ, я о немъ не слыхалъ», писалъ гетманъ [15]). Что касается до требованія ѣхать самому къ великороссійскому войску, то Мазепа отговаривался тѣмъ, что въ малороссійскомъ краѣ возникли безпорядки отъ пьяныхъ бродягъ, безобразничающихъ толпами въ полкахъ Полтавскомъ, Гадяцкомъ, Прилуцкомъ, Миргородскомъ, Лубенскомъ и Переяславскомъ и это зло переходитъ уже въ полки: Черниговскій, Нѣжинскій и Стародубскій, гдѣ прежде велось смирнѣе *). Гетманъ, на основаніи присланныхъ ему донесеній, сообщалъ, что появилось двѣ шайки разбойниковъ: одна подъ начальствомъ Перебійноса въ числѣ 800 человѣкъ, другая—Молодца въ числѣ 1.000. Они своевольствовали, грабили и убивали людей въ приднѣпровскомъ краѣ и къ нимъ притекали со всѣхъ сторонъ «купы» бродягъ, словно вода. Если гетманъ съ войскомъ отдалится въ Стародубскій полкъ, то свое-

---

васъ здѣсь 3.000, да въ Польшу на суккурсъ послано 5.000 человѣкъ. Изволь ваше сіятельство разослать во всѣ полки вашего регимента жестокіе указы, дабы оные немедленно шли за вашимъ сіятельствомъ и самъ изволь поспѣшать какъ скоро возможно къ намъ, что зѣло нужно. Извольте писать къ намъ чрезъ нарочныхъ, гдѣ вы обрѣтаетесь. Зѣло надлежитъ смотрѣть дабы какихъ факцій не учинилъ король шведскій въ народѣ малороссійскомъ; понеже обрѣтающійся при немъ резидентъ Станислава Понятовскій послалъ къ вамъ одного шляхтича будто просить васъ о свободѣ взятаго въ плѣнъ своего брата и мы его пытали, и что онъ съ пытки сказалъ, съ того при семъ вашему сіятельству посылаю списокъ. Изволишь ваше сіятельство сего накрѣпко предостерегать, дабы не было такихъ прелестниковъ въ малороссійскомъ народѣ отъ непріятеля подосланныхъ (Гос. Арх. Письмо Головкина).

[15]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Мазепы изъ Салтыковой-Дѣвицы 13 октября).

*) ... въ Украинѣ внутренно огонь бунтовничей отъ гультаевъ, пьяницъ и мужиковъ во всѣхъ полкахъ началъ расширятися, которые услыша о вступленіи непріятельскомъ въ малороссійскій край и о немъ къ Стародубу малолюдномъ отдаленіи всюду въ городахъ великими купами с кіями и с ружьемъ ходятъ, арандаровъ бьютъ до смерти, вино насильно забираютъ и выпиваютъ, яко въ полку Лубенскомъ арендаря и ктитора убили до смерти, во Мглинѣ сотника тамошняго косами изрубили и списами покололи, въ Стародубѣ шевцы, кравцы и все посполство во дворѣ войта тамошняго учинили нападеніе зъ дубьемъ склепы отбили бочки съ виномъ побрали и перепився жидовъ 50 до смерти побили, изъ Сосницы сынъ обозного генералного з жоною своею уходомъ насилу спаслись, въ Гадячомъ на замокъ тамошній наступали, хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бы смертная кончина, еслибъ зъ мѣщанами отъ тыхъ гультаевъ не остерегся (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г.).

вольники нападутъ на городы и встрѣтятъ себѣ единомышленниковъ въ поспольствѣ. Полковники и полковые старшины ропщутъ и говорятъ, что если ихъ поведутъ въ Стародубщину, то на крайнюю погибель ихъ семействъ и на разореніе ихъ имуществъ, потому что тогда простонародье захочетъ грабить и убивать честныхъ и богатыхъ людей *). Кромѣ этихъ причинъ, гетманъ указывалъ на опасность скораго вторженія Станислава въ Украину.

Мазепѣ естественно хотѣлось во что бы то ни стало оставаться съ козаками въ Украинѣ до того времени, какъ войдетъ шведская сила, и тогда внезапно и неожиданно объявить себя на сторонѣ враговъ царя Петра. Но прежде, чѣмъ шведскій король появился съ своимъ войскомъ, отъ гетмана требовали идти на соединеніе съ великорусскими войсками, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать противъ шведскаго короля. Тамъ уже никакъ неудобно было ему сдѣлать крутой поворотъ на противную сторону. 6 октября, когда Мазепа получилъ новое приказаніе идти съ войскомъ на соединеніе съ великороссіянами и самому быть въ главной царской квартирѣ, онъ призвалъ на совѣтъ своихъ единомышленниковъ и спрашивалъ: ѣхать ли ему къ великому государю. Старшины закричали: «Нѣтъ. Если поѣдешь, то погубишь и себя и всю Украину». Тогда Мазепа приказалъ написать и послалъ письмо, о которомъ сказано выше. Но, по замѣчанію Орлика, Мазепа спрашивалъ старшинъ только для вида и испытывалъ ихъ: онъ даже наружно показывалъ передъ ними видъ готовности ѣхать по царскому указу, на самомъ же дѣлѣ не помышлялъ о такой поѣздкѣ; напротивъ, онъ опасался, какъ бы министры не заманивали его съ тѣмъ, чтобы взять его въ свои руки, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ, какъ Мазепу извѣщали, повсюду носились слухи о его тайномъ соглашеніи со Станиславомъ и о сношеніяхъ со шведами [16]).

На посланное 6 октября письмо Мазепа 10-го числа того же мѣсяца получилъ отвѣтъ. Царскіе министры сообщали, что, по совѣту съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, они постановили послать царскій указъ кіевскому воеводѣ князю Дм. Мих. Голицыну, чтобъ онъ съ царскими ратными людьми, находившимися въ Кіевѣ, и съ пристойною артиллеріей шелъ въ средину Укра-

---

*) ... гультайство и посполство похотятъ людей честныхъ и богатыхъ побивать и пожитки ихъ разграблять (Ibid).

[16]) Письмо Орлика.

ины съ цѣлію не допускать въ малороссійскомъ народѣ «шатости». Гетманъ долженъ послать къ нему для той же цѣли козацкій отрядъ изъ разныхъ полковъ своего регимента, а самъ со всѣмъ остальнымъ войскомъ немедленно долженъ идти къ Новгородъ-Сѣвероку, разставить свое войско надъ Десною и самъ лично пріѣхать въ главную армію для совѣта съ фельдмаршаломъ. Выставлялась между прочимъ и такая необходимость его прибытія: въ народѣ носились слухи, будто гетманъ покидаетъ Украину во время непріятельскаго наступленія и гетману слѣдуетъ своимъ появленіемъ при царскомъ войскѣ разсѣять такіе слухи. Притомъ, ему извѣстны нравы и мѣстные обычаи народа и онъ можетъ наставлять царскихъ министровъ и военачальниковъ. Своевольства, начавшіяся въ Украинѣ, скорѣе усмирятся, когда народъ увидитъ, что великорусскія войска, вмѣстѣ съ козаками, могугъ ихъ усмирить. На счетъ опасности вторженія Станислава министры успокоивали гетмана: слухи, полученные имъ о Станиславѣ, невѣрны; министрамъ, напротивъ, подлинно извѣстно, что Станиславъ находится еще въ Маріенбургѣ и ранѣе конца октября не выступитъ изъ Пруссіи [17]).

Страшная тревога волновала душу Мазепы. Онъ долженъ былъ скрываться и каждую минуту находиться въ страхѣ, что вотъ-вотъ откроется его коварство, вотъ-вотъ министры догадаются. И дѣйствительно, кажется, министры уже начинали догадываться, что въ поведеніи гетмана есть что-то зловѣщее, но никто не смѣлъ заявить объ этомъ царю, такъ какъ Петръ не переставалъ довѣрять честности и прямотѣ своего гетмана. Петръ настолько вѣрилъ въ него, что когда ему представили показаніе Улашина, то онъ заботился о томъ, что гетманъ можетъ этимъ потревожиться, и писалъ къ Меншикову, чтобы князь повидался съ гетманомъ и утѣшилъ его, потому что «бездѣльники опять своимъ воровствомъ стали оскорблять его» [18]). Чтобы лучше отклонить отъ государя всякое подозрѣніе на себя, гетманъ въ этомъ же мѣсяцѣ октябрѣ отправилъ къ Петру войсковаго асаула Максимовича—одного изъ своихъ соумышленниковъ—съ просьбою дать указъ утвердить и отмежевать земли, скупленныя имъ у помѣщиковъ Рыльскаго уѣзда, и дозволить населить ихъ пришлыми вольными людьми [19]). Кто бы могъ послѣ этого подумать, что

---

[17]) Гос. Арх. Переписка Мазепы.
[18]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 198.
[19]) Ibid., стр. 184.

этотъ человѣкъ намѣренъ оторваться отъ царской державы, когда онъ въ этой державѣ пріобрѣтаетъ себѣ поземельную собственность! Максимовичъ, отъ имени гетмана, поднесъ царю въ даръ 2.000 червонцевъ, а царь вѣроятно тогда въ нихъ нуждался. Въ то же время Мазепа поздравлялъ царя съ побѣдою при Лѣсномъ въ краснорѣчиво составленномъ письмѣ, въ которомъ, по своему обычаю, желалъ царю «до конца» сокрушить своихъ враговъ *). Царь послѣ побѣды при Лѣсномъ находился въ Смоленскѣ и по обычаю своему, наблюдаемому послѣ каждой военной удачи, праздновалъ побѣду, въѣзжалъ въ городъ тріумфально, при пушечной пальбѣ; за нимъ везли отнятые отъ непріятеля знамена и пушки; онъ посылалъ разныя распоряженія на Донъ, гдѣ князь Долгорукій добивалъ булавинцевъ, и на сѣверъ, гдѣ Апраксинъ расправлялся съ шведскимъ генераломъ Либекеромъ, а 20-го октября выѣхалъ изъ Смоленска къ войску въ Украину [20]).

Надобно было предупредить пріѣздъ царя и провести какънибудь царскихъ министровъ до тѣхъ поръ, пока Карлъ подойдетъ поближе. Царь требовалъ во что бы то ни стало, чтобы Мазепа ѣхалъ къ русскимъ военачальникамъ на совѣтъ: Мазепа отвѣчалъ, что исполнитъ царскій указъ, хотя бы его постигла

---

*) Двѣ препочтеннѣйшіе вашего царскаго величества грамоты о богодарованной надъ генераломъ непріятельскимъ Левенгауптомъ викторіи писаные получихъ съ неописанною и неизглаголанною радостію чрезъ нарочнаго в. царскаго в—ства куріера з которыхъ извѣстясь какъ ваше царское величество помазанникъ Божій дражайшаго своего не щадя живота и здравія самъ превысочайшею своею особою монаршою на толь жестокіе непріятельскіе огни отъ полудни даже до нощи неустрашимымъ мужественнымъ сердцемъ наступая, помощію Того имъ же царіе царствуютъ и побѣждаютъ укрѣпляемый свыше крѣпкого непріятеля одолѣлъ, разорилъ, попралъ и до конца побѣдилъ возрадовахся неизреченно и во знаменіе толь великой радости воздавъ молебнымъ пѣніемъ Богу благодареніе торжествовахъ чрезъ увесь день съ всѣмъ войскомъ при мнѣ будучимъ пушечнымъ и изъ ручного ружа стреляніемъ, во всѣ же регименту моего малороссійскіе городы разослахъ универсалы оглашая толь преславную в—му ц—му в—ству надъ непріятельскимъ корпусомъ дарованную отъ Бога викторію, которой я по должности и вѣрности своей подданской благопривѣтствуя в. ц. в—ству желаю усерднѣ, дабы Той же побѣдоносецъ Богъ крѣпкій и сильный въ бранехъ не токмо мужественное в. ц—го в—ства сердце неопредѣленною храбростію, но и руцѣ силою своею божественною укрѣпляя на брань яко нынѣ надъ генераломъ непріятельскимъ Левенгауптомъ вожделѣнную всему православію, а врагомъ всѣмъ многопечальную и отчаянную даровалъ в—му ц—му в—ству побѣду тако и самого его принципала при окончаніи нынѣшней компаніи пособилъ со всею его силою до конца потребити и сокрушити, прославляя въ концы вселенныя преславное в. ц—го в—ства имя безсмертными побѣдительными тріумфами (Гос. Арх. Письмо Мазепы 11 окт.).

[20]) *Голиковъ*. „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 30.

въ пути смерть; онъ поплыветъ въ суднѣ изъ Салтыковой-Дѣвицы вверхъ по Деснѣ, а потомъ по Борзнѣ до города Борзны; сухопутьемъ же, во время осенней колоти, ему ѣхать невозможно по причинѣ его хирагрическихъ и подагрическихъ припадковъ [21]). Въ это время собралъ онъ старшинъ и сказалъ:

«Меня зовутъ въ царское войско. Но тамъ у меня есть искренніе пріятели; они предостерегли моего канцеляриста Болбота, чтобъ я не ѣздилъ къ царскому двору, а паче старался бы охранять и себя и весь малороссійскій народъ; пусть бы всякъ зарывалъ въ землю все что есть дорогого, потому что царь, не надѣясь отъ Украины постоянства въ случаѣ непріятельскаго вторженія, хочетъ устроить что-то недоброе надъ гетманомъ и надъ всѣмъ народомъ». Это сообщалось подъ большимъ секретомъ.

Все это, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ вымыселъ противуположный тому, что происходило на самомъ дѣлѣ: канцеляристу Болботу, напротивъ, говорили, что царь милостивѣе къ гетману, чѣмъ къ Меншикову, и не станетъ слушать никого, кто бы о немъ дурно ни говорилъ. Относительно же совѣта зарывать въ землю все дорогое—совѣтъ этотъ, какъ мы уже видѣли, давался и прежде гетманомъ въ предостереженіе отъ шведовъ [22]).

Дѣйствительно царь и его министры показывали заботливость о здоровьи гетмана. Къ нему послали Семена Протасьева съ указомъ, позволяющимъ ради болѣзни оставаться при обозѣ на лѣвой сторонѣ Десны, а за Десну послать по своему разсмотрѣнію легкое войско компанейцевъ и сердюковъ. Протасьевъ увидѣлъ гетмана въ Борзнѣ, куда онъ прибылъ водою изъ Салтыковой-Дѣвицы *). Мазепа лежалъ въ постелѣ, едва говорилъ и казался уже при смерти, однако онъ изъявлялъ готовность идти далѣе, хотя бы пришлось гробъ за собою везти, хвалилъ министровъ за то, что указали Голицыну оберегать Украину отъ народнаго возмущенія [23]). Протасьевъ, воротившись, говорилъ Головкину, что гетманъ, можно сказать, совсѣмъ при смерти.

Въ Борзну, по приглашенію умирающаго Мазепы, пріѣхалъ кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, возвращавшійся изъ Москвы съ своего посвященія, и совершилъ надъ нимъ обрядъ

---

[21]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Мазепы 13 октября.
[22]) Письмо Орлика.
*) Мѣст. Черниговскаго уѣзда, при р. Деснѣ и Дѣвицѣ.
[23]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.

елеосвященія [24]). Министры и послѣ посѣщенія Протасьева продолжали посылать къ нему письма и торопить скорѣйшимъ выступленіемъ, а Мазепа, въ своемъ письмѣ къ Головкину, жаловался, что какъ будто недовѣряютъ его недугу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здоровье его и жизнь въ безнадежномъ состояніи *). Головкинъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ гетмана, что онъ ему вполнѣ вѣритъ и сожалѣетъ о его болѣзни, никакой клеветникъ не посмѣетъ говорить о гетманѣ дурно, потому что ему не повѣрятъ **).

Между тѣмъ изъ письма Орлика мы узнаемъ, что у гетмана въ Борзнѣ происходило вотъ что.

Уже нѣсколько дней Ломиковскій и полковники настаивали, чтобы Мазепа посылалъ къ шведскому королю. Мазепа все откладывалъ, представляя разныя неудобства. Наконецъ, въ Борзнѣ, вечеромъ, зоветъ къ себѣ гетманъ Орлика и говоритъ: «иди къ Ломиковскому и къ полковникамъ, пусть рѣшительно скажутъ, посылать ли къ королю, или оставить эту посылку».—«Я думаю,—говоритъ въ своемъ письмѣ Орликъ,—тогда Мазепа, говоря это, насъ испытывалъ».

Ломиковскій и полковники, выслушавши этотъ запросъ, говорили съ досадою: мы видимъ у Мазепы «оспалость» и умедленіе; сколько разъ мы предлагали и просили его объ этомъ; надобно было посылать къ королю еще тогда, когда онъ только доходилъ до границы, а Мазепа все медлилъ и черезъ то навелъ великороссійскія войска въ Украину на разореніе и всенародное кровопролитіе; и теперь, когда уже шведы у насъ подъ носомъ, онъ невѣдомо зачѣмъ медлитъ.

---

[24]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 года.

*) ... давно бы уже я пошелъ въ дорогу, но въ своей болѣзни не только не могу ѣхать, но и на ложку самъ собою подняться и повернуться не могу, развѣ мене служащіи поднявъ перевернутъ на другую сторону; полкъ стрѣлецкій посылаю, а самъ въ Борзнѣ для обереженія Украины подожду, ожидая или смерти или облегченія, которое развѣ молитвами архіерейскими получу (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письма Мазепы).

**) ... изволъте ваше сіятельство сему, какъ и во всемъ прочемъ мнѣ вѣрить, что я есть истинный вашъ пріятель и о скорби вашей имѣю усердное сожалѣніе, какъ для особливой пріязни, такъ и для общихъ интересовъ; а что ваше сіятельство изволишь писать въ цидулѣ, будто нѣкакой лжеклеветникъ васъ обнесъ, что вы себѣ болѣзнь будто притворяете, то я вашему сіятельству истинно доношу, что ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а еслибъ сіе кто и дерзнулъ говорить, какъ бы могли оному въ томъ вѣрить, видя вашего сіятельства письма!—Мы вѣримъ вашему сіятельству во всемъ и безъ свидѣтельственныхъ писемъ, и зѣло о томъ соболѣзнуемъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1708 г. Письмо Головкина).

Такимъ образомъ гетманъ довелъ старшинъ до того, что они заговорили такимъ тономъ, какъ будто гнѣваются на гетмана, зачѣмъ онъ, сообразно ихъ общей волѣ, не пристаетъ къ шведскому королю. Услышавши такія рѣчи отъ Орлика, онъ позвалъ къ себѣ Ломиковскаго и другихъ соумышленниковъ. «Все это лысый чортъ Ломиковскій мутитъ»,—сказалъ онъ.

Когда явились соумышленники, Мазепа принялъ гнѣвный видъ и говорилъ: «Что̀ это? Вы не совѣтуетесь, а только меня судите! Ахъ чортъ васъ побери! Я вотъ возьму съ собою Орлика и поѣду ко двору царскаго величества, а вы себѣ тутъ хоть пропадайте!» *).

Но спустя немного времени онъ успокоился и уже безъ гнѣва спрашивалъ: «Ну, что же, посылать къ королю?» Ему отвѣчали:— «Какъ же не посылать! Давно бы это надлежало сдѣлать и теперь не надобно откладывать» **).

Тогда Мазепа, какъ бы соображаясь съ тѣмъ, что услышалъ отъ старшинъ, приказалъ позвать Быстрицкаго. Это былъ полякъ, управитель у Мазепы въ его гетманской Шептаковской волости. Онъ, какъ говорятъ, состоялъ въ какомъ-то родствѣ или свойствѣ съ гетманомъ. Прежде всего Мазепа велѣлъ ему передъ всѣми присягнуть, что онъ будетъ хранить въ секретѣ то, что ему поручится. Быстрицкій исполнилъ это. Тогда Мазепа велѣлъ Орлику составить инструкцію къ графу Пиперу по-латыни, а своему аптекарю перевести ее на нѣмецкій языкъ, и вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ вручилъ Быстрицкому. Не было ни печати, ни подписи на этой инструкціи. Отъ себя лично Мазепа также не посылалъ никакого письма ни къ королю, ни къ графу Пиперу. Содержаніе этой инструкціи было таково: гетманъ поручалъ Быстрицкому передать свою радость по поводу вступленія шведскаго короля въ Украину, просилъ Карла оказать протекцію гетману Войска Запорожскаго и всему народу малороссійскому въ дѣлѣ освобожденія отъ тяжелаго московскаго ига. Онъ предлагалъ шведскимъ войскамъ безопасность и просилъ скорѣе прислать къ нему напередъ вспомогательный отрядъ

---

*) ... знаю я, что не хто иншій тое переговариваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломиковскій. И призвавъ ихъ къ себѣ зъ великимъ гнѣвомъ сказалъ: вы не совѣтуете, токмо о мнѣ переговоруете, бери васъ чортъ! Я взявши съ собою Орлика до двору царского поеду, а вы хочъ пропадайте (Письмо Орлика).

**) ... и оставивши гнѣвъ вопрошалъ ихъ если посылать до короля?— Отвѣщали они: якъ же не посылать? Давно тое належало учинить и теперь не треба откладать (Письмо Орлика).

для обороны, которому обѣщалъ устроить паромы для переправы на Деснѣ у Макошинской пристани *).

Мазепа, отправляя Быстрицкаго съ неподписанною и непринечатанною инструкціею, не присоединивши къ ней собственноручнаго письма, подвергалъ Быстрицкаго опасности, попавшись въ руки русскимъ, быть признаннымъ за одно изъ тѣхъ орудій, какими, по увѣренію Мазепы, его тайные и явные недоброжелатели много разъ старались набросить подозрѣніе на вѣрность гетмана своему государю. Конечно, на это разсчитывалъ Мазепа, отпуская Быстрицкаго съ такимъ недодѣланнымъ письменнымъ видомъ [25]). Въ исторіи, писанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [26]), приводится письмо, посланное будто бы гетманомъ къ шведскому королю; но свидѣтельство Орлика о томъ, что Мазепа отправилъ Быстрицкаго съ неподписанною инструкціею, вѣроятнѣе, какъ извѣстіе лица ближе тогда стоявшаго къ этому дѣлу. Быть можетъ, однако, письмо, приводимое Ѳеофаномъ въ переводѣ **), составляло смыслъ инструкціи, данной Быстрицкому,

---

*) Макошинъ—село на Деснѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губ.

[25]) Письмо Орлика.

[26]) *Ѳеоф. Прокоповичъ*: „Ист. Петра Вел.", стр. 211 и 212.

**) ... многими обидами малороссійскій народъ отъ великороссійскаго отягощенъ, ничего иного желати можетъ только удобнаго къ отмщенію времени и сильнаго нѣкоего избавителя, яковаго лучшаго не видитъ какъ твое величество, государя, своимъ природнымъ и людей своихъ мужествомъ, вездѣ славнаго и страшнаго; ниже быти можетъ удобнѣйшій къ тому часъ, яко время сіе, когда народъ нашъ поощряется къ дерзновенію, которое давно имѣлъ въ своихъ помыслахъ, но еще удобствія не видѣлъ. Не упустить же бы такъ полезнаго благовременія и не откладать начатаго поспѣха, дабы возженная въ народѣ ревность за продолженіемъ желанія своего не прохолонула (какъ то обыче бывати). Что про мене самого—съ клятвою извѣстно творю величеству вашему быти во мнѣ неотложное и ниже мало зыблющееся намѣреніе и вскорѣ подтвердити оное потщуся всякимъ прилежнѣйшимъ тщательствомъ, хотя того уже и не малая часть доселѣ дѣломъ явилася: уготованы лучшіе городы къ квартирамъ и оборонѣ, фуражъ, провіантъ и потребная амуниція, еликомощно намъ, готово довольно и выборныхъ платежныхъ козаковъ, кромѣ посполитыхъ городовыхъ полковъ; о запорожцахъ, что съ нами будутъ вѣдаемъ подлинно, да кромѣ того и татарской зъ Крыма помощи, по ихъ къ людямъ черкаскимъ склонности, надѣемся. А что двѣ несчастливыя мимошедшія баталіи не имѣютъ быти прогностикомъ дальшого поведенія, лучше толкуетъ ваша вамъ и храбрость и мудрость, такожъ и знаемый обычай фортуны, которая какъ смутное по веселомъ, такъ и по смутномъ веселое лице являетъ. Что и непріятель разсуждая (какъ то намъ его помыслы не невѣдомы) больше мню къ боязни нежели къ дерзости преклоненъ есть. Того ради вседушно просимъ и ожидаемъ поспѣшнѣйшаго в—ства вашего къ намъ пришествія, яко единого того всему намѣренному дѣлу счастія. Если же и король Станиславъ съ помощными силами не умедлитъ, то уже въ рукахъ нашихъ викторія.

т. е. сущность того, что онъ долженъ былъ сказать графу Пиперу отъ имени своего гетмана.

Отправивши такимъ образомъ Быстрицкаго къ шведамъ, Мазепа въ тотъ же день послалъ Головкину письмо, въ которомъ извѣщалъ, что онъ уже болѣе десяти дней не ѣстъ и не спитъ и едва живъ, только надѣется чудотворнаго облегченія отъ елеосвященія *).

Шведское войско шло по направленію къ Стародубу. Главная квартира русской арміи была въ Погарѣ. Высланный противъ непріятеля генералъ Инфлянтъ принужденъ былъ отступить. Русскіе думали, что непріятель попытается овладѣть Стародубомъ, но шведы прошли Стародубъ мимо и пошли вправо двумя колоннами, изъ которыхъ одна была подъ личнымъ предводительствомъ короля. Въ ночь съ 20 на 21 октября они были въ Семеновкѣ **); очевидно было, что они направлялись на Новгородъ-Сѣверскъ. Русская главная квартира перешла въ Гримячъ ***). Русскіе военачальники рѣшили идти за непріятелемъ [27]). Меншиковъ съ кавалеріей находился между тѣмъ на другой сторонѣ—между Стародубомъ и Черниговомъ, слѣдилъ за движеніемъ непріятеля и узнавши, что непріятель поворотилъ отъ Стародуба, писалъ государю, что шведы вѣроятно намѣреваются удалиться на Волынь, потому что наступающая зима не дозволитъ имъ идти далѣе въ Украйну. Меншиковъ послалъ къ Мазепѣ и просилъ пріѣхать для совѣщанія, а самъ 20-го октября остановился со своею кавалеріей въ Горскѣ ****). Но вмѣсто Мазепы пріѣхалъ къ Меншикову племянникъ гетмана Войнаровскій и привезъ отъ дяди письмо. Мазепа извѣщалъ Меншикова, что онъ при послѣднемъ издыханіи: отъ подагры и хирагры приключилась ему эпилепсія; извѣщая объ этомъ государя, Меншиковъ

---

*) ... устрашаютъ мя псаломническія словеса: всякаго брашна возгнушася душа ихъ и приближишася до вратъ смертныхъ; понеже болшъ отъ десяти день якъ ничого не ѣмъ ниже сплю и Богъ вѣсть если тые псаломническіе словеса не исполнятся на мнѣ; развѣ молитвами новаго архипастыря нашего преосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, который возвращаяся з царствующаго великаго града Москвы засталъ мене тутъ въ болезнѣ и отправилъ надо мною елеосвященіе, обновитъ Господь Богъ здравіе мое облегченіемъ (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. Письмо Мазепы 21 окт.).

**) Село Глуховскаго уѣзда при р. Есмани.

***) Село Стародубскаго уѣзда на р. Судости.

[27]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина.

****) Нынѣ мѣстечко Городненскаго уѣзда при р. Сновѣ.

изъявлялъ сожалѣніе о болѣзни гетмана *). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ отзывался вообще неодобрительно о козакахъ, которыхъ гетманъ, по царскому приказанію, отправилъ на службу противъ шведовъ **).

Дѣйствительно отправленные гетманомъ въ походъ полковники, бывшіе въ соумышленіи съ гетманомъ, докладывали ему рапортомъ, что козаки миргородскіе, прилуцкіе и другихъ полковъ заволновались и просятъ, чтобъ ихъ не посылали за Десну, потому что великороссіяне причиняютъ ихъ братіи всякаго рода обиды и утѣсненія ***). Подобное настроеніе козаковъ, показывавшее непріязненныя отношенія къ великороссійскому войску, было тогда нá-руку Мазепѣ и могло подавать ему надежды, что Карлъ найдетъ себѣ въ Украинѣ союзниковъ.

---

*) ... гетмана со дня на день къ себѣ ожидалъ, но вмѣсто него получилъ вчерашняго дня видѣть Войнаровскаго... о болѣзни своей гетманъ пишетъ, что отъ подагричной и хирагричной приключилась ему апелепсія. И сія вѣдомость зѣло меня опечалила—первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, другое тѣмъ, что жаль такова добраго человѣка ежели отъ болѣзни Богъ его не облегчитъ (Гос. Арх. Письма Меншикова).

**) ... а что велѣно идти войску гетманскому и на то слабая надежда, понеже здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страхѣ зъ домовъ своихъ совсѣмъ убравшись кой куда врознь разъѣзжаются, здѣшняго черниговского полку только съ полтараста человѣкъ здѣсь мы изобрѣли и тѣ изъ послѣднихъ, а изъ старшинъ почитай никого не видно, а который появится, да того жъ часу спѣшитъ до двора, чтобъ убратися и бѣжать. За благо вашей милости совѣтую, что мнѣ кажется время и самимъ вамъ скорѣе путешествовать ради лучшаго при сихъ обстоятельствахъ распоряженія (Гос. Арх. Письма Меншикова).

***) По ординансу вашей вельможности приняли мы трактъ съ полками къ Новымъ Млинамъ для переправованя Сейму и простованя ку Деснѣ на службу вашего царскаго величества, кгды уже минулисьмо Борзну зайшло насъ зо всѣхъ полковъ при насъ знайдуючихся товариство со старшиною полковою и сотники большимъ гуртомъ нежели въ Салтыковой Дѣвицѣ предъ окна станціи вашей вельможности приходили, не бунтуючись (чего уховай Боже) але з тымъ озываючись нжъ не тилько здоровя своего готовы не щадѣти за достоинство его царского пресвѣтлого величества але и головы з выляномъ остатней кропли крови зложити рады. А просили насъ о донесеню вашей вельможности такого прошенія: понеже увѣдомилися они отъ приходячихъ зъ переяславскаго и нѣжинскаго полковъ въ Стародубщинѣ зостаючихъ товариства нжъ тамъ обрѣтаючимся великіи долеглнвости и тягости дѣются едныхъ выпрацовавши работою въ фортецы запроважено, другихъ не малое число на приватные войсковымъ людямъ необыклые послуги порозбирали, а найбарзѣй кгды отъ бѣглыхъ у Стародубщинѣ людей почули нжъ тыи худобы и жилищъ своихъ чрезъ спалене и руину позбывши съ самыми тилко душами въ сии по семъ боку Десны знайдуючися збѣгли городы цѣле при упору ставши просили обы имъ не было указу вашей вельможности идти за Десну (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. Окт. 1708 г.).

Быстрицкій, отправившись вмѣстѣ со шведскимъ плѣнникомъ, представился шведскому королю въ селеніи Паноровкѣ *) на пути отъ Стародуба къ Деснѣ [28]). Отпущенный немедленно назадъ, онъ не привозилъ Мазепѣ ничего писаннаго, но устно сообщилъ, что король обѣщалъ быть къ Деснѣ 22 числа въ пятницу, когда воротился и Быстрицкій. 23 числа пріѣхалъ въ-торопяхъ въ Борзну Войнаровскій и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ въ Борзну самъ Меншиковъ и прибудетъ къ обѣденному времени въ воскресенье. Самъ Войнаровскій говорилъ, что убѣжалъ отъ Меншикова тайно, покинувши и свои возы и прислугу, потому что услыхалъ, какъ одинъ офицеръ нѣмецкаго происхожденія говорилъ другому офицеру: «помилуй, Господи, этихъ людей! Завтра они будутъ въ кандалахъ».—«Я не знаю до сихъ поръ,—говоритъ передающій событія тѣхъ дней Орликъ,—точно ли слышалъ это Войнаровскій, или Мазепа научилъ его такъ говорить, чтобъ насъ всѣхъ обольщать» [29]). Но изъ писемъ Меншикова къ царю видно, что Меншиковъ дѣйствительно имѣлъ тогда намѣреніе посѣтить Мазепу.

Гетманъ, получивши извѣстіе, что пріѣдетъ къ нему Меншиковъ, тотчасъ «порвался какъ вихоръ», по выраженію современника, и поспѣшилъ въ свой Батуринъ. За нимъ поѣхали бывшіе при немъ старшины. Въ Батуринъ прибылъ онъ въ субботу уже поздно. Послѣдняя ночь, проведенная Мазепою въ своей резиденціи, прошла въ распоряженіяхъ. Нужно было спустить царскаго полковника Анненкова и гетманъ отправилъ его къ Меншикову съ письмомъ, въ которомъ просилъ прощенія своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно отъ Меншикова, и называлъ его поступокъ легкомысленнымъ [30]). Такъ-то благовиднымъ образомъ гетманъ успѣлъ удалить изъ Батурина царскаго наблюдателя за своими поступками, не смѣвшаго, разумѣется, подозрѣвать ничего дурного за Мазепой.

Послѣ того гетманъ поручилъ Батуринъ сердюцкому полковнику Чечелу, арматному асаулу Кенигсену—нѣмцу по происхожденію—и батуринскому сотнику, по имени Димитрію. Съ ними военной силы оставлено было въ Батуринѣ четыре сердюцкихъ

---

*) Нынѣ мѣстечко Стародубскаго уѣзда при р. Ревкѣ въ 26 верстахъ отъ Стародуба.

[28]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 146.

[29]) Письмо Орлика.

[30]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 146.

полка (Чечеловъ, Покотиловъ, Денисовъ и Максимовъ) и часть городовыхъ полковъ Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго, которыхъ другая часть уведена была гетманомъ съ собою [31]). Начальныя лица, оставляемыя въ Батуринѣ, уже настроены были къ замыслу Мазепы. Гетманъ наказывалъ имъ не сдавать города, если придутъ русскіе, отбиваться отъ нихъ и дождаться шведской помощи; онъ обнадеживалъ, что возвратится къ нимъ на выручку скоро и приведетъ съ собою самого шведскаго короля съ его храбрымъ войскомъ. Утромъ въ воскресенье гетманъ простился на вѣки съ своимъ Батуринымъ, переправился черезъ Сеймъ и въ тотъ же день къ вечеру прибылъ въ Коропъ *), переночевалъ тамъ съ 24 на 25 октября и въ понедѣльникъ 25 числа переправился черезъ Десну у Оболонья **). Козаки были увѣрены, что гетманъ по царскому указу ведетъ ихъ противъ непріятеля [32]). Съ Мазепою переправилось войска отъ четырехъ до пяти тысячъ [33]). Другая часть—отъ пяти до шести тысячъ—оставлена была на лѣвомъ берегу Десны [34]). Такъ какъ иные козацкіе полки заранѣе были разосланы на царскую службу въ разныя мѣста, то вмѣсто тысячъ двадцати готовыхъ и вооруженныхъ, какъ надѣялся Карлъ по обѣщаніямъ отъ Мазепы, его новый союзникъ едва могъ привесть и четверть обѣщаннаго числа. Но и съ тѣми нужно было еще объясняться. Кромѣ немногихъ единомышленниковъ, никто ни изъ старшинъ, ни изъ рядовиковъ не воображалъ узнать внезапно отъ своего предводителя, что онъ ведетъ ихъ вовсе не на бой съ царскимъ непріятелемъ. Послѣ переправы черезъ Десну, двинувшись немного впередъ, гетманъ приказалъ козакамъ построиться и началъ говорить рѣчь. Тутъ только гетманъ объявилъ своему козачеству, что онъ ведетъ его не противъ короля, а противъ царя—утѣснителя козацкой вольности. Гетманъ исчислялъ разныя утѣсненія, которыя творилъ царь на Украинѣ, и какъ на главное указывалъ, что онъ хочетъ козаковъ повернуть въ солдаты. Такіе слухи давно уже ходили между козаками. Гетманъ увѣрялъ, что, часто бесѣдуя съ царемъ, онъ вывѣдалъ всѣ его тайныя намѣ-

[31]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. Показаніе козака Дубяги.

*) Нынѣ заштатный городъ Кролевецкаго уѣзда, при р. Коропѣ.

**) Нынѣ мѣстечко Кролевецкаго уѣзда, на р. Деснѣ, въ 38 верстахъ отъ Кролевца.

[32]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 38.

[33]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., т. III, стр. 147.

[34]) *Fryxel*, т. I, стр. 129.

ренія: хочетъ онъ потоптать всѣ вольности и права Украины и ввести московское правительство въ краѣ. Мѣтко было задумано Мазепою затронуть козацкое сердце: боязнь московскаго правительства и начальствующихъ лицъ великороссійскаго происхожденія вмѣсто туземцевъ тревожила малороссіянъ при прежнихъ гетманахъ и передавалась въ поколѣнія.

«Я, — говорилъ Мазепа, — много разъ старался отвратить царя отъ намѣреній погибельныхъ для всего народа малороссійскаго. Но изъ того не вышло ничего добраго: только я самъ подпалъ его гнѣву и злобѣ и не нашелъ иного способа спасенія себѣ, какъ обратиться къ великодушію шведскаго короля. Онъ обязывается уважать наши права и вольности и защищать ихъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые на нихъ посягаютъ и впередъ станутъ посягать. Братія! пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаемъ: отомстимъ москалямъ за ихъ долговременное насиліе надъ нами, за всѣ совершонныя ими жестокости и несправедливости, охранимъ на будущія времена нашу свободу и права козацкія отъ ихъ посягательствъ! Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное ярмо и сдѣлать нашу Украину страною свободною и ни отъ кого независимою. Вотъ къ какой будущности я васъ всѣхъ призываю. Вы, братія, вѣрно достигнете этой цѣли при вашемъ мужествѣ и при содѣйствіи шведскаго короля, который предлагаетъ вамъ воевать противъ москалей вмѣстѣ со шведами» [35]).

Рѣчь гетмана прослушана была безъ отвѣта [36]). Каждый изъ непосвященныхъ заранѣе въ замыслы гетмана не смѣлъ ему противорѣчить: каждый думалъ, что вѣроятно у гетмана есть уже много желающихъ поступать по его волѣ; слѣдовательно, открытое противорѣчіе не остановитъ предпріятія, а только можетъ повредить тому, кто станетъ говорить наперекоръ предводителю [37]). Поэтому многіе, сразу не пожелавшіе идти по пути указываемому гетманомъ, предпочли, не сопротивляясь ему, улизнуть отъ него, когда прійдетъ удобное время.

Гетманъ послалъ обознаго Ломиковскаго и писаря Орлика къ начальникамъ передоваго шведскаго поста, состоявшаго изъ двухъ драгунскихъ полковъ. Они квартировали въ деревнѣ за Орлов-

---

[35]) Ibid. — *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 38.
[36]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 147.
[37]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 39.

кою *). Командирами были Гьельмъ и Гилленстіерна. Они были изумлены такимъ неожиданнымъ появленіемъ. Полковникъ Гьельмъ рѣшительно не повѣрилъ и подозрѣвалъ непріятельскую уловку. У него въ полку служилъ капитаномъ одинъ итальянецъ, который былъ прежде въ русской службѣ и зналъ Мазепу лично. Гьельмъ послалъ его къ козакамъ узнать навѣрное, что это значитъ. Не долго исполнялъ свое порученіе итальянецъ; онъ вернулся быстро и донесъ полковнику, что самъ гетманъ прибылъ съ нимъ.

Гьельмъ принялъ Мазепу съ честью, подобавшею высокому званію главы народа и войска, и гетманъ оставался у шведскихъ полковниковъ до 28 октября. Между тѣмъ полковники немедленно дали знать о всемъ своему королю, котораго главная квартира находилась въ Горкахъ **) надъ самою Десной [38]).

Король долженъ былъ уже ожидать прихода козацкаго гетмана, такъ какъ о томъ предварилъ его Быстрицкій. Но король еще не довѣрялъ искренности человѣка, такъ долго и вѣрно служившаго своему государю, тѣмъ болѣе, что королю дѣлались извѣстными универсалы гетмана къ малороссійскому народу, писанныя на-показъ русскимъ и потому не выражавшія расположенія къ шведамъ. Это-то и было причиной, что король не торопился переходить Десну, тогда какъ у Мазепы было желаніе, чтобы король перешелъ эту рѣку прежде, чѣмъ гетманъ объявитъ себя во всеуслышаніе на его сторонѣ [39]). Вѣроятно, гетманъ разсчитывалъ, что край, лежащій по лѣвую сторону Десны, ему будетъ болѣе послушенъ: жители его въ этнографическомъ смыслѣ были коренные малороссіяне и притомъ этотъ край присоединенъ былъ съ остальною Малороссіей къ Московской державѣ только при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда какъ правая сторона Десны въ давнія времена—еще въ XV и въ XVI вѣкахъ—составляла достояніе Москвы и жители ея образовывали переходную народность между великороссійскою и малороссійскою. Очень можетъ быть, что такія соображенія побуждали гетмана

*) Мѣстечко Новгородсѣверскаго уѣзда, при рѣкѣ Убѣди, въ 37 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

**) Мѣстечко Новгородсѣверскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, по дорогѣ въ Сосницу.

[38]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 147 и 148.

[39]) *Ѳеофанъ Прокоповъ*: „Исторія Петра Вел.“, стр. 213.—*Катифора*: „Житіе Петра Вел.“, IV, л. 247.

желать, чтобы шведскій король скорѣе перешелъ Десну, и тогда уже гетманъ могъ прямо открыться съ своимъ замысломъ. Карлъ, по замѣчанію современниковъ, сомнѣвался и потому, достигши Десны, заложилъ свой станъ на ея правомъ берегу.

Пока извѣщали шведскаго короля, Мазепа опять созвалъ своихъ козаковъ и велѣлъ имъ присягнуть, что вступаютъ въ союзъ со шведами для освобожденія Украины отъ московскаго ига [40]). Но тутъ только увидалъ Мазепа, какъ мало военной силы приходилось ему представить своему союзнику. Осталось у него—по однимъ извѣстіямъ полторы тысячи человѣкъ [41]), по другимъ—нѣсколько сотъ,—много до тысячи [42]). Всѣ остальные дали тягу, раскусивши въ чемъ дѣло и что̀ съ ними замышляютъ творить, не спросивши у нихъ предварительно о желаніи [43]).

Вечеромъ 28 октября Мазепа пріѣхалъ къ шведскому королю. Гетманъ представился ему на другой день, 29 октября. Около короля находились тогда знатнѣйшіе вельможи и военачальники; между ними были: канцлеръ графъ Пиперъ, генералъ-квартирмейстеръ Гилленкрокъ, верховный судья, два генералъ-адъютанта и нѣсколько полковниковъ. Съ Мазепою внесли два знака его гетманскаго достоинства—бунчукъ и булаву. Мазепа произнесъ передъ королемъ короткую, но складно составленную рѣчь на латинскомъ языкѣ. Въ этой рѣчи онъ просилъ короля оказать козакамъ покровительство и благодарилъ Бога за то, что посылаетъ имъ избавленіе отъ царскаго рабства. Въ уваженіе къ лѣтамъ и къ подагрическимъ страданіямъ гетмана, его пригласили сѣсть. Король бесѣдовалъ съ нимъ стоя.

Такъ велась бесѣда шведскаго короля съ гетманомъ до полудня. Шведы съ любопытствомъ смотрѣли на Мазепу и слушали его рѣчи. По извѣстію секретаря Карла XII, передъ ними былъ старикъ 66 лѣтъ отъ роду, средняго тѣлосложенія, худощавый, безъ бороды, но съ усами по польскому обычаю. Вообще онъ имѣлъ видъ важный, но временами проявлялъ проблески веселаго и живаго нрава, шутилъ съ очень мѣткимъ остроуміемъ и развеселялъ слушателей; въ рѣчахъ его замѣчали большой тактъ и много ума. Видно было, что онъ былъ человѣкъ образованный и превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Карлу онъ сразу

---

[40]) *Adlerfelg*, нѣм. пер., т. III, стр. 148.
[41]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 39.
[42]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 148.—*Fryxel*, т. I, стр. 129.
[43]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 39.

понравился и былъ приглашенъ къ королевскому столу, вмѣстѣ съ ближайшими къ нему особами изъ генеральныхъ старшинъ. Для прочихъ козаковъ накрыто было два большихъ стола и, кромѣ того, нѣкоторыхъ изъ нихъ пригласили еще обѣдать къ себѣ графъ Пиперъ и генералъ Реншильдъ.

Послѣ обѣда король отошелъ въ свои покои, а за нимъ Мазепа съ бунчукомъ и булавой; въ знакъ своей покорности королевской волѣ, онъ положилъ эти знаки къ ногамъ шведскаго короля. Наконецъ, гетманъ простился съ королемъ и сѣлъ на коня при звукѣ трубъ, на которыхъ заиграли его люди.

Пришло извѣстіе, что партія царскаго войска была выслана схватить Мазепу, не допустивъ его до переправы черезъ Десну, и овладѣла нѣсколькими экипажами изъ его обоза, не успѣвшими переправиться. Король послалъ въ тотъ же вечеръ полковника Дельдорфа съ шведскою кавалеріей и козаками внизъ Десны къ Оболонью слѣдить за движеніями непріятеля и прикрывать лѣвое крыло войска [44]). Отъ 25 до 30 октября шведская главная квартира продолжала находиться въ Горкахъ.

29 числа совершился переходъ царскаго войска черезъ Десну. Русскіе, слѣдуя позади шведовъ, спѣшили предупредить переходъ черезъ Десну своихъ непріятелей, приказавши заднимъ частямъ войскъ жечь на покидаемомъ берегу жилыя мѣстности, въ томъ числѣ Почепъ *) и Погаръ **). Русскій главнокомандующій Шереметевъ долго не подозрѣвалъ Мазепы и, въ день своего перехода черезъ Десну, писалъ къ нему, убѣждая послать универсалы по всей Малороссіи, чтобы народъ не склонялся на «прелестные» шведскіе универсалы, распущенные по краю [45]).

Между тѣмъ въ воскресенье, 24 октября, Меншиковъ, какъ обѣщалъ посѣтить лично гетмана, отправился въ путь; но, доѣхавши до Мены ***), встрѣтилъ ѣдущаго къ нему полковника Анненкова. Тотъ подалъ Меншикову письмо отъ Мазепы и извѣстилъ, что Мазепа пріѣхалъ въ Батуринъ. Меншикову не приходилось уже ѣхать въ Борзну и онъ сказалъ Анненкову: «пошли же скорѣй нарочнаго къ гетману извѣстить, что я къ нему

---

[44]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., т. III, стр. 150.

*) Мѣст. Мглинскаго уѣзда, при р. Судости.

**) Заштат. городъ Стародуб. уѣзда, при той же рѣкѣ.

[45]) Гос. Арх. Письма Шереметева къ царю.

***) Мѣстечко Сосницкаго уѣзда, на р. Менѣ, въ 21 верстѣ отъ Сосницы и въ 65 отъ Чернигова.

ѣду». Но вдругъ пріѣзжаетъ кіевскій губернаторъ, князь Дм. Мих. Голицынъ. Должно-быть онъ находился гдѣ-нибудь вблизи, такъ какъ на него возложена была обязанность наблюдать за спокойствіемъ народа въ Малороссіи. Оба военачальника стали догадываться, что происходитъ что-то недоброе: послѣдніе поступки Мазепы заставляли всѣхъ и даже самого царя призадумываться и приглядываться, хотя ни царь, ни вельможи не рѣшались оскорблять гетмана явными сомнѣніями [46]).

Меншиковъ и Голицынъ переправились на ночь съ 24 на 25 число черезъ Десну и быстро покатили въ Батуринъ. Въ селѣ Обмачевѣ, близъ Батурина, явился къ Меншикову нѣкто Соболевскій и объявилъ за собою *слово и дѣло государево*. Его позвали на свиданіе съ Меншиковымъ въ одну сельскую хату.

Онъ сказалъ: «Мазепа уѣхалъ къ шведскому королю, а въ Батуринѣ далъ приказаніе не впускать русскихъ, пока онъ самъ не придетъ со шведскими силами, если русскіе придутъ въ большомъ числѣ; если же въ небольшомъ, то впустить, но задержать военачальниковъ».

Поразительна была такая вѣсть. Меншиковъ обошелся ласково съ Соболевскимъ, но вполнѣ ему еще не повѣрилъ. Оба военачальника поѣхали далѣе въ Батуринъ и пріѣхали туда къ полудню [47]).

Въ батуринскомъ подворкѣ оставались русскіе офицеры и солдаты полка Анненкова. Они объявили, что гетманъ вчера, въ воскресенье, уѣхалъ въ Коропъ. Сердюки и батуринскіе обыватели ушли въ замокъ и заперлись въ немъ. На стѣнахъ стояли вооруженные люди; наведены были пушки. Меншиковъ отправилъ Анненкова объясниться съ запершимися въ осаду.

— Что это значитъ?—спрашивалъ Анненковъ подъѣхавши къ стѣнамъ. — Зачѣмъ вы укрѣпились будто противъ непріятеля? Отворите ворота, впустите въ городъ князей и съ ними царскихъ ратныхъ людей.

Ему отвѣчали со стѣнъ: «Гетманъ не велѣлъ впускать никого изъ великороссійскихъ людей, потому что отъ нихъ дѣлается великое разореніе малороссійскимъ людямъ, и уже не мало городовъ и селъ совсѣмъ отъ нихъ пропали».

— Но гдѣ же гетманъ?—спрашивалъ Анненковъ.

---

[46]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.", т. III, стр. 38.

[47]) Арх. Юст., 1718 г., № 23/1756, стр. 750.

Ему отвѣчали: «Онъ уѣхалъ въ Коропъ, оттуда отправится къ царскому войску».

— Злой у нихъ поступокъ!—сказали военачальники и отправились въ Коропъ, гдѣ надѣялись быть можетъ застать гетмана.

Доѣхали они до мѣстечка Новые Млины *). Тамъ получили они извѣстіе, что Мазепа переправился черезъ Десну подъ Оболонью.

«Теперь, — сказалъ Меншиковъ, — уже ясно, что онъ отъѣхалъ къ непріятелю! Вотъ зачѣмъ Войнаровскій въ прошлую пятницу ночью, не простясь со мною, уѣхалъ отъ меня и съ тѣхъ поръ гетманъ ко мнѣ не отзывался! Вотъ зачѣмъ, уѣзжая изъ Батурина, онъ никого изъ русскихъ съ собою не взялъ, а заранѣе ихъ по сторонамъ разослалъ! Иначе нельзя разсуждать о томъ, какъ только что совершенно измѣнилъ».

Меншиковъ отправился въ Макошинъ **). Тамъ къ нему стали являться сотники и разные козаки изъ ближнихъ мѣстъ, подтверждали извѣстіе объ отъѣздѣ Мазепы къ непріятелю, порицали его поступокъ и просили ходатайствовать за себя предъ царемъ, такъ какъ они вовсе не причастны измѣнѣ гетмана. Меншиковъ отправилъ къ царю курьера, извѣщалъ о случившемся и подавалъ совѣтъ поскорѣе «утвердить» простой народъ чрезъ публичное извѣщеніе, выставивши на видъ всѣ озлобленія и тягости, какія чинились народу во время гетманскаго управленія Мазепы, чтобы такимъ образомъ народъ не склонялся къ его «прелестямъ». Впрочемъ, ни между полковыми старшинами, ни въ простонародьи Меншиковъ не замѣчалъ пока ничего дурного ***).

Понятно, какъ была должна поразить царя такая новость; ни для кого она не была такъ неожиданна, какъ для него, потому что никто какъ онъ не былъ такъ твердо убѣжденъ въ

---

*) Нынѣ мѣстечко Сосницкаго уѣзда, при рѣкѣ Сеймѣ, въ 15 верстахъ отъ Сосницы.

**) Нынѣ село Сосницкаго уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ, въ 13 верстахъ отъ Сосницы.

***) ... при семъ еще доношу, что въ здѣшней старшинѣ, кромѣ самыхъ высшихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго злого гетманского учинку, никакова худа ни въ комъ не видѣть, но товмо ко мнѣ изо всѣхъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчане и приносятъ на него въ томъ нареканіе и много просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить до погибели (Госуд. Арх. Письмо Меншикова къ царю 26 октября).

прямотѣ и вѣрности къ себѣ Мазепы. Но никакая неожиданность не могла поразить и потрясти царя Петра; онъ всегда и вездѣ умѣлъ найтись и сообразить чтó ему въ данное время дѣлать. Онъ получилъ письмо утромъ 27-го числа въ Погребкахъ, а въ слѣдующую ночь послалъ Меншикову такой отвѣтъ:

«Мы получили письмо ваше о не чаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской съ великимъ удивленіемъ. Надлежитъ трудиться какъ бы тому злу забѣжать и не допустить войску козацкому переправляться черезъ рѣку Десну по прелести гетманской: немедленно пошли къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ они нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы имъ помѣшали. А полковниковъ и старшину вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ чтобъ они тотчасъ ѣхали сюда для обранія новаго гетмана. А буде полковникъ миргородскій гдѣ по близости обрѣтается, то прикажи его сыскавъ къ намъ прислать, обнадежа его милостію нашею, потому что онъ великій былъ непріятель Мазепѣ. И вы немедленно пріѣзжайте».

Ни царь, ни его близкіе совѣтники не знали еще, какъ отзовется отступленіе гетмана къ шведамъ на малороссійскій народъ, и потому первое, за чтó тогда ухватились, было обращаться съ малороссіянами ласково, чтобы расположить ихъ къ себѣ и отвратить отъ гетмана. Царю мало были извѣстны внутреннія отношенія въ гетманщинѣ и оттого въ письмѣ къ Меншикову, писанномъ такъ-сказать сгоряча, обращается вниманіе на миргородскаго полковника, считавшагося врагомъ гетмана. Никто не подозрѣвалъ, что этотъ мнимый врагъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ участниковъ замысла Мазепы.

Въ тотъ же день написанъ былъ манифестъ: царь извѣщалъ все войско козацкое, стоявшее у Десны и по инымъ мѣстамъ, а равно и всѣ духовные и мірскіе чины въ Малой Россіи, что гетманъ Мазепа куда-то безвѣстно пропалъ и возникаетъ сомнѣніе, нѣтъ ли тутъ непріятельскихъ «факцій». Поэтому вмѣнялось въ обязанность всѣмъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ и прочимъ немедленно ѣхать въ царскій обозъ для совѣта, а еслибы оказалось, что гетманъ измѣнилъ, то и для выбора новаго гетмана. Видно было, что царь до такой степени довѣрялъ гетману, что и теперь еще сомнѣвался и не рѣшался заявить, что гетманъ измѣнилъ. Этотъ манифестъ разосланъ былъ во многихъ спискахъ по всѣмъ полкамъ съ собственноручною царскою подписью, а на обертке было означено приказаніе раз-

сылать его отъ сотни до сотни какъ можно скорѣе (пилно, пилно).

На слѣдующій день явился къ царю убѣжавшій изъ Батурина канцеляристъ Андрей Кандыба и принесъ царю несомнѣнное извѣстіе: гетманъ съ нѣкоторыми генеральными старшинами и полковниками ушелъ къ шведамъ, а для защиты въ Батуринѣ оставилъ сердюковъ и козаковъ [48]).

Тогда изданъ былъ другой манифестъ, гдѣ уже прямо заявлялось, какъ вполнѣ извѣстное государю: гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное цѣлованіе, отъѣхалъ къ неприятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде съ нимъ и съ Лещинскимъ, дабы при ихъ содѣйствіи поработить малороссійскій край по прежнему подъ польское владѣніе и отдать въ унію церкви Божія и славные монастыри. Приглашались всѣ старшины генеральные и полковые съѣзжаться въ городъ Глуховъ для выбора новаго гетмана вольными голосами, сообразно стариннымъ козацкимъ правамъ [49]).

29-го числа октября царь разослалъ пригласительныя письма къ полковникамъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и къ кошевому атаману въ Сѣчу *). Царь убѣждалъ всѣхъ ихъ отвращаться отъ «прелестей» измѣнника, который имѣетъ замыселъ поработить малороссійскій народъ полякамъ и ввести унію, каждаго приглашалъ въ Глуховъ для выбора гетмана, а тѣхъ, которые за отступленіемъ настоящихъ полковниковъ были наказными, заранѣе давалъ обѣщаніе произвести въ настоящіе. Тогда же было послано письмо полковнику Чечелу, начальствовавшему въ Батуринѣ. Ни мало не показывая тѣни сомнѣнія въ вѣрности Чечела, царь указывалъ впустить въ замокъ одинъ полкъ великороссійской пѣхоты для безопасности отъ неприятеля и обѣщалъ скоро самъ лично пріѣхать въ Батуринъ [50]).

---

[48]) *Ригельманъ*: „Лѣтоп. Повѣств. о Россіи“, ч. III, стр. 35.

[49]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 172.

*) Одно изъ такихъ писемъ къ наказному полковнику нѣжинскому Жураховскому показываетъ, что государю были извѣстны уже тогда обстоятельства, сопровождавшія переходъ Мазепы къ шведамъ: „указъ нашъ получилъ идти за Десну противъ неприятеля, и когда перешедъ за Десну приблизился къ войску неприятельскому, тогда войско малороссійское постава въ боевой строй, объявилъ, что онъ пришелъ не биться, но служить королю шведскому, и тако тѣмъ льстивнымъ образомъ вся старшина и полковники достались въ руки неприятелю (*Ригельманъ*: „Лѣт. Повѣств. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 37).

[50]) *Голиковъ*. „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 218.

Тогда же царь написалъ объ отступленіи Мазепы къ своимъ любимцамъ генераламъ, находившимся въ разныхъ сторонахъ: къ Толстому, къ Апраксинымъ, Шереметеву, Долгорукимъ и другимъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, къ графу Ѳед. Матв. Апраксину, царь выражался: «нужда повелѣваетъ явити, что учинилъ новый Іуда Мазепа, ибо 21 годъ бывъ въ вѣрности, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Однакожъ Богъ правосуденъ, который такимъ злымъ никогда исполнить не допускаетъ своего намѣренія. Понеже какъ слышимъ, что житіе его кромѣ Бога было, то надежда въ Богѣ, что себѣ вящее зло исходатайствуетъ (чему пособитъ и кровь Самуйлова) нежели тому, кому зла хотѣлъ» [51]). Такъ въ первый разъ вспомнилъ русскій царь о несчастномъ Самойловичѣ, тогда какъ послѣдній уже успѣлъ умереть въ ссылкѣ и нищетѣ, а его семейство и родные гибли въ угоду ласкаемаго царемъ Мазепы, который только теперь показалъ себя чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

30-го октября пріѣхалъ въ Погребки *) Меншиковъ и тогда состоялся военный совѣтъ, положившій взять Батуринъ и, въ случаѣ сопротивленія, истребить его какъ главный притонъ силы непріязненной царю Малороссіи. Ранѣе Меншикова пріѣхалъ къ Батурину князь Дм. Мих. Голицынъ и послалъ въ замокъ царскій указъ. Бывшіе тамъ старшины и товарищи дали такой отвѣтъ: «безъ новаго гетмана мы не пустимъ въ замокъ москалей, а гетмана выбрать надлежитъ общими вольными голосами; теперь же, когда непріятель шведъ стоитъ въ нашей землѣ, невозможно выбирать гетмана» [52]).

Къ полудню 31-го октября прибылъ къ Батурину Меншиковъ съ великорусскими силами и послалъ въ замокъ сотника Андрея Марковича. Замокъ былъ отовсюду запертъ, ворота засыпаны землею, но сотнику дали возможность туда проникнуть, втащивши его по стѣнѣ. Сперва Марковичъ подвергся трёпкѣ отъ мятежной толпы и не безъ труда добился, чтобъ его провели къ сердюцкому полковнику Чечелу. Кромѣ Чечела и Фридриха Кенигсена, арматнаго асаула, которымъ Мазепа поручилъ охрану Батурина, тамъ были въ тѣ дни вліятельными лицами Левонъ Герцикъ, бывшій полтавскій полковникъ, генеральный асаулъ Гамалѣя, *реєнтъ* (дѣлопроизводитель) Мазепиной канцеляріи, бату-

[51]) Ibid. „Дѣянія", т. III, стр. 44.—„Дополн. къ Дѣян.", т. XV, стр. 200.
*) Село Новгородсѣверскаго уѣзда, при р. Деснѣ.
[52]) Гос. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова отъ 31 октября.

ринскій сотникъ и батуринскій городничій [53]). Марковичъ отъ княжескаго имени убѣждалъ отворить ворота и впустить царское войско въ Батуринъ. Ему отвѣчали: этого мы не смѣемъ сдѣлать, потому что гетманъ не приказалъ.

— Но гетманъ вашъ измѣнилъ, переѣхалъ къ непріятелю,— представлялъ имъ Марковичъ.—Вы же вѣрные подданные люди государя, а князь Меншиковъ министръ нашего государя, такъ какъ же можно вамъ передъ нимъ затворяться?

Ему отвѣчали:

— Мы не смѣемъ безъ региментарскаго приказанія, а чтобъ нашъ гетманъ измѣнилъ и отъѣхалъ къ непріятелю, тому повѣрить мы никакъ не можемъ.

Напрасно сотникъ уговаривалъ ихъ не прикидываться незнайками, напрасно представлялъ имъ доводы, что въ царскомъ войскѣ уже всѣ довольно объ этомъ знаютъ [54]), всѣ убѣжденія остались безуспѣшны.

Послѣ полудни царскіе полководцы стали готовить полки къ переправѣ черезъ рѣку Сеймъ: тамъ уже прежде были мосты, но передъ приходомъ царскихъ силъ осажденные ихъ разметали. Надобно было наводить и исправлять ихъ, какъ вдругъ изъ замка выставлено было шесть пушекъ и направлено на царское войско.

Полки двинуты были по берегу ниже и поставлены въ строй: неизвѣстно, находили ли тамъ удобнѣе строить мосты или переходить рѣку въ-бродъ. Но, увидя движеніе русскаго войска, изъ зàмка выѣхали пять человѣкъ мазепинцевъ и кричали черезъ рѣку: «не ходите, а если пойдете силою, то станемъ васъ бить».

Изъ царскаго войска имъ закричали: «пусть придутъ къ намъ человѣка два-три на разговоръ». Но изъ Батурина отвѣчали ругательными криками.

Тогда въ двухъ лодкахъ предводители переправили 50 гренадеровъ на другой берегъ и тотчасъ тѣ батуринцы, которые были высланы изъ замка съ пушками, «съ великою тревогою» побѣжали въ городъ, а русскіе свободно стали направлять мосты, съ тѣмъ чтобы перебраться черезъ рѣку ночью. «Ни малѣйшей склонности къ добру у нихъ не является и всѣ говорятъ, что хотятъ до послѣдняго человѣка всѣ держаться», писалъ Меншиковъ въ донесеніи своемъ царю вечеромъ 31 октября.

---

[53]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 39.
[54]) Ibid., стр. 40.

Наступила ночь. Меншиковъ помѣщался въ хатѣ, въ поселкѣ, находившемся за рѣкою. Тутъ явились къ нему депутаты изъ Батурина: они увѣряли, что еслибы въ самомъ дѣлѣ гетманъ измѣнилъ государю, то они остаются въ прежней вѣрности и готовы впустить царскія военныя силы въ батуринскій замокъ, только просили дать имъ на размышленіе три дня сроку. Меншиковъ понялъ, что это говорилось «съ звычайною политикою» и батуринцы думаютъ выиграть время, пока успѣютъ шведы явиться къ нимъ на выручку.—«Довольно съ васъ времени намыслиться одной ночи до утра» [55]). Депутаты ушли, дожидаясь впрочемъ письменнаго отвѣта.

Наступило утро. Не получивши письменнаго отвѣта, батуринцы стали палить изъ пушекъ и въ это время вспыхнулъ пожаръ на подворкѣ, иначе на посадѣ. Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей въ зȧмокъ, мазепинцы готовы стоять до послѣдней капли крови и истребляютъ жилища около замка, чтобы не дать своимъ непріятелямъ тамъ пристанища. Меншиковъ, въ видѣ отвѣта на ихъ письмо, принесенное ночью, послалъ къ нимъ письменное предложеніе. Письмо послано было съ какимъ-то Зажарскимъ. Батуринцы впустили его въ зȧмокъ, собрали раду и хотѣли читать письмо Меншикова, но тутъ раздались рѣзкіе крики: «нѣкогда чинить намъ отповѣди». Противъ самого Зажарскаго возбудилась такая злоба, что его чуть-чуть не растерзали въ куски, однако удержались отъ убійства и только выгнали съ такимъ единогласнымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ: «всѣ здѣсь помремъ, а президіума не пустимъ» [56]).

Въ ночь на 2-е ноября все измѣнилось. Въ батуринскомъ замкѣ между козаками была часть Прилуцкаго полка; одинъ изъ полковыхъ старшинъ, Иванъ Носъ, явился къ Меншикову и указалъ ему тайный способъ добыть Батуринъ [57]). По преданію, Носъ указалъ въ батуринской стѣнѣ незамѣтную ни для кого калитку, черезъ которую возможно было во время ночи, гуськомъ, царскимъ людямъ проникнуть въ зȧмокъ. Меншиковъ отрядилъ туда солдатъ. Тайный входъ былъ открытъ; за первыми, туда вошедшими, послѣдовали другіе, а съ другой стороны былъ

---

[55]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 1 ноября.—*Ригельманъ*, ч. III, стр. 40.

[56]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 1 ноября.

[57]) Арх. Ин. Дѣлъ, № 83. Жалованная царская грамота Носу 14 ноября 1708 года.

начатъ приступъ и батуринцы, отбивавшись въ продолженіи двухъ часовъ, наконецъ сдались [58]). Осталось еще преданіе, что когда въ Батуринѣ услыхали, что тайный входъ открытъ, туда поспѣшила горсть осажденныхъ, предводительствуемая діакономъ, съ которымъ неразлучно находилась его дочь дѣвица. И отецъ и дочь погибли въ сѣчѣ.

Петръ получилъ извѣстіе о взятіи Батурина, находясь уже въ Воронежѣ *). Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, немедленно благодарилъ письменно Меншикова и отдавалъ судьбу взятаго города на волю и благоусмотрѣніе побѣдителя: если найдетъ, что Батуринъ можетъ отстояться отъ непріятеля, то оставить въ немъ гарнизонъ, въ противномъ случаѣ сжечь его и всю артиллерію постараться скорѣе увезти оттуда, а также взять съ собою булаву, знамена и всю гетманскую канцелярію [59]).

Тогда Батуринъ былъ сожженъ. Жители отъ мала до велика подверглись поголовному истребленію, исключая начальныхъ лицъ, которыхъ пощадили для казни. Впрочемъ, многіе успѣли уйти заранѣе и остаться цѣлыми. Это видно изъ того, что впослѣдствіи возвращались въ Батуринъ многіе обыватели на свои мѣста. Кенигсенъ, тяжело раненый, думалъ скрыться, но былъ схваченъ. Чечелъ успѣлъ убѣжать, но въ одномъ ближайшемъ селеніи его узнали козаки и выдали Меншикову **). Общія свидѣ-

---

[58]) Госуд. Арх. Письма Мазепы.—Письмо Меншикова 2 ноября въ 2 часа пополудни.

*) Нынѣ большое мѣстечко Глуховскаго уѣзда, при рѣкѣ Осакѣ, въ 34 вер. отъ Глухова, на дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

[59]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 года. Подлин. Письмо Петра отъ 2 ноября.

**) „Въ Лѣтописномъ Повѣствованіи“ *Ригельмана* (ч. III, стр. 42): ... повелѣлъ (Меншиковъ) не щадить ни одного человѣка, кромѣ начальниковъ ихъ и двухъ полковниковъ сердюцкихъ, буде можно, яко главныхъ въ крѣпости оной бунтовщиковъ и измѣнниковъ, представить къ нему для доставленія государю къ учиненію имъ достойной казни, а прочее все, исключая орудія, предать въ добычу солдатамъ, что въ самое короткое время и исполнено: люди всѣ мечу преданы, какъ въ крѣпости, такъ и въ предмѣстьи безъ остатку, не щадя ниже младенцевъ, не только старыхъ; начальники, какіе скрыться не могли и убиты не были, тѣ плѣнными взяты. Богатство Мазепино великое въ добычь побрано, орудіе съ снарядами забрано, а провіантъ и припасы ради шведовъ заготовленные и зданіе всякое сокрушены и огню преданы, крѣпость разорена и совсѣмъ опровержена и съ тѣмъ безъ возобновленія оставлена.

У *Адлерфельда* (франц. перев., ч. III, стр. 215): Меншиковъ овладѣлъ Батуриномъ безъ большой потери. Перебили и старыхъ и малыхъ, не щадя ни пола ни возраста, остатокъ женщинъ похитили. Взяли 40 пушекъ. Сожгли

тельства единогласно говорятъ, что надъ жителями Батурина совершено было самое варварское истребленіе. Самъ Меншиковъ не писалъ о томъ къ царю, предоставляя сообщить ему обо всѣмъ изустно *).

Вѣсть о судьбѣ гетманской столицы произвела страшный переполохъ въ малороссійскомъ краѣ. Жители окрестныхъ городковъ и селъ покидали свои жилища, бѣжали безъ цѣли сами не зная куда, раздавались отчаянные крики: «Москва неистовствуетъ, Москва весь Батуринъ разорила, всѣхъ тамошнихъ людей перебила и малыхъ дѣтокъ не пожалѣла!» — «Ой, не зарѣкаймось, братцѣ, въ московской крови по колѣна бродыть!» — восклицали въ запальчивости слышавшіе объ этомъ козаки, а когда кто нибудь, подслушавши подобныя рѣчи, и замѣчалъ, что такъ говорить непристойно, на того накидывались какъ на измѣнника, били, трепали, даже связывали и запирали въ погреба. Одинъ изъ такихъ, ушедши изъ рукъ ревностныхъ патріотовъ, доносилъ о томъ Меншикову, но тотъ, кого обвиняли, указывалъ на доносчика, что его сажали въ тюрьму за пьянство и буйство, и онъ теперь въ отместку вздумалъ доносить на другихъ **). Впрочемъ, такіе порывы народнаго негодованія скоро улегались и не принесли большой пользы дѣлу Мазепы.

Отправляясь послѣ своего военнаго подвига къ царю въ Глуховъ, Меншиковъ, уничтоживши прежде нѣсколько тяжелыхъ пушекъ, везъ съ собою часть артиллеріи, знаки гетманскаго достоинства и скованныхъ старшинъ *), изъ которыхъ одинъ Ке-

---

городъ и 30 мельницъ стоявшихъ на рѣкѣ Сеймѣ. Все ограбили. Комендантъ, родомъ пруссакъ, былъ взятъ; съ нимъ худо поступили.

У *Фрикселя* (нѣмец. перев., ч. I, стр 136): Городъ Батуринъ взятъ приступомъ. Всѣ жители безъ различія пола и возраста перерѣзаны: это въ нравахъ безчеловѣчныхъ московитовъ. Замокъ построенный въ польскомъ вкусѣ и 30 мельницъ — все было обращено въ груды угля и щебня. Изъ запасовъ, чего не могли захватить съ собою — все было сожжено. Увезено было 40 пушекъ. Меншиковъ приказалъ привязать къ доскамъ трупы начальныхъ козацкихъ людей и пустить по рѣкѣ Сейму, чтобъ они подали вѣсть другимъ о погибели Батурина.

*) ... Пространно нынѣ доносить оставляю и о всѣмъ, о чемъ надлежитъ, обстоятельно донесу вашей милости изустно (Госуд. Арх. Письма Меншикова: Письмо отъ 3 ноября царю изъ Конотопа).

**) Арх. Ин. Дѣлъ. 1708 г., декабрь. Подлин. Показаніе лицъ, привлеченныхъ по поводу измѣны Мазепы.

**) ... изволите повелѣвать прислать къ вашей милости булаву, знамя въ Глуховъ къ потребному времени; и у нихъ есть не токмо одна, но три булавы, также и бунчукъ, и между доволнымъ числомъ знаменъ знамя первое,

витсенъ не былъ довезенъ до Глухова и умеръ въ Конотопѣ, гдѣ надъ его трупомъ совершена была казнь колесованія, ожидавшая его живымъ въ Глуховѣ [61]).

Послѣ присоединенія Мазепы къ шведамъ, главная квартира шведская переведена была въ Дехтеревку *), за четыре версты ниже Горокъ, по теченію Десны. Оттуда Мазепа отправилъ письмо къ стародубскому полковнику Скоропадскому. Гетманъ выставлялъ причины, побудившія его сдѣлать настоящій шагъ: издавна враждебная власть московская въ послѣднее время возъимѣла намѣреніе отобрать въ свою область малороссійскіе городы, ограбить и выгнать изъ нихъ обывателей и наполнить ихъ своими войсками. Такъ поступали москали не только въ полкахъ Стародубскомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, подъ лживымъ предлогомъ будто дѣлаютъ такъ ради наступленія шведовъ, но и въ другихъ болѣе отдаленныхъ полкахъ, гдѣ шведовъ никакъ не ожидали. Насъ предостерегли по секрету пріятели, что москали хотятъ прибрать въ свои руки гетмана, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и запровадить въ тиранскую неволю, затѣмъ всѣхъ козаковъ обратить въ драгуны, изгладить совершенно со свѣта имя запорожское и поработить на вѣки весь малороссійскій народъ. Съ этой цѣлью Меншиковъ и Голицынъ заманивали гетмана въ московскій обозъ. Но гетманъ, съ согласія генеральныхъ особъ, полковниковъ и всѣхъ старшинъ Войска Запорожскаго, прибѣгнулъ къ покровительству шведскаго короля въ надеждѣ, что онъ оборонитъ малороссійскую ихъ отчизну отъ тиранскаго московскаго ига и не только возвратитъ козакамъ отнятыя права и вольности, но еще умножитъ и расширитъ ихъ, и въ этомъ король далъ свое слово и письменное удостовѣреніе. Гетманъ убѣждалъ Скоропадскаго въ согласіи съ полковниками переяславскимъ и нѣжинскимъ искоренить московскій гарнизонъ въ Стародубѣ, а если у него къ тому не хватитъ силъ и способа, то убѣгать въ Батуринъ, стараясь не попасться въ московскую неволю [62]). Шведскіе историки говорятъ, что стародубскій полковникъ прежде былъ единомышленникомъ

которое всегда передъ гетманомъ важивали; и оные всѣ купно съ воровскою старшиною привезу съ собою (Гос. Арх. Письма Меншикова. Письмо 3 ноября изъ Конотопа).

[61]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 41.

*) Село Новгородсѣвер. уѣзда, въ 14 вер. отъ Новгородъ-Сѣверска.

[62]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., ч. I, стр. 174.

Мазепы въ замыслѣ отступить къ шведамъ, но потомъ отсталъ отъ замысла послѣ неудачъ, понесенныхъ генераломъ Либекеромъ подъ Петербургомъ, и сталъ соображать, что счастіе можетъ измѣнить шведамъ [63]). Въ оффиціальныхъ источникахъ того времени нѣтъ чертъ, которыя бы подтверждали шведское извѣстіе, но обращеніе Мазепы къ Скоропадскому показываетъ возможную до нѣкоторой степени справедливость такого извѣстія *). Какія побужденія ни руководили бы Скоропадскимъ, но онъ не сдѣлалъ никакого шага по желанію гетмана, да едва ли бы и могъ сдѣлать, еслибы на то покусился, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ великорусскими военными силами.

31-го октября шведскій король подвинулся еще ниже по Деснѣ къ селу Игнатовкѣ **) и въ сопровожденіи генераловъ, принца Виртембергскаго, своего родственника, Аксель-Спарре и своей гвардіи намѣтилъ мѣсто удобное для переправы черезъ Десну близъ села Мезина ***). Переправа совершилась 4 и 5 ноября, и притомъ съ большимъ трудомъ. Русское войско берегло противоположный берегъ и устроило баттареи, съ которыхъ палили на готовившихся переходить рѣку. Это побудило шведовъ начать переправу тамъ, гдѣ русскіе никакъ не могли ожидать ее, въ мѣстѣ неудобномъ. Берегъ былъ крутъ; солдаты и офицеры должны были сползать, а лошадей стаскивать веревками. У подошвы берега, близъ рѣки, шведы наскоро нарубили деревьевъ, надѣлали колодъ, связывали ихъ веревками и на такихъ плотахъ переправлялись на другой берегъ. Первымъ очутился тамъ отрядъ генералъ-маіора Стакельберга, пробиваясь сквозь ряды русскихъ и холоднымъ, и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Уставленныя на крутомъ берегу 12 шведскихъ орудій между тѣмъ осыпали русскихъ картечью. Это заставило русскихъ отступить и тогда шведы построили два моста, черезъ которые уже свободно

---

[63]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 251 и 252.

*) Замѣтимъ мимоходомъ: о братѣ жены гетмана Скоропадскаго, сынѣ простого козака Марка, поднятаго и надѣленнаго маетностями новымъ гетманомъ, сохранилось оффиціальное извѣстіе, что онъ „былъ при противной сторонѣ его царскому величеству", а нѣкто Кендзеровскій, мужъ другой сестры того же лица, служилъ при Мазепѣ въ качествѣ покоеваго и оставилъ Мазепу только послѣ полтавскаго пораженія. По волѣ государя, объявленной заранѣе, такія лица не могли уже воспользоваться прощеніемъ и царскою милостію, но Скоропадскій, опираясь на силу своего гетманскаго званія, укрылъ это обстоятельство и даже надѣлилъ своего зятя маетностію, отнятою у другого лица (Горленка) участвовавшаго въ измѣнѣ Мазепы.

**) Село Кролевец. уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ.

***) Село Кролевец. уѣзда, при рѣкѣ Деснѣ.

переправилось все ихъ войско [64]). Во время этой переправы Мазепа находился близъ короля. 5 ноября день былъ холодный. Король Карлъ XII, по своему всегдашнему обычаю, былъ одѣтъ очень легко. Гетманъ замѣтилъ ему:

«Вы, государь, надѣетесь на свою молодость. Я понимаю, въ молодости есть огонь, который грѣетъ, но онъ съ лѣтами проходитъ. И мнѣ когда-то холодъ былъ ни-по-чемъ, а теперь, вотъ, какъ пришла старость, такъ не лишнею оказывается и шуба. Ваше величество вынесли уже долговременную войну, отъ которой не мало потерпѣло и ваше государство и ваши подданные. Настоящая война можетъ еще затянуться на многіе годы. Вашему величеству необходимо сохранять свое здоровье, чтобъ вы могли жить еще долгое время для счастія вашихъ подданныхъ, тогда какъ Богъ пошлетъ миръ».

Карлъ отвѣчалъ: «Не привыкъ я къ мѣхамъ и никогда ихъ не носилъ».

Однако Мазепа на другой день представилъ королю въ даръ нѣсколько черныхъ лисицъ дорогой цѣны. Король, думая, что это подносится отъ искренняго сердца, принялъ даръ и приказалъ подбить себѣ мѣхами сюртукъ. Но скоро до короля дошелъ слухъ, что въ его войскѣ какой-то весельчакъ сказалъ: съ чего это нашъ король такъ потолстѣлъ? Карлъ сбросилъ съ себя обновку и уже никогда не надѣвалъ мѣховыхъ одеждъ [65]).

Главная квартира русскаго главнокомандующаго находилась въ Чарторіи *). Къ Шереметеву пріѣхалъ тогда князь Юрій Ѳедоровичъ Ромодановскій — страшный человѣкъ своего времени, начальствовавшій Преображенскимъ Приказомъ, гдѣ, какъ извѣстно, производились ужасающія пытки. Онъ былъ такъ пораженъ новостію объ измѣнѣ Мазепы, что впалъ въ безчувственное состояніе и потомъ разразился ругательствами **).

Н. Костомаровъ.

---

[64]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 151—154.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 134.—*Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 248.

[65]) *Nordberg*, ч. II, стр. 251.

*) Нынѣ село Глуховскаго уѣзда, при рѣкѣ Сливкѣ, въ 15 верстахъ отъ Глухова.

**) ...николи такого его не видали, какъ нынѣ пріѣхавъ ко мнѣ, не только чтобы могъ говорить, но члены его безчувственны были, и когда разогрѣлся и открылъ коробку (сія аллегорія касается измѣны Мазепы), что о Мазепѣ испустилъ, не можно всего и описать (Госуд. Арх. Письма Шереметева).

Наука и женщины.

Эдвиги Домъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

No puedo desear mas, ni contentarme con menos!

Д—рѣ В—нъ.

Тебѣ, сестра моя, посвящаю я переводъ этой не большой, но прекрасной книги. Конечно, по твоему возрасту и при твоихъ знаніяхъ, ты еще не въ состояніи понять, сознательно проникнуться величіемъ того дѣла, въ пользу котораго подняла свой мощный голосъ г-жа Домъ, авторъ этого труда; но, судя по твоему темпераменту, ты уже въ состояніи, такъ-сказать, инстинктивно почувствовать, сердцемъ отозваться на могучій, высоко-нравственный призывъ человѣка твоего же пола къ защитѣ своей человѣческой личности, къ борьбѣ съ профессіональнымъ эгоизмомъ, пытающимся забрать науку въ исключительное владѣніе «пѣтушьяго рода». Ты уже въ состояніи *нравственно* почувствовать высокую правду тѣхъ идей, которыя съ такою силой, талантомъ и высоко-благороднымъ негодованіемъ, изъ самой глубины женской души, вылиты на страницы этой книги...

Когда ты съ восторгомъ разсказываешь мнѣ о тѣхъ любопытныхъ опытахъ, которые дѣлаетъ твой учитель въ классѣ физики, я понимаю, что твой восторгъ проистекаетъ лишь изъ чувства удовольствія, которое ты испытываешь, вслѣдствіе удовлетворенія одного изъ естественныхъ требованій организма — требованія въ здоровой умственной пищѣ для роста и развитія твоего молодаго, еще не окрѣпшаго, мозга.

Но, милая моя, не въ томъ только назначеніе науки, чтобы служить удовольствіемъ, утѣшеніемъ, забавою для отдѣльныхъ

людей. Дѣйствительно, было время, были люди, которые приписывали наукѣ такое мизерное, ничтожное назначеніе; но это время прошло, эти люди умерли—если не физической, то заживо умственной и нравственною смертью. Современная, нынѣшняя,—нѣтъ, не нынѣшняя, а настоящая, стало-быть исконная,—наука есть и была не наука для удовольствія, не наука—роскошь, а наука пользы, наука—кормилица человѣчества. Она кормитъ насъ; она возвышаетъ пасъ; она разсѣеваетъ мракъ и водворяетъ свѣтъ; она—путеводная звѣзда на скорбномъ, тернистомъ пути нашемъ...

Слушай же. Цѣлые десятки столѣтій сестеръ твоихъ, всю женскую половину человѣческаго рода держали въ сторонѣ отъ науки, ревниво охраняли эту святыню отъ прикосновенія «нечистыхъ», и когда, свободныя отъ предразсудковъ, логика и справедливость вспомнили объ этомъ и пожелали измѣнить противуестественный порядокъ вещей, тогда нашлись такіе господа, которые, на основаніи той же науки, вздумали утвердить вѣковыя заблужденія и на вѣчныя времена узаконить великое зло монополизаціи науки въ рукахъ мужчинъ. Изъ эгоистическихъ интересовъ и личныхъ цѣлей, эти господа взялись доказывать вопіющую нелѣпость (развѣ не нелѣпость, имѣя въ виду пользу науки, во имя той же самой науки отвергнуть громадное число ея адептовъ?), будто бы цѣлая половина человѣчества не призвана и не должна заниматься науками наравнѣ съ другой?

«Изъ эгоистическихъ интересовъ», говоримъ мы, потому что *одинъ* аргументъ, по мнѣнію всѣхъ добросовѣстныхъ людей, могъ (но теперь уже нисколько не можетъ?) имѣть хотя нѣкоторую тѣнь искренности, по невѣжеству аргументаторовъ, погруженныхъ въ туманъ метафизической философіи.

«Одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ аргументовъ,—говоритъ авторъ этой книги,—уже мною подробно разсмотрѣнъ. Женщина *не должна* заниматься науками, потому что она *не можетъ* заниматься ими. И это «не можетъ», эта вѣра въ умственную несостоятельность женщины былъ и есть, по моему мнѣнію, единственный честно - продуманный аргументъ мужчинъ,—аргументъ, который приводили и защищали почти всѣ извѣстные писатели всѣхъ временъ, перемѣшивая его остроcловіемъ, злостью и искреннимъ убѣжденіемъ... Всѣ же остальныя возраженія противъ научной эмансипаціи женщины,—продолжаетъ авторъ далѣе,—суть только резервныя доказательства, нѣчто въ родѣ ландштурма устарѣлой

теоріи, который лишь тогда отправляется въ битву, когда начинаетъ гнить и колебаться основной столбъ аргументаціи».

Аргументъ этотъ вытекалъ изъ того общаго міросозерцанія, на основаніи котораго признавалось, что всякому существу, въ томъ числѣ и человѣку, отъ рожденія вложены *готовыми* тѣ или другія способности и что онѣ существуютъ независимо отъ воспитанія, среды, здоровья или болѣзненности чувствующаго организма; то были нѣкія субстанціи, невѣсомыя, неистребимыя и неизмѣнной силы, заставляющія всякую тварь, какъ бѣлку въ колесѣ, двигаться въ точно ограниченной духовной сферѣ. Но вмѣстѣ съ торжествомъ положительной науки отброшена и эта недоказанная шарада, и могучее требованіе «à posteriori» нанесло смертельный ударъ всѣмъ подобнымъ мистеріямъ. Не умозрѣніями и не какими-либо хитросплетеніями рѣшаются вопросы жизни, а опытомъ, фактомъ, самою, такъ-сказать, живою жизнью. «Вы Богомъ обречены на животное прозябаніе,—говорили плантаторы Америки своимъ рабамъ-неграмъ,—и поэтому вы—нашъ вьючный скотъ и больше ничего».—«А вотъ мы увидимъ,—отвѣтили они,—на что мы способны! Можетъ, это только ваша выдумка». И, чрезъ рѣки крови, они пробрались въ университеты, начали учиться и, годъ отъ году, все выше подымаются по общественной лѣстницѣ.

— Вы неспособны къ занятіямъ науками вообще, а тѣмъ болѣе медициной,—говорятъ женщинамъ филистеры à la Бишофъ.

— Это мы посмотримъ на дѣлѣ, — отвѣчаютъ женщины и начинаютъ наполнять университеты (разумѣется, тѣ, которые открыты для нихъ).

Недавно на парижскихъ бульварахъ появились три женщины, обратившія на себя всеобщее вниманіе своимъ страннымъ костюмомъ: онѣ были одѣты въ поярковыя шляпы, короткія сѣрыя пальто, отороченныя чернымъ сукномъ, въ широкія шаровары и штиблеты. Женщины эти были: извѣстный американскій докторъ, миссъ Уокеръ, и двѣ ея помощницы. Миссъ Уокеръ—женщина лѣтъ пятидесяти и одна изъ главныхъ пропагандистокъ женской эмансипаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Она заѣхала въ Парижъ на пути въ Турцію, куда ее пригласили на должность старшаго врача въ сералѣ.

На первомъ мѣстѣ по успѣхамъ высшаго образованія женщинъ стоитъ Америка. Въ республикѣ Сѣверо-Американскихъ Соединен-

ныхъ Штатовъ 141.629 школъ разныхъ разрядовъ, на которыя расходуется ежегодно 95.402.726 долл. (128.793.680 р.). Въ этихъ училищахъ получаютъ образованіе 3.621.996 учениковъ и 3.587.542 ученицы; въ нихъ преподаютъ 93.329 учителей и 127.713 учительницъ. Кромѣ того существуютъ 82 университета, 507 высшихъ учебныхъ заведеній и 175 академій, исключительно предназначенныхъ для высшаго женскаго образованія, и въ этихъ университетахъ и заведеніяхъ преподаютъ 2.973 профессора и 929 женщинъ - профессоровъ 46.692 студентамъ и 124.152 студенткамъ,—26 школъ правовѣдѣнія съ 78 учителями, 1.667 студентами и 6 студентками,—66 школъ медицины съ 590 учителями и 9 учительницами, 9.609 студентами и 187 студентками и—92 школы богословія съ 357 учителями, 4.015 студентами и 50 студентками.

Нѣкоторыя незначительныя медицинскія школы въ Соединенныхъ Штатахъ уже давно допускали въ свою среду женщинъ, но университеты Америки открылись для нихъ только съ 1869 года. Честь иниціативы по настоящему вопросу принадлежитъ университету штата Мичигана. Весною 1871 года миссъ Санфордъ (Sanford) получила *первый* медицинскій дипломъ, выданный женщинѣ университетомъ Америки.

Въ настоящее время, по словамъ г-жи Домъ, въ Америкѣ практикуютъ болѣе 300 женщинъ - врачей и пользуются большимъ успѣхомъ. Люси Abботъ и Элиза Шапенъ, завѣдуя ньюйоркскою больницей, въ одинъ годъ пользовали 6.877 женщинъ и дѣтей. Въ Филадельфіи 6 женщинъ - врачей зарабатываютъ 10—50.000 фр. каждая. Въ Оранжѣ (Нью-Джерсеѣ) доходъ одной женщины-медика простирается до 75.000 фр. и въ Нью-Йоркѣ другая зарабатываетъ 80.000 фр. Нѣкоторыя изъ нихъ соперничаютъ съ замѣчательнѣйшими и знаменитѣйшими хирургами.

И не только въ медицинѣ, но и въ другихъ сферахъ знаній американскія женщины пристыдили самого г. Бишофа, боннскаго философа, и всю его компанію.

Философское общество въ Филадельфіи выбрало въ свои члены четырехъ женщинъ, прославившихся научными изслѣдованіями и открытіями. Женщины эти: леди Sommervill и миссъ Marie Mithel, директрисса обсерваторіи въ Poighkeepsie при Гудзоновомъ заливѣ (эти двѣ женщины пріобрѣли себѣ извѣстность въ области астрономіи), мистрисъ Agassiz—вѣрная сотрудница въ научныхъ трудахъ своего мужа, извѣстнаго естествоиспытателя и профессора при

Harоord Collége, и, наконецъ, г-жа Emma Seiler, по происхожденію нѣмка, извѣстна своими открытіями въ физіологіи человѣческаго голоса.

Женщины-правовѣды: дѣвица Эмма Гунтъ выбрана секретаремъ канзасскаго законодательнаго собранія; Арабелла Манфильдъ, 24-хъ лѣтъ, допущена въ число адвокатовъ въ Іовѣ и практикуетъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ; г-жа Hobbs выбрана въ мировые судьи одной общины въ Иллинойсѣ.

Въ сѣверо-американскомъ городѣ Віоминга много женщинъ исполняютъ судейскія обязанности. Недавно въ камеру одного изъ этихъ судей приводятъ пьянаго мужчину, учинившаго какую-то пакость. Подсудимый оказался мужемъ женщины-судьи. Грозный судья не тронулся мольбами о прощеніи и приговорилъ своего буйнаго сожителя къ денежному штрафу.

Въ Австраліи, въ Мельбурнскомъ университетѣ, въ числѣ 390 человѣкъ, записанныхъ въ декабрѣ 1873 года въ матрикулы, находится 35 женщинъ.

Въ Старомъ Свѣтѣ дѣло также, мало-по-малу, подвигается впередъ.

Большій контингентъ ученыхъ женщинъ доставляетъ Швейцарія, преимущественно университеты Цюриха и Берна.

Зимній курсъ 1864—1865 года на медицинскомъ факультетѣ Цюрихскаго университета слушала лекціи только одна женщина. Изъ таблицы, заимствованной изъ книги Бёмерта, читатели увидятъ, какъ быстро возросло число слушательницъ Цюрихскаго университета въ послѣдующіе годы.

	Общее число студентокъ.		РОДИНА СТУДЕНТОКЪ.								Число выбывш. студентокъ.		
			Россія.		Англія.		Швейцарія.	Германія.		Австрія.	Съ экзаменами.	Безъ экзамена.	
	На медицин. фак.	На филос. фак.	Медицин. факульт.	Философ. факульт.	Медицин. факульт.	Философ. факульт	Медицин. факульт.	Медицин. факульт.	Философ. факульт.	Философ. факульт.	Медицин. факульт.	Медицин. факульт.	Философ. факульт.
Зимній курсъ 1871—72 г. .	29	7	17	4	2	—	2	3	1	2	1	2	1
Лѣтній курсъ 1872 г. . . .	51	12	44	10	1	—	2	3	1	2	—	—	—

Въ зимній семестръ 1872 года принято всего 48 слушательницъ, въ томъ числѣ: 30 на медицинскій факультетъ, 17 на философскій и 1 на юридическій. Изъ 48 женщинъ—одна швейцарка, одна нѣмка, одна родомъ изъ Австріи, одна сѣверо-американка и 44 русскихъ. Всего же со вступившими прежде 109 женщинъ. Студентовъ мужчинъ во время лѣтняго семестра 1872 года было 354, а на зимній записалось 452. Въ октябрѣ 1871 года допущена первая женщина въ швейцарскую политехническую школу и поступила въ механическое отдѣленіе; въ октябрѣ 1872 года поступила еще одна въ химическое отдѣленіе и одна въ инженерное училище. Всѣ онѣ—русскія и записаны въ политехнической школѣ въ качествѣ полноправныхъ слушательницъ. Сверхъ того, 80 женщинъ посѣщаютъ эту школу, какъ вольнослушающія.

Для поступленія въ названную школу приходится сдавать трудный экзаменъ. По словамъ *Аугсбургской Всеобщей Газеты*, одна женщина, получившая степень доктора, допущена директоромъ медицинской клиники, докторомъ Бермеромъ, въ качествѣ помощника ассистента, въ женское отдѣленіе цюрихскаго госпиталя. Другая, англичанка, получившая въ Цюрихѣ пятый дипломъ доктора медицины, поступила врачомъ во вновь открытый женскій госпиталь въ городѣ Бирмингэмѣ.

Число студентокъ, посѣщавшихъ Бернскій университетъ въ январѣ 1874 года, простиралось до 30-ти.

Въ Парижѣ, въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, выдано 7 дипломовъ женщинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя посвятили себя искусствамъ и получили званіе академиковъ. Значительное число француженокъ изучаютъ и въ настоящее время медицину. Особенно число студентокъ по медицинѣ увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ знаменитая École de Medecine и Collège de France стали принимать ихъ на равныхъ правахъ съ мужчинами. Въ послѣдніе годы двѣ англичанки выдержали въ Парижѣ экзаменъ на доктора медицины; одна изъ нихъ, миссъ Гарретъ, послѣ пяти блистательныхъ экзаменовъ получила медицинскій дипломъ въ іюнѣ 1870 года. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1871 году, дѣвица Марія Путнамъ (Putnam), изъ Нью-Йорка, получила дипломъ доктора медицины. Ей случилось пережить въ Парижѣ тяжелое время осады 1870—71 г. и примѣнять свои знанія на практикѣ. Въ Ліонѣ двѣ женщины получили званіе академиковъ въ 1861 и 1869 годахъ, а третья удостоена въ Монпасье, въ 1865 г., того же зва-

нія. Еще одна женщина-студентка выдержала экзаменъ въ École de Pharmacie Superieure.

Въ Англіи только двѣ женщины законно уполномочены для медицинской практики. Онѣ съ успѣхомъ занимаются лѣченіемъ и пріобрѣли не только славу, но и богатство. Благотворительное заведеніе женщины-медика, г-жи Гарретъ Андерсонъ, существующее подъ названіемъ «Женской лѣчебницы для приходящихъ», посѣщается очень усердно. Со дня открытія около 50.000 женщинъ получили тамъ облегченіе. Въ Лондонѣ нынѣ существуютъ 18 женщинъ-медиковъ, 20 женщинъ-врачей-хирурговъ, 17 дантистокъ и 29 ветеринарокъ. Въ числѣ 3.580 литераторовъ Англіи—185 женщинъ и $^2/_5$ всѣхъ появляющихся въ Англіи романовъ написаны женщинами.

При происходившей въ 1874 году раздачѣ премій въ Лондонскомъ университетѣ, первую премію по юриспруденціи получила одна молодая женщина, которая, два года тому назадъ, получила такую же премію по политической экономіи. Вторую премію и многія другія отличія также получили женщины.

Въ мартѣ 1874 года въ Лондонѣ была выставка общества женщинъ-художницъ. Публика приходила въ восторгъ отъ огромной картины, написанной 23-хъ-лѣтней художницей, миссъ Томпете. Сюжетъ картины—смотръ англійской арміи въ Крыму послѣ сраженія.

Всякому извѣстны похожденія пяти женщинъ въ Эдинбургскомъ университетѣ. Въ настоящее время на медицинскомъ факультетѣ этого университета находится 10 женщинъ.

Неимовѣрными усиліями и тяжелымъ трудомъ женщины штурмовали университеты и академіи, пока имъ не открыли доступъ въ нихъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи финалъ борьбы шотландскихъ женщинъ съ Эдинбургскимъ университетомъ, перенесенный въ стѣны парламента. Когда Куперъ-Темпль внесъ въ парламентъ билль о предоставленіи шотландскимъ университетамъ права производить женщинъ въ ученыя степени не только по медицинѣ, но и по всѣмъ отраслямъ наукъ, то противъ этого предложенія возсталъ цѣлый сонмъ враговъ разныхъ мастей: протестовали во имя нравственности и цѣломудрія, защищали самостоятельность университетовъ, доказывали непригодность предлагаемой реформы для Шотландіи,—словомъ, исчерпанъ былъ весь обычный арсеналъ аргументовъ, употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Куперъ-Темпль доказывалъ, вопреки протестамъ про-

тивъ посягательства на университетскую автономію, что дѣло идетъ не о нарушеніи ея, но о рѣшеніи вопроса въ принципѣ, которое впредь можетъ дать любому университету право допустить у себя возведеніе женщинъ въ ученыя степени, не опасаясь нарушить тѣмъ основныя законоположенія; такое рѣшеніе, по его словамъ, тѣмъ важнѣе въ настоящее время, что одинъ изъ шотландскихъ университетовъ уже обнаружилъ желаніе допустить просимую льготу. Послѣ рѣчи лорда-адвоката Шотландіи, начисто отвергавшаго умѣстность билля, онъ не былъ допущенъ до второго чтенія большинствомъ трехъ голосовъ.

Тѣмъ не менѣе, однако-жь, европейскія правительства мало-по-малу начинаютъ сознавать необходимость открыть женщинамъ двери въ храмъ науки.

Въ 1870 году въ Италіи правительству сдѣланъ былъ формальный запросъ: имѣютъ ли женщины законное право заниматься въ университетахъ, и отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

Въ мартѣ 1870 же года было объявлено, какъ сообщаетъ *Lancet*, что Вѣнскому университету разрѣшено допустить женщинъ на лекціи, какъ студентокъ, и выдавать имъ медицинскія ученыя степени.

Королевскимъ указомъ разрѣшено допускать женщинъ во всѣхъ университетахъ и академіяхъ Швеціи и Норвегіи на всѣ факультеты, кромѣ богословскаго. Профессорамъ вмѣняется въ обязанность обучать и экзаменовать ихъ наравнѣ съ прочими студентами.

Въ Лондонскомъ университетѣ только въ 1874 году совѣтомъ постановлено распространить на женщинъ право поступленія на всѣ факультеты и полученія ими ученыхъ степеней.

У насъ, въ Россіи, дѣло женскаго образованія также замѣтно успѣваетъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что успѣхами своими оно вполнѣ и совершенно обязано женщинамъ же и никому болѣе.

Всѣ наши ученыя соотечественницы получили свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ.

Въ 1867 году г-жа Суслова выдержала экзаменъ въ Цюрихѣ на званіе доктора медицины и акушерства.

Въ 1870 году дѣвица Чечулина, по выдержаніи экзамена, принята въ число студентовъ Гельсингфорскаго университета.

Въ 1870 году г-жа Бокова получила въ Цюрихѣ докторскій дипломъ по медицинѣ и акушерству.

Д-ръ Гевфъ, въ Мюнхенѣ, ввелъ въ свою родовспомогательную клинику одну молодую русскую женщину, которая въ Цюрихѣ получила докторскій дипломъ.

Г-жа Евреинова выдержала въ Лейпцигѣ экзаменъ на д-ра юридическихъ наукъ.

Совѣтъ Гёттингенскаго университета пожаловалъ почетный дипломъ д-ра философіи г-жѣ Софіи Ковалевской (урожд. Корвинъ-Круковской), изъ Москвы, за математическое сочиненіе.

7 и 10 декабря 1873 г. три русскія женщины—г-жи Яковлева, Пружанская и Клейманъ—блистательно выдержали въ Цюрихскомъ университетѣ письменные и устные экзамены на степень доктора медицины.

Г-жа Симоновичъ, дочь одесскаго купца (еврея), недавно очень удачно выдержала экзаменъ на степень доктора медицины въ Бернскомъ университетѣ.

У насъ на родинѣ удостоилась ученой степени стипендіатка башкирскаго народа, Варвара Кашеварова, получившая, въ 1868 году, въ Медико-Хирургической академіи дипломъ на званіе доктора медицины и золотую медаль.

Наше правительство разрѣшило 6 мая 1872 года открыть, «въ видѣ опыта», при Императорской Медико-Хирургической академіи въ С.-Петербургѣ особые четырехгодичные курсы для образованія ученыхъ акушерокъ. Учрежденію этихъ курсовъ также весьма способствовали 50.000 руб., пожертвованныхъ съ этою цѣлью г-жею Шанявскою, урожд. Родственною.

«Примѣрное прилежаніе и замѣчательная энергія, которую выказали ученицы курса,—сказано въ отчетѣ Медико-Хирургической академіи, — говорятъ въ пользу того, что онѣ вполнѣ сознаютъ важность задачи, осуществить которую выпадаетъ на ихъ долю. Мы можемъ надѣяться, что тысячи новорожденныхъ младенцевъ и родильницъ, погибающихъ въ глуши, въ нашихъ деревняхъ и селахъ, отъ несоблюденія простѣйшихъ гигіеническихъ и діэтическихъ правилъ, спасены будутъ, когда и въ этихъ отдаленныхъ углахъ появятся скромныя и искренне преданныя своему дѣлу женщины, умѣлымъ рукамъ которыхъ суждено осушить много слезъ и предотвратить много горя и страданія».

Въ 1874 году занятія слушательницъ сосредоточились преимущественно на слѣдующихъ предметахъ: онѣ продолжали начатыя въ прошломъ году практическія занятія по анатоміи; затѣмъ патологическая анатомія, со вскрытіями и микроскопическими

наблюденіями, всего болѣе привлекала слушательницъ. Талантливое чтеніе профессора Руднева весьма сильно повліяло на возбужденіе интереса къ этой наукѣ. Рвеніе слушательницъ такъ велико, что оставшіяся на лѣто въ Петербургѣ просили профессора продолжать съ ними занятія и лѣтомъ, на что онъ любезно согласился, жертвуя безвозмездно своимъ трудомъ и временемъ. Въ этомъ году окончена была химическая лабораторія, которая почти вплоть до экзаменовъ была полна занимавшимися аналитическою химіей подъ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора Бородина. И здѣсь, какъ и вездѣ, онѣ сдѣлали больше, чѣмъ можно было требовать: въ ихъ руки былъ отданъ ключъ отъ лабораторіи и многія занимались въ ней до поздняго вечера, сверхъ времени, которое было назначено для этого. Кромѣ этихъ предметовъ, онѣ слушали теоретически слѣдующіе предметы: физіологію, фармакологію, фармацію съ фармацевтической химіей. Переходные экзамены, какъ и слѣдовало ожидать, прошли великолѣпно. Всѣ профессора благодарили своихъ слушательницъ за отличные успѣхи въ преподаваемыхъ ими наукахъ. Изъ числа 74-хъ перешли на высшій курсъ всѣ, кромѣ 11-ти, не приступавшихъ къ экзаменамъ по разнымъ причинамъ.

Если вспомнить, какъ печально матеріальное положеніе многихъ курсистокъ, то ихъ блестящіе успѣхи въ наукахъ самъ Бишофъ et tutti quanti должны будутъ приписать исключительно природнымъ способностямъ женскаго пола.

Кстати замѣтимъ, что, въ виду удешевленія жизни, слушательницы академіи стараются, по возможности, устроиться раціональнѣе. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1879 года между ними возникла мысль жить артелями. Три такія артели студентокъ поселились въ Парголовѣ, гдѣ ими были заняты три дачи. Хозяйство въ каждой изъ нихъ было возложено на одну изъ недостаточныхъ студентокъ, пользовавшуюся за это безплатнымъ содержаніемъ. Насколько выгодно это нововведеніе, можно судить по тому, что полное содержаніе со столомъ и квартирою обходится каждой изъ студентокъ не дороже 50 коп. въ сутки.

Невзгода, нынѣ постигшая эти курсы, глубоко потрясла русское общество. Хотимъ надѣяться, что оно сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы не дать погибнуть этому, уже доказавшему свою полезность, учрежденію.

Въ какого рода высшемъ учебномъ заведеніи для женщинъ чувствуется потребность, указываетъ проектъ *женскихъ курсовъ* при Казанскомъ университетѣ. Мысль учредить въ Казани такіе

курсы возникла въ средѣ членовъ казанскаго общества естество-испытателей, состоящаго при университетѣ. Причиной, вызвавшей ее, послужило слѣдующее обстоятельство. Общество это, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности, открывало публичные курсы по естествознанію, медицинѣ и математикѣ. Слушателями этихъ лекцій явились главнымъ образомъ женщины; онѣ же и наполняли лабораторіи и кабинеты университета, когда лекторы приглашали публику собираться туда для лучшаго ознакомленія съ тѣми опытами, о которыхъ говорилось на лекціяхъ.

Цѣль учреждаемыхъ курсовъ—высшее общее образованіе женщинъ. При этомъ имѣется въ виду желающимъ изъ слушательницъ дать достаточную подготовку къ званію преподавательницъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по нѣкоторымъ предметамъ, входящимъ въ составъ преподаванія. Предметы преподаванія женскихъ курсовъ будутъ: 1) исторія русской словесности, 2) исторія иностранныхъ литературъ, 3) всеобщая исторія, 4) русская исторія, 5) исторія искусства, 6) логика, 7) психологія, 8) математика, 9) физика, 10) космографія, 11) химія, 12) минералогія, 13) ботаника, 14) зоологія, 15) анатомія и физіологія, 16) физика земного шара съ геологіей и ученіемъ о распредѣленіи организмовъ и 17) гигіена. Предметы эти распредѣляются на три года. Для лицъ, желающихъ сдѣлаться преподавательницами, назначаются, по окончаніи третьяго года, полгода для спеціальныхъ занятій, подъ руководствомъ преподавателей, по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) по русскому языку и словесности, 2) по исторіи и географіи, 3) по физикѣ и математикѣ и 4) по естественной исторіи и химіи.

Этотъ проектъ, 24 апрѣля 1880 года, совѣтъ университета опредѣлилъ представить г. попечителю округа; но что вышло изъ этого представленія, намъ пока неизвѣстно.

Въ 1874 году назначена была коммиссія для выработки проекта высшаго учебнаго заведенія для женщинъ. Надѣялись, что въ Россіи будетъ учрежденъ женскій университетъ. Надежды оказались преждевременными. Предположено основать не университетъ для женщинъ, а только «высшее женское училище» съ чисто-педагогическою цѣлью—приготовлять учительницъ для женскихъ гимназій. Во всѣхъ отдѣленіяхъ училища, кромѣ физико-математическаго, латинскій языкъ будетъ преподаваться наравнѣ съ главнымъ факультетскимъ предметомъ. Факультетъ естественныхъ наукъ найденъ безполезнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Переводч.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Германіи выступать на борьбу за политическія права женщины было бы, въ настоящее время, глупостью, радикальнымъ предупрежденіемъ будущаго. Сѣмена новыхъ идей, брошенныя на почву, которая не готова къ ихъ воспріятію, не приносятъ никакихъ плодовъ; и кто хочетъ пожинать плоды своихъ трудовъ, тотъ пусть слѣдуетъ основному правилу практической мудрости — желать лишь достижимаго.

Для приверженцевъ же политической равноправности женщины можетъ служить утѣшеніемъ то убѣжденіе, что тѣ же самыя реформы, тѣ же самыя соціальныя преобразованія, которыя одно поколѣніе съ негодованіемъ отвергаетъ, часто уже послѣдующее привѣтствуетъ съ одушевленіемъ.

Такъ какъ мы охотно причисляемъ себя къ практическимъ людямъ, то теперь мы не хотимъ стучаться въ двери парламента, но совсѣмъ въ другія—въ двери храма наукъ, университета.

Въ какой мѣрѣ нѣмцамъ чуждо всякое представленіе о народѣ (не исключая и женщинъ), облеченномъ политическими правами, можетъ показать слѣдующій примѣръ.

Лишь только мое послѣднее сочиненіе, толковавшее, между прочимъ, и о политической равноправности женщины, оставило типографскіе станки, въ одной распространенной лейпцигской газетѣ, въ *Лейпцигскомъ Ежедневникѣ,* появилась о немъ коротенькая рецензія нѣкоего г. Виштлинга, въ которой встрѣчается такое мѣсто: «Въ прибавленіи авторъ сочиненія выступаетъ за политическую равноправность женщинъ. Съ того времени, когда необузданный народный разбой господствовалъ на германской землѣ, который имѣлъ своею героиней Эдвигу, ни одна носительница этого имени не выступала на публичную арену съ такимъ блескомъ, какъ наша берлинская памфлетистка».

Изъ книги, которую разбираетъ г. Виштлингъ, онъ знаетъ, что въ англійскомъ парламентѣ — собраніи серьезныхъ государственныхъ мужей—требованіе права голоса женщины годъ отъ году завоевываетъ себѣ больше почвы и даже, по преимуществу, въ средѣ консервативной партіи; онъ знаетъ, что премьеръ-министръ Гладстонъ склоняется въ пользу этой великой реформы; онъ знаетъ, что въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки женщины уже добились права голоса и что въ другихъ штатахъ, какъ, наприм., въ Массачузетсѣ, великія республикан-

скія партіи вписали политическую равноправность женщинъ въ свою программу. Далѣе, возможно ли думать, чтобы нѣмецкій журналистъ гдѣ-нибудь не слыхалъ имени Стюарта Милля? И если онъ это имя слыхалъ, то онъ также знаетъ объ одномъ сочиненіи Милля *), которое открыто выступаетъ за политическую равноправность женщинъ.

Всѣ сообщенія, которыя появились въ англійскихъ газетахъ послѣ смерти Милля,—смерти, потрясшей всю Англію, —единогласно признаютъ, что между англійскими современниками нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ бо́льшее вліяніе на живущее поколѣніе, нежели онъ.

«Еслибы, — говоритъ Бокль въ одномъ этюдѣ, — назначить судъ присяжныхъ изъ величайшихъ европейскихъ мыслителей и предложить ему произнесть приговоръ, кто изъ всѣхъ живущихъ писателей больше сдѣлалъ для науки, то онъ, не колеблясь, произнесъ бы имя Стюарта Милля».

Цѣлая нація, не исключая и политическихъ противниковъ Милля, съ благоговѣніемъ воздвигаетъ ему монументъ.

Упомянувъ о величіи Милля, я тѣмъ не менѣе далека отъ той мысли, чтобы подать поводъ г. Виштлингу думать, что великій мыслитель всегда болѣе правъ, нежели никому неизвѣстный литераторъ; ибо изъ того, что г. Виштлингъ доселѣ націи еще неизвѣстенъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ отъ природы былъ обреченъ на неизвѣстность. Да и не всякому глубокомысленному философу суждено выплыть на поверхность. Однако, мнѣ кажется, что міровоззрѣнія такого человѣка, какъ Милль, никто не можетъ игнорировать, не исключая и нѣмецкаго журналиста. Смѣю даже утверждать, что тамъ, гдѣ дѣло касается зрѣлыхъ взглядовъ подобнаго мыслителя, тотъ, кто отвергаетъ ихъ, обязанъ подвергнуть эти взгляды всестороннему и старательному разсмотрѣнію.

Однако-жь, г. Виштлингъ, быть-можетъ, раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые называютъ упомянутаго философа или кабинетнаго ученаго—непрактическою головой; и Милль, въ его взглядѣ на женскую половину человѣческаго рода, ему и его единомышленникамъ (а къ нимъ, за малыми исключеніями, принадлежатъ всѣ мужчины, коптящіе нѣмецкое небо) кажется философомъ-меч-

---

*) „О подчиненіи женщины“. На русскомъ языкѣ оно одновременно появилось въ двухъ переводахъ: въ переводѣ г. Благосвѣтлова, съ приложеніемъ статьи Іог. Шерра: „Историч. женск. типы“, съ предисловіемъ переводчика, и г-жи Марка-Вовчка, съ предисловіемъ г-жи Цебриковой.

тателемъ, метафизирующимъ Робинзономъ Крузое, чѣмъ-то въ родѣ enfant terrible въ великолѣпной гармоніи мірового порядка.

Но, къ несчастію для г. Виштлинга, къ этому философу примыкаетъ такой человѣкъ, котораго врядъ ли кто-либо заподозритъ въ непрактичности. Я разумѣю консервативнаго премьеръ-министра Дизраэли.

Этотъ практическій государственный мужъ всегда поддерживалъ билль Якоба Брайта. Въ 1866 году онъ, въ палатѣ общинъ, высказался въ пользу права голоса женщинъ. Въ прошломъ году (1873) ему былъ поданъ, черезъ Джоржа Лангтона, адресъ за подписью 11.000 женщинъ. Отвѣтъ его состоялъ, буквально, въ слѣдующемъ: «Я имѣлъ большую честь получить изъ вашихъ рукъ адресъ, за подписомъ 11.000 женщинъ (въ числѣ ихъ я нахожу славныя имена), въ которомъ мнѣ выражается благодарность за услуги, оказанныя мною въ попыткѣ уничтожить беззаконіе, которое лишаетъ права голоса въ дѣлахъ, касающихся собственности и домашняго хозяйства, женщинъ, обладающихъ этими послѣдними, хотя онѣ, при равномъ имущественномъ цензѣ, сохраняютъ это право во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Будучи того мнѣнія, что это неравенство передъ закономъ вредитъ важнѣйшимъ интересамъ страны, я надѣюсь и ожидаю, что мудрость парламента устранитъ его».

Но, еще болѣе, даже консервативный нѣмецкій профессоръ, отсталый человѣкъ по отношенію къ женскому вопросу, г. Зибель, соглашается, что кто вписываетъ вообще «suffrage universel» въ свою программу, тотъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія исключать женщинъ.

И вопреки всѣмъ этимъ знаменіямъ времени, разсмотрѣніе политическихъ правъ женщинъ кажется нѣмецкому литератору столь дикимъ и смѣшнымъ, что онъ не можетъ удержаться отъ мело-драматическаго содроганія и морально-эстетическаго ропота.

Читая *Ежедневникъ*, мнѣ пришло въ голову одно мѣсто изъ англійской газеты, которое, хотя и въ сильно-преувеличенномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины, — ту истину, что, между женщинами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, нѣмецкія женщины находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Мѣсто это гласитъ: «Германія, вопреки своимъ блестящимъ успѣхамъ на поприщѣ войны и въ области реальныхъ знаній, стоитъ на низшей ступени цивилизаціи, чѣмъ всѣ другія европейскія страны, за исключеніемъ Турціи, ибо нигдѣ женщина не занимаетъ

такого низкаго и подчиненнаго положенія, какъ тамъ. Въ Англіи женщины пользуются уваженіемъ. Во Франціи и Америкѣ, во время ихъ молодости и красоты, имъ покланяются. Въ Германіи онѣ служатъ утилитарнымъ цѣлямъ».

I.

Вопросъ о правѣ женщинъ на высшее образованіе—не новъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ вопросъ этотъ не только обсуждался во многихъ сочиненіяхъ, но часто иллюстрировался фактами самой жизни. Во всѣ времена, вплоть до начала нашего столѣтія, женщины занимали профессорскія каѳедры, особенно въ Италіи. Если кто усомнится въ справедливости сказаннаго, тотъ пусть перелистуетъ «Исторію женщинъ» Клемма, одного изъ безусловныхъ враговъ женской эмансипаціи,—и онъ удивится тому количеству женщинъ, которыя во всѣхъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ науки пріобрѣли себѣ общее уваженіе своихъ современниковъ и громкую извѣстность.

Относительно университетскаго образованія женщинъ я предложу себѣ и своимъ читателямъ отвѣтить на слѣдующіе три вопроса:

Надобно ли женщинамъ университетское образованіе?

Могутъ ли женщины получать университетское образованіе (въ смыслѣ ихъ способности)?

Должны ли женщины получать университетское образованіе?

Для меня лично эти изслѣдованія кажутся столько же смѣшными, какъ еслибы кто-нибудь спросилъ: нужно ли человѣку развивать свои силы? Должно ли ему употреблять свои ноги для ходьбы? и т. д. Но такъ какъ большинство моихъ нѣмецкихъ современниковъ уже успѣло отвергнуть право женщины на научную дѣятельность, то мы, незначительное меньшинство, не должны, изъ лѣности, оставить борьбу за наши убѣжденія, въ виду той несомнѣнной для насъ истины, что то, что нынѣ кажется страннымъ и парадоксальнымъ, въ непродолжительномъ времени можетъ сдѣлаться тривіальной аксіомой.

Чтобы не заслужить упрека въ произвольности, или избѣгнуть подозрѣнія въ умышленномъ невниманіи къ сильнѣйшимъ и главнѣйшимъ аргументамъ *противъ* дѣятельности женщинъ на научномъ поприщѣ и въ удовольствованіи опроверженіемъ лишь легкой, поверхностной болтовни,—я приведу противъ себя мнѣ-

нія уважаемыхъ и извѣстныхъ профессоровъ, мнѣнія людей науки, которыя должно почитать продуманными и глубокомысленными. Если же ихъ аргументы тѣмъ не менѣе легко могутъ быть опровергнуты, то въ этомъ нисколько не будетъ повинна логика профессоровъ, а сила того дѣла, противъ котораго они выступили.

Говоря въ этомъ сочиненіи о высшемъ образованіи женщинъ вообще, я, однако-жь, обращу свое спеціальное вниманіе на изученіе медицины. Многосторонніе опыты утвердили меня въ томъ убѣжденіи, что здоровье женщины и, вмѣстѣ, всего человѣческаго рода существенно зависитъ отъ введенія женщины въ медицинскую практику. Поэтому я выбрала себѣ главнымъ своимъ противникомъ почтеннаго физіолога и анатома, профессора Мюнхенскаго университета, Бишофа, и я постоянно буду имѣть въ виду его небольшое сочиненіе: «Медицинская практика и изученіе медицины женщинами».

Извѣстный профессоръ философіи въ Боннѣ, добродѣтельный и благонамѣренный человѣкъ, напечатавшій въ одномъ распространенномъ журналѣ рядъ статей объ образованіи женщинъ, будетъ сопровождать г. Бишофа.

Прежде всего да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о женскомъ трудѣ вообще.

Упомянутые профессора, какъ и вообще всѣ противники эмансипаціи женщинъ, постоянно, съ полной опредѣленностью и рѣзкостью, различаютъ мужской и женскій трудъ и ставятъ въ нѣкоторомъ родѣ санитарный кордонъ между мужчиной и женщиной въ области труда.

Г. фонъ-Бишофъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «каждый полъ имѣетъ свои особыя занятія; женщины не могутъ исполнять того, что исполняютъ мущины, и, наоборотъ, мущины — того, что женщины». Правда ли это?—Нѣтъ.

Кто назоветъ мнѣ хоть одно единственное занятіе (за исключеніемъ, разумѣется, функцій, связанныхъ съ самимъ тѣломъ), единственную форму труда, которая ограничивалась бы однѣми женщинами и участіе въ которой мужчинамъ было бы запрещено обычаемъ или закономъ?—Нѣтъ ни одной.

Мужчины шьютъ, варятъ, стираютъ, гладятъ, хозяйничаютъ и проч. Въ знатныхъ домахъ, вмѣсто кухарки и экономки, находятся поваръ и экономъ. Это—неотразимые факты, отъ которыхъ нѣтъ никакой возможности отпираться. Итакъ, надо при-

знать, что только женщинамъ указаны извѣстныя занятія; мужчины же исполняютъ все, что люди въ состояніи исполнять и къ чему они имѣютъ охоту и влеченіе.

Я надѣюсь въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи доказать, что женщины вынуждены исполнять такія работы, которыя имъ чужды, и устранены отъ такихъ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ природѣ.

Я надѣюсь доказать, что, при распредѣленіи труда между мужчиной и женщиной, ясно и рельефно выступаютъ два принципа: *умственный* трудъ и *выгодный*—для мужчинъ, а *механическій* и *дурно оплачиваемый*—для женщинъ. Я надѣюсь доказать, что при распредѣленіи труда точкой исхода служитъ не *право* женщины, но *польза* мужчины, и что борьба противъ *должностныхъ занятій женщины начинается лишь тамъ, гдѣ ея поденная плата перестаетъ считаться на гроши.*

Хорошихъ сочиненій о женскомъ трудѣ въ Германіи мнѣ достать не удалось. Или такихъ сочиненій вовсе нѣтъ, или женщинѣ, которой нужно употребить непомѣрныя усилія и старанія, чтобы получить возможность пользоваться публичными библіотеками,—ихъ уже черезчуръ трудно добыть. Я должна была довольствоваться французскими и особенно англійскими сочиненіями, которыя, по счастію, даютъ достаточный и довольно надежный матеріалъ.

Экономическія отношенія, взгляды на трудъ и природу женщины въ цивилизованной Европѣ—почти всюду тождественны; стало-быть, вытекающія отсюда послѣдствія также не будутъ имѣть никакихъ существенныхъ уклоненій и порядокъ вещей въ Англіи и во Франціи будетъ соотвѣтствовать такому же порядку въ Германіи.

Всѣ лежащія предо мной сочиненія по этому предмету (женскому труду) не оставляютъ объ этомъ никакого сомнѣнія. Нигдѣ и никогда женщинъ не устраняли отъ труднѣйшихъ и непріятныхъ занятій, и развѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о высшихъ и прибыльнѣйшихъ отрасляхъ труда,—тамъ, говорю я, никогда не запаздывали ставить пограничные столбы, сообразуясь, будто бы, съ ихъ нѣжной комплекціей и стыдливостью. Напротивъ того, по отношенію къ низшимъ классамъ имѣетъ силу, повидимому, слѣдующее основное правило: *чѣмъ грубѣе, чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ лучше для женщинъ.* Нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній уважаемыхъ англійскихъ писателей о женскомъ трудѣ въ Англіи могутъ подтвердить сказанное.

Въ нѣкоторыхъ округахъ Англіи женщины занимаются выдѣлкою кирпича. Онѣ выкладываютъ рядами, на землѣ, кирпичи для просушки, помогаютъ при процессѣ вытаптыванія и ходятъ голыми ногами по мокрой глинѣ, а иногда и по горячимъ трубамъ. Тысячи женщинъ занимаются фабричными работами: при окраскѣ на химическихъ и шнуровальныхъ фабрикахъ, въ стеклянныхъ заводахъ, клееводныхъ, въ бумажныхъ, посудныхъ и табачныхъ фабрикахъ; онѣ работаютъ въ садахъ, огородахъ и на полѣ; и всегда на ихъ долю выпадаютъ самыя низкія, трудныя и грязныя работы.

Въ округѣ Вигана приготовленіе гвоздей составляетъ весьма частое занятіе женщинъ. Въ той странѣ можно также видѣть женщинъ работающихъ на каналахъ; онѣ открываютъ шлюзы, гонятъ лошадей, иныя даже встрѣчаются съ канатомъ на спинѣ.

Женщины работаютъ въ пылающихъ стѣнахъ хлопчато бумажныхъ фабрикъ. Чтобъ имѣть возможность вынести раскаленный воздухъ, онѣ выпуждены работать полунагими. Вращеніе мельничныхъ колесъ поднимаетъ такое облако пыли и грязи, что эти женщины, чтобъ избѣгнуть медленнаго, но вѣрнаго удушья, должны затыкать себѣ ротъ и носъ тряпками и хлопчатою бумагой. Когда онѣ оставляютъ свою работу, онѣ покрыты слоемъ клейкой пыли и грязи.

Въ Ливерпулѣ и Дублинѣ женщины ежедневно выручаютъ 6 долларовъ отъ продажи песку, перевозя его на тачкахъ изъ улицы въ улицу. Около пятидесяти тысячъ женщинъ колесятъ по улицамъ, торгуя рыбой, плодами и желѣзными издѣліями, и никто не попытается поколебать ихъ страсть къ торговлѣ тѣмъ извѣстнымъ крикомъ нравственнаго негодованія, которое гремитъ противъ публичной дѣятельности женщинъ. Никто не крикнетъ къ такой торговкѣ: брось свои рыбы и рѣдьки, иди домой и покойся, лягь на солому и умри съ голоду!... Большое число женщинъ вырываетъ и копаетъ картофель, полетъ сорныя травы, выбираетъ изъ земли камни, унавоживаетъ почву, снимаетъ хлѣбъ въ жатву и нагружаетъ возы во всякую погоду и во всякое время. По послѣдней переписи въ той мѣстности оказалось 43.964 женщины, занимающихся полевыми работами.

Прежде, чѣмъ вошелъ въ силу билль о регулированіи рудниковъ и угольныхъ копей, тысячи женщинъ и дѣвушекъ до того свыклись съ работами въ рудникахъ, что онѣ это занятіе считали настоящею цѣлью своей жизни.

Въ льнопрядильняхъ дѣло находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Ленъ приготовляется при очень высокой температурѣ и работа требуетъ большаго количества воды. Работницы принуждены скидать большую часть своей одежды и стоять часто по колѣни въ водѣ. Несчастныя, которыя занимаются этими работами, умираютъ, большею частью, въ возрастѣ отъ 28—50 лѣтъ въ медленномъ изнуреніи, или даже между 18 и 20 годами жизни отъ скоротечной чахотки, которая ихъ часто пожираетъ въ нѣсколько дней. Многія знаютъ судьбу, которая ихъ ожидаетъ, и предаютъ себя смерти, чтобы заработать баснословную сумму въ 1 фр. 50 сант. поденно.

Есть мастерскія и фабрики, въ которыхъ предпочитаются работницы, обремененныя дѣтьми. Богатый фабрикантъ знаетъ, что онѣ, во что бы то ни стало, должны доставать хлѣбъ своимъ дѣтямъ и, поэтому, не пренебрегаютъ никакою работой. Онѣ допускаютъ увеличеніе рабочихъ часовъ, которое въ короткое время отнимаетъ ихъ силы и жизнь.

Одинъ бѣглый взглядъ на данныя французской статистики подтверждаетъ результаты англійскихъ изслѣдованій.

Средняя цифра рабочей платы въ Парижѣ для мужчинъ—4 фр. 41 сант., а для женщинъ — 2 фр. 41 сант. Главная причина подчиненнаго положенія женщины лежитъ въ ея недостаточномъ профессіональномъ образованіи.

Въ Парижѣ болѣе чѣмъ на 14.000 учащихся мальчиковъ приходится только 5.500 дѣвочекъ, изъ которыхъ громадное большинство довольствуется гораздо болѣе короткимъ временемъ обученія. Дѣвочки, которыя пользуются трехгодичнымъ обученіемъ, составляютъ исключеніе.

Укажемъ на разницу въ задѣльной платѣ изъ статистики отдѣльныхъ ремеслъ.

При изготовленіи платья,—ремеслѣ, которымъ занимаются больше мужчины, нежели женщины,—рабочая плата послѣднихъ составляетъ половину или треть платы мужчинъ. Слишкомъ короткое время обученія служитъ препятствіемъ къ развитію ея техническаго проворства и умѣнья.

По послѣдней статистикѣ позументской промышленности, поденная плата для мужчинъ равняется отъ 1 до 9—10 фр., тогда какъ для женщинъ—до 5 и 6 фр.

Перчаточное ремесло занимаетъ почти столько же женщинъ, сколько мужчинъ. Вознагражденіе работниковъ колеблется между

3 и 10 фр., а вознагражденіе работницъ — между 1 и 4 фр. Недостаточность профессіональнаго воспитанія дѣлаетъ ихъ неспособными для выкраиванія и глаженія перчатокъ. Имъ достается лишь шитье, стеганье и вышивка. Съ 1845 года вознагражденіе хорошихъ перчаточниковъ возвысилось на 35 процентовъ, въ то время какъ задѣльная плата перчаточницъ оставалась на прежнемъ уровнѣ, такъ что она простирается до 1 фр. 90 сантимовъ.

Ювелирный промыселъ и золотыхъ дѣлъ мастерство въ Парижѣ, обнимающіе собою различныя спеціальности, занимаютъ болѣе 4.000 работницъ; болѣе же высокій заработокъ формовщиковъ, чеканщиковъ, граверовъ и эмальеровъ для женщинъ не существуетъ. Онѣ употребляются почти исключительно при полировкѣ и глаженіи. Первымъ промысламъ обучаются 2.000 мальчиковъ и только 100 не съ большимъ дѣвочекъ.

Въ литографскомъ искусствѣ на 36 учениковъ приходится одна ученица. Переплетное ремесло приноситъ мужчинамъ поденной платы 3—8 фр., а женщинамъ 1—3 фр.

Различныя типографскія общества не позволяютъ своимъ принципаламъ нанимать наборщицъ даже и тогда, когда они соглашаются платить имъ, т. е. женщинамъ - наборщицамъ, одинаково. Въ 1870 году самъ императоръ утвердилъ одно общество, по статутамъ котораго съ каждаго наборщика взыскивается по 2 фр. въ день для вознагражденія убытковъ, единственно для того, чтобы преградить женщинамъ доступъ въ мастерскія.

Французскіе гранильщики доставляютъ большому числу людей работу при шлифованіи кристалловъ, очковъ, алмазовъ и т. д. И здѣсь также мы видимъ, что самый тяжелый и дурно-оплачиваемый трудъ, по полированію и вправливанію, приходится на долю женщинъ. День за днемъ онѣ вертятъ ногою колесо, на которомъ шлифуютъ вставочныя стеклышки. Гранильщицы кристалловъ работаютъ надъ точильней въ наклоненномъ положеніи и руками погруженными въ воду.

Во всѣхъ промыслахъ, требующихъ долголѣтняго обученія, женщины находятся въ подчиненномъ положеніи; напротивъ, въ нездоровыхъ ремеслахъ, для которыхъ достаточна кратковременная снаровка, онѣ господствуютъ. Въ работахъ по чесанію шерсти и плетенію изъ соломы, за пряжей и ткацкимъ станкомъ, фабриканты, для удешевленія производства, предпочитаютъ женщинъ. Въ самомъ Ліонѣ и вокругъ него тысячи женщинъ рабо-

таютъ по 14 часовъ въ день за ткацкимъ станкомъ одновременно руками и ногами. Въ набивныхъ ситцевыхъ фабрикахъ мужчины исполняютъ только тѣ работы, которыя требуютъ умѣнья и выгодны. Женщины, занимающіяся подготовительными работами, трудятся 12 часовъ въ день при температурѣ въ 26—40 градусовъ и ихъ здоровье подвергается внезапнымъ переходамъ отъ жары къ холоду.

Есть фабрики, въ которыхъ во всякое время года по 12-ти часовъ въ день женщины работаютъ, стоя ногами въ водѣ.

Мы остановимся отъ дальнѣйшаго изложенія подобныхъ отраслей женскаго труда; легко можно было ими наполнить цѣлую книгу. Тѣ же самыя экономическія явленія повторяются вездѣ и повсюду: самыя низкія и дурно-оплачиваемыя занятія — удѣлъ женщины.

Еще только нѣсколько словъ о швейномъ ремеслѣ,—родѣ занятія, которому предаются не только низшіе классы, но и довольно замѣтный контингентъ женщинъ изъ средняго сословія.

Англичанинъ Джемсъ Кларкъ утверждаетъ, что изслѣдованія о положеніи швей дали еще болѣе страшные результаты, чѣмъ даже мануфактурное производство.

Оказалось, что швеи обыкновенно работаютъ 18 часовъ въ день и что только крѣпкій кофе дѣлаетъ ихъ способными такъ долго держать въ рукахъ иглу. Женщины эти, большею частью между 16—30-лѣтнимъ возрастомъ, буквально дорабатываются до смерти. Онѣ работаютъ изъ года въ годъ, крѣпко прикованныя къ своимъ стульямъ, съ утра до ночи, въ холоду ранняго зимняго утра, въ полуденномъ зноѣ жаркаго лѣта, неустанно, безъ перемѣны, безъ радости въ жизни, чтобы въ лучшемъ случаѣ получить 2 фр. въ день. Ихъ глаза и ихъ грудь страдаютъ; ихъ жизнь—медленное умираніе, постепенное изнеможеніе, и горе имъ, если онѣ заболѣютъ! Швеи въ Лондонѣ, по большей части, либо обременены неспособными къ труду и больными мужьями, либо онѣ вдовы и кормилицы своихъ дѣтей.

Свѣдѣнія, доставленныя одною управительницей національныхъ мастерскихъ въ Парижѣ, даютъ намъ возможность взглянуть поближе на несчастное положеніе этихъ работницъ,—положеніе, приводящее въ ужасъ. Когда правительство въ 1848 году открыло нѣсколько мастерскихъ, болѣе 12.000 женщинъ хлынуло въ Парижъ. Между прочимъ 1.200—2.000 женщинъ поступили въ одно плохо вентилированное заведеніе, гдѣ онѣ чуть-чуть не

задохлись въ пылающей жарѣ лѣтняго мѣсяца. Многія изъ нихъ, больныя и изнуренныя, должны были содержать цѣлую семью и зарабатывали 6 су поденно; у другихъ, шившихъ рубахи, поденная плата равнялась 12 су.

Англичанинъ Валлей, почитаемый за полновѣсный авторитетъ въ этой области, держится того мнѣнія, что не менѣе 6.000 дѣтей ежегодно нисходитъ въ могилу, вслѣдствіе того, что женскій трудъ дурно оплачивается.

«Съ отяжелѣвшими и красными вѣками, въ рубищѣ, сидѣла женщина и утомленными, исхудалыми пальцами все шила, шила, на жизнь и смерть. Стегъ, стегъ, стегъ!... Голодъ, грязь и неисходная нужда. Голосомъ полнымъ отчаянной скорби она пѣла «Пѣсню о рубашкѣ»*).

Не по высокимъ поэтическимъ красотамъ «Пѣсня о рубашкѣ» сдѣлалась всемірно-знаменитой,—нѣтъ, вслѣдствіе ужасной правдивости, съ которой Томасъ Гудъ выразилъ дикую, безнадежную скорбь цѣлаго класса людей... Эта «Пѣсня о рубашкѣ»—«Марсельеза» женщины иголки. Это — не гимнъ, а похоронная пѣснь надъ пучиной народнаго горя!

Когда женщины средняго и высшаго сословій, оставшись вдовами и незамужними, вслѣдствіе бѣдности, начинаютъ искать средствъ къ существованію, то имъ предлагаются лишь тѣ отрасли промышленности, которыя уже переполнены несчастнымъ людомъ. Эти области труда приносятъ имъ равно столько же, сколько неизбѣжно необходимо для поддержанія жизни, если только онѣ прилежно и старательно напередъ изучили искусство жить впроголодь.

Воспитанницы С.-Дени во Франціи — дочери и сироты высшихъ офицеровъ. Это заведеніе окончательно замарало свою репутацію; даже доходило до того, что стали утверждать, будто между узницами С.-Лазаря находились прежнія ученицы этого заведенія. Воспитательная программа этого питомника заключаетъ въ себѣ всѣ необходимые, для будущей хозяйки, предметы: кулинарное и прачечное искусство, изготовленіе платья и т. д. Бѣлье всего питомника изготовляется самими ученицами. Это, безъ сомнѣнія, драгоцѣнныя знанія для женщины, которая можетъ жить у до-

---

*) „The song of the Shirt", при своемъ появленіи въ свѣтъ, произвела такую сенсацію, что, по желанію поэта, на его памятникѣ были вырѣзаны лишь только слѣдующія слова: „Hi sang the Song of the Shirt" („Онъ написалъ Пѣсню о рубашкѣ").

машняго очага. Забываютъ, что большая часть дѣвушекъ средняго и высшаго класса, не имѣющихъ возможности купить себѣ мужа, должны собственными силами пріобрѣтать себѣ средства къ существованію. Когда ученикъ, воспитываемый на общественный счетъ, оставляетъ учебное заведеніе, ему открывается почетное, даже, можно сказать, блестящее поприще. Такая же ученица должна оставить школу восемнадцати лѣтъ; ее выбрасываютъ въ свѣтъ лишь съ знаніемъ швейнаго и кухоннаго искусства. Но она не сошьетъ ни одного платья, по той простой причинѣ, что для этого надобно имѣть матерію; она не будетъ ни варить, ни жарить, по той причинѣ, что варить и жарить нечего. Воспитаніе и общественное положеніе препятствуютъ ей идти въ швеи. Что же остается ей?—Нищета, отчаяніе, развратъ. Женщинъ воспитываютъ къ зависимому положенію; но найдется ли кто-нибудь, который поддержалъ бы ее во время неисходной нужды, объ этомъ не заботятся.

Мнѣ даже кажется, будто убѣжденіе, которое стараются вкоренить въ сердца индійскихъ женщинъ, что послѣ смерти своихъ мужей и кормильцевъ онѣ должны также добровольно предать себя смерти,—будто это убѣжденіе есть не что иное, какъ экономическое коварство. Мнѣ кажется, что это политическая утка швыряетъ на костеръ этихъ жертвенныхъ овецъ, въ виду, будто бы, небеснаго блаженства. *Наши* вдовы болѣе себя не сжигаютъ; тѣмъ не менѣе онѣ низводятъ себя въ преждевременную могилу горемъ и нуждой.

Низко оцѣниваемый и полуоплачиваемый трудъ есть рабство въ болѣе мягкой формѣ; а это — общее положеніе женщинъ относительно всѣхъ областей такъ-называемыхъ свободныхъ профессій.

Я въ государственныхъ дѣлахъ и политикѣ не слишкомъ-то много понимаю; но то я понимаю отмѣнно, что всякое законоположеніе должно, или должно бы, вытекать изъ нравственнаго принципа, изъ принципа справедливости и человѣколюбія.

Если обычай и законъ возбраняютъ женщинамъ трудъ, дающій возможность прокормить себя и дѣтей своихъ, то государство и общество, по простѣйшему понятію человѣколюбія и справедливости, обязаны содержать всѣхъ неимущихъ вдовъ и дѣвицъ *сообразно съ общественнымъ положеніемъ послѣднихъ*. Коль скоро же онѣ не признаютъ такихъ обязанностей, да, къ тому еще, ограничиваютъ область женскаго труда немногими, на-

именѣе оплачиваемыми, отраслями ея, то подобное законодательство указываетъ слѣды варварства; оно порабощаетъ женщину и привилегировываетъ одну половину общества на счетъ другой.

Когда, въ тысячный разъ, станутъ настаивать на томъ, что бракъ есть великое средство обезпеченія женщинъ, я дамъ, вмѣсто себя, говорить *числамъ*, — числамъ, которыя неотразимы и которыя не терпятъ фразъ и лжи. На одну Пруссію приходится болѣе 1¼ милл. незамужнихъ женщинъ.

Впрочемъ, можно съ такимъ же правомъ утверждать, что бракъ есть средство обезпеченія для мужчинъ, ибо какой же другой смыслъ имѣетъ та лихорадочная погоня за *богатыми наслѣдницами*, которой ежедневно мы бываемъ свидѣтелями?

Что вопросъ о конкуренціи, *боязнь конкуренціи* играетъ большую роль, сознательно или безсознательно, при ограниченіи правъ женщинъ на трудъ, для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію. Большинство людей мыслитъ не головой, а желудкомъ. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что каждый мужчина считаетъ то важное дѣло, которымъ онъ занимается, именно за такое, въ исполненіи котораго самъ Богъ и природа отказали женщинѣ. Г. фонъ-Бишофъ думаетъ, что женщина способна на все другое, только не на медицинскую практику. Между вредными послѣдствіями изученія медицины женщинами онъ выставляетъ «неизбѣжное стѣсненіе медиковъ-мужчинъ» *). Но онъ тутъ же даетъ свое благословеніе женщинамъ на кое-какія занятія *при почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствахъ* и при этомъ забываетъ уже о «неизбѣжномъ стѣсненіи» почтовыхъ чиновниковъ. Генералъ - почтдиректоръ *Стефанъ*, напротивъ, держится того мнѣнія, что женщина способна ко всему, кромѣ только *почтовой службы*. Опять же профессоръ фонъ-Зибель утверждаетъ, что женщина можетъ скорѣе изучать медицину, нежели какую-нибудь другую науку. Портные тоже подняли страшный шумъ, когда появились первыя портнихи: не дѣло женщины,— разсуждали они,—готовить платье съ нами наравнѣ.

---

*) Конечно, это прямо сказано. Но еще прямѣе высказался д-ръ А. Вудъ, профессоръ Эдинбургскаго университета. Миссъ Джекъ-Блекъ, съ своими товарками, ставшая поперегъ горла упомянутаго университета, заставила его устраивать разныя конференціи и совѣщанія. Вотъ на одномъ такомъ совѣщаніи д-ръ Вудъ „высказался открыто противъ допущенія женщинъ въ университетъ, основывая свое мнѣніе только на томъ, что у него есть сыновья, желающіе поступить въ университетъ, и что женщины, занимая вакансіи студентовъ, послужатъ препятствіемъ къ исполненію ихъ желанія". *Примѣч. перевод.*

Высоко ученый филологъ съ дружественной снисходительностью выражаетъ свое одобреніе бѣдной учительницѣ, которая обучаетъ маленькихъ дѣтей въ той же школѣ, въ которой онъ, за приличный гонораръ, преподаетъ высшую мудрость болѣе взрослымъ дѣвушкамъ. Но чуть только, скудно вознаграждаемая, учительница осмѣливается преподавать въ первыхъ классахъ физику или исторію и раздѣлять съ нимъ, симъ филологомъ, жалованье и почетъ, онъ важно, очень важно начинаетъ пожимать плечами надъ этимъ безнравственнымъ нововведеніемъ.

Трудъ, который исполняется даромъ, мужчина напередъ уступаетъ женщинамъ. Такъ было съ миссъ Найтингаль. Но попробуй она потребовать сотни двѣ фунтовъ жалованья, какъ директоръ госпиталя,—кто знаетъ, быть-можетъ громадная смертность больныхъ, съ помощью Бога и медиковъ-*мужчинъ*, стала бы уменьшаться!

Худо, когда, какъ это бываетъ, люди считаютъ свои предразсудки за нравственный образъ мыслей; но когда они выдаютъ свои безчестныя побужденія и склонности, какова боязнь конкуренціи, за нравственныя чувства, то мы едва въ силѣ удержаться отъ негодованія и презрѣнія.

Странное дѣло съ этой конкуренціей! Если мужчины въ самомъ дѣлѣ высшій родъ людей, т.-е. дѣйствительно одарены высшими силами для тѣхъ сферъ труда, изъ которыхъ они исключаютъ женщинъ, то они вѣдь не должны бояться никакой конкуренціи,—напротивъ того, женщины будутъ служить имъ же на пользу; но если ихъ силы не выше, то на нихъ падаетъ подозрѣніе, что они оттѣсняютъ женщинъ затѣмъ, чтобъ эти послѣднія не понижали ихъ цѣны, и въ такомъ случаѣ ихъ поступокъ становится насиліемъ, несправедливымъ присвоеніемъ монополіи.

Торговля, промышленность, ремесла и науки закрыты для женщинъ. Преподаваніе и обученіе запрещены для нихъ отчасти или вполнѣ. «Онѣ не призваны для этихъ занятій!»

Для чего же онѣ призваны?—Для голода, для самоубійства, для проституціи?...

Я подвожу итогъ всему изложенному и повторяю: исходною точкой въ вопросѣ о женскомъ трудѣ служитъ не *право женщинъ*, но *выгода мужчинъ*. Женщинъ принуждаютъ къ такому труду, который имъ несвойственъ, и устраняютъ отъ такого, къ которому онѣ несравненно лучше способны. У нихъ отнимаютъ человѣческое право, *право на существованіе*.

Но настанетъ день, когда женщина, возненавидѣвъ иглу и половникъ, отброситъ прочь эти символы своего пола,—когда она, утомленная пошлыми фразами, которыми ее до сихъ поръ обманывали, проникнетъ въ храмы мужчинъ, взойдетъ на ихъ каѳедры и провозгласитъ новое евангеліе, радостную вѣсть о *преображеніи женщины въ человѣка*. Но не ужасайтесь, почтенные главы семействъ и мужья, время это еще не скоро настанетъ. Пока вы будете жить, и сыновья ваши, и сыновья сыновей вашихъ,—женщина будетъ продолжать и шить, и варить, и печь, и прозябать безъ всякаго проявленія своей индивидуальности. Она будетъ продолжать дѣлать васъ счастливыми и унижать себя.

II.

Нужно ли женщинамъ высшее образованіе? Давали ли ей и даютъ ли доступъ къ нему?

Мои противники даютъ на этотъ послѣдній вопросъ утвердительный, а я—отрицательный отвѣтъ.

Гг. профессора того мнѣнія, что женщинамъ искони была открыта дорога къ пріобрѣтенію научныхъ познаній, мое же мнѣніе состоитъ въ томъ, что и встарь и нынѣ предразсудки и обычай, законъ и фактическія отношенія преграждали женщинамъ доступъ къ высшему образованію. Послушаемъ сперва г-на профессора философіи изъ Бонна.

«Многіе примѣры,—говоритъ онъ,—убѣждаютъ насъ въ томъ, что умственное развитіе даровитыхъ женщинъ подъ господствующимъ вліяніемъ мужчинъ рѣдко когда-либо встрѣчаетъ препятствіе,—наоборотъ, гораздо чаще самое горячее поощреніе. Исторія цивилизаціи не знаетъ примѣра, чтобы мужчины грубо оттолкнули отъ дверей храма наукъ даровитую и любознательную женщину. Слѣдовательно, внѣшнія отношенія не даютъ никакой точки опоры къ объясненію факта ничтожнаго вліянія женщинъ на успѣхи знанія».

Да хоть бы «исторія цивилизаціи» и въ самомъ дѣлѣ не знала подобнаго примѣра, но когда я сама знаю, то этого для меня совершенно достаточно. Серьезно, я здѣсь говорю по собственному опыту, который ужь конечно не можетъ быть доступенъ г. профессору. И я также принадлежала къ тѣмъ жаждущимъ знанія женщинамъ, которыя стучались въ двери святилища, чтобы... быть осмѣянными. И я не была исключеніемъ.

Въ одномъ статутѣ для испанскаго коллегіума при университетѣ въ Болоньи, относящемся къ 1377 г., говорится (по-латыни): «И такъ какъ женщина есть вершина грѣха, орудіе дьявола, причина изгнанія изъ рая и осквернительница древняго закона, и такъ какъ всякій обязанъ строжайше избѣгать сношенія съ нею, то мы приказываемъ и повелѣваемъ самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы никто ни одну женщину не осмѣливался ввести въ означенный коллегіумъ, будь она самая почтенная особа. И если кто-либо поступитъ противно сему постановленію, то подлежитъ строгому наказанію ректора».

Когда, въ XVI-мъ столѣтіи, Françoise de Saintonge попыталась основать *дѣвичьи училища* во Франціи, она сдѣлалась посмѣшищемъ для уличныхъ мальчишекъ, а отецъ ея призвалъ четырехъ докторовъ, чтобъ они, собравъ всѣ силы своего искусства, сообща рѣшили, не одержима ли его дочь бѣсомъ: pour s'assurer, qu'instruire des femmes n'était pas un oeuvre du démon».

Когда миссъ Гаретъ въ 1860 г. захотѣла изучить медицину, она переходила отъ одного англійскаго университета къ другому, прося принять ее. Вездѣ отвергнутая, она наконецъ нашла, что общество аптекарей есть единственная корпорація, которая, согласно своему уставу (въ которомъ вмѣсто слова «vir», мужчина, употреблялось «homo», человѣкъ), не имѣла права отказать ей.

Такимъ образомъ она трудилась пять лѣтъ и въ 1865 году получила свой дипломъ. Она слушала рядъ лекцій особо и, иногда, платила по 50-ти гиней за курсъ, тогда какъ за слушаніе въ классахъ, въ которые ее не допускали, обыкновенная плата— 2 гинеи.

Со взиманіемъ этого непомѣрнаго налога затрудненія, однако, еще не были устранены. Теперь, по окончаніи курса ученія, ей объявили о существованіи закона, по которому студентамъ запрещается проходить какую-либо часть медицины частнымъ образомъ.

Этотъ маневръ открыто присовѣтовалъ одинъ руководящій медицинскій журналъ, какъ вѣрный путь къ тому, чтобъ обойти обязательную силу упомянутыхъ статутовъ и отнять у женщинъ послѣдній выходъ *).

---

*) Такая же исторія приключилась съ миссъ Джекъ-Блэкъ. Въ ея брошюрѣ: „The practise of medecine by women" (переведена на русск. языкъ подъ заглавіемъ „Женщины-медики") читатели найдутъ цѣлую Одиссею странствованій

Профессоръ В....., въ Берлинѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, молча или по словесному обѣщанію,—этого я не знаю,—согласился допустить 12 дамъ на свои чтенія о Шекспирѣ. Но когда, въ одинъ прекрасный день, дамы, въ невинности своей, явились предъ святилище наукъ, глядь--у воротъ стоитъ вѣрный стражъ его, швейцаръ, и булавой гонитъ ихъ прочь.

Профессоръ даже считалъ не стоющимъ труда предупредить дамъ, что онъ долженъ былъ отказать себѣ въ удовольствіи ихъ видѣть. Г. профессоръ изъ Бонна, не желаете ли вы сопоставить вашу «исторію цивилизаціи, которая не знаетъ примѣра, чтобы закрывали двери университета передъ любознательными женщинами», съ исторіей этой дюжины дамъ? «Исторія цивилизаціи», которую вы имѣете сомнительное удовольствіе знать, кажется, не только, подобно Амуру, носитъ повязку на глазахъ, но и ватку въ ушахъ, ибо она ничего не видитъ и не слышитъ. Смѣю вамъ посовѣтовать, чтобы вы впредь, когда дѣло коснется права женщинъ на университетское образованіе, не спрашивали «исторію цивилизаціи», а университетскихъ швейцаровъ.

Сколько мнѣ извѣстно, къ услугамъ дѣвушекъ является лишь такъ-называемая «высшая дѣвичья школа». Но, статься можетъ, г. профессоръ не знакомъ съ этими удивительными заведеніями и думаетъ, что въ ихъ стѣнахъ идетъ таинственное священнодѣйствіе чистой науки.

Какъ систематически губятъ въ этихъ женскихъ училищахъ умственныя силы дѣтей, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ школьныя сочиненія, которыя имъ задаются и о которыхъ мы предоставляемъ себѣ когда-нибудь поговорить особо.

Такова, наприм., одна изъ новѣйшихъ темъ моей четырнадцатилѣтней дочери: «Культурно-историческое различіе между Китаемъ и Сѣверною Америкой», — тема, которая требуетъ долголѣтняго труда серьезнаго ученаго и мыслителя.

«Удивительная быстрота, съ которою мыслятъ женщины, — говоритъ Бокль въ одномъ изъ своихъ этюдовъ, — вслѣдствіе злосчастной, презрѣнной, безалаберной системы женскаго воспитанія, при которой старательно избѣгаютъ дѣльныхъ предметовъ и старательно выставляютъ на первый планъ всякіе пустяки,

---

автора по англійскимъ университетамъ и въ особенности интересныя похожденія его, съ четырьмя другими женщинами, въ Эдинбургскомъ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ ихъ нѣсколько разъ принимали, отказывали, обманывали и разъ даже чуть-чуть не поколотили. *Примѣч. переводч.*

притупляется, пока ихъ тонкій и живой умъ безвозвратно не оцѣпенѣваетъ».

Гораздо энергичнѣе боннскаго профессора ставитъ свои положенія профессоръ фонъ-Бишофъ:

«Положительно никто не въ состояніи доказать, — думаетъ онъ, — что внѣшнія вліянія, сила или коварство препятствуютъ женскому полу принимать участіе въ умственномъ трудѣ въ равной степени съ мужскимъ. Да и рѣшительно нѣтъ никакой возможности ему въ этомъ препятствовать. Я твердо держусь того мнѣнія, что еслибы женщины отъ природы были способнѣе къ научнымъ занятіямъ, такъ онѣ давно стояли бы наравнѣ или выше мужчинъ».

Для меня это имѣетъ такой же смыслъ, какъ еслибы кто-нибудь сказалъ: будь пролетаріи отъ природы способны ѣсть устрицы и пить шампанское, они давно бы уже съѣдали столько же или болѣе устрицъ и выпивали бы болѣе шампанскаго, нежели капиталисты.

Г. фонъ-Бишофъ продолжаетъ: «Женщины не призваны къ занятію науками; объ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Каждый знакомый хоть сколько-нибудь съ исторіей цивилизаціи знаетъ, что это мнимое угнетеніе уже цѣлое тысячелѣтіе вовсе не существуетъ у культурныхъ народовъ христіанской Европы. Не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ самой сущности женскаго ума лежитъ эта неспособность.

«Рѣшительно не существуетъ никакой возможности преградить женщинамъ доступъ къ университетскому образованію», — думаетъ г. фонъ-Бишофъ.

Мы не вѣримъ нашимъ глазамъ, читая такія вещи. Это пишетъ человѣкъ, который говоритъ (стр. 41 его брошюры): «Я твердо рѣшился *никогда* не пускать женщинъ на свои лекціи», да еще прибавляетъ, что никто не можетъ принудить его читать дѣвушкамъ.

Онъ самъ своимъ собственнымъ образомъ дѣйствія доказываетъ исключеніе, выставляетъ этотъ образъ дѣйствія за единственно-нормальный, питаетъ къ профессорамъ, которые позволяютъ женщинамъ присутствовать на ихъ лекціяхъ, презрѣніе и приходитъ въ концѣ концовъ къ тому заключенію, что и *возможности-то никакой не существуетъ* закрывать женщинамъ двери университетовъ!... На подобныя умозаключенія мы ничего не можемъ отвѣчать, кромѣ безмѣрнаго удивленія. Ужь не въ

самомъ ли дѣлѣ здравый смыслъ и ученый смыслъ составляютъ діаметральную противоположность?

«Не внѣшнія вліянія, не сила или коварство лишаютъ ихъ (женщинъ) возможности заниматься умственнымъ трудомъ въ равной мѣрѣ съ мужчиной».

Когда женщина пожелала бы изучать юриспруденцію, — не правда ли, г. фонъ-Бишофъ, — впослѣдствіи ничто не препятствовало бы ей, въ качествѣ гегеймрата или президента, занять мѣсто, соотвѣтствующее ея спеціальному образованію?

По окончаніи курса политическихъ наукъ она можетъ разсчитывать на должность при какомъ-нибудь посольствѣ; какъ анатома, ее ждетъ каѳедра въ Мюнхенѣ, не такъ ли?

Знаете ли вы, какъ называются тѣ *насилія*, *коварства или внѣшнія вліянія*, которыя издавна не допускали женщинъ въ университеты, теперь не допускаютъ и не будутъ допускать даже тогда, когда послѣдніе настежъ откроютъ передъ ними свои двери?

Ихъ много, но я упомяну лишь важнѣйшія изъ нихъ.

Одна форма *насилія заключается въ томъ, что женщина не можетъ употреблять своихъ научныхъ познаній для пріобрѣтенія средствъ къ существованію* (исключенія не въ счетъ). Законъ и государственный порядокъ вполнѣ помогаютъ этому насилію.

«Ничто не мѣшаетъ женщинамъ пріобрѣтать научное образованіе, ни коварство, ни насиліе и т. д.».

Это точь-въ-точь представленіе древне-египетскаго закона о правахъ женщинъ. Законъ этотъ гласилъ:

Статья первая. Женщина имѣетъ право выходить и являться куда хочетъ.

Статья вторая. Но безъ обуви она не должна выходить.

Статья третья. Каждому башмачнику воспрещается продавать женщинамъ обувь.

Аналогичный законъ à la Бишофъ будетъ таковъ:

Статья первая. Женщины могутъ посѣщать университеты какіе угодно и сколько угодно.

Статья вторая. Но швейцары обязаны гнать ихъ отъ дверей университетовъ и академій.

Статья третья. Онѣ не имѣютъ права на государственныя должности, соотвѣтствующія ихъ спеціальностямъ, а должны, на досугѣ, заниматься шитьемъ, завивкой волосъ и т. п. для снискиванія себѣ средствъ пропитанія.

Другая форма насилія, съуживающая умственный горизонтъ женщинъ, это—*обычай*.

Обычай и привычка могущественнѣе даже закона. Легче преступаютъ послѣдній, чѣмъ первые.

Обычай и традиція—это та демоническая сила, которая цѣлыя тысячелѣтія держитъ женщинъ въ затхлыхъ гетто, за порогъ которыхъ только нынѣ осмѣливаются переступать самыя отважныя изъ нихъ.

Привычка или традиція—это вампиръ, который покоится на груди человѣчества и высасываетъ всѣ его жизненные соки. Заколдованный кругъ, начертанный ею вокругъ послѣдняго, есть наркотическій ядъ, отравляющій самые смѣлые умы.

Что такое общественное мнѣніе? Кто его фабрикуетъ?—Толпа, большинство, посредственность.

И не появись въ каждомъ вѣкѣ отважные умы, которые бы не высвобождали себя изъ-подъ деспотизма традиціи и не открывали новыхъ горизонтовъ мысли, мы и понынѣ жили бы въ свайныхъ постройкахъ нашихъ первобытныхъ родичей.

«Какъ долго,—говоритъ Ст. Милль,—какая-либо страна или эпоха упорно будутъ предавать анаѳемѣ образъ дѣйствій, несогласный съ обычаемъ и модою дня, такъ долго уклоненія отъ торной дороги будутъ рѣдкою смѣлостью. Поэтому намъ никогда не явится возможность узнать, насколько подобныя уклоненія полезны и желательны. Парализуя всякую новую попытку, мы ограничиваемъ кругъ нашихъ знаній. Вслѣдствіе ужь одного этого, оставляя въ сторонѣ всѣ другія основанія, было бы раціонально давать широчайшій просторъ самымъ оригинальнымъ и своеобразнымъ проявленіямъ человѣческаго ума и дѣятельности; ибо они, эти проявленія, суть пробные камни, черезъ посредство которыхъ мы узнаемъ, цѣлесообразны ли извѣстныя дѣйствія или нѣтъ».

Въ какой степени привычки и предубѣжденія въ состояніи извратить человѣческій разумъ и гуманизмъ, объ этомъ одна англичанка разсказываетъ намъ траги-комическій примѣръ: «Жена мореплавателя Патена, умершаго на кораблѣ, вѣрной и смѣлою рукой провела корабль въ Калифорнію, обогнувъ благополучно мысъ Горнъ. Когда одна старая англичанка прослышала объ этомъ смѣломъ поступкѣ, то съ негодованіемъ воскликнула: «Несчастная мистрисъ Патенъ! Лучше весь экипажъ пошелъ бы ко дну, чѣмъ женщина выступила такимъ образомъ изъ своей сферы!»

«Нѣтъ никакой возможности препятствовать женщинамъ пріобрѣтать научное образованіе»,—думаютъ профессора.

Вы, г. фонъ-Бишофъ, нѣтъ сомнѣнія, отличный анатомъ. Ну, представьте же себѣ, что васъ воспитываютъ въ школѣ, подобной обыкновенному женскому училищу. Едва вамъ минуло 16 лѣтъ, васъ берутъ изъ этого училища и сажаютъ за швальный столъ, или даютъ вамъ утюгъ въ руки и отправляютъ въ кухню.

Какъ вы думаете, г. фонъ-Бишовъ, гдѣ и когда проявился бы вашъ анатомическій геній? Или, съ приготовленіемъ пуддинга, пищеварительный процессъ этого пуддинга въ вашемъ желудкѣ представился бы вашему чуткому уму физіологически и анатомически?

Или, при сдираніи кожи съ зайца, на васъ внезапно снизошелъ бы духъ анатоміи—и вы ни съ того, ни съ сего стали бы объяснять удивленной кухаркѣ различіе между скелетомъ самца и самки заячьей породы? Мнѣ что-то сомнительно; мнѣ скорѣе кажется, что вы сдѣлались бы столь же отличной швеей—«мамзелью», какъ вы нынѣ отличный анатомъ.

Никогда и никакимъ образомъ научныя познанія не являются какъ откровеніе,—они требуютъ глубокаго и основательнаго изученія.

Кузенъ, въ своей исторіи философіи, говоритъ о Вольтерѣ: «Истинный царь XVIII столѣтія—это Вольтеръ; но Вольтеръ, въ свою очередь, ученикъ Англіи. До знакомства Вольтера съ Англіей,—будь то черезъ посредство личныхъ посѣщеній или друзей своихъ,—онъ не былъ Вольтеромъ и XVIII столѣтія еще не существовало. Локкъ—истинный учитель Вольтера».

О Мирабо говорятъ его біографы, что онъ всею своей силой обязанъ старательному изученію англійской конституціи.

Другой примѣръ. Вообразите себѣ, г. фонъ-Бишофъ, что нашъ Фридрихъ Шиллеръ, въ своемъ семействѣ фельдшера, явился на свѣтъ Божій маленькой Фридерикою. Что великаго вышло бы изъ этой Фридерики въ мизерной дѣвичьей школѣ въ Марбахѣ?

Я могу себѣ это живо представить! Дѣвушка Шиллеръ въ школѣ, на сонливомъ урокѣ чтенія или ариѳметики, вмѣсто того, чтобы слушать, пачкала бы книги стихами; и учитель, ничего не подозрѣвая, за это сафическое бумагомараніе, прогуливался бы линейкой по пальчикамъ бѣдной поэтессы.

Дѣвушку часто заставали бы подъ липой мечтающей.

Дѣвушка давно потеряла бы свое доброе имя за неискусность въ рукодѣльи и неумѣнье изготовить угря. Она не нашла бы себѣ мужа, ибо грозный призракъ будущаго «синяго чулка» оттолкнулъ бы отъ нея всякаго солиднаго марбахца. Дѣвушка нашла бы себѣ преждевременную могилу отъ болѣзни сердца.

Потомство, о милая моя, не знало бы твоего имени; и, однако-жь, какъ Рафаэль (по Лессингу), рожденный безъ рукъ, все же былъ бы величайшимъ живописцемъ всѣхъ временъ, такъ точно и ты была бы величайшимъ поэтомъ Германіи, даже не напечатавъ ни одного сочиненія.

Сколько великихъ неизвѣстностей женскаго міра, въ смыслѣ Лессинга, скитались по нашей землѣ, не оставивъ никакого слѣда своего бытія! Большая часть этихъ женщинъ сходила въ могилы съ сомкнутыми устами.

И на эту часть исторіи женщинъ Стюартъ Милль бросаетъ опять небольшую полосу свѣта. Весь цивилизованный міръ знаетъ этого мыслителя. Но кто знаетъ его жену? Много-много близко къ ней стоящій кругъ знакомыхъ; и, однако, вотъ что говоритъ Милль объ этой женщинѣ: «То, чѣмъ я ей обязанъ даже въ чисто интеллектуальномъ отношеніи, въ отдѣльныхъ случаяхъ почти не имѣетъ мѣры. Тѣ духовныя блага, которыми она меня одарила, были далеко лучше всѣхъ тѣхъ, какія когда-либо я могъ надѣяться излить на ея голову... Въ обѣихъ сферахъ мысли я научился у своей жены больше, нежели изъ всѣхъ другихъ источниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Ея умъ былъ одинаково виртуозенъ какъ въ высочайшихъ областяхъ спекулятивной философіи, такъ и въ практическихъ дѣлахъ обыденной жизни: онъ всегда проникалъ въ самое сердце и мозгъ вещей, постоянно схватывалъ ихъ сущность. Точность и быстрота воспріятія чувствомъ и мыслью могла бы, при сильной фантазіи, сдѣлать изъ нея великаго художника; ея пламенная и нѣжная душа и страшная мощь краснорѣчія сдѣлала бы ее замѣчательнымъ ораторомъ; ея глубокое знаніе человѣческой природы, наконецъ, и ея острый даръ различенія въ практической жизни въ такую эпоху, когда этимъ свойствамъ дали бы широкое поприще развернуться во всей ихъ силѣ, доставили бы ей выдающееся мѣсто между владыками человѣчества. Ея умственныя дарованія, между тѣмъ, подчинялись самому благородному и высоконравственному характеру, какой когда-либо встрѣчался мнѣ въ жизни».

Говоря о Карлейлѣ, Милль замѣчаетъ, что, не довѣряя себѣ самому произнесть окончательный приговоръ надъ интуитивной природой поэзіи Карлейля,—онъ ясно понялъ сущность ея лишь тогда, когда ему открыла ее «одна особа, которая далеко превосходитъ насъ обоихъ, которая—болѣе великій поэтъ, чѣмъ онъ самъ, и большій мыслитель, нежели я».

Въ мужчинахъ глубоко вкоренилось отвращеніе даже къ мысли признать заслуги женщинъ въ области ума и духа. Между различными писателями различныхъ націй, которые высказали въ печати свои мнѣнія объ автобіографіи Милля, я не встрѣтила ни одного, который безъ оговорокъ принялъ бы это сужденіе о мистрисъ Милль. Одушевленныхъ отзывовъ философа о своемъ отцѣ никто не отвергаетъ; но даже тѣ критики, которые думаютъ все лучшее о мистрисъ Милль, не могутъ не позволить себѣ такихъ выраженій, какія, наприм., употреблены одною статьей въ *Die neun. Zeit.*, «что поэзія страстной любви водила перомъ философа».

Упомяну теперь вкратцѣ о нѣкоторыхъ частностяхъ, которыя и нынѣ (не говоря уже о прежнихъ временахъ) служатъ почти непреодолимымъ препятствіемъ къ высшему образованію женщинъ.

Первое. Дѣвушка должна получать свое образованіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ или дома. Такое образованіе, понятно, стоитъ очень дорого.

Врядъ ли вы, г. фонъ-Бишофъ, или какой-нибудь вашъ коллега согласитесь отсрочить на неопредѣленное время любознательной дѣвушкѣ деньги за ея честное обученіе или же преподавать ей совсѣмъ даромъ. Вы даже и на одинъ часъ не отсрочите ей платы, такъ какъ дѣвушка не можетъ имѣть въ виду, въ будущемъ, никакой должности, чтобы пріобрѣсть деньги для уплаты долга.

Ergo, научное образованіе доступно только богатымъ дѣвушкамъ (предполагая, что между высокими стражами науки найдутся такіе, которые вообще снизойдутъ до преподаванія дѣвушкамъ). Но, по общему правилу, богатыя дѣвушки менѣе всего способны («почему?»—отвѣтъ на этотъ вопросъ завелъ бы меня здѣсь слишкомъ далеко) махнуть рукой на господствующее мнѣніе дня.

Второе. Дѣвушка, которая желаетъ заниматься науками, обязана доказать свои необыкновенныя дарованія (такъ какъ она

требуетъ *необыкновеннаго* права, то она должна имѣть и *необыкновенныя* законныя основанія на это право)—безъ всякой на то причины, какъ мнѣ кажется. Дѣвушкѣ, не обнаруживающей большихъ талантовъ, какъ всякому бездарному юношѣ, долженъ быть открытъ университетъ и всякое другое учебное заведеніе, лишь только она *хочетъ* учиться.

Таково требованіе справедливости; такъ требуемъ мы, женщины, въ силу нашего права на индивидуальную свободу и въ силу нашего человѣческаго достоинства.

И дѣвушкѣ, съ односторонними или слабыми способностями, существуетъ возможность, — какъ это мы видимъ въ большинствѣ мужчинъ,—солидными познаніями и добросовѣстнымъ прилежаніемъ завоевать себѣ достойное положеніе въ обществѣ, вмѣсто того, чтобы, занимаясь рукодѣльемъ, умереть медленною голодной смертью.

Третье. Необыкновенныя дарованія очень мало помогаютъ паче всего дѣвушкѣ, если они въ то же время не связаны съ энергическимъ и необыкновенно твердымъ характеромъ.

Надо обладать въ высшей степени благородными чувствами, чтобы, въ виду идеальной цѣли, отказаться отъ пріятнаго времяпрепровожденія, какое обыкновенно имѣетъ мѣсто между 16 и 24 годами жизни дѣвушки. Только высокія чувства не страшатся насмѣшекъ и порицаній.

Надо обладать *сильной энергіей,* чтобы выдержать борьбу съ предразсудками и обычаемъ.

Мальчикъ нисколько не нуждается въ энергіи и благородныхъ чувствахъ; онъ, напротивъ того, избавленъ отъ изумленія и неуваженія, когда вознамѣривается пріобрѣсти какія бы то ни было знанія, механическія или научныя. Честолюбіе и тщеславіе старшихъ—одно это уже слишкомъ часто и чрезмѣрно пришпориваетъ силенки иныхъ тупоумныхъ юношей изъ бѣднаго класса.

О, sancta simplicitas! Отецъ имѣетъ двухъ дѣтей, Петра и Эльзу. Петръ глупъ; но отецъ—гегеймратъ, и тупоумный Петръ долженъ учиться, хотя бы выпотѣлъ изъ себя всю душу и проволокъ бы свою свѣжую юность въ горькой смѣси слезъ, чернилъ и непроходимыхъ дураковъ, чтобы впослѣдствіи, зрѣлымъ мужемъ и государственнымъ человѣкомъ, всѣми силами тормозить ходъ цивилизаціи. Эльза умна. «Жаль,—вздыхаетъ отецъ,—что она не мальчикъ!»—и старательно удаляетъ всѣ предметы, которые могли бы служить къ развитію этого ума.

Если Эльза владѣетъ темпераментомъ, то она, въ большей части случаевъ, употребитъ избытокъ своего ума къ возможному усиленію своихъ сумасбродствъ.

Но этого мало. Дѣвушка должна обладать оригинальностью мысли, можно почти сказать—способностью предвидѣнья, при помощи которой она угадала бы свое призваніе къ занятію наукою; ибо поверхностное школьное образованіе не даетъ ей возможности даже только мелькомъ заглянуть въ обширную область знанія.

Только въ позднѣйшіе годы, много прочитавъ и вращаясь въ кругу умныхъ людей, мыслительныя силы женщины начинаютъ развиваться, въ большинствѣ случаевъ, натурально, слишкомъ поздно, чтобъ имѣть возможность пріобрѣсти основательную подготовку, необходимую для научной дѣятельности, — трудъ, требующій свѣжести юныхъ лѣтъ.

Далѣе, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что духовное развитіе людей идетъ весьма различно. Даже высоко даровитыя натуры не всегда обнаруживаютъ въ ранней молодости свои способности.

Изъ біографической литературы мы знаемъ, что многія знаменитости въ школѣ нисколько не выдавались изъ среды своихъ товарищей. Ньютона, наприм., мать прочила въ сельскіе хозяева, вслѣдствіе, будто бы, его слабыхъ способностей.

Для многихъ натуръ лишь сама наука служитъ искрою, воспламеняющею ихъ дремлющій умъ.

Дѣвушки же, уму которыхъ суждено разцвѣсти именно подобнымъ образомъ, никогда не обнаружатъ скрытыхъ умственныхъ сокровищъ своихъ.

Между даровитыми дѣвушками, въ крайнемъ случаѣ, обращаютъ вниманіе на такъ-называемыхъ дивныхъ дѣтей, которыя отличаются уже въ самой ранней порѣ.

Но обладай дѣвушка всѣми превосходными свойствами характера и ума, которыя ей необходимы для изученія наукъ,— врожденною любовью къ знанію, прилежаніемъ пчелы, благородными чувствами, энергіей, деньгами и т. д.,—то всѣ эти дары природы и счастья нисколько ей не помогутъ, если судьба, вмѣстѣ съ тѣмъ, не надѣлила ее также родителями, отцомъ и матерью, которые, отрѣшившись отъ всякихъ предразсудковъ и разбивъ цѣпи обычая, помогли бы своей дочери въ ея стремленіяхъ.

Дочь, уже просто въ денежномъ отношеніи, еще болѣе по обычаю и закону, вполнѣ зависима отъ родителей.

Слѣдуетъ ли ввѣрить слѣпой судьбѣ ту остроумную комбинацію, чтобъ она всегда надѣляла даровитѣйшихъ дѣвушекъ умными и свободомыслящими родителями?

Но если мы даже допустимъ, что и это условіе для успѣха научнаго поприща дѣвушки будетъ выполнено, то все-таки, наперекоръ всему этому, нѣжная и знающая свѣтъ мать, вопреки своему собственному убѣжденію, не рѣшится посвятить свою дочь занятію науками, послать ее въ какой-нибудь университетъ, хотя и съ добрыми намѣреніями.

Мы живемъ въ переходное время. Лишь небольшое число женщинъ до сихъ поръ выступило на путь эмансипаціи (контингентъ, приходящійся на Германію, микроскопически малъ). Часть этихъ женщинъ—смѣлые передовые борцы, піонеры, бросающіеся въ ущелье, наполняющіе пропасть, чтобы будущія генераціи легко переступали ее.

Неужели же нѣжная мать не устрашится послать свою дочь на поле битвы и подвергнуть ее тѣмъ порицаніямъ и насмѣшкамъ, которыя неизбѣжно вызываетъ собой необычное поведеніе? Не усомнится ли она въ способности своего дитяти выдержать борьбу?

Это раздумье и бремя материнской отвѣтственности до того тяжелы, что, въ большей части случаевъ, только иниціатива и сила воли дочери могутъ исторгнуть позволеніе у родителей.

Нѣкоторыя дамы, слушающія лекціи въ Цюрихѣ, суть именно такія героическія дѣвушки съ пламенной иниціативой. Иныя—существа совершенно безсемейныя, или женщины, для которыхъ наука—единственное средство освобожденія отъ невыносимыхъ внѣшнихъ отношеній.

Другое основаніе, не позволяющее родителямъ давать согласіе на университетское образованіе своей дочери, даже въ случаѣ принципіальнаго признанія, уже приведено мною: дочь не можетъ употреблять своихъ познаній для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ къ жизни.

Хотя г. фонъ-Бишофъ объявилъ рѣшеніе—никогда не пускать женщинъ въ свою аудиторію, но въ другомъ мѣстѣ брошюры въ немъ пробуждаются человѣческія чувства и онъ говоритъ, буквально, слѣдующее: «Почему не позволить (гдѣ дѣло идетъ не о принципѣ) *интересной*, образованной и *красивой* женщинѣ посѣтить тамъ или сямъ какую-нибудь лекцію, положимъ, о порядочномъ поведеніи?» А боннскій профессоръ гово-

рить: «Нѣкоторые ученые рѣдко бывали въ состояніи отказать въ участіи и помощи любознательной и *милой* ученицѣ». (Какъ вы, г. профессоръ, себѣ представляете сцену, гдѣ застѣнчивая дѣвушка проситъ нѣкоторыхъ господъ объ участіи и помощи?)

Этой беззаботною болтовней гг. профессора даютъ намъ возможность заглянуть въ самую глубь ихъ понятій. Я обвиняю этихъ господъ въ томъ, что они подобными фразами унижаютъ достоинство науки,—я обвиняю ихъ въ легкомысліи и вѣтрености, ибо духовное спасеніе человѣка, развитіе его божественной природы они ставятъ въ зависимость отъ маленькаго процента чувственнаго наслажденія для нихъ, учителей. Я обвиняю ихъ и доношу,—нѣтъ, не я доношу на нихъ,—ихъ варварскій, архидеспотическій, эгоистическій образъ мыслей довольно ясно выраженъ ихъ собственными словами.

Недостатокъ въ примѣрахъ часто приводится какъ основательная причина противъ допущенія женщинъ въ университеты.

Что эта основательная причина есть не больше какъ уловка, доказываетъ слѣдующій фактъ. Полгода тому назадъ открыли въ Берлинѣ академію новыхъ языковъ, въ которую допускается всякій. Женскій полъ, само собою разумѣется, исключенъ, вопреки давнишнему убѣжденію, что онъ весьма способенъ къ изученію новыхъ языковъ.

Англійскій ученый, Нейманъ, сообщаетъ слѣдующее: деньги, завѣщаемыя съ воспитательною цѣлью безъ различія половъ, вслѣдствіе ходатайства мужчинъ, всегда идутъ лишь для удовлетворенія нуждъ по воспитанію мальчиковъ.

Въ XII вѣкѣ Гильдегунда, оставившая весьма цѣнныя сочиненія, не найдя нигдѣ никакой возможности пріобрѣсти основательныя познанія, облачилась въ мужскую одежду и поступила въ Ситоскій монастырь монахомъ.

Ведутъ рѣчь о томъ, что женщинамъ лучше подобаютъ занятія искусствами, нежели науками; и однако-жь имъ довольно прочно загородили доступъ и въ эту область.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ во Франціи живописцамъ позволено было поступать въ члены академіи и въ актахъ послѣдней мы, въ самомъ дѣлѣ, находимъ большое число членовъ женскаго пола.

Когда консульство возстановило, разрушенныя революціей, академіи, старые члены потребовали права исключить всѣхъ женщинъ, даже и мадамъ Лебрунъ. Это, столько же благородное, какъ и справедливое, требованіе натурально было удовлетворено.

Странно, что женщинъ считаютъ менѣе способными къ живописи, чѣмъ къ музыкѣ.

Наша высшая музыкальная школа въ Берлинѣ, напримѣръ, доступна для каждой талантливой дѣвушки, наша же академія рисованія и живописи недоступна ни для одной.

Живопись—искусство, которымъ можно заниматься дома. Въ этомъ искусствѣ работы—сами по себѣ и личность художника остается вполнѣ на заднемъ планѣ. Дѣвушки же, изучающія музыку, напротивъ, употребляютъ свои познанія и таланты, какъ оперныя и концертныя пѣвицы, вообще на театральныхъ подмосткахъ,—стало-быть, онѣ приготовляютъ себя къ публичной дѣятельности. Тщетно я старалась себѣ объяснить, на основаніи какого принципа государство закрываетъ женщинамъ рисовальную и живописную академію и открываетъ для нихъ музыкальную школу, ибо о государствѣ нельзя думать, чтобъ оно поступало, подобно частному предпринимателю, по произволу, и еще менѣе мы должны негодовать на него за то, что, гдѣ дѣло идетъ о развитіи и поощреніи искусства, оно принимаетъ во вниманіе вкусы публики.

Мальчика почти безвозмездно (мнѣ кажется, плата не превышаетъ 4-хъ талеровъ за полугодіе) и безъ всякой подготовки впускаютъ въ академію черезъ однѣ двери и выпускаютъ черезъ другія готовымъ художникомъ.

А дѣвушекъ?—Для нихъ до самаго недавняго времени вообще не существовало никакой возможности пройти систематическій и основательный курсъ рисованія. Правда, нѣсколько времени назадъ, общество художницъ основало въ Берлинѣ рисовальную школу, но она вовсе не имѣетъ цѣлью образованіе художницъ, такъ какъ она слишкомъ дорога. За 12 тал. мѣсячной платы дѣвушкамъ позволяется заниматься рисованіемъ съ 10-ти до 1 часа дня.

Веймарская портретистка Луиза Зейдлеръ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ о томъ, съ какими трудностями должна была бороться ея подруга, знаменитая въ свое время художница Марія Эленридеръ. Директоръ Лангé, въ Мюнхенѣ, ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ принять Марію Эленридеръ, пока, наконецъ, ея слезы и доводы, что она, по причинѣ глухоты, неспособна ни на какое другое занятіе, не смягчили его сердца.

Жаль, что педантизмъ еще не успѣлъ внушить ту прекрасную мысль, что музыкантша должна быть слѣпа, учительница

хрома, телеграфистка горбата, чтобы хорошо исполнять свои обязанности.

Подобно нищимъ, женщины нуждаются въ разныхъ увѣчьяхъ, чтобы возбудить сострадание общества и вымолить себѣ образованіе, какъ милостыню.

Луиза Зейдлеръ разсказываетъ далѣе, что ея отецъ, умный человѣкъ, не хотѣлъ платить за дорогіе уроки живописи для своей дочери и она принуждена была шить, вязать и вышивать часто цѣлыя ночи напролетъ, чтобы заработать деньги, необходимыя для своего обученія. Но лишь только ея учитель узрѣлъ въ ней будущую соперницу по части портретной живописи, онъ отказался отъ уроковъ.

По какому же праву осмѣливаемся мы,—мы, которые почитаемъ нравственною несообразностью активное участіе женщинъ въ сферѣ искусства и науки,—смотрѣть съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ на народы Востока, обвиняющіе европейскихъ женщинъ въ безстыдствѣ за то, что онѣ принимаютъ у себя мужчинъ и являются съ непокрытымъ лицомъ?

Мнѣ первое воззрѣніе кажется равно столько же абсурднымъ, какъ и второе.

Вопросъ о томъ, *надобно ли* женщинамъ университетское образованіе, въ настоящее время можетъ имѣть мѣсто только въ Америкѣ.

Тамъ,—такъ разсказываетъ Э. Гиппо,—въ 1868 году президентъ университета въ Мичиганѣ объяснилъ, что высокая цѣль, ради которой основывается Мичиганскій университетъ, можетъ быть лишь тогда достигнута, когда права и привилегіи университета будутъ распространены и на женщинъ.

III.

Могутъ ли женщины получать научное образованіе (въ смыслѣ ихъ способности)?

Послушаемъ сперва, какъ профессоръ философіи доказываетъ умственную несостоятельность женщины.

Онъ сначала опять бросаетъ взглядъ на исторію цивилизаціи и въ ней почерпаетъ свое *первое доказательство*: произведенія женщинъ до сихъ поръ стоятъ ниже произведеній мужчинъ, — слѣдовательно, и способности женщинъ тоже должны быть ограниченнѣе способностей мужчинъ.

Что эти произведенія сами по себѣ, безъ добросовѣстнаго взвѣшиванія тѣхъ соціальныхъ, политическихъ и историческихъ отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ они возникали, не имѣютъ никакой доказательной силы, въ томъ, вѣроятно, согласится со мной большинство мыслителей.

Женщинамъ достаточно твердили: за васъ думаютъ мужчины,—чтобъ онѣ рѣшительно перестали сами думать. Цѣлый рядъ женскихъ генерацій воспитывался и выросталъ подъ гнетомъ презрѣнія къ его интеллектуальнымъ силамъ. И тамъ, гдѣ избранная женская душа, пламенѣя внутренней жизненною силой, расправляла крылья и громко протестовала противъ этого презрѣнія, — тамъ ее постигалъ остракизмъ общества, и, во многихъ случаяхъ, бабочка должна была снова превратиться въ личинку и возвратиться въ свою мрачную темницу. По-истинѣ, было бы величайшимъ чудомъ въ мірѣ, еслибы произведенія женщинъ не стояли бы ниже произведеній мужчинъ.

Съ большею вѣроятностью можно утверждать, что негры, которые цѣлыя тысячелѣтія бродятъ по пустыннымъ степямъ Африки, не зная никакой культуры, предопредѣлены на вѣчныя времена быть варварами.

И, однако, взглянемъ на Америку!

Родственныя племена тѣхъ же самыхъ негровъ тамъ эмансипированы менѣе двадцати лѣтъ, но результаты, которые мы видимъ, граничатъ съ чудеснымъ.

Я лично знала въ Римѣ дочь черной невольницы, превосходную скульпторшу, казавшуюся мнѣ не глупѣе дочерей европейцевъ.

Какимъ удивленіемъ поражаетъ насъ теперь Японія, воспрянувшая отъ тысячелѣтняго сна!

«Женщина не должна посвящать себя научнымъ занятіямъ, потому что ея способности ограничены».

Пишутъ ли женщины дурныя книги и рисуютъ ли онѣ гадкія картины—это дѣло книгопродавцевъ, торговцевъ художественными произведеніями и рецензентовъ. Но считать неудачныя попытки отдѣльныхъ женщинъ въ области литературы и искусства природнымъ недостаткомъ цѣлой половины рода человѣческаго и, на этомъ основаніи, обрекать ее, эту послѣднюю, на вѣковѣчную кастрацію духа, это... это *высоко-мужественная* галиматья.

Второе доказательство. «Три женщины, о которыхъ профессоръ достовѣрно знаетъ, что онѣ въ своихъ умственныхъ

стремленіяхъ получали самую лучшую поддержку, какую только можно было желать въ ихъ время,—Олимпія Марата, фрау Дадіеръ и Анна-Марія Шурманъ,—однако, по его увѣренію, не принесли никакой существенной пользы наукѣ». Но все-таки эти женщины должны были быть весьма достойныя особы, ибо онъ самъ констатируетъ тотъ фактъ, что такіе писатели, каковы Бейль и Вольтеръ, посвящали имъ свои книги, что лучшіе люди своего времени считали за честь знакомство съ ними, что знаменитые путешественники отыскивали ихъ и т. д.

Но допустимъ даже, что профессоръ правъ и что женщины, будто бы, не въ состояніи оказать существенныхъ услугъ наукѣ,— все-таки онѣ должны получать высшее образованіе. Расширять границы науки, открывать человѣчеству новые горизонты мысли дано лишь избраннымъ натурамъ, которыя мы обыкновенно именуемъ геніями. Умы Ньютона, Кеплера, Ламарка, Дарвина суть не что иное, какъ кульминаціонныя точки напряженія творческой силы природы, и умственная экономія требуетъ бóльшаго числа просто умныхъ и осмотрительныхъ рабочихъ, чтобы подготовить средства для проложенія первыми новыхъ путей и облегчить имъ побѣдное шествіе по этимъ путямъ.

Всякое ученіе нуждается въ умныхъ и любознательныхъ приверженцахъ, которые бы распространяли его, комментировали его и пополняли въ частностяхъ. Первостепенные умы находятся и между мужчинами довольно рѣдко.

Если женщинамъ отказываютъ въ высшемъ образованіи, по причинѣ ихъ слабыхъ умственныхъ силъ, то, вѣдь, должно точно также запирать двери университетовъ передъ носомъ неспособныхъ и глуповатыхъ (о тупоумныхъ и рѣчи вовсе быть не можетъ) мужчинъ.

Ученый мужъ отказываетъ въ признаніи за женщинами значительныхъ, составляющихъ эпоху въ области искусства, науки и политики, заслугъ.

Возможно ли предположить, чтобы профессоръ философіи не зналъ исторіи Елизаветы англійской, Екатерины русской и Изабеллы кастильской? Какой же еще другой политической дѣятельности онъ хочетъ?

Книга, которая въ нашъ вѣкъ произвела громадное вліяніе на соціальный міръ, была книга женщины: «Хижина дяди Тома». Величайшій, быть-можетъ, прозаикъ нашего столѣтія—женщина,

Жоржъ-Зандъ. Величайшій романистъ настоящаго времени, по нашему мнѣнію, это—Джоржъ-Эліотъ, женщина.

Приговоръ профессора относительно *нѣмецкихъ женщинъ* можетъ имѣть только условное примѣненіе.

Изъ природнаго различія половъ боннскій мудрецъ выводитъ необходимое различіе областей труда для мужчины и женщины.

Онъ признаетъ за женщиной не только силу логической мысли, но и необычайную силу воли и творческаго генія; но онъ отказываетъ ей въ постоянномъ и продолжительномъ присутствіи этой силы, необходимомъ для значительнаго и серьезнаго дѣла.

Не все ли это равно, какъ бы кто-нибудь сказалъ: у тебя самыя здоровыя, самыя сильныя ноги, какихъ только можетъ желать человѣкъ; но лишь только ты осмѣлишься пуститься въ дальній путь, онѣ у тебя подкосятся.

Благодарю за эту силу!

Формула, которою профессоръ категорически выражаетъ свой взглядъ на природное различіе половъ, гласитъ: *Душевныя силы у обоихъ половъ равны, но только во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ душевныхъ силъ между собою лежитъ различіе.* Кто можетъ понять это изреченіе философа? Я—нѣтъ. Женщина, по его мнѣнію, имѣетъ столько же ума, столько же воли, столько же чувства, сколько мужчина; но... совокупность этихъ силъ, оказывающая въ мужчинѣ утѣшительныя послѣдствія, въ ней совсѣмъ не та.

Статься можетъ, профессоръ представляетъ себѣ работу женскихъ и мужскихъ душевныхъ силъ въ такомъ видѣ: въ то время, какъ у мужчины эти силы, подобно колесамъ плотно-схваченной машины, всегда сливаются воединю какъ разъ въ нужное время и къ нужной цѣли,—силы женщины обладаютъ свойствами кометы: безъ плана и порядка блуждаютъ онѣ на горизонтѣ ея внутренняго міра, гдѣ, того и гляди, предадутся неистовой революціонной пляскѣ, если мужчина, одаренный премудростью, своимъ непогрѣшимымъ умомъ не внесетъ плана и порядка въ дикій хаосъ углерода, азота и кислорода женскихъ мозговъ.

Что понимаемъ мы подъ здоровьемъ души?

Я разумѣю подъ этимъ приблизительное равновѣсіе силъ, изъ котораго вытекаетъ гармонія. Слишкомъ большой перевѣсъ одной какой-нибудь силы нарушаетъ гармонію и обнаруживаетъ болѣзненныя явленія.

Въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи нашъ философъ указываетъ прекраснымъ душевнымъ силамъ женщины на тѣ соціальныя сферы, въ которыхъ онъ позволяетъ имъ свободно двигаться и дѣйствовать. Онъ говоритъ: «*Женщина сильна волей во всѣхъ случаяхъ живаго участія чувства*; но она владѣетъ силой воли лишь до тѣхъ поръ, покамѣстъ видитъ, что счастье ея дома зависитъ отъ сохраненія этой силы. Это самое чувство даетъ ей и ту силу воли, которая ей необходима для перенесенія страданій и мученій родовъ... Но въ треволненіяхъ обыденной практической жизни часто необходимо бываетъ, чтобы сила воли дѣйствовала безъ участія чувства, по требованію одной холодной обязанности или голой потребности. Отсюда естественно вытекаетъ то, что свойственной ей сферы дѣятельности нельзя искать въ публичной жизни, въ которой умъ, приводимый въ заблужденіе чувствомъ, можетъ причинять другимъ значительный вредъ».

Но справедливо ли это?

Не были-ли бы мы безумны, еслибы всю силу своей воли употребили для достиженія такой цѣли, которой не желали всѣмъ пыломъ своей души?

А какимъ же образомъ человѣкъ можетъ чего-нибудь пламенно желать, не участвуя при этомъ своимъ чувствомъ?

Съ желѣзною силой воли Лютеръ привелъ въ исполненіе свою великую реформу. Ужь будто бы его чувство оставалось хотя сколько-нибудь безучастно при этомъ?

Когда Наполеонъ, при завоеваніи Европы, обнаружилъ почти сверхчеловѣческую волю, то опять не исключительно абстрактная сила ума толкала его на поле брани, а пламенная, пожирающая жажда владычества.

Развѣ титаническія страсти проистекаютъ изъ чувства холоднаго долга?

Я убѣждена, что не разсчетливое влеченіе побуждаетъ человѣка прижимать къ груди своей голову своего ребенка и бросать подъ гильотину головы своихъ враговъ.

Вслѣдствіе того, что ихъ умъ легко приводится въ заблужденіе чувствомъ, сферы дѣятельности женщинъ нельзя искать въ общественной жизни.

Но чѣмъ же, осмѣливаюсь спросить, мужчины приводятся въ заблужденіе въ дѣлахъ общественной жизни?—Только одной глупостью?...

Не было-ли бы, впрочемъ, совершенно безразлично для блага государства и общества, еслибъ ошибки и преступленія мужчинъ, на служебномъ поприщѣ, обязаны были своимъ происхожденіемъ мозгу или сердцу, избытку чувства или полному безчувствію?

Или, г. профессоръ, по вашему мнѣнію, мужчины, въ качествѣ гражданъ, вообще никогда не ошибаются, состоятъ изъ чистыхъ духовъ, которые фабрикуютъ въ фабрикѣ государственной жизни лишь однѣ добродѣтели?

Оглянитесь-ка вокругъ себя, г. профессоръ! Вы не найдете ни одной области мужской дѣятельности, въ которой не проявляли бы своего необузданнаго господства, попеременно, то ненависть и партійные интересы, то тщеславіе, честолюбіе, месть, суевѣріе и сладострастіе.

Мнѣ разсказывали, что весьма серьезные люди науки пылали другъ къ другу ненавистью и, подобно базарнымъ бабамъ, осыпали одинъ другого площадными ругательствами потому единственно, что они не вполнѣ соглашались относительно происхожденія «Пѣсни о Нибелунгахъ».

Я напомню моимъ читателямъ о томъ трагическомъ происшествіи во время Вареоломеевской ночи, когда одинъ весьма почтенный философъ отыскалъ своего товарища въ его прибѣжищѣ и предалъ наемнымъ убійцамъ; причина этой смертельной ненависти лежала въ томъ, что они расходились въ мнѣніяхъ объ Аристотелѣ.

Я спрашиваю каждаго, свободнаго отъ предразсудковъ, человѣка: могутъ ли женщины, подъ вліяніемъ чувства, заблуждаться сильнѣе того, сколько нужно для того, чтобы предательски умерщвлять другъ друга?

Какого же еще болѣе заблужденія, вслѣдствіе вмѣшательства чувства, желаете вы въ сильной половинѣ человѣчества, чтобъ имѣть право исключить мужчину изъ общественной службы?

Искони вѣковъ страсти обусловливали какъ дѣятельность мужчинъ, такъ и дѣятельность женщинъ вообще, — и кто знаетъ, быть-можетъ онѣ будутъ обусловливать ее и до скончанія вѣка.

Но, статься-можетъ, когда профессоръ высказывалъ свои мысли о дѣятельности женщинъ на публичной аренѣ, онъ менѣе всего думалъ объ этихъ всемірно историческихъ ужасахъ. Можетъ-быть онъ, по преимуществу, имѣлъ въ виду болѣе низменныя занятія, каковы, наприм., почтовыя, телеграфскія, учитель-

скія и купеческія, къ исполненію которыхъ женщины неспособны вслѣдствіе преобладанія чувства.

Но, г. профессоръ, въ какомъ видѣ, по мнѣнію вашему, обнаруживается заблужденіе ума, вслѣдствіе вмѣшательства чувства, въ одной изъ этихъ профессій?

Не думаете ли вы, что внутри дома такихъ столкновеній между чувствомъ и здравымъ смысломъ ожидать не приходится, или что заблужденія на этой почвѣ не приносятъ никакихъ вредныхъ послѣдствій для человѣческаго общества?

Когда мать, приведенная въ заблужденіе чувствомъ, своимъ нелѣпымъ воспитаніемъ толкаетъ свое дитя къ нравственной и физической гибели, то вѣдь она причиняетъ государству непоправимый вредъ, лишая его полезнаго гражданина.

«Хорошо, — говоритъ философъ, — если въ тяжелой борьбѣ между чувствомъ и долгомъ ей (женщинѣ) не приходится выдержать слишкомъ сильнаго испытанія».

Гдѣ же, г. профессоръ, разыгрываются всѣ тѣ ужасныя женскія трагедіи, о которыхъ мы съ содроганіемъ, отъ времени до времени, читаемъ въ газетахъ,—трагедіи мужеубійства, проституціи, выстрѣловъ и т. д.? Гдѣ?—Дома!

Могу васъ увѣрить, милостивый государь мой, что женщины и въ тѣхъ кругахъ практической дѣятельности, которые ей отведены до сихъ поръ, часто дѣйствуютъ по требованіямъ одного «холоднаго долга» или «голой необходимости», даже наперекоръ своимъ чувствамъ. Да и вы сами, г. профессоръ, еслибы вы были хозяиномъ, а ваша кухарка была бы влюблена и, вслѣдствіе такой оказіи, пригорѣлъ супъ, — развѣ хладнокровно перенесли бы такое вмѣшательство чувства? А прачка, которая двѣ ночи сряду моетъ бѣлье въ сыромъ погребѣ и которая, можетъ, оставила въ домѣ больного ребенка,—не требовали-ли бы вы, чтобъ она, по одной холодной обязанности, доставила вамъ чистое и отлично выглаженное бѣлье?

Скажите на милость, кто изъ насъ, смертныхъ, не долженъ удовлетворять требованіямъ долга?! И женщины, по всей вѣроятности, почаще мужчинъ!

Въ Америкѣ женщины отправляютъ всевозможныя общественныя должности.

Я указываю профессору съ его слушателями на эту страну, если онъ на самомъ дѣлѣ желаетъ серьезно изслѣдовать вопросъ, сколько, среднимъ числомъ, женщинъ, находящихся на государ-

ственной службѣ, погибаетъ ежегодно вслѣдствіе помраченія ихъ ума вмѣшательствомъ чувства.

Статистика въ подобныхъ вопросахъ есть лучшее орудіе для человѣка науки.

Всѣ эти диковинныя и замысловатыя противорѣчія имѣютъ своимъ единственнымъ источникомъ безчестность и трусость мужчинъ. Лицемѣріе мѣшаетъ имъ просто и опредѣлительно высказать то, что составляетъ главную мысль всѣхъ ихъ длинныхъ разглагольствованій: намъ, мужчинамъ, на основаніи нашего умственнаго и тѣлеснаго превосходства, слѣдуютъ высшія, а вамъ, женщинамъ, низшія области труда.

Другое объясненіе, по мнѣ, немыслимо.

Н. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пѣсни о родинѣ.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

ПРОЩАНІЕ.

I.

Не ждалъ меня корабль на лонѣ синихъ водъ,
Не плакалъ горько пажъ любимый,
И вѣрный песъ не вылъ предъ замкомъ, у воротъ,
Когда «прости» странѣ родимой
Печально я шепталъ.—Висѣло надъ землей
Тумановъ сѣрыхъ покрывало.
То было вешнимъ днемъ и дождичекъ гнилой
Чуть моросилъ бездушно, вяло.
Все въ мутное пятно сливалося вдали,
Чуть брежжилъ свѣтъ межъ тучъ сѣрѣвшихъ;
Сочилась грязь кругомъ изъ неба и земли,
Какъ будто гной изъ язвъ назрѣвшихъ.
Я засмѣялся вслухъ, припомнивъ, что весной
Зовемъ мы этотъ адъ суровый.
Весна, весна!... Увы, въ моей странѣ родной
Звучитъ насмѣшкой это слово.
Весна!... Но нѣтъ весны въ отчизнѣ у меня—
Ни у людей, ни у природы.
И, глядя на тоску рыдающаго дня,
Невольно дѣтства вспомнишь годы...

II.

Я у окна стоялъ... Кругомъ сгущалась тьма
И подъ покровомъ тьмы кромешной,
Какъ люди мрачные, тянулися дома,
Какъ тѣни, люди шли поспѣшно.
Я думалъ: вотъ прошло пять лѣтъ, пять лучшихъ лѣтъ,
Въ чаду надеждъ, въ чаду сомнѣній.

Но гдѣ священный прахъ, гдѣ въ сердцѣ тайный слѣдъ
Отъ тѣхъ восторговъ и томленій?
Зачѣмъ съ отчизною проститься мнѣ не жаль,
Зачѣмъ и небеса чужбины,
Какъ прежде, не влекутъ въ таинственную даль?
Увы, дрожащій листъ осины
Сильнѣе прикрѣпленъ къ родной землѣ, чѣмъ я;
Я—листъ, оторванный грозою.
И я-ль одинъ?... Васъ всѣхъ, товарищи-друзья,
Сорвало бурею одною.
Кто скажетъ: почему? Мы-ль не громили ложь,
Мы-ль жертвъ не жаждали?... Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ рано обрекла
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистой подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой,
И первую слезу изъ дѣтскихъ глазъ исторгъ
Не взглядъ красавицы суровой.
Надъ скорбной родиной скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья;
Надъ прахомъ дорогимъ товарища-бойца
Звучали первыя рыданья.
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ живой струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу.
И что же? Гдѣ плоды всѣхъ подвиговъ? Кого
Нашъ пламень грѣлъ, кому онъ свѣтитъ?
Нѣтъ насъ честнѣй и нѣтъ злосчастнѣй никого...
Но почему?... О, кто отвѣтитъ!?..

III.

Напрасно надъ тобой, родимая страна,
Промчался правды свѣтлый геній.
Напрасно сѣялъ онъ живыя сѣмена
Высокихъ думъ, святыхъ стремленій.

Напрасно онъ сердца дремавшія будилъ,
Росой надежды окропляя.
Напрасно молодость на зло онъ ополчилъ
И въ битву велъ, благословляя.
Во слѣдъ за геніемъ желаннымъ надъ тобой
Другой промчался мрачный геній.
Какъ вихорь, посланный завистливой судьбой,
Онъ все губилъ въ своемъ стремленьи;
И тамъ, гдѣ падали живыя сѣмена,
Кропилъ онъ мертвою водою;
И тамъ, гдѣ молодость цвѣла, надеждъ полна,
Чертилъ онъ гробъ своей клюкою;
И тамъ, гдѣ слышалась благословенья рѣчь,
Шепталъ проклятья онъ сурово,
Чтобъ кровь безцѣльная багрила братскій мечъ,
Чтобы безплодно было слово...
Сбылись проклятія!... Порывы и мечты
Изъѣла ржавчина безсилья;
Тоскливо жаждетъ грудь добра и красоты;
Не поднимая, бьются крылья...

IV.

О, въ этотъ грустный часъ, когда прощальный взглядъ
На край родимый я бросаю,
Когда и словъ, и дѣлъ, и лицъ нестройный рядъ
Тревожной мыслью воскрешаю,—
Какая скорбь и желчь мнѣ заливаютъ грудь!...
Какъ страшно вдругъ обнять мечтою,
Что̀ видѣлъ я въ пять лѣтъ и что̀, сбираясь въ путь,
Я покидаю за собою . . . . . .

. . . .

Дѣтей толпу,—больныхъ, озлобленныхъ дѣтей,
Или мятущихся безцѣльно,
Иль тихо гибнущихъ безъ воли и страстей,
Съ тоскою въ сердцѣ безпредѣльной.
И старцевъ робкій сонмъ... Запуганы давно,
Безъ добродѣтелей, безъ вѣры,
Собою лишь живя, они всѣмъ льстятъ равно,
Гражданской немощи примѣры.
А тамъ, вдали—его, титана, что къ землѣ
Прикованъ мстительной судьбою

И, вмѣсто коршуновъ, снѣдаемъ въ сонной мглѣ
Невѣжествомъ и нищетою.
Кто знаетъ, можетъ-быть уже давно титанъ
Забылъ свое происхожденье,
И жалобы забылъ и, ослабѣвъ отъ ранъ,
Дряхлѣетъ молча въ заточеньи...
Но нѣтъ, о скорбное перо, остановись,
И сердце, въ грусти безъисходной,
Предъ тайной высшею смиренно преклонись,
Когда безсиленъ умъ холодный . . . .
. . . .

V.

Прощай, прощай, страна невыплаканныхъ слезъ,
Страна порывовъ неоглядныхъ,
Силъ не разбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ,
Страна загадокъ неразгадныхъ:
Страна безмолвія и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпѣнія и дѣтской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна безсонницы и вѣковаго сна,
Стремленья къ свѣту и потемокъ,
Могучей вѣры и безвѣрія страна;
Страна могилъ, страна пеленокъ,
Страна больныхъ дѣтей, безпечныхъ стариковъ,
Загубленныхъ безъ нужды жизней,
Ненужныхъ слезъ и жертвъ, и . . . .
Прощай, о сфинксъ! Прощай, отчизна!...

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

УКОРИЗНЫ.

I.

На Рейнѣ.

1.

Холмы за холмами тѣснятся кругомъ;
Въ туманахъ синѣютъ вершины;
Вдали, за рѣкой, на утесѣ крутомъ,
Сверкаютъ на солнцѣ руины.

Извилистый Рейнъ подъ цвѣтущей стѣной,
Какъ озеро, тихо струится
И въ берегъ отзывчивый мутной волной
Съ задумчивой лѣнью стучится.
И долго надъ Рейномъ сѣдымъ я сижу
Въ объятіяхъ сладкой истомы.
Вдругъ кто-то мелькнулъ... Я невольно дрожу,—
Мнѣ слышится голосъ знакомый.
Не берегъ то шепчется съ сонной рѣкой,
Не вѣтеръ кустами играетъ:
Я внемлю — и смутной, и жгучей тоской
Объята душа замираетъ...

«Быстро рѣка многоводная
Въ краѣ полночномъ течетъ,
Волны лазурно-холодныя
Въ море чужое несетъ.

«На берега оживленные
Мрачно твердыня глядитъ;
Плещутся волны студеныя
Тихо о сѣрой гранитъ.

«А за стѣной неприступною,
Внемля журчанью валовъ,
Скованы цѣпью преступною
Геній, и трудъ, и любовь.

«Скованъ языкъ негодующій,
Скованы крылья мечты...
Что же, о странникъ тоскующій,
Тамъ не томишься и ты?...»

2.

Въ туманы закутавшись, дремлютъ холмы.
Играетъ свѣтъ мѣсяца съ тучкою бѣлой.
Въ сосновую рощу, въ объятія тьмы,
Вхожу я стопою несмѣлой.
Высокія сосны безмолвно грустятъ.
О чемъ? — можетъ, мѣсяцъ провѣдалъ украдкой.
Какія-то тѣни кругомъ шелестятъ.
И тихо, и жутко, и сладко...

Иду — замираютъ шаги. Впереди —
Чу! — шорохъ знакомый: лепечутъ березы.
Иду и молчу. Накипаютъ въ груди
Счастливыя, дѣтскія слезы.
Но образъ мелькнулъ — и исчезли мечты...
Не вѣтеръ играетъ съ вершиной высокой:
Вновь голосъ знакомый съ глухой высоты
Мнѣ жгучіе шепчетъ упреки:

«Близко отъ моря холоднаго
Городъ-кладбище лежитъ.
. . . .
Пахарей поля безплоднаго
Въ избахъ-гробахъ онъ хранитъ.

«Волны, снѣгами покрытыя,
Сномъ очарованнымъ спятъ.
Мечутся вьюги сердитыя,
Стелются тундры открытыя,
Мрачные боры шумятъ.

«Дни, словно тучи безцвѣтныя,
Тянутся въ снѣжной глуши...
Гдѣ вы, мечтанья привѣтныя,
Гдѣ вы, друзья беззавѣтные,
Гдѣ вы, о силы души? —

«Стынутъ мечты животворныя,
Дремлетъ душа... А друзья? —
Спятъ по гробамъ, непокорные;
А малодушно-притворные
Рейнъ воспѣваютъ, грустя...»

II.

На Сѣверѣ.

Стройно колышутся тополи нѣжные,
Радостно плещутся волны прибрежныя,
Горы, какъ грёзы, мелькаютъ вдали.
Словно дыханье красавицы сонное,
Вѣтеръ струится волной благовонною,
Страстное небо лежитъ раскаленное
Въ сильныхъ объятьяхъ цвѣтущей земли.

На берегу, подъ горою лѣсистою,
Я отыскалъ себѣ мѣсто тѣнистое,—
Кущей раскинулся яворъ большой.
Молча гляжу я на воды пустынныя.
Что-то съ утра мнѣ тоской безпричинною
Сердце щемитъ, — вереницею длинною
Тихія думы плывутъ надъ душой...

Странно сливаясь съ природой ликующей,
Въ памяти всталъ одинъ образъ тоскующій...
Ахъ, отчего ты, мой другъ, не со мной?
Ты-бъ такъ любилъ эти горы цвѣтущія,
Свѣтлое небо и волны поющія...
Какъ переносишь ты муки гнетущія,
Муки изгнанья. . . . .

Вижу: идешь ты равниной безбрежною,
Небо горитъ надъ пустынею снѣжною,
Грудь твоя впала, во взорѣ — недугъ.
Тихо парятъ надъ тобой вспоминанія...
Вѣры святой не убили страданія...
Совѣсть спокойна, горятъ упованія...
Ахъ, отчего не съ тобой я, мой другъ?...

III.

Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Кто-то безпощадный приговоръ читаетъ...
Кто-то плачетъ тихо... Кто-то умираетъ...

Самъ ли виноватъ я, рокъ ли такъ сложился,
Но клянусь, что къ правдѣ я всю жизнь стремился.
Что-жь брожу безъ цѣли, какъ старикъ отжившій?...
О, прости, товарищъ—ты, свой долгъ свершившій!

Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Знаю, это совѣсть приговоръ читаетъ...
Плачетъ моя юность, счастье умираетъ...

ПѢСНЯ ТРЕТЬЯ.

МЕЧТЫ.

I.

Въ Римѣ.

(Монологъ.)

Я цѣлый день бродилъ среди руинъ,
Читалъ вѣковъ истертыя страницы,
Смотрѣлъ въ глаза слѣпой, безмолвной смерти
И въ нихъ искалъ разгадку прошлой жизни.
И всякій разъ, какъ легкій вѣтерокъ
Усталаго лица касался нѣжно,
Казалось мнѣ, что слышу я дыханье
Исторіи, подкравшейся незримо.
Я съ камнями бесѣдовалъ. Клянусь,
Что ни одинъ арабъ подвижно-пылкій,
И ни одна медлительная няня
Не вѣдаетъ такъ много сказокъ страшныхъ.

Взволнованный, усталый, подошелъ
Я подъ-вечеръ къ руинамъ Колизея,
Въ лучахъ зари привѣтно трепетавшихъ.
Въ его стѣнахъ, въ забытомъ переходѣ
Я легъ въ траву и, головой склонившись
На капитель поверженной колонны,
О видѣнномъ задумался глубоко.

И чуткій сонъ ко мнѣ подкрался тихо,—
Тотъ чуткій сонъ, когда душа порхаетъ
Межъ двухъ міровъ, однимъ крыломъ объемля
Міръ смутныхъ грёзъ, дѣйствительность—другимъ,
Сливая ихъ въ гармоніи чудесной.
И видѣлъ я: печальный, блѣдный призракъ
Изъ глубины развалинъ показался
И, надо мной склонясь, промолвилъ тихо:

«Въ моихъ чертахъ, ты видишь, скорбь разлита.
Какъ не скорбѣть! Я—духъ развалинъ этихъ.
И тамъ, гдѣ ты нашелъ обломки камней—
Не трупа прахъ, а прахъ гробницы-трупа—
Тамъ видѣлъ я свободу, блескъ и силу.
Вотъ, посмотри, у статуи безрукой

Разбитый ликъ какъ черепъ и уродливъ!
Богиней былъ обломокъ этотъ. Видѣлъ
Я дивныя черты ея, когда
Онѣ, еще не воплотившись въ мраморъ,
Лишь рѣяли предъ взоромъ ослѣпленнымъ
Художника, рыдавшаго отъ счастья.
Въ тотъ мигъ я самъ въ его безсмертье вѣрилъ...
Здѣсь видѣлъ я по мраморнымъ ступенямъ,
Которыхъ слѣдъ исчезъ, какъ разливались
Народа волны шумно. Кто-бъ сказалъ,
Что навсегда онѣ изсякнуть могутъ?...
Мой взоръ всегда къ былому обращенъ.
Оно прошло и—не вернется снова,
Какъ въ душу старца первой страсти трепетъ,
Какъ на мои уста улыбка счастья...

«Но ты, скажи, о чемъ и ты скорбишь?
Зачѣмъ вдали отъ родины блуждаешь?
Зачѣмъ о ней ты плачешь безутѣшно?...
Гдѣ ты нашелъ въ своей странѣ родимой
Развалины минувшаго величья,
Гробницы силъ изжитыхъ, думъ потухшихъ,
Священный прахъ свободы умерщвленной,
Иль красоты, иль славы отгремѣвшей?...
Къ минувшему-ль ты взоръ свой обращаешь?
Иль ты-бъ хотѣлъ, чтобъ прошлое вернулось?...
Не первый ли его ты-бъ испугался,
Какъ мертвеца, возставшаго изъ гроба?...

«Когда гроза весенняя порвала
Желаннымъ громомъ зимнюю дремоту
И весело взыгралъ, ломая сучья
И старый прахъ взметая, буйный вихорь,—
Ты оробѣлъ, цвѣтовъ не видя тотчасъ...
Иль ты-бъ желалъ сковать вѣнецъ грядущій
Безъ молота, безъ пламени, безъ стука,
И новый храмъ построить безъ деревьевъ
Поверженныхъ, безъ топоровъ, безъ камней?

«Ты устрашенъ, разочарованъ—въ чемъ?
Гдѣ тотъ алтарь жестокій, на которомъ
Ты приносилъ отвергнутыя жертвы?

Въ какой борьбѣ боролся ты напрасно?
Кто обманулъ довѣрчиваго агнца
Твоихъ надеждъ, запечатлѣнныхъ кровью?

«Смѣшна, жалка мнѣ скорбь твоя пустая,
Какъ старику на ложѣ смерти жалокъ
Ребенка плачъ, разбившаго игрушку...
О, нѣтъ, сперва облей кровавымъ потомъ
Родной страны чуть вспаханную ниву.
Пускай затѣмъ твой сынъ, и внукъ, и правнукъ
Надъ нивой той священной потрудятся;
Пускай она заколосится пышно
И цѣлый міръ накормитъ новымъ хлѣбомъ;
Пусть наконецъ мертвящее дыханье
Вѣковъ ее въ пустыню превратитъ:
Тогда, тогда, коль твой потомокъ дальній
Придетъ подъ сѣнь моихъ развалинъ тихихъ,
Чтобы скорбѣть о томъ, чего ужь нѣтъ,—
Его приму я ласково въ объятья
И вмѣстѣ съ нимъ на камень я усядусь,
И вмѣстѣ съ нимъ тихонько буду плакать...»

И призракъ смолкъ, и вздохъ его пронесся
Надъ спящими руинами чуть слышно.
Потомъ, опять склонившись надо мною,
Онъ прошепталъ безкровными устами:

«Какъ счастливъ ты! Какъ скорбь твоя завидна!
Вечернему подобная туману,
Моя печаль сгущается, чернѣя;
Твоя же грусть и грусть твоей отчизны,
Какъ легкій дымъ въ лучахъ пурпурныхъ утра,
Разсѣется безслѣдно. Ты иль сынъ твой
Великое увидите. Но внемли:
Ужь въ грудь твою ликующей волною
Врывается весны живящій лепетъ
И бодрый гость живыхъ надеждъ стучится.
Онъ лишь того, кто молодъ, посѣщаетъ,
И никогда старикъ не слышитъ въ сердцѣ
Его призывъ стыдливый и кипучій.
Проснись душой! Не ты одинъ проснешься,—
Великое свершается... Я знаю
И боль родовъ, и муки агоніи...»

И я вскочилъ, видѣньемъ пораженный.
Лобзанья солнца быстро угасали
На каменныхъ развалинахъ, и вѣтеръ
Заботливо изъ сумерекъ покровъ
Набрасывалъ на дрогнущую землю;
На небесахъ темнѣвшихъ проступали
Узоры звѣздъ все ярче и лучистѣй,
Какъ въ старости, сквозь тьму могилы близкой,
Все ярче и отчетливѣе свѣтятъ
О прожитыхъ годахъ воспоминанья.
Стрѣлою ночь летѣла мнѣ на встрѣчу.
А у меня въ душѣ всходило солнце...

II.

Въ Парижѣ.

Вторую весну я встрѣчалъ на чужбинѣ.
Былъ ласковый вечеръ. Веселой толпой
Кипѣла, какъ моря далекій прибой,
Столица Европы. По пестрой картинѣ
Скользилъ грустный взоръ уходящаго дня,
И яркая сѣть изъ тѣней и огня,
Какъ пурпуръ, дрожа, облекала громады
Изъ сѣраго камня. Весенней прохлады,
Со всѣми цѣлуясь, порхала струя...

И было такъ странно въ душѣ у меня,
И былъ я душой такъ далеко, далеко
Отъ всѣхъ этихъ статуй, дворцовъ, площадей,
И вывѣсокъ пестрыхъ, и пестрыхъ людей...
Ужь я не завидовалъ съ грустью глубокой,
Какъ прежде, привольности жизни чужой
И шумному счастью толпы не дивился,—
Иное подъ нимъ я читать научился.

И было такъ странно мнѣ... Тихой толпой
Стыдливыя грёзы мнѣ въ душу глядѣли,
Завѣтныя струны въ ней нѣжно звенѣли,
Слезою невольной смыкались глаза.
Мнѣ было какъ послѣ болѣзни тяжелой,
И чувствовалъ сердца я дрожью веселой,

Что вдаль надъ душой пролетѣла гроза,
Что силы вернулись, что молодъ я снова,
Что дѣтскихъ сомнѣній убита змѣя,
Что жажду я жертвы и дѣла живого,
Что въ родину вѣрю, что вѣрю въ себя...

Какъ будто орлы надъ скалой обнаженной,
Слетѣлись, шумя, надъ душой примиренной
Высокія думы. Ее озарилъ
Таинственный свѣтъ. И вскричалъ я: ужели
Такъ долго я сонный въ потемкахъ бродилъ
И нылъ безполезно, и плакалъ безъ цѣли?...
Ужели такъ трудно встряхнуться душой,
Сказать: коль на выборъ дано мнѣ судьбой
Иль счастье небесъ, иль скитанье въ пустынѣ,—
Такъ буду же счастливъ отнынѣ?...

И, сердцемъ отдавшись наплывшимъ мечтамъ,
Задумчиво шелъ я по улицамъ длиннымъ.
Толкутся, бѣгутъ... Вотъ съ колоннами храмъ.
Вхожу. Полусумракъ. По сводамъ пустыннымъ
Разносится пѣнье незримыхъ пѣвицъ
Въ отвѣтъ на молитвенный рокотъ оргáна.
Свѣтъ падаетъ сверху. Какъ въ дымкѣ тумана,
Чуть вижу я профили старческихъ лицъ,
Колышутся чепчиковъ бѣлыя пятна,
Да мраморъ блеститъ въ углубленіи нишъ.
Вотъ замеръ оргáнъ. Воцарилася тишь,—
Вошелъ проповѣдникъ. Ясна и понятна,
Искусная проповѣдь плавно течетъ
О Богѣ, создавшемъ весь міръ такъ чудесно,
О правдѣ земной, о наградѣ небесной,
О раѣ, гдѣ души живутъ безъ хлопотъ.
Потомъ ко грѣхамъ перешелъ онъ и къ аду...
Я вышелъ, охваченный мутной волной:
Ужель еще небо имъ нужно въ награду
За радость небесную правды земной?...

Шумнѣе, чѣмъ днемъ, волновалась столица.
Мигая, огни потянулися въ рядъ.
Кареты гремѣли. Голодный развратъ

Искалъ пресыщенія. Наглыя лица
Смотрѣли, смѣясь, и былъ каждый ихъ взоръ —
Хула противъ Бога и людямъ укоръ.
Съ исчезнувшимъ днемъ словно маска дневная
Упала съ толпы. Загорались сильнѣй,
Какъ ночью мельканья болотныхъ огней,
Желанья и страсти...
И шелъ я, мечтая,
И ширилось сердце... Толпой увлеченъ,
Къ дворцу подошелъ я. Стоялъ Аполлонъ
На крышѣ его, позолотой блистая.
Горѣлъ ослѣпительнымъ блескомъ порталъ.
Вверху отливали изъ яшмы колонны,
И мраморъ невинный, людьми развращенный,
Внизу сладострастною группой блисталъ.
Спѣша, устремлялась толпа на ступени
Подъ свѣтлыя арки. Та́къ всякій спѣшилъ
Скорѣе забыться въ чаду развлеченій,
Что, глядя на нихъ, я невольно спросилъ:
Что еслибы вдругъ тамъ, гдѣ группа блистаетъ,
Явился теперь вдохновенный пророкъ
И въ образы вѣчные правду облекъ,—
Ту новую правду, что въ мірѣ витаетъ
И только избранникамъ снится порой,—
Что̀, былъ бы ли онъ окруженъ здѣсь толпой,
Иль мимо шмыгнула-бъ она безучастно?
Что̀ верхъ одержало-бъ: врожденная-ль страсть
Пророковъ осмѣивать,—страхъ ли попасть
На зрѣлище поздно?...
И съ вѣрою страстной
Шепталъ я: о, нѣтъ, не отсюда придетъ,
Кто съ дремлющихъ душъ позолоту сотретъ,
А съ лицъ полинявшихъ—печать отверженья,
Кто глухо закрытую дверь примиренья
Всѣмъ настежъ откроетъ, разсѣявши мракъ.
Онъ былъ бы не выслушанъ—скучный чудакъ—
Не понятъ, осмѣянъ...
И съ вѣрою страстной
Мечтой устремился я въ край тотъ ненастный,
Гдѣ вѣрить еще не смѣшно, ни рыдать

Слезами восторга, ни къ правдѣ взывать
Съ молитвой...
И въ это мгновенье, блистая,
Тихонько на сѣверъ звѣзда золотая
Катилась по небу, на темномъ пути
Блестящія искры роняя...

III.

Возвращеніе.

Надъ моремъ голубымъ прекрасная весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печалью взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:
«Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все разцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:
Вонъ кипарисъ застылъ въ величіи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;
«Вонъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вонъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой,
«Съ моими чарами безплотными, какъ сонъ,
Съ моими грёзами воздушными, какъ тѣни?
Чтò въ тайнахъ призрачныхъ тому, кто опьяненъ
Восторгомъ знойныхъ наслажденій?
«Пора! Манитъ меня иная сторона.
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоской нетерпѣливой...
«Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну-ль на голый лѣсъ,—лѣсъ зашумитъ привѣтно
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ лаской привѣтной.
«Пора! Тамъ ждутъ меня... Повсюду притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы...»
Сказала и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

Н. Минскій.

Изъ поѣздки въ Испанію.

Вопросъ о національныхъ особенностяхъ все болѣе и болѣе выдвигается на передній планъ въ политикѣ, въ экономіи, въ наукѣ,—однимъ словомъ, почти во всѣхъ сторонахъ народной жизни. Онъ одинаково интересуетъ какъ приверженцевъ объединенія, для которыхъ часто отличительныя черты мелкихъ народностей являются главными препятствіями, такъ и крайнихъ федералистовъ, основывающихъ на этихъ чертахъ главнѣйшія доказательства въ пользу своихъ политическихъ мнѣній. Крупнѣйшія событія современной исторіи, повидимому, оправдываютъ стремленія объединителей, если только однихъ успѣховъ достаточно для оправданія какой-либо системы. Менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ и изъ весьма разрозненныхъ элементовъ составились двѣ великія державы: Итальянское королевство и Германская имперія. Если вѣрить словамъ огромнаго большинства западно-европейскихъ публицистовъ и ученыхъ, то и панславизмъ есть не что иное какъ—безсознательное еще—стремленіе всѣхъ славянъ слиться подъ властью одной могучей державы.

Въ наши намѣренія не входитъ принципіальное разсмотрѣніе такихъ общихъ политическихъ вопросовъ и если мы въ началѣ этихъ очерковъ о нихъ упоминаемъ, то только потому, что во время путешествія по Испаніи, предпринятаго прошлою весною, мы на каждомъ шагу наталкивались на національныя различія и на безчисленные вопросы, возникавшіе по ихъ поводу. Между тѣмъ Испанія—страна объединенная уже около трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ и притомъ въ такое время, когда центральныя правительства были энергичнѣе, чѣмъ теперь, и имѣли возможность оказывать большее давленіе на своихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе никто не сочтетъ парадоксомъ, если мы выразимъ мнѣніе, что испанскій народъ — одинъ изъ наименѣе однородныхъ. Съ этимъ мнѣніемъ вообще согласны даже централисты, несмотря на то, что послѣ Франціи Испанія объединена, приблизительно въ теперешнихъ границахъ, гораздо ранѣе.

Но если общее представленіе о неоднородности испанской націи едва ли вызоветъ возраженія, то нельзя сказать того же о ея степени, о причи-

нахъ ее производящихъ, о формахъ, въ которыхъ она проявляется. Чѣмъ именно отличаются между собой группы людей все-таки очень родственныхъ, какъ велики эти различія, насколько они приводятъ къ замѣтнымъ, бросающимся въ глаза, явленіямъ въ народной жизни—вотъ вопросы, на которые мы постараемся хоть отчасти отвѣтить, немного на основаніи собственныхъ наблюденій, а болѣе при помощи мѣстныхъ печатныхъ источниковъ и оффиціальныхъ документовъ.

I.

Общій составъ населенія.

Въѣзжая въ Испанію по обыкновенной дорогѣ изъ Парижа въ Мадридъ, то-есть черезъ Бордо, Байону и Санъ-Себастіанъ, получаешь очень рѣзкое впечатлѣніе о различіи между національностями французскою и испанскою. До Байоны, въ городахъ по крайней мѣрѣ, слышенъ почти вездѣ французскій языкъ, болѣе или менѣе чистый, затѣмъ онъ на короткое время смѣняется характернымъ бэарнскимъ нарѣчіемъ, потомъ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ видишь въ вагонахъ нѣсколькихъ басковъ и слышишь ихъ совершенно непонятную рѣчь, затѣмъ, почти внезапно, около Миранды всѣ начинаютъ говорить по-кастильски, то-есть почти чистымъ литературнымъ языкомъ Испаніи. Этотъ рѣзкій переходъ мнѣ пришлось впрочемъ наблюдать въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ по западной дорогѣ я ѣхалъ лишь на возвратномъ пути изъ Испаніи.

Совершенно иное впечатлѣніе о взаимныхъ отношеніяхъ народностей, составляющихъ Францію и Испанію, получилъ я, постепенно спускаясь къ югу вдоль береговъ Средиземнаго моря. Желая сначала ближе ознакомиться съ тою частью населенія Франціи, составные элементы котораго еще менѣе утратили свои первоначальныя черты, гдѣ возможность различныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ переходовъ гораздо болѣе, чѣмъ между рѣзко обособившимися сѣверными французами и кастильцами,—я предпринялъ пѣшкомъ нѣсколько экскурсій въ горы средней Франціи и затѣмъ прожилъ по нѣскольку дней въ главныхъ городахъ южныхъ провинцій: Ліонѣ, Вьеннѣ, Валенсѣ (на Ронѣ), Оранжѣ, Миньонѣ, Арлѣ, Марсели, Тулонѣ, Гіерѣ, Нимѣ, Монпелье, Нарбоннѣ и Перпиньянѣ. Не входя теперь въ подробности насчетъ того, что касается Франціи, скажу только, что тутъ впечатлѣніе получилось совершенно иное. Различія между нѣкоторыми населеніями Франціи и Испаніи сильно сгладились въ моемъ представленіи, но за то мнѣ стало еще болѣе ясно, что и французская національность еще далеко не дошла до того этнографическаго единства, о которомъ хлопотали всѣ парижскія правительства, начиная съ деспотической тираніи Людовиковъ XI и XIV и кончая якобинизмомъ Робеспьера.

Во многихъ отношеніяхъ можно сказать, что Испанія начинается раньше, чѣмъ кончается Франція. Такъ, напримѣръ, при переходѣ изъ депар-

тамента Оды въ Восточные Пиренеи, въ бывшій Русильонъ, менѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ присоединенный къ Франціи, внѣшность многихъ вещей тотчасъ же принимаетъ иной характеръ. Постройки становятся крупнѣе и выбѣлены известью или выкрашены въ разные цвѣта, подобно домамъ во многихъ русскихъ городахъ. Еще болѣе бросается въ глаза при переѣздѣ въ Восточные Пиренеи высшій уровень сельскохозяйственной культуры. Искуственное орошеніе полей, луговъ и виноградниковъ начинаетъ играть самую выдающуюся роль. Въ одномъ, очень небольшомъ, Русильонѣ болѣе 30.000 гектаровъ земли орошаются каналами при помощи воды двухъ небольшихъ рѣчекъ, Тэта и Тэха. Кто привыкъ считать Испанію за страну безводную, каменистую, прожженную солнцемъ, тотъ удивится, увидѣвъ, до какой степени, по свѣжести зелени, по богатству культивированной растительности, первая провинція, носящая испанскій характеръ, превосходитъ Лангедокъ и даже Провансъ. Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что Каталонія—во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ—первая страна въ Испаніи и потому не нужно дѣлать заключенія объ остальныхъ провинціяхъ по впечатлѣнію, производимому ею.

Такимъ образомъ вдоль Средиземнаго моря переходъ отъ Франціи къ Испаніи оказывается почти незамѣтнымъ, а различія, которыя существуютъ, говорятъ скорѣе въ пользу послѣдней страны. На мѣсто заражающихъ воздухъ болотъ и стоячихъ лужъ, покрывающихъ берега департаментовъ Героб и Оды, въ Русильонѣ оказывается прекрасно орошенная и воздѣланная равнина, а далѣе—красивые склоны Пиреней, прорѣзанные террасами и засаженные виноградомъ. Вмѣсто сѣрыхъ, полуразрушенныхъ, часто заброшенныхъ *мазъ*, т. е. сельскихъ домиковъ, разбросанныхъ хуторами, южнаго Лангедока, опустѣвшаго благодаря усиленной смертности, вызываемой вліяніемъ болотныхъ лихорадокъ, появляются чисто выбѣленные, по большей части двухъэтажные, дома каталонскихъ крестьянъ, всегда окруженные зеленью фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Наконецъ и внѣшній видъ жителей становится иной. Обитатели и особенно обитательницы западнаго берега Роны (Лангедока) далеко не могутъ по красотѣ своего типа сравниться съ обитателями Прованса, напримѣръ въ окрестностяхъ Арля и Марселя. Правда, и каталонцы не красивы, но ростомъ они выше лангедокцевъ, сложены лучше и въ ихъ манерѣ держать себя замѣтно уже вліяніе Испаніи: они умѣютъ соединять самую изысканную вѣжливость съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что, смотря по тому, откуда въѣхать изъ Франціи въ Испанію, она покажется или страною ей совершенно чужою, или же ея естественнымъ продолженіемъ, разграниченнымъ только чисто условными, политическими причинами?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простой: Франція и Испанія состоятъ обѣ изъ разнородныхъ этническихъ элементовъ. Иныя изъ племенъ, ихъ составляющихъ, чужды между собою, какъ, напримѣръ, кастильцы, баски и бретонцы; другіе же,

какъ, напримѣръ, провансальцы, лангедокцы, каталонцы, близко родственны, чтобы не сказать—почти тождественны. Нужно знать составъ обѣихъ народностей, французской и испанской, прослѣдить исторію ихъ образованія, собрать черты сходства и различій въ каждой изъ провинцій, и тогда только истинный смыслъ отношеній этихъ элементовъ между собой и къ господствующимъ народностямъ, объединившихъ ихъ въ одно централизованное государство, станетъ понятнымъ, а изслѣдованія объ оригинальныхъ чертахъ жизни каждой провинціи получатъ надлежащій интересъ и, быть-можетъ, даже извѣстное значеніе для культуры и жизни какъ частей, такъ и слитнаго цѣлаго.

Изслѣдованія о племенномъ составѣ древнѣйшаго населенія Иберійскаго полуострова еще крайне неполны, хотя нужно отдать справедливость, что начались они очень рано, а въ послѣднія пятнадцать лѣтъ велись съ достаточною настойчивостью и энергіей. Орудія изъ до-исторической эпохи были найдены въ Испаніи уже въ XVI столѣтіи и отъ 1534 года есть печатная работа одного ученаго монаха, по имени «Beates», описывающая такія орудія, найденныя въ Аррагоніи. Во второй половинѣ XVIII вѣка (1755 г.), въ такое время, когда это еще далеко не составляло научнаго догмата, Marin y Mendoza утверждалъ уже, что въ Испаніи когда-то существовалъ соціальный строй, предшествовавшій знанію металловъ. Но только во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія археологическія изслѣдованія стали основываться на серьезныхъ фактическихъ открытіяхъ костей человѣка, доисторическихъ орудій и иныхъ остатковъ. Въ 1850 году Casina de Prada нашелъ въ наносахъ, около монастыря St. Isidro, подъ Мансанаресомъ, кременныя орудія, аналогичныя съ найденными во Франціи и Бельгіи. Съ тѣхъ поръ антропологическая школа въ Испаніи становится приблизительно на ту же передовую точку зрѣнія, на которой стоитъ значительная доля членовъ Парижскаго Антропологическаго Общества. Въ настоящее время она дала уже нѣсколько замѣтныхъ представителей своей наукѣ. Изъ нихъ Villanova замѣчателенъ по большому числу находокъ и описаній, изданныхъ имъ начиная съ 1860 года, а Francesco Tubino, изъ работъ котораго мы почерпаемъ большую часть касающихся сюда подробностей, какъ талантливый и энергичный представитель передоваго направленія въ испанской антропологіи *).

Черепы изъ до-историческихъ или вообще очень древнихъ эпохъ, найденные въ различныхъ мѣстностяхъ Иберійскаго полуострова, показываютъ, что и въ то время населеніе его состояло изъ нѣсколькихъ племенъ, рѣзко между собою отличавшихся. Замѣчательно, что почти всѣ древнѣйшія находки относятся къ окраинамъ полуострова, а не къ цен-

*) „Museo Archeologico". I. Madrid. *Tubino*. Введеніе, и *Fernando Fulgaris*: „Объ оружіи бронзовомъ и желѣзномъ". Кромѣ того: *Tubino*: „Essay d'une Anthropologie sociale". Въ Парижской *Revue d'Anthropologie* 1877 г. и отдѣльно у *Leroux*.

тральнымъ его областямъ. Наиболѣе драгоцѣнные результаты дали пещеры около Гибралтара и раскопки въ окрестностяхъ Гранады, затѣмъ финикійскіе рудники въ Милагро, въ Астуріи, и баскскія кладбища въ Цараусѣ и Вилагро. Послѣднія три мѣстонахожденія относятся уже къ исторической эпохѣ, хотя и очень древней. Кромѣ того найдено нѣсколько череповъ отъ мумій гуанчей, на Канарскихъ островахъ, а также различные остатки въ Португаліи при раскопкахъ у Кабесо д'Аруда.

Несмотря на различіе въ формѣ найденныхъ череповъ, между ними есть не мало и сходства. Почти безъ исключенія, въ большей или меньшей степени, всѣ они принадлежатъ къ типу длинноголовыхъ (долихоцефаловъ), т. е. такихъ, у которыхъ длина превосходитъ ширину въ отношеніи 100 : 75 или еще болѣе. Это доказываетъ, что древнѣйшіе обитатели Иберійскаго полуострова, въ большинствѣ по крайней мѣрѣ, принадлежатъ къ одной породѣ, которую и принято называть иберійскою. Длинноголовые черепа, найденные въ Испаніи, довольно рѣзко различаются между собою на два типа. Первый представляетъ собою черепа хорошо развитые, большихъ размѣровъ, съ вмѣстимостью равною или превышающею вмѣстимость череповъ современнаго населенія. Скелеты, относящіеся къ этимъ черепамъ, показываютъ, что племя, къ которому они принадлежали, отличалось довольно высокимъ ростомъ и очень крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Такого рода черепа найдены еще въ Гасконіи въ пещерахъ Кро-Маньонъ и нерѣдко встрѣчаются въ Марокко. Между живущими нынѣ племенами такого рода черепа, при соотвѣтствующемъ тѣлосложеніи, всего чаще можно найти у басковъ. Второй типъ череповъ, найденныхъ въ Испаніи въ большемъ количествѣ, почти во всѣхъ мѣстонахожденіяхъ (Гибралтаръ, Гранада, Кабесо д'Аруда въ Португаліи), также опредѣленно длинноголовый, но уже небольшой величины, плоскій, плохо развитой, похожій на типъ, найденный въ Германіи около Кантрата. Впрочемъ, люди съ подобными и даже еще меньшими черепами и теперь цѣлыми селами встрѣчаются въ Кастилліи, въ провинціи Салачпанка. Наконецъ, въ-третьихъ, нѣкоторые изъ древнѣйшихъ череповъ не могутъ быть вполнѣ отнесены къ типу длинноголовыхъ, а скорѣе къ смѣшанному (мезотицефалы), подобному находимымъ въ пещерахъ Фюрфозъ въ Бельгіи. Эти черепа также встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ—въ Андалузіи, Португаліи и т. д.

Такимъ образомъ основнымъ элементомъ нынѣшняго испанскаго народа слѣдуетъ считать иберійскую породу людей, представителями которой, далеко не чистыми однако, въ настоящее время можно считать басковъ, занимающихъ теперь едва тридцатую часть полуострова. Кромѣ того соплеменники иберійской породы, по всей вѣроятности менѣе смѣшанные, живутъ еще въ Марокко (берберы) и въ Алжиріи (кабилы), хотя, повидимому, между ихъ языкомъ и говоромъ басковъ (Эускара) нѣтъ ничего общаго. За то по формѣ черепа и развитію скелета всѣ они больше подходятъ къ крупному кро-маньонскому типу. Это значитъ, что уже въ

древнѣйшую эпоху жители Иберіи и сѣверной Африки были между собой въ близкомъ родствѣ, но это доисторическое родство не слѣдуетъ смѣшивать съ сравнительно недавнимъ наплывомъ семитовъ (мавровъ) въ Испанію въ VIII вѣкѣ, ни также съ финикійской и кареагенскою колонизаціей, тоже семитскаго происхожденія.

На основаніи именъ горъ, рѣкъ и городовъ можно заключить, что иберійцы (баски) занимали сначала большую часть полуострова, отъ Гасконскаго залива до самыхъ Столбовъ Геркулеса *). По всей вѣроятности, это племя населило Испанію, подвигаясь съ юга на сѣверъ, изъ Африки въ Европу. Напротивъ, съ сѣвера на югъ, черезъ Пиренеи, подвигались племена кельтовъ, составляющихъ въ настоящее время второй изъ болѣе существенныхъ элементовъ испанскаго народа. Эпоха переселенія этихъ племенъ неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ она очень давняя. Кельты остались отчасти почти несмѣшанными съ иберійцами, судя по именамъ мѣстностей, особливо въ Галиціи и большей части Португаліи. За то весь югъ полуострова и берегъ Средиземнаго моря долго оставались почти совершенно въ рукахъ иберовъ. Они занимали кромѣ того болѣе плодородныя части центральной плоской возвышенности, долину рѣки Эбро, оба склона Пиреней, пространство между склонами Севеннъ и Ліонскимъ заливомъ, вплоть до Генуи и даже далѣе до подножія Апеннинъ и Тессинскихъ альпъ. Большая часть плоской возвышенности, составляющая средину Испаніи: обѣ Кастилліи, Манча, Эстремадура и прочія были заселены породой, смѣшанной изъ кельтовъ и иберовъ и называвшейся потому кельтиберами.

Къ этимъ двумъ основнымъ элементамъ національнаго состава скоро стали присоединяться и другіе. Кадизъ и Малага имѣютъ происхожденіе финикійское, т. е. семитическое. Нынѣшняя Картагена, прославившаяся своими республиканскими движеніями и страстнымъ стремленіемъ къ мѣстной автономіи, наслѣдница древняго Кареагена. Греческіе островитяне, родосцы, закинфцы, также основывали свои колоніи на берегахъ Иберіи. Но вліяніе Рима скоро стало самымъ рѣшительнымъ изъ всѣхъ. Южная Испанія, Бетида, теперешняя Андалузія, стала однимъ изъ центровъ римской цивилизаціи. Она дала Риму нѣсколькихъ императоровъ и притомъ изъ лучшихъ, напримѣръ Траяна, Адріана, и языкъ Рима сталъ господствующимъ на всемъ полуостровѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ долинъ Кантабрійскихъ горъ, въ которыхъ и до сихъ поръ удержалось нарѣчіе Эускара.

Паденіе Римской имперіи привело въ Испанію, какъ и всюду, толпы бѣлокурыхъ варваровъ сѣвера, свевовъ, алановъ, вандаловъ. Значительная часть изъ нихъ скоро смѣшалась съ мѣстными жителями, а еще большая часть не выдержала перемѣны образа жизни и климата и постепенно

*) *Reclus*: „Géogr. Univers.“, т. I, стр. 650.

вымерла. Думаютъ, впрочемъ, что племя свевовъ приняло нѣкоторое участіе въ образованіи галиційской народности. Прочнѣе другихъ оказалось племя визиготовъ, многочисленное, хорошо организованное и съ большими задатками къ цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, по распоряженію Алариха, былъ выкопанъ большой каналъ, и до сихъ поръ орошающій равнину города Тарбъ въ южной Франціи *). Визиготы въ наибольшемъ числѣ вошли въ составъ кастильскаго населенія и этимъ, можетъ-быть, обусловливаются, съ одной стороны, сдержанная важность и солидность въ обращеніи кастильцевъ, съ другой—также ихъ стремленія къ завоеваніямъ и къ централизаціи.

Послѣ сѣверной Европы во второй разъ наступила очередь Африки принять участіе въ составленіи испанской національности. На этотъ разъ, впрочемъ, явились опять племена уже знакомыя жителямъ Иберіи, т. е. арабы, семиты, близко родственные финикійцамъ, и берберы, старшіе братья самихъ иберовъ. Въ теченіе семи столѣтій, отъ VIII до XV, колонизація африканскихъ элементовъ шла безпрепятственно черезъ Столбы Геркулеса, и хотя впослѣдствіи мавры и были изгоняемы съ ожесточеніемъ, но иные изъ нихъ перешли въ христіанство, другіе же еще прежде смѣшались съ мѣстными племенами и потому вліяніе ихъ пребыванія на населеніе, особенно въ Андалузіи и Валенсіи, оказалось громадное. Болѣе двухъ тысячъ арабскихъ названій, преимущественно относящихся къ предметамъ, обнаруживающимъ высшую степень культуры, вошли въ составъ кастильскаго нарѣчія, а слѣдовательно и литературнаго языка всей Испаніи.

Во время мавританскаго владычества евреи особенно процвѣтали въ Испаніи. Служа и нашимъ и вашимъ, т. е. христіанамъ и магометанамъ, они захватили, какъ вездѣ, въ свои руки торговлю, а также и сборъ налоговъ. Число евреевъ на полуостровѣ дошло до 800.000; но когда, наконецъ, мавры были побѣждены и короли Аррагоніи и Кастиліи не нуждались болѣе въ евреяхъ, для доставленія денежныхъ средствъ къ продолженію борьбы, тогда они не стали болѣе сдерживать взрывъ народнаго негодованія. Народъ сталъ преслѣдовать евреевъ вездѣ и чѣмъ только могъ: желѣзомъ, огнемъ, пытками, кострами, и все-таки не могъ насытить своей ненависти. Нѣкоторыя семейства евреевъ изъ страха приняли христіанство, но такихъ было очень мало,—большинство ихъ погибло или бѣжало въ Германію, Польшу, на Балканскій полуостровъ. Гоненія евреевъ въ Испаніи окончились лишь послѣ полнаго ихъ истребленія или изгнанія. Это одинъ изъ немногихъ примѣровъ въ исторіи, гдѣ племя, почти съ милліоннымъ населеніемъ, должно было совершенно очистить занимаемую имъ территорію.

Цыгане, хотя также совершенно чуждые испанскому населенію, удер-

*) *Gustave Henzé*: „La France agricole Region du Sud-Ouest“. Paris 1868, стр. 43.

жались въ значительномъ числѣ во многихъ городахъ юга, особенно въ Гранадѣ. Они не богаты, съ большою охотой и полною наивностью исполняютъ обряды католической церкви и потому инквизиція, истребившая столько еретиковъ, мавровъ и евреевъ, не воздвигла ни одного костра для сожженія цыгана. Часть испанскихъ цыганъ ведетъ еще до сихъ поръ кочевой образъ жизни, но большинство ихъ въ страшной нуждѣ, тѣснотѣ и грязи живетъ по городамъ.

При такой смѣси различныхъ племенъ не удивительно, что населеніе Испаніи не успѣло стать однороднымъ, но сложилось въ нѣсколько отдѣльныхъ типовъ, смотря по тому, которая изъ составныхъ частей являлась преобладающей. Большинство антропологовъ въ Испаніи признаетъ въ настоящее время существованіе четырехъ главныхъ народностей, отличныхъ между собою и по племенному составу, и по языку. Всѣ эти языки обладаютъ кромѣ того еще каждый нѣсколькими нарѣчіями.

Первый типъ представляетъ народность басковъ, занимающихъ въ Испаніи провинціи Гвиноскоа, Алава, Бискайя и часть Наварры. Это почти чистые представители иберовъ. Говорятъ они языкомъ непохожимъ ни на одно изъ извѣстныхъ нарѣчій, который по строенію своему не имѣетъ аналоговъ въ Европѣ. Онъ не принадлежитъ къ числу сливающихся (*агглютинативныхъ*) языковъ, подобно мадьярскому, но скорѣе построенъ по еще простѣйшему типу нарѣчій сѣверо-американскихъ индійцевъ. Впрочемъ, число корней чисто баскскаго происхожденія невелико и всѣ предметы, вошедшіе въ употребленіе послѣ окончанія каменнаго доисторическаго періода, носятъ названія, обладающія корнями латинскими или иныхъ европейскихъ языковъ. Сами баски называютъ свой говоръ общимъ терминомъ—*эвскара*, но онъ различается на шесть или на семь различныхъ нарѣчій, повидимому, не очень даже между собой сходныхъ.

Вторая народность, лузитанская, занимаетъ бо́льшую часть Португаліи и въ Испаніи распространена по провинціи Галиціи и небольшой части Эстремадуры. По своему происхожденію испанскіе лузитане почти чистые кельты. Языкъ ихъ, достигшій литературнаго развитія въ Португаліи, въ Испаніи раздробленъ на нѣсколько нарѣчій, не имѣющихъ иной литературы кромѣ народныхъ пѣсенъ. Существуетъ впрочемъ еще особое астурійское нарѣчіе, такъ-называемый *бабль*; теперь оно въ сильномъ упадкѣ, но все-таки обладаетъ нѣсколькими современными стихотворцами.

Каталонцы, третья главная народность нынѣшней Испаніи, далеко не представляютъ той однородности въ своемъ составѣ, какъ баски и лузитане. Кромѣ того и ближайшія мѣстныя различія у каталонцевъ еще значительнѣе. Тѣмъ не менѣе вездѣ—въ Провансѣ, въ Лангедокѣ, въ Барселонѣ, въ Валенсіи—иберы составляютъ главную основу каталонскаго типа. Въ Провансѣ есть значительная примѣсь лигуровъ и грековъ, а въ Лангедокѣ—кельтовъ и германцевъ. Въ Каталоніи смѣсь еще больше: фи-

никіяне и карѳагеняне, греки и массиліоты, римляне, арабы, норманны, французы, евреи—всѣ внесли свою долю въ составъ каталонской народности. На югѣ Каталоніи, въ Валенсіи, примѣсь мавританской крови также значительна, если еще не больше, чѣмъ въ Андалузіи. Но на всемъ этомъ пространствѣ господствуетъ одинъ языкъ, разбитый, правда, на большое число нарѣчій. Главныхъ изъ нихъ въ Испаніи три: каталонское, которымъ говорятъ въ провинціяхъ Барселонѣ, Жиронѣ, Леридѣ и Таррагонѣ. Нарѣчіе это обладаетъ богатою литературой и имъ говорятъ всѣ сословія, такъ что кастильскій языкъ служитъ только для сношеній съ испанцами другихъ провинцій, для оффиціальной переписки, для преподаванія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Второе нарѣчіе, валенсійское, распространенное въ провинціяхъ Кастелланѣ, Валенсіи, отчасти и въ Аликанте, несмотря на изобиліе мавританскихъ словъ, наиболѣе походитъ на языкъ трубадуровъ. Въ Валенсіи высшія сословія уже большею частью приняли кастильскій языкъ, но весь народъ еще говоритъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Третье нарѣчіе каталонскаго языка, майорканское, удержалось на Балеарскихъ островахъ въ наибольшей чистотѣ и всего менѣе вытѣснено кастильскимъ.

Наконецъ, четвертое господствующее племя, кастильское, по своему составу также очень сложно. Оно заключаетъ болѣе кельтскихъ и германскихъ элементовъ, чѣмъ каталонское, а въ южной своей области, въ Андалузіи, еще очень значительную примѣсь арабовъ и берберовъ. Кастильскій языкъ наиболѣе разработанъ литературно и онъ же служитъ общимъ оффиціальнымъ языкомъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во всемъ судопроизводствѣ, кромѣ тѣхъ изъ баскскихъ округовъ, которые еще судятся по своимъ мѣстнымъ правамъ (*фуэросомъ*), подъ деревомъ «Герники». Изъ нарѣчій кастильскаго языка, андалузское, по обилію мавританскихъ словъ, представляетъ довольно значительныя отличія отъ литературнаго языка.

По физическому типу различія населеній весьма значительны по окраинамъ, но на центральныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, напротивъ, постепенно смягчаются и представляютъ всевозможные переходы между болѣе опредѣленными типами. Въ общемъ можно сказать, что ростъ людей становится ниже отъ сѣвера къ югу, но и на югѣ въ горныхъ округахъ онъ выше, чѣмъ въ равнинахъ. Голова вообще больше и короче на сѣверѣ и на западѣ, т. е. тамъ, гдѣ примѣсь кельтомъ значительнѣе. Страннымъ образомъ на возвышенностяхъ между Эбро и Гвадалквивиромъ нерѣдко встрѣчается косозубіе (прогнатизмъ), считающееся признакомъ африканскихъ расъ и наиболѣе развитое у негровъ *). Быть-можетъ во время процвѣтанія рабства негровъ въ Испаніи, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, кастильцы, какъ господствующее племя, держали наибольше рабовъ и наи-

*) *Tubino:* „Essay d'une Anthropologie sociale“.

больше съ ними смѣшались. Въ Португаліи по крайности значительная примѣсь негрской крови къ мѣстному населенію считается доказаннымъ фактомъ *).

Въ мадридскомъ Антропологическомъ музеѣ существуетъ интересная коллекція череповъ изъ различныхъ провинцій, изученіе которой очень поучительно, ибо можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на значеніе рѣзкихъ національныхъ особенностей и письменныхъ отличій. Нужно сознаться, что въ сущности всѣ испанскіе черепа меньше и хуже развиты, чѣмъ французскіе. Но и между ними есть большія различія. Черепа басковъ широки, но поразительно плоски. Народъ этотъ, впрочемъ, далеко не глупый, отличается живостью и въ то же время большою солидностью характера, но почти никогда не даетъ личностей съ сколько-нибудь выдающимися способностями. Среди басковъ не бываетъ великихъ поэтовъ, ораторовъ, артистовъ. Совершенно противуположный баскамъ типъ имѣютъ черепа андалузцевъ. Они очень длинны и довольно высоки, но при этомъ чрезвычайно узки. Какъ извѣстно, характеръ ума андалузцевъ отличается живой воспріимчивостью и большою талантливостью, но при этомъ очень часто полнымъ отсутствіемъ всякой глубины и серьезности. Черепа кастильцевъ представляютъ средній типъ наиболѣе уравновѣшенный и въ то же время и наиболѣе развитой, за исключеніемъ развѣ еще череповъ каталонцевъ. Осмотръ подобной коллекціи череповъ, если только придавать хоть какое-либо значеніе новѣйшимъ антропологическимъ изслѣдованіямъ, можетъ объяснить вліяніе иныхъ историческихъ фактовъ и способствовать правильному пониманію взаимныхъ отношеній народностей. Если дѣйствительно разностороннему гармоническому развитію всѣхъ частей головнаго мозга соотвѣтствуетъ такое же развитіе ума и характера, то не удивительно, что кастильцы должны были одержать побѣду надъ остальными народностями, несмотря на то, что политическая организація басковъ была уравновѣшеннѣе и справедливѣе, а также несмотря и на то, что каталонцы и андалузцы были образованнѣе, талантливѣе и живѣе.

II.

Каталонцы, ихъ страна и культура.

Доѣхавши до Перпиньяна, имѣемъ полное право сказать, что находимся въ Испаніи, не заботясь о политической границѣ. Городъ этотъ въ полномъ смыслѣ слова представляетъ собою переходный пунктъ между двумя странами, и притомъ переходъ этотъ, еще внутри границъ Франціи, есть самый рѣзкій изъ всѣхъ встрѣчающихся на пути отъ Ниццы до Валенсіи. Самый городъ уже совсѣмъ непохожъ на французскіе. Дома всѣ оштукатурены и большею частью выкрашены въ пестрые цвѣта, но еще боль-

---

*) См. *Reclus*, т. I, стр. 921.

шее различіе представляетъ внутреннее убранство церквей. Я долженъ сознаться, что перпиньянскій соборъ мнѣ очень понравился, хотя онъ именно представляетъ собою напыщенный испанскій характеръ церковной архитектуры. Золота, серебра, иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ тамъ столько же, какъ и въ самыхъ богатыхъ православныхъ церквахъ. Кромѣ того всѣ стѣны, отъ низу и до самаго верха, покрыты фресками, довольно хорошими; но самое оригинальное—это громадное количество статуй, одѣтыхъ и раскрашенныхъ. Каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, правда, очень некрасива, но когда ими наполнена вся церковь, то, при фантастическомъ освѣщеніи сквозь разноцвѣтныя стекла, картина становится очень эффектна. Конечно, во всемъ этомъ не можетъ быть и рѣчи о строгой красотѣ, подобной, напримѣръ, миланскому собору, но на мало образованныхъ и сильно вѣрующихъ людей такія церкви должны производить необыкновенно-торжественное впечатлѣніе.

Дорога отъ Перпиньяна до Барселоны представляетъ все время рядъ самыхъ блестящихъ картинъ. По выѣздѣ, на крутомъ поворотѣ, вдругъ показываются Пиренеи, и притомъ не постепенно, не издали выходятъ онѣ за меньшими горами, но разомъ стоятъ передъ глазами въ лицѣ одного изъ крупнѣйшихъ представителей всей цѣпи—Mont Canigou, возвышающагося до 2.785 метровъ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть гору, которая бы такъ внезапно и рѣзко возвышалась на такую высоту надъ равниной и гдѣ бы снѣжная линія обозначалась такъ отчетливо и правильно. Немного болѣе чѣмъ до половины Канигу́ покрытъ лѣсомъ и лугами, а потомъ вездѣ почти на равной высотѣ начинается сплошной снѣгъ, блестящій отъ солнца, въ то время какъ нижняя часть горы остается матовой. Далѣе продолжается цѣпь вершинъ такой же высоты, но Канигу стоитъ отдѣльно и потому особенно эффектенъ. Подвигаясь дальше и оставляя за собою главную цѣпь Пиренеи, чувствуешь, какъ ужасный севеннскій вѣтеръ слабѣетъ и воздухъ становится хотя почти не теплѣе, но за то какой-то необыкновенно мягкій. Растительность принимаетъ болѣе опредѣленный южный характеръ, не потому, впрочемъ, чтобы въ южной Франціи не могли расти почти всѣ растенія Испаніи, но оттого именно, что они тамъ только могутъ существовать при извѣстномъ уходѣ, въ Испаніи же растутъ сами собою. Поэтому дикорастущая флора Испаніи сейчасъ же отличается большимъ количественнымъ отношеніемъ южныхъ растеній къ другимъ. Такому впечатлѣнію много способствуетъ еще обычай обсаживать дороги столѣтниками (агавами).

Хотя Пиренеи немного ниже Альпъ, но относительная ихъ высота надъ равниной скорѣе даже больше и общая картина горной цѣпи не менѣе величественна. Но характеръ вершинъ совсѣмъ иной. Пиренеи оканчиваются обыкновенно острыми вершинами, но очень рѣдко голыми скалами, подобно Альпамъ. На югѣ растительность въ горахъ подымается выше и потому, за исключеніемъ очень высокихъ пиковъ, всѣ вершины

Пиреней еще покрыты лѣсомъ. Лѣса въ испанской части Пиренейскихъ горъ пока еще главнымъ образомъ государственные. Часть изъ нихъ лѣтъ 15 тому назадъ была распредѣлена между общинами и отдается долями частнымъ лицамъ въ аренду для эксплоатаціи, но не продается въ полную собственность. Такимъ образомъ лѣса въ Пиренеяхъ не истребляются и все-таки приносятъ около 5% дохода.

Громадное различіе сельскохозяйственной культуры, поразившее меня при въѣздѣ въ департаментъ Восточныхъ Пиреней, становится въ Каталоніи еще замѣтнѣе. На всемъ разстояніи до Барселоны, кромѣ высочайшихъ вершинъ, я не видалъ пространства невоздѣланной земли величиною въ десятину. Виноградники доходятъ до такой высоты и притомъ на самыхъ крутыхъ склонахъ, что часто трудно бываетъ разсмотрѣть, гдѣ они прекращаются. Между тѣмъ въ южной Франціи, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Монпелье, небольшіе холмы, покрытые соснами, такъ-называемыя пинеды, или особымъ кустарникомъ chêne liège, и въ такомъ случаѣ именуемые гарртами, остаются безъ всякой культуры. Долины въ Каталоніи также сплошь засажены частью виноградомъ, частью фруктовыми деревьями, остальное же засѣяно хлѣбомъ, обыкновенно пшеницей чистой или смѣшанной съ рожью. Не рѣдко грядка винограда чередуется съ грядкой пшеницы; но особенно поражаютъ сравнительно большія пространства, засаженныя бобами, люпинусами и другими растеніями изъ семейства мотыльковыхъ. Много также прекрасныхъ сѣнокосовъ изъ эспарцета и клевера, частью обыкновеннаго пурпурнаго, частью же другаго, кровянокраснаго, котораго прежде мнѣ не случалось видѣть. Красота каталонскихъ пейзажей необыкновенно разнообразна и это зависитъ отъ того, что между горами, острыми и крутыми, пролегаютъ не узкія долины, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но болѣе или менѣе обширныя равнины. Такимъ образомъ почти вездѣ одновременно съ горнымъ характеромъ мѣстности все-таки есть обширные открытые виды. При вполнѣ южномъ характерѣ растительности, въ Каталоніи нѣтъ и слѣда того раскаленнаго, высушеннаго тона, какой встрѣчается въ южной Франціи и Италіи; напротивъ, здѣсь зелень густая и свѣжая, какъ на сѣверѣ, и только своими свѣтлыми оттѣнками, на большомъ разстояніи, когда нельзя различить породъ, изобличаетъ свой южный характеръ.

Несомнѣнно, главная причина такого блестящаго состоянія культуры— это орошеніе, начинающееся еще передъ Перпиньяномъ и, съ небольшими перерывами, продолжающееся до Валенсіи и еще дальше на югъ. Всѣ равнины Каталоніи изрѣзаны углубленіями двоякаго рода: каналами и дорогами, которые издали трудно отличить, такъ какъ большая часть проселочныхъ дорогъ углублена въ почву, иногда почти на сажень. По этой дорогѣ болотъ уже нигдѣ нѣтъ, кромѣ весьма небольшихъ около города Санта-Калама де-Фарнесъ, который извѣстенъ своимъ неудовлетворительнымъ санитарнымъ состояніемъ.

Одинъ молодой испанскій литераторъ, съ которымъ я познакомился въ Барселонѣ, на мое замѣчаніе о превосходствѣ испанской агрономической культуры надъ французской, отвѣчалъ мнѣ: «Не спѣшите восхищаться,—Испанія страна дикости и нищеты, но окружена она каймою цивилизаціи и богатства». Впослѣдствіи, имѣя по цѣлымъ суткамъ передъ глазами вполнѣ пустынныя равнины Манчи и обѣихъ Кастилій, я убѣдился въ полной справедливости этого выраженія. Но въ Каталоніи, къ счастью, эта кайма широкая. Горы далеко отходятъ отъ моря, верстъ на 20—30, даже на 50, да притомъ и самыя горы побѣждены культурой. Онѣ изрѣзаны террасами, засажены виноградомъ и фруктовыми деревьями вездѣ, гдѣ только представляется къ тому хоть малѣйшая возможность. Климатъ—теплый, ясный и довольно сухой—дозволяетъ расти винограду на такихъ высотахъ, какъ, вѣроятно, нигдѣ въ Европѣ. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ у самаго подножія послѣднихъ отроговъ Пиреней, любуешься прекрасною картиной. Съ одной стороны блестящее синее море глубокими заливами врѣзывается въ материкъ, окаймленный круто спадающими въ воду красными скалами. Съ противоположнаго бока, сколько глазъ обхватитъ, всѣ холмы и горы покрыты до половины своей высоты свѣтлою зеленью виноградниковъ, а выше вдругъ, безъ всякаго перехода черезъ иную растительность, слѣдуютъ, почти черные отъ контраста, сосновые лѣса. Между Перпиньяномъ и Жироной на каждой почти изъ большихъ вершинъ—замокъ, сторожевая башня противъ сарациновъ, или каплица, и невольно удивляешься настойчивости и искусству населенія, которое на такихъ высотахъ, частью почти недоступныхъ, могло воздвигнуть столько зданій, замѣчательныхъ не только по величинѣ, но и въ архитектурно-художественномъ отношеніи.

Впрочемъ не слѣдуетъ и удивляться такой усиленной культурѣ здѣшней мѣстности. Каталонцы съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ считаются самыми трудолюбивыми и самыми искусными работниками въ Испаніи. «Каталонецъ и камень превратитъ въ хлѣбъ»—говоритъ пословица, противъ которой никто не будетъ спорить, кто видѣлъ, на какихъ дикихъ скалахъ небольшія пространства, огороженныя и поддержанныя каменными стѣнами, засѣяны пшеницей.

Каталонцы и по лицу, и по костюму, особенно по послѣднему, значительно отличаются отъ своихъ южно-французскихъ соплеменниковъ. Очень многіе мужчины носятъ на головѣ фригійскій колпакъ, красный, точь-въ-точь такой, въ какомъ рисуютъ Французскую республику и который недавно еще былъ строго запрещенъ во Франціи, какъ эмблема радикализма. На ногахъ они носятъ, какъ и большая часть испанцевъ, сандаліи, состоящія изъ плотной веревочной подошвы и перекрестной тесьмы черезъ верхнюю поверхность ноги для поддержки подошвы. Большая часть крестьянъ имѣютъ уже чулки, но нѣкоторые носятъ сандаліи и на босую ногу, между прочимъ даже солдаты, и это по формѣ, что кажется очень стран-

нымъ при общей обмундировкѣ, похожей на французскую. Крестьяне ходятъ частью въ блузахъ, но больше въ курткахъ изъ грубаго бархата, и опоясаны широкими цвѣтными шерстяными кушаками. Женскій костюмъ менѣе характеренъ: платье темнаго цвѣта и свѣтлый платокъ на головѣ. На сѣверѣ Каталоніи какъ женщины, такъ и мужчины имѣютъ пристрастіе къ матеріямъ огненно-краснаго цвѣта въ клѣткахъ. Женщины, даже высшихъ сословій, носятъ ихъ на плечахъ, а мужчины въ видѣ галстуховъ. Ростомъ каталонцы выше и сложеніемъ крѣпче провансальцевъ, но лицомъ гораздо хуже и мужчины, и женщины. Вообще у нихъ лица большія, грубыя, съ крупными носами. У крестьянъ, несмотря на здоровый складъ тѣла, лица вообще утомленныя и рано покрываются морщинами. Они впрочемъ имѣютъ скорѣе видъ людей утомленныхъ трудомъ, чѣмъ больныхъ. Этому нельзя и удивляться, сравнивъ усиленную каталонскую культуру съ культурой южной Франціи. Несмотря на этотъ утомленный видъ, въ каталонцахъ поражаетъ ихъ живость, и притомъ не столько въ разговорахъ, сколько въ движеніяхъ. Говорятъ они не больше и не быстрѣе южныхъ французовъ, но не могутъ спокойно сидѣть на мѣстѣ въ вагонѣ, постоянно вскакиваютъ, смотрятъ въ окно и вообще имѣютъ видъ людей очень любопытныхъ, напоминая своими манерами немного нашихъ южно-русскихъ евреевъ. Такою живостью каталонцы отличаются не только въ молодости, но и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Во всемъ у нихъ однако замѣтно, что они люди уже давней цивилизаціи. Совершенство здѣшней культуры могло быть вызвано только ея продолжительностью и кромѣ того только при достаточно-густомъ населеніи и съ очень раздробленнымъ землевладѣніемъ крестьянъ-собственниковъ. Какъ увидимъ дальше, всѣ эти условія дѣйствительно существуютъ въ Каталоніи.

Первенство каталонцевъ въ Испаніи не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ. Можно сказать даже, что въ другихъ отношеніяхъ, наприм. въ фабрично-промышленномъ и въ торговомъ, Каталонія еще рѣшительнѣе идетъ впереди всѣхъ остальныхъ провинцій. Въ настоящее время только въ четырехъ сѣверныхъ провинціяхъ существуетъ болѣе 700 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, на которыхъ занято 104.000 рабочихъ. Бумажныхъ нитокъ производится 17.500.000 килограммовъ, а тканей 200.000.000 метровъ *).

Почти всѣ города Каталоніи носятъ фабричный характеръ, и когда подъѣзжаешь къ нимъ, то прежде всего бросаются въ глаза высокія черныя трубы и длинныя казарменныя строенія съ безчисленными окнами. Но фабрики въ Испаніи не придаютъ городамъ того мрачнаго вида, который онѣ имѣютъ въ Англіи или въ Бельгіи. Работа на фабрикѣ среди вѣчнаго тумана, густаго угольнаго дыма, сырости, въ холодномъ климатѣ

*) *Reclus*, т. I, стр. 829.

гораздо тяжелѣе и болѣе вредитъ здоровью, чѣмъ тамъ, гдѣ она производится при открытыхъ окнахъ, окруженная густою, чуть не тропическою, растительностью, и гдѣ на одинъ дождливый день приходится по крайней мѣрѣ семь ясныхъ. Тамъ, столь важные на сѣверѣ, вопросы объ осушеніи помѣщеній, о вентиляціи отступаютъ на задній планъ. Кромѣ того, каталонскіе рабочіе не принадлежатъ къ числу людей, дозволяющихъ эксплоатировать себя безропотно. Барселона была уже свидѣтельницей безчисленныхъ стачекъ, мелкихъ бунтовъ и нѣсколькихъ настоящихъ революцій. Соціальное движеніе въ Испаніи сильно и теперь, несмотря на всѣ строгости, имѣетъ наибольшую силу, послѣ Андалузіи, именно въ Барселонѣ. Правительство очень боится и сильно не любитъ этотъ городъ, работящій, шумный и веселый, и съ двухъ сторонъ грозитъ ему крѣпкими цитаделями, менѣе дѣйствительными для защиты порта, чѣмъ для усмиренія жителей.

Барселона, по выраженію Сервантеса, «городъ единственный, мѣстопрбываніе любезности и отечество храбрыхъ людей», дѣйствительно очень красивый городъ. По внѣшнему характеру своему Барселона совершенно современный европейскій городъ, съ широкими прямыми улицами, обсаженными громадными платанами, съ блестящими кафе и магазинами, съ необыкновенно роскошнымъ базаромъ цвѣтовъ и съ постояннымъ уличнымъ оживленіемъ всѣхъ большихъ городовъ юга. Барселонскій портъ, по движенію своему первый въ Испаніи, замѣчателенъ также по чистотѣ и порядку, которые въ немъ господствуютъ. Онъ могъ бы служить примѣромъ для другихъ большихъ приморскихъ городовъ юга, напр. Марсели или Генуи, которые въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ Барселоны. Но главная слава Барселоны—это ея художественное и умственное движеніе. Театры ея—первые въ Испаніи не только по величинѣ, но и по качеству артистовъ; университетъ всегда переполненъ студентами; медицинскій факультетъ стоитъ на уровнѣ современнаго знанія, чего нельзя сказать объ остальныхъ медицинскихъ факультетахъ Испаніи, сравнительно очень многочисленныхъ. Число литературныхъ обществъ и клубовъ довольно значительно и нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ прекрасными помѣщеніями и очень хорошими библіотеками, какъ я могъ въ томъ убѣдиться лично, такъ какъ иностранцы съ величайшею любезностью допускаются къ занятіямъ. Изысканная любезность и гостепріимство впрочемъ не составляютъ спеціальной черты каталонцевъ, но, насколько я могъ убѣдиться вообще, хотя и въ другихъ формахъ, присущи всѣмъ испанцамъ. Говорятъ впрочемъ, что аррагонцы характера надменнаго, но насколько это справедливо, я не знаю.

Будучи вообще однимъ изъ важнѣйшихъ научныхъ и литературныхъ центровъ въ Испаніи, Барселона въ послѣднее время опять стала главнымъ пунктомъ возрожденія литературы спеціально каталонской. Судьба этой литературы, нѣсколько разъ падавшей и потомъ опять возрождав-

шейся, тѣсно связана съ очень сложной исторіей каталонской народности, которой мы здѣсь касаться не можемъ, но о которой должны сказать, что она особенно замѣчательна по той энергіи и тѣмъ примѣрамъ самопожертвованія, которые каталонцы всегда обнаруживали при отстаиваніи своей мѣстной независимости. Сколько живучести въ этомъ народѣ, видно изъ того, что въ нѣсколько десятковъ послѣднихъ лѣтъ, при облегчившихся обстоятельствахъ, каталонская литература, совершенно было погибшая послѣ разрушенія Барселоны въ 1714 году, достигла снова такого процвѣтанія, что насчитываетъ до трехсотъ нынѣ живущихъ писателей *). При этомъ тутъ вовсе не входятъ въ счетъ литераторы каталоно-провансальскаго языка, живущіе во Франціи, но только испанцы, пишущіе на трехъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: каталонскомъ, валенсійскомъ и болеарскомъ.

Въ теченіе своей перемѣнчивой судьбы каталонская литература имѣла три главныхъ періода процвѣтанія. Первый изъ нихъ обыкновенно зовутъ провансальскимъ, второй собственно каталонскимъ и третій валенсійскимъ.

Первая изъ этихъ эпохъ начинается съ конца XII столѣтія и продолжается по начало XIII-го, вторая—съ конца XIII-го столѣтія и третья—начиная съ XV-го до XVII-го.

Когда именно сложился каталоно-провансальскій языкъ въ формы подобныя нынѣшнимъ, доподлинно неизвѣстно. Есть однако указанія на то, что начало его очень древнее. Въ то время, когда Цезарь явился въ Испанію, въ бывшей греческой колоніи Эмпоріи существовало три языка: греческій, латинскій и мѣстный. Цезарь призналъ законнымъ употребленіе только двухъ послѣднихъ языковъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ и приказалъ грекамъ отказаться отъ ихъ роднаго языка и также изъясняться на латинскомъ или на языкѣ страны **). Тѣмъ не менѣе извѣстно, что даже между IX-мъ и XII-мъ столѣтіемъ языкъ каталонцевъ еще не успѣлъ сложиться и мало походилъ на теперешній. Въ литературныхъ произведеніяхъ IX-го и X столѣтія, писанныхъ по-латыни, встрѣчаются только отдѣльныя каталонскія выраженія, а въ концѣ X-го и въ XI уже цѣлыя фразы и изреченія. Въ XII-мъ столѣтіи многіе отрывки изъ твореній трубадуровъ написаны уже чисто по-каталонски.

Въ тѣ времена связь между береговыми жителями Средиземнаго моря была очень сильная, и притомъ связь преимущественно не политическая, а именно культурная. Не удивительно поэтому, что, за незначительными мѣстными видоизмѣненіями, всѣ эти народности говорили однимъ общимъ языкомъ, тѣмъ, который господствовалъ на «турнирахъ трубадуровъ» и на «судахъ любви». Границы его распространенія шли отъ Аликанте въ

---

*) *Victor Balagner*: „La literatura catalona“. Madrid. 1875, стр. 14.
**) Idem.

Испаніи до Марсели и даже далѣе, до первыхъ генуэзскихъ поселеній. Въ настоящее время различія стало больше: во Франціи только обитатели Руссильона (восточныхъ Пиреней) говорятъ почти чистымъ каталонскимъ нарѣчіемъ, напротивъ жители Прованса выработали собственную литературу, а обитатели Лангедока въ послѣднее время также сильно трудятся надъ созданіемъ своей мѣстной письменности. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ единство стараго литературнаго каталонскаго языка нарушено, письменность ближе придерживается современныхъ мѣстныхъ говоровъ простаго народа и вмѣсто одной каталоно-провансальской литературы существуетъ по меньшей мѣрѣ пять: двѣ во Франціи и три въ Испаніи.

Первый періодъ каталонской литературы слѣдуетъ назвать провансальскимъ не только въ виду полнаго тогда единства языка, но также и потому, что литературная иниціатива вышла изъ Прованса. Большинство первыхъ трубадуровъ были провансальцы и когда, вслѣдствіе брака Романа Беретера III Барселонскаго съ дольче провансальской, обѣ страны соединились политически, то и литературы ихъ слились въ одну и вліяніе болѣе выработанной провансальской оказалось преобладающимъ.

Послѣ перваго изъ извѣстныхъ трубадуровъ, Гильома изъ Паутье, слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ происхожденіемъ частью изъ Прованса, частью изъ Католоніи. Съ объединеніемъ этихъ двухъ странъ усиливался и контрастъ между югомъ и сѣверомъ Франціи. Въ то время, правда, еще не существовало ни Франціи, ни Испаніи. Наслѣдники Карла Великаго властвовали на сѣверъ отъ Луары, надъ герцогствами Нормандіей и Бретаньей, надъ графствами Талтиньей и Анжу, между тѣмъ какъ весь югъ, т. е. герцогство Аквитанія и графства Овернь, Раду, Тулуза, Провансъ и др. были независимы и находились въ союзѣ съ Барселоной. Адальбертъ Тальяранъ, на притязаніе Гуго Капета навязать югу свою королевскую власть, отвѣчалъ вопросомъ: «кто назначилъ тебя королемъ?»—и былъ единодушно поддержанъ всѣми своими южными соплеменниками. Что касается до Испаніи, то большая часть ея территоріи еще находилась въ рукахъ мавровъ, за исключеніемъ небольшихъ королевствъ Кастиліи (Старой), Аррагона и Наварры и незначительнаго пространства на западѣ, изъ котораго со временемъ образовалась Португалія.

Между Парижемъ и Тулузой не существовало никакого сродства, за то, напротивъ, было очень близкое между Тулузой и Барселоной. На сѣверныхъ французовъ смотрѣли почти какъ на варваровъ, и не удивительно, что даже много позже Петрарка, этотъ «послѣдній изъ трубадуровъ», говоря о французахъ, выразился: «Теперь я понялъ, что они варвары, такъ какъ не пишутъ стиховъ и не понимаютъ языка Гомера».

Впрочемъ не только поэзія, но и весь общій уровень цивилизаціи на югѣ стоялъ гораздо выше. Особенно замѣчательны вѣротерпимость и мѣстная автономія, которыми отличались всѣ страны, населенныя каталоно-провансальскою народностью. Въ этомъ направленіи сліяніе съ Барселоной оказало особенно полезное дѣйствіе на Провансъ. Феодализмъ скоро осла-

бѣлъ, права городовъ были подтверждаемы графами или даже ими даровались болѣе свободныя конституціи по образцу каталонскихъ муниципалитетовъ; литература и поэзія не подвергались никакимъ стѣсненіямъ со стороны правительствъ и т. д. Равенство въ обращеніи между сословіями есть вообще одно изъ отличительныхъ свойствъ жителей юга, но тамъ, гдѣ, несмотря на существованіе мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, каждый городъ въ сущности былъ почти самостоятельною республикой, гдѣ каждый работникъ могъ свободно выражать свое мнѣніе на народныхъ собраніяхъ,—тамъ это равенство должно было еще болѣе упрочиться и войти въ нравы населенія. Особенно замѣчательно положеніе женщины въ этотъ счастливый періодъ жизни каталонскаго народа. Почти раба въ сѣверной Франціи, а также въ мавританскихъ калифатахъ, она пользовалась уваженіемъ и независимостью вездѣ, гдѣ господствовалъ языкъ трубадуровъ. Женщины предсѣдательствовали на праздникахъ, на турнирахъ, на судахъ любви и были даже судьями въ литературныхъ состязаніяхъ.

Но этотъ періодъ процвѣтанія былъ не дологъ. Настала мрачная эпоха крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ; хищныя и грубыя шайки сѣвера подъ предводительствомъ Симона де-Монфора наводнили югъ и огнемъ и мечомъ истребили всѣ блестящіе задатки тамошней цивилизаціи. Со смертью дона Педро Аррагонскаго на поляхъ Мурета, первый періодъ, провансальскій, литературы и общественной жизни юга долженъ считаться законченнымъ.

Но графство Барселона устояло противъ этого погрома и скоро даже стало оправляться. При Хайме (Jaime) I путемъ улучшенія мѣстнаго самоуправленія, учрежденія «совѣта ста», путемъ основанія высшихъ школъ (университетовъ) въ Леридѣ, Монпелье, Перпиньянѣ, Валенсіи и Польмѣ, введеніемъ каталонскаго языка въ законодательство и судопроизводство открытъ новый періодъ мѣстной литературы, самостоятельно каталонскій. Къ этому періоду относятся, между прочимъ, знаменитый ученый, философъ и алхимикъ Раймондъ Лугліо, Морфръ Эрменгутъ, авторъ «Катехизиса любви», подавшаго, какъ говорятъ, Данту первую мысль къ его «Божественной комедіи», и цѣлая плеяда писателей и трубадуровъ. имена которыхъ теперь конечно почти забыты, но въ то время пользовались громкою славой на всемъ романскомъ юго-западѣ.

Вмѣстѣ со смертью послѣдняго изъ графовъ барселонскихъ, дона Мартина Гуманнаго, извѣстнаго какъ одинъ изъ лучшихъ каталонскихъ ораторовъ, и съ присоединеніемъ Каталоніи, по рѣшенію ея народнаго представительства, къ Аррагонскому королевству, значеніе Барселоны, какъ интеллектуальнаго и литературнаго центра, стало понемногу падать, «Академія веселой науки» закрылась и поэтическая производительность каталонскаго народа перешла главнымъ образомъ въ Валенсію. Но здѣсь каталонская литература въ значительной степени утратила свой самостоя-

тельный характеръ. Аузіасъ Марчъ, такъ-называемый Валенсійскій Петрарка, извѣстный изъ поэтовъ этой школы, дѣйствительно былъ подражателемъ Петрарки, и вообще вліяніе итальянской поэзіи оказалось очень сильнымъ въ этотъ третій, валенсійскій, періодъ развитія каталонской литературы. Развитіе Кастильскаго государства, централизація и выгоды, сопряженныя съ служеніемъ оффиціальной литературѣ господствующаго языка еще болѣе способствовали паденію мѣстной словесности. Тѣмъ не менѣе почти двѣсти лѣтъ существовала и даже процвѣтала въ Валенсіи каталонская поэзія, прежде полнаго поглощенія ея кастильскою, первые толчки къ развитію которой были даны самими каталонцами. Политическія движенія, происходившія въ Валенсіи и Барселонѣ во время борьбы за сохраненіе каталонской независимости и окончившіяся сначала покореніемъ Валенсіи, а затѣмъ осадой и разрушеніемъ Барселоны въ 1714 году, нанесли окончательный ударъ существованію самостоятельной литературы въ этой провинціи въ теченіе пяти столѣтій, отъ 1213 до 1714 года, шедшей впереди всей Испаніи во всемъ, что касалось умственнаго развитія.

Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ 1714 года не слышно было о каталонской литературѣ. Нѣсколько отдѣльныхъ писателей старались, правда, снова вызвать въ ней жизнь, но всѣ усилія ихъ были совершенно безуспѣшны. Въ нынѣшнемъ столѣтіи первому удалось Антонію де-Капмани и Манналау, своими «Историческими Записками», плодомъ многолѣтнихъ трудовъ, снова возбудить интересъ къ литературѣ и исторіи Каталоніи. Нужно отдать также справедливость академіи историческихъ наукъ, которая, издавъ «Библіотеку каталонскихъ писателей» и давши этимъ путемъ сильный толчокъ къ знакомству съ старою литературой, способствовала наступившему, при облегченныхъ политическихъ условіяхъ нынѣшняго столѣтія, возрожденію современной каталонской литературы. Какъ мы уже видѣли, возрожденіе это пошло такъ быстро, что въ настоящее время существуетъ самостоятельно политическая и литературная пресса на каталонскомъ языкѣ, періодически назначаются литературно-поэтическія состязанія (inegos florales), какъ во времена процвѣтанія трубадуровъ, пишутся на каталонскомъ языкѣ даже научныя и спеціальныя сочиненія,—однимъ словомъ, существуютъ всѣ признаки, подающіе надежду, что самостоятельное существованіе этой провинціальной литературы теперь обезпечено *).

Ходъ политической и экономической жизни Каталоніи въ общемъ соотвѣтствовалъ ходу развитія ея литературы. Почти въ теченіе цѣлаго XVIII столѣтія Барселона была лишена всякаго политическаго вліянія въ Испаніи и такъ велико было ея униженіе, что горожане сами, какъ милости, просили уничтоженія своихъ послѣднихъ муниципальныхъ правъ**).

*) Ibid., стр. 18—59.
**) *Salvadar Sanpere y Miquel Barcelona*: „Son passat, present y porvenir.“ Barcelona. 1879 г., стр. 224.

Только эпоха борьбы за конституціонную свободу въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ которой каталонцы приняли самое живое участіе, дала случай Барселонѣ возобновить свою старую политическую традицію и стать рѣшительно на сторону свободы. Во время кратковременнаго существованія федеративной республики, послѣ отказа короля Амедея отъ престола, вліяніе каталонцевъ въ правительствѣ стало преобладающимъ. Предсѣдатель совѣта Пи и Маргалъ и четверо изъ министровъ были изъ Каталоніи. Такое явленіе, невиданное со времени объединенія и полнаго административнаго господства кастильцевъ, возбудило сильное негодованіе мадридской печати, стремившейся доказать, что каталонцы желаютъ завоевать Испанію, сдѣлать Барселону столицей на мѣсто Мадрида и т. д. Какъ извѣстно, это политическое вліяніе каталонцевъ продолжалось очень короткое время и въ настоящую минуту вся Испанія опять находится подъ гнетомъ централизованной администраціи, состоящей преимущественно изъ кастильцевъ. Но нельзя не признать, что если не въ политическомъ, то въ экономическомъ отношеніи каталонцы преобладаютъ въ большей части страны и что Барселона—промышленная и торговая столица Испаніи. Въ большей части городовъ Кастиліи богатѣйшіе купцы и фабриканты—каталонцы, а торговые обороты Барселоны и Валенсіи равняются оборотамъ всѣхъ остальныхъ городовъ страны. При этомъ движеніе барселонскаго порта растетъ очень быстро: въ 1868 году оно равнялось 1.236 судамъ съ грузомъ въ 263.608 тоннъ, а въ 1876 г.—уже 1.907 судамъ съ грузомъ въ 671.122 тонны. Въ одинъ первый семестръ 1877 года вошло 879 судовъ съ 359.989 тоннами, чѣмъ доказывается постоянство роста оборотовъ. Почти такъ же быстро развивается и береговое (каботажное) мореплаваніе. Вмѣсто 2.153 судовъ съ 118.301 тонной груза въ 1868 году уже было въ 1876 г. 4.344 судна съ 390.236 тоннами *).

Не удивительно, что при подобномъ оживленіи экономической стороны общественной жизни въ Каталоніи началось движеніе и въ литературѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Во всемъ этомъ движеніи теперь замѣчается сильное стремленіе сохранить и развить спеціально каталонскія черты, поднять жизнь провинціальную, оберечь себя отъ нивелирующаго вліянія всякой централизаціи. Посему движеніе это совершенно справедливо зовется каталонизмомъ, такъ какъ оно не есть ни собственно политическое, или научное, или литературное движеніе, а именно совокупность всѣхъ движеній, во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, составляющихъ оригинальность каталонской культуры. Мнѣ пришлось присутствовать на конференціи, читанной по поводу основанія большой ежедневной газеты на каталонскомъ языкѣ, «Diari Català», и эту конференцію, вмѣстѣ съ первымъ нумеромъ самой газеты, можно считать за програму болѣе или менѣе общую всему теперешнему каталонизму. Читавшій конференцію, одинъ

*) Ibid., стр. 255 и слѣд.

изъ редакторовъ «Каталонскаго ежедневника», началъ съ разсмотрѣнія обвиненія каталонцевъ въ сепаратизмѣ, въ стремленіи отдѣлиться отъ Испаніи и основать отдѣльное государство, быть-можетъ даже ей враждебное. Онъ указалъ на всю неосновательность подобныхъ обвиненій, происходящихъ отъ непониманія вопроса или отъ недоброжелательнаго смѣшиванія понятій о мѣстной автономіи, о свободномъ развитіи языка и литературы, съ понятіемъ объ отдѣльномъ политическомъ существованіи. По его словамъ, каталонская передовая партія вовсе не желаетъ отдѣленія отъ родственныхъ племенъ, составляющихъ вмѣстѣ съ нею общее отечество, Испанію, но только желаетъ добиться полной свободы для развитія тѣхъ изъ народныхъ особенностей католонцевъ, которыя, какъ, напримѣръ, языкъ и литература, необходимы для сохраненія ихъ народной оригинальности. Во всемъ остальномъ каталонизмъ сливается съ обыкновеннымъ понятіемъ о федерализмѣ и демократіи. Мы хотимъ,—говорится въ программѣ *),—идти впередъ рѣшительно во всемъ, въ наукѣ и въ религіи, въ искусствахъ и въ политикѣ, но въ то же время мы всегда будемъ имѣть въ виду и спеціальную цѣль—возрожденіе нашей провинціальной жизни.

Возрожденіе это, впрочемъ, какъ мы видѣли, въ значительной степени уже началось. Муниципальное управленіе Барселоны—одно изъ самыхъ независимыхъ и просвѣщенныхъ не только въ Испаніи, но на всемъ югѣ Европѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ достигнуты уже удовлетворительные результаты. Народное образованіе, особенно высшее и среднее, достигло въ Каталоніи сравнительно широкаго распространенія. Кромѣ университета, въ Барселонѣ есть и спеціальныя учебныя заведенія, одиннадцать обществъ для народнаго образованія, восемь академій, девять благотворительныхъ учрежденій и пр.

Несмотря однако на богатство края и на усиленный трудъ каталонскихъ крестьянъ, въ городахъ еще много бѣдности и нищенство развито сильно, хотя далеко не такъ, какъ въ южной Испаніи. Кромѣ того большинство нищихъ въ Барселонѣ—дѣйствительные калѣки, что не удивительно при постоянныхъ войнахъ и революціяхъ въ Испаніи. Тѣмъ не менѣе значительное число нищихъ въ Барселонѣ оказывается особенно поразительнымъ, когда узнаешь, что благотворительность въ этомъ городѣ организована хорошо и въ широкихъ размѣрахъ. Госпиталей тамъ не менѣе 14, пріюты также находятся въ достаточномъ количествѣ. Къ сожалѣнію, самые большіе изъ госпиталей, напримѣръ, Santa Cruz, а также громадный пріютъ Caridad, добываютъ себѣ денежныя средства главнымъ образомъ путемъ продажи лотерейныхъ билетовъ. На каждомъ шагу, на большихъ улицахъ, стоятъ будки съ объявленіями и ежедневными курсами, около которыхъ народъ собирается толпою. Несомнѣнно, что это поддерживаетъ праздность и національную страсть испанцевъ къ игрѣ.

---

*) *Diari Català* 1879 г., *№-й 1.* Barcelona.

Такимъ образомъ оказывается, что госпитали и пріюты сами работаютъ для своего наполненія и даже увеличиваютъ зло, вмѣсто того, чтобы способствовать окончательному его искорененію.

Если Барселону можно справедливо считать интеллектуальнымъ центромъ всей Каталоніи, то въ отношеніяхъ политическомъ и экономическомъ южныя провинціи больше тяготѣютъ къ Валенсіи, городу еще несомнѣнно каталонскому, но уже значительно отличающемуся отъ Барселоны, по составу своего населенія, его нравамъ, по характеру его культуры, по степени его европейской шлифовки. Характеръ мѣстности южной части Каталоніи и образъ жизни сельскаго населенія также иные, чѣмъ на сѣверѣ. Правда, за небольшими перерывами, можно сказать, что вся Каталонія, отъ восточныхъ Пиреней до границъ провинціи Аликанте, представляетъ собою одинъ садъ по разнообразію и интенсивности культуры, но лучшая изъ гуэртъ, сплошь орошенная равнина, занимающая все пространство отъ моря до самыхъ горъ и засаженная фруктовыми деревьями, достигаетъ полнаго блеска только въ провинціяхъ Кастелланѣ и Валенсіи. На всемъ этомъ протяженіи горы далеко отступаютъ отъ берега, на 20 верстъ и болѣе, и необозримыя пространства покрыты одними апельсинными деревьями, вѣтви которыхъ въ началѣ мая гнутся подъ тяжестью почти спѣлыхъ уже апельсинъ. Мѣстами апельсинныя плантаціи смѣняются виноградомъ, оливками, персиковыми, абрикосовыми, гранатовыми деревьями. Все это—главные предметы здѣшней культуры. Хлѣбопашцы Валенсіи, пользуясь традиціями, перешедшими къ нимъ отъ мавровъ, а можетъ-быть еще и отъ римлянъ, задерживаютъ при выходахъ изъ долинъ всю воду, какъ текучую, такъ и атмосферные осадки, и спускаютъ ее въ бассейны, а оттуда распредѣляютъ для орошенія по всѣмъ плантаціямъ. Самая знаменитая изъ этихъ гуэртъ и есть именно долина Гвадалавіара, заключающая, между прочимъ, въ себѣ и городъ Валенсію. Здѣсь орошенія начались еще при римлянахъ, но были значительно усовершенствованы маврами. Восемь главныхъ каналовъ и безчисленное множество побочныхъ служатъ для распредѣленія воды, доводящей, при надлежащемъ удобреніи, производительность почвы до такой степени, что кукуруза достигаетъ до трехъ саженъ вышины, а сѣно на искуственныхъ лугахъ косятъ до 9—10 разъ въ годъ. Въ теченіе одного года успѣваютъ иногда произвести оборотъ изъ 4—5 посѣвовъ различныхъ растеній. Каналы проведены двумя способами, смотря по потребностямъ орошаемыхъ растеній. Для деревьевъ они обрамлены невысокими плотинками, которыя стоитъ прорѣзать въ какомъ-либо мѣстѣ, чтобы полить деревья, посаженныя нарочно для этого рядами въ небольшія углубленія. Пшеницу, напротивъ, орошаютъ сплошь и это удивительно ускоряетъ ея ростъ. Въ окрестностяхъ Валенсіи уже 4 мая, по новому стилю, я видѣлъ пшеницу выше человѣческаго роста, хотя она только-что выбрасывала колосъ. Говорятъ, что на этихъ орошенныхъ нивахъ пшеница даетъ средній урожай самъ 36, то-есть въ 6 разъ больше

чѣмъ въ южной Россіи и въ 4 раза чѣмъ на удобренныхъ поляхъ Англіи. Вслѣдствіе такого большаго расхода воды, почти всѣ рѣки восточнаго склона Испаніи, напримѣръ, Сегура, Хукаръ, Гвадалавіаръ, едва доводятъ до моря $^1/_7$ до $^1/_4$ общаго количества воды, получаемаго ими изъ горъ. Даже весною въ Гвадалавіарѣ такъ мало воды у его устья, что во время моего пребыванія въ Валенсіи на руслѣ рѣки, очень широкомъ въ стѣнахъ города, ежедневно производилось ученье кавалеристовъ.

Не менѣе богата и, быть-можемъ, еще тщательнѣе воздѣлана гуэрта, орошенная водами рѣки Хукара, протекающаго южнѣе Валенсіи. Мнѣ пришлось видѣть ее уже по дорогѣ изъ Валенсіи въ Мадридъ, отчасти въ провинціи Аликанте, извѣстной своимъ особенно жаркимъ климатомъ. Здѣсь культура риса преобладаетъ уже надъ другими хлѣбами, а въ южной, степной части, гдѣ климатъ чрезвычайно сухъ, финиковыя пальмы растутъ оазисами, въ нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ деревьевъ, почти такъ же хорошо, какъ и въ Африкѣ. Самая знаменитая изъ этихъ пальмовыхъ рощъ находится около Эльке, среди равнины, орошенной небольшою рѣчкой Виналопо, и содержитъ около 35.000 финиковыхъ пальмъ *). Эта роща составляетъ главный доходъ жителей, отправляющихъ плоды во Францію, а листья въ Италію и города внутренней Испаніи для празднованія Вербнаго Воскресенья.

Но не только характеръ мѣстности и растительности южныхъ провинцій Каталоніи значительно отличается отъ сѣверныхъ, но и жилища валенсійскихъ крестьянъ совершенно иныя. Вмѣсто, большею частью, двухъэтажныхъ, европейской архитектуры, домиковъ здѣсь видимъ низенькія хатки, правда каменныя, но совершенно выбѣленныя на подобіе малороссійскихъ мазанокъ. Онѣ также крыты соломой, только форма крыши иная: она всего въ два склона вмѣсто четырехъ, а съ боковъ фронтоны, на переднемъ изъ которыхъ обыкновенно поставленъ небольшой деревянный крестъ. Хаты эти очень малы, но удивительно чисто содержатся. Ставни и оконныя рамы часто выкрашены въ синій цвѣтъ и тогда очень напоминаютъ внѣшнимъ видомъ жилища молдаванъ въ южно-русскихъ поселеніяхъ. Внутреннее устройство жилищъ впрочемъ совершенно иное. Входъ очень большой и занимаетъ почти цѣликомъ одну изъ боковыхъ стѣнъ. Сѣней нѣтъ и входъ непосредственно продолжается въ комнату почти во всю длину постройки. Съ противоположной входу стороны однако есть еще отгороженныя пространства, повидимому, чрезвычайно малыя. Общее впечатлѣніе жилища заставляетъ предполагать большую бѣдность населенія, несмотря на богатство края. Главная причина—это тѣснота и черезчуръ малая величина участковъ въ орошенной гуэртѣ, между тѣмъ какъ вблизи, на плоскихъ возвышенностяхъ, почти никто не хочетъ жить, хотя и тамъ почва далеко не безплодна. Несмотря на тѣсноту, въ Ва-

*) *Reclus*, т. I, стр. 779.

ленсіи однако почти нѣтъ большихъ селъ,—напротивъ, крестьяне почти всѣ живутъ отдѣльными хуторами среди своихъ поземельныхъ участковъ.

Городъ Валенсія также гораздо оригинальнѣе Барселоны и носитъ уже совершенно южно-испанскій характеръ. Церкви, которыхъ очень много, по архитектурѣ представляютъ что-то среднее между мечетями и византійскими церквами. На большей части изъ нихъ синіе куполы съ золотыми ободками и рисунками и много лѣпной работы довольно хорошей. Внутренность собора вся выложена мраморомъ, размѣры его величественны, но архитектурный типъ слишкомъ смѣшанный.

Насчетъ жителей Валенсіи у сосѣдей ходятъ двѣ поговорки, одна другой противуположныя и повидимому обѣ далеко не вполнѣ справедливыя. Первая изъ нихъ гласитъ: «Рай гуэрты населенъ дьяволами» и намекаетъ на крайнюю вспыльчивость и жестокость валенсійцевъ. Вторая, болѣе насмѣшливая, вѣроятно вызвана завистью къ ихъ усовершенствованной культурѣ и къ богатымъ урожаямъ благодаря орошенію: «Въ Валенсіи, говорятъ сосѣди, мясо—трава, а трава—вода; мущина тамъ—женщина, а женщина—ничто».

Пробывъ всего нѣсколько дней въ Валенсіи, я конечно не могу судить о нравственномъ характерѣ ея жителей; но что касается ихъ внѣшняго вида и темперамента, то несомнѣнно, что вторая поговорка совершенно ложна въ томъ, что касается до людей. Валенсійцы по наружности худощавы, очень стройны, съ довольно темнымъ цвѣтомъ лица, черными блестящими глазами. Какъ мужчины, такъ и женщины довольно красивы, но красота ихъ уже совершенно не европейская, да и въ сущности элементы африканскіе (иберы, берберы) и семитскіе (финикійцы, кареагеняне, мавры) у нихъ рѣшительно преобладаютъ надъ европейскими (кельтами, римлянами, визиготами). По темпераменту они люди живые, энергичные и притомъ трудолюбивые. Въ послѣднемъ отношеніи они далеко превосходятъ своихъ южныхъ сосѣдей, обитателей Мурсіи. Особенно распространено въ Валенсіи пѣніе народныхъ пѣсенъ, которыми Испанія вообще гораздо бѣднѣе Италіи, а искусство въ танцахъ составляетъ даже нѣкотораго рода спеціальность и большая часть испанскихъ хореграфическихъ знаменитостей родомъ изъ Валенсіи.

Насчетъ жестокости валенсійцевъ и ихъ страсти къ кровопролитію разсказываютъ самыя невѣроятныя вещи. Такъ, наприм., увѣряютъ, что были случаи, когда, за неимѣніемъ быковъ для боя, нѣсколько молодыхъ людей рѣшались изображать изъ себя быка, лошадей и тореадаровъ. Тому изъ нихъ, который представлялъ быка, съ двухъ сторонъ головы привязывали по испанскому складному ножу (novaja) вмѣсто роговъ, а матадору давали такой же ножъ въ руки. Бой велся строго, по всѣмъ правиламъ обыкновеннаго боя быковъ, и оканчивался пролитіемъ цѣлыхъ ручьевъ человѣческой крови и смертью одного или нѣсколькихъ изъ участвующихъ. Все это дѣлалось при аплодисментахъ цѣлой толпы зрите-

лей. На жизнь здѣсь смотрятъ не болѣе какъ на игрушку, всѣ вооружены громадными новахами и за малѣйшимъ оскорбленіемъ слѣдуетъ дуэль на ножахъ. Бываетъ однако и еще хуже: убиваютъ людей изъ хвастовства или просто по найму. Два крестьянина заспорили объ искусствѣ въ стрѣльбѣ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ заряженное ружье и, увидѣвъ въ сосѣдней улицѣ незнакомаго прохожаго, сказалъ: «смотри, хорошо ли я цѣлю», выстрѣлилъ и убилъ человѣка *). Въ прежнее время Валенсія почти исключительно доставляла наемныхъ убійцъ къ мадридскому двору, гдѣ въ нихъ была большая потребность, а въ самомъ городѣ на базарѣ всѣ стѣны сосѣднихъ домовъ были покрыты крестами, соотвѣтствующими мѣстамъ убійствъ во время дракъ. Говорятъ, что даже теперь еще можно найти охотниковъ убивать за деньги и что этимъ не рѣдко пользуются для мести или изъ жадности, ради скорѣйшаго полученія наслѣдства. Всѣ эти разсказы, конечно, могутъ быть несправедливы и просто вызваны нелюбовью сосѣдей къ валенсійцамъ за ихъ горячій характеръ, за мавританскую внѣшность и проч. Къ сожалѣнію, однако, и статистика преступленій, все же болѣе достовѣрная, чѣмъ приведенные анекдоты, не говоритъ въ пользу жителей рая гуэрты, да и вообще всего каталонскаго племени.

По числу убійствъ двѣ валенсійскія провинціи, т. е. Кастелланъ и Валенсія, стоятъ во главѣ всѣхъ остальныхъ. По воровству только Кацересъ, Мадридъ и Сарагосса немного превосходятъ Валенсію. Провинціи населенныя басками, а также островитяне Болеаръ и Канарій занимаютъ послѣднія мѣста по числу преступленій. То же самое можно сказать и о провинціяхъ населенныхъ луаитанами. Валенсійцы до сихъ поръ больше похожи на мавровъ, чѣмъ на испанцевъ. Самый костюмъ ихъ рѣзко отличается отъ всѣхъ европейскихъ одеждъ и, вѣроятно, очень мало измѣнился за послѣднія десять столѣтій. Они носятъ широкіе, короткіе штаны изъ бѣлаго полотна, опоясаны очень широкими кушаками краснаго или фіолетоваго цвѣта; бархатные жилеты у богатыхъ покрыты серебряными монетами, на ногахъ сандаліи въ родѣ каталонскихъ, но вмѣсто чулокъ бѣлые суконные гетры, оставляющіе колѣна и нижній суставъ ногъ не покрытыми. Голову они обыкновенно брѣютъ и завязываютъ шелковымъ платкомъ яркаго цвѣта, сверхъ котораго носятъ шляпу низкой формы, украшенную лентами и розетками. Сверху почти всѣ носятъ еще пледы, но обыкновенно не шерстяные, какъ въ Каталоніи, но изъ очень толстаго полотна (рядовины), въ полосахъ разныхъ цвѣтовъ и съ длинной бахрамой, висящей до самой земли. Пледы эти по ткани и отчасти даже по узорамъ очень напоминаютъ простыя крестьянскія скатерти въ Малороссіи.

По разнообразію и пестротѣ костюмовъ, по оригинальности типовъ, по количеству сортовъ привозимой зелени и фруктовъ, базары города Валенсіи представляютъ собою одно изъ интереснѣйшихъ зрѣлищъ для пу-

*) *Edmondo de Amicis l'Espagne*. Paris, 1878 г., стр. 399.

тешественника. Очень непріятно поражаетъ только совершенно невѣроятное количество нищихъ, подобное которому мнѣ приходилось видѣть только въ Кіевской лаврѣ во время прихода богомольцевъ. Насколько можно судить по общему взгляду, нищіе составляютъ не менѣе 5% всей толпы, наводняющей улицы, а это чрезвычайно много, если принять во вниманіе, что въ Валенсіи благотворительность, судя по величинѣ помѣщеній и числу постелей, организована немногимъ хуже, чѣмъ въ Берселонѣ. Кромѣ лотерей здѣшніе госпитали добываютъ деньги содержаніемъ на откупѣ боя быковъ. Послѣднее средство въ Барселонѣ не существуетъ, такъ какъ тамъ вообще бои быковъ пришли въ совершенный упадокъ. Нельзя сказать также, чтобы Валенсія не представляла возможности для заработковъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ Барселона, этотъ городъ очень промышленный и въ немъ, какъ это часто бываетъ на югѣ, вслѣдствіе большей легкости жизни, рядомъ съ развитіемъ крупнаго фабричнаго производства удержалось еще и мелкое самостоятельное ремесло. Такъ какъ тамъ почти всѣ работаютъ на дворѣ или въ почти открытыхъ мастерскихъ, то мнѣ не трудно было скоро ознакомиться съ главнѣйшими видами валенсійскаго производства. Между ремесленниками очень много кузнецовъ и слесарей, производящихъ большею частью тѣ мелкія металлическія работы, которыми такъ славится Испанія. Производство часовъ въ Испаніи также имѣетъ главнымъ центромъ Валенсію и на главныхъ улицахъ ея часто попадаются большіе магазины, повидимому съ богатымъ запасомъ часовъ. Кромѣ того есть нѣсколько прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, фаянсовыхъ и гончарныхъ заведеній. Особенно бросается въ глаза значительное количество женщинъ, работающихъ въ небольшихъ мастерскихъ, почти на улицѣ, швейными машинами. Тѣсныя улицы Валенсіи съ ихъ высокими домами, съ постояннымъ стукомъ различныхъ машинъ и инструментовъ, съ толпою людей постоянно трудящихся и движущихся, представляется чѣмъ-то въ родѣ одной большой фабрики, а не рядомъ самостоятельныхъ жилищъ 110.000 населенія. Въ сущности оно такъ и есть, потому что торговля почти вся въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ, находящихъ пока еще болѣе выгоднымъ предоставлять ремесленникамъ работать у себя дома, чѣмъ затратить разомъ значительныя средства на устройство большихъ фабрикъ, покупку машинъ и на наемъ рабочихъ. Обороты Валенсійскаго порта, находящагося въ 4 километрахъ отъ города, въ мѣстечкѣ Грао, въ 1867 году дошли до 67.675.000 франковъ. Главные предметы вывоза: апельсины, шелковыя и шерстяныя ткани, фаянсы изъ Валенсіи и папиросная бумага, почти на всю Испанію, изъ города Алкоя. Ввозятъ всего болѣе перуанское гуано, потребляемое въ громадномъ количествѣ при интенсивной культурѣ гуэрты. Кромѣ того всѣ отношенія Испаніи съ ея колоніями, теперь уже довольно значительными, въ Алжиріи совершаются черезъ юго-восточные приморскіе города— Валенсію, Аликанте, Картагену, Альмерію.

Валенсійцы, вмѣстѣ съ басками, принадлежатъ къ немногимъ изъ подданныхъ нынѣшняго Испанскаго королевства, сохранившимъ кое-что изъ мѣстныхъ автономныхъ правъ, такъ-называемыхъ фуэросовъ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ распредѣленіе воды для орошенія и разборъ несогласій, происходящихъ по этому поводу, находится въ рукахъ мѣстныхъ общинъ. Но законодательная власть мѣстныхъ кортесовъ погибла послѣ жестокой междуусобной войны начала XVIII столѣтія, въ теченіе которой цѣлыя населенія были истребляемы: такъ, наприм., всѣ жители города Хативы, кромѣ нѣсколькихъ женщинъ и священниковъ, были перебиты кастильскими войсками до одного человѣка, а городъ сожженъ до тла. Память объ этихъ ужасахъ еще живетъ въ народѣ и вотъ главная причина того страннаго факта, почему валенсійцевъ, которые слывутъ республиканцами и радикалами, было такъ много въ рядахъ карлистовъ. Ненависть къ кастильскому правительству, защита фуэросовъ, которую Донъ-Карлосъ вынужденъ былъ выставить на своемъ знамени, были главными побудительными причинами для валенсійцевъ, а вовсе не преданность главѣ дома Бурбоновъ, окончательно разрушившихъ ихъ самостоятельность.

Изъ предыдущаго видно, что если жители Валенсіи еще остались почти маврами по своему типу, по костюму, можетъ-быть даже по своей жестокости и восточному равнодушію къ человѣческой жизни, за то они уже вполнѣ стали каталонцами по языку, по охотѣ и способности къ труду, не только хлѣбопашескому, но ремесленному и фабричному, по силѣ своего мѣстнаго патріотизма, по умѣнью сохранить хоть нѣкоторые остатки мѣстнаго самоуправленія и придать ему широкое значеніе. Смягченіе нравовъ и распространеніе образованія являются теперь главными элементами для прогресса валенсійскаго народа, природное умственное развитіе котораго, равно какъ и экономическая культура и теперь уже довольно высоки.

III.

Народности кастильскаго говора.

Еще по дорогѣ изъ Барселоны въ Валенсію мнѣ пришлось ознакомиться съ первыми кастильцами изъ народа. Это были солдаты, ѣхавшіе занимать гарнизонъ въ Тартозу. Большая часть изъ нихъ были очень молоды, иные почти дѣти, потому что, если не ошибаюсь, и до сихъ поръ еще берутъ въ Испаніи 18-ти-лѣтнихъ рекрутъ. Несмотря на молодость, меня поразило ихъ умѣнье держать себя, ихъ вѣжливость и сдержанныя манеры. Не было слышно въ вагонѣ ни дикихъ криковъ и пѣнія съ взвизгиваніемъ, какъ мнѣ случалось наблюдать у венгерскихъ гонведовъ, ни плоскихъ и сальныхъ остротъ, какъ у нѣмцевъ. Все время, напротивъ, шелъ ровный и веселый разговоръ солдатъ между собою или съ каталонскими крестьянами, и, прислушавшись, я былъ очень пораженъ узнавши,

что разговоръ идетъ о различіяхъ между Кастиліей и Каталоніей. Я зналъ, что мѣстный патріотизмъ сильно развитъ въ Испаніи, но не думалъ, чтобы даже въ простомъ народѣ эти вопросы возбуждали такой интересъ. Между тѣмъ они стали даже предметомъ народной поэзіи и одинъ изъ солдатъ скоро спѣлъ пѣсню, въ которой слова castillan и catalon постоянно повторялись должно-быть въ смыслѣ противорѣчія или сравненія.

Дѣйствительно, противоположность между Каталоніей и Кастиліей очень рѣзкая во многомъ, начиная съ самой страны. Всего замѣтнѣе эта разница при переѣздѣ изъ Валенсіи въ Мадридъ. Изъ Валенсіи я выѣхалъ вечеромъ, и такъ какъ по этой дорогѣ приходится переѣзжать приморскую равнину въ одномъ изъ самыхъ ея широкихъ мѣстъ, то-есть на пространствѣ около 60 верстъ, то поѣздъ шелъ цѣлыхъ два часа, пока совершенно не стемнѣло, среди роскошныхъ садовъ гуэрты Гвадалавіара и Хукара. Но какъ только мы стали подыматься въ гору, вмѣсто теплаго, пахучаго воздуха апельсинныхъ плантацій въ окна вагона по временамъ стала врываться очень свѣжая *трамонтана*, т. е. горный вѣтеръ, соотвѣтствующій южно-французскому мистралю. Окружающая мѣстность приняла видъ дикій и невоздѣланный. Въ это время стало совершенно темно и я заснулъ, но черезъ два часа проснулся отъ сильнаго холода. Вѣтеръ превратился почти въ бурю, но луна сильно свѣтила и ясно можно было различить, что поѣздъ двигался среди степи, похожей на наши новороссійскія равнины. Вездѣ было гладко, пусто, ни одного дерева, ни одной постройки и только издали виднѣлась цѣпь горъ, которыя казались теперь, съ плоской возвышенности, небольшими холмами, а не настоящими горами, какими онѣ были вчера при взглядѣ съ приморской равнины. Когда стало свѣтло, то я увидѣлъ, что степи Манчи и Новой Кастиліи сильно отличаются отъ южно-русскихъ и притомъ не въ свою пользу. Вмѣсто нашего тучнаго чернозема на нихъ почва если и не совсѣмъ безплодная, то чрезвычайно каменистая. Крестьяне вынуждены среди поля складывать камни въ громадныя кучи, такъ какъ ихъ болѣе дѣвать некуда. Всходы хлѣба показались мнѣ до смѣшнаго низкими и рѣдкими въ сравненіи съ тѣми, которые я видѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Несмотря на небольшую высоту мѣстности, менѣе 700 метровъ надъ уровнемъ моря, она представляла такой пустынный характеръ, что я удивился, увидѣвъ, наконецъ, нѣсколько виноградниковъ и оливковыхъ плантацій. Сильный холодъ, несмотря на май мѣсяцъ и на 38° широты, заставилъ меня забыть, что я все-таки нахожусь въ странѣ болѣе теплой, чѣмъ самыя южныя оконечности Россіи.

Съ подобнымъ степнымъ характеромъ, изрѣдка только прерываясь рядами скалистыхъ холмовъ, совсѣмъ голыхъ или поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, тянется мѣстность до самаго Мадрида, то-есть почти въ продолженіе 18 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Столько же почти продолжается эта степь и на сѣверъ отъ Мадрида. Это и есть та знаменитая

плоская возвышенность, которую испанцы приводятъ въ оправданіе бѣдности своего края и большей части своихъ невзгодъ. Что можетъ быть сдѣлано,—спрашиваютъ они,—въ странѣ усѣянной камнями, покженной солнцемъ, гдѣ постоянно бываютъ миражи какъ въ Сахарѣ, гдѣ на высотѣ 600—700 метровъ люди болѣютъ лихорадками, потому что вода, не находя достаточныхъ склоновъ въ почвѣ, застаивается и образуетъ болота? Кромѣ того вѣтры дуютъ въ степи съ такою силой, что жители вынуждены строить свои хаты не выше 2—2½ аршинъ подъ землею, съ плоскими крышами, безъ чердаковъ и безъ оконъ. За исключеніемъ немногихъ оазисовъ, порожденныхъ орошеніемъ, какъ напр. знаменитое королевское имѣніе Аранхуэзъ на берегахъ Тахо, вся остальная Манча и Новая Кастилія вдоль этой дороги представляютъ собою крайне грустную картину. Голые холмы, иногда покрытые вѣтряными мельницами, по преданію тѣми самыми, съ которыми сражался Донъ-Кихотъ; села и города съ домами такими низкими, что ихъ едва замѣтно на каменистой почвѣ, и между прочими Алказаръ де Санъ-Хуанъ, одинъ изъ семи городовъ, имѣющихъ претензію быть родиной Сервантеса; стада овецъ и муловъ съ выбритыми на лѣто спинами; посѣвы хлѣба столь рѣдкіе, что даже выкинувши колосъ они не прикрываютъ почвы; мѣстами небольшія болота: таковъ общій характеръ страны, населенной племенемъ, покорившимъ своей власти всю остальную Испанію.

Само собой понятно, что страна, настолько безплодная или по крайней мѣрѣ такъ плохо воздѣланная, не въ состояніи содержать густаго населенія, и дѣйствительно на всей центральной испанской возвышенности живетъ среднимъ числомъ всего по 23 человѣка на квадратномъ километрѣ, т. е. десятью меньше средняго числа для всей страны. Отсюда ясно, что густота населенія окраинъ по крайней мѣрѣ вдвое больше центра. Въ нѣкоторыхъ кастильскихъ провинціяхъ населеніе упало до 13 жителей на квадратномъ километрѣ. Мы говоримъ—упало, потому что есть основанія предполагать, что въ прежнія времена оно было гораздо гуще и страна была гораздо производительнѣе, чѣмъ теперь. Въ своемъ нынѣшнемъ состояніи Кастилія не могла бы занять того преобладающаго положенія въ жизни испанскаго народа, которое она теперь имѣетъ.

Судя по словамъ древнихъ писателей, долины Тахо и Гвадіаны были покрыты городами, пришедшими теперь въ совершенный упадокъ. Тахо былъ судоходенъ отъ Толедо до самаго моря. Эстремадура, теперь одна изъ пустыннѣйшихъ мѣстностей Испаніи, была очень населена во время римлянъ. Тамъ находилась колонія Августа Эмерита, самый значительный городъ на всемъ полуостровѣ. Въ Андалузіи (Бетидѣ) римляне, во время ея завоеванія, нашли цвѣтущіе города съ населеніемъ не только многочисленнымъ, но настолько образованнымъ, что оно обладало уже писанной исторіей *). Во время владычества мавровъ число жителей главныхъ

*) Въ Малагѣ, а недавно также въ Осунѣ (Colonia Julia Genetiva) найдены

городовъ въ калифатахъ Кордовы, Гранады и Севильи доходило отъ трехсотъ тысячъ до милліона.

Несомнѣнно, что истребленіе и изгнаніе мавровъ было одной изъ причинъ уменьшенія народонаселенія, но дѣйствовали еще и другія причины съ еще большею силою. Самою главною изъ нихъ было именно преобладающее положеніе занятое кастильцами и ихъ стремленіе къ завоеваніямъ. По мѣрѣ того, какъ мавры уступали почву и удалялись къ югу, побѣдители строили на ней феодальные замки, монастыри, заводили военно-монашескіе ордена, напр. Алкантара, Колатрава и др., грабили крестьянъ и поощряли ремесло солдата-наемника. Трудъ переставалъ давать вѣрный заработокъ, всѣ усовершенствованія въ хлѣбопашествѣ, произведенныя маврами, каналы для орошенія и пр., пришли въ упадокъ и страна приняла постепенно безплодный характеръ, которымъ она теперь отличается. Когда война съ маврами была окончена, открытіе Америки опять дало возможность населенію Кастиліи существовать не трудясь. Началась эра Конквистадоровъ, Кортеса, Пизарро и другихъ, большею частью всѣхъ родомъ изъ Эстремадуры. Успѣхи ихъ нанесли послѣдній ударъ сельскому хозяйству въ Испаніи, молодежь тысячами садилась на корабли, привлекаемая чудесами и богатствами Новаго Свѣта, какой-то духъ авантюризма проникъ все населеніе Кастиліи, къ земледѣлію стали относиться съ презрѣніемъ и земля перестала производить. Въ настоящее время въ Эстремадурѣ пространства въ 100 верстъ длины и 50 ширины никогда не пашутся, служа исключительно пастбищемъ для стадъ овецъ. Болѣе 40.000 пастуховъ съ этими стадами постоянно бродятъ съ мѣста на мѣсто, никогда не женятся, не имѣютъ потомства и потому представляютъ собою чистую потерю для народонаселенія *). Не удивительно поэтому, что населеніе Эстремадуры, какъ и многихъ другихъ провинцій Испаніи, до сихъ поръ продолжаетъ уменьшаться. Только за три года (1857—1860) уменьшеніе это равнялось въ двухъ эстремадурскихъ провинціяхъ: 2,8% въ Касересѣ и 0,3% въ Бадахозѣ. Провинціи Кастилія, Толедо и Леонъ также представили значительное уменьшеніе именно 1,51% и 2,44% **).

Вмѣстѣ съ числомъ падала и культура населенія на плоской возвышенности. Такъ точно, какъ погибло когда-то блестящее хлѣбопашество въ Эстремадурѣ, почти исчезло мануфактурное производство Леона и Старой Кастиліи. Суконные заводы Авилы, Медины дель Кампо и Сеговіи когда-то славились во всей Европѣ. Въ одной Сеговіи было 34.000 рабочихъ, а теперь въ ней всего только 7.000 жителей. Такъ же точно пришли въ упадокъ Бургосъ, Леонъ и другіе города Старой Кастиліи. Но нигдѣ

тексты муниципальныхъ конституцій изъ временъ Цезаря и Домиціана, доказывающіе, что города испанскихъ провинцій пользовались почти полнымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

*) *Reclus*, т. I, стр. 691.

**) „Nomenclatur General de la poblacion de Espana“. Madrid 1864.

онъ не достигъ такой степени, какъ въ Саламанкѣ и ея провинціи. Ученые профессора этого, знаменитаго въ свое время, университета наканунѣ французской революціи еще съ ужасомъ и отвращеніемъ говорили о круговращеніи земли и о тяготѣніи небесныхъ свѣтилъ. Можно было пять лѣтъ пробыть студентомъ въ Саламанкѣ и вовсе не знать, что существуетъ математика *).

Единственный городъ Кастиліи, который дѣйствительно процвѣтаетъ, населеніе котораго быстро растетъ и цивилизація стоитъ на европейскомъ уровнѣ, это—Мадридъ. Но это вовсе не зависитъ отъ процвѣтанія окрестной мѣстности, которая, напротивъ, довольно пустынна и мало воздѣлана. Мадридъ—столица централизованнаго государства, и этого достаточно, чтобъ обезпечить ему извѣстную степень успѣшнаго развитія. Что же касается населенія, то мѣстные жители, кастильцы, составляютъ въ Мадридѣ незначительное меньшинство, городъ же преимущественно населенъ каталонцами изъ Пиренейскихъ горъ и съ Болеорскихъ острововъ, лузитанами изъ Галиціи и андалузцами. Почти всѣ рабочіе и ремесленники—каталонцы и лузитане. Прислуга, можно сказать, почти исключительно состоитъ изъ послѣднихъ. Интеллигенція и чиновничество, напротивъ, состоятъ преимущественно изъ андалузцевъ, самыхъ живыхъ, способныхъ и талантливыхъ между племенами кастильскаго говора. Этимъ перевѣсомъ андалузцевъ въ высшихъ сословіяхъ объясняется общій тонъ мадридской жизни, столь оживленной, и страсть жителей этого города къ развлеченіямъ, къ театрамъ, зрѣлищамъ, бою быковъ, но, съ другой стороны, и та неустойчивость въ политикѣ, постоянныя смѣны прогресса и реакціи, которыми ознаменовалась исторія Испаніи за все текущее столѣтіе. Причины всего этого нужно искать въ преобладаніи андалузцевъ, ибо характеръ собственно кастильцевъ совершенно иной.

Этнографическія отличія въ этой группѣ народностей впрочемъ довольно значительны, такъ какъ въ различныхъ мѣстностяхъ населенія, говорящія кастильскимъ языкомъ, отличаются между собою по племенному составу. Главнѣйшія различія представляютъ между собою народности аррагонцевъ, андалузцевъ и собственно кастильцевъ.

Жители Аррагона по происхожденію близко родственны каталонцамъ. Главную этнографическую основу и у нихъ составляютъ иберы. Во время процвѣтанія каталоно-провансальской цивилизаціи все населеніе береговъ

---

*) Въ нѣкоторыхъ долинахъ провинціи Саламанки существуютъ совершенно одичавшія населенія. На манекенахъ, изображающихъ различные типы и находящихся въ мадридскомъ антропологическомъ музеѣ, видно, что люди эти не носятъ никакого бѣлья и никакой обуви. Вся одежда состоитъ у женщинъ изъ коротенькой, не достигающей колѣнъ, юпки изъ грубой и рѣдкой шерстяной ткани и изъ безрукавки изъ собачей или овечей шкуры шерстью наружу. У мужчинъ только передникъ изъ шкуръ и родъ нагрудника, а вся задняя часть тѣла остается голою.

Эбро говорило по-каталонски, но послѣ истребленія альбигойцевъ постепенно вліяніе Кастиліи стало преобладать и у аррагонцевъ не оказалось той силы сопротивленія чужому вліянію, которымъ до сихъ поръ отличаются обитатели Барселоны и Валенсіи. Постепенно языкъ побѣдителей сталъ господствующимъ на обоихъ берегахъ Эбро. Такая потеря самостоятельности въ одномъ изъ важнѣйшихъ проявленій психической жизни человѣка не могла не оказать вреднаго вліянія на развитіе литературы и распространеніе образованности между аррагонцами. Дѣйствительно, они во многомъ отстали отъ своихъ сосѣдей — каталонцевъ и кастильцевъ. Особенно замѣчательна грубость нравовъ, возведшая въ обычай драки между деревнями, часто оканчивающіяся убійствами. Это—одна изъ причинъ значительнаго числа преступленій въ провинціяхъ Сарагоссѣ и Гуэзкѣ. Въ мелочахъ аррагонцы такъ упрямы, что про нихъ составилась пословица: «они забиваютъ гвозди головою». Это имъ не помѣшало однако утратить не только свой языкъ, но и всѣ свои мѣстныя политическія права, которыя до послѣдняго времени удалось сохранить гораздо менѣе многочисленнымъ баскамъ. А между тѣмъ во время борьбы съ маврами короли Аррагона были «первыми среди равныхъ». Во время присяги король долженъ былъ стать на колѣни предъ верховнымъ судьей Аррагоны и выслушать слѣдующее посвященіе: «Мы, равные вамъ, но болѣе васъ могущественные, дѣлаемъ васъ нашимъ королемъ и господиномъ для того, чтобы вы охраняли наши льготы и нашу свободу. Если же нѣтъ, такъ нѣтъ». Въ настоящее время не только не осталось и слѣда отъ аррагонскихъ фуэросовъ, но и въ матеріальномъ отношеніи страна эта упала ниже, чѣмъ была въ XIII столѣтіи.

Благодаря природному богатству края, благосостояніе Андалузіи сохранилось лучше. Кромѣ того, традиціи мавританской цивилизаціи непосредственно перешли къ теперешнему населенію не только относительно сельскаго хозяйства и горнаго дѣла, и теперь процвѣтающаго въ Андалузіи, но также въ томъ, что касается развитія науки, литературы, искусства. Почти во всѣхъ сферахъ интеллектуальной дѣятельности Испаніи преобладаетъ ихъ вліяніе. Ихъ достоинства и недостатки отражаются на всемъ народѣ. Краснорѣчіе политическое и литературное, національное свойство андалузцевъ, стало отличительною чертой въ новѣйшихъ произведеніяхъ испанской литературы и въ преніяхъ парламентовъ. Съ другой стороны, недостатокъ въ глубинѣ мысли, въ способности къ послѣдовательной и настойчивой разработкѣ вопросовъ, также отличительная черта жителей Андалузіи, отражается на всей умственной дѣятельности Испаніи.

Почти противоположнаго андалузцамъ характера и темперамента обитатели Кастиліи и Леона. Это—единственные испанцы, для которыхъ веселое настроеніе не есть обычное. Они отличаются ровностью и серьезностью въ обращеніи и говорятъ мало. Гордость и чувство собственнаго

достоинства развито у нихъ едва ли не больше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ испанцевъ, но оно всегда соединено съ полнымъ уваженіемъ личности ближняго. Едва ли есть страна въ мірѣ, гдѣ бы равенство въ обращеніи между богатымъ и бѣднымъ, между чиновнымъ и нечиновнымъ, даже между образованнымъ и необразованнымъ—было бы больше, чѣмъ въ Мадридѣ. Съ другой стороны, однако, въ кастильцахъ чистой крови замѣчается какая-то слабость инициативы, умственная лѣность и апатія, наклонность къ меланхоліи; послѣдняя особенно замѣтна въ Старой Кастиліи. Вотъ почему у кастильцевъ не хватаетъ силъ ни для матеріальной, ни для умственной работы, потребной для ихъ малонаселеннаго края, который, какъ мы видѣли, пустѣетъ еще болѣе, если только населеніе не возобновляется путемъ наплыва лузитанъ, каталонцевъ или другихъ народностей, сохранившихъ въ себѣ бóльшую силу къ распространенію и заселенію.

Если мы сравнимъ положеніе народностей каталонскихъ съ кастильскими, то увидимъ, что побѣдители въ сущности находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ побѣжденные. Но и тутъ существуютъ большія различія. Всего больше сохранилась матеріальная и умственная культура въ Барселонѣ, т. е. тамъ, гдѣ удалось отстоять языкъ и литературу. Валенсія, начавшая подражать сначала итальянцамъ, а потомъ кастильцамъ, пострадала больше. Но всего ниже упалъ Аррагонъ, забывшій свой языкъ, утонченную культуру своихъ иберійскихъ соплеменниковъ и принявшій чужіе языкъ и культуру, въ то время еще весьма грубые. Съ тѣхъ поръ кастильцамъ и андалузцамъ удалось высоко развить этотъ языкъ и поднять эту культуру, но лишь потому, что они были для нихъ свои, между тѣмъ какъ Аррагонъ, принявшій чужіе, остался далеко позади своихъ прежнихъ соплеменниковъ—каталонцевъ и не могъ никогда догнать своихъ новыхъ товарищей по языку—кастильцевъ и андалузцевъ.

Но побѣда и владычество не принесли счастья и господствующимъ племенамъ. Они истощили силы Кастиліи, разбросали ея жителей по всему свѣту, обезлюдили ея степи. Въ Андалузіи они оторвали населеніе отъ настоящей работы, заставили громадныя массы молодежи броситься въ политику, адвокатуру, бюрократію, медицину, вообще на легкій заработокъ, и этимъ страшно повредили какъ матеріальной культурѣ самой Андалузіи, такъ и уровню интеллектуальнаго развитія и общественной нравственности во всей Испаніи. Побѣжденная Каталонія, съумѣвшая однако сохранить своихъ собственныхъ рабочихъ и свою собственную интеллигенцію, оказывается опять въ гораздо лучшемъ положеніи.

IV.

Лузитане и ихъ образъ жизни.

Если весь центръ Иберійскаго полуострова, а также южныя и восточныя его окраины, съ самаго начала исторіи, были театромъ безпрерывныхъ войнъ и переселеній, то, напротивъ, на сѣверо-западѣ сохранился

уголъ, пользовавшійся все это время хоть относительнымъ спокойствіемъ. Уголъ этотъ, т. е. Галицiя, сѣверъ Португаліи, часть Астуріи и небольшой кусокъ Эстремадуры, населенъ народомъ кельтскаго происхожденія, сохранившимся сравнительно мало смѣшаннымъ, благодаря именно спокойствію своей жизни. Вѣроятно, благодаря той же причинѣ, т. е. сравнительной безопасности, разселеніе жителей приняло почти исключительно хуторской характеръ. Населеніе части Испаніи, говорящей лузитанскимъ языкомъ, почти вдвое по своей густотѣ превышаетъ общее населеніе страны (оно равняется 63 человѣкамъ на квадратн. километръ), но, несмотря на это, въ странѣ не только нѣтъ большихъ городовъ, но почти нѣтъ и селъ. Многіе административные центры состоятъ только изъ церкви, общественнаго зданія для управленія и трактира, всѣ же дома жителей разсѣяны по ближайшимъ лѣсамъ и долинамъ. Понятно, что при такомъ способѣ населенія всѣ этнографическія и лингвистическія различія должны сохраняться съ бóльшею отчетливостью. Нигдѣ обособленность родовъ и семействъ не доходитъ до такой степени. Есть племена пастуховъ (vagneros), которые со временъ римлянъ не смѣшиваются съ другими населеніями и не измѣняютъ своего образа жизни. Астурійское нарѣчіе, *бобль*, значительно отличается отъ португальскаго языка, но и въ Галиціи діалекты такъ различны, что жители одной долины почти не понимаютъ жителей сосѣдней, и, несмотря на близкое сродство, португальцы совсѣмъ не понимаютъ галицiйцевъ (gallegos),—такъ отличенъ ихъ способъ произношенія отъ принятаго въ литературномъ нарѣчіи Португаліи.

Жители Галиціи—одни изъ самыхъ смирныхъ и покорныхъ между испанцами; имъ не приходилось упражнять свои силы и чувство независимости въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а мѣстными владѣтелями они были доведены почти до полнаго порабощенія. По старымъ актамъ видно, что ихъ положеніе очень походило на положеніе нашихъ крестьянъ во время крѣпостнаго права,—ихъ продавали и закладывали по-одиночкѣ или отдѣльными семьями и т. д. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія вся Астурія принадлежала всего 80 частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ, а крестьяне, за немногими исключеніями, всѣ были крѣпостные. Никакой радикальной реформы, кромѣ личнаго освобожденія крестьянъ, не было произведено и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень долговременной аренды, по рѣшенію судовъ, земля была оставлена за крестьянами.

Несмотря на такое, продолжающееся и до сихъ поръ, униженное состояніе сельскаго населенія, благодаря ровному, здоровому климату, физическое состояніе его недурно, а увеличеніе его численности идетъ быстрѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Испаніи. При недостаткѣ мѣстной фабричной промышленности, значительное число галицiйцевъ ежегодно уходятъ на отхожіе промыслы, всего болѣе въ Лиссабонъ и Мадридъ, гдѣ они нанимаются въ качествѣ прислуги или поденныхъ рабочихъ. Рабочая

плата падаетъ иногда до смѣшнаго и равняется для взрослаго работника только пищѣ и двумъ реаламъ (½ франка) въ день. Несмотря на это, галлегамъ удается составить небольшія сбереженія, съ которыми они обыкновенно возвращаются на родину.

Кромѣ значительныхъ богатствъ въ стадахъ, Галиція обладаетъ еще цѣлымъ флотомъ—отъ трехъ до четырехъ тысячъ судовъ, съ экипажемъ до 20.000 человѣкъ, для рыбной ловли, особенно для ловли сардинокъ. Портовые города Виго и Корунья производятъ оборотовъ на 10—20 милліоновъ франковъ, но въ сущности Галиція все-таки страна самая отсталая въ Испаніи и населеніе ее принимаетъ наименьшее участіе въ умственной и политической жизни государства.

V.

Баски и ихъ фуэросы.

По красотѣ видовъ западная часть Пиренейскаго хребта далеко не можетъ сравняться съ восточнымъ. По дорогѣ изъ Бургоса до Миранды и Санъ-Себастіана не видно ни остроконечныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, ни церквей и замковъ, построенныхъ на береговыхъ горахъ Каталоніи, ни тамошней роскошной растительности и интенсивной культуры. Напротивъ, вершины горъ—какія-то притупленныя, долины равномѣрно покатыя и среди рѣдкихъ лѣсовъ и кустарниковъ вездѣ сквозитъ каменистая почва. Однако, чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ горамъ, тѣмъ культура становится не хуже, а лучше. Послѣ Миранды уже не видимъ тѣхъ скученныхъ поселеній съ низкими домами, болѣе похожихъ на каменоломни, чѣмъ на города, которыми такъ изобилуетъ Кастилія. Баски, также какъ лузитане и валенсійцы, живутъ почти исключительно хуторами и каждый домъ у нихъ окруженъ фруктовымъ садомъ, состоящимъ преимущественно изъ яблонь, доставляющихъ населенію его любимый напитокъ, родъ яблочнаго кваса (zagardna). Но дома ихъ значительно отличаются отъ валенсійскихъ: это—не маленькія хатки съ крошечными окнами, въ которыхъ не знаешь гдѣ берется воздухъ и свѣтъ для цѣлаго семейства, но настоящіе двухъ-этажные дома въ нѣсколько комнатъ.

Въ Мирандѣ я увидалъ первыхъ басковъ. Часть изъ нихъ были богатые крестьяне, одѣтые въ европейское платье, только въ синихъ беретахъ. Всѣ перешедшіе за средній возрастъ были очень полны и мнѣ это сейчасъ бросилось въ глаза потому, что за все пребываніе въ Испаніи мнѣ не пришлось видѣть ни одного тучнаго человѣка между крестьянами. Остальные баски были солдаты, одни изъ первыхъ, поставленныхъ тремя провинціями, Алавой, Бискайей и Гвипускоа, послѣ сокращенія ихъ фуэросовъ. Было также нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ черныя платья, обычную женскую одежду у басковъ. На мой взглядъ, внѣшній типъ басковъ необыкновенно характеристичный и его трудно смѣшать съ какимъ-

либо другимъ, только отличія его заключаются не въ тѣхъ признакахъ, на которыхъ обыкновенно останавливается вниманіе антропологовъ. По цвѣту волосъ и глазъ бываютъ баски брюнеты и блондины, а по формѣ головы встрѣчаются длинноголовые и короткоголовые; но если обратить вниманіе на форму лица, то увидишь, что, при вообще правильныхъ и красивыхъ чертахъ, у всѣхъ басковъ лица трехъугольныя, а не овальныя,—до такой степени нижняя часть лица узка въ сравненіи съ верхнею и такъ быстро съуживается лицо, начиная отъ глазъ къ подбородку. Въ сложеніи тѣла, вообще очень крѣпкомъ, развитіе ногъ однако несоразмѣрно велико, особенно сравнительно съ остальными испанцами, очень стройными и обладающими костною системой скорѣе слишкомъ нѣжной. Признавши басковъ за почти чистыхъ иберовъ или, что то же, почти берберовъ, придется приписать вліянію настоящихъ семитовъ, финикійцевъ и арабовъ стройныя формы и темные глаза жителей Андалузіи и Валенсіи. У всѣхъ басковъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, напротивъ, глаза были сѣрые или свѣтлокаріе.

Не слѣдуетъ заключать изъ этого, однако, чтобы баски по внѣшнему виду или по манерамъ походили на людей сѣвера. Ихъ рѣзкія черты и темный цвѣтъ лица сразу изобличаютъ южное происхожденіе; но особенно необыкновенная живость рѣзко отличаетъ ихъ отъ всѣхъ сѣверянъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ѣзды отъ Миранды до Байоны всѣ баски, сидѣвшіе въ вагонѣ, ни на минуту не умолкали и не могли спокойно сидѣть на своихъ мѣстахъ, а постоянно переходили изъ одного отдѣленія въ другое, становились на скамейки, смотрѣли въ окна и т. д. Особенно шумно вели себя солдаты, и нужно сознаться, что по природной порядочности въ обращеніи они стоятъ гораздо ниже кастильцевъ. Если можно придавать какое-либо значеніе бѣглому впечатлѣнію, получаемому всего за нѣсколько часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, то я долженъ сказать, что баски показались мнѣ людьми отлично организованными физически, живыми, веселыми, добродушными, но не особенно одаренными умственно, не тонкими, художественными натурами. Народныя пѣсни на баскскомъ языкѣ, которыхъ при мнѣ солдаты спѣли нѣсколько, также не особенно мнѣ понравились—ни по мотивамъ, ни по манерѣ пѣть, слишкомъ крикливой. Въ общемъ однако, благодаря постоянной добродушной веселости, а также здоровымъ, красивымъ лицамъ, молодежь басковъ оставляетъ очень пріятное впечатлѣніе и невольно удивляешься ихъ способности безъ всякаго утомленія, въ теченіе цѣлыхъ часовъ, переносить такое оживленіе, которое, напримѣръ, для нашихъ крестьянъ было бы уже очень возбужденнымъ состояніемъ.

Мнѣ бросилось въ глаза, что бо́льшая часть солдатъ еще очень молодыхъ, въ возрастѣ отъ 21—23 лѣтъ, были увѣшаны множествомъ крестовъ и медалей, чего я не замѣчалъ у прежде видѣнныхъ мною испанскихъ войскъ. Изъ распросовъ я узналъ, что щедрая раздача военныхъ

наградъ есть уловка нынѣшняго правительства, имѣющая цѣлью, по возможности, примирить басковъ съ потерей ихъ свободы отъ военной повинности. Дѣйствительно, со времени сокращенія фуэросовъ, было только три набора, да и то большая часть басковъ откупается отъ военной службы. Ненависть ихъ къ ней до того велика, что во Франціи одинъ департаментъ Нижнихъ Пиреней доставляетъ почти половину уклоненій отъ военной службы и ежегодно значительная часть баскской молодежи выселяется въ Южную Америку. Въ Испаніи за послѣдніе три года переселеніе также значительно усилилось и неудовольствіе все растетъ.

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что привязанность басковъ къ ихъ фуэросамъ была основана главнымъ образомъ только на свободѣ отъ рекрутской повинности, которую они имъ обезпечивали. Напротивъ, вопросъ этотъ гораздо сложнѣе и фуэросы представляли собою остатки полнѣйшей политической самостоятельности.

Баски представляютъ собою одно изъ немногихъ населеній Иберійскаго полуострова, которыя не были вполнѣ покорены ни римлянами, ни арабами. Страбонъ съ ужасомъ говоритъ о храбрости контабровъ, о ихъ любви къ свободѣ, ихъ презрѣніи къ жизни, казавшихся ему почти сверхъестественными. Во время войны за независимость, они убивали другъ друга, чтобы только не попасть въ плѣнъ, а матери убивали собственныхъ дѣтей, чтобъ избавить ихъ отъ неволи. Взятые все-таки въ плѣнъ и распятые на крестахъ, они до послѣдней минуты пѣли побѣдныя пѣсни. Маврамъ также удалось занять только Алаву и часть Наварры, между тѣмъ какъ Бискайя и Гвипоскоа остались свободными, почему и до сихъ поръ всѣ жители этихъ провинцій считаютъ себя дворянами и рисуютъ гербы надъ дверьми своихъ домовъ. Послѣ изгнанія мавровъ баски совершенно свободно избирали своихъ военачальниковъ и Алава спеціально сохранила за собой право «мѣнять начальство семь разъ въ день» *).

Въ то время нынѣшнее населеніе басковъ было раздѣлено на большое число мелкихъ республикъ, находившихся однако, для взаимной защиты, въ тѣсной федеративной связи. Но внутри союза господствовала полнѣйшая личная независимость. Жилище баска, его лошадь и оружіе составляли его абсолютную собственность и никакое начальство не имѣло права входа въ его дверь безъ дозволенія хозяина. Въ случаѣ судебнаго разбирательства, обвиненный гордо выходилъ изъ своего дома и безъ стражи, одинъ, отправлялся подъ то дерево, гдѣ собирался общественный судъ. Въ нѣкоторыхъ долинахъ женщины подавали голосъ наравнѣ съ мужчинами и принимали участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ.

Тѣмъ не менѣе необходимость въ защитѣ вынуждала басковъ вступать въ союзы съ королями Наварры и Кастиліи, сохраняя при этихъ договорахъ полную свою независимость. Однако короли часто не соблюдали

*) *Louis Lande*: „Basques et Navarrais“. Paris. 1878, стр. 299 и слѣд.

условій и, между прочимъ, король Наварры въ 1201 г. занялъ Biторію. Жители призвали на помощь Альфонса VIII Кастильскаго и передали ему городъ, а онъ съ своей стороны поклялся охранять всѣ ихъ мѣстныя права. Въ 1332 году дворянство Алавы, подкупленное славой, окружавшей имя Альфонса XI, также рѣшило отдаться ему въ подданство, взявши и съ него клятву сохраненія всѣхъ фуэросовъ. Съ тѣхъ поръ хотя Иванъ I и присоединилъ было произвольно басковъ къ своему королевству, за ними однако осталось право смѣнять своего властелина и каждый новый испанскій король долженъ былъ присягать при вступленіи на престолъ, что свято будетъ соблюдать мѣстную автономію жителей.

Древнѣйшій письменный документъ относительно фуэросовъ былъ составленъ въ 1452 году, по желанію народнаго собранія, въ Гверникѣ. Передѣланный въ 1526 г., этотъ кодексъ, подъ именемъ «Fuero de Bizcaye», имѣлъ силу до послѣдняго времени. Сборникъ для провинціи Алавы былъ первоначально составленъ въ 1463 году, а для Гвинускоа въ окончательной формѣ въ 1696 году. Всѣ три кодекса были подтверждаемы всѣми королями Испаніи, въ томъ числѣ и Изабеллой II.

Сборники эти, предоставляя самую широкую независимость провинціямъ и отдѣльнымъ общинамъ, стараются оградить страну отъ захватовъ центральной власти. Въ первомъ параграфѣ бискайскаго фуэроса сказано, что король, принимая начальство надъ провинціей, обязанъ явиться лично въ Бильбао, Ларабезузу, Гверинку и Бермео и поклясться въ охраненіи фуэросовъ; если же онъ не явится въ теченіе года, то бискайцы считаютъ себя свободными отъ всякихъ обязательствъ и всѣ приказанія короля *«будутъ выслушиваться, но не исполняться»*.

Въ томъ, что касается уголовнаго судопроизводства, всякому обвиненному бискайцу дается срокъ въ 30 дней самому явиться въ засѣданіе суда, ранѣе чего никто не имѣетъ права арестовать его, ни проникнуть въ его жилище. Съ 1841 года сталъ впрочемъ обязательнымъ общій государственный уголовный кодексъ.

Муниципальная организація предоставлена на усмотрѣніе общинъ, но самостоятельность и выборное начало, какъ общіе принципы, считаются обязательными по фуэросамъ для всѣхъ общинъ. Въ различныхъ общинахъ выборы производились на весьма неодинаковыхъ основаніяхъ—иногда по общей подачѣ голосовъ, иногда выборщиками, иногда даже съ цензомъ или просто по жребію. Кромѣ того назначаются общія народныя собранія представителей—два раза въ годъ въ Алавѣ, одинъ разъ въ Гвинускоа и черезъ одинъ годъ въ Бискайи. Эти собранія соединяютъ въ себѣ всѣ полномочія и во время ихъ засѣданія никакихъ другихъ властей не существуетъ. Чтобъ имѣть право быть представителемъ, нужно быть родомъ изъ провинціи, домовладѣльцемъ, человѣкомъ незапятнанной чести и не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

Въ фуэросахъ заключается также много правилъ относительно наслѣдства, приданаго и т. п. Большая часть этихъ правилъ направлена къ тому, чтобы предохранить имущество отъ раздѣла. Въ Бискайи строго охраняется чистота крови. Поселеніе въ провинціи воспрещается маврамъ и евреямъ, даже принявшимъ христіанство, также неграмъ и мулатамъ, и дозволяется только тѣмъ иностранцамъ, которые въ теченіе шестидесяти дней доставятъ доказательства чистоты крови.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ фуэросовъ — все-таки рекрутская повинность. По ихъ мнѣнію, баски, какъ дворяне, обязаны нести военную службу, но исключительно на своей территоріи. По бискайскому закону, на призывъ короля, они обязаны слѣдовать ему безвозмездно только до дерева *Малото* въ Луяндо, крайней точки провинціи. Жители Гвинускоа также несли военную службу и внѣ границъ провинціи, но только за особое жалованье; то же относится и до Алавы. Въ Гвинускоа солдаты сами избирали своего полковника, а въ Алавѣ депутатъ на кортесы былъ въ то же время и главнымъ военачальникомъ. Что же касается морской службы, то со времени Фердинанда Католика она обязательна въ Гвинускоа, а позже и въ Бискайи, но по циркуляру 1802 г. на особыхъ правахъ: такъ, напримѣръ, матросы изъ этихъ провинцій не подвергались дѣленію на чины, оставались также неподсудными военно-морскому кодексу, а въ случаѣ провинности подвергались наказанію только сообразно постановленіямъ фуэроса.

Свобода отъ налоговъ также была однимъ изъ правъ, обезпеченныхъ баскамъ фуэросами. Всѣ ихъ налоги ограничивались по отношенію къ королю платой за дома, построенные на его землѣ, небольшимъ налогомъ на добываемое желѣзо и портовою пошлиною. Кромѣ того въ Алавѣ позже стали платить еще и общеиспанскій пятипроцентный налогъ съ каждаго проданнаго товара, такъ-называемую *алкабала*. Кромѣ того крѣпостные, помимо работъ своимъ господамъ, платили королю особыя подати деньгами. Подати эти уничтожены кортесами 1812 года.

Подобнымъ же образомъ всѣ три провинціи пользовались полнѣйшею свободой торговли всѣми предметами первой необходимости, распространившеюся послѣ и на другіе товары. Такъ, напримѣръ, онѣ не платили никакихъ пошлинъ на спиртъ, табакъ, гербовую бумагу и проч. Въ 1841 году, по королевскому декрету, однако, край басковъ былъ введенъ въ таможенныя границы всего государства.

Конечно, центральныя власти всегда только съ неудовольствіемъ терпѣли всѣ эти исключительныя права басковъ и попытки подвести ихъ подъ общій уровень повиновенія были очень многочисленны; правда, онѣ были долго неудачны, но все-таки, наконецъ, привели къ совершенному подчиненію трехъ соединенныхъ провинцій общему законодательству Испаніи. Фуэросы не могли устоять, когда на нихъ начали нападать съ двухъ сторонъ—и центральное королевское правительство, и либералы, находившіе

несправедливыми исключительныя права басковъ и желавшіе подвести ихъ подъ одинъ уровень съ остальнымъ населеніемъ. Они находили несправедливой особенно свободу басковъ отъ рекрутской повинности и отъ нѣкоторыхъ налоговъ. Съ другой стороны и баски, ревниво охраняя свои права, стали во враждебныя отношенія къ либераламъ, обвиняя ихъ въ безбожіи, въ стремленіи окончательно подорвать королевскую власть. Абсолютизмъ центральной власти короля, при полномъ сохраненіи мѣстной автономіи, казался имъ политическою формой возможной и желательной, и вотъ почему они рѣшительно стали на сторону Донъ-Карлоса, во время большой карлистской войны тридцатыхъ годовъ. Баски терпѣли даже, изъ ненависти къ либераламъ, большія несправедливости и притѣсненія со стороны претендента, который во все время своего владычества надъ тремя провинціями ни разу не дозволилъ общаго собранія представителей. Поэтому онъ въ сущности и не пользовался большимъ сочувствіемъ населенія и какъ только начальникъ войскъ королевы Изабеллы II, Эспартеро, далъ баскамъ формальное обѣщаніе, что ихъ фуэросы будутъ сохранены, то они дѣйствительно сложили оружіе.

По настоянію Эспартеро, кортесы издали, 25 октября 1839 года, законъ, въ которомъ сказано:

«§ 1. Фуэросы Баскскихъ провинцій и Наварры подтверждаются, на сколько они не нарушаютъ единства конституціонной монархіи.

«§ 2. Правительство, какъ только къ тому наступитъ надлежащее время, выслушавши мнѣнія Баскскихъ провинцій и Наварры, предложитъ кортесамъ измѣненія въ фуэросахъ, необходимыя въ интересѣ самихъ провинцій и для соглашенія ихъ съ общимъ интересомъ народа и конституціи монархіи».

Такая неопредѣленная редакція дала полную возможность, благодаря пассивному сопротивленію басковъ, оставить до поры до времени фуэросы неприкосновенными. Только представители Наварры, гдѣ большинство населенія не баски, вошли въ особое соглашеніе съ министрами, по которому страна ихъ утратила бо́льшую часть своихъ мѣстныхъ правъ. Несогласія между правительствомъ и басками съ одной стороны и между басками и либералами съ другой привели къ тому, что во время послѣдней карлистской войны баски опять были на сторонѣ претендента.

Послѣ окончанія войны въ 1876 году снова было приступлено къ пересмотру вопроса о фуэросахъ. Президентъ совѣта министровъ Кановасъ поставилъ рѣшеніе вопроса въ зависимость не отъ большей или меньшей подлинности фуэросовъ, какъ это часто до тѣхъ поръ дѣлалось, но отъ общаго принципа, по которому свобода отъ налоговъ и рекрутской повинности одной части населенія не можетъ быть терпима въ государствѣ, гдѣ все остальное населеніе несетъ эти повинности.

Соотвѣтствующее тому рѣшеніе и было принято кортесами 21 іюня 1876 года. По этому закону баски обязаны доставлять контингентъ ре-

крутъ сообразно своей численности, а также уплачивать всѣ налоги наравнѣ съ прочими испанцами. Тѣмъ не менѣе распредѣленіе постановки рекрутъ и уплаты налоговъ предоставляется мѣстнымъ собраніямъ представителей. Не безъ большихъ затрудненій, однако все-таки доставлены были въ 1877 и 1878 годахъ рекруты изъ трехъ провинцій или деньги для найма замѣстителей. Налоги также теперь уплачиваются и, повидимому, не возбуждаютъ такого сильнаго неудовольствія, какъ военная служба.

Тѣмъ не менѣе общее настроеніе въ Баскскихъ провинціяхъ еще очень возбуждено и о скоромъ примиреніи не можетъ быть и рѣчи. Правда, баски понимаютъ ошибку, въ которую они впали, подавъ руку помощи Донъ-Карлосу. Они ищутъ другихъ союзныхъ элементовъ и ходятъ слухи о соглашеніяхъ между собою разныхъ мѣстныхъ и кантональныхъ партій въ Валенсіи, Барселонѣ, Малагѣ и Картагенѣ съ Баскскими провинціями. Такое соглашеніе, конечно, окажется возможнымъ только въ случаѣ отказа басковъ отъ ихъ реакціонныхъ симпатій, но въ такомъ случаѣ оно представитъ большую силу, съ которой центральному правительству трудно будетъ справиться. Въ заключеніе сказаннаго мы видимъ, что триста лѣтъ стараній слить въ одно всѣ элементы, изъ коихъ слагается испанская національность, не привели къ желаемому результату и свободная федеративная форма общественной жизни заявляетъ свои права на существованіе.

С. П—скій.

Польскія письма.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ *).

Habent sua fata libelli! Часто проходятъ незамѣченными обществомъ самыя капитальныя произведенія и часто, наоборотъ, самыя жалкія компиляціи обращаютъ на себя вниманіе общества и служатъ предметомъ многихъ толковъ. Кто желаетъ представить себѣ нравственную физіономію какого-либо общества, прежде всего долженъ обратиться именно къ такимъ книжкамъ, о которыхъ болѣе всего говорится въ публикѣ, по поводу которыхъ возникаетъ журнальная полемика, хотя бы сами по себѣ эти книжки не стоили того, чтобъ ими много заниматься. Въ прошломъ 1881 году въ Вильнѣ вышло одно изъ подобныхъ произведеній на польскомъ языкѣ «Włościanie u nas i gdzieindziéj» (Крестьяне у насъ и въ другихъ мѣстахъ). Авторъ этой книги—варшавскій powieściopisarz (писатель повѣстей), г. Валерій Пржиборовскій; работалъ онъ въ Варшавѣ, какъ видно изъ помѣтки въ предисловіи; цензурное разрѣшеніе дано книжкѣ варшавскимъ же цензоромъ; посвящена она кумиру варшавской публики—Крашевскому; и наконецъ варшавскія же газеты поговорили о ней въ свое время на своихъ столбцахъ. Вотъ почему книжка эта должна быть для насъ интересна.

Главныхъ причинъ, почему на твореніе г. Пржиборовскаго было обращено въ Варшавѣ вниманіе, по нашему мнѣнію, двѣ: первая изъ нихъ та, что польская литература вообще бѣдна произведеніями по исторіи польскихъ крестьянъ; вторая заключается въ основной мысли этой книги. Въ самомъ дѣлѣ, справьтесь съ указаніемъ пособій по польской исторіи, приложеннымъ къ концу перваго тома «Двѣнадцати книгъ польской исторіи» краковскаго профессора Іосифа Шуйскаго, справьтесь съ обозрѣніемъ пособій, которыми пользовался самъ г. В. Пржиборовскій, и вы увидите, какъ бѣдна польская историческая литература въ этомъ отношеніи. На первомъ планѣ стоитъ рядъ статей кн. Любомірскаго о земледѣльческомъ сословіи въ Поль-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

шѣ отъ XV до XVIII вѣка (Biblioteka Warszawska за 1857—1862 гг.), далѣе въ высшей степени неудобочитаемая и темная книга В. А. Мацѣёвскаго, которому было чуть ли не 80 лѣтъ, когда онъ издавалъ свою «Исторію польскихъ крестьянъ», наконецъ сочиненіе Ставискаго по исторіи сельскаго хозяйства въ Польшѣ. Вотъ и все. Какъ мало все это значитъ, принимая еще въ разсчетъ, что сколько-нибудь важные труды Любомірскаго и Ставискаго появились на свѣтъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда исторія крестьянъ вообще была только въ зародышѣ,—какъ мало все это значитъ, можно видѣть изъ такого, напримѣръ, факта: одинъ изъ сотрудниковъ журнала *Правда* (1881 г., № 35), разбирая небольшую книгу по исторіи французскихъ крестьянъ, авторъ которой самъ заявляетъ о ея компилятивномъ характерѣ,—выражаетъ сожалѣніе, что до сихъ поръ прошлое польскихъ крестьянъ не нашло еще себѣ настоящаго историка, и что по ихъ исторіи не существуетъ такой основательной книги, какъ та, которую онъ разбираетъ. Съ точки зрѣнія современой науки, значитъ, труды Любомірскаго и Ставискаго устарѣли. Г. Пржиборовскій задумалъ пополнить пробѣлъ въ исторической литературѣ по этому предмету,—честь ему и слава! Общество должно было съ интересомъ отнестись къ его работѣ, затрогивающей столь интересный и такъ мало разработанный вопросъ. Но къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что г. В. Пржиборовскій выступилъ съ патріотической тенденціей, за которую его многіе похвалили и которая ему снискала особое благоволеніе многихъ. Автору «Крестьянъ у насъ и въ другихъ мѣстахъ» захотѣлось во что бы то ни стало обѣлить польское общество и защитить его отъ упрека въ томъ, что оно дурно обращалось съ народомъ, и доказать притомъ, что въ другихъ мѣстахъ крестьянамъ жилось куда какъ хуже и что многіе дурные порядки въ Польшѣ завелись только по примѣру сосѣдей. Kurjer Warszawski нашелъ цѣль такой апологіи весьма почтенной (№ 110 за 1881 годъ), и многимъ книжка за это именно понравилась. На такую тенденцію г. В. Пржиборовскаго указано было и въ русской журналистикѣ: въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ журнала *Дѣло* за прошлый годъ былъ напечатанъ историческій очеркъ польскаго крестьянства, авторъ котораго между прочимъ тенденцію г. Пржиборовскаго объясняетъ шляхетскимъ складомъ его соціальнаго міровоззрѣнія. Мы думаемъ нѣсколько иначе: по нашему мнѣнію, здѣсь главную роль играетъ національный патріотизмъ, получившій у поляковъ, какъ извѣстно, весьма ложное направленіе, но тѣмъ не менѣе имѣющій громадное значеніе въ современной польской литературѣ и публицистикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ предисловіи авторъ заявляетъ, что исторія крестьянъ въ Польшѣ представлялась ему прежде «самой темной стороной въ жизни народа», и что же оказалось? «Можетъ-быть никогда и нигдѣ не старались такъ безчестно (szkaradnie) исказить исторію, какъ сдѣлано это съ исторіей польскаго хлопа»,—торжественно объявляетъ г. Пржиборовскій. Эта мысль до такой степени за-

сѣла въ головѣ новаго историка польскаго хлопа, что онъ то и дѣло ругаетъ другихъ изслѣдователей, называя ихъ то непризванными историками (niepowołani, на стр. 2, 96 и др.), то шарлатанами (стр. 3), причемъ особенно достается чужимъ (obcym) историкамъ, въ родѣ Горемыкина, Бѣляева и многихъ другихъ того же покроя, хотя и свои обвиняются у него въ «незнакомствѣ съ отечественной исторіей», когда ихъ взгляды несогласны со взглядами самого г. Пржиборовскаго. Между тѣмъ къ «чужимъ» историкамъ ему все-таки пришлось обратиться: въ спискѣ пособій мы встрѣчаемъ указанія на русскія книги и статьи, которыхъ перечислено до полутора десятка. Вѣроятно, къ нимъ-то и нужно отнести слѣдующую фразу изъ предисловія къ книгѣ,—фразу, которая стоитъ непосредственно за объявленіемъ о томъ, что исторію польскихъ крестьянъ ужасно искажали: «судя по тому, что въ другихъ мѣстахъ (gdzieindzié) было писано о польскомъ хлопѣ, можно было бы подумать, что польскій шляхтичъ былъ какимъ-то дикимъ татариномъ или въ родѣ грубаго нѣмецкаго графа». Ad majorem gloriam nationis нужно было защитить шляхту польскую, и вотъ изъ книжки г. В. Пржиборовскаго вышло нѣчто такое, что многимъ дало право видѣть въ ней шляхетскую самозащиту и крѣпостническую апологію феодальныхъ порядковъ. На самомъ дѣлѣ автора нельзя серьезно обвинять въ крѣпостническихъ тенденціяхъ,—онъ даже съ сожалѣніемъ говоритъ объ утратѣ массой польскаго народа старославянской свободы и очень несимпатично изображаетъ черты средневѣковаго быта крестьянъ, находившихся въ крѣпостномъ состояніи въ другихъ странахъ Европы. Ему просто хочется только представить старую Польшу какъ государство, такъ сказать, передовое, болѣе либеральное, болѣе гуманное, чѣмъ всѣ остальныя, и все это только ad majorem gloriam nationis! Но такъ какъ фактовъ все же отрицать нельзя, то въ существованіи хлопской неволи въ Польшѣ виноватыми оказались сосѣди. такъ какъ г. Пржиборовскій пришелъ къ мысли, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не было польскимъ изобрѣтеніемъ (wytwór polski), но что Польша заимствовала его у своихъ сосѣдей. «Мы покажемъ, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—что угнетеніе (ucisk) польскаго хлопа было еще раемъ въ сравненіи съ угнетеніемъ въ Германіи или во Франціи въ извѣстныя эпохи, въ сравненіи наконецъ съ страшной, полной неволей въ другихъ мѣстахъ. Мы покажемъ, что даже и при этомъ, такъ - сказать мягкомъ, угнетэніи (w obec tego łagodnego, że się tak wyrazimy, ucisku—sic!!!), постоянно раздавались голоса, искренній крикъ оскорбленной народной совѣсти, порицающіе этотъ порядокъ вещей» (стр. 3). Итакъ, вотъ три основныя положенія книжки г. Пржиборовскаго: во-первыхъ. прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ Польшѣ было заимствовано у сосѣдей; во - вторыхъ, угнетеніе польскихъ хлоповъ было болѣе мягкое, чѣмъ у другихъ народовъ, такъ что они, собственно говоря, находились какъ бы въ раю въ сравненіи съ крестьянами французскими, нѣмецкими

и иными; въ-третьихъ, общественная совѣсть въ Польшѣ постоянно была возмущена такимъ порядкомъ вещей. Первое изъ этихъ положеній кажется автору особенно важнымъ, и онъ постоянно задаетъ себѣ вопросъ, откуда брала шляхта примѣръ для своего въ высшей степени искуснаго и поражающаго своею систематичностью, своимъ упорствомъ образа дѣйствій въ отношеніи къ массѣ сельскаго населенія. Злыми искусителями невинной польской шляхты являются нѣмцы съ одной стороны, а съ другой—русскіе, у которыхъ-де очень рано появилось «оріентальное стремленіе превратить вольнаго хлопа въ невольника *) путемъ уголовнаго законодательства» (стр. 48). Изъ Руси, вошедшей въ составъ Польши и начавшей рано оказывать на послѣднюю «почти всегда пагубное вліяніе» (стр. 45), польскіе законодатели заимствовали первые законы, бывшіе покушеніемъ на личную свободу польскихъ крестьянъ (стр. 48, 49 и 50. Ср. 107, 135 и др.). Съ другой стороны, Польша неоднократно брала примѣръ съ Германіи и по этимъ примѣрамъ устраивала бытъ своихъ собственныхъ крестьянъ (стр. 2, 37, 62, 99 и др.). «Нѣмцы,—восклицаетъ г. Пржиборовскій,—взаправду учинили намъ много кривдъ, но самой страшной, самой безъ сравненія печальною кривдой было распространеніе въ польской шляхтѣ яда крѣпостничества и идеи о превосходствѣ породы надъ хлопомъ» (стр. 70). Но и при всемъ томъ долго все-таки господствовалъ въ Польшѣ «благородный, гуманитарный духъ польскаго рыцарства, не зараженный еще (въ XVI в.) восточными вѣяніями» (naleciałościami wschodnemi, стр. 107), долго все-таки протестовало противъ крестьянской неволи «врожденное чувство справедливости, старая пястовская польская совѣсть, заглушенная чуждыми вѣяніями» (przyt łumione obcemi naleciałościami, стр. 110): «ни у одного народа, — говоритъ г. Пржиборовскій (стр. 117),—въ XVI и XVII вв. вы не найдете такой богатой литературы противъ угнетенія, какъ у насъ. Въ этомъ заключается утѣшеніе для сердца, *для національнаго чувства*, что эта самая польская шляхта, *прославленная врагами* какъ угнетательница хлоповъ, устами лучшихъ и даже худшихъ своихъ дѣтей изрекала слова истиннаго негодованія на то роковое направленіе, по которому пошла социальная жизнь края... Поистинѣ мы можемъ гордиться этимъ!» Въ этомъ и состоитъ третье положеніе автора. Что касается до втораго, то г. В. Пржиборовскій всегда сгущаетъ краски, когда описываетъ положеніе крестьянъ «въ иныхъ мѣстахъ», и черезчуръ скупится на изображенія того «мягкаго угнетенія», въ которомъ находился, по его словамъ, польскій хлопъ: мы, по крайней мѣрѣ, при всемъ, можетъ-быть, желаніи г. В. Пржиборовскаго смягчить краски въ картинѣ стараго быта польскихъ хлоповъ, не видимъ, въ чемъ,

*) Крѣпостному состоянію въ Россіи авторъ придаетъ вообще особый характеръ: „европейскаго, западнаго прикрѣпленія къ землѣ здѣсь не было,—говоритъ онъ на стр. 118,—но было опредѣленное стремленіе, заимствованное съ Востока, превратить крестьянина въ раба“.

собственно говоря, заключалась эта мягкость угнетенія. Положеніе русскихъ крестьянъ подъ польскими панами описывается довольно мрачно, но, во-первыхъ, оправдываетъ тутъ польскую шляхту авторъ: шляхта сама на Руси, среди варварскаго населенія, сдѣлалась варварской, и, во-вторыхъ, чинила безобразія не лично сама, а ея управляющіе. Вѣдь въ иныхъ же мѣстахъ не было такихъ притѣсненій, а мѣста эти лежали какъ разъ тамъ, «куда не могла проникнуть зараза ни изъ далекой Германіи, ни изъ еще болѣе отдаленнаго Заднѣпровья» (стр. 135 и 146).

Но довольно дѣлать выписки. И безъ того мы просмотрѣли съ читателемъ около ²/₃ всей книги. Разбирать ее съ точки зрѣнія научной мы не намѣрены, ибо въ этомъ отношеніи она для польской публики разобрана была, а для русской не можетъ быть интересна въ научной критикѣ такого труда, который ее ни въ какія заблужденія не введетъ, такъ какъ она читать его не станетъ; для характеристики же сочиненія В. Пржиборовскаго, какъ произведенія публицистическаго, мнѣ кажется, сказано было мною довольно. В. Пржиборовскому, очевидно, хотѣлось написать книжку, которая льстила бы національному самолюбію; но, взявши предметомъ изслѣдованія судьбу польскаго хлопа, онъ оказался вынужденнымъ обѣлять шляхту, потому что она *польская* шляхта, и полемизировать съ «чужими» историками, потому что они не имѣли этой тенденціи писать ради pociechy dla uczucia narodowego. Автора въ дѣйствительности интересуетъ не самъ крестьянинъ, а благородство польской націи, и вмѣсто того, чтобъ, обозрѣвъ исторію польскаго хлопа, воскликнуть: mea culpa, mea maxima culpa,—онъ утверждаетъ, что разсмотрѣніе отношеній шляхты къ крестьянамъ въ старой Польшѣ должно возбудить если не чувство гордости, то утѣшенія (стр. 231). Мы не станемъ также разсказывать о той полемикѣ, которая возникла изъ-за «Крестьянъ у насъ и въ другихъ мѣстахъ». Передовые органы варшавской прессы (Prawda, Przegląd tygodniowy) осудили твореніе Пржиборовскаго по достоинству, другіе же взяли автора подъ защиту.

Гораздо болѣе интереса представляетъ полемика по поводу другой польской книжки, вышедшей въ 1881 году. Мы говоримъ объ этюдѣ Хмелёвскаго о польской литературѣ за послѣднія 16 лѣтъ, съ которымъ читатель отчасти уже знакомъ изъ предыдущаго письма нашего. Это тоже не капитальный трудъ, и читатель не-полякъ не понялъ бы, почему сочиненіемъ Хмелёвскаго такъ занялась варшавская пресса. Между тѣмъ на эту книжку съ яростью, чуть не съ пѣной у рта, набросились и важные органы польскаго консерватизма, и самые легкомысленные листки, которые очень мѣтко Prawda въ данномъ случаѣ сравнила (№ 31 за 1881 года) съ веселыми мальчишками, бѣгущими впереди полка и, задирая высоко ноги, воображающими себя великими героями. Нападеніе было сдѣлано не только на автора, который, какъ извѣстно, состоитъ кандидатомъ на каѳедру польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ, но

и на всѣхъ польскихъ прогрессистовъ. Въ послѣднемъ письмѣ мы разсказали, какъ мало-по-малу затихла въ Варшавѣ брань между старыми и молодыми, бывшая тамъ въ разгарѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Появленіе сочиненія Хмелёвскаго разбередило старыя раны консерваторовъ, и они со злобой набросились на автора ненавистной книжки, объявивъ его невѣждой, человѣкомъ незнающимъ элементарной логики и дурнымъ польскимъ патріотомъ. Вмѣстѣ съ нимъ подверглась проклятію и вся партія молодыхъ, которая была объявлена безпочвенной, не имѣющей корней въ обществѣ, какимъ-то опаснымъ и вреднымъ недоразумѣніемъ. Молодая пресса сочла нужнымъ отвѣчать, упрекая, съ своей стороны, старую печать въ обскурантизмѣ и злостномъ недоброжелательствѣ. Въ двухъ отношеніяхъ любопытенъ этотъ эпизодъ изъ исторіи варшавской прессы за 1881 г.: во-первыхъ, можно видѣть изъ этой полемики двухъ направленій варшавской публицистики, что затишье, наступившее нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ борьбѣ общественныхъ идеаловъ и принциповъ, только временное, что обусловливается оно тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находится варшавская подцензурная пресса, и что, лишь только начнетъ она современемъ заниматься серьезно своими дѣлами, снова раздадутся бранные крики «старыхъ» и «молодыхъ». Съ другой стороны, различное пониманіе духа польской литературы послѣ возстанія 1863 г., которое мы находимъ во всей этой полемикѣ изъ-за книжки г. Хмелёвскаго, даетъ намъ возможность яснѣе представить себѣ нравственные облики обѣихъ партій и точнѣе опредѣлить ихъ идеалы. Впрочемъ, наибольшую опредѣленность и искренность въ этомъ отношеніи мы найдемъ только въ передовой публицистикѣ. Во время полемики обѣ партіи еще разъ сопоставили свои принципы и свои программы, но въ то самое время, какъ старая пресса обходилась одними общими мѣстами и часто не вполнѣ понятными намеками, передовая печать говорила очень ясно и опредѣленно. Здѣсь даже ей представился случай подвести итоги дѣятельности прогрессистовъ, такъ какъ ея непріятели отрицаютъ за нею всякое значеніе, всякое вліяніе на общество и какую бы то ни было пользу для края. Вотъ какъ именно возражаетъ *Правда* (№ 31) на это обвиненіе: «Послѣ печальнаго опыта послѣдняго вооруженнаго порыва *молодая пресса* первая, по крайней мѣрѣ, въ Царствѣ Польскомъ указала народу на иную дорогу,—на дорогу внутренней, культурной (cywilizacyjnej), экономической и умственной работы, которая одна только въ состояніи насъ возродить и воскресить. Эта идея теперь сдѣлалась общимъ мѣстомъ, но тогда она была не только новой, но даже смѣлой (zuchwałą). Смѣлой и новой была также и другая идея, идея единенія (łączności) и солидарности съ племенами, входящими въ составъ славянщины, провозглашаемая теперь даже тѣми газетами, которыя съ негодованіемъ ее отвергали. Не менѣе имѣла значенія дѣятельность *молодыхъ* въ вопросахъ общественныхъ. Безпокойныя претензіи шляхты послѣ крестьянской реформы нашли отзвукъ жа-

лостныхъ стоновъ единственно въ *старой прессѣ*; только *молодая*, не скрывая извѣстныхъ недостатковъ въ проведеніи реформы, признала ея пользу и пригласила общество примириться съ этимъ актомъ поздней, но давно вожделѣнной справедливости, обративъ его вниманіе на необходимость улучшенія быта народа. Плодомъ этого было усиленіе демократическаго движенія, которое такъ сильно охватило литературу, что бо́льшая часть ея художественныхъ произведеній почерпнула свое содержаніе изъ народной жизни *). Очень можетъ быть, что *молодые* не совершили великихъ открытій въ наукѣ, но вѣрно однако то, что они обогатили ее рядомъ цѣнныхъ работъ, что довели до необыкновенныхъ размѣровъ издательскую дѣятельность, что, наконецъ, съ неизвѣстною дотолѣ рѣшительностью старались освободить знаніе изъ-подъ власти вѣры, сдѣлать его безусловно самостоятельнымъ, основать его на положительныхъ данныхъ науки, что стали проводниками и распространителями новѣйшей философіи. Равнымъ образомъ, нигдѣ такъ громко, какъ въ прогрессивныхъ органахъ, не заявлялось о необходимости самой безпристрастной критики нашей исторіи, уничтоженія вредныхъ обмановъ и того никуда негоднаго самохвальства, которое вселило въ насъ чисто израильскую манію избраннаго народа. Сначала это называли *неуваженіемъ къ традиціямъ* (nieposzanowaniem tradycyi) и *мараніемъ собственнаго гнѣзда* (kalaniem własnego gniazda), но мало-по-малу принципъ этотъ не только побѣдилъ въ теоріи, но даже очень удачно былъ проведенъ въ извѣстныхъ трудахъ молодыхъ историковъ. Наконецъ, защита реализма въ искусствѣ, низведеніе послѣдняго изъ-за облачныхъ сферъ въ дѣйствительную жизнь составляетъ также заслугу *молодыхъ* въ области творчества... Мы не станемъ спорить, что мотивы для этого выступленія *молодыхъ* скрывались въ предыдущей эпохѣ нашей исторической жизни, что идеи, которыя съ жаромъ проповѣдывали *молодые*, заимствованы изъ-за границы, но въ ту пору онѣ были новыми и дѣятельными факторами прогресса».

Вотъ программа *молодыхъ*, которую такимъ образомъ можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) внутренняя органическая работа, а не рискованныя политическія предпріятія; 2) единеніе и солидарность съ другими славянскими народами; 3) признаніе значенія за крестьянскою реформой 1864 года и забота объ улучшеніи быта народа; 4) освобожденіе знанія отъ клерикализма и свѣтская независимая культура; 5) критическое отношеніе къ своему прошлому и протестъ противъ національнаго самомнѣнія; 6) сближеніе литературы съ жизнью. Дѣйствительно, почти всѣ пункты этой програмы, какъ мы увидимъ, начали уже понемногу, хоть и не вполнѣ, входить въ жизнь польскаго общества, такъ что если

*) Въ другомъ мѣстѣ статьи сказано: Główne gwiazdy nieba konserwatywnego: p. p. Prus, Sienkiewicz, Ochorowicz i inni—zaświeciły chyba na niem od strony „prasy młodej“ (главныя свѣтила консервативнаго неба засіяли на немъ со стороны „молодой прессы“).

послѣднее движется, идетъ сколько-нибудь впередъ, то только по «ритму молодыхъ», какъ выражается г. Свентоховскій, по ихъ направленію и къ ихъ цѣлямъ: *старая пресса* скорѣе постоянно убаюкиваетъ общество и отрываетъ его отъ движенія впередъ и отъ дѣятельной жизни, время отъ времени предостерегая его отъ прогрессистовъ. Одинъ изъ самыхъ употребительныхъ упрековъ польскихъ консерваторовъ заключается въ томъ, что *молодая пресса* предаетъ гласности злоупотребленія духовенства: это,—говорятъ они,—ослабляетъ католицизмъ, что очень неудобно въ «нашемъ положеніи». Полемика о книжкѣ г. Хмелёвскаго дозволила прогрессистамъ сдѣлать подобный же упрекъ своимъ противникамъ: хорошо ли,—спрашиваютъ они,—въ «нашемъ положеніи» такъ нападать на единственнаго, единогласно выбраннаго, кандидата на каѳедру польской литературы въ университетѣ, послѣ того какъ каѳедра эта возобновляется послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго перерыва? Самый фактъ избранія на эту каѳедру г. Хмелёвскаго «старыми» профессорами *) кажется представителямъ *молодой прессы* знаменемъ побѣды: въ лагерѣ *старой прессы* не нашли достойнаго кандидата, который могъ бы занять это мѣсто въ университетѣ. Во-вторыхъ, консервативные органы указываютъ обществу на то, что напрасно-де прогрессисты именуютъ себя имѣющею почву партіей. Передовая пресса, пожалуй, готова согласиться съ тѣмъ, что ея представители не составляютъ изъ себя организованной партіи, но, по ея мнѣнію, это происходитъ вслѣдствіе того, что борьба ведется исключительно теоретическая; во всякомъ же случаѣ тутъ нужно-де обращать главное вниманіе на то, какимъ идеямъ,—судя по теперешнему ходу вещей, — принадлежитъ будущее, и на то, распространяются ли и теперь эти идеи въ обществѣ, хотя бы онѣ и не имѣли за себя опредѣленной, сплоченной и организованной партіи. Скрывая, можетъ-быть, отъ другихъ и отъ себя самихъ все-таки неприглядное настоящее, прогрессисты однако убѣждены въ своей побѣдѣ въ будущемъ. «Элементъ либерализма и демократизма,—читаемъ мы въ *Правдѣ*,—сдѣлался въ нашемъ обществѣ весьма важнымъ факторомъ, котораго литературные башибузуки не одолѣютъ и съ которымъ они должны считаться. Недоброжелательное подкладываніе камней подъ колеса идущаго поѣзда, еслибы даже и заставило соскочить съ рельсовъ тотъ или другой вагонъ, не въ состояніи уничтожить самую дорогу». Но если *Правда* и основательно утверждаетъ, что намѣченная ею программа *молодыхъ* начинаетъ входить въ сознаніе большинства польскаго общества, то нельзя все-таки сказать, чтобы всѣ части программы одинаково имъ усвоивались. Дѣйствительно,

*) Сколько намъ извѣстно, г. Хмелёвскій былъ избранъ *польскими* профессорами Варшавскаго университета, собравшимися по этому случаю въ частное засѣданіе полу-оффиціальнаго характера. Составъ польскихъ профессоровъ университета не обновлялся послѣ 1869 года, такъ что среди нихъ совсѣмъ нѣтъ молодыхъ.

общимъ мѣстомъ варшавской публицистики сдѣлалась только идея необходимости внутренней органической работы, да и то въ противоположность прежнимъ попыткамъ воскрешенія Польши путемъ возстаній; но въ чемъ должна заключаться эта работа, въ этомъ не всѣ согласны между собой, ибо каждая партія смотритъ на дѣло по-своему. Далѣе, тезисъ о необходимости солидарности съ другими славянами въ варшавской прессѣ поставленъ до сихъ поръ слишкомъ общо; притомъ русскій народъ какимъ-то tacito consensu публицистовъ какъ бы выключается изъ этого единенія, и только *молодая пресса* если теоретически и не обсуждаетъ вопроса о *примиреніи* (по причинамъ, можетъ-быть, отъ нея независящимъ), то входитъ de facto, по крайней мѣрѣ, въ литературное съ нами общеніе: особенно въ *Правдѣ* много переводовъ съ русскаго, разборовъ русскихъ книгъ и статей, корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, извѣстій о выходѣ въ свѣтъ русскихъ сочиненій и т. п. Что касается до крестьянскаго вопроса, то имъ все еще мало занимаются въ Варшавѣ даже въ передовыхъ органахъ, не говоря уже о консервативныхъ изданіяхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться на сторонѣ крестьянской реформы 1864 года: недавняя полемика г. Залэнскаго съ профессоромъ Симоненко, о которой мы упоминали въ третьемъ письмѣ, показываетъ, гдѣ симпатіи *старой прессы*. Въ дѣлѣ высвобожденія знанія изъ-подъ клерикальныхъ вліяній шагъ впередъ сдѣланъ, дѣйствительно, большой, и само духовенство должно съ этимъ согласиться: напримѣръ, небольшой кружокъ варшавскихъ ксендзовъ, видя, что никто не читаетъ *Католическаго Обозрѣнія* (Przegląd Katolicki) и что это изданіе не оказываетъ никакого вліянія на публицистику, даже задумалъ было въ прошломъ году основать новый религіозный еженедѣльникъ «для свѣтской интеллигенціи», дабы бороться съ «безбожнымъ духомъ времени». Но не такъ успѣшно за то идетъ освобожденіе исторіи польской отъ тенденціозности національнаго самовосхваленія: прекраснымъ примѣромъ послѣдняго можетъ служить книжка г. Валерія Пржиборовскаго. Во всякомъ случаѣ новымъ идеямъ долго еще придется прокладывать себѣ дорогу въ польское общество, и не разъ еще, даже при теперешнемъ положеніи варшавской прессы, между *старыми* и *молодыми* будутъ возникать ожесточенныя полемики изъ-за всякаго литературнаго явленія, къ которому можно только будетъ придраться, чтобы еще разъ преломить копья. Съ своей стороны мы можемъ только пожелать *молодымъ* успѣха и увѣрить ихъ, что много найдется въ русскомъ обществѣ людей, которые присоединятъ свои пожеланія къ нашему.

В. Р. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Картинки родной дѣйствительности.

Застой въ промышленности у насъ продолжается нѣсколько лѣтъ и до сего времени не видно впереди конца его. Сокращеніе производства, какъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и кустарей, съ особенною силой обнаружилось съ 1880 года. Въ теченіе 1880 и 1881 гг. безпрерывно продолжалось частью сокращеніе, частью совершенная пріостановка работъ на фабрикахъ, причемъ множество рабочихъ оставалось безъ заработка, а остальнымъ заработная плата значительно уменьшилась. Застой въ промышленности обнаружился въ это время повсемѣстно, въ чемъ читатель легко можетъ убѣдиться, если припомнитъ факты, сообщенные нами во «Внутреннемъ Обозрѣніи» въ майской книжкѣ *Русской Мысли*. Равнымъ образомъ мы уже доказывали рядомъ фактовъ во «Внутреннемъ Обозрѣніи» за апрѣль, что, въ теченіе всей минувшей зимы, также продолжалось сокращеніе работъ на фабрикахъ и заводахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шло паденіе заработной платы; поэтому теперь не станемъ повторять сказаннаго ранѣе и уже извѣстнаго читателямъ, но ограничимся однимъ лишь сообщеніемъ фактовъ въ доказательство того, что, въ теченіе весны и лѣта, вплоть до настоящихъ дней, застой въ промышленности продолжается съ прежнею силой и массы рабочихъ остаются или совсѣмъ безъ заработка, или же получаютъ ничтожную заработную плату, величина которой все продолжаетъ понижаться.

Извѣстно, что промышленность Царства Польскаго находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно со внутренними губерніями Имперіи. Высокій, охранительный тарифъ сильно способствуетъ процвѣтанію польской промышленности, потому что заграничные фабриканты, имѣющіе дѣла съ Россіей, по мѣрѣ увеличенія таможенной пошлины на заграничные фабрикаты, переносятъ свою дѣятельность въ пограничныя губерніи Царства Польскаго. Несмотря на такое искуственное поощреніе промышленности въ Царствѣ Польскомъ при помощи охранительнаго тарифа, все-таки фабричное производство тамъ значительно сокращается.

Такъ, лѣтомъ нынѣшняго года, въ Варшавѣ оставалось безъ работы до 20.000 рабочихъ. Положеніе варшавскихъ работниковъ, по случаю безработицы, было до такой степени тяжело, что на заводъ Шведе явилась депутація рабочихъ, съ просьбою разсчитать рабочихъ-нѣмцевъ, потому что, по недостатку работъ, мѣстнымъ рабочимъ ѣсть нечего. Изъ Калиша пишутъ *Голосу*, что тамъ число винокуренныхъ заводовъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Въ Томашевѣ работы на фабрикахъ сокращаются, потому что купцы отказываются даже отъ сдѣланныхъ ранѣе заказовъ. Въ сосѣднихъ съ Польшею губерніяхъ дѣла находятся не въ лучшемъ положеніи. Напримѣръ, изъ Могилева-Подольскаго въ *Новое Время* пишутъ, что, по причинѣ всеобщаго безденежья, крайне трудно приходится здѣсь существовать рабочему люду, который не находитъ совсѣмъ работы. Отъ большаго предложенія труда, заработная плата понизилась до 30 коп. въ день при собственныхъ харчахъ работника. Подобнаго рода жалобы приходятъ также изъ Прибалтійскаго края. Такъ *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ изъ Виндавы, Курляндской губерніи, что, въ послѣднее время, мѣстная фабричная дѣятельность значительно упала. Особенно чувствительно отозвалось на рабочемъ людѣ прекращеніе работъ на извѣстной мѣстной стеклянной фабрикѣ «Карлсгютте». Хозяева этой фабрики прекратили платежи, а сотни рабочихъ остались безъ куска хлѣба.

Московская губернія, населеніе которой, главнымъ образомъ, живетъ доходами отъ широко развитой здѣсь промышленности, въ настоящее время переживаетъ тяжелыя лишенія по случаю безработицы. Для характеристики бѣдственнаго положенія, въ какомъ находится здѣшнее населеніе, возьмемъ, напримѣръ, Горбовскую и Моревскую волости въ Рузскомъ уѣздѣ. За крестьянами этихъ двухъ волостей, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Русскаго Курьера*, числится въ недоимкѣ около 100.000 рублей. Причина такой ужасной задолженности заключается въ томъ, что хлѣбопашество даетъ возможность здѣшнему крестьянину прокармливаться какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца, а въ остальные восемь мѣсяцевъ онъ долженъ зарабатывать себѣ пропитаніе другимъ путемъ. Выручаютъ немного крестьянъ, распространенные здѣсь съ давняго времени, отхожіе промыслы, которые сдѣлались, въ послѣднее время, почти спеціальнымъ занятіемъ жителей. Но частое колебаніе фабричной промышленности въ послѣдніе годы и застой вообще въ дѣлахъ вынуждаютъ фабрикантовъ сокращать свое производство, вмѣстѣ съ чѣмъ постоянно урѣзывается и заработная плата, пониженная на 40—50% сравнительно съ прежними годами. Заработки годъ отъ году понижаются, тогда какъ жизненные припасы стоятъ на высокой цѣнѣ сравнительно съ прежними годами. Точно также изъ Богородскаго уѣзда пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что въ волостяхъ Беззубовской, Дорховской, Новинской, Заноровской и Ильинской крестьянское населеніе постепенно приходитъ къ

разоренію. Главная причина кроется въ томъ, что земельныя владѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, при выдачѣ послѣднимъ уставныхъ грамотъ, значительно урѣзаны; удѣльные крестьяне и прежде не пользовались достаточнымъ количествомъ угодій, а въ послѣдніе годы и вовсе стѣснены въ этомъ отношеніи; у государственныхъ же крестьянъ, при нарѣзкѣ надѣловъ, по владѣннымъ записямъ, вышла какая-то путаница и они заняты постоянными процессами между собою. Въ общемъ и тѣ и другіе страдаютъ малоземельемъ, недостаткомъ выгоновъ, покосовъ, такъ что мужику приходится туго со всѣхъ сторонъ. Хлѣбопашество даетъ возможность здѣшнему крестьянину прокормиться лишь какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца, а въ остальные восемь мѣсяцевъ онъ долженъ зарабатывать себѣ пропитаніе другимъ путемъ. Такимъ пособіемъ среди крестьянъ вышепомянутыхъ волостей является, распространенное здѣсь съ давняго времени, ручное ткачество, которое сдѣлалось въ послѣднее время почти спеціальнымъ занятіемъ жителей. Но частое колебаніе фабричной промышленности въ послѣдніе годы и застой вообще въ дѣлахъ вынуждаютъ фабрикантовъ сокращать свое производство, вмѣстѣ съ чѣмъ постепенно урѣзывается и заработная плата, пониженная теперь на 40—50% сравнительно съ прежними годами. Доказательствомъ такого невѣроятнаго пониженія заработной платы служатъ отписныя, реверсныя разсчетныя книжки рабочихъ за ближайшіе годы — 1878 и 1879. Сравнивая заработки ткачей за эти годы съ теперешними, видно, что за выработку куска плотнаго тику въ 58—60 аршинъ фабриканты платили отъ 3 руб. до 3 руб. 40 к., теперь же не выше 1 руб. 60 коп.; за вытканный кусокъ карусета въ 55—58 аршинъ прежде ткачъ получалъ 2 руб., 2 руб. 20 коп., а теперь за кусокъ въ 65—70 арш. беретъ не дороже 1 руб. 70 коп. Болѣе легкія бумажныя матеріи, камлотъ, сарпинка и другія оплачивались прежде 2—2½ коп. съ аршина, теперь тканье ихъ цѣнится по 1¼—1½ коп. съ аршина. Ткачъ средней руки «выгоняетъ» въ недѣлю не больше куска любой ткани, и только самые бойкіе и лучшіе рабочіе выставляютъ два куска въ недѣлю, зарабатывая около трехъ рублей. Изъ этого сравненія видно, что заработки годъ отъ году понижаются, тогда какъ жизненные припасы стоятъ въ высокой цѣнѣ сравнительно съ прежними годами. Крестьянину, при такомъ скудномъ заработкѣ, трудно свести концы съ концами даже по продовольствію своей семьи, а за этимъ на очереди стоятъ не легкія подати и разныя повинности, которыя начальство требуетъ, по обыкновенію, неотступно; какъ тутъ вывернуться—вопросъ весьма загадочный. По словамъ другаго корреспондента той же газеты, въ Богородскомъ уѣздѣ не только все продолжаетъ понижаться заработная плата на фабрикахъ и ткачи ищутъ другихъ болѣе выгодныхъ работъ, отправляясь даже на торфяники, но кромѣ того многіе фабриканты совсѣмъ пріостановили свои дѣла. Равнымъ образомъ изъ Загарья, Богородскаго уѣзда, пишутъ *Русскимъ Вѣ-*

домостямъ, что мѣстная мѣдно-литейная промышленность, распространившаяся, въ послѣдніе года, по всѣмъ почти селеніямъ Загарскаго околодка, находится въ настоящее время въ стѣсненномъ положеніи. Крупныхъ мастерскихъ здѣсь вовсе нѣтъ и промышленность эта ведется исключительно кустарнымъ образомъ. Кустари, изготовивъ небольшое количество вещей, благодаря близости Москвы, отправляются сбывать свои издѣлія московскимъ торговцамъ, чтобы, сдѣлавъ оборотъ, выручить деньжонокъ на домашнія нужды и купить необходимыхъ матеріаловъ. Сношенія кустарей-мѣдниковъ съ московскимъ рынкомъ почти еженедѣльныя и большинство изъ мастеровъ сбываютъ свои издѣлія почти въ однѣ и тѣ же руки. Значитъ, конкуренція является неизбѣжною, а московскіе торгаши, пользуясь этимъ об.тоятельствомъ, жмутъ кустарей до невозможности. Вообще здѣшнему кустарю трудно извернуться: или нужно сбывать хотя малое количество выдѣланныхъ вещей, тратясь часто на поѣздку, или же необходимо прибѣгать къ помощи мѣстныхъ благодѣтелей, въ образѣ ростовщиковъ, взимающихъ за краткосрочную ссуду—на одну, на двѣ недѣли—не менѣе 10%, и кулаковъ, скупающихъ издѣлія мѣдниковъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Скупщики сбываютъ загарскія издѣлія, какъ-то: самовары, подсвѣчники, оконныя и дверныя принадлежности, а также и экипажныя, крупными партіями въ Петербургѣ и Москвѣ и отчасти на Нижегородской ярмаркѣ, пользуясь всѣми выгодами, вмѣсто кустарей. Точно также изъ Бронницкаго уѣзда сообщаютъ той же газетѣ, что кустарная промышленность въ уѣздѣ, выражающаяся въ различныхъ видахъ, годъ отъ году замѣтно упадаетъ. Кустарей постигаютъ невзгоды отовсюду: ихъ жмутъ московскіе торговцы-покупатели, съ нихъ берутъ лихву мѣстные кулаки и ростовщики, къ которымъ кустари, по необходимости, прибѣгаютъ въ день нужды. Словомъ, положеніе кустарей крайне незавидное, избавиться отъ котораго не видится покуда надежды. Еще недавно по деревнямъ, особенно въ Ашитковской и Усмерской волостяхъ, тамъ и сямъ виднѣлись маленькія фабрички, въ которыхъ ткались миткали; теперь, возникшія по сосѣдству, въ Харловѣ, Барановской и Раменскомъ, крупныя механическія фабрики совсѣмъ устранили кустарниковъ-миткальщиковъ, для которыхъ немыслимо выдерживать конкуренцію съ болѣе усовершенствованнымъ тканьемъ и, вдобавокъ, съ капиталомъ. Здѣшнему крестьянину-земледѣльцу, при малоземельи, еще можно было дышать при помощи кустарныхъ промысловъ, такъ какъ одно поддерживало другое: соха давала возможность кормиться, а промыслы доставляли небольшія средства на поддержку хозяйства и на уплату податей и злосчастныхъ недоимокъ. А теперь, при незавидномъ положеніи кустарной промышленности, большинство идетъ на фабрики, оставляя домашнее хозяйство на произволъ судьбы, а за надѣлъ подати все-таки должны быть доставлены въ извѣстные сроки, подъ страхомъ конфискаціи послѣднихъ животовъ и задержки паспорта. Кромѣ бумаготкацкаго

промысла, въ Бронницкомъ уѣздѣ, а главнымъ образомъ въ Гжели, развита до обширныхъ размѣровъ гончарная промышленность, возникшая здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія. Заводчики, выдѣлывавшіе сначала разныя вещи изъ мѣстной желтой глины, мало-по-малу стали совершенствовать свои произведенія и достигли высокаго искусства въ выработкѣ художественныхъ фарфоровыхъ вещей. Знаменитая «глуховская» глина (изъ Черниговской губ.) стала требоваться сюда крупными транспортами, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно развивалось и фарфоровое дѣло въ Гжели. Заводчики: Киселевъ, Овечкины, Рачкинъ, развивая производство, привлекли на свои заводы все почти населеніе Гжели, подъ собирательнымъ именемъ которой разумѣется десятка полтора селеній, разбросанныхъ по берегамъ рѣки Гжелки. Теперь и старъ и младъ работаютъ на заводахъ и больше никакого ремесла въ рукахъ гжельцы не имѣютъ. Фабрикантамъ стало уже тѣсно въ Гжельскомъ районѣ и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Кузнецовъ, перенесли свою дѣятельность въ другія мѣста. Онъ основалъ обширные заводы въ г. Ригѣ и въ губерніяхъ Харьковской, Тверской и Владимірской, куда эмигрировала часть гжельскаго населенія. Гжельцы большею частію все мастера, а для подготовительныхъ работъ нанимается пришлый людъ изъ другихъ губерній. Теперь гжельское населеніе попало подъ опеку заводчиковъ: гжелецъ получаетъ и провизію у хозяина, и все прочее; хозяинъ уплачиваетъ за него подати и другія повинности. Словомъ, рабочее населеніе Гжели находится у фабрикантовъ въ долговой кабалѣ. Къ тому же, въ настоящее время, мѣстная гончарно-фарфоровая промышленность находится въ весьма незавидномъ положеніи. Большинство фабрикантовъ жалуются на застой, на полное отсутствіе спроса на рынкахъ и постепенно сокращаютъ свое производство. Нѣкоторые заводы совсѣмъ пріостановлены, а другіе разсчитываютъ рабочихъ за ненадобностью.

Во Владимірской губерніи размѣры промышленности все продолжаютъ съуживаться. На многочисленныхъ фабричныхъ заведеніяхъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, въ нынѣшнемъ году, было чрезвычайно обильное предложеніе рабочихъ рукъ на лѣтнія работы, считая съ Пасхи до осенняго заговѣнья. Къ Пасхѣ сюда нахлынула масса рабочихъ изъ губерній Владимірской, Рязанской, Тульской, Московской, Калужской. Наплывъ рабочихъ вызвалъ пониженіе и безъ того невысокой платы, отчего коренные мѣстные рабочіе встрѣтили пришельцевъ крайне недружелюбно. Фабрики не могли удовлетворить весь громадный спросъ на работу и много рабочихъ должно было возвратиться на родину, не найдя заработка. Вскорѣ оказалось, что даже нанятымъ рабочимъ нѣтъ достаточно занятій, потому что фабриканты, вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, были вынуждены сократить производство. На нѣкоторыхъ фабрикахъ ночныя смѣны совсѣмъ уничтожены, такъ что число рабочихъ должно уменьшиться на половину; вообще положеніе рабочаго люда незавидное. Изъ Покровскаго уѣзда

Русскому Курьеру сообщають, что фабричныя дѣла положительно въ застоѣ. Мастерки и кустарники жалуются на плохое положеніе дѣлъ, будучи стѣснены болѣе крупными фабрикантами, съ которыми они имѣютъ дѣло. Лишь только начались заработки послѣ Пасхи, многіе фабриканты понизили заработную плату; бумажныя ткани—карусетъ, крепъ, трико, камлотъ, серпянка—ткутся крестьянами въ своихъ домахъ, отъ 70 до 90 коп. съ куска длиною въ 60—65 арш. Самый бойкій ткачъ вырабатываетъ въ недѣлю не болѣе какъ 1½ куска, получая за работу немного болѣе рубля. При такомъ скудномъ заработкѣ крестьянинъ съ трудомъ можетъ только прокормиться, не говоря уже объ исправномъ взносѣ податей. Точно также изъ Александровскаго уѣзда сообщаютъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что мѣстные кустарники и «мастерки» съ трудомъ тянули свои дѣла до Пасхи, вслѣдствіе стѣсненій со стороны крупныхъ фабрикантовъ. Заработная плата предлагается ими крестьянамъ-ткачамъ самая низкая, можно сказать—еще небывалая здѣсь. Мѣстное крестьянство, занимающееся исключительно домашнимъ промысломъ, сильно опечалено застоемъ дѣлъ. Въ Тулѣ мѣстный ружейный заводъ сначала значительно сократилъ производство, по случаю уменьшенія заказовъ на ружья отъ военнаго министерства, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ работы на неопредѣленное время, по причинѣ прорыва плотины. На частныхъ заводахъ работа тоже идетъ плохо, такъ какъ вообще со скобянымъ товаромъ очень тихо, и даже у такихъ крупныхъ фабрикантовъ, какъ Балашевы и Баташевы, готоваго товара стоитъ пропасть. По словамъ тульскаго корреспондента *Современныхъ Извѣстій*, «сокращеніе работъ на мѣстномъ ружейномъ заводѣ, вслѣдствіе чего слишкомъ 3.000 мастеровъ оказались вдругъ внѣ всякой возможности добыть кусокъ хлѣба, необыкновенная дороговизна всѣхъ жизненныхъ припасовъ, крайне ничтожный спросъ на скобяныя и другія издѣлія мѣстныхъ кустарей—все это, вмѣстѣ взятое, поставило мѣстный мастеровой людъ въ самое безвыходное положеніе и породило такую массу нищенства, о какомъ нѣкогда цвѣтущая, богатая Тула никогда и не слыхала. Побираются не только старцы, больные и калѣки, но и здоровые, молодые мастера. На папертяхъ церквей тѣснятся они десятками; по улицамъ нѣтъ проходу отъ нищихъ. Тульскій начальникъ губерніи обратилъ на это вниманіе и приказалъ полиціи строго слѣдить за нищими, привлекая ихъ къ отвѣтственности за попрошайничество. Полиція не замедлила преслѣдовать виновныхъ и вскорѣ всѣ городскіе мировые судьи буквально были завалены протоколами о дѣлахъ подобнаго характера. Тутъ-то и выяснилась несостоятельность полицейскихъ мѣръ въ такихъ вопросахъ. Мировымъ судьямъ пришлось разрѣшать гордіевы узлы. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ долженъ былъ судить женщину за то, что она допускала своихъ дѣтей нищенствовать. На судѣ выяснилось, что обвиняемая—вдова, имѣетъ двоихъ дѣтей 8 и 11 лѣтъ, сама цѣлый день работаетъ на сахарномъ заводѣ братьевъ Те-

рещенко и получаетъ 18 коп. въ день. Брать ихъ съ собой она не можетъ, оставить не на кого, а что самое главное—прокормить нечѣмъ. Мировому судьѣ предстала такимъ образомъ для разрѣшенія дилемма, оба рѣшенія которой одинаково неудовлетворительны: оправдать виновную—значитъ узаконить нѣкоторымъ образомъ попрошайничество, обвинить—тогда нужно ее посадать въ острогъ, но куда въ такомъ случаѣ дѣвать ребятишекъ? Этого мало: попавъ въ острогъ, она по выходѣ оттуда принуждена будетъ и сама идти по міру, такъ какъ послѣдній источникъ ея мизернаго заработка уничтожится. Еще печальнѣе слушать, какъ нѣкоторые подсудимые изъ нищихъ искренно умоляютъ судью посадить ихъ на возможно большій срокъ въ острогъ, чтобы подольше пользоваться даровою квартирой и пищей отъ казны». *Волжско-Камское Слово* сообщаетъ, что Пермское Франко-Русское Уральское общество пріостановило почти всѣ свои дѣйствія. Достройка существующихъ зданій и сооруженій, а также постройка новыхъ, по словамъ газеты, совсѣмъ остановлены. Три четверти изъ всего числа работавшихъ на вновь возводимомъ Чусовскомъ заводѣ уволены, пріостановлены также подряды и поставки. Вмѣсто существовавшей кипучей дѣятельности, тамъ теперь пустота и мертвенность. Что за причина остановки, говоритъ газета, никто не знаетъ, а директоръ и его управленіе отмалчиваются. Полагаютъ, что за израсходованіемъ 8.000.000 франковъ основнаго капитала рессурсы общества истощились; крахъ же Ліонскаго банка убилъ остальное. Изъ Петрозаводска сообщаютъ *Голосу*, что здѣшній заводскій рабочій людъ переживаетъ печальное время. Отсутствіе заработка въ Александровскомъ пушечно-литейномъ заводѣ, длящееся уже нѣсколько лѣтъ, гнетуще вліяетъ на жизнь здѣшнихъ жителей, можно сказать, большинство которыхъ взрощено и вскормлено заводомъ. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто прежнихъ годичныхъ нарядовъ по отливкѣ пушекъ и снарядовъ, къ нимъ гирь и проч., доходившихъ до милліона рублей, если не болѣе, въ нынѣшнемъ году заводу данъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ нарядъ лишь въ 200.000 руб. для небольшаго производства снарядовъ. Съ уменьшеніемъ производительности Александровскаго завода затихла и дѣятельность трехъ заводовъ, служившихъ ему подспорьемъ по выдѣлкѣ чугуна: Валазминскаго, Сюрьянскаго и Кончезерскаго. И на этихъ заводахъ сотни людей теперь живутъ безъ заработка, впроголодь, накопляя различныя недоимки. При всемъ совершенствѣ здѣшняго завода въ техническомъ отношеніи, заготовка головокъ къ снарядамъ, винтовъ и мѣдныхъ поясковъ для нихъ производится теперь въ Петербургѣ, привозится сюда, и все это, придѣланное къ отлитымъ здѣсь снарядамъ, везется обратно въ арсеналы столицы. Газетѣ *Южный Край* пишутъ изъ Луганскаго завода, находящагося въ Славяносербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, что тамъ наступила страшная безработица; много рабочихъ разсчитано на мѣстномъ литейномъ заводѣ; усиливается пьянство и случаи нарушенія тишины и по-

рядка на улицахъ; начальство завода опасается за свое спокойствіе. Въ видахъ уменьшенія заработной платы, фабриканты въ последнее время стали прибѣгать къ новому, не практиковавшемуся раньше, средству, именно: къ расплатѣ купонами, отрѣзанными отъ процентныхъ бумагъ. По этому поводу на имя министра финансовъ поступила изъ Нижняго-Новгорода слѣдующая записка: «Капиталисты первоначально отрѣзывали купоны за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ и, постепенно прибавляя, дошли до того, что въ настоящее время стали появляться купоны, отрѣзанные впередъ до пяти лѣтъ; всѣ разсчеты съ рабочими и подрядчиками производятся купонами. Въ сложности капиталисты наживаютъ, а рабочіе теряютъ приблизительно 20 коп. на рубль, что составитъ, полагая рабочую плату 75 к. въ день, а рабочихъ дней въ году 280,—42 р. въ годъ на каждаго работника. Это вопіющее зло, поддерживаемое мѣнялами, въ особенности московскими, и наносящее величайшій вредъ торговлѣ и промышленности, можетъ быть устранено единственнымъ способомъ—изъятіемъ изъ народнаго обращенія купоновъ, отрѣзанныхъ впередъ, съ учетомъ шести процентовъ въ годъ».

Сокращеніе заработной платы на фабрикахъ, бывшее прямымъ послѣдствіемъ промышленнаго застоя, вызвало болѣе или менѣе значительныя забастовки рабочихъ. Понятное дѣло, что, при теперешнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, стачки не могли принести никакой пользы рабочимъ При отсутствіи у насъ всякой организаціи для помощи стачникамъ, рабочіе не въ состояніи выдержать продолжительной забастовки, чтобы вынудить хозяевъ на уступки своимъ требованіямъ. Съ другой стороны, при теперешней безработицѣ, конкуренція на рабочемъ рынкѣ до такой степени сильна, что забастовавшіе рабочіе могутъ быть тотчасъ же замѣнены новыми. Все это рабочіе очень хорошо понимаютъ, и если они, въ нынѣшнемъ году, рѣшались на стачки, то были доведены до этого не правильнымъ разсчетомъ, но безнадежнымъ отчаяніемъ. Намъ извѣстны слѣдующіе случаи стачекъ. На Пермскомъ пушечномъ заводѣ, въ первыхъ числахъ февраля, въ одномъ изъ механическихъ отдѣленій, именно въ слесарномъ, между рабочими, въ числѣ около 200 человѣкъ, произошла стачка съ прекращеніемъ работъ. Ближайшимъ поводомъ къ ея возникновенію было назначеніе на должность главнаго мастера нѣкоего Чурилова, который въ средѣ рабочихъ пріобрѣлъ извѣстность своими непомѣрными притѣсненіями и сбавкою заработной платы, притомъ отличается полнымъ невѣжествомъ не только въ научныхъ техническихъ знаніяхъ, но и въ самыхъ простыхъ практическихъ. Рабочіе требовали или удалить ненавистнаго имъ человѣка, или дать имъ окончательный разсчетъ. По словамъ газеты *Страна*, 19-го мая, на с.-петербургскомъ гвоздильномъ заводѣ, помѣщающемся по 25-й линіи Васильевскаго острова и принадлежащемъ акціонерной германской компаніи, произошли безпорядки среди рабочихъ проволочнаго отдѣленія завода. Причиной безпорядковъ было

объявленіе, вывѣшенное 19-го мая на заводѣ и предупреждавшее о пониженіи черезъ двѣ недѣли заработной платы на 10°/о противъ существовавшей до того времени. Взволнованные такимъ обстоятельствомъ, рабочіе собрались вмѣстѣ и заявили, что они не желаютъ и не могутъ работать при подобныхъ условіяхъ. На это имъ отвѣтили, что тѣ изъ нихъ, кто не хочетъ работать, могутъ получить разсчетъ. Тогда среди рабочихъ произошло нѣкоторое замѣшательство, причемъ, говорятъ, былъ побитъ мастеръ завода. Часть рабочихъ пошла однако на уступку и согласилась работать, къ крайнему неудовольствію другой части своихъ товарищей, потребовавшихъ разсчета. Обо всемъ этомъ немедлено дано было знать полиціи и принятыми мѣрами порядокъ былъ возстановленъ, такъ что 20-го мая заводъ снова работалъ. Надо замѣтить, что средній заработокъ рабочаго въ проволочномъ отдѣленіи колеблется отъ 35 до 50 руб. въ мѣсяцъ, при работѣ отъ 6 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Пониженіе платы заводъ объясняетъ паденіемъ цѣнъ на проволоку, будто бы, на 30°/о. Въ іюлѣ весьма значительная стачка происходила въ Ревелѣ. Число забастовавшихъ простирается до 6.000 человѣкъ, а по словамъ другихъ— до 15.000. Фабриканты требовали, чтобы ткачи за 15 коп. представляли 72 арш. ткани, вмѣсто 52 арш., какъ было доселѣ; напротивъ ткачи требовали возвышенія рабочей платы съ 15 коп. до 20 коп. Фабриканты предложили имъ только 18 коп., но ткачи настаивали на своемъ требованіи. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, фабричные не получили отъ своихъ хозяевъ обѣщаннаго имъ вознагражденія за чрезвычайныя работы; кромѣ того, за послѣднія десять лѣтъ не было никакого повышенія рабочей платы, несмотря на то, что цѣны на всѣ жизненные припасы значительно поднялись за этотъ періодъ времени. Вслѣдствіе стачки были вызваны войска; но такъ какъ уже ожидался мирный исходъ столкновенія, то военной власти и не предстояло повода къ вмѣшательству. Корреспондентъ *Голоса*, изъ Нарвы, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о стачкѣ рабочихъ на фабрикѣ товарищества Кренгольмской мануфактуры. «На Кренгольмской мануфактурѣ, 28-го іюля, остановлены работы. Тридцать шесть лучшихъ прядильщиковъ, явясь въ контору, потребовали разсчета. Такъ какъ отказъ отъ работъ этой лучшей фабричной силы могъ повлечь за собою остановку во всей мануфактурѣ, то просьба ихъ не была удовлетворена. На другой день, 29-го іюля, всѣ прядильщики, вмѣстѣ съ ткачами, окончивъ дообѣденныя работы, явились въ контору и повторили требованіе о разсчетѣ. Контора и на этотъ разъ нашла невозможнымъ удовлетворить требованія ткачей и прядильщиковъ. Тогда ткачи и прядильщики вовсе отказались отъ работъ и направились къ мосту. Къ нимъ присоединились и другіе рабочіе, которые, узнавъ въ чемъ дѣло, также не пошли на работу и стали требовать разсчета. Такимъ образомъ правленію мануфактуры не оставалось другаго исхода, какъ остановить всѣ работы и закрыть фабрику. 31-го іюля уже былъ на мѣстѣ эстляндскій

губернаторъ, который лично выслушивалъ желанія рабочихъ и велѣлъ имъ подать письменное заявленіе въ контору правленія мануфактуры, которая въ свою очередь обязалась представить это заявленіе рабочихъ губернатору вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ. Въ прошеніи своемъ, поданномъ по этому поводу губернатору, прядильщики объясняютъ, что жалованье полагается имъ очень малое, а именно: отъ 6 до 15 руб. въ мѣсяцъ, а между тѣмъ работа постоянно прибавляется; за квартиры взимаютъ большую плату, по 7 руб. въ мѣсяцъ безъ освѣщенія и безъ отопленія, и многія изъ нихъ сыры. Далѣе прядильщики жалуются, что штрафы взимаютъ съ нихъ выше поставленныхъ въ таксѣ: напримѣръ, за ломку части машины, обозначенной по таксѣ въ 3 руб., взыскиваютъ нынѣ до 6 руб., даже за ломку малыхъ частей машинъ, вовсе не обозначенныхъ въ таксѣ, стали нынѣ также взимать штрафъ. Рабочіе находятся совершенно во власти мастеровъ и подмастерьевъ, такъ какъ контора вовсе не принимаетъ во вниманіе заявленій и жалобъ рабочихъ, а къ директору доступъ почти невозможенъ. Подмастерья же берутъ взятки, и кто больше имъ даетъ, тотъ получаетъ и лучшую работу. Прядильщики заявляютъ также, что, въ случаѣ полученія разсчета кѣмъ - нибудь изъ членовъ семейства рабочаго, все семейство тотчасъ же выгоняютъ изъ квартиры. Ткачи подали отдѣльное прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, жалуются, что 1) за всякую ничтожную вину они подвергаются полицейскому взысканію и, сверхъ того, за ту же вину денежному штрафу, со стороны конторы фабрики—«за прогулъ»; 2) мѣра кусковъ миткаля, въ основѣ 1870 года, была 55,9, а въ настоящее время она доходитъ до 57 и болѣе аршинъ, плата же не прибавляется; 3) общая круговая мѣра кусковъ должна быть 114 аршинъ, и въ случаѣ меньшей мѣры налагается штрафъ; 4) ремизы на машинахъ плохи; 5) мастеръ Принецъ безконтрольно распоряжается рабочими. Потомъ прядильщики просятъ: 1) увеличить время на обѣдъ съ 1¼ на 1½ часа, 2) «продлить рынокъ» до 9 часовъ вечера (на что контора уже согласилась), 3) дать возможность получать кипятокъ для чая и пріостановить во время питья чая работу. 4) позволить молодымъ матерямъ уходить на 2 часа, сверхъ отдыха, для кормленія дѣтей, не въ теченіе семи мѣсяцевъ, а въ теченіе девяти мѣсяцевъ (на что также контора уже согласилась), 5) увеличить задѣльную плату хотя по 3 коп. съ пуда, такъ какъ увеличеніе хода машинъ не приноситъ пользы, а превосходитъ рабочія силы. Всѣ пункты этихъ жалобъ контора мануфактуры большею частью обѣщала разсмотрѣть, отказавъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ. По случаю остановки работъ, въ городѣ и на всѣхъ форштатахъ всѣ питейныя заведенія были закрыты съ 4-го августа. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 10 августа, когда на имя управляющаго пришла изъ Москвы отъ главнаго пайщика, г. Кнопа, телеграмма съ извѣщеніемъ, что такъ какъ компанія не въ состояніи прибавить платы, то онъ предлагаетъ совершенно закрыть фабрику; а чтобъ

это не показалось одной угрозой, то произвести окончательный разсчетъ съ рабочими и сломать водяное колесо, приводящее въ движеніе всѣ станки. Этого рабочіе никакъ не ожидали. Когда они увидѣли, что уже хотятъ приступить къ исполненію приказанія г. Кноппа, то массою въ 1.700 человѣкъ бросились къ своимъ станкамъ и начали работу; на слѣдующій день къ нимъ присоединились другіе, и въ настоящее время фабрика въ полномъ ходу».

Упадокъ промышленности вызвалъ въ нынѣшнемъ году ходатайство фабрикантовъ о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за границы товары, чтобы такимъ образомъ устранить конкуренцію со стороны иностранной промышленности. Такъ въ министерство финансовъ поступило ходатайство владѣльцевъ 11-ти бумагопрядильныхъ фабрикъ о возвышеніи пошлины на бумажную пряжу: на суровую до 4 руб. 40 коп. и на бѣленую и крашеную до 5 р. 50 к. мет. съ пуда, съ тѣмъ, чтобы съ бумажной пряжи швейной, привозимой на катушкахъ, взимались тѣ же пошлины, но безъ вычета вѣса катушекъ. Ходатайство это мотивируется тѣмъ, что взимаемая съ хлопка-сырца пошлина въ 44 коп. съ пуда въ дѣйствительности, вслѣдствіе угара хлопка при пряденіи, доходитъ до 75 к. съ пуда пряжи. Въ то же министерство поступило прошеніе отъ пяти московскихъ шелко-красильщиковъ, которые, указывая на невозможность конкурировать съ привозимымъ изъ-за границы крашенымъ шелкомъ, по причинѣ дороговизны въ Россіи красильныхъ матеріаловъ, топлива и меньшаго противъ Запада количества рабочихъ дней, ходатайствуютъ о сохраненіи существующей на шелкъ-сырецъ пошлины (по 55 коп. съ пуда), по возвышеніи пошлины на крашеный шелкъ съ 5-ти на 25 руб., такъ какъ матеріалъ этотъ по цѣнности своей (около 700 руб. за пудъ) легко выдержитъ возвышенную пошлину. Упадокъ суконнаго производства, выразившійся закрытіемъ многихъ фабрикъ и сокращеніемъ работъ на остальныхъ, побудилъ промышленниковъ домогаться изгнанія съ внутренняго рынка произведеній заграничной шерстяной промышленности. Въ этихъ видахъ предсѣдатель московскаго биржеваго комитета, обративъ вниманіе министерства финансовъ на вредъ, причиняемый, будто бы, внутренней промышленности, особенно овцеводству, допущеніемъ низкой таможенной пошлины на привозную, не пряденную, крашеную шерсть, ходатайствовалъ о повышеніи пошлины на чесанную въ ленты шерсть до 3 руб. съ пуда, а на пряденную до 9 руб. Въ то же время министру финансовъ была подана коллективная записка отъ владѣльцевъ суконныхъ и прядильныхъ фабрикъ о необходимости ослабить приливъ заграничной шерсти значительнымъ возвышеніемъ таможенной пошлины на нее.

Само собою понятно, что упадокъ нашей промышленности не можетъ быть остановленъ устраненіемъ конкуренціи со стороны иностранной промышленности, посредствомъ строгаго охранительнаго тарифа. Главная бѣда заключается не въ томъ, что на наши рынки проникли произведе-

нія заграничной промышленности, вытѣсняя отечественное производство, а несчастіе отечественной промышленности—въ томъ, что на внутреннемъ рынкѣ стало мало покупателей и сократился сбытъ произведеній какъ отечественной, такъ и заграничной промышленности. Торговля, какъ было указано нами во «Внутреннемъ Обозрѣніи» за прошлый мѣсяцъ, находится въ застоѣ, а это прямо показываетъ, что у покупателей нѣтъ денегъ, что всѣ мы обѣдняли, такъ что не въ состояніи въ прежнихъ размѣрахъ потреблять продукты отечественной и заграничной промышленности. Главнымъ же образомъ обѣднялъ крестьянинъ. Зажиточное крестьянство—вотъ громадный рынокъ, на которомъ могли бы, не мѣшая другъ другу, найти сбытъ и отечественная и заграничная промышленность. Но у насъ нѣтъ зажиточнаго крестьянства, а есть какіе-то полунищіе земледѣльцы, которые не только не въ состояніи покупать произведенія нашихъ фабрикъ на счетъ доходовъ отъ земледѣлія, но, не имѣя возможности удовлетворить этими доходами свои потребности, тщетно отыскиваютъ работы на тѣхъ же фабрикахъ, чтобы на скудный заработокъ купить кусокъ хлѣба. Въ настоящее время населеніе находится въ такомъ положеніи, что всѣ свои заботы направило къ пріобрѣтенію хлѣба, и произведенія фабричной промышленности сдѣлались для него почти недосягаемою роскошью.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли* мы уже сдѣлали характеристику того положенія, въ которомъ находилось крестьянство въ прошлую зиму. «Крестьянское, собственно земледѣльческое населеніе,—писали мы,—совершенно обнищало и на нашихъ глазахъ теряетъ послѣднее свое достояніе—рабочій скотъ, на которомъ зиждется весь бытъ земледѣльца. Покидая земледѣліе, разорившіеся крестьяне несутъ свой рабочій трудъ на фабрики, но и здѣсь, въ настоящее время, не находятъ заработка. Вслѣдствіе общаго, всенароднаго обѣднѣнія, фабрики частію закрываются, частію же сокращаютъ производство, распускаютъ рабочихъ и уменьшаютъ заработную плату оставшимся работникамъ. Словомъ, крестьянинъ нигдѣ не встрѣчаетъ поддержки въ теперешнемъ бѣдственномъ положеніи, а напротивъ, какъ бы роковымъ образомъ, стремится къ ужасной развязкѣ своего теперешняго напряженнаго положенія — къ полному разоренію своего хозяйства. Въ зиму 1880—81 года еще живы были надежды, что хорошій урожай можетъ поддержать и поправить упавшее крестьянское хозяйство. Урожай, дѣйствительно, вышелъ хорошій, но разсчеты на улучшеніе крестьянскаго хозяйства ни мало не оправдались. Несмотря на обманутыя надежды, опять крестьяне ждутъ не дождутся новаго урожая, думая, что, авось, удастся, на счетъ будущихъ благъ, поправить еще болѣе упавшее въ нынѣшнемъ году хозяйство».

И вотъ, наконецъ, крестьянинъ дождался урожая. Что-то пришлось собрать ему съ нивы, плохо удобренной, но за то обильно политой трудовымъ потомъ? Сбылась ли радужная надежда работника на благополучіе

и довольство, которыя долженъ былъ принести урожай? Будущая зима дасть свой отвѣтъ на эти вопросы. Теперь еще пока не приведены въ точную извѣстность результаты урожая и въ нашемъ распоряженіи находятся только разсѣянныя по газетамъ, кое-какія, далеко неполныя и неточныя, сообщенія объ урожаѣ и сборѣ хлѣба. Впрочемъ, при всей неполнотѣ своей и только приблизительной вѣрности, эти свѣдѣнія, будучи сгруппированы вмѣстѣ, могутъ дать, въ общихъ чертахъ, довольно вѣрное понятіе объ урожаѣ нынѣшняго года. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, урожай въ нынѣшнемъ году былъ полосами,—въ иныхъ мѣстахъ уродилось густо, а рядомъ съ ними совсѣмъ пусто. Въ иныхъ губерніяхъ не нахвалятся урожаемъ, а въ другихъ—полный неурожай; даже въ одной и той же губерніи, въ однихъ уѣздахъ—урожай, а въ другихъ хлѣбъ уродился плохо; да и въ урожайныхъ уѣздахъ мѣстами крестьяне совсѣмъ ничего не соберутъ съ полей.

Между областями, пораженными неурожаемъ, первое мѣсто принадлежитъ Херсонской губерніи. Сырая, ненастная, продолжительная осень, короткая, безснѣжная зима и ранняя холодная весна повредили озими, которыя окончательно уничтожены ужасною засухой въ теченіе всего нынѣшняго лѣта. Яровые хлѣба частію погибли отъ бездождія, частію сдѣлались жертвой безчисленныхъ хлѣбныхъ враговъ—жука, пруса, сусликовъ и проч. Появились земляныя лягушки темно-сѣраго цвѣта, которыя съ закатомъ солнца выходили изъ норъ и всю ночь пожирали хлѣбъ, высасывая сокъ изъ стеблей отъ корня до верху. Кромѣ того, появились какія-то небывалыя ранѣе мошки на посѣвахъ рапса, проса и льна. Въ иныхъ мѣстахъ градобитія истребили хлѣбные посѣвы. Вслѣдствіе ужасной засухи, какой не запомнятъ мѣстные старожилы, трава засохла, едва успѣвши пробиться изъ земли. Пастбища и сѣнокосные луга нынѣшнимъ лѣтомъ представляютъ поразительную, невиданную картину: все вокругъ голо и черно, только одна пыль поднималась столбомъ, указывая мѣста, гдѣ рыскали по степи стада скота, отъискивая пищу. Скотъ, не находя пищи на пастбищахъ, съ голоду ѣлъ землю и отъ этого сильно болѣлъ; по вскрытіи павшаго скота, въ желудкѣ его находили одну землю. На зиму удалось запасти самое незначительное количество сѣна съ мягкихъ полей и заливныхъ луговъ. Корма вздорожали чрезвычайно: сажень соломы плохой клади стоитъ 12 руб., сѣно—55 руб., а за мало-мальски порядочную кладь цѣна возвышается до 80 руб. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ собираются кормить скотъ зимой вяленымъ камышомъ, кормомъ малопитательнымъ и очень трудно сберегаемымъ. Безкормица и перспектива голодной зимы съ чрезвычайно скудными запасами сѣна и соломы значительно понизили цѣны на рогатый скотъ и рабочихъ лошадей. Крестьяне, не находя возможности прокормить ихъ до будущаго года, продаютъ ихъ за безцѣнокъ, чуть не даромъ, и рѣдко находятъ покупателей. По свѣдѣніямъ, собраннымъ земствомъ, въ началѣ іюля виды на

урожай были самые безотрадные. Въ Тираспольскомъ уѣздѣ только въ пяти волостяхъ урожай болѣе или менѣе посредственъ, въ остальныхъ же мѣстахъ хозяева не соберутъ даже сѣмянъ, затраченныхъ на посѣвъ. Одесскій уѣздъ также сильно пострадалъ отъ неурожая: изъ 33-хъ волостей въ 23-хъ волостяхъ полный неурожай и изъ нихъ 9 волостей еще лѣтомъ заявили требованіе о продовольственной ссудѣ. Въ Ананьевскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ земства, пострадали 6 волостей. Въ Херсонскомъ уѣздѣ урожай можно считать посредственнымъ, за исключеніемъ 4-хъ волостей, сильно потерпѣвшихъ отъ засухи. Въ 40 волостяхъ Елисаветградскаго уѣзда не предвидится особенной нужды въ земской помощи, но 10 волостей сильно пострадали отъ неурожая и помощь имъ необходима. Очень плохой урожай и въ Александрійскомъ уѣздѣ. Вообще отовсюду получаются требованія ссуды на обсѣмененіе озимыхъ полей изъ губернскаго продовольственнаго капитала, простирающагося до 179.000 руб. При этомъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* замѣчаетъ, что «зачастую требованія ссуды далеко не пропорціональны истинной нуждѣ въ продовольственныхъ ссудахъ, по той причинѣ, что сельскія общества, несмотря на очевидную потребность въ сѣменахъ для озимей, не составляютъ мірскихъ приговоровъ объ этихъ ссудахъ, такъ какъ встрѣчаютъ энергическое противодѣйствіе со стороны зажиточныхъ крестьянъ; устрашенные круговою порукой, богачи всячески пытаются противодѣйствовать выдачѣ такихъ ссудъ. Если же, несмотря на это, ссуда получается, то она распредѣляется поровну, такъ что ею пользуются и нуждающіеся—бѣдняки, и люди зажиточные—богачи. Несмотря на бѣдственное положеніе большинства населенія, полиція съ прежнею энергіей продолжаетъ взыскивать недоимки и платежи, продавая за безцѣнокъ скотъ и тѣ скудные запасы хлѣба, которые остались отъ урожайнаго прошлаго года. Признавая, что это поведетъ къ окончательному разоренію, съѣздъ представителей земства постановилъ просить г. херсонскаго губернатора сдѣлать немедленно «зависящее по сему предмету распоряженіе». По этому поводу корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* замѣчаетъ, что, «по странному стеченію обстоятельствъ, у насъ земская помощь очень часто парализуется полиціей: такъ въ 1880 году во многихъ селахъ и деревняхъ Одесскаго уѣзда зерновой хлѣбъ, выданный земскою управой, въ видѣ ссуды, на обсѣмененіе озимыхъ полей, продавался полиціей для погашенія податныхъ недоимокъ». При полномъ неурожаѣ хлѣба, въ нынѣшнемъ году, получился такой богатый урожай фруктовъ, какого не запомнятъ старожилы. Въ Одессѣ базары были переполнены фруктами, которые дошли до поразительной дешевизны: наприм., абрикосы доходили до 60 к. за пудъ и самые лучшіе продавались по 1 р. 50 к. за пудъ. Народъ набрасывался на фрукты, ѣлъ абрикосы съ хлѣбомъ вмѣсто завтрака, обѣда и ужина, и получалъ разстройство желудка. Особеннымъ обиліемъ фруктовъ отличается Тираспольскій уѣздъ. Пріѣзжіе разсказываютъ, что въ

садахъ отъ Тирасполя до Маяка сборъ фруктовъ долженъ быть не менѣе 1 милліона пудовъ; ежедневно на подводахъ доставляется на станцію Раздѣльную по 5 тысячъ и болѣе пудовъ, которые отправляются по желѣзной дорогѣ преимущественно въ Кіевъ и Елисаветградъ. Что касается винограда, то въ Херсонской губерніи онъ въ иныхъ мѣстахъ уродился плохо, а въ другихъ хотя и уродился, но меньше, чѣмъ предполагали въ началѣ лѣта.

Относительно урожая хлѣбовъ въ Екатеринославской губерніи корреспондентъ *Новаго Времени* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Съ начала осени прошлаго года обнаружились неблагопріятныя условія для успѣшнаго посѣва озимыхъ хлѣбовъ. Въ теченіе августа усиленныя работы по перевозкѣ и молотьбѣ хлѣбовъ не давали возможности сдѣлать озимые посѣвы въ большихъ размѣрахъ, а наступившіе въ сентябрѣ морозы совершенно прекратили посѣвы. Послѣ того хотя и были теплые дни, но они часто смѣнялись морозами и тогда посѣвы дѣлались невозможными. Наконецъ, самые всходы озимыхъ хлѣбовъ были удовлетворительны только раннихъ посѣвовъ, послѣднихъ же посѣвовъ или испорчены внезапно наступившими морозами, или вовсе не взошли. Въ такомъ ненадежномъ положеніи озимые всходы вступили въ зиму, которая, отличаясь совершеннымъ почти отсутствіемъ снѣга и сильными, по временамъ, морозами, должна была губительно повліять на состояніе озимыхъ всходовъ, такъ что и тогда нельзя было разсчитывать, чтобъ озими вышли послѣ зимы неповрежденными. Такое положеніе не могло не возбудить серьезныхъ опасеній по обезпеченію народнаго продовольствія въ настоящемъ году. Губернская земская управа бывшему въ созывѣ здѣсь чрезвычайному губернскому земскому собранію внесла докладъ объ отсрочкѣ уплаты посѣвной ссуды, оставшейся въ долгу на 1882 годъ. По ходатайствамъ здѣшняго губернскаго земскаго собранія чрезвычайныхъ и очередныхъ сессій 1878 и 1880 гг., на удовлетвореніе потребностей населенія по обезпеченію народнаго продовольствія и весеннихъ посѣвовъ въ 1879—1881 гг. правительствомъ была позаимствована изъ общаго продовольственнаго капитала ссуда въ 1.200.000 руб., изъ которыхъ роздано крестьянамъ преимущественно хлѣбомъ, заготовленнымъ на счетъ этого источника, 1.111.817 руб. 14 коп.; въ пополненіе этой ссуды должно быть возвращено изъ урожая 1881 года, то-есть не далѣе наступленія жатвы нынѣшняго года, 515.560 руб. 69 коп., а остальная часть ссуды подлежитъ возврату въ теченіе трехъ лѣтъ разными частями по 198.752 руб. ежегодно. Между тѣмъ въ настоящее время пополнено 95.476 руб. 94 коп. и остается въ недоимкѣ 420.083 руб. 75 коп. Причину такого слабаго поступленія продовольственныхъ долговъ слѣдуетъ приписать крайнему истощенію въ предшествующіе неурожайные годы платежныхъ средствъ населенія, что, при громадности накопившихся на немъ за это время недоимокъ по разнымъ сборамъ, въ связи съ плохимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ урожа-

емъ и падежами рогатаго скота, должно было лишить большую часть населенія возможности быть исправнымъ плательщикомъ значительныхъ продовольственныхъ долговъ. Кромѣ того, въ губернскую управу поступили ходатайства отъ 104 (изъ 539) сельскихъ обществъ объ отсрочкѣ имъ возврата ссуды, выданной изъ общаго капитала, и затѣмъ надо ожидать подобныхъ ходатайствъ отъ многихъ другихъ обществъ. Вѣроятность такихъ просьбъ тѣмъ болѣе подтверждается, что урожай нынѣшняго года не обѣщаетъ ничего хорошаго. Въ виду всего этого губернская управа проектировала ходатайствовать объ отсрочкѣ возврата всей той ссуды, какая числится въ недоимкѣ, съ тѣмъ, что всѣ послѣдующіе платежи въ общій капиталъ должны быть зачислены въ счетъ слѣдующей на 1882 годъ къ уплатѣ продовольственной ссуды. Что управа не ошиблась въ своемъ предположеніи, это видно теперь изъ результатовъ пробнаго умолота. Во многихъ мѣстахъ губерніи урожай ниже средняго, въ иныхъ мѣстностяхъ хорошо, еслибы воротилось то, что затрачено было на посѣвъ, а въ другихъ и того хуже. Сѣно совсѣмъ погибло». Кромѣ неблагопріятной погоды, были и другія бѣдствія, гибельно отразившіяся на урожаѣ хлѣбовъ. Въ особенности много вреда надѣлалъ въ этомъ году хлѣбный жукъ. Хотя количество жука, появившагося нынѣшнимъ лѣтомъ въ Екатеринославской губерніи, было меньше, чѣмъ въ 1880 году, но причиненный имъ вредъ, по словамъ *Голоса*, былъ весьма чувствителенъ; нѣкоторымъ пришлось скосить рожь и пшеницу еще недозрѣлыми, лишь бы получить что-нибудь. Кромѣ жука, истребившаго много хлѣба въ разныхъ мѣстахъ губерніи, въ Александровскомъ уѣздѣ появился новый, невиданный здѣсь, врагъ сельскаго хозяйства въ видѣ маленькаго насѣкомаго, которое кучками сидитъ на корняхъ хлѣба и съѣдаетъ его. Кромѣ того, нынѣшнее лѣто было очень богато градобитіями. Напримѣръ, въ Александровскомъ уѣздѣ въ теченіе одного мѣсяца истреблено градобитіемъ 3.662 десятины хлѣба, 209 десят. картофеля и 800 десят. травы, на сумму 118.247 р. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ выпавшимъ градомъ уничтожено хлѣба у землевладѣльца Мусина-Пушкина и крестьянъ деревни Уткиной до 300 десятинъ и у крестьянъ деревни Поповки до 160 десятинъ. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ ночью на 6 іюля только въ трехъ селеніяхъ выбито 1.584 десят. хлѣба, цѣнностью около 70 тысячъ рублей. Приводя нѣкоторые случаи градобитія въ Екатеринославской губерніи, *Новороссійскій Телеграфъ* замѣчаетъ, что отъ неурожая, засухи, овражка и жука хотя сельское населеніе и испытываетъ тягость, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, которое нанесено градомъ, такъ какъ тогда земледѣльцы получали затраченныя сѣмена и кормъ для скота, теперь и этого на ихъ долю не достанется. Несчастіе отъ градобитія тѣмъ еще тяжелѣе должно отозваться на пострадавшихъ, что истребленные посѣвы были преимущественно на арендованной землѣ. Въ отдѣльности по уѣздамъ сообщенія, появившіяся въ газетахъ объ урожаѣ въ Екатеринославской

губерніи, отличаются полною безнадежностью и отчаяніемъ. Такъ, напр., изъ Павлоградскаго уѣзда лѣтомъ писали *Голосу*: «Съ ранней весны у насъ совершенно не было дождей; съ 5-го мая хотя они и начались, но тѣмъ не менѣе на урожай озими нельзя надѣяться. Травы на твердыхъ поляхъ совершенно въ безнадежномъ видѣ; вся надежда на яровые, которые при дождяхъ могутъ совершенно поправиться». Изъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда мы находимъ въ той же газетѣ слѣдующее сообщеніе: «Засуха—это грозное слово для степнаго жителя—составляетъ предметъ всѣхъ нашихъ разговоровъ. Какъ манны небесной ждетъ каждый изъ нашихъ земледѣльцевъ дождя; всѣ малыя рѣчки наши повысохли, поля пожелтѣли, трава вся сгорѣла, а дождя все нѣтъ. Погибъ и озимый хлѣбъ и никакіе дожди ему не помогутъ; плохъ и яровой, но еще можетъ поправиться, если вскорѣ начнутся дожди. Правда, жука въ нынѣшнемъ году нѣтъ, но за то сильно вредятъ овражки, появившіеся опять въ огромномъ числѣ. Если продолжится бездождіе еще недѣли двѣ, тогда навѣрно не будетъ ни хлѣба, ни травы. Благодаря урожаю прошлаго года, многіе сдѣлали большіе посѣвы и тѣмъ бо́льшій убытокъ потерпятъ въ нынѣшнемъ году. Озимые посѣвы не вездѣ возвратятъ сѣмена. Несмотря на приближающійся сѣнокосъ, рабочія руки дешевы: мѣстные взрослые рабочіе на своихъ харчахъ нанимаются по 30 коп. въ день, пришлыхъ же рабочихъ совсѣмъ не нанимаютъ даже за одни харчи». Впрочемъ, не всѣ газетныя сообщенія объ урожаѣ въ Екатеринославской губерніи отличаются такимъ безнадежно-грустнымъ характеромъ. Такъ изъ Таганрога въ газету *Южный Край* пишутъ, что тамъ урожай вышелъ очень порядочный, а мѣстами даже хорошій. Жукъ поѣдалъ хлѣбъ только верстъ за 60 отъ города. Съ начала іюня дождей не было, а отъ этого льны и бахчи очень пострадали. Урожай травъ вышелъ средній. Цѣны на рабочія руки стояли высокія.

Большинство уѣздовъ Таврической губерніи, въ болѣе или менѣе значительной степени, пострадали отъ засухи. Въ иныхъ мѣстахъ кузька производилъ свои опустошенія въ хлѣбныхъ поляхъ. Садоводство также сильно пострадало, отчасти вслѣдствіе засухи, отчасти отъ опустошительнаго набѣга гусеницы-кольчатника. Въ особенности сильно пострадали южные степные уѣзды. Такъ изъ Керчи сообщаютъ *Голосу*, что невыносимая жара, вмѣстѣ съ бездождіемъ, отозвалась неблагопріятно на здѣшнихъ садоводахъ и огородникахъ. Фруктовъ въ нынѣшнемъ году, за исключеніемъ винограда, урожай котораго ожидается громадный, почти нѣтъ и, вслѣдствіе этого, они дороги. Баштаны, гдѣ засѣваются преимущественно огурцы, арбузы и дыни, или совершенно выжжены, или дали кое-что въ небольшомъ количествѣ чрезвычайно плохаго достоинства: такъ, огурцы—горьки, арбузы и дыни, славившіеся до сихъ поръ своей величиной и сочностью, въ нынѣшнемъ году не превосходятъ, по размѣру, кулака руки средней величины. «Теперь, когда уборка хлѣба кончилась,—

сообщается въ другой корреспонденціи *Голоса* изъ Керчи,—возможно подвести окончательные итоги урожая нынѣшняго года. Къ сожалѣнію, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія фактовъ, свидѣтельствующихъ о результатѣ произрастанія хлѣбовъ и травъ, приходится придти къ тому печальному выводу, что нынѣшній годъ явился далеко неблагопріятнымъ для мѣстнаго земледѣльца. Вслѣдствіе господствующаго всю весну бездождія, травы вышли крайне рѣдкими и малорослыми,—до такой степени малорослыми, что ихъ невозможно было во многихъ мѣстностяхъ Ѳеодосійскаго уѣзда (преимущественно на побережьи Чернаго моря) косить, и онѣ шли на подножный кормъ. Нечего и говорить, какъ бѣдствуетъ отъ этого скотъ и какъ ему предстоитъ бѣдствовать въ будущемъ, вслѣдствіе ожидаемаго вздорожанія сѣна. Теперь ужь многіе бѣдняки скотовладѣльцы кормятъ скотъ соломой, подчась гнилой; что будетъ дальше—легко предсказать. Состоятельные мужики и помѣщики нанимаютъ пастбища для своего скота на берегу Азовскаго моря, гдѣ подножный кормъ посредственный; такимъ образомъ, скотъ часто приходится отправлять на выгонъ, лежащій въ 15-ти—20-ти верстахъ. Кромѣ недостатка въ кормѣ, скотина страдаетъ еще у насъ, и въ гораздо большей степени, отъ безводія. Стоявшіе все лѣто жары сдѣлали то, что во многихъ колодцахъ вода вся изсякла, такъ что какъ людямъ, такъ и скотинѣ положительно пить нечего. Правда, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ сохранилась вода въ колодцахъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что стоитъ набрать бочку ея, и воды въ колодцѣ не останется. Поэтому большинство помѣщиковъ, имѣющихъ еще воду, выдаетъ ее только своимъ близкимъ знакомымъ; мужикъ же ею, ни въ какомъ случаѣ, воспользоваться не можетъ. До какой степени во многихъ мѣстностяхъ Ѳеодосійскаго уѣзда нуждаются въ водѣ, можно судить по тому факту, что, несмотря на самую бдительную охрану, крестьяне воруютъ воду у тѣхъ немногихъ счастливцевъ, у которыхъ она сохранилась. Такъ, въ деревнѣ Сардахъ, лежащей на разстояніи 35 верстъ отъ Керчи, кража воды до того участилась, что мѣстный помѣщикъ, которому принадлежитъ единственный колодезь во всей деревнѣ, счелъ возможнымъ нѣкоторыхъ уличенныхъ своеобразныхъ «воровъ» привлечь къ отвѣтственности. Мало того: чабанъ того же помѣщика едва не убилъ дубинкой какого-то крестьянскаго мальчика, попытавшагося взять немного воды. Вотъ до чего доходитъ недостатокъ воды въ окрестностяхъ Керчи! Эти два обстоятельства—недостатокъ корма и воды—до того понизили цѣну на скотъ, что въ настоящее время легко купить у крестьянина корову, стоившую весною 40—35 руб., за 10, много за 12 руб. Да и не мудрено: помимо вздорожанія сѣна, скудость пастбищнаго корма, при сухой знойной погодѣ въ теченіе всего лѣта, самымъ неблагопріятнымъ образомъ отразилась непосредственно на состояніи рогатаго скота и лошадей; скотъ замѣтно отощалъ, а коровы убавили удой. Переходя затѣмъ къ урожаю хлѣбовъ, мы увидимъ хотя и не столь печальные,

но все-таки далеко не удовлетворительные результаты. Чтобы не быть обвиненными въ голословности, приведемъ здѣсь факты, могущіе служить прекрасною иллюстраціей къ нашимъ словамъ. Въ прошлыхъ годахъ, не отличавшихся особенно обильнымъ урожаемъ, съ десятины собиралось 15, а мѣстами 18—20 четвертей пшеницы, тогда какъ въ нынѣшнемъ году собрано всего около пяти, и лишь въ особенно хорошихъ мѣстахъ 8—9 четвертей. Но это только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ другихъ же накошено пшеницы менѣе; такъ, помѣщикъ Зябловъ, въ деревнѣ Угузнакъ, собралъ лишь одну четверть съ пяти десятинъ. Со льномъ дѣло обстоитъ еще хуже. Помѣщикъ въ деревнѣ Петровское собралъ съ двадцати десятинъ, засѣянныхъ льномъ, всего полторы четверти. Факты эти, думаемъ, не нуждаются въ какихъ-нибудь коментаріяхъ и самымъ лучшимъ образомъ объясняютъ то крайне печальное обстоятельство, что здѣсь замѣтно среди земледѣльческаго класса стремленіе къ эмиграціи, а куда—опредѣлить, конечно, трудно. Такъ, изъ Сиджіута, лежащаго на берегу Чернаго моря, недавно выселилось все мѣстное населеніе (преимущественно болгары) въ Старый Крымъ. На мой вопросъ, что заставило ихъ покинуть родныя пепелища, послѣдовалъ отвѣтъ: «голодъ, безводіе»...

Въ Бессарабской губерніи сухая зима и знойное лѣто оказали самое неблагопріятное вліяніе на урожай хлѣбовъ и травъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ только изрѣдка, полосами, выпадалъ дождь, и вслѣдствіе этого часто замѣчается, что даже въ одномъ и томъ же имѣніи часть полей погибла, а другая часть, орошенная дождемъ, дала прекрасный урожай. Вообще же сѣверные—Хотинскій и Ясскій—уѣзды находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ всѣ остальныя мѣстности губерніи, а южные уѣзды, особенно Аккерманскій, наиболѣе пострадали отъ неурожая. Сѣна повсемѣстно въ губерніи собрано очень мало и скоту будетъ плохо, особенно на югѣ губерніи, гдѣ скотоводство составляетъ не менѣе 30%, если не всѣ 40% всего скотоводства Бессарабіи. Въ наиболѣе счастливыхъ сѣверныхъ уѣздахъ хорошо уродилась только озимая пшеница. Къ сожалѣнію, царане мало сѣютъ ее и, слѣдовательно, хорошій урожай миновалъ крестьянскія поля и достался крупнымъ землевладѣльцамъ. Впрочемъ, и крупнымъ землевладѣльцамъ немного досталось изъ обильнаго урожая озимой пшеницы. Опустошительныя градобитія разразились какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ожидался наиболѣе обильный урожай. Напримѣръ, въ Хотинскомъ уѣздѣ, въ концѣ іюля, прошелъ сильный ураганъ съ дождемъ и градомъ, величиною въ голубиное яйцо, который истребилъ посѣвы, цѣнностью въ полмилліона рублей. Кукуруза, составляющая обычную народную пищу въ Бессарабіи, сильно запоздала всходами и затѣмъ убита засухою; она плохо уродилась даже въ счастливыхъ сѣверныхъ уѣздахъ. Въ болѣе южныхъ уѣздахъ урожай какъ хлѣбовъ, такъ и травъ вышелъ гораздо скуднѣе. Такъ, напримѣръ, въ Бендерскомъ уѣздѣ только въ нѣсколькихъ счастливыхъ имѣніяхъ жатва озимой пшеницы дала хоро-

шій результатъ; въ большинствѣ же мѣстностей уѣзда урожай ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ едва удалось возвратить сѣмена. Нѣкоторыя мѣстности уже въ началѣ іюля нуждались въ пособіи, такъ что земской управой по 15 іюля было выдано пособіе 714 семействамъ. Всего болѣе пострадалъ Аккерманскій уѣздъ. Благодаря бездождію и продолжительной засухѣ, въ значительной части уѣзда населеніе будетъ нуждаться въ пособіи хлѣбомъ не только на обсѣмененіе, но и на продовольствіе. По собраннымъ управою свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда жатва дала результаты посредственные, въ нѣкоторыхъ же собрана одна солома. По провѣркѣ же продовольственныхъ средствъ населенія оказалось, что въ 84 мѣстностяхъ 9.247 семействъ безусловно нуждаются какъ въ продовольствіи, такъ и въ ссудѣ на обсѣмененіе полей, и что для удовлетворенія этихъ потребностей понадобится немедленная ссуда въ 19.033 четверти на продовольствіе этихъ семействъ и 17.770 четвертей на обсѣмененіе полей. Въ виду этого, уѣздная управа телеграфировала губернской управѣ о созывѣ экстреннаго губернскаго земскаго собранія для разрѣшенія отпуска въ ссуду жителямъ Аккерманскаго уѣзда изъ продовольственнаго капитала 257.628 руб. и, сверхъ того, 37.795 руб. на пріобрѣтеніе корма для скота. Независимо отъ этого, уѣздная управа обратилась съ просьбою въ губернскую управу и къ начальству губерніи о разрѣшеніи на отсрочку взысканія недоимокъ и окладныхъ сборовъ какъ за нынѣшній, такъ и за будущій годъ со всѣхъ поселянъ, пострадавшихъ отъ неурожая, до сбора урожая будущаго 1883 года. Чрезвычайное уѣздное земское собраніе отнеслось весьма враждебно къ предположеніямъ земской управы объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Испрашиваемую управой сумму около 300.000 рублей собраніе нашло непомѣрно высокой и ассигновало на обсѣмененіе полей только 93.000 руб.; на продовольствіе же и на прокормленіе скота не дало ничего, утѣшая себя мыслью, что правительство въ скоромъ времени должно открыть какія-то работы и дастъ возможность населенію заработать себѣ на пропитаніе. Заботливые гласные постановили даже ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы работы эти были начаты, если возможно, въ нынѣшнемъ году. По этому случаю корреспондентъ *Голоса* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Насколько легкомысленно отнеслись аккерманскіе земцы къ нуждамъ населенія, можно судить изъ того, что многіе поселяне уже и теперь чувствуютъ недостатокъ въ хлѣбѣ и поэтому до начала правительственныхъ работъ ждать не могутъ. Правда, здѣсь проектировалась разработка соляныхъ промысловъ, а также проведеніе чрезъ Аккерманскій уѣздъ до границы желѣзнодорожной линіи, имѣющей стратегическое значеніе. Но все это еще въ проектѣ весьма далекомъ отъ осуществленія. А помощь голодающимъ неотложна. Нельзя не пожалѣть, что земское собраніе не приняло никакихъ мѣръ къ продовольствію скота, которому грозитъ поголовная гибель отъ недостатка фуража. Прошлогод-

ніе запасы есть у весьма немногихъ, преимущественно у крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ сѣнокосы, а въ этомъ году не собрано ни сѣна, ни соломы; скотъ уже теперь истощенъ отъ безкормицы и навѣрное не будетъ имѣть достаточно силъ перезимовать и дождаться весны. Поселянамъ грозитъ печальная перспектива—остаться безъ рабочаго скота».

Мы не имѣемъ подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о результатахъ жатвы въ Харьковской губерніи. Но тѣ отрывочныя и довольно запоздавшія свѣдѣнія о произрастаніи хлѣбовъ, какими мы располагаемъ, не содержатъ въ себѣ ничего успокоительнаго, а напротивъ внушаютъ серьезныя опасенія. При открытіи послѣдняго очередного харьковскаго земскаго собранія, мѣстный губернаторъ, г. Грессеръ, высказался слѣдующимъ образомъ объ экономическомъ положеніи населенія и о видахъ на урожай. «Результатъ умолота далеко не оправдываетъ надеждъ, и возвратъ занятаго хлѣба оказался очень затруднительнымъ. Нельзя также не опасаться за будущій 1882 г., въ которомъ мы должны ожидать появленіе жука, давшаго намъ отдыхъ въ этомъ году. Рядомъ съ этимъ, посѣвы озимыхъ хлѣбовъ произведены при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Многіе хозяева, въ особенности крестьяне, не успѣли обсѣменить полей озиминою и не подняли полей подъ будущій яровой посѣвъ...» Въ маѣ *Голосу* писали изъ Харькова, что «17-го мая выпалъ первый за всю весну дождь, но, судя по его непродолжительности, онъ могъ только немного поправить травы и частью яровые всходы. Что же касается озимыхъ, то ихъ можно считать положительно пропавшими. Они уже выколосились, роста очень маленькаго и едва ли вернутъ зерно. Яровые хлѣба едва вышли изъ земли и очень рѣдки. Масса зеренъ вовсе не взошла. Если еще недѣлю не будетъ хорошаго дождя, то выгоритъ и яровое. Ягодъ много; фрукты уничтожены гусеницею». Затѣмъ въ іюнѣ мы находимъ слѣдующія газетныя сообщенія изъ разныхъ уѣздовъ Харьковской губерніи. Изъ Изюмскаго уѣзда писали, что послѣ засухи, съ начала іюня, пошли дожди, которые на поляхъ истребили много овражковъ и возродили надежду на благопріятный урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Изъ Ахтырскаго уѣзда сообщалось, что на озимыхъ и яровыхъ хлѣбахъ появились жучки, а траву начали портить черные придорожные жуки, поѣдающіе и натаскивающіе ее про запасъ въ свои норы. Изъ Валкскаго уѣзда писали, что озимые хлѣба, вслѣдствіе весенняго бездождія и холодовъ, большею частью плохи. Сверхъ того, на нихъ остались слѣды «гессенской мухи», а затѣмъ появился «жучокъ кузька». Яровые хлѣба повсемѣстно хороши, благодаря перепавшимъ дождямъ. Впрочемъ дожди помѣшали сѣнокосу такъ, что сѣно пришлось убирать совершенно мокрымъ. Да и безъ того сѣна на лугахъ собрано вдвое меньше, чѣмъ въ прошломъ году, а въ степныхъ мѣстахъ травы остались на половину совершенно некошенными; кормъ для скота на зиму будетъ очень дорогъ. О результатахъ жатвы въ нашихъ рукахъ находится только одно извѣ-

стіе изъ Старобѣльскаго уѣзда. По словамъ корреспондента *Голоса*, тамъ «озимый хлѣбъ, по большей части, не возвратилъ сѣмянъ, пшеница оказалась съ пустымъ колосомъ и едва ли въ общемъ хозяева получатъ отъ нея болѣе самъ-другъ; греча погибла; просо даетъ незначительный прибытокъ. Только овесъ и ячмень родились посредственно; но эти два хлѣба, составляющіе самую незначительную часть всего посѣва, не могутъ обезпечить продовольствіе народа, выбившагося изъ денегъ и потратившаго даже свои запасы мірскихъ магазиновъ. Двухмилліонная недоимка ставитъ къ тому же населеніе уѣзда въ безнадежное положеніе; хлѣбопашество уѣзда сокращается годъ отъ году, по мѣрѣ уменьшенія скота, продаваемаго отъ нужды и значительнаго ухода рабочихъ рукъ, ищущихъ заработковъ въ дальнихъ мѣстностяхъ и рѣдко возвращающихся въ дома свои, полные нужды и печали. Недоимка растетъ отъ неприсылки денегъ ушедшими на заработки, а оставшіеся не имѣютъ средствъ добыть столько, чтобъ оплатить самихъ себя и обезпечить продовольствіе. Наша же управа остается равнодушною къ предстоящему бѣдствію и не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ голода».

Изъ Воронежской губерніи мы имѣемъ точно такія же неполныя и запоздавшія свѣдѣнія, какъ и изъ Харьковской. Въ маѣ писали *Голосу* изъ Воронежа, что свѣдѣнія о хлѣбахъ, доходящія изъ уѣздовъ, не особенно утѣшительныя. Въ Острогожскомъ уѣздѣ озимые и яровые далеко не удовлетворительны. Поднявшись отъ земли на полторы четверти, рожь уже выбрасываетъ стебель. Рѣдина посѣвовъ бросается въ глаза. Озимые рѣдки, вслѣдствіе того, что въ прошлую осень не было дождей; существовавшіе же, во время посѣвовъ, вѣтры выдули изъ сухой земли забороненное зерно, которое хотя частью и пустило ростки, но молодые всходы его, по случаю безснѣжной зимы и оттепелей, вымерзли и вымокли. Яровые такъ же рѣдки, какъ и озимые, и такъ же малорослы, какъ и озимые. Рѣдину яровыхъ приписываютъ недостатку сѣмянъ для посѣва; приходилось высѣвать на десятину, вмѣсто 7—8 пудовъ зерна, 4 и даже 3 пуда. На югѣ губерніи посѣвы яровыхъ побиты морозами, такъ что приходилось дѣлать другой посѣвъ. Въ Валуйскомъ уѣздѣ, по словамъ члена мѣстной земской управы, г. Лопатинскаго, невозможность обсѣменить поля озимымъ посѣвомъ въ прошлую осень подаетъ самыя тревожныя ожиданія относительно продовольствія населенія въ нынѣшнемъ году. Нѣсколько ранѣе, весною, корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи крестьянскаго населенія и о видахъ на урожай въ Коротоякскомъ уѣздѣ. Въ прежнее время на Благовѣщенской ярмаркѣ, въ слободѣ Рѣпіевкѣ, лошади бывали всегда очень дороги; обыкновенно на ярмарку являлось изъ западныхъ губерній много евреевъ, которые скупали лошадей въ огромномъ количествѣ и отправляли въ Кіевскую и другія смежныя губерніи. Въ нынѣшнемъ году не то: народъ очень обѣднялъ, такъ что на ярмаркѣ было больше про-

давцовъ, нежели покупателей; не было къ тому же и евреевъ, которые запуганы обрушившимися на нихъ погромами,—и лошади шли такъ дешево, что многіе крестьяне, разсчитывавшіе на продажу, повели ихъ обратно. Крестьяне бѣдствуютъ; во многихъ мѣстахъ хлѣба не хватило. Чистый ржаной хлѣбъ ѣдятъ очень немногіе, а больше гречневый и просяной, не совсѣмъ хорошаго качества. Запасовъ стараго хлѣба нѣтъ нигдѣ и если, не дай Богъ, будетъ неурожай, то многимъ придется голодать. Пока, впрочемъ, весна радуетъ: былъ дождь и озимые посѣвы недурны. Опасаются, какъ бы не развилась гессенская муха, личинки которой находятъ во множествѣ. Изъ Бирючинскаго уѣзда писали въ маѣ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что состояніе хлѣбныхъ полей въ этомъ уѣздѣ и смежныхъ съ нимъ представляетъ мало утѣшительнаго. Только мѣстами озими повидимому хороши, большая же часть озимыхъ полей имѣетъ видъ крайне печальный. Многія поля уже перепаханы или еще перепахиваются подъ гречу. Прошлою осенью посѣвъ озими у большинства былъ поздній и, къ несчастію, въ сухую погоду; осенніе всходы росли плохо, посѣянное же въ послѣднихъ числахъ сентября и въ первыхъ октября, по случаю раннихъ холодовъ, совсѣмъ не взошло. Весною, вслѣдъ за появленіемъ всходовъ, погода стояла холодная, съ сильными утренниками, вліявшими очень дурно на молодые побѣги; за исключеніемъ самыхъ раннихъ посѣвовъ, ростъ озими шелъ очень медленно. По словамъ корреспондента, яровые хлѣба еще могутъ дать хорошій урожай, если во-время выпадутъ хорошіе дожди; но озимые хлѣба, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, едва ли могутъ поправиться. Только озими самаго ранняго посѣва на видъ не дурны, но за то съ разныхъ сторонъ получаются печальныя извѣстія, что на стебляхъ ихъ сидятъ личинки гессенской мухи. «Что же будетъ дальше?—спрашиваетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*.—За предыдущіе, тоже неурожайные, года крестьяне все проѣли, что могли. Въ прошломъ году еще большою поддержкою для нихъ были прибыльные заработки на югѣ и за Дономъ, гдѣ, какъ извѣстно, урожай былъ хорошій. Народъ отправляется туда, обыкновенно, въ началѣ мая, а къ Казанской, какъ разъ къ началу своихъ домашнихъ полевыхъ работъ, многіе уже возвращаются обратно домой, другіе же остаются на заработкахъ до осени. Вотъ и въ нынѣшнемъ году, около Николина дня и нѣсколько ранѣе, масса крестьянъ двинулась на косовицу на югъ и за Донъ. Многіе изъ нихъ, чтобы собраться въ дорогу и прокормиться во время пути, заложили у мѣстныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ свое единственное достояніе—полушубки, взявъ подъ нихъ деньги, конечно, за громадные проценты; между тѣмъ на дняхъ получились письма, въ которыхъ ушедшіе пишутъ своимъ роднымъ, что работы тамъ, гдѣ они предполагали найти, вслѣдствіе засухи, никакой не оказалось. Народу пришлаго на заработки сбилось много и они возвратились бы домой, да въ обратный путь идти не съ чѣмъ, ибо все, что

было взято съ собою, дорогой проѣли. Таково безотрадное положеніе мѣстнаго крестьянства». Вообще, всѣ надежды на урожай въ Воронежской губерніи обусловливались тѣмъ, выпадетъ дождь, или нѣтъ. Но дождей не было. Въ іюлѣ *Русскому Курьеру* писали изъ Воронежа, что тамъ, благодаря страшнымъ жарамъ, сады и скверы представляютъ глазамъ печальное зрѣлище: трава и цвѣты на нихъ окончательно засохли; желтые, опаленные солнцемъ, листья сыплются съ деревьевъ и устилаютъ, толстымъ слоемъ, растрескавшуюся отъ жара землю; на огородахъ и бакчахъ также все погорѣло, также все безвозвратно пропало. Понятное дѣло, какъ гибельно должна была отразиться на посѣвахъ такая ужасная засуха. И дѣйствительно, изъ Валуйскаго уѣзда пишутъ *Голосу*, что стоявшая тамъ тропическая жара губительно отразилась на хлѣбахъ, особенно на озимыхъ, и безъ того уже плохихъ; греча окончательно пропала; то же можно сказать и о просѣ; вмѣстѣ съ этимъ пропали всѣ надежды на хорошій урожай.

Всего болѣе мы имѣемъ свѣдѣній о печальномъ положеніи, въ какомъ находится населеніе Курской губерніи, по случаю неурожая. Въ Обоянскомъ уѣздѣ урожай озимаго хлѣба въ нынѣшнемъ году плохъ; крестьянское населеніе поставлено въ безвыходное положеніе. Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ ржи едва достанетъ на обсѣмененіе полей. Яровые хлѣба далеко не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались; урожай овса средній, гречиха хороша соломой, но зерна въ ней такъ мало, что разсчитывать на нее, какъ на суррогатъ ржи, не приходится. По случаю сухой погоды, травы уродились весьма скудныя. Въ Грайворонскомъ уѣздѣ озимые хлѣба повсюду оказались плохими; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не приступали къ уборкѣ ихъ, не разсчитывая собрать даже сѣмянъ. Травы, большею частью, также плохи и притомъ покосъ производился при самыхъ дурныхъ условіяхъ: проливные дожди смѣнялись самыми жаркими солнечными днями, отчего скошенная трава гнила въ рядахъ. Въ сосѣднихъ уѣздахъ хлѣба также плохи, да къ тому же на нихъ появился мѣстами жукъ австріякъ и гессенская муха. Такъ въ Короченскомъ уѣздѣ гессенская муха окончательно истребила озими ранняго посѣва на пространствѣ 10 верстъ. Зародыши мухи находятся въ самомъ корешкѣ стеблей, отчего зелени посохли, такъ что пораженныя мѣста перепахивались яровыми хлѣбами. Въ Щигровскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, урожай оказался въ общей сложности ниже средняго. «На хорошо удобренныхъ и правильно обработанныхъ земляхъ урожай за нынѣшній годъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя климатическія случайности, удался вполнѣ. Но такихъ хозяйствъ весьма мало: едва ли наберется 10%. Въ громадномъ большинствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ дѣло ведется спустя рукава; вездѣ полагаются на знаніе и искусство «вѣрнаго человѣка», а вѣрный человѣкъ, который посмышленѣй, давно уже превратился самъ въ крупнаго

землевладѣльца. Несмотря на высокія цѣны на хлѣбъ и на вполнѣ удовлетворительные урожаи послѣднихъ двухъ - трехъ лѣтъ, помѣщичьи имѣнія сплошь и рядомъ переходятъ въ руки купцовъ. Урожай у крестьянъ отчасти выше средняго, отчасти средній на надѣльной землѣ, такъ какъ эта земля получаетъ хотя нѣкоторое удобреніе; но ни одинъ крестьянинъ не обходится своею землей, а занимаетъ у сосѣдняго помѣщика. Вотъ на этой-то арендованной землѣ, которая не знаетъ никогда удобренія, въ нынѣшнемъ году совсѣмъ ничего не родилось. Хотя хорошихъ урожаевъ на этой землѣ никогда и не бываетъ, но въ благопріятные годы крестьянинъ не несетъ по крайней мѣрѣ убытковъ и ему остается въ барышѣ хоть бы солома. Не то вышло нынѣшній годъ: на ней родилось 2—3 копны, слѣдовательно получаются одни лишь сѣмена, а арендная плата и трудъ пропали даромъ. А между тѣмъ арендная плата за такую десятину полагалась въ прошломъ году отъ 24 до 35 рублей, смотря не по качеству земли, какъ можно было бы предполагать, а часто даже совсѣмъ напротивъ,—въ обратномъ отношеніи къ качеству, лишь въ зависимости отъ густоты населенія и большей или меньшей нужды крестьянъ въ землѣ. Можно было бы придти къ заключенію, что полный неурожай нынѣшняго года долженъ былъ бы произвести то дѣйствіе, что арендная плата должна была бы сильно понизиться; но почему-то выходитъ наоборотъ, — она повысилась на 2 — 3 рубля на десятину. Гдѣ цѣна на озимое въ прошломъ году была 25 руб., въ нынѣшнемъ—27 руб. Нѣсколько дней тому назадъ возлагались большія надежды на яровое, но вотъ сильнѣйшая жара разрушила и эту надежду. Овесъ захватило, отчего онъ не успѣлъ налить зерно и оказывается легковѣснымъ, да и умолотъ не можетъ уже выйдти нормальнымъ; греча пропала почти совсѣмъ. Положеніе уѣзда, очевидно, критическое, а между тѣмъ земское собраніе, происходившее на дняхъ въ Щиграхъ, ассигновало въ помощь нуждающимся 5.000 руб.—ровно столько, сколько нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было ассигновано предводителю на поѣздку въ Петербургъ для «охлопатыванія» никому ненужной Золотухино-Старооскольской желѣзной дороги». Всего болѣе пострадалъ отъ неурожая Курскій уѣздъ. Въ окрестностяхъ Курска засуха стояла страшная. Глаза повсюду встрѣчали только жалкіе озимые и погорѣлые яровые; мѣстами яровые совсѣмъ не взошли. Съ лучшей десятины, въ Курскомъ уѣздѣ, предполагали снять не болѣе двухъ копенъ, а на худшей крестьяне собирались не косить, а дергать колосья, какъ коноплю. Голодъ будетъ непремѣнно. Впрочемъ, плодороднѣйшая изъ русскихъ областей, Курская губернія, уже собственнымъ опытомъ убѣдилась въ невѣрности нѣкогда распространенной на Руси патріотической поговорки: «На Руси съ голоду не умираютъ». По словамъ *Курскаго Листка*, 5-го апрѣля, въ Курскѣ, на Первой Набережной улицѣ, въ своей избѣ, умеръ мѣщанинъ Н. В. Сыромятниковъ отъ голоднаго тифа, развившагося отъ недостаточнаго

питанія и полнаго истощенія организма—послѣдствій крайней бѣдности. Семья его состоитъ изъ жены и семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери, Раиса 16 лѣтъ и Анеиса 13 лѣтъ, больны тою же формой тифа. Другой случай голодной смерти былъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ. Корреспондентъ *Курскаго Листка* разсказываетъ, что въ деревнѣ Незнамовой, Старооскольскаго уѣзда, 16 іюня утопилась 18-лѣтняя крестьянская дѣвушка Степанида Базарова, старшая дочь въ семействѣ, состоящемъ изъ отца и пятерыхъ дѣтей; мать недавно умерла. Голодъ и нищета—вотъ первое впечатлѣніе, которое производятъ изнуренныя, чахлыя дѣти. Отецъ семьи, Владиміръ Базаровъ, по отзывамъ односельчанъ, честный, трудолюбивый, гордый крестьянинъ, выбивался изъ силъ, чтобы прокормить дѣтей, не допуская ихъ до побирательства. Послѣдніе четыре дня до катастрофы дѣти голодали, все было продано и заложено, въ хатѣ—однѣ голыя стѣны. Отецъ, занимаясь выдѣлкой прялочныхъ скалокъ, снесъ сосѣду нѣсколько штукъ, чтобы на полученныя деньги купить хлѣба. Сосѣдъ, взявши скалки, зачелъ слѣдовавшія за нимъ 25 коп. за 7 фунт. хлѣба, которые взяла Степанида въ прошломъ году безъ вѣдома отца. Неожиданная неудача привела Базарова въ отчаяніе. Мрачный, сердитый возвращается онъ домой и приноситъ въ голодную семью, вмѣсто хлѣба, брань. Степанида уходитъ изъ дома. Спустя два дня ее нашли въ рѣкѣ. При вскрытіи трупа желудокъ оказался совершенно пустъ. По случаю неурожая, 30 мая было открыто въ Курскѣ экстренное губернское земское собраніе. Изъ представленнаго собранію доклада губернской земской управы видно, что въ 9 уѣздахъ ожидался полный неурожай, а въ остальныхъ 6 уѣздахъ урожай самый сомнительный. По словамъ нѣкоторыхъ гласныхъ, неурожая подобнаго нынѣшнему въ Курской губерніи не запомнятъ. Собраніе открыло кредитъ въ 75.000 руб. на пособіе крестьянамъ для обсѣмененія полей. Сверхъ того, собраніе, по случаю неурожая хлѣбовъ, нашло крайне труднымъ для населенія возвращеніе данныхъ ему ссудъ, а потому постановило пріостановить въ нынѣшнемъ году принудительное взысканіе помянутыхъ ссудъ по всѣмъ уѣздамъ, а взысканіе ссуды съ крестьянъ Новооскольскаго уѣзда—отсрочить на годъ. Губернская управа въ своемъ докладѣ предлагала возбудить ходатайство предъ правительствомъ объ отсрочкѣ въ платежѣ податей. Противъ этого предложенія возсталъ гласный г. Марковъ; онъ высказался приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Курская губернія,—говорилъ онъ,—одна изъ самыхъ плодородныхъ, и если ужь она будетъ ходатайствовать объ освобожденіи отъ платежа податей, то что останется дѣлать другимъ и какъ отнесется къ этому правительство? Къ подобной мѣрѣ,—утверждалъ онъ,—нужно относиться серьезнѣе; теперь мы дадимъ, а потомъ будемъ выбивать». Это мнѣніе одержало верхъ въ земскомъ собраніи. Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе рѣшило просить объ отсрочкѣ податей по одному Курскому уѣзду.

Свѣдѣнія объ урожаѣ въ Орловской губерніи, несмотря на неполноту и неточность, все-таки рѣшительно говорятъ о постигшемъ эту область неурожаѣ. Мы нашли только одно успокоительное извѣстіе изъ Орловскаго уѣзда, которое съ радостью и перепечатываемъ изъ *Русскаго Курьера*. «*Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ* нашего уѣзда умолотомъ рожь очень недурна. Яровые хлѣба, *исключая гречи*, весьма удовлетворительные. Конопля очень хороша; есть мѣста, гдѣ она болѣе трехъ аршинъ ростомъ». Изъ другихъ уѣздовъ мы имѣемъ менѣе утѣшительныя извѣстія объ урожаѣ; такъ изъ Трубчевскаго уѣзда пишутъ *Орловскому Вѣстнику*, что, по случаю бывшихъ жаровъ, яровые хлѣба вышли съ тощимъ зерномъ, урожай сѣна—недостаточный. Изъ Елецкаго уѣзда сообщаютъ *Голосу*, что урожай хлѣбовъ ниже посредственнаго. Озимой ржи оказалось отъ трехъ до шести копенъ на десятинѣ, овесъ уродился нѣсколько лучше и далъ, въ среднемъ, до 10 копенъ. Въ нѣкоторыхъ же, довольно крупныхъ, экономіяхъ не возвратили даже сѣмянъ и многіе крупные землевладѣльцы покупаютъ рожь на обсѣмененіе полей по 17 рублей за четверть, между тѣмъ какъ скупщики хлѣба предлагаютъ за новый хлѣбъ по 13 руб. за четверть, съ доставкою въ Елецъ, и сдѣлки совершаются едва-едва по 15 руб. Сильно разсчитывали на суррогаты хлѣба, гречиху и горохъ; но послѣдняя засуха испортила горохъ и совершенно уничтожила гречиху, что немедленно отозвалось повышеніемъ цѣнъ. Бывшее въ Ельцѣ чрезвычайное земское уѣздное собраніе, по случаю неурожая, рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы взысканіе податей на будущій годъ было отложено. То же собраніе уполномочило управу произвести закупку хлѣба для обсѣмененія полей и для обезпеченія продовольствія. При этомъ собраніе, какъ у насъ часто бываетъ, не могло воздержаться отъ пошлости, сдѣлавъ единогласное постановленіе не выдавать ссуды тѣмъ обществамъ, въ селеніяхъ которыхъ имѣются тайные шинки. Изъ Ливенскаго уѣзда пишутъ *Голосу*, что тамъ урожай ржи далъ до 12 копенъ, съ умолотомъ отъ 3-хъ до 6-ти мѣръ; но гречиха погибла и скошена на кормъ скоту. Той же газетѣ сообщаютъ, что виды на урожай въ сѣверной части Мценскаго уѣзда, примыкающей къ Тульской губерніи, весьма дурны. Вообще урожай ниже средняго, да притомъ зерно плохо держится въ колосѣ. Коса тоже плохо снимаетъ хлѣбъ, перепутанный вихрями и дождями послѣдняго времени. На крестьянскихъ поляхъ въ среднемъ становится отъ 3 до 4 копенъ (здѣшняя копна—52 снопа) съ умолотомъ отъ 4 до 5 мѣръ. На помѣщичьихъ земляхъ средній урожай представляетъ собою 8 копенъ съ умолотомъ отъ 6 до 7 мѣръ, причемъ нѣкоторыя крупныя экономіи, ведущія интенсивное хозяйство, вырабатывали отъ 10 до 15 копенъ на десятину съ умолотомъ 8 мѣръ. Ясно уже теперь, что крестьянамъ не станетъ хлѣба до половины будущаго года, тѣмъ болѣе, что недостаточность надѣловъ заставляетъ крестьянъ производить ничтожныя запашки. Такъ, наприм., въ Мценскомъ

уѣздѣ есть громадныя экономіи князя Менщикова. Бывшіе крестьяне его, которые во времена крѣпостнаго права были всегда на оброкѣ и имѣли въ своей обработкѣ по 8 десятинъ на душу, получили въ надѣлъ по 1³/₄, сосѣди ихъ, крестьяне села Чортова, имѣютъ по 1¹/₄ десят., а между тѣмъ арендная плата растетъ съ каждымъ годомъ. Десятина земли подъ озимый хлѣбъ отдается за 20 руб., а подъ яровой за 12 руб. Аренда же за крупные земельные участки не превышаетъ 5 руб. за десятину. Вообще, судя по краткимъ и недостаточно яснымъ частнымъ сообщеніямъ, неурожай въ Орловской губерніи долженъ обнимать значительное число уѣздовъ. Въ виду необходимости оказать помощь населенію по случаю неурожая, чрезвычайное губернское земское собраніе «увеличило ассигнованный въ прошлую очередную сессію продовольственный капиталъ съ 10.000 до 50.000 руб.» Въ другомъ газетномъ сообщеніи мы читаемъ: «Въ происходившемъ недавно чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ, между прочимъ, возбужденъ вопросъ объ общественныхъ работахъ. Многіе гласные въ этихъ работахъ видѣли единственное радикальное средство для поднятія благосостоянія крестьянъ, совершенно лишенныхъ заработковъ въ нынѣшнюю тяжелую пору».

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія относительно урожая мы имѣемъ изъ Тамбовской губерніи. Теперь, по словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, «можно уже подвести итоги урожаю нынѣшняго года въ Тамбовской губерніи. По доходящимъ изъ уѣздовъ извѣстіямъ, урожай не выше средняго лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, въ большинствѣ же онъ ниже посредственнаго. Особенно гибельно повліяла на урожай засуха и необычайные жары въ іюлѣ. До іюля, благодаря во-время выпадавшимъ дождямъ, надѣялись на хорошій урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Ни тѣ, ни другіе не оправдали надеждъ». Въ отдѣльности по уѣздамъ мы имѣемъ слѣдующія неутѣшительныя свѣдѣнія объ урожаѣ. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ, по словамъ *Голоса*, урожай получился посредственный, всѣ хлѣба пострадали отъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій; жара не давала имъ рости и свертывала зерно въ періодъ его созрѣванія. Теперь весь хлѣбъ убранъ съ поля и вотъ какой получился результатъ: при укладкѣ ржи въ крестцы, на каждой 30-й десятинѣ ставилось отъ 4 до 12 копенъ, а при умолотѣ изъ каждой копны получилось отъ 3 до 6 мѣръ зерна. Слѣдовательно, въ общемъ итогѣ изъ каждой десятины получилось отъ 12 до 72 мѣръ зерна. Въ прошломъ же году съ каждой десятины ржи получилось отъ 8 до 20 копенъ, а при умолотѣ изъ каждой копны вышло отъ 6 до 10 мѣръ зерна. Урожай овса тоже плохой. Съ каждой десятины получилось отъ 3 до 10 копенъ, а при умолотѣ изъ каждой копны вышло отъ 3 до 7 мѣръ зерна. Слѣдовательно, въ общей сложности получалось отъ 9 до 70 мѣръ зерна съ каждой десятины. Просо уродилось гораздо хуже ржи и овса. Сады здѣсь находятся также въ крайне печальномъ положеніи. Вѣроятно, въ нынѣш-

немъ году, всѣ арендаторы садовъ понесутъ громадный убытокъ. Къ сожалѣнію, сады здѣсь арендують, большею частью, бѣдные люди, которыхъ ожидаемый кризисъ поставитъ, пожалуй, въ крайне тяжелое положеніе: неурожай можетъ совершенно разорить ихъ. Греча, какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*, обѣщала дать по крайней мѣрѣ 15 четвертей съ десятины, въ результатѣ же едва удалось собрать сѣмена. Въ Козловскомъ уѣздѣ во все лѣто стояли жары, доходившіе до 45°. Почва до того накалилась, что во многихъ мѣстахъ образовались трещины. Земля просто окаменѣла и представляла собою нѣчто въ родѣ асфальта. Листъ на деревьяхъ свертывался, желтѣлъ и; наконецъ, совсѣмъ осыпался. Хлѣба, большею частью, засохли; колосъ овса совсѣмъ наклонился къ землѣ, а просо перегнулось до половины. Колосъ ржи, не успѣвъ налиться, свернулся отъ жару и изъ зеленаго окрасился въ желтый цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, разсказываетъ корреспондентъ *Голоса*, рожь и овесъ уже убраны и вотъ какой получился результатъ: при уборкѣ ржи въ крестцы, съ каждой десятины получилось отъ 5 до 8 копенъ, а при умолотѣ изъ каждой копны вышло отъ 2 до 5 мѣръ зерна. Слѣдовательно, въ общемъ итогѣ съ каждой десятины получилось отъ 10 до 40 мѣръ зерна, притомъ самаго мелковѣснаго. Если принять въ соображеніе урожаи прошлыхъ годовъ, ясно становится, что въ нынѣшнемъ году урожай ржи чрезвычайно плохой. При всемъ этомъ нужно добавить, что солома ржи почти никуда не годится. Поэтому въ нынѣшнемъ году ни корма для скотины, ни топлива для бѣдныхъ—ничего не будетъ. Въ виду такихъ неутѣшительныхъ обстоятельствъ, рожь теперь вздорожала и ссыпается съ возовъ по 7 руб. 80 коп. за четверть. Урожай овса нисколько не лучше урожая ржи. При укладкѣ въ крестцы съ каждой десятины получилось отъ 4 до 10 копенъ, а при умолотѣ изъ каждой копны вышло отъ 2 до 6 мѣръ, что въ общей сложности составляетъ отъ 8 до 60 мѣръ зерна, получившагося съ каждой десятины. Итакъ, урожай овса, въ сравненіи съ прежними годами, также представляетъ весьма неутѣшительный результатъ. Такого плохого неурожая здѣсь никогда не было, потому что Козловскій уѣздъ славился всегда за самый плодородный изъ всѣхъ уѣздовъ Тамбовской губерніи. Въ настоящее время овесъ покупается по 2 руб. 80 коп. за четверть. Изъ неубранныхъ и оставшихся на корнѣ хлѣбовъ теперь остались просо и гречиха. Просо, пострадавъ сильно отъ засухи, за исключеніемъ немногаго, все погибло. Колосъ его, подъ вліяніемъ солнечнаго припека, совершенно сожженъ и наклоненъ къ самой землѣ. Зерна въ немъ положительно не оказывается; это оттого, что стоявшая здѣсь все лѣто тропическая жара способствовала едва зародившемуся зерну поспѣшно созрѣть, не давъ ему какъ слѣдуетъ развиться. Отсутствіе дождей пріостановило ростъ, и зерно хотя и уцѣлѣло, но, благодаря своей микроскопичности, считается тоже въ числѣ окончательно погибшихъ хлѣбовъ. Сѣна въ Козловскомъ уѣздѣ, какъ сообща-

ютъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, убрано вдвое меньше противъ прошлаго года и жары совсѣмъ засушили гречиху такъ, что врядъ ли пришлось собрать сѣмена. Изъ Моршанскаго уѣзда сообщаютъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что сѣна собрано достаточно, но оно незавидное по качеству, темно и безъ аромата. Озимые хлѣба, несмотря на первоначально хорошій всходъ, не вездѣ удались, вслѣдствіе засухи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не надѣются собрать даже сѣмянъ. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ ожидали удовлетворительнаго урожая. Въ Лебедянскомъ уѣздѣ всѣ посѣвы ржи и, особенно пшеницы, отъ весенняго бездождія посохли, а отъ вѣтра прилегли; кромѣ того, всходы озимыхъ хлѣбовъ пострадали отъ поврежденія, прошлою осенью, червякомъ. «Вообще,—замѣчаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—нынѣшній годъ будетъ тяжелъ для сельскаго населенія. Въ прошломъ году, какъ извѣстно, кричали объ огромномъ, будто бы, урожаѣ, о чрезмѣрно высокихъ цѣнахъ на рабочія руки въ Тамбовской губерніи; между тѣмъ вотъ каковы результаты всего этого. Къ іюню нынѣшняго года, т.-е. когда крестьяне должны уже были воспользоваться всѣми благами урожая и высокихъ заработковъ, недоимка государственныхъ сборовъ на 200.000 р. превышала недоимку прошлаго года за тотъ же періодъ; съ другой стороны никогда еще выселеніе крестьянъ изъ Тамбовской губерніи не достигало такихъ размѣровъ, какъ весною нынѣшняго года; безконечныя вереницы повозокъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ 2-хъ мѣсяцевъ, ежедневно тянулись по улицамъ, напоминая отдаленную эпоху переселенія народовъ».

Въ Рязанской губерніи также неурожай. Съ осени холода, а потомъ гололедица и безснѣжная зима весьма вредно повліяли на весенніе всходы ржи. Нѣсколько болѣе благопріятная погода весною поправила было рожь, но наступившая затѣмъ засуха попортила не только ржаные посѣвы, но и всѣ яровые всходы. Урожай ржи повсемѣстно въ губерніи чрезвычайно плохъ. Яровые посѣвы вышли много лучше, но и ихъ урожай въ общемъ все-таки гораздо ниже хорошаго; особенно плохо уродилось мѣстами просо. Новая рожь даетъ умолотъ самъ пять и самъ четыре съ половиной; на десятинѣ собирается отъ 8 до 12 копенъ, съ 5—4 мѣрами ржи съ копны умолота. «Надобно замѣтить,—прибавляетъ къ этому корреспондентъ *Голоса*,—что у насъ случаются довольно странныя несообразности: иногда населеніе мѣстности, при урожаѣ самъ-десять, одинаково нуждается въ хлѣбѣ для продовольствія, какъ и при умолотѣ хлѣба въ самъ-пять; это зависитъ отъ количества запашки, которая бываетъ недостаточно значительною. Такъ, населеніе южныхъ уѣздовъ губерніи въ неурожайный 1878—1879 годъ, когда запашки сдѣланы были весьма значительныя, нуждалось одинаково въ хлѣбѣ на продовольствіе, какъ въ урожайный 1881 годъ, когда посѣвы ржи были весьма незначительны». Въ виду неудовлетворительнаго урожая, губернская земская управа представила собранію докладъ о необходимости выдачи ссудъ

нѣкоторымъ уѣздамъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала на обсѣмененіе полей и на продовольствіе населенія. По 26-го іюня просьбы о выдачѣ ссудъ изъ этого капитала поступили только отъ сельскихъ обществъ четырехъ уѣздовъ: Раненбургскаго, Сапожковскаго, Ряжскаго и Скопинскаго, на 165.000 руб.; но вѣроятно сумма эта удвоится въ требованіи въ виду повсемѣстнаго неурожая. Вообще, по словамъ корреспондента *Голоса*, «матеріальное положеніе крестьянства въ здѣшней губерніи обѣщаетъ быть весьма печальнымъ: урожая нынѣшняго года едва хватитъ крестьянамъ на обсѣмененіе полей и на продовольствіе свое до зимы, а дальше жить крестьянину съ семьею придется «на покупномъ хлѣбѣ». Обыкновенно въ такіе годы у насъ крестьяне идутъ нищенствовать, и нерѣдко, свыкаясь съ нуждой, послѣ того занимаются уже нищенствомъ, какъ ремесломъ, и не возвращаются въ деревни къ своимъ разрушеннымъ кровамъ. Нищенство возросло почти до огромныхъ размѣровъ; съ этимъ зломъ у насъ борятся, насколько въ силахъ, и всѣ уѣздныя земства, и различныя благотворительныя учрежденія; затрачивается много денегъ, но зло нисколько не умаляется, а все растетъ. Есть мѣстности въ губерніи, гдѣ населеніе почти все поголовно пристрастилось къ ниществу». На сильное обѣднѣніе населенія указываетъ также и то обстоятельство, что крестьяне платятъ оброки все неисправнѣе. Жалобы помѣщиковъ на несвоевременный взносъ оброковъ, составлявшія въ прежнее время явленіе весьма рѣдкое, встрѣчаются нынѣ весьма часто. Недоимки накопились за два года и болѣе. Хотя претензіи владѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ, удовлетворяются взысканіемъ недоимки, но для этого нерѣдко приходится подвергать продажѣ движимое имущество крестьянъ, такъ какъ причиною неплатежа, по большей части, бываетъ дѣйствительная несостоятельность, происходящая или отъ неудовлетворительнаго урожая хлѣбовъ, или, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, отъ надѣленія крестьянъ недоброкачественною землею.

Изъ Тульской губерніи мы имѣемъ довольно неопредѣленныя свѣдѣнія объ урожаѣ. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ, что можно съ увѣренностью сказать, что урожай въ Тульской губерніи хотя и много слабѣе прошлаго года, но далеко не такъ плохъ, какъ можно было надѣяться, судя по холодной веснѣ и проливнымъ дождямъ, какъ разъ почти совпавшимъ съ порой уборки хлѣба. Въ общемъ озимый хлѣбъ лучше яроваго; послѣдній какъ будто недоросъ и мѣстами вымокъ особенно въ Чернскомъ уѣздѣ. Гречиха и ячмень очень сносные; овесъ— плохъ и чрезвычайно много въ немъ сорной травы. Впрочемъ, тотъ же самый корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* жалуется на «полнѣйшую неудачу сѣнокосовъ нынѣшняго года» и предвидитъ «печальную перспективу, которая ожидаетъ настоящею зимой крестьянскій скотъ». Другой корреспондентъ той же газеты пишетъ изъ Тулы, что картофель, этотъ необходимѣйшій продуктъ питанія въ крестьянствѣ, плохъ: зелень круп-

на, но плодъ — мелкій и водянистый. Изъ отдѣльныхъ уѣздовъ Тульской губерніи мы имѣемъ болѣе опредѣленныя, хотя и не утѣшительныя, извѣстія объ урожаѣ только по одному Чернскому уѣзду. По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, старожилы давно не запомнятъ такого неурожайнаго года, какимъ дался для всего уѣзда нынѣшній годъ. Съ начала мая и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ повсемѣстно стояли такіе знойные дни, что положительно сгорѣли всѣ посѣвы, а то, что уцѣлѣло отъ солнца, унесено водой. Послѣ страшно знойныхъ дней пошли такіе ливни, что всѣ маленькія рѣчонки превратились въ бурныя рѣки, залили поля и унесли все сѣно, скошенное на поляхъ, такъ что и скотъ остался положительно безъ корма. Крестьяне, имѣющіе по 4 и 5 десятинъ земли, собирали еще въ прошломъ году 10—12 копенъ хлѣба на десятинѣ и жили безбѣдно, а нынче не имѣютъ ни зерна для посѣва и вынуждены просить Христа-ради. Если земство не придетъ на помощь пострадавшимъ, то многимъ крестьянскимъ семьямъ положительно придется остаться безъ хлѣба. Вообще же, судя по газетнымъ извѣстіямъ, крестьянамъ Тульской губерніи не легко будетъ прокормиться зимою. «Жгучій вопросъ о недостаткѣ хлѣба, для прокормленія крестьянъ въ продолженіе всей зимы,—разсказываетъ корреспондентъ *Голоса*, — вынудилъ нѣкоторыя изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ заняться составленіемъ на земскія суммы запасныхъ магазиновъ какъ для ссуды на прокормленіе, такъ равно и для яровыхъ посѣвовъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ имѣетъ у насъ не какой-нибудь случайный, временный интересъ, а представляетъ дѣйствительно насущную потребность кореннаго разрѣшенія. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нашей губерніи, какъ, напримѣръ, Богородицкомъ, Ефремовскомъ, даже при идеальномъ урожаѣ, крестьяне могутъ дотянуть на своемъ хлѣбѣ едва до Рождества».

Объ урожаѣ въ Пензенской губерніи сообщаютъ въ газетахъ, что онъ вышелъ далеко не такой, какой ожидался ранѣе. Такъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ, по случаю сильныхъ жаровъ, продолжавшихся непрерывно болѣе мѣсяца, рожь осыпалась и на загонахъ осталось много зерна; по той же причинѣ и яровые хлѣба, особенно овесъ и греча, не могутъ дать хорошаго сбора. Въ Керенскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе частыхъ градобитій и долговременной засухи, озимаго хлѣба собрано на половину меньше прошлогодняго, причемъ умолотъ его оказался крайне плохимъ. Опасаются, что большинству крестьянъ недостанетъ ржи даже на обсѣмененіе полей, не говоря уже о продовольствіи. Яровые хлѣба хотя еще не всѣ убраны, но они также не обѣщаютъ ничего хорошаго; словомъ, большинству населенія предстоитъ голодовка. Въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ урожай нынѣшняго года представляетъ большое разнообразіе: озимые хлѣба—мѣстами довольно хороши, мѣстами — посредственны, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долго оставался снѣгъ—очень плохи. Не мало озимыхъ полей перепахано яровымъ хлѣбомъ; кое-гдѣ первоначальные посѣвы вымокли весною.

или осенью были истреблены червемъ. Яровые хлѣба, травы и плодовыя деревья въ садахъ обѣщаютъ дать хорошій сборъ. Въ Мокшанскомъ уѣздѣ было много вымочекъ весною, отчего озимые посѣвы перепаханы яровымъ хлѣбомъ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ перепаханы ярью озимые посѣвы, истребленные червемъ. Вообще же изъ Инсарскаго уѣзда пишутъ, что озимымъ хлѣбамъ нанесено не мало вреда жучкомъ, бывшимъ здѣсь въ прошломъ году. Сверхъ того, во ржи виднѣется много бѣлыхъ, пустыхъ колосьевъ, стебли которыхъ проѣдены какимъ-то неизвѣстнымъ насѣкомымъ, отчего колосъ сохнетъ преждевременно. Не мало также пострадала рожь отъ бывшихъ, въ іюнѣ, почти постоянныхъ сильныхъ дождей, сопровождавшихся вѣтромъ, которыми обило много цвѣта. Эти же самые дожди, однако, благотворно повліяли на яровые хлѣба и травы и они повсемѣстно удовлетворительны. Въ особенности много въ нынѣшнемъ году было градобитій, причинившихъ громадные убытки. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ крупный градъ, величиною въ орѣхъ, побилъ хлѣбъ въ четырехъ волостяхъ. Въ Саранскомъ уѣздѣ также погибло не мало хлѣба отъ града и бури. Въ Мокшанскомъ уѣздѣ только въ двухъ волостяхъ побито градомъ около тысячи десятинъ хлѣба. Въ Городищенскомъ уѣздѣ градомъ побито болѣе 4.500 десятинъ. Въ Керенскомъ уѣздѣ, 6-го іюня, побито ржи 8.077 десятинъ, на 242.310 руб., и яровыхъ хлѣбовъ 4.694 десятины, на 140.820 руб.; затѣмъ 17-го іюня побито ржи 3.077 десятинъ и яровыхъ хлѣбовъ 5.529 десятинъ, на 82.635 рублей.

Изъ Смоленской губеніи мы имѣемъ только два запоздалыя извѣстія объ урожаѣ. Въ іюнѣ писали *Голосу* изъ Юхнова, что рожь во всемъ уѣздѣ посредственная. Постоянные жары имѣли неблагопріятное вліяніе на яровой хлѣбъ, а травы совсѣмъ засохли,—сборъ ихъ ожидается самый посредственный; опять предвидится большой недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ. Затѣмъ въ іюлѣ, въ той же газетѣ, появилось сообщеніе изъ Рославля, что сельскіе хозяева уже теперь безпокоятся, какъ имъ прокормить свой скотъ до слѣдующей весны; травы повсемѣстно пропали; на урожай яровыхъ хлѣбовъ также надежды мало; особенно плохъ ячмень. Рожь обѣщаетъ дать болѣе или менѣе удовлетворительный сборъ.

Въ Псковской губерніи урожай озимыхъ хлѣбовъ получился болѣе или менѣе удовлетворительный; но яровые хлѣба вышли малорослы и рѣдки. Хотя пробныхъ умолотовъ произведено пока сравнительно мало, сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, но полагаютъ за достовѣрное, что, по количеству зерна, урожай ячменя въ общемъ не будетъ выше посредственнаго, а овесъ, въ большинствѣ мѣстностей, не дастъ и посредственнаго урожая. Самое печальное — это плохой урожай льна, который псковской крестьянинъ не безъ основанія привыкъ называть своимъ «кормильцемъ»: въ нынѣшнемъ году льна въ соломѣ сняли на половину менѣе прошлогодняго, и это обстоятельство повергаетъ въ большое уныніе все крестьянское населеніе, благосостояніе котораго тѣсно

связано съ культурой этого растенія, успѣвшаго, въ силу мѣстныхъ условій, а отчасти и вѣковыхъ традицій, играющихъ, какъ извѣстно, немаловажную роль въ народномъ быту, вытѣснить въ здѣшней мѣстности на второй планъ воздѣлываніе всѣхъ другихъ полевыхъ продуктовъ.

Во Владимірской губерніи урожай ржи оказался повсемѣстно — ниже средняго, за исключеніемъ Гороховецкаго и Ковровскаго уѣздовъ, гдѣ онъ удовлетворителенъ. Яровые хлѣба, вслѣдствіе жаровъ и продолжительной засухи, большею частью высохли или преждевременно выспѣли, отчего наливъ зерна получился плохой. Въ особенности трудно будетъ перебиться зиму крестьянамъ, пострадавшимъ отъ градобитій, которыми чрезвычайно богато было нынѣшнее лѣто. Напримѣръ, изъ Юрьевскаго уѣзда пишутъ *Голосу*, что тамъ еще никогда не бывало такого сильнаго градобитія, какъ въ нынѣшнемъ году. На градобитія жаловались также въ Покровскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ.

Изъ Уфимской губерніи, въ іюлѣ, писали *Голосу*, что урожай озимыхъ хлѣбовъ ожидается не выше посредственнаго. Яровые хлѣба пока лучше, но вообще урожай въ нынѣшнемъ году долженъ быть пестрый, т. е. всходы мѣстами весьма хороши, мѣстами же очень плохи. Травы хороши только на заливныхъ мѣстахъ, на возвышенныхъ же плохи и сѣно должно быть не дешево. Запаснаго хлѣба у крестьянъ очень немного, а у башкиръ давнымъ-давно ничего нѣтъ. Въ частности, изъ Бѣлебеевскаго уѣзда сообщаютъ *Русскому Курьеру*, что ржи вышли повсемѣстно плохи, такъ что въ иныхъ мѣстахъ не стоило и жать. Яровые отъ сильныхъ жаровъ тоже пострадали, но все-таки подаютъ еще надежду на небольшой сборъ. Травы почти во всемъ уѣздѣ неудовлетворительны. Изъ Мензелинскаго уѣзда пишутъ *Голосу*, что здѣсь крестьянскія хозяйства постепенно приходятъ въ упадокъ. Причинами такого явленія служатъ недостаточность надѣловъ и плохіе урожаи хлѣбовъ. Есть селенія (бывшія крѣпостныя), гдѣ на ревизскую душу приходится всего полдесятины земли, одна десятина, десятина съ четвертью и т. д. Кромѣ такихъ клочковъ земли, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣтъ ни покосовъ, ни луговъ, ни лѣсовъ, ни выгоновъ для скота. Конечно, такіе размѣры надѣла землей, по большей части, не соотвѣтствуютъ рабочей силѣ крестьянской семьи и не могутъ ее прокормить. Вслѣдствіе этого, для своего прокормленія крестьяне принуждены арендовать земли; но арендованіе съ каждымъ годомъ становится труднѣе и безвыгоднѣе, такъ какъ арендная плата постепенно увеличивается. Въ настоящее время за десятину подъ озимь платятъ 25—26 руб., а подъ яровое—12—15 руб. При такой высокой арендной платѣ одинъ плохой урожай—и крестьянинъ разорился. Дѣйствительно, въ уѣздѣ съ каждымъ годомъ больше и больше крестьяне начинаютъ заниматься отхожими промыслами и сверхъ того развивается нищенство. Нынѣшній годъ еще болѣе будетъ способствовать упадку крестьянскаго хозяйства, такъ какъ на урожай, даже средній, очень плохая

надежда. По всему уѣзду яровые плохи, а поздніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не взошли. Плохи также поздніе посѣвы ржи.

Въ Саратовской губерніи также урожай не вездѣ хорошъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ *Голосу*, страшные жары, доходившіе до 45°, и полное бездождіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца крайне печально отозвались на крестьянскомъ хозяйствѣ; всѣ надежды даже на посредственный урожай оказались тщетными. Поздніе посѣвы ржи и пшеницы, проса и подсолнухъ—выгорѣли, не оставивъ почти никакого слѣда. Ранняя рожь и ячмень дали крайне посредственные результаты, сравнительно съ прошлыми годами. Травы оказались порядочными только на займищахъ или заливныхъ лугахъ, а на открытыхъ мѣстностяхъ даже и скоту нечѣмъ кормиться. Въ Вольскомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, урожай ржи долженъ быть средній; пшеница, просо и овесъ— очень хороши. Изъ посада Дубовки сообщаютъ, что верстъ на 50 — 60 въ окружности, около Дубовки, во все лѣто не было дождей и солнечный зной доходилъ до 42° по Реомюру; весь хлѣбъ посохъ и поля казались голыми, какъ будто не были засѣяны. Трава на поемныхъ лугахъ, обыкновенно достигающая высоты человѣческаго роста, нынѣ едва поднялась до полуаршина. Арбузы, дыни, тыквы уродились плохо и вышли очень мелкія. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ *Голоса* прибавляетъ отъ себя слѣдующія интересныя свѣдѣнія о положеніи мѣстнаго населенія въ окрестностяхъ Дубовки, пораженныхъ неурожаемъ: «Въ послѣднія пять лѣтъ въ здѣшней мѣстности три года сряду были неурожаи. Этотъ рядъ неурожаевъ не могъ не отозваться на здѣшнемъ населеніи, особенно луговой стороны, которое принадлежитъ къ Астраханской губерніи и которое не знаетъ другихъ занятій, кромѣ хлѣбопашества и скотоводства. Недоимки въ это время накопились за крестьянами громадныя. Въ прошломъ урожайномъ году эти недоимки и хлѣбные долги по выданнымъ въ ссуду сѣмянамъ взыскивались съ особенною старательностью, преимущественно на луговой сторонѣ, гдѣ зачастую взысканіе ихъ сопровождалось наказаніемъ розгами и арестами неисправныхъ плательщиковъ. Непремѣнные члены уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, представители мѣстной полиціи, волостные старшины, сельскіе старосты и полицейскіе урядники обнаружили прошлою осенью лихорадочную дѣятельность, разъѣзжая по своимъ участкамъ и взыскивая всевозможными способами недоимки и особенно хлѣбные долги, взысканіе которыхъ производилось сразу за всѣ годы выдачи ссудъ; при этомъ довольно своеобразно былъ понятъ циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, рекомендовавшій земствамъ и администраціи озаботиться, по случаю урожая, пополненіемъ хлѣбныхъ долговъ и составленіемъ запаснаго фонда на случай новыхъ неурожаевъ. Это поняли такъ, что хлѣбные долги за всѣ годы ссудъ должны быть взысканы во что бы то ни стало, не разбирая, въ состояніи или не въ состояніи уплатить ихъ плательщики, и потому за уплатою ихъ обраща-

лись даже къ тѣмъ, которые въ прошломъ году вовсе не сѣяли хлѣба». Жалобы на неурожай доходятъ и изъ другихъ мѣстностей Саратовской губерніи. Такъ изъ Камышина въ *Русскій Курьеръ* пишутъ, что сильные жары въ 45° «сварили» хлѣба поздняго посѣва такъ, что ранніе и поздніе хлѣба созрѣли вмѣстѣ и одновременно приступлено къ уборкѣ тѣхъ и другихъ. Ранніе хлѣба вышли, конечно, плохи; незавидны въ большей части уѣзда и яровые хлѣба ранняго посѣва. Отзывы крестьянъ объ урожаѣ ихъ хлѣба—нелестны: крестьяне говорятъ, что урожай настоящаго года, сравнительно съ прошлогоднимъ, болѣе чѣмъ плохъ.

Изъ сдѣланнаго нами обзора оказывается, что самыя хлѣбородныя мѣстности поражены неурожаемъ, или, по крайней мѣрѣ, по собраннымъ нами газетнымъ свѣдѣніямъ, въ нихъ преобладаетъ урожай малоудовлетворительный. Но и въ губерніяхъ, гдѣ въ нынѣшнемъ году хлѣба дали хорошій урожай, не мало есть отдѣльныхъ мѣстностей съ плохимъ урожаемъ. Такъ, напримѣръ, въ Тверской губерніи, вообще, урожай недуренъ, но, въ то же время, есть мѣстности, обездоленныя урожаемъ; такъ, земство Весьегонскаго уѣзда возбудило ходатайство объ отпускѣ ему въ ссуду 100.000 р. изъ губернскаго продовольственнаго капитала на осеннее обсѣмененіе болѣе чѣмъ 10.000 дес. озимыхъ полей, съѣденныхъ червемъ, а также и на продовольствіе особенно пострадавшихъ отъ этого бѣдствія крестьянъ. При разсмотрѣніи этого вопроса, одинъ изъ гласныхъ, доказывая необходимость земской помощи, указалъ на тотъ прискорбный фактъ, что крестьянскіе заправители и міроѣды имѣютъ обыкновеніе пользоваться каждымъ народнымъ бѣдствіемъ для личной наживы, Такъ, напримѣръ, онъ указалъ на то, что голодъ въ Весьегонскомъ уѣздѣ въ 1867 году обогатилъ нѣкоторыхъ въ средѣ крестьянъ лишь потому, что болѣе состоятельные отдавали неимущимъ свои сбереженія за такой процентъ, который сами желали. Да и не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году кулаки давали крестьянамъ сѣмена для засѣва яровымъ, на съѣденныхъ червемъ озимыхъ, *за половину всего осенняго урожая*, что составляетъ, по мнѣнію гласнаго, болѣе 300%, такъ какъ послѣ червя яровые родятся хорошо. Тверское губернское собраніе удовлетворило ходатайство весьегонскаго земства и поручило губернской управѣ выдать ссуду въ томъ размѣрѣ, который она найдетъ необходимымъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ яровые хлѣба и травы вышли очень плохи; особенно плохи здѣсь льны, на урожай которыхъ надежда весьма невелика. Въ Корчевскомъ уѣздѣ урожай ржи мѣстами вышелъ весьма порядочный, а мѣстами ниже посредственнаго; особенно плохъ урожай хлѣба и травъ въ нѣкоторыхъ подгородныхъ деревняхъ. При этомъ корреспондентъ *Голоса* замѣчаетъ, что хлѣба вообще хватаетъ большинству здѣшнихъ крестьянъ только до зимняго Николы, а потомъ приходится покупать его или вообще кое-какъ перебиваться; съ податями тоже кое-какъ справляются, причемъ дѣло не обходится безъ продажи убогаго крестьянскаго имущества. Общее же экономическое благо-

состояніе крестьянъ здѣшняго уѣзда можно охарактеризовать такъ: оно, за нѣкоторыми, весьма незначительными, исключеніями, очень незавидно и одно изъ главныхъ желаній крестьянина состоитъ въ томъ, какъ бы свести концы съ концами. Еслибы не отхожіе промыслы, служащіе значительнымъ подспорьемъ хозяйству, то обѣднѣніе было бы еще больше. И теперь уже число неисправныхъ плательщиковъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, но отъ окончательнаго паденія ихъ хозяйства спасаютъ именно отхожіе промыслы. Подобно Тверской губерніи, и въ Кубанской области урожай въ нынѣшнемъ году вообще хорошъ, но изъ отдѣльныхъ мѣстностей губерніи слышутся жалобы на неурожай. Напримѣръ, изъ Ейска пишутъ, что въ уѣздѣ, особенно на Ейской косѣ, хлѣба уродились чрезвычайно плохи. Причину неурожая приписываютъ отчасти засухѣ, а главнымъ образомъ появившимся нынѣшнимъ лѣтомъ разнымъ вреднымъ насѣкомымъ, въ числѣ которыхъ есть и гессенская муха. Равнымъ образомъ изъ Новгородской губерніи мы имѣемъ самыя утѣшительныя свѣдѣнія объ урожаѣ. Напримѣръ, въ Старорусскомъ уѣздѣ урожай вышелъ необыкновенный. Корреспондентъ *Голоса* разсказываетъ, что здѣсь «урожай такъ великъ, что мѣстными рабочими убрать весь хлѣбъ съ поля, и притомъ своевременно, рѣшительно нѣтъ никакой возможности; поэтому здѣшніе помѣщики и крестьяне прибѣгаютъ къ помощи солдатъ, находящихся въ Старой Русѣ на лѣченіи, и платятъ имъ очень хорошія деньги, лишь бы они шли работать. Поденная плата рабочимъ солдатамъ доходитъ до рубля въ сутки—плата, здѣсь прежде никогда не бывалая. Старорусскіе старожилы не запомнятъ такого урожая, а еще болѣе не помнятъ такого прекраснаго лѣта, какое стоитъ въ нынѣшнемъ году». Въ Боровицкомъ уѣздѣ, благодаря хорошей погодѣ, урожай яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ превзошелъ ожиданія. Но въ большей части Бѣлозерскаго уѣзда озимые хлѣба весьма плохи, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній. Яровые хотя и поправились отъ дождей, тѣмъ не менѣе многимъ изъ крестьянъ отъ этого не легче, именно тѣмъ, которые, по неимѣнію сѣмянъ и денегъ на покупку ихъ, отдавали свои полосы подъ посѣвъ болѣе зажиточнымъ сосѣдямъ изъ третьяго снопа. Въ Демянскомъ уѣздѣ рожь главнымъ образомъ пострадала отъ сильныхъ вѣтровъ во время цвѣтенія, такъ что на хорошій умолотъ разсчитывать нельзя. Травы во всемъ уѣздѣ малорослы и рѣдки. Въ Устюжинскомъ уѣздѣ, отъ безснѣжной зимы и холодной весны, хлѣбъ вымокъ и вызябъ, а прошлою осенью часть посѣвовъ истреблена червемъ; вслѣдствіе этого озими большею частью неудовлетворительны. Тѣ же причины повліяли дурно и на травы; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣга не было, а лежала ледяная кора, травъ даже вовсе нѣтъ. Въ Астраханской губерніи мѣстами получился такой хорошій урожай, какого не запомнятъ за много лѣтъ назадъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оттуда же получены и неблагопріятныя извѣстія объ урожаѣ. Такъ на поляхъ Черноярскаго и Энотаевскаго уѣздовъ появился сусликъ въ боль-

шомъ числѣ и нанесъ значительное опустошеніе хлѣбамъ; кромѣ того, въ Черноярскомъ и Царевскомъ уѣздахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выпалъ градъ и истребилъ посѣвы. Съ другой стороны и урожай винограда въ Астрахани тоже неудаченъ; въ астраханскихъ и черенятинскихъ садахъ виноградъ покупается на цѣлый рубль съ пуда дороже противъ прошлаго года.

Въ то время, какъ однѣ мѣстности сильно пострадали отъ неурожая, другія не нахвалятся замѣчательно хорошимъ урожаемъ. Такъ, напримѣръ. въ Подольской губерніи озимые хлѣба, пшеница и рожь, дали среднимъ числомъ 19—20 копенъ съ десятины; яровые хлѣба тоже весьма хороши. По вѣсу и качеству зерна урожай нынѣшняго года такъ хорошъ, что старожилы не запомнятъ подобнаго; рожь имѣетъ вѣсу отъ 9 пуд. 26 ф. до 9 пуд. 30 ф. Но, къ несчастію, въ Подольской губерніи неудались сѣнокосы. Перепадавшіе въ первой половинѣ іюля дожди съ грозами задержали уборку сѣна, которая оканчивается вмѣстѣ съ жатвой ржи и вспашкою пароваго поля подъ озими. Сѣна оказалось такъ мало, что уже лѣтомъ кубическая сажень стоила 35—40 руб., тогда какъ въ прошломъ году та же сажень въ это время продавалась по 20—24 руб. Скотъ и лошади, вслѣдствіе такой дороговизны сѣна, упали въ цѣнѣ на 20%. Въ Полтавской губерніи также получился отличный урожай. Нужно надѣяться, что хорошій урожай дастъ возможность крестьянамъ поправить свое хозяйство, которое до такой степени разорено, что чрезвычайно обильный урожай прошлаго года не могъ исправить его. Несмотря на прошлогодній урожай, сумма недоимокъ полтавскаго уѣзднаго земскаго сбора достигла 36.960 руб., тогда какъ въ совершенно неурожайномъ 1880 году недоимки не превышали 25.700 руб. Вслѣдствіе такого накопленія недоимокъ, земская управа была вынуждена пріостановить необходимые платежи. Равнымъ образомъ въ Прилукскомъ уѣздѣ хлѣбныя ссуды и недоимки за крестьянами превышаютъ 35.000 четвертей зерномъ и 50.000 руб. деньгами, полученными въ 1880 году изъ губернскаго продовольственнаго капитала; по запаснымъ общественнымъ магазинамъ числилось въ ссудахъ за крестьянами 37.125 четвертей, а на-лицо состояло зерномъ 27.490 четвертей. Въ Черниговской губерніи урожай вышелъ также прекрасный, только сборъ сѣна значительно менѣе прошлогодняго. Судя по веснѣ и началу лѣта, не ожидали хорошаго урожая, такъ что министерство внутреннихъ дѣлъ даже обратилось къ земствамъ Черниговской губерніи съ предложеніемъ, въ случаѣ, еслибы сельское населеніе терпѣло отъ безработицы и голода, прибѣгать къ открытію полезныхъ сооруженій и работъ, привлекая къ нимъ нуждающееся населеніе, причемъ обѣщало содѣйствіе правительства. Впрочемъ, хорошій урожай едва ли можетъ оказать существенную помощь крестьянскому населенію Черниговской губерніи. Изъ доставленныхъ уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями свѣдѣній о ревизіи волостей въ уѣздахъ Козелецкомъ, Конотопскомъ, Кроле-

вецкомъ, Суражскомъ, Городницкомъ и Мглинскомъ оказывается, что значительная часть сельскаго населенія не имѣетъ собственнаго хлѣба для продовольствія, хотя вездѣ главное занятіе крестьянъ составляетъ хлѣбопашество. Причины, обусловливающія это явленіе, не вездѣ одинаковы: въ Мглинскомъ, Суражскомъ, въ сѣверной части Черниговскаго и Козелецкаго уѣздовъ недостатокъ продовольственныхъ средствъ объясняется дурнымъ качествомъ почвы, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—безземеліемъ и малоземеліемъ значительной части крестьянъ, особенно казаковъ.

Такимъ образомъ, несмотря на неполноту и недостаточность имѣющихся въ распоряженіи нашемъ газетныхъ свѣдѣній объ урожаѣ, все-таки можно считать за несомнѣнное, что на югѣ Россіи, рядомъ съ областями, пораженными неурожаемъ, каковы, напримѣръ, Херсонская, Бессарабская и другія губерніи, находятся области, получившія въ нынѣшнемъ году замѣчательно обильный урожай. Тѣ и другія области необходимо должны войти въ торговое сношеніе между собою. Неурожай въ однѣхъ мѣстностяхъ естественно долженъ вліять на возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и давать значительные барыши хлѣбнымъ производителямъ въ урожайныхъ мѣстностяхъ. Въ свою очередь урожай въ нѣкоторыхъ счастливыхъ губерніяхъ долженъ способствовать паденію хлѣбныхъ цѣнъ въ сосѣднихъ областяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, и вообще оказывать помощь бѣдствующему населенію неурожайныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, при нормальномъ положеніи хозяйства, неурожай въ Херсонской, Бессарабской и другихъ южныхъ губерніяхъ не можетъ внушать никакихъ серьезныхъ опасеній, какъ скоро въ сосѣднихъ плодородныхъ губерніяхъ получился обильный урожай. Но, къ несчастію, наше народное хозяйство давно живетъ ненормальною жизнью и оттого наша хлѣбная торговля на югѣ въ настоящее время представляетъ замѣчательныя патологическія явленія.

Извѣстно, что урожай прошлаго года былъ не особенно обильный и что въ нынѣшнемъ году на внутреннихъ рынкахъ хлѣбъ былъ очень дорогъ. Несмотря на это, весь нынѣшній годъ, вплоть до новаго урожая, хлѣбъ усиленно вывозился изъ Одессы за границу, такъ что почти не осталось никакихъ запасовъ. Цѣны на хлѣбъ стояли высокія, благодаря дешевизнѣ фрахта и чрезмѣрному упадку нашей валюты. До какой степени былъ великъ вывозъ хлѣба за границу черезъ Одессу, можно судить по тому, что по 4 іюня отсюда было отправлено хлѣба слишкомъ 33 милліона пудовъ, т. е. почти въ три раза болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Такимъ образомъ, вслѣдствіе усиленнаго вывоза за границу, хлѣбные запасы въ Одессѣ совсѣмъ истощились, а между тѣмъ окрестныя мѣстности на громадное пространство поражены неурожаемъ. Ясное дѣло, что хлѣбъ долженъ подняться въ цѣнѣ и одесскіе торговцы должны усиленно закупать хлѣбъ. И, точно, лѣтомъ шла усиленная закупка хлѣба на корню по порученію одесскихъ хлѣбныхъ конторъ, причемъ цѣны на хлѣбъ стояли ужасно высокія. Напримѣръ, въ іюлѣ, въ Полтавской гу-

берніи пшеница продавалась по 1 руб., въ Подольской и Бессарабской губерніяхъ чѣмъ дальше шло время, тѣмъ цѣны все болѣе и чуть не ежедневно возвышались, дойдя до 1 р. 18 коп.—1 р. 22 коп. за пудъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля изъ Могилева-Подольскаго писали *Голосу*. что хотя еще не весь хлѣбъ собранъ, но и теперь уже по селамъ и деревнямъ Подольской губерніи разъѣзжаютъ скупщики и агенты одесскихъ хлѣбныхъ конторъ, чтобы закупить новое зерно; за пудъ пшеницы новаго урожая даютъ по 1 р. 26 коп. Изъ Винницы, Подольской губерніи, писали, что многіе помѣщики запродали свою еще не сжатую пшеницу по 1 р. 25 коп. и даже по 1 р. 39 коп. за пудъ. Изъ Новой-Праги, Херсонской губерніи, сообщалось, что пшеница на мельницахъ покупается по 1 р. 27 коп. и до 1 р. 30 коп. за пудъ, а будущая пшеница продана на мѣстѣ по 1 р. 28 коп. за пудъ. Между тѣмъ на одесскомъ рынкѣ къ 1 августа цѣны были слѣдующія: пшеница польская и бессарабская за пудъ 1 р. 30—55 коп., гирка 1 р. 15—45 коп., сандомирка 1 руб. 40—50 коп. Изъ сравненія продажныхъ цѣнъ въ Одессѣ и покупныхъ цѣнъ на мѣстахъ было ясно, что слѣдуетъ ожидать не паденія, но еще большаго возвышенія цѣнъ, въ особенности если принять во вниманіе истощеніе хлѣбныхъ запасовъ въ Одессѣ и неурожай въ прилегающихъ къ ней областяхъ. Однако этотъ столь естественный и вѣрный разсчетъ не оправдался. Вокругъ Одессы неурожай; изъ самой Одессы почти весь хлѣбъ вывезенъ за границу; а между тѣмъ хлѣбныя цѣны изо дня въ день падаютъ и закупка хлѣба производится только по самымъ низкимъ цѣнамъ. Хлѣбъ ссыпается въ магазины, вслѣдствіе чего наемная плата за нихъ, довольно низкая въ началѣ лѣта, теперь довольно повысилась. Всюду на югѣ хлѣбная торговля вдругъ стала и не двигается съ мѣста. По всѣмъ линіямъ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ уменьшились грузы новаго хлѣба. Владѣльцы хлѣба воздерживаются отъ продажи по причинѣ плохихъ цѣнъ. Уменьшились грузы хлѣба и на Кёнигсбергъ. Въ Ростовѣ на Дону также въ теченіе лѣта шла усиленная отправка хлѣба за границу, причемъ цѣны день ото дня шли въ гору и, наконецъ, всѣ хлѣбные запасы истощились. Но вслѣдъ затѣмъ, осенью, хлѣбная торговля стала и въ настоящее время она переживаетъ тяжелое время, несмотря на богатый урожай въ ростовскомъ районѣ; цѣны на пшеницу падаютъ съ каждымъ днемъ все ниже. Изъ Одессы пишутъ *Русскому Курьеру*, что въ то время, когда повсюду съ юга Россіи несутся самыя неутѣшительныя вѣсти насчетъ урожая хлѣба и травы, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссіи предвидится даже голодъ, въ Одессѣ замѣчается даже явленіе, повидимому, противорѣчащее этимъ вѣстямъ. Именно здѣсь день за днемъ хлѣбъ все падаетъ и падаетъ въ цѣнѣ. Несмотря на неурожай хлѣба въ ближайшихъ къ Одессѣ мѣстностяхъ, на рынкѣ уже появился хлѣбъ новаго урожая. Такъ называемая польская пшеница, привозимая сюда изъ мѣстностей, тяготѣющихъ къ Польшѣ,

оказалась выше всякой похвалы—тяжеловѣсная, чистая и свѣтлая; но при 10 пуд. и 10 фунт. вѣсу пшеница эта покупается по 2 руб. дешевле сравнительно съ прошлогодними цѣнами. А между тѣмъ кругомъ въ Новороссійскомъ краѣ неурожай, или плохой и посредственный урожай. Такое паденіе цѣнъ на хлѣбъ объясняется хорошимъ урожаемъ въ западной Европѣ, изобиліемъ хлѣба на европейскихъ рынкахъ и доставкою дешеваго хлѣба изъ Америки, нашей счастливой соперницы въ хлѣбной торговлѣ. Но какъ бы то ни было, а фактъ остается фактомъ: хлѣбныя цѣны быстро падаютъ и урожай нынѣшняго года все болѣе и болѣе теряетъ свою цѣнность. Мы видѣли уже, что помѣщики частью запродали свой хлѣбъ на корню по весьма высокимъ цѣнамъ, частью же остановили продажу хлѣба, какъ скоро цѣны понизились; они въ силахъ воздержаться отъ продажи хлѣба по невыгоднымъ дешевымъ цѣнамъ и будутъ терпѣливо выжидать, пока поднимутся цѣны. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся крестьяне. Они не могутъ дожидаться, пока установятся выгодныя цѣны, потому что они задолжали со всѣхъ сторонъ,—задолжали земству, государству, сосѣду-землевладѣльцу и своему же брату—деревенскому кулаку. Всѣ требуютъ отъ крестьянина немедленныхъ платежей. Да и разоренное хозяйство также требуетъ неминуемыхъ расходовъ, и, вотъ, по неволѣ крестьянинъ спѣшитъ продать, по какой бы то ни было цѣнѣ, только-что убранный съ поля хлѣбъ. Съ другой стороны, хлѣбная торговля у насъ организована такъ безобразно, что производителю хлѣба достается только небольшой процентъ продажной цѣны хлѣба. Напримѣръ, въ Одессѣ нѣтъ крупныхъ фирмъ, самостоятельно ведущихъ хлѣбную торговлю. Заграничные торговые дома имѣютъ здѣсь своихъ коммиссіонеровъ, которые закупаютъ хлѣбъ черезъ торговыхъ посредниковъ; тѣ, въ свою очередь, имѣютъ дѣло съ посредниками болѣе мелкими, и такимъ образомъ хлѣбъ, прежде чѣмъ дойдетъ отъ крестьянина до дѣйствительнаго покупателя—лондонской торговой конторы, пройдетъ чрезъ много рукъ, причемъ каждый разъ уменьшается доходъ производителя отъ продажи хлѣба. Такимъ образомъ оказывается, что дешевизна хлѣба не принесла никакого ущерба крупнымъ хлѣбнымъ торговцамъ, потому что они заблаговременно успѣли сбыть всѣ хлѣбные запасы по высокимъ цѣнамъ. Она не принесла также никакого убытка и крупнымъ землевладѣльцамъ по причинамъ, которыя мы уже объяснили. Въ убыткѣ остался одинъ лишь крестьянинъ, который разсчитывалъ получить барыши отъ продажи доставшагося на его долю обильнаго хлѣбнаго урожая. При настоящихъ, ненормальныхъ, условіяхъ самый лучшій урожай представляетъ для крестьянина не болѣе какъ средство прокормиться до новаго хлѣба; но какъ бы хорошъ ни былъ урожай, онъ все-таки не въ силахъ прочно поставить на ноги упавшее хозяйство земледѣльца.

Тужитъ, горюетъ мужикъ, что послалъ ему Господь обильный урожай, но купцы на хлѣбъ цѣну сбили, такъ что барышей остается почти столь-

ко же, какъ и при посредственномъ урожаѣ. Въ то же самое время и въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, нуждающійся народъ не чувствуетъ ни малѣйшаго облегченія оттого, что въ урожайныхъ мѣстностяхъ стоятъ низкія цѣны на хлѣбъ. Такое именно явленіе наблюдается въ настоящее время на югѣ Россіи. Въ Одессѣ стоятъ ужасно низкія цѣны на хлѣбъ, такъ что изъ урожайныхъ мѣстъ не находятъ болѣе выгоднымъ доставлять туда хлѣбъ для продажи. Въ то же самое время прилегающія къ Одессѣ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая, сильно нуждаются въ дешевомъ хлѣбѣ, такъ какъ теперь платятъ въ тридорога за него. Какое бы баснословно громадное количество хлѣба не было собрано въ амбарахъ одесскихъ торговцевъ и по какой бы ничтожной цѣнѣ онъ ни былъ закупленъ, все равно отъ этого не будетъ легче нуждающемуся населенію Херсонской губерніи. Что мужикъ голодаетъ, что голодный мужикъ въ тридорога платитъ за самый дурной, годный лишь для корма скота, хлѣбъ, это у насъ не только обычное явленіе, но въ нѣкоторомъ смыслѣ *основа*, ибо на голодѣ мужика зиждется вся наша заграничная торговля хлѣбомъ. Мы какъ будто задались мыслью, чтобы каждый годъ отсылать за границу то, что не доѣдаетъ мужикъ, и потому постоянно вывозимъ за границу хлѣбъ, необходимый для внутренняго продовольствія. Этимъ опредѣляется характеръ нашей хлѣбной торговли. Въ складахъ у одесскихъ торговцевъ собранъ хлѣбъ, назначенный только для заграничной торговли. Этотъ хлѣбъ скупленъ по дешевымъ цѣнамъ въ урожайныхъ мѣстностяхъ и продается не иначе, какъ крупными партіями, такъ что онъ совершенно недоступенъ для крестьянъ Херсонской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Крестьяне вынуждены покупать хлѣбъ у кулаковъ, уплачивая за него въ тридорога. Такимъ образомъ и для нуждающихся въ хлѣбѣ губерній въ южной Россіи также нѣтъ никакой выгоды отъ внезапно наступившей хлѣбной дешевизны. Между тѣмъ эта неестественная въ настоящее время дешевизна производитъ застой въ торговой дѣятельности и неблагопріятно отзывается на общемъ экономическомъ положеніи. По словамъ корреспондента *Русскаго Курьера*, «если есть запросъ на нашъ хлѣбъ въ Лондонѣ, Антверпенѣ, Марсели и проч., нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ опаснаго конкурента для насъ въ родѣ Америки, тогда и Одесса, и весь югъ Россіи оживлены, пріободряются, цѣны на хлѣбъ растутъ, торговыя сдѣлки учащаются; отъ крупнаго торговца до мелкаго производителя всюду замѣтно извѣстное довольство текущимъ моментомъ. Нѣтъ въ наличности такихъ условій—всюду водворяется затишье, жалобы на дешевизну хлѣба и дороговизну другихъ продуктовъ: торговля падаетъ и мельчаетъ. Такое, видимо, настроеніе начинаетъ охватывать Одессу день ото дня все больше и больше и въ настоящее время Одессѣ нѣтъ дѣла до бѣдствій окружающихъ ее мѣстностей; у нея свое горе, отъ котораго, конечно, не легче и населенію окружающихъ мѣстностей: горе это—дешевизна хлѣба!»

Всего хуже то, что этотъ торговый застой въ сущности не обѣщаетъ дѣйствительной дешевизны хлѣба, а, напротивъ, внушаетъ опасенія, какъ бы хлѣбные торговцы не произвели у насъ искуственной голодовки. Пользуясь теперешнею дешевизной, хлѣбъ все равно скупается у крестьянъ и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не въ состояніи дождаться возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Пока идетъ эта закупка хлѣба, цѣны на него стоятъ дешевыя; но какъ скоро у крестьянъ и болѣе нуждающихся въ деньгахъ помѣщиковъ весь хлѣбъ будетъ скупленъ, тогда, того и гляди, крупные хлѣбные торговцы вновь поднимутъ цѣны на хлѣбъ и произведутъ искуственную голодовку, воспользовавшись для этого неурожаемъ во многихъ наиболѣе хлѣбородныхъ губерніяхъ. Въ 1880 г. точно также хлѣбные торговцы скупали у крестьянъ хлѣбъ по чрезвычайно дешевой цѣнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ повышали цѣны. Такъ въ то время въ Самарѣ крупный хлѣботорговецъ Субботинъ закупалъ муку на камскихъ пристаняхъ по 85 коп. за пудъ, а зимой продавалъ ее по 1 р. 80 к. и 1 р. 85 к. Въ то же время въ Самарѣ прикащики его изо всѣхъ силъ старались, посредствомъ скупки хлѣба на рынкѣ, вліять на возвышеніе цѣны его и довести ее до 2 руб. за пудъ; естественно, что на самарскомъ рынкѣ Субботинъ не стѣснялся покупать хлѣбъ по возможно дорогой цѣнѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы поддержать цѣны при продажѣ дешево закупленнаго хлѣба. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, мѣстные торговцы скупили у крестьянъ хлѣбъ по 90—80 коп., а въ октябрѣ продавали его уже по 1 р. 60 к. за пудъ, обѣщая зимой еще болѣе поднять цѣну. Осенью, пока не было крупнаго спроса, въ Воронежѣ мука продавалась у торговцевъ по 1 р. 5 к. за пудъ и, слѣдовательно, была закуплена отъ производителей гораздо дешевле. Но вдругъ явились туда изъ Саратова агенты хлѣбныхъ конторъ, тотчасъ подняли спросъ и закупили нѣсколько тысячъ пудовъ муки по 1 р. 25 к. Такъ какъ въ Воронежѣ немного хлѣбныхъ торговцевъ, то всѣ они быстро узнали о состоявшихся сдѣлкахъ и на другой день стали продавать муку по 1 р. 32 к., а на третій—вогнали цѣну въ 1 р. 50 к. Вслѣдствіе повсемѣстнаго возвышенія цѣны на хлѣбъ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ мука поднялась въ августѣ тоже до 1 р. 30 к. Въ это время хлѣбные торговцы узнали на Нижегородской ярмаркѣ, что цѣны на хлѣбъ должны повыситься, и тогда употребили въ дѣло искуственное средство для скупки у крестьянъ всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ по пониженной цѣнѣ. Сразу повысивъ продажную цѣну хлѣба до 1 р. 60 к., они этимъ возбудили усиленный подвозъ въ городъ оставшихся у крестьянъ хлѣбныхъ запасовъ. Но какъ только начался подвозъ, хлѣботорговцы понизили продажныя цѣны въ своихъ лавкахъ и, благодаря этому, скупили привезенный крестьянами хлѣбъ по 1 р. и много по 1 р. 10 к. за пудъ. Окончивъ скупку хлѣба, они опять подняли цѣну сразу до 1 р. 80 к. (*Земство* 17 дек. 1880 г., № 3). Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что въ прошломъ году, пользуясь пло-

химъ урожаемъ въ Америкѣ, тамъ образовалась громадная компанія капиталистовъ, которые скупили всѣ хлѣбные запасы и затѣмъ подняли цѣну на хлѣбъ, причемъ оказали рѣшительное вліяніе на возвышеніе цѣнъ не только въ Америкѣ, но и на всѣхъ европейскихъ рынкахъ. Эти примѣры намъ не мѣшаетъ имѣть предъ глазами въ настоящее время, когда на югѣ Россіи, при сильномъ неурожаѣ, производится скупка хлѣба по дешевымъ цѣнамъ.

Прекрасный урожай хлѣба по Камѣ, Вяткѣ, въ низовьяхъ Волги и въ самарскихъ степяхъ вызвалъ въ хлѣбной торговлѣ поволжскаго района точно такія же явленія, какія мы наблюдали на югѣ Россіи. Возьмемъ для примѣра Самарскую губернію. Изъ всѣхъ уѣздовъ ея получены самыя благопріятныя извѣстія относительно урожая. Урожай пшеницы яровой и озимой, а также и ржи особенно оказался хорошимъ на земляхъ владѣльческихъ и съемщиковъ. На нѣкоторыхъ владѣльческихъ поляхъ съ десятины собрано не менѣе двухсотъ пудовъ пшеницы. Сѣна также въ нынѣшнемъ году оказалось изобиліе, особенно луговаго. Но крестьяне получили самую ничтожную долю изъ обильнаго урожая нынѣшняго года. По словамъ корреспондента *Голоса*, «большинство сельскаго населенія губерніи, обездоленное предшествовавшими неурожаями и «посредственными урожаями», обремененное пятнадцатимилліоннымъ долгомъ по ссудамъ во время неурожаевъ и недоимкамъ прежнихъ лѣтъ, не могло засѣять, за неимѣніемъ рабочаго скота, даже и свои душевые надѣлы. Для примѣра беремъ Самарскій уѣздъ. Въ немъ неурожай 1880 года окончательно подорвалъ крестьянское хозяйство, прежде всего, тѣмъ, что крестьяне, не получивъ во-время ссуды отъ земства, пораспродавали свой рабочій скотъ за безцѣнокъ и влѣзли въ долги и кабалу къ кулакамъ. Въ Самарскомъ уѣздѣ, въ концѣ 1880 года, крестьяне распродавали лошадей за 3 и за 4 рубля, распродавъ должны были покупать тѣхъ же лошадей въ десять разъ дороже, а теперь самую плохую лошадь, на здѣшней Казанской ярмаркѣ, нельзя купить дешевле 50 рублей. Малые земельные надѣлы у крестьянъ Самарскаго уѣзда не позволяютъ имъ сѣять пшеницу высшаго сорта на «залежахъ», а унавоживать поля для посѣва «сѣрыхъ хлѣбовъ» тоже нечѣмъ, за отсутствіемъ достаточнаго количества скотины. Въ Самарскомъ уѣздѣ на двухсотъ-тысячное сельское населеніе числится 83.243 ревизскихъ души. Во владѣніи крестьянъ находится 456.257 десятинъ удобной земли, всего подъ посѣвомъ до 245.400 десятинъ. Душевой надѣлъ опредѣляется въ четыре десятины. Пашни дѣлятся на три поля—озимое, яровое и паръ. Озимовое поле постоянно засѣвается рожью, а яровое засѣвается, преимущественно, русскою пшеницей. Засѣвать поля, главнымъ образомъ, этими двумя сортами хлѣба крестьянамъ, при истощенности почвы, нѣтъ разсчета; они должны снимать земли у владѣльцевъ или у съемщиковъ казенныхъ и удѣльныхъ земель, платя за десятину отъ 12 до 15 руб., за которую сами съемщики платятъ по 3 и много по 5 руб.

Между тѣмъ спекуляція хлѣботорговцевъ съ каждымъ годомъ растетъ, и земледѣлецъ, вслѣдствіе ея, получаетъ съ десятины въ урожайный годъ столько же, сколько онъ получаетъ въ годъ посредственнаго урожая. Какъ только хлѣботорговцы услышатъ объ урожаѣ, они быстро понижаютъ цѣны на 30—40%. Такъ, напримѣръ, мѣсяцъ назадъ, высшій сортъ пшеницы перерода покупали по 1 руб. 45 коп., теперь цѣна ея понизилась до 1 руб. и даже до 90 коп. Вообще, можно сказать, что при малоземельныхъ, истощенныхъ надѣлахъ, при разстроенномъ рядомъ предшествовавшихъ неурожаевъ хозяйствѣ, при громадномъ долгѣ и, главнымъ образомъ, при спекуляціи хлѣботорговцевъ хлѣбомъ на рынкѣ, большинству сельскаго населенія Самарскаго уѣзда и «урожай не въ урожай». То же и въ большинствѣ другихъ уѣздовъ губерніи. Статистика опредѣляетъ стоимость всего производимаго въ губерніи хлѣба въ 66.000.000 руб.; можно предположить, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ едва ли и десятая доля этой суммы пойдетъ на удовлетвореніе неотложныхъ крестьянскихъ нуждъ и на поднятіе уровня ихъ экономическаго благосостоянія. Только рядъ послѣдовательныхъ урожаевъ, при пріобрѣтеніи крестьянами достаточныхъ земельныхъ участковъ, можетъ поднять экономическое положеніе крестьянства до той степени сноснаго благосостоянія, въ которомъ оно, отчасти, и находилось до неурожая 1873 года». Въ Самарской губерніи, точно также какъ и въ Подольской, хлѣбныя цѣны понизились внезапно. Еще въ началѣ августа хлѣбные торговцы скупали рожь по 75—80 коп. за пудъ, а въ концѣ августа цѣна упала на 65 коп., пшеница русская понизилась до 75 и 80 коп., даже высшіе сорта перерода стоютъ не дороже 1 руб. 20 коп.; скупающіе хлѣбъ купцы пугаютъ продавцовъ, что скоро цѣна ржи упадетъ до 50 коп. На югѣ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ объясняется дешевизною американскаго хлѣба, заполонившаго собою европейскіе рынки. Въ поволжскомъ районѣ дается нѣсколько иное объясненіе внезапно происшедшаго паденія цѣнъ. Говорятъ, что явленіе вызвано обмелѣніемъ Волги, вслѣдствіе чего хлѣбъ не можетъ быть доставленъ въ Петербургъ. Сверхъ того, придумана жалостная исторія объ убыткахъ, которые будто бы терпятъ крупные хлѣбные торговцы. Такъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* изъ Нижняго Новгорода пишетъ, что «за послѣднее время нѣчто необыкновенное происходитъ на хлѣбной биржѣ въ ея ярмарочномъ временномъ помѣщеніи: съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ хлѣбные торговцы для покупки и продажи хлѣба изумляютъ другъ друга своей откровенностью. Совсѣмъ неожиданный урожай хлѣба по его превосходному качеству и посѣвъ его на поляхъ по мѣстамъ въ два и три раза болѣе прошлыхъ лѣтъ ставитъ количество хлѣба въ урожайный разрядъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ родился ниже средняго. Эта самая причина и вынуждаетъ хлѣбныхъ торговцевъ дѣлать запродажи впередъ всѣхъ сортовъ хлѣба, но въ то же время обычные покупатели не могутъ уже

болѣе скрывать, что у нихъ находится въ складахъ хлѣбъ ржаной, купленный при искуственной голодовкѣ по 14 руб. четверть ржи 9 пуд. и, пролежавши три года съ оплатою банковскихъ процентовъ и за храненіе на складахъ до порчи качества его, стоитъ болѣе 20 руб. четверть въ 9 пуд.; даютъ же за этотъ хлѣбъ въ испорченномъ видѣ по 6—7 р. за 9 пуд. Слѣдовательно, убытки отъ каждой четверти 13—14 руб.— явленіе небывалое и неожиданное для хлѣботорговцевъ; но необходимо замѣтить, что многимъ изъ этихъ торговцевъ въ 1879 году стоили рожь и ржанная мука въ Петербургѣ по 6 руб. 76 коп. и 7 р. 50 коп., а продавали ее по 17 и 18 руб. 50 коп. за 9 пуд.—явленіе тоже небывалое и неслыханное». По этому поводу мы замѣтимъ только, что нѣтъ ничего необычайнаго въ упадкѣ цѣны хлѣба, закупленнаго торговцами во время неурожая по дорогой цѣнѣ. Это явленіе вытекаетъ изъ свойствъ хлѣбной торговли, которая значительно отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ торговли тѣмъ, что, давая громадные барыши во время голода, непремѣнно требуетъ отъ торговца значительныхъ издержекъ на содержаніе, почти безъ всякаго оборота, громадныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ урожайные годы. Крупные хлѣбные торговцы въ сущности не терпятъ никакого убытка отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ. Совсѣмъ иное нужно сказать о мелкихъ торговцахъ, о множествѣ мелкихъ капиталистовъ, которые неосмотрительно вложили въ хлѣбную торговлю свои небольшіе капиталы, прельстившись громадными барышами отъ торговли хлѣбомъ во время голода. Эти лица, все равно, должны понести громадные убытки: не имѣя капиталовъ, они не въ силахъ протянуть свою торговую дѣятельность до времени возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ и, напуганные хлѣбною дешевизною, съ убыткомъ продадутъ свои запасы крупнымъ торговцамъ. Для этихъ послѣднихъ не страшно теперешнее паденіе хлѣбныхъ цѣнъ; напротивъ, они съ радостью добиваются все большей и большей дешевизны, чтобы, забравши въ свои руки какъ можно больше хлѣба, послѣ продавать его по высокой цѣнѣ. Благодаря усиліямъ торговцевъ, дѣло доведено, наконецъ, до того, что не только крестьяне, но и землевладѣльцы вынуждены продавать хлѣбъ въ убытокъ себѣ. По словамъ самарскаго корреспондента *Голоса*, «обмеленіе Волги поставило въ затруднительное положеніе здѣшнія и иногородныя фирмы, въ урожайные годы закупающія на самарскихъ хлѣбныхъ рынкахъ болѣе тридцати милліоновъ пудовъ разныхъ хлѣбовъ и вывозящія съ одной Самарской пристани въ урожайный годъ до двѣнадцати милліоновъ пудовъ. Оно вредно отозвалось и на хозяйствѣ землевладѣльцевъ, съемщиковъ удѣльныхъ и казенныхъ участковъ, «посѣвщиковъ», и особенно на хозяйствѣ, обремененныхъ пятнадцатимилліоннымъ долгомъ, крестьянъ Самарской губерніи. Владѣльцы пароходовъ ни за какія деньги не берутся доставить хлѣбъ до Рыбинской пристани. Торговыя фирмы, взявшіяся доставить хлѣбъ къ этой пристани съ осеннимъ караваномъ, потерпятъ большіе убытки. Взяв-

шіе въ банкахъ деньги на уборку хлѣбовъ землевладѣльцы и посѣвщики, съ обязательствомъ уплаты ихъ къ концу августа, тоже потерпятъ большіе убытки, будучи принуждены продавать хлѣбъ по существующей въ нынѣшнее время низкой цѣнѣ: рожь по 65 коп., русскую пшеницу по 75 коп. за пудъ и высшіе сорта перерода не дороже 1 руб. 20 коп. Волей-неволей, вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ для расплаты съ заимодавцами - кулаками, продаютъ по той же цѣнѣ хлѣбъ и крестьяне, если только они не обязались отдать долгъ въ августѣ хлѣбомъ по меньшей еще цѣнѣ. Цѣны на хлѣбъ ежедневно падаютъ, а подвозъ хлѣба съ каждымъ днемъ увеличивается; въ нѣкоторые дни въ Самару пріѣзжаетъ до 5.000 возовъ съ хлѣбомъ». Къ этому мы, съ своей стороны, прибавимъ, что и въ самой дешевизнѣ хлѣба нѣтъ ничего необычайнаго, да притомъ же существующія цѣны на хлѣбъ можно назвать скорѣе дорогими, чѣмъ дешевыми. Такъ, напримѣръ, мы только-что видѣли, какъ самарскій корреспондентъ жалуется на затруднительное положеніе крестьянъ и землевладѣльцевъ, которые вынуждены продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, сбывая рожь по 60—65 коп. за пудъ. Такую цѣну можно назвать дорогою, но ужь никакъ не дешевою. Въ прошломъ году, осенью, въ Самарской губерніи рожь продавалась тоже по 60 коп. за пудъ. Слѣдовательно, нѣтъ достаточныхъ основаній говорить о какой-то особенной дешевизнѣ хлѣба въ нынѣшнемъ году.

Такимъ образомъ, на основаніи сообщенныхъ въ газетахъ свѣдѣній, оказывается, что въ нынѣшнемъ году нѣсколько самыхъ хлѣбородныхъ областей потерпѣли полный неурожай хлѣба, а въ другихъ, тоже хлѣбородныхъ губерніяхъ, урожай вышелъ посредственный, или даже плохой. Прекрасный урожай въ другихъ областяхъ едва ли въ состояніи будетъ вознаградить недостатокъ хлѣба въ полосѣ полнаго неурожая и недостаточнаго урожая. Зимою будутъ нуждаться въ хлѣбѣ не только тѣ губерніи, которыя постоянно, даже при самомъ лучшемъ урожаѣ, продовольствуются покупнымъ хлѣбомъ, но и тѣ хлѣбородныя губерніи, которыя прежде отпускали хлѣбъ на продажу, а теперь, по случаю неурожая, не имѣютъ излишковъ. Между тѣмъ хотя цѣна хлѣба и упала осенью, но нѣтъ достаточно прочныхъ основаній надѣяться, что зимою цѣны на хлѣбъ опять не поднимутся до высоты прошлаго года. Словомъ, результатъ урожая нынѣшняго года не представляетъ ничего утѣшительнаго и не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на него.

—скій.

О новыхъ книгахъ.

Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. ***Ф. Ф. Эрисмана.*** **Часть II. Съ діаграммами и 6 планами фабричныхъ заведеній. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва, 1882 г.**

Это уже третья большая работа д-ра Эрисмана по санитарнымъ изслѣдованіямъ фабрикъ и заводовъ Московской губерніи.

Намъ не разъ приходилось говорить о достоинствахъ этихъ изслѣдованій, о той тщательности и добросовѣстности, съ какой они производятся названнымъ ученымъ, а потому удержимся отъ повтореній того же при разсмотрѣніи второй части изслѣдованій фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда.

Для читателя будетъ несравненно интереснѣе познакомиться въ сжатомъ видѣ съ любопытнымъ содержаніемъ названной книги.

Данный трудъ представляетъ подробное описаніе семи большихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ Московскаго уѣзда. Въ концѣ книги приложена сводная таблица цифръ, полученныхъ при измѣреніи роста, окружности груди рабочихъ обоего пола на описанныхъ фабрикахъ.

Въ подробное описаніе каждой фабрики, кромѣ топографіи, общихъ свѣдѣній, свѣдѣній о строеніи, о мастерскихъ и т. д., по обычаю входятъ и условія найма рабочихъ, и описаніе ихъ жилищъ, продовольствія, одежды, говорится о числѣ рабочихъ часовъ въ сутки, объ устройствѣ бани, школы, харчевой лавочки и т. д. Заканчивается описаніе каждой фабрики санитарнымъ состояніемъ рабочихъ и выводомъ автора о причинахъ дурной санитарной стороны на только-что описанной фабрикѣ.

Мы, разумѣется, не будемъ сообщать всѣхъ этихъ отдѣльныхъ, частныхъ—правда, весьма интересныхъ—подробностей о каждой фабрикѣ, а постараемся собрать въ одно всѣ типическія черты описанныхъ фабричныхъ заведеній.

На бумагопрядильняхъ Московскаго уѣзда работа производится съ помощью паровыхъ машинъ. Работа идетъ круглый годъ и днемъ и ночью,

прекращается только въ праздникъ раннимъ утромъ (часовъ въ 6), и начинается снова въ понедѣльникъ утромъ (часа въ 4). Рабочіе смѣняются черезъ каждые 6 часовъ, т. е. 6 часовъ отдыхаютъ и 6 часовъ работаютъ.

Такое число рабочихъ часовъ въ сутки приходится не только на взрослаго рабочаго, но и на дѣтей, которыя на описанныхъ фабрикахъ не разъ встрѣчались 8 — 9 лѣтъ, и на женщину — даже беременную, и на старика, и на старуху... Кстати надо замѣтить, что между рабочими встрѣчаются (правда, не особенно часто) старики *семидесяти пяти лѣтъ* и старухи *семидесятилѣтнія*, работавшіе на фабрикахъ по *пятидесяти лѣтъ*. Но даже и ихъ длинная трудовая жизнь не дала имъ права на большій отдыхъ и на меньшее число рабочихъ часовъ. Еще до сихъ поръ законъ ничѣмъ не гарантировалъ эту почтенную старость и не выдѣлилъ этихъ тружениковъ изъ общей массы фабричнаго люда. Для нихъ не существуетъ ни пенсій, ни наградъ, ни богадѣленъ... Законъ также не даетъ никакихъ льготъ и для беременныхъ женщинъ. Положеніе послѣднихъ на фабрикахъ очень интересуетъ изслѣдователя. Онъ не пропускаетъ ни одной бумагопрядильни, чтобы не освѣдомиться о положеніи беременныхъ женщинъ. И каждый разъ узнаетъ одно и то же, т. е. что для нихъ на фабрикахъ не только не существуетъ никакихъ льготъ, а даже не имѣется никакихъ приспособленій, гдѣ бы родильница могла спокойно родить и разсчитывать на уходъ за собой. Изслѣдователю приходилось наталкиваться даже на такія неожиданности: въ больницу, «существующую при фабрикѣ», *не принимаютъ родильницъ*, и потому бѣдная женщина должна тащиться домой передъ родами или родить въ общей каморкѣ, или же искать себѣ помѣщенія и ухода на сторонѣ, за которые должна платить изъ своего заработка.

Женщина на описываемыхъ фабрикахъ зарабатываетъ отъ 6 до 20 р. въ мѣсяцъ. Больше половины этихъ денегъ уходитъ у нея на харчи. Весьма понятно послѣ этого, что она работаетъ и остается при дѣлѣ до послѣдней возможности, до послѣдней минуты. Господину Эрисману относительно этого вопроса приходится повторять одно и то же при описаніи каждой фабрики. Вотъ что онъ говоритъ, описывая бумагопрядильную и самоткацкую фабрику товарищества Лапинской мануфактуры, а надо замѣтить, что эта фабрика не составляетъ исключенія въ данномъ случаѣ.

«Акушерская помощь на фабрикѣ,—говоритъ онъ,—вовсе не организована: беременныя работаютъ до послѣдняго часа, такъ что иногда еле-еле доползаютъ до своихъ каморокъ, въ которыхъ и рожаютъ. Никакими льготами роженицы и родильницы не пользуются, а съ момента оставленія работы получаютъ разсчетъ; послѣ родовъ онѣ по возможности скоро опять поступаютъ на фабрику» (стр. 221).

Такъ какъ нашъ законъ до сихъ поръ не обязываетъ фабриканта имѣть при фабрикѣ акушерку, которая даромъ оказывала бы родильницамъ надлежащую помощь, то каждой родильницѣ приходится прибѣгать къ

услугамъ повитухи и, разумѣется, платитъ ей за эту услугу нерѣдко 50 коп. и даже 1 рубль.

Такой пробѣлъ нашего законодательства требуетъ непремѣнно дополненія. Не гарантировать родильницу на фабрикѣ значитъ мало придавать цѣны приросту населенія. Крайне прискорбно, что этотъ вопросъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не обращалъ на себя вниманія ни политико-экономовъ, ни правительства. Г. Эрисманъ и г. Погожевъ упорно настаиваютъ, чтобъ общество и правительство обратили вниманіе на этотъ вопіющій недостатокъ. Онъ замѣчается даже на такихъ фабрикахъ, которыя во многихъ другихъ отношеніяхъ устроены недурно.

Описывая бумагопрядильную фабрику товарищества Реутовской мануфактуры, г. Эрисманъ даетъ намъ картину весьма благоустроенной во многихъ отношеніяхъ фабрики, при которой есть и прекрасная безплатная баня для рабочихъ, и харчевая лавка, которая,—по словамъ изслѣдователя,—«не служитъ здѣсь такимъ орудіемъ эксплуатаціи рабочихъ, какимъ она весьма не рѣдко является на фабрикахъ», и прекрасная больница съ 60-ю кроватями, съ безплатнымъ для рабочихъ содержаніемъ,—однимъ словомъ, такой фабрики, про которую г. Эрисманъ могъ сказать, *что медицинская помощь на описываемой фабрикѣ организована весьма удовлетворительна*. Но, касаясь разсматриваемаго нами вопроса, авторъ и здѣсь долженъ былъ сказать: «Въ заключеніе не могу не замѣтить, что остается пожалѣть лишь объ одномъ—объ отсутствіи при больницѣ родильнаго отдѣленія съ акушеркой; обязанности послѣдней исполняетъ на фабрикѣ до сихъ поръ простая повитуха» (стр. 29).

Даже и такая благоустроенная фабрика, какъ Реутовская мануфактура, и та не отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ положенію родильницъ! Починъ этому дѣлу надо ждать не отъ фабрикантовъ, а отъ законодательства. Оно должно придти на помощь къ этимъ несчастнымъ труженицамъ, которыя работаютъ на фабрикѣ, не отставая отъ мужика, спятъ и ѣдятъ также не досыта, какъ и онъ, но ко всему этому во время одного изъ тягчайшихъ, исключительно женскихъ, страданій, родовъ, не имѣютъ права на теплый, сухой, безплатный уголъ, необходимый уходъ и помощь.

Черезъ двѣ недѣли, а иногда и черезъ недѣлю послѣ родовъ баба опять является на работу. Но теперь у нея за плечами осталась новая обуза, новая забота—ея ребенокъ. За нимъ надо ходить, его надо кормить собственной грудью. Если нѣтъ родной бабушки, которая бы походила за ребенкомъ, матери приходится нанимать для этого какую-нибудь старушку. Большинство же не въ силахъ дѣлать найма и потому какъ грудныя, такъ и малолѣтнія дѣти остаются безъ призора, на произволъ судьбы. Что гарантируетъ этихъ безпризорныхъ отъ ушибовъ, вывиховъ, горбовъ и т. под. калѣченья? А вѣдь это — будущая сила государства, его работники. О нихъ-то именно и нѣтъ заботъ; при самомъ ихъ появленіи на

свѣтъ для нихъ нѣтъ того, что гарантируетъ природа для новорожденныхъ щенятъ, котятъ: нѣтъ материнской заботы, нѣтъ молока матери. За право отлучки съ работы для кормленія во время дневной смѣны, мать должна заплатить каждый разъ 1 копѣйку въ пользу той товарки, которая смотритъ за ея машиной (стр. 126). А въ ночную смѣну она совсѣмъ не можетъ для этого отлучиться даже на полчаса.

Колыбеленъ не имѣется ни при одной изъ описанныхъ фабрикъ Московскаго уѣзда. А между тѣмъ колыбельни составляютъ не меньшую необходимость на нашихъ фабрикахъ, какъ и помѣщенія для родильницъ. Ни одинъ фабрикантъ до сихъ поръ еще не пришелъ къ сознанію необходимости хотя бы въ будущемъ устройства того и другаго учрежденія. На многихъ фабрикахъ еще до сихъ поръ нѣтъ ни надлежащихъ больницъ, ни школъ, но собственники такихъ фабрикъ при осмотрѣ ихъ санитарными изслѣдователями какъ бы конфузятся, что у нихъ отсутствуютъ эти учрежденія; но никому изъ нихъ и въ помышленіе не приходило совѣститься отсутствіемъ колыбеленъ и родовспомогательныхъ отдѣленій. Такъ не проникло еще въ общество (а отсюда къ фабрикантамъ) сознаніе необходимой важности того и другаго учрежденія при фабрикахъ.

Г. Эрисманъ не пропускаетъ ни одной фабрики, чтобы не освѣдомиться, есть ли при ней колыбельная и родильный покой, которые ему кажутся почти такъ же необходимы при каждой фабрикѣ, гдѣ работаютъ женщины, какъ и помѣщенія для рабочихъ, устройство ретирадъ и т. д. Такъ смотритъ на дѣло спеціалистъ-санитаръ. Онъ старается внушить этотъ взглядъ о необходимости всѣмъ, всему обществу, фабрикантамъ. Но важнѣе всего для успѣха дѣла, конечно, чтобъ этимъ взглядомъ проникалось правительство и сдѣлало бы для фабрикантовъ названныя учрежденія обязательными...

Главный контингентъ рабочихъ на описываемыхъ фабрикахъ—жители разныхъ уѣздовъ Московской губерніи; пришлые же рабочіе тянутся главнымъ образомъ изъ Смоленской или Калужской.

Рабочіе обычно нанимаются съ Пасхи до Покрова и съ Покрова до Пасхи. При наймѣ контора вручаетъ имъ разсчетныя книжки, въ которыхъ, кромѣ ссылокъ на законы, напечатаны еще условія найма, гарантирующія фабриканта и возлагающія рядъ обязанностей на рабочаго. Въ большинствѣ случаевъ въ этихъ правилахъ обозначается, какому штрафу подвергается рабочій за такую-то и такую провинность. Такъ обычно рабочему запрещается просить разсчета ранѣе срока, въ противномъ случаѣ у него дѣлаютъ вычетъ изъ жалованья за 6—9 рабочихъ дней. *За* каждый прогульный *день вычитаютъ три дня*. Нѣкоторыя изъ интересныхъ правилъ мы выпишемъ сполна.

«Нарушители тишины и спокойствія, — говорится въ правилахъ, — штрафуются отъ 50 коп. до 1 руб., а за неисправную работу — отъ 50 коп. до 5 руб.

«Рабочіе, явившіеся въ заведеніе въ пьяномъ видѣ, предаются суду.

«Если въ заведеніи окажется пропажа, то стоимость ея, при неоткрытіи виновныхъ, взыскивается со всѣхъ рабочихъ по разсчету, а потому всѣ обязаны смотрѣть другъ за другомъ, чтобы чего-нибудь не пропало. Уличенный въ кражѣ немедленно предается уголовному суду; тотъ же изъ рабочихъ, кто откроетъ кражу, получаетъ 2 руб. изъ жалованья виновнаго» (стр. 214 и 215).

«Если директоръ фабрики въ чемъ - нибудь недоволенъ рабочимъ, то имѣетъ право во всякое время разсчесть рабочаго и уволить съ фабрики, удовлетворяя его заработными деньгами по условію» (стр. 119).

Мы ограничимся приведенными выписками,—дальнѣйшія были бы варіаціями тѣхъ же обязанностей, которыя возлагаются на рабочихъ во всѣхъ фабрикахъ, не упоминая при этомъ ни единымъ словомъ объ обязанностяхъ фабрикантовъ относительно тѣхъ же рабочихъ. Читая эти книжки, нельзя не видѣть, что тутъ всѣ старанія употреблены на то, чтобъ окончательно закабалить рабочаго фабриканту, который въ правѣ требовать отъ него многое множество обязанностей, не обязываясь при этомъ относительно рабочаго ровно ничѣмъ. Штрафовъ налагается на нихъ фабричною администраціей безъ конца.

Чтобы показать, насколько много собирается съ рабочихъ штрафныхъ, мы остановимся съ этою цѣлью на Реутовской мануфактурѣ, гдѣ не существуетъ особыхъ правилъ, сильно притѣсняющихъ рабочаго, гдѣ «за простую порчу товара штрафуютъ рѣдко». Но даже и на такой фабрикѣ штрафныхъ денегъ со всѣхъ рабочихъ въ годъ набирается до 1.000 рублей,—правда, что эта фабрика самая большая изъ всѣхъ описанныхъ: на ней работаетъ 2.320 чел., которымъ въ годъ выдается жалованья до 200.000 руб. *).

Что же послѣ этого должно собираться на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ администрація фабричная направляетъ на это свои усердныя старанія?

Обыкновенно однимъ изъ средствъ эксплуатаціи рабочаго служитъ харчевая лавка. Но на нѣкоторыхъ фабрикахъ заборъ изъ харчевой лавки не становится фабрикантомъ въ необходимое условіе найма; нерѣдко фабрикантъ даетъ рабочему полный просторъ забирать провизію, гдѣ онъ хочетъ самъ. Но положеніе дѣла отъ этой мнимой свободы нисколько не выигрываетъ. Гдѣ же можетъ рабочій забирать провизію безъ денегъ? Въ какой лавкѣ повѣрятъ ему въ долгъ, если фабрикантъ не поручится за него?—Разумѣется, нигдѣ. А фабрикантъ въ ручательствѣ отказываетъ. Ну, вотъ и приходится рабочему волей-неволей забирать въ лавкѣ фабриканта. Чтобы дать понять, сколько денегъ уходитъ у рабочаго въ эту лавочку, достаточно сказать, что на Реутовской мануфактурѣ «одними рабочими заби-

*) А въ 1878 г. выдано было 220.000 р., въ 1879 г.—231.000 р. Въ послѣдніе 4 года заработокъ увеличился на 14%.

рается въ годъ припасовъ приблизительно на 100.000 р.». Это на Реутовской мануфактурѣ, «гдѣ продаютъ по сравнительно умѣреннымъ цѣнамъ» (стр. 27), и все-таки харчевая лавочка поглощаетъ ровно половину всего заработка! Сколько же уходитъ въ нее въ томъ случаѣ, когда фабрикантъ отдаетъ лавочку въ аренду и гдѣ арендная плата доходитъ до 9.000 р.? Такъ по крайней мѣрѣ стоитъ дѣло на бумагопрядильнѣ Балашинской мануфактуры. Въ такой лавочкѣ рабочихъ прямо обманываютъ. «Въ нашемъ присутствіи,—говоритъ г. Эрисманъ,—рабочіе жаловались директору фабрики на то, что, при отпускѣ лавкой цѣлыхъ хлѣбовъ, послѣдніе не взвѣшиваются, а вѣсъ ихъ считается разъ навсегда опредѣленнымъ; отправившись вслѣдъ затѣмъ совмѣстно съ директоромъ въ лавку, мы слышали отъ лавочника не опроверженіе этого факта, какъ можно было бы ожидать, а, наоборотъ, подтвержденіе его; тѣмъ не менѣе однако содержатель лавки считалъ упрекъ, дѣлаемый ему по этому поводу со стороны директора, несправедливымъ, такъ какъ, по его словамъ, для рабочихъ такой способъ отпуска гораздо выгоднѣе (?!), нежели еслибы лавка каждый разъ стала взвѣшивать хлѣбъ».

На всѣхъ описанныхъ фабрикахъ,—изъ которыхъ на самой меньшей, фабрикѣ Гамсона при селѣ Борисовѣ, работаетъ отъ 170 до 220 человѣкъ,—для помѣщенія рабочихъ существуютъ спальни, раздѣленныя на каморки. Въ каждой каморкѣ живетъ по нѣскольку человѣкъ. Продовольствуются рабочіе на своихъ харчахъ семьями или въ одиночку и только на 2—3 фабрикахъ встрѣчается мужская продовольственная артель. Баня для рабочихъ существуетъ почти при всѣхъ фабрикахъ, только не всѣ фабриканты позволяютъ ею пользоваться безплатно. Есть такія фабрики, гдѣ ежемѣсячно вычитается изъ жалованья рабочаго по 40 копѣекъ за баню, слѣдовательно за каждый разъ берется по 10 копѣекъ (баню рабочіе обычно посѣщаютъ 4 раза въ мѣсяцъ). Такъ на фабрикѣ Измайловской мануфактуры «всѣ взрослые рабочіе и работницы платятъ за баню по 40 коп. въ мѣсяцъ...», а на фабрикѣ товарищества Лапинской мануфактуры «контора взимаетъ съ каждаго рабочаго по 1 коп. съ заработаннаго рубля» (стр. 222). Во что въ такомъ случаѣ обходится рабочему баня?

При каждой фабрикѣ существуетъ харчевая лавка, а при нѣкоторыхъ—и больница съ докторомъ, живущимъ на фабрикѣ. Такова Реутовская мануфактура, гдѣ на больницу отпускается ежегодно 12.000 руб. и гдѣ за содержаніе и пользованіе въ больницѣ съ рабочаго не берется ни копѣйки. За то есть и такія фабрики, гдѣ больница находится на рукахъ фельдшера, иногда нигдѣ не учившагося, и такія, гдѣ совсѣмъ нѣтъ больницы. Такова фабрика Гамсона. При Реутовской же мануфактурѣ есть, кромѣ указанныхъ учрежденій, училище, гдѣ обучаются дѣти, работающія на фабрикѣ, есть и *библіотека*. Изъ нея книги отпускаются дѣтямъ на домъ. «Впрочемъ,—говоритъ докторъ Эрисманъ,—выборъ книгъ этой библіотеки

весьма ограниченъ, что фабричной администраціей объясняется стѣснительнымъ каталогомъ министерства народнаго просвѣщенія» (стр. 30).

Хотя данная фабрика представляетъ среди всеобщей фабричной эксплуатаціи самое отрадное явленіе, но, несмотря на это, «физическое развитіе рабочихъ этой фабрики весьма неудовлетворительно и значительно хуже, нежели у мастеровыхъ и чернорабочихъ» (стр. 35). Въ продолженіе послѣднихъ 4 лѣтъ въ больницѣ среднимъ числомъ пользовалось 16%, а умирало 9,05% на 1.000 человѣкъ. Изъ болѣзней чаще всего встрѣчалась рожа, затѣмъ тифъ, перемежающаяся лихорадка, натуральная оспа, далѣе—легочныя болѣзни, болѣзни кишечнаго канала и, наконецъ, травматическія повреждeнія и т. д.

Эта постепенность въ частотѣ повтореній извѣстныхъ формъ болѣзней замѣчается почти на всѣхъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ, а также и то обстоятельство, что малолѣтніе въ *четыре* раза чаще подвергаются травматическимъ повреждeніямъ, чѣмъ взрослые.

Несмотря на сравнительно хорошія условія жизни рабочихъ на Реутовской мануфактурѣ, авторъ находитъ причину ихъ плохаго физическаго состоянія въ условіяхъ, пагубно дѣйствующихъ на здоровье рабочихъ,—въ условіяхъ, «которыя вообще свойственны нашимъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ: ночная работа, шестичасовыя смѣны, привлеченіе малолѣтнихъ къ работѣ съ весьма ранняго возраста, пыльная атмосфера мастерскихъ» (стр. 71). Чтобъ улучшить физическое состояніе рабочихъ на подобной фабрикѣ, для этого еще много надо сдѣлать. Вотъ какъ формулируетъ авторъ это необходимое: «Сократите ночную работу, увеличьте продолжительность гулевой смѣны, улучшите вентиляцію мастерскихъ, не допускайте работы дѣтей въ слишкомъ раннемъ возрастѣ—и жизнь рабочихъ на описываемой фабрикѣ съ санитарной точки зрѣнія будетъ сносна настолько, насколько вообще можетъ быть сносна жизнь фабричнаго рабочаго въ данное время» (стр. 71).

Любопытно, что нѣкоторые изъ фабрикантовъ только въ такомъ случаѣ находятъ въ будущемъ возможность сократить число рабочихъ часовъ въ сутки, вмѣсто 24, до 20 часовъ, если въ это же время будутъ уничтожены всѣ праздники. «Подобное сокращеніе рабочаго дня О. М. Лугинъ (одинъ изъ пайщиковъ Балашинской мануфактуры) считаетъ даже желательнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уменьшилась бы починка машинъ, ибо именно ночью, при сильномъ утомленіи рабочихъ, часто ломаются машины» (стр. 83).

Работу и жизнь на описанныхъ фабрикахъ самъ рабочій находитъ настолько тяжелой, что при первой возможности уходитъ отсюда искать заработковъ на сторонѣ. Ничѣмъ инымъ, по нашему мнѣнію, нельзя объяснить то «постепенное уменьшеніе процента рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей, по мѣрѣ увеличенія возраста», которое особенно замѣчается на фабрикѣ Лапинской мануфактуры.

Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе жизни рабочихъ на бумагопрядильныхъ и самоткацкихъ фабрикахъ Московскаго уѣзда. Мы собрали самыя выпуклыя черты, оставляя въ сторонѣ многое весьма интересное, но имѣющее исключительный, единичный характеръ: такъ, напримѣръ, обычай на Измайловской мануфактурѣ переводить фабричные часы еженедѣльно на часъ впередъ, отчего для хозяина, по словамъ автора, получается въ годъ прибыли въ 840 руб.; или, напримѣръ, обычай на фабрикѣ Гамсона не платить рабочимъ за все время, пока фабрика не работаетъ по случаю порчи машины, а машина, надо замѣтить, здѣсь весьма часто портится, и т. п.

Въ заключеніе не можемъ не высказать сожалѣнія, что авторъ мало обратилъ вниманія на изслѣдованныя фабрики съ точки зрѣнія ихъ приспособленій къ пожарнымъ случаямъ.

Образованіе растительнаго слоя дѣятельностью дождевыхъ червей и наблюденія надъ образомъ жизни послѣднихъ. *Чарльза Дарвина.* Переводъ съ англійскаго *М. А. Мензбира.* Съ добавленіями по пятому изданію оригинала. Съ 15 политипажами въ текстѣ. Москва, 1882 года.

Имя Дарвина настолько любимо и популярно въ Англіи, что его послѣдняя работа: «Объ образованіи растительнаго слоя» — разошлась, по словамъ переводчика, въ нѣсколько мѣсяцевъ въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ.

Отличительная особенность всѣхъ работъ этого ученаго—это, какъ извѣстно, громадныя обобщенія, философскіе выводы, факты же служатъ въ его трудахъ только подпорками къ великому зданію и сами по себѣ не имѣютъ для него цѣны.

Данная книга представляетъ выводъ громадной важности: участіе червей въ образованіи чернозема. Они, эти «гадкіе» дождевые черви, являются первыми главными пахарями, разрыхляющими и размельчающими растительный слой земли. Весь этотъ слой со времени существованія міра не разъ прошелъ черезъ кишечный каналъ дождевыхъ червей. «Плугъ,—говоритъ Дарвинъ въ заключеніи своей книги,—принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и имѣющихъ наибольшее значеніе изобрѣтеній человѣка; но еще задолго до его изобрѣтенія почва правильно обрабатывалась червями и всегда будетъ обрабатываться ими» (стр. 179).

Прежде чѣмъ осѣниться такою мыслью, необходимо было именно познакомиться съ строеніемъ и жизнью дождеваго червя. И вотъ авторъ въ этомъ порядкѣ и подготовляетъ читателя къ пониманію этого важнаго вывода. Умѣнье посвятить и профана въ такую великую идею и сдѣлать ее доступной, понятной и интересной—это исключительная особенность Дарвина. Онъ въ названной работѣ съ первыхъ же страницъ заинтересовываетъ жизнью этихъ кольчатыхъ, показываетъ ихъ норки, застав-

ляетъ читателя присутствовать при ихъ работахъ, когда они своимъ передниимъ концомъ пробуравливаютъ рыхлую землю, словно буравомъ; если же земля не достаточно рыхла, то вбираютъ ее въ себя и выкидываютъ черезъ заднее отверстіе и такимъ образомъ прорываютъ себѣ норку. Послѣднюю они устилаютъ хвоями и разными листьями, которые имъ служатъ также и пищею. Въ то время, когда они таскаютъ къ себѣ этотъ запасъ, они выказываютъ много сообразительности, а не руководятся только инстинктомъ. Потому авторъ признаетъ въ нихъ присутствіе разума. Но, обладая, по мнѣнію автора, разумомъ, дождевые черви, однако, лишены слуха, а также почти и способности воспріятія свѣта. За то они обладаютъ громадной—сравнительно съ размѣромъ своего тѣла — силой: могутъ перетаскивать большія тяжести. Пропуская землю черезъ свой кишечный каналъ, они только часть ея удерживаютъ и ассимилируютъ, остальная же въ перетертомъ и измельченномъ видѣ выбрасывается ими, какъ экскременты, на поверхность земли и образуетъ небольшія возвышенія. Эти возвышенія, размытыя дождемъ, стекаютъ въ наклонную сторону, а не тронутыя сохнутъ и распадаются на мелкіе кусочки, которые въ свою очередь разсыпаются и въ видѣ пыли переносятся въ «подвѣтренную» сторону, зарывая камни, а нерѣдко и цѣлыя зданія. Этимъ путемъ, благодаря червямъ, сохранились зарытыми въ землѣ многія постройки древняго Рима и многія зданія изъ средневѣковыхъ временъ въ Англіи.

Въ сейчасъ приведенномъ наброскѣ мы только намѣтили тѣ интересные вопросы, которые составляютъ предметъ послѣдней работы покойнаго Дарвина. Для ближайшаго знакомства съ ними, рекомендуемъ самую книгу, о переводѣ которой достаточно сказать, что онъ сдѣланъ естественникомъ-спеціалистомъ. Послѣдняго можно попросить на случай втораго изданія исправить только вкравшіеся немногіе корректурные недосмотры, какъ, напримѣръ: *«къ землѣ горшковъ*, въ которой содержались черви....» (стр. 32), *«въ ихъ рту»*... (стр. 42).

Оскудѣніе. Благородные. *Сергѣя Атавы* (*С. Н. Терпигорева*). Томъ первый—Отцы; томъ второй—Матери. Изданіе второе книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. 1882 г.

Теперь трудно найти губернію, въ которой нельзя бы было встрѣтить разореннаго помѣщичьяго гнѣзда. Стоитъ отъѣхать верстъ 15—20 отъ города—и непремѣнно нападешь на нѣкогда бывшую помѣщичью усадьбу со всѣми жалкими остатками бывшей роскоши. Вотъ какими-то судьбами уцѣлѣлъ нѣкогда прекрасный паркъ, съ «старинными» липами, съ аллеями шириной въ проѣздъ тремъ-четыремъ каретамъ въ рядъ, съ вдали виднѣющимся прудомъ или рѣчкой, извивающейся у подножія холма, на вершинѣ котораго обыкновенно расположенъ барскій домъ съ террасами,

громадными окнами, бель-ведеромъ и небольшимъ цвѣтничкомъ, куда ведетъ съ террасы широкая лѣстница, нѣкогда украшенная вазами и статуями... Все это можно встрѣтить и теперь, и сейчасъ; но только нѣтъ у этого гнѣзда прежняго торжественнаго, праздничняго вида, какимъ отличалась во времена до 19-го февраля 1861 года каждая усадьба. Все здѣсь постарѣло, запылилось, скривилось на бокъ. И эти остатки прежней роскоши стоятъ, какъ бы конфузясь, безъ призора, въ ожиданіи, когда явится «дѣловой» человѣкъ и приспособитъ ихъ къ чему-нибудь настоящему. Кое-гдѣ усадьба успѣла нѣсколько «приспособиться», принять «дѣловой характеръ», сохранивъ за собой только остатки недавняго прошлаго.

Послѣднія картины очень часто встрѣчаются въ Самарской и Саратовской губерніяхъ. Тамъ многія усадьбы безъ всякихъ особыхъ фундаментальныхъ приспособленій обращены въ кумысо-лѣчебныя заведенія. Такъ старинный барскій домъ обращенъ въ курзалъ. Но что значитъ обращенъ? Если барская зала оказалась мала для столовой, новый владѣлецъ усадьбы преспокойно проламываетъ стѣну, отдѣлявшую залу отъ гостиной, и такимъ образомъ получается длинная столовая, въ которой могутъ спокойно умѣститься за столомъ человѣкъ 60, даже 100. Заботъ объ изящномъ, о красотѣ — у новаго владѣльца нѣтъ; онъ считаетъ даже лишнимъ оклеить разношерстную столовую новыми обоями. «Не все ли ему, больному кумыснику, равно, какъ и чѣмъ оклеена столовая?» разсуждаетъ онъ. А кумыснику дѣйствительно все равно,—у него и дома не лучше... Ну, такъ и происходитъ обоюдное довольство.—Изъ столовой идетъ дверь въ кабинетъ барина. Здѣсь все осталось на прежнемъ мѣстѣ: и старинный турецкій диванъ, и нѣкогда любимое хозяиномъ волтеровское кресло, и громадные шкафы, уставленные книгами... Все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, только безъ прежней солидности, а какъ бы для того, чтобы потѣшать честную компанію кумысниковъ, пріѣзжающую въ усадьбу съ серьезною цѣлью—лѣчиться. Что-то насмѣшливое виднѣется въ улыбкѣ больного, когда онъ раскрываетъ одну книгу за другой въ основательныхъ, а иногда и изящныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами. Вотъ и *Вѣстникъ Европы* 1808 года, и *Живописецъ* Новикова, и комедія «О время» Екатерины II-ой; а вотъ и старинный календарь съ собственноручными на поляхъ помѣтками прежняго хозяина,—помѣтками, въ родѣ слѣдующей: «На диванъ куплено 42 аршина матеріи...» и т. д.

Но какой интересъ во всемъ этомъ для кумысника? Зачѣмъ все это стоитъ въ курзалѣ?—При кумысолѣчебномъ заведеніи должна быть библіотека,—ну, вотъ это и есть самая библіотека...

Эта комната больше другихъ сохранила на себѣ слѣды прошлаго: вонъ съ вершины высокихъ шкафовъ, чуть не достающихъ до потолка барскихъ хоромъ, выглядываютъ всѣ запыленные, почернѣвшіе отъ времени бюсты Вольтера, Дидро и другихъ просвѣтителей XVIII в... Отъ

другихъ комнатъ барскаго дома не осталось уже прежнихъ слѣдовъ: тѣ труднѣй оказалось приспособить къ новому, «полезному», потому всѣ «угольныя», дѣвичьи, спальни и т. д.—всѣ превращены въ одинъ сплошной большой сарай, который раздѣленъ тоненькой, какъ картонъ, перегородкой, на узенькій, темненькій корридоръ и нѣсколько небольшихъ каморокъ, изъ которыхъ въ каждую ведетъ особая дверь изъ корридора. Эта часть дома приняла видъ самой плохой гостиницы захолустнаго уѣзднаго города... Людскія службы, флигеля, бани и т. д.—все такимъ же способомъ превращено въ помѣщенія для кумысниковъ,—превращено, разумѣется, при самой минимальной затратѣ; даже разбитыя стекла въ окнахъ не замѣнены новыми, въ выбитыя мѣста вмазаны черепки, изорванные обои заклеены простой или газетной бумагой, и т. д. А паркъ... Боже, что сдѣлали съ паркомъ! Дорожекъ въ немъ нѣтъ и слѣда, весь паркъ по крайней мѣрѣ на полъаршина усыпанъ старыми засохшими листьями, изъ груды которыхъ мѣстами выглядываютъ съ отбитыми крыльями и ногами амуръ, купидонъ или какой-другой старый, всѣми забытый, оставленный богъ...

Но куда же дѣвались прежніе владѣльцы этихъ нѣкогда роскошныхъ палаццо, что сталось съ ними? Какъ и почему они рѣшились разстаться съ своими старыми привычными гнѣздами?—Отвѣты на эти вопросы въ видѣ отдѣльныхъ картинъ и составляютъ содержаніе «Оскудѣнія» г. Атавы.

Событіе 19-го февраля 1861 года застигло помѣщиковъ въ-расплохъ, несмотря на то, что освобожденіе крестьянъ въ сущности подготовлялось весьма давно: помѣщики не вѣрили въ возможность его осуществленія, и потому, когда манифестъ былъ объявленъ, они оказались безъ всякой подготовки къ новой жизни, къ жизни труда. А деньги между тѣмъ были по-прежнему нужны. Оставалось одно: закладывать и проживать и тянуть такъ до тѣхъ поръ, пока будутъ давать подъ залогъ, а тамъ.... продавать родовое. И вотъ запутавшійся съ ногъ до головы у какого-нибудь «Лоха—не клади плохо», которые въ «Оскудѣніи» именуются Подъугольниковыми (представители современнаго кулачества) и Сладкопѣвцевыми—изъ семинаристовъ, помѣщикъ спускалъ имъ уже за безцѣнокъ и свои родовыя, изъ которыхъ Подъугольниковы понадѣлали вышеописаннымъ способомъ кумысолѣчебныя заведенія.

Такъ поступали папеньки и маменьки съ хорошими, «благородными» привычками: жуировать, веселиться безъ удержу и бражничать; такъ поступали «широкія натуры», безнадежно махнувшія на новую форму жизни, въ которой имъ, «широкимъ натурамъ», привыкшимъ хорошо жить и обладавшимъ до сихъ поръ одной производительною силой—«приказывать», все было непонятно.

Были между ними и другіе болѣе подвижные и отважные. Эти искали приспособленій. Если отъ нихъ отошли мужики, — думали эти по-

слѣдніе,—то осталась земля, которую можно было обрабатывать съ помощью машинъ. И вотъ нѣкоторые рѣшили завести «раціональное хозяйство» и принялись закупать машины. День привоза машинъ вмѣстѣ съ ихъ изобрѣтателями-нѣмцами превращался въ праздникъ, а день пробы машинъ — въ торжество, на которое съѣзжались чуть не всѣ помѣщики губерніи, а также допускались и «депутаты» изъ крестьянъ. Сцены этихъ пробъ весьма комичны. Мы приведемъ одну изъ нихъ, на которой присутствовалъ и самъ «его превосходительство», и батюшка, и пр. и пр. Всѣ собрались на лугу.

«Къ намъ приблизилось пять нѣмцевъ, къ животамъ которыхъ были привязаны на помочахъ какія-то плетушки съ ручками съ боку, какъ у шарманки.

— При помощи этой сѣялки одинъ сѣятель можетъ въ день посѣять до пяти десятинъ. Цѣна такая-то. Начинать!—скомандовалъ Григорій Ивановичъ.

Нѣмцы сдѣлали направо кругомъ, завертѣли ручки, и два жиденькихъ фонтанчика ржаныхъ сѣмянъ посыпались направо и налѣво черезъ голову каждаго изъ нихъ.

Нѣмцы шагали стройно нога въ ногу, и Григорій Ивановичъ и его превосходительство сіяли радостью.

— Хорошо?—обратился я опять къ мужикамъ.

— А Господь ее знаетъ, какъ она сѣетъ-то. Развѣ на лугу, въ травѣ, можно замѣтить, какъ зерно падаетъ?... На будущій годъ коли уродится, увидимъ.

— Василій Михайловичъ, послушайте-ка, что говорятъ!... Вѣдь, дѣло, а никому изъ насъ и въ голову не пришло.

— Что такое?

Мужикъ повторилъ свои слова и ему.

— Вѣрно, вѣрно!—выкликнулъ онъ.—Природнаго ума у нихъ нельзя отнять!—какъ-то даже съ грубостью добавилъ онъ.—Григорій Ивановичъ!

И ему передается замѣчаніе депутата. А нѣмцы все идутъ дальше и разсыпаютъ рожь по травѣ.

— Остановите же ихъ!—кричитъ Василій Михайловичъ.—Это обстоятельство, милѣйшій Григорій Ивановичъ, надо было предусмотрѣть. Вѣдь, мы компрометируемъ себя передъ ними.—И онъ злобно повелъ глазами въ сторону депутатовъ» (стр. 79—80).

И такъ далѣе въ томъ же неизмѣнно-комическомъ духѣ. Разумѣется, что при такомъ полномъ непониманіи дѣла и при непривычкѣ дѣлать что-нибудь дѣльное, «раціональное хозяйство», для веденія котораго покупались машины, было не болѣе какъ шутка. А между тѣмъ на покупку машинъ ухлопывались громадныя суммы — и богатый помѣщикъ приходилъ въ полное «оскудѣніе»: имѣніе его переходило тѣмъ же порядкомъ залоговъ и перезалоговъ къ Подъугольниковымъ и Сладкопѣвцевымъ.

Другіе, у которыхъ сильно была развита фантазія, съ освобожденія крестьянъ начинали грандіозныя, фантастическія предпріятія и на нихъ ухлопывали иногда значительный, оставшійся отъ прошлаго, капиталъ.

Такъ одинъ помѣщикъ вздумалъ, вмѣсто веденія «раціональнаго хозяйства», «ловить и скупать зайцевъ, чтобы разводить ихъ—на племя и продавать ихъ шерсть. Мало ли куда шерсть ихъ можетъ идти? Всюду пойдетъ. Въ продажѣ, вѣдь, ни у кого, кромѣ меня, этой шерсти не будетъ,—что захочу, то и возьму за нее. Поняли?...» (стр. 93).

Этотъ наивный фантазеръ вѣрилъ въ несомнѣнную возможность не только жить на счетъ зайцевъ, какъ онъ нѣкогда жилъ на счетъ мужиковъ, но и въ несомнѣнную возможность разбогатѣть отъ нихъ. Онъ разсчитывалъ такъ: каждый годъ каждая зайчиха должна принести штукъ по шести дѣтенышей. «Если въ этомъ году, при Божьей помощи, у меня будетъ 500 зайчихъ, на будущій годъ ихъ будетъ ужь три тысячи. Если изъ этого числа только половина окажется самокъ, а остальные самцы, то ихъ будетъ значитъ 1.500; на третій годъ у меня такимъ образомъ будетъ значитъ 10.000 зайцевъ!...» Вотъ какими фантазіями питались и въ чемъ находили исходъ помѣщики, застигнутые событіями 19-го февраля! Мы не будемъ больше слѣдить за тѣми формами разоренія и оскудѣнія, которыя довели ихъ до продажи родоваго гнѣзда въ руки Подъугольниковыхъ.

Естественно послѣ выше приведенныхъ фактовъ, что во всѣхъ новыхъ формахъ жизни, которыя выдвигались, какъ непосредственное продолженіе событій 19-го февраля, они оказывались до жалости смѣшны, безпомощны и производили впечатлѣніе «безнадежности», «отчаянія».

Именно такое впечатлѣніе производитъ на читателя первое земское собраніе, на которомъ въ первый разъ помѣщики должны были думать и говорить о дѣлѣ, объ общественныхъ интересахъ.

Оказалось, что они настолько не привыкли ни къ чему дѣловому, серіозному, что между ними не нашлось ни одного, который бы могъ взять на себя во время засѣданія должность секретаря, который бы могъ составить протоколъ. Пришлось волей-неволей снова обращаться къ ненавистному Сладкопѣвцеву, для котораго эта работа не представляла никакого затрудненія: перо у него такъ быстро и легко побѣжало по бумагѣ, оставляя за собой строки красиваго почерка.

Когда оказалось необходимо каждому изъ присутствовавшихъ резюмировать свою рѣчь, чтобы занести ее въ протоколъ, то любопытно, какъ отнеслись къ этому вопросу наши добродушные помѣщики.

— Пишите, что хотите!—сказали они.

— Пишите,—все подпишемъ!

— Только не векселя,—кто-то съострилъ.

— Господа, господа!—усовѣщевалъ предводитель,—что-жь это такое? Развѣ можно такъ? Почтеннѣйшій Ардаліонъ Васильевичъ (такъ звали Сладкопѣвцева) былъ такъ любезенъ, такъ добръ...

Но уже его никто не слушалъ, и всѣ толпой повалили къ дверямъ. Слышался смѣхъ, хохотъ. Кто-то въ передней началъ насвистывать «Хуторокъ», и черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ остался предводитель, Сладкопѣвцевъ, человѣкъ пять волостныхъ старшинъ, выбранныхъ мужиками въ гласные по указанію мировыхъ посредниковъ, да двое или трое дворянъ, приглашенныхъ къ предводителю на обѣдъ и теперь дожидающихся его, чтобы ѣхать вмѣстѣ» (стр. 135).

Не понять было этимъ людямъ значеніе новыхъ формъ жизни, не заняться ими, не заинтересоваться самоуправленіемъ. Съ такой дѣтской шуткой отнеслись они къ земскимъ дѣламъ и къ земскимъ учрежденіямъ вообще. Не годился сюда старый крѣпостникъ.

Сынки этихъ старыхъ крѣпостниковъ, на воспитаніе которыхъ посаживались остатки нерѣдко весьма значительнаго состоянія, чувствуя себя очутившимися послѣ 19-го февраля «на вѣтру», вздумали приспособляться къ новой жизни, оставаясь по-прежнему при желаніяхъ и требованіяхъ отцовъ, т. е. жить и сорить деньгами. Для удовлетворенія такихъ требованій новая жизнь открывала только одинъ путь — мошенничество, а форму его каждый выбиралъ уже по своимъ вкусамъ и наклонностямъ. Одинъ принимался за ростовщичество, другой устраивалъ у себя игорный домъ съ рулеткой, третій втирался къ желѣзнодорожникамъ. «Идти по другому пути» не было возможности, какъ въ силу отсутствія хоть какой-нибудь дѣльной подготовки, такъ и потому, что «дворянскій гоноръ» запрещалъ браться за черную работу.

Стая старыхъ паразитовъ сходила въ могилу, оставляя за собой такимъ образомъ уже не добродушіе, какимъ отличалось само, а вороновъ, которые были не прочь высасывать у другихъ соки, подобно Сладкопѣвцевымъ и Подъугольниковымъ. Отъ послѣднихъ они отличались отсутствіемъ терпѣнья, выдержки, а потому избирали для своихъ цѣлей путь тонкаго мошенничества, позволявшій имъ поддерживать въ полномъ составѣ декорумъ прежней жизни.

Вотъ что составляетъ содержаніе перваго тома «Оскудѣнія». Передъ читателемъ словно въ панорамѣ проходитъ картина старой и новой деревни, гдѣ на мѣстѣ стараго крѣпостника-помѣщика явился новый хозяинъ Подъугольниковъ или Сладкопѣвцевъ. Контрастъ старой деревни съ жизнью въ усадьбѣ былъ поразительный: безустанный трудъ и темненькая, сѣренькая жизнь съ одной стороны и жизнь «бѣгущая вѣчнымъ праздникомъ», съ отсутствіемъ всякаго признака труда—съ другой. Рельефная картина человѣческаго паразитизма. Теперь этого уже нѣтъ; но контрастъ деревни и усадьбы если и измѣнилъ форму, то нисколько не уменьшился. Хозяинъ усадьбы и теперь продолжаетъ высасывать соки изъ обитателя деревни, только уже безъ прежняго добродушія и безъ прежняго farenіente. Но, разумѣется, такое положеніе есть положеніе переходное всколыхнутой старой жизни, не успѣвшей еще принять должнаго вида и формы,

болѣе уравновѣшанныхъ отношеній, которыя впослѣдствіи не будутъ производить такого ужасающаго положенія діаметральности.

Г. Атава не предъявляетъ никакой претензіи на художественность, но даетъ довольно вѣрныя и рельефныя фотографіи того недавняго прошлаго, которое уже отходитъ въ исторію. И съ этой стороны первый шагъ «Оскудѣнія» представляетъ и будетъ представлять любопытную лѣтопись той жизни, о которой съ полною справедливостью можно сказать: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Еслибы не частыя повторенія нѣкоторыхъ положеній, которыя нерѣдко утомляютъ читателя, книга «Оскудѣніе» представляла бы большій интересъ.

Второй томъ этого сочиненія не имѣетъ въ историческомъ отношеніи такого же значенія. Его «матери» или лучше выведенные имъ женскіе типы изъ помѣщичьей среды: напр. «Неутомимая», «Овца»—не имѣютъ ничего общаго съ главною причиной «Оскудѣнія»—паденіемъ крѣпостничества. Какъ та, такъ и другая женщина, выведенныя подъ названіемъ «Неутомимая» и «Овца»—обѣ обладали весьма порядочнымъ состояніемъ, и если «Неутомимая» въ концѣ концовъ осталась безъ средствъ, то съ ней могло случиться то же самое и при крѣпостномъ правѣ: вѣдь и при немъ бывало, что закладывали и спускали все, когда не доставало на кутежъ. Такія женщины, какъ «Неутомимая», есть всегда; это—просто плодъ жизненной пустоты, богатая сила, не нашедшая разумнаго выхода и примѣненія. Вся разгульная, разнузданная жизнь, которую она вела, могла быть и внѣ помѣщичьей среды. Этотъ типъ съ событіемъ 19-го февраля, къ которому пріурочивается вся жизнь изображенная въ обоихъ томахъ, не имѣетъ ничего общаго, какъ равно и другой типъ—«Овца»—менѣе всѣхъ удавшійся г. Атавѣ. Въ этомъ разсказѣ, какъ намъ кажется, авторъ сильно спуталъ хронологію событій*). Такъ посѣщеніе женщинами университетскихъ лекцій онъ пріурочиваетъ къ зимѣ 1861 года и указываетъ на этотъ фактъ, какъ на *предшествовавшій* освобожденію крестьянъ (стр. 392). А насколько мы знаемъ, посѣщеніе университетскихъ лекцій было уже послѣ 19-го февраля.

Но если со стороны исторической разсказы 2-го тома и не имѣютъ того значенія**), какъ разсказы помѣщенные въ первомъ томѣ, за то читаются они несравненно быстрѣй и имѣютъ много преимуществъ въ литературномъ отношеніи. Здѣсь почти нѣтъ повтореній; разсказы не представляютъ такой отрывочности, въ нихъ больше цѣльности. Кромѣ того, тутъ задѣваются новые типы: княжна, посѣщающая публичную библіо-

---

*) Во второмъ томѣ у него хронологія и мелкихъ фактовъ весьма хромаетъ. Такъ въ разсказѣ „Кукушка" авторъ безпрестанно мѣшаетъ свои года и года Леши: то говоритъ, что ему было 12, когда Лешѣ было 10, то на стр. 138 говоритъ, что онъ былъ старше Леши на 1 годъ и т. д.

**) За исключеніемъ разсказа „Кукушка", гдѣ весьма интересно описаніе пансіона и педагоговъ того времени.

теку, студентъ, устраивающій шабаши,—правда, все это захватывается мимоходомъ, съ чисто внѣшней, фотографической стороны.

Впрочемъ, мы предупреждаемъ читателя, что авторъ силенъ только умѣньемъ фотографировать отдѣльныя сцены,—болѣе глубокій анализъ лицъ ему плохо удается. Такъ, туманными и неудачными вышли у него отецъ, мать и дочь, открывшіе модную мастерскую (въ разсказѣ «Тихія пристани»), когда онъ вздумалъ было заглянуть въ нихъ поглубже. Еще нѣсколько болѣе въ этомъ случаѣ удался ему абрисъ князя, разорившагося по милости жены и поступившаго въ помощники станціоннаго смотрителя на какой-то станціи желѣзной дороги (въ разсказѣ «Шалая»).

Манера писать у автора довольно игрива, и еслибъ онъ бросилъ привычку стараться быть игривымъ и не старался бы поражать читателя словами: «слопать», «сцапать», а говорилъ бы ихъ просто къ мѣсту, безъ подчеркиванія,—думается намъ, было бы лучше.

Е. Н.

Нужно ли учить народъ пѣнію и музыкѣ? *С. Миропольскаго.* О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и западной Европѣ, съ приложеніемъ статьи „Объ эстетическомъ образованіи нашего народа" и библіографическаго „Обзора русской музыкально-педагогической литературы" и заграничной. Изданіе второе, вновь переработанное. С.-Петербургъ. 1882 года.

Вопросъ, поставленный въ заглавіе нашей статьи, невольно заставляетъ задуматься: въ самомъ дѣлѣ, нужно ли народъ учить пѣнію и музыкѣ и вообще нужно ли интеллигенціи или государству заботиться объ эстетическомъ образованіи народа. Съ одной стороны, вникая въ смыслъ и значеніе пѣсни и музыки въ дѣлѣ психическаго и нравственнаго роста простаго народа, мы видимъ то облагороживающее и смягчающее жестокость нрава вліяніе на душу народную, какое присуще вообще всякому истинному искусству; съ другой же стороны мы наталкиваемся на ту крайнюю бѣдность нашего народа, живущаго въ курныхъ, холодныхъ и грязныхъ избахъ, нерѣдко вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ,—наталкиваемся также на всѣ тѣ неблагопріятныя, деморализующія условія крестьянскаго быта вмѣстѣ съ грязно-кабацкой цивилизаціей, занесенной въ простую деревню изъ города и фабрикъ, съ которой волей-неволей приходится считаться всякому развитому человѣку, болѣющему о народѣ. Всѣ эти неблагопріятныя условія являются сильнымъ тормозомъ для эстетическаго образованія народа; волей-неволей приходится сначала подумать объ улучшеніи матеріальнаго положенія народа. Но такъ какъ экономическій бытъ народа находится въ ближайшей связи съ его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, то и это послѣднее нельзя упускать изъ виду, и о немъ слѣдуетъ позаботиться. Книга г. Миропольскаго рѣшаетъ этотъ сложный и потому затруднительный вопросъ болѣе или менѣе простымъ образомъ.

Предпосылая—вмѣсто введенія—статью «Объ эстетическомъ образованіи народа», г. Миропольскій въ этой статьѣ, а отчасти и въ слѣдующей—«О музыкальномъ образованіи народа», составляющей, собственно говоря, самое содержаніе книги,—различными историческими и бытовыми примѣрами, а также и своими собственными соображеніями, доказываетъ то великое значеніе искусства и поэзіи, какое по справедливости принадлежало этимъ высшимъ продуктамъ человѣческаго ума и чувства въ исторіи развитія народовъ. При этомъ онъ конкретно выясняетъ поэтичность русской души и разнаго рода примѣрами и ссылками на свидѣтельства изслѣдователей и знатоковъ нашего крестьянства констатируетъ способность русскаго народа къ пѣнію и музыкѣ и вообще къ эстетическому образованію. Тотъ обширный запасъ народныхъ пѣсенъ, который создалъ народъ и передалъ своимъ потомкамъ, а отчасти интеллигенціи, само собой и больше всего доказываетъ поэтичность народной души. Свое горе и всѣ перенесенныя за всю историческую жизнь страданія народъ изобразилъ въ своей пѣснѣ. Такимъ образомъ онъ далъ намъ свою исторію въ былинѣ и пѣснѣ, исторію не сухую, внѣшнюю и педантическую,—нѣтъ, исторію своей души, исторію той великой психической и нравственной борьбы, которую велъ народъ издревле за свою угнетенную свободу и поруганныя чувства.

Въ бытовыхъ пѣсняхъ: свадебныхъ, хороводныхъ и т. п.—всего ярче изобразилась жизнь народная въ ея индивидуальности, та личная психическая неудовлетворенность, какою всегда страдалъ русскій человѣкъ, та пришибленность русской души, о которой свидѣтельствуетъ вся правдивая исторія. Но исторія говоритъ намъ обо всемъ этомъ совершенно объективно; народная же поэзія говоритъ образами и картинами, заставляетъ въ миніатюрѣ перечувствовать и пережить то, что пережилъ и перечувствовалъ народъ. Вотъ въ чемъ преимущество и значеніе народнаго творчества: и эту мысль г. Миропольскій, намъ кажется, высказалъ очень опредѣленно и краснорѣчиво. Вотъ что говоритъ между прочимъ г. Миропольскій о народной пѣснѣ: «Пѣсня народа—не случайное въ немъ явленіе, она—невыдѣлимый фактъ его жизни. Пѣсня входитъ въ его бытъ, какъ живой и животворный элементъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что народная пѣсня есть *идеальное воплощеніе исторіи народа*, въ ней его пережитое прошлое, въ ней его воззрѣніе на жизнь, въ ней его лучшія чаянія и надежды, и потому она имѣетъ великую охранительную силу вѣчно-живыхъ элементовъ народной жизни. Въ этомъ смыслѣ *народная пѣсня въ педагогіи есть носительница живыхъ индивидуальныхъ основъ національнаго воспитанія*. Имѣя въ запасѣ прекрасный образовательный матеріалъ народнаго музыкальнаго творчества, было бы просто крайне неразсчетливо не воспользоваться имъ на пользу школы, на пользу образованія народа». Вотъ главная мысль г. Миропольскаго объ эстетическомъ образованіи нашего народа, которую мы выписали съ нѣкоторыми про-

пусками: онъ всецѣло переноситъ это образованіе въ школу. Мы совершенно согласны съ нимъ въ этомъ случаѣ и прибавимъ отъ себя, что только въ одной школѣ и возможно это образованіе, потому что едва ли можно найти хоть какую-нибудь возможность просвѣщать народъ въ эстетическомъ смыслѣ среди его ужасной матеріальной обстановки. Школа же—нѣчто отдѣльное отъ дома, гдѣ крестьянскій ребенокъ живетъ иною жизнію, гораздо болѣе возвышенною и чистою, забывая нерѣдко о семейныхъ житейскихъ невзгодахъ и матеріальныхъ лишеніяхъ; такимъ образомъ, чередуя свои занятія—переходя отъ обученія болѣе или менѣе серьезнаго и научнаго къ пѣнію и музыкѣ, онъ легко и съ удовольствіемъ для себя научится этому искусству и въ возможной полнотѣ ознакомится съ высокохудожественными памятниками національнаго творчества. При этомъ г. Миропольскій настаиваетъ, чтобы «развитіе нашего музыкальнаго образованія совершалось въ духѣ вполнѣ *народномъ* и чтобъ основою для этого развитія служила родная и всѣмъ намъ дорогая, полная художественнаго изящества, задушевности, обаятельной прелести, силы и жизни *русская народная пѣсня*» (стр. 136). Нельзя не отнестись къ этой мысли съ самымъ горячимъ сочувствіемъ; но, къ сожалѣнію, разсматривая приложенный къ книгѣ г. Миропольскаго списокъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, мы должны признать, что хотя для элементарнаго ознакомленія съ народною поэзіей у насъ и довольно матеріала, за то для обстоятельнаго, полнаго и систематическаго ознакомленія, а тѣмъ паче для изученія народнаго творчества,—что необходимо для самихъ учителей пѣнія и музыки,—у насъ рѣшительно нѣтъ такого матеріала. Что памятники этого искусства у насъ богатѣйшіе, это несомнѣнно; но горе-то въ томъ, что эти памятники совершенно не объединены и не систематизированы, такъ что учитель пѣнія, еслибъ онъ захотѣлъ отнестись къ дѣлу обученія этому искусству именно такъ, какъ мы о томъ говорили, то пришелъ бы въ немалое затрудненіе, по какому плану вести это обученіе и съ какими именно памятниками знакомить крестьянскаго ребенка, чтобы въ этомъ обученіи была одна идея, объединяющая всѣ отдѣльныя пьесы народнаго творчества и проливающая свѣтъ на исторію народной души и ея настоящую психологію. Возьмемъ для примѣра хоть бы свадебныя пѣсни: кому, спрашивается, онѣ неизвѣстны? Кого онѣ не поражали своею художественностью, правдивостью и чисто-русскою заунывною скорбью? Бьющаяся, изстрадавшаяся, любящая женская душа, но не знающая себѣ свободнаго, удовлетворяющаго психически, выхода, всего полнѣе вылилась въ этихъ пѣсняхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ общій выводъ мы дѣлаемъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ свадебнаго цикла, вовсе не кодифицированныхъ систематически; между тѣмъ исторія ихъ возникновенія и, наконецъ, практическаго употребленія въ народной жизни вовсе не такова. Здѣсь пѣснь эта течетъ и развивается подобно чувству, ее создавшему, постепенно, начинаясь съ болѣе простаго, несложнаго мо-

тива и содержанія и затѣмъ, crescendo возрастая, осложняясь содержаніемъ и мелодіями, доходитъ до высшаго своего проявленія. Такимъ образомъ во всѣхъ свадебныхъ пѣсняхъ замѣчается строгая послѣдовательность и самая тѣсная связь; каждая изъ нихъ выражаетъ, дополняетъ и разъясняетъ извѣстную стадію чувства въ опредѣленный свадебный моментъ. Изображенное въ этихъ пѣсняхъ тоскующее чувство русской дѣвушки воспроизведено во всей подробности и въ совокупности представляетъ широкую картину психическихъ страданій, не говоря уже о разнообразнѣйшихъ декоративныхъ и внѣшнихъ подробностяхъ; но, спрашивается, гдѣ вы, въ какомъ сборникѣ народныхъ пѣсенъ найдете такую, научно обработанную, идейную систематизацію свадебныхъ пѣсенъ? То, что мы сказали о пѣсняхъ свадебныхъ, совершенно приложимо и къ другимъ народнымъ пѣснямъ и вообще ко всѣмъ поэтическимъ памятникамъ,—въ народномъ творчествѣ нѣтъ ничего случайнаго, совершенно разрозненнаго. Не говоря уже о томъ, что масса матеріаловъ народной поэзіи у насъ еще не собрана, но даже и то, что мы имѣемъ, очень мало разработано. Само собой понятно, что для достиженія болѣе или менѣе осмысленнаго ознакомленія съ народною поэзіей въ школѣ слѣдуетъ приготовить для того соотвѣтствующихъ учителей. Послѣднее же, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній народнаго творчества, является очень затруднительнымъ, такъ что приходится признать, что прежде всего нашей интеллигенціи должно всѣ свои силы и старанія обратить на собраніе и обработку памятниковъ народнаго творчества, которые въ огромной массѣ существуютъ доселѣ лишь только въ устахъ народа, не записанные и даже не замѣченные интеллигенціей, а затѣмъ на систематизацію этихъ памятниковъ по различнымъ отдѣламъ, согласно ихъ содержанію, мотивамъ и отдѣльнымъ мелодіямъ. Только тогда мы можемъ надѣяться, что наше музыкальное образованіе будетъ совершаться *вполнѣ въ духѣ народномъ*. Послѣднія попытки въ собираніи и разработкѣ народныхъ пѣсенъ доказали намъ, какъ плохо мы до сихъ поръ знали наше народное творчество, какъ совершенно искаженныя мелодіи мы признавали за чисто-народныя и, наконецъ, что мы и доселѣ почти вовсе незнакомы *съ народною драмой* въ хороводѣ. А что послѣдняя существуетъ—это фактъ, но только на нее доселѣ не обращалось должнаго вниманія. Значеніе драматизма въ народномъ хороводѣ, по тщательномъ изученіи и разработкѣ, выяснится для насъ съ полною очевидностью: тѣ движенія и всевозможные драматическіе пассажи, изображающіе въ лицахъ различные моменты народной жизни, какими исполненъ русскій хороводъ, дополнятъ наши свѣдѣнія и представленія о народѣ и его духовной жизни, почерпавшіяся прежде единственно изъ народныхъ пѣсенъ. Общій выводъ, какой мы хотимъ сдѣлать по поводу всего сказаннаго нами, тотъ, что искусство,—будь это пѣніе, музыка или драма, въ общемъ значеніи этого слова,—должно быть въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія народа

главнымъ и необходимымъ пособникомъ, а потому желательно, чтобы музыкальное образованіе въ возможно скорѣйшемъ времени привилось къ нашей элементарной школѣ, чтобы пѣніе и музыка введены были въ народную школу какъ предметъ обученія. Однако наше желаніе мы ограничимъ тѣмъ положеніемъ, что музыкальное образованіе у насъ въ Россіи только тогда будетъ вполнѣ народнымъ и полнымъ, когда мы употребимъ всѣ свои усилія для научной обработки нашей національной пѣсни, музыки и драмы.

Въ дѣлѣ музыкальнаго образованія мы, русскіе, какъ это видно изъ книги г. Миропольскаго, далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей, гдѣ давно уже музыкальное развитіе играетъ большую роль не только въ жизни домашней, но и въ школѣ, въ которой оно преподается какъ предметъ обученія. Значительные успѣхи школьнаго преподаванія пѣнія и музыки въ западной Европѣ облегчатъ этотъ путь эстетическаго образованія для насъ, русскихъ; мы можемъ съ большимъ удобствомъ для себя воспользоваться новыми усовершенствованными способами обученія, въ числѣ которыхъ наибольшимъ вниманіемъ пользуется цифирная метода къ хоровому пѣнію Шеве. По наблюденіямъ любителей пѣнія и музыки, ученики, обучавшіеся по цифирной методѣ Шеве, достигали въ полгода такихъ значительныхъ успѣховъ въ хоровомъ пѣніи, что безъ всякихъ ошибокъ и затрудненій выполняли довольно сложныя пьесы. Г. Миропольскій цифирную методу рекомендуетъ и нашей народной школѣ, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Вторую половину своей книги г. Миропольскій посвящаетъ разработкѣ вопроса о музыкальномъ образованіи съ чисто-педагогической точки зрѣнія и высказываетъ по этому случаю очень много здравыхъ сужденій и взглядовъ. Нельзя не поблагодарить отъ души автора за обстоятельную разработку такого интереснаго и важнаго вопроса, каковъ вопросъ о «музыкальномъ образованіи народа».

Н. Н.

Государство и общество. Управленіе, самоуправленіе и судебная власть. Сборники статей *В. П. Безобразова*. Спб. 1882, XXVIII + 737.

Исторія теоріи и практики государственнаго управленія въ новыхъ государствахъ Европы можетъ быть раздѣлена на три періода, если въ основаніе этого дѣленія взять развитіе соотношенія началъ личности, общественности и государственности во внутреннемъ управленіи. Періоды эти слѣдующія: 1) феодализмъ, 2) абсолютизмъ и 3) конституціонализмъ.

Въ періодъ феодализма политическая сфера насквозь проникнута была частноправовыми элементами. Государства, въ точномъ смыслѣ этого слова, еще не было, такъ какъ не было еще вполнѣ организованой государственной власти. Отсутствіе внутренняго государственнаго управленія возмѣщалось самоуправленіемъ въ предѣлахъ множества разнообразныхъ

союзовъ и общинъ. Государственность и государственное управленіе начинаютъ зарождаться въ городахъ только подъ конецъ этого періода; въ городахъ впервые замѣчаются зародыши полиціи, какъ государственнаго учрежденія. Періодъ абсолютизма распадается на эпоху грубаго абсолютизма и абсолютизма просвѣщеннаго. Въ первую эпоху окрѣпшая королевская власть мало-по-малу подчинила себѣ всѣ общественныя и даже частныя отношенія, все регламентируя. Экономическое ученіе меркантилистовъ, политическія ученія Гоббса, Макіавелли и друг. и заимствованное у Аристотеля понятіе о *πολιτεια*, т.-е. о полиціи, понимаемой однако не какъ *обязанность*, а какъ *регалія* и *право* абсолютной власти,— все это давало опору для такой дѣятельности этой власти и ея органовъ, которая привела наконецъ къ созданію, такъ-называемаго, полицейскаго государства. Реакція противъ такого порядка обнаружилась въ ученіяхъ Гуго Гроція объ естественномъ правѣ, Христіана Вольфа—объ евдемонизмѣ и въ ученіяхъ противниковъ меркантилизма. На почвѣ этихъ ученій выработалось представленіе о просвѣщенномъ абсолютизмѣ, которому поставлено было въ *обязанность* попеченіе объ общемъ благѣ и попеченію этому начертаны опредѣленныя границы и средства, сдѣлавшіяся предметомъ анализа во вновь возникшей наукѣ о полиціи. Періодъ конституціонализма ознаменовывается господствомъ ученій физіократовъ, Ад. Смита и его школы—въ сферѣ хозяйственной, ученіями Монтескьё о раздѣленіи властей, Руссо объ общественномъ договорѣ и Констана о парламентаризмѣ — въ сферѣ политической и ученіями Моля и Гнейста о правовомъ государствѣ — въ сферѣ юридической. Въ теченіе почти всего этого періода вниманіе теоріи и практики сосредоточивается преимущественно на государственномъ устройствѣ, на образованіи государственной воли. Въ политическихъ формахъ, въ соотношеніи властей, въ такъ-называемомъ парламентаризмѣ ищутъ обезпеченія для политико-гражданскихъ правъ, потерпѣвшихъ въ періодъ абсолютизма. На смѣну земельной аристократіи, въ качествѣ господствующаго класса, явилась буржуазія съ ея цензомъ, акцизомъ и свободой конкуренціи. На смѣну науки о полиціи явилась наука полицейскаго права, пытавшаяся правовыми нормами опредѣлить границы, формы и средства полицейской дѣятельности органовъ правительства. Въ настоящее время обозначились уже нѣкоторыя существенныя черты новаго историческаго періода. Вопросы государственнаго устройства перестаютъ быть предметомъ преимущественнаго вниманія, уступая мѣсто вопросамъ государственнаго управленія, вслѣдствіе чего ученіемъ объ управленіи или наукой административнаго права вытѣсняется наука полицейскаго права, причемъ особенной разработкѣ подвергаются вопросы объ органахъ управленія при совмѣстной дѣятельности правительства и общества, объ административной юстиціи, объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и т. п.; въ сферѣ же общественно-хозяйственной на смѣну ученія Ад. Смита и его школы высту-

паетъ новое ученіе, какъ основа для новой внутренней хозяйственной политики, благопріятной интересамъ рабочаго класса.

Изъ предложенной краткой характеристики историческихъ періодовъ видно, что современное, широковѣтвистое у вершины дерево внутренняго управленія — весьма молодое, простирающее свои корни не далѣе какъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ. Но, кромѣ того, необходимо замѣтить, что только въ настоящее время всѣми сознается тѣсное взаимодѣйствіе между государственнымъ устройствомъ и государственнымъ управленіемъ, а пока выработалось это сознаніе, благодаря въ значительной степени трудамъ Гнейста и горькому опыту конституціонной Пруссіи въ 50-хъ годахъ этого столѣтія,—исторія послѣднихъ ста лѣтъ представляетъ два рѣзко различныхъ момента соотношенія между этими двумя сферами. Первый моментъ, какъ указано уже выше, характеризуется сосредоточеніемъ вниманія теоріи и практики на вопросахъ государственнаго устройства безъ связи съ внутреннимъ управленіемъ, представлявшимъ царство бюрократіи. Второй моментъ наступилъ лишь въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, когда, подъ вліяніемъ ученій Моля о правовомъ государствѣ, Гнейста о самоуправленіи и Лоренца Штейна о внутреннемъ управленіи и исполнительной власти, вниманіе сосредоточилось преимущественно на вопросахъ государственнаго управленія.

Наконецъ, почти параллельно съ только-что указаннымъ развитіемъ соотношенія между государственными устройствомъ и управленіемъ, вырабатывалось и соотношеніе между судомъ, администраціей и полиціей. Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго столѣтія учредительное собраніе во Франціи, отдѣливъ судебную власть отъ административной, полагало въ то же время поставить въ судебной власти противовѣсъ королевскому абсолютизму. Этимъ вызвано было чрезвычайное усиленіе этой власти, выразившееся постояннымъ вмѣшательствомъ ея въ дѣла администраціи и даже законодательства. Послѣдующими узаконеніями стремились исправить замѣченную ошибку, но создали при этомъ новую, поставивъ администрацію въ столь независимое положеніе отъ суда, что не только для преданія суду органовъ администраціи, но даже и для суда надъ ними созданы были особыя судилища. Наконецъ, только въ новѣйшее время обѣ крайности устранены были тѣмъ положеніемъ, ожидающимъ пока своего повсемѣстнаго осуществленія, что общіе суды судятъ должностныхъ лицъ на общемъ основаніи, для опредѣленной же категоріи дѣлъ, такъ-называемой, административной юстиціи должны существовать особые административные суды, защищающіе законные интересы, которые могутъ быть нарушены дѣятельностью администраціи, и наблюдающіе за полнымъ согласіемъ между сферами законодательною и исполнительною, или административною. Что же касается полиціи, то отъ нея постепенно отняты были всѣ самостоятельныя судебныя функціи, которыя прежде отправлялись ею, и въ отношеніи къ юстиціи она получила значеніе лишь

служебнаго органа. Но позднѣе, главнѣйшимъ образомъ подъ давленіемъ политическихъ смутъ и присущаго полиціи стремленія къ самовластію, полицію опять начали снабжать аттрибутами судебной власти въ интересахъ будто бы безопасности, но въ явный ущербъ правосудію и условіямъ политико-гражданской свободы. Полицейская ссылка, неправильно называемая административною, разнаго рода полицейскія взысканія, также неправильно называемыя административными, разнообразныя чрезвычайныя полицейскія судилища, многими ошибочно отождествляемыя съ административными судами, предоставлены были полиціи, какъ полицейскія мѣры безопасности не только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, на опредѣленный срокъ и съ установленіемъ опредѣленныхъ гарантій, но и, вообще, безсрочно и безконтрольно. Несмотря на очевидную несообразность такого порядка, однако и тутъ сравнительно только недавно, послѣ замѣчательныхъ изслѣдованій Гнейста и Штейна о полиціи въ Англіи, непригодность и даже опасность такого порядка сдѣлались въ теоріи аксіомой, на практикѣ же онъ сохраняется только тамъ, гдѣ произволъ и самовластіе сдѣлались излюбленными стихіями близорукой бюрократіи, живущей изо дня въ день, безъ помысловъ о будущемъ.

Этимъ краткимъ предисловіемъ отчасти опредѣляются уже достоинства и значеніе книги В. П. Безобразова, озаглавленной «Государство и общество. Управленіе, самоуправленіе и судебная власть». Книга эта составилась изъ статей, написанныхъ авторомъ въ промежутокъ времени съ 1859—1881 гг. и почти всецѣло посвященныхъ тѣмъ вопросамъ внутренняго управленія, которые находились въ тѣсной связи съ великими реформами прошлаго царствованія, такъ что въ статьяхъ этихъ какъ бы отразилось историческое движеніе вопросовъ о нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ за весь позднѣйшій двадцатилѣтній періодъ переустройства ихъ. Періодъ этотъ самъ авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «реформы шли сперва (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) весьма поспѣшнымъ, почти стремительнымъ шагомъ, и потомъ развивались съ разными перерывами и подъ весьма противоположными вліяніями до самаго недавняго времени. Эти реформы не были связаны никакою общею руководящею идеей. Подъ руководствомъ весьма разнообразныхъ дѣятелей и, въ особенности, разнородныхъ исполнителей, преобразованія мѣстнаго управленія сталкивались и перекрещивались между собою, и всѣ они привели только къ одному общему всѣмъ имъ результату—къ разрушенію прежней системы мѣстной администраціи».

Насколько богато и разнообразно содержаніе книги, объ этомъ можно судить по оглавленію ея, въ которомъ, кромѣ предисловія, перечислены слѣдующія статьи: «I—Наканунѣ реформы; II—Сословные интересы; III—Аристократія и интересы дворянства; IV—Манифестъ 19 февраля 1861 года; V—Наблюденія надъ дѣйствіемъ новыхъ крестьянскихъ учрежденій; VI—Мировыя посредническія учрежденія; VII—Будущность

крестьянскихъ учрежденій; VIII—Мысли о дѣйствующихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и о будущемъ ихъ устройствѣ; IX—Мировая судебная власть; X—Замѣтка о дѣятельности земства; XI—Земскія учрежденія и самоуправленіе; XII—Характеристики государственной жизни Англіи и Франціи и XIII—Разныя замѣтки». Всѣ эти статьи, какъ говоритъ самъ авторъ, не имѣютъ никакого научнаго значенія и въ нихъ не преслѣдуется никакой чисто теоретической цѣли, во всей же книгѣ, «составленной почти исключительно изъ личныхъ наблюденій и размышленій надъ нашими мѣстными учрежденіями, по необходимости отразилось все ихъ недавнее прошлое, прямымъ результатомъ котораго было ихъ настоящее положеніе. Только изъ того прошлаго можно понять настоящее, чтобы вѣрно идти къ будущему,—къ переустройству мѣстнаго управленія на основаніи практическихъ нуждъ самой мѣстной жизни, а не на основаніи отвлеченныхъ требованій теоріи или канцелярскихъ бюрократическихъ соображеній, тѣхъ и другихъ чуждыхъ потребностямъ дѣйствительной народной жизни».

Въ краткомъ предисловіи авторъ излагаетъ, между прочимъ, свои основныя воззрѣнія на управленіе о самоуправленіе, которыя сводятся къ тому, что «чѣмъ шире развиты элементы мѣстнаго самоуправленія, чѣмъ болѣе самостоятельны его органы, чѣмъ болѣе его начала господствуютъ въ мѣстной администраціи, тѣмъ строже и тѣснѣе они должны входить въ общій строй государственнаго управленія и тѣмъ менѣе возможно раздвоеніе властей». Вмѣстѣ съ тѣмъ «никакіе вопросы—ни теоретическіе, ни практическіе—о государственномъ управленіи, или о такъ-называемой исполнительной (лучше распорядительной) власти и, въ особенности, вопросы объ органахъ самоуправленія не могутъ быть оторваны отъ вопросовъ о судебной власти вообще и объ административной юстиціи (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) въ частности. Правильное устройство послѣдней есть главное и могущественнѣйшее обезпеченіе законности въ управленіи и преимущественно въ самоуправленіи». Послѣ этого авторъ приходитъ къ заключенію, что «главную основу для всего строя мѣстной администраціи, преимущественно уѣздной, и для объединенія всѣхъ ея инстанцій приходится искать въ началѣ земскаго самоуправленія, и только въ немъ. Только управленіе проникнутое этимъ началомъ можетъ разрѣшить всѣ административныя задачи современнаго государства и только оно соотвѣтствуетъ строенію нашего общества (послѣ освобожденія крестьянъ) и всѣмъ историческимъ преданіямъ и инстинктамъ нашего народа».

Въ статьѣ «Наканунѣ реформы» указывается на то, что «Россія, хотя и гораздо медленнѣе, хотя и съ глубокими національными *отличіями* отъ всей западной, романо-германской Европы, шла, однако, однимъ и тѣмъ же съ нею историческимъ путемъ (по крайней мѣрѣ въ общемъ его направленіи) и встрѣтилась съ разрѣшеніемъ однихъ и тѣхъ же государственныхъ вопросовъ если еще не на почвѣ государственнаго устрой-

ства, то государственнаго управленія». Къ числу вышеупомянутыхъ отличій авторъ относитъ въ особенности тотъ фактъ, что «если подъ тяжестью всевластной приказной централизаціи, развившейся въ нашемъ государственномъ управленіи до такихъ чудовищныхъ крайностей, какъ нигдѣ въ Европѣ, у насъ уцѣлѣли болѣе, чѣмъ во всякой другой европейской странѣ, задатки земскаго самоуправленія, то только вслѣдствіе исконной внутренней мощи нашей деревенской общины». Но странно, что, замѣтивъ столь знаменательное, самобытное явленіе, авторъ пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, будто бы «къ наиболѣе энергическому самодѣятельному воздѣйствію на всѣ болѣзненныя и *въ особенности противугосударственныя* движенія въ обществѣ естественно-аристократическія стихіи способны всего болѣе на почвѣ самоуправленія», и при этомъ поясняется, что такія стихіи «наиболѣе густо собрались и накопились въ средѣ нашего дворянства какъ вслѣдствіе его историческихъ преданій, такъ и вслѣдствіе прилива къ нему лучшихъ соковъ изъ всѣхъ слоевъ общества». Не менѣе странно, что авторъ утверждаетъ, въ явное противорѣчіе дѣйствительности, будто бы предносившійся его мыслямъ двадцать лѣтъ тому назадъ «политическій и нравственный ростъ дворянства, съ его освобожденіемъ отъ ярма крѣпостнаго права, идеалъ дворянства, какъ естественной *земской* аристократіи, кажется, оправдались. Его главное призваніе къ государственной жизни, къ первенствующей роли въ самоуправленіи—осуществилось: оно съ честью исполнило эту роль во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ не только земскихъ, но даже городскихъ. Оно стояло все время впереди всѣхъ здоровыхъ успѣховъ этихъ учрежденій. Къ нему съ довѣріемъ примыкали въ этой дѣятельности лучшія силы отъ всѣхъ сословій и охотно уступали ему политическое и умственное водительство». Рядомъ съ этою, какъ видно, не опирающеюся на фактическія данныя, характеристикою значенія дворянства въ нашемъ отечествѣ слѣдуетъ отмѣтить еще, отчасти признаваемый самимъ авторомъ, оптимизмъ его общихъ экономическихъ воззрѣній.

Въ статьѣ «Сословные интересы» утверждается, между прочимъ, что «каковы бы то ни были умственные, гражданскіе и экономическіе успѣхи современнаго общества, наслѣдство крови далеко еще не потеряло въ немъ значенія, и родовыя и мѣстныя преданія быта отцовъ играютъ въ немъ еще весьма большую роль; ими обусловливается первоначальное воспитаніе; подъ *преимущественнымъ* вліяніемъ рожденія созидается судьба человѣка въ болѣе образованныхъ слояхъ общества и подъ его *исключительнымъ* вліяніемъ—въ массахъ народныхъ». Представивъ краткій очеркъ современнаго положенія сословій, преимущественно въ западноевропейскихъ государствахъ, но въ такой общности, что главныя его начала могутъ быть примѣнены ко всякому гражданскому обществу, авторъ останавливается на особенностяхъ нашего крѣпостнаго состоянія, которое, при отсутствіи юридическихъ опредѣленій, влекло за собою почти

беспримѣрное матеріальное насиліе. Что же касается средняго класса — мѣщанства, то слабое развитіе его составляетъ, по мнѣнію автора, совершенную особенность нашего общества, коренящуюся въ духѣ всѣхъ славянскихъ народовъ. Наконецъ, относительно пролетаріата авторъ замѣчаетъ, что у насъ его почти нѣтъ, «хотя это еще не значитъ, чтобъ у насъ не было бѣдности». Послѣ этого г. Безобразовъ приходитъ къ заключенію, что «у насъ собственно остаются двѣ существенныя группы— *помѣщики и крестьяне.* Но помѣщикъ, въ своемъ общественномъ, нравственномъ и экономическомъ значеніи, есть тотъ же земледѣлецъ, какъ и крестьянинъ. Помѣщичій классъ, какъ и вообще *аристократія*, есть высшая степень развитія *крестьянства.* Помѣщикъ—потенцированный крестьянинъ, по мѣткому выраженію Риля. Дѣйствительно, мы находимъ вездѣ самое теплое сочувствіе между этими элементами, — сочувствіе, какого нѣтъ между высшимъ мѣщанствомъ и крестьянами». Ссылаясь на примѣръ Англіи, авторъ полагаетъ, что крѣпостное право—единственная помѣха для полнаго развитія этихъ сочувственныхъ отношеній и съ отмѣною этого права «помѣщичій классъ перестанетъ помышлять о своихъ печальныхъ *вотчинныхъ* отношеніяхъ, а помыслитъ о своемъ высокомъ общественномъ призваніи». Однако, отмѣна крѣпостнаго права, какъ извѣстно, не оправдала оптимизма автора и большинство помѣщиковъ или совсѣмъ порвало всякія отношенія съ крестьянами, или же примкнуло къ среднему сословію въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Намъ кажется также не совсѣмъ вѣрнымъ заключеніе автора, будто бы въ помѣщикахъ и крестьянахъ слѣдуетъ видѣть охранительные элементы общества, а въ городскомъ классѣ и пролетаріяхъ — элементы общественнаго движенія,—западно-европейская мѣрка въ этомъ отношеніи едва ли пригодна для насъ.

Самая большая статья въ книгѣ, озаглавленная «Аристократія и интересы дворянства», дѣлится на слѣдующія V главъ: 1) историческій очеркъ аристократіи въ Европѣ; 2) естественные элементы неравенства и равенства въ обществѣ; 3) искуственная аристократія и искуственная демократія; 4) гражданская свобода и ея обезпеченія; 5) общія понятія о самоуправленіи и заключеніе. Одно уже заглавіе этой статьи, съ тою послѣдовательностью главъ, на которыя она раздѣлена, указываетъ на основныя воззрѣнія автора, по нашему мнѣнію, небезошибочныя главнѣйшимъ образомъ потому, что авторъ не совсѣмъ вѣрно опредѣляетъ сущность и значеніе общественнаго равенства. Сдѣлавъ очеркъ, съ одной стороны, всѣхъ главнѣйшихъ признаковъ и причинъ общественнаго неравенства и, съ другой стороны, главнѣйшихъ естественныхъ силъ общественнаго развитія, ему противодѣйствующихъ, В. П. Безобразовъ приходитъ къ заключенію, что всѣ неравенства сглаживаются равенствомъ свободы или «равенствомъ правъ на свободу и самобытность». Между тѣмъ какъ существо и основаніе общественнаго равенства заключаются

исключительно только въ свободѣ перехода изъ одного общественнаго класса въ другой, т.-е. въ отсутствіи какихъ-либо стѣнъ или перегородокъ между этими классами, соединяемыми въ одномъ общемъ понятіи объ одномъ цѣломъ народѣ. Точно также трудно согласиться съ характеристикой автора двухъ противоположныхъ другъ другу направленій, «которыми раздѣляются между собою всѣ политическія системы». «Одно (направленіе),—говоритъ онъ,—желаетъ закрѣпить общественное *неравенство*, сосредоточить всѣ общественныя преимущества въ извѣстныхъ, постановленныхъ закономъ, границахъ, въ извѣстныхъ классахъ общества, и стѣснить развитіе причинъ, противодѣйствующихъ преобладанію этихъ преимуществъ. Другое направленіе желаетъ водворить общественное *равенство*, сгладить всѣ существующія между людьми преимущества и стѣснить причины, ихъ образующія. Одно направленіе создаетъ или охраняетъ привилегіи и монополіи въ пользу извѣстныхъ классовъ, сословій и корпорацій; другое—создаетъ государственныя учрежденія для опеки народныхъ массъ, бюрократическую или полицейскую централизацію, вызываетъ нерѣдко самыя насильственныя государственныя мѣры уравненія (такъ-называемаго нивелированія) имуществъ и воспитанія людей». Но какъ не существуетъ въ настоящее время перваго направленія въ столь рѣзкой формѣ, потому что всѣ современныя общественныя условія устраняютъ возможность ея, такъ и второе направленіе нисколько не связано неразрывно съ созданіемъ государственныхъ учрежденій для опеки народныхъ массъ и т. п. Достаточно сослаться на примѣръ аристократической Англіи и демократической Америки, гдѣ мы не находимъ ни стремленія сосредоточить *всѣ* общественныя преимущества въ одномъ классѣ, ни бюрократической и полицейской централизаціи. Наконецъ, нельзя не отнести къ разряду ошибочныхъ обобщеній, и притомъ неудачно формулированныхъ, то положеніе, что «казна—такой же дурной хозяинъ въ производствѣ умственнаго богатства, какъ и матеріальнаго». Но рядомъ съ этими и нѣкоторыми другими, какъ намъ кажется, спорными положеніями статья преизобилуетъ множествомъ мѣткихъ замѣчаній и удачныхъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, говоря о чрезмѣрной правительственной опекѣ, авторъ говоритъ объ отдѣльномъ человѣкѣ по аналогіи съ цѣлымъ обществомъ, что «необычайныя обстоятельства и потрясенія жизни могутъ вывести человѣка, выросшаго подъ присмотромъ крайняго попечительства, изъ его умственнаго усыпленія; необычайныя природныя дарованія и энергія могутъ пробиться наружу и заставить человѣка освободиться отъ ига опеки, на него наложеннаго; но можно безъ преувеличенія сказать, что большая часть людей, состоящая, безъ сомнѣнія, изъ людей смирныхъ и посредственныхъ, воспитанная по такой системѣ, подчинится и не проснется, а если проснется, то только для того, чтобы накуралесить разной безтолковщины и произвести безсмысленную смуту въ обществѣ». Относительно либеральнаго направленія, разумно

понимаемаго, авторъ замѣчаетъ, что «разумная и искренняя либеральная политика примиряетъ собою всѣ крайности общественныхъ отношеній и столкновенія сословій и даетъ единственную прочную почву для разрѣшенія общественныхъ или соціальныхъ вопросовъ, поставленныхъ идеями новѣйшаго времени». Говоря о крестьянахъ, авторъ указываетъ на то, что «русскій крестьянинъ всѣми своими нравственными и экономическими инстинктами стремится къ положенію *крестьянина-собственника земли*», а потому «безумно было бы разлучать его съ нею». Наконецъ, излагая свой взглядъ на внутреннюю политику, г. Безобразовъ ставитъ цѣлый рядъ положеній, съ которыми нельзя не согласиться отчасти, а именно, что «государственный человѣкъ долженъ знать, куда онъ идетъ, иначе ему не помогутъ никакія свѣдѣнія и никакое безкорыстіе. Но эти руководящія начала государственнаго дѣла и администраціи вырабатываются не въ занятіяхъ какимъ-либо спеціальнымъ искусствомъ или ремесломъ,—они почерпаются въ совокупной жизни общества, въ общемъ запасѣ его образованности и нравственныхъ понятій». При совершенномъ же отсутствіи всякихъ руководящихъ началъ въ управленіи и при отсутствіи въ государственныхъ людяхъ всякихъ убѣжденій, «надъ ними получаютъ обыкновенно власть корыстные интересы и животные инстинкты: эти люди легко могутъ быть увлекаемы по всѣмъ направленіямъ, и въ этихъ направленіяхъ, при отсутствіи всякой открытой нравственной борьбы убѣжденій, получаетъ перевѣсъ такое оружіе закулисной, мелкой борьбы интригъ, за которое мы, съ нашими убѣжденіями, не можемъ взяться.... Государственное дѣло и администрація перестаютъ быть ремесломъ и промысломъ въ системѣ управленія, построеннаго на началахъ *самоуправленія*, то-есть когда публичные дѣятели страны на разныхъ ступеняхъ власти призываются къ дѣлу въ силу убѣжденій, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, подъ контролемъ лучшихъ, то-есть самыхъ образованныхъ и самостоятельныхъ его представителей, когда они отвѣтствуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ судомъ закона и въ своихъ убѣжденіяхъ предъ судомъ гласности. Тогда публичная дѣятельность не только въ самыхъ высшихъ сферахъ, но и на самыхъ низшихъ ступеняхъ, въ должности мироваго судьи и сельскаго старосты, является не ремесломъ и промысломъ, а лучшимъ украшеніемъ гражданской жизни, лучшимъ ея цвѣтомъ. Какія бы ни были побужденія такой дѣятельности — честолюбіе, властолюбіе, тщеславіе,—они неизмѣримо плодотворнѣе и безопаснѣе для общества, они неизмѣримо чище и нравственнѣе, чѣмъ побужденія, руководящія *политическимъ и административнымъ ремесломъ*, заставляющія свободнаго мыслителя притворяться святошей, филантропа—упражняться въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, либерала—наполнять крючками цензурные уставы, экономиста — регламентировать таксами промышленность и выпускать бумажныя деньги съ насильственнымъ курсомъ.... Кромѣ того, вліяніе сильныхъ людей, безъ которыхъ

не можетъ обойтись никакая бюрократія, есть вліяніе отдѣльныхъ личныхъ интересовъ, прихотей и притязаній; въ самоуправленіи же вліяніе сильныхъ людей или аристократіи есть корпоративное вліяніе цѣлой общественной группы, въ которой внутреннее взаимное соревнованіе членовъ и постоянное соприкосновеніе и треніе съ прочими классами общества представляютъ несравненно болѣе обезпеченія противъ самовластія отдѣльныхъ личностей и грубыхъ и исключительныхъ личныхъ интересовъ».

Статья по поводу манифеста 19-го февраля 1861 г. интересна не столько по содержанію, сколько по формѣ, въ которой отразился восторгъ, вызванный этимъ великимъ законодательнымъ актомъ въ лучшей части нашего общества. Слѣдующая же статья, которая составилась изъ восьми писемъ, посвященныхъ наблюденіямъ надъ дѣйствіемъ новыхъ крестьянскихъ учрежденій, необыкновенно интересна именно по содержанію. Каждое изъ этихъ писемъ, написанныхъ на мѣстѣ, въ деревнѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій въ сферѣ мѣстнаго управленія, слѣдовавшихъ непосредственно за обнародованіемъ «Положенія 19-го февраля», крайне поучительно для настоящаго времени, чтобы выяснить, что было ошибочно съ самаго начала и что сдѣлалось негоднымъ только теперь, послѣ систематическихъ искаженій. Въ первомъ письмѣ говорится о мировыхъ посредникахъ и констатируется тотъ фактъ, что «тревожное состояніе умовъ (въ деревнѣ послѣ 19-го февраля) миновало со вступленіемъ въ должность мировыхъ посредниковъ. Съ этой поры наступилъ рѣшительно новый періодъ въ деревенской жизни. Явилась новая власть, къ которой всѣ обратились съ полнымъ довѣріемъ: и крестьяне, и помѣщики». Въ слѣдующемъ письмѣ авторъ сѣтуетъ на замедленіе въ образованіи волостнаго правленія и волостнаго суда, въ которыхъ онъ видитъ «необходимыхъ охранителей міра», о мировыхъ же посредникахъ отзывается какъ о «сѣмени всего нашего государственнаго возрожденія», а уѣзднымъ мировымъ съѣздамъ онъ желалъ бы придать значеніе «органа общественнаго и взаимнаго контроля надъ дѣйствіями посредниковъ и самаго естественнаго публичнаго средоточія для всей мѣстной дѣятельности по крестьянскому вопросу». Въ третьемъ письмѣ повѣствуется о состоявшемся уже наконецъ волостномъ сходѣ и объ открытіи волостнаго правленія. Но, повидимому, народъ на первыхъ же порахъ отнесся не особенно сочувственно къ этой новинкѣ, какъ это можно заключить изъ замѣчанія одного изъ участниковъ схода: «Коли на всякій сходъ мы будемъ сутки тратить, такъ чортъ ли въ нихъ въ новыхъ-то порядкахъ». Выборъ старшины начинается слезными просьбами одного изъ кандидатовъ не выбирать его на эту должность, заключается же онъ замѣчаніями выборщиковъ относительно избраннаго, что онъ разжирѣетъ на новой должности, ихъ карманами богатъ будетъ и зазнается. Назначеніе жалованья старшинѣ также не обходится безъ горькихъ за-

мѣчаній, и даже форма закрытой подачи голосовъ при баллотировкѣ непонравилась крестьянамъ. Въ 4 письмѣ повѣствуется объ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ, о которомъ авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «и сходъ (волостной), и съѣздъ можно одинаково назвать *сходкой*, ибо и тотъ, и другой скорѣе представляли картину сходки, нежели правильно организованнаго собранія; на сходѣ, однако, чувствовалась какая-то внутренняя, бытовая организація,—та связь обрядовъ, преданій, привычки дѣйствовать сообща, которая, въ случаѣ надобности, можетъ заявить себя и внѣшнею организаціей, которая легко можетъ выработаться подъ вліяніемъ новыхъ потребностей и которая вовсе не чувствовалась на съѣздѣ». Далѣе же авторъ замѣчаетъ, что «нужно имѣть сильный запасъ бюрократическаго духа, которымъ, конечно, заражены у насъ не одни чиновники, чтобы сдѣлать изъ этого прекраснаго учрежденія приказную избу». Но такой запасъ, какъ извѣстно, оказался въ преизбыткѣ, а въ югозападномъ краѣ, съ его казенными мировыми посредниками, уѣздные съѣзды этихъ посредниковъ представляютъ собою одно изъ самыхъ жалкихъ явленій въ области мѣстнаго управленія. Авторъ заключаетъ это письмо указаніемъ на то, что «весьма полезно было бы приглашать на мировые съѣзды всѣхъ волостныхъ старшинъ, которые своими объясненіями облегчили бы многія сужденія». Губернскій съѣздъ характеризуется въ 5-мъ письмѣ какъ безпорядочное собраніе, въ которомъ царствуетъ хаосъ. «При каждомъ вопросѣ,—говоритъ очевидецъ-авторъ,—нѣсколько человѣкъ принимались говорить въ одно время, и затѣмъ собраніе распадалось на множество группъ собесѣдниковъ. При этомъ поднимался такой шумъ, что при самомъ усиленномъ желаніи прислушаться къ какому-нибудь мнѣнію не было возможности разобрать ни одного слова. Приходилось каждому изъ присутствовавшихъ, чтобы вынести что-нибудь изъ этого собранія, примкнуть къ разговору сосѣдей; въ нѣкоторыхъ группахъ происходили весьма жаркіе споры, но интересные только для самихъ участниковъ. Признаюсь, что въ нашемъ волостномъ сходѣ было, безъ всякаго преувеличенія, гораздо болѣе порядка въ сужденіяхъ». Въ концѣ письма авторъ приходитъ къ заключенію, что, «какъ центръ для помѣщиковъ и для развитія общественнаго мнѣнія, уѣздный мировой съѣздъ кажется болѣе удобнымъ, чѣмъ губернскій; на первыхъ порахъ новаго порядка желательно, чтобъ укрѣпились и созрѣли самые мелкіе земскіе круги, прежде нежели возникнутъ болѣе крупные». Волостной судъ, о которомъ говорится въ 6 письмѣ, также, повидимому, не снискалъ себѣ на первыхъ порахъ особеннаго расположенія крестьянъ, судя по тому, что «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне выражали желаніе продолжать свой судъ всѣмъ міромъ». Въ 7 письмѣ говорится о подписаніи и введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты въ имѣніи автора и приводится, между прочимъ, слѣдующій очень характерный разговоръ между авторомъ-помѣщикомъ и крестьянами:

«— Теперь я заведу больницу, — говорю я крестьянамъ, — выстрою избу и приставлю къ ней сидѣлку; пусть всякій больной и идетъ въ эту избу.

— А мы не пойдемъ въ вашу больницу,—отвѣчаютъ крестьяне (воодушевившись до полной откровенности посреди угощенія послѣ подписанія грамоты),—на своей печи, въ своей хатѣ лежать вольготнѣе. Конца все равно не убѣжишь въ больницѣ, или у себя на дому.

— А я все-таки заведу больницу.

— Заводите,—пусть себѣ стоитъ порожняя; вреда намъ отъ нея не будетъ».

Наконецъ, въ 8 письмѣ авторъ приводитъ очень интересный разговоръ съ однимъ изъ своихъ *скучающихъ* сосѣдей-помѣщиковъ, а такихъ помѣщиковъ, какъ извѣстно, расплодилось потомъ цѣлое множество, тогда какъ, одновременно съ зарожденіемъ этой послѣреформенной категоріи помѣщиковъ, въ крестьянской средѣ, по свидѣтельству автора, замѣчалось чрезвычайное оживленіе, быстро возраставшее. Письмо это авторъ заключаетъ слѣдующими словами: «Одинъ пріятель говорилъ намъ, что послѣ подписанія уставной грамоты, составленной по добровольному соглашенію и развязавшей его окончательно съ крестьянами, которые сдѣлались крестьянами-собственниками, послѣдніе сказали ему: «Теперь ты у насъ будешь *первый!*»—Желаемъ отъ души, чтобъ это предреченіе сбылось во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; уповаемъ, что оно сбудется во многомъ». Упованіе это, очевидно, не сбылось и, быть-можетъ, не къ худшему...

Въ статьѣ «О мировыхъ посредническихъ учрежденіяхъ» В. П. Безобразовъ видитъ въ этой должности «зародышъ преобразованія всей мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія». «Мировыя учрежденія,— говоритъ онъ,—дороги намъ не только тѣмъ, что они уже стали, а *въ особенности тѣмъ, чѣмъ они могутъ стать*». Нельзя не пожалѣть, прочитавъ эту статью, что въ книгѣ В. П. Безобразова мы не находимъ никакой оцѣнки уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, замѣнившихъ собою институтъ мировыхъ посредниковъ, столь обстоятельно изученный авторомъ. При совмѣстномъ изученіи этихъ обоихъ учрежденій, неудача ихъ не найдетъ ли себѣ объясненія въ словахъ, сказанныхъ авторомъ въ другомъ мѣстѣ той же книги и по другому поводу, что «сверхъ законовъ, учрежденій и ихъ дѣятельности, нужны извѣстныя понятія, нравы и обычаи въ самой общественной сферѣ, а все это лишь настолько зависятъ отъ законодателей и правительствъ, насколько отъ нихъ зависятъ успѣхи народнаго воспитанія и образованія?...»

Въ статьѣ «О будущности крестьянскихъ (сельскихъ) учрежденій» авторъ высказывается за созданіе безсословной мелкой земской единицы, и такою единицей, по его мнѣнію, долженъ бы быть приходъ. Статья эта, написанная въ 1863 году, т. е. всего два года послѣ вышеприведен-

ныхъ писемъ, носитъ уже отпечатокъ пессимизма. «Должность волостнаго старшины, — говоритъ авторъ,—есть единственная должность, нѣсколько привлекающая къ себѣ честолюбивыхъ крестьянъ; на всѣ остальныя они смотрятъ какъ на самую горькую для себя участь, и они совершенно правы». Относительно же почета, которымъ пользуется старшина, авторъ замѣчаетъ, что «этотъ почетъ должно скорѣе назвать *силой*, нежели почетомъ, которымъ и безъ того пользовались мочные крестьяне, избранные въ эту должность; притомъ же блескъ, окружающій это званіе, начинаетъ быстро меркнуть». Далѣе, констатировавъ тотъ фактъ, что волостные старшины превратились въ чиновниковъ, въ худшемъ смыслѣ этого слова, авторъ говоритъ, что волости и волостныя правленія должны бы быть вовсе упразднены, а дѣла ихъ переданы приходамъ, *мировымъ судьямъ* и сельскимъ обществамъ. Судя по этой ссылкѣ на мировыхъ судей, можно придти къ заключенію, что эта статья подверглась нѣкоторой позднѣйшей переработкѣ, такъ какъ въ 1863 году, когда написана она, мировыхъ судей еще не было.

Въ слѣдующей статьѣ, озаглавленной «Мысли о дѣйствующихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и о будущемъ ихъ устройствѣ», пессимизмъ автора въ отношеніи къ крестьянскимъ учрежденіямъ возрастаетъ и въ то же время пробуждаются надежды на улучшеніе отъ введенія земскихъ учрежденій при «возможно полной эмансипаціи уѣзда отъ губерніи».

Статья о «Мировой судебной власти» обнаруживаетъ въ авторѣ сторонника соединенія въ одномъ лицѣ должностей мироваго посредника, мироваго судьи и начальника мѣстной полиціи, «идеалъ же чисто судебной власти могъ осуществляться въ мировомъ институтѣ въ лицѣ почетныхъ мировыхъ судей, которые составляютъ весьма важную составную часть мировыхъ учрежденій». Статья эта, весьма обширная, также представляетъ большой интересъ, нося слѣды основательнаго знакомства не только съ теоріей, но и съ практикой изслѣдуемаго предмета.

«Замѣтка о дѣятельности земства», написанная, какъ говоритъ авторъ, съ цѣлью защитить земскія учрежденія отъ нападокъ, могла бы быть, намъ кажется, выпущена, въ виду слѣдующей статьи о «земскихъ учрежденіяхъ и самоуправленіи», гдѣ о томъ же предметѣ трактуется болѣе обстоятельно и, прибавимъ, болѣе объективно. Относительно возникновенія этихъ учрежденій авторъ замѣчаетъ, что «въ то время, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, посреди смутныхъ стремленій и безотчетныхъ желаній нашего общества, было нужно сдѣлать *что-нибудь* *), чтобы насытить эти желанія; это и было сдѣлано съ полнымъ успѣхомъ». Относительно же практики этихъ учрежденій повѣствуется, между прочимъ, что при отсутствіи правильно организованной «судебно-ад-

---

*) „Il faut faire quelque chose“, какъ типично выражались тогда нѣкоторые передовые наши бюрократы.

министративной юрисдикціи» (т.-е. административныхъ судовъ), учрежденія эти не подчинены правильному контролю, отличающему закономѣрное управленіе отъ «бюрократическаго или приказнаго» *) и они *не введены въ общую систему нашего государственнаго управленія*. Главная же и великая заслуга земскихъ учрежденій, которая останется за ними навсегда въ нашей государственной исторіи, заключается, по мнѣнію В. П. Безобразова, «въ началѣ *безсословности*, въ началѣ земскомъ, внесенномъ, или, лучше, возрожденномъ ими въ *государственномъ устройствѣ нашего общества*». Указывая на необходимость улучшеній въ организаціи земскихъ учрежденій, авторъ приходитъ къ заключенію, что представители земства должны быть призваны къ участію «въ правительственныхъ работахъ по этой части».

«Характеристики государственной жизни въ Англіи и Франціи», составившіяся изъ отрывковъ сочиненія В. П. Безобразова «Война и революція», которое было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1871—1875 гг., хотя и представляютъ значительный интересъ вообще, но едва ли онѣ по праву вошли въ сборникъ вышеразобранныхъ статей, такъ какъ онѣ и малосамостоятельны, и имѣютъ весьма отдаленное отношеніе къ вопросамъ о нашемъ мѣстномъ управленіи.

Что же касается «Разныхъ мелкихъ замѣтокъ», то, будучи вызваны разными событіями текущей общественной жизни, онѣ отчасти утратили уже свое значеніе, отчасти же отдѣльныя положенія ихъ рѣшительно расходятся съ дѣйствительностью, какъ, напримѣръ, утвержденіе, будто бы отличительное свойство нашего дворянскаго сословія отъ всѣхъ западноевропейскихъ привилегированныхъ сословій заключается въ томъ, что «лучшіе и самые яркіе его представители всегда шли впереди всякаго здраваго политическаго движенія страны, впереди отмѣны всякихъ привилегій, стѣснительныхъ или обидныхъ для другихъ сословій, впереди всѣхъ успѣховъ Россіи». Однако ближайшее знакомство съ исторіей убѣждаетъ въ томъ, что у всѣхъ народовъ «лучшіе представители» всѣхъ сословій, а не одно только русское дворянство, шли впереди «здороваго политическаго движенія страны», отъ притязанія же на признаніе этого качества за исключительную принадлежность русскаго дворянства слѣдовало бы, намъ кажется, отказаться русскому дворянину въ ожиданіи суда безпристрастной исторіи.

И. Тарасовъ.

---

*) Т.-е. управленіе по законамъ и чрезъ законы отъ управленія по предписанію и чрезъ предписаніе.

Иностранная библіографія.

Всеобщая исторія. Ведическая Индія. *Маріуса Фонтана* (**Histoire universelle.** Inde Védique. *Marius Fontane*).

Одинъ изъ парижскихъ издателей, Альфонсъ Лемерръ, поручилъ Маріусу Фонтану написать «Всеобщую исторію», предназначенную для обширнаго круга читателей и соотвѣтствующую современнымъ успѣхамъ исторической науки. Весь трудъ долженъ заключать въ себѣ шестнадцать томовъ. До настоящаго времени вышли три (томъ второй—«Иранцы», томъ третій—«Египтяне»).

Съ арійцевъ Фонтанъ начинаетъ свою всемірную исторію потому, что для современныхъ европейцевъ, потомковъ этой расы, ея судьба представляетъ, конечно, особую важность.

Съ перваго гимна «Ригъ-Веды», съ самаго начала національной жизни арійцевъ къ сѣверо-востоку отъ Инда, они обладаютъ уже семьей и племенныкъ единствомъ. Арійская семья не велика: она захватываетъ только мужа—отца, жену—мать и дѣтей. Мужъ—глава семейства, господинъ, *пати*; но женщина занимаетъ высокое положеніе и вовсе не находится въ подчиненіи у мужчины. Мать называется *митри*, то-есть распредѣлительница; сынъ—*сута* и *суну*, рожденный и ученикъ (отца). Бракъ заключается по взаимному согласію дѣвушки и молодаго человѣка. Женщина участвуетъ въ богослуженіи, хотя главная роль остается при этомъ за мужчиной, за отцомъ, который и жертвоприноситель, и пѣвецъ. Дѣти наслѣдуютъ послѣ отца и матери, но отецъ можетъ лишить сына части или всего наслѣдства. Фонтанъ такъ характеризуетъ арійцевъ этой эпохи: «Мужчины энергичны, терпѣливы, трудолюбивы; ихъ страсти живы, но большой умъ умѣряетъ ихъ жаръ; они знаютъ, чего стоитъ грубое животное удовольствіе. Уважая уже мать въ дѣвушкѣ, арійцы не обнаруживаютъ и не заявляютъ своихъ желаній иначе, чѣмъ въ формѣ нѣжной надежды, и т. д. Это идиллическое описаніе имѣетъ основаніемъ многія мѣста въ «Ведахъ», но, представленное какъ общій выводъ, оно грѣшитъ, разумѣется, преувеличеніемъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что у арійцевъ были рабы.

Въ «Ригъ-Ведѣ» нигдѣ не говорится о городахъ. Отдѣльныя свободныя семьи соединялись въ свободныя сельскія общины. Не было ни князей, ни священниковъ. Фонтанъ говоритъ, что современная Индія сохранила подобную организацію, и въ ней многіе видятъ залогъ счастливаго будущаго страны. Многочисленные ирригаціонные каналы свидѣтельствуютъ, что свободная сельская община была способна къ весьма серьезнымъ хозяйственнымъ улучшеніямъ.

Въ деревняхъ жили и ремесленники, въ числѣ которыхъ бывали женщины. Въ каждой сельской группѣ аріецъ добровольно исполнялъ опредѣленныя общественныя обязанности, не жертвуя ни малѣйшею частицей своей личной независимости. Между членами общины существовала какъ бы братская связь. Среди населенія различаются только два класса: поэты, пѣвцы, барды, съ одной стороны, и весь народъ, съ другой стороны. Пѣвцы обыкновенно имѣютъ и отцовъ, также слагавшихъ и пѣвшихъ гимны; но нѣтъ еще никакихъ іерархическихъ правилъ, и каждый аріецъ можетъ стать пѣвцомъ.

Но вотъ возникаетъ торговля съ людьми другой общины, другаго племени, и въ общественный строй вводится стремленіе къ наживѣ, экономическое неравенство. Долгое время, однако, слово *купецъ* возбуждаетъ презрѣніе арійца. Священники мало-по-малу образуютъ сословіе, богослуженіе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе публичный характеръ, обставляется множествомъ обрядовъ, лишается своего первоначальнаго характера, какъ свободнаго акта семьи. Проходитъ время, про которое Фонтанъ говоритъ слѣдующее: «Совершенное равенство существуетъ между всѣми. Имѣетъ преимущество только мысль, имѣетъ авторитетъ только слово» (стр. 123).

Положимъ, что эти слова рисуютъ отдаленное прошлое арійцевъ въ черезчуръ розовыхъ краскахъ; несомнѣнно, однако, что дальнѣйшее развитіе жизни внесло въ общественный строй нашихъ предковъ много несправедливаго, жестокаго и нелѣпаго. Племена увеличились въ числѣ и потеряли живую способность самоуправленія. Они группируются теперь вокругъ *раджи*, который окружаетъ себя блескомъ и пріобрѣтаетъ деспотическую власть. Надъ раджами подымается царь, большой царь, *магараджа*, и арійцы окончательно теряютъ личную свободу. Идутъ войны, въ которыхъ арійцы то побѣждаютъ, то остаются побѣжденными. Они смѣшиваются съ низшими племенами, что крайне печально отражается на ихъ правахъ, на ихъ религіи и поэзіи. Арійцы, уже злоупотреблявшіе спиртными напитками, пріобрѣтаютъ страсть къ азартнымъ играмъ. У нихъ появляется даже богъ игры. Священники придумали множество формальностей при заключеніи брачнаго союза. Они требуютъ теперь отъ женщины подчиненія волѣ сначала отца, потомъ мужа. Родители выдаютъ дочерей по собственному желанію за то или другое лицо. Любовь и нравственная чистота, подавленныя обрядностью и корыстными побужденіями, перестаютъ составлять отличительные признаки арійской семьи. Позднѣй-

шіе гимны говорятъ о необузданныхъ и грубыхъ страстяхъ, о глубокомъ паденіи общества.

Въ средѣ духовенства, которое вмѣстѣ съ царями во главѣ воиновъ захватило власть въ свои руки, обнаружился расколъ. Одна группа настаивала на томъ, что религія должна развиваться, что духовенство вѣчно должно стремиться къ истинѣ и проповѣдывать ее, по мѣрѣ ея достиженія. Средствомъ для этой цѣли служатъ наблюденіе и размышленіе. Но большинство приходило въ ужасъ отъ смѣлаго признанія столь великаго значенія мысли и настаивало на полномъ и безусловномъ подчиненіи авторитету мертвой обрядности и окаменѣвшаго догматизма. Восторжествовало большинство. Въ 800 году до Р. Х. ведическая Индія кончается и начинается Индія браминская.

Въ книгѣ Фонтана много интересныхъ подробностей о жизни, переселеніяхъ и борьбѣ арійцевъ съ другими племенами и между собою. Написана исторія ведической Индіи живымъ, яснымъ и точнымъ языкомъ. Мы не замедлимъ дать отзывъ о другихъ томахъ издаваемой Лемерромъ «Всеобщей исторіи».

Законы исторіи. *Луи Бенло* (**Les lois de l'histoire.** *Louis Benloew*, ancien doyen de la faculté des lettres de Dijon).

Сочиненія съ подобнымъ заглавіемъ всегда возбуждаютъ живое любопытство читателя, вслѣдствіе естественной потребности связать общими идеями разрозненныя свѣдѣнія, составить себѣ опредѣленное и законченное воззрѣніе на міръ. Но въ большинствѣ случаевъ чтеніе такихъ книгъ не даетъ искомаго удовлетворенія, не содѣйствуетъ въ сколько-нибудь значительной степени выясненію хода историческаго развитія человѣчества.

Авторъ вышесказаннаго сочиненія—бывшій французскій профессоръ, еврей по происхожденію. Послѣднимъ объясняется преувеличенная оцѣнка роли еврейскаго племени и нѣкоторыя другія, второстепенныя, особенности книги, на которыхъ мы не будемъ останавливаться.

Исторія рода человѣческаго,—говоритъ авторъ,—есть эволюція. Между обществомъ и человѣкомъ существуетъ, будто бы, полная аналогія. Чувствительность смѣняется волей, а затѣмъ господствомъ разума какъ у отдѣльнаго лица, такъ и въ человѣчествѣ, развитіе котораго распадается такимъ образомъ на три большихъ періода. Указанныя способности совершенствуются, благодаря существованію идеаловъ, и въ первомъ періодѣ господствуетъ идеалъ прекраснаго (греки съ ихъ предшественниками), во второмъ—идеалъ добра (высшее развитіе—Евангеліе), въ третьемъ и послѣднемъ—идеалъ истины. Справедливость имѣетъ, конечно, болѣе значенія, чѣмъ одинъ культъ прекраснаго. Но возродить міръ окончательно можетъ только знаніе, только наука. Авторъ указываетъ, какъ

преобразуется окружающая насъ природа подъ вліяніемъ вооруженнаго научными свѣдѣніями человѣка; какъ наука проникаетъ всю нашу жизнь, захватывая все болѣе и болѣе даже область изящныхъ искусствъ, и т. д.

Мы, конечно, далеки отъ мысли не признавать великаго и благодѣтельнаго значенія науки; но никто не согласится съ преувеличенными надеждами, которыя авторъ возлагаетъ на науку. Историческія событія и народы онъ втискиваетъ въ свое трехъэтажное развитіе человѣчества, нарушая при этомъ историческую правду, совершенно искажая ту частицу правды, которая заключается въ торжественно возвѣщенной формулѣ. Авторъ идетъ далѣе, разбиваетъ исторію на меньшіе періоды, подраздѣляетъ ихъ на пятнадцатилѣтніе промежутки, правильно повторяющіеся. Онъ съ совершенно серьезнымъ видомъ толкуетъ о ближайшемъ и далекомъ будущемъ человѣчества, о томъ, что Константинополь будетъ вольнымъ городомъ, Франкфуртомъ или (?) Вашингтономъ балканской конфедераціи, и наконецъ спрашиваетъ: когда же созывъ представителей всѣхъ націй міра? Какіе вопросы будутъ разбираться на этомъ собраніи?

Къ сожалѣнію, возбужденное этими вопросами любопытство читателя не получаетъ удовлетворенія отъ словоохотливаго автора, такъ смѣло читающаго отдаленное будущее человѣчества.

Г. Бенло увѣренъ въ окончательной побѣдѣ космополитизма. Наука, по его мнѣнію, никогда не одобритъ уничтоженія наслѣдственной передачи имущества, никогда не допуститъ общности собственности, потому что это привело бы людей къ первобытному деспотизму и грубости.

Грустное впечатлѣніе выносишь изъ чтенія этой странной книги, въ которой попадаются вѣрныя мысли и остроумныя замѣчанія. Авторъ серьезно увѣренъ, что сдѣлалъ великое историческое открытіе: исторія заключаетъ круги въ 1.500 лѣтъ; каждый кругъ дѣлится на періоды въ 300 лѣтъ; періоды эти перехвачены пополамъ замѣчательными событіями и въ свою очередь распадаются на пятнадцатилѣтія (смѣна дѣйствующихъ поколѣній). Отмѣтимъ одну изъ странныхъ несправедливостей страннаго сочиненія: въ мірѣ существуютъ, по мнѣнію г. Бенло, три музыкальныя націи: итальянская, германская и... французская. Признавая музыкальный геній Берліоза, Гуно и нѣкоторыхъ (немногихъ) другихъ французскихъ композиторовъ, всякій безпристрастный наблюдатель скажетъ, что русскіе, чехи и поляки—гораздо болѣе музыкальныя націи, чѣмъ остроумные соотечественники автора Madame Angot.

Народъ и буржуазія. *Эмиля Дешанеля* (Le peuple et la bourgeoisie, par Émile Deschanel, professeur au Collège de France).

Истинная демократія, говоритъ авторъ названной книги, есть постоянное поднятіе, восхожденіе народа, посредствомъ разума и труда, причемъ имѣетъ относительно благопріятныя послѣдствія и *борьба за существо-*

ваніе. Такой взглядъ противорѣчитъ старымъ богословскимъ воззрѣніямъ, по которымъ трудъ былъ наложенъ на человѣка какъ наказаніе, а рабство являлось вполнѣ дозволительнымъ учрежденіемъ. Дешанель указываетъ, какъ мало было сдѣлано католическою церковью въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ: нужна была революція, чтобъ отнять послѣднихъ у французскаго духовенства.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ насиліе было единственною формой правосудія: *висѣлица* (potence) означала и *справедливость*, *и мощь* (potentia) *). Покровительницею массы населенія, ея защитницею отъ притѣсненій и грабежа со стороны феодальныхъ владѣльцевъ является королевская власть. Но, по мѣрѣ своего укрѣпленія, эта власть въ свою очередь становится тяжелымъ бременемъ для народа. Побѣдивши дворянство въ политическомъ отношеніи, короли освободили и его, и духовенство отъ налоговъ, которые обязанъ былъ выплачивать простой народъ (roturier—отъ roture, латинское—ruptura—подъемъ нови, ни разу еще не паханной земли).

Мало-по-малу, на ряду съ падавшимъ самоуправленіемъ городовъ, во Франціи развиваются провинціальныя и общегосударственныя собранія представителей сословій. Они образуются первоначально на югѣ Франціи, гдѣ оставило замѣтные слѣды римское муниципальное устройство. Національный духъ оживился въ этихъ собраніяхъ, и страна, несмотря на ужасающія пораженія, обнаружила энергическое сопротивленіе англичанамъ. Три сословія (les trois états de France) созываются въ первый разъ въ Парижѣ, въ соборѣ Богоматери, 10-го апрѣля 1302 года.

Въ ордонансахъ говорится о горожанахъ (bourgeois) и жителяхъ; въ Grandes Chroniques и у Фруассара встрѣчаются выраженія: люди церкви, благородные и *добрые города*. Въ актахъ XV вѣка часто попадаются названія: gens du tièrs et commun estat. Иногда королевскія предписанія прямо различаютъ города отъ деревень (les bonnes villes et le plat pays). Но третье сословіе въ первый разъ получило свое оффиціальное названіе на собраніи генеральныхъ штатовъ въ Турѣ, въ 1468 году.

Встрѣчаются также выраженія: le peuple du commun estat, l'estat du peuple. Но это слово *народъ* не должно вводить въ заблужденіе: подъ *народомъ* разумѣлись только буржуа, которые подавали голосъ въ вопросахъ о новыхъ податяхъ. Подати эти перемѣщались главнымъ образомъ на плечи простаго народа (lè menu peuple). Правда, изъ этого простаго народа вышли сами буржуа, но они быстро забыли объ этомъ.

Такимъ образомъ *народъ* на засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ не имѣлъ непосредственно имъ избранныхъ представителей. Но его интересы находили иногда защиту у представителей третьяго сословія. На собра-

---

*) Сохранилось въ сложныхъ словахъ: *omnipotence*.

нія въ Понтуазѣ, въ 1561 году, они требовали, напримѣръ, созыва генеральныхъ штатовъ черезъ каждые два года, религіозной свободы, голосованія налоговъ, однообразія въ судебномъ устройствѣ, согласія штатовъ на всякую наступательную войну, безплатнаго образованія, продажи громадныхъ церковныхъ имуществъ для уплаты государственныхъ долговъ и облегченія нѣкоторыхъ податей.

Но генеральные штаты собирались отъ времени до времени, по желанію королей, которые обращались за содѣйствіемъ сословныхъ представителей только въ крайнихъ случаяхъ, когда государству грозила большая опасность со стороны побѣдоноснаго врага, когда финансы приходили въ совершенное разстройство. Людовикъ XIV говорилъ, что послѣднее бѣдствіе, въ которое можетъ пасть король, заключается въ участіи народныхъ представителей въ законодательствѣ страны. Попытки нѣкоторыхъ генеральныхъ штатовъ пріобрѣсти дѣйствительное и прочное значеніе въ управленіи государствомъ окончились, какъ извѣстно, полною неудачей. Ни два высшія сословія, ни даже третье сословіе не хотѣли или не съумѣли пріобрѣсти себѣ опору въ народныхъ массахъ, а короли постоянно твердили, что ихъ соединяетъ съ народомъ единый духъ. Непосредственныя и ежедневныя притѣсненія феодальныхъ владѣльцевъ находили отпоръ только у короля, и крестьянинъ привыкъ думать, что его интересы именно монархическою властью и охраняются.

Бюрократія при такихъ благопріятныхъ условіяхъ достигла крайнихъ предѣловъ развитія. Раскройте, говоритъ Дешанель, сборникъ древнихъ французскихъ законовъ и указовъ, и на страницѣ 484 тома двадцатаго вы прочтете слѣдующія строки: «Такъ какъ употребленіе париковъ содѣйствуетъ не только украшенію человѣка, но и его здоровью, мы учредили парикмахеровъ во всѣхъ городахъ государства, чтобы публика пользовалась лучшими и болѣе добросовѣстными услугами».

Книга Дешанеля мало оправдываетъ свое громкое названіе и не представляетъ выдающагося явленія во французской литературѣ. Въ ней говорится и о легистахъ, и объ извѣстномъ политическомъ памфлетѣ временъ лиги—Satyre Ménippée, и т. д., но не сообщается ничего новаго и въ то же время замѣчательнаго.

Новая національная экономія. *Морица Мейера.* 3 изданіе. 1882 г. (**Die neuere Nationalökonomie**, in ihren Hauptrichtungen auf historischer Grundlage und Kritisch dargestellt von *Dr. M. Meyer*).

Книга съ вышеприведеннымъ заглавіемъ написана доцентомъ высшей технической школы въ Берлинѣ и посвящена германскому почтъ-директору Стефану, что уже въ достаточной степени указываетъ на сочувствіе автора экономической политикѣ князя Бисмарка. Морицъ Мейеръ назначаетъ свою работу для обширнаго круга читателей и заявляетъ, что его

задачею было примиреніе теоріи и практики и противодѣйствіе крайнему индивидуализму послѣдователей Адама Смита.

Первое изданіе книги вышло въ концѣ 1879 года, а въ началѣ нынѣшняго появилось уже третье. Сочиненіе Мейера, слѣдовательно, имѣло значительный успѣхъ.

Въ первой главѣ своей книги авторъ говоритъ объ Адамѣ Смитѣ и школѣ свободной торговли, въ ея теоретическомъ и практическомъ развитіи. Глава вторая заключаетъ въ себѣ разсужденія о крайнемъ соціализмѣ или соціализмѣ въ собственномъ смыслѣ слова, который составляетъ рѣзкую противоположность школы свободной торговли. Въ третьей главѣ Мейеръ сообщаетъ данныя объ *историко-реалистической школѣ* національной или политической экономіи. Русскіе читатели знакомы съ послѣднимъ направленіемъ въ наукѣ и въ экономической политикѣ изъ сочиненія г. Иванюкова, напечатаннаго первоначально въ *Русской Мысли* за 1880 годъ.

Мейеръ такъ характеризуетъ, по Хельду, ученіе историко-реалистической школы политической экономіи въ той ея вѣтви, которая получила названіе катедеръ-соціализма: 1) Школа эта возстаетъ противъ воззрѣнія, основаннаго на близорукости или грубомъ матеріализмѣ, признающаго главною или даже единственною цѣлью человѣческой жизни производство товаровъ; она смотритъ на имущество какъ на средство къ достиженію нравственныхъ задачъ и прогресса вообще. 2) Школа отвергаетъ безусловные естественные законы хозяйственной жизни и стремится понять современныя экономическія явленія историческимъ изученіемъ ихъ, съ помощью возможно-широкаго пользованія статистическими данными. Она опирается на знаніе природы человѣческаго разума и воли для установленія причинной связи между хозяйственными фактами, но не строитъ системы экономическихъ явленій изъ односторонне опредѣляемой природы человѣка. 3) Вопреки англійской школѣ свободной торговли, катедеръ-соціалисты придаютъ большое значеніе вопросамъ *распредѣленія* и признаютъ за государствомъ право положительнаго вмѣшательства въ народное хозяйство, для защиты слабаго и для укрѣпленія духа общественности. Катедеръ-соціалисты, наконецъ, стоятъ за необходимость соціальнаго преобразованія, въ двойной противоположности къ революціи и къ окаменѣвшей формулѣ laissez faire.

Новое направленіе національной экономіи,—говоритъ Морицъ Мейеръ,—не составляетъ новой системы, которую можно было бы съ основаніемъ противопоставить Смитовской, но оно свидѣтельствуетъ о возбуждающемъ радость успѣхѣ науки. Замѣна прежней индивидуалистической точки зрѣнія на народное хозяйство общественною заключаетъ въ себѣ залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Въ этомъ отношеніи на политико - экономовъ Германіи имѣло сильное вліяніе такъ-называемое органическое ученіе о государствѣ, которое видитъ въ общежитіи живое цѣлое, всѣ части ко-

тораго находятся въ непрерывной взаимной связи, обусловливая каждая соотвѣтствующій строй остальныхъ и всего общежитія. Каждый человѣкъ имѣетъ свое самостоятельное существованіе, свою собственную цѣль, но онъ связанъ съ духовнымъ цѣлымъ, такъ какъ государство, находясь выше семьи, общины и церкви, имѣетъ задачею осуществленіе въ общежитіи идеальнаго человѣка. Отдѣльное лицо находится въ такомъ же положеніи и въ хозяйственной области, ибо, говоритъ Шмоллеръ, оно хозяйничаетъ не для себя одного, но въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ другими членами семьи, съ общиною, съ государствомъ. На этомъ основывается и обязанность гражданина платить подати.

Но сторонники этихъ воззрѣній (въ числѣ ихъ находится и Морицъ Мейеръ) не выступаютъ противъ свободнаго соперничества, видя въ человѣческомъ эгоизмѣ могущественную экономическую силу. Однако сила эта должна умѣряться другими, смягчаться иными побужденіями—любовью, гуманностью. Право въ особенности должно играть важную роль въ упорядоченіи борьбы разнообразныхъ личныхъ интересовъ, а высшимъ носителемъ права является государство. Мечта,—говоритъ Мейеръ,—вѣрить въ гармонію эгоистическихъ стремленій при устраненіи государственной власти. Но установить границы правительственнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь возможно только въ общихъ чертахъ, въ принципѣ. Государство должно исполнять лишь такія задачи, которыя или не по силамъ личности, или исполняются ею хуже, чѣмъ государствомъ, при соблюденіи, конечно, того условія, чтобы подобныя задачи имѣли въ виду удовлетвореніе общихъ для всѣхъ гражданъ потребностей, а не интересы отдѣльныхъ лицъ или классовъ. Государство—прирожденный представитель малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, слабыхъ вообще. Могущественное средство для воплощенія справедливости въ экономическомъ строѣ заключается въ преобразованіи податной системы, въ установленіи подоходныхъ и прогрессивныхъ налоговъ, въ освобожденіи отъ податей той части имущества каждаго гражданина, которая необходима для простой поддержки существованія.

Мейеръ указываетъ на возрастающую солидарность экономической жизни образованныхъ народовъ. Онъ подробно останавливается на международномъ почтовомъ союзѣ, превознося заслуги управляющаго почтовымъ вѣдомствомъ Германской имперіи доктора Стефана. Идеаломъ для Мейера является полная свобода и безвозмездность пересылки писемъ и т. п.

В. Гольцевъ.

Духовенство и народная школа.

Въ первой половинѣ прошедшаго года въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ правительственныхъ сферахъ вырабатывается весьма важная мѣра въ отношеніи народнаго образованія. Газета *Новости* (№ 93, 1881 г.) сообщала, что комитетомъ министровъ «оберъ-прокурору святѣйшаго синода предоставлено, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, представить, въ установленномъ порядкѣ, ближайшія соображенія о расширеніи круга дѣятельности духовенства на поприщѣ народнаго образованія, съ цѣлью лучшей организаціи надзора за начальными училищами разныхъ вѣдомствъ, а также, косвенно, и въ видахъ улучшенія крайне бѣдственнаго въ матеріальномъ отношеніи положенія духовенства, особенно сельскаго». По словамъ той же газеты, изложенная мѣра мотивировалась слѣдующими соображеніями: «При существующемъ нынѣ порядкѣ вещей, наше духовенство стоитъ въ сторонѣ отъ начальныхъ народныхъ училищъ, подчиненныхъ надзору училищныхъ совѣтовъ и окружныхъ инспекторовъ. Что же касается до состоящихъ въ распоряженіи духовенства церковно-приходскихъ школъ, то онѣ находятся въ упадкѣ. До 1874 года число ихъ доходило до 18.000; онѣ содержались на церковныя средства и заключали въ себѣ существенныя условія прочнаго успѣха. Съ изданіемъ же положенія 1874 года о начальныхъ училищахъ большая часть церковно-приходскихъ школъ перешла въ вѣдѣніе и на содержаніе земства и министерства народнаго просвѣщенія, такъ что нынѣ остается лишь около 4.000 школъ, содержимыхъ на церковныя средства. Между тѣмъ, изъ сопоставленія результатовъ дѣятельности церковно-приходскихъ школъ и народныхъ училищъ видно, что первыя представляютъ собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе гарантій для правильнаго образованія, чѣмъ послѣднія».

Это извѣстіе, своевременно обратившее на себя вниманіе печати, въ теченіе цѣлаго года не подтверждалось, но недавно въ газетахъ появились новыя свѣдѣнія, съ нимъ однородныя. Такъ, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей* (1882 г., № 238), «правительство намѣрено, какъ

говорятъ, учредить церковно-приходскія училища. Предполагается при этомъ ассигновать изъ государственнаго казначейства сумму на вознагражденіе священнослужителей, съ тѣмъ, чтобъ они преподавали всѣ учебные предметы въ церковно-приходскихъ училищахъ». Въ чемъ заключается сущность проектируемой мѣры, имѣется ли въ виду устройство церковно-приходскихъ училищъ на ряду съ училищами, учреждаемыми другими вѣдомствами, или же замѣнить ими эти послѣднія, пока неизвѣстно. Изъ послѣднихъ газетныхъ сообщеній мы узнаемъ, что по иниціативѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода устроенъ комитетъ, изъ членовъ синода и представителей вѣдомства народнаго просвѣщенія, для «разработки проекта церковно-приходскихъ школъ». Къ участію въ этомъ комитетѣ приглашены также, въ качествѣ «свѣдущихъ людей», товарищъ государственнаго контролера тайный совѣтникъ Филипповъ и г. Рачинскій, авторъ помѣщенныхъ въ *Руси* статей о народной школѣ (*Недѣля*, № 37).

Если рѣчь идетъ только объ учрежденіи вновь церковно-приходскихъ школъ, съ пособіемъ отъ государства, то новая мѣра будетъ лишь возобновленіемъ предположенія, имѣвшаго мѣсто года три тому назадъ, когда бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, имѣлось въ виду оказаніе пособій церковно-приходскимъ школамъ, для чего инспекторамъ народныхъ училищъ было поручено собрать свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ при церквахъ училищахъ. Но, повидимому, дѣло это можетъ получить и иное направленіе, если судить по тому, что говорятъ о немъ *Московскія Вѣдомости*. «Предоставленіе сельскихъ школъ духовенству,—говорится въ передовой статьѣ № 238 этой газеты,—есть самое простое, естественное и правильное разрѣшеніе великой задачи начальнаго народнаго образованія. Въ Россіи числится свыше 40.000 церквей и монастырей и при нихъ состоитъ священнослужителей, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ (іереевъ и діаконовъ) до 70.000 лицъ. Такимъ образомъ правительство можетъ сразу открыть десятки тысячъ народныхъ школъ и поставить надъ ними десятки тысячъ вполнѣ готовыхъ учителей, которые, конечно, будутъ въ состояніи обучать деревенскихъ дѣтей закону Божію, грамотѣ, письму и счету, и которые не отучатъ, но пріучатъ ихъ къ церкви». Церковно-приходскую школу *Московскія Вѣдомости* противопоставляютъ школѣ земской. «Вотъ уже восемнадцать лѣтъ,—говоритъ газета,—какъ вольно-практикующіе дѣятели хозяйничаютъ въ народныхъ «земскихъ» школахъ, объясняя ребятишкамъ по книжкамъ барона Корфа «*душевныя* качества свиньи, лягушки и піявки», преподавая имъ всякій вздоръ подъ громкимъ названіемъ *міровѣдѣнія* и надмевая ихъ омерзительнаго свойства плебейскимъ аристократизмомъ. Въ этихъ школахъ задаютъ тонъ полуграмотные верхогляды, просидѣвшіе послѣ сохи три года въ такъ-называемыхъ учительскихъ семинаріяхъ и трактующіе свысока священника, приходящаго въ

школу для преподаванія закона Божія, упрекая его въ незнаніи «новѣйшихъ методовъ». А знаете ли вы,—продолжаетъ газета,—сколько въ школахъ барона Корфа отведено времени для преподаванія закона Божія? Изъ 720 годовыхъ учебныхъ часовъ, посвященныхъ по большей части пріобрѣтенію свѣдѣній, якобы *полезныхъ*, въ первомъ году ученія отдѣлено на законъ Божій около 8 часовъ (въ годъ!!), во второмъ около 15, въ третьемъ около 30! И это въ народной школѣ! Мудрено ли, что крестьяне во многихъ мѣстахъ не хотятъ посылать своихъ дѣтей въ такія школы? Можно себѣ представить, съ какой охотой священники должны преподавать въ этихъ школахъ, гдѣ ихъ предметъ занимаетъ послѣднее мѣсто и гдѣ имъ приходится выслушивать выговоры и наставленія послѣднихъ учителей, стремящихся захватить въ свои руки и преподаваніе закона Божія «по новѣйшимъ методамъ»... «Устройство церковно-приходскихъ школъ,—говорятъ *Московскія Вѣдомости* въ другомъ мѣстѣ (№ 255),—положило бы конецъ системѣ народнаго развращенія».

Изъ этихъ словъ оказывается, что, по разумѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, по крайней мѣрѣ, проектируемое устройство на счетъ государства церковно-приходскихъ школъ является не столько средствомъ для большаго распространенія въ народѣ грамотности, сколько орудіемъ борьбы съ «земскою» школой, признаваемою неудовлетворительной, даже вредной. Такимъ образомъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые духовные органы. «Безпрестанно повторяемое духовною печатью мнѣніе о непригодности нашихъ школъ,—говорятъ *Московскія Церковныя Вѣдомости* (№ 32),—и *необходимость отдать ихъ въ полное распоряженіе духовенства*, издавна учившаго народъ и съ церковной каѳедры, и у себя дома, учившаго его прежде всего страху Божьему, молитвамъ, псалмамъ, и уже потомъ гражданскому чтенію и письму, а не современнымъ присказкамъ и прибауткамъ,—начало находить себѣ откликъ и въ части свѣтской печати, не отдѣляющей себя отъ церкви Христовой, не чуждающейся ея преданій и вѣрованій. И здѣсь лучшіе люди начинаютъ сознавать пользу науки серьезной, дающей пищу и уму и сердцу, утверждающей разсудокъ и нравственность,—той науки, которая, уча новому, не отрываетъ дѣтей отъ семьи, не заставляетъ забывать ея завѣтовъ, ея примѣра».

Изъ приведеннаго отзыва церковнаго органа ясно, что духовенство заявляетъ притязанія на полное господство надъ народною школой, стремится взять въ свои руки все начальное обученіе, что съ его стороны рѣчь идетъ не о сближеніи школы съ церковью, а о совершенномъ изъятіи ея изъ вѣдѣнія свѣтскихъ общественныхъ органовъ. Такъ ли смотритъ на дѣло вышеупомянутый комитетъ о приходскихъ школахъ, намъ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ заявленіе двухъ московскихъ печатныхъ органовъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мысли, ими высказываемыя, безъ сомнѣнія, найдутъ сторонниковъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и, быть-можетъ, даже восторжествуютъ при окончательномъ рѣшеніи постав-

леннаго вопроса. Въ какомъ бы смыслѣ ни разрѣшился этотъ послѣдній,— въ смыслѣ ли замѣны приходскими школами школъ земскихъ, съ передачею всего школьнаго дѣла въ руки духовенства, какъ домогаются *Церковныя Вѣдомости*, или въ смыслѣ лишь устройства новыхъ школъ, на ряду съ существующими, на средства государства,—въ строѣ нашего начальнаго образованія послѣдуютъ весьма существенныя измѣненія. Въ первомъ случаѣ,—въ случаѣ замѣны земскихъ школъ церковными,—произойдетъ коренная ломка, послѣдуетъ закрытіе и преобразованіе множества школъ, измѣненіе всей установившейся за послѣднее время школьной системы; въ послѣднемъ—въ школьное дѣло внесется рознь, которая неизбѣжно вызоветъ борьбу, пагубную и для обѣихъ борящихся сторонъ, и для самаго дѣла.

Мысль о замѣнѣ созданной въ послѣднее пятнадцатилѣтіе земской школы школой церковноприходскою является не чѣмъ инымъ, какъ возвратомъ къ прежнему порядку, предшествовавшему введенію земскихъ учрежденій. И у насъ, какъ вездѣ, духовенство всегда считалось ближайшимъ и естественнымъ учителемъ народа; къ его помощи обращались при всѣхъ почти попыткахъ организаціи народнаго образованія. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія къ духовенству обратились вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣльное; къ нему же въ шестидесятыхъ годахъ обратилось и земство. На первыхъ порахъ своей дѣятельности земскія учрежденія, поставивъ вопросъ о начальномъ образованіи, почти повсемѣстно высказались за приходскую школу, съ преподавателемъ-священникомъ. Такъ московское уѣздное земство въ 1867 г. высказало мнѣніе, что священники «должны быть въ настоящее время главными дѣятелями къ возбужденію въ народѣ потребности и охоты къ образованію». Точно такъ же отнеслось къ дѣлу бѣлозерское земство, Новгородской губерніи, которое старалось удержать священнослужителей въ должности учителей «отчасти потому, что не находило другихъ учителей, а главнымъ образомъ въ виду того убѣжденія, что сельское духовенство должно считать лучшимъ и удобнѣйшимъ проводникомъ нравственнаго развитія народа, а религіозно-нравственное развитіе народа должно предшествовать всякому другому». Эта мысль высказывается въ первомъ же засѣданіи земства, гдѣ собраніе постановляетъ: «просить епархіальное начальство поставить въ непремѣнную обязанность сельскимъ священникамъ въ каждый праздничный день поутру, между заутреней и обѣдней, а если къ тому представится возможность, и въ другое время, разъяснять народу въ простыхъ и доступныхъ для него бесѣдахъ главнѣйшія основанія вѣры православной, значеніе праздниковъ, молитвы, а также обучать важнѣйшимъ молитвамъ» *). Воронежское земство тоже надѣялось

---

*) „Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію за 15 лѣтъ". (Прилож. къ *Новгородскому Листку*), стр. 4.

«пополнить недостатокъ народныхъ учителей приглашеніемъ къ учительству въ народныхъ школахъ приходскаго духовенства» *). Въ такомъ же смыслѣ высказались и многія другія земства, приводить постановленія которыхъ по этому предмету мы считаемъ излишнимъ. Важно то, что духовенству было открыто широкое поприще для просвѣтительной дѣятельности. Какъ же выполнило оно выпавшую на его долю задачу? Почему съ теченіемъ времени школьное дѣло все болѣе и болѣе стало выскользать изъ его рукъ, переходить,—притомъ почти безъ всякой борьбы со стороны духовенства,—въ другія руки, въ руки свѣтскихъ преподавателей? Ужели единственною причиной этого послужило анти-религіозное направленіе «вольно практикующихъ дѣятелей», «интрига,—по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*,—предпринявшая въ шестидесятыхъ годахъ походъ противъ всего государственнаго строя Россіи» и сосредоточившая «свои силы прежде всего на попыткѣ захватить въ свои руки русскую школу»? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, взглянемъ на результаты школьной дѣятельности духовенства до и послѣ введенія земскихъ учрежденій. Результаты эти тѣмъ поучительнѣе, что въ дѣлѣ народнаго образованія духовенство долгое время не встрѣчало соперниковъ, что, кромѣ его членовъ, народныхъ учителей не было совсѣмъ, такъ какъ «полуграмотные верхогляды» появились лишь въ послѣдніе годы.

Вотъ отзывы о дѣятельности духовенства, встрѣчаемые въ земскихъ документахъ. Въ «Обзорѣ дѣятельности кириловскаго уѣзднаго земства, со дня его открытія по 1881 годъ», состояніе народнаго образованія въ уѣздѣ, въ моментъ введенія земскихъ учрежденій, изображается такимъ образомъ: «Въ 1865 году въ Кириловскомъ уѣздѣ существовало 5 школъ и 61 училище, въ которыхъ числилось 68 учителей и 969 учениковъ. Но нужно ли говорить, что всѣ эти цифры были дутыя, ибо 61 училище представляли собою церковно-приходскія школы, обязательныя для каждаго сельскаго прихода. Въ большинствѣ приходовъ онѣ только числились, а въ небольшомъ числѣ ихъ онѣ находились въ завѣдываніи полуграмотныхъ дьячковъ, которые въ церковныхъ кельяхъ муштровали ребятъ по методѣ часослова и псалтыря, съ неизбѣжною березовой кашей» (стр. 8). Воронежская губернская управа, говоря объ образовательныхъ средствахъ, которыя застали въ губерніи земскія учрежденія, замѣчаетъ: «о церковно-приходскихъ школахъ едва ли можно упоминать, ибо онѣ существовали только на бумагѣ» (l. c., стр. 6). Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ «земство приняло только двѣ школы въ 1867 году,—это школы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Остальныя школы, которыя исключительно содержались при приходахъ, оказали слишкомъ ничтожную помощь бѣлозерскому земству. Школы эти, большею частью, только числились на бумагѣ,

---

*) Краткій обзоръ дѣятельности губ. земск. учр. Воронежской губ. Сост. ворон. губ. земск. упр., стр. 93.

въ дѣйствительности же онѣ почти не существовали, да и тѣ изъ нихъ, которыя существовали, были настолько плохо поставлены, что управа не находила даже возможнымъ поддерживать ихъ» (l. c., стр. 3). Въ Смоленской губерніи, по словамъ предсѣдателя тамошней губернской управы, Н. А. Мельникова, въ первой половинѣ 1866 года было 663 народныхъ училищъ, но «едва ли можно было ожидать отъ нихъ какой-либо пользы для развитія образованія въ народѣ. Ученіе въ школахъ продолжалось не болѣе 7 мѣсяцевъ, а въ нѣкоторыхъ не болѣе 4-хъ, обучали только псалтырю и письму, а во многихъ школахъ псалтырю безъ письма. Лучшими учителями можно было считать изъ приходскаго духовенства и волостныхъ писарей, но первые, занимаясь ученіемъ безплатно, и тѣ и другіе имѣя прямыя обязанности по своимъ должностямъ, занимались обученіемъ въ школахъ лишь между дѣломъ, не постоянно и, конечно, безъ должной послѣдовательности» *). Именно этотъ упрекъ—въ непостоянствѣ занятій преподаваніемъ—дѣлается духовенству повсемѣстно, и невозможность для священниковъ отдать себя всецѣло преподаванію была главною причиной, заставившею земскія учрежденія призвать на помощь другія силы и озаботиться устройствомъ заведеній для приготовленія сельскихъ учителей. Никакой вражды къ духовенству, никакого стремленія къ устраненію, во что бы то ни стало, его вліянія на образованіе народа нигдѣ и никогда не обнаруживалось, и если преподавательскія обязанности почти повсемѣстно перешли къ свѣтскимъ лицамъ, то это единственно потому, что приходскій священникъ оказался неспособнымъ быть школьнымъ учителемъ. «Не находясь подъ вліяніемъ никакихъ одностороннихъ, предвзятыхъ воззрѣній, вполнѣ сознавая ту посильную пользу, которую приносятъ народному образованію почти единственные, въ настоящее время, двигатели его въ селеніяхъ—члены сельскаго духовенства,—говоритъ московская губернская земская управа въ докладѣ «по вопросу о содѣйствіи земства народному образованію» 1868 года,—управа вездѣ: въ журналахъ земскихъ собраній, въ отчетахъ училищныхъ совѣтовъ, встрѣчаетъ одни и тѣ же, постоянно повторяющіяся, заявленія о недостаткѣ въ преподавателяхъ, о неудовлетворительности большей части настоящихъ преподавателей, о невозможности для священнослужителей удѣлить достаточное время на исполненіе обязанности учителей, о неблагонадежности тѣхъ учителей, которые могли бы замѣнить священника въ сельской школѣ. Губернская управа вынесла изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ ею отзывовъ и мнѣній то глубокое убѣжденіе, что преподаваніе въ сельскихъ школахъ только тогда пойдетъ вполнѣ удовлетворительно, когда оно будетъ уже не второстепенною должностью, временнымъ и, часто, случайнымъ средствомъ заработать кусокъ хлѣба, а когда оно станетъ дѣломъ людей спеціаль-

*) „Обзоръ дѣятельности земства Смоленской губерніи за весь періодъ существованія земск. учр.“, 1866—1880 гг., вып. II, стр. 162.

ныхъ, исключительно ему преданныхъ, нарочно для него подготовленныхъ,— людей, въ образованіи которыхъ приготовленіе къ учительской должности будетъ не придаточнымъ, поверхностно изучаемымъ предметомъ, а главною цѣлью» (стр. 67). «Хотя духовенство и приняло на себя трудъ учительства,—говоритъ воронежская губернская управа въ вышеупомянутомъ «Очеркѣ десятилѣтней дѣятельности» земства,—но при первомъ же дѣйствительномъ знакомствѣ съ училищами земскія учрежденія убѣдились, что безъ особо и спеціально приготовленныхъ учителей училища останутся навсегда въ плохомъ состояніи» (стр. 93). Вотъ что говоритъ о педагогическомъ персоналѣ начальныхъ училищъ Пермской губерніи за 1871 г. инспекторъ народныхъ училищъ А. П. Орловъ: «Въ 80 сельскихъ училищахъ должности законоучителя и учителя соединялись въ одномъ лицѣ, частію по недостатку мѣстныхъ средствъ для уплаты жалованья двумъ лицамъ, а частію по неимѣнію людей, желающихъ занять вакантныя мѣста учителей; въ числѣ этихъ 80 случаевъ соединенія обѣихъ должностей въ одномъ лицѣ находятся и печальные примѣры соединенія ихъ въ лицѣ діаконовъ или даже псаломщиковъ. Само собою разумѣется, подобное соединеніе должностей законоучителя и учителя въ лицѣ даже священника, очевидно, должно вредно отражаться на успѣхахъ школьнаго дѣла, ибо, съ одной стороны, священники часто по необходимости должны отвлекаться отъ школы исполненіемъ требъ, а съ другой стороны, принужденные преслѣдовать интересы своей приходской церкви, они по большей части смотрятъ на свои занятія въ школѣ только какъ на доходную статью и, во всякомъ случаѣ, какъ на дѣло второстепенное для себя» *). Въ Рузскомъ уѣздѣ, Московской губ., съ введеніемъ земскихъ учрежденій число училищъ быстро возросло: къ 1874 г. было уже 44 училища, вмѣсто существовавшихъ въ 1866 г. тринадцати. Обученіе дѣтей, за неимѣніемъ спеціально приготовленныхъ учителей, ввѣрено было священникамъ, «какъ наиболѣе надежнымъ руководителямъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ». Къ сожалѣнію,—говорятъ члены училищнаго совѣта въ своемъ отчетѣ 1874 г.,—«сдѣланное совѣтомъ распоряженіе относительно приглашенія священниковъ въ учительскія должности оказывается въ большинствѣ нецѣлесообразнымъ и недостигающимъ желаемой цѣли, т. е. правильно организованныхъ школъ и наибольшихъ успѣховъ учащихся, вслѣдствіе прямой невозможности выполнять священникамъ учительскія обязанности и церковныя требы, не терпящія по своей важности отлагательства времени, чрезъ что самый необходимый порядокъ школы, за отсутствіемъ учителя, нарушается и успѣхъ учащихся дѣлается болѣе нежели сомнительнымъ» **). По отзыву члена клинскаго училищнаго совѣта, штатнаго смотрителя г. Васильева, въ 1875—1876 г. «все дѣло въ училищахъ было

*) *Сборникъ Пермскаго земства*, 1872 г., іюль и августъ, стр. 68.

**) *Журналы уѣздныхъ земск. собран. Московской губерніи* 1874 г., т. III, стр. 546.

предоставлено личному усмотрѣнію наставниковъ-священниковъ». За исключеніемъ четырехъ училищъ, «ученіе въ остальныхъ училищахъ по нѣскольку лѣтъ и безъ всякой пользы шло неудовлетворительно, не потому, что было въ рукахъ лѣнивыхъ и неопытныхъ преподавателей, а оттого, что ученіемъ занимались одни священники, которые въ одно и то же время занимали должности законоучителя и учителя,—не говоря уже о томъ, что едва ли одному священнику, отвлекаемому требами, было возможно выполнить всѣ требовательныя и довольно сложныя обязанности школьнаго учителя; а главное потому, что многіе изъ нихъ совершенно были незнакомы съ новыми, раціональными, пріемами обученія» *). О содержимыхъ духовенствомъ церковно-приходскихъ школахъ въ Ярославской губерніи мѣстный директоръ народныхъ училищъ, В. И. Шпееръ, въ отчетѣ за 1877 годъ, говоритъ слѣдующее: «Церковно-приходскія школы, за неимѣніемъ средствъ и по малому числу учащихся, съ каждымъ годомъ уменьшаются: изъ 18 школъ при церквахъ въ 4 уѣздахъ, существовавшихъ въ 1876 г., въ 1877 г. осталось только 13; въ теченіе года закрыто 5. Для такихъ школъ причты уступаютъ свои помѣщенія. Обученіе чтенія здѣсь происходитъ по букво-слагательному способу. Молитвы изучаются по большей части безъ объясненія. Наиболѣе успѣшные ученики знаютъ нѣкоторыя событія изъ священной исторіи и умѣютъ класть на счетахъ. Занятія въ церковно-приходскихъ школахъ не отличаются правильностью: преподаватели нерѣдко оставляютъ занятія съ дѣтьми для отправленія церковныхъ требъ» **). Точно также въ Черниговской губерніи «церковно-приходскія школы значительно уменьшились въ числѣ съ 1869 года и изъ небольшаго числа свѣдѣній, присланныхъ объ этихъ школахъ (въ губернскую управу въ 1875 г.), оказывается, что онѣ, будучи основаны ранѣе другихъ школъ, за исключеніемъ училищъ приходскихъ и министерства государственныхъ имуществъ, служатъ памятникомъ того, что духовенство Черниговской губерніи, въ лицѣ своихъ епархіальныхъ начальниковъ, ранѣе другихъ вѣдомствъ поняло потребность народнаго образованія, но въ настоящее время онѣ во всемъ уступаютъ даже худшимъ изъ земскихъ школъ. Отсутствіе всякой обезпеченности и спеціально подготовленныхъ и неотвлекаемыхъ отъ школы преподавателей не могутъ поставить ихъ на уровень современной школы» ***). Въ упомянутомъ уже «Обзорѣ» дѣятельности новгородскаго земства по народному образованію приводится отзывъ бѣлозерской уѣздной управы 1866 г. о школахъ, содержимыхъ духовенствомъ. «До сихъ поръ,—говоритъ управа,—преподавателями въ школахъ были приходскіе священники и причетники, болѣе послѣдніе. Обученіе на нихъ обязательно возложено духов-

*) *Журн. уѣздн. земск. собр. Московской губ.* 1878 г., т. II, стр. 317.
**) *Вѣстникъ Ярославскаго земства* 1878 г., №№ 73 и 74, отд. III, стр. 31.
***) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1875 г., №№ 9—10, стр. 37.

нымъ начальствомъ. Люди, занятые своими прямыми обязанностями, нерѣдко не имѣющіе никакого призванія и не готовившіеся быть учителями, насильственно призваны къ этой высокой и трудной обязанности. Кому неизвѣстно, что школы при церквахъ только большею частію считаются, а ихъ уже почти не существуетъ. Сначала, когда онѣ были открыты, многіе изъ крестьянъ охотно отпускали своихъ дѣтей туда учиться, и даже оказывали училищамъ нѣкоторое пособіе—въ иныхъ мѣстахъ деньгами, а въ другихъ хлѣбомъ или работою. Но ожиданія родителей не оправдались: дѣти ихъ, часто придя въ школу и не заставъ учителя, который занятъ или исполненіемъ требы, или работою по своему хозяйству, предавались шалостямъ. Родители, узнавъ объ этомъ, послѣ нѣсколькихъ повтореній такихъ случаевъ, не пускали дѣтей въ школы. Число учениковъ, такимъ образомъ, все уменьшалось и въ настоящее время (1865 г.) рѣдко гдѣ держатся кое-какъ приходскія сельскія школы».

Не удивительно, что педагогическая дѣятельность духовенства дала весьма скудные результаты: грамотность народа, благодаря ей, возвышалась лишь въ самой незначительной степени. Изъ данныхъ переписи, произведенной въ 1869 году губернскимъ статистическимъ комитетомъ, грамотность населенія Московскаго уѣзда оказалась крайне низкой. По процентному отношенію грамотныхъ ко всему населенію, приходы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число приходовъ.		
Проц. грамотныхъ.	Мужч.	Женщ.	Обоего пола.
менѣе 1%	2	65	4
отъ 1 до 5%	14	56	54
» 5 » 10%	43	10	34
» 10 » 20%	38	1	36
» 20 » 30%	26	0	3
болѣе 30%	10	1	2

Въ среднемъ выводѣ по уѣзду, грамотные мужчины составляли 13,9%, женщины—1,8%, оба пола вмѣстѣ—7,5%. И это въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ на распространеніе грамотности, безъ сомнѣнія, вліяетъ не только школа, но и постоянное соприкосновеніе населенія съ столицей, гдѣ, вслѣдствіе экономическихъ условій, потребность въ грамотности болѣе значительна, нежели въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ. Грамотность, обнаруженная переписью 1869 г., можетъ быть признана результатомъ дѣятельности школы, находившейся въ вѣдѣніи духовенства, такъ какъ до этого времени земскихъ школъ въ уѣздѣ не существовало. Результатъ, несомнѣнно, плачевный, особенно если сравнить его съ результатами позднѣйшей, главнымъ образомъ, земской школы. Въ 1881 году въ уѣздѣ была произведена новая подворная перепись, которая обнаружила, что грамотные и учащіеся составляютъ къ населенію: мужчины 31,9%, женщины—4,4%, оба пола—17,6%; на 100 грамотныхъ 1869

года приходится въ настоящее время 238; процентъ грамотныхъ мужскаго пола увеличился въ 2,2 раза, процентъ грамотныхъ женщинъ—въ 2,4 раза. Относительно распространенія грамотности по отдѣльнымъ селеніямъ достигнуто значительное пониженіе числа неграмотныхъ селеній: вмѣсто 30 селеній, какъ это значилось по свѣдѣніямъ 1869 года, въ настоящее время число неграмотныхъ селеній равняется только 4. Замѣчательно при этомъ, что по переписи 1869 года раскольничье населеніе представлялось сравнительно грамотнѣе православнаго, особенно женщины; въ настоящее же время перевѣсъ склоняется на сторону православныхъ обоего пола *).

Строить какіе-либо рѣшительные выводы на данныхъ одного уѣзда, конечно, невозможно; тѣмъ не менѣе приведенныя свѣдѣнія не могутъ не навести на размышленія. Несомнѣнно, во-первыхъ, что подъемъ грамотности находится въ связи съ увеличеніемъ числа земскихъ училищъ: до 1869 г. таковыхъ въ уѣздѣ не было совсѣмъ, а къ 1881 г. ихъ было уже болѣе 50, причемъ они далеко не стоятъ пустыми: за время 1868—1872 г., когда школа почти исключительно находилась въ рукахъ духовенства, среднее число учащихся на училище, по среднему выводу, не превышало 25, а теперь въ земскихъ школахъ, по даннымъ $18^{80}/_{81}$ г., оно достигаетъ уже 55. Далѣе, перепись 1869 г. обнаружила болѣе высокую грамотность у раскольниковъ, а въ настоящее время православные не только сравнялись съ раскольниками, но и опередили ихъ, и это весьма знаменательно, такъ какъ въ прежнее время обученіе раскольниковъ происходило внѣ вліянія духовенства, которое для православнаго населенія доставляло единственный контингентъ учителей. Теперь же, когда школа стала, если можно такъ выразиться, свѣтской, когда открытіе ея стало внѣ зависимости отъ доброй воли духовныхъ лицъ, православное населеніе поспѣшило воспользоваться вновь открывшимися средствами къ образованію и, въ этомъ отношеніи, оставило за собою болѣе грамотныхъ въ прежнее время раскольниковъ. Очевидно, что земская школа, руководимая «полуграмотными верхоглядами», успѣла оказать значительную услугу просвѣщенію народа; очевидно также, что всѣ толки о непріязненномъ отношеніи народа къ этой школѣ голословны и неосновательны. Между тѣмъ къ этому послѣднему доводу прибѣгаютъ всегда, когда нужно сдѣлать нападеніе на современную школу. Еще на дняхъ органъ г. Каткова вновь вытащилъ изъ архивной пыли этотъ старый, затасканный аргументъ. Ратуя за церковноприходскую школу, *Московскія Вѣдомости* (въ № 255) цитируютъ статью г. Цвѣткова, помѣщенную въ 1874 году въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и приводятъ изъ нея слѣдующее мѣсто: «Начальная народная школа,—сказано въ названной статьѣ,—

*) *Сборникъ статистич. свѣд. по Московской губерніи*, изд. Моск. губ. земства. Отдѣлъ хоз. статист., т. I, вып. 2. Статья г. Боголѣпова „Народная грамотность въ Московскомъ уѣздѣ“.

для своей успѣшности должна быть проста... Такая школа должна прежде всего изучать грамотности, а потому предметами обученія въ ней должны быть *three R* (Reading, wRriting, aRithmetic), какъ говорятъ англичане, т.-е. чтеніе, письмо и начальная ариѳметика. Если будетъ позволять время, можно усилить изученіе грамматики и ариѳметики, затѣмъ можно прибавить элементарныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи. Всякое же многоученіе, пичканье разнымъ хламомъ, подъ предлогомъ *развитія*, *сообщенія полезныхъ свѣдѣній* или подъ всякимъ другимъ предлогомъ, практикуемое въ школахъ, устроенныхъ по программѣ барона Корфа, не только не приноситъ никакой пользы, но причиняетъ положительный вредъ, отрывая деревенскихъ мальчишекъ отъ семьи, надмевая ихъ звонкимъ пустознавіемъ и сообщая имъ самый отвратительный плебейскій аристократизмъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ благочинный протоіерей Покровскій о школахъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, устроенныхъ барономъ Корфомъ: «Крестьянскіе мальчики, обучавшіеся въ Корфовской школѣ, смотрятъ съ высоты своего грамотнаго величія на своихъ неграмотныхъ братьевь и сестеръ, видимо высказываютъ отвращеніе къ черной работѣ, которою живетъ и довольствуется родная семья. Начинается семейная драма, глубокій семейный расколъ, гдѣ главную роль суждено играть теперешней сельской школѣ: отецъ винитъ школу за то, что она отняла у него сына, долго ожидаемаго помощника въ суровыхъ трудахъ.

„Малѣйшее посягновеніе *современнаго* учителя на нѣкоторое развитіе ихъ (крестьянскихъ) дѣтей путемъ чтенія популярныхъ школьныхъ пособій вызываетъ въ средѣ сельскаго населенія ропотъ и неудовольствіе на учителя, какъ на занимающагося не дѣломъ, а пустяками, побасенками, не стоющими вниманія. Особенно ярко въ этомъ смыслѣ рисуется положеніе учителей въ раскольническихъ селахъ. Такъ-называемыя «начетчицы» въ этихъ селахъ ведутъ самую рьяную конкуренцію съ учителями школъ. Почти каждый школьникъ, только-что выучившійся кое-какъ читать и писать, непремѣнно,—разумѣется, по волѣ родителей,—спѣшитъ оставить школу и переходитъ къ какой-нибудь начетчицѣ для «вящаго» усовершенствованія“.

Трудно оспаривать частный фактъ, сообщаемый почтеннымъ благочиннымъ Александровскаго уѣзда. Весьма возможно, что существуютъ школы съ дурными учителями, оказывающими вредное вліяніе на своихъ учениковъ: въ семьѣ не безъ урода; но сдѣланное обобщеніе отнюдь не подтверждается фактами по другимъ мѣстностямъ. «Крестьянскіе мальчики, обучавшіеся въ Корфовской школѣ,—говоритъ протоіерей Покровскій,—видимо высказываютъ отвращеніе къ черной работѣ, которой живетъ и довольствуется родная семья». Если это вѣрно, то, конечно, должно обнаружиться стремленіе вышедшихъ изъ школы учениковъ бѣжать отъ семьи, искать другихъ, болѣе легкихъ или почетныхъ занятій. Между тѣмъ такое предположеніе отнюдь не подтверждается. Вотъ, напримѣръ, свѣдѣнія, сообщаемыя уѣздными училищными совѣтами Владимірской губерніи на вопросъ губернской земской управы: «Сколько, по наблюденіямъ членовъ училищнаго совѣта, изъ оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ крестьянскихъ мальчиковъ возвращаются въ свои общества и семьи къ земледѣльческой работѣ и къ какого рода дѣятельности обращаются остальные?» Владимірскій совѣтъ свѣдѣній не доставилъ, за невозмож-

ю «слѣдить за дальнѣйшею судьбой учившихся когда-либо въ на-
ыхъ училищахъ дѣтей», остальные же единогласно заявили, что
дное большинство окончившихъ курсъ учениковъ возвращается къ
іямъ своихъ семей, отнюдь не порывая связей съ послѣдними. Вотъ,
вно, отзывы 12 уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ:
'уздальскій: По наблюденіямъ членовъ училищнаго совѣта оказывает-
го окончившіе курсъ въ начальныхъ сельскихъ училищахъ кресть-
; мальчики почти всѣ возвращаются въ свои общества и семьи къ
дѣльческой работѣ; небольшая часть изъ нихъ хотя и уходитъ на
ıу для занятія различными промыслами (въ плотники, каменьщики,
ки, кровельщики, подпаски и т. п.), все же не отчуждается отъ
кихъ обществъ и не оставляетъ совершенно земледѣльческихъ ра-
Шуйскій: Изъ оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ сельскихъ учи-
къ мальчики большею частію возвращаются въ свои общества и семьи
иледѣльческой работѣ, исключая училищъ, находящихся близъ города
ıво-Вознесенска и городскихъ иваново-вознесенскихъ, ученики кото-
преимущественно поступаютъ на фабрики. Что же касается шуйскихъ
скихъ начальныхъ училищъ, то окончившіе въ нихъ курсъ ученики
ıущественно поступаютъ или въ прогимназію, или въ уѣздное учили-
'овровскій: Изъ окончившихъ курсъ въ сельскихъ начальныхъ учи-
къ Ковровскаго уѣзда 50% возвращаются въ свои семейства и об-
ıа, для занятій земледѣліемъ, а 50% уѣзжаютъ изъ своихъ селе-
а сторону, поступая мальчиками и прикащиками въ купеческія лав-
магазины, такъ какъ Ковровскій уѣздъ издавна былъ уѣздомъ
й и ходебщиковъ; большинство же окончившихъ курсъ въ город-
начальномъ училищѣ поступаетъ для дальнѣйшаго образованія въ
зно-дорожное техническое училище, находящееся при ковровскихъ
рскихъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги. *Вязниковскій*:
иісла окончившихъ курсъ въ минувшемъ году 119 мальчиковъ два
пили въ реальное училище г. Иваново-Вознесенска, семь маль-
ъ поступили въ вязниковское городское училище. Въ прежніе годы
10 до 15 каждогодно поступали въ уѣздное училище, остальные
ащались въ свои общества къ прежнимъ семейнымъ занятіямъ.
ховецкій: Почти всѣ изъ оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ
ныхъ училищахъ Гороховецкаго уѣзда крестьянскіе мальчики воз-
ıются въ свои семьи къ земледѣльческой работѣ и только самая не-
тельная часть ихъ, именно до 5% — дѣти состоятельныхъ родите-
ıзъ ближайшихъ къ городу селеній—переходятъ для продолженія
ованія въ существующее въ гор. Гороховцѣ двухклассное город-
училище, и по окончаніи курса въ семъ послѣднемъ большая часть
ащается снова въ свои общества и семьи для хозяйственныхъ кресть-
хъ работъ, а остальные поступаютъ къ постороннимъ лицамъ въ
кеніе для торговли и обученія разнымъ мастерствамъ. *Муромскій*:

По наблюденіямъ членовъ училищнаго совѣта, крестьянскіе мальчики, оканчивающіе курсъ въ начальныхъ училищахъ, по преимуществу, если не исключительно, возвращаются въ свои общества и пріучаются къ тому роду дѣятельности и работъ, который ведетъ и семья; самое ничтожное количество ихъ продолжаютъ ученіе въ мѣстныхъ реальномъ и уѣздныхъ училищахъ. *Меленковскій:* Большая часть окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ Меленковскаго уѣзда крестьянскихъ мальчиковъ возвращаются въ свои общества и семьи къ земледѣльческой работѣ; случаи же обращенія ихъ къ иной дѣятельности встрѣчаются въ училищахъ при заводахъ, въ коихъ (училищахъ) мальчики по окончаніи ученія обращаются къ работамъ на заводахъ, среднимъ числомъ по 15 мальчиковъ ежегодно. *Судогодскій*: Ученики народныхъ школъ Судогодскаго уѣзда, по окончаніи курса ученія, почти всѣ возвращаются въ свои семьи, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ поступающихъ въ учительскую семинарію. *Покровскій*: По наблюденію членовъ совѣта, большинство крестьянскихъ мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, возвращаются въ свои общества и занимаются земледѣліемъ и отхожими заработками; но нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ поступаютъ въ волостные писаря и ихъ помощники, или же находятся прикащиками при торговлѣ. *Александровскій*: Ученики, окончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ, по наблюденію членовъ совѣта, остаются большею частію въ своей семьѣ. *Переяславльскій:* Всѣ изъ окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ крестьянскихъ мальчиковъ, за немногими исключеніями, возвращаются въ свои общества и семьи. *Юрьевскій:* Всѣ мальчики, кончающіе курсъ въ начальныхъ сельскихъ училищахъ, возвращаются къ занятіямъ ихъ родителей, исключая частныхъ (единичныхъ) случаевъ, когда мальчикъ для продолженія своего образованія поступаетъ въ другое учебное заведеніе, что составляетъ не болѣе 2% въ годъ» *).

Такимъ образомъ, къ цѣлой Владимірской губ. обобщеніе протоіерея Покровскаго не имѣетъ никакого примѣненія и безусловно опровергается дѣйствительностью. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Московскомъ уѣздѣ. По собраннымъ уѣздною управою въ 1878 г., чрезъ посредство учителей, свѣдѣніямъ о дальнѣйшей судьбѣ 253 окончившихъ курсъ въ начальной школѣ мальчиковъ, оказалось, что изъ нихъ 11 поступили въ другія учебныя заведенія, 141 занимаются «домашними работами», 17 — ремесломъ (8 поступили въ ученье), поступили на фабрики 20, въ услуженіе въ лавкахъ, трактирахъ и т. д.—26, занимаются торговлей—8, письмоводствомъ въ волостныхъ правленіяхъ и конторахъ—11, въ извозчикахъ—5, работами, не подходящими подъ эти рубрики — 3; объ 11 нѣтъ свѣдѣній.

*) Отчетъ членовъ губ. училищн. совѣта отъ земства Г. В. Тюрикова и А. П. Смирнова о состояніи нач. народ. училищъ Владимірской губерніи въ 1880 г. *Владимірскій Земскій Сборникъ* 1881 г., № 12.

Можно ли же, въ виду такихъ фактовъ, пользоваться замѣчаніемъ одного благочиннаго, чтобы строить на немъ соображенія относительно положенія народнаго образованія въ цѣлой Россіи?

Точно такъ же несогласнымъ съ дѣйствительностью оказывается и утвержденіе г. Цвѣткова, что «малѣйшее посягновеніе *современнаго* учителя на нѣкоторое развитіе ихъ (крестьянскихъ дѣтей) путемъ чтенія популярныхъ учебныхъ пособій вызываетъ въ средѣ сельскаго населенія ропотъ и неудовольствіе на учителя, какъ на занимающагося не дѣломъ, а пустяками, побасенками, не стоющими вниманія». Отдѣльные случаи такого рода, само собою разумѣется, встрѣчаются; отрицать ихъ мы не будемъ, такъ какъ лично знаемъ такіе случаи; но и здѣсь обобщеніе частнаго факта лишено всякаго основанія. Еслибы фактъ этотъ имѣлъ общее значеніе, то, вслѣдствіе недовольства школой, число учениковъ въ земскихъ училищахъ постоянно бы уменьшалось. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что, по мѣрѣ увеличенія числа *современныхъ* учителей, возрастаетъ и число учениковъ въ школахъ. Въ отчетѣ членовъ владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта за 1880 г. *) помѣщена сравнительная вѣдомость о ходѣ народнаго образованія за 15 лѣтъ (1867—1880), изъ которой мы узнаемъ слѣдующее. По трехлѣтіямъ, въ среднемъ выводѣ, было:

Трехлѣтія.	Училищъ. (Среднее	Учителей. въ годъ).	1 учитель на училищъ.	Число учен. въ школѣ.	% дѣвоч.
1866—1868	213	105	2	24	10,3
1869—1871	283	138	2	34	11,2
1872—1874	331	159	2	38	14,2
1875—1877	356	248	1,4	47	16,0
1878—1880	390	446	0,8	50	17,0

Таблица эта глубоко поучительна. Она свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о поступательномъ движеніи за послѣднее 15-лѣтіе народнаго образованія вообще и образованія женщинъ въ частности; во-вторыхъ, изъ нея ясно, что значительная прибыль учащихся совпадаетъ съ увеличеніемъ числа учителей, т. е. съ переходомъ школы изъ рукъ духовенства въ руки учителя-спеціалиста,—того учителя, котораго *Московскія Вѣдомости* величаютъ «полуграмотнымъ верхоглядомъ», который, по свидѣтельству авторитетнаго въ глазахъ г. Каткова автора «Новыхъ идей въ нашей народной школѣ», «вызываетъ въ средѣ сельскаго населенія ропотъ у неудовольствіе». Можно, правда возрастаніе числа учащихся привести въ связь и съ другимъ фактомъ: оно начинается, въ особенно крупныхъ размѣрахъ, съ 1875 г., т.-е. со времени введенія устава о воинской повинности, предоставившаго кончившимъ курсъ въ начальной школѣ сокращеніе на половину срока обязательной службы. Быть-можетъ именно

*) *Владимірскій земскій Сборникъ* 1881 г., № 12.

эта льгота и привлекаетъ учениковъ въ школу. Однако изъ того же отчета членовъ владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта мы узнаемъ, что изъ 14.440 мальчиковъ, учившихся въ 1880 г. въ сельскихъ школахъ Владимірской губ., выбыли до окончанія курса, «по желанію родителей», т. е. добровольно отказались отъ права на льготу, 3.494, или почти четверть общаго числа (24,1%). Процентъ учениковъ, выбывающихъ ранѣе окончанія курса, довольно высокъ не въ одной Владимірской губ. Мы можемъ привести здѣсь свѣдѣнія по этому предмету по гор. Москвѣ и двумъ столичнымъ уѣздамъ—Московскому и Петербургскому. Въ Москвѣ (по выводу за 187⁷/₈—18⁸⁰/₈₁ г.) выбываетъ, среднимъ числомъ, мальчиковъ 15%, въ Московскомъ уѣздѣ (за 187⁶/₇—18⁸⁰/₈₁)—16,6%, въ Петербургскомъ (187⁵/₆—18⁷⁹/₈₀)—12,8%. Въ то же время окончившіе курсъ и получившіе право на льготу по Владимірской губ. составили въ 1880 г. только 7,7% («Отчетъ», стр. 4). Въ виду изложеннаго, врядъ ли возможно утверждать, что постоянный приливъ учащихся въ школы обусловливается стремленіемъ получить право на льготу. Еслибы даже такое стремленіе существовало, то, само собою разумѣется, оно не могло бы оказать никакого вліянія на приливъ въ школы дѣвочекъ. Между тѣмъ прибыль дѣвочекъ, какъ видно изъ приведенной выше таблицы по Владимірской губерніи, особенно замѣтна. Возьмемъ для примѣра еще Московскій уѣздъ и прослѣдимъ число учащихся обоего пола за все время существованія «земскихъ» школъ, т.-е. съ 1872 г.

	Училищъ.	Мальчик.	Дѣвоч.	% дѣвоч. къ общ. числу.
187²/₃	1	42	7	14,3
187³/₄	7	293	47	13,8
187⁴/₅	19	731	126	14,7
187⁵/₆	29	1204	277	18,7
187⁶/₇	32	1376	317	18,7
187⁷/₈	33	1407	385	21,5
187⁸/₉	39	1503	381	20,2
187⁹/₈₀	52	2032	548	21,2
18⁸⁰/₈₁	54	2288	702	23,5

И здѣсь, какъ во Владимірской губерніи, замѣчается постепенное возрастаніе процента учащихся дѣвочекъ, несмотря на то, что во всѣхъ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда преподаваніе ведется не священнослужителями, а учителями и учительницами, изъ которыхъ большинство получили образованіе въ «такъ-называемыхъ учительскихъ семинаріяхъ»; притомъ ведется не съ «малѣйшимъ» только, а съ полнымъ «посягновеніемъ на нѣкоторое развитіе крестьянскихъ дѣтей путемъ чтенія популярныхъ школьныхъ пособій». Гдѣ же, спрашивается, ропотъ и неудовольствіе сельскаго населенія?

Замѣчаніе г. Цвѣткова относительно положенія школы среди раскольничьяго населенія не лишено значенія. По его словамъ, «почти каждый школьникъ, только-что выучившійся кое-какъ читать и писать, непремѣнно, разумѣется, по волѣ родителей, спѣшитъ оставить школу и переходитъ къ какой-нибудь начетчицѣ для «вящаго» усовершенствованія». Фактъ этотъ, если онъ вѣренъ, объясняется, однако, не тѣмъ обстоятельствомъ, въ зависимость отъ котораго старается поставить его авторъ. Раскольники бѣгутъ отнюдь не отъ «посягновеній» на развитіе дѣтей путемъ чтенія популярныхъ пособій; напротивъ, по словамъ самого г. Цвѣткова, они пользуются школою, чтобы научить дѣтей «кое-какъ читать и писать», т.-е. оставляютъ ихъ учиться все то время, когда въ современной школѣ совершается это «посягновеніе», когда всѣ старанія учителя направлены на ознакомленіе учениковъ съ окружающими ихъ предметами, когда «присказки и прибаутки» служатъ главнымъ орудіемъ развитія и обученія. Пройдя этотъ начальный курсъ, дѣти раскольниковъ переходятъ къ «какой - нибудь начетчицѣ, для «вящаго» усовершенствованія». Но къ какой отрасли знаній относится это усовершенствованіе? *Московскія Вѣдомости* обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ, между тѣмъ отвѣтить на него не трудно. Обогатившись первоначальнымъ знаніемъ, раскольники идутъ къ «начетчицѣ», чтобы запастись знаніями религіозными, которыхъ православная школа дать имъ не можетъ, ибо ученіе, въ ней преподаваемое, составляетъ отрицаніе тѣхъ вѣрованій, которыми они дорожатъ; изъ школы, думаемъ мы, гонитъ ученика-раскольника не учитель, «посягающій» на ознакомленіе его съ популярными книжками, а законоучитель — священникъ, представитель чуждыхъ раскольнику вѣрованій. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: еслибъ была организована раскольничья школа, весьма вѣроятно, что православное населеніе относилось бы къ ней такъ же, какъ раскольники относятся къ православной.

Земской школѣ давно уже ставится въ упрекъ, что въ ней мало обученія религіознаго, что преподаваніе закона Божія въ ней слабо. Никто, впрочемъ, до сихъ поръ не возводилъ, сколько намъ извѣстно, такого нелѣпаго упрека, какъ придуманный *Московскими Вѣдомостями*, будто бы изъ 720 годовыхъ учебныхъ часовъ въ школахъ барона Корфа отдѣляется на законъ Божій всего 8—30 часовъ въ годъ. Это или обмолвка, или намѣренная, наглая ложь. Простой справки съ книгой самого барона Корфа «Русская начальная школа» *) достаточно, чтобъ убѣдиться въ совершенной невѣрности сообщаемыхъ органомъ г. Каткова свѣдѣній. Изъ приложеннаго къ книгѣ «росписанія учебныхъ занятій въ начальномъ народномъ училищѣ», № 2, видно, что изъ 36 учебныхъ часовъ въ недѣлю баронъ Корфъ отводитъ для закона Божія: въ I и II классахъ по 1 часу, а въ III—3 часа; слѣдовательно, при 720 часахъ (20 недѣль), на законъ

*) Мы ссылаемся на 2-е изданіе 1871 года.

Божій приходится въ I и II отдѣленіяхъ не 8 и 15, а по 20 часовъ, а въ III—не 30, а 60. Въ другихъ земскихъ школахъ число часовъ, посвящённыхъ закону Божію, тоже не соотвѣтствуетъ указываемому *Московскими Вѣдомостями*. Въ школахъ Московскаго уѣзда, напримѣръ, по программѣ, одобренной въ 1878 году земскимъ собраніемъ и утвержденной училищнымъ совѣтомъ, положено на законъ Божій 4 часа въ недѣлю.

Съ рѣзкимъ обвиненіемъ современной школы, въ указанномъ направленіи, выступилъ въ концѣ 1874 г. бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, князь А. В. Мещерскій, въ запискѣ, внесенной въ московскій губернскій училищный совѣтъ и впослѣдствіи напечатанной въ журналѣ *Гражданинъ* (1875 г., № 29). «Губернскій училищный совѣтъ,—сказано въ этой запискѣ,—на основаніи точныхъ и положительныхъ данныхъ, уже пришелъ, въ первомъ же своемъ засѣданіи, къ единогласному заключенію, что преподаваніе закона вѣры Христовой идетъ всего неудовлетворительнѣе и составляетъ, такимъ образомъ, самую слабую сторону всей училищной системы и всего училищнаго быта, уступая первое мѣсто или сухому школьному преподаванію, или столько же смѣшному, сколько безполезному практически, нравственно-губительному резонерству». «Поэтому — говоритъ далѣе князь Мещерскій, — понятенъ фактъ недовѣрія и нелюбви народа къ *нашимъ* школамъ. Ему вовсе не нужны *резонеры*, которыхъ мы ему навязываемъ, все развитіе которыхъ, преимущественно посредствомъ чтенія и толкованія *басень*, *основано на объясненіи предметовъ міра вещественнаго*, по необходимости самомъ поверхностномъ и отрывочномъ и къ тому же способномъ принять всякій тенденціозный оттѣнокъ. Но именно того, что нужно народу, наши школы не даютъ ему. Въ нихъ нѣтъ начальнаго образованія *«воспитательнаго»*, какимъ должно быть всякое начальное образованіе, насаждающаго ничѣмъ не истребимые впослѣдствіи корни развитія отрока и юноши въ личность нравственно-человѣческую, признающую надъ правилами своей жизни *высшую санкцію*, безъ которой возможны разумные и даже отлично обученные *негодяи*, но невозможны *годные* люди, на которыхъ можно бы положиться. На своемъ мѣткомъ языкѣ и руководимый своею безсознательною, но уже древнею, какъ самъ народъ, и испытанною всякими искусами мудростью, нашъ народъ пеняетъ нашимъ школамъ за то, что въ нихъ не учатъ самымъ важнымъ, по его понятію, предметамъ, а именно *страху Божію* и *церковному*, т.-е. славянскому, чтенію». Относительно преподаванія собственно закона Божія князь Мещерскій замѣчаетъ, что «всѣ руководства и программы по этому предмету, какъ слишкомъ догматическія, выше дѣтскаго пониманія; зачастую, благодаря программѣ, по которой можетъ и долженъ преподавать только священникъ, который отвлеченъ своими требами, преподается только одинъ урокъ въ недѣлю изъ закона Божія, продолжающійся часъ, а иногда и

полчаса; въ лучшихъ случаяхъ оказывается *долбленіе* на память *догматики* и преподаваніе *обрядоученія*, вмѣсто вѣроученія».

Послѣдній упрекъ не лишенъ основанія. Дѣйствительно, изученіе закона Божія въ школахъ нерѣдко обращается въ *долбленіе* на память, безсознательное и потому совершенно безполезное, не могущее оказывать никакого нравственнаго вліянія на учащихся. Вотъ, напримѣръ, отзывъ о преподаваніи закона Божія, помѣщенный въ отчетѣ членовъ свіяжскаго, Казанской губерніи, училищнаго совѣта, протоіерея П. И. Фалькова и Н. В. Тренина, за 1880—81 учебный годъ. Законоучители, придерживаясь программы, изданной для испытанія на право льготы по воинской повинности, «допускаютъ многіе пробѣлы въ своемъ преподаваніи закона Божія, которые не могутъ быть допущены при школьномъ обученіи сему предмету. Такъ, напримѣръ, многіе законоучители весьма поверхностно знакомятъ учениковъ съ понятіемъ о христіанскомъ храмѣ и церковномъ богослуженіи, а въ особенности съ литургіей, между тѣмъ какъ познаніе о святомъ храмѣ и божественной литургіи существенно необходимо для ученика, какъ христіанина, который во всю свою жизнь находится въ самой тѣсной духовной связи съ церквою и ея богослуженіемъ. Кромѣ того и самый способъ преподаванія закона Божія въ нашихъ сельскихъ школахъ найденъ нами неудовлетворительнымъ. За исключеніемъ весьма немногихъ школъ, преподаватели при изученіи катихизиса *ограничиваются объясненіемъ одного только внѣшняго, а не внутренняго смысла христіанскихъ истинъ* и не освѣщаютъ катихизическихъ своихъ уроковъ объяснительными разсказами изъ священной исторіи, которая, такимъ образомъ, выходитъ у нихъ предметомъ отдѣльнымъ, неимѣющимъ никакой связи съ вѣроученіемъ» *).

Преподаваніе закона Божія во всѣхъ земскихъ школахъ поручается мѣстнымъ священникамъ, но, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ эти послѣдніе оказываются стоящими на высотѣ своей задачи, далеко не всѣ они обнаруживаютъ не только умѣнье, но и желаніе исполнять какъ слѣдуетъ возложенную на нихъ важную задачу. Жалобы на бездѣятельность, на безпрестанныя манкировки законоучителей слышатся постоянно; священники или уклоняются отъ преподаванія, или, взявшись за него, относятся къ нему небрежно. По отзыву Новосильскаго, Тульской губ., училищнаго совѣта, «успѣхи преподаванія закона Божія за прошедшіе два года (1878—79 и 1879—80) значительно понизились, между тѣмъ какъ начиная съ 1873—74 по 1878—79 г. успѣшность преподаванія этого предмета не понизилась, а повысилась». Причину такого пониженія успѣховъ совѣтъ усматриваетъ въ устраненіи учителей отъ преподаванія закона Божія и требованій епархіальнаго начальства и дирекціи, чтобъ это пре-

*) Отчетъ о дѣйствіяхъ свіяжской уѣздной земской управы съ 1-го сентабря 1880 г. по 1-е сентабря 1881 г. и постановленія XVII очер. уѣздн. земск. собранія, стр. 465.

подаваніе велось мѣстными священниками. «Обремененные выполненіемъ своихъ прежнихъ обязанностей по приходу, часто весьма обширному, и заботами о своемъ хозяйствѣ, священники, за рѣдкими исключеніями, положительно не могутъ всецѣло посвятить себя преподавательской дѣятельности. Такъ, изъ данныхъ ревизіи настоящаго отчета видно, что изъ числа 31 законоучителя только шесть (въ томъ числѣ двое городскихъ) дѣйствительно сами вели преподаванія; въ остальныхъ училищахъ законоучители входили въ соглашеніе съ учителями, которые вели за нихъ уроки по Закону Божію, а они ограничивали свое участіе болѣе или менѣе частыми посѣщеніями школъ или даже ни одного раза не посѣщали училища въ теченіе всего учебнаго года». Священники, слѣдовательно, уклоняясь отъ исполненія законоучительскихъ обязанностей, обходятъ для этого законъ, а это оказываетъ крайне вредное вліяніе на школу. «Учитель, преподающій законъ Божій по соглашенію съ законоучителемъ,—говоритъ новосильскій училищный совѣтъ,—ничѣмъ не отвѣчаетъ за успѣшность своего преподаванія, а потому въ большой части случаевъ ведетъ его, что называется, спустя рукава, и какъ бы ни былъ хорошо расположенъ къ законоучителю, неминуемо пожелаетъ поставить свой предметъ выше того, который онъ ведетъ за другаго». Съ другой стороны, «еще гораздо худшія послѣдствія для договаривающихся сторонъ имѣютъ эти сдѣлки въ нравственномъ отношеніи, особенно для законоучителя. Членамъ училищнаго совѣта, во время испытаній въ училищахъ, не разъ приходилось видѣть, въ какомъ ложномъ положеніи находится мѣстный священникъ во время испытанія учениковъ по закону Божію, когда онъ, считаясь законоучителемъ, передалъ преподаваніе учителю, и, что всего хуже, это то, что ученики и присутствующіе при испытаніи родители ихъ сознаютъ, что и священникъ, и учитель, предъ лицомъ ревизующаго, повинны въ обманѣ и неправдѣ, что явившійся на испытаніе, въ качествѣ преподавателя, батюшка или вовсе въ училищѣ не бывалъ, или заглянулъ въ оное разъ десять въ теченіе зимы. Могутъ ли ученики сохранить какой-либо слѣдъ уваженія къ наставникамъ, являющимъ имъ примѣръ обмана и уклоненія отъ выполненія прямыхъ своихъ обязанностей, и какого воспитательнаго вліянія мы въ правѣ ожидать отъ школы, въ которой примѣръ этого обмана дается наставниками и духовными руководителями» *)?

Небрежность законоучителей Новосильскаго уѣзда можетъ быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что они не получаютъ опредѣленнаго вознагражденія, а пользуются лишь единовременными наградами, по мѣрѣ успѣховъ. Но вотъ свѣдѣнія, идущія изъ уѣзда, гдѣ установлено постоянное жалованье для законоучителей, въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ,—изъ

*) „Отчетъ новосильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта о состояніи училищъ уѣзда на 1879—80 г."

Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи. «Двоимъ священникамъ,—говоритъ инспекторъ народныхъ училищъ Н. Н. Шмидтовъ,—за непосѣщеніе училищъ въ теченіе года училищный совѣтъ долженъ былъ отказать въ выдачѣ земскаго вознагражденія. Одинъ изъ законоучителей былъ два раза въ учебный періодъ; такимъ образомъ его визитъ въ училище стоилъ земству 25 руб.; другой священникъ не давалъ уроковъ въ училищѣ, а заходилъ въ него, чтобы заявить бывшей учительницѣ, а потомъ смѣнившему ее учителю свои права надзора за ними и право дѣлать распоряженія и замѣчанія, какъ должно вести себя. Слишкомъ внушительный. цензорскій образъ дѣйствій этого о. законоучителя встрѣчалъ со стороны учащихъ отпоръ, за которымъ слѣдовали отъ о. законоучителя донесенія въ училищный совѣтъ, и одинъ разъ это донесеніе было таково, что безъ всякаго дознанія была очевидна невѣроятность описываемаго имъ дѣянія учительницы». «При осмотрахъ училищъ мною и членами училищнаго совѣта,—добавляетъ г. Шмидтовъ,—оказывалось, что большинство законоучителей бываетъ въ училищахъ рѣдко. Провѣрить, сколько въ дѣйствительности дано ими уроковъ, «оказывается невозможнымъ, и потому предполагаемое правило о поурочномъ вознагражденіи оказывается практически непримѣнимымъ» *).

Попытки поурочнаго вознагражденія законоучителей, въ видахъ привлеченія ихъ къ болѣе усердному занятію преподаваніемъ, были дѣлаемы земствомъ неоднократно. Въ недавнее время къ этой мѣрѣ прибѣгло московское губернское земство. Въ засѣданіи 8 декабря 1879 года гласный Д. Ѳ. Самаринъ указалъ на неправильную постановку закона Божія въ школѣ, ссылаясь на отзывъ руководителя по закону Божію бывшихъ въ томъ году лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ, по словамъ котораго, «хотя оффиціальными преподавателями закона Божія состоятъ священники, но частію вслѣдствіе отдаленности церкви отъ школы, частію вслѣдствіе того. что они обременены исправленіемъ требъ, частію по другимъ причинамъ, они весьма часто не въ состояніи исполнять свою обязанность, и учителямъ русскаго языка и ариѳметики приходится замѣнять ихъ и не только повторять уже пройденное, но и проходить самый предметъ». Признавая желательнымъ, чтобы законъ Божій преподавался священникомъ, г. Самаринъ, въ виду недостаточности получаемаго законоучителями вознагражденія (30, 40, maximum 60 р., и, какъ исключеніе, въ одномъ Московскомъ уѣздѣ 75 р. въ годъ), предложилъ губернскому земству ввести поурочное вознагражденіе законоучителей-священниковъ, чтобы довести годовую плату до 120—140 руб. Предложеніе это было принято и въ засѣданіи 8 декабря 1880 года собраніе постановило выдавать поурочное

*) Общій очеркъ состоянія начальныхъ народныхъ училищъ Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, за 1878 — 79 г. въ „Докладахъ и отчетѣ аткарской уѣздной земской управы 14 очередному уѣздному земскому собранію 1879 г.“, стр. 194.

вознагражденіе, по 1 р. за урокъ, въ тѣхъ школахъ, гдѣ на преподаваніе закона Божія назначено три урока въ недѣлю и по 2 часа на каждый урокъ. Первый опытъ, однако, оказался неудачнымъ. Изъ представленнаго губернскою управой, въ сессію 1881 года, доклада видно, что «заявленія законоучителей клонятся къ тому, чтобы сохранить нынѣ существующій порядокъ, при которомъ они могли бы давать уроки, когда сочтутъ это удобнымъ»; что число манкировокъ законоучителей весьма значительно: по Подольскому уѣзду, вмѣсто 822 уроковъ, дано 663, по Дмитровскому—на 884 часа уроковъ, данныхъ въ часы, назначенные по росписанію, приходится 121 пропускъ и 70 уроковъ, данныхъ въ часы неназначенные росписаніемъ, и т. под.; что, наконецъ, доставленныя свѣдѣнія о данныхъ урокахъ наводятъ на сомнѣніе въ правильности показаній: по нѣкоторымъ школамъ указывается на такое число уроковъ, данныхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, которое въ дѣйствительности не могло имѣть мѣста, такъ какъ изъ этого мѣсяца надо исключить половину на Пасху и Страстную недѣлю... Неисправность законоучителей объясняется тѣмъ, что на нихъ лежатъ другія обязанности по приходу и исполненіе разныхъ требъ.

Врядъ ли справедливо то объясненіе причины законоучительской неисправности, которое предлагается *Московскими Вѣдомостями*. «Можно себѣ представить,—говоритъ газета,—съ какою охотою священники должны преподавать въ этихъ школахъ, гдѣ ихъ предметъ занимаетъ послѣднее мѣсто и гдѣ имъ приходится выслушивать выговоры и наставленія послѣднихъ учителей, стремящихся захватить въ свои руки и преподаваніе закона Божія по новѣйшимъ методамъ». Еслибы въ самомъ дѣлѣ такое положеніе существовало, еслибы законоучители были стѣсняемы въ своей дѣятельности, они, безъ сомнѣнія, заявили бы свой протестъ въ формѣ болѣе сильной, нежели уклоненіе отъ принятыхъ на себя обязанностей: они заявили бы свои жалобы и епархіальному начальству, и училищнымъ совѣтамъ, въ средѣ которыхъ засѣдаютъ избираемые изъ ихъ среды члены. Однако такого протеста не встрѣчается; стало-быть, или положеніе законоучителей не такъ ужасно, какъ описываетъ органъ г. Каткова, или они имѣютъ основаніе мириться съ нимъ, не домогаться его улучшенія. Въ особенности трудно вѣрится заявленію, будто бы законоучители вынуждаются «выслушивать выговоры и наставленія послѣднихъ учителей». Каждый, кто знакомъ съ школьнымъ дѣломъ, хорошо знаетъ, что гораздо чаще встрѣчаются случаи «слишкомъ внушительнаго, цензорскаго», какъ выражается аткарскій инспекторъ, образа дѣйствій законоучителей по отношенію къ учителямъ, нежели посягательство послѣднихъ на занятіе первенствующаго мѣста въ школѣ. Какъ часто учителя и учительницы подвергаются перемѣщеніямъ и увольненію вслѣдствіе происковъ мѣстнаго духовенства! Говорить объ угнетенномъ положеніи законоучителя въ школѣ можно только или вслѣдствіе незнакомства съ дѣломъ, или изъ желанія сказать завѣдомую неправду.

Многочисленныя ходатайства земскихъ собраній о предоставленіи свѣтскимъ учителямъ права преподавать законъ Божій вызываются отнюдь не желаніемъ устранить отъ школы духовенство; напротивъ, высказывается желаніе привлечь послѣднее къ болѣе дѣятельному участію въ просвѣщеніи народа. «Если необходимость побуждаетъ предоставить отчасти преподаваніе закона Божія свѣтскимъ лицамъ,—говоритъ коммиссія курскаго губернскаго земскаго собранія,—то въ тѣхъ школахъ, гдѣ онъ преподается и гдѣ можно привлечь къ оному мѣстныхъ священниковъ, оно и должно остаться за ними и, во всякомъ случаѣ, даже въ тѣхъ школахъ, гдѣ онъ преподается свѣтскими учителями, преподаваніе это должно производиться подъ наблюденіемъ ближайшаго духовенства... Рядомъ съ частною необходимостью допустить къ преподаванію закона Божія въ народныхъ школахъ свѣтскихъ лицъ опредѣленнаго образовательнаго ценза, едва ли не большое вниманіе и заботу требуется употребить на привлеченіе мѣстнаго духовенства къ оному». Но, по словамъ коммиссіи, въ Курской губерніи «есть церковные приходы, въ которыхъ имѣется по нѣскольку школъ и въ которыхъ, слѣдовательно, не можетъ быть законоучителей духовнаго сана; есть школы, въ которыхъ нѣтъ совсѣмъ законоучителей и ученики которыхъ не имѣютъ права поэтому держать экзамена на льготныя по воинской повинности свидѣтельства» [1]). Въ петербургскомъ губернскомъ собраніи было заявлено, что «священники охотно занимаются въ школахъ, находящихся въ мѣстахъ ихъ жительства; но если школа находится въ нѣсколькихъ верстахъ, то невозможно требовать, чтобъ они посѣщали эти школы». Были приведены примѣры мѣстностей, гдѣ, «на разстояніи 60 верстъ и при существованіи въ этомъ районѣ нѣсколькихъ училищъ, имѣется всего одинъ священникъ, который, слѣдовательно, при всемъ его желаніи, не имѣетъ физической возможности посѣщать эти школы [2]). По собраннымъ губернскою управою свѣдѣніямъ, въ Петербургской губерніи изъ 203 школъ 92 находятся въ селеніяхъ, гдѣ есть церковь, 56 школъ на разстояніи до 5 верстъ отъ церкви и 16—далѣе 5 верстъ. «Выясняемое этою таблицей отношеніе числа училищъ, отдаленныхъ отъ церквей, должно въ теченіе времени ухудшаться, такъ какъ первоначально училища устраиваемы были преимущественно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и такимъ образомъ, при постоянно возрастающемъ числѣ училищъ, число отдаленныхъ отъ церквей училищъ будетъ также возрастать [3]). Замѣтимъ, что въ пользу допущенія свѣтскихъ учителей къ преподаванію закона Божія, при извѣстныхъ гарантіяхъ, высказался происходившій въ 1877 году, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Гермогена, съѣздъ законоучителей Петербурга и Петербургскаго уѣзда.

---

[1]) „Журн. засѣданій XVI очер. курскаго губернск. земск. собр.“, стр. 683.

[2]) „Сборникъ постановленій спб. губернск. земск. собр.“, съ 1865 по 1879 г., стр. 743.

[3]) Тамъ же, стр. 747.

Дѣятельность русскаго духовенства на поприщѣ народнаго просвѣщенія, конечно, заслуживаетъ полнаго уваженія. Въ теченіе вѣковъ оно одно распространяло лучи свѣта въ темной массѣ; оно первое откликнулось на потребность въ образованіи, съ особенною силой сказавшуюся послѣ освобожденія крестьянъ; оно, наконецъ, предложило свои услуги, когда вновь созданныя земскія учрежденія взялись за распространеніе грамотности въ народѣ. И теперь въ отчетахъ о народныхъ училищахъ встрѣчаются почтенные примѣры безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія священниковъ дѣлу просвѣщенія народа; встрѣчаются указанія на вполнѣ плодотворную дѣятельность отдѣльныхъ пастырей, на нравственное вліяніе ихъ на паству. Заслуги русскаго духовенства не подлежатъ сомнѣнію, но едва ли это можетъ служить поводомъ въ передачѣ вновь въ его руки всего школьнаго дѣла, къ устраненію отъ служенія народу тѣхъ элементовъ, которые, въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ, подвинули впередъ народную грамотность, прочно поставили русскую народную школу. Участіе духовенства въ школьномъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, желательно и можетъ принести пользу, но отъ возложенія учительскихъ обязанностей на однихъ священнослужителей нельзя ожидать благихъ результатовъ. Съ введеніемъ единственнаго типа школы, школы церковноприходской, должны будутъ закрыться всѣ училища, находящіяся въ деревняхъ, вдали отъ церквей, а это, конечно, поведетъ не къ увеличенію числа образовательныхъ заведеній, а къ уменьшенію ихъ. Съ другой стороны, не во всякомъ приходѣ школа возможна: священникъ, весь поглощенный исполненіемъ своихъ церковныхъ обязанностей по раскинутому на 60 верстъ (какъ въ Петербургской губ.) приходу, священникъ, обремененный преклонными лѣтами и болѣзнями (мы не говоримъ уже о священникахъ, одержимыхъ извѣстными слабостями)—не въ силахъ будетъ вести школу, и эта послѣдняя, въ силу вещей, попадетъ въ руки нерѣдко малограмотнаго причетника, или и совсѣмъ безграмотнаго ученика той же школы. Умственный и образовательный уровень преподавателей, при такихъ условіяхъ, не возвысится: мѣста «полуграмотныхъ верхоглядовъ, просидѣвшихъ послѣ сохи три года въ такъ-называемыхъ учительскихъ семинаріяхъ», займутъ, въ указанныхъ случаяхъ, полуграмотные же «верхогляды», недоучившіеся въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, уволенные изъ нихъ по неспособности. Правда, отъ начальной школы требуется немного: «*читать, писать, считать,* вотъ, — говорятъ *Московскія Вѣдомости* (№ 255), кромѣ закона Божія, программа народной школы, одобряемая какъ здравымъ смысломъ, такъ и практикой тѣхъ странъ, гдѣ школьное дѣло утвердилось и упрочилось». Этимъ предметамъ, по мнѣнію газеты, «конечно, будутъ въ состояніи обучать деревенскихъ дѣтей» священнослужители, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Программа эта, дѣйствительно, не сложна: читать, писать и считать выучить не трудно; но вопросъ въ томъ, какъ

выучить. Всему этому учили и въ прежнихъ приходскихъ школахъ, ученики которыхъ выучивали псалтирь, пріобрѣтали искусство выводить на бумагѣ подобіе буквъ и словъ, но едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что народъ получалъ тогда начальное образованіе.

Въ результатѣ такого обученія, говоря словами рязанскаго гласнаго крестьянина И. М. Горшкова, «выйдетъ только то, что увеличится лишь число грамотныхъ, но за то едва ли можетъ возвыситься уровень народнаго образованія, и народъ, несмотря на свою грамотность, или, лучше сказать, на умѣнье подписывать свое имя, останется такимъ же темнымъ, суевѣрнымъ и неразвитымъ, какимъ онъ и былъ большею частью до сихъ поръ. Между тѣмъ многочисленные опыты, встрѣчающіеся почти на каждомъ шагу, положительно доказываютъ, что поверхностное знаніе грамоты, или малограмотность крестьянъ, вмѣсто пользы, приносила большею частью одинъ лишь только вредъ» *). *Московскія Вѣдомости* глумятся надъ «новѣйшими методами» обученія, но онѣ забываютъ, что у насъ именно методъ имѣетъ весьма важное значеніе: нашъ крестьянинъ можетъ удѣлить на посѣщеніе школы лишь весьма немного времени (неполные три года, т. е. не болѣе 70—80 недѣль), да и этотъ ничтожный періодъ обученія ученикъ сельской школы, по разнымъ причинамъ, сокращаетъ, пропуская классы. Вслѣдствіе этого, и въ виду совершенной неразвитости огромнаго большинства поступающихъ въ школу дѣтей, необходимы такіе методы преподаванія, которые давали бы ученику возможность *скоро* усвоить начальныя знанія, а именно необходимою скоростью усвоенія и не отличались способы преподаванія, практиковавшіеся и доселѣ практикующіеся въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ. Не далѣе, какъ въ 1868 году, одинъ изъ членовъ московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта священникъ Смирновъ заявилъ земскому собранію, что «отъ всѣхъ учениковъ невозможно ожидать *пониманія прочитаннаго* (sic!), ежели они пробыли одинъ только учебный годъ въ училищѣ» **). Не сущностью ли «методовъ» обусловливается то обстоятельство, что въ приходскихъ школахъ число учениковъ всегда было ничтожно, что онѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе несочувствія крестьянъ, таяли и наконецъ уничтожались, между тѣмъ какъ земскія школы переполняются учащимися? Какъ бы ни были неудовлетворительны, даже смѣшны въ частностяхъ «новѣйшіе методы», однако преимущество ихъ передъ прежнимъ долбленіемъ богослужебныхъ книгъ несомнѣнно. Съ помощью этихъ методовъ ребенокъ тоже научается только *читать, писать и считать*, съ тою лишь разницею, что эти знанія пріобрѣтаются *скоро* и *сознательно*.

Взглянемъ на другую сторону дѣла, на отношенія народной школы къ земскимъ учрежденіямъ. Передача школы въ непосредственное вѣдѣніе духо-

*) „Журналы II очер. рязанскаго губерн. земскаго собранія, декабрь 1866 г.“, стр. 269.

**) „Журн. уѣздн. земскаго собранія Московской губ. 1868 года“, стр. 56.

венства или учрежденіе, наряду съ земскою школой, особо покровительствуемаго правительствомъ церковно-приходскаго училища, стоящаго внѣ земскаго вліянія, неминуемо внесетъ разладъ и рознь между духовенствомъ и другими классами мѣстнаго общества. Земскія учрежденія едва ли въ состояніи будутъ равнодушно отнестись къ предполагаемой реформѣ: имъ придется или совсѣмъ отказаться отъ дорогаго имъ дѣла народнаго образованія (отчего дѣло это пострадаетъ, хотя бы въ матеріальномъ отношеніи), или выступить на защиту *своей* школы и войти въ столкновеніе и съ духовенствомъ, и съ училищнымъ начальствомъ. Результаты получатся тѣ же, какіе дала реформа 1874 г., когда земству тоже были противопоставлены отдѣльное сословіе—дворянство и администрація, и которые слѣдующимъ образомъ характеризуются коммиссій тульскаго губернскаго земскаго собранія 1880 г.: «Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія народной школы, — говоритъ коммиссія, — она была заподозрѣна въ стремленіяхъ, или небывалыхъ, или преувеличенныхъ, и во всякомъ случаѣ ложно понятыхъ. Съ 1874 г. началось иное, чѣмъ прежде, отношеніе министерства народнаго просвѣщенія въ каждой школѣ. Чѣмъ бы ни мотивировалось такое отношеніе, но несомнѣнно, что оно принесло вредъ дѣлу. Живая сторона его была убита. Въ веденіе школы былъ внесенъ формализмъ. Самодѣятельность земства была стѣснена. Плоды такого отношенія сказались скоро. Понятно, что земство не могло отказаться отъ дѣла, которое оно излюбило, въ будущность котораго оно вѣрило. Оно стало на его защиту. Образовалось недружелюбное отношеніе правительственныхъ и земскихъ органовъ и вмѣсто того, чтобъ идти рука объ руку, эти двѣ силы убивали свою энергію на взаимныя пререканія» *). Такъ и теперь между духовенствомъ и земствомъ можетъ возникнуть борьба, сопровождаемая безплодною тратой силъ, безусловно вредная для дѣла. Мы опасаемся этой борьбы, хотя и согласны съ *Московскими Вѣдомостями*, что *клерикализма* и клерикаловъ, какъ партіи, «отстаивающей интересы церковнаго владычества», у насъ нѣтъ; мы опасаемся ея потому, что наше духовенство есть *сословіе*, изолированное отъ другихъ сословій, имѣющее свои частные, сословные интересы, которые оно и будетъ отстаивать, хотя бы въ ущербъ общему дѣлу. Сословіе, ранѣе призванное на стражу школы — дворянство—ничѣмъ не проявило свой дѣятельности; оно дѣйствовало только въ земствѣ, и иначе дѣйствовать не могло, за неимѣніемъ кастовыхъ связей и интересовъ. Иное дѣло—духовенство. Отождествлять его съ церковью, а тѣмъ менѣе съ русскимъ обществомъ, какъ это дѣлаютъ *Московскія Вѣдомости*, едва ли основательно. «Русская церковь,—говоритъ газета г. Каткова (№ 238),—неразрывно связана съ русскимъ государствомъ. Противополагать русскую церковь русскому *земству,* — не въ

---

*) „Журналы XVI очер. тульскаго губернскаго земскаго собранія". Приложеніе стр. 7.

смыслѣ валуевскихъ земскихъ учрежденій, а въ смыслѣ русскаго народа,—можетъ только человѣкъ, старающійся *намѣренно* смутить публику, представляя ей, подъ видомъ русскаго *земства*, лишь извѣстнаго рода «дѣятелей». «Валуевскія» земскія учрежденія, несмотря на всѣ давно сознанные и очевидные ихъ недостатки, имѣютъ все-таки то преимущество, что дѣятельность ихъ происходитъ не только на глазахъ, но и подъ вліяніемъ мѣстнаго общества; что это послѣднее, хотя и въ ограниченной степени, имѣетъ возможность заявлять имъ свои требованія, руководить ихъ дѣйствіями, смѣнять неугодныхъ ему дѣятелей и замѣнять другими. Ничего подобнаго нѣтъ въ церковной жизни: церковное общество лишено органовъ для выраженія своихъ желаній, лишено всякаго вліянія на свое духовенство, руководимое только епархіальною властью, зависимое только отъ этой послѣдней. Школа, руководимая духовенствомъ, не будетъ школой общественной, ибо она будетъ стоять внѣ вліянія общества; для выраженія своего недовольства ею, народу останется одно только средство—не посылать въ нее дѣтей. Но выиграетъ ли отъ этого народное просвѣщеніе?

Наша современная школа, безспорно, имѣетъ много недостатковъ, наши образовательныя средства недостаточны; устранить эти недостатки, восполнить существующіе пробѣлы необходимо, но для этого нужно сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ силъ, а не искуственное ихъ разобщеніе. Пусть наше духовенство трудится надъ просвѣщеніемъ народа; пусть церковно-приходская школа появится тамъ, гдѣ ея существованіе необходимо, но пусть войдетъ она въ общую школьную систему, пусть сдѣлается органическою частью нашего школьнаго строя. Рознь и безплодная борьба различныхъ общественныхъ элементовъ теперь, въ наше трудное время, менѣе умѣстны, нежели когда-либо. Только дружное содѣйствіе всѣхъ силъ страны—и правительства, и общественныхъ классовъ—можетъ подвинуть впередъ просвѣщеніе нашего народа, побороть того врага, который причинилъ такъ много зла нашему отечеству, который грозитъ намъ неисчислимыми бѣдствіями въ будущемъ, которому имя—*невѣжество*.

В. Скалонъ.

По вопросу о городскихъ банкахъ *).

I.

Въ январской книгѣ *Русской Мысли* помѣщена записка оренбургскаго городскаго головы г. Середы, написанная въ защиту «Нормальнаго Положенія» о городскихъ банкахъ 1862 года, по поводу проектированнаго г. министромъ финансовъ измѣненія этого «Положенія».

Г. Середа, имѣя въ виду единственный, извѣстный ему, мѣстный банкъ, усиливается цифровыми данными доказать непогрѣшимость изданнаго 6-го февраля 1862 г. «Положенія о банкахъ».

Правда, дѣятельность оренбургскаго общественнаго банка, въ продолженіе 15 лѣтъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, вниманія и подражанія; но даже эта полезная въ настоящее время дѣятельность можетъ ли оставаться навсегда такою же? Тѣмъ болѣе невозможно по примѣру одного Оренбургскаго банка судить о дѣятельности другихъ городскихъ банковъ, число которыхъ въ Россіи простирается до 300.

Изъ изложеннаго ниже очерка дѣятельности нѣкоторыхъ городскихъ банковъ, взятаго изъ опубликованныхъ за 1881 годъ отчетовъ, оказывается, что измѣненіе «Нормальнаго Положенія» крайне необходимо, но оно представляется далеко недостаточнымъ въ томъ видѣ, какъ проектировано министромъ финансовъ. Измѣненіе «Положенія» желательно въ болѣе широкой формѣ, а именно:

1. Назначеніе процентовъ по вкладамъ не можетъ быть предоставлено банкамъ; ихъ нужно прямо опредѣлить закономъ, какъ это было сдѣлано «Правилами» 1857 года, по срочнымъ вкладамъ не выше 5 и по вѣчнымъ— 5½ процентовъ. Точно также по учету векселей и ссудамъ отъ 6 и не выше 7%.

---

*) Помѣстивъ по этому вопросу въ январской книгѣ сего года статью оренбургскаго городскаго головы Н. А. Середы, редакція считаетъ себя обязанной дать мѣсто и настоящей замѣткѣ, какъ мнѣнію лица, въ этомъ дѣлѣ столь компетентнаго, какъ авторъ ея, П. I. Черкасовъ, учредитель и почетный директоръ Соликамскаго банка. *Ред.*

2. Банковыя операціи не распространять далѣе того города и уѣзда, гдѣ существуетъ банкъ (исключая случаевъ, требуемыхъ учредителями).

3. Торговля процентными бумагами и акціями можетъ производиться только по порученію третьяго лица, за извѣстное коммиссіонное вознагражденіе, но никакъ не за собственный счетъ банка.

4. Контроль за дѣйствіями банковъ, кромѣ городскаго общества, долженъ быть правительственный.

5. Залогъ въ мѣстномъ банкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ не долженъ превышать суммы дѣйствительно принадлежащаго банку капитала или же не долженъ быть вовсе допускаемъ, ибо означенныя имущества служатъ обезпеченіемъ вкладовъ.

Только при таковыхъ основныхъ началахъ могутъ существовать и производить свои операціи городскіе банки.

Несомнѣнно, что сокращеніе процентовъ по вкладамъ поведетъ до нѣкоторой степени къ уменьшенію вкладовъ; но и такое уменьшеніе нельзя считать безусловно справедливымъ, доказательствомъ чего могутъ служить приведенныя ниже извлеченія изъ отчетовъ Рыбинскаго и Елабужскаго банковъ. Кромѣ того, и во многихъ другихъ банкахъ, несмотря на низкіе проценты, вклады весьма значительны и постепенно увеличиваются.

Развѣ можно далѣе допускать произволъ такихъ банковъ, которые высокими процентами по вкладамъ привлекли милліоны рублей, обременительные для банка, дающіе возможность производить неблаговидныя операціи въ личныхъ интересахъ?

Многочисленные факты крайне печальнаго характера изъ дѣятельности нашихъ банковъ указываютъ на настоятельную потребность правительственнаго контроля за дѣйствіями банковъ. Министру финансовъ нѣтъ надобности посылать изъ министерства особыхъ чиновниковъ для повѣрки банковыхъ дѣлъ; почти въ каждомъ губернскомъ городѣ существуютъ контрольная палата и отдѣленіе государственнаго банка,—слѣдовательно, министръ финансовъ и государственный контролеръ, по обоюдному соглашенію, могутъ назначать по одному изъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ для совмѣстнаго обревизованія банковъ. Для этого даже не требуется постоянныхъ ревизоровъ и опредѣленнаго времени. Конечно, было бы лучше, еслибъ эти чины мѣнялись ежегодно. Затѣмъ, въ какое бы время они ни явились для ревизіи, ни малѣйшаго стѣсненія банковымъ операціямъ не сдѣлаютъ.

Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что, по поводу городскихъ банковъ, на бывшемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ торговопромышленномъ съѣздѣ въ Москвѣ, по IV отдѣлу, былъ сдѣланъ мною докладъ о состояніи и ненормальномъ положеніи городскихъ банковъ, дѣйствующихъ на основаніи «Положенія» 1862 года. Вопросъ этотъ, какъ отдѣленіемъ, такъ и на общемъ собраніи, резюмированъ приблизительно въ такомъ смыслѣ:

«Съѣздъ обратилъ вниманіе на несоотвѣтствіе своему назначенію городскихъ общественныхъ банковъ. Съѣздъ признаетъ существованіе городскихъ банковъ, при дѣйствующемъ ихъ уставѣ, ненормальнымъ и представляющимъ опасность для вкладчиковъ и общественнаго кредита».

II.

Финансовые обороты Скопинскаго банка, по-прежнему, продолжаютъ поражать своими громадными цифрами, и суммы, показываемыя по отчету принадлежащими банку, превышаютъ милліонъ рублей, а съ резервнымъ 1.200.000 руб. Вклады, къ крайнему удивленію, возрастаютъ. Обороты по приходу и расходу за 1881 годъ—до 41 милл. рублей. Но удивительнѣе всего цифра *наличной кассы—766.822 руб. 32 3/4 коп.!!!* На 1 января 1880 года въ кассѣ было 623.825 руб.,—слѣдовательно, въ кассѣ банка имѣется въ наличности постоянно этотъ капиталъ. Такъ или иначе, а между тѣмъ вкладчики, являющіеся за небольшими суммами своего вклада, въ нѣсколько тысячъ рублей, живутъ въ Скопинѣ по недѣлѣ и болѣе, чтобы получить вкладъ. Поэтому и позволительно усомниться въ показываемой наличности. Обращаюсь къ цифрамъ отчета, изъ которыхъ беру болѣе выдающіяся. *Вклады*: а) вѣчныхъ 696.449 руб., б) безсрочныхъ 2.847.470 руб. и в) срочныхъ 8.260.715 руб., а всего 11.840.634 руб. Если къ этимъ вкладамъ присоединить проценты, не взятые вкладчиками изъ слѣдуемыхъ имъ 712.307 р., 296.016. руб.,—сумма, переходящая по отчетамъ изъ года въ годъ и, по всей вѣроятности, причисляемая къ срочнымъ вкладамъ,—то они превышаютъ *двѣнадцать милл. рублей.*

Оставляя статьи по текущимъ счетамъ, вкладамъ на храненіе и переходнымъ суммамъ, какъ самымъ незначительнымъ, перехожу къ самой существенной—*учету векселей.* Въ портфелѣ банка находилось на 1 января 1881 года разныхъ обязательствъ на 10.636.470 руб., а къ 1 января 1882 г. осталось на 11.343.822 руб., въ томъ числѣ подъ процентныя бумаги всего 14.000 руб. Слѣдовательно, въ портфелѣ хранится векселей до 11.330.900 руб.—сумма поразительная и невѣроятная для такого зауряднаго городка, какъ Скопинъ, не отличающійся ни значительною торговлей, ни выдающійся промышленностію, и гдѣ для кредита нужно много одинъ милліонъ, да и то съ крайнею осмотрительностію. Очевидно, что въ Скопинскомъ банкѣ стекаются векселя если не со всей Россіи, то изъ обѣихъ столицъ и, конечно, *денежные.* При повсемѣстномъ развитіи банковыхъ учрежденій, даже въ Рязанской губерніи въ каждомъ ближайшемъ къ Скопину городѣ имѣются свои банки: такъ, въ Рязани—отдѣленіе государственнаго банка, акціонерный торговый домъ и банкъ городской общественный, ведущіе значительныя операціи; въ Козловѣ и Моршанскѣ—также отдѣленіе государственнаго банка, банки об-

щественный городской и общества взаимнаго кредита. Но эти торговые города по своимъ значительнымъ оборотамъ хлѣбными товарами нуждаются *въ мѣстномъ* кредитѣ, который и находятъ за невысокіе проценты.

Кому же довѣрено Скопинскимъ банкомъ болѣе 10 милл. руб., всецѣло принадлежащихъ вкладчикамъ? Сумма протестованныхъ векселей увеличивается, изъ 617.327 руб. перешедшихъ отъ 1880 г. на 1 января 1882 года составляетъ 650.770 руб. *и только 50.000 руб. списано по отчету безнадежныхъ*. Дальнѣйшій разборъ отчета, разсужденіе о прибыляхъ и распредѣленіи ихъ поведетъ ко многимъ коментаріямъ и къ самымъ плачевнымъ выводамъ; но что всѣ цифры натянуты и далеки отъ дѣйствительныхъ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Если правительство, т.-е. министерство финансовъ, семь лѣтъ назадъ, когда въ этомъ банкѣ уже были затронуты вклады, оставило дѣйствія правленія Скопинскаго банка безъ вниманія, то въ настоящее время, при пересмотрѣ «Положенія о городскихъ банкахъ», это вниманіе сосредоточится здѣсь. Починъ уже дѣлаютъ нѣкоторые изъ скопинскихъ гражданъ, ходатайствуя о правительственной ревизіи.

III.

Въ параллель къ Скопинскому банку привожу дѣйствія городскаго общественнаго банка въ городѣ Вышнемъ-Волочкѣ, который и по числу городскаго народонаселенія вдвое болѣе, да и въ торговомъ и промышленномъ отношеніи далеко значительнѣе Скопина.

Вышневолоцкій банкъ, учрежденный на пожертвованные Ф. Я. Ермаковымъ 50.000 рублей, помѣщается въ зданіи, построенномъ учредителемъ; операціи банка производятся подъ контролемъ учредителя, — слѣдовательно, самая отчетность составляется съ большею точностію и полнотою. Вотъ результаты операцій банка. Обороты за 1881 годъ по приходу и расходу 1.241.862 руб. *сократились въ сравненіи съ предидущимъ годомъ на 447.971 руб.* Въ теченіе 10 лѣтъ собственный капиталъ банка возросъ только на 20.000 руб. и съ новымъ крупнымъ пожертвованіемъ того же г. Ермакова 34.000 руб. на 1 января 1882 г. составляетъ 106.517 руб. (въ томъ числѣ запаснаго 2.441 р.). Всѣхъ вкладовъ находится въ этомъ банкѣ 257.723 руб. изъ 4—4½ и не выше 5%.

По учету векселей: въ портфелѣ банка оставалось отъ 1880 года на 149.515 р., въ теченіе 1881 года учтено 369.450 р. *и протестовано на 36.120 руб.* Къ 1-му января 1882 года осталось на 129.363 руб. и сверхъ того сказалось *просроченныхъ векселей на 55.390 руб.* Прибыль за 1881 г. исчислена въ 22.691 р. и распредѣлена слѣдующимъ образомъ: а) содержаніе банка 2.914 р., б) процентовъ по вкладамъ 12.236 руб., в) содержаніе богадѣльни, основанной учредителемъ, 2.500 р., г) на по-

гашеніе просроченныхъ векселей *только* 5.036 р. и д) *остатокъ въ 4 р. 21 коп. причисленъ къ запасному капиталу.* Такимъ образомъ отчетъ правленія Вышневолоцкаго банка отличается действительностью и полной откровенностью. Можно предположить, что, въ виду печальнаго положенія банка, г. Ермаковъ новымъ, сказаннымъ выше, пожертвованіемъ только поддержалъ его, увеличивъ основной капиталъ. Но вѣдь такая поддержка возможна лишь до тѣхъ поръ, пока почтенный учредитель живъ и состояніе позволяетъ ему дѣлать подобное благодѣяніе. Если въ дѣйствительности посмотрѣть внутреннюю сторону многихъ другихъ общественныхъ банковъ, то окажется еще худшее положеніе, о чемъ будетъ сказано въ концѣ этой статьи.

Дѣйствія двухъ городскихъ банковъ могутъ служить горькимъ назиданіемъ для другихъ банковъ, которые *высокими процентами по вкладамъ привлекли безъ особенной нужды значительные капиталы.* Эти банки отличаются крайнею дерзостью по отношенію къ чужому достоянію, а съ другой стороны—неблагоразуміемъ своихъ дѣйствій.

IV.

Нельзя при этомъ не отдать справедливости и полнаго сочувствія большинству городскихъ банковъ, которые также производятъ свои операціи на чужіе, ввѣренные имъ, капиталы, но съ тою разницею, что эти капиталы не привлечены высокими процентами по вкладамъ, почему банки и могутъ производить всякія ссуды *за самые умѣренные проценты*, которые иногда даже ниже взимаемыхъ процентовъ государственнымъ банкомъ. Торговые обстоятельные люди не могутъ платить высокихъ процентовъ, и къ нимъ прибѣгаютъ тѣ, у кого дѣла худы, или спекулянты и аферисты. Существуютъ же наконецъ городскіе банки, дѣйствующіе не по «Нормальному Положенію 1862 года», а на основаніи «Правилъ о городскихъ банкахъ 1857 года». Въ уставахъ этихъ послѣднихъ банковъ опредѣлено взиманіе процентовъ по ссудамъ не выше 6 на сто и платежъ по вкладамъ не свыше 3%. Если тамъ нѣтъ крупныхъ оборотовъ по операціямъ, то едва ли это и нужно, — вѣдь удовлетворяются же *собственно мѣстныя потребности* торговли и промышленности, что въ особенности и желательно *для всѣхъ городскихъ банковъ.*

Я не буду касаться дѣятельности старѣйшихъ банковъ—Коломенскаго, Осташковскаго и друг., а приведу лишь для примѣра *Рыбинскій общественный банкъ*, который располагаетъ для своихъ операцій собственнымъ и благотворительнымъ капиталомъ въ 2 милліона рублей и имѣетъ спеціальный счетъ съ государственнымъ банкомъ на 200.000 рублей. Въ этомъ банкѣ проценты по вкладамъ: вѣчнымъ 6, срочнымъ 5 и 5½ и безсрочнымъ 3%. Самый городъ Рыбинскъ, по обширности торговли хлѣбными товарами, находится въ исключительномъ положеніи, какъ конечный пунктъ Поволжья.

Еще важнѣе между уѣздными городами Елецъ, который, съ народонаселеніемъ болѣе 30 тыс. душъ, обширными торговыми оборотами и заводскою промышленностью, стоитъ выше многихъ губернскихъ городовъ. Не мудрено, если въ Елецкомъ общественномъ банкѣ находится разныхъ вкладовъ до $4^1/_2$ милліоновъ рублей, при собственномъ и благотворительномъ капиталѣ до 580 тысячъ. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ этого банка не показаны проценты по вкладамъ, учету векселей и ссудамъ. Если позволено будетъ поставить въ упрекъ правленію Елецкаго банка торговлю процентными бумагами, которыхъ у него находится на 250.000 р. *и съ чего получено прибыли 3.851 рубль*, — то, по крайней мѣрѣ, къ оправданію его можетъ служить то обстоятельство, что, какъ показываетъ отчетъ, это бумаги государственныя и при колебаніи курса большаго ущерба не принесутъ.

Скромный по размѣрамъ, но лучшій по результатамъ *Елабужскій общественный* банкъ, съ собственнымъ капиталомъ на 1-е января 1882 года 201.358 рублей и благотворительнымъ 76.000 руб.,— имѣетъ процентныхъ вкладовъ 458.478 рублей. Этотъ банкъ сдѣлалъ оборотовъ около 2 милл. рублей и получилъ *прибыли 53.000 руб.*— Но самая важная и существенная заслуга этого банка состоитъ въ процентахъ, выдаваемыхъ по вкладамъ: вѣчнымъ не выше 5% на сто, безсрочнымъ 3—4% и срочнымъ отъ 1-го до 16-ти лѣтъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$%; банкъ взимаетъ по учету векселей и ссудамъ не выше 6%. *Слѣдовательно, весьма возможно имѣть въ общественныхъ городскихъ банкахъ вклады за самые умѣренные проценты и производить ссуды не выше 6% на сто. Таковое мѣропріятіе необходимо установить закономъ, и тогда только городскіе банки могутъ служить дѣйствительно мѣстнымъ нуждамъ и благотворенію,—именно той цѣли, съ которою они первоначально основывались.*

Мы заканчивали эту статью, какъ послѣдовалъ еще голосъ изъ Уфы за сохраненіе «Нормальнаго Положенія», напечатанный въ № 241-мъ *Русскихъ Вѣдомостей.* На этотъ разъ защитникомъ «Положенія» выступилъ директоръ Уфимскаго общественнаго банка, г. Дашковъ, который, по словамъ газеты, вошелъ съ особымъ мнѣніемъ въ высшую правительственную инстанцію, усиливаясь доказать, что проектируемое правило о правительственной ревизіи банковъ вызывается домогательствомъ меньшинства гласныхъ въ городскихъ думахъ и что оно сколько подрываетъ городское положеніе, столько же даетъ поводъ ко всякаго рода слухамъ и дискредитируетъ банки. Въ заключеніе г. Дашковъ самъ себѣ противорѣчитъ, соглашаясь *съ мнѣніемъ* о внезапной ревизіи кассы и бухгалтеріи банка, но съ тѣмъ, чтобъ эти ревизіи вытекали изъ тѣхъ самыхъ учрежденій, которыя заинтересованы въ нихъ, и имѣли бы характеръ внезапности и полной независимости. Конечно, ревизія бухгалтеріи и кассы есть прямая обязанность правленія банка; желательно

же въ *правительственной ревизіи то, чтобы она производилась надъ дѣйствіями самого правленія.* И въ самомъ дѣлѣ, что же иное, кромѣ правительственнаго контроля, можно предложить на тотъ случай, если капиталы разобраны членами правленія и солидарными съ ними членами городской управы, которые составляютъ контроль изъ своихъ же близкихъ радѣтелей, такъ же заинтересованныхъ въ злоупотребленіяхъ? Какъ иначе поступить, если капиталъ банка замѣнятъ вексельнымъ портфелемъ, въ сущности маклатурой бумаги? Кто будетъ въ отвѣтѣ, когда деньги по разнымъ причинамъ не уплатятся? По смыслу § 21 «Нормальнаго Положенія», отчетъ банка представляется въ думу, которая избираетъ *трехъ опытныхъ гражданъ* для повѣрки, а тѣ, въ теченіе одного мѣсяца, окончивъ ревизію, представляютъ въ ту же городскую думу для доклада городскому обществу; затѣмъ отчетъ банка не подвергается уже никакой внѣ городскаго общества повѣркѣ, — слѣдоват., поступаетъ въ архивъ!... При таковыхъ условіяхъ, банковскіе и управскіе заправители могутъ во всякое время составить изъ своихъ приверженцевъ большинство, которое и утверждаетъ отчетъ. Что же противъ этого можетъ сдѣлать меньшинство гласныхъ, болѣе благоразумныхъ и не заинтересованныхъ въ расхищеніи?—Ровно ничего!

Не послужитъ ли назиданіемъ еще дѣятельность одного изъ городскихъ банковъ? Разсматривая отчетъ Ставропольскаго банка, нужно посвятить нѣсколько словъ и его дѣятельности въ 1881 году. Собственный капиталъ показанъ въ 163.280 руб.; запаснаго, на основаніи §§ 123 и 124 «Нормальнаго Положенія», за покрытіемъ убытковъ отъ 1880 года и, вѣроятно, отъ прежнихъ лѣтъ, не было. Слѣдовательно, и на 1882 годъ капиталъ остался тотъ же—163.280 руб. Вкладовъ вѣчныхъ 59.978 руб., безсрочныхъ 1.007.334 руб. и срочныхъ 350.822 руб., а *всего 1.418.136 рублей.* Къ 1 января 1882 года осталось въ портфелѣ банка учтенныхъ векселей *на 759.693 руб.* Ссудъ подъ залоги: процентныхъ бумагъ—123.768 руб., вещей—5.992 руб., строеній — 146.805 руб., земель — 290.530 руб. и сверхъ всего поручительсто ставропольскаго городскаго общества—132.684 руб.; итого въ ссудахъ—699.779 р., а съ векселями — *1.457.472 руб.* Если банкъ располагаетъ вкладами *полностію*, *включая безсрочные*, которые могутъ быть истребованы обратно во всякое время,—чѣмъ тогда онъ удовлетворитъ вкладчиковъ, да и удовлетворяются ли они въ виду подобнаго произвола?

Далѣе въ отчетѣ показана покупка и продажа за собственный счетъ банка: къ 1-му января 1881 года оставалось процентныхъ бумагъ на 700 руб. *и недвижимой собственности 115.468 руб.*; въ теченіе 1881 г. пріобрѣтено процентныхъ бумагъ на 12.858 р. и недвижимости 44.803 р.; за то же время недвижимости продано 55.451 руб., затѣмъ на рукахъ банка имѣется принадлежащаго имущества на 118.379 руб., включая процентныя бумаги на 13.558 руб., которыя остаются безъ движенія.

Протесты и просрочки: къ 1-му января 1881 года оставалось просроченныхъ векселей и поручительствъ *на 93.145 руб.*, въ теченіе года просрочено векселей 3.260 руб., уплачено 6.684 руб. и *списано по безнадежности изъ прибылей 19.434 руб.* Къ 1-му января 1882 года осталось векселей и поручительствъ 73.886 руб., строеній 4.595 руб. и *земель 226.820 руб.*, всего *305.301 руб.*, да зачислено въ собственность банка на 41.844 руб. Отчетъ не разъясняетъ, что такое значитъ поручительство городскаго общества. Но чѣмъ руководствовалось правленіе банка, *производя торговлю недвижимостью?* Въ «Нормальномъ Положеніи» ничего подобнаго не допускается. Наконецъ, при собственномъ капиталѣ 162.280 руб. оказывается въ протестахъ и просрочкахъ болѣе 300.000 руб.,—значитъ, затронуты капиталы вкладчиковъ. Между тѣмъ банкъ существуетъ, находится подъ контролемъ сообщественниковъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока вкладчики не потянутъ въ судъ правленіе банка.

Широкая и вредная по послѣдствіямъ дѣятельность Скопинскаго банка повела къ подражанію многіе другіе городскіе банки, и вотъ спекулятивный духъ проникнулъ даже къ южнымъ окраинамъ Россіи — въ Ставрополь Кавказскій. По всей вѣроятности, въ этомъ банкѣ, несмотря на высокіе проценты по вкладамъ, не было возможности привлечь многомилліонные, долгосрочные вклады, но и показанные выше дали возможность дѣлать беззаконія и разныя нарушенія устава.

П. Черкасовъ.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *2-хъ* до *4-хъ* часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

---

3 2044 005 590 644